ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Памяти защитников
Отечества посвящается

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2014

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

СОЮЗНИКИ СССР ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 4

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Редакционная комиссия девятого тома:
А. О. Чубарьян (*председатель*), М. Ю. Мягков, М. Ц. Арзаканян, В. А. Золотарев, В. В. Ищенко, В. О. Печатнов, Ю. В. Рубцов, О. А. Ржешевский, А. М. Филитов

Авторский коллектив девятого тома:
М. Ю. Мягков (руководитель авторского коллектива), М. Ц. Арзаканян, А. Ю. Борисов, С. О. Буранок, Я. В. Вишняков, Н. Н. Глухарев, В. П. Зимонин, Н. В. Илиевский, А. А. Киличенков, Н. А. Копылов, А. А. Кошкин, Ю. В. Кудрина, Е. Н. Кульков, В. А. Литвиненко, И. Э. Магадеев, С. М. Монин, Ю. А. Никифоров, В. О. Печатнов, А. Ю. Прокопов, О. А. Ржешевский, Ю. В. Рубцов, Д. В. Суржик, А. Ю. Тимофеев, Д. Б. Хазанов, А. О. Чубарьян, А. Г. Шляхтунов

При участии:
В. И. Бойко, Ю. П. Бокарева, В. К. Гапона, С. Я. Лавренова, М. С. Полянского, А. М. Соколова, Д. Н. Филипповых

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и научно-контрольной работе по тому оказали: Т. В. Анисимова, Е. Р. Ароян, Н. И. Бритвин, М. И. Горелов, О. Б. Гузенко, И. С. Даниленко, М. А. Елисеева, О. В. Власов, С. В. Запорожцева, А. В. Зорин, Ю. В. Кожухов, Д. И. Крылов, С. В. Кузнецов, Г. Э. Кучков, Г. А. Малахов, А. Г. Нещасный, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, Е. И. Рычкова, Н. Г. Михальцов, О. В. Саксонов, М. А. Селиванов, В. В. Соколов, С. Б. Страшко, А. В. Тимченко, В. И. Фролов, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников, А. Н. Чудаков

В26 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 9. Союзники СССР по антигитлеровской коалиции. — М.: Кучково поле, 2014. — 864 с., 24 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0425-7

Девятый том посвящен развитию стран — участниц антигитлеровской коалиции и участию их вооруженных сил в борьбе против стран-агрессоров. Показаны вклад колоний и метрополий в достижение экономического превосходства над фашистско-милитаристским блоком, организация военного взаимодействия внутри Объединенных Наций, а также оккупационный режим и развитие движения Сопротивления в основных странах, раскрыты различные аспекты дипломатии нейтральных стран. Дается оценка влиянию ленд-лиза на экономический потенциал основных стран антигитлеровской коалиции.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0425-7

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вопрос о роли союзников СССР в войне оказался в поле зрения политиков, историков, дипломатов и журналистов сразу после ее окончания. В мировой историографии обозначились различные, порой взаимоисключающие точки зрения на данную проблему. Тот или иной концептуальный подход во многом зависел от складывающейся ситуации, сменяющихся периодов напряженности или разрядки в международных отношениях и соответствующего «заказа» политиков.

В целом, англо-американская историография исходила из преувеличенной оценки вклада США, Англии и других западных союзников в общую победу над фашистской Германией. В свою очередь, советская, а затем и значительная часть российской историографии стремилась обосновать решающую роль Советского Союза в борьбе с фашизмом. Объективный характер этой аргументации нередко сопровождался попыткой преуменьшить вклад западных союзников в общую победу, в частности в вопросе о ленд-лизе. На эти оценки во многом накладывалась общая ситуация в мире и особенно в Европе после окончания Второй мировой войны.

В ответ на жесткую критику действий Советского Союза в послевоенной Восточной и Центральной Европе советские историки усиливали критику действий союзников в годы войны (задержка с открытием второго фронта в Европе, невыполнение союзнических обязательств и прочее). Взаимные обвинения часто лишали ученых и политиков возможности дать объективную оценку реальных событий 1939—1945 гг. Между тем открытие архивов, особенно заметное в последние годы, и явный отказ от идеологизированных схем дают ученым возможность реально оценить как общую союзническую политику, так и действия отдельных стран антигитлеровской коалиции.

Проблема союзников в войне предполагает рассмотрение и более широкого спектра вопросов, нежели формирование и действия антигитлеровской коалиции. По мнению авторов этого тома, данная проблема представляет собой синтез самых различных факторов, касающихся истории стран — союзников в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. С формальной точки зрения, союзники в войне — это страны антигитлеровской коалиции, включающие, естественно, и Советский Союз, но поскольку остальные тома фундаментального труда посвящены нашей стране, то этот том касается союзников СССР. Поэтому и структура, и всё содержание тома рассматривают жизнедеятельность стран Европы, Азии, Америки и Африки, причем именно тех стран, которые были нашими союзниками в той страшной войне, обрушившейся на человечество в середине XX в.

На основе предлагаемого подхода мы выделяем следующие периоды в деятельности союзников: первый — с 1 сентября 1939 по 22 июня 1941 г.; второй — непосредственно время Великой Отечественной войны (от 22 июня 1941 г. до победы над фашистской Германией) и разгром Японии в 1945 г.

Формально в первом периоде Второй мировой войны Советский Союз не имел союзников. Но мы затрагиваем этот период, исходя из того, что и в Великобритании, и во Франции, и в США, и в других странах происходили значимые процессы: они перестраивались на военный лад, Великобритания подвергалась яростным немецким бомбардировкам, а

Франция и другие европейские государства были захвачены и оккупированы Германией и ее сателлитами. Важно оценить состояние их вооруженных сил и экономики в целом, чтобы понять причины их тотального поражения. Соответственно, менялась вся политическая структура стран, оккупированных фашистами; кардинально изменились настроения людей; война входила в каждый дом, ломала привычные устои и уклад жизни.

Во Франции и во многих других европейских странах началось формирование антифашистского Сопротивления. На политической авансцене соседствовали политики-патриоты и политики-коллаборационисты.

Великобритания сопротивлялась немецким авиационным налетам, но внутренняя и повседневная жизнь англичан также претерпевала кардинальные перемены. В то же время оставались неизменными устойчивые британские стереотипы и имперское мышление. Политика Великобритании в отношении Советского Союза имела противоречивый характер, с преобладанием враждебности и недоверия. В Лондоне обосновались эмигрантские правительства Польши, Чехословакии. У. Черчилль и его окружение стремились вовлечь Советский Союз в столкновение с Германией, сохранялось британское соперничество с Россией и в Европе, и в Центральной Азии. Идеологическое отторжение Москвы по-прежнему доминировало в кругах лондонской политической элиты. Эти процессы в той или иной форме действовали и после 22 июня 1941 г., когда Великобритания и СССР стали союзниками. В этом смысле обращение к периоду 1939—1941 гг. помогает понять тот фон — экономический, политический и духовный, который определял британскую политику и менталитет в межсоюзнических отношениях с Москвой в 1941—1945 гг.

Не меньший интерес вызывает положение в Соединенных Штатах Америки. В отличие от европейцев, в американской политической жизни преобладали изоляционистские законы и настроения, что требовало перезарядки политического процесса и общественных настроений. Американская политическая элита, конечно, не забыла вмешательство США в Первую мировую войну, сыгравшее столь важную роль в победе над Германией и ее союзниками. Но сейчас перед американским истеблишментом стояла более сложная задача. Вступление США в войну требовало веского повода и ряда законодательных мер.

В томе подробно анализируется геополитическая ситуация в Дальневосточном регионе, оказывающая значительное влияние на позицию США. Необходимо принимать во внимание и общую направленность отношения США к Европе. Колебания американской элиты в конце 1930-х гг. в итоге склонились к поддержке своего традиционного союзника — Великобритании.

Для понимания межсоюзнических отношений в военное время и дискуссий в США по этому вопросу важно учитывать и американо-французские связи. Наконец, противоречивыми и неоднозначными были взаимоотношения США и Советского Союза, где периоды конфронтации и охлаждения сменялись более позитивными тенденциями. Одним из таких примеров стал период весьма интенсивных контактов Госдепартамента США с советским послом К. А. Уманским в 1940—1941 гг. Состоялось более десяти встреч К. А. Уманского с представителями американской политической элиты, где обсуждались вопросы экономики и торговли, конфликтные проблемы, связанные с судьбой золота Прибалтийских государств, и прочее. Сам факт, а также содержание советско-американских контактов представляют интерес как некая прелюдия нового этапа советско-американского сотрудничества, начавшегося после нападения фашистской Германии на Советский Союз.

Существенное значение для понимания рассматриваемой проблемы имели события на Дальнем Востоке, влиявшие на отношения стран коалиции с Китаем, советско-японские отношения, цели США в Тихоокеанском и Дальневосточном регионах и, соответственно, в немалой степени на ход и исход войны. В томе, хотя и в меньшем объеме, затрагиваются также события на других континентах, в той или иной степени влиявшие на события Великой Отечественной войны.

В первом периоде Второй мировой войны прежде всего необходимо отметить постепенный, но неуклонный перевод экономики и всего общественного уклада стран на военный лад, что было характерно более всего для Великобритании. Определенные сдвиги в этом

направлении начались и в США, что проявлялось в первую очередь в политической сфере, создании новых ведомств, процессе централизации общественной жизни. Население Великобритании и других стран готовилось к большой войне и в идеологическом плане.

Общая ситуация резко обострилась весной 1940 г. Так называемая «странная война» в Западной Европе сменилась широким наступлением фашистской Германии на западном фронте. В течение короткого времени вермахт прорвал французскую линию обороны и сломил сопротивление французов. Немецкие войска оккупировали Францию, Польшу, Нидерланды, Бельгию, а до этого Северную Европу (Норвегию, Данию).

Именно эти страны, а также другие в Центральной и Восточной Европе впоследствии стали союзниками Советского Союза. Их исторические судьбы в годы войны складывались по-разному: в одних странах сформировалось антифашистское Сопротивление, в Юго-Восточной Европе развивалось преимущественно партизанское движение. Тем самым закладывались основы народного сопротивления фашизму, взаимодействие с движением Сопротивления стало одной из составляющих межсоюзнической стратегии. Если говорить о Советском Союзе, то во время Отечественной войны это было широкое и действенное партизанское движение.

Параллельно с движением Сопротивления, начиная с 1940 г., формировался и коллаборационизм, предполагавший различные формы сотрудничества с нацистами. В разных странах коллаборационизм имел специфику: режим Виши во Франции, В. Квислинг в Норвегии, пособники нацистов в других государствах.

Постепенно в этот период менялось общественное мнение в Великобритании и США к Советскому Союзу, что явилось важной предпосылкой к установлению межсоюзнического сотрудничества. Вспышка острой враждебности в связи с подписанием советско-германского договора в августе 1939 г. отошла на второй план, что было вызвано стремлением части английского политического истеблишмента во главе с У. Черчиллем улучшить отношения с Советским Союзом в расчете на то, что они приобретут союзнический характер в общей борьбе против нацистской Германии. Советский фактор в планировании западных стран приобретал все большее значение.

Таковы были расстановка международных и политических сил, особенности взаимодействия внешних и внутренних факторов в Европе и в мире накануне нападения Германии на Советский Союз.

В восьмом томе фундаментального труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов», посвященном внешней политике и дипломатии, естественно, одной из основных тем являлась работа большой тройки. В девятом томе, исходя из того, что антигитлеровская коалиция составила ядро межсоюзнических отношений, авторским коллективом решено обратить внимание не на внешнюю канву ее создания, рассмотренную ранее, а на концептуальную сторону дела.

Первая проблема касается самой идеи союзнических отношений. Она была высказана в первые же дни после германского нападения на СССР. У. Черчилль в Лондоне, Ф. Рузвельт в Вашингтоне провозгласили в общей форме свои желание и намерение быть вместе с Россией в борьбе против германской агрессии. В последующие дни, недели и месяцы происходило утверждение идеи коалиции. И в дальнейшем на протяжении всей войны идея эволюционировала от желания объединить усилия по отдельным вопросам к полномасштабному сотрудничеству на основе Великого, или Большого альянса (Grand Alliance).

В мировой истории это было достаточно редкое явление, тем более получившее такое определение, которое прочно вошло в научный и повседневный обиход. Если для союзнических отношений США и Великобритании это определение было понятным и объяснимым, то участие в Великом альянсе с западными демократиями коммунистического Советского Союза меняло всю картину. Таким образом, Великий альянс остается в мировой истории как необычный феномен, вызванный особыми обстоятельствами.

Оформление Великого альянса проходило медленно, постепенно и в специфической форме. Сначала были декларативные заявления, затем за дело взялись дипломаты, далее —

государственные деятели. Важными символами успешности коалиции и союзнических отношений стали конференции большой тройки (Тегеранская, Ялтинская и Потсдамская).

Весьма интересен и вопрос о взаимосвязи политики и идеологии. Для многих исследователей функционирование Великого альянса происходило как бы вне идеологического контекста. Действительно, если проанализировать документы коалиции, то в них нет идеологической составляющей. И все же этот вопрос весьма интересен, особенно при изучении предыстории войны.

В течение длительного времени идеологическое противостояние между Советским Союзом и западными демократиями составляло содержание всей международно-политической системы. Помимо идеологии их разделяли и глубокие геополитические разногласия. И весьма примечательно, что во всех межсоюзнических документах об этих различиях и разногласиях ничего не говорится. Наоборот, общие документы коалиции лишь подтверждают намерение основателей союза к сотрудничеству. Как известно, союзники довольно быстро сформулировали общие принципы деятельности коалиции, к которой позже присоединились десятки других государств Европы, Азии, Африки и Америки. Это лишний раз подчеркивает общемировой характер межсоюзнического объединения.

Одним из основных документов, положившим начало оформлению этого союза, стала Атлантическая хартия, инициаторами которой являлись лидеры США и Великобритании. Хартия была составлена по политическим калькам «западных демократий». В ней, конечно, определялась главная цель — сокрушение нацистского режима и разгром фашизма, формулировались принципы равенства, защиты и обеспечения прав человека, а также другие демократические постулаты. По ряду пунктов Атлантическая хартия явно не соответствовала советским политическим принципам и идеологическим установкам, поэтому советская сторона высказала ряд замечаний по ее содержанию. Но в итоге Москва подписала Атлантическую хартию, и это подтверждало, что во имя более важных и высоких целей советское руководство было готово оставить в стороне прежние идеологические принципы и стереотипы. Лидеры великих держав — участниц коалиции осознали смертельную опасность для мира в целом и для собственных стран и народов, исходившую от фашистской Германии, ее стремления к тотальному господству над миром, расистской программы уничтожения миллионов людей.

Самым важным международно-правовым документом периода войны явился Устав Организации Объединенных Наций. Само создание подобной организации было важнейшим итогом разгрома фашизма и средством предупреждения подобных преступлений, и это стало крупнейшим достижением антигитлеровской коалиции.

В деятельности Великого альянса необходимо отметить создание сложного и действенного механизма функционирования коалиции. Были сформированы многочисленные совместные группы экспертов и советников, которые координировали вопросы военного взаимодействия, экономики, политики и прочие.

Большая роль в успешной деятельности коалиции принадлежала лидерам Советского Союза, США и Великобритании — И. В. Сталину, Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, которые были весьма разными людьми, со своей весьма непохожей культурой, образованием и менталитетом. Конечно, У. Черчилль и Ф. Рузвельт более схожи друг с другом: их сближали общее мировоззрение, сходство политического и экономического устройства Великобритании и США, общий язык и многое другое. Но совершенно своеобразным феноменом стало их тесное сотрудничество и личное сближение с человеком абсолютно другого мира, другой культуры и мировоззрения, каким был руководитель Советского Союза.

Возможность их более чем четырехлетнего тесного общения и нахождения общих позиций и понимания ситуации объяснялась скорее не особенностями их натуры, а тем, что лежало в основе их военно-политического союза — осознание ответственности за судьбы своих стран и народов и мира в целом. В результате их союз стал не только прагматической реализацией геополитических интересов, но и чем-то более глобальным, выходящим за рамки обычных союзов и коалиций.

Тема, которая привлекает внимание авторов в наибольшей степени, — развитие союзных стран в ходе войны и их состояние после победы. Страны, входившие в антигитлеровскую коалицию, были представлены на всех континентах, где союзные отношения имели свою специфику. Поэтому и рассмотрение европейских стран, прежде всего Великобритании и Франции, а вместе с ними, естественно, и США, предполагает иные подходы и критерии, нежели государств Азии, Африки и Америки.

Тем не менее можно выделить и некоторые общие вопросы, относящиеся ко всему сообществу союзников. Прежде всего это экономический фактор. Война подхлестнула экономический рост, и больше всего это сказалось на Соединенных Штатах Америки. Американская экономика заработала на полную мощь, военные заказы обеспечили занятость, сократили безработицу. Получая военные заказы, американские монополии поддерживали политику Ф. Рузвельта, программу ленд-лиза, действовавшую в отношении Великобритании, Советского Союза и ряда других стран. Соответственно, действия американского руководства в экономической сфере отнюдь не являлись благотворительностью.

Ситуация напоминала период Первой мировой войны, когда США были фактически единственной державой, вышедшей из войны с возросшей экономической мощью, способной диктовать свои условия мира и оказывать экономическое воздействие на другие страны. В результате в 1920-е гг., вплоть до мирового экономического кризиса, США стали главной экономической силой послевоенного мира. И вот теперь США вновь набирали силу. Это, однако, не снимало тех противоречивых процессов и трудностей, которые сопровождали экономическое развитие США в военное время.

Иная экономическая ситуация сложилась в Великобритании. Англия уже подвергалась массированным бомбардировкам. Германия навязывала англичанам столкновения на море. В связи ограничениями поставок из Азии и Африки англичане испытывали серьезные трудности, в том числе и продовольственные. В Великобритании было введено нормирование в получении продовольствия.

Союзная Франция большую часть войны находилась под немецкой оккупацией. Страна была разделена: одна часть оккупирована нацистами, другая — Виши, управлялась коллаборационистами А. Петэном и его сподвижниками. Правительство Франции под руководством генерала Ш. де Голля, находившееся в Лондоне, готовилось к решающим боям с оккупантами. В самой Франции развивалось движение Сопротивления.

Весьма существенной и интересной проблемой является состояние общественных настроений в странах союзников. В США, Великобритании и других странах антигитлеровской коалиции внутрипартийные противоречия довоенного времени как бы ушли на второй план: они не исчезли совсем, но переместились в другие сферы. В США продолжались традиционные дебаты между демократами и республиканцами, по-прежнему актуальной была расовая проблема. И хотя в армии США служило значительное число негров, сегрегация в США существовала в обыденной жизни, была фактически легализована.

Европа, Дальний Восток и Япония были географически отдалены от США, и это не могло не сказаться на настроениях и поведении миллионов американцев, их повседневной жизни, которую мало затронуло ходом войны на различных театрах военных действий. И все же градус противоречий в общественной жизни в США явно понизился после вступления США в войну. В результате укрепления союзнических отношений с СССР в США значительно возрос интерес к такой далекой России. Изменились представления о нашей стране, появились книги и кинофильмы о России и русских. Любая информация о победах и неудачах военных действий на фронтах в Европе или в Советском Союзе привлекала внимание все большего числа американцев. Конечно, американцев больше беспокоила ситуация на фронтах боевых действий с Японией, именно там гибли простые американцы.

Вступив в войну, США покончили с традиционной политикой изоляционизма. Американский политический истеблишмент и экономическая элита вновь после значительного перерыва всерьез интересовались Европейским континентом. А на заключительном этапе войны этот интерес принял конкретные формы. США готовились к тому, чтобы взять на

себя экономическое и политическое лидерство в мире. Это сказывалось и на поведении американских политиков, дипломатов, в частности администрации президента США.

В течение всей войны и в особенности в 1943–1945 гг. Ф. Рузвельт оказывал все возрастающее влияние на действия антигитлеровской коалиции, прежде всего на политику западноевропейских союзников США. Вообще, авторитет американского президента значительно возрос. Впервые в американской истории Конгресс США принял поправку, разрешающую Ф. Рузвельту переизбираться на третий и четвертый срок, что он и сделал в 1939 и 1943 гг. и победил. В этом решении определяющим фактором были продолжающаяся война и желание американских элит следовать курсу Ф. Рузвельта, который обеспечивал национальные цели страны, интересы правящих политических и экономических кругов США.

Общественная жизнь в Англии в годы войны отличалась большим напряжением, чем в других странах. Традиционная британская политика «блестящей изоляции» провалилась уже в ходе Первой мировой. Но и в межвоенный период, и особенно в период политики «умиротворения агрессора» Великобритания снова стремилась уравновесить свое участие в мире, рассчитывая оказывать определяющее влияние на развитие событий. Однако жизнь распорядилась иначе, и Англия стала одной из главных мишеней нацистской Германии. Начиная с сентября 1939 г., англичане оказались в эпицентре нацистских агрессивных планов.

Правящие британские круги не планировали никаких наступательных действий — ни в защиту Польши в сентябре 1939 г., ни в 1940 г. в защиту Северной Европы. Главное противостояние с нацистской Германией происходило на море и в ходе отражения германских бомбардировок. После разгрома Франции и оккупации практически всей Европы положение Великобритании стало критическим. В Лондоне каждый день ожидали фашистского вторжения. Напав на СССР в июне 1941 г., А. Гитлер отложил разгром Англии, решив сначала покорить Советский Союз.

Английское общество переживало трудное время. Страной управляли консерваторы во главе с испытанным политическим лидером У. Черчиллем. Экономика страны была переведена на военные рельсы, все средства пропаганды направлены на мобилизацию патриотических настроений, социальные и внутриполитические реформы законсервированы. Большое внимание уделялось укреплению отношений с колониями и вовлечению их в общий фронт антигитлеровской коалиции.

Значительно изменилось и отношение англичан к Советскому Союзу. В течение длительного времени, в 1920-е и особенно в 1930-е гг., в Великобритании в отношении СССР преобладали недоверие и резкая критика советской действительности. Эти настроения усилились из-за массовых репрессий в СССР. Однако в период войны возникали новые или активизировались традиционные общественные организации по связям с СССР. Прежние резко критические оценки У. Черчилля в адрес Советского Союза сменились после 22 июня 1941 г. положительными высказываниями в адрес советских людей и СССР в целом.

Преодолеть предубеждения, накапливавшихся в течение многих лет, всегда трудно, но в силу менталитета это было весьма непростое дело для англичан. Консерватизм и приверженность устойчивым стереотипам всегда являлись особенностью британцев. К прежнему недоверию к русским в 1930-х гг. добавлялось неприятие социальных экспериментов и политических процессов в Советском Союзе. И теперь спокойные и уравновешенные британцы меняли свои симпатии и приоритеты, понимая, что вместе с СССР они смогут избавиться от синдрома страха перед фашистским вторжением, которое угрожало Англии многие месяцы 1940–1941 гг.

Война содействовала сплочению британских политических кругов, но она не сняла противоречий между партиями британского политического спектра. Различия, особенно в социальной сфере, между консерваторами и лейбористами сохранились, что наглядно проявилось на первых же послевоенных выборах в Великобритании в 1945 г.

Значительное внимание в томе уделено странам Европы, оккупированным нацистской Германией. Причем речь идет прежде всего о тех странах, которые не стали союзниками Германии, а включились в антифашистскую борьбу. В Югославии развернулась настоящая партизанская антифашистская война, сопротивление фашизму велось в Чехословакии и

Польше, Голландии и Норвегии. В некоторых странах оно было более организованным и активным. В целом движение Сопротивления в странах Европы стало важной частью общего антифашистского союзнического фронта.

При этом союзническое сообщество охватывало не только Европу. Серьезные события происходили и в Азии. Там основные усилия союзников сосредоточивались на борьбе с Японией. В эту борьбу активно включились страны Юго-Восточной Азии: Вьетнам, Лаос, Филиппины, а также английские колонии (доминионы) Индия и Бирма. Их вклад был весьма различным и в целом сосредоточен на сопротивлении японским войскам.

Но, конечно, главной союзнической державой являлся Китай. Его значение было зафиксировано главами стран антигитлеровской коалиции включением в обсуждение многих международных мероприятий (Московская конференция в октябре 1943 г. и другие). Следует отметить, что в Китае шло острое противостояние между коммунистами и правительством Чан Кайши. Фактически страна была расколота, и многое, разумеется, зависело от результатов общей борьбы союзников против японской агрессии. В этом как бы переплетались внутри- и внешнеполитические факторы союзников и германо-японского блока.

В этой проблеме был еще один аспект: для большинства стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Европы борьба с японской оккупацией являлась битвой за национальное возрождение и самостоятельное развитие. Фактически борьба с Японией была неразрывно связана с будущим независимым развитием этих стран. Это было как бы предпосылкой того, что в дальнейшем, в послевоенное время, привело к крушению колониальной системы. После разгрома немецкого фашизма к событиям на Дальнем Востоке подключился и Советский Союз. Его вклад в разгром Японии был оценен союзниками и в значительной степени повлиял на расклад сил в Китае.

Союзнический вклад в общую победу коснулся и далекого Австралийского континента. Военные контингенты Австралии и Новой Зеландии участвовали в боевых действиях и в Европе, и на Азиатском континенте. И страны Азии, и Австралию война привела к изменениям во внутренней жизни государств этих континентов. Как и повсюду, она, с одной стороны, способствовала консолидации нации, а с другой — повсеместно стимулировала подъем демократических движений. Борьба против реакционных режимов в Европе и Азии явилась определенным катализатором демократических настроений. Неприятие и осуждение расистских, захватнических планов и действий нацизма, идеологии фашизма и насилия, агрессивных устремлений японской военщины объединяло и сплачивало людей под знаменем демократических лозунгов.

К антигитлеровской коалиции примкнули и некоторые страны Африканского континента, в большинстве своем находящиеся в колониальной зависимости. Их вооруженный вклад в победу был, конечно, незначителен, но сам факт участия в антигитлеровской коалиции имел значение для внутреннего развития всего континента. Наибольшее влияние в Африке принадлежало Великобритании, Франции, Италии, из которых первые две страны играли ведущую роль в коалиции, и это не могло не сказаться на позиции их колониальных владений.

Как и Азия, Африканский континент испытал мощное воздействие, вызванное поражением нацизма. Последствия этого сказались не сразу, но общая тенденция к демократизации ощущалась в разных частях Африки. Интересно, что эта тенденция приводила к активизации антиколониальных движений и их стремлению к независимости, в том числе и против грандов антигитлеровской коалиции.

В общий союзнический фронт включились и страны Американского континента. Канада отправила воинский контингент в состав союзных войск. Он участвовал в высадке в Нормандию и в заключительной фазе разгрома нацистской Германии.

Значительный интерес представляет изучение тех планов и проектов будущего устройства мира и Европы, которые разрабатывались в ходе войны. Вообще, чем ближе становилась победа над фашизмом, тем очевиднее был интерес к будущему. После пережитого люди мечтали о новой жизни, без страхов и опасений за будущее. В социальном плане для миллионов людей это было желание жить без продовольственных карточек, безработицы и других жизненных ограничений, получить социальные гарантии и иную поддержку от государства.

Именно эти настроения обусловили общий поворот влево в большинстве стран Европы: во Франции и Италии значительно усилились позиции не только социалистов, но и коммунистических партий; в Великобритании пришли к власти лейбористы. Та же тенденция наблюдалась и в других странах Европы. Создавались различные комбинации внутриполитических блоков и коалиций.

В общей системе проектов будущего значительное место занимали широкие планы переустройства Европы. С одной стороны, это были новые проекты, а с другой — они продолжали прежнюю традицию планов объединения Европы. И теперь, уже в ходе войны, на рубеже 1943–1944 гг. эти идеи снова оживились. Они входили в общую линию начавшихся межсоюзнических дискуссий о будущем мира и Европы.

В чисто дипломатическом плане рассмотрение этого аспекта составляло важную часть предыдущего тома о внешней политике и дипломатии в ходе войны, когда эти вопросы обсуждались на конференциях глав СССР, Великобритании и США, на двусторонних и многосторонних встречах политиков и дипломатов. В девятом томе рассматривается вопрос об общественном уровне дискуссий о будущем Европы. В основе лежала идея демократизации в противовес нацистским планам покорения Европы. Эти проекты включали не только концептуальные вопросы, широко обсуждались и весьма конкретные планы европейского объединения.

Важная тема, проходящая через весь том, — анализ влияния военных побед советских войск на действия и политику союзников. Германское командование постоянно вынуждено было держать на восточном фронте основные военные силы, что облегчало действия союзных войск в Европе и на других театрах военных действий. Победы Советского Союза, особенно под Москвой, Сталинградом, Курском и в других битвах, усиливали симпатии и дружеские чувства к СССР широких масс населения в странах — союзницах советского государства по антигитлеровской коалиции. Успехи СССР на фронтах оказывали влияние также на поведение лидеров союзников, которые должны были все более считаться с позицией СССР, что ярко проявлялось на международных конференциях и встречах глав коалиции.

Но одновременно, что особенно стало сказываться на заключительном этапе войны при обсуждениях послевоенного устройства мира (германские дела, положение в Восточной Европе и прочее), усиливались противоречия между союзниками, стремление западных держав ограничить влияние Советского Союза. При этом возрождались старые стереотипы и предубеждения, которые существовали в странах Запада в довоенный период.

В целом содержание девятого тома призвано раскрыть сложный и противоречивый характер мирового развития в годы Великой Отечественной войны, взаимодействие военных, политических, экономических и идеологических аспектов, взаимосвязь внешних и внутренних факторов, взаимоотношения войны и общества, войны и экономики, межличностных связей и противоречий.

Девятый том подготовлен специалистами Института всеобщей истории РАН, Российского военно-исторического общества, Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, Института российской истории РАН, Российского государственного гуманитарного университета, Научно-исследовательского центра Военного университета, а также некоторых других научных учреждений Российской Федерации.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров Министерства обороны РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя труда) Военного университета, Архива Президента Российской Федерации, Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива, Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Архива Министерства иностранных дел, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кино-, фото- и фонодокументов, других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи тома, а также всем, кто оказал помощь в подготовке тома к печати.

ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Российская историография антигитлеровской коалиции

Отечественные историки по-прежнему уделяют большое внимание изучению антигитлеровской коалиции, вкладу союзников СССР в общую победу, рассматривая данную проблематику как одно из главных направлений исследований Второй мировой войны. Первые важные шаги в изучении антигитлеровской коалиции были сделаны еще в 1960-е гг., когда была накоплена первичная источниковедческая база исследований на основе публикаций официальных документов и мемуаров участников событий.

В 1964 г. вышло фундаментальное исследование видного советского дипломата и историка В. Л. Исраэляна, в котором становление и развитие антигитлеровской коалиции впервые рассматривалось на всем протяжении ее существования[1]. Данная работа расширяла и развивала идеи как собственных, более ранних, исследований самого автора, так и его коллег[2]. В центре внимания этого труда находится дипломатическое взаимодействие СССР, США и Великобритании. Однако оно анализировалось в контексте развития общей ситуации на фронтах войны, внутренней обстановки в США и Великобритании, а также военной стратегии союзников. Благодаря широкому кругу использованных источников и литературы, обилию фактического материала эта работа заложила основу дальнейшего изучения данного направления. Показательна была новая, по сравнению с периодом начала холодной войны, авторская оценка антигитлеровской коалиции как общего достижения союзников, которое явилось «крупнейшим завоеванием свободолюбивых народов в борьбе против фашистских агрессоров, в значительной степени предопределившим исход всей войны»[3].

В последующие годы изучение истории антигитлеровской коалиции в нашей стране развивалось как вширь — за счет включения новых тем, так и вглубь — путем детального исследования отдельных аспектов этой огромной проблематики. Окончание политико-идеологической конфронтации между США и СССР и советского периода российской истории создали предпосылки для корректировки устоявшихся подходов и появления новых трактовок. Этому в немалой степени способствовало и открытие архивных документов, прежде не доступных исследователям. Историки начали более предметно и критически рассматривать советскую внешнюю политику, выделяя в ней разноречивые тенденции. Такой подход логически подводил к постановке вопроса о возможности альтернативных вариантов развития советской политики.

Одним из первых вопрос о многовариантности выбора внешнеполитического курса в рамках антигитлеровской коалиции поставил А. М. Филитов. Он подчеркнул, что «более

последовательная, ясная стратегия и тактика сотрудничества с западной стороны могла бы усилить тенденцию к многостороннему, кооперативному подходу в советской политике»[4]. Этот тезис получил развитие в последующих работах автора, в том числе посвященных германскому вопросу в рамках отношений СССР, США и Великобритании, а также отдельно — в советском внешнеполитическом планировании[5]. Тема многовариантности подтверждается существованием в советском руководстве различных точек зрения, своеобразным «конкурентным» планированием советской позиции относительно послевоенного устройства Германии: соответствующие предложения комиссий М. М. Литвинова и К. Е. Ворошилова, занимавшихся данным вопросом, отнюдь не совпадали.

Новой тенденцией в изучении антигитлеровской коалиции стало сотрудничество российских историков с зарубежными коллегами. В этом плане заметным событием явился выход в 1995 г. совместного труда ведущих российских, американских и британских экспертов по антигитлеровской коалиции. Авторы провели сравнительный анализ военной стратегии, состояния экономики и общества трех великих держав в годы войны. Это позволило дать комплексную оценку Великого альянса в действии, а также сопоставить достижения национальных исторических школ, выявив как общие моменты, так и различия в их подходах к изучаемой проблематике[6]. Изучение роли СССР в антигитлеровской коалиции было успешно продолжено в других фундаментальных монографических изданиях[7].

Важным направлением изучения антигитлеровской коалиции в нашей стране является проблематика второго фронта. Эта узловая проблема межсоюзнических отношений имела особое значение для Советского Союза, долгое время в одиночку несущего основное бремя войны с нацистской Германией. Своекорыстная политика США и Великобритании по затягиванию открытия второго фронта еще с военных лет стала главным объектом советской критики, которая затем перешла и в отечественную историографию. В разгар холодной войны проблематика второго фронта превратилась в поле острой полемики с англо-американской научной и мемуарной литературой. Западные авторы и участники событий оправдывали свою политику тем, что США и Великобритания якобы делали все возможное для оказания помощи Советскому Союзу. Преувеличивая свой военный вклад в общую победу, они тем самым пытались умалить заслуги СССР в ее достижении.

Основа альтернативной советской версии была заложена еще в отредактированной И. В. Сталиным брошюре «Фальсификаторы истории» 1948 г.: западные союзники обвинялись не только в нарушении взятых на себя обязательств, но и в преднамеренном стремлении максимально ослабить Советский Союз в борьбе с Германией один на один, чтобы затем присвоить себе плоды победы. Такая интерпретация мотивов союзников сохранилась в советской историографии и в последующие годы, когда усилия историков были направлены в основном на поиск новых доказательств для подтверждения этой исходной посылки.

Первая масштабная попытка дать подробный анализ политико-дипломатической борьбы по вопросу второго фронта была предпринята в монографии В. М. Кулиша, написанной на основе доступных в 1960-е гг. источников и литературы[8]. Автор, в частности, показал, что позиция западных союзников по этому вопросу определялась более сложным набором факторов, чем чисто политические расчеты.

Самым авторитетным и широким по своему охвату исследованием проблемы в советской историографии стала фундаментальная монография известного дипломата и историка И. В. Земскова, посвященная дипломатической истории второго фронта в Европе[9]. В ней автор использовал документы британских и американских архивов периода Второй мировой войны, открытых в 1970-х гг. Но главную ценность исследованию придавало введение в научный оборот целого массива документов Архива внешней политики МИДа, что стало новым словом в отечественной историографии. Это позволило автору существенно дополнить имевшиеся представления о политике союзников, показать реальную сложность дипломатической борьбы по вопросу второго фронта и дать более взвешенную оценку всего комплекса межсоюзнических противоречий, в том числе разногласий между США и Великобританией по этой проблеме.

В концептуальном отношении работа И. В. Земскова по-прежнему основывалась на противопоставлении двух линий в вопросе о втором фронте — советской и англо-американской[10]. Упомянутая работа на время закрыла панорамный обзор данной темы, и дальнейшее изучение проблематики второго фронта развивалось по ее отдельным аспектам. Однако ключевой вопрос о долгосрочных политических мотивах западных союзников оставался не до конца проясненным, что давало повод для его различных интерпретаций.

В ряде работ основной акцент сделан на исследовании внутренних противоречий антигитлеровской коалиции, подчеркивая ее большой конфликтный потенциал[11]. Согласно этой точке зрения, именно системный конфликт интересов, коренившийся в глубинном антисоветизме западных держав, лежал в основе противоречий между союзниками по вопросу второго фронта. В доказательство авторы приводят большой и в целом достоверный фактический материал о тайных связях деловых и политических кругов США и Великобритании с нацистской Германией, сепаратных контактах союзников с германскими агентами, деятельности враждебно настроенных к СССР представителей западной разведки, политики и дипломатии. Вместе с тем такая аргументация страдала от не совсем убедительной проработки взаимосвязи этого антисоветского фактора с настроем высшего политического руководства США и Великобритании, а в более широком плане — от недостаточного соотнесения этого фактора с другими, более позитивными тенденциями в подходе этих стран к отношениям с СССР.

Другие исследователи придерживаются более взвешенной оценки мотивов и политических целей союзников в вопросе о втором фронте[12]. Полностью признавая эгоистический интерес англо-американцев в затягивании лобового удара по Германии, они склонны объяснять его не намерением обескровить Советский Союз и подорвать его послевоенные позиции, а понятным стремлением к сбережению своих сил и средств за счет союзника, у которого нет иного выхода, кроме как продолжать сражаться. Несколько иначе они подходят и к вопросу о степени готовности западных союзников к открытию второго фронта, признавая наличие объективных препятствий к этому вплоть до 1943 г. Однако вопрос о реальных возможностях союзников к более раннему открытию второго фронта пока остается сравнительно мало разработанным в отечественной историографии. Это связано с общим недостатком внимания к углубленному изучению военного строительства США и Великобритании в годы войны на основе первоисточников.

С учетом более глубокого анализа англо-американских отношений в годы войны ряд исследователей корректирует былое представление, разделявшееся как современниками событий, так и крупными советскими историками[13], о том, что У. Черчилль и британское военное командование в вопросе о втором фронте вели американцев «на буксире». В действительности между Лондоном и Вашингтоном по данному вопросу существовал весьма широкий «стратегический консенсус»[14]. Особое внимание при анализе решения об открытии союзниками второго фронта обращается на «советский фактор», принимавшийся в расчет как У. Черчиллем, так и Ф. Рузвельтом. По мнению Г. Н. Севостьянова, США и Великобритания, согласовывая свои планы на Квебекской конференции в августе 1943 г., исходили прежде всего из того факта, что «Красная армия быстро продвигается на запад, и влияние СССР в освобожденных от немецкой оккупации европейских государствах становится более мощным»[15].

В целом, несмотря на продолжающиеся дискуссии, для отечественной историографии второго фронта характерна более высокая степень преемственности в оценках между советским и постсоветским периодами, чем по многим другим проблемам истории войны. Это говорит о том, что достижения советской историографии по вопросу о втором фронте не утратили своего научного значения. Такая преемственность во многом объясняется и тем несомненным фактом, что моральное преимущество Советского Союза в данном вопросе слишком очевидно. Однако, несмотря на окончание холодной войны, проблематика второго фронта остается полем столкновения взглядов отечественной и англо-американской исторических школ. Для последней по-прежнему характерна тенденция к преувеличению роли второго фронта и умалению вклада СССР в общую победу союзников.

Другое важное направление в изучении антигитлеровской коалиции, развивающееся в отечественной исторической науке, — это анализ двусторонних отношений между союзниками, прежде всего их отношений с СССР. Источниковедческая база данного направления резко расширилась в результате систематической публикации, начиная с 1980-х гг., собраний документов советских архивов, посвященных отношениям СССР с США, Великобританией, Францией, Чехословакией, Югославией и другими участниками антигитлеровской коалиции в годы войны. В результате появилось большое количество работ, в которых межсоюзнические отношения детально рассматриваются на двустороннем уровне. Центральное место здесь принадлежит анализу советско-американских отношений, имевших первостепенное значение для всей антигитлеровской коалиции.

Первой серьезной попыткой рассмотреть эти отношения на базе новых официальных как советских, так и американских документов стала монография А. Ю. Борисова, в которой прослеживалась эволюция межгосударственных отношений между СССР и США на протяжении всей войны и давались содержательные оценки основных проблем и достижений сотрудничества двух стран[16]. Эта работа послужила основой для углубления исследований по данной проблематике. Доступ к закрытым прежде фондам отечественных архивов в 1990-х — начале 2000-х гг. заметно расширил источниковедческую базу исследований и дал возможность по-новому взглянуть на уже, казалось бы, изученные проблемы, а также расширить фронт исследований и поставить новые вопросы. Этому также способствовало изменение идейно-политической обстановки в нашей стране, которое освободило историков от идеологического конформизма советского времени. В результате появилось немало работ нового поколения, посвященных советско-американскому измерению антигитлеровской коалиции.

Среди них стоит отметить серию работ В. О. Печатнова по истории советско-американских отношений в 1940-х гг.[17] Они выделяются не только свежим документальным материалом из американских и российских архивов, но и новым, более широким подходом к проблематике. Автор проанализировал целый комплекс внутренних и внешних факторов, влиявших на отношения между СССР и США, а также различные аспекты этих отношений: дипломатию, разведку, военное сотрудничество, внешнеполитическое планирование и пропаганду. В монографии «Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.» сложная эволюция советско-американских отношений в этот период впервые прослеживается как единый процесс двустороннего взаимодействия. На основе сравнительного анализа политики США и СССР автор смог выявить ряд новых особенностей и закономерностей протекания данного процесса, что позволило более точно установить роль каждой из сторон в формировании и распаде антигитлеровской коалиции.

Новый вклад в методологию изучения советско-американских отношений в годы войны вносят фундаментальные работы последних лет В. Л. Малькова, в которых дипломатические отношения между Москвой и Вашингтоном рассматриваются в широком историческом и социокультурном контексте. Такой подход позволил автору выявить глубинные и долгосрочные особенности советско-американского взаимодействия, ограничивавшие сближение двух стран даже в период военного сотрудничества. В других работах исследуется такой аспект советско-американских отношений, как проблемы послевоенного урегулирования в Европе и их влияние на отношения между Москвой и Вашингтоном[18].

В ряде новейших российских работ по истории антигитлеровской коалиции наблюдается стремление авторов вписать ее в более широкий контекст развития международных отношений на протяжении всего периода 1940-х гг. Подобное расширение хронологических рамок ведет к постановке и углублению разработки ряда научных проблем, ключевая из которых — динамика и факторы перехода от Великого альянса СССР, США и Великобритании к холодной войне. Точки зрения историков нередко расходятся. Так, если для авторов, занимавшихся историей антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны, Тегеранская конференция 1943 г. является своего рода зенитом сотрудничества большой тройки, то для авторов, сосредоточенных на последующих событиях холодной войны, это один из

краеугольных камней ялтинско-потсдамской системы международных отношений и раздела сфер влияния, не устроившего, в конечном счете, ни США, ни СССР[19].

В целом, проблема перехода от Второй мировой к холодной войне, достаточно активно обсуждавшаяся отечественными историками еще на рубеже 1980–1990-х гг.[20], актуальна не только для современной российской, но и зарубежной историографии. Особое внимание в этом смысле обращается на фактор ядерного оружия в отношениях СССР, США и Великобритании в годы войны. Крупным вкладом в разработку данной тематики стала монография В. Л. Малькова «Манхэттенский проект», основанная на рассекреченных документах из архивов России и США[21].

Активно продолжается и начатое еще в 1960-е гг. изучение роли и места Франции в антигитлеровской коалиции, ее отношений с США и СССР, в том числе с участием французских историков[22]. В ряде работ анализ отношений Франции с главными державами антигитлеровской коалиции (безусловно, с учетом стратегических, политических и иных причин) делается через призму личности генерала Ш. де Голля[23]. В работах российских историков анализируются не только основные линии внешней политики Франции в годы Второй мировой войны, но и история французского движения Сопротивления, внутриполитическое измерение советско-французских отношений, прежде всего через призму деятельности Французской коммунистической партии, а также роль в них фактора Коминтерна[24].

Для многих работ по истории взаимодействия Франции с государствами большой тройки характерно противопоставление напряженности в ее отношениях с США, усугублявшейся взаимной неприязнью Ф. Рузвельта и Ш. де Голля, и теплоты в контактах с СССР. Как демонстрируют, в частности, недавние архивные изыскания, именно французская сторона настояла в 1944 г. на заключении максимально «тесного» союзного договора с СССР, стремясь приблизить его к образцу русско-французского союза 1890-х гг.[25] Вместе с тем изучение нюансов внешней политики СССР, в целом дружественно относившегося к Французскому комитету национального освобождения в годы войны и оказавшего ему серьезную поддержку, продолжает быть актуальной исследовательской задачей[26].

В последние годы особенно заметен рост интереса российских исследователей к «человеческому измерению» отношений между союзниками — общественному мнению, человеческим контактам и взаимному восприятию общественности стран антигитлеровской коалиции. В ряде работ на большом фактическом материале американских архивов и прессы, в том числе местной, анализируется воздействие общественного мнения на формирование политики США в отношении СССР[27]. На основе новых документов российских и американских архивов исследуются советско-американо-британские контакты на разных уровнях — от рядовых граждан до высшего политического руководства, прослеживаются позитивные сдвиги во взаимном восприятии обществ трех стран под влиянием боевого сотрудничества в борьбе с фашизмом[28]. Подробно освещаются проблемы общественного мнения Великобритании в отношении к советскому союзнику[29]. В целом, проблематика восприятия союзниками друг друга становится все более актуальной, причем ее охват весьма широк: от роли, которая придается союзнику в рамках «большой стратегии»[30], до «образа союзника» в общественном сознании и политики его целенаправленного формирования[31].

Особое внимание обращается также на роль личного фактора во взаимодействии лидеров большой тройки — И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля. При исследовании отношений глав США и Великобритании показывается сложное переплетение личной дружбы и определенной симпатии с одной стороны и разногласий с другой. Ф. Рузвельт, чья концепция послевоенного мира была глобальной по своему масштабу и опиралась на растущую мощь США, сумел занять ведущее место в англосаксонской коалиции, оттеснив У. Черчилля, желавшего «удержать Британию на том уровне влияния, на котором она оказалась в пору своей имперской славы», на второй план[32].

Перипетии непростых отношений И. В. Сталина и У. Черчилля в годы войны на базе широкого комплекса источников, в том числе уникальных документов отечественных архивов, удалось убедительно продемонстрировать О. А. Ржешевскому. Раскрывая новые

аспекты противоречий между столь непохожими лидерами двух государств, автор вместе с тем указал на ценность накопленного ими опыта сотрудничества, поиска компромиссов в целях победы над общим врагом[33]. Много новых нюансов в отношениях лидеров большой тройки показано и в других трудах[34].

Проблематика личностного фактора и его роли в истории антигитлеровской коалиции является общей как для отечественной, так и для зарубежной историографии, поэтому она открывает возможности для плодотворного диалога. Так, недавняя работа британского историка Д. Карлтона «Черчилль и Советский Союз»[35] поставила под сомнение ряд традиционных тезисов о взглядах У. Черчилля (рассмотрение СССР как потенциального союзника уже после прихода нацистов к власти в Германии, его якобы категорический отказ от планов компромиссного мира с нацистской Германией в годы войны и прочее) и стала стимулом для дальнейшего изучения данной, казалось бы, хорошо изученной темы[36]. В США, в свою очередь, фактор «личной политики» Ф. Рузвельта и ее последствий для развития антигитлеровской коалиции был подвергнут подробному рассмотрению в новейших работах зарубежных авторов[37].

Еще одно динамично развивающееся направление отечественной историографии связано с изучением торгово-экономических отношений между СССР, США и Великобританией в годы войны. Первое место здесь занимает ленд-лиз. На основе документов центральных и местных архивов, а также воспоминаний участников событий в работах дается подробный анализ осуществления ленд-лизовских поставок, даны уточненные оценки масштабов этой помощи и ее реального вклада в военные усилия СССР[38]. В частности, произошел определенный отход от оценки, выдвинутой еще в 1948 г. Н. А. Вознесенским[39] и ставшей традиционной для всей советской историографии, согласно которой удельный вес поставок по ленд-лизу составлял 4% по отношению ко всему объему промышленного производства СССР в 1941–1945 гг.[40] Подобная оценка раскрывает экономический аспект взаимоотношений СССР с США и Великобританией лишь в самом общем виде и должна быть дополнена более детальным анализом по категориям поставлявшейся продукции. В связи с этим обращается внимание на особую роль поставок машин (джипы и «студебекеры» составили около 70% автомобильного парка Красной армии), продовольствия и одежды. Тем не менее формула «слишком мало и слишком поздно» признается адекватной для характеристики поставок по ленд-лизу, особенно в 1941–1942 гг.[41]

В том, что касается эволюции современной российской историографии ленд-лиза, можно выделить определенное изменение акцентов в оценке англо-американских поставок. Если в работах первой половины 1990-х гг. серьезное место занимала тема морального значения помощи по ленд-лизу, то в работах 2000-х гг. подчеркивается необходимость анализа программы ленд-лиза как пример взаимовыгодного сотрудничества, делается акцент на том, что «поставки по ленд-лизу нельзя считать полностью бескорыстными», что «ленд-лиз для Америки был выгодным во всех отношениях»[42].

В целом, отечественная историография вносит большой вклад в изучение антигитлеровской коалиции, хотя здесь есть еще немало возможностей для научного анализа. В современной историографии антигитлеровская коалиция, которая традиционно анализировалась прежде всего на уровне военно-политического руководства трех ведущих держав и их контактов на высшем уровне (конференции большой тройки), предстает как более сложное и многогранное явление. Пристальное внимание уделяется не столько уже хорошо известным решениям, принятым союзниками сообща, а процессам их внутренней разработки и подготовки, факторам, влиявшим на данные процессы.

Так, привлечение свежих архивных данных позволило В. О. Печатнову продемонстрировать «внутреннюю кухню» известной переписки И. В. Сталина с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом. С непосредственного содержания посланий акцент был смещен на процесс их подготовки и согласования, на роль «психологического измерения» в выстраивании личных отношений, «которое требует специального изучения»[43]. Всё яснее становится и немалая роль наркома иностранных дел В. М. Молотова в разработке ряда политических решений, в том числе в составлении посланий Ф. Рузвельту и У. Черчиллю.

Постепенно более полным становится представление исследователей и о факторах, влиявших на принятие решений в столицах большой тройки. Так, изучение новых архивных и опубликованных источников, в том числе «Дневника» И. М. Майского, позволило приблизиться к более глубокому пониманию роли послов в принятии ключевых политических решений в рамках антигитлеровской коалиции. Внимание уделяется деятельности не только советских послов (И. М. Майский, М. М. Литвинов, А. А. Громыко, Ф. Т. Гусев), но и представителей США (А. Гарриман) и Великобритании (А. Керр) в Москве[44]. Призыв обращать больше внимания на документы аппаратного уровня[45] также конструктивен — более полное выявление роли тех или иных государственных органов в принятии окончательных решений (в советском случае, к примеру, комиссий НКИД во главе с К. Е. Ворошиловым и М. М. Литвиновым) позволит глубже понять и позицию руководства государств, заявляемую на высшем уровне.

Сложнее обстоит дело при изучении такого фактора при принятии решений государствами антигитлеровской коалиции, как разведка. Ранее высказанная мысль о том, что конкретный вклад разведок «требует специального и всестороннего изучения, время которого пришло, но час — с учетом закрытости ведомственных архивов — еще не пробил»[46], сохраняет свою актуальность. Тем не менее благодаря определенному расширению источниковой базы (документальная публикация «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне»)[47], а также ряду исторических работ[48] данная проблематика становится органичной частью работ по изучению антигитлеровской коалиции. Важнейшим источником для развертывания исследований в этой области служат вышедшие в 2013–2014 гг. шестой и восьмой тома фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941–1945 годов»[49].

Стремление не ограничиваться анализом взаимодействия СССР, США и Великобритании на высшем уровне проявляется и во внимании к сотрудничеству отдельных ведомств, главным образом военных и разведывательных. Хотя разработка подобной проблематики также наталкивается на трудности доступа к источникам, определенные шаги по ее изучению предприняты как в отечественной, так и в зарубежной историографии[50].

Необходимо учитывать и то обстоятельство, что история антигитлеровской коалиции как неотъемлемая часть событий Второй мировой и Великой Отечественной войн заняла видное место в исторической памяти современного российского общества, сохраняя свою актуальность и общественно-политическую значимость. Немаловажным свидетельством тому стала серия мероприятий 2003 г., ознаменовавших 60-летие Тегеранской конференции: выставка «Тегеран-43» в Центральном музее Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., фильм «Тегеранский лабиринт. Сталин, Черчилль, Рузвельт», продемонстрированный на центральном телевидении, круглый стол (с приглашением современников самой конференции), состоявшийся в Дипломатической академии МИД РФ[51]. Ряд подобных мероприятий состоялся и в 2013 г. — к 70-летней годовщине Тегеранской конференции.

О некоторых важных аспектах восприятия антигитлеровской коалиции гражданами России в начале XXI в. дает представление масштабное социологическое исследование, проведенное РАГС (ныне РАНХиГС) при Президенте РФ в ноябре 2004 г.[52] Свое место в нем нашли вопросы о роли второго фронта в достижении победы над фашизмом (в качестве определяющего фактора в победе он значительно уступает в ответах респондентов «патриотизму» и «героизму на фронте и в тылу» — 12,5% против 62,7% и 63% соответственно), об оценке действий руководителей антигитлеровской коалиции. Роль Ф. Рузвельта и У. Черчилля в качестве решающей определили лишь 3,7 и 3,8% респондентов, И. В. Сталина — 49,2%. Вместе с тем в ответах граждан встречаются серьезные ошибки (3% причислили к членам антигитлеровской коалиции Японию, 96% не знали о том, что в число стран оси входила Италия), что подчеркивает необходимость укрепления исторического образования как в учебных заведениях, так и через средства массовой информации.

Еще одним перспективным направлением исследований представляется разработка проблемы наследия антигитлеровской коалиции, ее места в исторической памяти современного

российского общества. Появление работ, наподобие созданного германскими историками двуязычного сборника «Память о Сталинграде: Сталинград в немецкой и российской памяти»[53], могло бы стать заметным вкладом в историографию антигитлеровской коалиции.

Нельзя забывать и о продолжении историографических исследований. «Историография Великой Отечественной войны — в каком-то смысле даже более необъятная тема, чем сама война, поскольку предполагает анализ и самих событий военной поры, и их бесчисленных интерпретаций»[54]. Помимо общих работ по историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн, в которых тема антигитлеровской коалиции так или иначе затрагивается[55], можно выделить специальные исследования, опубликованные в последнее время, по историографии англо-американских отношений, ленд-лиза, второго фронта[56]. Важно, однако, чтобы историографические работы не только сводили воедино уже имеющиеся исследования, но и содержали в себе «сопоставление и критический разбор точек зрения различных отечественных авторов»[57]. Представляется необходимым усилить внимание к критическому разбору западной историографии по проблемам антигитлеровской коалиции.

Зарубежная историография антигитлеровской коалиции

Исследование истории антигитлеровской коалиции по-прежнему остается приоритетным направлением зарубежной, прежде всего англо-американской историографии. Оценки историков обусловливаются кругом доступных источников, актуальной политической обстановкой, государственной и национальной принадлежностью авторов. Как правило, акцентируются аспекты взаимодействия союзников в годы войны, призванные продемонстрировать вклад США и Великобритании в дело победы. Подобная фокусировка внимания помимо чисто апологетической функции приводит к тому, что картина войны предстает не полной (в первую очередь, за счет занижения вклада СССР в победу над Германией и ее союзниками), а те или иные события (главным образом, на советско-германском фронте) подаются в искаженном виде.

Многие фундаментальные черты зарубежной историографии антигитлеровской коалиции были заложены еще в первый период ее развития — в конце 1940-х — 1950-е гг. На работы этих лет повлияло не только отсутствие серьезной хронологической дистанции между авторами и описываемыми явлениями, но и начавшаяся холодная война между бывшими союзниками. Несмотря на появление первых документальных публикаций, посвященных официальным выступлениям в годы войны[58], дипломатическим переговорам и переписке[59], основой для формирования оценок была мемуарная литература.

Предвещая последующие дискуссии в историографии, американские авторы мемуаров разделились на две группы. Первые из них, в основном сторонники Ф. Рузвельта, наблюдая за разворачивавшейся холодной войной, стремились предупредить подобное развитие событий, показать правоту стратегии американского президента по сохранению Великого альянса и после окончания военных действий с Германией[60]. В меньшей степени, но также в прорузвельтовском ключе были выдержаны мемуары двух государственных секретарей США в годы войны — К. Хэлла и Э. Стеттиниуса[61]. Классическим источником для всей последующей историографии стали мемуары Р. Шервуда 1948 г. — сподвижника Ф. Рузвельта[62]. Напротив, те, кто уже в годы войны занимал в отношении Советского Союза критическую позицию, еще более усилили ее в своих мемуарах, как это сделали бывший посол в СССР адмирал У. Стэндли[63] и бывший глава военной миссии в СССР генерал-майор Дж. Дин в 1947 г.[64] Программной для сторонников подобных идей стала нашумевшая статья советника посольства США в СССР в годы войны Дж. Кеннана[65].

Однако ключевое влияние на последующую англо-американскую интерпретацию Великого альянса оказала работа У. Черчилля — единственного лидера большой тройки, оста-

вившего многотомные мемуары[66]. Воспоминания различных англо-американских деятелей, опубликованные позже черчиллевских, не могли по своему влиянию сравниться с ними[67].

Тот факт, что благодаря содействию британского правительства У. Черчилль получил возможность использовать большой массив своих личных бумаг и документов, придавал его мемуарам характер полуофициальной версии истории Великого альянса. Ключевые идеи У. Черчилля: акцент на англо-американский вклад в победу (битва за Атлантику как «доминирующий фактор на протяжении всей войны» и прочее); тезис о том, что все задержки с открытием второго фронта были связаны прежде всего с военными и логистическими факторами (политические соображения, стоявшие за ними, по сути, отвергались, а справедливость требований СССР по открытию второго фронта в 1942–1943 гг. ставилась под сомнения); призыв к англо-американской солидарности и дипломатии с позиции силы в отношениях с Москвой. Как признают современные исследователи, англо-американская историография в своей основе и поныне движется по тем рельсам, которые проложил У. Черчилль[68].

Тезисы У. Черчилля получили свое развитие в официальных историях внешней[69] и военной политики Великобритании[70] в годы войны, а также в официальной истории военных действий США (так называемые «зеленые книги»)[71]. При этом между американскими и британскими историками сохранялись некоторые различия в трактовке проблематики второго фронта: англичане доказывали, что Лондон не был принципиальным противником «Оверлорда»[72], в то время как американцы считали, что «средиземноморская стратегия» британского командования противоречила этим планам и без давления Вашингтона операция бы не состоялась[73].

Мемуары участников событий и документальные публикации стали основой для появления первых обобщающих работ по истории антигитлеровской коалиции. Методологически они были выдержаны в духе традиционной дипломатической истории, а на их выводы серьезное влияние оказывала атмосфера советско-американского антагонизма на международной арене. Статус классических получили работы У. Макнила и Г. Фейса[74]. Внешняя политика СССР в годы войны расценивались ими как экспансионистская, направленная на распространение коммунизма, цель же американских действий описывалась как защита прав и свобод наций.

1960-е гг. с их бурными изменениями как на международной арене, так и внутри США и Великобритании стали переходным периодом в развитии зарубежной историографии. Постепенно, за счет продолжавшейся публикации американских дипломатических документов[75] (их британский аналог стал появляться намного позднее)[76], шло расширение источниковой базы. Отражением протестных настроений в обществе стало появление историков-ревизионистов, поставивших под сомнение ряд базисных тезисов о развитии антигитлеровской коалиции[77]. Особое внимание стало проявляться к экономическим, а не к идеологическим и военно-политическим факторам в развитии Великого альянса[78]. Работы историков-ревизионистов вызвали резкую критику традиционалистов[79], но тем не менее оказали заметное влияние на дальнейшие исследования.

С открытием в начале 1970-х гг. англо-американских архивов времен войны начался второй этап развития зарубежной историографии. Качественное расширение источниковой базы подкреплялось и ростом числа опубликованных документов. Помимо продолжавшейся публикации дипломатических документов США, заметным явлением стало издание американским историком У. Кимболлом полной переписки Ф. Рузвельта и У. Черчилля в годы войны, показавшей, что созданный У. Черчиллем в мемуарах образ исключительно дружественных и гармоничных отношений внутри англо-американского тандема не во всем соответствует действительности[80].

С британской стороны было осуществлено несколько содержательных публикаций документов Форин-Офиса по различным вопросам[81], но самым ценным следует признать серию изданных дневников государственных деятелей Великобритании[82]. Подобные источники наряду с личными бумагами У. Черчилля легли в основу капитальной биографии британского премьер-министра в годы войны, опубликованной М. Гилбертом в 1986 г.[83]

Введение в научный оборот новых документальных материалов серьезно обогатило фактическое наполнение исследовательских работ, однако концептуальные изменения были менее заметны. Встречавшийся и до этого упор на трудности и противоречия Великого альянса подчас доходил до того, что позитивный опыт сотрудничества трех государств отодвигался на задний план, а сама Вторая мировая война становилась чуть ли не просто прологом холодной войны. В подобном ключе была выдержана, в частности, монография С. Майнера, посвященная советско-английским отношениям 1940–1942 гг.[84]

В Великобритании было продолжено издание официальных историй[85]. Тесная привязка каждой из них к определенному ведомственному корпусу источников наряду со следованием официальной британской позиции несколько сужала их исследовательский кругозор, однако имевшийся в них фактический материал часто был весьма ценным.

Расширение доступных документальных материалов послужило стимулом к дифференциации исследований. Проблематика второго фронта и англо-американской стратегии в войне продолжала оставаться одной из центральных. Но в работах 1970-х гг. полнее, чем в прошлом, стали писать о том, что англо-американская стратегия в вопросе о втором фронте обусловливалась отнюдь не только военными факторами. Открытие второго фронта отвечало внешнеполитическим интересам Вашингтона и являлось попыткой утвердить свое лидерство в Великом альянсе[86]. Менее прямолинейными стали трактовки «средиземноморской стратегии» Великобритании[87], крупные дискуссии разгорелись и по вопросу о возможном открытии второго фронта в 1942–1943 гг.[88]

Значимые работы с опорой на англо-американские документы появились и в рамках традиционной проблематики двусторонних отношений, в них подробно исследована британская политика в отношении СССР, а также проанализированы этапы развития англо-американского союза[89].

На многих исследованиях взаимодействия большой тройки в годы войны сказывалось то, что их авторы не владели русским языком и, как следствие, не были знакомы с советскими источниками. В этом смысле занижение вклада СССР в победу над Германией помимо концептуальной имело и практическую сторону. Не случайно немногие авторы, знакомые с советскими материалами, в том числе британец Дж. Эриксон[90], самим обращением к теме военных действий на советско-германском фронте и демонстрацией масштабов сражений на нем в большей степени отдавали должное вкладу СССР.

Окончание холодной войны и новое масштабное расширение источниковой базы с начала 1990-х гг. дали начало новому этапу в развитии зарубежной историографии антигитлеровской коалиции. Определенное расширение доступа к архивным документам, в том числе связанным с деятельностью разведывательных и иных спецслужб, имело место и в США, и в Великобритании, чему способствовали специальные законодательные меры. Важной частью данного процесса, особенно с 2010-х гг., стала оцифровка многих документов, хранящихся в ведущих зарубежных архивохранилищах, с предоставлением к ним свободного доступа через Интернет. Среди опубликованных в это время можно отметить полную версию дневников начальника британского Генштаба в годы войны А. Брука[91], собрание личных военных бумаг У. Черчилля за 1941 г. под редакцией М. Гилберта[92], а также переведенный на английский язык сборник ключевых советских документов по взаимоотношениям СССР и Великобритании[93].

С конца 1980-х гг. началась активизация научных контактов российских и англо-американских историков. Одним из наиболее значимых результатов такого сотрудничества стала англоязычная публикация в 1995 г. работы «Союзники в войне»[94]. Содержавшиеся в ней оценки, хотя и отражали различия национальных школ, тем не менее были достаточно сбалансированы. Более традиционный англо-американский подход получил отражение в вышедшем в том же году сборнике «Взлет и падение Великого альянса, 1941–1945»[95]. Расширение международных научных связей и достижения российских историков в использовании новых архивных материалов привели к большему признанию отечественных работ в западной историографии.

Расширение источниковой базы по-разному отражалось в историографии. Нередки случаи, когда доступ к новым материалам служил лишь способом подтвердить уже известные концепции и оценки[96]. Вместе с тем более добросовестный анализ архивных документов и работ российских коллег, проделанный британским историком Дж. Робертсом, позволил ему не только полнее, чем принято в зарубежной историографии, оценить вклад СССР в победу, но и сформировать свежий взгляд на внешнюю политику И. В. Сталина, показать, что последний «прикладывал серьезные усилия для того, чтобы Великий альянс был успешным, и хотел, чтобы он продолжил существовать после войны»[97].

Окончание холодной войны и расширение круга доступных источников позволяли в новых условиях предпринимать попытки написания обобщающей истории Великого альянса. Одна из наиболее заметных среди них — работа Дж. Фенби 2006 г.[98] Проблематика второго фронта продолжала занимать важное место, хотя накал страстей вокруг ее обсуждения несколько снизился. Наиболее серьезной работой по данному вопросу стала монография М. Столера 2000 г., основанная главным образом на документах американского Комитета начальников штабов[99]. В ней удачно интегрированы военная и политическая составляющие проблемы второго фронта, продемонстрирована неоднозначная картина восприятия Вашингтоном своих союзников по антигитлеровской коалиции.

Продолжаются дискуссии и по классическим вопросам истории антигитлеровской коалиции. Повышенное внимание привлекает одно из рубежных событий — Ялтинская конференция 1945 г.[100] Дискуссионной продолжает оставаться проблема ленд-лиза, определения его роли в советских военных усилиях, которая в целом оценивается выше, чем в российской историографии[101].

Отличительная черта западной историографии 1990–2000-х гг. — поиск новых методологических подходов к изучению истории антигитлеровской коалиции, который привел к заметному расширению и углублению проблемного поля исследований. Изучение событий 1941–1945 гг. осуществляется в более масштабном контексте как в том, что касалось хронологии (анализировать все 1940-е гг. в целом), так и проблематики (синтез дипломатической истории с социальной и культурной)[102].

Исследователи все больше стремились выявить «внутреннюю кухню», механизмы принятия решений в каждой из столиц и факторы, влиявшие на них. Проблематика восприятия друг друга союзниками по антигитлеровской коалиции получила новый импульс к развитию[103]. Предлагается еще большее внимание обратить на личный фактор и роль культурно-цивилизационных установок. Подчеркивается, что смерть Ф. Рузвельта и изменение установок новой администрации сыграли ключевую роль в начале холодной войны, которой в противном случае можно было избежать[104]. Ряд работ посвящен анализу роли послов в процессах развития антигитлеровской коалиции[105]. Использование документов разведывательных органов позволило осветить важные аспекты этой стороны взаимодействия союзников. Удалось показать глубину контактов спецслужб не только США и Великобритании, но и Великобритании и СССР (операции по совместной разработке агентуры и прочее). Вместе с тем отношения в столь чувствительной сфере не были лишены трений и взаимных подозрений[106].

Таким образом, несмотря на огромное количество уже созданных работ, тема антигитлеровской коалиции продолжает оставаться не только полем для дискуссий, но и пространством для активного методологического поиска. Изучение истории антигитлеровской коалиции за рубежом, безусловно, еще долгое время будет сохранять общественно-политическую и научную значимость и привлекать все новых исследователей.

Перспективным направлением исследований остается выявление влияния опыта коалиции в годы войны на общества каждого из главных ее государств. Решение подобной задачи позволит придать самому понятию антигитлеровской коалиции социальное «измерение», продемонстрировав, как сотрудничество в годы войны отражалось на жизни рядовых граждан трех государств. Безусловно, разработка подобной проблематики потребует привлечения новых источников.

На историографию Второй мировой и Великой Отечественной войн влияли особенности международного развития в послевоенное время. В годы холодной войны, а затем и в период конца XX — начала XXI ст. многие западные специалисты (историки, политологи, журналисты и др.) реанимировали прежние стереотипы и нападки на Советский Союз и Россию. Наметилась явная тенденция к пересмотру оценок войны, ее происхождения и итогов. И это не могло не сказаться и на оценке межсоюзнических отношений. В основе такого пересмотра лежат попытки преувеличить значение действий США и Великобритании и принизить роль нашей страны в победе над фашизмом. Особенно острым нападкам западные специалисты подвергают действия СССР в послевоенном устройстве мира, словно забывая, что большинство принятых после войны решений было результатом совместного вердикта стран антигитлеровской коалиции.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция (Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны). М., 1964.

[2] Дипломатическая история Великой Отечественной войны. М., 1959; Вторая мировая война. Военно-политический очерк. М., 1958.

[3] *Исраэлян В. Л.* Указ. соч. С. 117.

[4] *Филитов А. М.* Советский Союз в антигитлеровской коалиции: проблема многовариантности выбора внешнеполитического курса // Советская внешняя политика в ретроспективе. М., 1993. С. 120.

[5] *Филитов А. М.* Германский вопрос: от раскола к объединению: новое прочтение. М., 1993; *он же.* Германия в советском внешнеполитическом планировании, 1941–1990. М., 2009.

[6] Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995.

[7] Война и общество. 1941–1945. В 2-х кн. М., 2004; Война и общество в XX веке. В 2-х кн. Кн. 2. М., 2008.

[8] *Кулиш В. М.* История второго фронта. М., 1971.

[9] *Земсков И. В.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982.

[10] Там же. С. 38.

[11] *Безыменский А. Л.* Тайный фронт против второго фронта. М., 1987; *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000; *Сиполс В. Я.* Великая победа и дипломатия, 1941–1945. М., 2000.

[12] *Ржешевский О. А.* История второго фронта: война и дипломатия. М., 1988; *Золотарев В. А.* Второй фронт против Третьего рейха. М., 2005; *Орлов А. С.* Союз ради общей победы. М., 1990.

[13] См.: *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война 1939–1943 гг. М., 1965; *Исраэлян В. Л.* Указ. соч.; *Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965.

[14] *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы Второй мировой войны. М., 1969; *Ундасынов И. Н.* Рузвельт, Черчилль и второй фронт. М., 1965.

[15] *Севостьянов Г. Н.* Квебекская конференция 1943 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 148.

[16] *Борисов А. Ю.* СССР и США: Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983.

[17] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006; *он же.* Московское посольство Аверелла Гарримана // ННИ. 2002. № 3–4; *он же.* Сталин и Рузвельт — союзники в войне // Великая Победа. Многотомное продолжающееся издание. Т. 9. М., 2013.

[18] *Мальков В. Л.* Путь к имперству. США в первой половине XX века. М., 2004; *он же.* Россия и США в XX веке. Очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. М., 2009; *Мягков М. Ю.* Проблема послевоенного устройства Европы в американо-советских отношениях 1941–1945 гг. М., 2006.

[19] *Евстафьев Д. Г.* Уроки «холодной войны» // Новая Россия. 1996. № 4.

[20] *Секистов В. А.* Кто нагнетал военную опасность // Военно-исторический журнал. 1989. № 7; *Хлуденев И. М.* «Круглый стол» в МИД СССР // ННИ. 1991. № 5.

[21] *Мальков В. Л.* «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. М., 1995.

[22] *Севостьянов Г. Н., Уткин А. И.* США и Франция в годы второй мировой войны. М., 1974; СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006.

[23] См.: *Борисов Ю. В.* Советско-французские отношения. 1924–1945 гг. М., 1964; *он же.* Де Голль и США: 40–60-е годы XX века // ННИ. 2008. № 1; *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М., 1988; *Антюхина-*

Московченко В. И. Шарль де Голль и Советский Союз. М., 1990; *Арзаканян М. Ц.* Генерал де Голль на пути к власти. М., 2001; *она же.* Великий де Голль. «Франция — это я!». М., 2012; *Обичкина Е. О.* Внешняя политика Франции от де Голля до Саркози (1940–2012). М., 2012, и др.

[24] Франция во время второй мировой войны. М., 1961; Движение Сопротивления во Франции в годы второй мировой войны. М., 1974; Краткая история Второй мировой войны. М., 2005; Борьба классов и партий во Франции, 1944–1958. М., 1983; Коминтерн и вооруженное Сопротивление во Франции // Россия в контексте мировой истории. СПб., 2002. С. 149–162.

[25] *Суту Ж.-А.* «Свободная Франция» и место СССР в европейской системе // СССР и Франция в годы Второй мировой войны. М., 2006. С. 170.

[26] *Narinski M.* De Gaulle face à Staline // De Gaulle chef de guerre: De l'appel de Londres à la libération de Paris 1940–1944. Paris, 2008. P. 464–482.

[27] *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы США в годы войны 1941–1945 гг. Воронеж, 1995.

[28] *Быстрова И. В.* «Поцелуй через океан»: «Большая тройка» в свете личных контактов. М., 2011.

[29] *Поздеева Л. В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939–1945. М., 2000.

[30] *Печатнов В. О.* Сталинградская битва и проблема второго фронта // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2; *Kahn M.* From Assured Defeat to the 'Riddle of Soviet Military Success: Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential 1941–1943 // The Journal of Slavic Military Studies. 2013. Vol. 26. № 3.

[31] *Козлов Н. Д.* С волей к победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002; *Голубев А. В.* Антигитлеровская коалиция глазами советского общества (1941–1945 гг.) // Военно-историческая антропология: Ежегодник. М., 2002. С. 334–345; *он же.* Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Война 1941–1945 годов: современные подходы. М., 2005. С. 151–172.

[32] См.: *Юнгблюд В. Т.* Ф. Д. Рузвельт и У. Черчилль: два лидера в одной войне // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 1. Псков, 1997. С. 171–172.

[33] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004.

[34] *Печатнов В. О.* Сталин — Рузвельт — Черчилль: «Большая тройка» через призму переписки военных лет // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5 (8); *он же.* Переписка У. Черчилля с И. В. Сталиным в годы Великой Отечественной войны. По документам британских архивов // Международная жизнь. 2010. № 7; *Иванов Р. Ф.* Сталин и союзники, 1941–1945 годы. Смоленск, 2000.

[35] *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union. Manchester, 2000.

[36] *Китчен М.* «Загадка, покрытая мраком неизвестности»: британские оценки СССР на начальном этапе Второй мировой войны // Война и политика. 1939–1941. М., 2000; *Folly M. H.* Churchill, Whitehall and the Soviet Union, 1940–1945. Basingstoke, 2000; *Shaw G. L.* The British Political Elite and the Soviet Union, 1937–1939. L., 2003.

[37] См.: *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War. Princeton, 2012.

[38] *Супрун М. Н.* Северные конвои: исследования, воспоминания, документы. Вып. 1–3. Архангельск, М., 1991–2000; *он же.* Ленд-лиз и Россия. Архангельск, 2006; *он же.* Ленд-лиз и северные конвои 1941–1945. М., 1998; *Паперно А. Х.* Ленд-лиз. Тихий океан. М., 1998; *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008; *Соколов В. В.* Ленд-лиз в годы Второй мировой войны // ННИ. 2010. № 6; *Куманев Г. А., Чузавков Л. М.* Советский Союз и ленд-лиз // Война и общество, 1941–1945. В 2-х кн. М., 2004. Кн. 1.

[39] Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М., 1948.

[40] Распространенная в зарубежной историографии цифра в 10–11% основана на учете всех отправленных материалов, в то время как цифра в 4% учитывает лишь те из них, что действительно дошли до СССР. См.: *Herring G. C.* Aid to Russia, 1941–1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., 1973.

[41] *Поздеева Л. В.* Ленд-лиз для СССР: дискуссия продолжается // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995. С. 324–339; *она же.* Советский Союз: Феникс // Союзники в войне. 1941–1945. С. 173–196; *Супрун М. Н.* Продовольственные поставки в СССР по ленд-лизу в годы Второй мировой войны // Отечественная история. 1996. № 3.

[42] *Сенявская Е. С., Литвиненко В. А.* Роль ленд-лиза и второго фронта во Второй мировой войне: мифы и реальность в историографии и политическом дискурсе // Былые годы. 2010. № 2 (16). С. 52–53.

[43] *Печатнов В. О., Магадеев И. Э.* У истоков антигитлеровской коалиции: Канал связи Сталин — Рузвельт в начале Великой Отечественной войны // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 3. С. 143.

[44] *Соколов В. В.* И. М. Майский между И. В. Сталиным и У. Черчиллем в первые месяцы войны // ННИ. 2001. № 6; *он же.* Посол СССР Ф. Т. Гусев в Лондоне в 1943–1946 годах // ННИ. 2005. № 4; А. А. Громыко — дипломат, политик, ученый. М., 2000; *Наринский М. М., Васильева Н. Ю.* Литвинов — блестящий дипломат, выдающийся нарком // Известные дипломаты России: Министры иностранных дел — XX век. М., 2007. С. 179–227; *Costigliola F.* Archibald Clark Kerr, Averell Harriman, and the Fate of the Wartime Alliance // Journal of Transatlantic Studies. 2011. Vol. 9. № 2.

[45] *Филитов А. М.* Германия в советском внешнеполитическом планировании. С. 33.

[46] *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. С. 298.

[47] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1–5. М., 1995–2007. Всего запланировано восемь томов.

[48] *Волков Ф. Д.* Тайное становится явным: деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы второй мировой войны. М., 1989; Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. М., 1999, и др.

[49] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 6. М., 2013; Т. 8. М., 2014.

[50] *Лота В. И.* «Сведения получены от надежного источника»: О взаимодействии военных разведок стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2009. № 6; *Wheeler M.* Resistance From Abroad. Anglo-Soviet Efforts to Coordinate Yugoslav Resistance, 1941–1942 // Special Operations Executive: a New Instrument of War. L., 2006. P. 103–122.

[51] Тегеран-43: взгляд 60 лет спустя. Материалы круглого стола, 2 декабря 2003 года. М., 2004.

[52] *Афанасьева Л. И., Меркушин В. И.* Великая Отечественная война в исторической памяти россиян // Социологические исследования. 2005. № 5.

[53] Память о Сталинграде: Сталинград в немецкой и российской памяти / Stalingrad Errinnerungen. Stalingrad im deutschen und russischen Gedächtnis / Hrsg. v. P. Jahn. Berlin, 2003.

[54] *Илиевский Н. В.* Современные оценки Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. 2010. № 3. С. 3.

[55] *Ржешевский О. А.* Война и история: Буржуазная историография США о второй мировой войне. 2-е изд. М., 1984; *Кудряшов С. В.* Великая Отечественная война в новейших трудах английских и американских историков. М., 1996; *Кринко Е. Ф.* Современная российская историография Великой Отечественной войны: итоги двух десятилетий // Былые годы. 2009. № 4 (14).

[56] *Нечипорук Д. М.* Новейшая отечественная историография об англо-американских отношениях в годы Второй мировой войны // Метаморфозы истории. Альманах. Вып. 3. Псков, 2003. С. 236–247; *Ратанин А. Ю.* Проблема причин открытия англо-американскими правящими кругами второго фронта в 1944 г. в советской историографии середины 1940–1960-х гг. Пенза, 2005.

[57] *Мальков В. Л.* Жизнь и смерть Великого альянса // Новая и новейшая история. 2007. № 2. С. 111.

[58] Victory: War Speeches by Winston S. Churchill. L., 1946; The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. 1–13. N. Y., 1938–1950, и др.

[59] Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). The Conferences at Malta and Yalta, 1945. Washington, 1955; Stalin's Correspondence with Churchill, Attlee, Roosevelt and Truman. Vol. 1–2. L., N. Y., 1958.

[60] *Рузвельт Э.* Его глазами. М., 1947.

[61] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 1–2. N. Y., 1948; *Stettinius E. R.* Roosevelt and the Russians. Garden City, 1949.

[62] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. Т. 1–2. М., 1958.

[63] *Standley W. H., Ageton A. A.* Admiral Ambassador to Russia. Chicago, 1955.

[64] *Дин Дж.* Странный союз. М., 2005; *Eisenhower D.* Crusade in Europe. Garden City, 1948.

[65] *[Kennan G.]* The Sources of Soviet Conduct // Foreign Affairs. 1947. Vol. 25. No. 4.

[66] *Churchill W. S.* The Second World War. Vol. 1–6. L., 1948–1953.

[67] *Eden A.* The Eden Memoirs: the Reckoning. L., 1965; *Bohlen C.* Witness to History, 1929–1959. N. Y., 1973; *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin, 1941–1946. N. Y., 1975.

[68] *Reynolds D.* In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. N. Y., 2005. P. XX.

[69] *Woodward E. L.* British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962.

[70] Издавались под общим названием «Большая стратегия» (Grand Strategy) в 1956—1976 гг.

[71] United States Army in the World War II. Vol. 1—78. Washington, 1947—1998; *Morison E.* History of the United States Naval Operations in World War II. Vol. 1—16. Boston, 1947—1962; The Army Air Forces in World War II. Vol. 1—7. L. Cate. Chicago, 1948—1958.

[72] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М., 1958; *он же.* Большая стратегия. Октябрь 1944 — август 1945. М., 1958.

[73] *Harrison G. A.* Cross-Channel Attack: U. S. Army in World War II. Washington, 1951; *Morison S. E.* Strategy and Compromise. Boston, 1958.

[74] *McNeill W. H.* America, Britain and Russia: Their Cooperation and Conflict, 1941—1946. L., 1957; *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957.

[75] Часть томов была посвящена Вашингтонским конференциям 1941—1942 гг., Касабланкской и Тегеранской конференциям 1943 г. См.: FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Washington, 1961; FRUS. The Conferences at Washington, 1941—1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1968.

[76] С 1983 г. в США стала публиковаться серия документов Форин-Офиса под названием «Британские документы по международным делам» (British Documents on Foreign Affairs). Тома третьей части серии A посвящены отношениям с Советским Союзом, а третьей части серии C — отношениям с США.

[77] См.: *Alperovitz G.* Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N. Y., 1965.

[78] *Williams W. A.* The Tragedy of American Diplomacy. Rev. ed. N. Y., 1962; *Herring G. C.* Aid to Russia, 1941—1946: Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War; *Paterson T.* Soviet-American Confrontation: Postwar Reconstruction and the Origins of the Cold War. Baltimore, 1973.

[79] *Schlesinger Jr. A. M.* Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. No. 1.

[80] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1—3. Princeton, 1984.

[81] The Great Powers and the Polish Question, 1941—1945 / Ed. by A. Polonsky. L., 1976; The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations, 1941—1945. Cambridge, 1984.

[82] The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938—1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1971; The War Diaries of Oliver Harvey, 1941—1945. L., 1978; *Colville J.* The Fringes of Power: 10 Downing Street Diaries, 1939—1955. L., 1985.

[83] *Gilbert M.* Road to Victory: Winston S. Churchill, 1941—1945. L., 1986.

[84] *Miner S. M.* Between Churchill and Stalin: The Soviet Union, Great Britain, and the Origins of the Grand Alliance. Chapel Hill, 1988.

[85] *Woodward E. L.* British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 1—5. L., 1970—1976; *Hinsley F. H.* British Intelligence in the Second World War. Vol. 1—5. L., 1979—1990.

[86] *Stoler M. A.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare, 1941—1943. Westport, 1977.

[87] *Howard M.* The Mediterranean Strategy in the Second World War. N. Y., 1968; *Говард М.* Большая стратегия. М., 1980.

[88] *Dunn W. C. Jr.* Second Front Now, 1943. Lexington, 1980; *Grigg J.* 1943, The Victory That Never Was. L., 1980.

[89] *Kitchen M.* British Policy Towards the Soviet Union during the Second World War. L., 1986; *Rothwell V.* Britain and the Cold War, 1941—1947. L., 1982; *Reynolds D.* The Creation of the Anglo-American Alliance, 1937—1941: A Study in the Competitive Co-operation. L., 1981; *Danchev A.* Very Special Relationship: Field Marshal Sir John Dill and the Anglo-American Alliance 1941—1944. L., 1986.

[90] *Erickson J.* The Road to Stalingrad. L., 1975; *idem.* The Road to Berlin: Continuing the History of Stalin's War with Germany. Boulder, 1983.

[91] War Diaries, 1939—1945: Field Marshal Lord Alanbrooke. L., 2001.

[92] *Gilbert M (Ed.).* The Churchill War Papers. Vol. III. The Ever-Widening War 1941. L., 2000.

[93] War and Diplomacy: The Making of the Grand Alliance. Documents from Stalin's Archives. Amsterdam, 1996.

[94] Англоязычное издание: Allies at War: The Soviet, American, and British Experience, 1939—1945. L., N. Y., 1995.

[95] The Rise and Fall of the Grand Alliance. L., 1995.

[96] *Perlmutter A.* FDR and Stalin: A Not So Grand Alliance, 1943–1945. Columbia, 1993.

[97] *Roberts G.* Stalin's Wars: from World War to Cold War, 1939–1953. New Haven, L., 2006. P. XI.

[98] *Fenby J.* Alliance: the Inside Story of How Roosevelt, Stalin and Churchill Won One War and Began Another. San Francisco, 2006.

[99] *Stoler M. A.* Allies and Adversaries: the Joint Chiefs of Staff, the Grand Alliance, and U. S. strategy in World War II. Chapel Hill, 2000.

[100] *Plokhy S. M.* Yalta: the Price of Peace. N. Y., 2010; *Harbutt F. S.* Yalta 1945: Europe and America at the Crossroads. Cambridge, 2010.

[101] *Van Tuyll H. P.* Feeding the Bear: American Aid to the Soviet Union, 1941–1945. N. Y., 1989; *Weeks A. L.* Russia's Life-Saver: Lend-Lease Aid to the U. S. S. R. in World War II. Lanham, 2004.

[102] *Reynolds D.* From World War to Cold War: Churchill, Roosevelt, and the International History of the 1940s. Oxford, 2006.

[103] *Folly M. H.* Churchill, Whitehall, and the Soviet Union, 1941–1945. L., 2000.

[104] *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances: How Personal Politics Helped Start the Cold War.

[105] *Dunn D.* Caught between Stalin and Roosevelt: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998; *Mayers D.* FDR's Ambassadors and the Diplomacy of Crisis: from the Rise of Hitler to the End of World War II. Cambridge, 2013.

[106] *Smith B. L.* Sharing Secrets with Stalin: How the Allies Traded Intelligence, 1941–1945. Lawrence, 1996; *Aldrich R. J.* Intelligence and the War against Japan: Britain, America and the Politics of Secret Service. Cambridge, 2000; *O'Sullivan D.* Dealing with the Devil: Anglo-Soviet Intelligence Cooperation in the Second World War. N. Y., 2010.

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА НА ЕВРОПЕЙСКОМ ТВД

Начало Второй мировой войны

3 апреля 1939 г. Верховное командование германских вооруженных сил (ОКВ) издало директиву «О единой подготовке вооруженных сил к войне». На ее основании было подготовлено и осуществлено стратегическое развертывание германских войск против Польши. Как отмечал впоследствии начальник Разведывательного управления Генерального штаба сухопутных сил К. Типпельскирх: «В географическом и военном отношении имелись все предпосылки для быстрой победы над Польшей... Польша не могла бы рассчитывать на благоприятный исход войны, если бы она стала вести борьбу только своими собственными силами»[1]. 11 апреля 1939 г. ОКВ и штабы сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил приступили к разработке оперативных планов, сведенных в единый план войны против Польши «Вейс» («Белый»). 28 апреля А. Гитлер объявил об аннулировании пакта о ненападении с Польшей 1934 г.[2]

23 мая 1939 г. на совещании с высшим военным командованием А. Гитлер заявил: «Вопрос о том, чтобы пощадить Польшу, отпадает и остается решение: при первом же подходящем случае напасть на Польшу... Дело дойдет до военных действий. Задача — изолировать Польшу. Удача изоляции имеет решающее значение»[3]. Германские военные руководители разделяли мнение фюрера. Так, начальник штаба сухопутных войск Ф. Гальдер оставил следующую запись в своем дневнике: «Было бы желательно вначале ликвидировать угрозу на западе. Но поскольку все более становится ясно, что Польша в любом затруднительном положении ударит нам в спину, следует, прежде чем перейти к разрешению западной проблемы, вначале разрешить восточный вопрос. Современное положение Германии благоприятно для разрешения восточного вопроса... Время благоприятствует его решению именно теперь. Поэтому целесообразно нанести удар! Конечно, в этом есть политический риск. Но без риска не может быть никакого окончательного решения»[4].

План «Вейс» предусматривал удар двумя группами армий, из которых основная роль отводилась группе армий «Юг» (14, 10 и 8-я полевые армии) под командованием генерал-полковника Г. Рундштедта. Группе армий «Север» генерал-полковника Ф. Бока предстояло ликвидировать «польский коридор» — последствие версальской системы и присоединить к рейху г. Данциг (Гданьск), соединив земли Померании и Восточной Пруссии. Одновременно она должна была развить наступление на Варшаву с целью разбить польские войска, укрепившиеся севернее Вислы, и далее во взаимодействии с группой армий «Юг» уничтожить польские силы в Западной Польше.

Министр иностранных дел Польши Ю. Бек делает заявление о разрыве с Германией пакта о ненападении

Жители Варшавы слушают выступление министра иностранных дел Ю. Бека по радио

Колонна немецких легких танков во время вторжения в Польшу

Брошенный на дороге легкий польский двухбашенный танк

Германский линкор «Шлезвиг-Гольштейн» ведет обстрел крепости Вестерплатте

Солдаты вермахта на огневой позиции в польском селе

Расчет 81-мм батальонного миномета ведет огонь

Против Польши Германия выставила наиболее боеспособную часть своих сухопутных и военно-воздушных сил: 62 дивизии, в том числе семь танковых и восемь моторизованных, и одну кавалерийскую бригаду, в которых насчитывалось более 1,8 млн человек, около 3200 танков, 6000 орудий и минометов, 2100 боевых самолетов. Польша в ходе оборонительных сражений могла противопоставить противнику всего 36 дивизий, две моторизованные, три горнострелковые и 11 кавалерийских бригад, 4500 орудий и минометов, примерно 400 боевых самолетов[5], 887 танков и танкеток, 100 бронеавтомобилей, 10 бронепоездов[6]. Вооруженные силы Польши насчитывали 439 718 человек, из них в сухопутных войсках — 418 474, в авиации — 12 170, в военно-морском флоте — 9074. Численность обученных резервов достигала 1,5 млн человек[7].

Польская военная доктрина рассматривала будущую войну как континентальную, и главная роль в строительстве вооруженных сил отводилась сухопутным войскам. Военное планирование польского верховного командования исходило из условий помощи со стороны западных держав. Этому способствовали гарантии Польше со стороны Великобритании и Франции и заключенное 25 августа 1939 г. англо-польское соглашение, которое подразумевало военную поддержку Польше в случае нападения. Исходя из этого, маршал Э. Рыдз-Смиглы надеялся, что Германия воздержится предпринимать наступательные действия против Польши. Стратегическое сосредоточение и развертывание польской армии проводилось в соответствии с оборонительным планом «Захуд». Оно началось с опозданием, поэтому к началу войны не было полностью закончено.

31 августа 1939 г. эсэсовцы, переодетые в польскую форму, инсценировали нападение Польши на германскую территорию в пограничном городе Гляйвиц. С рассветом 1 сентября 1939 г. немецкая авиация нанесла первые удары по аэродромам, узлам коммуникаций, экономическим и административным центрам Польши. Затем последовало вторжение немецких войск на польскую территорию, ознаменовав начало Второй мировой войны.

Несмотря на трудные условия первого дня войны, польские солдаты смело вступили в схватку с превосходящими силами противника и вели бои на всех фронтах. Удары германских войск наносились на стыках польских армий. С территории Восточной Пруссии наступала 3-я армия: частью сил — навстречу 4-й армии, а главными силами — против польской армии «Модлин». На северном участке в бой вступили армии «Модлин» и «Поможе». На первых порах польские соединения смогли сдержать фронтальные атаки германских пехотных и танковых дивизий на Пултуск и Варшаву, нанеся серьезные потери танковому соединению «Кемпф». Успешно действовала польская группа «Всхуд».

Поскольку основные бронетанковые силы вермахта были сосредоточены в полосе группы армий «Юг», на северном участке фронта недостачу танков восполняли бронепоезда, которые вступили в бой уже в первые часы войны. Так, бронепоезд № 3 ворвался в Польшу со стороны Поморского коридора через станцию Хойнице (Конитц). Однако расчет 37-мм противотанкового орудия 18-го польского уланского полка Поморской кавалерийской бригады метким выстрелом повредил немецкий бронепоезд. Удачное попадание вызвало взрыв боезапаса в одном из артиллерийских вагонов.

Специальный немецкий отряд, поддерживаемый бронепоездом № 7, должен был захватить мост у Тчева (Диршау) и сохранить его для наступающей армии. Однако польская охрана сумела восстановить прерванную во время бомбардировки взрывную цепь и взорвать мост, уничтожив при этом более взвода вражеской пехоты и повредив немецкий бронепоезд.

С началом войны авиационные группы 4-го воздушного флота люфтваффе атаковали аэродромы в Катовицах, Кракове и других районах, уничтожив 17 польских самолетов и ангары. Германская авиация полностью господствовала в воздухе. В многочисленных воздушных боях польские самолеты терпели поражение, так как были тихоходными и плохо вооруженными[8]. Немецкая авиация совершила два налета на Варшаву. В первом налете, предпринятом ранним утром, участвовало до 100 самолетов[9]. Во второй половине дня люфтваффе вновь предприняло налет на польскую столицу, приближаясь к ней практически со всех направлений. Однако в результате противодействия польской авиации немецкие летчики были вынуждены сбросить часть бомбового груза за чертой города.

Польское противотанковое орудие на позиции

Подбитый польской артиллерией немецкий бронеавтомобиль

Польская конница в атаке

Уничтоженный польский бронепоезд

Уже 1 сентября германские войска вступили в Данциг, который был объявлен частью рейха. В этот же день на северном крыле германо-польского фронта произошла первая в истории Второй мировой войны кавалерийская атака, которую провели солдаты и офицеры 18-го полка поморских улан под командованием полковника К. Масталежа. Конный маневренный отряд численностью около 200 человек совершал обходной марш с целью выхода в тыл наступавшей немецкой пехоте. Около семи часов вечера недалеко от деревни Кроянты, восточнее г. Хойнице, отряд обнаружил батальон вражеской пехоты, расположившийся на отдых в 300—400 метрах от лесной опушки, и с ходу атаковал его. Застигнутый врасплох немецкий батальон в панике разбежался. В это время во фланг кавалерии вышли вражеские бронеавтомобили и открыли пулеметный огонь. Потеряв 26 человек убитыми и более 50 ранеными, маневровый отряд отошел.

Атака польских улан поразила командира 19-го армейского корпуса вермахта (в него входила 20-я моторизованная дивизия) генерала Г. Гудериана, отметившего в своих воспоминаниях: «Командир 20-й мотодивизии доложил после полуночи, что он был вынужден отступить под натиском польской кавалерии. Услышав это, я сначала потерял дар речи, затем, взяв себя в руки, спросил командира дивизии, слышал ли он когда-нибудь, чтобы померанская пехота бегала от кавалерии противника. Он ответил отрицательно и заверил меня, что удержит свои позиции. На следующее утро я решил все же съездить в эту дивизию. Прибыв туда в 5 часов, я увидел, что штаб дивизии все еще чувствует себя до некоторой степени беспомощно»[10].

На южном крыле отражали немецкое наступление армии «Лодзь» и «Краков». Поляки наносили ощутимые удары танковым частям противника. Тем не менее неприятель, используя свое превосходство, сумел в полосе армии «Краков» к вечеру прорваться на северном и центральном участках. Части 3-й немецкой армии отбросили на юг польскую группу «Всхуд», входившую в состав армии «Поможе». Передовой отряд 3-й танковой дивизии 4-й немецкой полевой армии достиг Швече, в результате польские войска, оборонявшие коридор, были охвачены с двух сторон.

В первой половине дня 2 сентября 1-я германская танковая дивизия 16-го моторизованного корпуса в районе Ченстохова вклинилась в промежуток между армиями «Лодзь» и «Краков», что стало неожиданностью для обеих противоборствующих сторон. Германское командование, опасаясь вводить в образовавшуюся брешь на польском фронте танки без сопровождения пехоты, отдало приказ остановиться и ждать подхода второго эшелона, на что ушло полтора дня[11].

В 11 часов утра 3 сентября Великобритания объявила войну Германии, а в 17 часов это сделала и Франция. Эти заявления в Польше были встречены с энтузиазмом. В польских городах прошли радостные манифестации, а в адрес британского монарха была отправлена приветственная телеграмма[12].

На следующий день был подписан франко-польский договор о взаимной дружбе, который оказался «идентичен англо-польскому договору и сразу же после подписания вступил в силу»[13]. Французский главнокомандующий генерал М. Гамелен направил Э. Рыдз-Смиглы телеграмму, в которой заверил его в своей дружбе и сообщил, что 4 сентября он начнет боевые действия на суше[14]. Но все это не оказало влияния на характер действий германских войск, которые продолжали наступать на восточном направлении. Надежды поляков на союзников оказались тщетными. Только 9 сентября, когда уже начались бои под Варшавой, 10 французских дивизий провели локальную атаку в районе Саара и продвинулись на фронте в 32 км на глубину от 3 до 8 км. Однако германское командование своей директивой подтвердило продолжение операций в Польше до полного разгрома противника. На западе задачи оставались прежними[15].

3 сентября немцы окружили часть армии «Поможе», оставшиеся вне кольца соединения отступили на новые оборонительные позиции под Дрвенц на Висле[16]. В районе Млавы и на Поморье главные польские силы понесли серьезные потери и вынуждены были отступать. Ситуация для поляков оказалась критической. Маршал Э. Рыдз-Смиглы заявил: «В связи со сложившейся обстановкой и комплексом проблем, который поставил ход событий в порядок

дня, следует ориентировать ось отхода наших войск не просто на восток, в сторону России, связанной пактом с немцами, а на юго-восток, в сторону нейтральной Румынии и благоприятно относящейся к Польше Венгрии»[17]. Таким образом, Главный штаб ориентировал сражавшиеся в западных районах страны войска на общий отход.

4 сентября соединения 3-й немецкой армии группы армий «Север» захватили Млаву, на следующий день — Прасныш и стали выходить к польской оборонительной линии на р. Нарев. 8-я немецкая армия за четыре дня ожесточенных боев прорвала укрепления поляков в районе Серадз и приближалась к Лодзи. Создалась угроза охвата флангов польских армий. 4 сентября прекратилась связь польского главного командования со штабами армий «Познань» и «Краков», между которыми образовался опасный разрыв. Началась эвакуация из столицы государственных учреждений, документов и золотого запаса. Через Варшаву пошли первые беженцы из западных районов. К исходу 5 сентября развитие событий полностью вышло из-под контроля польского главного командования, тем не менее оно предприняло попытку организовать контрудар на флангах двух армий — «Прусы» и «Лодзь». Из-за плохой организации взаимодействия, слабого авиационного прикрытия в условиях господства в воздухе люфтваффе контрудар фактически превратился в разрозненные контратаки, которые не смогли оказать заметного влияния на развитие событий.

Соединения 10-й немецкой армии продолжали стремительное продвижение вперед. 15-й армейский корпус вышел в район Радома, 14-й — к Висле в районе Котенице, а 16-й прорвался к Варшаве с юга. Совместными усилиями соединения 10-й и 14-й полевых армий окружили в районе Радома остатки пяти польских дивизий из армий «Пруссы», «Лодзь» и «Краков». Внутреннее кольцо окружения смыкалось на Висле, внешнее — на Буге. Сложилась реальная угроза отсечения армий «Поморье» и «Познань» от основных сил. В этих условиях маршал Э. Рыдз-Смиглы отдал приказ на отход польских войск на линию Висла — Сан. 6 сентября польский главный штаб переместился из Варшавы в Брест (Брест-над-Бугом, с сентября 1939 г. — Брест-Литовск), в этот же день столицу покинули президент И. Мосьцицкий и правительство Польской республики, перебравшиеся в Люблин.

Однако немцам не удалось окружить польские войска к востоку от Вислы. Этот план был сорван героической обороной Визны. В ходе трехдневных боев защитники Визны под командованием В. Рагиниса сдерживали натиск 10-й танковой дивизии Н. фон Фалькенхорста и 19-го танкового корпуса Г. Гудериана. Сражение за Визну вошло в историю как Польские Фермопилы.

Верховное командование германских сухопутных войск (ОКХ) отдало приказ отсечь польским войскам пути отхода. Для этой цели Г. Гудериану предписывалось ускоренным маршем двинуться на Брест, а 22-му танковому корпусу 14-й полевой армии — на Хелма. Одновременно части сил 14-й немецкой армии должны были атаковать Львов, чтобы воспрепятствовать отступлению польских войск в Румынию.

К 14 сентября польские армии «Познань» и «Поморье» оказались в окружении. В боях на р. Бзура действовало 820 самолетов люфтваффе, которые сбросили 328 тонн бомб[18]. Польские силы были рассечены на несколько частей, которые не имели единого командования. С этого времени сопротивление продолжалось только в районе Варшавы — Модлина и западнее — вокруг Кутно и Лодзи. Кольцо внешнего окружения сомкнулось: к югу от Бреста соединились 3-я и 14-я немецкие армии. Лишь незначительные отряды отрезанных польских сил смогли прорваться в Варшаву и Модлин. Но 19 сентября организованное сопротивление здесь было сломлено, а в 22 часа 21 сентября последние группы окруженных польских войск капитулировали.

Бои за Варшаву длились с 8 по 28 сентября. Лишь 25–26 сентября частям 13-го немецкого армейского корпуса удалось прорвать обе линии внешних укреплений, а 11-го армейского корпуса — овладеть первой линией фортов[19]. До 20% зданий города оказалось разрушено, в том числе национальная святыня — Королевский замок[20]. С вечера 29 сентября началась сдача в плен гарнизона Варшавы, а утром 1 октября в него вступила 10-я немецкая пехотная дивизия. 2 октября в Варшаве в присутствии А. Гитлера состоялся парад победы вермахта[21].

Войска Германии на марше

Немецкие солдаты конвоируют польских военнопленных

У. Черчилль дал следующую оценку польской кампании 1939 г.: «Мы видели великолепный образец современного блицкрига: тесное взаимодействие на поле боя армии и авиации; усиленная бомбардировка коммуникаций и городов, представлявших сколько-нибудь заманчивую цель; вооружение активной «пятой колонны»; широкое использование шпионов и парашютистов; а главное — непреодолимый натиск огромных масс танков. Поляки были не последними, на чью долю выпало это тяжелое испытание»[22].

Военный историк Дж. Фуллер подчеркивал, что «исход кампании 1939 г. был решен не численным превосходством, а быстротой действий авиации и танковых частей... Любая форма линейной обороны, независимо от того, состояла ли она из долговременных сооружений или из поспешно возведенных полевых укреплений, какие неоднократно останавливали наступающего в Первую мировую войну, оказалась наихудшим видом обороны: когда танковые силы противника прорывали оборонительную полосу, защитники не могли сосредоточить свои войска для контратаки»[23].

В войне с Польшей германский вермахт понес незначительные потери: по немецким источникам, примерно 40 тыс. солдат и офицеров, в том числе 8 тыс. убитыми. В боях с вермахтом погибли около 63 тыс. польских солдат и 3,3 тыс. офицеров, 133,7 тыс. были ранены, около 400 тыс. человек попали в германский плен[24].

Несмотря на разгром армии и фактическую оккупацию всей территории государства, официально Польша не капитулировала перед Германией и странами оси. Помимо развернувшегося партизанского движения войну продолжали польские формирования в составе армий союзников. 18 сентября польское правительство, утратив контроль над страной, эмигрировало в Румынию. Президент И. Мосьцицкий объявил о своей отставке. 30 сентября в Париже было сформировано польское правительство в изгнании во главе с В. Сикорским, которое затем эмигрировало в Лондон[25].

С начала германского вторжения в Польшу советское руководство заняло выжидательную позицию. 4 сентября германский посол в Москве Ф. Шуленбург передал наркому иностранных дел В. М. Молотову телеграмму И. Риббентропа, в которой спрашивал: «Не считает ли Советский Союз желательным, чтобы русские вооруженные силы выступили в соответствующий момент против польских вооруженных сил в районе сферы русских интересов и со своей стороны оккупировали эту территорию»[26].

17 сентября советское правительство отдало приказ войскам занять восточные районы Польши — Западную Украину и Западную Белоруссию, которые в 1919 г. были захвачены польскими войсками и включены в состав польского государства[27]. Правительство Польши выразило протест против одностороннего разрыва Советским Союзом пакта о ненападении, а ее дипломатическое представительство в Москве свернуло свою миссию. Для операции по занятию Восточной Польши советское командование выделило часть войск Украинского и Белорусского фронтов, всего более 466 тыс. человек[28]. Соединениям Красной армии противостояли польские части Корпуса охраны пограничья и дивизии, расположенные в восточных воеводствах, всего 350–450 тыс. человек[29].

20 сентября советская и германская стороны установили демаркационную линию по рекам Писса, Нарев, Висла, железной дороге вдоль р. Сан, а на следующий день подписали протокол, зафиксировавший порядок и временные рамки отвода германских войск на запад до установленной линии. Отход должен был завершиться к 4 октября.

Во время польской кампании погибли с польской стороны 3500 военнослужащих и гражданских лиц, около 20 тыс. были ранены или пропали без вести[30]. Потери советских войск составили 2383 человека, в том числе безвозвратные — 996[31]. Ряд польских историков оценивают потери РККА в 2–2,5 тыс. убитыми и 8–10 тыс. ранеными, а собственные потери — 6–7 тыс. убитыми и около 10 тыс. ранеными[32].

Период военного противостояния на Западноевропейском театре военных действий с сентября 1939 по май 1940 г. является одним из наиболее противоречивых во Второй мировой войне, получив название «странной войны». Предполагалось, что вступившие в войну Франция и Великобритания окажут поддержку польской армии, сражавшейся один на один с германским агрессором, и наступление союзников на западном фронте приведет Германию к неминуемой катастрофе. Однако этого не случилось.

Немецкий дорожный указатель «К фронту» в Польше

Солдаты вермахта в предместье Варшавы

Польский солдат на огневой позиции в пригороде Варшавы

Жители Варшавы на развалинах своего дома

Немецкие войска в столице Польши

Польские солдаты гарнизона Варшавы после капитуляции

К началу Второй мировой войны на западном фронте сосредоточилась немецкая группа армий «Запад» под командованием генерал-полковника В. Лееба. Она насчитывала 33 дивизии, входивших в состав двух армий, которые были развернуты на рубежах: 7-я — вдоль Рейна от Базеля до Карлсруэ; 1-я — от Рейна до люксембургской границы. Небольшая оперативная группа «А» охраняла границы с нейтральными государствами до г. Везель[33].

Большинство французских и английских политических лидеров были убеждены, что А. Гитлер не осмелится напасть на Францию. По их мнению, ведущаяся в Германии подготовка к этому выступлению являлась обманным маневром, призванным связать силы союзников и не дать им возможности развернуться в других регионах, которые могли бы стать решающими, — в Скандинавии или на Балканах.

Еще одним фактором, определявшим политику союзников в 1939–1940 гг., была громоздкость французской системы принятия решений и их реализации. Выборные лидеры республики тратили значительную часть усилий на создание кабинетов или парламентских коалиций. Их суждения и распоряжения относительно взаимодействия с другими странами зачастую являлись следствием внутренних политических компромиссов. Французская национальная военная доктрина оказалась заложницей общественно-политического курса, отрицавшего активные действия в будущей войне. Поэтому французское командование избрало стратегию обороны.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами Франции был генерал М. Гамелен, главный, северо-восточный фронт возглавлял генерал Ж. Жорж. Французы сумели на этом направлении создать 1, 2 и 3-ю группы армий. На левом крыле действовала 1-я группа армий под командованием генерала Г. Бийота в составе пяти армий, включая Британские экспедиционные силы (БЭС), призванная оказать помощь Бельгии и Нидерландам. 2-я группа армий генерала А. Претелаа в составе трех армий была развернута по «линии Мажино», в то время как 3-я группа армий генерала А. Бессона (две армии) предназначалась для отражения немецкого наступления через Швейцарию.

Ударную мощь французской армии составляли три танковые, три легкие механизированные и пять кавалерийских дивизий, а также четыре отдельные кавалерийские бригады[34]. Кроме того, гарнизоны укрепленных районов включали в себя 13 французских и одну польскую дивизию. Вместе с Иностранным легионом (12 полков и полубригад) французская пехота в начале мая 1940 г. насчитывала 1130 батальонов[35].

Для координации политических и военных усилий Великобритании и Франции был создан высший военный совет, в состав которого вошли премьер-министры и некоторые министры союзных государств. Также был создан коалиционный военный орган — высший военный комитет, в состав которого входили командующие видами вооруженных сил. Он занимался рассмотрением оперативно-стратегических вопросов, но права отдавать распоряжения главнокомандующим на сухопутных и морских театрах этот коалиционный орган не имел[36]. Таким образом, создавалась патовая ситуация, в которой руководство Британии и Франции не решалось брать на себя ответственность за оказание помощи сражающейся Польше, а следовательно, за наступление на Германию.

Первые французские подразделения под командованием генерала Ж. Жоржа начали продвижение в глубь немецкой территории 7 сентября. Официальные сообщения высоко оценили эти операции. «Наши войска вступили в бой с противником по всей линии фронта между Рейном и Мозелем», — сообщало одно из них. Другое восхваляло захват большей части Варндтского леса, следующее — «яростный бой» в окрестностях Лотербурга в Саарской области, еще одно — наступление у границ Люксембурга и отражение немецких контратак. В этих сообщениях присутствовали элементы правды: французские солдаты действительно натыкались на мины. Один офицер описывал часть Варндтского леса как «настоящий вулкан»[37]. Потери в живой силе, большей частью ранеными, в итоге составили свыше тысячи человек.

Уже 9 сентября 1939 г. на совещании Генерального штаба французской армии главнокомандующий М. Гамелен открыто указал на близкий конец Польши и выразил опасение, что в ближайшем будущем Германия может повернуться против Франции всей своей мощью, возможно, заручившись поддержкой Италии[38]. После 17 сентября, когда советские войска

вступили в западные области Белоруссии и Украины, поддержка Польши в глазах союзников потеряла всякий смысл. Продвинувшиеся на глубину от 3 до 8 км французские войска были отведены на исходные позиции.

На линии фронта возникла странная ситуация. Германские солдаты продолжали возводить укрепления, а французские солдаты, которым было запрещено заряжать оружие боевыми снарядами и патронами, безучастно взирали на германскую территорию[39]. Сухопутным войскам вермахта также строжайше запрещалось первыми начинать боевые действия. Поступил приказ: «Оставить открытие военных действий за противником»[40]. На «линии Мажино» появился французский плакат: «Пожалуйста, не стреляйте, мы не стреляем». Сразу последовал немецкий ответ: «Если вы не будете стрелять, мы тоже стрелять не будем»[41]. На многих участках границы французские и немецкие военнослужащие стали обмениваться визитами, продовольствием и спиртными напитками.

С октября 1939 г. на всем протяжении франко-германского фронта установилось затишье. В итоговой сводке германского верховного командования от 18 октября были объявлены общие потери немцев на западном фронте: 196 человек убитыми, 356 ранеными и 144 пропавшими без вести. За этот же период были взяты в плен 689 французов. Было потеряно 11 самолетов — эта цифра показывает, насколько ограниченными в то время были действия авиации обеих сторон, не выходившие за рамки разведывательных полетов. Французы требовали от англичан прекратить воздушные налеты на Германию, так как они боялись ответных атак на свои незащищенные промышленные предприятия[42].

С началом Второй мировой войны Скандинавский полуостров занимал особое место в военном планировании воюющих держав. Сразу после падения Польши начальник британского Генерального штаба Э. Айронсайд заявил в Комитете начальников штабов, что Северный театр военных действий «заставит немцев действовать немедленно, вынудит их распылить свои силы и ввязаться в военные действия не только на сухопутном театре... Это будет наиболее действенным средством предотвращения наступления немцев на других фронтах»[43]. Эту позицию поддерживал У. Черчилль, обращая внимание премьер-министра на тот факт, что германские сухогрузы продолжают вывозить руду норвежскими территориальными водами.

Британия пыталась разрешить скандинавскую проблему в свою пользу. В самом начале войны британское правительство опубликовало обширный список товаров, которые оно квалифицировало как военную контрабанду. Принятие этого списка приводило к тому, что значительная часть норвежского экспорта в Германию оказалась под запретом, а внешняя торговля страны попадала под английский контроль. Разумеется, норвежское правительство было вынуждено уклониться от выполнения требований Лондона.

16 декабря 1939 г. британский морской министр составил меморандум, в котором отмечал следующее: «Если бы можно было теперь отрезать Германию от шведской руды вплоть до конца 1940 г., это был бы такой удар по ее военному производству, который равнялся бы первоклассной победе на суше или в воздухе, и при этом без серьезных людских потерь. Это могло бы дать немедленно решающие результаты». Также отмечалось, что Германия не сможет остаться равнодушной к активным действиям союзников, более того, говорилось, что Скандинавия является зоной немецких интересов. «В таком случае, — писал британский министр, — война распространится на Швецию и Норвегию, и поскольку мы господствуем на море, то почему бы французским и английским войскам не встретить германских захватчиков на норвежской земле»[44].

24 января 1940 г. начальник британского Генерального штаба генерал Э. Айронсайд представил военному кабинету меморандум «Главная стратегия войны». Анализируя соотношение сил между Германией (140 дивизий) и союзниками (110 дивизий), Э. Айронсайд пришел к выводу, что если Германия не добьется распыления сил союзников, то не сможет перейти в наступление на западном фронте с реальными шансами на успех. В то же время союзные державы также не обладали преимуществом в сухопутных войсках и военно-воздушных силах для начала решительного наступления с территории Франции. В такой обстановке западные союзники стремились «вырвать стратегическую инициативу у Германии» лишь действиями на периферийных театрах, особенно с помощью экономической блокады[45].

Немецкий танк на железнодорожном мосту в Норвегии

Немецкая разведгруппа в Норвегии

Разбитый самолет люфтваффе в окрестностях Нарвика

Горящий немецкий эсминец в районе Нарвика

Войска Великобритании на пути в Норвегию

Британские солдаты на улице норвежской деревни

Немецкие солдаты на марше

Немецкий тяжелый крейсер «Адмирал Хиппер» на якорной стоянке в Норвегии

Начиная с ноября 1939 г., когда Скандинавский полуостров стал ареной военного конфликта между СССР и Финляндией, английскую позицию в отношении данного региона поддержала французская сторона. Премьер-министр Франции Э. Даладье в беседе с У. Черчиллем не раз отмечал, что объявление войны СССР позволит союзникам ввести войска в Финляндию и взять под контроль норвежские порты, тем самым отрезав Германию от ее главного источника железной руды[46]. Мнение премьера поддерживал и главнокомандующий французской армией М. Гамелен, считая, что военные действия одновременно против Советского Союза и Германии в конечном итоге принесут большую выгоду по двум причинам: более крупная война получит восторженную поддержку во Франции со стороны тех, кто боится большевиков так же, как нацистов, или даже больше и таким образом сомневается в осмысленности войны против Германии[47]. В целом, позицию союзников можно охарактеризовать как стремление создать в Норвегии второй фронт, чтобы оттянуть начало германского наступления на западе и ослабить его силу.

21 марта 1940 г. новым главой французского правительства стал Поль Рейно, выступавший за более решительное ведение войны. По его инициативе 28 марта в Лондоне состоялось очередное заседание высшего военного совета, на котором было принято принципиальное решение о военном вторжении в Скандинавию. В связи с этим было постановлено послать в Нарвик английскую бригаду и французские войска, чтобы очистить порт и придвинуться к шведской границе[48]. Предполагалось, что англичане произведут высадку, а французские войска будут действовать в качестве подкрепления. Высадка в Нарвике и Тронхейме намечалась на 10 апреля силами двух батальонов 24-й гвардейской бригады, к которым позже присоединялись остальные бригадные подразделения[49].

Как и западные союзники, нацистское руководство понимало стратегическую важность скандинавского плацдарма, который, по словам А. Гитлера, «превратился в сферу интересов решающего значения для обеих враждующих сторон»[50]. Именно отсюда можно было контролировать морские пути из советского Заполярья, а северные норвежские фьорды могли бы стать опорными пунктами для блокады Мурманска[51]. Задача состояла в том, чтобы как можно скорее нанести внезапный удар, упредить западных союзников в занятии Дании и Норвегии и тем самым прикрыть территорию Германии с севера. Цели операции в Скандинавии фюрер видел в расширении исходных позиций для военно-морского флота и авиации в их борьбе против Англии, а также в обеспечении ввоза железной руды из северных районов Швеции через Ботнический залив и Нарвик.

Еще 27 января 1940 г. ОКВ отдало директиву о разработке оперативно-стратегического плана «N». Рабочий штаб по подготовке операции возглавил командир 21-го армейского корпуса генерал Н. Фалькенхорст. Он решил направить главный удар на захват основных портов Норвегии — Осло, Ставангера, Бергена, Тронхейма и Нарвика, осуществив его силами одной дивизии. Н. Фалькенхорст так формулировал задачи привлекаемых к выполнению операции сил: «Размеры и рельеф страны делают необходимым участие в операции разобщенных друг с другом боевых групп, которые лишь на последней стадии проведения операции смогут соединиться и получить подкрепления. Поэтому предпосылкой успеха всей операции являются энергичные действия всех командиров и безукоризненное взаимодействие видов вооруженных сил, выполняющих боевую задачу в одном районе»[52].

В этой работе активное участие принимали сам А. Гитлер и главнокомандующий военно-морскими силами гросс-адмирал Э. Редер. С учетом многократного превосходства британского флота и расстояния в 2000 км до Нарвика операция являлась крайне рискованной. Впервые с начала войны ОКВ осуществляло общую разработку театра военных действий для кригсмарине, люфтваффе и сухопутной армии в качестве рабочего штаба верховного главнокомандующего вермахтом[53]. Соединения и части всех трех видов вооруженных сил Германии сводились в одну оперативную группировку, которая для достижения более тесного взаимодействия между входившими в ее состав элементами имела единое командование[54].

Германское вторжение в Норвегию и Данию началось 9 апреля 1940 г. В этот же день состоялось экстренное заседание англо-французского союзного командования, принявшего

Британские военнопленные под конвоем немецких солдат в Норвегии

Пленные британские солдаты несут раненого товарища на самодельных носилках

решение послать в порты на норвежском побережье, где только возможно, крупные контингенты войск и разработать совместные планы.

12 апреля в Нарвик были направлены первые подразделения 24-й пехотной бригады шотландских стрелков, а вскоре к ним присоединились 146-я территориальная английская дивизия и 5-я французская альпийская полубригада. Командование десантом было поручено британскому генерал-майору П. Мэкези, морскими силами командовал адмирал У. Корк. Действия английского и французского командований не были согласованы ни между собой, ни с норвежским правительством, что обрекало прибывшие под Нарвик силы первоначально на пассивное ожидание. В дальнейшем союзное командование намеревалось захватить Тронхейм в качестве опорного пункта на западном побережье Норвегии.

Задача немецкого командования состояла в том, чтобы быстрым и решительным ударом на Тронхейм с юга соединиться с находившимся там десантом. Сосредоточив все имевшиеся в распоряжении силы, поддерживая наступление боевых групп бомбардировочной авиацией 10-го воздушного корпуса генерал-лейтенанта Г. Гейслера, а также введя в действие несколько танковых подразделений, немецкое командование обеспечило продвижение своих войск на север. Английские войска пытались остановить немецкое наступление в районе Лиллехаммера, однако британцы допустили здесь крупную ошибку: вместо того чтобы сразу наступать в северном направлении на Тронхейм, взять его в клещи и уничтожить действовавшие там немецкие войска, они повернули на юг. Наступление союзников велось разрозненными группами, не имевшими друг с другом никакого взаимодействия. 24 апреля, получив сильный удар с ходу, союзники были отброшены и вынуждены начать отход, превратившийся в беспорядочное отступление, во время которого они потеряли всю технику[55].

Немецкое наступление развивалось вдоль важных дорог, поскольку мосты, как правило, были разрушены и изобиловали различными заграждениями. Укрепления противника обстреливались беглым фронтальным огнем, а затем немецкие лыжные команды пытались обойти их с флангов[56]. Активные тактические действия немецких отрядов в сочетании с сильной авиационной поддержкой предопределили поражение англо-французских союзников. 2 мая их части были эвакуированы из Ондальснеса, а 4 мая — из Намсуса. Вслед за этим англичане поспешили отвести свои войска из центральной части Норвегии, поскольку их дальнейшее пребывание там потеряло всякое военное значение. У. Черчилль впоследствии писал, что в норвежской кампании превосходство немцев в замысле, руководстве и энергии было несомненным[57].

Утром 9 апреля в 5 часов 15 минут, как это и было предусмотрено планом, подразделения 3-й австрийской горнопехотной дивизии в составе около 2400 человек высадились с шести эсминцев в районе Нарвика. Задачей немецкого десанта, разделенного на северную и южную группы, был захвата Нарвика и дороги, по которой из Швеции вывозилась железная руда. Действия немцев явились полной неожиданностью для норвежцев, большая часть застигнутых врасплох норвежских гарнизонов сразу же приняла предложение о капитуляции. 10 апреля соединение английских военных кораблей пыталось с боем прорваться в Уфут-фьорд, при этом были потоплены два немецких эсминца, а пять получили повреждения.

К концу апреля, после неудачи в Центральной Норвегии цели союзников сузились до организации защиты непосредственно Нарвика и блокирования путей доставки железной руды из Швеции. Французская 1-я легкая стрелковая дивизия генерала М. Бетарта высадилась в секторе Нарвика между 27 апреля и 7 мая. Дивизия включала в себя полубригаду карпатских стрелков (это были польские военнослужащие, пробравшиеся на запад) с немногочисленными приданными им пушками и танками[58].

28 мая союзники начали атаку на Нарвик. Вслед за предварительным обстрелом с моря войска Иностранного легиона высадились с десантного корабля на северной стороне полуострова Нарвик. Немецкая контратака в зоне высадки была отражена. Генерал М. Бетарт приготовился развить успех, оттеснив немцев назад. Немцы в Нарвике оказались перед опасностью разгрома, но от подобного исхода их спасли события, развернувшиеся за пределами этого участка боевых действий[59]. Внезапное германское наступление во Франции,

Нидерландах и Бельгии сделало бессмысленным дальнейшее сопротивление в Норвегии, и 31 мая британский кабинет отдал приказ адмиралу У. Корку отойти от Нарвика. 8 июня 1940 г. эвакуация союзников из Норвегии была завершена. 10 июня Норвегия подписала акт о капитуляции, сражение за Скандинавию окончилось.

Всего в кампании 1940 г. в Норвегии немецкие вооруженные силы потеряли 5926 человек, 242 самолета, три крейсера, 10 эсминцев, восемь подводных лодок и 11 транспортов. Британцы потеряли 1869 человек, норвежцы — 1335, французы и поляки — 530. Общие потери союзников составили 3734 человека, 50 самолетов, два крейсера, девять эсминцев, шесть подводных лодок и шесть транспортов[60].

В отчаянной схватке с английским военно-морским флотом немцы утратили значительную часть собственного флота, который был им нужен для предстоящих решающих столкновений. К концу июня 1940 г. в составе действующего германского флота насчитывались один крейсер, вооруженный восьмидюймовыми орудиями, два легких крейсера и четыре эсминца[61].

Падение Франции и оборона Великобритании

Захват Норвегии в апреле — июне 1940 г. был первым шагом руководства Третьего рейха к завоеванию западных стран. План войны против Франции начал разрабатываться германским командованием еще осенью 1939 г. В начале октября был рассмотрен первоначальный план вторжения немецкой армии на запад, получивший кодовое название «Гельб» («Желтый»). Согласно этому плану танковые и механизированные части наступали по болотистым низменностям Нидерландов, а затем резко поворачивали на юго-запад и вторгались во Францию с севера, обходя таким образом «линию Мажино».

Главные силы немецких войск, располагавшиеся на юге, переходили в наступление после достижения успеха северной группировкой. Стремительными действиями бронетанковых войск через Арденны южная группировка должна была разгромить относительно небольшие силы противника и выйти к Атлантическому побережью, отрезав французские войска.

В свою очередь, французский Генеральный штаб при планировании военных действий против нацистской Германии отдавал предпочтение позиционным формам борьбы. В ходе длительной обороны на «линии Мажино» он рассчитывал ослабить противника, а затем разгромить его. Учитывая опыт Первой мировой войны, французское военное командование не исключало, что немецкие войска предпримут наступление через бельгийскую низменность севернее Арденн. В таком случае, согласно утвержденному осенью 1939 г. плану под кодовым наименованием «Диль», часть французских и английских сил должна была выдвинуться из-за «линии Мажино» в Бельгию и Голландию и создать там фронт по линии Намюр — Диль — Антверпен[62].

23 февраля 1940 г. А. Гитлер утвердил директиву на развертывание войск по плану «Гельб». Главный удар наносился в полосе группы армий «А» через бельгийские Арденны, которые, по общепринятому тогда мнению, из-за слабо развитой сети горных дорог считались малопригодными для продвижения крупных масс войск. В состав группы армий «А» вошла танковая группа генерала Э. Клейста, включавшая пять танковых и три моторизованные дивизии. Ей была поставлена задача прорваться через Арденны к Ла-Маншу, отрезать находившиеся восточнее войска западных союзников и во взаимодействии с группой армий «Б» разгромить их. Группа армий «Ц», развернутая в Сааре и на Верхнем Рейне, должна была сковать противостоявшие ей французские войска, занимавшие укрепления «линии Мажино». 2-му и 3-му воздушным флотам предписывалось в первые часы наступления уничтожить на аэродромах основную массу самолетов противника, а затем поддержать свои сухопутные войска на направлениях главных ударов[63].

Немецкие парашютисты поднимаются в атаку в Голландии

Немецкие пулеметчики на позиции

Разрушенная орудийная башня бельгийского форта Эбен-Эмель

Немецкие десантники, принимавшие участие в захвате форта Эбен-Эмель

К апрелю 1940 г. были завершены последние приготовления вермахта к наступлению на западном фронте. Общая численность германской наступательной группировки достигала 3,3 млн человек. Противостоявшие союзные войска насчитывали 3,8 млн человек. Их основой являлись три группы французских армий и британские экспедиционные силы. Войска союзников уступали противнику в боевой подготовке, не имели опыта крупномасштабных наступательных операций с применением современных средств вооруженной борьбы и, в отличие от немецких войск, единого командования[64].

Вторжение произошло в трудное с политической точки зрения время для союзников. В Англии правительство Н. Чемберлена балансировало на грани отставки, парламент обсуждал кандидатуры нового премьер-министра. Во Франции правительство, возглавляемое П. Рейно, также переживало кризис, который едва не привел к отставке премьера и главнокомандующего армией генерала М. Гамелена.

10 мая 1940 г. на рассвете немецкие войска без объявления войны вторглись на территорию нейтральных Бельгии и Голландии и перешли в крупномасштабное наступление на Францию. Немецкая авиация нанесла массированные удары по 27 аэродромам Бельгии, Голландии и Франции. Почти вся бельгийская и голландская авиация была уничтожена на земле, а французская понесла тяжелые потери. Затем немецкие ВВС перенесли свои усилия на бомбардировку военных сооружений и скоплений войск противника.

Германская группа армий «Б» под командованием Ф. Бока, осуществлявшая вторжение в Нидерланды и Центральную Бельгию, состояла из двух армий — 18-й генерала Г. Кюхлера и 6-й, переформированной после польской кампании из 10-й, генерала В. фон Рейхенау. Важная роль в 18-й армии отводилась крупным воздушно-десантным соединениям — 7-й воздушно-десантной и 22-й пехотной дивизиям, где солдаты были обучены десантированию с самолетов и планеров[65].

6-я армия была усилена двумя танковыми дивизиями из 16-го танкового корпуса генерала Э. Гёпнера. Они должны были броском пересечь Маастрихтский выступ — узкую полосу Нидерландов, расположенную между Германией и Бельгией, и сокрушить бельгийскую оборону вдоль канала Альберта. Основной задачей 22-й воздушно-десантной дивизии являлся захват Гааги с последующим пленением голландского правительства и королевской семьи. Однако когда немецкие транспортные самолеты приблизились к аэродромам, голландцы встретили их шквальным огнем. Командир дивизии генерал Х. Шпонек был ранен. Соединение понесло большие потери, и в результате немецкое командование вынуждено было отказаться от захвата Гааги. Остатки дивизии были перенацелены на поддержку войск, наступавших на юго-восток, в направлении Роттердама.

Десанту 7-й немецкой воздушно-десантной дивизии удалось занять ключевой аэропорт Ваальхавен к югу от Роттердама, мосты через р. Маас и г. Додрехт. При захвате мостов в Роттердаме немцы впервые применили самолеты-амфибии. Весь день 10 мая здесь шли ожесточенные бои. Немецкое командование подтянуло дополнительные силы и переломило ситуацию в свою пользу. Воспользовавшись захваченными мостами, танки 9-й немецкой танковой дивизии устремились к Роттердаму.

Союзное командование расценило немецкое наступление в Голландии как главный удар. М. Гамелен отдал приказ 1-й группе французских армий, насчитывавшей 32 дивизии, войти в Бельгию. Эти силы, включая Британский экспедиционный корпус, начали движение к Бреде, а оттуда на юг — вдоль р. Диль, по направлению к Седану. Люфтваффе не предпринимали активных попыток помешать этому движению, поскольку оно, по сути, играло на руку немцам, высвобождая их внушительные силы из центрального сектора. Дивизии немецкой группы армий «А» должны были задержать продвижение противника на северном участке театра военных действий, беспрестанно атакуя оборонительные сооружения на р. Диль[66].

Авангарду 7-й французской армии удалось продвинуться вдоль линии бельгийского побережья и далее в Нидерланды. Когда французы достигли Бреды, они не обнаружили там голландских войск, с которыми должны были соединиться, поскольку те передислоцировались на север для защиты Роттердама. Около полудня 11 мая близ Тильбурга, к югу от

Горожане на улицах Роттердама после немецкой бомбардировки

Мирные жители, погибшие от немецкого авианалета, в районе Антверпена

Роттердама, французские войска столкнулись с передовыми частями 9-й немецкой танковой дивизии. Не ожидая встречи с противником, французы под ударами люфтваффе отошли от Роттердама.

12 мая немецкие танковые части соединились с десантниками, удерживающими позиции к югу от Роттердама. Это создало условия для развития наступления в рамках второго этапа операции на Вестинг-Холланд («крепость Голландия»), в которую входили крупные города Роттердам, Гаага, Утрехт и Амстердам[67]. Фактически Голландия оказалась разрезанной пополам, а с отходом 7-й французской армии голландцы остались один на один с немцами. На многих участках голландские части оказали немцам стойкое сопротивление и сумели отбить ряд захваченных аэродромов и других важных объектов. Однако 11 мая после сильнейших налетов немецкой авиации в распоряжении голландских ВВС осталось всего 12 самолетов.

14 мая 50 германских бомбардировщиков обрушили на Роттердам мощный удар, вызвав в городе крупные пожары и сильные разрушения. По некоторым оценкам, после этого налета около 78 тыс. жителей остались без крова, погибли более 30 тыс. человек, 20 тыс. были ранены. Этот факт оказал деморализующее психологическое воздействие на гражданское население Бельгии и Франции. В этот же день голландский главнокомандующий генерал Х. Винкельман принял немецкие условия о безоговорочной капитуляции. Утром 15 мая 1940 г. голландская армия сложила оружие. Однако корабли голландского флота успели уйти в Великобританию вместе с королевской семьей и правительством.

Одновременно с наступлением на Голландию германские войска нанесли удар по Бельгии. Он также начался с массированных налетов на аэродромы, железнодорожные узлы, пригороды Брюсселя, Антверпена и Намюра. Основным естественным препятствием для вступления немцев в Бельгию была р. Маас. Чтобы продвинуться в глубь страны, немцы должны были захватить мосты на внешнем обводе Маастрихта, краеугольной точке обороны Бельгии, где Маас и канал Альберта соединяются друг с другом. Эта территория была хорошо укреплена и защищалась как минимум тремя полками 7-й бельгийской дивизии. Ключом обороны являлся форт Эбен-Эмель, одно из самых укрепленных и оборудованных сооружений подобного рода в Европе.

На рассвете 10 мая около 60 немецких десантников приземлились на планерах близ форта Эбен-Эмель, в нескольких километрах к югу от Маастрихта. Бельгийское командование полагало, что крепость Эбен-Эмель с действующим гарнизоном в 700 человек, защищенная противотанковыми стенами и рвами, практически неприступна. Но действия немецкого десанта вынудили гарнизон капитулировать. Путь к завоеванию Бельгии был открыт. В английской историографии эти события описываются следующим образом: «Войска, прибывшие на планерах, приземлились за мостами Бронховена, Вельдзельта и Бридгена, в то время как германская авиация бомбила весь сектор. Войска, высаженные с планеров, вместе с парашютистами неожиданно с тыла напали на охрану и захватили мосты. Артиллерия форта Эбен-Эмель, прикрывавшая эти мосты, уже была выведена из строя. Под покровом темноты в форте приземлилось несколько планеров. Десантникам удалось взрывчаткой вывести из строя или повредить оборонительное вооружение форта»[68].

Эта операция позволила захватить плацдарм на левом берегу канала Альберта. В прорыв двинулась немецкая танковая дивизия корпуса генерала Э. Гёпнера и, прорвавшись за Тонгерен, вынудила оборонявшие канал 4-ю и 7-ю бельгийские дивизии отступить на линию Антверпен — Намюр, где они соединились с британскими и французскими войсками.

В целом, вторгнувшимся германским войскам противостояло около 100 дивизий Северо-Восточного фронта союзников. На приграничных бельгийских территориях действовала первая группа армий, основу которой составляли французские войска. Между 1-й и 7-й французскими армиями располагался Британский экспедиционный корпус. Вторая группа армий находилась на «линии Мажино», а третья — в приграничных районах с Италией.

Главной ареной боевых действий стали Арденны. В первый же день наступления 6-я немецкая армия под командованием генерала В. Рейхенау на широком фронте форсировала р. Маас и канал Альберта. В тот же вечер бельгийцы были вынуждены отвести основную

Немецкий полугусеничный тягач, буксирующий 88-мм зенитную пушку, на улице голландского города

Французский бронеавтомобиль, брошенный у бельгийского городка Ле-Панне

Колонна пленных бельгийских солдат

группировку своих войск, занимавших укрепления перед Льежем, за Маас. Танковый корпус Э. Гёпнера, обойдя Льеж, вышел в район севернее Намюра и 13 мая под Жамблу натолкнулся на две французские легкие механизированные дивизии, которые на следующий день были отброшены к оборонительным позициям на р. Диль. Тем временем основные силы 6-й немецкой армии продвигались правым флангом на Мехельн, центральной группировкой — на Брюссель, а левым флангом — на Нивель. 14 мая передовые части 6-й армии подошли к р. Диль и вошли в боевое соприкосновение с частями английских и французских армий[69].

Однако все попытки прорвать оборону с ходу столкнулись с упорным сопротивлением французов. На следующий день 9-й немецкий корпус атаковал британские позиции у Лёвена. Немцам удалось ворваться в город, но вскоре они были выбиты оттуда 3-й британской дивизией под командованием генерал-майора Б. Монтгомери. В этот день все немецкие атаки на линии Диль были отбиты.

В то время как группа армий «Б» действовала на северном участке, группа армий «А» развернула наступление в центре. Тремя моторизованными корпусами под командованием генералов Г. Гудериана, В. Рейнхардта и Г. Гота она начала продвижение через слабо защищенные Арденны. Высокой скорости продвижения немецких войск способствовали парашютные десанты, сброшенные по ходу движения танковых колонн для захвата мостов и транспортных развязок.

Немецкое наступление между Седаном и Намюром представляло серьезную угрозу для южного фланга британских, французских и бельгийских сил, развернутых на р. Диль. 15 мая М. Гамелен приказал своим войскам начать отход на новые позиции, расположенные к западу. Серьезное препятствие для отступавших соединений и частей создавали непрерывные атаки люфтваффе и все возрастающее число беженцев. Личный состав французских войск все больше охватывало чувство безнадежности: «Не видеть врага в лицо, не иметь средств для защиты, не видеть даже теней самолетов Франции или союзников за все часы бомбежки — это было одной из первых причин потери нашей веры в победу»[70].

Подобные настроения постепенно овладели и англичанами. Генерал Э. Айронсайд следующим образом описал свои впечатления: «Мы пребывали в состоянии эйфории, в значительной степени завися от французской армии. А она рухнула или очень близка к этому. На данный момент это выглядит как величайшее военное бедствие в истории»[71].

Англичанам было непонятно, что собираются предпринять французы в этой критической ситуации. Когда стало очевидно, что у французов нет стратегических резервов, чтобы противостоять продолжающемуся немецкому наступлению, командующий британскими войсками лорд Д. Горт 19 мая известил военное ведомство Великобритании о возможности эвакуации Британского экспедиционного корпуса с континента.

Тем временем немецкие танковые дивизии продолжали развивать наступление на запад, обходя очаги сопротивления, а также заблаговременно созданные оборонительные рубежи французов, которые те так и не успели занять. Вскоре танки Г. Гудериана переправились через р. Сомма, а корпуса В. Рейнхардта и Г. Гота продвинулись в район Сен-Кантен — Камбре.

Стремительное продвижение немецких танковых колонн в центральной части Франции, в конце концов, убедило французское командование, что главной их целью является побережье Ла-Манша, но было поздно что-либо менять. 19 мая генерал М. Гамелен был смещен с поста главнокомандующего и заменен генералом М. Вейганом, прилетевшим во Францию из Сирии. Но это уже ничего не могло изменить — времени для оценки обстановки и принятия решений не осталось. 20 мая танковые дивизии Г. Гудериана и Г. Рундштедта вышли на побережье в районе Абвиля — ровно через семь дней после переправы через р. Маас. Темп продвижения танковых частей и подразделений достигал 55 км в сутки. Все силы немецких подвижных соединений были направлены на захват портов Кале и Дюнкерк.

Британское военное командование стремилось всеми силами сохранить плацдарм на французском побережье. По оценке У. Черчилля, 10 мая назначенного премьер-министром Великобритании, «оборона Булони и еще в большей степени оборона Кале до самого последнего часа являлись наиболее насущным делом среди всей этой неразберихи. Немедленно туда

были посланы войска из Англии. Булонь, изолированную и атакованную 22 мая, защищали два гвардейских батальона и одна из наших немногих противотанковых батарей совместно с некоторым числом французских войск. После 36-часового сопротивления было получено донесение, что дальше оборонять Булонь невозможно, и я согласился на эвакуацию морем остатков гарнизона, включая французов. Эта операция была проведена восемью эсминцами в ночь на 24 мая, причем потеряно было только 200 человек»[72].

На следующий день У. Черчилль направил руководившему обороной Кале бригадиру К. Никольсону телеграмму: «...оборона Кале до последнего предела является сейчас актом величайшей важности для нашей страны и для нашей армии. Прежде всего она сковывает очень большую часть вражеских танковых сил и не дает им наносить удары по нашим коммуникациям. Затем она сохраняет для нас порт, через который смогут вернуться на родину части английской армии»[73]. На следующий день было принято окончательное решение удерживать Кале.

Борьба за плацдармы у Кале вступила в решающую фазу 25 мая 1940 г., когда немецкие войска предприняли наступление у Менена. Им удалось вбить глубокий клин между бельгийскими и английскими войсками. Бельгийский король Леопольд III ввиду безвыходности положения был вынужден пойти на капитуляцию, акт о которой был подписан 27 мая[74].

Капитуляция Бельгии лишила союзников последнего шанса на успешное сдерживание немецкого наступления на этом участке фронта. Тем не менее с 27 мая по 4 июня они продолжали упорно оборонять уменьшающийся с каждым днем рубеж в районе Дюнкерка с единственной целью — дать возможность эвакуироваться прижатым к морю войскам. За это время через Ла-Манш удалось переправить 226 тыс. британских и 112 тыс. французских и бельгийских солдат, но военную технику пришлось оставить на побережье — в общей сложности 2472 орудия и 84 427 различных транспортных средств[75]. «31 мая и 1 июня наступил кульминационный момент, хотя это не был еще конец Дюнкерка, — писал впоследствии У. Черчилль. — В эти два дня в Англию было благополучно доставлено свыше 132 тысяч человек, причем примерно одна треть была вывезена с побережья на небольших судах в условиях ожесточенных воздушных налетов и артиллерийского огня... 4 июня в Англии было высажено 26 175 французов, причем свыше 21 тысячи прибыли на английских кораблях и судах»[76].

Германская сторона также дала высокую оценку проведению эвакуационных мероприятий союзниками. В одной из первых обобщающих работ по истории Второй мировой войны генерал К. Типпельскирх отметил: «В дни Дюнкерка англичане убедительно доказали, на что они способны, если им угрожает смертельная опасность. Все подготовительные мероприятия были проведены заблаговременно. Английские войска сохраняли исключительную дисциплину. Команды спасательных судов всех классов и типов бесстрашно продолжали эвакуацию войск даже во время самых интенсивных налетов авиации»[77].

После утраты северо-восточных областей Франция оказалась в тяжелом положении. 30 ее дивизий были разгромлены, а из ослабленной в предыдущих боях 71 оставшейся — 48 заняли оборону от устья р. Сомма до «линии Мажино», 17 дивизий оборонялись на самой линии, еще шесть прикрывали в Альпах границу с Италией. Численное и качественное превосходство было на стороне вермахта. В наступавших трех армейских группах насчитывалось 117 дивизий, и 93 из них были готовы продолжить наступать на французские позиции от устья Соммы до «линии Мажино». Четыре дивизии обеспечивали их прикрытие с моря в районе Дюнкерка. 20 дивизий были развернуты непосредственно против «линии Мажино»[78].

Главной задачей немецкого плана «Рот» («Красный») являлся полный разгром Франции с последующим выводом ее из войны. С решением этой задачи германское руководство связывало возможность завоевания господства в Западной Европе, обеспечения прочного тыла для подготовки к походу против Советского Союза. В отношении Великобритании А. Гитлер придерживался мнения, что верные своей традиционной политике воевать чужими руками англичане, оставшись без союзника на материке, рано или поздно будут вынуждены пойти на соглашение с Германией[79].

Немецкие танки продвигаются вглубь Франции

Германские солдаты в бою во Франции

Французские танки выдвигаются к линии фронта

Французский артиллерийский расчет ведет огонь из тяжелого 220-мм орудия

Английские легкие бомбардировщики выходят из атаки

Для немецкого солдата бой во Франции оказался последним

Погибшие в Дюнкерке британские солдаты

Брошенная союзниками техника на пляже Дюнкерка

Немецкий оркестр в Париже

Скорее всего, именно этим объясняется решение А. Гитлера о приостановке боевых действий против дюнкерского порта, что позволило эвакуироваться значительной части Британского экспедиционного корпуса. Это решение не встретило понимания у немецкого генералитета. Позднее в одном из своих интервью бывший командующий группой армий «А» Г. Рундштедт отметил: «Если бы мне позволили действовать по моему усмотрению, англичане не отделались бы так легко в Дюнкерке. Но мои руки были связаны личным приказом Гитлера... Мне было разрешено использовать против англичан единственное оружие — артиллерию средних калибров. На этом расстоянии от города я и оставался, наблюдая за тем, как англичане эвакуировались, в то время как моим танкам и пехоте было запрещено двинуться с места»[80].

Операция «Рот» началась уже через сутки после оставления союзниками Дюнкерка — 5 июня 1940 г. В этот день немецкая авиация нанесла первые мощные удары по обороне французских войск на р. Сомме, а затем в наступление перешли войска группы армий «Б». Танковый корпус Г. Гота, действуя с плацдарма у Абвиля, нанес удар в общем направлении на Руан. Танковая группа Э. Клейста, наступавшая с плацдармов у Амьена и Перонна в полосе 6-й армии, должна была прорвать оборону французов и наступать на Бове и Санлис. Немецкие войска встретили упорное сопротивление французских пехотинцев и артиллеристов. В первый день наступления отряды Э. Клейста не смогли прорвать оборону 7-й французской армии. Действия немцев с плацдарма в районе Абвиля проходили успешнее. Дивизии Г. Гота продвинулись за сутки почти на 10 км, а 6 июня они прорвали оборону 10-й французской армии генерала М. Альтмайера. Немецкие танки, отбив контратаку 1-й английской бронетанковой дивизии, рассекли армию М. Альтмайера и прижали ее левый фланг к морю. Восточное крыло 10-й армии отступало к Сене. 8 июня танковые части Г. Гота вышли юго-восточнее Руана[81].

В это время в Париже пытались переломить ситуацию новыми кадровыми назначениями. После замены М. Гамелена на посту главнокомандующего семидесятидвухлетним М. Вейганом премьер-министр Франции П. Рейно ввел в правительство маршала А. Петэна, назначив его помощником премьер-министра. Одним из наиболее обсуждаемых стал вопрос о предпочтительном месте эвакуации кабинета министров — чаще всего называлась Северная Африка. Ряд советников П. Рейно убеждал его предложить Берлину перемирие[82], однако в сложившейся ситуации это был бесполезный шаг.

А. Гитлер настаивал на капитуляции французов, тем более что успех немецких ударных группировок не вызывал сомнений. Французские войска постепенно утрачивали волю к сопротивлению. 12 июня на западном участке оборонительной позиции немцы форсировали Сену. На востоке, южнее рубежа р. Марна, германские войска достигли Монмирайя. В Шампани стремительно продвигались на юг танковые соединения группы армий Г. Рундштедта[83]. В подобных условиях падение Парижа считалось вопросом времени.

С согласия правительства М. Вейган объявил Париж открытым городом, тем самым сдав столицу без боя. 14 июня войска вермахта вступили в Париж. В тот же день премьер-министр Франции П. Рейно направил президенту США Ф. Рузвельту послание, в котором сообщал, что Франция не сможет продолжить сопротивление, если Соединенные Штаты не объявят о своем намерении в ближайшем будущем вступить в войну. После того как Ф. Рузвельт ответил отказом, П. Рейно ушел в отставку, уступив свое место маршалу А. Петэну, который резко отрицательно относился к Третьей республике и либерализму во всех его формах. Поражение Франции он видел в «моральной слабости» республики[84].

Тем временем положение на фронте складывалось для французской армии катастрофически. Под натиском немецких войск французам не удавалось надолго закрепиться ни на одном из рубежей. Танковая группа Э. Клейста стремительно достигла р. Сены северо-западнее Труа и продолжила наступление в направлении Лиона. 17 июня она захватила Дижон. Танковая группа Г. Гудериана продолжала глубокий обход «линии Мажино», отрезая французские войска в Эльзасе и Лотарингии. 15 июня соединения Г. Гудериана взяли старую французскую крепость Лангр. На следующий день был захвачен Гре, а 17 июня — Безансон. У Понтарлье немецкие танки достигли швейцарской границы[85].

Немецкие бомбардировщики на подлете к целям в Великобритании

Английский истребитель на патрулировании своего побережья

Пожар в портовой части Лондона после налета немецкой авиации

Двухэтажный автобус в воронке у станции лондонского метро после бомбардировки

Жители Лондона укрываются в метро от налетов немецкой авиации

Зарядка крыльевых пулеметов британского истребителя «Спитфайр»

Британский истребитель «Спитфайр» пролетает перед немецким бомбардировщиком

Английские летчики рассматривают сбитый немецкий бомбардировщик

Маршал А. Петэн, проведя зондаж относительно немецких условий мира, в конце концов, принял диктат победителя. Перемирие, а фактически Акт о капитуляции Франции был подписан 22 июня 1940 г. в том самом месте, где подобный документ подписала немецкая сторона в ноябре 1918 г. — в железнодорожном вагоне в Компьене[86]. Перемирие привело к разделу Франции. В южной, неоккупированной части страны власть осталась в руках коллаборационистского правительства, разместившегося в г. Виши во главе с А. Петэном[87].

Главными причинами военного поражения Франции явились общая слабость государственного режима Третьей республики, просчеты французской внешней и оборонной политики, превосходство вермахта в стратегии и тактике ведения маневренной скоротечной войны. Во многом этому способствовала предшествующая политика французского правительства: действуя заодно с британским, проводя по отношению к Германии «политику умиротворения», оно способствовало наращиванию военной мощи Германии в предвоенные годы. В период «странной войны» англичане и французы, имея шанс нанести сокрушительный удар по Германии, наиболее боеспособные части которой воевали в Польше, уклонялись от активных действий, тем самым развязав руки А. Гитлеру для последующего наступления на западе. Сыграло свою роль и преклонение французского генералитета перед опытом Первой мировой войны. Не имея в достаточном количестве подвижных соединений, французская армия оказалась неспособной ликвидировать то и дело возникавшие в ее обороне бреши и наносить эффективные контрудары по прорвавшимся в глубь страны танковым группировкам противника[88].

К концу военной кампании во Франции А. Гитлер и его генералы еще считали, что демонстрацией силы, а также дипломатическим и экономическим давлением им удастся вслед за Францией вывести из войны и Великобританию и таким образом обеспечить Германии свободу действий на востоке. Вскоре после подписания перемирия в Компьене Ф. Гальдер оставил в своем дневнике запись: «Основное внимание — на восток... Англии мы должны будем продемонстрировать нашу силу, прежде чем она прекратит борьбу и развяжет нам руки на востоке»[89]. Однако этим расчетам не суждено было сбыться, У. Черчилль был настроен вести борьбу до конца.

16 июля 1940 г. А. Гитлер подписал директиву о подготовке к вторжению немецких войск через Ла-Манш на Британские острова. Для проведения этой операции, получившей кодовое название «Зеёлеве» («Морской лев»), было выделено две армии, насчитывавшие в целом 25 дивизий, а также большое количество транспортных судов. Начать операцию было решено после того, как немецким ВВС удастся вывести из строя британскую авиацию и обеспечить надежную защиту флота вторжения как с воздуха, так и с моря[90].

Отдавая приказ о начале разработки операции против Англии, фюрер заявил фельдмаршалу В. Кейтелю и генералу А. Йодлю: «Поскольку Британия, несмотря на свое безнадежное военное положение, не проявляет никаких признаков желания договориться, я решил подготовить и в случае необходимости провести против нее десантную операцию. Цель операции — ликвидировать английскую метрополию как базу для ведения войны против Германии. Подготовка всей операции должна быть закончена к середине августа»[91]. Через несколько дней после разговора с генералами, 19 июля 1940 г., выступая в рейхстаге, А. Гитлер обратился к Лондону с «последним призывом к благоразумию». Однако правительство У. Черчилля отвергло предложение о заключении компромиссного мира.

Несмотря на то что директива на проведение операции была подписана, осуществить план вторжения на Британские острова было крайне сложно. Не было ни достаточного количества десантных судов, ни соответствующей подготовки штабов и личного состава. При этом британский флот значительно превосходил немецкий. Наложение этих факторов делало операцию по высадке на Британские острова трудно реализуемой. В результате дата операции откладывалась, пока не была перенесена на весну 1941 г. Кроме того, германским ВВС не удалось осуществить первую часть плана — уничтожить истребительную авиацию противника. Это означало, что господства в воздухе как необходимого условия проведения десантной операции добиться не удалось.

Взамен десантной операции германское командование решило осуществить воздушное наступление против Англии. 1 августа 1940 г. А. Гитлер подписал соответствующую директиву. Осуществление воздушной операции возлагалось на силы 2-го, 3-го воздушных флотов и часть сил 50-го воздушного флота, всего около 2 тыс. самолетов[92]. План действий предусматривал несколько этапов: с 8 по 18 августа — налеты на конвои и прибрежные объекты Британии, с 19 августа по 5 сентября — массированные налеты на аэродромы, где была сосредоточена истребительная авиация, с 6 сентября должны были последовать воздушные налеты на английские города, в первую очередь Лондон. Все это по замыслу должно было привести к утрате стратегического управления в Англии, деморализации населения и последующему экономическому краху страны.

Начавшееся 12 августа широкомасштабное наступление люфтваффе было встречено королевской истребительной авиацией под командованием главного маршала Х. Даунинга, в распоряжении которого находилось 59 эскадрилий. Х. Даунинг объединил все имевшиеся у него самолеты в четыре авиагруппы. 11-я авиагруппа в составе 23 эскадрилий обороняла самый важный район — Южную Англию. 12-я авиагруппа защищала центральную часть острова. 10-я и 13-я группы прикрывали второстепенные районы: Корнуэлл, Уэльс и Шотландию.

На ход воздушных боев в значительной степени повлияли определенные преимущества английской истребительной авиации перед немецкими истребителями: британский «Спитфайр» по сравнению с немецким «Мессершмитом» быстрее набирал высоту. Кроме того, в распоряжении британской авиации имелись радиолокаторы, позволявшие своевременно обнаружить приближение немецких самолетов. Немаловажным преимуществом было то, что английские летчики вели боевые действия вблизи своих аэродромов, в то время как радиус действия немецких истребителей не позволял им сопровождать бомбардировщики до самой цели и обратно. В результате первые две недели немецкого авиационного наступления не принесли ожидаемых успехов.

15 августа в небе над Великобританией произошло самое ожесточенное сражение за весь период операции «Орел». В налете участвовало 940 самолетов люфтваффе. Большая часть немецких бомбардировщиков не смогла пробиться через заслон британских истребителей и вынуждена была вернуться на базы. Это позволило У. Черчиллю 20 августа с уверенностью заявить в парламенте: «Мы считаем, что сможем продолжать воздушную войну до бесконечности и до тех пор, пока того пожелает противник; а чем дольше будет затягиваться эта борьба, тем быстрее мы будем приближаться сперва к равенству сил, а затем к превосходству в воздухе, от которого в значительной степени зависит исход войны»[93].

Начиная с 7 сентября, преимущественно в ночное время, люфтваффе переключилось на бомбардировку Лондона и других английских городов с целью подорвать экономический потенциал британцев, сломить их волю к сопротивлению. 15 сентября Г. Геринг направил на бомбардировку Лондона свыше 400 бомбардировщиков, однако большие потери — до 60 самолетов — заставили немцев практически отказаться от массовых налетов. 14 ноября германская авиация произвела налет на Ковентри, где располагались авиамоторные заводы. Авиационной промышленности и самому городу был нанесен значительный ущерб, но его удалось быстро восстановить. К осени 1940 г. стало ясно, что план воздушной войны Германии против Англии провалился.

В новом, 1941 г. налеты на Лондон продолжились, но люфтваффе уже не ставило далеко идущих целей. Потери обеих сторон, и прежде всего германской, показали всю бесперспективность воздушной войны. Немецкие ВВС потеряли около 4400 боевых самолетов[94]. Усиленная подготовка к войне против СССР не позволяла мобилизовать максимум сил и средств для достижения решающего успеха в войне против Великобритании.

Британский премьер-министр высоко оценил действия не только военно-воздушных сил, но и всего населения Англии в противостоянии нацистской угрозе. В своих мемуарах он констатировал: «Английские военно-воздушные силы не только не были уничтожены, но одержали решительную победу... В разгар событий наши стойкие и доблестные летчи-

ки-истребители не дрогнули и выдержали все испытания. Англия была спасена»[95]. Весной 1941 г., когда «битва над Британией» уже шла на убыль, У. Черчилль заявил в палате общин: «Никогда еще в истории человеческих конфликтов не было случая, когда столь многие были бы так обязаны столь немногим»[96].

Действия стратегической авиации союзников

Стратегическая авиация начала создаваться накануне Второй мировой войны. Наибольших успехов в этом достигли США, Великобритания и отчасти Советский Союз, а также Германия. Весной 1942 г. Великобритания осуществила несколько массированных налетов на города Германии, а с весны 1943 г. их систематически проводила союзная авиация.

Люфтваффе не сумело разгромить летом — осенью 1940 г. английскую истребительную авиацию и ВВС в целом. Немцам не хватало полноценного стратегического бомбардировщика, способного действовать на расстоянии 3000–3500 км.

Первый налет на территорию Германии Королевские ВВС осуществили в ночь на 16 мая 1940 г. Из 96 двухмоторных бомбардировщиков объектов восточнее Рейна достигли всего 24. В то время в германских штабах даже не предполагали, что бомбардировщики союзников, чьи войска, по их мнению, находились на грани поражения, будут бомбить немецкие города. В итоге первый налет застал немецкую ПВО врасплох, однако при последующих налетах небольшие подразделения истребителей уже пытались осуществлять перехваты.

Британские бомбардировщики продолжали наносить удары. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль в обращении к военному кабинету в связи с первой годовщиной Второй мировой войны заявил: «Один военно-морской флот не может выиграть войну, одержать победу можно только с помощью военно-воздушных сил. Поэтому наши основные усилия должны быть направлены на завоевание господства в воздухе. Истребительная авиация может защитить нас, но обеспечить победу может лишь бомбардировочная авиация. Следовательно, мы должны развивать именно тот вид авиации, который способен уничтожить промышленность Германии и научные учреждения, от которых зависит военный потенциал противника. Это вынудит его держаться на почтительном расстоянии от нашего острова. Никакого другого пути для ликвидации колоссальной военной мощи Германии в настоящее время нет»[97].

Еще перед войной в Великобритании были созданы новые типы самолетов, включая бомбардировщики «Ланкастер», выпуск которых начался в 1941 г. Они были разработаны для нанесения ударов по городам. Под доктрину тотальных бомбардировок в Великобритании специально создали, начиная с 1936 г., производство зажигательных бомб. К концу 1941 г. их запас составлял примерно 5 млн штук.

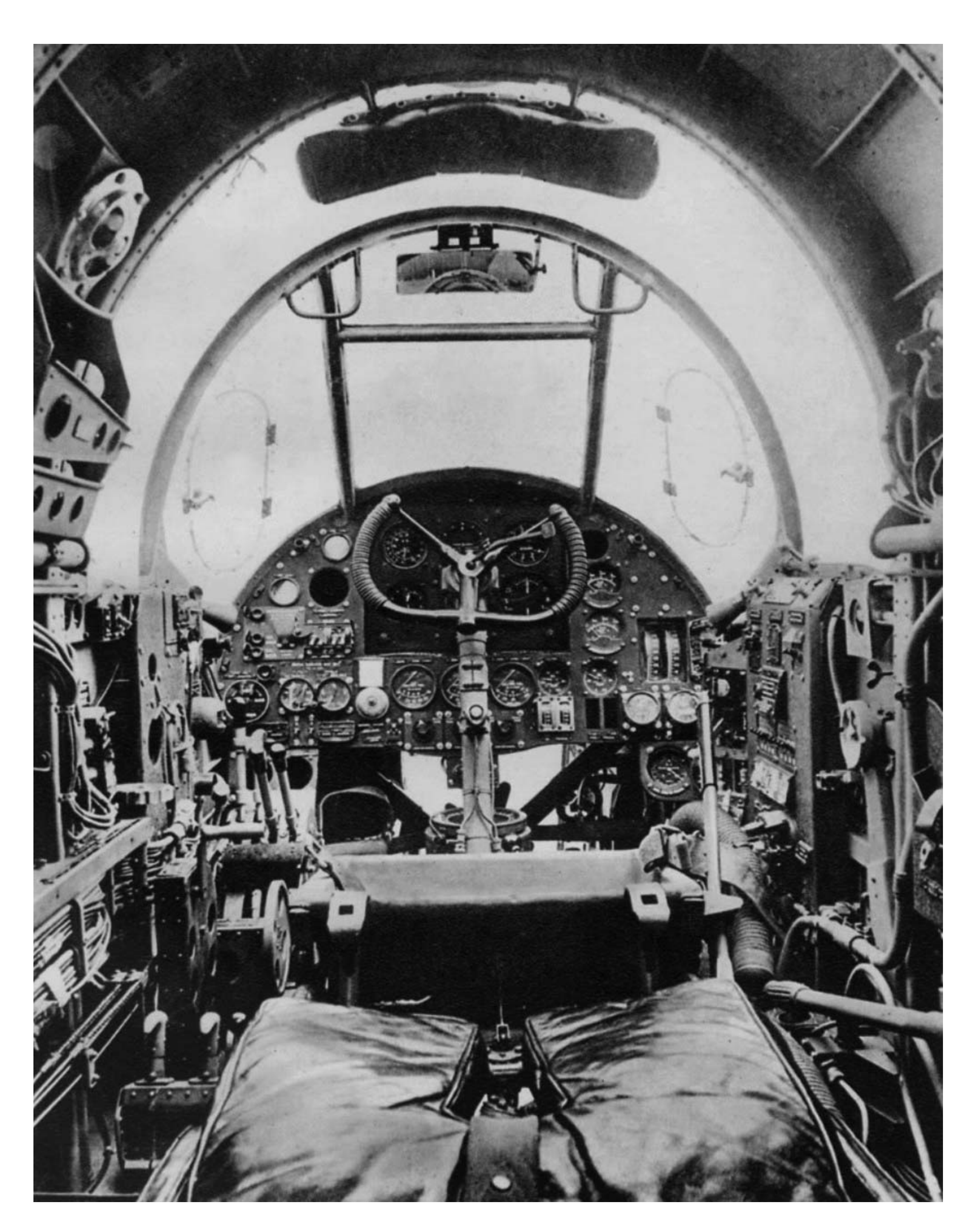
Большое внимание развитию авиационной промышленности и производству бомбардировщиков уделял У. Черчилль. В своем труде о Второй мировой войне он отметил: «Меня сильно тревожит медленное расширение производства тяжелых и средних бомбардировщиков. Для того чтобы английский воздушный флот располагал 4000 средних и тяжелых бомбардировщиков первой линии, в период с июля 1941 по июль 1943 г. должно быть выпущено 22 000 самолетов, из которых 5500 мы можем, вероятно, получить из Америки. Новейшие прогнозы показывают, что из оставшихся 16 500 самолетов наши заводы смогут дать только 11 000. Если мы хотим выиграть войну, мы не можем мириться с таким положением. Поэтому, обсудив этот вопрос с министром авиационной промышленности и сэром Ч. Крейвеном, я распорядился подготовить план расширения нашего производства, с тем чтобы выпустить за этот период не 11 000, а 14 500 самолетов. Этого можно добиться, лишь приложив много труда и урезав другие наши потребности»[98].

Подготовка к вылету английского бомбардировщика

Бомбардировщик выруливает на взлетную полосу

Кабина пилота английского бомбардировщика

Вид на разрывы бомб в доках Роттердама с места стрелка английского бомбардировщика

Экипаж после боевого вылета

Первый налет на Берлин силами 119 двухмоторных бомбардировщиков состоялся в ночь на 24 сентября 1940 г. Однако из-за плохой погоды только 84 из них достигли столицы фашистского рейха. Налет в целом оказался неудачным. Более или менее значительный успех был достигнут в Шарлоттенбурге, где зажигательные бомбы поразили газгольдер. Многие бомбы вообще не взорвались, в том числе и та, которая попала в сад канцелярии А. Гитлера. В результате бомбардировки в городе были убиты 22 человека[99].

Налет английской авиации на Берлин стал для германского командования неожиданным. Его предположения, что «силы ПВО страны могут быть небольшими, поскольку молниеносный характер ведения войны исключит возможность значительного воздействия ВВС противника на тыловые районы»[100], не оправдались.

Однако командованием оперативно были предприняты ответные меры, вновь создана ночная истребительная авиадивизия, осуществлена организация взаимодействия экипажей истребителей, зенитчиков, прожектористов, служб воздушного наблюдения, расчетов радиолокационных станций и проведены другие мероприятия.

Наибольшая опасность, по мнению германского командования, угрожала Руру, поэтому подходы к нему укрепляли, создавая своеобразный рубеж обороны. Именно в этом районе размещались станции наведения таким образом, чтобы бомбардировщик противника, идущий на цель, последовательно проходил через несколько зон патрулирующих истребителей, где его могли атаковать, также были объединены наблюдательные зоны, оборудованные РЛС «Вюрсбург» и «Фейя», и прожекторы в систему ПВО Германии. Однако когда британские экипажи, осознав опасность, стали обходить эти районы, немцы расширили линию обороны с 250 км примерно до 400 км. В итоге основной проблемой немецких сил ПВО стала нехватка ночных истребителей, необходимых для надежного прикрытия прежде всего промышленных районов Германии. Немцы стали устанавливать радиолокационные станции в кабинах истребителей. Экипажи с помощью бортовых РЛС, после осмысления накопленного опыта, более эффективно вели «ночную охоту». Некоторых успехов достигли и дальние ночные истребители, атаковавшие британские бомбардировщики на маршрутах и при посадках, пристраиваясь к летящим вражеским подразделениям.

В итоге результаты действий британской бомбардировочной авиации в 1940–1941 гг. были весьма скромными. Почти всегда дневные налеты сопровождались большими потерями, а ночные наносили важным тыловым объектам минимальный ущерб. Только иногда, как при нападении на порты на севере Германии, британские бомбардировщики добивались некоторых успехов. До половины всех бомб, сброшенных британскими самолетами с мая 1940 по май 1941 г., упали вне целей. Для преодоления этой проблемы англичане решили создать и внедрить радиолокационную аппаратуру наведения, получившую название «Джи»[101]. Причинами неэффективного действия стратегических бомбардировщиков являлись отвлечение значительных сил на решение второстепенных задач и неудовлетворительные характеристики «Веллингтонов», являвшихся в тот момент основным типом самолетов бомбардировочной авиации[102].

Кроме того, ПВО Германии за это время усилилась качественно и количественно. «Быстрое развитие радиолокационной техники способствовало обретению «ночного зрения» и экипажами истребителей, и экипажами бомбардировщиков, в значительной мере упростило поиск и уничтожение целей в темное время суток. Вышеупомянутый прорыв в области создания образцов вооружений, основанных на принципах радиолокации, сыграл существенную роль в повышении боеспособности ночных авиаподразделений»[103].

Ночные налеты британской авиации на Германию, и без того не слишком интенсивные, в конце 1941 — начале 1942 г. еще более ослабли. Это было связано, с одной стороны, с плохой погодой, а с другой — с тем, что противники готовились к новым боевым столкновениям. Для британцев период, который немцы называли «кампанией сдерживания на западе», стал периодом накопления сил. За это время их авиапромышленность увеличила темпы производства, устаревшие модели самолетов заменялись новыми, более совершенными: четырехмоторными бомбардировщиками типа «Стирлинг», «Галифакс» и «Манчестер».

Инструктаж перед вылетом

14 февраля 1942 г. британские ВВС получили директиву, которая отменяла прежние указания (бомбардировка транспортных коммуникаций, портов, вокзалов) и объявляла приоритетными целями города Германии, требовала «максимального морального воздействия на гражданское население, включая рабочих промышленных предприятий»[104]. 22 февраля 1942 г. новым командующим бомбардировочной авиацией Великобритании был назначен маршал авиации А. Харрис.

В соответствии с планом, утвержденным весной 1942 г., в составе экипажа бомбардировщика предполагалось иметь лишь одного летчика вместо двух, что значительно снижало их численность и позволяло увеличить продолжительность обучения каждого. По предложению А. Харриса для повышения безопасности полетов были установлены автопилоты на всех бомбардировщиках, в состав летного экипажа тяжелого бомбардировщика включен бортинженер. Одного из членов экипажа, помимо летчика, планировалось обучить пилотированию, чтобы в случае крайней необходимости он смог, например, посадить самолет на свой аэродром. Так как летчик-наблюдатель (переименованный в штурмана) оказался очень загружен во время полета из-за установки на самолете новых радионавигационных приборов, в состав экипажа включили еще одного человека — бомбардира, выполняющего также обязанности переднего воздушного стрелка.

Британская авиация стала переходить от действий мелкими подразделениями к массированным ударам. Считалось, что крупные группы в плотном строю смогут прорываться через немецкую оборону с минимальными потерями. А. Харрис предложил при налетах на города Германии использовать соединения из тысячи и более бомбардировщиков (подобные налеты имели название «План тысячи» — The Thousand Plan). Сначала проводились экспериментальные налеты, в том числе и для проверки эффективности новой системы слепого бомбометания H2S.

В ночь на 29 марта 1942 г. 234 английских бомбардировщика почти полностью уничтожили центр Любека (по нему отбомбился 191 самолет, сбросивший около 300 тонн бомб). В итоге от центральной части города, преимущественно деревянной, осталась груда тлеющих руин, пострадали свыше 5 тыс. строений, из которых более 1 тыс. не подлежали восстановлению, через город или порт нельзя было пропускать грузы в течение следующих трех недель, погибли около 320 человек, а 785 из числа гражданского населения получили тяжелые ранения. Впервые в немецких сводках упоминались слова «террористический налет»[105].

У. Черчилль в послании президенту Ф. Рузвельту от 1 апреля, упомянув, что «теперь все зависит от колоссальной русско-немецкой битвы», с оптимизмом отмечал: «Только погода сдерживает наши непрерывные интенсивные бомбардировки Германии. Наши новые методы бомбардировок весьма успешны. Бомбардировки Эссена, Кёльна и прежде всего Любека производились на уровне бомбардировок Ковентри». Стремление британского премьера непременно «отомстить за Ковентри» прослеживается и во многих других его заявлениях. Напомним, что в ночь на 15 ноября 1940 г. 437 немецких самолетов причинили небольшому городу огромный урон: погибли 380 человек, а примерно 800 человек получили тяжелые ранения[106].

Результативный налет английской авиации на Любек вызвал мощную пропагандистскую кампанию в Германии, направленную на мобилизацию немцев. Й. Геббельс призывал к нанесению «ударов возмездия», которые начали готовить, привлекая все доступные силы. Но возможностей для этого у люфтваффе к тому времени осталось немного — основные силы по-прежнему были заняты на восточном фронте. Кроме того, с декабря 1941 г. начались интенсивные боевые действия в Средиземноморье.

Следующий массированный удар британской авиации был осуществлен по Ростоку. В ходе четырех налетов между 24 и 29 апреля в общей сложности 520 бомбардировщиков сбросили бомбы на исторический центр города. В те дни англичане начали применять авиабомбы большого калибра — 1812 кг, а затем и 3624 кг (немцы крайне редко использовали фугасную бомбу в 1800 кг — самую мощную у них в то время; однако на форты под Севастополем в июне 1942 г. были сброшены новые бомбы в 2500 кг). Военно-политическое руководство

Германии готовило очередной ответный удар и составляло план, какие английские города надлежит уничтожить.

К весне 1942 г. для военно-воздушных сил Великобритании сложились благоприятные условия, поскольку большая часть авиагрупп люфтваффе по-прежнему находилась на советско-германском фронте. Там германская авиация несла тяжелые потери, которые надо было постоянно восполнять, и одним из источников этого был воздушный флот, базировавшийся в Северной Франции. Регулярная переброска его частей на восточный фронт неуклонно сокращала боеспособность этого объединения, что вынудило германское командование отказаться от нанесения ударов по Британским островам.

Первый налет по «Плану тысячи» на старинный город Кёльн, состоявшийся в ночь на 31 мая 1942 г., получил кодовое наименование «Операция Миллениум». Были задействованы не только все самолеты бомбардировочного, но и берегового командования и авиации ВМС, включая тренировочные машины. В операции участвовало 1047 самолетов, взлетевших с 52 аэродромов, однако цели достигли примерно 900 самолетов, сбросившие 1455 тонн бомб, две трети из которых были зажигательными. Наиболее сильный удар был нанесен по городским кварталам, а меньшая часть бомб сброшена по позициям зенитной артиллерии и аэродромам базирования ночных истребителей-перехватчиков.

В результате налета на Кёльн были убиты 486 человек, ранены 5027 и остались без крова 59 100 человек, полностью разрушено 18 432 жилых, промышленных и общественных здания, 9516 зданий получили серьезные повреждения, не считая легко пострадавших строений. Зажигательные бомбы вызвали в городе 12 тыс. пожаров, из них 2500 крупных. Однако число погибших людей было бы значительно больше, если бы не хорошая работа местной противовоздушной обороны. Потери англичан в том рейде составили 40 самолетов, еще 116 самолетов получили различные повреждения, причем 12 из них потом подлежали списанию[107]. Немецкая тактика, используемая для отражения налета отдельных бомбардировщиков, оказалась малоэффективной при массированных ударах. Ограниченное число зон и небольшое число истребителей, которые удалось навести с земли, дали незначительный отпор английской авиации. Многие экипажи не дождались каких-либо команд с земли, а без этого они ничего не могли сделать. Именно поэтому наряду с передислокацией средств ПВО осуществлялось и совершенствование применения средств ПВО, особенно РЛС. Информацию с радаров постоянно передавали на командный пункт, где операторы немедленно фиксировали ее на карте. На основе светового планшета велось управление воздушным боем. Такая тактика была признана более удачной, но оказалась далека от совершенства. Истребитель после каждой атаки должен был возвращаться к радиомаяку, чтобы его снова захватил сигнал с земли. Внедрение бортовых локаторов на самолетах-истребителях, несмотря на первоначальные успехи, задерживалось. Свою роль в этом сыграли технические проблемы при выпуске и переоборудовании истребителей, подготовка квалифицированных радиооператоров тоже оказалась нелегким делом.

Британская авиация продолжала применять тактику «коврового бомбометания». Так, в ночь на 2 июня был совершен налет 956 бомбардировщиков на Эссен, оказавшийся неудачным из-за сложных погодных условий. Заводы Круппа не пострадали. В ночь на 26 июня 1067 бомбардировщиков совершили налет на Бремен. Удары пришлись по авиазаводам фирмы «Фокке-Вульф», но гораздо больше пострадали близлежащие жилые постройки. Силам ПВО при этом удалось сбить 55 английских бомбардировщиков.

Г. Геринг на неоднократные предупреждения о том, что вопросы укрепления обороны рейха надо решать срочно, отвечал: «Ваши предложения неинтересны. Стоит мне только перебросить все авиационные эскадры на запад, это сразу и навсегда закроет тему противовоздушной обороны рейха. А сейчас проблема в другом — как бы побыстрее сломать хребет русским»[108].

Вступление в борьбу 8-й американской воздушной армии стало началом нового этапа борьбы в воздухе. Тяжелые бомбардировщики, возглавляемые генералом А. Эйкером, закончив сосредоточение передовых сил в Англии, 17 августа 1942 г. нанесли удар по вражеской

территории. В ходе бомбардировки двенадцатью «летающими крепостями» вокзала французского Руана было сброшено 16,8 тонн бомб с высоты примерно 8 тыс. метров, а шесть других атаковали запасную цель. Англичане для обеспечения рейда выделили 15 эскадрилий «Спитфайров». Они прикрывали взлет, патрулировали в районе цели, встречали возвращавшиеся американские самолеты.

Союзники потерь не понесли, но и ущерб причинили минимальный. Позже воздушному нападению подверглись точечные цели во Франции, Бельгии и Голландии, при этом число самолетов в каждом рейде не превышало одной эскадрильи. Только в октябре 8-я воздушная армия смогла направить на задание 100 бомбардировщиков. Но вскоре американцы перебросили свои силы — две группы тяжелых бомбардировщиков и четыре группы двухмоторных истребителей из Англии в Северную Африку для поддержки высадки сил союзников, что обеспечило немцам передышку на западе.

Бомбардировочное командование Великобритании, вынужденное по этой же причине переключиться на выполнение других задач, также обеспечило передышку ПВО Германии. В операции «Торч» (Факел») ночные бомбардировщики были задействованы в минировании прибрежных вод в Генуэзском заливе, уничтожении объектов обороны противника, расположенных в Северной Франции и Голландии, сбросе листовок над территорией Франции.

Объединенное англо-американское командование, созданное в 1942 г. для координации совместной борьбы, приступило к выработке долгосрочных планов, договорившись, что действия против Японии имеют меньший приоритет, а важнейшей задачей является разгром Германии. Союзники решили незамедлительно создать мощную бомбардировочную авиацию. Ее основной задачей являлось нанесение сокрушающих ударов по военным объектам Германии. В меморандуме, подготовленном 3 ноября 1942 г. начальником штаба Королевских ВВС маршалом Ч. Порталом, отмечалось: «Предполагается, что англо-американская авиация будет способна довести к началу 1944 г. численность бомбардировщиков первой линии, базировавшихся в Великобритании, до 4000–6000 самолетов. Эти силы смогут ежемесячно сбрасывать 50 000 т бомб к концу 1943 г. и достигнут уровня 90 000 т бомб к декабрю 1944 г. В результате выполнения плана 1,25 млн т бомб будет сброшено на территорию Германии между январем 1943 и декабрем 1944 г.». В одном из планов указывалось, что его выполнение приведет к гибели примерно 900 тыс. мирных жителей и еще 1 млн человек получат тяжелые ранения или увечья[109].

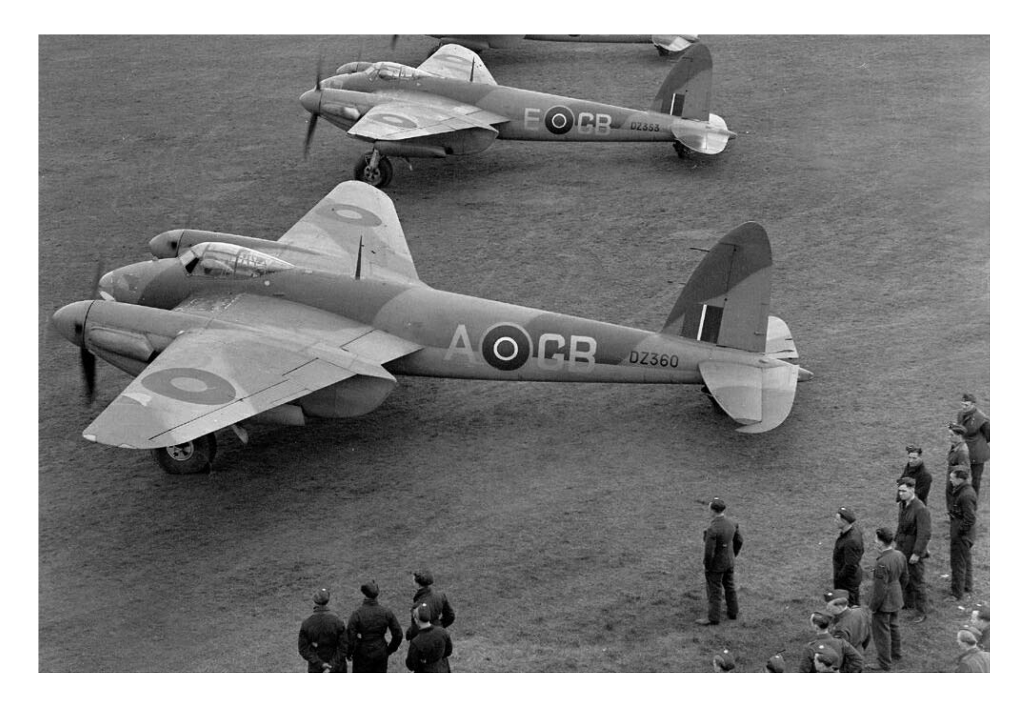
Объединенному комитету по планированию в начале 1943 г. удалось найти приемлемую формулу по «бомбардировочному наступлению» на нацистскую Германию. Утвержденная на конференции в Касабланке 21 января, эта формула стала одним из главных решений по дальнейшему ведению войны. Директива определила главную задачу: «Последовательное разрушение и расстройство военной, промышленной и экономической систем Германии и подрыв морального духа немецкого народа до такой степени, когда неизбежно ослабнет его способность к вооруженному сопротивлению»[110].

К началу 1943 г. силы американской авиации в Великобритании насчитывали несколько эскадрилий тяжелых самолетов, всего 156 B-17 и B-24 и примерно столько же истребителей. К этому времени в составе бомбардировочной авиации Королевских ВВС имелось 764 боевых самолета, включая 544 четырехмоторных[111]. Увеличились поставки бомбардировщиков «Москито», способных наносить удары не только ночью, но и днем, за счет высоких максимальных скоростей уходить от перехватов немецкими истребителями. Эти самолеты оказались незаменимыми в роли целеуказателей для основного потока бомбардировщиков.

Днем 27 января 1943 г. 55 американских бомбардировщиков без истребительного эскорта бомбили крупную военно-морскую базу на северо-западе Германии Вильгельмсхафен и г. Эмден, а через три дня скоростные английские «Москито» также в светлое время суток подвергли удару Берлин. Самолеты бомбардировочной авиации в эти же сутки ночью атаковали Гамбург, где впервые использовался панорамный радиолокационный прицел H2S, применение которого впоследствии сыграло огромную роль в деле разрушения немецких городов. Этот прицел, в отличие от более ранних радионавигационных приборов, был

Английский бомбардировщик «Ланкастер»

Многоцелевые самолеты «Москито» на аэродроме

Американский бомбардировщик В-24 в полете

Американский бомбардировщик В-17 производит сброс бомб на цели

Сброс бомбардировщиком B-17 дымовых маркеров над целью

B-17 в разрывах зенитных снарядов

полностью автономным, благодаря чему мог эффективно применяться на любом удалении от своих аэродромов. Германии приходилось разрабатывать и внедрять новинки, к тому же ситуация осложнялась необходимостью восполнять огромные потери люфтваффе после катастрофы под Сталинградом.

Союзники продолжали наращивать силу ударов с воздуха. Так, в ночь на 1 марта более 250 четырехмоторных бомбардировщиков атаковали Берлин, сбросив 600 тонн бомб. В результате погибли около 700 человек, 35 тыс. остались без крова, возникло примерно 500 крупных пожаров, 25 тыс. домов получили повреждения.

Фашистская Германия постоянно усиливала свой воздушный флот. Так, «в феврале 1943 г. промышленность Германии впервые вышла на уровень 2000 самолетов в месяц, включая 725 одномоторных и 123 двухмоторных истребителей»[112].

Массированные налеты на Германию осуществлялись регулярно. В ночь на 3 марта 1943 г. бомбардировочное командование Великобритании осуществило наиболее мощный с начала войны рейд на портовый город Гамбург. Предпринимались меры по организации ударов бомбардировочной авиации на Рур, где было сосредоточено большое число заводов тяжелой промышленности. Этот район был плотно застроен, что облегчало бомбардировки по площадям.

Новая битва за Рур началась в ночь на 6 марта 1943 г. налетом 450 английских бомбардировщиков на Эссен, где, несмотря на систематические бомбардировки, все еще остались неповрежденными крупнейшие в Германии заводы Круппа. На город в течение 38 минут массированной бомбардировки было сброшено более 500 тонн фугасных и свыше 550 тонн зажигательных бомб. В результате большая часть Эссена, в том числе заводы Круппа, лежали в руинах. Министр пропаганды доктор Й. Геббельс, который незадолго до этого объявил «тотальную войну» врагам рейха, записал 9 марта 1943 г. в дневнике: «В настоящее время у фюрера очень много неприятностей, особенно с воздушной войной. Он крайне недоволен предпринятыми Герингом в этой связи мерами. Эти меры бессистемны и проводятся не в крупном стиле. К сожалению, несостоятельность люфтваффе колоссально понизила престиж Геринга»[113].

В результате 26 массированных весенних налетов 1943 г. масштабы разрушений немецкой промышленности, прежде всего сталелитейной, центр которой находился в Руре, были огромными. Немцам пришлось привлечь не менее 100 тыс. человек на ремонтно-восстановительные работы, а также срочно усиливать силы ПВО этого района. Руководство нацистской Германии уже не могло игнорировать рейды вражеских бомбардировщиков, оно должно было что-либо срочно предпринять и успокоить население. Итог четырехмесячной битвы за Рур, по данным английского командования, выглядел следующим образом: Королевские ВВС совершили в общей сложности 18 506 боевых вылетов, 872 бомбардировщика не вернулись на свои базы, а 2116 машин приземлились с повреждениями, иногда весьма серьезными[114].

Американское командование, сосредоточивая свое внимание на уничтожении наиболее важных объектов противника, считало, что с меньшими затратами сил добьется лучших результатов, и не сомневалось в том, что мощное оборонительное вооружение «летающих крепостей» позволит им в сомкнутых строях успешно отражать атаки немецких истребителей.

Налеты бомбардировщиков по дальним целям показали, что сбрасывать со счетов германскую ПВО нельзя. Так, 17 апреля 1943 г. при бомбардировке сборочных заводов «Фокке-Вульф» около Бремена было сбито 16 B-17 из 115 самолетов, а 46 тяжелых машин получили повреждения. Но это не остановило командующего 8-й американской воздушной армией генерала А. Эйкера. В письме начальнику штаба американской армейской авиации генералу К. Спаатсу он утверждал: «Увеличение численности моих соединений до 300 и более бомбардировщиков позволит проникать в сердце рейха, атаковать любую цель с потерями менее 4%»[115].

Некоторые точечные бомбардировки, выполненные британцами в конце весны 1943 г., принесли свои плоды. Так, в ночь на 18 мая «Ланкастеры», используя специальные «прыгающие бомбы», разрушили плотины на реках Эдер и Мёне и повредили еще одну — на

р. Зорп, нанеся большой ущерб экономике Рурского района. Примерно за четыре месяца до этого в Касабланке Объединенный англо-американский штаб заявил, что «уничтожение немецких подводных лодок должно стать первостепенной задачей союзных государств» и для этого необходимо привлечь стратегическую авиацию. Однако удары по судоверфям и операционным базам подводных лодок не принесли ощутимого результата[116].

Авиационные бомбардировки в то время являлись единственной формой наступательных действий союзных вооруженных сил на западе. Однако, несмотря на предпринятые усилия, они не были частью общего стратегического наступления, а проводились самостоятельно, по плану, подготовленному под руководством генерала А. Эйкера и одобренному 18 мая 1943 г. Объединенным комитетом начальников штабов США и Англии и носившему название операция «Пойнтблэнк». Этот план лег в основу директивы от 10 июня 1943 г., в которой определялись задачи «Объединенного бомбардировочного наступления с Британских островов». Союзники собирались наступать на Германию с воздуха, координируя усилия, четырьмя этапами, последовательно наращивая свои группировки и силу ударов. Численность тяжелых бомбардировщиков в 8-й воздушной армии США планировалось довести до 1746 к январю 1944 г. и 2702 к концу марта этого же года[117].

Численность стратегической бомбардировочной авиации союзников за прошедшие полгода примерно удвоилась, причем особенно заметно вырос состав 8-й армии США — с 156 до 670 самолетов типа В-17 и В-24. Американская промышленность за первое полугодие 1943 г. выпустила 578 тяжелых бомбардировщиков против 283 во втором полугодии 1942 г., английская промышленность — 359 и 211 соответственно (авиапромышленность Германии почти не выпускала четырехмоторные самолеты)[118]. Данное обстоятельство и возросший уровень подготовки экипажей обеспечили повышение уровня боеспособности стратегической авиации союзников, несмотря на постоянно возрастающую эффективность немецких средств поражения.

Положение западных союзников к середине 1943 г. после занятия Сицилии еще больше укрепилось. Руководство британского бомбардировочного командования считало, что наступило время проведения воздушной операции «Гоморра» по уничтожению одного из наиболее крупных городов и портов Германии — Гамбурга. Германские силы ПВО Гамбурга были весьма значительными: кроме примерно 60 ночных истребителей огромный город прикрывали 54 батареи тяжелых и 26 батарей легких зенитных орудий, 22 батареи прожектористов и три батареи постановщиков дымовых завес.

Операция «Гоморра» началась в ночь на 25 июля. 791 тяжелый бомбардировщик атаковал город. Это был первый из четырех налетов, проведенных союзниками в течение 10 дней. Успех британцам в значительной степени принесли примененные впервые так называемые «окошки»: с бомбардировщиков разбрасывались облака дипольных отражателей из фольги для создания помех в работе немецких радаров. В итоге к началу налета «всевидящие глаза» служб ПВО ослепли и не могли осуществлять наведение. ПВО Гамбурга, застигнутая врасплох, не оказала эффективного противодействия. Из 718 четырехмоторных и 73 двухмоторных бомбардировщиков города достигли 728, а сбиты были только 12 машин. «Едва ли Королевские ВВС прежде могли похвастаться столь низкими потерями», — отмечал К. Беккер[119].

Всего в четырех налетах авиации союзников на Гамбург приняли участие 2544 английских и 297 американских бомбардировщиков. Общий вес сброшенных бомб составил 9 тыс. тонн, половина жилых зданий города была разрушена (из них 80% в результате пожаров), а оставшиеся получили повреждения различной степени. Серьезно пострадали четыре большие судостроительные верфи и доки. Оказалась парализованной работа всех городских служб, включая транспорт. В течение первых 48 часов налетов число жителей города, потерявших жилье и ставших беженцами, составило 900 тыс. человек.

Наибольшее число погибших было зафиксировано в ночь на 28 июля, когда в городе образовался огромный огненный смерч и тысячи людей отравились продуктами горения. Если число жертв среди гражданского населения города в 1940–1945 гг. составило 37 554 человека, то 30 482 человека, или 80% от общего количества, погибли в результате грандиозной

Английские техники грузят авиабомбы «Tallboy» («Верзила»)

Район Рура после бомбардировки авиацией союзников

Немецкий артиллерист у 88-мм зенитного орудия на позиции

Падение горящего американского бомбардировщика

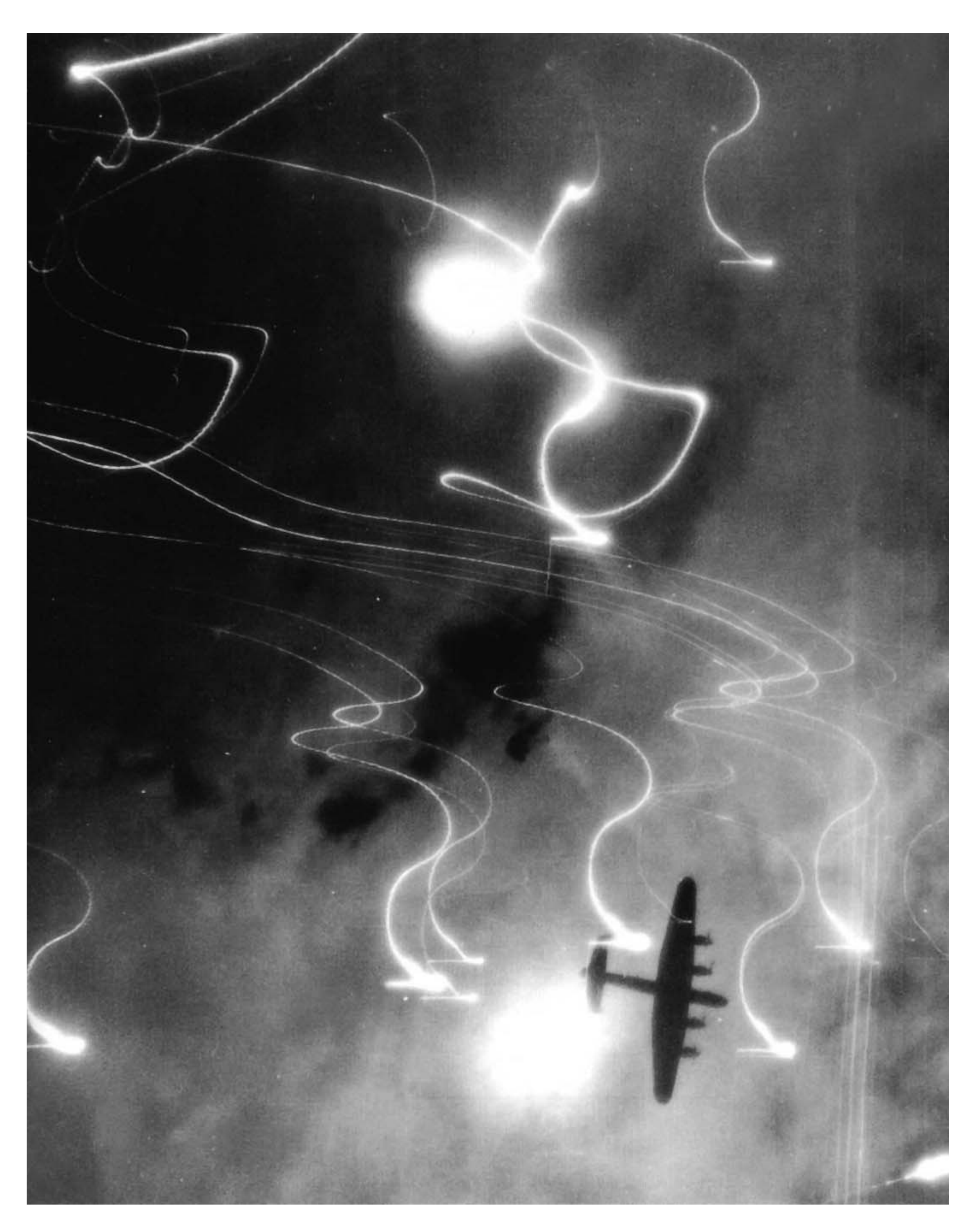
Немецкие солдаты у сбитого американского бомбардировщика

Американские летчики демонстрируют пробоину в крыле бомбардировщика B-17
после возвращения из рейда

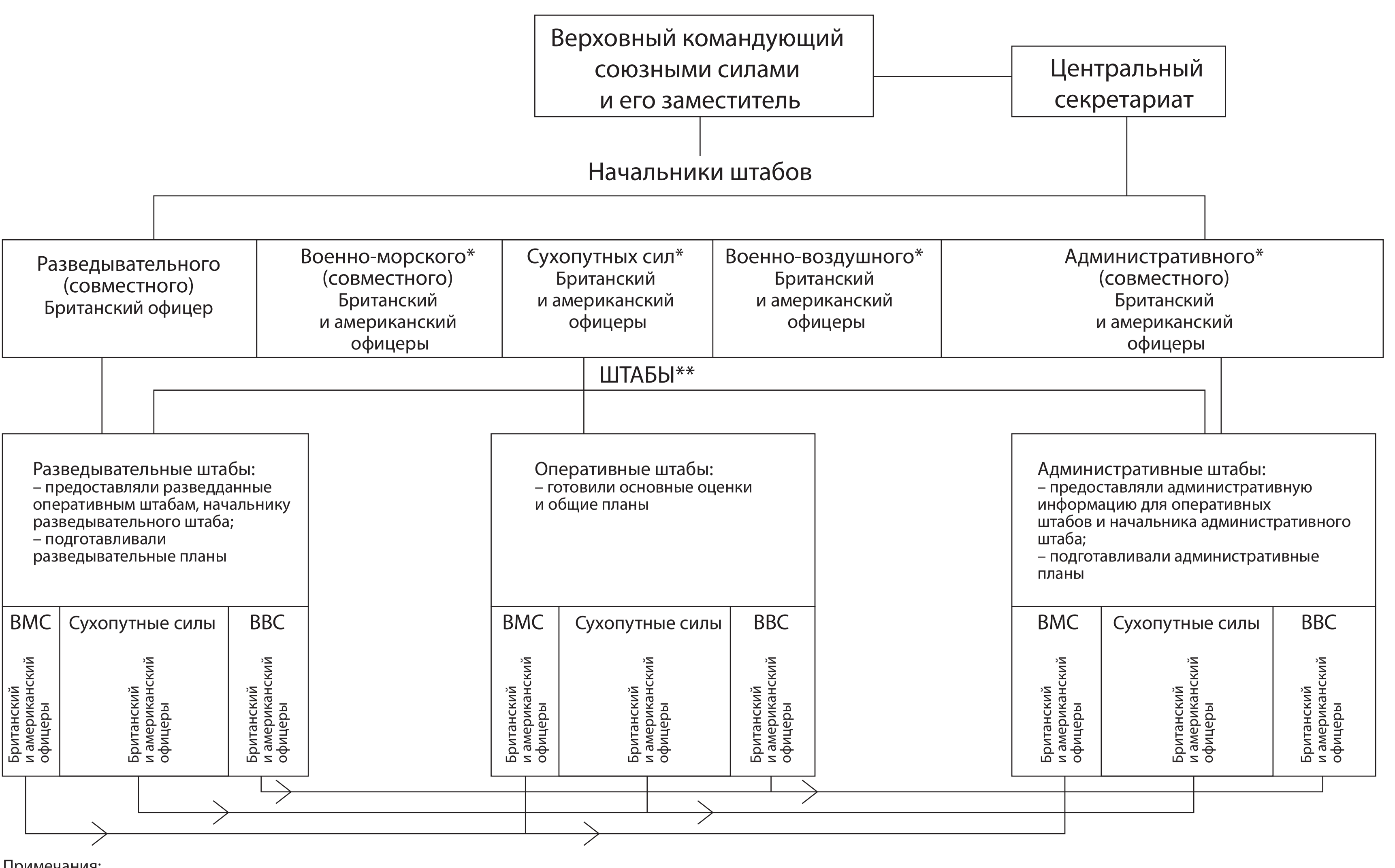

Уничтоженный железнодорожный узел в Германии

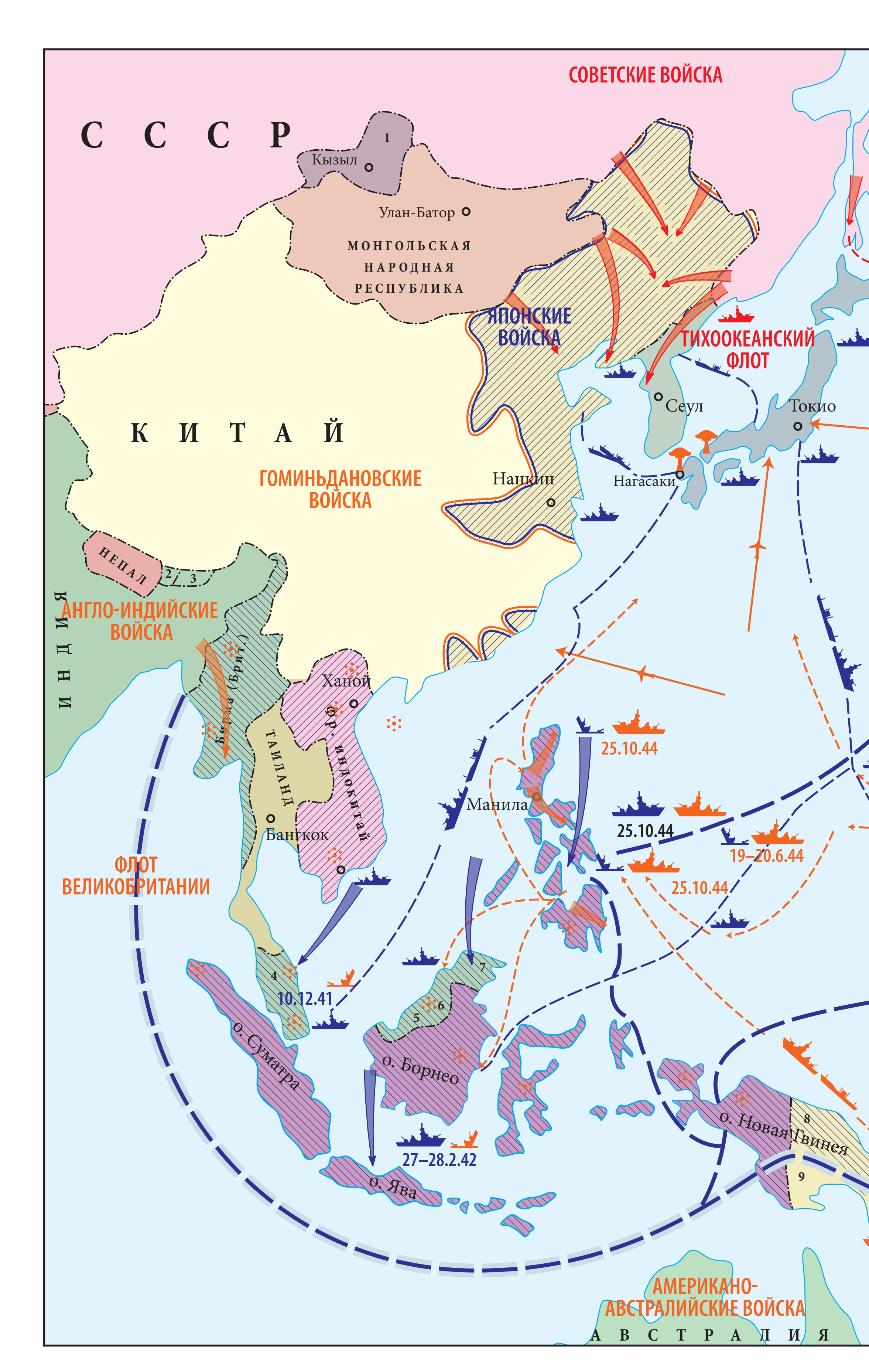

Английский бомбардировщик в небе Германии

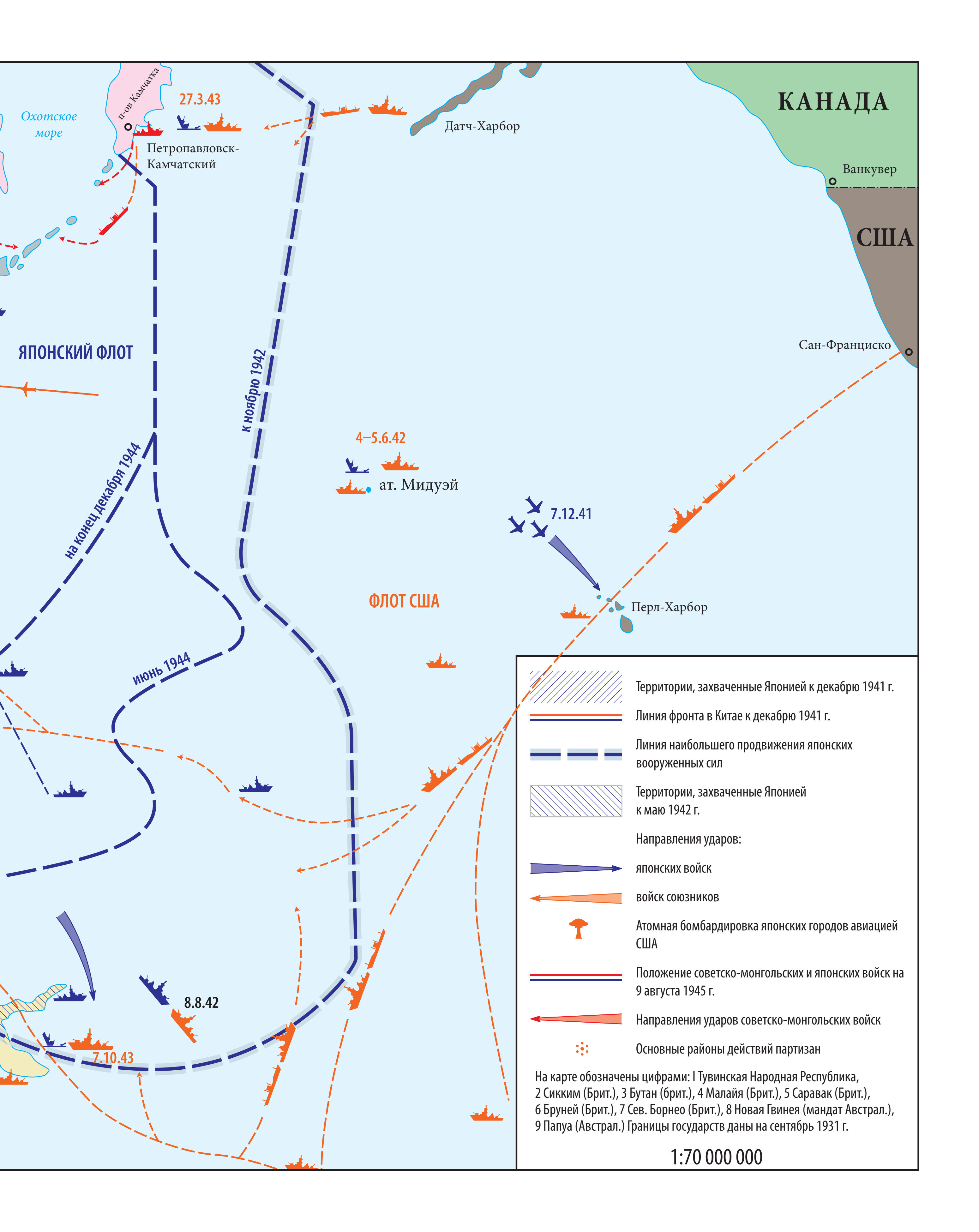
Организационная схема Верховного командования войсками союзников, 23 мая 1943 г.

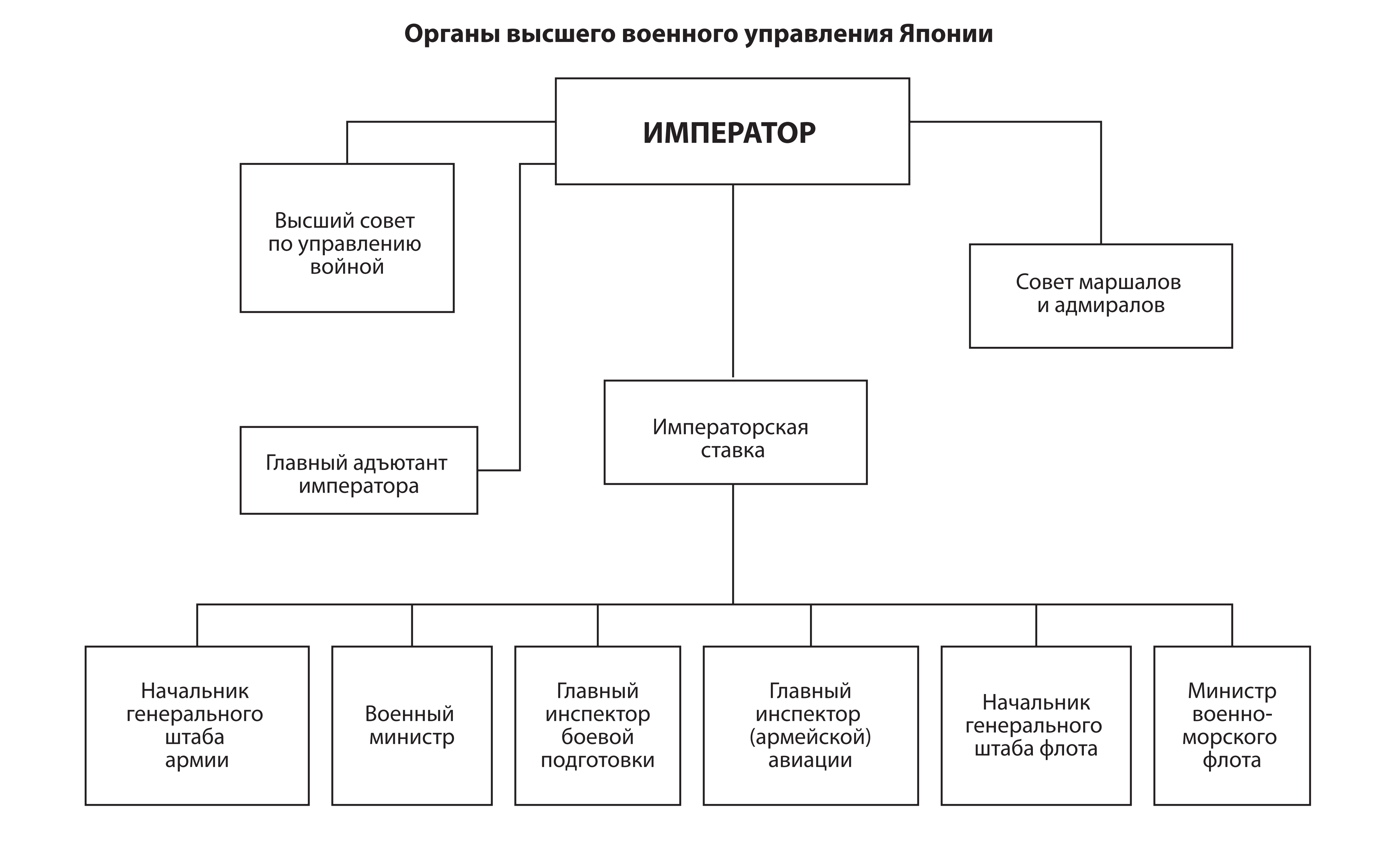

Примечания:
* Оперативно начальники штабов отвечали за представление мнений командующих видами войск перед Верховным командующим.
* * Главы данных штабов подчинялись начальникам штабов своих видов войск или начальнику административного штаба и отвечали за доведение планов Верховного командования до комадующих отдельными видами войск, а также предоставляли административные вопросы для утверждения Верховным командующим.

Военные действия
на Тихом океане и в Азии.
1941–1945 гг.

КАНАДА
США
Охотское море
п-ов Камчатка
27.3.43
Петропавловск-Камчатский
Датч-Харбор
Ванкувер
Сан-Франциско
ЯПОНСКИЙ ФЛОТ
к ноябрю 1942
на конец декабря 1944
4–5.6.42
ат. Мидуэй
7.12.41
ФЛОТ США
Перл-Харбор
июнь 1944
8.8.42
7.10.43
Территории, захваченные Японией к декабрю 1941 г.
Линия фронта в Китае к декабрю 1941 г.
Линия наибольшего продвижения японских вооруженных сил
Территории, захваченные Японией к маю 1942 г.
Направления ударов:
японских войск
войск союзников
Атомная бомбардировка японских городов авиацией США
Положение советско-монгольских и японских войск на 9 августа 1945 г.
Направления ударов советско-монгольских войск
Основные районы действий партизан
На карте обозначены цифрами: I Тувинская Народная Республика, 2 Сикким (Брит.), 3 Бутан (Брит.), 4 Малайя (Брит.), 5 Саравак (Брит.), 6 Бруней (Брит.), 7 Сев. Борнео (Брит.), 8 Новая Гвинея (мандат Австрал.), 9 Папуа (Австрал.) Границы государств даны на сентябрь 1931 г.
1:70 000 000

Органы высшего военного управления Японии
ИМПЕРАТОР
Высший совет по управлению войной
Совет маршалов и адмиралов
Главный адъютант императора
Императорская ставка
Начальник генерального штаба армии
Военный министр
Главный инспектор боевой подготовки
Главный инспектор (армейской) авиации
Начальник генерального штаба флота
Министр военно-морского флота

операции союзников в конце июля — начале августа 1943 г. Из каждой тысячи человек населения тогда погибли в среднем 22,1 человека, почти 70% погибших проживали в центральном районе Гамбурга[120].

Союзники за всю операцию «Гоморра» недосчитались 87 самолетов, то есть менее 3% от принявших участие в рейдах. Эти данные, а также предварительная оценка результатов ударов по Гамбургу вселили в представителей командования английских ВВС большой энтузиазм, поскольку эффективность применения зажигательных бомб оказалась примерно в пять раз выше, чем фугасных боеприпасов. Но после анализа операции обнаружилось, что в целом она провалилась. Считавшийся прежде безупречным метод «ковровых бомбардировок» центральных районов немецких городов в ночное время не обеспечивал поражения предприятий военной промышленности даже на самом пике нанесения разрушительных ударов. Кроме того, прогнозы о том, что бомбовые рейды устрашения вскоре приведут к резкому падению морального духа населения, тоже оказались неверными.

В соответствии с данными более поздних исследований, общие потери производства Германии после 60 жесточайших рейдов союзной авиации составили 17%. Немецкие городские структуры демонстрировали гибкость и способность восстанавливаться после разрушительных налетов, в частности Гамбург после неоднократных налетов по-прежнему был важной экономической составляющей Германии. Управление исследований стратегического бомбардировочного командования США указывает, что «через пять месяцев [после июльских налетов] в городе удалось добиться 80% от прежних экономических показателей, несмотря на то что огромные площади в городе лежали и до сих пор лежат (книга вышла в 1961 г. — *Прим. ред.*) в пыли и обломках. Что касается промышленных предприятий, то после этой операции союзников стало ясно, что гораздо проще уничтожить здание, чем находящиеся в нем станки. Также можно сказать и то, что проще уничтожить физическую структуру города, нежели суметь вытравить всю жизнь его экономики»[121].

Очередной налет на Гамбург показал, что применяемая система авиаударов неэффективна в новых условиях, поскольку немцы дополнили двухмоторные ночные истребители одномоторными, пилоты которых были подготовлены к действиям при свете прожекторов. Кроме того, если раньше руководители обороны стремились максимально затемнить города, то теперь при электрическом освещении бомбардировщики были хорошо видны, что облегчало проведение атак. Немецкие летчики, подметив, что бомбардировщики шли на цель группа за группой по единому маршруту, стремились вклиниться в поток неприятельских самолетов. Это стало возвращением к «свободному ночному бою», когда пилот руководствовался в первую очередь своими ощущениями, а не командами с земли; опускающиеся дипольные отражатели практически не мешали истребителям сблизиться с целью.

Германские военные полагали, что спасти города и их жителей удастся, если потери англо-американской авиации настолько возрастут, что они не смогут проводить массированные налеты. А. Гитлер, соглашаясь на применение защитных мер и усиление ПВО, лелеял мысль о мщении, искал «политическое решение». Выслушав 25 июля доклад о случившемся с Гамбургом, он заявил: «Террор можно подавить только террором! Все остальное ерунда, глупости. Англичане перестанут бомбить нас только тогда, когда мы сотрем их города с лица земли. И я сумею выиграть эту войну лишь в том случае, если нанесу противнику большие потери, чем он нам. Так всегда было и будет. Иначе все потеряют доверие к люфтваффе. Впрочем, его и сейчас не так много осталось»[122]. Но люфтваффе мало что могло сделать, так как вело непрерывные и напряженные боевые действия одновременно на советско-германском фронте, в небе Западной Европы и Средиземноморье.

Огромную надежду А. Гитлер возлагал на «оружие возмездия», о чем нередко заявляла геббельсовская пропаганда, обещая англичанам скорую катастрофу. Перед разведкой союзников стояла задача определить, что правда, а что вымысел в сообщениях из Берлина и не готовится ли враг применить новое, невиданное ранее оружие. На основе показаний пленных и данных агентуры зимой 1942–1943 гг. был сделан вывод, что в Германии действительно ведутся работы по созданию боевых ракет, их испытывают на побережье Балтики в Пенемюнде,

а пусковые установки строят на берегу Ла-Манша. В результате начались регулярные полеты фоторазведчиков над предполагаемым районом проведения секретных работ.

Развивая программу по созданию «оружия возмездия», немцы готовились «сравнять с землей Лондон». Они далеко продвинулись в программах развития самолета-снаряда (крылатой ракеты) Фау-1 и баллистической ракеты Фау-2. Если первые еще можно было уничтожить при подлете к цели (истребителями, зенитным огнем, мощными преградами из аэростатов заграждения), то защититься от вторых после пуска ракет с наземных стационарных или передвижных установок не представлялось возможным.

Английский военный кабинет, убедившись, что стране реально угрожает большая опасность, принял решение произвести массированный воздушный налет на Пенемюнде, спланировав операцию «Гидра» с целью разрушения экспериментальной лаборатории и производственных цехов (ракетосборочный завод), уничтожения или выведения из строя работающих там специалистов. В ночь на 18 августа 1943 г. удар нанесли 597 бомбардировщиков (42 из них обратно не вернулись), сбросив 1874 тонны бомб, которые взорвали 80 зданий, наполовину разрушили экспериментальную лабораторию, потери в людях составили немногим более 6%. Бомбардировка не смогла окончательно предотвратить дальнейшие работы над Фау-2[123].

В конце июля — августе заметно активизировала свои действия 8-я воздушная армия. Она осуществила налеты на самолетостроительные заводы в Регенсбурге и Ошенслебене, верфи подводных лодок в Киле и Гамбурге, завод по производству синтетического бензина в Пёлице, шарикоподшипниковый завод в Швейнфурте, предприятие химической промышленности в Хёхсте. Кроме того, к атакам территории рейха и его союзников подключились два новых авиационных объединения ВВС США, и немецкая оборона оказалась в крайне трудном положении.

Британское министерство авиации после налета 18 августа сообщило: «ВВС союзников продолжали вчера свои расширенные дневные бомбардировки вражеских целей во Франции, Голландии, Бельгии и Германии. Мощное соединение «летающих крепостей» бомбило промышленные сооружения в Швейнфурте и заводы «Мессершмит» в Регенсбурге. Последний является также распределительным центром для румынского нефтяного транспорта. Бомбардировщиков встретили сильная зенитная оборона и примерно 200 немецких истребителей. Операция проходила при хорошей видимости. Из этих вылетов обратно не вернулись 36 «летающих крепостей», 1 бомбардировщик «Москито» и 5 истребителей»[124].

Американская пресс-служба, уточнив, что в Швейнфурте «от больших пожаров облака дыма и гари расползлись более чем на 36 километров», сообщила: «Летающим крепостям» пришлось вести более чем часовой тяжелый воздушный бой, прежде чем смогли начать бомбардировку Швейнфурта. Постоянно появлялись все новые немецкие истребители, слетавшиеся туда из дальних окрестностей, что привело к самому продолжительному бою, в котором до этого приходилось участвовать американским бомбардировщикам»[125].

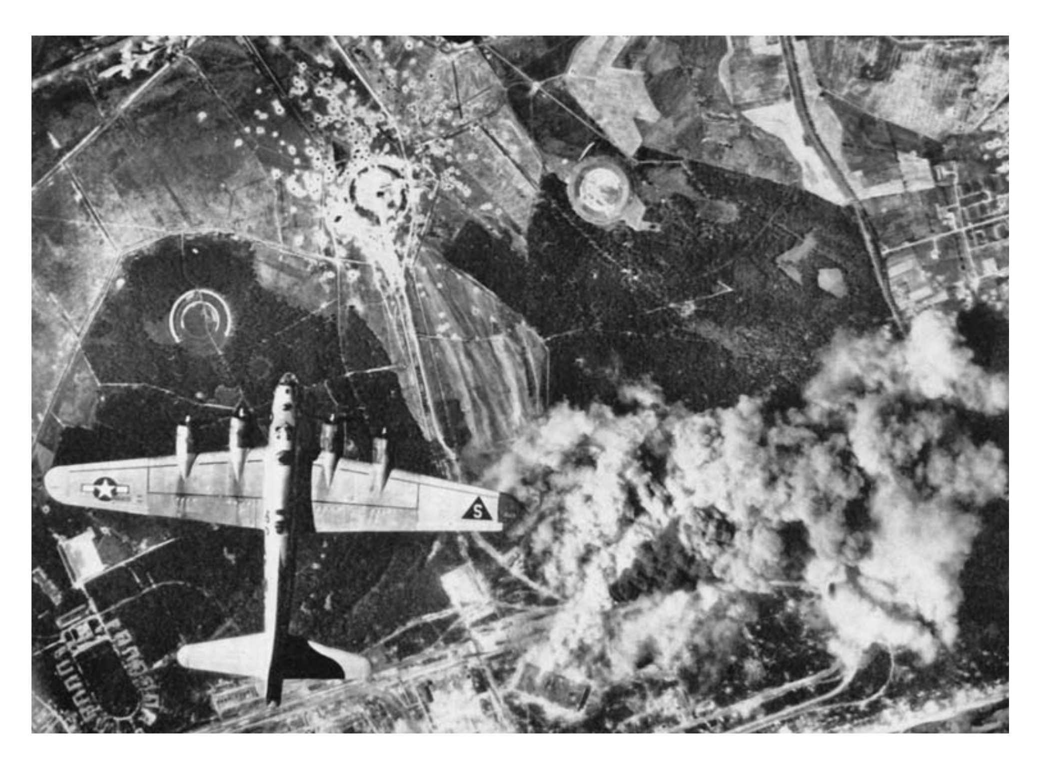
Сила «летающих крепостей» и «Либерейторов» состояла в сосредоточенном огне десятков крупнокалиберных пулеметов, которым стрелки из многочисленных башен встречали пытавшиеся их атаковать немецкие истребители. Явно не в пользу немцев оказывалось сравнение общей живучести конструкций самолетов. В итоге немцы «довооружили» одномоторные истребители, привлекли к дневным действиям ночные, лучше вооруженные и бронированные двухмоторные истребители, смонтировали под крылом некоторых машин неуправляемые реактивные снаряды и орудия, включая 30-мм, 37-мм и даже 50-мм пушки.

После ударов по Швейнфурту 14 октября, в котором союзная авиация понесла большие потери (из 291 B-17 погибли 77, еще 122 машины получили повреждения, из примерно 2900 членов экипажей 594 пропали без вести, пять человек были убиты и 43 ранены), налеты бомбардировщиков без истребителей сопровождения были временно приостановлены, а количество дневных налетов до конца 1943 г. сильно сокращено[126].

Стратегической авиации союзников не удалось в полной мере реализовать план бомбардировочного наступления на Германию и выполнить требования директивы Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании в июле — сентябре по ослаблению германской истребительной авиации на западе, чтобы затем, в октябре — декабре 1943 г.,

Американские бомбардировщики B-17 в полете к целям

B-17 над ракетным центром Третьего рейха в Пенемюнде

«Лунный ландшафт». Город Везель после бомбардировки

Разрушенный Кёльн

подвергнуть массированным бомбардировкам ключевые отрасли германской промышленности, а в январе — марте 1944 г. обеспечить прикрытие вторжения наземных войск на континент.

Чтобы сократить потери, которые стратегическая авиация США понесла осенью 1943 г., американское командование планировало ослабить силы ПВО противника и всемерное наращивать собственную истребительную авиацию в Великобритании. В итоге оно начало применять тяжелые истребители с большой дальностью полета со второй половины 1943 г. На этом этапе борьбы особую роль сыграли «Р-47 Тандерболт». Наличие у них турбокомпрессора обеспечивало оптимальные летные характеристики на высотах 8–9 тыс. метров, которые преимущественно использовали в рейдах В-17 и В-24, а применение подвесных сбрасываемых баков позволило увеличить их радиус действия почти вдвое. В составе 8-й воздушной армии, которая являлась главной ударной силой ВВС США в Европе, к середине января 1944 г. имелось 539 Р-38, 416 Р-47D и 329 новейших «Р-51В Мустанг». Последние на средних и больших высотах летали быстрее «Мессершмитов» и «Фокке-Вульфов» на 70–100 км/ч, радиус их действия значительно превосходил 500 км, позволяя долетать до Берлина и возвращаться обратно. Армия по-прежнему была нацелена на территорию Германии (исключая юго-восточную часть), Северную Францию и Фландрию.

Вторая группировка стратегической авиации — 15-я воздушная армия США, которая базировались в юго-восточной части Апеннинского полуострова (аэродромный узел Фоджа), была усилена после капитуляции фашистской Италии осенью 1943 г. Зоной ее действий стали Австрия, Венгрия, Балканские страны, Южная Франция и юго-восточная часть Германии.

Объединенные силы союзников к началу 1944 г. пополнились и располагали в Англии 1667 американскими тяжелыми бомбардировщиками и 1226 британскими (включая примерно 1 тыс. четырехмоторных), всего 2893 самолета стратегической авиации[127]. К руководству ВВС США в Европе приступил генерал К. Спаатс, которому поручалось координировать общие усилия.

Однако возросли и силы немецкой ПВО. В январе 1944 г. она располагала примерно по 500 одно- и двухмоторными дневными и столькими же ночными истребителями. Если к началу 1943 г. в пределах границ Германии того времени имелось 2277 различных зенитных батарей, то через год их число возросло до 2506 (1508 тяжелых зенитных, 623 легких зенитных и 375 прожекторных орудий), всего насчитывалось около 14,5 тыс. орудий разного калибра и 8 тыс. прожекторов, что составляло свыше 53% всех зенитных средств[128].

Операция «Аргумент» — шестидневное непрерывное наступление в период с 20 по 25 февраля 1944 г., получившая впоследствии название «Большая неделя», стала важным этапом в осуществлении союзниками своих планов. В ней приняли участие стратегические ВВС США в Европе (8-я и 15-я воздушные армии), 9-я воздушная армия и бомбардировочное командование Великобритании. Главными объектами применения этих сил были производственные мощности по выпуску самолетов, прежде всего истребителей: заводы в Аугсбурге, Брауншвейге, Лейпциге, Штейре, Регенсбурге и других городах. За периодом бомбардировок густонаселенных городов последовали налеты на предприятия ключевых отраслей промышленности (танковые, моторостроительные, шарикоподшипниковые, автомобильные и другие заводы). «В феврале 1944 г. в течение нескольких дней воздушным атакам подверглось 50% авиазаводов, причем многие из них были почти целиком разрушены. Но благодаря огромным усилиям дирекции заводов и рабочих коллективов каждый раз удавалось вновь восстановить производство или перемещать заводское оборудование в другое место»[129].

В первый же день операции 20 февраля на Брунсвик — Лейпциг — Готу направились 16 тяжелобомбардировочных авиагрупп (свыше 1 тыс. четырехмоторных машин В-17 и В-24) и 17 истребительных авиагрупп эскорта (835 машин). Итоги оказались очень весомыми, а потери составили всего 21 бомбардировщик. В последующих рейдах немецкой ПВО удалось действовать более согласованно, и в итоге общие потери 8-й воздушной армии за время операции составили 137 бомбардировщиков, 15-й воздушной армии — 89, а кроме того, были сбиты 28 истребителей эскорта из состава обоих объединений. Но и немцы лишились 220 машин (дневные и ночные из разных объединений), не считая разбомбленных

на конвейерах и в цехах заводов, 129 получили повреждения[130]. Немецкие потери росли с каждым днем. Особенно ощутимыми для люфтваффе они оказались в личном составе, среди погибших было немало асов и два командира истребительных эскадр[131].

Помимо непосредственного воздействия на германскую военную промышленность стратегическое воздушное наступление союзников вынудило немцев задействовать практически всю дневную истребительную авиацию для обороны рейха. Кроме того, промышленность Германии отныне сосредоточилась на выпуске истребителей в ущерб производству бомбардировщиков. Отвод большинства истребительных авиагрупп в глубь территории рейха облегчил действия англо-американских ВВС при подготовке и непосредственном осуществлении операции «Оверлорд». Например, за апрель 1944 г. из 6277 боевых вылетов дневных и ночных истребителей люфтваффе на западе 6085, или 97%, были выполнены для обороны Германии и только 192 — по объектам Франции и Голландии[132].

Важное место в планах применения стратегических ВВС союзников стало занимать разрушение столицы нацистской Германии. В ходе битвы за Берлин, продолжавшейся с 18 ноября 1943 по 24 марта 1944 г., только бомбардировочная авиация Великобритании совершила 16 массированных налетов, сбросив 25 тыс. тонн бомб, при этом потери составили 537 бомбардировщиков. После этих ударов до четверти городских зданий оказалось разрушено (в наиболее пострадавших городах Гамбурге, Касселе и Ремшайде свыше половины строений к этому времени уже были уничтожены бомбардировками или пожарами), около 1,5 млн человек остались без крова[133]. Однако бомбардировки практически не повлияли на объемы выпуска промышленной продукции в столице, несмотря на высокие потери британских соединений[134].

Так, в авиапромышленности, где летом и в начале осени 1943 г. с конвейеров сходили по 2200–2300 самолетов, налеты союзных ВВС привели к концу года к спаду — до 1734 самолетов, включая 687 истребителей. Однако немцы быстро устраняли разрушения. В январе 1944 г. было выпущено уже 2445 самолетов, в апреле Министерство авиации рапортовало о превышении отметки в 3 тыс. самолетов, а в августе 1944 г. построили более 3 тыс. одних только истребителей[135].

Положительную роль сыграли и такие мероприятия, как создание в Германии межведомственного истребительного штаба, рассредоточение и разукрупнение производства, перемещение под землю — в пещеры и туннели — больших и малых предприятий, тщательная ревизия запасов сырья, комплектующих, материалов. Это позволило повысить объем военного производства, которое достигло пика в июле 1944 г.[136]

В связи с подготовкой к открытию второго фронта авианалеты союзной авиации на германские города и промышленные объекты несколько ослабли. Общий план использования союзных ВВС предусматривал решить следующие задачи: завоевание господства в воздухе; непрерывное ведение воздушной разведки, тщательное отслеживание за передвижениями войск противника; нарушение основных коммуникаций противника, препятствование подводу резервов; оказание поддержки высаженным десантам, а затем и сухопутным войскам на материке; воздействие и нейтрализация ВМС противника.

Для обеспечения вторжения во Францию с ноября 1943 г. начали создаваться союзные экспедиционные ВВС. Вскоре началось формирование двух тактических ВВС Великобритании, которые должны были обеспечивать вторжение на материк. В состав союзных экспедиционных сил вошли 9-я воздушная армия США, а также другие авиационные подразделения. Для обеспечения успеха высадки к боевым действиям периодически привлекалась 8-я воздушная армия стратегической авиации США. Полностью на подготовку и обеспечение высадки эта армия переключилась лишь после 10 марта 1944 г.

К этому времени в составе 8-й воздушной армии насчитывалось более 2700 боевых самолетов, из которых 1323 тяжелых бомбардировщика и 784 дальних истребителя находились в боеготовом состоянии. У бомбардировочного командования Великобритании имелось около 1 тыс. боеготовых бомбардировщиков, из которых примерно половина «Ланкастеры»[137]. Но все эти силы формально не входили в состав экспедиционных ВВС союзников, которые насчитывали 4544 самолета и 1133 планера.

Таблица 1

Состав экспедиционных сил авиации союзников к 1 апреля 1944 г.[138]

Типы самолетов	Американские	Английские	Всего союзные
Средние бомбардировщики	496	70	566
Легкие бомбардировщики	96	38	134
Истребители и истребители-бомбардировщики	607	1764	2371
Разведчики	63	156	219
Корректировщики	–	164	164
Транспортные	865	225	1090
Всего самолетов	2127	2417	4544
Планеры	782	351	1133

С 1 апреля по 5 июня 1944 г., согласно отчету союзников, их ВВС в интересах операции «Оверлорд» осуществили 200 699 самолето-вылетов, причем почти 35% от общего количества выполнила 8-я американская воздушная армия. Тяжелые бомбардировщики (37 804 вылета) и дальние истребители (31 820 вылетов) этого объединения внесли основную лепту в ослабление противостоящей авиационной группировки противника. В отчете отмечалось, что немцы лишились 2212 самолетов (считались уничтоженными всеми средствами 2655 машин), но и собственные потери оказались значительными: подлежали списанию 763 бомбардировщика и 291 истребитель 8-й воздушной армии. Всего же союзники недосчитались за указанный период 1987 боевых машин (без учета планеров одна безвозвратная потеря приходилась на 183 боевых самолето-вылета), что говорило о напряженной борьбе за господство в воздухе, достаточно активном противодействии немцев[139].

В ходе широкомасштабных бомбардировок коммуникаций на севере Франции, несмотря на тщательную маскировку своих намерений и принятие исключительных мер предосторожности, пусковые установки Фау-1 вновь попали под удар. К концу мая 1944 г. союзная авиация, по английским данным, из 140 выявленных немецких стартовых площадок уничтожила 103. В выполнении этих задач активное участие принимала стратегическая авиация — только «летающие крепости» сбросили в среднем 165,4 тонны бомб на каждую обнаруженную площадку.

И все-таки массированный удар по Лондону, осуществленный 16 июня, оказался неожиданным, хотя англо-американское военное командование и военный кабинет Великобритании внимательно следили за приготовлениями к пуску крылатых ракет. Поскольку силы ПВО оказались застигнуты врасплох «летающими бомбами», пришлось срочно изыскивать меры противодействия. Для британцев ситуация усугублялась тем, что ни днем ни ночью, в любую погоду гражданское население не могло чувствовать себя защищенным. «По мере усиления налетов Фау-1 на борьбу с ними были брошены значительные силы бомбардировочной авиации. Командование бомбардировочной авиации союзных ВВС разработало план бомбардировок ракетных объектов. Первоочередными целями считались «базы снабжения», как английская разведка именовала выявленные стационарные склады и защищенные позиции Фау-2 и Фау-1 во Франции»[140].

27 августа 1944 г. начался новый этап бомбардировочного наступления англо-американской авиации на Германию. Союзники к этому времени завоевали воздушное превосходство над территорией Франции, а противник понес исключительно тяжелые потери. Начальник штаба английских ВВС главный маршал авиации Ч. Портал направил в тот день англо-американскому объединенному штабу письмо, где указывал на необходимость вывести стратегическую бомбардировочную авиацию из подчинения Верховного главнокомандующего союзными войсками и использовать ее для действий по объектам, определенным еще конференцией в Касабланке[141].

Стратегическая авиация союзников усилила налеты на заводы и склады горючего, что стало весьма эффективным средством ослабления противника. В конце августа 1944 г. под натиском Красной армии Румыния разорвала союз с Германией и прекратила поставки бензина. Затем немцы лишились и венгерских источников горючего. Во второй половине года было произведено примерно в четыре раза меньше горючего, чем в первой, и в пять раз меньше по сравнению со второй половиной 1943 г.[142] Данное обстоятельство наряду с систематическими налетами на разнообразные объекты транспортной инфраструктуры существенно ослабили боевые возможности вермахта, ограничили количество вылетов самолетов люфтваффе, несмотря на регулярное пополнение частей новыми истребителями.

Среди самолетов, вступивших в сражение против ВВС союзников, была и немецкая новинка Ме-262 — первая реактивная машина в мире, которую удалось довести до стадии боевого применения. Длительный период доработок и налеты на авиапредприятия бомбардировщиков союзников задержали принятие на вооружение Ме-262. Вооружение реактивного истребителя, состоящее из четырех 30-мм пушек с исключительно высоким поражающим воздействием, но посредственными баллистическими характеристиками, предназначалось в первую очередь для уничтожения «летающих крепостей» с первой же атаки. Но реактивные Ме-262 появились на фронте слишком поздно, когда исход войны был предрешен, и в недостаточных количествах (50–80 боеготовых истребителей).

С июня 1944 г. бомбардировочное командование Великобритании стало применять тяжелые бомбы в 5400 км, предназначенные для глубокого проникновения внутрь укрепленной цели, а с марта 1945 г. — в 9980 кг, ставшие самыми мощными из использовавшихся союзниками, под которые специально переделали бомбоотсеки тяжелых «Ланкастеров».

Местная ПВО Германии в течение долгих месяцев справлялась с большинством трудностей, связанных с массированными налетами союзников, но к концу 1944 г. ситуация стала резко меняться к худшему. Интенсивные дневные и ночные бомбардировки (иногда за сутки воздушная тревога объявлялась по 3–4 раза), поражение на фронтах, скудное питание сделали свое дело — безысходность и апатия охватили многих немцев: «Часть населения вообще упала духом и перестала противодействовать налетам, а между тем пожары принимали катастрофические размеры, уничтожая целые города. После сильных ударов с воздуха частично или полностью выбывали из строя водопроводные магистрали. Запасных водохранилищ и прудов, оборудованных еще до войны, не хватало»[143].

Англо-американская авиация по мере приближения конца войны все чаще осуществляла налеты, имеющие явно выраженную политическую окраску: уничтожались и подвергались серьезным повреждениям центральные кварталы городов, в которых не имелось военных объектов, но куда готовилась вступить Красная армия. К подобным налетам можно отнести бомбардировки Праги (погибли около 700 мирных жителей), Софии (возникло более 2 тыс. очагов пожаров) и прочие. Однако самый яркий пример подобных действий — бомбардировка Дрездена, к разрушению которого бомбардировщики, преимущественно английские, приступили сразу после завершения Крымской конференции лидеров держав антигитлеровской коалиции.

Первоначально в рамках операции «Удар грома» планировалось окончательное разрушение Берлина или Лейпцига, но в начале 1945 г. союзники изменили свои намерения и обрушились на Дрезден, где фактически не было крупных оборонных предприятий. В меморандуме бомбардировочного командования, с которым английские пилоты, участвовавшие в первом и наиболее мощном ударе, были ознакомлены в ночь перед атакой (13 февраля), говорилось: «Дрезден, седьмой по размеру город Германии... на настоящий момент крупнейший район противника, все еще не подвергавшийся бомбежкам. В середине зимы с потоками беженцев, направляющимися на запад, и войсками, которые где-то должны быть расквартированы, жилые помещения в дефиците, поскольку требуется не только разместить рабочих, беженцев и войска, но и правительственные учреждения, эвакуированные из других районов... Целью атаки является нанести удар противнику там, где он почувствует его больнее всего, позади частично рухнувшего фронта... и заодно показать русским, когда они прибудут в город, на

что способны Королевские ВВС»[144]. Американский исследователь Р. Конроу оценил общие потери мирного населения в 135 тыс. человек[145], однако исследования, проводившиеся по заказу руководства города и завершившиеся в 2010 г., признали эти цифры завышенными в несколько раз — погибли около 25 тыс. человек[146].

Стратегические ВВС союзников, конечно, сыграли значительную роль в дезорганизации работы тыла и транспорта нацистской Германии, но не стали основным фактором ее поражения. Судьбу Третьего рейха решили наземные операции, прежде всего победы Красной армии.

Бомбардировочное командование Великобритании с 3 сентября 1939 до 5 мая 1945 г. сбросило 1047 тыс. тонн бомб, из которых 478 тыс. (свыше 45% общего тоннажа) — на немецкие и оккупированные Германией европейские города, а также города союзников. С 14 февраля 1942 до 6 марта 1944 г. свыше 84% всего бомбового груза расходовалось именно на их разрушение. Потери союзной авиации составили 7094 бомбардировщика. Из 6571 самолета, потерянного американцами в Европе, 4182 принадлежали 8-й воздушной армии. С начала боевых действий и до 5 мая 1945 г. это объединение сбросило на врага почти 703 тыс. тонн бомб, из которых на транспортные узлы и подвижной состав — 35%, на аэродромы, заводы по выпуску самолетов и моторов, радарные станции и прочее — 22%, на объекты нефтедобычи и нефтепереработки — 12%, также подвергались воздействию доки и порты, площадки по запуску ракет и многое другое[147].

От массированных бомбардировок особенно сильно пострадали Кёльн, Гамбург, Росток, Франкфурт, Дортмунд, Вюрцбург, Ганновер и другие немецкие города, а общий объем развалин только в Германии оценивался в 400 млн куб. метров, в огне погибло бесчисленное количество памятников культуры и архитектурных сооружений[148]. Силы немецкой ПВО стремились оказать максимальное противодействие, сбить как можно больше английских ночных бомбардировщиков. Так, согласно оценкам британского историка М. Миддлбрука, если принять количество подготовленных и введенных в строй за время войны членов экипажей за 100%, то погибли в бою — 51%, разбились в катастрофах над территорией Англии — 9%, получили серьезные ранения или травмы — 3%, попали во вражеский плен (частично раненые) — 12%, были сбиты противником, но избежали пленения — 1%, уцелели ко дню Победы — 24%. Ни в одном виде вооруженных сил не отмечалось столь больших относительных потерь[149].

Взаимодействие союзников по антигитлеровской коалиции в первый период Великой Отечественной войны

Вступление Соединенных Штатов в ответ на прямую агрессию против них Японии в декабре 1941 г. в военные действия в рамках уже продолжавшейся более двух лет Второй мировой войны позволяло надеяться на консолидацию всех антифашистских сил и формирование эффективной антигитлеровской коалиции, способной в течение полутора-двух лет разгромить агрессоров и восстановить мир. Тем не менее налаживание коалиционного сотрудничества и в первую очередь военного взаимодействия СССР с западными союзниками проходило с большим трудом.

В то время как Советский Союз вел упорные сражения на главном, советско-германском фронте Второй мировой войны, где было задействовано четыре пятых боевых формирований вермахта и где решалась очень важная для союзников задача уничтожения основных сил фашистского блока[150], Соединенные Штаты и Великобритания, вопреки настойчивым призывам советского руководства сконцентрировать их усилия на стратегически важном для ускорения разгрома антигитлеровской коалиции северофранцузском направлении, сочли для себя возможным использовать благоприятные условия для постепенного наращивания

своей военной мощи и применения стратегии «непрямых действий» на второстепенных направлениях и с ограниченными целями. Эта стратегия явилась наглядным примером подтверждения классической формулы К. Клаузевица о том, что война — это продолжение политики. Согласно этой формуле, насколько решительными и последовательными являются политические цели, настолько решительными и последовательными могут быть и военные действия. Принципы, лежавшие в основе стратегии «непрямых действий» союзников до 1944 г., принятые на Вашингтонской конференции (22 декабря 1941 — 14 января 1942 г.), были следующими: реализация программы создания и производства вооружений (до 1943 г.); обеспечение жизненно важных коммуникаций; наращивание потенциала наступательных действий против Германии; изматывание сил Германии и подрыв ее сопротивления; создание и сжатие кольца вокруг Германии; удержание на Дальнем Востоке позиций, которые обеспечивали жизненные интересы США и Великобритании.

Позднее, на конференции президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля в Касабланке (Северо-Западная Африка) 14—24 января 1943 г. союзники объявили о принципе безоговорочной капитуляции в отношении Германии и других стран оси. Это была американская инициатива, поддержанная У. Черчиллем, хотя он впоследствии пытался дистанцироваться от этого решения, усиливавшего, по его мнению, силу немецкого сопротивления. Главным мотивом Ф. Рузвельта было заверить Москву в решимости США и Великобритании довести борьбу с фашизмом до победного конца, ослабить советские подозрения насчет возможности их сговора с Германией, а заодно исключить возможность заключения сепаратного мира между ней и Советским Союзом, которого тогда еще опасались на Западе[151]. Дополнительным мотивом служило стремление хоть как-то компенсировать Москве отсутствие второго фронта, при этом Ф. Рузвельт и У. Черчилль понимали, что «цель безоговорочной капитуляции для англо-американцев недостижима без Красной армии»[152]. Советское руководство в целом позитивно отнеслось к этой инициативе и впоследствии не раз ссылалось на этот принцип в своей политике. Так, в приказе Верховного главнокомандующего от 1 мая 1943 г. говорилось о борьбе «до полного разгрома гитлеровских армий и безоговорочной капитуляции Германии»[153].

В то же время переход к прямым военным действиям предусматривался союзниками только «после создания соответствующих [политических] условий». Политические же цели их, в первую очередь Великобритании, в борьбе с европейскими агрессорами заключались в восстановлении имперских позиций Лондона в бассейне Средиземноморья и обеспечении их контроля над Суэцким каналом и ближневосточными нефтяными ресурсами. В этих целях и были развернуты сначала британо-американские военные операции на севере Африки, а в июле 1943 г. — итальянская кампания союзников, обеспечившая свержение режима Б. Муссолини, но не исключившая территорию Северной Италии, которую тут же оккупировали немецкие войска, из вооруженной борьбы вплоть до 25 апреля 1945 г.

Союзнические войска, конечно же, вносили свой вклад в достижение общей победы над фашизмом, и значение этого вклада никто не оспаривает. Однако периферийное место и масштабы этих военных действий не позволяли сыграть должной роли в сокрушении главных сил фашистской Германии и не заставили ее снять необходимые для отпора британо-американцам силы с советско-германского фронта. Тем самым они не повлияли существенно на ход борьбы Вооруженных сил СССР, а Советский Союз, напротив, стал реально помогать союзникам уже с начала событий в Северной Африке, позволяя им свободно выбирать направления развертывания военных действий.

Победа Красной армии под Москвой зимой 1941—1942 гг. дала СССР дополнительное время для укрепления своей военной экономики, формирования и подготовки новых соединений. В результате контрнаступления Красная армия ликвидировала угрозу Московскому промышленному району и самой столице[154]. Германский блицкриг был окончательно сорван, а восточный (советско-германский) фронт продолжал притягивать большую часть дивизий вермахта. Война вошла в стадию противостояния ресурсов. Для новых сражений требовались техника и вооружение. Но не менее значимым было качество людских резервов

Подписание Соглашения между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии

Участники межсоюзнической конференции в Лондоне: посол СССР в Великобритании И. М. Майский (слева) и посол СССР при союзных правительствах в Лондоне А. Е. Богомолов (справа)

противоборствовавших сторон, мужество солдат и офицеров, талант полководцев. И Красная армия уже успела заявить, что и в этом отношении она способна превосходить своего противника. Для того чтобы окончательно доказать это на поле боя, требовалось преодолеть новые тяжелые испытания.

Кроме военных успехов Красной армии под Москвой положительным явлением начала 1942 г. стало укрепление взаимодействия государств антигитлеровской коалиции, чьи вооруженные силы в совокупности намного превосходили силы агрессоров. Среди могучих держав в начале 1942 г. на стороне СССР находились не только Великобритания, но и США. Подписанием 1 января 1942 г. двадцатью шестью странами Декларации Объединенных Наций оформился «великий союз свободолюбивых народов». Союзники по антигитлеровской коалиции обладали превосходящими ресурсами и во многом от того, насколько грамотно они смогли бы ими распорядиться, зависел исход войны. Но эффективное использование всех преимуществ экономики осложнялось разобщенностью основных членов антигитлеровской коалиции, разделенных расстояниями океанских просторов[155].

Выбор приоритетного направления для приложения объединенных сил западных союзников в 1942 г. вызывал разногласия как политического, так и военно-стратегического характера. Для Лондона главными задачами были защита коммуникаций в Атлантике и борьба в Средиземноморье, являвшихся традиционной сферой интересов Британской империи. Вашингтон стремился восстановить утраченные позиции в Тихоокеанском регионе.

Тем не менее британские и американские начальники штабов на совместном совещании 12 января 1942 г. пришли к соглашению, что основные силы должны быть направлены непосредственно против Германии, тогда как на других театрах военных действий могло быть задействовано лишь необходимое для их поддержания количество сил. Как отмечал У. Черчилль, принятие данного решения следует считать заслугой прежде всего начальника штаба армии США генерала Дж. Маршалла[156]. Он был сторонником военного вторжения в Западную Европу, считая, что «через Францию проходит наш кратчайший путь к сердцу Германии»[157]. Генерал Д. Эйзенхауэр также видел этот путь единственной серьезной помощью СССР и решительным шагом к окончанию войны. «Мы впустую растрачиваем ресурсы... и что еще хуже... теряем время», — заявлял он, предлагая как можно скорее начать воздушные бомбардировки Западной Европы, а затем перейти к десантной операции в этом регионе[158]. Военное и политическое руководство союзников сходилось во мнении, что разгром Германии и ее европейских союзников неизбежно привел бы к поражению Японии, в то время как разгром Японии еще не означал бы завершение мирового конфликта.

Германия по-прежнему обладала огромной мощью и могла использовать в дальнейшей борьбе собственные преимущества. Вермахт все еще имел внушительный военный потенциал, тогда как СССР понес огромные потери в 1941 г. Британские военачальники скептически относились к идее осуществления военной операции против Германии в Западной Европе, придерживаясь стратегии «непрямых действий». Напоминая о вынужденной эвакуации английских войск из Дюнкерка и Норвегии, начальник имперского Генерального штаба А. Брук предупреждал, что немцы их «обязательно вытеснят снова», приводя в доказательство наличие более двух десятков немецких дивизий во Франции и возможность Германии перебросить дополнительные силы с востока[159].

Неготовность союзников в ближайшее время открыть второй фронт во Франции позволяла Германии беспрепятственно продолжать восполнение своих потерь на советско-германском фронте за счет эксплуатации территорий оккупированной Европы. В распоряжении слаженной военной машины Третьего рейха имелись опытные командные кадры и возможность привлечь к новому наступлению хорошо обученные формирования. Несмотря на то что после неудач под Москвой моральное состояние основной массы солдат и офицеров вермахта было подорвано, германское командование надеялось, что по окончании зимы его можно будет восстановить за счет продолжения наступательных действий. На планировавшиеся весной операции на южном фланге восточного фронта в Берлине возлагались большие надежды[160].

В этих условиях основной задачей союзников по антигитлеровской коалиции было изменить ход войны в свою пользу, надломив мощь противостоявших им агрессоров. Первый шаг на этом пути был сделан Советским Союзом, одержавшим победу в Московской битве, в результате чего были созданы благоприятные предпосылки для решающего удара по Германии уже в 1942 г. В пользу этого говорили и основные показатели СССР, США и Великобритании, постоянно наращивавших свое военное производство. Союзники в два раза превосходили страны оси по людским ресурсам[161].

Политические руководители Великобритании и США не были уверены в скором восстановлении боевой мощи Вооруженных сил Советского Союза даже тогда, когда германский блицкриг потерпел крах. Однако будущая победа антигитлеровской коалиции всецело зависела от того, насколько успешным окажется сопротивление Красной армии вермахту, который вместе с союзными армиями в начале 1942 г. все еще превосходил в военном отношении ослабленный СССР.

Сомневаясь в том, где будут находиться советские армии в конце войны, руководители США и Великобритании старались уклониться от любых обещаний Москве по поводу послевоенных границ СССР. На состоявшихся в декабре 1941 г. переговорах с И. В. Сталиным министр иностранных дел Великобритании А. Иден не согласился признать государственную границу СССР, существовавшую на 22 июня 1941 г. и включавшую территории оккупированной Германией и ее союзниками Литвы, Латвии, Эстонии, Северной Буковины и Бессарабии, как отказался и от обсуждения вопросов о советско-финляндской и советско-польской границах[162].

Американское внешнеполитическое ведомство также выступало против поддержки территориальных интересов Советского Союза в Европе. Мнение Госдепартамента учитывали президент Ф. Рузвельт и его ближайший помощник А. Гарриман[163]. 22 января 1942 г. при обсуждении с руководителем европейского отдела Госдепартамента Р. Атертоном поставок в СССР и общей стратегии американо-советских отношений А. Гарриман предостерегал от компромисса с таким «оппортунистом» и «ловким дельцом», как Сталин. По мнению А. Гарримана, советский лидер продолжал ощущать себя «социальным изгоем» среди могущественных союзников. «Будет большим делом, — говорил он, — посылать ему (И. В. Сталину. — *Прим. ред.*) почаще дружеские послания и повторяющиеся заверения о том, что позиция России за столом мирных переговоров будет идентична британской и американской»[164].

Несомненно, «дружеские послания» и «заверения» имели большое значение, но заменить открытие второго фронта в Европе и серьезное увеличение военных поставок Советскому Союзу они не могли. В США и Великобритании в начале 1942 г. были сильны опасения за исход борьбы на советско-германском фронте. Во многом они сохранялись под влиянием данных, передававшихся в Лондон и Вашингтон военными дипломатами. Так, майор Дж. А. Мичела, американский военный атташе в Москве, сообщал, что, прежние данные о военном положении СССР, показывающие его легкой жертвой германской военной машины, оказались неверными. Но советское военное производство, по его мнению, не могло в скором времени выйти на необходимый уровень, оправившись от гигантских потерь и эвакуации, тогда как объем выпуска самолетов составлял не более 1500 единиц в месяц[165]. Поставки в СССР по ленд-лизу были в то время незначительными и не оказывали существенного влияния на ход боевых действий на советско-германском фронте.

В начале 1942 г. ожесточенные сражения велись и на других театрах мировой войны: в Северной Африке, Юго-Восточной Азии, на Тихом и Атлантическом океанах. Американские, британские, китайские, войска английских доминионов и силы Сопротивления многих свободолюбивых государств наносили существенный урон сухопутным, морским и воздушным войскам стран агрессивного блока. Нельзя умалять их храбрость и воинскую доблесть, но главной реальностью глобального конфликта являлось то, что его разрешение зависело именно от успехов и неудач противоборства СССР и Германии.

Военно-политическое руководство как США, так и Великобритании вполне осознавало то решающее значение, которое имела борьба СССР и Германии для исхода всей Второй

мировой войны. Разработке стратегических планов союзников неизменно предшествовал анализ обстановки на советско-германском фронте. Однако союзники в первую очередь старались соблюсти собственные интересы[166].

Признание судьбоносности для западных демократий событий на советско-германском фронте (особенно после Московской битвы) не могло не отразиться на их поведении, и прежде всего английской дипломатии. Хотя и неохотно, но она вынуждена была идти на уступки И. В. Сталину по ряду спорных вопросов, исходя из того непреложного обстоятельства, что только в союзе будет возможно добиться победы. К весне 1942 г. позиция Великобритании по территориальным проблемам с СССР (прежде всего касавшихся Прибалтики) стала меняться в сторону удовлетворения требований Москвы. Великобритания, исходя из разворачивавшихся на фронте событий и с учетом отсутствия второго фронта в Европе, считала необходимым изменить подход к некоторым принципам Атлантической хартии. Так, в письме Ф. Рузвельту от 7 марта 1942 г. У. Черчилль отметил, что в условиях осложнения войны подписание с И. В. Сталиным договора, содержащего положения о советских границах, существовавших накануне нападения Германии, стало бы серьезной моральной поддержкой СССР. «Все предвещает возобновление весной широкого немецкого наступления в России, а мы очень мало можем сделать для того, чтобы помочь единственной стране, которая ведет тяжелые бои с германскими армиями», — подчеркнул британский лидер[167].

В Министерстве иностранных дел Великобритании весной 1942 г. рассматривали возможность достижения советской победы над Германией без участия в европейских операциях собственных крупных сухопутных сил. Данная ситуация всего несколько месяцев назад казалась фантастической. В случае самостоятельной победы СССР мог бы не прислушиваться к мнению западных союзников по поводу своих послевоенных границ. Кроме того, он получил бы возможность единоличного овладения промышленностью Германии, что позволило бы отказаться от англо-американской военной помощи.

Таким образом, шаги в сторону определенных уступок СССР по пограничным проблемам именно в разгар войны могли быть более выгодны британскому кабинету, но тем самым создавалась почва для удовлетворительного разрешения других территориальных и политических вопросов в будущем. Подобные опасения доминирования СССР на Европейском континенте возникли в британском руководстве в апреле — мае 1942 г., хотя и не получили в то время широкого распространения[168].

И. В. Сталин продолжал настаивать на том, чтобы договор с Великобританией гарантировал СССР бывшие польские, финские и прибалтийские территории, присоединенные к нему в 1939–1940 гг., и стремился, чтобы и США признали границы СССР по состоянию на 22 июня 1941 г. Однако Ф. Рузвельт и Госдепартамент в то время решительно возражали против такого пункта в соглашении между Москвой и Лондоном[169]. В феврале 1942 г. президент США дал указания заместителю госсекретаря С. Уэллесу сообщить британскому послу в Вашингтоне Э. Галифаксу, что не считает возможным принять советские предложения относительно границ, заявив, что этот вопрос должен решаться после окончания войны. Ф. Рузвельт пояснил, что сам собирается обратиться по этому вопросу к советскому правительству[170].

По мере развития событий на советско-германском фронте трансформировалась и позиция Вашингтона относительно сфер влияния и территориальных проблем в Европе. В первую очередь менялось представление президента Ф. Рузвельта и его окружения о роли и значении боевой мощи Красной армии. Это накладывало свой отпечаток и на взгляды о послевоенном устройстве. Другое измерение приобретало отношение Вашингтона к роли США и России в поддержании безопасности на Европейском континенте и в целом в мире после разгрома агрессоров.

В результате нападения Японии в декабре 1941 г. на Пёрл-Харбор и вступления США в мировую войну помощь со стороны России в районе Дальнего Востока могла иметь решающее значение для США. Ф. Рузвельт запросил о ней И. В. Сталина практически сразу после событий в Пёрл-Харборе. Ответ, данный советским лидером 10 декабря, объяснял невозможность нарушения советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г. и неразумность

вступления в войну с Японией ввиду ведущейся тяжелейшей борьбы с Германией. Тем не менее И. В. Сталин, разъясняя нецелесообразность такого шага на тот момент, подчеркивал, что СССР может оказать подобную помощь, если обстановка на советско-германском фронте будет складываться успешно[171].

Будущее мира всецело зависело от победы или поражения Германии, однако помощь Советскому Союзу со стороны англо-американских союзников оставалась минимальной. Это не могло не служить поводом для различных спекуляций в политических, военных и разведывательных кругах США и Великобритании. Опасения оказаться один на один с Германией и Японией нередко трансформировались в различные фобии, прогнозы пессимистического характера. Появлялись версии о вероятном намерении советского руководства выйти из конфликта, которые разделяли как аналитики различных ведомств, так и пресса. Американскую столицу наполняли слухи о возможности заключения СССР сепаратного мира с Германией.

В меморандуме «Возможность русско-германского урегулирования путем переговоров» от 12 февраля 1942 г. помощник начальника штаба Управления военной разведки Р. Ли указал на противоречивые, на его взгляд, заявления русских: с одной стороны, говорящих о своих успехах в восстановлении экономики и наличии больших возможностей в борьбе с врагом, а с другой — выражающих недовольство недостаточной поддержкой со стороны американцев и подчеркивающих свое тяжелое положение. Исходя из этого, Р. Ли предположил, что русские целенаправленно вводят в заблуждение союзников, скрывая оппортунистические изменения своей политики как во время войны, так и на будущей мирной конференции[172].

Вскоре Управление военной разведки подготовило новый доклад, датированный 1 апреля 1942 г. Говоря о положении на различных фронтах, оно делало заключение, что в случае грозящей опасности японского нападения и ухудшения положения в войне с вермахтом СССР может пойти на заключение сепаратного мира с Германией и даже отвести свои силы за Волгу, одновременно укрепив дальневосточный фронт[173].

Объем данных разведки о советских возможностях при сохранении определенной недооценки потенциала Красной армии тем не менее показывал Ф. Рузвельту главный факт, что именно советские войска уничтожали и продолжают уничтожать основную ударную силу немецко-фашистских армий. Президент США также осознавал, что вопросы о скорейшем открытии второго фронта в Европе и решении в пользу Москвы различных послевоенных территориально-политических противоречий в перспективе могут стать необходимыми условиями для вступления СССР в войну против Японии. В США также внимательно прислушивались к английской стороне, которая, в свою очередь, стремилась не допустить в отношении себя подозрений в нежелании удовлетворить минимальные требования Советского Союза. Вопрос шел об учете взаимных интересов, без чего эффективное сотрудничество с СССР и сама совместная победа над Германией могли быть поставлены под вопрос.

Английская сторона считала необходимым и полезным советовать США те или иные шаги в отношениях с Советским Союзом. В начале 1942 г. Великобритания стремилась зарезервировать за собой комфортное и неунизительное место в послевоенном англо-американском тандеме, осознавая, что лидирующая роль в нем будет принадлежать США. Весной 1942 г. в Министерстве заморских территорий Великобритании было подготовлено несколько рекомендаций, касающихся ведения пропаганды на СССР. Впоследствии их копии были переданы в распоряжение Управления стратегических служб США. В одной из них британские аналитики подчеркивали важность улучшения отношений с Советским Союзом, отмечая, что решение этой проблемы более относится к самим американцам и англичанам, чем к русским.

В рекомендации утверждалось, что СССР испытывает уважение к американской технической цивилизации и хочет установить дружеские отношения с США, а интересы Советского Союза как на западе, так и на востоке в широком контексте находятся в гармонии с аналогичными интересами Соединенных Штатов. «Главная проблема, — делали вывод англичане, — лежит в отношении к России, и Британии принадлежит здесь важная роль в достижении взаимопонимания между этими двумя странами». Часть документа была посвящена личности И. В. Сталина, который, по мнению его составителей, являлся «на-

ционально ориентированным» руководителем — «националистом по форме и социалистом по содержанию», делающим упор на «патриотические и национальные элементы в жизни русских людей»[174].

Пытаясь повлиять на американские представления об СССР, англичане подчеркивали общность советско-американских интересов и отсутствие у руководства Советского Союза курса на распространение идей социальной революции. Следует отметить, что подобные оценки оказывали в то время определенное влияние на представителей американских спецслужб, Госдепартамента и распространялись в различных общественно-политических кругах США[175].

Как подчеркивал 14 марта 1942 г. в своей телеграмме в американское посольство в Лондоне директор заокеанских операций Управления военной информации армии США Р. Шервуд, только 11% американцев из всего числа опрошенных выступали за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент респондентов хотел жить в союзе лишь с англоговорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим мнением являлось создание мировой лиги, или мировой ассоциации. «Все это подтверждает, — писал Р. Шервуд, — что большинство населения поддерживает международную политику президента. Ситуация может измениться только в случае какой-либо грубой ошибки или поражения на фронтах»[176].

Ф. Рузвельт учитывал эту атмосферу и 12 марта 1942 г., пригласив к себе советского посла М. М. Литвинова, сообщил ему, что «по существу у него нет никаких расхождений» с советским правительством о советских западных границах и что он всегда считал ошибкой отделение прибалтийских провинций от России после Первой мировой войны. Он также заявил, что «заверит Сталина частным образом, что он с ним абсолютно согласен». По указанию из Москвы М. М. Литвинов информировал Госдепартамент, что слова Ф. Рузвельта приняты к сведению советским правительством[177].

Разрешение всего комплекса проблем, касающихся взаимоотношений СССР с США и Великобританией, в огромной степени зависело от личного доверия между лидерами трех государств. Вопросы территориально-политического устройства Европы и роль, которую мог бы играть в нем СССР, не являлись здесь исключением. 16 марта 1942 г. Ф. Рузвельт направил послание У. Черчиллю, в котором резко раскритиковал «наихудшую часть» своей прессы — издания Маккормика-Патерсона, Херста и Скриппс-Ховарда за то, что они «сводят роль Америки лишь к защите Гавайских островов, восточного и западного побережий континента», и далее сообщил о своем намерении приложить значительные усилия, чтобы найти деловой контакт с советским лидером и наладить с ним плодотворный диалог. Также Ф. Рузвельт подчеркнул, что «может вести дела со Сталиным лучше, чем весь Форин-Офис или Государственный департамент... Он (И. В. Сталин. — *Прим. ред.*) думает, что лично мне он нравится, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать»[178].

Как отметили американские исследователи, Ф. Рузвельту нужна была личная встреча с И. В. Сталиным. Обращения к советскому лидеру по поводу такой встречи делались неоднократно. Президент США был также уверен, что его личное обаяние, несомненно, повлияет на И. В. Сталина, и тот станет доверять ему[179].

Документы свидетельствуют, что уже в то время, весной 1942 г., американский президент пришел к выводу, что после войны СССР, очевидно, станет одной из ведущих мировых держав. Высказывая 20 мая свои мысли перед представителями Комитета по вопросам послевоенных международных отношений Государственного департамента[180], он отмечал: «Соединенные Штаты, Великобритания, Россия и Китай должны осуществлять контроль, разрешать споры и поддерживать безопасность в послевоенном мире. Именно они будут определять, какие сокращения вооружений необходимо произвести. Они также будут осуществлять периодические инспекции вооруженных сил и контроль как водного, так и воздушного пространства». Президент «выразил мнение, что одной из важнейших стран, которую необходимо было бы разоружить, является Франция. Мы ничего не сможем решить в Европе до тех пор, пока обе страны — как Германия, так и Франция не будут разоружены и не останутся в таком

положении»[181]. Чуть позднее Дж. Дэвис подчеркнул, что «считает отношение президента к вопросу о Германии совпадающим с мнением членов Комитета (то есть безоговорочная капитуляция. — *Прим. ред.*)»[182].

Но в начале лета 1942 г. в Великобритании и США были далеки от мысли, что Советский Союз сможет достаточно быстро переломить ход военных действий. Военная ситуация поменялась не в лучшую сторону. Данные британской разведки свидетельствовали, что обстановка на советско-германском фронте позволяет говорить о возможном поражении любого из противников и не может дать определенного ответа о том, в чью пользу закончится противостояние. В соответствии с решением совещания начальников штабов западных союзников, прошедшего в июне 1942 г. в Вашингтоне, планы США и Великобритании были поставлены в зависимость от результатов событий на советско-германском фронте. Главный вопрос состоял в том, смогут ли русские удержать фронт. Именно от ответа на него зависело все военное планирование на оставшийся период 1942 г.[183]

Ф. Рузвельт, Г. Гопкинс, бывший посол в Москве Дж. Дэвис и другие ближайшие помощники американского президента по советскому направлению были сторонниками усиления поддержки СССР, стараясь трезво оценивать его потенциал и государственные интересы. Президент не стал заложником традиционно негативного отношения к Советскому Союзу, в чем проявил политическую дальновидность. Ф. Рузвельт связывал большие надежды с успехом советских войск. При этом в письмах И. В. Сталину он подчеркивал, с какими громадными трудностями приходится Красной армии вести бои с противником, выражая восхищение стойкостью советского народа[184].

И все же Ф. Рузвельт оставался прагматичным политиком. Осуществляя общее военно-политическое руководство действиями американских вооруженных сил, президент был заинтересован в наиболее эффективном использовании сил США в мировой войне, снижении их потерь в глобальном конфликте. Американские граждане рассматривали вступление США в боевые действия на территории Европы как положительное событие, влекущее за собой достойное вознаграждение. Но для осуществления этого необходимо было в первую очередь продолжение эффективной борьбы СССР. От силы его сопротивления во многом зависело собственное будущее западных союзников. Здесь в более стесненном положении находился У. Черчилль, поскольку следующий немецкий удар в случае поражения Красной армии ожидался именно против Великобритании.

Однако прагматичный подход имел и другую сторону, касавшуюся уже послевоенных проблем. Для США, территорию которых от района боевых действий с Германией отделял целый океан, представлялось весьма преждевременным шагом давать И. В. Сталину какие-либо обещания территориально-политического характера в тот момент, когда немецкие войска находились в 200 км от Москвы. Многое зависело от того, как далее будут развиваться военные события. Однако Ф. Рузвельт принадлежал к числу именно таких государственных деятелей, которые сумели предвидеть положение и потенциальные возможности великих держав к концу мирового противостояния.

Ожесточенные сражения с армиями Германии, Японии и их союзников разворачивались в 1942 г. на разных театрах военных действий. Но именно перелом на советско-германском фронте вел к поражению всего агрессивного блока. Командование Третьего рейха весной 1942 г. изо всех сил старалось стабилизировать фронт и, более того, предпринять новые наступательные операции против Советского Союза. В случае их успеха и последующего краха СССР нацистская Германия получила бы в свое распоряжение огромные территориальные пространства, богатые природные ресурсы, смогла бы соединиться с Японией на суше и стала бы неуязвима в обозримой перспективе для западных союзников. Критическим рубежом стали летне-осенние месяцы 1942 г.[185]

Международная ситуация в этот период далеко не во всем способствовала усилиям Красной армии. Далеки от идеальных были взаимоотношения СССР с западными союзниками. Большая тройка оставалась, по сути, только политическим, но не реальным военным союзом. Отсутствие второго фронта во многом предопределило решение А. Гитлера провести против

Советского Союза в 1942 г. новые масштабные операции, не опасаясь угрозы своему тылу с запада от английских и американских войск.

Расчеты советского руководства на скорую военную поддержку США и Великобритании теряли реальные основания по мере нарастания очередного кризиса на советско-германском фронте. И. В. Сталин все больше убеждался в отсутствии у союзников желания связать себя точным сроком вторжения в Европу.

В мае — июне 1942 г. нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов совершил визиты в Великобританию и США. Среди обсуждавшихся проблем вновь были территориальные. Несмотря на то что В. М. Молотов был готов идти на компромисс, «оставив вопрос о наиболее значительной части западной советской границы открытым», взаимного понимания достигнуть не удалось[186]. Дело окончилось тем, что В. М. Молотов получил инструкцию от И. В. Сталина согласиться с предложениями британской стороны и подписать простой договор, без указания будущих границ. 24 мая И. В. Сталин телеграфировал В. М. Молотову в Лондон: «Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой»[187].

Такое изменение позиции И. В. Сталина было вызвано прежде всего необходимостью сосредоточить все внимание на решении вопроса скорейшей высадки союзников во Франции в условиях, когда ситуация на советско-германском фронте вновь резко осложнилась. Именно в эти дни шли кровопролитные сражения под Харьковом, и СССР необходимы были обязательства союзников в ближайшее время открыть второй фронт.

Во время последующего визита В. М. Молотова в Вашингтон 29 мая — 5 июня 1942 г. пограничные проблемы не затрагивались. В разговорах с советским наркомом Ф. Рузвельт стремился создать «обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика»[188]. В ходе переговоров обсуждался широкий круг военных и политических вопросов, но основное внимание было приковано к неотложным задачам создания второго фронта уже в 1942 г. В процессе беседы с В. М. Молотовым Ф. Рузвельт предлагал СССР видеть в Соединенных Штатах надежного союзника не только в войне, но и в мирное время. Еще одной задачей американского президента было не дать Советскому Союзу заподозрить, что США и Великобритания способны на заговор за спиной СССР, отсюда следовали и его повторяемые упреки в адрес британского премьера[189]. Ф. Рузвельт в то время был прежде всего озабочен вопросом, как, одержав победу над А. Гитлером, «гарантировать лидерство США в послевоенном переустройстве»[190]. Подобные гарантии могли включать самый широкий круг политических и территориальных проблем, затрагивающих как стратегическую безопасность, так и сферы геополитических интересов Соединенных Штатов. И это все происходило на фоне непрекращающегося натиска германских армий в южном секторе советско-германского фронта, когда перед СССР вновь возникла перспектива оказаться на краю пропасти.

29 мая Ф. Рузвельт обещал В. М. Молотову, что США, которые к концу года будут располагать армией в 4 млн человек и флотом в 600 тыс. человек, смогут закончить подготовку к открытию второго фронта в 1943 г. Но сглаживая отрицательный эффект этих слов, он обещал попытаться убедить американское командование провести высадку 6—10 дивизий во Франции в 1942 г.

При этом У. Черчилль постоянно подчеркивал: правительство Великобритании не связывает себя четкими обязательствами относительно даты вторжения в Европу. 11 июня британский кабинет по докладу премьер-министра принял решение отказаться от проведения во Франции крупной десантной операции в текущем году, если германская армия не будет деморализована неудачей войны против СССР[191]. Уклонившись от перенесения боевых действий в Европу для отвлечения немецких сил от борьбы с Красной армией, У. Черчилль предложил приложить основные усилия на второстепенном театре Второй мировой

войны — на севере Африканского континента, где силы итальянских и германских войск были незначительны. Ф. Рузвельт поддержал решение английских союзников, несмотря на возражения Объединенного комитета начальников штабов и ряда политических и военных деятелей США. 10 июля генерал Дж. Маршалл, недовольный принятой коалиционной стратегией, предложил президенту Ф. Рузвельту перенаправить основные военные усилия США на Тихий океан, если англичане будут настаивать на операции в Северной Африке, которая, по его мнению, едва ли привела бы к удалению хотя бы одного немецкого солдата, танка или самолета с русского фронта[192].

В августе, ввиду невозможности далее скрывать отсутствие желания открыть второй фронт в Европе в 1942 г., У. Черчилль вынужден был совершить полет в Москву для того, чтобы признаться — высадки в Европе в этом году не будет. Вместо этого премьер-министр изложил замысел стратегического наступления союзников в Северной Африке, высадки значительных англо-американских сил в Алжире и Марокко и победы над итало-германскими силами в регионе Средиземного моря. Несмотря на резкий протест советской стороны, У. Черчилль настаивал, что он никогда не давал официального обещания вторгнуться во Францию — все зависело от обстоятельств и состояния союзных сил. И в дальнейшем в своих заявлениях он не уставал подчеркивать, что не давал и не будет давать несбыточных заверений. Несмотря на то что И. В. Сталин по достоинству оценил представленный ему план операции «Торч», он так никогда и не забыл горького осадка, оставленного союзниками по общей борьбе своим отказом вступить в решающие сражения с германской армией уже в 1942 г. Со времени обещания открытия второго фронта, данного Ф. Рузвельтом советскому наркому в июне 1942 г., и до реальной высадки в Нормандии в июне 1944 г. на советско-германском фронте безвозвратные потери составили более 5 млн человек — такова была цена неисполненных обещаний.

Летом 1942 г., когда немецкие войска продвигались к Кавказу и положение Красной армии казалось наиболее угрожающим, американские оценки дальнейших возможностей Вооруженных сил Советского Союза стали еще более противоречивыми. В одном из докладов Управления военной разведки США конца июня 1942 г. говорилось о том, что без значительных поставок военных материалов и участия в войне первоклассных частей США и Великобритании Советский Союз окажется не в состоянии изгнать вражеские части со своей территории, не говоря уже о разворачивании боевых действий против Японии. Исходной точкой анализа были цифры и рационализм[193].

В то же время на советско-германском фронте главенствовали иные императивы. Первоочередной задачей высшего командования становилось выиграть время на восстановление утраченных сил, истощить противника и подготовить собственное наступление. Причем советское правительство отдавало себе отчет, что без открытия союзниками второго фронта в Европе говорить о сроках поражения Германии преждевременно. И если полет В. М. Молотова в Великобританию и США в мае — июне 1942 г. еще поддерживал надежды, что высадка во Франции состоится в ближайшем будущем, то визит У. Черчилля в Москву в августе 1942 г. перечеркнул эти ожидания. Советскому Союзу приходилось пока рассчитывать только на собственные возможности и, соответственно, ставить перед собой реально достижимые цели.

Советско-германское противостояние под Сталинградом приковывало на протяжении его развития взгляды всего мира. От того, кто выйдет победителем в ожесточенной схватке на берегах Волги, очень многое зависело как на советско-германском фронте, так и в деле сопротивления агрессии на других театрах мировой войны. Военно-политическое руководство и аналитики западных союзников не решались делать какие-либо прогнозы о возможности контрнаступления советских фронтов. Многим представителям военных и разведывательных ведомств США и Великобритании осенью 1942 г. представлялось, что у СССР остаются лишь теоретические перспективы продолжения войны с Германией. Несмотря на ободряющие заявления и официальную поддержку, в Лондоне и Вашингтоне с сомнением смотрели на возможности Красной армии. Для них главным и очевидным аргументом являлись территориальные и людские потери СССР.

Однако по мере утраты наступательного потенциала вермахта под Сталинградом оценки стали меняться. Управление стратегических служб в документе от 3 ноября 1942 г. подчеркивало величайшие масштабы проведенной в СССР эвакуации, приводя данные, что перемещены были как минимум 20 млн человек, а остающиеся у России ресурсы рабочей силы почти в 57 млн человек вполне достаточны для форсированного роста военного производства[194]. Военные руководители США и Великобритании принимали к сведению данные своей разведки о том, что положение Красной армии постепенно стабилизировалось.

О возможностях СССР оборонять Кавказ говорилось, в частности, в информационном докладе Объединенного разведывательного подкомитета в Лондоне начальникам штабов англо-американских союзников от 14 ноября 1942 г. В нем заявлялось о способности русских удержать за собой Южный Кавказ в период ноября 1942 — апреля 1943 г., даже если немцы оккупируют весь Северный Кавказ, включая Махачкалу. Утверждалось, что «русские располагают достаточными силами, чтобы встретить германское наступление... Характер территории, погодные условия также будут способствовать ведению жесткой обороны». В документе подчеркивалось улучшение морального состояния Красной армии и удержание под контролем возможного проявления враждебности со стороны местных жителей. Военные разведчики делали вывод: «Советские войска не дадут немцам прорваться через Главный Кавказский хребет, по крайней мере до апреля 1943 г.»[195].

Между тем к середине ноября 1942 г. уже само германское командование вынуждено было признать, что его грандиозный план разгрома СССР в новой кампании близок к полному провалу. Немецко-фашистские войска так и не смогли занять Москву и оккупировать центральный промышленный регион СССР. Главная цель А. Гитлера в 1942 г. — захватить Кавказ и Сталинград оказалась не достижимой. Предпринятые Ставкой ВГК меры и стойкость советских солдат стали решающим фактором в срыве немецко-фашистских планов по овладению Сталинградом и захвату нефтяных месторождений Кавказа.

Незадолго до начала контрнаступления, 6 ноября 1942 г., на торжественном заседании Московского совета выступил И. В. Сталин, специально отметив, что именно отсутствие второго фронта в Европе позволило Германии перебросить на советско-германский фронт все имеющиеся резервы, обеспечить большой перевес в силах на юго-западном направлении и достигнуть таким образом существенных тактических успехов в текущем году[196].

Письма И. В. Сталина, адресованные руководителям союзников в период подготовки и проведения операции «Уран», содержат достаточно откровенные сведения, которые снабжены самой секретной информацией о планах советского командования. В телеграммах У. Черчиллю и Ф. Рузвельту от 14 ноября И. В. Сталин сообщал, что Красная армия удерживает позиции на Северном Кавказе и в ближайшее время планирует перейти в наступление, несмотря на то что природный фактор влияет на сроки его начала. «В ближайшее время думаем начать зимнюю кампанию, — писал И. В. Сталин У. Черчиллю. — Когда именно удастся начать, это зависит от погоды, которая не в нашей власти. О ходе операций буду осведомлять Вас регулярно»[197]. Через день после начала операции «Уран» И. В. Сталин написал У. Черчиллю: «Начались наступательные операции в районе Сталинграда, в южном и северо-западном секторах... В северо-западном секторе фронт немецких войск прорван на протяжении 22 километров, в южном секторе — на протяжении 12 километров. Операция идет неплохо»[198].

Наращивание советских ударов по врагу оставалось для И. В. Сталина одной из главных тем в переписке с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом в период развития зимней кампании Красной армии. Так, 27 ноября 1942 г. он информировал британского премьера об успехах наступления под Сталинградом и, между прочим, сказал о намерении осуществить активные наступательные действия на центральном фронте в целях сковывания сил противника и воспрепятствования переброски немецких частей оттуда на юг[199]. На следующий день сообщение с такой же информацией было направлено Ф. Рузвельту.

Остается фактом, что ни союзники СССР, ни германское командование не распознали наличия у Красной армии глубинных политических, военных и моральных ресурсов в период Сталинградской битвы и не смогли сделать правильные выводы о боевых возможностях Во-

оруженных сил Советского Союза. Поэтому начавшееся 19 ноября мощное советское контрнаступление в междуречье Дона и Волги стало для них неожиданностью. Оно закончилось окружением 330-тысячной группировки вермахта под Сталинградом[200]. Эти события означали переломный момент в борьбе против агрессии стран фашистского блока. С военно-политической точки зрения крутой поворот на южном крыле советско-германского противоборства позволял повысить мировой престиж Красной армии и показать западным союзникам необоснованность их политики затягивания открытия второго фронта в Западной Европе.

Продолжавшаяся 200 дней и ночей Сталинградская битва своими итогами поставила Германию и ее союзников в катастрофическое положение, оказав решающее воздействие на потенциал Третьего рейха. Окончательно состоялся коренной перелом в войне, признаки которого обозначились еще во время контрнаступления Красной армии под Москвой. Для всего мира стало ясно, что в противоборстве с СССР агрессоры потерпят поражение. На главном театре военных действий, на котором было задействовано 80% боевых формирований вермахта, врагу был нанесен невосполнимый урон. За период с весны до осени 1942 г. потери вермахта на центральном и южном крыльях советско-германского фронта составили 95% всех потерь немецко-фашистских армий, находившихся в этот период на всех фронтах Второй мировой войны[201].

Успехи англичан и американцев, достигнутые в это время в Северной Африке, также внесли свой вклад в достижение перелома в глобальной войне. Однако они были достигнуты на второстепенном, периферийном театре военных действий, где в сражении под Эль-Аламейном итальянские и германские войска потеряли в 1942 г. всего около 30 тыс. человек. Очевидно, что масштабы победы союзников в Северной Африке не шли ни в какое сравнение с последствиями разгрома немецких армий на берегах Волги.

Показательно, что даже мэр Нью-Йорка объявил 8 ноября Днем Сталинграда и назвал оборону этого города главным событием года, равного которому еще не было в истории[202]. Президент США Ф. Рузвельт, справедливо оценивший события под Сталинградом как поворотный пункт всей войны против нашествия агрессоров, прислал городу торжественную грамоту, в которой от имени американского народа выразил восхищение доблестными защитниками города. Король Великобритании принес в дар «крепким как сталь» гражданам города-героя меч «в знак глубокого восхищения британского народа». Слово «Сталинград» превратилось в настоящий символ сопротивления и будущей общей победы.

Поражение немецких и союзных Германии войск зимой 1942–1943 гг. привело к началу развала фашистского блока. Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия вскоре начали активные поиски контактов со странами антигитлеровской коалиции с целью выхода из войны. Потерпели крах расчеты на вступление в войну против СССР Турции и Японии. Неблагоприятная обстановка для фашистского блока на фронтах способствовала ускоренному росту движения Сопротивления в Европе и Азии.

Переломный 1942 г., начавшийся контрнаступлением Красной армии под Москвой и завершившийся боями по уничтожению окруженных германских войск под Сталинградом, принес Советскому Союзу тяжелейшие испытания. Но советский народ смог сохранить надежду и выстоять, собрав в кулак все свои силы. Весной — осенью 1942 г. произошло усовершенствование структуры Красной армии. Подготовка новых формирований, военное производство и снабжение вооруженных сил кардинально изменились в масштабах.

В течение всего 1942 г. постоянно действовали, набирая силу, факторы, неподвластные германским солдатам, армиям, высшему командованию Третьего рейха, «и в растущей степени всё определялось одним: немцы воевали на чужой земле, далеко от своего дома, тогда как русские защищали свой порог и все то, что составляло их жизнь, что было для них главным в жизни, ее смыслом»[203]. Учась воевать, Красная армия заплатила страшную цену. 1942 г. унес больше жизней солдат, чем любой другой год войны: безвозвратные потери Вооруженных сил СССР составили 3,25 млн человек[204].

На некоторых этапах боевых действий, особенно в ходе Московской битвы и в битве за Сталинград, проблема открытия второго фронта имела для СССР если не критическое, то

огромное значение. Не потеряла она своей актуальности и накануне битвы на Курской дуге летом 1943 г. Однако открытие второго фронта в Европе продолжало откладываться. Англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) показала, что и в 1943 г. высадки союзников во Франции не будет. В совместном послании Ф. Рузвельта и У. Черчилля по итогам их переговоров И. В. Сталину сообщалось о подготовке ими неких военных операций, но не содержалось информации ни о масштабах, ни о сроках, а говорилось лишь о том, что «эти операции вместе с вашим мощным наступлением могут, наверное, заставить Германию встать на колени в 1943 г.»[205].

Таким образом, после перелома под Сталинградом Советскому Союзу предстояло еще полтора года вести борьбу один на один с противником, по-прежнему представлявшим серьезную силу.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны / Пер. с нем. СПб., 1999. С. 34.
[2] Белые пятна. Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях. М., 2010. С. 144.
[3] Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 8-ми т. М., 1988. Т. 2. С. 227.
[4] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба Сухопутных войск. 1939–1942 гг. / Пер. с нем. М., 2004. С. 57.
[5] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Исторический очерк. Вторая мировая война. М., 2002. С. 70.
[6] *Jurga T.* Obrona Polski. 1939. Warszawa, 1990. S. 184.
[7] *Maszlanka B.* Druga wojna swiatowa. Warszawa, 1970. S. 224.
[8] *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. М., 2001. С. 216.
[9] *Гришин Я. Я.* По страницам дневника Яна Шембека. Казань, 2006. С. 17.
[10] *Гудериан Г.* Воспоминания солдата / Пер. с нем. Смоленск, 1999. С. 95.
[11] Wojna wyzwolencza narodu poiskiego w latach 1939–1945. Warszawa, 1966. S. 144–151.
[12] *Гришин Я. Я.* Указ. соч. С. 24.
[13] *Кимхе Д.* Несостоявшаяся битва / Пер. с англ. М., 1971. С. 142.
[14] *Мэй Э.* Странная победа / Пер. с англ. М., 2009. С. 244.
[15] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 110.
[16] Wojna wyzwolencza narodu poiskiego w latach 1939–1945. S. 148–149.
[17] *Мельтюхов М. И.* Указ. соч. С. 371.
[18] *Maszlanka B.* Op. cit. S. 247.
[19] *Гальдер Ф.* Военный дневник. С. 132.
[20] Белые пятна. Черные пятна. С. 245.
[21] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 256.
[22] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 1. Т. 1. С. 203.
[23] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война. 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956. С. 76–77.
[24] Deutschland im Zweiten Weltkrieg.B., 1974. Bd. 1.S. 183.
[25] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 265.
[26] *Чубарьян А. О.* Канун трагедии: Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941. М., 2008. С. 45.
[27] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 265.
[28] Гриф секретности снят. Потери Вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. М., 1993. С. 86.
[29] Белые пятна. Черные пятна. С. 233.
[30] Там же. С. 221.
[31] Гриф секретности снят. С. 87.
[32] Белые пятна. Черные пятна. С. 238.
[33] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 67.
[34] Блицкриг в Западной Европе. Норвегия. Дания. М., 2004. С. 73.
[35] *Самнер Я., Вавилье Ф.* Французская армия. 1939–1942 гг. / Пер. с англ. М., 2002. С. 14–15.
[36] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 3. М., 1974. С. 36.
[37] *Paillat C.* Le Desastre de 1940. La Guerre immobile, avril 1939 — mai 1940. P., 1984. P. 137.

[38] *Rocolle P.* La Guerre de 1940. Paris, 1990. V. 1. P. 248.
[39] *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Призыв 1940–1942 / Пер. с фр. М., 2003. С. 132.
[40] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 104.
[41] *Jacobsen H.* Fall Gelb. Wiesbaden, 1957. S. 6.
[42] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 114.
[43] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 259.
[44] Там же. С. 265.
[45] Блицкриг в Западной Европе. С. 25.
[46] *Paillat C.* Op. cit. P. 47.
[47] *Мэй Э.* Указ. соч. С. 361.
[48] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 281.
[49] Блицкриг в Западной Европе. С. 29–30.
[50] *Desarzens O.* Nachrichtendienstliche Aspekte der «Weserübung» 1940. Osnabruck, 1988. P. 79.
[51] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 67.
[52] *Митчем С., Мюллер Д.* Командиры «Третьего Рейха». Смоленск, 1997. С. 234.
[53] *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот / Пер. с нем. Ростов н/Д., 2000. С. 245.
[54] Подробнее о плане А. Гитлера по захвату Дании и Норвегии, соотношении сил и особенностях военных действий см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 271–276.
[55] *Кейтель В.* Указ. соч. С. 24.
[56] *Зимке Э.* Немецкая оккупация Северной Европы / Пер. с англ. М., 2005. С. 95.
[57] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 317.
[58] Энциклопедия Второй мировой войны. Европа в огне. Сентябрь 1939 — май 1940. М., 2007. С. 82.
[59] Там же. С. 83.
[60] *Мощанский И. Б.* Испытание огнем. М., 2010. С. 39.
[61] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 317.
[62] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 77.
[63] Там же.
[64] Там же. С. 76.
[65] Энциклопедия Второй мировой войны. Европа в огне. Сентябрь 1939 — май 1940. М., 2007. С. 89.
[66] *Рипли Т.* Вермахт. Германская армия во Второй мировой войне. 1939–1945 / Пер. с англ. М., 2010. С. 82.
[67] Энциклопедия Второй мировой войны. Европа в огне. Сентябрь 1939 — май 1940. С. 92.
[68] *Lukacs J.* The duel. L., 1990. P. 134.
[69] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 112.
[70] Энциклопедия Второй мировой войны. Европа в огне. Сентябрь 1939 — май 1940. С. 106.
[71] Там же. С. 109.
[72] *Рипли Т.* Указ. соч. С. 86–87.
[73] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 79.
[74] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 116.
[75] *Рипли Т.* Указ. соч. С. 89.
[76] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 62–63.
[77] *Типпельскирх К.* Указ. соч. С. 118.
[78] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 79.
[79] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 103–104.
[80] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война / Пер. с англ. СПб., 1999. С. 112.
[81] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 105.
[82] *Мэй Э.* Указ. соч. С. 484.
[83] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 109.
[84] *Мэй Э.* Указ. соч. С. 485–486.
[85] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. С. 110.
[86] *Мэй Э.* Указ. соч. С. 488.
[87] Подробнее об условиях германо-французского перемирия см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 2. С. 288–289.

[88] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 83; Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 2. С. 289—290.
[89] *Гальдер Ф.* Военный дневник (июнь 1941 — сентябрь 1942). М., 2010. С. 127.
[90] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 87.
[91] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 129.
[92] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 89.
[93] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 283.
[94] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 93.
[95] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1. С. 297.
[96] *Чевтаев А. Г.* Великобритания и война в Европе: весна — лето 1940 года // Британская история XIX—XX веков: люди, события, идеи. Челябинск, 1997. С. 182.
[97] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. 1—2. С. 502; *Ричардс Д., Сондерс Х.* Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1963. С. 163.
[98] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. 3—4. С. 233.
[99] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 165—166.
[100] Мировая война 1939—1945 годы. Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957. С. 436—437.
[101] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 170.
[102] *Wood T., Gunston B.* Hitler's Lüftwaffe. L., 1977. P. 60.
[103] *Bekker C.* Angriffshöhe 4000. Oldenburg, 1964. S. 273.
[104] *Overy R.* Bomber Command 1939—1945. L., 1997. P. 80.
[105] *Cooper M.* The German Air Force 1933-1945: An anatomy of failure. L., 1981. P. 185.
[106] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 234—235.
[107] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 326.
[108] *Bekker C.* Op. cit. S. 400.
[109] *Overy R.* Op. cit. P. 111.
[110] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. М., 1980. С. 190; *Wolk H. S.* Decision at Casablanca // Air Force Magazine. 2003. January. P. 78—82.
[111] *Overy R.* Op. cit. P. 41.
[112] *Irving D.* The Rise and Fall of the Luftwaffe. L., 1973. P. 201.
[113] Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего рейха против СССР / Пер. с нем. М., 1996. С. 298.
[114] *Bekker C.* Op. cit. S. 403.
[115] *Murray W.* Strategy for Defeat: The Luftwaffe, 1933—1945. Washington, 1985. P. 159.
[116] *Говард М.* Указ.соч. С. 217, 221.
[117] *Craven W., Cate J.* The Army Air Force in World War II. Vol. II. Washington, 1983. P. 370—371.
[118] *Murray W.* Op. cit. P. 105.
[119] *Bekker C.* Op. cit. S. 406.
[120] *Румпф Г.* Огненный шторм. Стратегические бомбардировки Германии. 1941—1945 / Пер. с нем. М., 2010. С. 74.
[121] Там же. С. 76.
[122] *Bekker C.* Op. cit. S. 408.
[123] *Орлов А. С.* Обманутые надежды фюрера. Смоленск, 1999. С. 93—95.
[124] *Алябьев А. Н.* Хроника воздушной войны. Стратегия и тактика. 1939—1945 гг. М., 2006. С. 295.
[125] Там же.
[126] Мировая война 1939—1945 годы. С. 452.
[127] *Beetham M., Huston J.* The Strategic Air War Against Germany 1939—1945: Report of the British Bombing Survey Unit. L., 1998. P. 41.
[128] Мировая война 1939—1945 годы. С. 519.
[129] Итоги Второй мировой войны. Сб. статей / Пер. с нем. М., 1957. С. 379.
[130] *Craven W., Cate J.* Op. cit. Vol. III. P. 43; BA/MA RL 2 III/ 1025.
[131] BA/MA RL 2 III/ 877—882.
[132] *Hooton E. R.* The Luftwaffe: A Study in Air Power 1933—1945. L., 2010. P. 237.

[133] *MacMillan N.* The Royal Air Force in World War. Vol. 4. L., 1950. P. 102–103.
[134] *Irving D.* Op. cit. C. 374.
[135] *Vajda F. A., Dancey P.* German Aircraft Industry and Production 1933–1945. L., 1998. P. 138–139.
[136] Итоги Второй мировой войны. С. 379.
[137] *Murray W.* Op. cit. P. 224, 240.
[138] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11280. Д. 726. Л. 13.
[139] Там же. Л. 41.
[140] *Орлов А. С.* Секретное оружие Третьего рейха. М., 1975. С. 108.
[141] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 597–598.
[142] *Hooton E. R.* Op. cit. P. 175, 206.
[143] Мировая война 1939–1945 годы. С. 465.
[144] *Ross S. H.* Strategic Bombing by the United States in World War II: The Myths and the Facts. McFarland, 2003. P. 180.
[145] *Conroy R.* Operation Thunderclap: the bombing of Dresden. Carlisle Barracks, 1989. P. 29.
[146] *Mueller R.-D., Schoenberr N., Widera N.* Die Zerstörung Dresden 13 bis 15 Februar 1945. Dresden, 2010.
[147] *Beetham M., Huston J.* Op. cit. P. 56–57; *Davis R.* European Axis Powers. A Historical Digest of the Combined Offensive. 1939–1945. Birmingham, 2006. P. 568.
[148] Итоги Второй мировой войны. С. 230–231.
[149] *Middlebrook M.* The Nuerenberg Raid. Penguin, 1986. P. 275.
[150] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. М., 2013. С. 287.
[151] FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1943. P. 485–490.
[152] *Kimball W.* Forged in War. Roosevelt, Churchill, and The Second World War. Chicago, 1997. P. 190.
[153] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М., 1946. С. 100.
[154] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. М., 2012. С. 123–165.
[155] *Михалев С. Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 146.
[156] *Фейс Г.* Черчилль. Рузвельт. Сталин. Война, которую они вели, и мир, которого они добились / Пер. с англ. М., 2003. С. 40.
[157] *Atkinson R.* An Army at Dawn. The War in North Africa, 1942–1943. N. Y., 2003. P. 11.
[158] Цит. по: *Фейс Г.* Указ. соч. С. 41.
[159] *Atkinson R.* Op. cit. P. 12.
[160] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 225–226.
[161] История Второй мировой войны. Т. 5. М., 1975. С. 12.
[162] См.: *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии, 1941–1942. М., 1997. С. 26–28; о переговорах А. Идена с И. В. Сталиным в декабре 1941 г. см. также: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М., 2014. С. 164–165.
[163] А. Гарриман — помощник и доверенный человек Ф. Рузвельта; в это время специальный представитель президента по делам ленд-лиза в Великобритании, с 1943 г. — посол США в СССР.
[164] Department of State. Memorandum of Conversation, A. Harriman and R. Atherton, January 22, 1942. NA. RG 59. Entry 373. Box 31.
[165] *Leshuk L.* U. S. Intelligence Perceptions of Soviet Power, 1921–1946. L., 2003. P. 144.
[166] *Самсонов А. М.* Сталинградская битва. М., 1983. С. 29–31.
[167] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 217–218.
[168] *Leshuk L.* Op. cit. P. 146.
[169] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 218.
[170] *Сиполс В. Я.* На пути к великой победе. Советская дипломатия в 1941–1945 гг. М., 1985. С. 91.
[171] *Кошкин А. А.* Японский фронт маршала Сталина. Россия и Япония: тень Цусимы длиною в век. М., 2004. С. 180–185.
[172] *Leshuk L.* Op. cit. P. 144, 146.
[173] Ibid. P. 152.
[174] Ibid. P. 165.

[175] Ibid.

[176] R. Sherwood to U. S. Embassy in London, March 14, 1942. WAHP. CF. Cont. 161.

[177] *Сиполс В. Я.* Указ. соч. С. 91–92.

[178] F. Roosevelt to W. Churchill, March 16, 1942. WAHP. CF. Cont. 161.

[179] My Dear Mr. Stalin. The Complete Correspondence Between Franklin D. Roosevelt and Joseph V. Stalin / Ed., with comment. New Haven and L., 2005. P. 8.

[180] Комитет по вопросам послевоенных международных отношений был образован при Госдепартаменте США в начале 1942 г. В его работе принимали участие государственный секретарь К. Хэлл, его заместитель С. Уэллес, помощник госсекретаря Э. Стеттиниус, а также ряд известных дипломатов: Л. Пасвольский, Х. Ноттер, Дж. Дэвис и другие. Комитет занимался разработкой вопросов послевоенного мирного устройства и исследованиями, касающимися роли США в разрешении внешнеполитических проблем. Большой интерес представляют записи Комитета (сделанные, по-видимому, Х. Ноттером), где зафиксированы устные суждения Ф. Рузвельта по тем или иным вопросам международных отношений. Эти суждения, как правило, служили основой для подготовки Комитетом своих докладов и проектов.

[181] Department of State. Records of Harley A. Notter, 1939–1945, Talks with F. D. R. NA. RG 59. Entry 498. Box 54.

[182] Ibid.

[183] *Самсонов А. М.* Указ. соч. С. 29–31

[184] См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 20–21, 31–32.

[185] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 226–291.

[186] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 110–111.

[187] Там же. С. 157.

[188] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 253–254.

[189] *Мальков В. Л.* Ф. Рузвельт о проблеме безопасности в послевоенном мире. Беседы в Белом доме 29 мая 1942 г. // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 80–81.

[190] *Мальков В. Л.* Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. М., 2004. С. 391.

[191] *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 153.

[192] *Atkinson R.* Op. cit. P. 14.

[193] *Leshuk L.* Op. cit. P. 158–159.

[194] Ibid.

[195] Report by the Joint Intelligence Sub-Committee (The Capacity of the Soviet Forces to Defend South Caucasian), November 14, 1942. NA. RG 218. Entry CCS/JCS «Geographical files». Box 214.

[196] Правда. 1942. 7 ноября.

[197] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 91.

[198] Там же. С. 91–92.

[199] Там же. С. 94–95.

[200] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 372–410.

[201] Там же. С. 287.

[202] Правда. 1942. 9 ноября.

[203] Живая память. Великая Отечественная: правда о войне. В 3-х т. М., 1995. Т. 2. С. 35–37.

[204] Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001. Табл. 133.

[205] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 102–104.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ

Политическое и военное решение проблемы второго фронта

Для стратегической ситуации и взаимодействия в рамках антигитлеровской коалиции вплоть до открытия союзниками 6 июня 1944 г. второго фронта на севере Франции была характерна двойственность. С одной стороны, в результате успешных военных действий Вооруженных сил СССР на главном, советско-германском фронте Второй мировой войны уже на рубеже 1943–1944 гг. было очевидно, что Германия и ее союзники эту войну проиграли[1]. С другой стороны, для достижения окончательной победы от ведущих государств антигитлеровской коалиции требовалось большое напряжение сил. Если первое обстоятельство вынуждало союзников СССР — США и Великобританию серьезно задуматься о том, кто же будет доминировать при решении проблем послевоенного переустройства в Европе, то второе придавало огромную значимость конкретным шагам трех держав в определении коалиционной стратегии дальнейшего ведения войны.

Следует отметить, что до этого большая тройка была скорее политическим, но не реальным военным союзом. Коалиционное сотрудничество ограничивалось дружескими посланиями лидеров большой тройки, политическими декларациями, а военное взаимодействие сводилось в основном к взаимной информации о ходе военных действий, обмену опытом ведения войны и некоторыми данными разведки, урегулированию вопросов контроля над поставками по программе ленд-лиза в обмен на советские стратегическое сырье и товары и проливаемую воинами Красной армии кровь на самом сложном участке Второй мировой войны, а также в связи с этим к совместным действиям по защите морских коммуникаций. Такая двусторонняя помощь в какой-то мере способствовала достижению общей цели — борьбе с фашистской агрессией. Взаимодействие вооруженных сил государств антигитлеровской коалиции до второй половине 1944 г. было, однако, относительным, так как союзники не вели на территории Европы операций большого размаха, напрямую влиявших на положение на советско-германском фронте.

Нерациональное, крайне медленное использование союзниками на второстепенных направлениях во имя достижения политических целей значительного количества вооруженных сил не только не способствовало достижению главной цели антигитлеровской коалиции — решительному разгрому Германии, но и существенно затруднило открытие второго фронта и проведение Нормандской и последующих операций союзников в Западной Европе. Так, на время первой, самой сложной фазы операции по высадке войск и сил союзников на севере Франции в Италии находилось превышавшее их численность количество военнослужащих — 1 млн 339 тыс. человек с соответствующим вооружением в составе 27 дивизий против около 441 тыс. человек в составе 20 не самых оснащенных и боеспособных дивизий Германии[2].

Перед ведущими государствами антигитлеровской коалиции в 1944 г. вставали серьезные вопросы, касавшиеся эффективности их военного взаимодействия и требовавшие скорейшего разрешения. Они были общими для СССР, США и Великобритании, однако каждая из трех великих держав подходила к ним по-своему. Попытка найти общие походы была предпринята лидерами большой тройки на Тегеранской конференции в конце ноября — начале декабря 1943 г. Тянуть было больше нельзя. Президент США Ф. Рузвельт, сторонник быстрейшего открытия второго фронта, незадолго до Тегеранской конференции заметил: «Если дела в России пойдут и дальше так, то, возможно, будущей весной второй фронт и не понадобится»[3]. Однако путь к принятию союзниками согласованного с СССР решения об открытии второго фронта был непрост и долог.

6 июня 1944 г. западные союзники начали операцию «Оверлорд» — высадку своих войск в Северной Франции, на побережье Нормандии, подготовка к которой, означавшей открытие второго фронта в войне с Германией и ее сателлитами, длилась более полутора лет. В Советском Союзе приветствовали открытие второго фронта в Европе. В личном архиве Ф. Рузвельта хранится фотография Председателя Совета министров СССР с надписью: «Президенту Франклину Д. Рузвельту в память дня вторжения союзных американских и британских освободительных войск в Северную Францию от его друга Иосифа В. Сталина 6.06.1944 г.»[4].

История второго фронта и сегодня продолжает привлекать внимание государственных и политических деятелей, историков, писателей, знатоков военного дела, широкой общественности. Высказываются различные, порой противоречивые суждения[5]. Впервые вопрос о необходимости открытия второго фронта был официально поставлен в личном послании главы советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании У. Черчиллю. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И. В. Сталин вместе с тем констатировал: «Военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на западе (Северная Франция) и на севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию»[6]. У. Черчилль отклонил советские предложения, ссылаясь на недостаток сил и угрозу «кровопролитного поражения десанта»[7].

В политической элите США вопрос о втором фронте сразу вызвал сложную и противоречивую реакцию. Если Ф. Рузвельт полагал, что для гарантированного спасения Великобритании надлежит в кратчайший срок заключить союз с СССР и агрессия Германии против него изменяет ситуацию в войне в пользу союзников, многие чиновники Госдепартамента, руководители республиканцев и демократов, администрация президента разделились на два лагеря.

К первому относились сторонники не только быстрого оказания военной помощи СССР, но и оформления союза. Лидером этой группы политиков был ближайший помощник президента США Г. Гопкинс, который уже 22 июня 1941 г. выступил за распространение ленд-лиза на СССР[8]. В этом стремлении среди других его поддерживали финансист и советник президента А. Гарриман, помощник Г. Гопкинса О. Кокс, бывший посол в СССР Дж. Дэвис, который своевременно предоставил доказательства, что войска СССР, несмотря на американские прогнозы, не только продержатся дольше шести месяцев, но и смогут победить в войне[9].

Второй лагерь политической элиты представляли убежденные изоляционисты, которые считали, что нападение Германии создает исключительно благоприятные условия для США, но чтобы их реализовать, необходимо и далее придерживаться принципов невмешательства. Они утверждали, что США надо быть в стороне от «грызни собак» и «бойни двух диктаторов»[10]. Сенатор Р. Тафт открыто заявил, что победа И. В. Сталина еще более опасна, чем победа А. Гитлера. Близка к данным кругам была позиция влиятельной части Госдепартамента во главе с госсекретарем К. Хэллом — держаться в стороне, проявляя сдержанность[11].

Важное значение для настроений западной общественности имело заявление Ф. Рузвельта от 24 июня, что СССР получит помощь от США[12]. В тот же день в британском парламенте

выступил А. Иден и объявил, что теперь у Великобритании и коммунистов одна общая цель — сокрушить нацизм[13]. Большинство крупных периодических изданий Англии, США и Канады выступили в поддержку Советского Союза[14].

В сентябре 1941 г. в связи с серьезным осложнением военного положения СССР И. В. Сталин вновь поставил вопрос о втором фронте[15]. В своих посланиях от 3 и 13 сентября 1941 г. он писал У. Черчиллю, что гитлеровская Германия перебросила на советско-германский фронт более 30 свежих пехотных дивизий, большое количество танков, самолетов и активизировала действия 46 дивизий своих союзников, в результате чего Советский Союз потерял больше половины Украины, враг оказался у ворот Ленинграда[16]. «Немцы считают опасность на западе блефом, — констатировал И. В. Сталин, — и безнаказанно перебрасывают с запада свои силы на восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан»[17]. У. Черчилль, признав, что на Советский Союз легла вся тяжесть борьбы против фашистского нашествия, а расчет гитлеровцев построен на ликвидации противников поодиночке, тем не менее повторил свои доводы о невозможности открытия второго фронта[18].

Обстановка на советско-германском фронте действительно была критической. 30 сентября вермахт начал операцию «Тайфун» — наступление на Москву. Германские силы на московском направлении составляли 42% личного состава, 75% танков, почти половину самолетов, 33% орудий и минометов от общего количества, находящегося на всем восточном фронте. Никогда немцы не использовали столь огромных сил в составе одной группы армий. Противостоявшая группировка Красной армии значительно уступала войскам группы армий «Центр». Советские соединения на московском направлении насчитывали 1250 тыс. человек, 7,6 тыс. орудий и минометов, 990 танков[19].

Однако в развернувшейся ожесточенной борьбе главное уже определяли другие факторы: натиску врага противостояли твердость духа советского народа и его самоотверженность на фронте и в тылу, набиравший силу военно-экономический потенциал страны. В ходе контрнаступления советских войск под Москвой группе армий «Центр» был нанесен сокрушительный удар. Особенно большие потери понесли танковые соединения врага, которым отводилась решающая роль в войне. К концу марта в 16 танковых дивизиях вермахта, находившихся на советско-германском фронте, оставалось всего 140 боеспособных машин. Потери личного состава группы армий «Центр», действовавшей на московском направлении, составили, по немецким данным, 772 тыс. человек[20]. К концу апреля 1942 г. общие потери только сухопутных войск вермахта на советско-германском фронте убитыми, ранеными и пропавшими без вести превысили 1,5 млн человек, что почти в пять раз больше урона, понесенного гитлеровцами в Польше, Северо-Западной и Западной Европе и на Балканах. Для усиления своих группировок германскому командованию пришлось бросить на восток 60 новых дивизий и 21 бригаду[21].

Если принять во внимание сложившуюся на советско-германском фронте обстановку, стратегическое и морально-политическое значение побед Красной армии зимой 1941—1942 гг., потрясших фашистский рейх, то станут очевидны те возможности, которые открывал бы точно рассчитанный по времени удар по противнику на западе[22].

«Сопротивление русских, — докладывал британскому военному кабинету один из его влиятельнейших членов, министр снабжения лорд Бивербрук, — дает нам новые возможности... Оно создало почти революционную ситуацию во всех оккупированных странах и открыло 2 тысячи миль побережья для десанта английских войск. Однако немцы могут безнаказанно перебрасывать свои дивизии на восток именно потому, что наши генералы до сих пор считают континент запретной зоной для английских войск»[23]. Британский кабинет и имперский Генеральный штаб не разделяли взглядов лорда Бивербрука[24].

США вступили в войну 7 декабря 1941 г. в ответ на прямую агрессию против них Японии. В результате внезапного нападения японских вооруженных сил на Пёрл-Харбор, главную базу военно-морских сил на Тихом океане, последовавших ударов по Британской Малайе, Индокитаю, Сингапуру, Гуаму, Гонконгу и Филиппинам стратегические позиции США и

Великобритании в этом районе мира были подорваны[25]. К весне 1942 г. на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии доминировала японская военная мощь[26]. Объявила войну США и фашистская Германия.

В обращении к американским войскам незадолго до их капитуляции на Филиппинских островах главнокомандующий вооруженными силами США на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур заявил, что «надежды цивилизации ныне неразрывно связаны с действиями героической Красной армии, ее доблестными знаменами»[27]. По всей вероятности, немаловажным поводом для размышлений в Вашингтоне послужил и следующий его вывод о боевых действиях Вооруженных сил Советского Союза в первые месяцы войны и их контрнаступлении под Москвой: «В своей жизни я участвовал в ряде войн, другие наблюдал, детально изучал кампании выдающихся военачальников прошлого. Но нигде я не видел такого эффективного сопротивления сильнейшим ударам до того времени победоносного противника, сопротивления, за которым последовало контрнаступление, отбрасывающее противника назад, к его собственной территории. Размах и блеск этого усилия делают его величайшим военным достижением во всей истории»[28].

Именно к этому времени относится разработка штабом армии США нового стратегического плана, замысел которого исходил из необходимости первоочередной мобилизации американского военного потенциала против Германии и сосредоточения в Англии войск и техники для вторжения в Северную Францию[29]. 1 апреля 1942 г. этот план обсуждался на совещании в Белом доме и был одобрен Ф. Рузвельтом, который придавал ему большое политическое значение[30]. Президент считал необходимым дать заверение советскому союзнику в вопросе о втором фронте в связи с приближавшимся новым наступлением германских вооруженных сил на востоке. План учитывал мнение той части американской общественности, которая требовала открытия второго фронта, и в предвидении предстоявших в конце 1942 г. выборов в конгресс этот фактор имел немаловажное значение для демократической партии[31].

Ф. Рузвельт принял решение направить в Лондон для ознакомления с новым планом США своего специального помощника Г. Гопкинса и начальника штаба армии США генерала Дж. Маршалла. В послании У. Черчиллю от 3 апреля 1942 г. он писал: «То, о чем расскажут Вам Гарри и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и умом. Ваш народ и мой народ требуют создания второго фронта, который бы ослабил давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают снаряжения, чем вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, крупная цель будет достигнута»[32]. Г. Гопкинс и Дж. Маршалл, в принципе, получили согласие британского правительства на открытие второго фронта в 1943 г. (операция «Раундап»)[33] и высадку ограниченного десанта западных союзников на севере Франции в 1942 г. (операция «Следжхаммер»)[34].

11 апреля 1942 г. Ф. Рузвельт пригласил к себе советника посольства СССР А. А. Громыко и вручил ему личное послание на имя главы советского правительства. Для обсуждения вопроса об открытии второго фронта американский президент предлагал направить для переговоров в Вашингтон советскую делегацию во главе с народным комиссаром иностранных дел. 20 апреля Ф. Рузвельту было сообщено о согласии советского правительства на встречу В. М. Молотова с президентом США для обмена мнениями по вопросу об организации второго фронта в Европе. В послании также говорилось, что советские представители посетят Лондон для обмена мнениями с английским правительством. Ф. Рузвельт в письме У. Черчиллю, обосновывая необходимость открытия второго фронта в 1942 г., подчеркнул, что «из-за погодных условий операцию нельзя откладывать до конца года»[35].

В результате сложных и напряженных переговоров В. М. Молотова с У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, представителями генералитета, другими официальными лицами США и Великобритании было принято решение о создании второго фронта[36]. В совместных официальных коммюнике (советско-американском и советско-английском) указывалось, что «достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.»[37].

В Москве понимали, что, несмотря на разгром немецко-фашистских войск в зимней кампании 1941—1942 гг., силы фашистской Германии еще велики и западным союзникам пришлось бы преодолеть немалые препятствия для открытия второго фронта. Но Советский Союз был вправе ожидать, что Великобритания и Соединенные Штаты Америки, армии которых насчитывали в то время более 10 млн человек, развернут боевые действия в Европе и тем самым частично отвлекут войска вермахта с советско-германского фронта. Это могло бы не только оказать существенную помощь Советскому Союзу, но и ускорить разгром фашистского блока, сократить продолжительность войны и число ее жертв.

Посол США в СССР Л. Штейнгардт сообщал в Белый дом: «Ввиду того что советское правительство и народ восприняли то, что здесь представляется торжественным обязательством со стороны Соединенных Штатов и Великобритании создать второй фронт в 1942 г., я убежден, что если такой фронт не будет реализован быстро и в широком масштабе, эти люди будут настолько обмануты в своей вере в искренность наших намерений и желаний предпринять согласованные действия, что делу Объединенных Наций будет нанесен ущерб, не поддающийся оценке»[38].

Дискуссия о возможности открытия второго фронта в 1942 г. особенно активно шла на страницах американской прессы летом 1942 г. в период наступления вермахта и его союзников на Сталинград. Часть периодических изданий США стремилась доказать американскому обществу необходимость не только скорейшего увеличения военно-материальной помощи СССР, но и открытия второго фронта. Другая часть, однако, указывала на трудности такой операции и ее большой риск[39]. Так, военный обозреватель агентства «Ассошиэйтед пресс» Д. В. Макензи писал, что «второй фронт — это проблема, связанная со многими трудностями. И как факт надо признать — на данный момент союзники еще не готовы к подобной операции. Нетерпение в желании помочь храброй России в ее героической борьбе может отрицательно сказаться на наших перспективах»[40]. В статьях первой группы изданий доказывалась «необходимость ускорить открытие второго фронта ввиду высоких потерь России»[41]. Журналист Дж. Ли, представлявший агентство INS, писал: «Нацисты лихорадочно готовятся к открытию второго фронта в Европе. Это кошмар для Гитлера. Он уже знает, что в Британии сосредоточены тысячи солдат союзников»[42].

Вопрос о втором фронте в той или иной форме обсуждался едва ли не на каждом заседании военно-политического руководства США и Великобритании, но безрезультатно, о чем свидетельствуют фрагменты записи одного из таких заседаний в апреле 1942 г. «Вечером 14 апреля, — вспоминал У. Черчилль, — комитет обороны собрался вместе с нашими американскими друзьями на Даунинг-стрит, 10. Это обсуждение оказалось настолько важным, что я заранее попросил генерала Исмея лично вести протокол... Я открыл совещание, указав, что комитет собрался для того, чтобы обсудить важное предложение, которое привезли г-н Гопкинс и генерал Маршалл и которое сейчас всесторонне обсуждается и рассматривается штабами. Я, не колеблясь, искренне принял этот план. Лежащий в основе его замысел отвечает классическим принципам войны, а именно концентрации сил против главного противника. Следует, однако, сделать одну общую оговорку — необходимо продолжать оборону Индии и Среднего Востока. Мы никак не можем рисковать потерей 600-тысячной армии и всех людских резервов Индии. Кроме того, нельзя допустить падения Австралии и островных баз, связывающих ее с Соединенными Штатами. Это означает, что мы не можем полностью отложить в сторону все основное, преследуя главную цель, предложенную генералом Маршаллом»[43].

Начальник имперского Генерального штаба генерал А. Брук, по свидетельству У. Черчилля, в целом положительно оценил план Ф. Рузвельта, но обратил внимание на то, что «если бы японцы добились контроля над Индийским океаном, это не только создало бы серьезную угрозу Среднему Востоку, но мы потеряли бы также нефтяные поставки из района Персидского залива. В результате Германия получила бы всю потребную нефть, южный путь в Россию был бы перерезан, Турция оказалась бы изолированной и беззащитной, немцы получили бы свободный доступ в Черное море, а Германия и Япония были бы в состоянии обмениваться товарами, в которых они так сильно нуждаются»[44].

Немецкий солдат возле горящего десантного корабля в Дьеппе

Подбитый танк «Черчилль» 1-й канадской танковой бригады

Группа канадских военнопленных в Дьеппе

Разбитая техника и тела погибших солдат на пляже Дьеппа

План высадки в 1942 г. англо-американских войск на северо-западе Франции в итоге не получил необходимой поддержки у западных союзников и вызвал, особенно со стороны У. Черчилля, целый ряд серьезных возражений. Несмотря на то что британский премьер-министр заявил в заключение, что «обе нации пойдут вперед плечом к плечу»[45], было очевидно, что он поставил перед собой цель добиться изменения курса американской политики в отношении второго фронта[46]. «Мне надо было добиться от Соединенных Штатов решения... — записал он в июле 1942 г. — Это был отказ от всех планов вторжения через Ла-Манш в 1942 г. и оккупации Французской Северной Африки в течение осени или зимы... Наступил момент похоронить «Следжхаммер», который был уже мертв в течение некоторого времени»[47].

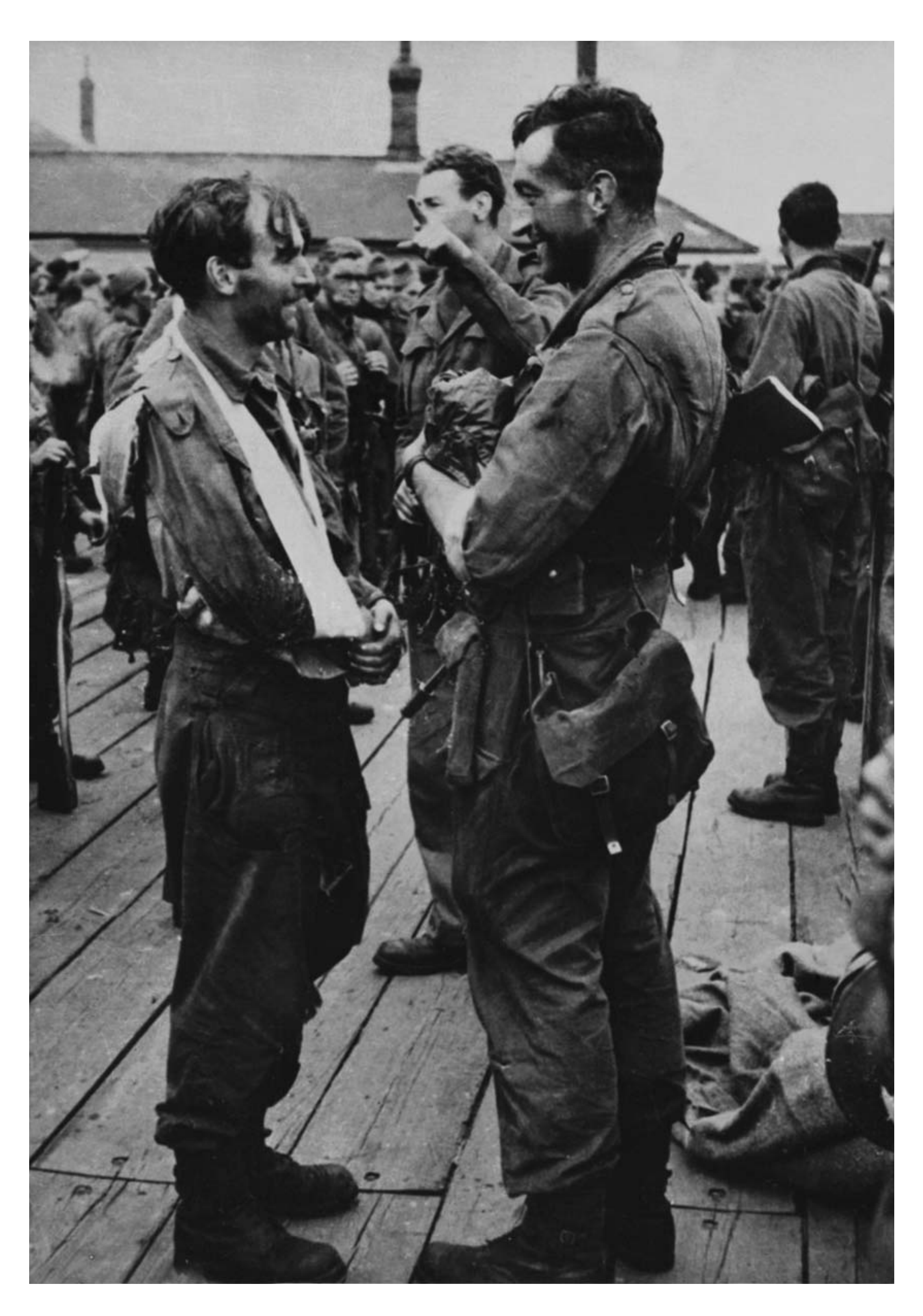
В середине июля в Лондоне состоялось обсуждение преимуществ и недостатков операций «Следжхаммер» и «Торч», в результате которого высадка в Северной Африке, одобренная Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем, была признана приоритетной, а высадка во Франции не получила поддержки[48]. 25 июля президент США телеграфировал Г. Гопкинсу о решении немедленно приступить к осуществлению плана высадки в Северной Африке, которая должна состояться не позднее 30 октября[49].

У. Черчилль признавался: «Я всегда повторял идею, изложенную в моем меморандуме в декабре 1941 года, а именно: 1. Английская и американская освободительные армии должны высадиться в Европе в 1943 году... 2. Тем временем, когда русские ведут гигантские бои изо дня в день против главных ударных сил германской армии, мы не можем оставаться в бездействии... 3. Следовательно, единственным способом заполнить разрыв во времени, которое должно было пройти, прежде чем массы английских и американских войск можно было бы ввести в соприкосновение с немцами в Европе в 1943 г., была англо-американская оккупация Северной Африки в сочетании с наступлением англичан на запад через Пустыню на Триполи и Тунис»[50].

19 августа 1942 г. союзники предприняли крупный разведывательный рейд на оккупированное немецкими войсками французское побережье Ла-Манша в районе г. Дьепп, однако он был проведен лишь с разведывательно-диверсионными целями, а также для оперативной маскировки предстоящей операции в Северной Африке[51].

Так, без излишних формальностей, а тем более без согласия советской стороны план высадки англо-американских войск в Северной Франции фактически бесцеремонно подменили планом «Торч»[52]. У. Черчилль сообщил И. В. Сталину об изменении стратегических планов западных союзников только в августе 1942 г. Такие методы решения проблемы второго фронта вошли в историю войн как пример грубейшего нарушения союзниками взятых на себя обязательств стратегического значения.

Попытки оправдать невыполнение западными союзниками обязательств об открытии второго фронта в 1942–1943 гг. были предприняты в англоязычной литературе еще в годы войны. Наибольшее распространение получила версия, согласно которой США прилагали все усилия к своевременному открытию второго фронта, но их действия были блокированы Англией. В официальном американском труде «Глобальный тыл и стратегия в 1943–1945 гг.» говорится: «Черчилль был действительно инициатором, а Рузвельт всего лишь пешкой в осуществлении политики затягивания второго фронта»[53]. Иначе оценивается позиция США в книге «Большая стратегия», относящейся к официальным английским трудам по истории Второй мировой войны. В ней довольно убедительно показывается, что американская сторона, выдвигая планы открытия второго фронта в 1942–1943 гг., на деле поддерживала английскую политику в этом вопросе. Рассматривая американские стратегические программы на 1943 г., в труде отмечается: «Американские ресурсы, предназначенные ранее для осуществления плана «Болеро» (переброска войск США на Британские острова для открытия второго фронта. — *Прим. ред.*), были направлены на Тихий океан, Средиземное море и даже Средний Восток, и поэтому предложение о вторжении в Европу в 1943 г. являлось нереальным... Теперь на руинах прежней стратегии предстояло создать новую»[54].

Британские коммандос на пирсе Ньюхейвена после возвращения из рейда на Дьепп

«В конечном счете, отсрочка открытия второго фронта явилась результатом целой серии решений Уинстона Черчилля, Франклина Рузвельта и их военных советников». Таким образом, принятое в итоге решение было «самым мудрым»[55].

В борьбу за Северную Францию (как плацдарм) и решение проблемы второго фронта в ходе войны включались все более крупные авторитеты. «Схематический план вторжения» был представлен Дж. Маршаллом и Г. Стимсоном президенту, который подчеркнул, что Северо-Западная Европа — «единственное место, где в ближайшем будущем союзные государства смогут подготовить и осуществить мощное наступление»[56].

7 декабря 1942 г. в Москве было получено послание Ф. Рузвельта, в котором он сообщал И. В. Сталину, что «решено немедленно назначить генерала Д. Эйзенхауэра командующим операцией по форсированию Канала». В ответном послании советский лидер сообщал: «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих решающих операций»[57].

Следует отметить большое чувство достоинства, с каким вел переписку и переговоры с руководителями США и Великобритании И. В. Сталин, не опускаясь до роли просителя даже тогда, когда судьба Советского Союза висела на волоске. У. Черчилль знал это по опыту встречи с И. В. Сталиным в августе 1942 г. Ф. Рузвельт встретился с главой Советского государства в Тегеране в следующем году. Вполне вероятно, что И. В. Сталин не до конца понимал всей глубины своекорыстия дипломатической тактики западных союзников, их недобросовестности. В Москве никак не могли поверить в то, что государственные мужи такого класса, как Ф. Рузвельт и У. Черчилль, были способны вести двойную игру и успокаивать советское правительство ложными обещаниями[58].

Сложившаяся обстановка требовала, тем не менее, принятия решений, направленных на взаимодействие вооруженных сил ведущих держав антигитлеровской коалиции, и обсуждения неотложных вопросов послевоенного устройства мира. Реальными возможностями осуществления такого взаимодействия в Европе являлось открытие второго фронта, а в Азии — вступление СССР в войну против Японии, что создавало условия для максимального сокращения сроков войны и числа ее жертв. Вопрос о втором фронте был заложником создавшегося положения и острых англо-американских дискуссий[59].

В поисках компромисса возникла идея трехсторонней встречи на высшем уровне. Впервые ее высказал Ф. Рузвельт в послании И. В. Сталину от 2 декабря 1942 г.: «Моим самым настоятельным доводом является сильное желание побеседовать с Вами. Я советовал бы организовать нашу секретную встречу в Африке, в каком-нибудь безопасном месте, удобном для всех нас троих, — примерно 15—20 января»[60]. Выразив принципиальное согласие на участие в такой встрече, глава советского правительства предложил организовать ее позднее, мотивировав это невозможностью для себя отвлечься от обязанностей Верховного главнокомандующего в условиях ожесточенных сражений на советско-германском фронте[61]. «Мы должны продолжать все усилия для созыва африканской встречи и возложить ответственность за отказ на нашего друга»[62], — телеграфировал Ф. Рузвельт британскому премьеру, получив ответное послание И. В. Сталина.

На конференции Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Касабланке (Северо-Западная Африка) 14—24 января 1943 г., куда И. В. Сталин не поехал, президент США выступил с заявлением о безоговорочной капитуляции стран фашистского блока как конечной цели союзников[63]. Это важное заявление означало также, что США не согласятся на прекращение войны в Европе на условиях, не санкционированных Вашингтоном[64].

Политику западных держав по отношению к СССР продолжали диктовать события на советско-германском фронте. «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде, — по свидетельству Р. Шервуда, одного из ближайших сподвижников Ф. Рузвельта и Г. Гопкинса, — изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне, Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно

имела право по характеру и численности своего населения. Рузвельт понял, что должен теперь взглянуть в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 г., и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира»[65].

4 июля президент США сообщил И. В. Сталину о принятом на англо-американской конференции в Вашингтоне (12—25 мая 1943 г.) решении отложить открытие второго фронта еще на год, что привело к обострению отношений[66]. Советские послы в Вашингтоне и Лондоне, как отмечалось в предшествующем томе, были отозваны в Москву, и о встрече в верхах какое-то время не упоминалось[67].

Тем временем и У. Черчилля, и Ф. Рузвельта особенно тревожило быстрое продвижение советских армий на запад. Американский профессор М. Столер считает: «В 1943 г. было ясно, что дальнейшее участие Советского Союза в войне и совместная победа союзников приведет к его значительному усилению и в то же время ослаблению позиций Великобритании»[68].

Стремясь в создавшейся обстановке не допустить дальнейшего ухудшения отношений с СССР, У. Черчилль и Ф. Рузвельт на конференции в Квебеке (17—24 августа 1943 г.) совместно со своими начальниками штабов обсудили и одобрили план высадки морского десанта в Нормандии (операция «Оверлорд») и на юге Франции (операция «Драгун», ранее «Энвил») к маю 1944 г. Окончательно вопрос предстояло решить на встрече большой тройки[69].

В ходе обмена мнениями между руководителями трех союзных держав была достигнута договоренность о созыве в Москве для подготовки встречи на высшем уровне конференции министров иностранных дел трех стран К. Хэлла (США), А. Идена (Великобритания) и В. М. Молотова[70]. Как вспоминал участник Московской конференции чрезвычайный и полномочный посол академик С. Л. Тихвинский, «конференция в какой-то степени была созвана по инициативе Сталина, который на приглашение принять участие во встрече глав трех государств ответил, что он согласен, но надо предварительно подготовить необходимые материалы, четкую повестку дня»[71].

Московская конференция (19—30 октября 1943 г.) открылась обсуждением вопроса о сокращении сроков войны, предложенного советской делегацией. Важным результатом, непосредственно связанным со сроками сокращения войны, стало подписание особо секретного протокола о втором фронте, из которого следовало, что «план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок»[72]. Однако дискуссия о втором фронте показала советской делегации, что для твердой уверенности в выполнении союзниками своих обязательств и на этот раз нет достаточных оснований.

На совещании с американскими начальниками штабов 19 ноября 1943 г. на борту линкора «Айова» по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав государств СССР, США и Великобритании в Тегеране, Ф. Рузвельт обратил внимание присутствовавших на то, что советские войска находятся всего в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют р. Буг, что могут сделать в ближайшие две недели, то окажутся на пороге Румынии.

Президент указывал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы. Под английскую оккупацию он отдавал Францию, Бельгию, Люксембург, а также южную часть Германии — Баден, Баварию и Вюртемберг. Соединенные Штаты, сказал Ф. Рузвельт, «должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты»[73]. В свою очередь, «балканская стратегия» У. Черчилля ставила своей целью упредить освобождение Красной армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Серия англо-американских конференций этого периода с участием первых лиц продолжилась в Каире (23—26 ноября 1943 г.), куда был также приглашен глава гоминьдановского правительства Китая Чан Кайши[74]. В Каире рассматривались в основном вопросы, связанные с войной против Японии. Важным документом, принятым на конференции, явилась каирская декларация трех правительств, в которой указывалось, что союзники поставили

перед собой цель остановить и покарать агрессию Японии, изгнать ее со всех территорий, которые она захватила, начиная с 1914 г. Декларация была опубликована 1 декабря 1943 г., после ознакомления с ее текстом советской делегации в Тегеране. Вместе с тем У. Черчилль и британские начальники штабов при обсуждении обстановки в Европе пытались различными путями добиться отсрочки высадки в Нормандии[75]. У. Черчилль «хочет вонзить нож в спину «Оверлорда», — констатировал в своем дневнике военный министр США Г. Стимсон[76].

В условиях отсутствия четких обязательств союзников относительно открытия второго фронта советским командованием главное внимание уделялось центральному участку фронта. Только уничтожив крупную стратегическую группировку противника, какой являлась группа армий «Центр», можно было освободить Белоруссию. При этом учитывалось, что на ее оккупированной территории активно действовали партизанские формирования, которые постоянно дезорганизовывали тыл противника.

Командование вермахта, несмотря на утрату инициативы, все еще не считало войну проигранной. На лето 1944 г. оно планировало на восточном фронте упорной обороной не допустить дальнейшего продвижения Красной армии, а на западном — воспрепятствовать вторжению американо-британских войск во Францию, захватить инициативу и изменить ход войны в свою пользу.

Тем временем активизировалась подготовка вторжения войск союзников на Европейский континент. Практическая работа по подготовке высадки на севере Франции началась с создания в 1943 г. Объединенного штаба. По предложению У. Черчилля на пост начальника этого штаба назначили командира 1-го британского корпуса генерал-лейтенанта Ф. Моргана. Ему предстоял чрезвычайный и сложный объем работы, «в успех которой он верил, хотя не знал, когда и где будет операция и кто будет ею руководить». Ф. Моргану предстояло подготовить как единое целое армии двух англоязычных государств для выполнения общей боевой задачи стратегического масштаба.

В августе 1943 г. англо-американская конференция в Квебеке одобрила в общем виде представленный Ф. Морганом план операции «Оверлорд» и уполномочила его «приступить к детальной разработке плана операции и к ее подготовке»[77]. По замыслу Объединенного штаба предполагалось занятие плацдарма на континенте сосредоточенными в Великобритании силами и средствами: в общих чертах были намечены мероприятия по подготовке и проведению высадки, накоплению сил и средств на плацдарме, ведению там боевых действий в течение как минимум 90 дней. Изучались возможности высадки войск в Северо-Западной Франции, где были определены два пригодных участка — на побережье пролива Па-де-Кале и в Нормандии (г. Кан, полуостров Котантен).

Первый обеспечивал кратчайшие пути между портами Южной Англии и Северной Франции, что облегчало морской переход десанта и его последующее снабжение. Он был выгоден также тем, что имелась возможность поддержки десанта авиацией, размещенной на британских аэродромах. Но по этим же причинам противник на этом направлении стремился создать прочную оборону. Кроме того, из-за отсутствия достаточного количества удобных пунктов для высадки войск и выгрузки материальных средств для реализации этого варианта был необходим захват портов в районе побережья от Гавра до Антверпена, что с самого начала ставило под угрозу успех всей операции.

При оценке другого участка возможной высадки (Кан, Котантен) учитывалось, что для ее осуществления необходимо преодолеть пролив Ла-Манш, значительно более протяженный, чем Па-де-Кале, что неизбежно создавало дополнительные трудности для проведения крупной десантной операции. Однако германская оборона здесь была значительно слабее, побережье в районе Кана достаточно удобным для высадки, местность затрудняла проведение контрударов танковых войск противника, для последующего снабжения десанта можно было использовать портовый город Шербур, а также порты на полуострове Бретань. Кроме того, побережье было лучше защищено от штормовых ветров, что облегчало высадку десанта. Здесь имелась возможность быстро осуществить развертывание сил, к тому же территория находилась в отдалении от основных сил противника. Место высадки было достаточно удалено

Американские солдаты при подготовке к высадке в Нормандии

Британский саперный танк на испытаниях

Надувной макет американского танка

Репетиция высадки батальона истребителей танков с десантных кораблей на песчаные пляжи

У. Черчилль инспектирует подготовку войск союзников к высадке в Нормандии

от Бискайского залива и Бреста, и поэтому немцы не могли массированно использовать подводные лодки для противодействия десанту. В конечном итоге, район г. Кан был выбран приоритетным в качестве места высадки[78].

Детальное планирование военных действий в Западной Европе началось после завершения работы Тегеранской конференции и назначения 24 декабря 1943 г. на должность Верховного главнокомандующего союзными экспедиционными силами на Западноевропейском театре генерала Д. Эйзенхауэра. Английский генерал Б. Монтгомери принял командование сухопутными силами союзников. С этого времени темпы планирования и подготовки операции «Оверлорд» ускорились. В конце декабря план был частично пересмотрен: количество войск первого эшелона десанта увеличено с трех до пяти дивизий, расширен фронт его высадки, включивший в себя восточную часть полуострова Котантен, увеличены силы воздушного десанта, сокращены сроки создания плацдарма. В соответствии с уточненным планом десантирования решались вопросы об увеличении количества привлекаемых десантных средств, усилении огневой поддержки десанта флотом, изоляции плацдарма от остальной территории интенсивными действиями авиации.

Главная задача флота союзников в операции заключалась в том, чтобы доставить войска в район высадки, надежно обеспечить прикрытие десанта на переходе и при высадке от ударов подводных лодок и надводных кораблей противника, артиллерийским огнем содействовать продвижению войск на берегу. Действиям с моря должна была предшествовать высадка значительных сил воздушно-десантных войск в глубине обороны противника до 10–15 км от берега. Им предстояло оказать содействие морскому десанту при высадке и овладении плацдармом, не допустить подхода резервов противника к побережью. План десантирования в общих чертах предусматривал высадку передовых соединений на пяти плацдармах и проводку через них четырех армейских корпусов. Морская часть операции («Нептун»), в которой было задействовано свыше 1200 кораблей и десантных судов, имела целью обеспечить переход десанта морем и его высадку на побережье.

Военно-воздушные силы наряду с выброской воздушных десантов и поддержкой сухопутных войск в разворачивавшихся операциях вели самостоятельные действия, направленные на ослабление военно-экономического потенциала стран фашистского блока. От ударов военно-воздушных сил союзников пострадали главным образом жилые кварталы многих городов. Что же касается немецкой промышленности, то бомбардировки не создавали ей серьезных затруднений, так как производство осуществлялось на основе кооперации между предприятиями, рассредоточенными на большом удалении друг от друга и скрытыми под землей. Ко времени начала операции «Оверлорд» активные боевые действия авиация союзников вела с использованием авиабаз (аэродромов) в Италии, Великобритании, Северной Африки и Советском Союзе.

Материально-техническое обеспечение союзных войск имело свои особенности и встречало немалые трудности, в основном связанные с большой удаленностью театра военных действий от центров военного производства и снабжения. Вооружение, боевая техника, другие материальные грузы доставлялись преимущественно морем из США. Тем не менее из-за слабости военно-морских сил государств фашистско-милитаристского блока союзникам удалось без существенных потерь создать на каждом участке военных действий достаточно большие материальные запасы.

В тыловом обеспечении союзных войск важная роль отводилась прокладке трубопровода из Англии через Ла-Манш и далее по территории Франции и Бельгии. Вскоре после высадки в Нормандии в короткий срок из сборных конструкций были возведены два портовых сооружения на побережье Сенской бухты. И все же союзникам, несмотря на эти усилия, не удалось избежать серьезных перебоев в снабжении своих войск боеприпасами и горючим.

Для вторжения в Западную Европу требовалось сосредоточение огромного количества сил и средств сухопутных войск, флота и авиации, обеспечение их необходимыми средствами для ведения военных действий на континентальной части Европы. Такие переброски войск не могли не привлечь внимание германской разведки. Поэтому заблаговременно, создавая

условия для форсирования Ла-Манша, Ф. Рузвельт и У. Черчилль предложили И. В. Сталину согласовать «соответствующими штабами план мистификации и обмана противника»[79], то есть разработать план мероприятий по дезинформации противника и реализовать его в период подготовки операции «Оверлорд». Разработка и осуществление такого комплексного плана были делом новым как для англо-американского командования, так и для советского, положительно отреагировавшего на предложение союзников.

В проведении масштабных дезинформационных мероприятий, осуществленных весной 1944 г., принимали участие штабы, части и соединения сухопутных войск, авиации и военно-морских сил союзников и Красной армии, они охватывали огромные пространства от Северной Норвегии до черноморского побережья Болгарии и с точки зрения практики подготовки и ведения военных действий, несомненно, стали новым явлением в военном искусстве. Весь комплекс мероприятий по дезинформации разведки и командования противника должен был скрыть время и место форсирования Ла-Манша, количество войск и боевой техники, предназначавшихся для переброски через пролив, и обеспечить высокие темпы прорыва обороны противника в Нормандии. Впервые во Второй мировой войне три державы решили объединить усилия своих генеральных штабов, военных разведок и армий для нанесения противнику максимального ущерба и приближения окончательного разгрома нацистской Германии.

Планирование операции по дезинформации противника началось в Лондоне в январе 1944 г. Британские специалисты, входившие в состав секретного подразделения «Лондонская контролирующая секция» (LCS), разработали проект плана операции, которая получила кодовое название «Бодигард» («Телохранитель»). План предусматривал последовательное проведение до 35 операций оперативно-тактического уровня. Главной из них являлась операция «Фортитюд» («Стойкость»), которая, в свою очередь, состояла из двух самостоятельных частей: первая — «Фортитюд-Север»[80], вторая — «Фортитюд-Юг»[81].

План «Бодигард» преследовал цель убедить высшее германское командование в том, что операции «Оверлорд» и «Энвил» проводятся согласованно с операциями на советско-германском фронте[82]. Кроме того, следовало ввести противника в заблуждение относительно количества сил союзников, которые должны были принять участие в форсировании Ла-Манша, времени начала операций и их целей[83]. Еще одной составляющей плана дезинформации являлось дифференцированное доведение до разведки противника ложных сведений о количестве войск, которые сосредоточивались в Шотландии, в районе Па-де-Кале и на юге Англии. Планировалось завышать количество войск, сосредоточенных в Шотландии или в районе пролива Па-де-Кале, и занижать количество войск в формируемой группировке в южной части Англии. Такие действия должны были заставить высшее руководство германской армии принять ошибочное решение, основанное на уверенности в том, что главный удар англо-американцы готовятся нанести в районе пролива Па-де-Кале с целью развертывания военных действий в Бельгии и Норвегии[84].

Реализация плана операции «Бодигард» осуществлялась с использованием двойных агентов[85], технических средств разведки и по дипломатическим каналам; посредством визуального обмана воздушной разведки противника[86]; путем организации целенаправленного взаимодействия с Генеральным штабом Красной армии в вопросах дезинформации противника.

Согласование усилий генеральных штабов вооруженных сил СССР, Великобритании и США осуществлялось через Управление (до июня 1944 г. — отдел) специальных заданий Генштаба Красной армии, которое руководило деятельностью советских военных атташе в зарубежных странах и осуществляло контакты с военными миссиями союзников. Начальником Управления спецзаданий был генерал-майор Н. В. Славин. Американскую военную миссию в Москве в 1944 г. возглавлял генерал-майор Дж. Дин, а британской военной миссией руководил генерал-майор М. Барроуз. Взаимодействие контролировалось руководителями генеральных штабов, что позволило успешно вести дезинформацию разведки противника относительно планов союзников в летней кампании 1944 г.

По замыслу Генерального штаба РККА для дезинформации германского командования планировалось демонстрировать подготовку вторжения совместно с британскими войсками в Норвегию, а также обозначить реальную подготовку к широкому наступлению Красной армии на Балканы[87]. 17 апреля 1944 г. «План советского командования по введению в заблуждение противника в отношении начала операций «Оверлорд» и «Энвил» англо-американцами» был утвержден Верховным главнокомандующим И. В. Сталиным[88].

29 апреля 1944 г. начальник Разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов направил информацию для представителей военных миссий союзников в СССР о развернутых советским командованием мероприятиях по плану «Бодигард»[89]. Британскому Генеральному штабу сообщалось, что в Мурманском порту и бухтах Кольского залива демонстрируется подготовка к десантной операции на Норвегию, сосредоточивается необходимое количество транспортов и десантных судов, проводится работа по оборудованию транспортов для десанта, организованы учения по погрузке войсковых частей на транспортные суда, боевые корабли и выделенные средства.

В части, касающейся введения противника в заблуждение относительно срока и направления летнего наступления Красной армии, начальник военной разведки сообщал: летнее генеральное наступление Красной армии в западном направлении начнется не ранее конца июля 1944 г.; тыловые округа советской страны и западные дивизии получили директиву Генерального штаба об усилении боевой подготовки резервов с расчетом, чтобы их можно было ввести в бой в июле 1944 г.; военным училищам также даны указания о досрочном производстве курсантов в офицеры с выпуском их из училищ к 15 июня 1944 г.; советским командованием формируется новая армия из отборного личного состава, готовность армии определяется на июнь 1944 г.[90]

С начала мая 1944 г. осуществлялись мероприятия дезинформационного характера и по дипломатической линии. Они были одобрены Наркоматом иностранных дел СССР и британским внешнеполитическим ведомством. Министерству иностранных дел Швеции были направлены ноты, в которых предлагалось предоставить право заправки горючим самолетов союзников, которые могли сделать вынужденную посадку на шведской территории. Английское внешнеполитическое ведомство запросило у шведского правительства разрешения завезти на территорию Швеции необходимое количество авиационного горючего, а также предлагалось предоставить право экипажам британских военных самолетов, которые могли совершить вынужденную посадку на шведские военные или гражданские аэродромы, осуществлять мелкий ремонт своих боевых машин. Выдвигались и другие требования, которые поддержали советские дипломаты, работавшие в Стокгольме.

Радикально изменившаяся обстановка на южном крыле советско-германского фронта — Красная армия вышла на территорию Румынии — потребовала внесения существенных изменений в советскую часть плана[91]. Исходя из этого, советское командование считало возможным воздержаться от инсценировки земноводной операции на румынское побережье через Черное море, так как боевые действия Красной армии уже на румынской территории создавали непосредственную и более ощутимую угрозу Румынии, а следовательно, и Юго-Восточной Европе[92]. Кроме того, стремительное продвижение войск Красной армии в направлении Болгарии весной 1944 г. также утратило смысл демонстрации готовности осуществить вторжение в эту страну.

Однако полностью скрыть от противника приготовления к высадке на севере Франции не удалось. В конце апреля 1944 г. у берегов английского графства Девоншир нападению немецких торпедных кораблей подвергся американский конвой, который перевозил войска после отработки высадки на берег. Жертвой нападения стали 749 американских военнослужащих, которые были захоронены в общей могиле на английской земле[93].

Таким образом, подготовка к наступательным операциям союзных войск и разработка обеспечивавших их успех операций по дезинформации противника характеризовались четким взаимодействием генеральных штабов армий союзников и Красной армии, тщательной предварительной разработкой оперативных документов, созданием подавляющего превос-

ходства в силах и средствах, особенно в воздухе и на море, заблаговременным накоплением больших запасов материальных средств[94].

Комплекс мероприятий, проведенных генеральными штабами армий СССР, США и Великобритании, позволил ввести противника в заблуждение относительно подлинных планов союзного командования. Высшее командование вермахта было убеждено в том, что вторжение сил союзников начнется в районе пролива Па-де-Кале. Наступление союзных армий в Нормандии для германского командования явилось полной неожиданностью.

Отрабатывали союзники и запасной вариант. На случай краха Германии под ударами Красной армии до начала операции «Оверлорд» они планировали провести экстренную операцию, которая получила кодовое наименование «Рэнкин». План этой операции предусматривал немедленное вторжение англо-американских войск на континент, оккупацию как можно большей части Германии и ограничение продвижения войск Красной армии в западном направлении. О существовании этого плана руководители США и Великобритании не поставили в известность И. В. Сталина. Однако сведения об операции «Рэнкин» добыли сотрудники советской военной разведки, действовавшие в Лондоне.

Высадка в Нормандии и наступление во Франции

Для участия в Нормандской десантной операции были привлечены крупные союзные экспедиционные силы под общим командованием американского генерала Д. Эйзенхауэра: 21-я группа армий (1-я американская, 2-я английская, 1-я канадская армии, отдельные соединения и части, всего 39 дивизий, 12 бригад, 10 отрядов войск специального назначения, 1600 тыс. человек, 6 тыс. танков и САУ, 15 тыс. орудий и минометов) под командованием английского генерала Б. Монтгомери; союзные экспедиционные ВВС (9-я американская воздушная, 2-я английская тактическая воздушная армии), возглавляемые англичанином — главным маршалом авиации Т. Ли-Мэллори; союзная стратегическая авиация (английское бомбардировочное командование, 8-я американская воздушная армия стратегической авиации) под командованием генерала К. Спаатса; союзные экспедиционные ВМС под командованием английского адмирала Б. Рамсея[95]. Всего в экспедиционных силах насчитывалось: свыше 2 млн 876 тыс. человек, около 10,9 тыс. боевых (3467 тяжелых и 1645 средних и легких бомбардировщиков и торпедоносцев, 5049 истребителей и 698 других боевых машин) и 2,3 тыс. транспортных самолетов, 2,6 тыс. планеров[96]; 1213 боевых кораблей и катеров (в том числе шесть линкоров, два монитора, 22 крейсера, 93 эсминца, 159 более легких кораблей)[97], 4126 десантных судов и высадочных средств, 736 вспомогательных судов, 864 торговых судна[98]. Эти войска превосходили противостоявшую им группировку немецких сил в личном составе и танках — в 3 раза, в артиллерии — в 2,2 раза, в самолетах — более чем в 60 раз, в боевых кораблях основных классов — в 2,1 раза[99].

Начальная фаза операции «Оверлорд» носила кодовое наименование «Нептун». Замыслом операции предусматривалось высадить морской и воздушный десанты на побережье залива Сены, на участке от г. Киневиль до устья р. Орн (около 80 км). В первый день операции планировалось десантировать пять пехотных, три воздушно-десантные дивизии и несколько отрядов коммандос и рейнджеров, захватить тактические плацдармы на глубину 15–20 км[100].

Главный удар должен был наноситься на участке в 6 км западнее Сен-Ло силами шести дивизий 7-го корпуса 1-й американской армии. Остальным соединениям армии предстояло вести сковывающие действия, не позволяя противнику перебрасывать силы в район прорыва с других участков фронта. Для того чтобы ошеломить и ослабить неприятеля непосредственно перед наступлением, было намечено на главном направлении нанести мощный удар с воздуха. 1507 тяжелых, 780 средних бомбардировщиков и 559 истребителей-бомбардировщиков должны были в течение двух часов атаковать противника, оборонявшегося на направлении главного удара союзников. Этот район достигал 8 км по фронту и 16 км в глубину[101].

Американские десантники. Последние инструкции перед вылетом

101-я дивизия в самолете на пути в Нормандию

Убитый американский солдат в месте высадки «Юта»

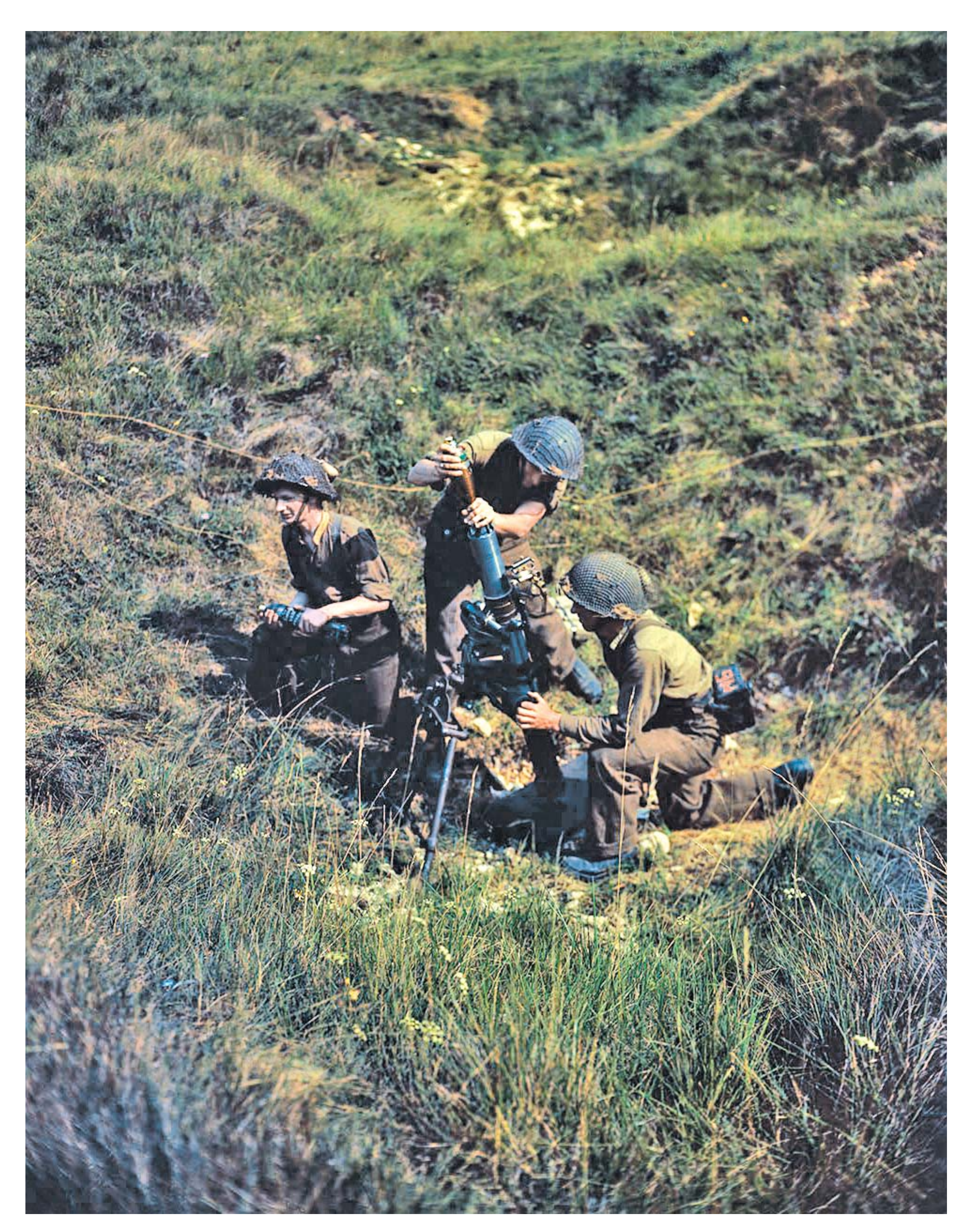
Бойцы 3-й британской пехотной дивизии перед атакой в месте высадки «Сворд»

Американские рейнджеры на борту английских штурмовых десантных катеров

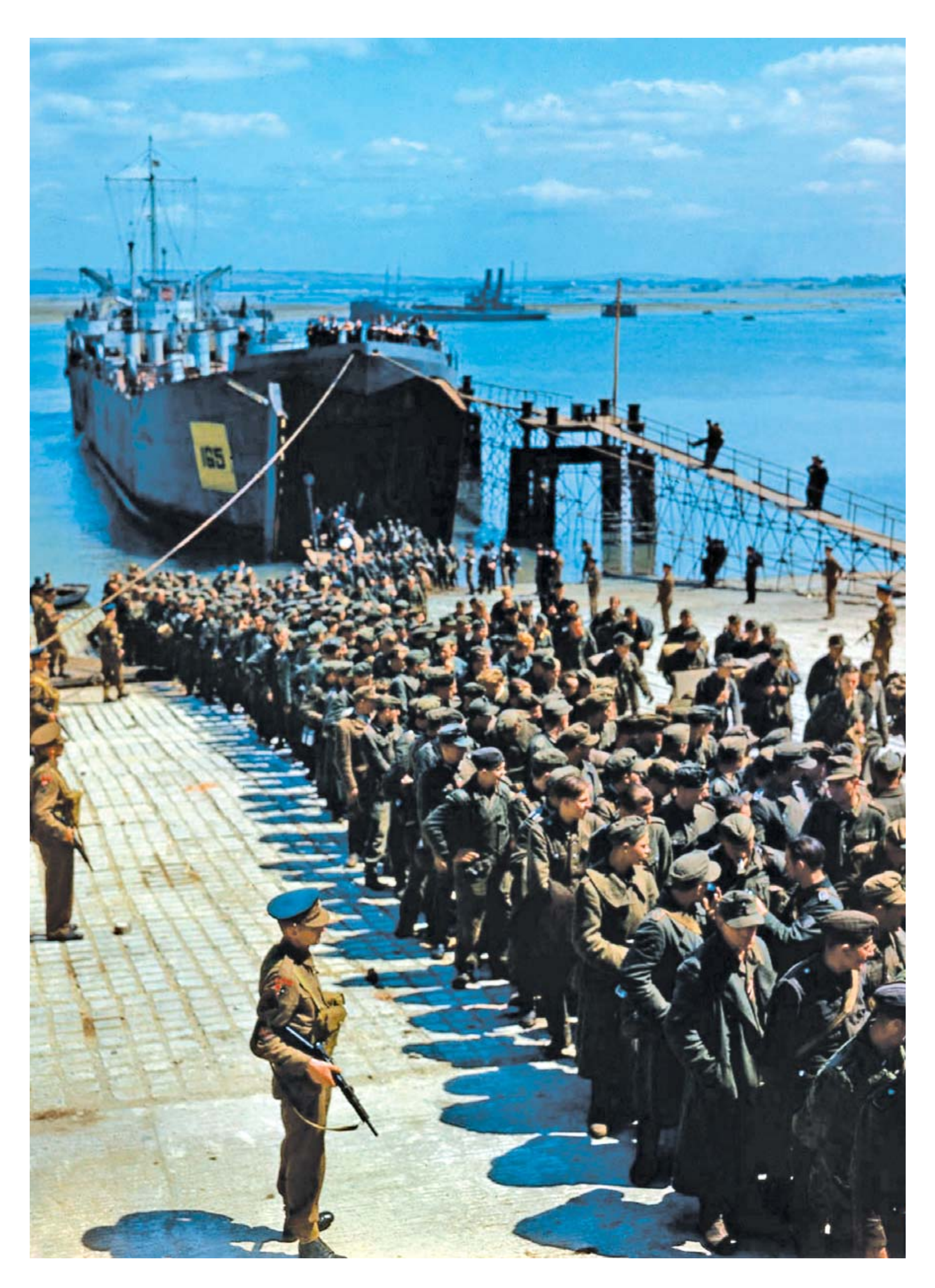
Солдат американской армии возле бронетранспортера

Канадские минометчики в боях за освобождение Франции

Канадский танк возле французского города Кан

Немецкие военнопленные, захваченные в ходе высадки союзников в Нормандии

Американские танки в Нормандии

Уничтоженный во Франции немецкий танк «Пантера»

Американский танк на улице итальянского города Пиза

Американские истребители в полете

Бомбардировщики «Энола Гэй» и «Грейт Артист» на аэродроме в Тиниане
за несколько дней до атомной бомбардировки Хиросимы

Генерал Дуглас Макартур на борту линкора «Миссури»
подписывает Акт о капитуляции Японии

Минометный расчет в месте высадки «Омаха»

Тела солдат 1-й американской пехотной дивизии на побережье Нормандии

Американские солдаты поднимаются по склону побережья

Британские саперы на разминировании пляжа в Нормандии

После выхода 1-й американской армии к г. Авранш намечалось ввести в сражение предназначенную для действий на юге Франции 3-ю американскую армию, часть сил которой должна была развернуть наступление в западном направлении с целью захвата полуострова Бретань, а другая — в восточном направлении с целью выхода к р. Сена.

Для обеспечения внезапности наступления союзное командование стремилось в первую очередь использовать уже сложившееся у противника мнение, что вторжение в Нормандии представляет отвлекающий удар, чтобы убедить противника в реальности вторжения главных сил в районе Па-де-Кале. Распространялись слухи, что вторжение в район Па-де-Кале состоится 14 августа 1944 г. силами 1-й группы армий США численностью до миллиона солдат и офицеров[102]. Одновременно с дезинформацией противника были предприняты меры по обеспечению скрытности переброски войск и штабов из Англии на захваченный плацдарм. Направленный туда из Бристоля действительный штаб 1-й группы армий именовался штабом 12-й группы армий США.

Введение противника в заблуждение относительно направления главных усилий союзных войск на плацдарме было возложено на 2-ю английскую и 1-ю канадскую армии[103]. Англо-канадские войска должны были до начала наступления в американском секторе нанести мощный отвлекающий удар, который бы заставил противника предположить, что усилия союзников направлены на прорыв с плацдарма в районе г. Кан. Генерал Б. Монтгомери, непосредственно руководивший действиями этой англо-канадской группировки, стремился даже превратить отвлекающий удар, если возникнут подходящие условия, в главный. В директиве о наступлении 2-й английской и 1-й канадской армиям он ориентировал командующих на подготовку такого «массированного удара», который бы сломил немецкую оборону на восточном фланге. В обращении к главному маршалу авиации А. Теддеру генерал Б. Монтгомери просил о выделении ему «всей воздушной мощи» для поддержки наступления с целью достижения «решающей победы»[104].

Верховный главнокомандующий союзными экспедиционными силами в Европе Д. Эйзенхауэр поощрял Б. Монтгомери, руководившего сухопутными войсками, в его планах, так как они давали надежду на осуществление почти одновременных прорывов на двух участках фронта[105]. А. Теддер также надеялся, что не только американское, но и английское наступления будут иметь «решающие и далеко идущие последствия», положат конец острой нехватке аэродромов для союзной авиации в Нормандии[106]. Для поддержки англо-канадского отвлекающего удара он выделил 1700 тяжелых и 400 средних английских бомбардировщиков. Начало отвлекающей операции, получившей кодовое наименование «Гудвуд», было запланировано на 18 июля, в то время как наступление главных сил начиналось лишь 21 июля. Предназначенные для наступления силы сосредоточивались в темное время суток[107]. Союзное командование смогло распространить дезинформационные сведения о прибытии в начале июля на плацдарм популярного в войсках генерала Дж. Паттона, который до этого якобы был командующим 1-й американской группой армий, предназначенной для вторжения во Францию из Юго-Восточной Англии[108].

Первоначально высадка была назначена на первые числа мая, однако необходимость сосредоточения дополнительных сил и средств вынудила отложить вторжение на месяц, на первую неделю июня 1944 г.[109] Такое решение устраивало в первую очередь англичан, стремившихся отсрочить отправку своих десантных судов со Средиземного моря на Британские острова, чтобы использовать их для обеспечения наступления в Италии[110]. Операция «Оверлорд» началась на рассвете 6 июня 1944 г.

К этой дате во Франции, Бельгии и Нидерландах располагались 58 немецких дивизий (в том числе девять танковых)[111]. Они были объединены в группы армий «Б» и «Г», подчиненные командованию «Запад» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал Г. Рундштедт). В группах армий насчитывалось 886 тыс. человек. Боеспособность этих соединений была невысокой: 33 дивизии почти не имели автотранспорта; 18 дивизий находились в стадии формирования или восстановления боеспособности. Реальная численность пехотной дивизии не превышала 10 тыс. человек (70—75% штатного состава). Большинство танковых

Канадские солдаты высаживаются на пляж «Юнона»

Отдых у захваченного бункера № 28 в районе Берьер-Сюр-Мер

Канадские солдаты осматривают трофеи

дивизий располагало не более чем 90–130 танками. Начальник штаба командования «Запад» генерал З. Вестфаль в связи с этим отмечал: «Общеизвестно, что боеспособность немецких войск на западе уже к моменту высадки была намного ниже, чем боеспособность дивизий, действовавших на востоке и в Италии... Значительное количество находившихся во Франции соединений сухопутных войск, так называемые «стационарные дивизии», были очень скудно оснащены вооружением и автотранспортом и состояли из солдат старших возрастов»[112].

Оборона побережья Нормандии и Бретани, от Кабура до устья р. Луара (840 км), была возложена на соединения 7-й полевой армии, в составе которой насчитывалось 14 дивизий. Вместе с 15-й полевой армией и 88-м отдельным армейским корпусом 7-я армия входила в группу армий «Б» (командующий генерал-фельдмаршал Э. Роммель), которая включала всего 38 дивизий. Побережье пролива Па-де-Кале, где немецкое командование в первую очередь ожидало вторжения союзников, обороняла группа армий «Г». Особенно неблагоприятно дело обстояло с немецкой авиацией. В составе 3-го немецкого воздушного флота на западе имелось лишь 160 боеспособных самолетов[113].

Вдоль береговой линии северного побережья Франции расположился ряд опорных пунктов немецких войск с крепостями (Дюнкерк, Кале, Булонь, Гавр, Шербур, Брест и другие), который получил название Атлантического вала. Однако, по свидетельству Г. Рундштедта, стратегическая ценность этих крепостей при обороне была невысока[114]. Причем «противодесантная оборона побережья в Северной Франции представляла систему опорных пунктов, большинство из которых не имело между собой надежной огневой связи»[115]. Немецкая пропаганда о неприступности Атлантического вала, по свидетельству Г. Рундштедта, была иллюзией, выдуманной для введения в заблуждение немецкого народа[116].

Недостаток сил и средств явился одной из главных причин острых разногласий немецкого командования относительно способов организации противодесантной обороны. Так, Г. Рундштедт, считавший невозможным успешную защиту всего побережья, полагал, что необходимо сосредоточить крупные силы в глубине обороны и держать их в готовности для нанесения решительного контрудара по высадившемуся противнику. Э. Роммель, напротив, настаивал на сосредоточении войск непосредственно на побережье с целью срыва операции вторжения на начальной фазе.

В итоге было принято компромиссное решение, предусматривавшее сосредоточение главных сил непосредственно на побережье, с оставлением в глубине обороны четырех танковых дивизий. Это не решало проблему — в условиях господства в воздухе англо-американской авиации танковые дивизии были не в состоянии своевременно прибыть к побережью для нанесения контрудара. Расчет германского командования строился на том, чтобы нанести как можно больший урон десанту союзников на подходе морем и непосредственно в районе высадки. Для этого планировались удары авиации, огонь береговой и армейской артиллерии, подводных лодок, эскадренных миноносцев, торпедных катеров, использование радиоуправляемых катеров с боевым зарядом в носовой части, человекоуправляемых торпед, а также постановка неконтактных мин на подходах к местам высадки[117].

Первый этап операции «Оверлорд», длившийся с 6 июня по 24 июля, получил название Нормандской десантной операции[118]. Ночью 6 июня под прикрытием массированных ударов авиации первым высадился парашютный десант союзников: северо-восточнее Кана — 6-я британская воздушно-десантная дивизия, на полуострове Котантен — две американские (82-я и 101-я) дивизии. Британские десантники сразу же захватили мост через р. Орн, чтобы воспрепятствовать переброске немецких подкреплений к побережью. Американские десантники высадились в западной части Нормандии[119]. К концу дня большинство дамб, по которым пролегали пути через затопленные поля, были взяты ими под контроль. На следующий день десантникам 82-й дивизии с помощью подошедших с участка «Юта» танков удалось захватить г. Сент-Мер-Эглис — первый французский город, освобожденный союзниками[120].

Во время неудачного десантирования по ошибке летчиков американская 101-я воздушно-десантная дивизия потеряла более половины вооружения и снаряжения, но к утру 7 июня смогла соединиться с частями морского десанта. В целом, воздушно-десантным войскам

удалось решить поставленные задачи и создать условия для высадки морского десанта на побережье.

Немецкая группа военно-морских сил «Запад» была приведена в боевую готовность лишь после высадки английского воздушного десанта, однако своевременно обнаружить приближение морского десанта она не смогла, в том числе по причине того, что работу уцелевших немецких станций радиолокации нарушали постановщики помех. Оценить обстановку мешали массированные удары союзной авиации, «обрабатывавшие» узлы обороны немцев на побережье. Затем последовала морская артиллерийская подготовка с использованием корабельного вооружения линейных кораблей, крейсеров и эскадренных миноносцев[121]. В результате оборона немецких войск была в значительной степени ослаблена.

Переход союзных войск морем осуществлялся настолько благополучно, что вначале это было воспринято британо-американским командованием как преднамеренная ловушка. Однако бывший заместитель начальника штаба оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта генерал В. Варлимонт в своих воспоминаниях признал, что о начавшемся переходе 5 тыс. судов союзников через Ла-Манш немецкое верховное и полевое командование осведомлено не было[122].

Первые отряды морского десанта высадились на берег в 6 часов 30 минут в западной (американской) зоне, часом позже — в восточной (британской) зоне. Однако высадка прошла не так, как предполагалось. Планировалось, что сначала на побережье высадятся штурмовые группы на танках-амфибиях. Они должны были прикрыть высадку инженерно-саперных подразделений, которые имели задачу обеспечить десантирование первого эшелона. Ухудшение погоды нарушило эти планы. Высадку начали те, кому удалось первыми подойти к берегу. Численное превосходство, а также огонь корабельной артиллерии обеспечили в целом успешное десантирование.

На западном участке «Юта», где высаживались американские войска, к исходу 6 июня удалось сосредоточить свыше 23 тыс. человек и 1700 единиц транспортных средств. В первый же день операции они смогли продвинуться в глубь побережья до 10 км и соединиться с частями 82-й воздушно-десантной дивизии[123].

В более сложном положении оказался 5-й корпус 1-й американской армии, осуществлявший высадку на участке «Омаха». Удары авиации и артподготовка союзников вследствие плохих погодных условий не принесли ожидаемых результатов. 27 из 32 танков, спущенных на воду, из-за сильного прибоя затонули[124]. Артиллерийские части высадились с опозданием, и войска первого эшелона оказались без огневой поддержки. Кроме того, оборонительные укрепления на этом участке защищала закаленная в боях 382-я немецкая дивизия, переброшенная с советско-германского фронта. В результате десантные отряды корпуса в течение первого дня с большим трудом смогли овладеть лишь узкой прибрежной полосой глубиной в 1,5–2 км, понеся большие потери от артиллерийского и пулеметно-ружейного огня противника. Ситуация была настолько серьезной, что командующий 1-й американской армией генерал О. Брэдли едва не отменил высадку на этом участке[125].

В зоне действий англо-канадских сил сопротивление немецко-фашистских войск оказалось незначительным. Здесь оборонялись малобоеспособные стационарные дивизии береговой обороны. Помогло англичанам и успешное применение танков, оборудованных с учетом опыта Дьеппской десантной операции. В их число входили танки с фашинами (связками деревянных кольев), использовавшимися для заполнения многочисленных воронок, облегчая продвижение вперед. С этой же целью применялись так называемые «танки — укладчики ковров»: закрепленные на их броне рулоны брезента укладывались на участках с подтопленной глинистой почвой, не давая танкам увязнуть в труднопроходимых местах. В свою очередь, «танки-разградители» осуществляли разминирование соответствующих участков. Своего рода оружием устрашения являлись так называемые «танки-крокодилы» с огнеметами на борту, способные поражать противника 50-метровой огневой струей. В отличие от англичан, американцы не использовали специальную военную технику, за исключением танков-амфибий.

Германские солдаты на одной из улиц разрушенного города в Нормандии

Немецкие артиллеристы перемещают 210-мм реактивный миномет

Немецкий «Тигр» на улице разрушенного городка в Нормандии

Американский солдат у горящего немецкого бронетранспортера

Расчет американской 155-мм гаубицы ведет огонь

К концу первого дня высадки союзным войскам удалось захватить три плацдарма глубиной от 2 до 10 км. На побережье Нормандии сумели десантироваться пять пехотных и три воздушно-десантные дивизии общей численностью свыше 156 тыс. человек. На плацдармы было переправлено около 900 танков и бронемашин, 600 орудий, большое количество транспортных средств.

Этому успеху способствовала запоздалая реакция противника. В 7-й немецкой армии, оборонявшей побережье Нормандии, боевая тревога была объявлена лишь в 2 часа 15 минут, когда шла авиационная подготовка высадки морского десанта союзников, а воздушные десантники уже приземлились. Командующий группой армий «Б» Э. Роммель в это время возвращался из ставки А. Гитлера и в своем штабе оказался лишь во второй половине дня. Г. Рундштедт, получив сведения о начавшейся высадке воздушных десантов, дал указание двум танковым дивизиям выдвинуться из района западнее Парижа к заливу Сены, но его приказ был отменен А. Гитлером[126]. Во второй половине дня приказ о вводе танковых дивизий в бой был получен, но время оказалось упущено. Единственная в этот день контратака частями 21-й немецкой моторизованной дивизии была успешно отражена десантом.

В течение 7–8 июня продолжалась интенсивная переброска новых сил и вооружений на захваченные плацдармы. За трое суток группировка экспедиционных войск уже включала восемь пехотных, одну танковую, три воздушно-десантные дивизии, большое количество частей усиления. С утра 9 июня началось наступление союзных войск с целью объединения плацдармов. Их действия обеспечивались корабельным артиллерийским огнем. К 12 июня в ходе ожесточенных боев экспедиционным силам удалось создать единый плацдарм до 80 км по фронту и 13–18 км в глубину. К этому времени в составе экспедиционных сил насчитывалось 327 тыс. человек[127].

Силы немецкого флота, дислоцировавшиеся на базах Северного моря, не смогли воспрепятствовать наращиванию войск союзников на плацдарме. В качестве крайнего средства немецкое командование попыталось использовать против кораблей и судов союзников человекоуправляемые торпеды, однако это не привело к существенным результатам. Что касается немецкой авиации, то она была слишком малочисленной, чтобы нанести противнику серьезный ущерб.

Тяжелое положение обороняющихся немецких войск усугублялось просчетами оперативно-стратегического характера. Главный удар противника ожидался через пролив Па-де-Кале, где держались крупные силы вермахта. Переброску немецких войск к плацдарму из других районов Франции срывала также союзная авиация, нанося удары по железнодорожным узлам в районе от Парижа до полуострова Котантен. В свою очередь, французские патриоты, с отрядами которых было налажено тесное взаимодействие, вывели из строя 26 железнодорожных линий[128].

12 июня немецкое командование, подтянув к плацдарму три танковые и моторизованную дивизии, предприняло попытку рассечь англо-американские силы, сосредоточившиеся между реками Орн и Вир. Однако эти немецкие соединения, вводимые в бой по частям, несли большие потери от ударов союзной авиации и не смогли достичь успеха. Сказывался также недостаток в горючем и боеприпасах.

В ночь на 13 июня немцы впервые произвели обстрел Лондона новейшим оружием — самолетами-снарядами Фау-1[129]. Расчет делался на то, что применение самолетов-снарядов вынудит лидеров западных держав, прежде всего Англии, прекратить наступательные действия в Нормандии и пойти на сепаратные переговоры. Однако эффект от нового оружия оказался значительно ниже ожидаемого. Скорость полета самолета-снаряда, составлявшая около 650 км/ч, позволяла с успехом применять против немецкого чудо-оружия истребители и зенитную артиллерию. Уже в первую неделю обстрелов союзная авиация сбивала до трети запускаемых самолетов-снарядов, через два с половиной месяца в воздухе уничтожалось уже свыше 70% Фау-1.

18 июня силы 7-го корпуса 1-й американской армии, наступая в направлении западного побережья полуострова Котантен, после тяжелых боев отрезали и изолировали немецкие части на полуострове, лишив тем самым гарнизон Шербура необходимых подкреплений. Шербур был занят 27 июня, а полуостров Котантен полностью очищен от германских войск 1 июля. Портовые сооружения Шербура в первой половине июля были восстановлены, что позволило резко увеличить темпы наращивания сил на плацдарме.

Колонна британских танков на марше в окрестностях французского города Кан

«Тигр», уничтоженный в Виллер-Бокаж

Тем временем англо-канадские войска продвигались в южном направлении с задачей взять г. Кан, однако их наступление, предпринятое 25–26 июня, своей цели не достигло. Немцы оказывали ожесточенное сопротивление, сломить которое не удавалось ни массированными ударами с воздуха, ни мощной артиллерийской поддержкой войск. В результате наступление было приостановлено.

Тем не менее к концу июня союзники добились серьезных успехов. Плацдарм в Нормандии достигал уже 100 км по фронту и 40 км в глубину. Общая численность экспедиционных сил в составе 1-й американской и 2-й английской армий составляла свыше 875 тыс. человек. На плацдарме действовали 23 аэродрома, куда перебазировалась союзная тактическая авиация.

Этой мощной группировке противостояли 18 немецких дивизий, ослабленных в предыдущих боях. По мнению бывшего начальника штаба группы армий «Б» генерала Г. Шпейделя, если бы в тот момент союзники попытались осуществить прорыв на юге и юго-востоке, это привело бы к крушению всего немецкого фронта[130].

1 июля командование группы «Запад» констатировало, что собственными силами противостоять группировке противника не в состоянии. Однако германское командование по-прежнему не решалась усилить группировку в Нормандии, все еще ожидая высадки основного десанта союзников в полосе обороны 15-й армии в зоне пролива Па-де-Кале[131]. Обстановка на советско-германском фронте также не позволяла передислоцировать оттуда ни одной части, тем более соединения. Причиной этому стало начавшееся в июне грандиозное наступление Вооруженных сил Советского Союза в Белоруссии (операция «Багратион»).

О планах на лето 1944 г. И. В. Сталин с целью координации своих действий с западными союзниками сообщил У. Черчиллю в послании от 6 июня: «Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск»[132]. В результате Белорусской наступательной операции советские войска получили возможность стремительного рывка к западным границам СССР.

Не располагая в подобных условиях возможностями для усиления войск на западе, германское командование произвело лишь частичную перегруппировку сил и замену командующих. 2 июля Г. Рундштедта заменил Г. фон Клюге, командующим танковыми войсками группы «Запад» вместо генерала Г. фон Швеппенбурга был назначен генерал Г. Эбербах.

В течение июля войска 1-й американской армии, продолжая расширять плацдарм, продвинулись в южном направлении на 10–15 км и заняли г. Сен-Ло. Основные усилия 2-й английской армии по-прежнему были направлены на овладение г. Кан. Продвижению союзных войск помимо сопротивления противника мешали естественные препятствия в виде «бокажей» — живых изгородей, представлявших собой сросшуюся за десятилетия густую стену из деревьев и кустарников, способную достигать высоты 1,5–2 метров. В отдельных местах эти изгороди образовывали ярусы, идеально подходившие для оборудования оборонительных позиций — укрытий для пехоты и пулеметных гнезд. Здесь небольшие группы немцев могли длительное время удерживать оборону, ведя прицельный огонь по противнику и оставаясь при этом практически неуязвимыми для артиллерии. Немецкое командование уделяло особое внимание удержанию этих «цитаделей», введя особую систему поощрений для снайперов. Так, за уничтожение 20 неприятельских солдат снайпер получал 20 дней отпуска, за 50 — награждался железным крестом и наручными часами с дарственной надписью Г. Гиммлера[133].

«Бокажи» оказались труднопреодолимой преградой не только для пехоты, но и для танков. Пытаясь преодолеть земляную насыпь с живой изгородью, танк поднимался почти вертикально, подставляя тем самым незащищенное днище под прицельный огонь. Союзные войска топтались на месте, пока не было найдено удачное решение. К носовой части танка стали приваривать два мощных стальных ножа, срезавших верхний слой насыпи вместе с кустарниками и деревьями. Это позволило танкам не только преодолевать препятствие, но и какое-то время использовать срезанный грунт с растительностью как маскировочное средство.

Аэрофотоснимок уничтоженной в Фалезском мешке немецкой техники

Канадский санитар оказывает помощь раненому на улице разрушенного Фалеза

Французские дети у подбитого немецкого танка «Пантера»

Колонна немецких пленных, захваченных союзниками в районе Фалеза

Генерал Д. Эйзенхауэр осматривает подбитый немецкий танк в районе Шамбуа

7–8 июля англичане продолжили ожесточенные бои за г. Кан. Для подавления немецкой обороны союзное командование было вынуждено привлечь не только тактическую, но и стратегическую авиацию[134]. В артиллерийской подготовке участвовали корабли военно-морских сил. Но лишь к исходу 9 июля английской пехоте удалось занять полностью разрушенную северо-западную часть города. Потери были настолько серьезны, что штурм города удалось возобновить лишь 18 июля силами четырех пехотных и трех танковых дивизий при поддержке ударов тяжелых бомбардировщиков. 21 июля город был наконец очищен.

Расчет немецкого командования на качественное превосходство тяжелых танков «Тигр» и «Пантера» не оправдался. Танковые силы вермахта становились легкой мишенью для господствующей в воздухе авиации союзников. В итоге именно превосходство союзников в воздухе решило исход битвы за Нормандию.

В период с 6 июня по 24 июля, то есть в ходе начальной фазы операции «Оверлорд», союзным войскам удалось не только осуществить успешную высадку в Нормандии, но и занять плацдарм около 100 км по фронту и до 30–50 км в глубину, на котором высадились свыше 1,4 млн человек. Вместе с тем размеры плацдарма оказались примерно в два раза меньше, чем предусматривалось планом операции. К 25 июля, с выходом союзников на рубеж южнее городов Сен-Ло, Комон, Кан, боевые действия по завоеванию прочного плацдарма на континенте завершились. Потери немецко-фашистских войск в ходе семинедельных боев в Нормандии составили 113 тыс. человек убитыми, ранеными и пленными[135]. Союзники в период с 6 июня по 23 июля потеряли 122 тыс. человек (49 тыс. англичан и канадцев и около 73 тыс. американцев)[136].

Несмотря на подавляющее превосходство в силах и средствах, дальнейшее наступление союзников развивалось вяло, и не только в связи с нараставшим сопротивлением немецких

войск. Причиной этому стала внутриполитическая обстановка в Германии. Перед лицом грядущей катастрофы влиятельные немецкие круги лихорадочно искали пути спасения, сделав, в конечном итоге, ставку на физическое устранение А. Гитлера и последующие переговоры с Западом с целью заключения сепаратного мира. К моменту высадки союзных войск в Нормандии военный переворот в Германии был полностью подготовлен. Выдвинутый на пост будущего рейхсканцлера К. Герделер, ставленник военно-промышленных кругов, сразу после убийства А. Гитлера должен был выступить с «планом мира», предполагавшим в том числе передислокацию находившихся на западе немецких войск на восточный фронт[137]. Руководство западных союзников через спецслужбы было хорошо осведомлено об этих намерениях. Упомянутый план «Рэнкин» разрабатывался союзниками, в том числе в связи с готовящимся покушением на А. Гитлера. В случае успешного покушения предусматривалась высадка трех английских и американских воздушно-десантных дивизий в районе Берлина с тем, чтобы упредить вступление в город Красной армии[138]. Руководствуясь этими соображениями, союзное руководство не торопилось форсировать наступательные действия в Нормандии, ожидая развития событий в Берлине.

Однако покушение на А. Гитлера в ставке «Вольфшанце» («Волчье логово») 20 июля 1944 г. сорвалось. Спустя пять дней англо-американские войска развернули наступление в глубь Франции. 26 июля Г. Гиммлер по указанию фюрера выступил с мирными предложениями, адресованными Западу. В заявлении указывалось, что Германия готова довольствоваться на западе частью территориальных приобретений, включая Данию, Нидерланды, Норвегию и большую часть Бельгии. Что касается востока, то здесь «линия защиты рейха» должна была проходить «по крайней мере на 500 км к востоку от границы 1939 г.»[139]. Но это предложение в условиях успешно развивавшегося наступления союзников оказалось запоздалым.

Значительная пауза в действиях британо-американских войск (почти месяц) не могла не привести к рассогласованности усилий союзников по антигитлеровской коалиции. Западные союзники перешли к широким наступательным действиям во Франции в тот период, когда советские войска на варшавско-берлинском направлении, пройдя с боями 400–600 км, израсходовали свой наступательный потенциал и были вынуждены перейти к обороне. За два месяца и 20 дней летнего наступления Красная армия, разгромив войска групп армий «Север», «Центр» и «Северная Украина», освободила не только советскую территорию, но и восточные районы Польши и вышла на подступы к Восточной Пруссии.

Следующим этапом военных действий союзных войск в Нормандии стало наступление в Северо-Западной Франции согласно плану «Кобра». По замыслу генерала О. Брэдли их главной задачей являлись прорыв с плацдарма в окрестностях г. Сен-Ло и выход на оперативный простор, где союзники могли бы использовать свое подавляющее превосходство в силах и средствах.

25 июля более 1 тыс. американских орудий дивизионной и корпусной артиллерии обрушили на противника смертоносный огонь. Немецкие позиции подверглись также налету тяжелых бомбардировщиков В-17 и В-24. Действия союзной авиации нельзя было назвать успешными: только 15% целей противника удалось поразить тяжелыми бомбами, зато от них пострадали также сосредоточенные у г. Сен-Ло американские части. После этого было решено отказаться от использования тяжелых бомбардировщиков непосредственно в зоне боевых действий[140]. Тем не менее в немецкой обороне образовалась брешь в районе г. Авранш протяженностью в 6,5 км. Через нее, используя превосходство в авиации и танках, хлынули американские войска, развернув наступление в направлении полуострова Бретань и района Луары.

Для развития наступления 1 августа была сформирована 12-я группа армий в составе 1-й и 3-й американских армий под командованием генерала О. Брэдли. Наступлению американцев в значительной степени способствовала помощь французских сил Сопротивления. Авиация союзников беспрерывно действовала вдоль дорог, обстреливая скопившиеся колонны немецкой бронетехники и транспорта. Немецкая пехота была не в состоянии оказывать сопротивление, лишь измотанные и понесшие тяжелые потери в предыдущих боях танковые части вермахта пытались сдержать наступление союзников.

Танки союзников на улице Парижа

Немецкие пленные идут по парижской улице

Горожане празднуют освобождение столицы Франции

Влюбленная пара на набережной в освобожденном Париже

В подобных неблагоприятных условиях А. Гитлер приказал фельдмаршалу Г. фон Клюге контратаковать англо-американские войска в районе между городами Мортен и Авранш[141]. Немецкое контрнаступление (операция «Люттих») началось 7 августа. Ударная группировка включала четыре танковые дивизии неполного состава, переброшенные из других районов. На ее вооружении было 75 тяжелых танков «тигр», 70 «пантер» и 32 САУ. Эти силы не обладали пробивной силой, необходимой, чтобы сломить сопротивление 1-й американской армии. Сначала немцы захватили г. Мортен, но в дальнейшем все немецкие атаки были отбиты. Подтянутые к району боев 2-я английская, 1-я канадская армии с севера и 3-я американская армия с юга решили исход борьбы. Неприятельские войска оказались охваченными с флангов. Пытаясь не допустить окружения, немцы предприняли несколько контратак на г. Авранш, но не смогли прорвать оборону союзников. 3-я американская армия, совершив обход противника с юга, нанесла удар во фланг и тыл немецкой группировки, что поставило ее под угрозу полного окружения. Единственным выходом мог стать как можно более быстрый отход для занятия новых оборонительных позиций за р. Сена, однако А. Гитлер отказался санкционировать отступление.

Воспользовавшись этим, 8 августа 1-я американская армия с юга, 2-я английская, 1-я канадская армии с севера приступили к окружению немцев. 19 августа бронетанковые клещи союзников сомкнулись возле г. Шамбуа. В окружении (так называемом Фалезском мешке) оказались соединения немецких 7-й полевой (до шести дивизий) и 5-й танковой (две дивизии) армий, а также отдельные части, в общей сложности от 80 до 100 тыс. немецких солдат. Избежать окружения удалось лишь 2-му танковому корпусу СС в составе двух потрепанных дивизий.

Речь шла фактически о ликвидации всей немецкой группировки в Нормандии. Однако пока принималось соответствующее решение союзные войска в течение нескольких дней бездействовали. Этим воспользовался новый командующий немецкой группировкой В. Модель (занявший эту должность после самоубийства фельдмаршала Г. фон Клюге, заподозренного в заговоре против А. Гитлера), приказав находившимся в котле войскам пробиваться из окружения, деблокирующие действия навстречу окруженным войскам были возложены на 2-й танковый корпус СС. 20 августа немецкие соединения вырвались из котла, однако практически вся боевая техника была утрачена. Так, в составе когда-то одной из самых мощных 12-й танковой дивизии СС, насчитывавшей к началу Нормандской операции 20 тыс. человек и 150 танков, к моменту выхода из мешка оставалось всего 300 человек и 10 танков[142].

В то время как в районе Фалезского мешка шли ожесточенные бои, соединения 3-й американской армии, почти не встречая сопротивления, продолжали стремительное продвижение в восточном направлении. 17 августа они заняли г. Орлеан, а через три дня вступили в Фонтенбло.

Немецкие соединения и части, пробившись из котла, получили приказ отступать на восток. Их отход обеспечивали 2-й танковый корпус СС (остатки четырех танковых дивизий), который удерживал оборону против британцев и канадцев на севере, и 47-й танковый корпус (остатки двух танковых дивизий), который противостоял американцам на юге. В ходе военных действий в Нормандии было разгромлено более сорока немецких дивизий, 240 тыс. человек были ранены или убиты[143]. Союзники потеряли 209 672 солдата и офицера, 36 976 из которых погибли[144].

25 августа был освобожден Париж. 30 августа генерал Ш. де Голль объявил о создании Временного правительства Французской республики.

В то время как развивалось наступление на Париж, в Южной Франции была проведена крупная десантная операция союзников, получившая название «Драгун» (ранее носившая кодовое наименование «Энвил»). По первоначальному замыслу эта операция должна была проводиться одновременно с «Оверлордом», однако У. Черчилль, упорно добиваясь реализации отстаиваемой им «балканской стратегии», настоял на ее отсрочке. Окончательное решение высадить союзные войска в Южной Франции не позднее 15 августа 1944 г. было принято лишь в начале июля.

Для участия в операции были выделены части 7-й американской армии во главе с генералом А. Пэтчем. В состав армии входили 6-й американский корпус (три пехотные дивизии), 1-й и 2-й французские корпуса (семь дивизий — четыре пехотные, две бронетанковые и одна горная), а также англо-американская воздушно-десантная боевая группа «Регби». Около 700 боевых кораблей должны были обеспечивать десантную операцию.

Цель высадки состояла в захвате плацдарма до 90 км по фронту и 25 км в глубину, овладении городами Тулон и Марсель и развитии в последующем наступления в направлении г. Лион. Для этого три американские дивизии и французская танковая бригада должны были высадиться 15 августа на пяти участках побережья к востоку от Тулона. На воздушно-десантную группу «Регби» возлагалась задача не допустить переброски подкреплений противника к району высадки. После захвата плацдарма должны были высадиться семь французских дивизий — силы второго эшелона.

До начала операции британо-американские войска прошли длительную подготовку в прибрежных районах Северной Африки, Италии и Корсики. Ряд соединений к этому времени уже имел боевой опыт. Например, 6-й американский корпус участвовал в высадке на западное побережье Италии в январе 1944 г.

За несколько месяцев до начала операции оборонительные объекты немцев подвергались интенсивным ударам ВВС союзников. Непосредственно перед высадкой основные усилия были направлены на подавление обороны противника в районе назначенного для высадки участка побережья. Для дезориентации противника вечером 14 августа была осуществлена имитация морской десантной операции на побережье между городами Марсель и Тулон, где на самом деле крупномасштабные боевые действия не планировались.

В Южной Франции союзникам противостояла 19-я немецкая армия в составе 10 дивизий. Она была не полностью укомплектована личным составом и вооружением, имела невысокую боеспособность. Вплоть до последнего времени силы армии использовались в основном для борьбы с французским движением Сопротивления. Еще хуже обстояло дело с немецкой обороной в районе высадки. К западу от г. Кан на 80-километровом участке фронта оборону занимали всего пять батальонов 242-й пехотной и 148-й резервной немецких дивизий. Малочисленные немецкая авиация и силы военно-морского флота, располагавшиеся в западной части Средиземного моря, были не в состоянии оказать существенное сопротивление десанту.

Высадка началась ранним утром 15 августа 1944 г. Воздушно-десантная группа к концу дня заняла ряд населенных пунктов. Высадку с моря поддерживал массированный огонь артиллерии и авиации. К исходу первого дня операции морскому десанту удалось занять три плацдарма, которые были объединены к 19 августа. Плацдарм простирался почти на 90 км по фронту и 60 км в глубину. На нем было сосредоточено до 160 тыс. человек, 2,5 тыс. орудий и минометов, 600 танков и около 21,5 тыс. автомашин[145].

В сложившихся условиях немецкое командование отдало приказ об отходе 19-й армии из Южной Франции к западной границе Германии, где она должна была закрепиться и организовать устойчивую оборону по «линии Зигфрида».

Тем временем основные силы союзников продолжили наступление в направлении Марселя и Тулона. К моменту их приближения силы французского движения Сопротивления в этих городах подняли восстание. 28 августа Тулон и Марсель были окончательно освобождены союзными войсками, в тот же день был занят г. Монтелимар. Ранее, 22 августа, практически без сопротивления союзники вошли в Гренобль. Однако за Лион, к которому американо-французские войска, продвигаясь в северном направлении, подошли 31 августа, развернулись ожесточенные бои. Лишь 2 сентября, когда город был фактически освобожден бойцами французского движения Сопротивления, союзники вошли в город.

Несмотря на подавляющее превосходство войск союзников в силах и средствах, отступавшим немецким частям удалось оторваться от преследования. Начальник оперативного отдела штаба командования «Запад» генерал Б. Циммерман констатировал: «Кажется чудом, что... 19-я армия сумела совершить марш вдоль всей р. Рона»[146]. 1-я немецкая армия оказалась в худшем положении. 10 сентября 1944 г. французские войска вышли в район г. Дижон и на

следующий день соединились с передовыми отрядами 3-й американской армии. В результате этого маневра 1-я немецкая армия не успела отступить и была отрезана от основной группировки немецких войск в районе между р. Луара и Пиренеями. Позднее она капитулировала. Лишь в сентябре 1944 г. немецкое командование смогло восстановить линию фронта на западной границе Германии по так называемой «линии Зигфрида». Потери в ходе операции «Драгун» составили у союзников 30 тыс. человек, у немцев — 125 тыс. человек[147].

Англо-американские союзники были полны решимости продолжить наступление. 2 ноября президент США в выступлении по радио заявил: «У нас не будет зимней паузы в Европе. Мы будем наносить удары, гнать врага, бить его еще и еще, не давая ему передышки, и прорвемся к нашей конечной цели — Берлину»[148]. Однако последующие военные события на западном фронте, особенно тяжелое поражение союзных войск в Арденнах, ликвидировать последствия которого они смогли лишь после развертывания нового мощного наступления войск Красной армии на советско-германском фронте, внесли серьезные коррективы в это намерение. Тем не менее операция «Оверлорд», которая началась 6 июня 1944 г., ознаменовала собой новый этап войны против нацистской Германии. «Борьба за Нормандию была на западе решающим сражением Второй мировой войны, последним этапом, когда немецкая армия имела еще какие-то шансы на спасение Гитлера от катастрофы... Послевоенное поколение выросло с легендой о кампании союзников в 1944—1945 годах как о триумфальном марше через Европу, так или иначе не связанном с кошмарной, но малоизвестной борьбой, которая происходила на востоке. Сегодня невозможно не признать, что русские сделали решающий вклад в войну на западе, разгромив лучшие силы немецкой армии, уничтожив около двух миллионов солдат, прежде чем союзный солдат 6 июня 1944 г. ступил на берег Франции»[149].

Завершающие операции союзников в Европе

Армии западных союзников после выхода в начале сентября 1944 г. к западным границам Германии провели до начала зимы 1944—1945 гг. несколько наступательных операций с целью прорвать занятую немецкими войсками линию обороны, простиравшуюся от Швейцарии до Северного моря. Однако ни одна из этих операций не достигла намеченной цели.

Неудачей закончилась операция под условным названием «Маркет Гарден», предпринятая 17—26 сентября 1944 г. командующим 21-й группой армий фельдмаршалом Б. Монтгомери на северном крыле фронта. Ее войска после вступления в южные районы Голландии не сумели создать плацдарм на восточном берегу Рейна в районе г. Арнем для того, чтобы в обход «линии Зигфрида» открыть путь для наступления в глубь Германии. Некоторых успехов удалось достичь войскам 12-й группы армий США. Ее 1-я армия 23 октября овладела старинным немецким пограничным городом Ахен. Но предпринятые во второй половине ноября попытки этой армии и прибывшей ей на помощь с полуострова Бретань 9-й американской армии форсировать р. Рур, а затем выйти к Рейну провалились.

8 ноября перешла в наступление в Сааре 3-я американская армия. В конце месяца ей удалось окружить и взять в плен отступившие в г. Мец немецкие части, захватить плацдарм на восточном берегу р. Саар и выйти к г. Саарлаутерн. Здесь американские войска были остановлены противником, засевшим в бетонных укреплениях «линии Зигфрида».

На южном крыле фронта в Эльзасе перешедшие 14 ноября в наступление войска 6-й американской группы армий и 1-й французской армии вынудили немецкие войска оставить 23 ноября Страсбург, а 28 ноября — Бельфор и отступить за Рейн. К середине декабря союзные войска почти полностью освободили Эльзас и Лотарингию. На левом берегу Верхнего Рейна образовался кольмарский выступ, который, по оценкам Г. Рундштедта, мог продержаться не более трех недель[150].

Американские противотанковые САУ в Ахене

Американский пулеметный расчет ведет огонь по противнику

Пленные немецкие солдаты, сдавшиеся союзникам в городе Ахен

Предпринятые осенью 1944 г. союзными войсками наступательные операции на подступах к Германии с запада были нацелены на достижение лишь ограниченных целей на отдельных участках фронта. Это во многом объяснялось тем, что вышедшие к западной границе Германии союзные войска на более чем 500 км отдалились от места высадки в Нормандии и поэтому испытывали трудности в снабжении через ее порты вооружением, боевой техникой, боеприпасами и горючим из-за перенапряжения растянутых линий коммуникаций. Эта проблема начала решаться только после открытия 28 ноября 1944 г. крупного морского порта в Антверпене, который в исправном состоянии был захвачен 4 сентября при вступлении в Бельгию англо-канадских войск. Но для того чтобы этот порт начал работать, союзникам пришлось потратить много времени и сил на разгром обложивших его со всех сторон многочисленных немецких частей.

Главную роль в войне против нацистской Германии продолжала играть Красная армия, которая в ходе летне-осенней кампании 1944 г. освободила почти всю территорию своей страны, вступила в восточные районы Польши, Чехословакии и Югославии, развернула наступление на Восточную Пруссию, вывела из войны таких союзников Германии, как Финляндия, Румыния и Болгария. Последние в августе — сентябре 1944 г. заключили перемирие с участниками антигитлеровской коалиции и объявили Германии войну. В сентябре 1944 г. Красная армия развернула наступление в Венгрии с тем, чтобы вывести и ее из войны на стороне Германии, которое продолжалось до конца 1944 — начала 1945 г. В Москве ожидали от своих западных союзников увеличения вклада в разгром Германии.

Немецкие генералы осенью 1944 г. не раз заявляли, что вермахт способен держать оборону на его западном фронте при большом превосходстве в силах противника благодаря «плохому и нерешительному управлению войсками американцев»[151]. Примерно такого же мнения об американцах придерживалось и английское командование. Командующий 21-й группой армий фельдмаршал Б. Монтгомери в конце ноября заявил Д. Эйзенхауэру, что союзные войска «потерпели стратегическую неудачу» вследствие отказа от его предложения, сделанного еще в начале сентября 1944 г., сконцентрировать все силы и внимание на прорыве немецкой обороны только на одном северном крыле фронта. Он снова требовал принять его новый план, который предусматривал бы сосредоточение «таких сил на главном направлении, чтобы успех был обеспечен». Б. Монтгомери предлагал объединить под его началом 21-ю англо-канадскую и 12-ю группу армий США для подготовки прорыва на Берлин на северном крыле фронта[152].

Д. Эйзенхауэр знал, что это предложение поддерживает английское высшее руководство, поэтому 7 декабря он пригласил Б. Монтгомери, своего заместителя — британского главного маршала авиации А. Теддера и командующего 12-й группой армий США генерала О. Брэдли на совещание в г. Маастрихт. Выражая мнение свое и американских военачальников, Д. Эйзенхауэр, как и в сентябре 1944 г., выступал за подготовку к нанесению не одного, а двух мощных ударов — силами 21-й группы армий на северном участке фронта и силами 3-й американской армии в Сааре с тем, чтобы лишить противника возможности маневрировать своими силами за линией фронта. Растянутость сил немцев по фронту, по его мнению, должна была бы позволить войскам союзников форсировать Рейн не только на севере, но и на юге[153].

Б. Монтгомери сообщил о своих разногласиях с Д. Эйзенхауэром У. Черчиллю. Премьер-министр и начальник имперского Генштаба фельдмаршал А. Брук пригласили Д. Эйзенхауэра и А. Теддера на переговоры в Лондон. На совещании, состоявшемся 12 декабря 1944 г., также присутствовали и начальники трех видов британских вооруженных сил. Они начали беседу с Д. Эйзенхауэром с того, что стали поучать его, как надо правильно организовать боевые действия подчиненных ему войск. А. Брук заявил, что, отказавшись от сосредоточения основных сил на одном направлении, тот нарушил «священный принцип военного искусства»[154]. Однако Д. Эйзенхауэр настаивал на сосредоточении усилий на прорыве обороны противника не на одном, а на двух направлениях. Вместе с тем он согласился, что более сильный удар будет нанесен не на южном, а на северном операционном направлении. И затем указал, что, согласно его решению, эти два удара будут нанесены союзными войсками

не ранее мая 1945 г., когда их силы на Европейском театре возрастут за счет формируемых в США новых соединений до 85 дивизий.

Англичане, однако, продолжали настаивать на том, чтобы Д. Эйзенхауэр принял предложенный Б. Монтгомери план развертывания только одного решающего наступления на северном участке фронта, утверждая, что 85 дивизий все равно будет недостаточно для осуществления «двойного охватывающего маневра»[155]. Обе стороны так и не смогли прийти к единому мнению о замысле предстоящего стратегического наступления. Они достигли согласия лишь в вопросе о том, что зимой следует ограничиться «захватом второстепенных объектов» с целью создания удобных позиций для последующих решающих сражений. В соответствии с этой установкой 1-я американская армия получила задачу с 13 декабря возобновить атаки на дамбу р. Рур, а 3-я американская армия — продолжить 19 декабря наступательные действия в Сааре. Так как Д. Эйзенхауэр не желал предпринимать «длительного и дорогостоящего наступления», то было решено в случае возникновения трудностей прекратить наступление в Сааре ровно через неделю[156].

Ни Д. Эйзенхауэр, ни английские участники состоявшегося разговора в Лондоне не подозревали, что немецкое командование к тому времени уже завершало приготовления к развертыванию контрнаступления на западе. Со второй половины августа 1944 г. по решению германского командования начались работы по восстановлению построенных до начала Второй мировой войны и успевших сильно обветшать за ненадобностью после разгрома Франции летом 1940 г. укреплений Западного вала («линии Зигфрида»), прикрывавших германскую западную границу на протяжении 630 км от Голландии до Швейцарии. Нацистская верхушка полагала, что, опираясь на эти укрепления, ее войска смогут не только остановить наступавшего с запада противника, но и подготовиться к переходу против него в решающее наступление и нанести ему такое сокрушительное поражение, которое вынудит руководство США и Англии пойти на заключение с Германией сепаратного мира. После достижения этой цели нацисты намеревались продолжить с перспективой на успех войну против СССР. Надежды на распад антигитлеровской коалиции военно-политическое руководство нацистской Германии возлагало прежде всего на обострение политических противоречий между западными державами и СССР[157].

6 сентября 1944 г. на западном фронте немцы начали формирование нового танкового объединения — 6-й танковой армии под командованием генерал-полковника войск СС Й. Дитриха, в дальнейшем ставшей 6-й танковой армией СС. 16 сентября на совещании высшего командного состава вермахта было принято решение о подготовке к прорыву фронта в бельгийских Арденнах и последующем захвате Антверпена с тем, чтобы подготовка к нанесению сокрушительного удара по стыку между английскими и американскими войсками была бы завершена к 1 ноября[158]. Операция получила кодовое наименование «Вахта на Рейне». Немецкие танковые соединения должны были через два дня после начала операции выйти на рубеж р. Маас и создать на его западном берегу два плацдарма между Льежем и Намюром. После форсирования Мааса танковым дивизиям надлежало в течение последующих пяти дней прорваться к Антверпену. Успех операции связывался с достижением полной внезапности[159]. К операции привлекалась группа армий «Б».

10 ноября А. Гитлер подписал директиву на проведение Арденнской операции. Цель этой операции заключалась в том, чтобы «посредством уничтожения сил противника к северу от линии Антверпен — Брюссель — Люксембург добиться решающего поворота в западной кампании и, вероятно, в ходе всей войны». Начать операцию планировалось 27 ноября[160].

Командование немецким западным фронтом считало, что сил, предназначенных для наступательной группировки, у него явно недостаточно. В штабе оперативного руководства ОКВ планировалось довести численность группировки, предназначенной для контрнаступления в Арденнах, до 38 дивизий — 15 танковых и моторизованных и 23 пехотных[161].

Костяк новой, 6-й танковой армии СС составили 1, 9 и 12-я танковые дивизии из 7-й полевой армии и 2-я танковая дивизия СС. В конце ноября — начале декабря были сняты с фронта и отправлены в тыл для пополнения перед последующим использованием в составе ударной группировки еще три танковые дивизии: 2-я, 116-я и учебная[162]. Они вошли в состав 5-й танковой армии.

Общая численность входивших в состав авиационного командования «Запад» боевых самолетов к середине декабря 1944 г. была доведена лишь до 2365. Они предназначались для прикрытия передовых отрядов танковых частей на исходных позициях и во время их продвижения вперед по дорогам Арденн, а также для нанесения внезапных ударов по аэродромам противника, располагавшимся вблизи от линии фронта[163].

2 декабря на совещании ОКВ было принято решение о начале наступления в Арденнах на рассвете 15 декабря, но 12 декабря оно было перенесено на день позже[164]. Выброску парашютного десанта было решено осуществить в полосе 6-й танковой армии СС перед началом операции, чтобы перекрыть дорогу, проходящую с севера на юг параллельно линии фронта через города Эйпен и Льеж, и не допустить переброски американских сил с севера против правого фланга танковой армии[165]. Готовя наступление в Арденнах германское командование вынуждено было учитывать сообщения своей разведки о подготовке советских войск к новому мощному наступлению в Восточной Пруссии и Польше[166].

От устья р. Маас до швейцарской границы союзники имели 63 дивизии (из них 15 бронетанковых), в том числе 40 американских, 15 английских и канадских, восемь французских, около 10 тыс. танков и самоходных орудий, почти 8 тыс. самолетов (без учета транспортной авиации)[167]. На севере фронт по левому берегу Мааса до г. Гейленкирхена занимала 21-я англо-канадская группа армий (15 дивизий). На центральном участке фронта от Гейленкирхена до р. Саар действовала 12-я группа армий США, в которой насчитывалась 31 дивизия, 15 из них входили в состав 1-й и 9-й американских армий, действовавших к северу от Арденн в районе Ахена. В Арденнах между Моншау и Триром располагалось пять американских дивизий: одна из них входила в состав 5-го корпуса, а четыре дивизии и одна бронекавалерийская разведывательная группа — в состав 8-го корпуса 1-й американской армии. К югу от Арденн действовали 10 дивизий 3-й американской армии 12-й группы армий США. На южном участке фронта от р. Саар до швейцарской границы оборонялась 6-я американская группа армий, в состав которой входили 7-я американская и 1-я французская армии, всего 17 дивизий. В резерве Верховного командующего союзными экспедиционными силами в Европе находились два корпуса 1-й союзной воздушно-десантной армии: 18-й корпус (82-я и 101-я американские воздушно-десантные дивизии) располагался в районе г. Реймса и 1-й корпус (6-я английская и 17-я американская воздушно-десантные дивизии) — в Англии. В портах Франции в это время выгружались 75-я пехотная и 11-я танковая дивизии, прибывшие из США[168].

Немецкие сухопутные войска западного фронта были сведены в четыре группы армий. На северном крыле фронта от устья Мааса до Крефельда занимала оборону группа армий «Х», в которой насчитывалось девять дивизий. На линии от Крефельда до Трира действовала группа армий «Б», прикрывавшая Рурский экономический район. В начале декабря в ней насчитывалось 33 дивизии, в том числе одна моторизованная и восемь танковых, но с учетом выделенных ей в качестве резерва ОКВ еще восьми дивизий общая численность в этой группе армий достигла 41 дивизии[169]. От Трира до Карлсруэ оборону держали 14 дивизий группы армий «Г». Остальной участок на южном крыле фронта от Карлсруэ до Базеля обороняли девять дивизий группы армий «Верхний Рейн».

Союзные войска значительно превосходили немецкие в живой силе. Всего в их группировке к зиме 1944–1945 гг. насчитывалось около 3,7 млн человек, а в немецкой — немногим более 1,3 млн, причем в сухопутных войсках вермахта, непосредственно участвовавших в боевых действиях на фронте, в начале декабря находилось лишь 420 тыс. человек[170].

К началу наступления в Арденнах в состав ударной группировки были включены три армии из группы армий «Б», в которых насчитывалось до 250 тыс. человек[171]. Перед наступлением из 20 дивизий ударной группировки полностью были укомплектованы личным составом 15, а вооружением — лишь семь. 5-я танковая армия была укомплектована боевой техникой на 50–70%[172], ее три танковые дивизии имели 320 танков и штурмовых орудий. Несколько лучше была вооружена 6-я танковая армия СС, в четырех танковых дивизиях которой насчитывалось не менее 480 танков и штурмовых орудий[173].

Немецкий бронетранспортер при наступлении в Арденнах

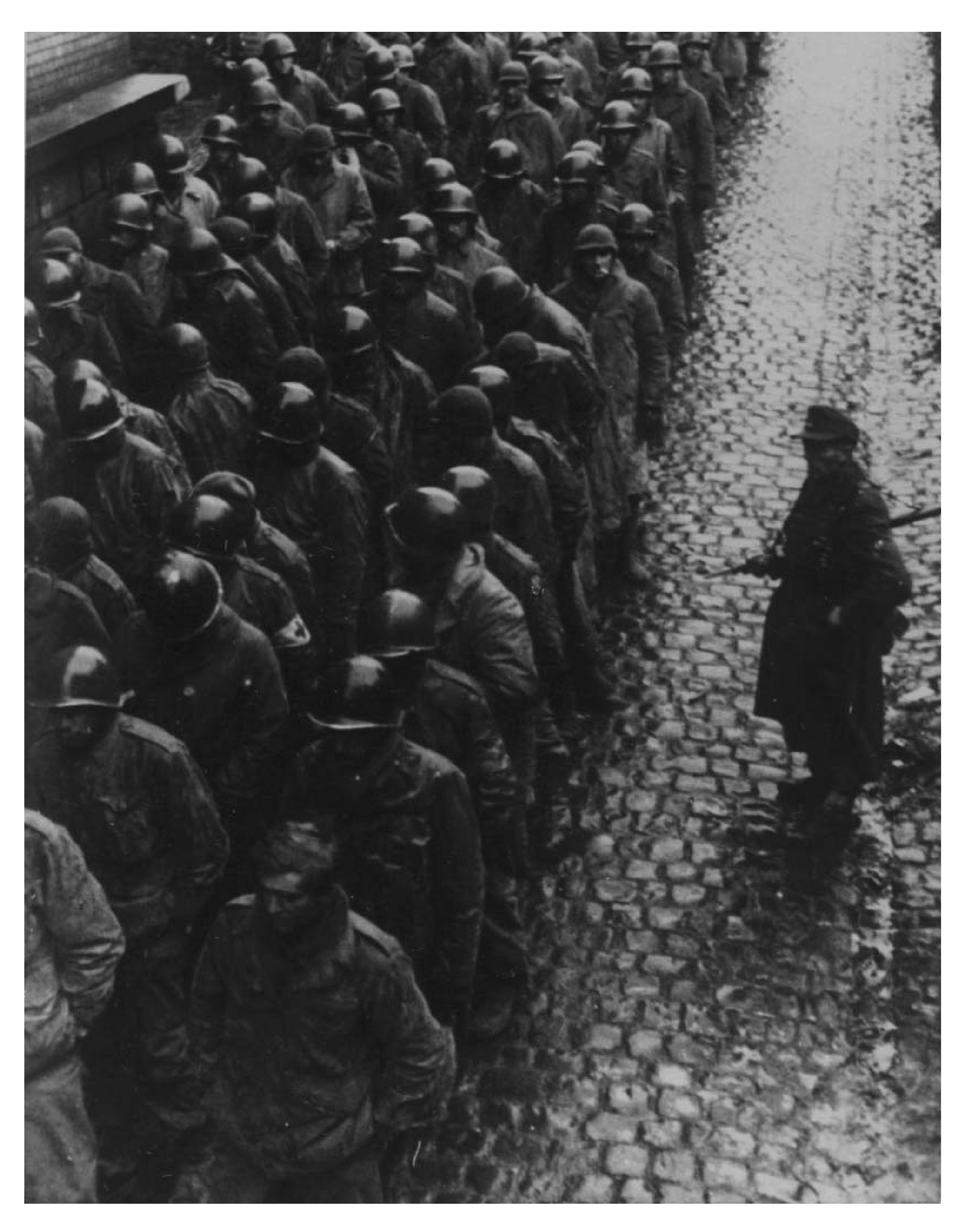

Тяжелый танк с десантом

Немецкие солдаты в наступлении в Арденнах

Колонна американских пленных под конвоем немецких солдат

Перед началом операции корпусам ударной группировки было придано 10 так называемых «народных артиллерийских корпусов». Общее количество артиллерийских орудий было доведено до более 2400 единиц, а минометов — до 900[174]. Для ударной группировки выделили 100 эшелонов с боеприпасами. При успешном ходе наступления их вполне могло хватить для выполнения поставленной задачи[175].

Острой проблемой для немецкого командования стало обеспечение ударной группировки горючим. По расчетам ОКВ для прорыва к Антверпену требовалось как минимум 17 тыс. кубометров топлива[176]. Накануне наступления его запас составил только 10 887 кубометров, то есть немногим более половины бензина, необходимого для наступления[177].

Из-за больших людских и материальных потерь вермахта на советско-германском фронте германскому командованию не удавалось создать сколько-нибудь значительные резервы для восполнения потерь войск на западном фронте. В связи с этим оно вынуждено было формировать ударную группировку в основном за счет отведенных на отдых и пополнение соединений западного фронта, прилагая при этом максимум усилий для того, чтобы ввести разведку противника в заблуждение относительно своих наступательных планов. В строжайшей тайне держались замысел и план операции, тщательно скрывалось сосредоточение и развертывание сил перед фронтом в Арденнах.

Чтобы усилить эффект внезапности удара, штаб оперативного руководства ОКВ принял решение провести особую операцию под кодовым наименованием «Грайф», руководство которой было возложено на О. Скорцени. Для этой операции специально формировалась смешанная часть — 150-я бригада СС из солдат и офицеров, переодетых в американскую форму, вооруженных трофейным оружием и боевой техникой. Бригаде предписывалось войти в прорыв в полосе 6-й танковой армии СС и, обгоняя отступающие американские войска и не вступая с ними в бой, захватить три моста через Маас между Льежем и Намюром и удерживать их до подхода главных сил. Одновременно мелкие группы солдат и офицеров должны были всячески усиливать неразбериху и панику в тылу американских войск, мешая им организовывать оборону на новых рубежах[178].

До начала Арденнской операции военная разведка союзников не смогла определить ни подлинных намерений германского командования, ни степени его готовности к проведению наступательных действий. Американская разведка не исключала, что немцы предпримут «наступательную операцию местного значения» с целью «отвоевать Ахен, чтобы преподнести его в качестве рождественского подарка фюреру»[179].

В полном неведении о намерениях и боеспособности противника было и английское командование. Воздушная разведка доносила 6 декабря, что внезапное нападение к западу от «линии Зигфрида» с большой долей вероятности исключено. Командующий 21-й группой армий фельдмаршал Б. Монтгомери 15 декабря писал: «Бедственное положение Гитлера было настолько тяжелым, что он не мог устроить крупных наступательных операций». В тот же день фельдмаршал передал Д. Эйзенхауэру просьбу об отпуске на Рождество, полагая, что война может закончиться уже к этому сроку[180].

В ночь с 15 на 16 декабря 1944 г. войска группы армий «Б» завершили подготовку к контрнаступлению в Арденнах. В первом эшелоне ударной группировки было развернуто более 200 тыс. солдат и офицеров, 18 дивизий (из них пять танковых), приблизительно 600 танков и штурмовых орудий, до 1900 орудий и минометов. Им противостояло пять американских дивизий, 83 тыс. человек, 242 танка, 182 штурмовых орудия, 394 ствола дивизионной и корпусной артиллерии[181].

Рано утром 16 декабря на участке прорыва 6-й танковой армии СС между Моншау и Лосгеймом началась мощная артиллерийская подготовка, продолжавшаяся один час[182]. 5-я танковая армия должна была осуществить прорыв от Лосгейма до Битбурга без артиллерийской подготовки. В ее пехотных дивизиях заранее было сформировано по одному штурмовому батальону. Под покровом темноты эти батальоны, обходя сторожевые посты и опорные пункты американцев, заблаговременно просочились в их расположение. Как только перешла в наступление основная часть пехоты, они обрушились на противника с тыла.

Американская колонна на марше

Артиллеристы ведут огонь по противнику

Расчет пулемета готовит новую позицию

По окончании артиллерийской подготовки пехотные части 6-й танковой армии СС двинулись на позиции застигнутых врасплох американских войск. Стремясь как можно скорее прорвать американскую оборону по всей полосе наступления, командующий армией уже в первой половине дня бросил в бой 12-ю и 1-ю танковые дивизии 1-го танкового корпуса СС. Отдельным боевым группам этих двух дивизий удалось найти в американской обороне брешь, через которую они двинулись на запад, быстро потеряв связь с отставшей от них пехотой. Дальше всех продвинулась вперед боевая группа 1-го танкового полка СС. Во время наступления в тылу противника эсэсовцы расстреляли сдавшихся им в плен 308 американских солдат, убили 111 бельгийских граждан из Ставело, Стаумонда, Мальмеди и других городов. Своей боевой задачи — в максимально короткий срок захватить в районе г. Юи мост через Маас — эта преступная эсэсовская часть, однако, не выполнила. Встретив отпор со стороны переброшенных в Арденны 30-й пехотной и 82-й воздушно-десантной дивизий, 800 эсэсовцев 23 декабря бежали на юг вдоль берега р. Амблев, взорвав 38 своих танков и бросив на произвол судьбы 150 раненых сослуживцев[183].

Более успешно в первый день операции развивалось наступление 5-й танковой армии, особенно ее танковых корпусов. Они без потерь форсировали преграждавшую им путь в Бельгию р. Урт, углубились на 7 8 км в американскую оборону и начали развивать наступление на Бастонь и Уффализу[184]. За первый день операции войска 5-й немецкой танковой армии продвинулись вперед на 10 км.

Прошло несколько часов, прежде чем в штаб Верховного командования союзных войск в Западной Европе поступило донесение о наступлении немецких войск в Арденнах. Поздно вечером по распоряжению Д. Эйзенхауэра командующий 12-й группой армий США О. Брэдли отдал приказ направить в распоряжение отступавшего 8-го корпуса 10-ю бронетанковую, а 5-го корпуса — 7-ю бронетанковую дивизии и в случае необходимости контратаковать противника в Арденнах с флангов[185]. Однако этих мер оказалось явно недостаточно для того, чтобы сдержать напор немецких войск.

На второй день наступления 6-я танковая армия СС попыталась сломить сопротивление американских частей и соединений. Командование армии большие надежды возлагало на предстоящие действия отряда парашютистов в тылу противника. Около двух часов ночи 17 декабря самолеты с десантниками поднялись в воздух. Из 106 машин лишь 35 сбросили парашютистов точно в намеченном районе[186]. В сложных условиях горно-лесистой местности ночью удалось собрать лишь 26 человек. Парашютный десант, выброшенный в тылу американских войск, оказался неспособен вести активные боевые действия. Лишь к 20 декабря командиру отряда удалось собрать 350 человек[187], но не было рации, многие оказались покалечены. От линии фронта отряд отделяло более 14 км. Попытки соединений 6-й танковой армии СС сломить сопротивление американцев не увенчались успехом. Десантники, не дождавшись войск 6-й танковой армии СС, разбились на мелкие группы и двинулись на юг, надеясь пробраться к своим через линию фронта. 240 десантникам удалось это сделать. Их командир подполковник Гейдте сдался в плен американцам добровольно.

17 декабря успех снова сопутствовал 5-й танковой армии. Ее соединения, действовавшие на правом фланге, преследуя американцев, прокладывали себе путь к Сен-Виту. На южном фланге части 7-й полевой армии переправились через р. Клерво и подступили к Вильцу, где располагался штаб 28-й американской дивизии. Остальные дивизии 7-й армии, испытывая большой недостаток переправочных средств, приступили к форсированию р. Сюр и тем самым отвлекли на себя 4-ю американскую дивизию.

Чтобы усилить панику среди отступавших американских войск, немецкое командование направило в полосу наступления 6-й танковой армии СС небольшую группу переодетых в американскую форму диверсантов из отряда О. Скорцени. Мелкими группами они углубились в расположение противника и приступили к выполнению различных диверсий. Чтобы выявить и изловить их, американская военная полиция быстро продумала целую серию вопросов, на которые мог ответить только коренной житель США. Однако вопросы оказались слишком сложными для многих американских военнослужащих. Неоднократно

задерживался полицией даже командующий 12-й группой армий США генерал О. Брэдли. Это вызывало нервозность, подозрительность и настороженность среди солдат и офицеров союзных войск.

Реакция американского командования на немецкое контрнаступление в Арденнах оставалась замедленной. Лишь вечером 17 декабря Д. Эйзенхауэр отдал приказ 10-му воздушно-десантному корпусу, находившемуся в резерве в Реймсе, выступить в район Арденн. Более двух десятков офицеров были в отпуске — кто в Англии, кто во Франции или США.

6-я танковая армия СС и 18 декабря не сумела прорвать американскую оборону. Немецкое командование решило усилить наступательную группировку в Арденнах. Началась переброска с севера в полосу наступления 6-й танковой армии СС 9-й танковой и 15-й моторизованной дивизий, входивших в состав резервного 12-го корпуса 15-й армии группы армий «Б». Одновременно командующий 6-й танковой армией СС получил приказ направить в прорыв из второго эшелона две танковые дивизии 2-го танкового корпуса СС для участия в наступлении на Сен-Вит вместе с 66-м пехотным корпусом 5-й танковой армии.

К тому времени возросли силы и защитников этого города. Утром 19 декабря туда прибыла с севера 7-я американская бронетанковая дивизия. Здесь же заняла оборону избежавшая при отступлении окружения 424-я бригада 106-й пехотной дивизии. Однако 19 декабря 66-й немецкий корпус, усиленный танковой бригадой, расчистил себе дорогу к Сен-Виту. Другим центром сопротивления союзных войск в Арденнах стал г. Бастонь. 19 декабря подходы к этому важному узлу коммуникаций на южном участке прорыва с севера и северо-востока уже оборонялись частями переброшенной из Саара 10-й американской бронетанковой дивизии. В самом городе спешно готовилась к круговой обороне прибывшая из Реймса 101-я воздушно-десантная дивизия.

В промежутке между Сен-Витом и Бастонью американской обороны фактически не было. Туда и устремились соединения 5-й танковой армии. 18 декабря без боя был взят г. Уффализ, а ночью 19 декабря немцы атаковали и обратили в бегство американские части, прикрывавшие г. Бастонь с севера, юга и северо-востока[188]. Значительных результатов добилась 7-я полевая армия, части которой продвинулись на южном фланге прорыва на запад до 15 км, окружили и разгромили в Вильце штаб 28-й американской дивизии[189].

19 декабря Д. Эйзенхауэр, О. Брэдли и командующий 3-й американской армией Дж. Паттон на совещании в Вердене приняли решение, удерживая оборону на севере Арденн, повернуть фронт 3-й американской армии на 90 градусов и ударить по южному флангу немецкой наступательной группировки. Дж. Паттон обещал нанести удар по немецким войскам на южном фланге прорыва 22 декабря. Однако на совещании в Вердене остался неразрешенным вопрос о том, как закрыть брешь шириной до 40 км между Сен-Витом и Бастонью. Сил для этого у Д. Эйзенхауэра не было, в то время как у фельдмаршала Б. Монтгомери имелся в резерве готовый к бою 30-й корпус в составе двух пехотных, одной танковой дивизий и трех танковых бригад. Поэтому Д. Эйзенхауэр приказал Б. Монтгомери принять на себя командование всеми американо-английскими силами, находившимися севернее Арденн. Ему были переподчинены 1-я и 9-я американские армии.

К тому времени английский 30-й резервный корпус занимал позиции за Маасом на подступах к Антверпену в районе Лувен — Сен-Трон фронтом на юг. Б. Монтгомери не пожелал отправлять этот корпус в район боевых действий, а занялся перегруппировкой американских войск: 9-й армии он отдал приказ занять часть полосы обороны 1-й американской армии. Выведенные с фронта в ходе этой перегруппировки 84-я пехотная, 2-я и 3-я бронетанковые дивизии вместе с прибывшей из США 75-й пехотной дивизией были включены в состав 7-го американского корпуса во главе с генералом Л. Коллинзом, которому была поставлена задача блокировать Арденны с северо-запада по линии Динан — Марш — Оттон. Таким образом Б. Монтгомери решил преградить путь немецким войскам к переправам через Маас у Намюра и Льежа. Разграничительная линия между подчиненными ему 1-й и 9-й американскими армиями и оставшейся в подчинении О. Брэдли 3-й американской армией была установлена по линии Живе — Сен-Вит.

Подбитые немецкие «пантеры»

Немецкий танк, подбитый американскими солдатами

Солдат американской армии с «базукой» на дороге в Арденнах

Между тем немецкие войска продолжали наступление в Арденнах. Они обошли Сен-Вит с севера и юга и в ночь на 22 декабря взяли город штурмом. Оборонявшая его 7-я американская бронетанковая дивизия, не выдержав натиска превосходящих немецких сил, отступила на запад. Между Сен-Витом и Бастонью почти беспрепятственно продвигались к Маасу крупные силы немцев. В течение 20–21 декабря они окружили Бастонь, часть сил продолжила наступление к Маасу. Однако с 22 декабря продвижение немецких танковых соединений и частей из-за постоянных перебоев в снабжении бензином стало замедляться. Г. Рундштедт приказал В. Моделю в целях экономии горючего изъять из вверенных ему армий «все грузовые автомобили, за исключением тех, без которых совершенно нельзя вести боевые действия»[190]. Но эта экстренная мера не дала заметного эффекта. 24 декабря 2-я танковая дивизия из-за отсутствия горючего встала в 9 км от Мааса. Танкистам было приказано продолжать наступление «пешим порядком» и захватить мост в г. Динан[191].

Вместо того чтобы обеспечить горючим хотя бы 47-й танковый корпус 5-й танковой армии, имевшей успех, Г. Рундштедт посчитал приоритетным снабжение 6-й танковой армии СС. 21–22 декабря он передал ей из резерва ОКВ 3-ю моторизованную дивизию и приказал сломить сопротивление американских войск на северном участке арденнского выступа. Предпринятые 22 декабря соединениями 6-й танковой армии СС атаки на позиции 1, 2, и 99-й американских дивизий в Арденнах не имели успеха. Американцы отбили все атаки противника и нанесли ему заметный урон. 25 декабря Г. Рундштедт вынужден был отдать приказ прекратить безуспешные попытки сокрушить оборону американских войск на Эльзенборгских высотах[192].

С 23 декабря улучшилась погода, и союзная авиация включилась в боевые действия в Арденнах. С этого дня более 3 тыс. американских и английских самолетов систематически совершали налеты на наступавшие немецкие войска, нарушали их коммуникации и базы к западу от Рейна. Немецкая авиация также активизировала свои действия, совершая иногда более 1 тыс. самолето-вылетов в день, но из-за малочисленности она не обеспечивала надежного авиационного прикрытия своих войск[193].

Ухудшило положение немецких войск в Арденнах начавшееся 22 декабря наступление соединений 3-го корпуса 3-й американской армии из Арлона с целью деблокады Бастони. Однако преодолеть сопротивление немецких частей им не удалось, они вынуждены были остановиться в 6 км от Бастони.

23 декабря на южном фланге против 7-й немецкой армии нанесли удар части и соединения двух американских корпусов, в которых насчитывалось шесть дивизий, в том числе две бронетанковые. Их поддерживали 88 дивизионов с более 1050 орудиями калибром 105 мм и выше[194]. Однако сил для остановки наступления противника было недостаточно.

В это время германское командование приказало развернуть главные силы 5-й танковой армии для наступления вдоль правого берега Мааса на северо-восток, чтобы ударить с тыла по силам союзников, медленно выдвигавшимся к расположенному на Маасе г. Динан. Для подкрепления 5-й танковой армии были выделены из 15-й армии 9-я танковая, 15-я моторизованная и 340-я народно-гренадерская дивизии. В 7-ю армию были направлены из резерва ОКВ гренадерская бригада, 9-я и 167-я народно-гренадерская дивизии[195].

Несмотря на появление первых признаков того, что наступавшие в Арденнах немецкие войска вряд ли смогут достичь своих конечных целей, положение противостоявших им союзных войск оставалось крайне напряженным. Озабоченность союзного командования вызывали большие потери 5-го американского корпуса. 23 декабря недокомплект личного состава в нем достиг 7 тыс. человек[196], и Б. Монтгомери обратился к Д. Эйзенхауэру с просьбой выделить пополнение для восполнения потерь. Б. Монтгомери был также озабочен тем, что приближавшиеся к Маасу немецкие войска могли охватить с юго-запада медленно выдвигавшиеся по его приказу к району Рошфора и Марша войска 7-го американского корпуса. 23 декабря он отдал приказ 29-й английской танковой бригаде переправиться через Маас в районе г. Живе и прикрыть с запада правый фланг 7-го корпуса[197]. Критическим оставалось положение американских войск под Бастонью[198].

Несмотря на перебои с обеспечением горючим и беспрерывные налеты союзной авиации, войска 5-й немецкой армии продолжали борьбу на подступах к Маасу. Американо-английское командование полагало, что без прибытия новых резервов ему вряд ли удастся остановить немцев у этой водной преграды. 25 декабря О. Брэдли встретился с Б. Монтгомери для того, чтобы узнать, не сможет ли тот начать наступление против немецких войск в Арденнах с севера. Б. Монтгомери заявил ему, что расположенная севернее Арденн 1-я американская армия уже «не способна вести наступательные действия в течение трех последующих месяцев»[199]. В свою очередь, О. Брэдли высказал предположение, что армия Дж. Паттона, вероятно, сможет деблокировать Бастонь, но чтобы продолжить наступление на север, сил у нее недостаточно[200].

Б. Монтгомери после встречи с О. Брэдли связался по телефону с Д. Эйзенхауэром и предложил ему отвести войска из Эльзаса для того, чтобы за счет выпрямления линии фронта можно было бы высвободить необходимые резервы. Узнав об этом, О. Брэдли, Дж. Паттон и К. Ходжес единодушно отвергли это предложение. Они заявили, что его принятие повлекло бы за собой «ужасные политические последствия», так как во Франции это было бы воспринято как предательство населения Эльзаса и Лотарингии[201].

Между тем приблизившиеся к Маасу немецкие дивизии полностью утратили подвижность из-за отсутствия горючего. 24—25 декабря части 2-й американской бронетанковой дивизии и английской танковой бригады, переброшенные в район Марш и Рошфор, преградили путь к Маасу вырвавшейся вперед 2-й немецкой танковой дивизии. Направленная ей на помощь 116-я танковая дивизия к этому времени была скована боями с 84-й американской дивизией в районе г. Ларош. Поэтому части 2-й немецкой танковой дивизии были вынуждены 25 декабря с боями начать планомерный отход с острия арденнского выступа. На следующий день американские части разгромили передовые части 2-й танковой дивизии в г. Сель, в 6 км восточнее Мааса. Положение на острие клина стабилизировалось. Отступившим немецким войскам удалось закрепиться в 2—3 км к востоку от линии Марш — Рошфор.

26 декабря произошло событие, также существенно облегчившее положение американцев в осажденном немцами г. Бастонь. Успехом завершилась атака против немецких частей, прикрывавших подходы к этому городу с юга. Перешедшие в наступление резервное боевое командование 4-й американской бронетанковой дивизии и один батальон 80-й пехотной дивизии совершили прорыв в Бастонь, образовав узкий 300-метровый коридор. С наступлением ночи по нему в город прошло 40 первых грузовиков с продовольствием и боеприпасами[202].

Прорыв американских войск в Бастонь с юга сильно осложнил положение ударной группировки немецких войск в Арденнах. Этот город, являвшийся важным узлом семи дорог на юго-востоке бельгийских Арденн, мог стать удобным плацдармом наступления американских войск еще далее на север с целью нарушения коммуникаций прорвавших фронт в Арденнах немецких соединений. Германское командование 26 декабря, исходя из оценки обстановки в Арденнах, окончательно отказалось от попыток 6-й танковой армии СС прорвать оборону противостоявших им американских дивизий и переподчинил ее 67-й армейский корпус 15-й армии, державшей оборону севернее Арденн. Центр тяжести борьбы в Арденнах был перенесен на юг, в полосу обороны 5-й танковой и 7-й полевой армий.

С 16 по 26 декабря немецкие войска непрерывно, день за днем, продвигались на запад. Однако труднопроходимая местность и существенные недостатки в материально-техническом снабжении не позволили им достичь запланированных темпов наступления даже там, где они после прорыва американской обороны не встречали сколько-нибудь серьезного сопротивления. Недостаток людских резервов заставлял командование группы армий «Б» выделять для осады городов Бастонь и Сен-Вит часть тех соединений, которые изначально предназначались для участия в наступлении. 26 декабря 1944 г. борьба в Арденнах приняла для обеих сторон затяжной характер.

Командование войск союзников, располагая сильными группировками севернее и южнее прорыва немцев, смогло с 16 по 26 декабря осуществить переброску в Арденны достаточного количество соединений для того, чтобы сковать правый фланг 6-й танковой армии СС и создать угрозу немецкой ударной группировке с юга. Однако наращивание сил американских войск в

Арденнах осуществлялось за счет оголения остальных участков фронта, так как союзное командование не располагало достаточным количеством резервных соединений. Фронт союзников оказался к концу декабря прорванным на участке свыше 80 км между Моншау и Эхтернахом на глубину более 90 км. В целом же бои, разгоревшиеся во второй половине декабря в Арденнах, показали авантюристичность немецкого плана решительного разгрома западных союзников.

Прорыв немцев в Арденнах потряс политическое руководство США и Великобритании. Военное командование союзников пришло к заключению, что война в Европе может продлиться до 1946 г., а в Азии и на Тихом океане — до 1947 г.[203] В связи с этим Ф. Рузвельт призвал американцев к «тотальной мобилизации»[204].

21 декабря генерал Д. Эйзенхауэр направил в Объединенный комитет начальников штабов в Вашингтоне письмо, в котором просил разрешения на установление связи с высшим советским командованием в Москве с целью лично убедиться в том, что оно действительно намерено предпринять в этом или следующем месяце новое решающее наступление. «Уверенность в этом, — писал Д. Эйзенхауэр, — имеет для меня исключительно важное значение: я бы перестроил свои планы соответственно с этим»[205].

Д. Эйзенхауэра в этом вопросе поддержал президент США Ф. Рузвельт. И. В. Сталин, 26 декабря узнав от него о намерении направить представителей штаба Д. Эйзенхауэра в Москву[206], выразил готовность встретиться с ними, чтобы обсудить создавшуюся ситуацию на западном фронте и отношение к «русскому фронту, а также обменяться информацией, важной для координации наших усилий»[207]. На следующий день Ф. Рузвельт одобрил предложение Д. Эйзенхауэра направить в Москву его заместителя — главного маршала авиации А. Теддера в сопровождении начальника оперативного отдела главной штаб-квартиры генерал-майора Г. Балла и старшего офицера разведки бригадного генерала Т. Беттса. 29 декабря они вылетели в Москву.

А. Гитлер за день до этого уже признал, что предпринятое наступление вермахта в Арденнах, «к сожалению, не дало решающего успеха»[208]. Это вынужденное признание было сделано с учетом хода событий не только в Арденнах, но и на советско-германском фронте в ходе Будапештской наступательной операции (29 октября — 17 февраля 1945 г.) 2-го и 3-го Украинских фронтов, в которой были разгромлены три немецкие и одна венгерская армии.

С первого дня контрнаступления в Арденнах командующий западным фронтом Г. Рундштедт вынашивал план наступления 25-й армии группы армий «Х» через Нижний Маас в общем направлении на Антверпен с целью окружения больших сил противника севернее фронта наступления в Арденнах[209]. По его распоряжению 18 декабря командующий группой армий «Х» Штудент приступил к подготовке форсирования Нижнего Мааса так, чтобы его 25-я армия, начиная с 22 декабря, была готова нанести сильный отвлекающий удар не позже чем через 24 часа после получения соответствующего приказа[210]. Но никаких подкреплений группа армий «Х» не получила. Напротив, ее план прорыва к Антверпену с севера остался только на бумаге из-за необходимости срочно восполнять потери вермахта, постоянно растущие на советско-германском фронте. Такая необходимость возникла 26 декабря 1944 г., когда наступавшие в Венгрии советские войска окружили в Будапеште 188-тысячную группировку противника. Это событие заставило высшее немецкое командование вечером 27 декабря направить в 88-й армейский корпус, готовившийся к форсированию Нижнего Мааса, приказ «немедленно и со всевозможной быстротой» произвести отправку наиболее боеспособной 711-й пехотной дивизии в Венгрию. В приказе подчеркивалось: «88-й армейский корпус отвечает за то, чтобы ни одна часть, ни одно орудие, принадлежащее 711-й пехотной дивизии, не были изъяты из ее состава»[211]. Одновременно получила приказ о переброске в Польшу 344-я народно-гренадерская дивизия из 15-й армии группы армий «Б»[212].

Продолжающееся широкое наступление в Венгрии советских войск и новые донесения германской разведки о подготовке Красной армии к грандиозному наступлению в Польше вынудили немецкое командование в конце декабря 1944 г. перебросить с западного фронта на восток еще две наиболее боеспособные дивизии (269-ю и 712-ю), артиллерийский корпус, танковый батальон и бригаду реактивных минометов[213].

Пленные солдаты войск СС

28 декабря Г. Рундштедт пришел к выводу, что из-за переброски части сил с запада на восток начать наступление на северном крыле фронта до начала нового года уже не удастся, потому что находившиеся там немецкие войска были в лучшем случае способны лишь «сковать» или «ввести в заблуждение противника»[214]. Так западные союзники были избавлены Красной армией от нового удара немцев на северном крыле фронта. Авантюристичность немецких планов на западе в свете развития событий на советско-германском фронте становилась все более очевидной.

В случае отказа немцев от возобновления наступления к Маасу Б. Монтгомери намеревался сам перейти в наступление 3 января имеющимися у него силами. При этом он планировал использовать 30-й корпус на правом фланге 1-й американской армии для оказания помощи ее 7-му корпусу в прорыве на Уффализ[215]. Д. Эйзенхауэр отдал распоряжение передать Дж. Паттону только что прибывшие во Францию из США 11-ю бронетанковую и 87-ю пехотную дивизии для укрепления южного участка линии фронта в Арденнах западнее Бастони. Эти дивизии Дж. Паттон решил вместе с прибывшими ранее в его распоряжении 4-й и 6-й бронетанковой дивизиями использовать для того, чтобы 30 декабря ударом на Уффализ рассечь надвое южный фланг немецкой группировки в Арденнах, захватить Бастонь, а 31 декабря развернуть из Бастони наступление на Сен-Вит.

Однако осуществить этот замысел Дж. Паттону не удалось. Первыми утром 30 декабря перешли в наступление немецкие войска с намерением восстановить кольцо окружения вокруг Бастони. Американские войска были вынуждены не наступать, а обороняться. 31 декабря 3-я американская армия отразила под Бастонью еще 17 атак противника, упорно пытавшегося восстановить окружение города. После этого Д. Эйзенхауэр был вынужден снова усилить 3-ю американскую армию, передав ей из своего резерва последнюю, 17-ю воздушно-десантную дивизию взамен остатков разгромленной в Арденнах 28-й пехотной дивизии. Для того чтобы иметь хотя бы незначительные резервы, он вывел из состава находившейся в Эльзасе 7-й американской армии 36-ю пехотную и 12-ю бронетанковую дивизии, подчинив их управлению только что прибывшего из США штаба 21-го корпуса. Это было на руку немецкому командованию, которое в то время вело подготовку к новой наступательной операции в Эльзасе и Лотарингии.

В то время когда в Арденнах завязались тяжелые затяжные бои, не приносившие существенных успехов ни одной из противостоявших сторон, командование военно-воздушных сил Германии подготовило и утром 1 января 1945 г. нанесло массированный удар по прифронтовым аэродромам англо-американской авиации в Северной Франции, Бельгии и Голландии. Операция проводилась под кодовым наименованием «Опорная плита». В ней участвовало 10 эскадр истребителей авиационного командования «Запад», насчитывавших 1031 самолет[216]. Они подвергли внезапной бомбардировке и обстрелу 27 американских и английских аэродромов, уничтожив при этом до 300 самолетов[217]. Но и само авиационное командование «Запад» потеряло в тот день 277 самолетов[218]. При этом две трети из них были сбиты немецкими зенитчиками, охранявшими в Центральной Голландии стартовые площадки ракет Фау-2.

Боевая активность немецкого авиационного командования «Запад» после проведения им операции «Опорная плита» резко упала. Объяснялось это не столько потерями, понесенными германскими ВВС в этой операции, сколько начавшейся затем переброской немецких авиационных частей на восток. С 5 по 12 января 1945 г., то есть перед началом нового стратегического наступления Красной армии, в состав 6-го немецкого воздушного флота для усиления воздушной поддержки немецких групп армий «А» и «Центр» в Польше и Восточной Пруссии было переброшено восемь истребительных и десять штурмовых авиационных групп авиационного командования «Запад», в состав которых входило 436 боевых самолетов[219].

Частичный успех Арденнской наступательной операции позволил германскому командованию предпринять еще одну операцию, теперь в Эльзасе[220]. Цель новых ударов должна была заключаться в том, чтобы «по частям, дивизия за дивизией, полностью уничтожить американские войска южнее района прорыва», а затем продолжить «основную операцию» в Арденнах.

Подготовка к проведению наступательной операции группы армий «Г» в Эльзасе началась 22 декабря 1944 г., практически одновременно с подготовкой к наступательной операции группы армий «Х», которая была сорвана срочной переброской части ее сил на советско-германский фронт. Сковывающий удар на южном крыле германского западного фронта по первоначальному замыслу должна была нанести 19-я армия группы армий «Верхний Рейн» с целью захвата Савернского прохода. Г. Рундштедт рекомендовал командованию группы армий «Г» срочно вывести на отдых и пополнение 17-ю моторизованную дивизию СС, 25-ю моторизованную и 21-ю танковую дивизии, а также несколько пехотных дивизий, заменив их охранными гарнизонами. Для достижения внезапности среди выведенных в резерв войск был распространен слух о том, что они якобы вскоре будут переброшены в Арденны для подкрепления группы армий «Б». Ориентировочно наступление в Эльзасе намечалось начать в первых числах января 1945 г.

Планировалось провести две операции. Цель первой из них под кодовым наименованием «Зимний ветер» заключалась в сокрушении фронта 7-й американской армии в Эльзасе. Вторая операция под кодовым наименованием «Зубной врач» предполагала разгром основных сил 7-й американской и 1-й французской армий в районе Хагенау — Страсбург — Кольмар. К проведению операций привлекались три армейских корпуса 1-й немецкой армии, в которых насчитывалось 73 609 человек[221].

Наступление началось без артиллерийской подготовки в ночь на 31 декабря 1944 г., в ходе которого немецкие войска понесли большие потери. С приходом дня они резко снизили свою боевую активность, поэтому 3 января им был отдан приказ перейти к обороне. Тем не менее за три прошедших дня они продвинулись в южном направлении на 20—30 км и остановились в 15 км от савернского прохода, захват которого мог создать угрозу окружения главных сил 7-й американской армии[222].

Американское командование знало о готовившемся немцами ударе в Эльзасе. 26 декабря разведка 7-й армии докладывала, что оно начнется между 1 и 3 января[223]. Но тогда командование союзников не имело возможности укрепить свою оборону южнее Арденн. Более того, Д. Эйзенхауэр незадолго до этого был вынужден вывести в резерв из состава 7-й армии две дивизии. Одну из этих дивизий (36-ю пехотную) он 2 января передал 7-й американской армии, которая по его распоряжению начала отход в Эльзасе из района Виссамбург — Хагенау — Страсбург на юго-запад[224].

Решение сдать противнику Страсбург резко опротестовал глава временного правительства Французской республики генерал Ш. де Голль. Он считал, что это станет не только «страшной раной на чести страны», но и «ударом по вере нации в де Голля»[225]. По его приказу оборону города взяли на себя французские войска. За это Д. Эйзенхауэр пригрозил оставить французов без боеприпасов. В ответ французское командование заявило, что оно в случае выполнения Д. Эйзенхауэром этой угрозы лишит американцев права использовать железные дороги во Франции, а его войска выйдут из подчинения союзному командованию.

Ф. Рузвельт в этой ситуации занял нейтральную позицию, заявив о своем нежелании вмешиваться в «чисто военные вопросы». У. Черчилль же 3 января прибыл в ставку Д. Эйзенхауэра. В его присутствии штабные переговоры между Д. Эйзенхауэром и Ш. де Голлем продолжились, и в результате было решено возложить оборону Страсбурга на французов и провести отступление не всей 7-й американской армией, а только ее 6-м корпусом. Войскам этого корпуса был отдан приказ отойти «из резко выступавшей дуги фронта так, чтобы его левый фланг опирался на Вогезы, а правый был оттянут на юг и в общем направлении на Страсбург»[226]. После такого изменения первоначального приказа Д. Эйзенхауэра командующий 6-й группой армий Дж. Деверс принял предложение штаба 7-й армии о занятии войсками позиций на «линии Мажино» и Рейне, а также подготовить в Эльзасе несколько оборонительных рубежей, на которые можно было бы потом отойти, если возникнет такая необходимость.

4 января ОКВ приказало группе армий «Г» изменить в Эльзасе направление главного удара с южного на восточное и приступить к уничтожению противника между Рейном и Ниж-

ними Вогезами, захватить их западные склоны для обеспечения продолжения наступления. Группе армий «Верхний Рейн» предписывалось захватить плацдарм севернее Страсбурга и в зависимости от обстановки наступать в северо-западном направлении, чтобы соединиться с 1-й армией или захватить северные склоны Вогез[227].

4 января по 7-й американской армии в северо-восточном Эльзасе был нанесен новый удар из района г. Виссамбурга (восточнее г. Битш). Немецкие соединения прорвали здесь американскую оборону. Наступая в юго-западном направлении, они 8 января достигли г. Хагенау, но затем были остановлены в боях за населенные пункты Хаттен и Риттерсхоффен. 9 января «операция после первоначальных успехов зашла в тупик»[228].

3 января на северо-западном участке прорыва в Арденнах перешли в контрнаступление войска 1-й американской армии и английские соединения. Для немецкой наступательной группировки создалась угроза оказаться под концентрическими ударами союзных войск как на северном, так и на южном флангах. Но это не заставило немецкое командование отказаться от своих наступательных планов. 4 января 1945 г. были нанесены сильные танковые удары по американским войскам в районе г. Бастонь, которые вынудили их на ряде участков с огромными потерями оставить ранее занятые позиции. В конце дня командующий 3-й американской армией генерал Дж. Паттон написал в своем дневнике: «Мы еще можем проиграть войну»[229].

6 января Д. Эйзенхауэр сообщил в Вашингтон, что если советские войска не начнут нового крупного наступления, то союзные силы окажутся в «самом тяжелом положении»[230]. 7 января И. В. Сталин писал У. Черчиллю, что Красная армия откроет «широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января»[231]. Эту ободряющую новость У. Черчилль передал Д. Эйзенхауэру. Затем через Объединенный англо-американский штаб Д. Эйзенхауэр получил из Москвы сообщение, что, «даже если погодные условия не улучшатся, наступление русских начнется не позднее 15 января»[232].

8 января 1945 г. А. Гитлер отдал приказ об отходе войск из Арденн с целью выравнивания линии фронта. На следующий день последовал его приказ о выводе из Арденн 6-й танковой армии СС в тыл группы армий «Г», чтобы подготовить ее к переброске на советско-германский фронт.

12 января 1945 г., на восемь дней ранее намеченного срока, Красная армия, учитывая тяжелое положение союзников на западном фронте, перешла в наступление на варшавско-берлинском направлении. Американские солдаты обрели уверенность в том, что немецкое командование теперь уже не сможет использовать еще имевшиеся у него людские и материальные ресурсы для продолжения борьбы на западном фронте и поэтому будет легче заставить его смириться с утратой захваченной территории в Арденнах.

13 января 1945 г. в Арденнах началось наступление англо-американских войск, которое афишировалось как генеральное, хотя в действительности имело ограниченные цели. По приказу Б. Монтгомери и О. Брэдли войска 1-й и 3-й американских армий нанесли удары по передовым частям противника на острие арденнского выступа и стали оттеснять их с ранее захваченной ими территории западнее г. Уффализа. К тому времени немецкое командование уже отказалось от удержания захваченных ранее позиций в этом районе и переключило свое внимание на то, чтобы вывести из него наиболее боеспособные соединения в тыл для последующей отправки на восток. Не желая втягиваться в крупные бои, оно 14 января отдало своим войскам приказ отойти на новую линию обороны к востоку от Уффализа.

В этот день в Москву прибыл заместитель Д. Эйзенхауэра маршал А. Теддер. Он передал И. В. Сталину письмо, в котором выражалась уверенность в том, что обмен военной информацией будет способствовать укреплению сотрудничества между участниками антигитлеровской коалиции на пути к полному разгрому противника[233].

15 января в первой половине дня А. Теддер и сопровождавшие его лица были приняты И. В. Сталиным и заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А. И. Антоновым. В ходе состоявшихся переговоров в Москве глава советского правительства

сообщил представителям командования союзников, что начавшееся широкомасштабное наступление Красной армии на советско-германском фронте «было подготовлено более месяца назад, но затем было отложено в ожидании благоприятных погодных условий, которые позволили бы задействовать советскую артиллерию и военно-воздушные силы». Однако после того как И. В. Сталин получил послание от президента Ф. Рузвельта с просьбой встретиться с представителем генерала Д. Эйзенхауэра, а также телеграмму от У. Черчилля с просьбой сообщить «спланировали ли русские наступательную операцию», он «ввиду необходимости для союзников принял решение начать подготовленную операцию вне зависимости от погоды»[234].

А. Теддер информировал И. В. Сталина и Генштаб о планах союзников, сообщив, что предположительно «оптимальным временем» для форсирования союзниками Рейна является «период с начала марта до середины апреля». При этом он оговорился, что решение вопроса об определении времени проведения операций весной будет зависеть от наступления благоприятных погодных условий для проведения стратегических бомбардировок нефтяных объектов и коммуникаций противника, его железных дорог и водных путей. В связи с этим И. В. Сталин спросил А. Теддера, «не означают ли эти слова то, что союзникам, возможно, придется ждать лета для проведения наступательных операций на Рейне». А. Теддер «уверил его, что союзники не намерены приостанавливать свои действия на какое-то время»[235]. При этом он умолчал, что между английскими и американскими военными существуют разногласия по поводу способов ведения наступательных операций и нет единства мнения о том, следует ли до мая 1945 г. ограничиваться проведением операций только местного значения[236].

16 января войска 1-й американской армии, наступавшей в Арденнах с севера, и двигавшейся с юга 3-й американской армии соединились в районе г. Уффализа. С 18 января 1-я американская армия опять вошла в состав 12-й группы армий США, а 9-я американская армия осталась в 21-й группе армий. 28 января преследуемые американо-английскими силами немецкие войска отступили из Арденн на исходные позиции. Потери убитыми, ранеными и пленными союзных войск в длившихся 42 дня боях в Арденнах составили в общей сложности 82,4 тыс. человек, в том числе 81 тыс. американцев и 1,4 тыс. англичан[237], а немцев — 67,5 тыс. человек[238].

К тому времени немецкое командование убедилось в том, что никаких перспектив на успех операция «Северный ветер» не имеет. 25 января 7-я американская армия отбила последние атаки немецких войск в Эльзасе. В тот день в военном дневнике ОКВ было отмечено: «Чтобы добиться большего, необходимо было использовать более многочисленные силы. Поэтому ввиду создавшейся обстановки на востоке фюрер приказал перейти к обороне на западе»[239].

27 января была расформирована группа армий «Верхний Рейн», а входившая в ее состав 19-я армия переподчинена командованию группы армий «Г». Г. Гиммлер со своим штабом в качестве командующего новой группой армий «Висла» был направлен на советско-германский фронт. Группа армий «Г» под давлением войск союзников начала отступать, в конце месяца немецкие войска покинули всю ранее захваченную территорию в Эльзасе.

На ход и исход сражений в Арденнах и Эльзасе в пользу союзников огромное влияние оказали переброски немецких войск зимой 1944—1945 гг. на советско-германский фронт. Только с западного фронта с конца декабря 1944 до начала февраля 1945 г. германское командование перебросило 15 наиболее боеспособных дивизий, в том числе семь танковых и моторизованных, 800 танков и штурмовых орудий и много иной боевой техники. Кроме того, были переброшены еще три дислоцировавшиеся в Дании дивизии, которые первоначально предназначались для использования в контрнаступлении на западном фронте[240].

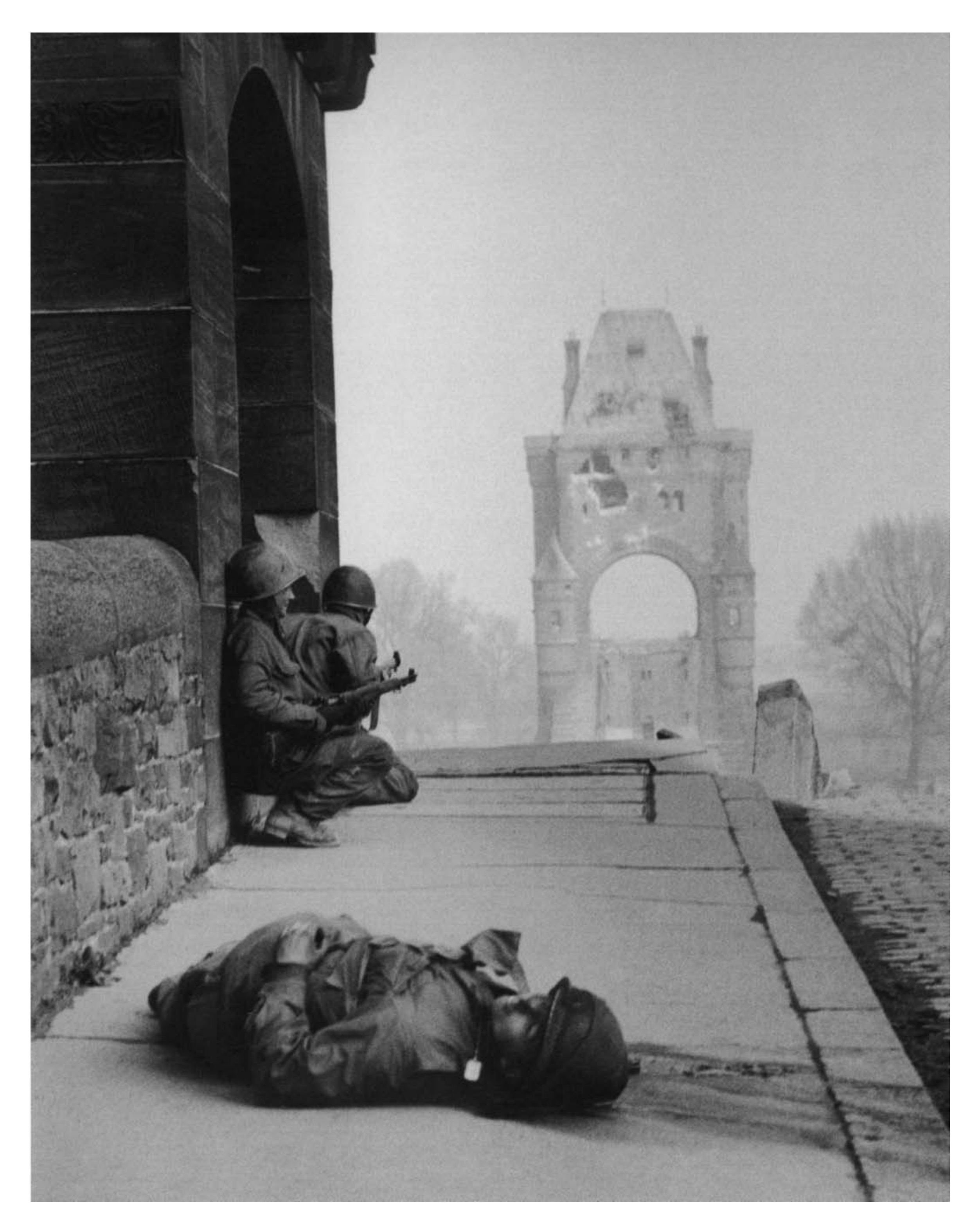
В феврале 1945 г. общая численность немецких соединений по сравнению с декабрем 1944 г. сократилась с 73 до 60 дивизий, боеспособность которых, по оценке самих немецких военных специалистов, была низкой. В то же время общая численность соединений в англо-американских войсках на западном фронте в феврале возросла с 63 до 81 дивизии и 18 отдельных бригад[241].

Американцы форсируют Рейн

Немецкая САУ после боя с танками союзников

Под огнем снайпера

События в Арденнах наглядно показали союзникам, что быстрое и победоносное завершение войны в Европе возможно только при тесном военном сотрудничестве с СССР. «Мы должны иметь поддержку Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией после завершения войны в Европе», — таково было мнение Госдепартамента США, изложенное в памятке для президента Ф. Рузвельта и американской делегации накануне Крымской конференции глав правительств СССР, США и Великобритании[242], которая состоялась 4—11 февраля 1945 г.

Руководители США и Великобритании, прибыв на эту конференцию, в первую очередь хотели обсудить военные проблемы. Это желание разделяло и советское руководство. При первой встрече с И. В. Сталиным У. Черчилль и Ф. Рузвельт заявили, что они хотели бы «высказать благодарность англичан и американцев за громадную мощь и успех советского наступления», и просили, чтобы Красная армия его продолжала[243].

Советский лидер в ответ на это счел нужным отметить, что до событий в Арденнах руководство США и Великобритании не предпринимало попыток согласовать действия своих войск с действиями Красной армии, поэтому СССР формально был не обязан предпринимать зимнее наступление, но оно началось даже раньше, чем планировалось. Ф. Рузвельт и У. Черчилль согласились, что ранее они не согласовывали свои оперативные планы с советским руководством, но сейчас обстановка изменилась, и вопросам координации военных действий трех держав следует уделить большое внимание[244].

В ходе переговоров советские военачальники заручились обещанием союзников, что их сухопутные войска активными действиями на суше и бомбардировочная авиация воздушными налетами на важнейшие железнодорожные узлы в Берлине и Лейпциге будут препятствовать переброске немецких войск на восток. Далее было принято решение разграничить сферу боевых действий советской и союзной бомбардировочной авиации по линии Штеттин — Берлин — Руланд — Дрезден — Брюн — Вена — Марибор — Загреб. При этом англо-американское командование обязалось сообщать советскому командованию о каждом воздушном налете своих самолетов на объекты восточнее этой линии за 24 часа до его начала[245].

Решения по военным вопросам, принятые в Ялте, в целом отражали глубокую заинтересованность каждой из трех великих держав в укреплении сотрудничества при завершении разгрома Германии и Японии. Это способствовало принятию в Ялте важных решений, относящихся к послевоенному устройству мира. В частности, было решено довести войну в Европе до безоговорочной капитуляции Германии, принять меры по превращению ее в демократическое демилитаризованное государство, ликвидировать германский Генеральный штаб и нацистскую партию, взять под контроль германскую военную промышленность, подвергнуть наказанию виновников войны и военных преступников.

План наступления войск западных союзников на Германию был подготовлен Д. Эйзенхауэром 20 января 1945 г. В нем предусматривалось поэтапное проведение стратегических наступательных операций. До перехода в решительное наступление войска западных союзников должны были выйти вплотную к Рейну на всем его протяжении. Но Д. Эйзенхауэр считал, что они не имели еще достаточных сил для одновременного наступления на нескольких направлениях, поэтому принял решение сначала разгромить противника и выйти к Рейну севернее р. Мозель, а затем бросить все силы на разгром немецких войск как на севере, так и на юге. К маю 1945 г. союзным войскам надлежало создать несколько плацдармов севернее и южнее Арденн на восточном берегу Рейна. Летом 1945 г. планировалось развернуть за Рейном, севернее Рура, до 35 дивизий, а южнее, на линии Франкфурт-на-Майне — Кассель, — те силы, которые останутся после выделения дивизий на севере. После форсирования Рейна ближайшей задачей войск западных союзников должен был стать захват Рура, а конечной — преследование противника до Берлина[246]. Этот план был в целом одобрен Объединенным комитетом начальников штабов на совещании на острове Мальта с 30 января по 2 февраля 1945 г., в котором участвовали Ф. Рузвельт и У. Черчилль.

Американские солдаты в Бонне

Британский танкист и пленные немецкие «истребители танков» из гитлерюгенд

Бой на улице Вернберга

Капрал американской армии у сгоревшей «Пантеры» на фоне Кёльнского собора

Немецкое штурмовое орудие «Штурмтигр», захваченное союзниками в Миндене

Между тем еще до начала осуществления этого плана на южном крыле фронта 1-я французская армия 16 января — 9 февраля ликвидировала кольмарский мешок и вышла к Рейну южнее Страсбурга.

1 февраля Д. Эйзенхауэр отдал приказ Б. Монтгомери подготовить к 8 февраля к переходу в наступление на северном крыле фронта 21-ю англо-канадскую группу армий и 9-ю американскую армию. В приказе говорилось: «Русское наступление достигло больших успехов, и противник форсирует отвод войск с западного фронта. Поэтому делом первостепенной важности является выход к Рейну севернее Дюссельдорфа со всей возможной быстротой»[247].

Из района Нимвегена 8 февраля перешла в наступление в направлении на Гельдерн — Крефельд 1-я канадская армия. С целью соединиться с ней 23 февраля, после того как спала вода, поднявшаяся в результате взрыва немцами плотины в верховьях р. Рур, двинулась в северо-западном направлении 9-я американская армия. Этим охватывающим маневром канадские и американские армии вынудили отступить за Рейн 1-ю парашютную и 15-ю немецкие армии.

23 февраля перешла в наступление также 1-я американская армия. 7 марта она захватила Кёльн, а затем повернула на юго-восток, на Андернах. Вырвавшаяся вперед одна из бронетанковых дивизий в ходе преследования немецких частей захватила мост через Рейн в районе Ремагена. Здесь американцам удалось создать и расширить плацдарм на восточном берегу Рейна. Путь к центру Германии был открыт[248].

В конце февраля к Рейну из Арденн двинулась в юго-западном направлении 3-я американская армия. 2 марта она заняла Трир и под Андернахом соединилась с южным флангом 1-й американской армии. Здесь под ударами этих двух армий с большими потерями отступила за Рейн 5-я немецкая танковая армия, а южнее р. Мозель потерпели поражение 7-я и 1-я немецкие армии.

В ходе наступательных операций, проведенных войсками союзников в феврале — марте 1945 г., немецкие войска были отброшены за Рейн на всем его протяжении. В это время численность союзных войск в Западной Европе постоянно росла, а численность противостоявших им немецких войск из-за потерь и переброски значительной их части на советско-германский фронт сократилась и равнялась по силе лишь 25 нормальным пехотным дивизиям[249].

В конце марта Д. Эйзенхауэр решил нанести главный удар по Германии, но не на севере и не 21-й группой армий под командованием Б. Монтгомери, как было предусмотрено ранее, а на центральном участке фронта силами 12-й группы армий во главе с О. Брэдли. При этом Д. Эйзенхауэр рассчитывал перекрыть противнику пути сообщения между Берлином и Южной Германией для того, чтобы в дальнейшем без помех с севера овладеть так называемой Альпийской крепостью, о намерении создать которую трубила нацистская пропаганда[250].

Д. Эйзенхауэр не исключал вероятности наступления и на Берлин, но только в том случае, если для этого возникнут благоприятные условия. В конце марта предпринимать такую операцию было нецелесообразно. К тому времени советские войска прочно закрепились на Одере, захватив плацдарм на западном берегу реки в 60 км от Берлина, а американские войска находились от него в 400 км. Поэтому, как рассуждал Д. Эйзенхауэр, «по всей вероятности, русские окружили бы Берлин задолго до того, как мы подойдем туда»[251].

24 марта войска западных союзников начали свое последнее наступление в Германии. 21-я группа армий создала под Везелем плацдарм на восточном берегу Рейна. Он был расширен путем высадки на него воздушно-десантных войск. По оценкам британской армейской разведки, 26 марта противник уже не имел целостной системы обороны между Рейном и Эльбой: «Трудно увидеть что-либо, что могло бы остановить нас сейчас»[252]. 4 апреля английские и канадские войска перешли в наступление. 19 апреля они достигли Эльбы, 26 апреля заняли Бремен, 2 мая — Любек и отрезали немецкую 25-ю армию в Нидерландах.

9-я американская армия нанесла удар вдоль р. Липпе севернее Рурской области и 2 апреля под Липштадтом соединилась с 1-й американской армией, которая вела наступление с плацдарма под Ремагеном в северо-западном направлении. В результате в окружении в Рурской области оказалась крупная немецкая группировка, в состав которой входила

21 дивизия с личным составом до 325 тыс. человек. Эта группировка была небоеспособна из-за больших людских и материальных потерь в ее частях и полного отсутствия всех видов снабжения. По этой причине ее командующий генерал-фельдмаршал В. Модель 13 апреля издал приказ всем солдатам и офицерам подготовиться к самороспуску к 17 апреля: молодые и престарелые солдаты и офицеры должны были уволиться из армии, офицерам плохо вооруженных частей надлежало самостоятельно вернуться в свои родные города и деревни, а добровольцам рекомендовалось отступить с боями к р. Эльбе и создать там новую линию обороны. Но войска этот приказ не успели выполнить. 16 апреля они были окружены, а на следующий день сдались в плен противнику. 21 апреля В. Модель, не желавший сдаваться американцам, застрелился в лесу южнее Дуйсбурга[253].

Еще до окончания борьбы в рурском котле обе американские армии, продолжив наступление на восток, 18 апреля заняли Магдебург, 19 апреля — Лейпциг и окружили в Гарце 11-ю немецкую армию. Попытки освободить ее, предпринятые 20 апреля находившейся тогда в Гарце 12-й немецкой армией, успеха не имели. 22 апреля она перегруппировалась и ушла по направлению к Потсдаму.

Американские 3-я и 7-я армии перешли в наступление с захваченного ими плацдарма в районе Маннгейма и Майнца. 3-я армия через Дармштадт, Эрфурт и Хемниц продвинулась вплоть до Богемского леса, а 7-я армия заняла Южную Германию и 4 мая соединилась в районе Бреннера с союзными войсками в Италии. 1-я французская армия к тому времени заняла всю область Верхний Рейн у швейцарской границы.

На западном фронте малочисленные немецкие войска оказывали противнику, имевшему огромное превосходство в силах и средствах, лишь символическое сопротивление, однако жестко подавляемое союзниками. Например, после выстрела немецкого снайпера в одного из офицеров штаба 3-й армии командующий Дж. Паттон приказал отомстить сожжением немецких домов. «В сотнях деревень не осталось ни живого существа, даже курицы, — записал он в своем дневнике. — Большинство домов — кучи камня... Я сделал большую часть из этого»[254].

На советско-германском фронте главные силы вермахта дрались до последнего патрона. Именно так развивались события, происходившие перед началом и в ходе Берлинской операции (16 апреля — 8 мая 1945 г.). 25 апреля, в тот день, когда армии 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов только что завершили окружение Берлина, разведывательные группы 1-й американской армии вышли к Эльбе в районе Торгау. Там они встретились с передовыми частями 1-го Украинского фронта. Историческая встреча на Эльбе состоялась в сердечной обстановке — так, как и полагалось товарищам по оружию.

30 апреля А. Гитлер, окончательно убедившись в проигрыше борьбы с антигитлеровской коалицией, покончил жизнь самоубийством. Новое правительство Германии во главе с гросс-адмиралом К. Дёницем, которого А. Гитлер перед смертью назначил своим преемником на посту президента и Верховного главнокомандующего, взяло курс не на быстрейшее завершение, а на затягивание войны в надежде на раскол антигитлеровской коалиции. Прежде всего оно рассчитывало на отказ США и Англии от требования безоговорочной капитуляции вооруженных сил Германии.

Как и прежнее политическое и военное руководство нацистской Германии, правительство К. Дёница проводило особенно враждебную политику в отношении СССР. Пытаясь оттянуть разгром немецких войск на советско-германском фронте, оно направляло туда последние имевшиеся у него людские и материальные резервы и в то же время стремилось вывести как можно больше своих войск с территорий, которые могли быть заняты советскими войсками. Так, наиболее сильной группировке войск — группам армий «Центр» и «Австрия» К. Дёниц приказал не прекращать военных действий в Чехословакии и одновременно отводить на запад «всё, что только возможно»[255].

Частичная капитуляция различных группировок немецких войск была одной из характерных черт последних дней Второй мировой войны в Европе. Первой из них стала капитуляция немецкой группы армий «Ц» в Италии, которой тогда командовал генерал-полковник Г. Фи-

тингоф. Для того чтобы избежать разгрома немецких войск, отступивших в апреле 1944 г. в охваченную народным восстанием Северную Италию, в ходе переговоров с представителями западных союзников 29 апреля, за день до смерти А. Гитлера, в тайне от него по инициативе рейхсфюрера СС Г. Гиммлера командующий немецкими войсками на юго-западе генерал-полковник Г. Фитингоф заключил с американским командованием договор о капитуляции немецких войск в Италии, который вступил силу 2 мая 1945 г. Этот договор был оформлен с согласия советского руководства.

2 мая на южном крыле западного фронта командующие отступивших из Эльзас-Лотарингии 1-й и 19-й немецких армий вступили в переговоры о сдаче в плен с командующим 6-й американской группой армий генералом Я. Деверсом. В ходе переговоров Я. Деверс заявил, что готов принять немцев в плен, но только если они согласятся на безоговорочную капитуляцию. Личный состав двух немецких армий общей численностью до 486 тыс. человек сдался в плен 5 мая. Капитуляция вступила в силу 6 мая[256].

На севере сложилась такая же ситуация. 3 мая военный комендант Гамбурга генерал-майор А. Гольвин получил приказ от К. Дёница сдать англичанам Гамбург и связаться с командованием 21-й группы армий с целью получения у него согласия на переговоры о перемирии и капитуляции всей Северо-Западной Германии. Согласие было получено. Командующий вермахтом на северо-западе генерал-фельдмаршал Э. Буш тем временем объявил Гамбург свободным городом и велел вывести из него немецкие войска. На следующий день туда вступили английские войска. Официально немецкие войска капитулировали в Нидерландах, Дании, Северо-Восточной Германии, включая Гельголанд и Фризские острова, 5 мая. В расположенных там соединениях вермахта насчитывалось более 1 млн человек[257].

5 мая прибывший в штаб Д. Эйзенхауэра в Реймсе представитель К. Дёница генерал-адмирал Г. Фридебург вступил в переговоры о капитуляции немецких войск только на западном фронте. Начальник штаба Верховного командования союзных войск в Европе генерал Б. Смит разъяснил ему, что вести переговоры по этому вопросу не имеет смысла, поскольку на высшем уровне речь идет только о безоговорочной капитуляции всех сил вермахта на всех фронтах, в том числе и на советско-германском, причем германские войска везде должны оставаться на достигнутых ими рубежах.

Адмирал уехал ни с чем. Следом за ним к Д. Эйзенхауэру по этому же вопросу обратился генерал-фельдмаршал А. Кессельринг, который в то время командовал немецкими войсками на западном фронте. Д. Эйзенхауэр сообщил ему, что он не намерен вести с ним переговоры до тех пор, пока не будет решен вопрос о капитуляции немецких войск одновременно перед англо-американскими и советскими войсками[258].

6 мая К. Дёниц направил к Д. Эйзенхауэру начальника штаба оперативного руководства ОКВ генерал-полковника А. Йодля. Ему была поставлена задача разъяснить, «почему невозможна общая капитуляция, а капитуляция на западе была бы принята немедленно». В том случае, если частичная капитуляция будет отвергнута, А. Йодль был уполномочен подписать соглашение об общей капитуляции, но только после получения согласия на это по телеграфу из ставки К. Дёница во Фленсбурге. Кроме того, он получил указание всячески затягивать переговоры для того, чтобы выиграть как можно больше времени для вывода немецких войск с советско-германского фронта на запад[259].

Никакие доводы А. Йодля не убедили Д. Эйзенхауэра в том, что якобы никому не удастся заставить капитулировать немецкие войска на советско-германском фронте. Д. Эйзенхауэр упорно настаивал на подписания документа о капитуляции немецких войск на всех фронтах уже 6 мая с тем, чтобы они сложили оружие не позднее 9 мая в полночь по центральноевропейскому времени. На размышления А. Йодлю была дана только половина часа, и он постарался связаться по радио с командованием во Фленсбурге для подтверждения своих полномочий на подписание такого соглашения, но эта попытка была неудачна. Подтверждение ему удалось получить со второй попытки под утро 7 мая.

В 2 часа 41 минуту по центральноевропейскому времени генералы А. Йодль, Б. Смит и представитель СССР генерал И. А. Суслопаров в присутствии свидетелей от Франции под-

писали временный протокол о капитуляции. Германские войска должны были с 23 часов 01 минуты 8 мая, оставаясь в районах расположения, прекратить боевые действия на всех фронтах. При этом оговаривалось, что документ временный и его не следует считать окончательным, впоследствии он «будет заменен общим договором о капитуляции со стороны Объединенных Наций, который найдет применение в отношении Германии и германского вермахта в целом»[260].

Советская сторона выступила против объявления союзниками 8 мая днем победы антигитлеровской коалиции, указав, что немецкие войска на флангах советско-германского фронта продолжают упорное сопротивление. Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан поздним вечером в предместье Берлина в зале военно-инженерного училища в Карлсхорсте в присутствии представителей Верховного главнокомандования Вооруженных сил Советского Союза и Верховного командования союзных войск. За столом заняли места заместитель Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков, заместитель командующего экспедиционными силами союзников главный маршал авиации Великобритании А. Теддер, командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс, главнокомандующий французской армией генерал Ж. М. Г. де Латтр де Тассиньи.

В зал были доставлены представители германского Верховного командования. От его имени Акт о безоговорочной капитуляции всех вооруженных сил Германии по поручению К. Дёница подписали бывший начальник штаба Верховного командования вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, главнокомандующий военно-морскими силами вермахта генерал-адмирал Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф.

Так было покончено с войной в Европе и завершено полное освобождение ее народов от угрозы порабощения нацистской Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 357.

[2] *Clark L.* Anzio: The Friction of War. Italy and the Battle for Rome 1944. L., 2006. P. 21; *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980. С. 442.

[3] Цит. по: *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. М., 1947. С. 141.

[4] Новая и новейшая история. 2013. № 6. С. 3.

[5] См. подробнее: *Золотарев В. А., Лавров С. Б.* Второй фронт: Сорок лет спустя. Душанбе, 1987; *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Кто выступал в США за открытие второго фронта // Международная жизнь. 1994. № 10. С. 114–123; *они же.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны: 1941–1945. Воронеж, 1995; *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы Второй мировой войны. М., 1964; *он же.* Дипломатия в годы войны. 1941–1945. М., 1985; *Анфилов В. А.* Операция «Оверлорд» и роль советского командования в ее подготовке // Военно-исторический журнал. 1999. № 1. С. 22–30.

[6] Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. М., 2012. С. 14.

[7] *Борисов А. Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны 1941–1945 годы. М., 1983. С. 30.

[8] *Sherwood R.* Roosevelt and Hopkins: An Intimate History. N. Y., 1950. Vol. 1. P. 369.

[9] *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. М., 2011. С. 360–364.

[10] *Thayer C.* Bears in the Caviar. N. Y., 1951. P. 115–120; *Яковлев Н. Н.* Франклин Д. Рузвельт — человек и политик. М., 2003. С. 426–427.

[11] *Pratt J.* Cordell Hull 1933–1944. Vol. 2. N. Y., 1964. P. 112.

[12] Colorado Springs Evening Telegram. 1941. June 24. P. 1; Helena Independent. 1941. June 24. P. 1.

[13] Ellensburg Daily Record. 1941. June 24. P. 1.

[14] Los Angeles Times. 1941. June 24. P. 3; New York World-Telegram. 1941. June 24. P. 1; San Francisco Chronicle. 1941. June 24. P. 2; Toronto Daily Sun. 1941. June 24. P. 1; Evening Telegraph. 1941. June 24. P. 1; Manchester Guardian. 1941. June 24. P. 1.

[15] *Зайцев И. Е.* К вопросу об открытии второго фронта и его роли во второй мировой войне // Военно-исторический журнал. 1959. № 6. С. 52–65.

[16] *Jackson W.* «Overlord». Normandy 1944. L., 1978. P. 10.

[17] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. 1941–1943. С. 85.

[18] Там же. С. 114.

[19] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 1. С. 167.

[20] *Рейнгард К.* Поворот под Москвой. Крах гитлеровской стратегии зимой 1941/42 года / Пер. с нем. М., 1980. С. 279.

[21] История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М., 1975. Т. 4. С. 483.

[22] *Smith M.* World War II: the European and Mediterranean Theatres. N. Y., L., 1984. P. 41.

[23] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 1. С. 613.

[24] National Archives. Dalton, Edward Hugh, John Neale (1887–1962). GB/NNAF/P161276. CAB 127; National Archives. Cripps, Sir Richard Stafford (1889–1952). GB/NNAF/P134282. NRA 27633.

[25] Новая и новейшая история. 2010. № 5. С. 210–220.

[26] Reports of General MacArthur: Campaigns of MacArthur in the Pacific. Vol. 1. Washington, 1994. P. 2–6; The Campaigns of the Pacific War. United States Strategic Bombing Survey (Pacific). Naval Analysis Division.

Washington, 1946. P. 25–26; *Bradley J. H., Griess T. E., Buell T. B., Dice J. W.* The Second World War: Asia and the Pacific. N. Y., 2003. P. 53–54.

[27] Reports of General MacArthur: Campaigns of MacArthur in the Pacific. Washington, 1994. P. 13.

[28] Цит. по: *Еремеев Л. М.* Глазами друзей и врагов. М., 1966. С. 90.

[29] Perpetual War for Perpetual Peace. Caldwell, 1953. P. 409–411; United States-British Staff Conversations // Pearl Harbor Attack. Pt., 15. Washington, 1946. P. 1485–1520.

[30] *Dyer G.* On the Treadmill to Pearl Harbor: The Memoirs of Admiral J. D. Richardson. Washington, 1973. P. 436.

[31] The Franklin Delano Roosevelt Library. Great Britain Diplomatic Files. Box 4.

[32] Roosevelt and Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. N. Y., 1975. C. 200.

[33] *Harrison G.* Cross Channel Attack. Washington, 2002. P. 42.

[34] *Morison S.* The Invasion of France and Germany. N. Y., 1976. P. 7–17.

[35] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 232.

[36] См.: История дипломатии. Т. 4. М., 1975. С. 265.

[37] Западные историки нередко утверждают, что США и Великобритания якобы не давали Советскому Союзу твердого обещания открыть второй фронт в 1942 г. Поводом для такого утверждения служит памятная записка У. Черчилля, врученная В. М. Молотову 10 июня 1942 г., в которой британский премьер оговаривал обязательство открыть второй фронт рядом условий (наличие специальных десантных средств, гарантия успеха операции и прочее). Однако памятная записка английского премьер-министра носила характер одностороннего заявления, и ее нельзя рассматривать отдельно от согласованных совместных коммюнике и переговоров в целом, в ходе которых советская делегация ради достижения договоренности о втором фронте пошла на ряд существенных уступок (сокращение поставок, согласие на исключение из текста англо-советского договора вопроса о признании западных границ СССР).

[38] Цит. по: Международная жизнь. 1970. № 11. С. 115.

[39] Mount Airy News. 1942. July 17. P. 8; Lawrence Daily Journal World. 1942. July 17. P. 4.

[40] Saskatoon Star-Phoenix. 1942. July 17. P. 1.

[41] St. Petersburg Times. 1942. July 17. P. 6.

[42] Ibid.

[43] Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3–4 / Сокр. пер. с англ. М., 1991. С. 450.

[44] Там же. С. 451.

[45] Там же. С. 452.

[46] In: *Breuer W. B.* Operation Torch: The Allied Gamble to Invade North Africa. N. Y., 1985. P. 13; *Anderson C. R.* Algeria-French Morocco 8 November 1942 — 11 November 1942. Washington, 1993. P. 3–5; *Watson B.* Exit Rommel: The Tunisian Campaign, 1942–43. Mechanicsburg, 2007. P. 19.

[47] Цит. по: *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 2. Т. 3–4. С. 494–495.

[48] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6-ти т. Т. IV. М., 1955. С. 447. Это не помешало У. Черчиллю заявить 27 июля Ф. Рузвельту: «Мы должны создать второй фронт в этом году и атаковать как можно быстрее» (Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force. 6 June 1944 to 8 May 1945. Washington, 1946. P. 1–3).

[49] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. С. 432–433, 446.

[50] Там же. С. 326–327.

[51] В рейде приняли участи 5 тыс. канадцев, 1 тыс. англичан и 50 американских военнослужащих. Из-за серьезных просчетов в подготовке рейда его задачи были выполнены лишь частично при больших потерях (4350 человек у союзников и 600 человек у противника).

[52] Report of Commander-in-Chief Allied Forces (Eisenhower) to Combined Chiefs of Staff on Operations in North Africa. Washington, 1945. P. 1–3.

[53] *Coakley R. W., Leighton R. M.* Global Logistics and Strategy 1943–1945. Washington, 1968. P. 272.

[54] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 / Пер. с англ. М., 1980. С. 161.

[55] In: Finest Hour. The Journal of Winston Churchill. Autumn 2004. No. 124. P. 31, 37; Winter 2012–2013. No. 157. P. 48.

[56] *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 325.

[57] Цит. по: *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн. СССР и США в 1940-х. Документальные очерки. М., 2006. С. 123. К тому времени Д. Эйзенхауэр был также назначен главнокомандующим союзными экспедиционными силами США, Великобритании и Канады в Северной Африке и Верховным главнокомандующим экспедиционными силами союзников в Европе.

[58] *Борисов А.* Сталин-дипломат на конференциях большой тройки в годы Великой Отечественной войны // Великая победа. М., 2013. С. 14–15.

[59] *Cassidy H.* Moscow Dateline: 1941–1943. Boston, 1943. P. 326–327.

[60] Переписка Председателя Совета министров СССР И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1986. Т. 2. С. 37–38.

[61] Там же. С. 37.

[62] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 337. Прим. 1 к док. № 192. Имелась в виду предполагаемая встреча Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И. В. Сталина.

[63] *Farrell B.* Symbol of Paradox: The Casablanca Conference, 1943 // Canadian Journal of History. 1993. No. 1. P. 21–40; *Wilt A.* The Significance of the Casablanca Decisions, January 1943 // Journal of Military History. 1991. No. 4. P. 517–529.

[64] FRUS. The Conferences at Washington, 1941–1942, and Casablanca, 1943. Washington, 1943. P. 485–490.

[65] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 362.

[66] FRUS. Conferences at Washington and Quebec, 1943. Washington, 1943. P. 387.

[67] Ottawa Citizen. 1943. August 30.

[68] *Stoler M.* Allies in War Britain and America against the Axis Powers 1940–1945. L., 2005. P. 140.

[69] *Shulman M.* Defeat in the West. N. Y., 1948. P. 91; *Harrison A. G.* Cross-Channel Attack. Washington, 1951. P. 54–55.

[70] National Archives. Eden, Robert Anthony (1897–1977); GB/NNAF/P147899. NRA 19657 Aitken; *Dutton D.* Anthony Eden. A Life and Reputation. L., 1997. P. 195.

[71] Тегеран-43: взгляд 60 лет спустя. М., 2004. С. 15.

[72] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1984. С. 339.

[73] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 11.

[74] The Cambridge History of China: Volume 12. Republican China, 1912–1949. L., 1983. P. 341.

[75] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 409, 413.

[76] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944 г. М., 1958. С. 145; *Stoler M.* The Politics of the Second Front. L., 1977. P. 133.

[77] In: *Shulman M.* Op. cit. P. 91.

[78] *Westphal S.* Heer in Fesseln. Aus den Papieren des Stabschefs von Rommel, Kesselring und Rundstedt. Bonn, 1952. S. 264.

[79] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). С. 173.

[80] *Tavares E.* Operation Fortitude: The closed loop D-Day Deception Plan. Maxwell Air Force Base, Alabama, 2001. P. 14.

[81] *Hesketh R.* Fortitude, the D-Day Deception Plan. Woodstock, New York: The Overlook Press, 2000. P. 17.

[82] *Tavares E.* Op. cit. P. 14.

[83] Ibid.

[84] *Лота В. И.* Операция «Бодигард». Потерянный след. М., 2014. С. 64–65.

[85] *Seaman M.* GARBO. The Spy Who Saved D-Day. Secret History Files. Toronto. The Dundurn Group, 2004. P. 8.

[86] *Platt O.* BODYGUARD. The Secret Plan that Saved D-Day. N. Y.: Universe, Inc., 2004. P. 70–73.

[87] *Лота В. И.* Указ. соч. С. 79.

[88] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 198.

[89] Российское военное обозрение. 2014. № 3. С. 47.

[90] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 226.

[91] *Бойко В. И.* Тегеранская конференция: реализация решений в области дезинформации противника (январь–май 1944 г.). М., 2014. С. 123.

[92] ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 14753. Д. 2. Л. 281–282.

[93] *Hoyt E. P.* The Invasion before Normandy. The Secret Battle of Slapton Sands. L., 1988. P. 3–5.

[94] *Jackson W.* Overlord, Normandy 1944. Newark, 1979. P. 27.

[95] *Warlimont W.* Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939–1945. Bonn, 1962. S. 430.

[96] *Bickers R.* Air War Normandy. L., 1994. P. 12.

[97] *Брэдли О.* Записки солдата / Пер. с англ. М., 1957. С. 297.

[98] *Zetterling N.* Normandy 1944: German Military Organization, Combat Power and Organizational Effectiveness. N. Y., 2000. P. 341; Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force. P. 21; *Atkinson R.* The Guns at Last Light. The War in Western Europe, 1944–1945. N. Y., 2013. P. 30.

[99] *Buckley J.* British Armour in the Normandy Campaign 1944. L., 2006. P. 35.

[100] Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force. P. 21.

[101] *Keegan J.* Six Armies in Normandy: From D-Day to the Liberation of Paris, June 6 — August 25. N. Y., 1982. P. 123.

[102] *Brown A.* Bodyguard of Lies. L., 1976. P. 735.

[103] Dwight D. Eisenhower Presidential Library. Walter Bedell Smith Collection of World War II Documents. Box 48. British Assault Area — Naval Operation Orders Operation Neptune.

[104] *Keegan J.* Op. cit. P. 123.

[105] *Leigh R.* 48 Million Tons to Eisenhower. The Role of the SOS in the Defeat of Germany. Washington, 1945. P. 4.

[106] *MacDonald Ch.* The Mighty Endeavor. Oxford, 1969. P. 296.

[107] D-Day 1944 Air Power Over the Normandy Beaches and Beyond. Washington, 1994. P. 4–8.

[108] *Morgan E.* Overture to OVERLORD. N. Y., 1950. P. 45.

[109] *Дёниц К.* Немецкие подводные лодки во второй мировой войне / Пер. с нем. М., 1964. С. 404–409; *Гельфонд Г. М.* История военно-морского искусства. Т. III. М., 1963. С. 110; *Белли В. А., Пензин К. В.* Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море 1939–1945 гг. М., 1967. С. 346–350.

[110] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945 (далее — KTB/OKW). Bd. IV. Halbband 1. Frankfurt a/M., 1961. S. 298.

[111] Der Große Atlas zum II Weltkrieg. München, 1975. S. 229; Europäische Wehrkunde. München, 1977. Februar. Heft 2. S. 86.

[112] *Westphal S.* Op. cit. S. 264.

[113] Der Große Atlas zum II. Weltkrieg. S. 228.

[114] In: *Shulman M.* Op. cit. P. 91.

[115] In: *Liddell Hart B.* The Other Side of the Hill. L., 1973. P. 393.

[116] Ibid.

[117] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 404–409; *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 346–350.

[118] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978. С. 243.

[119] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт / Пер. с англ. М., 1989. С. 112–113.

[120] *Амброз С.* День «Д». 6 июня 1944 г. / Пер. с англ. М., 2003. С. 109.

[121] *Roskill S.* The War at Sea 1939–1945. Vol. III. Pt. II. P. 32.

[122] *Warlimont W.* Op. cit. S. 452.

[123] The Simon and Schuster Encyclopedia of World War II. N. Y., 1978. P. 303.

[124] *Брэдли О.* Указ. соч. С. 297.

[125] *Smith A. H., jr.* Qualifying Operation Overlord Experts // Army History. Fall 1993. P. 6.

[126] *Вестфаль З. и др.* Роковые решения Третьего Рейха / Пер. с англ. М., 1958. С. 231.

[127] Всемирная история. В 10-ти т. Т. X. М., 1965. С. 358.
[128] *Harrison G.* Op. cit. P. 206.
[129] *Bornemann M.* Geheimprojekt Mittelbau. Die Geschichte der deutschen V-Waffen-Werke. München, 1971. S. 104.
[130] *Speidel H.* Invasion 1944. Ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal. S. 111–112.
[131] KTB/OKW. Bd. IV. S. 458.
[132] Переписка Председателя Совета министров СССР И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1958. С. 261.
[133] *Atkinson R.* Op. cit. P. 112.
[134] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956. С. 392.
[135] KTB/OKW. Bd. IV. S. 326.
[136] *Погью Ф.* Верховное командование / Пер. с англ. М., 1959. С. 208.
[137] *Розанов Г. Л.* Конец «Третьего рейха». М., 1985. С. 50.
[138] *Фалин В. М.* Указ. соч. С. 445–447, 482, 514.
[139] *Розанов Г. Л.* Указ. соч. С. 75.
[140] *Atkinson R.* Op. cit. P. 139–142.
[141] *D'Este C.* Decision in Normandy: The Real Story of Montgomery and the Allied Campaign. L., 2004. P. 414.
[142] *Bercuson D.* Maple Leaf Against The Axis: Canada's Second World War. Toronto, 2004. P. 233.
[143] *Williams A.* D-Day to Berlin. L., 2004. P. 204.
[144] *Хастингс М.* Указ. соч. С. 442.
[145] Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 656.
[146] *Вестфаль З. и др.* Указ. соч. С. 246.
[147] *D'Este C.* Op. cit. P. 490.
[148] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт — человек и политик. М., 1988. С. 276.
[149] *Хастингс М.* Указ. соч. С. 26.
[150] *Atkinson R.* Op. cit. P. 375.
[151] KTB/OKW. Bd. IV. S. 386, 401.
[152] *Погью Ф. С.* Верховное командование / Сокр. пер. с англ. М., 1958. С. 336–337.
[153] *Eisenhower J. D.* The Bitter Woods. The Dramatic Story, told at all Echelons — from Supreme Command to Squad Leader — of the Crisis that shook the Western Coalition: Hitlers Last Ardennen Offensive. N. Y., 1969. P. 91.
[154] *Irving D.* The War between the Generals. L., 1981. P. 329.
[155] *Эрман Дж.* Указ. соч. С. 49, 80.
[156] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Военные мемуары / Пер. с англ. М., 1980. С. 390–391.
[157] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945. Hrsg. von H. Heiber. Stuttgart, 1962. S. 616, 722, 741.
[158] *Jung H.* Die Ardennen-Offensive 1944/45. Göttingen, Zürich, Frankfurt a/M., 1971. S. 218.
[159] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 1. S. 434.
[160] Ibid. S. 439.
[161] Ibid. S. 439–441.
[162] *Klietmann K. G.* Die Waffen SS. Eine Dokumentation. Osnabrük, 1965. S. 80, 166, 183; Wehrwissenschftliche Rundschau. 1961. № 1. S. 49.
[163] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1985. Bd. 6. S. 128.
[164] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 1. S. 446.
[165] Там же; *Trees W.* Schlachtfeld Rheinland. Aachen, 1977. S. 58.
[166] Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1960. № 9. S. 505.
[167] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. С. 272.
[168] Wehrwissenschaftliche Rundschau.1961. № 1. S. 32–34.
[169] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 126–127, 129.
[170] *Jung H.* Op. cit. S. 42.
[171] Entscheidungsschlachten des Zweiten Weltkrieges. Hrsg. von H.-A. Jacobsen und J. Rower. Frankfurt a/M., 1960. S. 529; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 129.

[172] Wehrwissenschaftliche Rundschau. 1961. № 1. S. 49.
[173] *Jung H.* Op. cit. S. 343–345.
[174] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 130.
[175] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 982.
[176] Ibid. S. 435.
[177] Bundesarchiv-Militärarchiv (St. Freiburg). RH 19/IV/176. Bl. 55.
[178] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 1. S. 448–449; *Skorzeny O.* La guerre inconnue. Paris, 1975. P. 303.
[179] *Брэдли О.* Указ. соч. С. 498.
[180] *Atkinson R.* Op. cit. P. 415.
[181] *Cole H. M.* The Ardennes. Battle of the Bulge. Washington, 1955. P. 650.
[182] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 130.
[183] *Toland J.* Ardennenschlacht 1944. Bern-Stuttgart-Wien, 1960. S. 124.
[184] *Kurowsky F.* Die Panzer-Lehrdivision. Bad Nauhem, 1964. S. 156.
[185] *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 393.
[186] *Шульман М.* Поражение на западе. Разгром гитлеровских войск на Западном фронте / Пер. с англ. М., 2004. С. 306.
[187] *Trees W.* Op. cit. S. 58.
[188] *Toland J.* Op. cit. S. 124.
[189] Ibid. S. 173.
[190] Bundesarchiv-Militärarchiv (St. Freiburg). RH19/IV/85. Bl. 72.
[191] Ibid. Bl. 122.
[192] Ibid. Bl. 7.
[193] Bundesarchiv-Militärarchiv (St. Freiburg). RH19/IV/176. Bl. 110.
[194] *Patton G.* War as I Knew It. Boston, 1947. P. 198.
[195] Bundesarchiv-Militärarchiv (St. Freiburg). RH19/IV/85. Bl. 122.
[196] *Погью Ф. С.* Указ. соч. С. 400.
[197] *Baldwin H.* Battles Lost and Won. N. Y., 1966. P. 347.
[198] *Patton G.* Op. cit. P. 201.
[199] Ibid. P. 203.
[200] *Погью Ф. С.* Указ. соч. С. 401.
[201] *Patton G.* Op. cit. P. 203.
[202] *Wallace B.* Patton and his Third Army. Harrisburg, Washington, 1946. P. 160; *Patton G.* Op. cit. P. 205.
[203] The New York Times. 1944. December 25; *Strawson J.* The Battle of Ardennes. L., 1972. P. 5.
[204] The New York Times. 1945. January 7.
[205] The Papers of Dwight D. Eisenhower. The War Years. Baltimore, L., 1970. Vol. IV. P. 2367.
[206] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 187.
[207] The Papers of Dwight D. Eisenhower. Vol. IV. P. 2379.
[208] Hitlers Lagebespechungen. S. 740.
[209] Bundesarchiv-Militärarchiv (St. Freiburg). RH19/IV/76. Bl. 66.
[210] KTB/OKW. Bd. 4. Halbband 2. S. 1343.
[211] ЦАМО РФ. Ф. 6598. Оп. 12479. Д. 1151. Л. 103.
[212] Там же. Л. 108, 138.
[213] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 1310, 1360.
[214] ЦАМО РФ. Ф. 6598. Оп. 12479. Д. 1151. Л. 33, 38.
[215] *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 412–413; *Montgomery B.* Normandy to the Baltic. L., 1947. P. 178.
[216] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 977.
[217] *Reid A.* A Concise Encyclopedia of the Second World War. L., 1974. P. 72.
[218] *Groeler O.* Geschichte des Luftkrieges 1910 bis 1970. Berlin, 1975. S. 455.
[219] Militärgeschichte. 1985. № 1. S. 8.
[220] Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945. S. 740, 745.

[221] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 135.

[222] См.: *Кулиш В. М.* Второй фронт. Операции в Западной Европе. М, 1960. С. 304.

[223] *Погью Ф. С.* Указ. соч. С. 412.

[224] *Макдональд Ч.* Тяжелое испытание / Сокр. пер. с англ. М., 1979. С. 342.

[225] *Atkinson R.* Op. cit. P. 478.

[226] *Погью Ф. С.* Указ. соч. С. 416.

[227] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 1346.

[228] Ibid. S. 1350.

[229] *Patton G.* Op. cit. P. 213.

[230] The Papers of Dwight D. Eisenhower. Vol. IV. P. 2407.

[231] Переписка Председателя Совета министров СССР И. В. Сталина с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. 1. С. 2407.

[232] *Эйзенхауэр Д.* Указ соч. С. 418.

[233] The Papers of D. D. Eisenhower. Vol. IV. P. 2384—2385.

[234] Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 5. М., 2013.

[235] Там же.

[236] Там же.

[237] *Макдональд Ч.* Указ. соч. С. 346.

[238] *Jung H.* Op. cit. S. 195.

[239] KTB/OKW. Bd. IV. Halbband 2. S. 1053.

[240] Ibid. S. 1308.

[241] *Förster G. u.a.* Der Zweite Weltkrieg. Militärhistorischer Abriss. Berlin, 1972. S. 189.

[242] Цит/ по: *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт: Человек и политик. Новое прочтение. М., 1981. С. 384.

[243] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 61—62.

[244] Там же.

[245] Die Konferenzen von Malta und Jalta. Departament of Staat. Dokumente von 17 Juli 1944 bis 3 Juni 1945. Düsseldorf, 1956. S. 395, 562.

[246] The Papers of D. D. Eisenhower. Vol. IV. P. 2429—2432.

[247] Ibid. P. 2465.

[248] *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 431.

[249] *Förster G. u.a.* Op. cit. S. 389.

[250] *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 450.

[251] Там же. С.450.

[252] *Atkinson R.* Op. cit. P. 567.

[253] Великая Отечественная война 1941—1945. Энциклопедия. М., 2010. С. 372.

[254] *Atkinson R.* Op. cit. P. 568.

[255] Вооруженные силы СССР 1941—1945. Минск, 2011. С. 125.

[256] *Эйзенхауэр Д.* Указ. соч. С. 483; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 758.

[257] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 774.

[258] Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 296.

[259] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. S. 774.

[260] 1945. Das Jahr der endgültigen Niederlage der faschistischen Wehrmacht. Dokumente ausg. und eing. von G. Förster und R. Lakowski. B., 1975. S. 375.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В АТЛАНТИКЕ И НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ

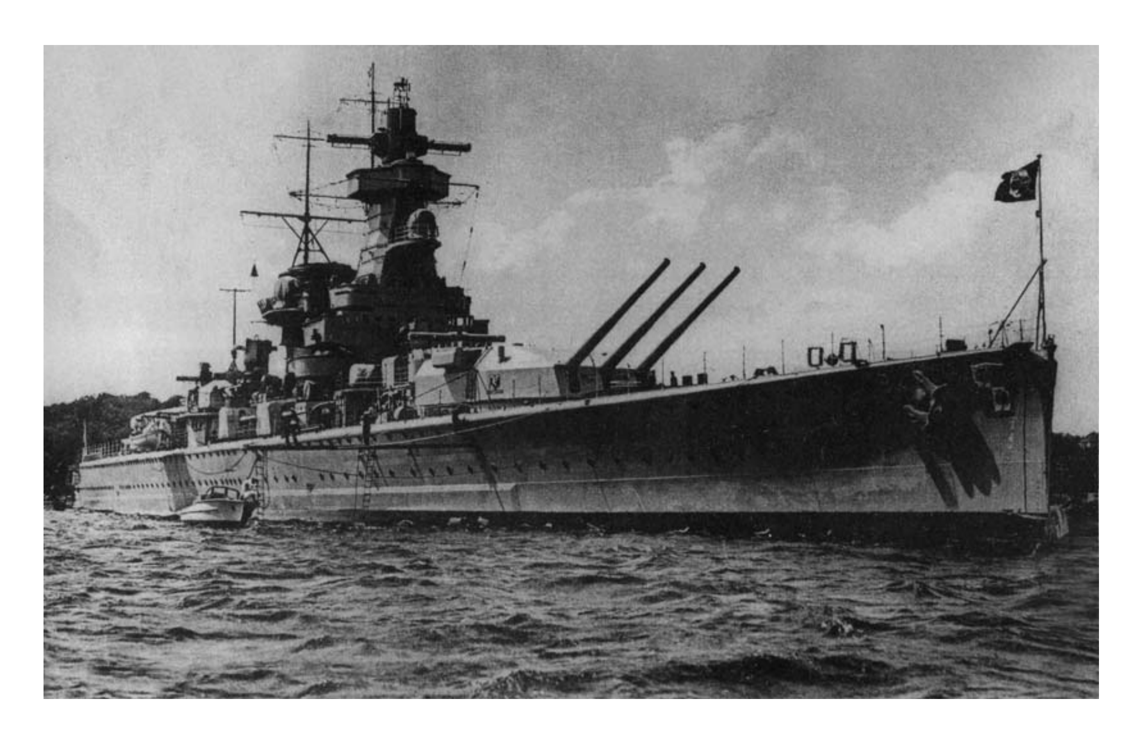
Борьба в Атлантике и на Средиземном море в первом периоде войны

Накануне Второй мировой войны тенденции развития военно-морских сил крупнейших государств не в полной мере соответствовали требованиям надвигавшейся войны. Борьба за ограничение военно-морских вооружений в 1930-х гг. привела к тому, что к началу войны тяжелые корабли новейших типов практических всех флотов находились в постройке, и всю тяжесть боевых действий в первые годы вынесли на себе суда, принимавшие участие еще в Первой мировой войне[1].

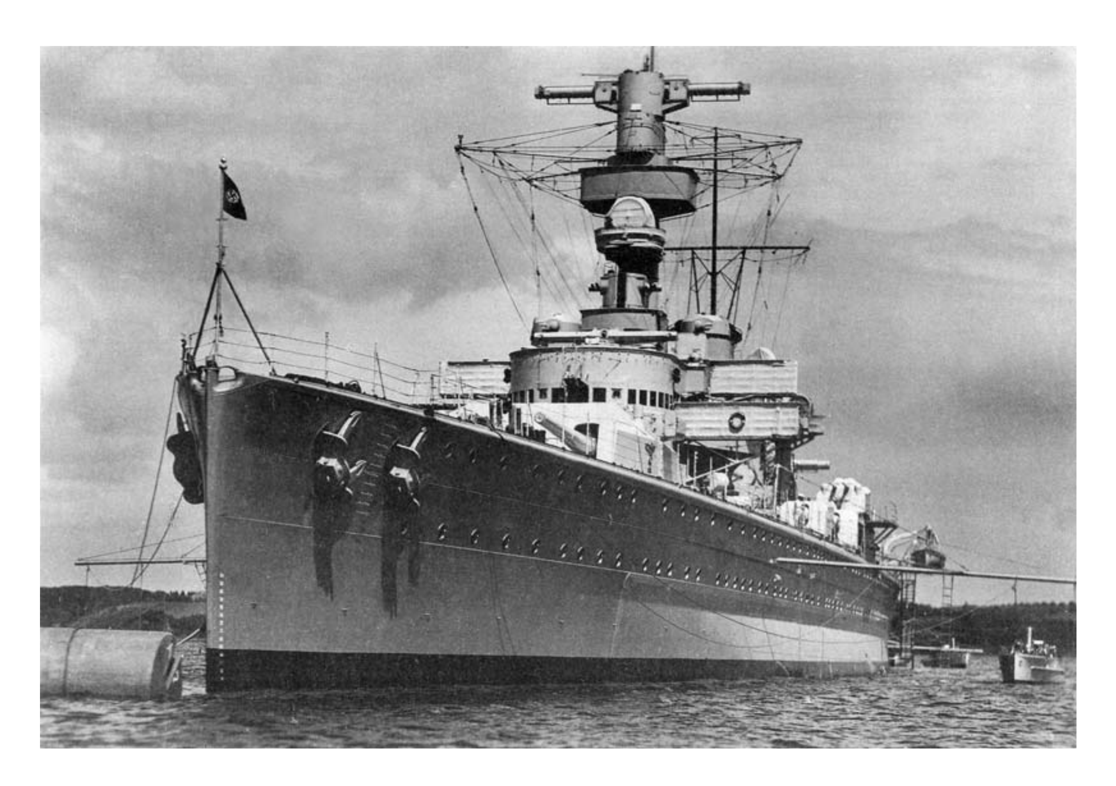
Несмотря на результаты неограниченной подводной войны, проводившейся германским флотом в 1917—1918 гг., роль подводных лодок в новой войне оказалась недооцененной всеми морскими державами. Прямым следствием этого стала неподготовленность Великобритании к борьбе с подводной угрозой[2], а Германия, в свою очередь, оказалась не готовой к ее ведению[3]. Линейные корабли по-прежнему считались основой морской мощи, на их развитие направлялись основные средства, что ограничивало возможности строительства легких сил флота — эсминцев, конвойных кораблей, тральщиков. Острая нехватка судов этих классов выявилась сразу после начала войны практически во всех воюющих флотах: английскому не хватало именно таких кораблей для охраны конвоев, германскому — для обеспечения действий тяжелых линкоров и линейных крейсеров.

Не менее важным был и просчет в оценке будущего морской авиации палубного базирования. Несмотря на то что во всех флотах в 1930-е гг. началось строительство авианосцев, их возможности и необходимая численность еще не были оценены в полной мере.

С началом Второй мировой войны Великобритании и Франции пришлось срочно организовывать переброску Британского экспедиционного корпуса на континент вместе с соответствующим обеспечением, принимать меры по организации и защите судоходства от угрозы надводных рейдеров и подводных лодок, установить морскую блокаду побережья Германии и защитить собственное побережье от возможных ударов противника. Наиболее успешно была решена задача переброски на континент экспедиционного корпуса. Корабли с войсками, боеприпасами, необходимым снабжением следовали в Брест, Шербур, Нант и Гавр вплоть до июня 1940 г. За это время через Ла-Манш было переброшено почти полмиллиона человек и 89 тыс. машин[4]. Основной причиной низкой активности германского флота в этом районе стала ограниченность его сил и численности подводных лодок, главной целью которых являлись морские перевозки в Атлантике.

Немецкий тяжелый крейсер «Адмирал граф Шпее»

Немецкий тяжелый крейсер «Дойчланд»

Английский линкор «Ройял Оук»

Команда немецкой подводной лодки U-47

Фактически боевые действия на море начались еще до официального объявления войны. Уже 19 августа 1939 г. в Атлантику были отправлены 18 подводных лодок, а 21 и 24 августа в море вышли тяжелые крейсеры «Адмирал граф Шпее» и «Дойчланд»[5], вскоре занявшие назначенные им районы ожидания. К началу Второй мировой войны почти 75% всех морских перевозок приходились на Атлантический океан, из этого объема почти две трети — на Великобританию, США и Канаду. Атлантика, и в первую очередь ее северная и центральная части, представляла собой узлы коммуникаций, соединявших страны Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии. Таким образом, действия рейдеров и подводных лодок в Атлантике несли смертельную угрозу для морской торговли, и прежде всего для экономики Великобритании.

3 сентября, после объявления Великобританией и Францией войны Германии, командование немецкого флота отдало приказ: «С настоящего момента начинайте военные действия против Великобритании»[6]. С 17 августа 1940 г. пространство вокруг Британских островов стало считаться зоной боевых действий, в которой подводные лодки получили возможность атаковать любые суда без предупреждения[7].

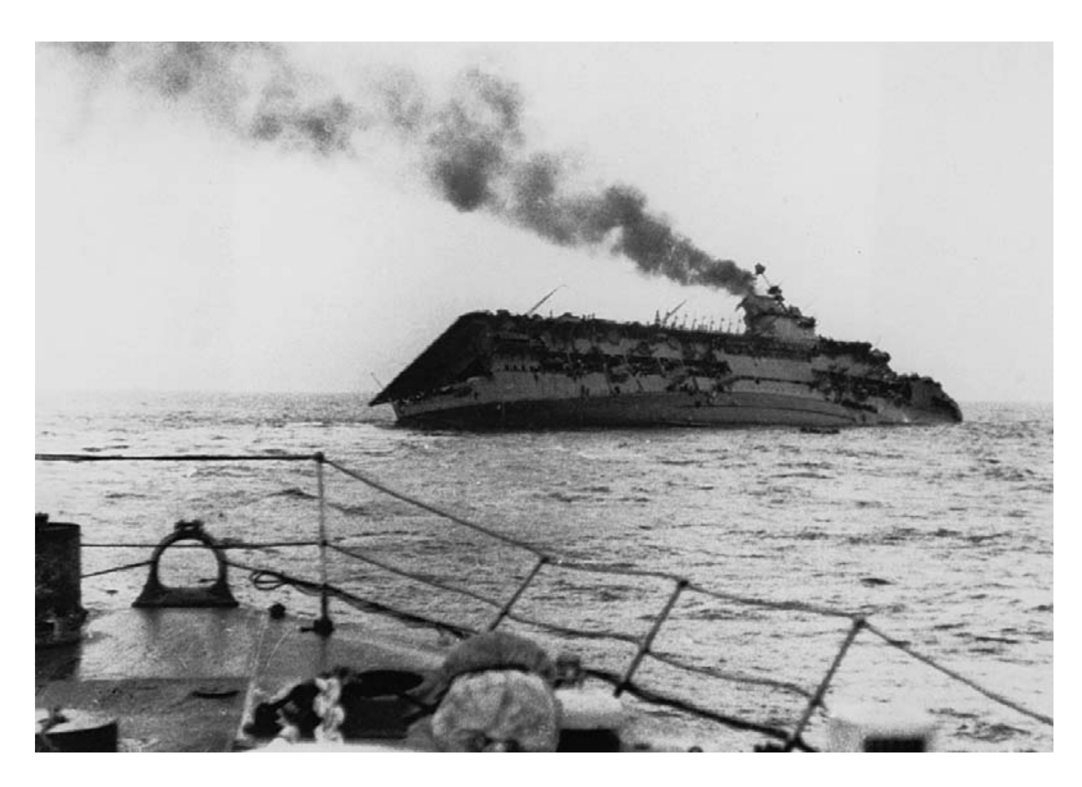
Наиболее впечатляющих успехов добилась подлодка U-47. Штаб подводных германских сил под руководством адмирала К. Дёница разработал операцию по прорыву в главную базу английского флота на Оркнейских островах Скапа-Флоу. Все входы в бухту были закрыты боновыми заграждениями, противолодочными сетями, управляемыми минными полями под защитой сторожевых кораблей и береговых батарей. Но тщательная разведка, включавшая подробнейшую аэрофотосъемку, позволила обнаружить в заграждениях лазейку, которой и воспользовалась U-47. В ночь на 14 октября она проникла в бухту и с дистанции 3600 метров атаковала стоящий на якоре линкор «Ройял Оук». В результате линкор лег на борт и перевернулся, унеся на дно 833 матроса и офицера, включая командира и командующего эскадрой контр-адмирала Г. Блэгроу[8].

Потеря корабля была воспринята в Великобритании как подлинная трагедия[9]. Стали очевидны и слабость защиты главной базы флота метрополии, и необходимость перевода кораблей в другие базы. Эти действия просчитал противник. К тому времени германские подлодки уже провели операцию по скрытному минированию подходов к базам Лох-Ю, Ферт-оф-Форт и Ферт-оф-Клайд. Вскоре на этих минах подорвались, получив серьезные повреждения, флагманский корабль флота метрополии «Нельсон» и крейсер «Белфаст»[10].

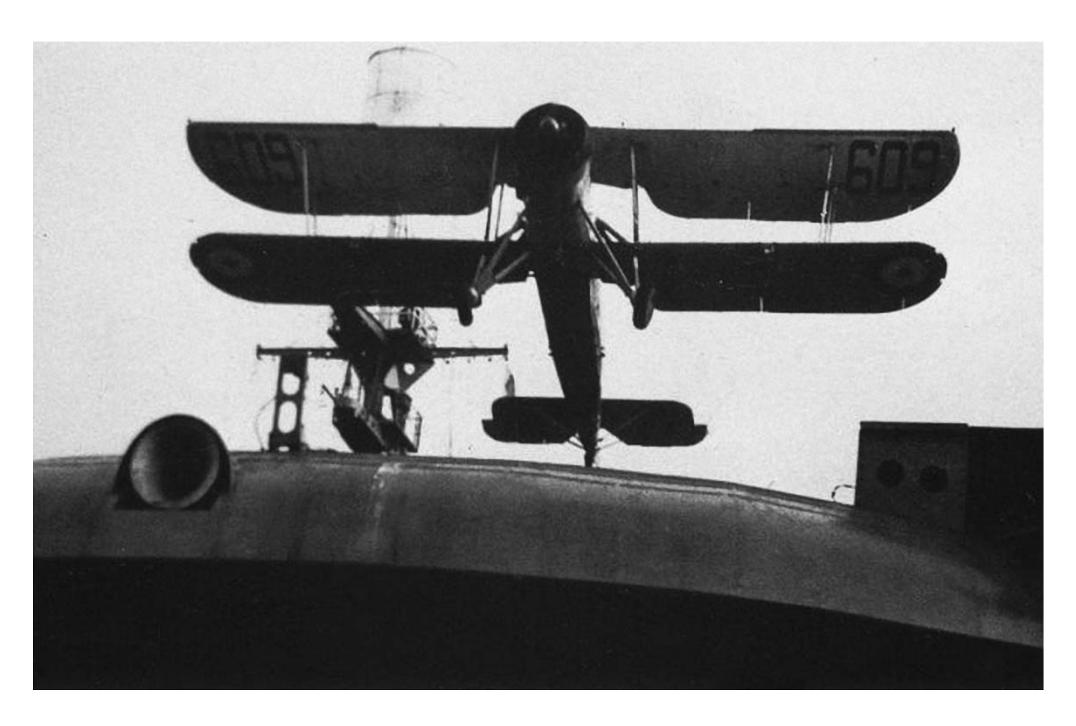
После снятия ограничений в действиях германских подводных лодок против судоходства их главные усилия до апреля 1940 г. были сосредоточены на морских подходах к Британским островам с юго-восточного и юго-западного направлений. Именно в этих районах немецкие подводные лодки добились наибольшего успеха. Всего за период с сентября 1939 и до апреля 1940 г. они потопили 222 торговых судна общим тоннажем свыше 764,7 тыс. тонн[11].

Успехи германских подлодок в первый период войны опровергли предвоенную уверенность британского Адмиралтейства в том, что оснащение кораблей гидролокаторами устранит подводную угрозу[12]. К ноябрю 1939 г. германские лодки нередко прибегали к ночным атакам из надводного положения. Результат не замедлил сказаться: если в сентябре в ходе ночных атак было потоплено лишь 3% грузовых судов, то в ноябре их доля превысила половину от общего числа погибших кораблей союзников. При этом потери германских подлодок в сентябре — декабре 1939 г. составили всего девять единиц[13].

Проблема сил противолодочной обороны (ПЛО) английского флота состояла в том, что их тактика к началу войны как раз и была построена на активном использовании гидролокатора кораблями поисково-ударных групп[14]. Опыт первых недель войны показал, что принятая тактика не приносила эффекта, поисковые группы были вынуждены прочесывать огромные районы без ощутимого результата. Стало очевидным, что противника нужно искать вблизи от объекта нападения, то есть конвоев торговых судов. Понадобились несколько месяцев войны, потери десятков кораблей, чтобы подтвердить истину, доказанную еще в период Первой мировой — конвойная система являлась лучшим способом защиты судоходства в условиях боевых действий.

Гибель английского авианосца «Корейджес»

Взлет торпедоносца «Фэйри Суордфиш» с английского авианосца «Фьюриес»

У конвоев оставался еще один опасный враг — надводные рейдеры. К началу войны в океане действовали лишь два германских рейдера — «карманные линкоры» «Адмирал граф Шпее» и «Дойчланд». Первый из них занял позицию в центральной части Атлантики, второй — в северной. Оба получили задачу дезорганизовать и нарушить торговое судоходство противника, а контакт с боевыми кораблями допускался только для обеспечения решения основной задачи.

Если в океане основную угрозу английским перевозкам представляли подводные лодки и рейдеры, то в прибрежных водах их ждал не менее грозный противник, также не оцененный по достоинству в предвоенные годы, — авиация и мины. К началу войны английский флот не имел ни достаточного количества морской авиации, ни отработанной системы взаимодействия с ВВС.

Причина низкой результативности и английской, и германской авиации заключалась в сложной и неэффективной системе управления ее действиями. Оба флота не имели собственной авиации, за исключением палубной авиации английского флота. Английская система оказалась одной из самых неповоротливых. Лишь 12 декабря был создан объединенный штаб Адмиралтейства и Министерства авиации. До лета 1940 г. штаб ВВС продолжал выступать против подчинения береговому флотскому командованию части своих бомбардировщиков, поэтому сложилась ситуация, когда «командование, которое решало задачи по ведению разведки, не имело ударной силы, а командование, располагавшее такой силой, оказалось не подготовленным к решению задач по обнаружению целей»[15].

В Германии за флотом закрепили лишь руководство морской авиаразведкой и тактическими действиями авиации при столкновениях с морскими силами противника. К началу войны в составе люфтваффе имелось лишь шесть авиагрупп, подготовленных к действиям над морем вместо обещанных тринадцати. Тем не менее уже в самом начале войны совместные действия люфтваффе и военно-морских сил в ведении минной войны привели к большим потерям английского судоходства. Главной предпосылкой этого успеха стало массовое применение германским флотом и авиацией магнитных мин, в то время как английский флот все еще применял традиционные контактные мины. Уже в сентябре германские эсминцы и подводные лодки начали постановку мин у английского побережья. В ноябре мины начали ставить самолеты люфтваффе. К концу декабря Англия и союзники потеряли на минах 79 торговых судов общим водоизмещением 262 697 тонн, повреждения получил целый ряд боевых кораблей[16].

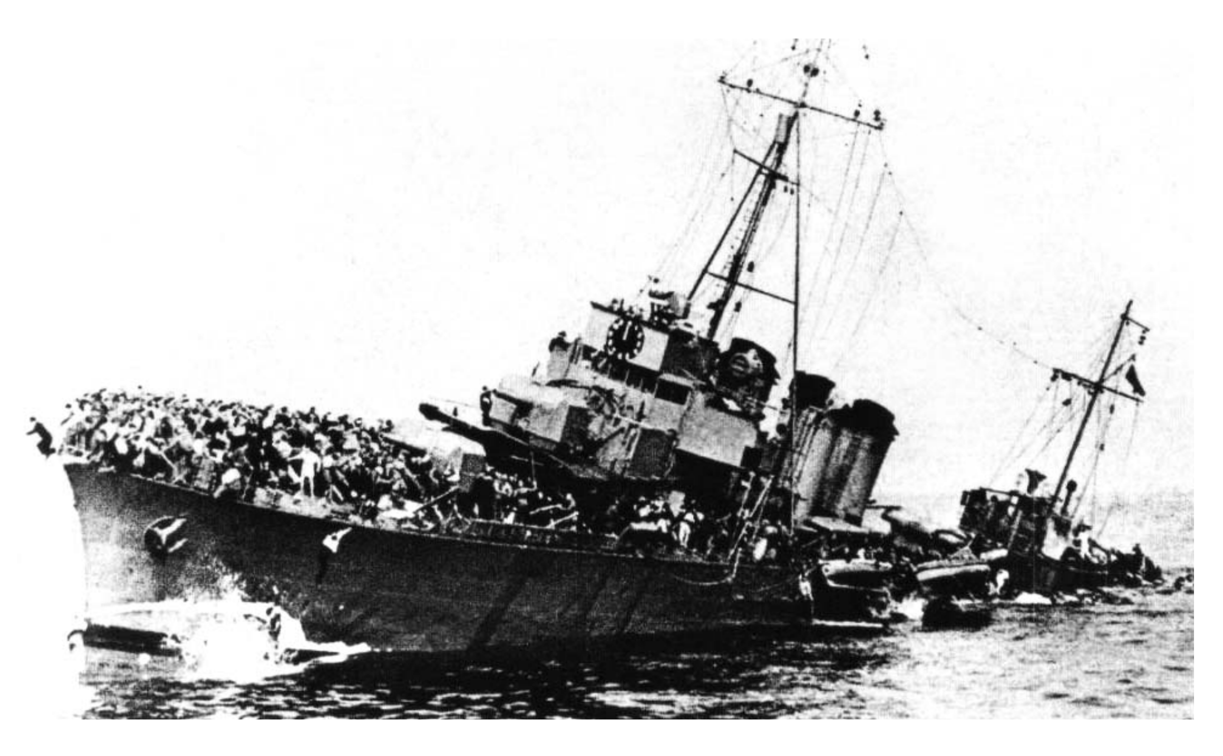
Ситуация была близкой к критической, так как имевшийся в распоряжении англичан магнитный трал, разработанный против мин собственной конструкции, оказался совершенно неэффективным против германских мин. В ноябре на минах погибло 27 торговых судов, в декабре — 33. От полной катастрофы морские перевозки Англии спасло быстрое истощение минных запасов германского флота, имевшего к началу войны всего 1500 магнитных мин[17]. С января 1940 г. потери торговых судов от минных постановок пошли на убыль, в том числе и в результате разработки нового магнитного трала.

Среди потерь английского судоходства самая меньшая доля пришлась на действия надводных рейдеров. К апрелю 1940 г. стало очевидным, что наиболее эффективным средством в борьбе на коммуникациях являются подводные лодки. Но росту эффективности и результатов подводной войны мешало их ограниченное количество — к тому времени в составе флота было всего 46 боеспособных подводных лодок.

Наиболее значимой операцией германского флота в первый период Второй мировой войны стало вторжение в Норвегию — успешный пример стратегического взаимодействия армии, авиации и флота Третьего рейха. В операции, согласно плану, принимали участие шесть пехотных дивизий, 800 боевых и около 200 транспортных самолетов, 270 транспортных судов и практически весь боеспособный состав флота. Самая большая сложность в проведении этой операции заключалась в том, что флот не мог обеспечить даже локального превосходства на море — необходимого условия для успешной переброски войск на норвежское побережье. Ситуация осложнялась тем, что Великобритания уже завершила подготовку к высадке собственных войск в Норвегии.

Эвакуация войск союзников с пляжа в районе Дюнкерка

Перегруженный французский эсминец тонет возле Дюнкерка

Это означало, что германские военно-морские силы должны были действовать буквально под носом у британского флота в условиях его подавляющего превосходства. Ставка была сделана на внезапность и быстроту действий. Цена успеха оказалась крайне высока: Германия потеряла три крейсера, 10 эсминцев, четыре подводные лодки, учебный корабль и 10 малых кораблей. Почти все крупные корабли, в том числе линкоры, получили тяжелые повреждения. В строю остались лишь один тяжелый и два легких крейсера, четыре эсминца. Морские силы союзников также понесли большой урон: были потоплены один авианосец, два крейсера, восемь эсминцев, пять подводных лодок[18].

Завершение норвежской кампании совпало с масштабной катастрофой союзников на суше в мае — июне 1940 г. Остатки союзных войск были прижаты к побережью в районе Дюнкерка. Последней их надеждой стал флот. Задача по эвакуации войск в Англию была поручена адмиралу Б. Рамсею, операция получила название «Динамо». В распоряжение Б. Рамсея были переданы практически все наличные корабли и суда: войсковые транспорты, эсминцы, тральщики, дрифтеры. Решающую роль в спасении английской армии сыграли свыше 400 мелких судов, обеспечив ее доставку с побережья на борт кораблей, не имевших возможности подойти вплотную к берегу. За время операции из состава союзных войск удалось эвакуировать в порты Англии 338 226 человек. Из общего числа 861 участвовавшего в эвакуации корабля и судна погибло 243, в том числе девять эсминцев и девять крупных транспортов[19]. Эвакуация английских войск и граждан продолжалась и после капитуляции Франции 22 июня 1940 г., в результате которой на Британские острова были доставлены еще более 200 тыс. солдат и офицеров и значительное число гражданских лиц[20]. Спасение большей части экспедиционного корпуса вдохнуло в англичан веру в свои силы. Выступая в парламенте 4 июня 1940 г., премьер-министр У. Черчилль отразил доминирующее настроение в своей речи: «Мы будем оборонять наш остров, чего бы это ни стоило, мы будем сражаться на побережье... мы будем сражаться на полях и на улицах... мы не сдадимся никогда»[21].

Летом 1940 г. произошли серьезные перемены в общем ходе войны на море. Германская оккупация Норвегии, капитуляция Франции, вступление в войну Италии существенно изменили соотношение сил и возможностей противников. Приобретение новых баз в Норвегии и Франции позволило германским подводным лодкам и надводным кораблям расширить зону действий и активность операций против английского судоходства в океане. В то же время английскому флоту пришлось перераспределить свои силы, направив значительную их часть в Средиземное море, чтобы восполнить потерю французского флота. Ослабление английского флота в Атлантике открывало новые возможности для операций германских сил. Фактически сложилась новая стратегическая ситуация. Собственно битва за Атлантику[22] как таковая и началась летом — осенью 1940 г., когда последствия этих изменений проявились в полной мере, и «действия в Атлантике приобрели большую значимость, чем борьба противника против прибрежного судоходства»[23].

Новым явлением в борьбе на коммуникациях в океане стали действия германских вспомогательных крейсеров-рейдеров. Данный класс боевых кораблей был известен и применялся давно, в том числе и в Первую мировую войну. На основе этого опыта были разработаны требования к новому поколению рейдеров, их тактике действий в океане[24]. В отличие от рейдеров Первой мировой войны, главными их качествами стали относительно небольшие размеры и увеличивающаяся скорость, дальность плавания, а также незаметность[25].

Строительство специальных кораблей для рейдерских операций должно было начаться в 1934 г., однако неожиданным препятствием стала нехватка соответствующего артиллерийского вооружения. В результате к началу войны из запланированных 26 рейдеров не удалось построить ни одного, и для решения проблемы началось срочное переоборудование в рейдеры имевшихся торговых судов[26]. Лишь 10 из 250 кораблей, входивших в состав торгового флота Германии, были превращены в рейдеры[27]. Шесть из них приняли участие в рейдерских операциях в составе так называемой «первой волны», вышедшей в океан весной — летом 1940 г. Первым из них стал «Атлантис», ушедший в рейдерство в конце марта 1940 г., последним — «Комет», отправившийся в плавание в начале июля. Действия этих шести кораблей оказались весьма успешными, к концу 1940 г. на их счету было 54 судна общим водоизмещением 366 644 тонны[28].

Спуск на воду немецкого «карманного линкора» «Адмирал Шеер»

«Адмирал Шеер»

Британский легкий крейсер «Диомед» во время шторма в Атлантике

Особенно досаждали английскому Адмиралтейству действия «карманного линкора» «Адмирал Шеер», прорвавшегося в Атлантику в конце октября и уже 5 ноября атаковавшего конвой HX-84 в составе 37 судов, шедший из Галифакса под охраной единственного корабля «Джервис Бэй» — бывшего лайнера, переоборудованного во вспомогательный крейсер. «Джервис Бей», дождавшись, когда конвой рассредоточится, и прикрыв его дымовой завесой, двинулся навстречу линкору[29]. Он смог продержаться в бою около 20 минут, но ценой своей гибели спас конвой. За пеленой дымовой завесы и наступивших сумерек «Адмирал Шеер» смог обнаружить и потопить лишь пять судов из его состава. Появление «карманного линкора» в Атлантике дезорганизовало движение конвоев, три из них были возвращены в порты отправки, другие задержаны. Нормальное движение было восстановлено лишь через 12 дней[30].

Но все же наибольших успехов в битве за Атлантику во второй половине 1940 г. добились германские подводные лодки. Изменение стратегической ситуации в Европе и получение германским флотом баз в Бретани и Нормандии позволило сократить на 250 миль расстояние до районов развертывания и удвоить количество лодок, действовавших в западной части Атлантики[31]. Большую роль сыграли тяжелые потери английских эсминцев в ходе операции «Динамо» — около 70% из их числа требовали ремонта[32]. Впервые с начала войны немецкое морское командование получило возможность применить тактику групповых действий подлодок, известную как «волчьи стаи». Сам адмирал изложил ее принцип следующим образом: «Концентрированная цель, коей и является конвой судов, должна атаковаться концентрированными средствами»[33].

«Волчья стая», включавшая от нескольких единиц до двух десятков лодок, формировалась после обнаружения конвоя. В назначенный район направлялись находившиеся поблизости подлодки, один из командиров назначался старшим группы и управлял ее действиями. Обычно лодки совершали атаки ночью из надводного положения с разных направлений. После атаки лодка погружалась и совершала маневр уклонения от кораблей охраны конвоя. Оторвавшись от преследования, она снова всплывала, догоняла конвой и совершала новую атаку. Действия «волчьих стай» распыляли силы эскорта, лишали его корабли возможности эффективно использовать гидролокаторы и в целом обесценивали тактику противолодочных сил английского флота. Наиболее впечатляющих успехов «волчьи стаи» добились в середине октября, когда всего за три дня восьми германским подлодкам удалось потопить 38 кораблей из трех конвоев[34].

Период с июля по октябрь 1940 г. получил впоследствии название «счастливого времени» для германских подводных сил. Английские противолодочные силы были слабы, многие транспортные корабли все еще следовали в одиночку, что делало нападение на них несложным делом. В октябре 1940 г. результативность немецких подлодок достигла наивысшего показателя — 920 тонн в среднем водоизмещения потопленного судна на одну лодку, находившуюся в море (в июне — 514 тонн). Если в первую неделю июля 1940 г. в английские порты было доставлено 1,2 млн тонн грузов, то к концу месяца этот показатель сократился до 750 тыс. и до конца 1940 г. не превышал 800 тыс. Сокращение потока грузов ставило под сомнение саму способность Англии вести войну. Свидетельством отчаянного положения англичан стало решение о создании сплошного минного поля длиной в 60 миль и шириной не менее 3 миль к северо-западу от Ирландии. Казалось, что Германия была близка к победе в битве за Атлантику.

Весной 1940 г. ожидавшееся вступление Италии в войну на стороне нацистской Германии заставило английское командование держать в Восточном Средиземноморье мощный флот, но контроль над западной частью данного театра военных действий возлагался на военно-морские силы Франции.

Выход из войны Франции кардинально изменил соотношение сил. Перед итальянским флотом появилась перспектива добиться господства как минимум в восточной части Средиземного моря. Конкретные же задачи, вставшие перед ВМФ Италии, сводились к обеспечению перевозок в Северную Африку, обороне собственного побережья, нарушению английских коммуникаций в центральной части Средиземного моря. Задачи английского флота были диаметрально противоположными: обеспечение собственных перевозок на Мальту, между Гибралтаром и Александрией, срыв итальянских перевозок в Ливию.

Таблица 1

Количество боевых кораблей и подводных лодок, действовавших в Средиземном море на 10 июня 1940 г.[35]

Класс корабля	Великобритания	Франция	Италия
Линейные корабли, линейные крейсеры	5	5	4
Авианосцы	2	1	–
Крейсеры тяжелые	2	7	8
Крейсеры легкие	11	9	14
Эсминцы, миноносцы	40	34	123
Подводные лодки	18	46	115

С этой целью срочно было принято решение сформировать соединение «Н», базировавшееся в Гибралтаре, в составе четырех линкоров, авианосца, трех крейсеров, 19 эсминцев. Однако первой задачей соединения «Н», призванного заменить корабли французского флота, стало их уничтожение с тем, чтобы они не попали в руки немцев. Судьба ВМФ Франции была определена восьмой статьей соглашения о перемирии с Германией, которая требовала сосредоточить французские корабли в местах базирования мирного времени, где их предстояло разоружить под наблюдением Германии и Италии[36]. Известие об этом вызвало естественную тревогу английского руководства, опасавшегося реального присоединения французского флота к германскому и итальянскому, что грозило смертельной опасностью. Выход виделся только один: «Любой ценой, идя на любой риск, мы должны были обеспечить, чтобы флот Франции... не стал орудием нашей гибели»[37].

С этой целью английским руководством была проведена операция «Катапульта». Она началась 3 июля одновременно во всех доступных пунктах, где находились в тот момент корабли бывшего союзника. В английских портах были захвачены находившиеся на стоянке два линкора, 10 эсминцев, шесть подводных лодок, 15 малых боевых кораблей и около 200 вспомогательных и торговых судов. В тот же день в Александрии была захвачена вторая группа кораблей в составе одного линкора, четырех крейсеров, трех эсминцев и одной подводной лодки[38]. В портах Алжира Мерс-эль-Кебире и Оран базировалось самое мощное соединение французского флота: четыре линкора (из них два новейших), 16 эсминцев, шесть подводных лодок, 26 малых и вспомогательных кораблей. Командующий французской эскадрой адмирал М. Жансуль отклонил английский ультиматум, предлагавший или присоединиться к адмиралу Д. Сомервиллу для продолжения войны, или передать корабли под контроль англичан, или же отправиться на остров Мартиника для интернирования. После долгих и бесплодных переговоров бывшие союзники вступили в сражение[39]. Вырваться из Мерс-эль-Кебира и уйти в Тулон удалось лишь линкору «Страсбург» и пяти эсминцам, туда же пришли пять крейсеров и пять эсминцев из Алжира. Погибли 1297 французских матросов и офицеров, 351 получил ранения[40].

Эта трагедия надолго омрачила отношения двух союзников. Вдохновитель операции «Катапульта» английский премьер У. Черчилль считал ее пусть жестокой, но вынужденной и необходимой мерой. Генерал Ш. де Голль увидел в действиях своего союзника «страх за будущее, отзвуки старинного соперничества на море, обиды, накопившиеся с начала битвы за Францию»[41].

Устранение угрозы захвата французского флота немцами еще не позволяло говорить о господстве англичан в этой акватории. С началом войны Б. Муссолини потребовал от своего флота самых решительных действий «во всех пунктах Средиземного моря», но командование флота восприняло это без всякого энтузиазма, полагая, что «не существует возможности решения стратегических задач или нанесения поражения вражеским морским силам»[42]. Падение Франции открыло перед итальянским флотом новые перспективы. Из них самой многообещающей была оккупация побережья Туниса и Алжира с его портами и аэродромами, что давало возможность заблокировать Сицилийский пролив, прервав английские коммуникации между Гибралтаром и Египтом. Одновременно ускорялась и упрощалась

поставка всего необходимого итальянским войскам в Ливии. Но Б. Муссолини не оценил эти перспективы, считая, что скорое окончание войны не потребует таких усилий[43]. Упущенные возможности лета 1940 г. обрекли итальянский флот в целом на оборонительный характер его действий в течение всей войны.

9 июля 1940 г. у берегов Калабрии произошло столкновение итальянской эскадры (два линкора, 18 крейсеров, 24 эсминца) с английской (три линкора, авианосец, четыре крейсера, 16 эсминцев). Но артиллерийская дуэль линкоров завершилась после первого же попадания тяжелого снаряда во флагманский линкор «Джулио Чезаре»[44]. Адмирал И. Кампиони приказал выйти из боя. Если в ходе этого первого боя оправданием пассивности итальянцев в какой-то мере могло служить численное превосходство англичан в линейных кораблях, то к августу ситуация кардинально изменилась. Итальянский флот пополнился сразу четырьмя линкорами, два из которых по своим показателям превосходили английские линкоры Средиземноморской эскадры, построенные еще в Первую мировую войну.

К тому времени задачи английского флота чрезвычайно усложнились вследствие вторжения Италии в Грецию в октябре 1940 г. и необходимости оказать последней помощь согласно принятым в апреле 1939 г. обязательствам. В ноябре английские войска высадились на острове Крит, обладание которым, по мнению У. Черчилля, было «почти равносильно успешному наступлению в Ливии»[45]. Базы на Крите, безусловно, улучшили положение английского флота, но и потребовали большого объема перевозок.

В новой ситуации необходимо было срочно устранить превосходство итальянцев в силах. С этой целью была проведена операция, которая получила название «Джаджмент». Английскому флоту удалось подготовить ее в условиях полной секретности и нанести внезапный удар. В ночь на 12 ноября самолеты авианосца «Илластриес» двумя волнами атаковали находившиеся в Таранто шесть итальянских линкоров и девять крейсеров. В результате атаки три итальянских линкора, крейсер и два эсминца получили попадания торпед и бомб и надолго вышли из строя. Английские потери составили два самолета из 21, участвовавшего в налете[46]. Командующий британским Средиземноморским флотом адмирал Э. Каннингхэм, подводя итоги этой атаки, констатировал: «События в Таранто в ночь с 11 на 12 ноября 1940 г. раз и навсегда утвердили палубную авиацию в качестве самого разрушительного оружия британского военно-морского флота»[47]. Впервые в истории войны на море стало очевидным, что роль главной ударной силы флота перешла от линкоров к авианосцам и палубной авиации.

В наступившем 1941 г. продолжились активные действия германских надводных рейдеров. В январе «Адмирал Шеер» перешел из Атлантики в Индийский океан, где потопил четыре судна. В конце марта, быстро пройдя Атлантику, рейдер прорвался через Датский пролив, сумел избежать встречи с патрульными английскими крейсерами и благополучно вернулся в свою базу. В целом, за 161 день рейда он прошел 46 тыс. миль, потопил и захватил 16 судов общим водоизмещением почти 100 тыс. тонн, став самым удачливым и результативным рейдером из числа действовавших боевых кораблей[48].

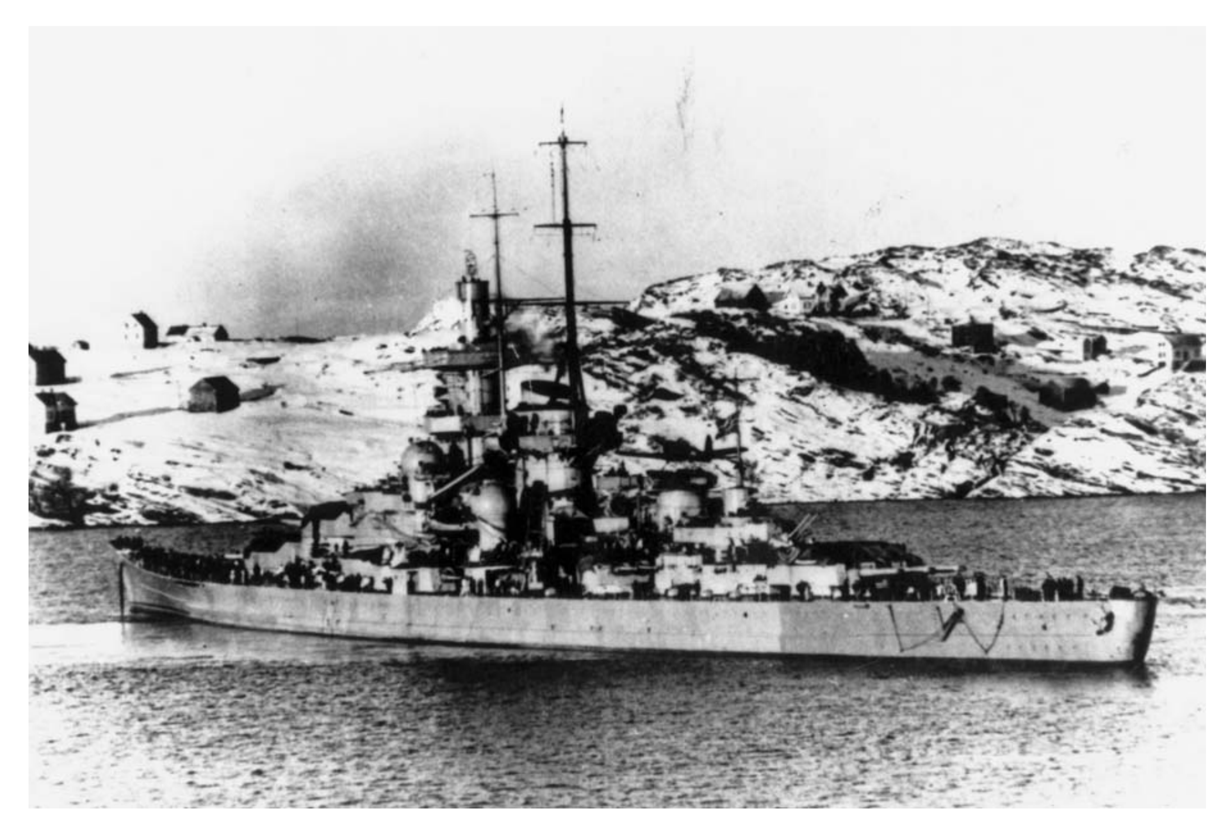
Гораздо менее успешными оказались действия других рейдеров. В январе 1941 г. линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау» со второй попытки сумели скрытно выйти в Атлантику и начали поиск конвоев, следующих из Канады в Англию. 8 февраля ими был обнаружен конвой НХ-106. Рейдеры разделились для одновременной атаки с двух сторон, но при сближении «Шарнхорст» был обнаружен сопровождавшим конвой линкором «Рэмиллис». Хотя это был старый английский дредноут, ровесник погибшего в Скапа-Флоу «Ройял Оука», его огневой мощи оказалось достаточно, чтобы оба германских линкора отказались от нападения на конвой[49]. Отойдя на запад, 22 февраля рейдеры обнаружили суда другого конвоя и потопили пять из них. 8 марта германские линкоры, ушедшие на юг, перехватили конвой SL-67, и опять наличие всего одного устаревшего линкора «Малайя» спасло конвой от разгрома. Немецкий адмирал Гюнтер Лютьенс решил навести на линкор находившиеся в этом районе германские подводные лодки, но эта попытка не увенчалась успехом, и адмирал счел за благо уйти на северо-запад, где его отряду удалось потопить 16 кораблей, следовавших без охранения[50]. 22 марта линкоры вернулись в Брест.

Визит гросс-адмирала Э. Редера на линкор «Шарнхорст»

Гидросамолет на борту немецкого линкора «Шарнхорст»

Немецкий линейный крейсер «Гнейзенау» на якорной стоянке в норвежском фьорде

Ключевым событием 1941 г. в действиях германских рейдеров стала попытка прорыва в Атлантику новейшего германского линкора «Бисмарк». Корабль вступил в строй в августе 1940 г., и сразу же в штабах началась разработка планов его применения. К тому времени впечатляющие успехи германских боевых кораблей в Атлантике давали надежду на еще больший успех новейшего линкора. Поход «Бисмарка» планировался как совместная операция группы рейдеров, получившая кодовое название «Учения на Рейне». Новый линкор должен был начать свободный поиск в Атлантике в сопровождении другого новейшего корабля — тяжелого крейсера «Принц Ойген», одновременно из Бреста планировалось отправить в рейд линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Действия надводных кораблей должны были обеспечить заранее и скрытно выдвинутые в Атлантику танкеры и суда снабжения. Рейдерам планировалось придать несколько подводных лодок[51].

Операция была разработана с учетом накопленного опыта рейдерства в Атлантике и предполагала путем использования двух оперативных групп линкоров добиться распыления сил противника. Главную ударную силу представляла группа «Бисмарка», задачей которой была борьба с конвоями в Северной Атлантике. По замыслу операции линкор должен был связать боем тяжелые корабли охраны конвоя, а крейсеру «Принц Ойген» предстояло уничтожать транспортные суда[52]. Основной целью операции была «борьба с морской торговлей Англии» путем «нанесения ударов по охраняемым конвоям», задача самого «Бисмарка» заключалась в связывании боем крупных кораблей, избегая при этом риска получить тяжелые повреждения[53].

Первоначально операция была запланирована на конец апреля 1941 г., когда погодные условия максимально благоприятствовали скрытному прорыву в Атлантику. Но ее ходу в самом начале помешали действия противника. Англичане, адекватно оценив угрозу со

стороны германских тяжелых кораблей, попытались вывести их из строя. В начале апреля британская авиация нанесла тяжелые повреждения находившемуся в Бресте линкору «Гнейзенау». В это же время из-за поломки машин вышел из строя стоявший там же линкор «Шарнхорст». Подрыв 23 апреля на магнитной мине «Принца Ойгена» заставил перенести на месяц назначенную дату операции.

Стало очевидным, что первоначальный замысел операции из-за повреждений линкоров в Бресте терял смысл. Из-за переноса времени операции на конец мая, когда в Северной Атлантике темное время суток ограничено короткими сумерками, германские корабли фактически теряли шанс на скрытный прорыв в Атлантику. И все же командование германских военно-морских сил решило отправить «Бисмарк» в рейд. Решающим фактором оказалось то, что если новый линкор не использовать весной 1941 г., то позже это могло оказаться практически невозможным. Ремонт «Шарнхорста» и «Гнейзенау» в Бресте под постоянными ударами английской авиации мог затянуться на неопределенный срок. Вступление в строй однотипного линкора «Тирпиц» ожидалось лишь через полгода. Сохранявшие нейтралитет США могли в любой момент вступить в войну на стороне Англии, что сразу же изменило бы всю расстановку сил в Атлантике и исключило бы возможность осуществления рейдерских операций крупными боевыми кораблями. Наконец, еще два обстоятельства повлияли на решение германского военно-морского командования: убежденность в исключительно высоких боевых качествах «Бисмарка» и «безграничная уверенность в командирских качествах» возглавляющего оперативную группу адмирала Г. Лютьенса[54].

Командование английским флотом верно оценило донесения разведки о повышенной боевой готовности крупных немецких кораблей. Английская воздушная разведка вела постоянное наблюдение за каждым крупным кораблем германского флота, отслеживая уровень его готовности к выходу. Именно эти меры предопределили события последующих нескольких дней.

Все походы рейдеров, совершенные в 1939–1940 гг., основывались на достижении внезапности, что лишало противника возможности организовать их своевременный перехват. В новой ситуации требовалось нестандартное решение, однако германское командование предпочло следовать уже принятому плану. В итоге уже ранним утром 21 мая английские самолеты обнаружили «Бисмарк» и «Принц Ойген» у берегов Норвегии, после чего англичане направили свои корабли к выходам в Атлантику.

23 мая немецкий отряд был обнаружен к северо-западу от Исландии английским крейсером «Саффолк», к которому вскоре присоединился крейсер «Норфолк». Последний был обнаружен «Бисмарком», безрезультатно обстрелявшим английский крейсер. Оба английских корабля сумели удержать радиолокационный захват противника и навели на него шедший на перехват отряд в составе линкора «Принц оф Уэлс» и линейного крейсера «Худ». Около пяти часов утра 24 мая главные силы обеих сторон оказались в пределах видимости друг друга.

Английские линкоры имели 18 тяжелых орудий калибром 356–381 мм против восьми 381-мм орудий «Бисмарка» и восьми 203-мм «Принца Ойгена»[55]. Однако решающую роль сыграл маневр германских кораблей, которые встали почти перпендикулярно курсу англичан. К моменту начала боя «Бисмарк» и «Принц Ойген» находились справа впереди по носу английских кораблей, которые в этой позиции могли вести огонь лишь из носовых башен[56], в то время как германские корабли могли отвечать полными бортовыми залпами. В результате около шести часов утра линейный крейсер «Худ» сначала был поврежден 203-мм снарядом «Принца Ойгена», а затем накрыт залпом главного калибра «Бисмарка», взорвался и затонул.

Поврежденный «Принц оф Уэлс», прикрывшись дымовой завесой, начал отход. Немцы не стали преследовать его и предпочли выполнять приказ, ставивший главной задачей выход в Атлантику для охоты на британские конвои[57]. К тому же снаряд линкора «Принц оф Уэлс», пробив борт в носовой части «Бисмарка», повредил цистерны с топливом. Скорость германского линкора упала, за ним потянулся нефтяной шлейф вытекающего мазута. Адмирал Г. Лютьенс, командовавший германским отрядом кораблей, отказался от прорыва в Атлантику и направил линкор во французскую базу Сен-Назер. «Принц Ойген» получил приказ действовать самостоятельно.

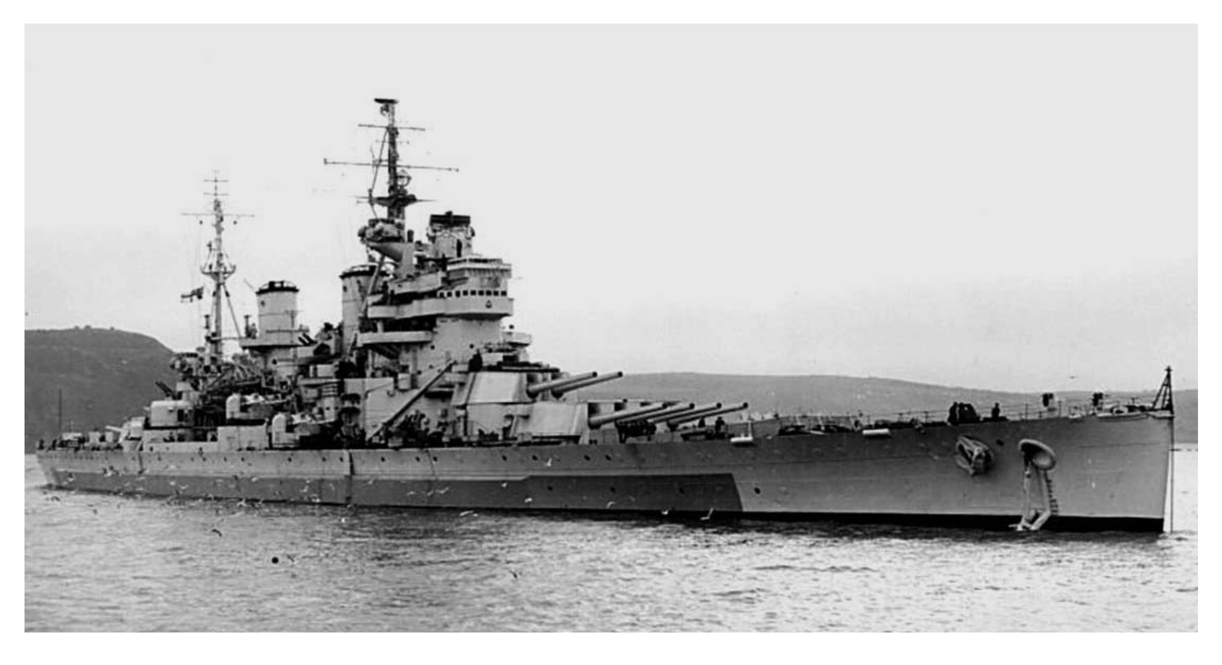
Немецкий линкор «Бисмарк» в Кильском заливе

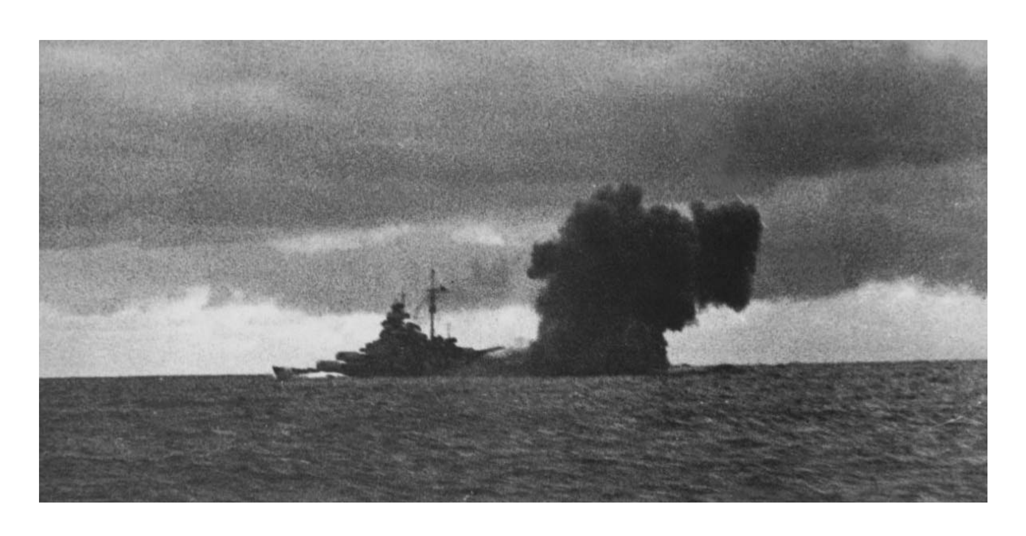
Орудия главного калибра линкора «Бисмарк»

Английский линейный крейсер «Худ» на якорной стоянке

Английский линкор «Кинг Джордж V»

Взрыв кормовой части линейного крейсера «Худ» в результате попадания 203-мм снаряда тяжелого крейсера «Принц Ойген»

Выжившие немецкие моряки с погибшего линкора «Бисмарк» поднимаются на борт английского крейсера «Дорсетшир»

В последующие два дня «Бисмарк», следуя курсом на юго-восток, пытался прорваться к побережью Франции. На перехват германского линкора был брошен весь британский флот — 48 надводных кораблей, в том числе семь линкоров, два авианосца, восемь крейсеров и 18 эсминцев, и более 100 самолетов[58]. Если бы «Бисмарк» сохранил прежнюю скорость хода, он успел бы войти в зону действий германской ударной авиации. Но уже в наступивших сумерках 26 мая германский линкор атаковали торпедоносцы авианосца «Арк Ройял». Зенитная артиллерия германского линкора открыла быстрый и точный огонь[59], тем не менее из 13 сброшенных торпед две поразили цель. Взрыв одной из них повредил рули линкора, в результате чего «Бисмарк» потерял управление. Этот успех был достигнут в самый последний момент — англичане уже приняли решение прекратить преследование[60].

Утром 27 мая «Бисмарк» был перехвачен линкорами «Родней» и «Кинг Джордж V», начавшими артиллерийскую дуэль на дистанции 25 км. «Бисмарк» ответил, но поврежденный руль лишил артиллеристов возможности точно управлять огнем, и ответная стрельба оказалась почти бесполезной, к тому же вскоре после начала боя была повреждена система централизованного управления стрельбой[61]. Полтора часа два английских линкора и два тяжелых крейсера практически безнаказанно расстреливали «Бисмарк», превратившийся к исходу боя в полуразрушенный, охваченный огнем остов. Германский линкор, получив попадания как минимум восьми торпед и нескольких десятков 356-мм и 406-мм снарядов, скрылся под водой, вместе с ним погиб почти весь экипаж и штаб адмирала Г. Лютьенса — около 2200 матросов и офицеров. Английские корабли подняли из воды четырех офицеров и 102 матроса, еще пять человек были спасены германской подводной лодкой[62]. Потерь на английских кораблях не было.

1 июля 1941 г. «Принц Ойген», так и не потопив ни одного судна, вернулся в Брест из-за неполадок машинной установки. Последствия гибели «Бисмарка» имели далеко идущие последствия. Впредь А. Гитлер запретил использование без его ведома крупных кораблей в Атлантике.

Развитие сил и средств английского флота, совершенствование его тактики, в первую очередь разведки, сводили на нет возможность использования в качестве рейдеров крупных боевых единиц. Корабли, наспех превращенные из обычных грузовых теплоходов во вспомогательные крейсеры, стали единственными надводными кораблями германских военно-морских сил, продолжавшими битву за Атлантику после гибели самого мощного германского линкора.

Первая половина 1941 г. стала временем наибольшего успеха германских вспомогательных крейсеров. В конце 1940 — начале 1941 г. в океан отправились рейдеры «второй волны»: в декабре — «Корморан», в марте — «Михель», в мае — «Штир». В итоге с января и до конца мая 1941 г. в океане одновременно находилось 5–6 рейдеров, действия которых в этот период привели к потере 34 транспортов союзников. Причиной этому стали совершенствование тактики действий, продуманная система маскировки и эффективная система снабжения[63].

Рейдеры действовали не только в Атлантике, но и в Индийском и Тихом океанах, и даже у берегов Антарктиды, где необычайного успеха добился вспомогательный крейсер «Пингвин». В январе 1941 г. на основании данных радиоразведки он захватил и отправил в Германию целую норвежскую китобойную флотилию в количестве трех кораблей-маток и 11 судов-китобоев общим водоизмещением около 40 тыс. тонн[64]. Наиболее впечатляющий успех выпал на долю самого малого из рейдеров «Комет» водоизмещением в 3287 тонн. В августе — сентябре 1940 г. за рекордный срок в 31 день этот вспомогательный крейсер прошел Северным морским путем в Тихий океан. Необычный поход стал возможным благодаря помощи советских ледоколов «Ленин», «Сталин» и «Каганович», пробивших путь рейдеру через льды Арктики[65]. Выйдя в Тихий океан, «Комет» начал рейдерские операции, уничтожив три судна самостоятельно и еще семь совместно с другими немецкими кораблями. В ноябре 1941 г. «Комет» благополучно вернулся в Германию.

Тщательный подбор командиров рейдеров, прекрасная подготовка экипажей делали их опасным противником не только для торговых судов, но и для боевых кораблей. Так, рейдер

«Корморан» 19 ноября 1941 г. добился успеха в противоборстве с австралийским крейсером «Сидней»[66].

Впрочем, рейдерам не всегда удавалось реализовать свои преимущества. Бой крейсера «Штир» 24 сентября 1941 г. показал, насколько уязвимыми являлись бывшие гражданские суда, переоборудованные во вспомогательные крейсеры. Противником германского корабля оказался американский пароход «Стефен Гопкинс». По огневой мощи рейдер превосходил противника в 13 раз, имел современную систему централизованного управления огнем и опытных артиллеристов[67]. Но решимость и отвага американского экипажа и его капитана П. Бака перевесили эти преимущества. К тому же командир германского крейсера допустил фатальную ошибку. Не ожидая получить отпор, он сблизился со «Стефеном Гопкинсом» на предельную дистанцию, на которой американские комендоры-резервисты просто не могли промахнуться. Бой, проходивший с необычайным ожесточением, продолжался чуть более 20 минут[68]. Рейдер расстрелял американский пароход, затонувший вместе с 42 членами экипажа. Но и сам «Штир» получил 15 попаданий, вызвавших на борту пожар, с которым команда справиться не сумела. Через полтора часа после начала боя вспомогательный крейсер взорвался и затонул[69].

Случаи, когда германские рейдеры перехватывались боевыми кораблями английского флота, как правило, завершались потоплением первых. Так, 8 мая 1941 г. английский тяжелый крейсер «Корнуолл» к северо-востоку от Сейшельских островов обнаружил германский рейдер «Пингвин», который безуспешно пытался выдать себя за норвежское судно «Тамерлан». Командир английского крейсера не стал сближаться с подозрительным судном и открыл огонь с дальней дистанции. В ходе короткого, но ожесточенного боя «Пингвин» был потоплен[70]. Таким же исходом завершилась встреча рейдера «Атлантис» с английским крейсером «Девоншир» 22 ноября 1941 г.

Гибель сразу двух германских кораблей, находившихся в районах, удаленных от основных торговых путей, наводила на мысль о неслучайном появлении в этих местах британских крейсеров. Тем не менее командование военно-морских сил Германии еще не сумело прийти к выводу о том, что это были первые результаты новой системы борьбы с рейдерами, введенной в действие британским Адмиралтейством и ставшей позднее известной под названием «шах и мат». Она позволяла «военному кораблю быстро получить подтверждение из Адмиралтейства о фактическом местонахождении автономно плававших английских и союзнических торговых судов»[71]. Успех «Девоншира» стал первым результатом, положившим начало быстрому изменению ситуации в океане. Гибель в ноябре «Атлантиса» и «Корморана» вместе с возвращением в Германию четырех рейдеров «первой волны» («Орион», «Виддер», «Тор» и «Комет») привели к тому, что впервые с начала рейдерских операций в Атлантике не осталось ни одного вспомогательного крейсера, лишь в Индийском океане все еще продолжал рейдерство «Михель». Из оставшихся рейдеров «второй волны» только «Тор» в январе 1942 г. сумел прорваться в океан. Попытка отправить в рейдерство другие крейсеры «второй волны» провалилась.

По сути, уже в конце 1941 г. рейдерские операции германских вспомогательных крейсеров завершились. С середины 1941 г. все меньше транспортных судов союзников следовало по маршрутам без охраны, а эффективность английской блокады германских баз делала операции по прорыву рейдеров в океан слишком рискованными. Вся тяжесть борьбы с судоходством союзников, начиная со второй половины 1941 г., фактически легла на подводный флот Третьего рейха.

Тем не менее эффективность германских рейдеров в целом оказалась высокой. В течение трех с половиной лет в океане действовали девять вспомогательных крейсеров, потопивших и захвативших 133 торговых корабля союзников общим водоизмещением 829 644 тонны[72]. В сумме это в три раза превысило показатели, достигнутые германскими линкорами и крейсерами в ходе борьбы на коммуникациях. При этом воздействие вспомогательных крейсеров не ограничивалось только захватом и уничтожением торгового тоннажа. Захваченные и отправленные в Германию корабли доставили сотни тысяч тонн материалов и продовольствия.

Новый, 1941 г. командование германского подводного флота встретило в поисках новых тактических приемов в борьбе с английским судоходством. Адмирал К. Дёниц видел решение задачи в использовании самолетов-разведчиков, наводящих лодки на обнаруженные конвои. Но все попытки получить в свое распоряжение авиацию вплоть до конца 1940 г. заканчивались ничем. Лишь 7 января 1941 г. К. Дёницу удалось добиться приказа А. Гитлера о передаче 1-й авиагруппы 40-й бомбардировочной эскадры, дислоцированной в Бордо, в оперативное подчинение штабу подводных сил. Вскоре она предприняла первые попытки навести субмарины на обнаруженные конвои с помощью самолетов дальней разведки, но они оказались неудачными. Экипажи не имели опыта полетов над океаном, допускали грубые навигационные ошибки при наведении лодок на конвои. Первый случай успешного взаимодействия произошел лишь в феврале 1941 г., когда лодка U-37 у берегов Западной Африки обнаружила конвой, следовавший в Англию, вызвала самолеты, затем сама атаковала конвой и навела на него крейсер «Адмирал Хиппер», потопивший семь судов. Начиная с середины февраля 1941 г. ежедневно из Бордо вылетали два «FW-200 Кондор» на разведку районов западнее Британских островов. Один самолет-разведчик, облетев острова с запада, садился на юге-западе Норвегии, а на следующий день следовал обратным маршрутом[73].

Вскоре, однако, выяснилось, что принятые меры малоэффективны. Один самолет мог навести подводные лодки на обнаруженный конвой только в том случае, если они находились неподалеку. В противном случае самолету приходилось возвращаться на базу, ограничившись сообщением о местонахождении конвоя, который, как правило, за это время менял курс и уклонялся от встречи с подводными лодками. Требовалось, чтобы как минимум 12 самолетов ежедневно поднимались в воздух для ведения разведки. Производство «FW-200 Кондор», используемых в целях дальней морской разведки, вскоре прекратилось. Наладить же производство нового дальнего разведчика He-177 так и не удалось[74]. В марте 1941 г. немецкие подводные силы понесли первые по-настоящему тяжелые потери, лишившись сразу пяти лодок[75].

В связи с тем что к этому времени продолжительность ночного времени в Северной Атлантике сократилась, а английское командование сдвинуло маршруты конвоев к северу, под прикрытие кораблей и самолетов, действовавших с новых баз в Исландии, немцы вынуждены были также переместить районы патрулирования своих лодок к Азорским островам и побережью Западной Африки.

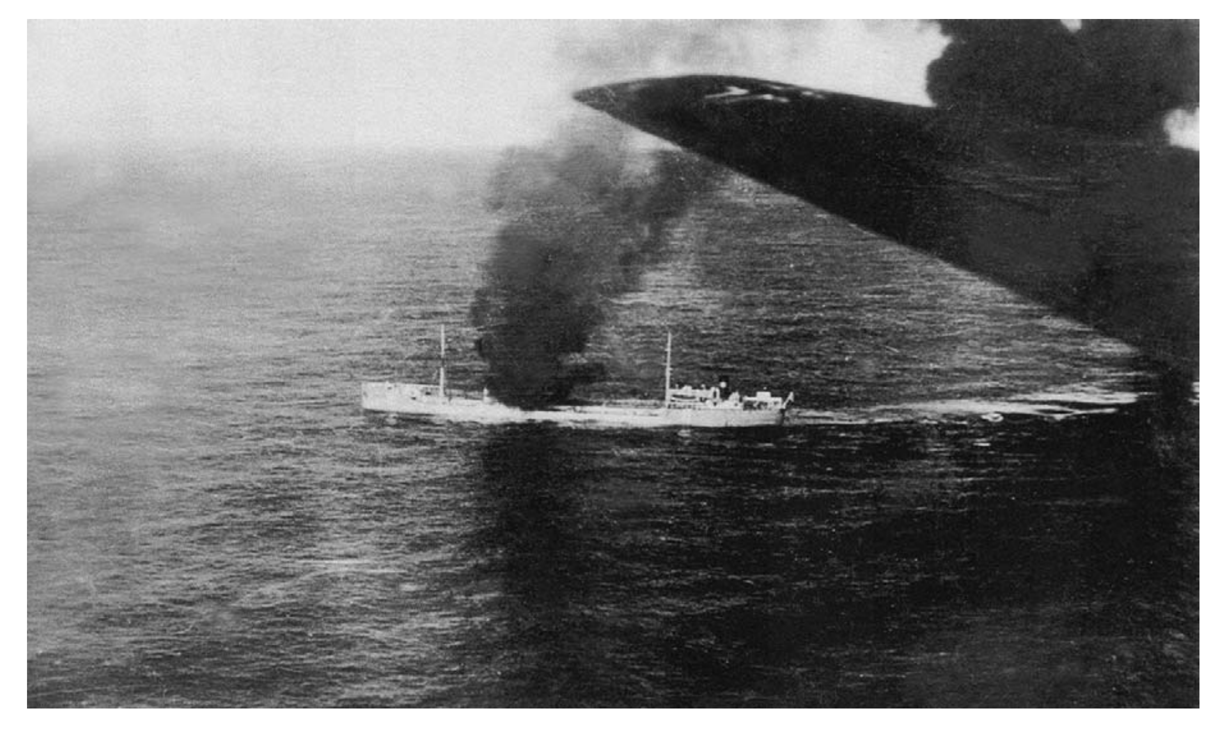
Район Фритауна стал местом их наиболее активных действий. Здесь пересекались морские пути, идущие из Южной Америки, Среднего и Дальнего Востока, формировались конвои и определялись маршруты кораблей, следовавшие в Великобританию самостоятельно. Но для организации эффективной защиты конвоев не хватало кораблей, и этот узел английских коммуникаций оставался «слабым звеном» системы судоходства. Немецкое командование направило к Фритауну семь подводных лодок, которым предстояло преодолеть около 2800 миль. Была создана система дозаправки и пополнения припасов в открытом море со специальных кораблей снабжения, скрытно развернутых в Центральной Атлантике[76]. Благодаря этим мерам длительность нахождения подлодок в назначенных районах увеличилась почти вдвое. В мае из 58 судов, потерянных Великобританией в Атлантике, более половины были потоплены в районе Фритауна. В июне было потоплено еще 68 судов[77].

Англичане были вынуждены сократить до минимума морские перевозки через этот район, используемые корабли получили мощное прикрытие. Тогда немецкие лодки были направлены на линию Гибралтар — Великобритания. Там они начали совместные действия с 40-й воздушной эскадрой, базировавшейся в Бордо. Число потопленных здесь судов было впечатляющим, хотя общий тоннаж — весьма скромным, поскольку корабли на этом маршруте отличались малым водоизмещением — не более 3 тыс. тонн. Но вскоре действия германской авиации против английского судоходства пошли на убыль, поскольку 22 июня 1941 г. Германия напала на СССР, и основная часть авиации была переброшена на восток.

В конце июня «волчья стая» из 10 субмарин перехватила и атаковала к югу от Гренландии конвой HX-133, следовавший в Великобританию. Однако ей пришлось в полной мере

Немецкий самолет «Fw-200 Кондор» в патрульном полете над Бискайским заливом

Горящее английское транспортное судно «Тунис»

испытать на себе новые приемы противолодочной тактики англичан. Служба радиоперехвата английского Адмиралтейства сумела выявить факт сосредоточения германских лодок по маршруту конвоя, что позволило своевременно усилить его охрану. В итоге вместо ожидаемых четырех эскортных кораблей «стая» столкнулась с тринадцатью. Продолжавшаяся в течение пяти дней схватка закончилась потоплением пяти судов конвоя и двух подлодок[78].

К тому времени командование немецких подводных сил отказалось от попыток наладить взаимодействие подлодок и самолетов-разведчиков, которые теперь использовались лишь для сбора общей информации о движении конвоев[79]. Вплоть до лета 1941 г. задача обнаружения конвоев противника в Северной Атлантике так и не нашла удовлетворительного решения. Как итог, «сражения против конвоев противника происходили нечасто, а между ними следовали долгие периоды утомительных поисков, когда подлодки без устали прочесывали казавшиеся пустынными морские просторы в поисках врага»[80]. Главной причиной оставалась нехватка средств обнаружения конвоев.

Вскоре после вступления в войну командование итальянского флота предложило направить свои лодки в Атлантику. Осенью 1940 г. в специально созданной для этого базе в Бордо находилось уже 27 итальянских подводных лодок[81]. В октябре — ноябре итальянские подлодки провели в море 243 дня, потопив одно судно, показатель потопленного тоннажа на одну субмарину в день — 20 тонн. Германские подводные лодки за тот же период провели в море 378 дней, потопили 80 судов, приведенный показатель составил 1115 тонн. Вскоре итальянские лодки были направлены в южные районы Атлантики, где наиболее результативные итальянские подводники имели на своем счету до 80–90 тыс. тонн потопленного тоннажа[82].

Угроза с воздуха становилась новым серьезным фактором, ограничивавшим действия германских и итальянских подводных лодок в океане. У. Черчилль придавал первостепенное значение развитию противолодочной авиации. В июне 1941 г. в результате договоренности между штабами ВВС Великобритании и Канады и соответствующего перераспределения самолетов расширились зоны патрулирования береговой авиации: до 700 миль — на запад от Великобритании, до 600 миль — от побережья Канады, до 300 миль — к югу от Исландии. В центральной части Атлантики остался лишь один район шириной около 300 миль, где конвои не имели прикрытия с воздуха[83].

В этих условиях германская стратегия битвы за Атлантику, исходившая из неподготовленности противника к ведению подводной войны в океане, все более заходила в тупик. Английский флот упорно и методично выстраивал систему защиты судоходства: увеличивалось количество эскортных кораблей и самолетов береговой авиации, совершенствовались методы управления конвоями и тактика сил ПЛО, на вооружение кораблей и самолетов поступали новые технические устройства. По сути, с лета 1941 г. развернулось настоящее противоборство военно-технического и интеллектуального потенциалов воюющих держав.

В конце сентября — октябре 1941 г. по личному распоряжению А. Гитлера началась переброска 10 подводных лодок в Средиземное море. Данное решение было продиктовано необходимостью поддержать действия армии Э. Роммеля в Северной Африке. Подводные лодки и бомбардировщики люфтваффе оказались единственной силой, способной противостоять английскому флоту в условиях, когда морские силы Италии не были в состоянии эффективно бороться с противником. Однако германское командование допустило просчет, так как удар по судоходству в Атлантике оставался практически единственным средством ощутимой борьбы с Великобританией. Германские подводные лодки, направленные в Средиземное море, оказались в зоне активных действий английских сил ПЛО и к концу декабря понесли тяжелые потери, лишившись трети своего состава. В то же время резко сократилась численность лодок в Атлантике. Так, в сентябре — октябре 1941 г. из общего числа находившихся в море 36 лодок лишь от 10 до 20 действовали в Атлантике, в декабре там патрулировали 27 лодок, половина которых была сосредоточена в районе Гибралтара[84].

Тем не менее отработанная тактика «волчьих стай» все еще обеспечивала успешное применение подводных сил Германии осенью 1941 г. Так, в сентябре немецким подводным лодкам, получившим данные от самолета-разведчика, удалось нанести тяжелейшие потери

двум конвоям, следовавшим в Великобританию из Фритауна и Гибралтара. Несмотря на мощное охранение, первый конвой потерял семь грузовых кораблей из 11, второй — девять из 25. В это же время разыгралось сражение к югу от Гренландии, где наведенные по радио восемь германских лодок атаковали конвой SC-42 в составе 64 судов под охраной четырех кораблей эскорта. В ходе трехдневного сражения было потоплено 16 транспортных кораблей, и лишь сгустившийся туман спас конвой от полного разгрома[85].

Однако далеко не всегда успех сопутствовал немецким лодкам. Так, 15–22 декабря разгорелся бой между силами охранения конвоя HG-76 в составе 32 судов, шедшего из Гибралтара в Англию, и несколькими подводными лодками немцев. Но продолжавшиеся пять дней атаки подводных лодок привели к потере всего двух судов, зато силы охранения потопили пять германских лодок.

Постепенно становилось очевидным, что время работало против германских подводных сил, поскольку потенциал Британской империи превосходил возможности Германии и Италии вместе взятых. Вступление в войну США 11 декабря 1941 г. окончательно лишало страны оси перспектив в этой борьбе. Реальное участие американских сил в битве за Атлантику началось гораздо раньше официального объявления войны. Вскоре после начала Второй мировой войны правительство США объявило о создании 300-мильной зоны безопасности вдоль своего атлантического побережья, куда был запрещен вход кораблям воюющих стран. Спустя всего месяц зона безопасности в Атлантике была расширена до 2300 миль на восток от американского побережья. В июле США приняли на себя обязательства по защите Исландии, высадив там войска и приступив к строительству военных баз. В сентябре 1941 г. американский флот начал осуществлять эскортирование конвоев, следовавших из США в Исландию.

Ф. Рузвельт был уверен, что А. Гитлер не решится на ответные действия, стремясь избежать войны с США. Действительно, уже в июне 1941 г. германский подводный флот в Атлантике получил приказ, предписывающий избегать столкновений с кораблями США. Однако через три дня после нападения Японии на Пёрл-Харбор Германия все же объявила войну США. Расстановка сил в ходе Второй мировой войны и в битве за Атлантику кардинально изменилась.

К началу 1941 г. общая ситуация на Средиземном море оставалась благоприятной для английского флота. Но в январе на аэродромы в Сицилии был переброшен 10-й немецкий авиационный корпус, специально подготовленный для ударов по кораблям. В его состав входили 140 бомбардировщиков, 22 истребителя и 12 самолетов-разведчиков[86]. Через месяц он дополнился 120 бомбардировщиками и истребителями ВВС Италии и еще 115 самолетами, размещенными на аэродромах Сардинии[87]. Эта мощная воздушная группировка стала новым решающим фактором в ходе борьбы на Средиземноморье. Роль воздушных сил чрезвычайно выросла вследствие того, что противоборствующие стороны в феврале — марте 1941 г. практически одновременно столкнулись с необходимостью резко увеличить объем морских перевозок, обеспечивавших переброску германских войск в Африку и английских — в Грецию.

10–11 января 1941 г. эскадрильи немецких пикирующих бомбардировщиков Ю-87 атаковали корабли, прикрывавшие конвой. В результате их атак был тяжело поврежден авианосец «Илластриес» и потоплен крейсер «Саутгемптон». В марте бомбардировщики обрушились на английские конвои, доставлявшие войска и необходимые им грузы из Египта в Грецию. Потери от этих ударов составили 25 судов общим тоннажем 115 026 тонн. У. Черчилль признавал, что «господство авиации противника в воздухе давало ему возможность доставлять непрерывным потоком войска и снабжение в Триполи»[88].

Таким образом, в борьбе на коммуникациях авиация стала главной ударной силой в борьбе на море. Ключевое значение в этой связи имела Мальта с ее аэродромами. Кроме того, на острове базировались английские подводные лодки, представлявшие большую угрозу для коммуникаций Э. Роммеля. На протяжении пяти месяцев остров подвергался ожесточенным налетам итальянской и германской авиации, нередко по три-четыре раза в день. Уже к середине марта положение англичан на острове из-за отсутствия снабжения стало критическим. Противник полностью захватил господство в воздухе. Тем не менее в ходе первых сражений за Мальту, которые продолжались до июня 1941 г., англичанам удалось сохранить остров за собой.

Весной 1941 г. нацистская Германия активно готовилась к вторжению в Грецию. Для проведения операций против английских конвоев, следовавших из Египта в Грецию, привлекался итальянский флот, поддержанный по настоянию Италии с воздуха 10-м авиакорпусом люфтваффе[89].

27 марта 1941 г. итальянская эскадра (один линкор, пять тяжелых и два легких крейсера, 13 эсминцев) вышла в море с целью нанесения ударов по английским конвоям, следовавшим в Грецию. Однако англичане сумели обнаружить противника с помощью гидросамолетов и навести на него свою эскадру (три линкора, авианосец, четыре легких крейсера и девять эсминцев). В итоге итальянцы лишились трех тяжелых крейсеров и двух эсминцев. Итальянские крейсеры, оказавшись застигнутыми врасплох, даже не успели открыть ответный огонь[90].

Эти события, вошедшие в историю как сражение у мыса Матапан, серьезно ослабили итальянский флот. В связи с капитуляцией 24 апреля Греции англичане вынуждены были срочно эвакуировать свои войска. Ситуация в чем-то напоминала эвакуацию из-под Дюнкерка, но на этот раз господство в воздухе безраздельно принадлежало противнику. Объединенным силам 10-го и 12-го корпусов люфтваффе можно было противопоставить лишь ограниченные силы Средиземноморского флота в составе шести крейсеров, 19 эсминцев, десятка малых кораблей и 11 транспортов. 24 апреля началась операция «Демон», протекавшая чрезвычайно тяжело для английского флота. Из-за постоянной угрозы воздушных налетов корабли принимали войска лишь ночью и с необорудованного побережья. При этом погрузка могла длиться только до трех часов ночи, чтобы корабли успели затемно уйти из зоны досягаемости немецкой авиации[91]. И все же флоту удалось к 29 апреля эвакуировать 50 732 человека — около 80% общей численности английских войск, переброшенных в Грецию, потери флота составили четыре транспорта и два эсминца[92].

20 мая германские войска (23,5 тыс. парашютистов и горных егерей) начали операцию по захвату острова Крит, их действия обеспечивал 8-й авиационный корпус в составе 716 самолетов, в том числе 433 бомбардировщика, 180 истребителей, для переброски десантников было выделено 550 транспортных самолетов и 60 планеров. Остров обороняли около 44 тыс. солдат и офицеров, включая греческие войска[93].

Как и прежде, решающую роль сыграло германское превосходство в воздухе, позволившее подавить сопротивление гарнизона острова и высадить немецких десантников. 27 мая было принято решение об эвакуации гарнизона, которая проходила в тяжелых условиях. Корабли, следуя из главной базы в Александрии на Крит и обратно, подвергались постоянным ударам немецких пикировщиков, полагаясь лишь на зенитную артиллерию и мастерство командиров. Флот нес потери, которые росли с каждым днем. Маршрут на Крит вскоре получил среди командиров кораблей зловещее наименование «бомбовой аллеи»[94].

После того как поступили первые тревожные сообщения о серьезных потерях, перед английским командованием встал вопрос о целесообразности продолжения эвакуации ценой утраты боеспособности значительной части флота. Тем не менее эвакуация продолжилась, к моменту ее окончания в Египет были переправлены 18,6 тыс. человек из 32 тыс. защитников острова. Потери убитыми и пленными составили около 13 тыс. солдат и офицеров. Флот потерял при эвакуации более 2 тыс. человек, три крейсера и шесть эсминцев. Из-за полученных повреждений вышли из строя два линкора, авианосец, два крейсера и два эсминца. Еще три крейсера и шесть эсминцев, получив повреждения, остались в строю. Кроме того, флот лишился 44 транспортных судов общим водоизмещением более 222 тыс. тонн[95].

Захват Крита стал значительным успехом фашистской Германии. Отныне немецкая авиация, базировавшаяся на греческих аэродромах, могла держать под ударом всю зону действий английского флота, включая главную базу в Александрии и Суэцкий канал.

Для английского флота, ослабленного потерями в греческой кампании[96], снабжение гарнизонов Мальты и осажденного в апреле 1941 г. Тобрука превратилось в чрезвычайно сложную задачу. Так, только при снабжении Тобрука флот потерял 25 кораблей и транспортов, включая два эсминца, минный заградитель и три шлюпа[97].

Однако успех в битве конвоев во второй половине 1941 г. постепенно стал клониться в сторону англичан[98]. Большую роль в этом сыграла переброска значительной части сил люфтваффе на восток в связи с началом войны против СССР, что сразу проявилось в активности действий английской авиации и флота. В июле 1941 г. Африканский корпус генерала Э. Роммеля смог получить всего 32 тыс. из требуемых 50 тыс. тонн грузов, в августе этот объем сократился до 28,4 тыс. тонн[99]. Ситуация для немцев складывалась настолько сложно, что доставку жизненно необходимых грузов пришлось поручить подводным лодкам, совершившим во второй половине 1941 г. 16 переходов на Мальту.

Потери итальянского флота при проводке конвоев в Ливию также оказались значительными: в августе было потеряно 27 кораблей (общее водоизмещение — 57 944 тонны), в сентябре — 26 (94 816 тонн). В июне — августе были торпедированы лайнеры «Океания» (19 500 тонн) и «Дуилио» (23 600 тонн), спустя месяц отремонтированная «Океания», а вместе с ней однотипная «Нептуния» и «Эсперия» (11 700 тонн) были потоплены во время транспортировки войск в Триполи[100]. Объем грузов, доставляемых в Африку, резко сократился. В августе итало-германская группа войск в Ливии получила лишь 67% отправленных грузов, в октябре — 37%, в ноябре — 30%[101].

Германское руководство, осознав серьезность проблемы, направило осенью 1941 г. в Средиземное море подводные лодки, торпедные катера, тральщики и другие корабли[102], что быстро сказалось на обстановке в этом районе. 13 ноября в результате атак германских подлодок U-81 и U-205 был потоплен авианосец «Арк Роял», и Средиземноморский флот окончательно остался без авианосцев. 25 ноября лодка U-331 потопила линейный корабль «Бархэм»[103], а 14 декабря U-557 — крейсер «Галатея». Но самый тяжелый удар был нанесен английскому флоту 19 декабря, когда находившиеся в Александрии корабли флота подверглись атаке итальянских человекоуправляемых торпед. Эта операция была подготовлена под руководством Джулио Боргезе, создателя диверсионного подразделения специального назначения итальянского флота (10-й флотилии МАС)[104].

Действия флотов в Атлантике и на Средиземном море в 1942–1943 гг.

Вступление США в войну в декабре 1941 г. происходило в условиях тяжелых потерь их Тихоокеанского флота от ударов авианосного флота Японии. Но США оказались совершенно неготовыми и к развернутой вскоре борьбе подводного флота фашистской Германии на коммуникациях атлантического побережья. Проявленная в течение нескольких месяцев беспечность была вызвана недостаточной готовностью к этому в декабре 1941 г. и германского флота. В составе немецкого подводного флота на конец декабря числилась 91 подводная лодка, но в Атлантике могли быть использованы только 22 из них, и лишь половина оказалась в состоянии вести борьбу с судоходством противника, а другая половина находилась на пути домой. 23 лодки действовали в Средиземном море, еще три направлялись туда же в качестве подкрепления и шесть находились на позиции у Гибралтара[105].

Распределение подводных сил весьма точно отражало приоритеты германского командования. Даже в начале 1942 г. оно еще не осознало всей стратегической важности борьбы на атлантических коммуникациях. Средиземное море представлялось куда более важным театром борьбы с Англией, и появление нового мощного противника не вызвало какой-либо заметной озабоченности военно-политического руководства стран фашистского блока. Именно поэтому настойчивые предложения командующего подводными силами ВМС Германии адмирала К. Дёница перебросить часть подводных лодок из Средиземного моря в западную Атлантику не нашли понимания Верховного командования. Другой причиной, помешавшей вовремя оценить важность развертывания борьбы за Атлантику, стала опасность широкомасштабного вторжения противника в Норвегию. По убеждению А. Гитлера, только срочный перевод в норвежские базы практически всего надводного флота и переброска авиации могли предотвратить это вторжение[106].

Матросы у носовой башни английского эсминца «Ашанти»

Истребитель на палубе английского авианосца «Викториес»

Действия германских подводных лодок у берегов США в январе 1942 г. дали результат, превзошедший самые смелые ожидания германского командования. За первые две недели было потоплено 13 судов (общий тоннаж около 100 тыс. тонн), в феврале — 34 корабля (365 тыс. тонн)[107]. При этом среднее число германских подводных лодок, действовавших в этом регионе, не превышало 6–8 единиц[108]. Историки США позднее назвали это «бойней, проводившейся вдоль атлантического побережья», сравнив ее с «национальным бедствием, как если бы диверсанты уничтожили полдесятка крупнейших военных заводов»[109]. Однако этот ущерб стал следствием не столько мастерства немецких подводников, сколько полной беспечности американского командования спустя пять недель после объявления войны.

Успех операции «Удар в литавры» подтолкнул германское командование подводных сил к увеличению количества подлодок у берегов США. Все вступавшие в строй подводные лодки должны были направляться в этот район. Но Верховное командование не утвердило это решение. А. Гитлер потребовал срочно направить для прикрытия западных подходов к норвежским берегам дополнительно восемь подводных лодок. Всего же к 15 января 1942 г. для защиты Норвегии было выделено 20 лодок[110], поэтому к побережью США в качестве второй волны направились только пять. В середине апреля 1942 г. в американских водах было потоплено 198 судов (1150 тыс. тонн), при этом более половины этого числа составили танкеры — наиболее ценный и важный для союзников тип транспортных кораблей. Немцы лишились лишь одной подводной лодки.

Весна 1942 г. стала важным, во многом переломным периодом в ходе борьбы на атлантических коммуникациях. Германские военно-морские силы, особенно подводный флот, перешли к новой стратегии — «войне с тоннажем». Суть ее заключалась в следующем: «Судоходство противника — это единый, целостный организм. Поэтому не важно, где именно потоплено то или иное судно. В перспективе исход войны будет зависеть от соотношения судов, потопленных и построенных... Охоту на тоннаж следует вести в тех районах, где, с точки зрения операций подводного флота, его легче всего обнаружить и где его легче всего уничтожить при минимальных потерях с нашей стороны»[111].

Расчеты, сделанные германскими экспертами еще в 1940 г., показывали, что для принуждения Англии к поискам мира с Германией требовалось топить ежемесячно не менее 700–750 тыс. тонн торгового флота[112]. В условиях, когда английские и американские верфи успевали строить не более 200 тыс. тонн в месяц, у Германии был реальный шанс нарушить снабжение не только экономики, но и населения противника. В 1942 г. ожидалось увеличение строительства нового грузового тоннажа до 500 тыс. тонн и в 1943 г. — до 1,5 млн[113]. Вступление в войну США с их колоссальной индустриальной мощью делало перспективу превышения строительства нового тоннажа над его потерями вопросом времени. Те же экспертные оценки 1940 г. совершенно точно определяли 1942 г. как переломный. Исход битвы за Атлантику должен был решиться соревнованием между германскими подводными лодками, топившими все больше и больше кораблей, и судостроительными заводами союзников, день и ночь спускавшими на воду новые корабли взамен погибших в океане.

Верховное германское командование все еще не понимало важности битвы за Атлантику для всего хода войны. Но это прекрасно осознавали союзники по антигитлеровской коалиции. У. Черчилль писал: «Худшим злом для нас были атаки подводных лодок. Немцам стоило бы всё поставить на эту карту... Подобно тому, как Геринг в 1940 г. во время битвы за Англию постоянно менял объекты своих воздушных нападений, так и теперь подводная война была до некоторой степени ослаблена ради других привлекательных действий»[114].

Верное избранной стратегии немецкое командование подводных сил возлагало все надежды на строительство новых лодок, темпы которого весной 1942 г. оказались, однако, гораздо ниже ожидаемых — 10–13 единиц в месяц вместо 20. На совещании у А. Гитлера 14 мая 1942 г. адмирал К. Дёниц сообщил, что из всех имевшихся в строю на 1 мая 1942 г. подводных лодок лишь 85 действовали в Атлантике, 19 находились в Средиземном море, еще 20 — в Арктике, а 114 лодок проходили курс подготовки на Балтике[115]. Он привел также данные о результативности подводной войны: в период с января по апрель 1942 г. средние ежедневные показатели потопленного тоннажа союзников в пересчете на каждую лодку вы-

росли с 209 до 412 тонн[116]. В этих условиях состязание между строительством новых кораблей и уничтожением тоннажа в океане представлялось адмиралу К. Дёницу небезнадежным. По его подсчетам, ежемесячные показатели в 700 тыс. тонн потопленных кораблей союзников обеспечивали победу в этом состязании[117].

Однако в апреле 1942 г. на ход борьбы за Атлантику начал влиять новый фактор, воздействие которого росло все последующие годы вплоть до конца войны. Именно весной 1942 г. дали о себе знать результаты применения новых технических устройств, поступавших на вооружение английских авиации и флота. В феврале 1942 г. одна из подводных лодок донесла об обнаружении небольшого конвоя в Бискайском заливе, после чего лодка исчезла. Спустя некоторое время при сходных обстоятельствах исчезли еще две германские подводные лодки. Встревоженный штаб подводных сил предположил, что лодки стали жертвой «фальшивого конвоя», состоявшего из судов-ловушек[118]. В действительности германские лодки были потоплены кораблями эскорта, оборудованными радиолокатором сантиметрового диапазона, позволявшими обнаруживать лодки на большом расстоянии и точно определять их местоположение. В течение короткого времени в Бискайском заливе три подводные лодки, следовавшие ночью в надводном положении в районы патрулирования, были атакованы самолетами английской береговой авиации и получили серьезные повреждения. Атаки начинались внезапным появлением самолета, который на дистанции около одной мили включал мощный прожектор, а затем сбрасывал глубинные бомбы, срабатывавшие сразу после погружения. Точный выход самолета в район нахождения подводной лодки в ночное время был возможен только с использованием радиолокатора. Появление такого устройства на противолодочных кораблях и самолетах кардинально меняло условия борьбы в Атлантике.

Не менее тревожными оказались сообщения нескольких командиров подводных лодок о том, что они были обнаружены и подверглись атаке эскадренных миноносцев сразу после сеанса радиосвязи. Корабли эскорта появлялись точно в районе нахождения лодок, и это явно не было случайностью. Технические специалисты германского штаба подводных сил не смогли предвидеть появления еще одной технической новинки — коротковолнового радиопеленгатора, позволявшего с высокой точностью определять положение лодки после ее выхода в эфир[119]. Первоначально такие установки были созданы на берегу, но к лету 1942 г. они появились и на кораблях охранения[120].

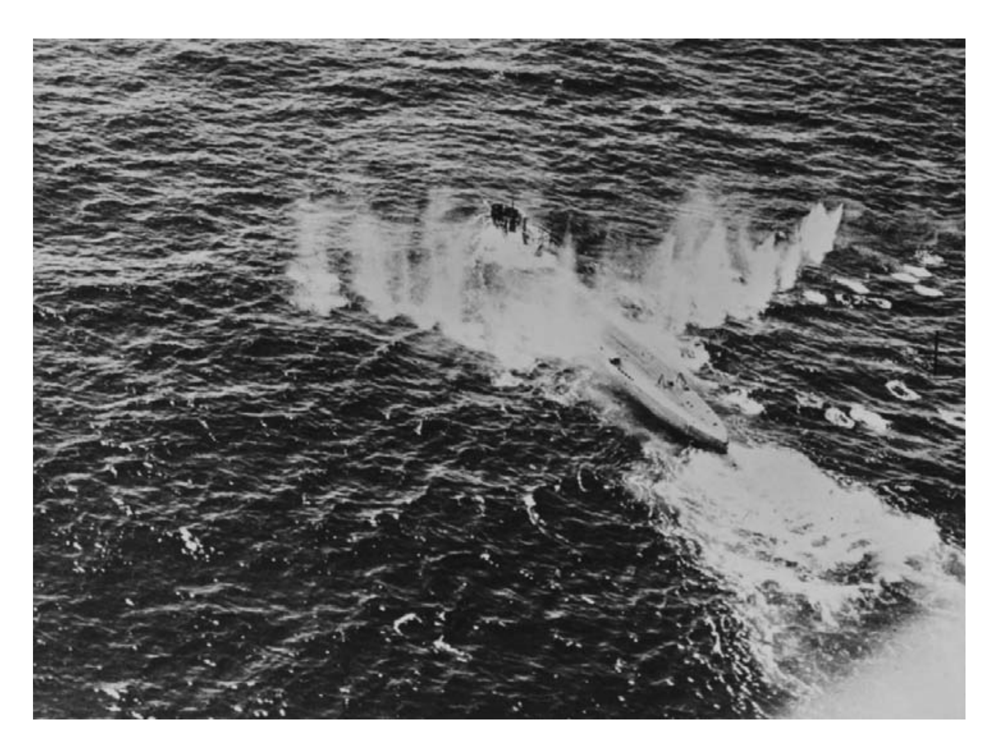
Командованию подводных сил Германии сразу же стало ясно, что последствия массового применения высокоточных локаторов и радиопеленгаторов выходят за рамки тактического применения. К. Дёниц признавал: «Авиация неожиданно стала очень грозным противником, опасным не только для отдельной подлодки... но и для нашего метода ведения подводной войны в целом... Теперь в районах с сильным воздушным патрулированием применение нашей тактики («волчьих стай». — *Прим. ред.*) станет невозможным»[121].

Увлеченный идеей роста численности подводных лодок, адмирал К. Дёниц явно упустил из виду необходимость их технического совершенствования, и его просчет стал очевидным к лету 1942 г. В качестве мер противодействия этим новым угрозам было предложено начать срочное строительство лодок совершенно нового типа, снабженных двигателем Г. Вальтера, позволявшим развивать подводную скорость до 25 узлов и сохранять ее на протяжении нескольких часов. По мысли адмирала, лодки этого типа могли преодолеть трудности, возникшие с появлением у противника радиолокаторов и радиопеленгаторов, поскольку были в состоянии сближаться с конвоями и проводить атаку, не поднимаясь на поверхность.

Единственной новацией германских подводных сил в борьбе за Атлантику весной 1942 г. стало появление так называемых «дойных коров» (лодок-танкеров), субмарин большого водоизмещения (1700 тонн), главным назначением которых была заправка топливом подводных лодок в удаленных районах. Лодка-танкер была вооружена лишь парой зениток, но могла принимать в цистерны до 700 тонн топлива. В апреле в Атлантику вышла первая подводная лодка-танкер U-459. За две недели, находясь в районе Бермудских островов, она дозаправила 13 лодок среднего водоизмещения и две лодки большого водоизмещения. Вскоре в этом районе действовали уже три таких лодки[122].

Американский танкер, торпедированный немецкой подводной лодкой

Атака немецкой подводной лодки британским бомбардировщиком

Введение мер противолодочной обороны у восточного побережья США положило конец безнаказанным действиям германских подводных лодок и заставило командование германских ВМС искать новые районы эффективных действий. Немецкие лодки были направлены в Карибское море, к западному побережью и южной оконечности Африки, к берегам Бразилии. Но все же главным районом действий оставалась Северная Атлантика, где пролегали основные маршруты движения конвоев из Северной Америки в Англию и обратно. Рост числа подводных лодок, вступивших в строй (по 30 единиц ежемесячно в июле — сентябре 1942 г.), позволил немцам начать новую фазу борьбы с конвоями союзников, имея одновременно в Атлантике до 80 подводных лодок.

Главной особенностью этой новой фазы стала концентрация «волчьих стай» в районах, где конвои следовали без воздушного прикрытия. К тому времени строительство новых авиационных баз в Северной Америке, Гренландии, Исландии, Северной Ирландии и Фритауне позволило союзникам прикрывать конвои на удалении до 800 миль от побережья, что серьезно ограничило возможности подводных лодок[123]. Самолеты береговой авиации буквально загоняли германские лодки под воду, не давая им возможности сблизиться с конвоем. Другим фактором, серьезно изменившим условия этого нового этапа борьбы с подводными лодками, стало массовое использование радиолокаторов эскортными кораблями.

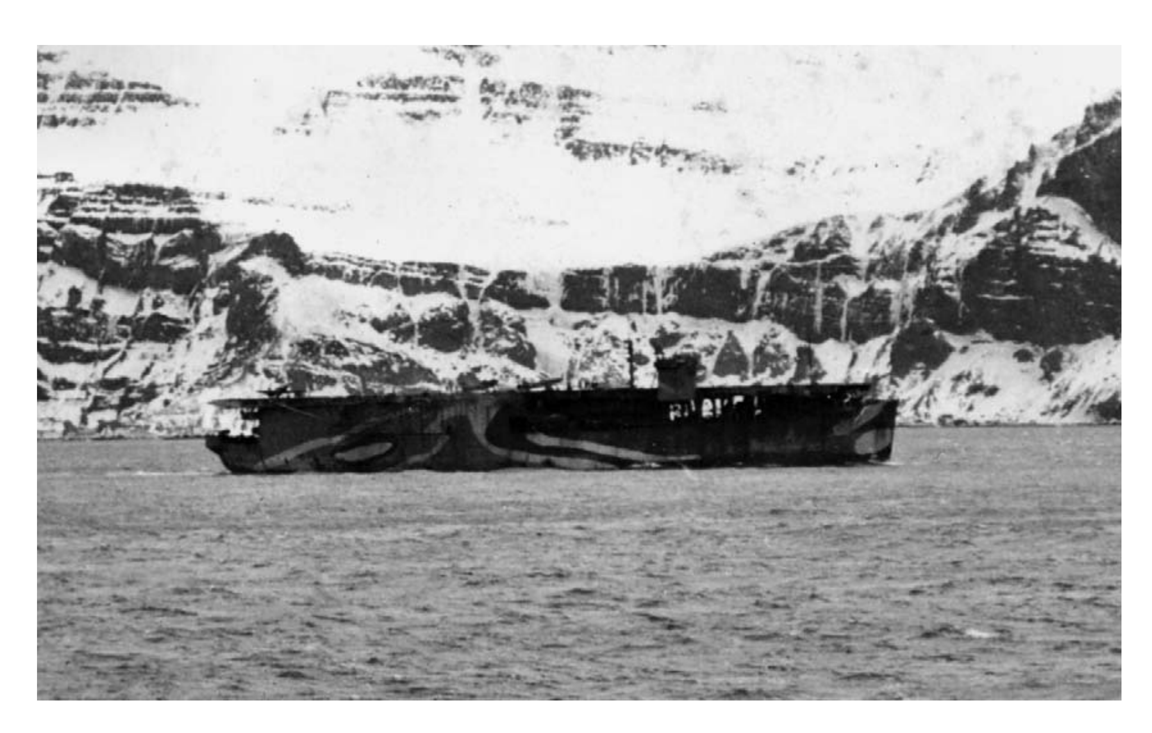
Вторая половина 1942 г. стала временем ожесточенных схваток между кораблями охранения конвоев и германскими подлодками. Уже первое подобное сражение показало, насколько тяжелым обещал быть этот период битвы в Атлантике. В августе 1942 г. следовавший на восток конвой SC-94 в составе 33 судов и семи кораблей эскорта подвергся нападению двух «волчьих стай» в составе 17 подводных лодок. Сражение продолжалось пять дней, его итогом стало потопление 11 судов и двух лодок[124]. Высокая степень напряжения в этой войне с конвоями сохранялась до конца года. В декабре конвой HX-217 на протяжении нескольких дней атаковали уже 22 подлодки.

Анализ исхода этих сражений сразу же выявил общую закономерность — конвои, имевшие хотя бы частичное воздушное прикрытие, несли меньшие потери, а их эскорт уничтожал значительное число подлодок противника. Но итог сражений в Атлантике в 1942 г. все же не позволял ни одной из сторон считать эту борьбу выигранной. Союзники потеряли в Атлантике 1081 судно общим водоизмещением 5936 тыс. тонн (общие потери на всех театрах составили 1664 корабля тоннажем 7790 тыс. тонн), германские ВМС потеряли 87 подводных лодок, кроме того, были потоплены 22 итальянские подлодки[125].

Открытие нового фронта в Северной Африке требовало значительного увеличения объема перевозок в Атлантике. Перспектива высадки в Европе, подготовка новой широкомасштабной десантной операции также требовали еще большего потока грузов. В этой ситуации для союзного командования было предельно ясно, что «пока германские подводные лодки не потерпят поражения, наступательная стратегия, с которой связали себя союзники, не будет иметь шансов на успех. Вторжение в Европу не может состояться до тех пор, пока не будет выиграна битва за Атлантику»[126]. Сама логика противоборства определяла новый, 1943 г. как период решающей борьбы в Атлантике.

Германские подводные силы встречали новый год на пике своего могущества. На 1 января 1943 г. в Атлантике находились 164 подводные лодки, в Средиземном море — 24 лодки, в Арктике — 21. В это же время сменилось и командование германскими военно-морскими силами, во главе которых был поставлен бывший командующий подводным флотом гросс-адмирал К. Дёниц, что явно говорило о приоритете этого рода сил флота[127].

Начало решающих сражений в борьбе за Атлантику в январе 1943 г. складывалось не в пользу союзников. 9–11 января в районе Азорских островов восемь немецких подводных лодок напали на конвой ТМ-1, состоявший из девяти танкеров под защитой четырех кораблей эскорта, и буквально истребили его, потопив семь танкеров, что лишило союзные войска в Северной Африке столь необходимого топлива. В конце февраля следовавший на запад конвой ON-166 подвергался атакам подводных лодок в течение пяти дней на протяжении 1100 миль пути, в результате было потеряно 14 судов. Корабли охранения сумели потопить лишь две подводные лодки. Столь длительные атаки стали возможными благодаря нахождению в районе Азорских островов двух лодок-танкеров, обеспечивших топливом 27 субмарин[128].

Британский авианосец «Дэшер» в водах исландского Хваль-фьорда

Заправка линкора «Вашингтон» с танкера в открытом море

Истребители и торпедоносцы прогревают двигатели на палубе американского авианосца в Атлантике

Подвеска бомбы на американский пикирующий бомбардировщик

Самое грандиозное сражение всей битвы за Атлантику разыгралось 16–20 марта, когда три отряда немецких подводных лодок (38 единиц) атаковали два конвоя HX-229 и SC-122, шедших в Великобританию. 17 марта конвои объединились, что позволило увеличить число эскортных кораблей, к тому же они получили прикрытие с воздуха. Но это не спасло их от тяжелейших потерь. Сражение в Атлантике продолжалось четверо суток. Германская пропаганда преподнесла это событие как «величайшую битву конвоев всех времен», завершившуюся уничтожением 32 транспортов общим водоизмещением 186 тыс. тонн. В действительности потери оказались значительно меньше — всего 22 судна общим водоизмещением 146 тыс. тонн, но при этом была потоплена лишь одна подводная лодка[129].

Столь большие потери произвели угнетающее впечатление на союзное командование. Британское Адмиралтейство признало: «Немцы никогда не были так близки к полному нарушению коммуникаций между Старым и Новым Светом, как в первые двадцать дней марта 1943 г.». За этот период было потеряно 97 судов, почти две трети которых следовали в составе конвоев. Особенно впечатляющим было то, что конвои охраняли солидные силы, и они имели воздушное прикрытие. Но именно в период самых глубоких сомнений в эффективности форм и методов борьбы с подводной угрозой наступил перелом. В апреле 1943 г. в два раза сократилось число потопленных в Атлантике кораблей, оставшись на этом уровне и в мае[130]. Одновременно увеличились потери германских подводных лодок.

Эта новая тенденция ярко выявилась в ходе сражения 2–6 мая 1943 г. После обнаружения шедшего на запад конвоя ONS-5, состоявшего из 30 судов, на его пути были развернуты две завесы германских подводных лодок (41 единица). Охрану конвоя обеспечивали три эскадренных миноносца, фрегат, четыре корвета и два траулера. В ходе ожесточенного четырехдневного сражения конвой потерял 12 судов, а немцы — семь лодок. Главной причиной такого исхода стало быстрое усиление охраны конвоя. После первых же контактов с подводными лодками английское командование направило на усиление две эскортные группы и береговую авиацию. Все 15 лодок, пытавшиеся приблизиться к конвою, были обнаружены и атакованы.

Изменившееся соотношение сил окончательно выявилось при атаке конвоев SC-130 и HX-239. Против первого из них, вышедшего из Галифакса в составе 38 судов, 15–20 мая были развернуты четыре группы подводных лодок, но, несмотря на многочисленные и ожесточенные атаки, конвой не потерял ни одного судна. Второй конвой также не понес потерь. Урон противника составили шесть лодок. В мае 1943 г. ВМС Германии потеряли 31 подводную лодку. Если в январе — марте 1943 г. потери составили 9,2%, то в мае они достигли 30%[131]. 24 мая все германские подводные лодки получили приказ покинуть районы Северной Атлантики.

К маю 1943 г. во всей полноте дали о себе знать меры совершенствования технических и организационных средств борьбы с подводной угрозой. В распоряжение английского командования, обеспечивавшего проводку конвоев в Атлантике, поступили новые многочисленные эскортные корабли, в том числе и конвойные авианосцы, десятки противолодочных самолетов берегового базирования, включая американские сверхдальние бомбардировщики и летающие лодки. Все они были снабжены целым арсеналом новых технических устройств и вооружения, ставшим результатом продолжавшейся войны конструкторов.

Противоборство конструкторских бюро воюющих сторон разгорелось с новой силой. Германские инженеры в экстренном порядке продолжали разрабатывать ряд новинок, среди которых особенно большие надежды возлагались на новые торпеды и шноркель — устройство подводного хода. Ответом на появление радара стали устройства обнаружения радиолокационного облучения «FuMB1 Метокс», появившиеся на германских подлодках в конце 1942 г. и позволившие резко сократить число обнаружений подводных лодок весной 1943 г. «Метокс» оставался достаточно эффективным до лета 1943 г., пока у англичан не появился радар сантиметрового диапазона, и воздушная угроза германским лодкам вновь возросла. Особенно велика она была в Бискайском заливе, через который подводные лодки выходили в Атлантику из баз на побережье Франции.

В качестве меры противодействия германское командование приказало объединять подлодки в группы для совместной обороны от атак авиации. Несколько лодок было пере-

оборудовано в «подлодки ПВО», на которых устанавливалось мощное зенитное вооружение. По замыслу командования «подлодки ПВО» должны были прикрывать группы лодок, прорывающихся в Атлантику. Результатом этой новой тактики стали сражения, разыгравшиеся в мае — июле 1943 г. между подлодками и береговой авиацией союзников в Бискайском заливе. В июне потери лодок, выходивших в Атлантику, снизились. Но союзное командование быстро нашло средство борьбы с ордерами коллективной ПВО немецких лодок, просто изменив тактику действий авиации и надводных сил. По новой тактической схеме самолет, обнаруживший лодки, вместо немедленной атаки вызывал подкрепление, находясь вне зоны поражения средствами ПВО подлодок. В период с 1 июля по 2 августа 1943 г. залив форсировали 86 немецких подлодок, из которых 55 было обнаружено, 17 потоплено (16 из них авиацией) и еще шесть, получив повреждения, вернулись в базы. Под влиянием таких потерь выход подлодок в море был на время прекращен[132].

Получив, наконец, в свое распоряжение эскадрилью бомбардировщиков, вооруженных планирующими бомбами, К. Дёниц бросил их против эскортных кораблей в Бискайском заливе. Эффект применения планирующих бомб оказался настолько велик, что английское командование вывело из зоны действия германской авиации свои эскортные группы. Но это ослабление было с лихвой компенсировано увеличением количества береговой авиации, чему в решающей степени способствовал вывод германских подлодок из Северной Атлантики.

Неутешительными были и результаты действий германских лодок, остававшихся в океане. В июне — августе 1943 г. они смогли потопить 58 транспортных судов союзников, большей частью у побережья Южной Африки и в Индийском океане. Однако цена этого успеха была чрезмерна — 74 подводные лодки[133]. Такое соотношение потерь поставило гросс-адмирала К. Дёница, по его собственному признанию, «перед самой трудной проблемой из всех, которые возникали во время войны... Предстояло решить, отозвать все подводные лодки со всех театров военных действий, тем самым прекратив подводную войну, или же продолжать операции»[134]. По сути, германский главнокомандующий признал полный крах своей прежней доктрины войны с тоннажем.

Масштабы и темпы строительства новых транспортных судов на союзных верфях достигли наивысших показателей. Наиболее ярким примером в этом отношении стало крупносерийное строительство на американских верфях транспортных судов типа «Либерти»[135].

С началом нового, 1942 г. в центре событий на Средиземном море вновь оказалась Мальта. По сути, в первой половине года весь ход войны на этом театре определялся итогами борьбы за остров. От того, в чьих руках он находился, зависела возможность беспрепятственного снабжения армий противоборствующих сторон в Северной Африке. Лишь в феврале 1942 г. командующему германскими войсками в Италии генерал-фельдмаршалу А. Кессельрингу удалось убедить А. Гитлера в необходимости захвата Мальты. «В конце аудиенции Гитлер схватил меня за руку и с австрийским акцентом сказал: «Будьте в полной готовности, фельдмаршал Кессельринг. Я собираюсь это сделать!»[136]

В конце 1941 г. силы люфтваффе в Италии вновь были увеличены, на Сицилию прибыли части 2-го авиакорпуса. Массированные удары начались в декабре, когда германские бомбардировщики совершили 169 налетов, в январе — 262 налета. Горстка английских истребителей «Харрикейн» отражала эти налеты, неся тяжелые потери. К концу января их осталось всего 28, к середине февраля — 11, и каждому из них противостояло более 10 самолетов противника[137]. Но все же главным следствием господства противника в воздухе стала невозможность прикрыть конвои, следовавшие на остров. 12 февраля 1942 г. вышедший из Александрии конвой при попытке прорыва к Мальте был фактически уничтожен, потеряв все свои четыре транспорта[138].

Успех воздушного наступления на остров давал основания для дальнейших шагов. Итальянское и германское командование пришло к выводу о необходимости «уничтожить осиное гнездо англичан на Мальте»[139], началась подготовка плана вторжения, получившего название «Геркулес». Одновременно резко увеличились объемы грузов, перевозимых в Африку, в январе было доставлено в 1,5 раза больше боеприпасов и топлива, в феврале — марте — уже

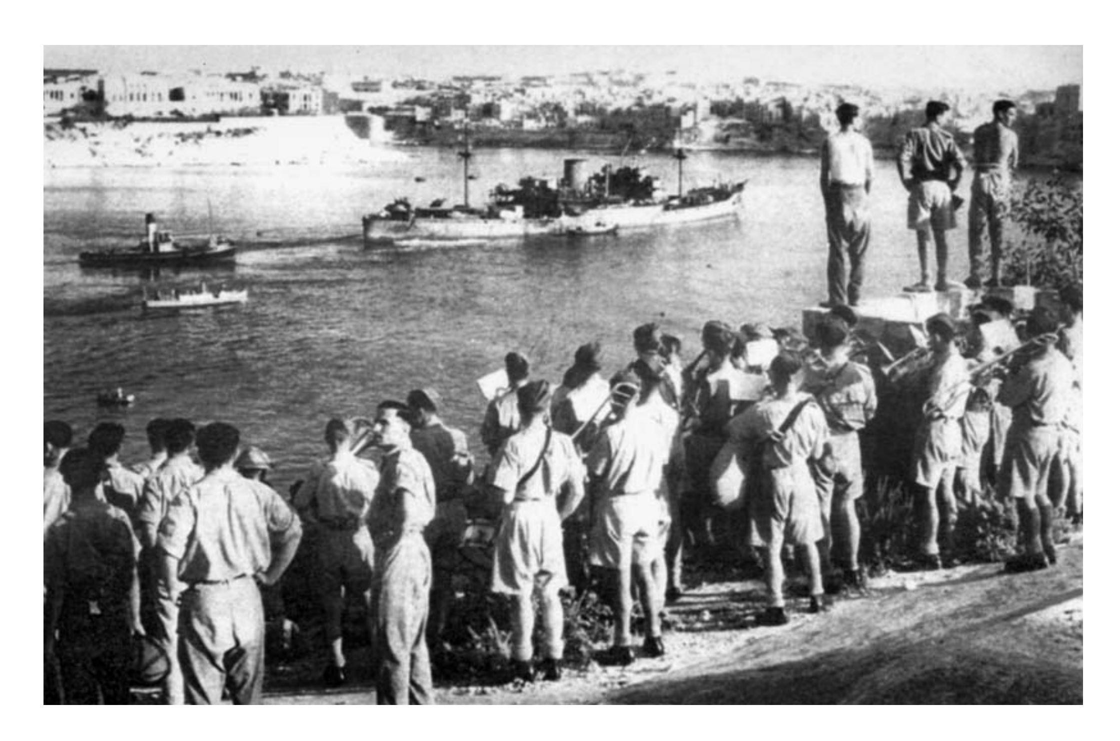
Английские моряки у зенитной установки на одном из эсминцев в Средиземном море

Мальтийский конвой во время авианалета

Транспорт в охранении эскортных миноносцев у берегов Мальты

Транспорт входит в гавань Ла-Валетты

Уцелевшие моряки с потопленных судов

в 2,5 раза[140]. Очередная попытка провести на Мальту конвой 22 марта снова закончилась провалом, три судна были потоплены на подходе и в самом порту уже во время разгрузки. В итоге, из 26 тыс. тонн грузов удалось спасти всего 5 тыс.[141]

В апреле 1942 г. состояние английских сил на Мальте стало критическим, каждый день они подвергались налетам до 170 бомбардировщиков люфтваффе. Находившиеся на острове корабли были уничтожены или перебазированы в африканские порты, доки и мастерские разрушены, число боеспособных истребителей сократилось до шести единиц, и все же гарнизон Мальты держался. «Мальта побеждала, будучи на волосок от поражения, — вспоминал У. Черчилль, — и мы в Англии испытывали величайшую тревогу»[142]. Степень этой тревоги была такова, что английский премьер-министр обратился с экстренной просьбой к президенту США направить авианосец «Уосп» в Средиземное море для доставки на Мальту истребителей «Спитфайр»[143]. Ф. Рузвельт быстро откликнулся на эту просьбу, и 46 истребителей были переброшены на мальтийские аэродромы, но в течение всего трех дней почти полностью уничтожены немецкими бомбардировщиками[144]. Объем грузов, доставленных в Африку, по сравнению с декабрем увеличился почти в четыре раза, что дало возможность Африканскому корпусу Э. Роммеля начать новое наступление в конце мая.

Положение гарнизона и населения острова было отчаянным, запасы самого необходимого оказались на исходе. Командующий английским гарнизоном острова генерал У. Добби доносил в Лондон: «Очевидно, может случиться самое худшее, если мы не сможем пополнить запасы для удовлетворения жизненных потребностей, в особенности это касается муки и боеприпасов... Речь идет о том, чтобы выжить»[145]. Но вторжение не состоялось. Успех начавшегося наступления войск Э. Роммеля привел к тому, что план «Геркулес» был отменен[146]. Позднее это было признано одной из самых фатальных ошибок руководства Германии и Италии.

Этой ошибкой не замедлило воспользоваться английское командование. В мае на Мальту были переброшены 60 истребителей «Спитфайр», действия которых привели к перелому в битве за Мальту. В мае в ходе налетов итальянская и германская авиация потеряла 40 самолетов, англичане — лишь 25. Интенсивность воздушных налетов на Мальту резко сократилась[147].

Окончательно участь Мальты была решена в ходе наступления Африканского корпуса, захватившего 21 июня 1942 г. Тобрук вместе с огромными запасами топлива и снаряжения, что вызвало эйфорию в Германии и Италии. Операция «Геркулес» была еще раз отложена, теперь до сентября. Вернувшись к вопросу о захвате Мальты на совещании 15 июня 1942 г., А. Гитлер подтвердил всю важность этой операции, но одновременно подчеркнул, что не верит в ее возможность до окончания наступления на востоке[148].

Гарнизону и населению острова катастрофически не хватало самого необходимого, включая хлеб, ежедневная норма выдачи которого уже в мае сократилась до 280 граммов[149]. В июне британское Адмиралтейство решило провести на Мальту одновременно сразу два конвоя. 5 июня из Англии вышел конвой «Гарпун» в составе шести транспортов, 13–14 июня из портов Египта отправился конвой «Вигэрес», включавший 11 судов. Западный конвой охраняли корабли британского флота, включая линкор, два авианосца, три крейсера и восемь эсминцев. Восточный конвой взяли под свою защиту семь крейсеров и 17 эсминцев. Кроме того, на позициях были развернуты 13 подводных лодок, прикрытие с воздуха обеспечивала береговая авиация с Мальты и египетских аэродромов. С целью введения противника в заблуждение на два дня раньше из Порт-Саида вышел отвлекающий конвой из четырех транспортов в сопровождении крейсера и семи эсминцев. Ни один конвой прежде не имел подобного обеспечения, но это не предотвратило разгрома. Воздушная разведка противника обнаружила оба конвоя, и они подверглись ожесточенным атакам итальянских и немецких бомбардировщиков. На перехват восточного конвоя вышла итальянская эскадра в составе двух линкоров, четырех крейсеров и 12 эсминцев. Итогом сражения стал прорыв на Мальту лишь двух транспортов конвоя «Гарпун», кораблям конвоя «Вигэрес» пришлось вернуться обратно. Английский флот понес тяжелые потери: крейсер, пять эсминцев и шесть транспортов были потоплены авиацией противника.

В конце июня 1942 г. войска Африканского корпуса фельдмаршала Э. Роммеля вышли к английским позициям у Эль-Аламейна, до Александрии оставалось всего 70 км. Здесь они были остановлены. И опять главным вопросом стала доставка снабжения и боеприпасов. По-прежнему все упиралось в Мальту, поскольку в случае ее падения менялась вся стратегическая ситуация в Средиземноморье. Для проводки нового конвоя была подготовлена специальная операция «Пьедестал», при планировании которой максимально учитывался опыт июньских конвоев. Конвой WS-21S в составе 14 транспортных судов получил чрезвычайно мощную охрану: два линкора, три авианосца, семь крейсеров, 24 эсминца, восемь подводных лодок. 10 августа конвой прошел Гибралтар, и в тот же день из Порт-Саида отправился отвлекающий конвой. 11 августа авианосец «Игл» был торпедирован германской подлодкой U-73. Ветеран английского флота, получив четыре торпеды, затонул через восемь минут, погибли 260 матросов и офицеров[150]. В тот же день начались налеты немецкой авиации, затем последовали атаки подводных лодок, а с наступлением ночи — и торпедных катеров. К 15 августа Мальты достигли лишь пять кораблей, из которых два были сильно повреждены. Флот и на этот раз понес очень тяжелые потери: авианосец, два крейсера и эсминец были потоплены, еще один авианосец и два крейсера повреждены[151].

Действия английского флота в Средиземном море как нигде были подчинены интересам сухопутной армии. Чтобы облегчить тяжелое положение 8-й армии генерала Б. Монтгомери, флот провел рискованный рейд на Тобрук (операция «Эгримент»). Но в ночь на 14 сентября 1942 г. он завершился катастрофой. Артиллерия и авиация противника уничтожили крейсер, два эсминца и шесть катеров. Значительная часть десанта попала в плен.

Гораздо успешнее силы флота действовали на коммуникациях противника. Передышка, которую получила Мальта, позволила увеличить авиационную группировку и начать налеты на конвои, доставлявшие грузы корпусу Э. Роммеля. Успех этих действий во многом способствовал неудаче наступления Африканского корпуса на Алам-эль-Хальфу в начале сентября. Войскам требовалось около 6 тыс. тонн топлива, итальянский конвой из семи судов, отправленный 28 августа, вез 10 тыс. тонн, но до места назначения дошли лишь три из них и 1,5 тыс. тонн топлива. 8 сентября немецкий фельдмаршал с отчаяньем сообщал своему командованию: «Ситуация со снабжением превратилась в кризис, в основном потому, что отправленные припасы никак на могут достичь цели... Все больше и больше судов гибнет, все меньше и меньше выделяют итальянцы для перевозок в Африку»[152]. А. Кессельринг пообещал Э. Роммелю доставлять по 500 тонн бензина транспортными самолетами, но и это выполнить не удалось[153]. Наступление Э. Роммеля провалилось, а вскоре 8-я армия Б. Монтгомери нанесла Африканскому корпусу тяжелейшее поражение под Эль-Аламейном.

Наиболее масштабные задачи выпали на долю английского флота в связи с подготовкой операции «Торч»[154]. На флот легла основная тяжесть этой работы. Британский Средиземноморский флот обеспечивал высадку двух десантов — в Алжире и Оране. Для перевозки войск и грузов был сосредоточен огромный флот транспортных и боевых кораблей. 26 октября 1942 г. армада в 650 кораблей и судов уже была на пути к местам высадки[155]. Английское командование опасалось, что противник подвергнет ударам с воздуха и из-под воды столь заманчивую цель, ожидалось, что для этого может быть использовано до 400 самолетов и около 75 подводных лодок[156].

Для обеспечения высадки союзное командование предприняло необычайные меры секретности[157], но все же главную защиту составили боевые корабли и авиация. Защищали и обеспечивали высадку десанта шесть линейных кораблей, 12 авианосцев, 20 крейсеров, 80 эсминцев, 13 кораблей ПЛО, 43 тральщика, девять подводных лодок и 43 других боевых корабля и катера[158]. Однако эти опасения не оправдались. Противник не оказал никакого серьезного противодействия высадке. Главной причиной этого стали ошибки как в оценке направления и предполагаемого места высадки союзного десанта, так и времени его проведения. «Верховное командование Германии не предполагало возможности высадки союзников в Северной Африке и считало, что они могут высадиться в Дакаре, на юге Франции или на

Крите, а большая концентрация транспортных судов в Гибралтаре рассматривалась просто как большой конвой на Мальту»[159].

К началу декабря союзники высадили в Северной Африке 253 213 человек[160], что открывало возможности масштабного наступления против итальянских и германских войск. Ответом руководства Германии на высадку союзников стала оккупация Южной Франции, одной из задач которой являлся захват французского флота. Но военно-морское командование Франции успело принять меры, и 27 ноября, после того как немецкие танки ворвались в главную базу флота, более 90 кораблей общим водоизмещение 237 тыс. тонн, включая три линкора, семь крейсеров, 30 лидеров и эсминцев и 16 подводных лодок, 18 эскортных кораблей, были взорваны или затоплены. Четыре подводные лодки сумели выйти из базы и прорваться в порты Северной Африки. Противнику достались лишь четыре эсминца, стоявшие в доках[161].

Не сумев воспрепятствовать высадке союзников в Северной Африке, германское командование предприняло срочные меры по нарушению английских и американских коммуникаций. К побережью Северной Африки были направлены германские и итальянские подводные лодки, к 12 ноября их насчитывалось девять единиц, еще 12 лодок находились на позициях к западу от Гибралтара. Германское командование приняло решение перебросить семь подводных лодок из Атлантики в Средиземное море, в итоге численность германских лодок достигла 23 из общего числа 212, находившихся в строю в ВМС[162]. И хотя некоторые из них добились ряда побед, в целом поставленная задача срыва снабжения десантированных войск решена не была. Тяжелые корабли итальянского флота из-за острой нехватки топлива отстаивались в базах. В ноябре союзники потеряли в Средиземном море 13 транспортных судов, в декабре их число сократилось до трех. В то же время германские и итальянские подводники столкнулись с активной и хорошо организованной противолодочной обороной, потеряв в период с 7 ноября по 15 декабря почти полтора десятка лодок[163]. Английское командование извлекло уроки из «битвы конвоев», и первым делом на захваченных территориях были созданы аэродромы. Действуя с них, авиация союзников сыграла большую роль в нарушении линий снабжения противника и защите собственных коммуникаций. Уже 18 ноября без потерь был проведен конвой «Стоунэйдж» на Мальту в составе четырех транспортов. В декабре 1942 г. конвои на Мальту стали приходить без помех.

Противоположная ситуация сложилась с итальянскими и германскими поставками в Северную Африку. Потребности Африканского корпуса в грузах составляли не менее 150 тыс. тонн в месяц, но уже в декабре 1942 г. потери при доставке морем достигли 96 тыс. тонн, а далее они лишь возрастали: в январе 1943 г. — 130 тыс., в феврале — снова 96 тыс., в марте — 100 тыс., апреле — 108 тыс., мае — 120 тыс. тонн. Фатально невосполнимыми оказались потери грузовых судов, в январе — мае 1943 г. они составили 330 единиц (общий тоннаж 470 тыс. тонн)[164]. К сентябрю 1943 г. в ожесточенной битве конвоев флот Италии лишился почти всего своего транспортного тоннажа[165]. Флот и авиация союзников уничтожили в 1940–1943 гг. 595 судов общим тоннажем 2,199 млн тонн и 28 эсминцев из состава охраны конвоев[166]. Как результат, итальянские и германские войска были посажены на голодный паек, испытывая острый недостаток в самом необходимом, что, в конечно итоге, предопределило их капитуляцию в мае 1943 г.[167] Невозможность эвакуировать эти войска из Африки сыграла большую роль в последовавшем вскоре выходе Италии из войны.

Следующим важнейшим событием в войне на Средиземном море стала высадка английских и американских войск на Сицилию (операция «Хаски») в июле 1943 г. При ее проведении союзники широко использовали опыт, полученный в период подготовки и проведения операции «Торч»[168]. Наибольшее беспокойство командованию союзников доставляли германские подводные лодки и авиация, несмотря на то что эти силы были ограничены — всего 18 германских подводных лодок и около 200 бомбардировщиков, способных действовать против конвоев союзников[169]. Эти силы не могли остановить колоссальную армаду численностью более 2500 боевых, транспортных кораблей и высадочных средств. С воздуха высадку прикрывали и обеспечивали до 4 тыс. самолетов[170].

В то время как командование итальянского флота уже после катастрофы в Тунисе было уверено, что следующим объектом удара станет Сицилия, «немцы считали, что более вероятна операция против Сардинии или Корсики»[171]. Допущенный просчет не позволил сосредоточить силы для удара по караванам с американским и английским десантом, и утром 10 июля союзники начали высадку в Сицилии практически не испытывая сопротивления. Действия подводных лодок и авиации противника привели к потере пяти десантных и семи транспортных судов, одного эсминца[172]. Несмотря на абсолютное превосходство союзников на море и в воздухе, противнику удалось почти без помех эвакуировать на материковую часть Италии 62 тыс. итальянских и около 40 тыс. немецких солдат и офицеров, потеряв потопленными всего 15 малых судов.

На дальнейшие планы союзников повлияли политические изменения в Италии в конце июля 1943 г. Свержение Б. Муссолини и переход Италии на сторону антигитлеровской коалиции открывали возможности для масштабной высадки на материке и быстрого продвижения к границам Третьего рейха. 8 сентября командующий союзными силами генерал Д. Эйзенхауэр и глава нового итальянского правительства маршал П. Бадольо объявили о капитуляции Италии[173]. Главные силы итальянского флота (три линкора, шесть крейсеров и восемь эсминцев) в ночь на 9 сентября во второй половине дня подверглись атаке 11 германских бомбардировщиков, применивших радиоуправляемые планирующие бомбы. Флагманский линкор «Рома» был поражен двумя бомбами, вызвавшими взрыв погребов боезапаса и гибель корабля, погибли 1253 члена экипажа, включая командующего адмирала К. Бергамини[174]. Оставшаяся часть флота все же добралась до Мальты, туда же пришли и корабли из Таранто — три линкора и два крейсера[175].

Главным врагом десантных сил союзников была германская авиация. Соединение бомбардировщиков, потопившее линкор «Рома», 11 сентября обрушило свои управляемые бомбы на корабли, прикрывавшие высадку у Салерно, тяжело повредив три крейсера, а 16 сентября бомбы поразили обстреливавший немецкие войска линкор «Уорспайт», вышедший из строя до конца операции. Немецкие подводные лодки сумели потопить лишь три транспорта, эсминец и тральщик.

Успехи союзников в Италии разительно отличались от результатов деятельности союзных сил в Восточном Средиземноморье. Капитуляция Италии поставила вопрос о контроле над рядом островов в Эгейском море, крупнейшим и важнейшим из которых был Родос, имевший удобную гавань и большие аэродромы. Фактически обладание этими островами обеспечивало контроль над Эгейским морем. Английским войскам удалось в сентябре 1943 г. захватить ряд небольших островов — Кос, Лерос и Самос, но Родос оставался в руках немцев. Борьба в Эгейском море продолжалась до конца года и завершилась победой германских сил, вернувших под свой контроль все острова. Решающей силой, как и прежде, оказалась немецкая авиация, ее действия привели к тяжелым потерям англичан: шесть эсминцев и две подводные лодки были потоплены, четыре крейсера и четыре эсминца получили повреждения. Потери армии составили 4800 солдат и офицеров, ВВС лишились 115 самолетов. Вермахт одержал победу, но значение ее вызывало сомнение даже у германского командования. Захваченные острова «оставались в руках немцев до окончания войны, но играли столь же незначительную роль, как и блокированные японские базы в Тихом океане»[176].

Действия немецкой авиации не только в восточной, но и в центральной части Средиземного моря составляли главную заботу союзного командования вплоть до конца года. Целью немецких бомбардировщиков стали конвои, доставлявшие пополнения и снабжение войскам в Италии. Объем этих перевозок был таков, что в конце 1943 г. количество судов в конвоях на Средиземном море превысило их число в атлантических конвоях. Самого крупного успеха германской авиации удалось добиться 3 декабря 1943 г., когда в результате удара по порту Бари бомбами был поражен транспорт с боеприпасами, детонация которых вызвала взрыв чудовищной силы, уничтоживший 16 кораблей и 38 тыс. тонн грузов. Порт Бари был восстановлен лишь через несколько недель[177]. Этот случай доказал высокую уязвимость для ударов авиации портов массовой разгрузки.

Высадка союзников на Сицилии и вывод Италии из войны

Германские и итальянские войска в начале 1943 г. потерпели крупные поражения на советско-германском фронте[178] и в Северной Африке. Вооруженные силы Италии оказались в тяжелом положении: в России и Африке были разгромлены лучшие итальянские дивизии.

В результате анализа положения Италии и возможностей итальянской армии англо-американские союзники приняли решение использовать успех в действиях в Северной Африке и перелом в пользу союзников в борьбе на морских коммуникациях, позволивший, в частности, англичанам удержать Мальту для продолжения ими наступательных операций в Средиземноморье в направлении юга Европы. Этому способствовало и то, что большую часть немецких войск продолжал притягивать советско-германский фронт, где А. Гитлер летом 1943 г. собирался предпринять новые наступательные операции[179].

США и Великобританией планировалось на этот период провести операцию с ограниченными целями — высадку на острове Сицилия. Захват этого острова, обеспечивавший повышение безопасности коммуникаций союзников на Средиземном море, одновременно позволил бы союзникам выбирать новые районы действий на юге Европейского континента и усилить давление на Италию с целью вынудить Б. Муссолини выйти из войны. Несмотря на то что военные действия против Италии, по замыслу союзников, должны были бы способствовать облегчению положения Красной армии на советско-германском фронте, изначально ограниченные цели десантной операции на Сицилии не могли бы оказать существенную военную помощь Советскому Союзу.

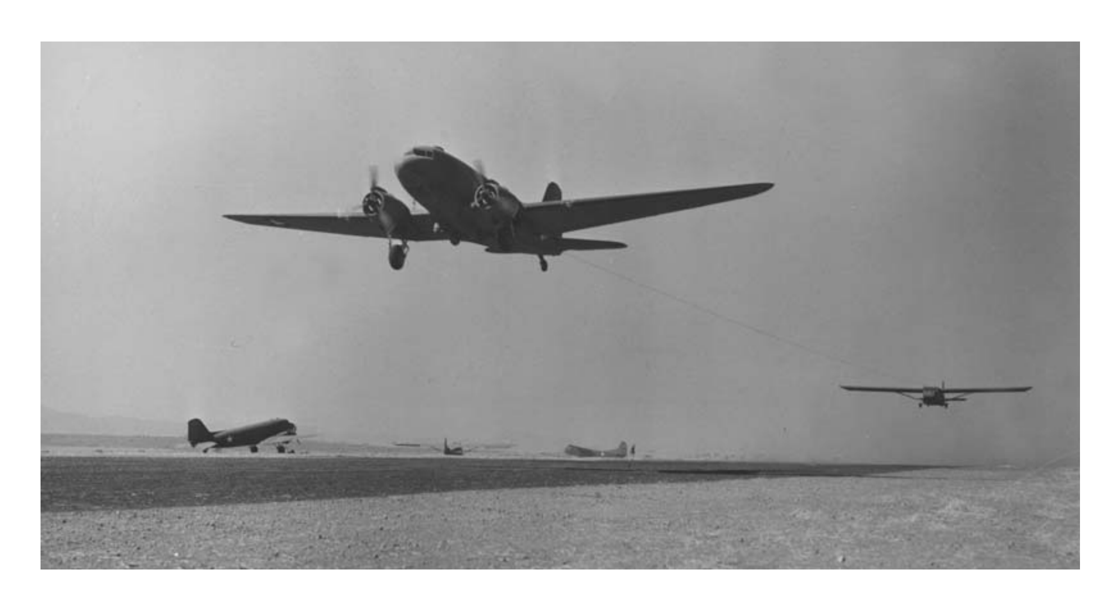
Важным этапом для обеспечения десантирования на Сицилию являлся захват Пелагских островов. Крупнейший из них — остров Пантеллерия, расположенный в 100 км к юго-западу от Сицилии, должен был стать удобным для обороны опорными пунктом. Операция предусматривала захват и дальнейшее использование островов для подготовки десантных сил и базирования истребителей союзников[180].

Гарнизон Пантеллерии состоял из 12 тыс. человек и 21 батареи орудий средних и крупных калибров (вплоть до 382-мм)[181]. Морской десант союзников составили 1-я британская пехотная дивизия и приданные ей 19 танков. С 8 мая 1943 г. в течение месяца остров атаковали англо-американские ВВС, а корабли обстреливали укрепления с моря. За день до высадки на остров самолетами союзников была обрушена 1571 тонна бомб и реактивных снарядов[182].

В ночь на 11 июня английский морской десант в составе трех групп кораблей выдвинулся из портов Сфакс и Сус с приданным ему отрядом кораблей артиллерийской поддержки (крейсеры «Пинелопи», «Ньюфаундленд», «Орора» и восемь эскадренных миноносцев). В это же время проводилась авиационная подготовка высадки десанта союзников. В 11 часов утра британские корабли начали обстрел берега. Итальянские батареи вели слабый противоартиллерийский огонь. Высадка десанта не встретила серьезного противодействия. В 12 часов 45 минут защитники острова сдались — формальной причиной было названо истощение запасов питьевой воды. На следующий день, не оказав сопротивления, капитулировал гарнизон на острове Лампедуза, 13 июня сдались силы обороны на островах Лампионе и Линоза[183].

Завершив освобождение Пелагских островов и установив в Сицилийском проливе оперативный режим, благоприятный для дальнейшего накопления сил в Средиземноморье, командование союзников приступило к планированию операции «Хаски» — высадке десанта на остров Сицилия[184]. По оценке британского командования, это должно было заставить Германию распылить силы и способствовать выходу Италии из войны, а также принудить Турцию присоединиться к войскам союзников[185].

Американское военное командование настаивало на высадке десанта в Северной Франции и скорейших действиях, направленных против Германии, вместо того чтобы участвовать в боевых действиях «на периферии»[186]. Впоследствии Ф. Рузвельт поддержал У. Черчилля. Они считали необходимым продолжить наступление на Сицилию, юг Италии и, возможно, Балканы[187]. По их мнению, захват плацдарма на территории стран фашистского блока должен был вызвать резкий подъем движения Сопротивления. Данному обстоятельству

Американский самолет буксирует планер во время репетиции высадки союзников на Сицилии

Солдаты 82-й десантной дивизии армии США возле планера

Американские солдаты поднимаются на борт десантного корабля
в гавани тунисского порта Бизерта в день высадки на Сицилии

Инструктаж на борту десантного корабля на пути в район высадки

способствовало и то, что в Италии, после потери 150 тыс. солдат и офицеров[188] в Тунисе, росли оппозиционные настроения против Б. Муссолини, в том числе в рядах большого совета национальной фашистской партии.

Для подготовки и проведения операции по овладению Сицилией было сформировано союзное командование во главе с Д. Эйзенхауэром. Сухопутными силами командовал британский генерал Х. Александер, военно-воздушными силами — главный маршал авиации А. Теддер, военно-морскими силами — адмирал Э. Каннингхэм[189].

Важнейшей ключевой позицией, призванной обеспечить захват Сицилии, считался Мессинский пролив, шириной менее трех миль, разделяющий северо-восток острова и южную часть Италии (Калабрии). Все военные корабли и транспортные суда, осуществлявшие перевозки из материковой Италии на Сицилию, неизменно следовали через это бутылочное горлышко. Поэтому англо-американское командование прежде всего спланировало операцию по захвату этого пролива[190].

Поскольку союзники сохраняли и контролировали господство на море, оптимальный вариант обеспечить победу на Сицилии состоял во вторжении на юг Италии. Фактически войск противника в районе Калабрии на тот момент не было. Захват данной территории мог изолировать Сицилию от материка и не допустить эвакуацию войск с острова[191]. Вместе с тем данный вариант не был принят, и причина тому — нерешительность американцев по поводу высадки на материковой части Италии[192].

Командующий группировкой Д. Эйзенхауэр считал этот план рискованным. Он решил действовать следующим образом: английская 8-я армия генерала Б. Монтгомери должна была высадиться на юго-востоке Сицилии, а 7-я армия США под командованием Дж. Паттона — на западе острова. Силы союзников насчитывали 478 тыс. человек, 1380 кораблей и судов, более 1800 десантных плавсредств, свыше 4 тыс. боевых и 900 транспортных самолетов[193]. Перед высадкой десанта союзная авиация в течение более двух месяцев наносила бомбоштурмовые удары по Сицилии, Сардинии и югу Апеннинского полуострова[194].

Как оказалось впоследствии, именно оттуда итало-немецкие войска и ожидали удар[195]. Генерал А. Гуццони, возглавивший объединенную итало-германскую группу войск (одновременно он командовал итальянской 6-й армией), сосредоточил в этом районе 255 тыс. человек в составе девяти итальянских дивизий[196]. Кроме того, там располагались две немецкие дивизии общей численностью 20 тыс. солдат и офицеров, разделенные на пять мобильных резервных соединений, а также 600 самолетов[197]. А. Гуццони вытянул свои войска по периметру острова, оставив две итальянские дивизии в вероятных местах высадки противника. Однако А. Кессельринг считал, что противостоять высадке союзников можно только быстрым контрнаступлением немецких войск. Последние по его настоянию сменили итальянцев и приняли первый удар союзного десанта[198].

Для осуществления десантной операции англо-американскими союзниками было задействовано около 3200 кораблей. В это число вошли 280 боевых кораблей основных классов, из них шесть линкоров, четыре авианосца, 10 крейсеров, 900 крупных и 1225 малых десантных плавсредств[199], значительное количество транспортов и кораблей сопровождения[200]. ВВС союзников располагали 3899 самолетами различных типов, в том числе и 219 самолетами флота и морской пехоты США[201]. ВВС противника перед операцией имели 820 немецких и 1095 итальянских самолетов, но только половина из них была готова к ведению боевых действий. На самой Сицилии базировалось 160 немецких и 80 итальянских самолетов[202].

Важным условием успеха операции являлось поддержание скрытности ее планирования и подготовки. Германское командование не было уверено, что союзники начнут вторжение в Европу операцией именно на Сицилии, рассматривалась также возможность первого удара в Сардинии, поскольку, располагая этим островом, союзники получили бы выгодный плацдарм для последующей атаки на Корсику, прямо на север. С Корсики войска США и Великобритании могли нанести эффективный удар и на юге Франции, в районе Марселя, и севернее Рима. Немцы также допускали, что союзные войска могут провести высадку в Греции и начать наступление на север через Балканы.

Британская разведка провела специальную операцию («Мясной фарш») по дезинформации противника, укрепив заблуждения германского командования. В Испании разведслужбы Третьего рейха получили документы, среди которых было письмо, подписанное заместителем начальника Генерального штаба Великобритании, адресованное генералу Х. Александеру, где указывалось, что союзники планируют высадку десанта либо на Сардинии, либо в Греции[203]. Немецкие агенты в Испании были уверены, что письмо подлинное. Оно произвело на А. Гитлера, в отличие от А. Кессельринга, большое впечатление. Фюрер направил из Франции 1-ю танковую дивизию для усиления обороны Греции, 90-ю дивизию — на Сардинию, а 11-й воздушный корпус с приданными ему двумя парашютными дивизиями — в Южную Францию. Этим соединениям была поставлена задача сорвать англо-американский десант на Сардинию[204]. Другим элементом дезинформации противника о готовящейся десантной операции стала имитация формирования в Каире 12-й английской армии, которая создавалась якобы для вторжения на Балканы через Грецию в начале лета 1943 г.[205]

Конкретный день начала десантной операции определялся союзниками, исходя из обстановки на советско-германском фронте. Было выбрано время, когда вооруженные силы Италии и Германии оказались максимально задействованы на восточном фронте. В июле — августе 1943 г. вермахт потерпел тяжелое поражение под Курском[206]. Военные и промышленные объекты на территории Германии и ее сателлитов находились под воздействием авиации СССР, Великобритании и США. Летом 1943 г. в Италию из Франции и других оккупированных стран было переброшено 14 немецких дивизий, из них четыре танковые, две моторизованные, шесть пехотных и две парашютные[207]. Однако этих сил не хватало для эффективной помощи Италии.

Командование союзных сил, планируя и готовя операцию, в некоторой степени излишне перестраховывалось. Для операции «Хаски» планировалось задействовать 10 дивизий, хотя это превышало количество сил, которое союзники в 1944 г. высадили на берег Нормандии. Кроме того, союзное командование настаивало на высадке в Салерно, который был в 200-мильной зоне доступа авиации, базировавшейся на аэродромах северной Сицилии[208].

Корабли и плавсредства для десанта были сконцентрированы во всех базах побережья Северной Африки, причем порты от Орана до Суса предоставлялись США, от Суса до Хайфы — Великобритании. Для проведения операции были созданы два оперативных объединения — Западное и Восточное[209]. Ближайшая к Сицилии военно-морская база союзников на Мальте служила для развертывания перед операцией сил десанта, кораблей сопровождения и охранения, а также для обеспечения войск союзников топливом, боеприпасами и продовольствием.

Расхождения во взглядах на применение авиации непосредственной поддержки десанта и отсутствие стремления у военно-воздушного командования осуществлять взаимодействие с другими видами вооруженных сил привели к ошибкам и просчетам на подготовительном этапе операции[210]. Руководство военно-воздушных сил союзников не только не участвовало в совместном планировании, но и не разрешило пилотам реагировать на заявки, поступавшие от кораблей или наземных радиостанций, за исключением тех, которые были одобрены собственным штабом в Северной Африке.

Замыслом операции «Хаски» предусматривалась высадка морского десанта на юго-восточном побережье Сицилии от Сиракуз до Ликаты. Ширина общего фронта десантирования составляла 125 км. Также предполагалась высадка двух воздушных десантов. Первый эшелон составляли английские, канадские и американские дивизии (в том числе одна танковая), их высадку предваряли действия отрядов коммандос и рейнджерс[211]. Ближайшей задачей десантной операции был захват плацдарма и авиабаз на юге Сицилии. Затем предполагались наступление на север под прикрытием ВВС, рассечение и окружение войск противника и в итоге их капитуляция. Конечная цель операции заключалась в полной оккупации Сицилии и использовании ее авиабаз и портов для проведения последующих операций против Италии[212].

Участок побережья от Сиракуз до мыса Пассеро был определен для английского десанта, от Папполо до Ликаты — для американского, а между ними планировалась высадка канадских войск[213]. Английским войскам предстояло овладеть районами Сиракуз, Аугусты и Катании, где приоритетной целью являлись аэродромы; задача американских войск — захват порта и

авиабаз Ликаты и прикрытие левого фланга британских войск. Авиадесанты были направлены на захват объектов береговой обороны на Сицилии, а также ближайших аэродромов в целях поддержки морского десанта. Для проведения высадки английского воздушного десанта использовалось 133 планера, а для американского — 400 военно-транспортных самолетов[214].

Союзное командование предпринимало все меры для достижения внезапности. С этой целью посадка десантных сил осуществлялась в 13 пунктах, а также соблюдались все меры маскировки в период подхода десантных отрядов к Сицилии. Восточное оперативное объединение включало в себя три десантных отряда и отряд кораблей огневой поддержки (ОКОП). В первый отряд, перевозивший две пехотные дивизии, вошли 73 транспортных и десантных судна, 18 высадочных десантных барж, два крейсера ПВО, монитор, 16 эскадренных миноносцев, 12 сторожевых кораблей и корветов, пять канонерских лодок, 11 тральщиков. Второй десантный отряд вышел из Туниса и Марокко и состоял из 58 танкодесантных кораблей, 31 десантного судна, крейсера ПВО, 10 эскадренных миноносцев. Третий отряд с пехотной дивизией включал 49 транспортов, 21 десантный корабль, 10 высадочных десантных барж, два крейсера ПВО, монитор, 31 эскадренный миноносец, шесть сторожевых кораблей, 18 фрегатов и корветов и семь тральщиков. ОКОП состоял из крейсеров «Орион», «Югенда», монитора «Робертс» и шести эскадренных миноносцев[215].

Первый десантный отряд Западного оперативного объединения, отвечавший за доставку 45-й пехотной дивизии, выдвинулся с баз 6 июня и прибыл в Северную Африку перед началом операции. Он включал в себя 18 транспортов, 18 танкодесантных и пехотнодесантных судов, 12 танкодесантных барж и пассажирских судов. Группа охранения состояла из 12 эскадренных миноносцев, четырех минных заградителей, 10 тральщиков, подводной лодки и двух буксиров. Проведение высадки в Сколитти (правый фланг сектора ответственности США) предполагалось с тех же плавсредств, на которых 45-я дивизия пересекала Атлантический океан. Ближайшей задачей 45-й дивизии был захват аэродромов Комизо и Бискари, а затем расширение плацдарма и установление взаимодействия с войсками Канады и Англии, находящимися на правом фланге[216].

Второй десантный отряд во главе с флагманским кораблем «Монровия» перевозил 1-ю пехотную дивизию, два батальона рейнджерс и два химбатальона из Алжира. Отряд включал 12 транспортов, 14 танкодесантных, 35 десантных судов. Группа поддержки состояла из 10 эсминцев и 18 тральщиков, группа управления — из девяти пассажирских судов, группа спасательных судов — из трех буксиров и спасательного судна. По плану дивизия должна была высадиться в американском секторе с задачей овладеть авиабазой в Понте-Оливо. После этого 1-я пехотная дивизия, расширяя плацдарм в зоне высадки, должна была соединиться с соседями справа и слева[217].

Третий отряд перевозил 3-ю пехотную дивизию, часть танковой дивизии, батальон рейнджерс и два инженерных полка из Бизерты. Корабельный состав отряда: 88 танкодесантных судов, 40 десантных кораблей и катеров, крейсер ПВО, 39 вспомогательных десантных кораблей, семь пассажирских судов[218]. Группу охранения составляли шесть эскадренных миноносцев, два тральщика и одна подводная лодка, группу спасательных судов — два буксира, резервную группу — 43 десантных судна разных типов и шесть тральщиков. Район высадки дивизий — окрестности Ликаты, ближайшая задача — установление связи с 1-й дивизией и оборона фланга общего десанта[219].

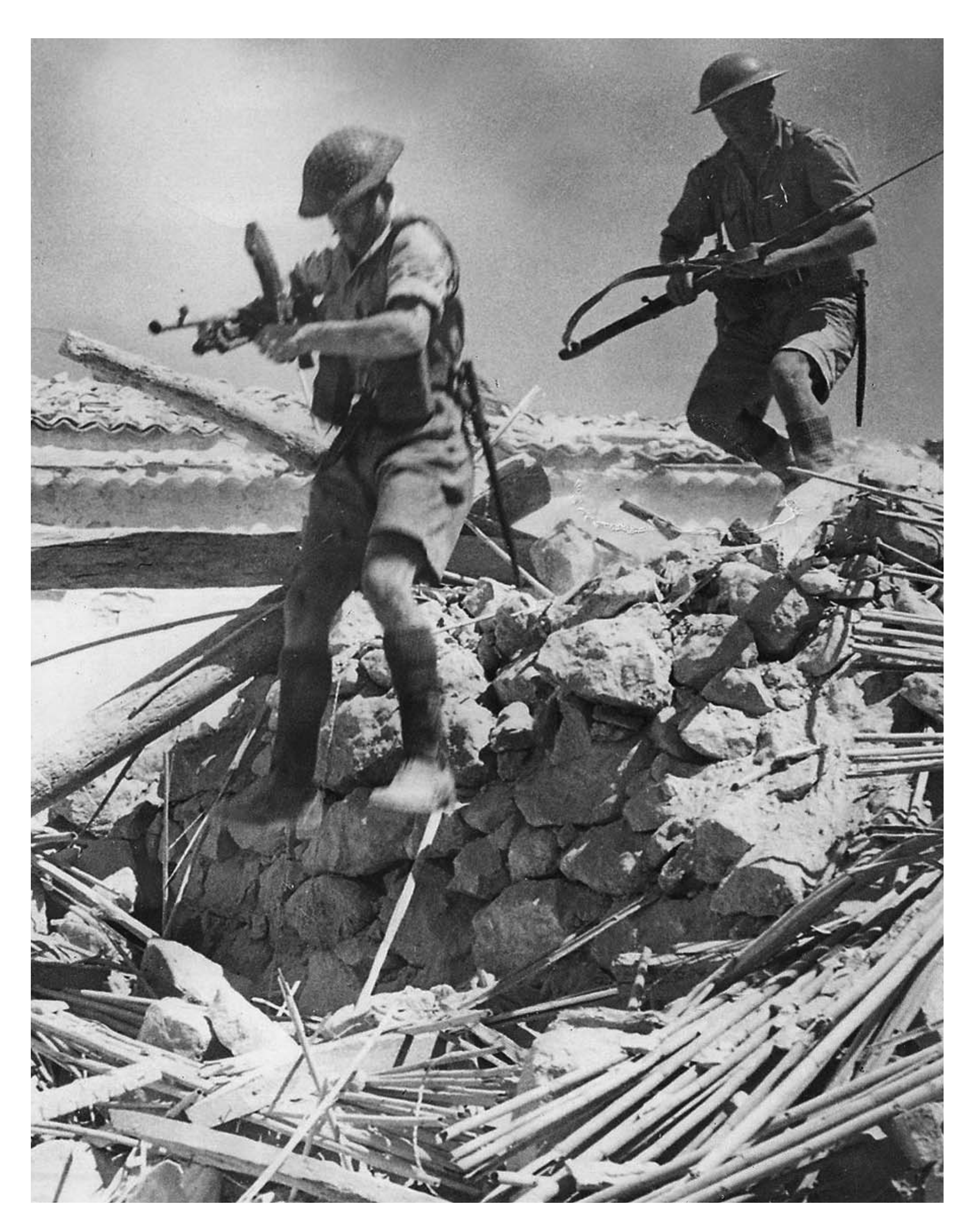
В Западное оперативное объединение вошли 8-я («Филадельфия», «Саванна» и «Бойз») и 13-я («Бирмингам» и «Бруклин») дивизии крейсеров США, а также монитор «Аберкромби». Во время перехода десантных сил вдоль побережья Северной Африки крейсерам надлежало действовать в качестве группы прикрытия, а перед десантной операцией и по ее ходу решать задачи артиллерийской поддержки, при этом «Филадельфия» поддерживала огнем 45-й дивизию, «Саванна» и «Бойз» — 1-ю дивизию, «Бирмингам» и «Бруклин» отвечали за поддержку 3-й дивизии[220]. По окончании высадки крейсеры по мере надобности должны были поддержать огнем десантируемые войска, а минные заградители — поставить защиту якорной стоянки транспортов в бухте рядом с г. Гела[221].

Американский танк на Сицилии

Американские десантники 82-й дивизии ведут наблюдение в районе сицилийского города Гела

Британские солдаты в бою на Сицилии

Поскольку основную угрозу морской части операции составляли авиация и подводные лодки противника, во время ее подготовки были произведены налеты союзной авиации на итальянские аэродромы и военно-морские базы (Специя, Неаполь, Ливорно, Мессина). Эти удары особенно активно наносились с 29 июня, когда английские бомбардировщики «Веллингтон» осуществили крупный налет на Мессину. Итоги авиаударов, которые предпринимались систематически в течение последних 5–6 суток перед операцией, оказали существенное влияние на ход и характер высадки[222]. Была нарушена связь между островом Сицилия и материком, на время прервалось судоходство в Мессинском проливе, инфраструктура главных военно-морских баз и аэродромов Италии сильно пострадала. Деятельность баз и портов, через которые из Италии на Сицилию можно было доставить резервы противника, была нарушена, ухудшилось снабжение войск и населения острова, тем более что часть запасов была уничтожена. Немецкой авиации пришлось перебазироваться на материковые аэродромы Италии[223].

10 июля 1943 г. было определено как день «Д». В это время на советско-германском фронте грохотала Курская битва. 5 июля вермахт начал свою главную операцию на восточном фронте («Цитадель»). Точное время десантирования (время «Ч» — 2 часа 45 минут) было выбрано исходя из того, что парашютистов надлежало сбрасывать при максимально возможном свете луны[224].

Движение соединений десанта по морю прошло в полном соответствии с разработанным планом. Около 12 часов дня, перед высадкой, когда десантные отряды двигались к заданному району, погодные условия начали портиться, а в 16 часов 30 минут поднялся ветер до 6–7 баллов[225]. Данное обстоятельство могло негативно сказаться на скорости движения соединений и помешать эффективной высадке войск. Метеорологические факторы особенно влияли на высадку в американском секторе на наветренном побережье. Ситуация с погодой настолько усложнилась, что генерал Д. Эйзенхауэр и адмирал Э. Каннингхэм обсуждали возможности отмены или переноса даты десанта. Но к ночи сила ветра уменьшилась, и десантные отряды восстановили график движения, пойдя на небольшие изменения маршрутов.

Ветер создал помехи воздушным десантам. Из 137 планеров 56 приземлились слишком далеко от заданной точки десантирования, 69 не достигли берега и сели на воду, и только 12 выполнили задание точно[226]. Транспортные самолеты США были вынуждены пролетать над десантными силами, поэтому оказались в сфере действия корабельного зенитного огня, и часть самолетов была уничтожена[227]. Парашютисты оказались разбросанными по всему побережью острова и значительной роли в оказании помощи морскому десанту не сыграли. Следовательно, два воздушных десанта, которым союзное командование отводило особо важные задачи, не смогли их выполнить.

Высадка десанта с моря началась точно по плану, кроме 45-й дивизии США, запоздавшей на час. Противодействовали ему атаки самолетов противника, которые начались рано утром, в 4 часа 30 минут, и шли с разной степенью интенсивности весь день. Бомбардировщики заходили на цели на небольшой высоте со стороны гор, поэтому их подход было трудно установить радиолокационными станциями. Истребительное прикрытие десанта началось только с 5 часов 15 минут. За это время были потеряны миноносец США «Мэддокс» и тральщик.

С восходом солнца корабли ОКОП начали обстрел береговых батарей итало-германских войск, их складов, мест расположения и коммуникаций. Оборонявшиеся итальянские части оказали слабое сопротивление, поэтому войска 8-й армии провели высадку практически без помех. В секторе ответственности США десант вначале также не встретил особого сопротивления, но примерно в 10 часов утра в район Джела подошли немецкие танковые подразделения и моторизованная дивизия Италии. Для исправления ситуации артиллерия крейсеров союзников открыла огонь по танкам, часть из которых была уничтожена, а некоторые вышли из строя. В целом, за первые три дня операции «Хаски» лишь ВМС США десантировали более 66 тыс. человек, около 18 тыс. тонн грузов и около 7,5 тыс. транспортных средств[228].

Высадка 10 июля для итальянского командования не стала неожиданностью[229], но итальянцы практически не оказывали серьезного сопротивления. В конце первого дня только в полосе наступления 7-й союзной армии были взяты в плен около 4 тыс. итальянцев. Американские войска потеряли 58 человек убитыми, 199 ранеными и 700 пропавшими без вести[230].

Канадский танк на улице разрушенного сицилийского городка

Британская артиллерия ведет огонь по противнику

Британские солдаты меняют позицию во время боя в городе Катания

Поиск снайперов американскими разведчиками при взятии Мессины на Сицилии

Для противодействия десанту был предпринят только один контрудар. Части дивизии «Герман Геринг» были сконцентрированы в районе Кальтагироне, на равнине Гела, в 32 км от побережья. 11 июля 1943 г. рано утром они нанесли контрудар по десанту. Немецкие танки разбили передовые отряды британской 1-й пехотной дивизии и 45-й пехотной дивизии армии США и вышли к сицилийскому пляжу. Сильный огонь орудий кораблей поддержки остановил немецкую атаку[231]. Для продолжения наступления Дж. Паттон вынужден был перебросить из Северной Африки дополнительно 2 тыс. человек[232].

Потери в десантных судах, планерах и транспортах не помешали англо-американским силам за первые два дня операции высадить около 80 тыс. человек и до 300 танков[233]. Это незамедлительно сказалось на результатах действий десанта: в первый день были захвачены города Сиракузы, Ликата, Джела, а также находившиеся рядом авиабазы, на которые сразу же была переведена истребительная авиация союзников с Мальты.

Для обеспечения безопасности в начале десантной операции стоянки кораблей в секторе США прикрыли минными полями, а в английском секторе было организовано патрулирование кораблей противолодочной обороны[234]. Меры оказались эффективными — все попытки немецких подводных лодок прорваться к стоящим транспортам закончились безрезультатно.

Из-за того что итальянские войска быстро сложили оружие, немецкие части были вынуждены занять второй рубеж обороны на севере Сицилии, прикрывая важную магистраль на Мессину. Здесь была создана сильная линия обороны с горным массивом вулкана Этна в центре[235].

Немецкий главнокомандующий фельдмаршал А. Кессельринг считал, что активными наступательными действиями можно попытаться отбросить десант союзников в районе Джелы и совместный удар двух немецких дивизий по флангам англо-американских сил, наступавших с юго-востока на север, позволит удержать фронт на острове. Нацистское командование опасалось использования авиабазы в Комизо союзниками, ведь в таком случае они получили бы подавляющее превосходство в воздухе, полностью лишив немецкие войска возможности передвигаться днем[236].

В результате бездействия итальянских частей фланги дивизии «Герман Геринг» оказались под угрозой[237]. Командующий 6-й итальянской армией полагал, что приданные ему части чрезвычайно слабы и не подготовлены для атаки двух высадившихся армий союзников. Такого же мнения придерживался и генерал В. Варлимонт[238].

12 июля английские войска взяли Аугусту и продолжили энергичное наступление на Катанью. Периодически артиллерийскую поддержку сухопутным частям оказывали американские крейсеры, английские и американские эскадренные миноносцы. Соединения 8-й армии союзников, продвигавшиеся в глубь Сицилии, подошли к Лентини и, используя успех парашютистов[239], продолжили наступление.

Немецкое командование предприняло несколько контрударов, чтобы остановить десантные войска союзников. Для этого оно избрало район между Аугустой и Катаньей. К контрудару были привлечены моторизованная дивизия, прибывшая из Италии, и две десантных бригады. В результате наступление английских войск на двух главных направлениях к 20 июля было остановлено. Однако ослабление других немецких участков обороны позволило американским войскам без серьезных проблем активизировать наступление[240]. 16 июля американские дивизии, используя поддержку крейсеров «Филадельфия», «Бирмингам» и английского монитора «Аберкромби», захватили Агридженто.

Вместе с ними в северном направлении наступали главные силы 7-й армии, стремясь установить связь с канадскими войсками, продвигавшимися на левом фланге 8-й армии[241]. После занятия 20 июля Энны союзные войска полностью контролировали основные коммуникации и магистрали в центральной части Сицилии. 22 июля американские танки вошли в Палермо, после чего и другие значимые населенные пункты северо-западной части Сицилии были захвачены союзниками.

Немецкий танк, захваченный союзниками на Сицилии

Немецкие пленные проходят по улице сицилийского города мимо колонны союзников

В результате судьба Сицилии была решена. Командование немецко-итальянских войск не использовало имевшиеся возможности для энергичного противодействия десанту, а сдача в плен 6 тыс. итальянских солдат говорила о полном падении боеспособности итальянской армии. В такой обстановке германское командование приняло решение перейти к жесткой обороне, укрепив две оборонительные линии в северо-восточной части Сицилии — на путях к Мессине[242].

17 августа, когда была занята Мессина, союзные силы захватили и все аэродромы Сицилии. Операция закончились на 39-е сутки после начала высадки. За это время англо-канадские войска потеряли примерно 12 тыс., а американцы — около 7,5 тыс., из них были убиты около 2,7 тыс. человек. Войска противника потеряли убитыми и ранеными почти 30 тыс., пленными — более 140 тыс. человек (главным образом итальянцев), 260 танков, до 500 орудий и несколько сотен самолетов[243].

Высадка на Сицилии стала первой крупной десантной операцией, в ходе которой массово применялись новые специальные десантные корабли и суда, позволившие перевозить десант без перегрузки «от берега до берега». Важнейшей спецификой данной операции являлась погрузка десанта в нескольких удаленных друг от друга пунктах. Однако крупный результат в операции «Хаски» был достигнут не за счет высокого военного искусства британо-американского командования, а главным образом благодаря подавляющему преимуществу союзников над итальянскими и немецкими войсками как в количественном, так и в качественном отношении. Однако союзникам не удалось воспрепятствовать эвакуации германских частей в Италию.

В 1943 г. внутриполитическая и экономическая ситуация в Италии оказалась чрезвычайно тяжелой. Армия и флот постоянно несли потери и проигрывали союзникам одно сражение за другим. Торговый флот Италии потерял большую часть своих судов. Объекты и инфраструктура тяжелой промышленности со второй половины 1942 г. находились под постоянным воздействием авиации союзников. Проблемы как количественные, так и качественные со средствами ПВО не позволяли создать эффективную противовоздушную оборону. В результате налетов союзной авиации сильно пострадали порты Южной Италии, а также система железных дорог. Население постоянно испытывало проблемы со снабжением.

В стране росло недовольство и возмущение режимом Б. Муссолини. Итальянские военачальники стали все чаще задумываться о капитуляции, офицеры и солдаты не стремились испытывать трудности войны и умирать за Третий рейх. Нацистская Германия, потерпевшая крупные поражения на советско-германском фронте, не могла в нужном объеме предоставить своему итальянскому союзнику необходимую поддержку в живой силе и военной технике. Логичным итогом стало свержение 25 июля 1943 г. Б. Муссолини, который был заключен под домашний арест. Новое правительство маршала П. Бадольо объявило, что Италия будет продолжать войну в лагере стран оси. В Берлине также не планировали уходить из Италии[244].

На этот момент итальянская армия сократилась до 82 дивизий и восьми отдельных бригад. Значительная часть соединений находилась за пределами страны. Снабжение войск вооружением, подготовка личного состава и материально-техническое обеспечение оставались на чрезвычайно низком уровне. Флот включал семь линкоров (но два из них находились в небоеспособном состоянии), 10 тяжелых и легких крейсеров, 71 эскадренный миноносец, 28 корветов и около 100 подводных лодок[245]. ВМС испытывали проблемы с топливом. ВВС в июле 1943 г. располагали примерно 1 тыс. самолетов, из них почти 700 находились в Италии (некоторые были уничтожены в ходе операции «Хаски»), а остальные — на Балканском полуострове и на базах в Эгейском море. Помимо этого, в обороне Италии участвовало 17 немецких дивизий (из них семь танковых и моторизованных), около 600 самолетов (в том числе 240 бомбардировщиков и 220 истребителей); в Средиземном море германский флот был представлен 20 подводными лодками, торпедными катерами и прочими малыми кораблями[246].

В конце весны 1943 г., незадолго до завершения тунисской кампании, Ф. Рузвельт и У. Черчилль встретились на очередной конференции в Вашингтоне. Лидеры союзников рассматривали главную проблему: о выборе оптимальной стратегии в войне с Германией. В качестве следующего важнейшего шага после захвата Сицилии У. Черчилль настойчиво предлагал высадку десанта в Италии. Офицеры, отвечавшие за военное планирование, определили, что форсирование Ла-Манша может быть успешным только в том случае, если немецких войск во Франции останется не более 12 дивизий, а это может случиться только в результате капитуляции Италии. В свою очередь, Германии, чтобы заменить 24 итальянские дивизии на Балканах, пришлось бы послать туда свои дивизии. Высадка в Италии давала бы союзникам контроль над аэродромами в районе Фоджи, что позволяло усилить воздушное наступление союзников против самой Германии.

В августе 1943 г. на конференции в Квебеке, где основную работу вели главы государств и начальники генеральных штабов США и Англии, было принято решение о вторжении на континентальную часть Италии (операция «Аваланш»). Параллельно с этим началась подготовка к высадке десанта в Южной Франции (операция «Энвил») для захвата важных стратегических плацдармов у Тулона и Марселя[247].

Объявление итальянским правительством П. Бадольо о продолжении войны на стороне блока оси было политическим маневром с задачей предотвратить попытки нацистских войск захватить Италию в связи с ее возможной капитуляцией. Сразу после прихода к власти П. Бадольо пытался заключить перемирие с союзниками. 3 августа 1943 г. в местечке Кассибле англо-американские представители и доверенное лицо П. Бадольо бригадный генерал Д. Кастеллано подписали капитуляцию Италии. В нем было сказано, что союзные войска сразу же после подписания документа высадятся в Южной Италии, и еще одна парашютная дивизия — в Риме, чтобы не допустить его оккупации немецкими войсками (по оценке Д. Кастеллано, в Италии находились около 400 тыс. немецких военнослужащих)[248].

Несмотря на принятые меры скрытности, германское руководство в середине августа узнало из перехваченных радиограмм о связи П. Бадольо с представителями США и Великобритании. Верховное командование Германии осознавало, что устранение от власти Б. Муссолини в конечном счете приведет к выходу Италии из войны. А. Гитлер принял решение в случае вторжения союзных войск в Италию вести борьбу с ними даже при капитуляции последней. Немецкие войска были развернуты двумя группами: первая — в Северной Италии, вторая — в районе Рима и южнее столицы. В Италию было направлено несколько дивизий из Северной Франции и некоторых других оккупированных государств Западной Европы. К концу августа немецкое командование разработало два плана. В случае если Италия капитулирует, 10-й армии Германии предписывалось разоружить итальянские подразделения на юге страны и вернуться к Риму. Если бы союзники вторглись на Апеннины до капитуляции фашистского руководства, 10-я армия должна была вместе с итальянскими частями отразить высадку с тем, чтобы защитить Рим[249].

3 сентября в 17 часов 15 минут генерал Д. Кастеллано от имени главы итальянского правительства маршала П. Бадольо и генерал Б. Смит по поручению Д. Эйзенхауэра подписали соглашение о перемирии[250]. Вечером 8 сентября о нем по радио объявило союзное командование. Правительство Италии приказало своей армии и флоту прекратить боевые действия против союзных войск, но «отражать любое нападение независимо от того, с какой стороны оно последует»[251]. Итальянским дивизиям разрешалось оказывать вооруженное сопротивление немцам при любых попытках разоружить их. На территориях, подконтрольных армии Германии, итальянские дивизии в соответствии с планом «Аксис» были разоружены в кратчайший срок, но в районе столицы они сопротивлялись в течение двух дней. Король Италии и правительство были вынуждены бежать в Бриндизи. После этого немецкие части заняли Рим. 12 сентября при помощи немецких диверсантов во главе с О. Скорцени был освобожден из-под ареста Б. Муссолини, а 18 сентября на занятой нацистами территории Италии он заявил о создании итальянского государства фашистско-республиканского типа. Таким образом, в Италии сформировались два конфликтующих правительства[252], но только 13 октября правительство П. Бадольо объявило войну Германии[253].

Солдаты американской армии высаживаются на пляже итальянского города Салерно

Высадка британских войск в Южной Италии

Британские бойцы укрываются за подбитым немецким танком

Разбитые немецкие истребители на аэродроме Монте-Корвино

9 сентября части 6-го американского и 10-го английского корпусов с пятью батальонами английской и американской морской пехоты начали высадку в заливе Салерно. Салернский залив не случайно был выбран для проведения десантной операции. По словам одного из британских офицеров, участвовавших в планировании высадки, это была «лучшая полоса побережья во всей Италии, а возможно, и во всем Средиземноморье»[254]. Решительности и оптимизма был полон и Д. Эйзенхауэр, заявивший журналистам, что настало время «прекратить щипать острова и нанести удар по больному месту немцев»[255].

Ближайшей задачей десанта являлся захват Неаполя для создания линий снабжения через его порт американо-английских войск в Италии. Затем, действуя вместе с англичанами, наступающими из Калабрии, американцы должны были освободить южную и центральную части Италии от нацистских войск.

Условия для подготовки десанта в Салерно оказались более трудными, чем для Сицилии. Командующим объединенными силами десанта был назначен адмирал К. Хьюитт. Он разделил десант на Северное ударное объединение из английских кораблей, перевозивших две дивизии, и примерно равное ему Южное ударное объединение с войсками США. После них должны были десантироваться еще две дивизии, выделенные в резерв. Для успешной высадки дивизий в двух районах, расположенных в Салернском заливе (точки высадки удалены на восемь миль друг от друга), было задействовано 26 транспортов, 120 танкодесантных кораблей и 90 малых танкодесантных судов. Их поддерживали семь крейсеров (в том числе три американских), два монитора и 35 эскадренных миноносцев. В качестве авиационной и огневой поддержки действовал отряд кораблей из пяти эскортных авианосцев и 10 эсминцев. В группу прикрытия вошли четыре линкора, английские авианосцы «Илластриес» и «Формидебл» под прикрытием эсминцев. Соединению прикрытия кроме отражения атак надводных кораблей была поставлена задача обеспечения противовоздушной обороны сил десанта[256].

В ночь на 8 сентября десантные отряды выдвинулись для высадки в заливе Салерно. Погрузка частей 10-го корпуса Великобритании и двух батальонов морской пехоты была выполнена в Бизерте и Триполи, откуда десантный отряд в составе 282 кораблей и судов двигался самостоятельно. 6-й американский корпус и три батальона морской пехоты вышли из Орана и Палермо, их десантные отряды, включавшие в себя 18 транспортов и 72 десантных корабля, соединялись приблизительно в 110 милях от района высадки. В итоге в операции участвовало до 600 кораблей и судов, в их числе 230 боевых кораблей основных классов[257].

Немцы располагали в районе Салерно только одной дивизией, а всего в Италии они сумели сосредоточить 16 дивизий, из которых восемь под руководством фельдмаршала Э. Роммеля находились в Северной Италии, а другие восемь — в Центральной и Южной Италии. А. Кессельринг создал развитую систему обороны на случай высадки союзных войск. Не располагая силами для срыва наступления войск Б. Монтгомери от Реджо-ди-Калабрии, он занял позиции для ведения сдерживающих боев силами двух дивизий, а остальные выделил для обороны района Рим — Неаполь.

А. Кессельринг расположил в районе Салерно значительную часть 16-й танковой дивизии и полк парашютистов, которые должны были оборонять побережье залива. Немцы заранее заняли позиции в районе Салерно, провели минирование береговой линии, установили проволочные заграждения, укрепили и замаскировали огневые позиции для артиллерии, создали исходные рубежи для выдвижения танков. Были разработаны планы переброски в район высадки остальных немецких дивизий. Делалось все возможное, чтобы создать «непреодолимую» оборону для войск союзников.

Однако в ходе организации обороны немецкое командование допустило просчет — руководство Третьего рейха отказалось сосредоточить дополнительные силы у Неаполя. Оно считало, что Средиземное море не являлось преградой для флота союзников. Побережье Италии было открыто для обхода с флангов любой немецкой группировки на Апеннинском полуострове. Зато Апеннинские горы, наоборот, были препятствием, где относительно небольшие силы оборонявшихся могли бы сдерживать крупные силы атакующих. После докла-

дов Э. Роммеля и А. Кессельринга германское Верховное командование приняло решение организовать оборону Салерно и Неаполя, но не предоставило для этого необходимых сил и средств. Авиация Германии в Италии насчитывала не более 350 самолетов, но разведка союзников считала, что противник имеет здесь до 555 боевых единиц[258].

В ночь на 9 сентября немецкие самолеты-разведчики засекли движение десантных групп в Тирренском море по направлению к Салерно. Атака бомбардировщиков не принесла союзникам существенных потерь, однако внезапность высадки была утеряна, и это позволило немцам занять позиции на побережье и приготовиться к обороне. В полночь авиация союзников наносила бомбоштурмовые удары по позиции противника в заливе Салерно, а затем открыли огонь по берегу корабли США и Великобритании. Главные силы союзников начали высадку в четыре часа, при этом немцы оказали им упорное сопротивление огнем. Затем на берег выгрузились танки. В течение дня корабли союзников обстреливали 132 различных объекта противника. Занять весь плацдарм удалось лишь вечером 9 сентября. Высадка закончилась на следующий день. В ночь на 12 сентября немцы организовали несколько крупных контрударов, и 13 сентября успех уже был близок, но сбросить десант в море не удалось. Флот союзников все это время вел сильный огонь по немецким войскам[259].

17 сентября 1943 г. американские и английские войска взяли Монте-Корвино, лишив тем самым немцев важной авиабазы. 27 сентября наступавшие из Калабрии части 8-й британской армии захватили крупный аэродром Фоджа, что обеспечило более благоприятные действия авиации союзников[260]. Авангард 8-й британской армии соединился с войсками, высаженными в Салерно. Однако только 3 октября при поддержке итальянских партизан союзники взяли Неаполь и смогли вытеснить германские войска дальше на запад, к р. Вольтурно. Отступая из Неаполя, немецкое командование приказало взорвать сооружения порта, а корабли и суда в гавани затопить (всего около 50 единиц).

Характерной чертой десантной операции в Салерно было использование поддержки палубной авиации. При этом союзные войска, как и в операции «Хаски», действовали на суше очень осторожно, неэнергично и крайне медленно, хотя подавляющее преимущество в силах было на их стороне.

Если на Сицилии была свойственна переоценка силы обороны противника, то в операции «Эвеланш» наблюдалась их недооценка, что и стало причиной проблем при высадке главных сил десанта и в его действиях на первом этапе операции. Линейные корабли, которые были призваны вести основную огневую поддержку, подошли к месту высадки только 16 сентября. Слишком поздно было осуществлено и массированное применение авиации. Поспешность англо-американского командования с высадкой в Салерно можно объяснить опасением, что Германия успеет сосредоточить войска и организовать развитую оборону[261]. Недостаток в авиации явился главной причиной поражения немцев.

С 9 сентября по 6 октября под Салерно 5-я американская армия потеряла 727 человек убитыми, более 2,7 тыс. ранеными, 10-й британский корпус — около 7 тыс. убитыми, пропавшими без вести и ранеными[262]. Потери противника составили около 3,5 тыс. человек, в том числе около 630 убитыми[263].

Сразу после капитуляции Италии немцы немедленно эвакуировали свои войска с Сардинии, перебазировав их на Корсику. 17 сентября 1943 г. в Кальяри десантировались войска США: Сардиния с ее аэродромами и двумя базами гидроавиации была захвачена.

На Корсике располагалось примерно 40 тыс. итальянских и 12 тыс. немецких войск. В ночь на 14 сентября, а затем и на 17 сентября в Аяччо десантировались части «Сражающейся Франции», которые при поддержке французских участников движения Сопротивления «Маки» и итальянцев довольно оперативно захватили западную оконечность острова[264]. К исходу сентября немцы контролировали только Бастию, но и отсюда они начали эвакуироваться морем в Ливорно и на о. Эльба. 4 октября Бастия была захвачена французами. Операции на Корсике прикрывало с моря французское соединение: два легких крейсера, два лидера эскадренных миноносцев, три подводные лодки и другие корабли[265].

Высадка американских сил на плацдарм Анцио

Американский патруль возле итальянского города Анцио

Британские солдаты перед боем

Пленные немцы, захваченные союзниками в Анцио

Бой в Монте-Кассино. Немецкие парашютисты ведут огонь из пулемета

Британские войска в руинах Монте-Кассино

Немцы временно остановились на «линии Вольтурно», чтобы создать на севере полуострова новые оборонительные позиции. Весь октябрь и первые две недели ноября они, планомерно отступая к «зимней линии», проходившей в 40 милях северо-западнее Неаполя, вели арьергардные бои. Северная и Центральная Италия были под их контролем. «Зимнюю позицию», которая являлась разветвленной системой хорошо подготовленных оборонительных сооружений в горах, немцы планировали удерживать до последнего солдата. А. Кессельринг, возглавивший командование всеми войсками в Италии после отъезда Э. Роммеля во Францию, располагал здесь 19 дивизиями против 14 дивизий 5-й и 8-й армий союзников.

Соединения и части 8-й британской армии Б. Монтгомери перешли в наступление 28 ноября 1943 г. Через пару дней начала движение на север и 5-я американская армия генерала М. Кларка. Из-за ожесточенного сопротивления немцев, а также беспрерывных дождей, повредивших все дороги, наступление быстро остановилось. За три недели союзники продвинулись вперед только на 12 км. Правый фланг оборонительного рубежа упорно удерживался немцами на горе Монте-Кассино, в 75 милях от Анцио и Неттуно, куда союзники планировали произвести высадку 6-го корпуса смешанного состава, которому предстояло соединиться с наступавшей с фронта 5-й армией[266]. Поэтому длительное время готовившийся десант в районе Анцио считали практически неосуществимым. 22 декабря по рекомендации М. Кларка и с согласия Д. Эйзенхауэра десантирование частей 6-го корпуса было отложено.

Встретившись с военным командованием союзников в Тунисе 25 декабря 1943 г., У. Черчилль настоял на возобновлении подготовки к высадке у Анцио. Он предлагал осуществить десантирование, не ожидая, чем закончится новое наступление союзников, хотя и признавал, что в создавшихся условиях недостатка кораблей десант силами только одной дивизии был бы слишком опасным.

По просьбе У. Черчилля Ф. Рузвельт задержал в Средиземном море 56 больших танкодесантных кораблей. Ф. Рузвельт настоял при этом на двух важных условиях: высадка в Нормандии останется приоритетной задачей, а У. Черчилль откажется от своих планов, касающихся проведения периферийных операций против островов Эгейского моря. Таким образом, десант у Анцио получил необходимое количество кораблей и высадочных средств, рассчитанных на две дивизии. 20 января 1944 г. было определено как день «Д». Из состава 5-й армии для участия в высадке у Анцио были выделены 3-я американская и 1-я английская дивизии, а также три батальона коммандос Великобритании и полк парашютистов[267].

К 12 января план десантной операции был одобрен. По просьбе командовавшего десантом генерал-майора Дж. П. Лукаса, день «Д» был перенесен на 22 января. Параллельно с этим 8-я армия готовилась возобновить наступление на «линию Густава», чтобы воспрепятствовать немцам в переброске резервов отсюда в другое место. 17 января 5-я армия предприняла атаку на участке Монте-Кассино с целью сковать немецкие силы, которые могли быть использованы против десанта у Анцио, и прорвать линию обороны противника. ВВС США, интенсивно атакуя важнейшие магистрали, мосты и аэродромы, начали «изоляцию плацдарма» и 19 января доложили, что им удалось выполнить задачу[268].

Понимая слабость своих сил и находясь под негативным впечатлением от неудачи в Салернском заливе, десантные отряды союзников 21 января вышли из Неаполя и направились к Анцио кружным путем, чтобы ввести противника в заблуждение. В результате проведенной разведки было установлено, что защитные сооружения на берегу заняты весьма слабыми силами немцев. За несколько минут до подхода десантных катеров к району высадки крупные корабли открыли заградительный огонь.

В отличие от сумбурной высадки у Салерно, десант у Анцио был одним из самых хорошо организованных за всю войну. Плавсредства десанта подошли к участкам высадки точно по плану, ровно в два часа ночи, и быстро выполнили свои задачи. Сопротивление противника на берегу оказалось незначительным. Союзники полностью реализовали благоприятные последствия достижения оперативной и тактической внезапности[269]. Три предыдущих дня по приказу А. Кессельринга, считавшего более вероятной высадку севернее Рима[270], нацистские войска находились в состоянии повышенной боевой готовности ввиду возможной

высадки союзников в любом пункте на побережье Италии, в том числе и у Анцио. Но в ночь на 22 января командующий вслед за своим штабом отменил состояние повышенной боевой готовности и дал личному составу возможность отдохнуть. Осознав свою ошибку, А. Кессельринг быстро направил артиллерию и пехотные батальоны к Анцио, восстановив перед этим часть магистралей.

Таким образом, союзники не смогли полностью изолировать плацдарм. Попытки 5-й армии ликвидировать оборону немцев у Монте-Кассино также оказались безуспешными. Но на пляж у Анцио было высажено 36 тыс. человек первого эшелона десанта, при этом потери союзников составили только 150 человек. За первые семь дней операции, несмотря на сильный шторм, удалось высадить 70 тыс. человек, выгрузить более 25 тыс. тонн материально-технических средств, 500 орудий и 237 танков[271]. Американские войска высаживались южнее Анцио, а англичане — севернее. Их войска не встретили сопротивления со стороны итальянцев. Однако 14-я немецкая армия получила от ОКВ задачу опрокинуть англо-американцев. В течение пятидневных боев у Анцио только американская 45-я дивизия потеряла 400 человек убитыми, 2 тыс. ранеными и 1 тыс. пропавшими без вести[272]. Командовавший десантом генерал-майор Дж. П. Лукас решил не продолжать активных боевых действий и заняться укреплением плацдарма.

Пауза в боевых действиях в Италии продолжалась до середины мая 1944 г. Ни одна из сторон особых успехов не достигла. 5-я армия не смогла окружить нацистские войска и сама оказалась разделенной на две части. А. Кессельринг, используя выгоды обороны на внутренней линии, сумел наладить оперативную передислокацию своих сил между плацдармом союзников у Анцио и «линией Густава». К марту 1944 г. на плацдарме находились американские (90 200 человек) и английские (около 35 500 человек) войска, успешно сдерживаемые немцами, которые имели здесь 135 698 человек[273].

С наступлением весны и улучшением метеорологических условий союзники начали готовиться к решающему штурму «линии Густава». К маю США и Великобритания располагали уже 27 дивизиями, причем семь из них действовали у Анцио. Против этих сил А. Кессельринг выставил 25 дивизий. 11 мая в рамках операции «Диадема» союзники возобновили штурм немецких оборонительных рубежей. 19 мая корпус войск Свободной Франции, входивший в состав 5-й армии, сумел прорвать немецкую оборону, опиравшуюся на гору Монте-Кассино, и союзные армии устремились на север[274]. 25 мая авангард союзных войск, наступавших с юга, соединился с десантом у Анцио. В ночь на 3 июня немцы спешно начали отход на север по всему фронту. 4 июня 1944 г. силы союзников без серьезных боев заняли Рим, а 6 июня союзные войска начали операцию «Оверлорд» — вторжение в Нормандию. С этого момента Италия окончательно стала второстепенным театром военных действий в Европе.

Англо-американское командование со второй половины 1944 г. стремилось и дальше использовать метод планомерного и методичного выдавливания немцев на север Италии. Операции на итальянском фронте приняли затяжной характер. Гитлеровцы продолжали удерживать за собой Северную и Центральную Италию, имея здесь 21 дивизию и 370 самолетов[275]. Фронтальные атаки с незначительными оперативно-стратегическими итогами затянулись до конца войны. Даже «инициатива, с трудом захваченная союзниками, была частично растрачена в кампании, которая по своей стратегической бессмысленности и тактической заурядности является уникальной в военной истории»[276].

Между тем члены правительства П. Бадольо встретились 6 августа 1943 г. с И. фон Риббентропом и В. Кейтелем и попросили гитлеровцев освободить Италию от союзнических обязательств. Вместо этого последовал приказ немецким войскам подготовиться к оккупации страны. Количество немецких войск только в Северной Италии было доведено до 17 дивизий[277].

Настойчивое стремление итальянского общества к миру, к решительному разрыву с нацистской Германией заставило правительство П. Бадольо начать 19 августа в Лиссабоне официальные переговоры со своими будущими новыми союзниками. Переговоры завершились заключением перемирия 3 сентября 1943 г. Согласно его условиям войска Италии

прекращали любые враждебные действия по отношению к союзникам. Великобритания и США могли по своему усмотрению использовать нужные им аэродромы и порты Италии, а правительство обещало приложить все силы к тому, чтобы «не предоставлять немцам возможностей, которые могли бы быть использованы против Объединенных Наций»[278]. 13 октября правительство П. Бадольо объявило войну Германии. В этой связи СССР, США и Англия признали Италию совоюющей стороной. Германия лишилась своего главного идеологического и теснейшего политического союзника.

Военные успехи в Средиземноморье позволили Великобритании и США выделить новые силы и средства для борьбы с Японией на Тихом океане. Ликвидация ВМС Италии и гибель почти всех крупных немецких кораблей позволили Адмиралтейству Великобритании в январе — феврале 1944 г. усилить группировку Королевского флота в зоне Тихого океана за счет передислокации туда кораблей из Атлантики, Средиземного моря и собственных территориальных вод.

Подводя итоги вооруженной борьбы в Средиземноморье, необходимо констатировать, что решающие сражения в это время происходили на главном фронте Второй мировой войны — советско-германском. Именно здесь вермахт нес самые ощутимые потери и были сосредоточены его самые боеспособные войска. Германия и ее союзники испытывали недостаток в живой силе, военной технике и ресурсах на всех театрах военных действий и были вынуждены перейти к обороне[279]. Военные действия союзников против вермахта в Италии завершились лишь 25 апреля 1945 г.

Значимым итогом высадки действий союзников в Средиземноморье стала капитуляция Италии и вывод ее из войны на стороне нацистской Германии. Медлительность действий англо-американских войск, однако, позволила немецкому командованию оттянуть время и осуществить перегруппировку сил и средств в данном регионе. За более чем полтора года итальянской кампании союзниками не было уничтожено ни одной крупной группировки противника, в то время как потери сухопутных сил вермахта только с ноября 1942 до конца 1943 г. составили 7 тыс. танков, 14,3 боевых самолетов. В 1943 г. были пленены 442 623 его солдата и офицера, а общие потери в людях по сравнению с предыдущим годом выросли почти в 1,9 раза[280]. Восполнение таких потерь для германского командования становилось уже непосильным.

Окончание битвы за Атлантику и войны на Средиземном море

Завершающий этап борьбы за Атлантику приобрел противоречивый характер. С одной стороны, количественные показатели противоборствующих сторон достигли своих максимальных показателей, неизмеримо выросли и их технические возможности. Потери фашистского блока возрастали, особенно на советско-германском фронте. Это явилось одной из причин снижения потерь союзных конвоев. С каждым днем становилось ясно, что фашистская Германия проигрывает битву за Атлантику. Исход этой борьбы был предопределен. В распоряжении союзников имелись два мощных ресурса — огромный экономический потенциал и время, работавшее на них, что позволило исправить просчеты и промахи, допущенные в начале борьбы. У фашистской Германии не было ни того, ни другого — имевшийся потенциал экономики буквально поглощался войной на востоке.

Фатальным просчетом германского командования стала недооценка перспектив развития новых технических средств борьбы, в первую очередь возможностей радиолокации в борьбе на море. Осознание всей важности этого направления борьбы пришло лишь в момент кульминации битвы за Атлантику, но время было упущено.

И все же германское командование приняло решение продолжать борьбу, цель которой отныне заключалась лишь в сковывании сил и средств противника, вынужденного отвлекать

огромное количество авиации, кораблей, береговой инфраструктуры, не говоря уже о ресурсах. Причем оно верно связало переход к обороне в подводной войне с общими изменениями на фронтах Второй мировой войны, где вооруженные силы стран оси также перешли к обороне. Эти перемены стали прямым следствием кардинальных изменений в соотношении военно-экономических потенциалов противоборствующих коалиций.

В первой половине 1944 г. все большее влияние на действия руководства нацистской Германии оказывало ожидание близкого вторжения союзников в Европу. В феврале главнокомандующий германским флотом представил А. Гитлеру соображения об использовании флота в случае его начала, признав, что в одиночку ВМС не в состоянии ни предотвратить, ни отразить попытку высадки десанта. А сил оставалось очень мало: армаду вторжения были готовы встретить лишь четыре эсминца и 30 торпедных катеров, а также малые подводные лодки, человекоуправляемые торпеды и дистанционно управляемые катера, начиненные взрывчаткой[281]. Главные надежды флота возлагались на подводные лодки, однако они оказались разделенными. Для защиты Норвегии была направлена группа «Митте» в составе 22 лодок, для отражения десанта на побережье Франции осталась группа «Лендвирт» из 36 лодок[282]. После получения первых же сведений о начале вторжения в Нормандию все лодки группы «Лендвирт» были выведены в море.

Попытки нанести удар по англо-американскому флоту вторжения привели к «самым тяжелым боям, выпавшим на долю подводников за всю историю подводной войны»[283]. Впервые за всю войну предстояло направить свои субмарины в районы, где их ожидали сотни эскортных кораблей и противолодочных самолетов, а возможности уклонения от атак были ограничены мелководьем. Последней надеждой подводников был шноркель[284], но лишь семь лодок группы «Лендвирт» были оборудованы этим устройством[285]. Германским подводникам в этом сражении противостояла колоссальная армада из 850 кораблей Великобритании и США, из которых 286 кораблей эскорта — для борьбы с подводными лодками. Противолодочную оборону с воздуха обеспечивало более 2 тыс. самолетов береговой авиации. Исход этого противоборства был предопределен[286]. Подводные силы Германии потерпели крупное поражение. По германским данным, погибло 25 подводных лодок, союзники потеряли 16 транспортных и три эскортных корабля, транспорт из состава сил вторжения[287].

Успешная высадка и наступление во Франции английских и американских войск заставило германское командование в конце августа 1944 г. перевести уцелевшие подводные лодки в норвежские базы. Отныне все перспективы продолжения борьбы в Атлантике были связаны с использованием шноркеля, в котором командование подводных сил видело практически панацею. Не меньше надежд возлагалось на модернизацию уже построенных и строительство лодок новых типов[288]. Первая группа подводных лодок (девять единиц и подводный танкер), получивших новые поисковые приемники, акустические торпеды, мощное зенитное вооружение, отправилась в океан в сентябре 1944 г. Благополучно форсировав Бискайский залив, группа вышла в Атлантику. Вслед за ней через несколько дней отправилось еще 19 лодок.

В середине сентября они развернулись в завесу из 20 субмарин на пути атлантических конвоев и атаковали суда двух конвоев ON-202 и ONS-218, позднее объединенных в один, что позволило увеличить число кораблей эскорта до 14. Особенностью этих атак стало то, что наряду с транспортными судами мишенью субмарин были корабли эскорта, против которых использовались акустические торпеды. Продолжавшиеся 20–23 сентября атаки, по донесениям командиров подводных лодок, завершились уничтожением девяти торговых судов и почти поголовным истреблением сил охраны — 12 потопленных кораблей. В действительности этот успех был намного скромнее — лишь три эскортных корабля и шесть транспортов. При этом три подводные лодки были потоплены[289].

До конца года число потопленных кораблей неуклонно сокращалось. За сентябрь — октябрь германские подлодки смогли потопить лишь девять торговых судов из общего числа 2468 кораблей, проследовавших через Атлантику в составе 64 конвоев. Потери же германских ВМС в этом районе составили 25 лодок. В этой обстановке подводные лодки перешли от

тактики «волчьих стай» к самостоятельным действиям, однако их эффективность оказалась крайне низкой. В сентябре — декабре 1944 г. было потоплено всего 16 кораблей и судов союзников, потери германского флота в этот же период составили 55 подводных лодок[290].

Действия германских подводных лодок к началу 1945 г. строились на основе новой тактики. Теперь лодки вновь стали действовать поодиночке. Каждая из них получала свой район действий у побережья противника и, прибыв на место, как правило, ложилась на грунт. Обнаружив шум винтов транспортных кораблей, субмарина поднималась и начинала атаку. Эта тактика засад резко снизила вероятность обнаружения лодок[291]. Уже к концу января 1945 г. уровень потерь подлодок сократился до 10,4% от общего числа находившихся в Атлантике. В этот период основным районом действий подводных лодок стали прибрежные воды союзников, где резко снижалась эффективность работы гидролокаторов противолодочных кораблей.

С наступлением нового, 1945 г. в продолжавшейся борьбе на атлантических коммуникациях возникла парадоксальная ситуация. Казалось бы, исход этой борьбы был уже окончательно предрешен. Превосходство сил союзников стало подавляющим. Противолодочные силы включали 37 групп общей численностью 426 эскортных кораблей и 28 конвойных авианосцев. На авиационных базах Исландии и Британских островов находилось 420 самолетов патрульной авиации. Но несмотря на это, руководство британского Адмиралтейства с тревогой оценивало перспективы дальнейшей борьбы. И главной причиной этого была неожиданно высокая эффективность шноркеля, представлявшего собой слишком малую цель для авиационных радиолокаторов. В результате эффективность патрульной авиации резко снизилась. Так, в октябре 1944 г. из 49 подлодок, вышедших в Атлантику из норвежских баз, была повреждена лишь одна, а в декабре все 50 лодок без помех вышли в океан. Обычной стала практика, когда лодки выходили из своих баз в Норвегии и возвращались через восемь недель, следуя в подводном положении. Эти результаты оценивались как «поражение нашей патрульной авиации шноркелем»[292].

Большие опасения внушал и продолжавшийся рост численности германских подводных сил. В январе 1945 г. в строй вступило 30 новых подводных лодок, в марте их общее число в составе флота достигло 463 единиц, одновременно сократился и уровень их потерь — с 18 до 12 лодок. Ожидавшееся появление в Атлантике новых лодок XXI и XXIII серий только усиливало эти опасения. Руководство британского Адмиралтейства вполне допускало возможность повторения ситуации 1943 г. и новых масштабных потерь торгового тоннажа в Атлантике.

Несмотря на то что численность подводных лодок в Атлантике на протяжении последних месяцев войны оставалась достаточно большой (в январе — 39, в феврале — 51, в марте — 61, в апреле — 44), результативность их действий так и осталась далека от показателей 1942–1943 гг. Но подводные лодки по-прежнему оставались самым эффективным оружием борьбы на морских коммуникациях. В январе — апреле 1945 г. потери торговых судов от их атак составляли от 11 до 15 судов. Но цена этого успеха была все так же велика — от шести до 23 лодок в месяц[293]. В итоге, если в 1942 г. на одну уничтоженную лодку приходилось 13,6 потопленного корабля союзников, то в 1945 г. — лишь 0,3 судна. Резко выросла эффективность сил противолодочной обороны Великобритании и США. Если в начале войны на одну уничтоженную подводную лодку приходилось около 16 обнаружений лодок противолодочными силами, то к концу войны число обнаружений лодок на одну потопленную уменьшилось до 1,5[294].

4 мая 1945 г. германское командование передало по радио приказ всем своим лодкам прекратить боевые действия и следовать в базы. Процесс их капитуляции растянулся на долгие недели. В Атлантике в это время находилось 45 подлодок, и лишь восемь из них сразу подчинились приказу командования. В конечном итоге все они или вернулись на базы, или сдались кораблям союзников, или были затоплены своими экипажами. Самый необычный поход был избран лодкой U-977, отправившейся к побережью Южной Америки и сдавшейся аргентинским властям в августе 1945 г.[295] В общей сложности капитулировало 156 подводных лодок, командиры 221 лодки предпочли затопить свои корабли.

Битва за Атлантику, продолжавшаяся с переменным успехом с самого начала Второй мировой войны, оказывала значительное влияние на все действия союзников в Африке и Европе. Победа в этой битве была решающим условием успеха всей борьбы Великобритании и США с фашистской Германией и ее союзниками. Первоначальные успехи германских морских сил в этой войне объяснялись не столько их преимуществом, сколько неготовностью союзников к борьбе в океане. Немцы всего лишь эксплуатировали свою удачу и «не вкладывались в будущее».

Простое наращивание количества германских подводных лодок в Атлантике вместе с тактикой «волчьих стай», управлявшихся из единого центра, поставили Великобританию и США в очень сложное положение в начале 1943 г. Но именно в этот период впервые дали о себе знать результаты решений союзного командования, принятых в расчете на длительное ведение войны. Произошедший в мае — июне 1943 г. перелом в битве за Атлантику стал результатом целого ряда мер по созданию новых средств борьбы с подводными лодками, масштабному строительству кораблей и развитию авиации. Ответные меры германского командования явно запоздали. Именно поэтому построенный к весне 1945 г. гигантский подводный флот оказался уже ненужным: быстроходные лодки новых серий, вооруженные самонаводящимися торпедами и снабженные шноркелем, поступили на поле боя, когда война была уже проиграна.

Действия военно-морских сил на Средиземном море в 1944 г. были направлены на обеспечение сухопутных сил. Союзные флоты обеспечивали доставку необходимых грузов и провели ряд десантов на побережье Италии и Франции. Германские военно-морские силы и авиация активно противодействовали этому. Несмотря на выход Италии из войны, в распоряжении командования ВМС оставалось значительное количество малых боевых кораблей и катеров. Главную угрозу судоходству союзников по-прежнему составляли подводные лодки. В январе их насчитывалось 13 единиц, в марте к ним присоединились еще шесть лодок, сумевших прорваться через Гибралтар. На аэродромах Франции находилось более 100 немецких бомбардировщиков и торпедоносцев, в мае их число увеличилось до 125[296]. Эти сравнительно небольшие силы доставили союзникам массу неприятностей в ходе десантной операции (22 января 1944 г.) у Анцио, десанта на остров Эльба (17 июня 1944 г.) и операции «Драгун» (десант на южное побережье Франции 15 августа 1944 г.). Самым необычным, хотя и безрезультатным стало применение противником нового оружия в период проведения союзниками операции «Шингл». В ночь на 20 апреля английские и американские корабли, находившиеся у побережья Неттуно, были атакованы 17 немецкими человеко-торпедами. Но союзники, получив предупреждение разведки о возможной атаке, встретили ее в полной готовности. Потеряв 10 торпед, противник прекратил атаки[297].

Успехи немецких подводных лодок в борьбе с судоходством союзников в 1944 г. также оказались весьма скромными. За весь год им удалось потопить лишь 10 транспортных судов (такое же количество было потоплено и немецкой авиацией). При этом союзники смогли к концу года покончить с подводными силами противника. Большую роль в этом сыграли удары стратегической авиации по базам подлодок на французском побережье. Последняя германская подводная лодка была потоплена в сентябре 1944 г. За время их действий в Средиземном море было потеряно 68 подлодок, но урон, причиненный союзникам, оказался велик: 95 транспортных судов и 24 боевых корабля, включая линкор, два авианосца, четыре крейсера, 12 эсминцев.

Гораздо скромнее оказались успехи в борьбе с германским судоходством у побережья Италии. Германское командование, не имея в своем распоряжении крупных кораблей, использовало малоразмерные суда и при этом обеспечило большой объем перевозок, который в первой половине 1944 г. составил 8—12 тыс. тонн в месяц у западного побережья и 4—6 тыс. тонн — у восточного побережья Италии. Весьма успешными оказались действия германских сил по эвакуации с Крита в сентябре 1944 г. Несмотря на полное превосходство англичан на море и в воздухе, немцам удалось, используя малые суда и транспортные самолеты, эваку-

ировать с острова около 12 тыс. солдат и офицеров, и англо-американские войска ничем не могли помешать этому[298].

В целом же до конца октября немцы сумели эвакуировать с Эгейских островов более 37 тыс. человек, значительную часть вооружений и военных грузов, несмотря на все усилия английского флота и авиации. Лишь после того как были уничтожены захваченные немцами итальянские эсминцы и потоплена большая часть транспортных кораблей и судов, эвакуация германских гарнизонов была прекращена. Оставшиеся войска на Родосе, Леросе, Косе и в западной части Крита отбили все попытки англичан захватить острова — не помогли ни удары авиации, ни обстрелы тяжелой артиллерией линкоров.

К началу 1945 г. нацистская Германия имела возможность действовать лишь в северной Адриатике и у северо-западной части итальянского побережья. В этих районах немецкие силы продолжали свою деятельность вплоть до окончания войны, вызывая удивление своего противника: «С большой решимостью и изобретательностью немцы находили замену тому, чем не обладали. С помощью всевозможных мер, включавших даже переброску небольших судов по суше... они поддерживали достаточно эффективную конвойную службу... Немцы не располагали кораблями крупнее эскадренного миноносца... тем не менее их катера и эскортные корабли... и паромы вели самоотверженную борьбу за вверенные им грузы»[299].

До окончания боевых действий на Средиземном море в мае 1945 г. противостоящие стороны решали задачи обеспечения действий собственных сухопутных сил и нарушения коммуникаций противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Levy J. P.* Royal Navy Fleet Tactics on the Eve of the Second World War // War in History. 2012. 19 (3). P. 23–24.

[2] *Морисон С.* Битва за Атлантику, сентябрь 1939 — май 1945. История морских операций ВМФ США во Второй мировой войне / Пер. с англ. СПб., 2002. С. 57.

[3] Решающую роль в этом сыграли достижения английского флота в разработке средств гидролокации. Появление на вооружении английских эскортных кораблей гидролокатора дало основания считать подводную угрозу сведенной на нет (*Levy J. P.* Op. cit. P. 167).

[4] *Роскилл С.* Флот и война / Сокращ. пер. с англ. М., 1970. С. 46.

[5] В соответствии с Версальским и Вашингтонским договорами было заморожено строительство линкоров, а Германии разрешалось иметь корабли водоизмещением не более 10 тыс. тонн. Поэтому Германия в 1930-х гг. построила первый корабль «Дойчланд». Вооружен он был, как линкор, обладал скоростью хода, как крейсер, но все же это и не то, и не другое. Необыкновенное сочетание характеристик, не подходивших под международные стандарты, привело к попыткам придумать для корабля некий новый термин. Американская пресса называла его просто «бронированный корабль», а английская пресса придумала ироничное название «карманный линкор» (См.: *Кофман В. Л.* Карманные линкоры фюрера. Корсары Третьего рейха. М., 2007. С. 6–14).

[6] *Дёниц К.* Десять лет и двадцать дней. Воспоминания главнокомандующего военно-морскими силами Германии. 1935–1945 гг. / Пер. с англ. М., 2004. С. 54–55.

[7] Там же. С. 62.

[8] *Levy J. P.* Op. cit. P. 37.

[9] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 59.

[10] Там же. С. 60–61; *Дёниц К.* Указ. соч. С. 72–73.

[11] Подсчитано по: *Роскилл С.* Указ. соч. С. 540.

[12] Изучение германскими специалистами английских гидролокаторов, захваченных на французских кораблях после капитуляции Франции в июне 1940 г., показало, что дистанция обнаружения субмарины в надводном положении составляет всего 2–3 кабельтова (*Морисон С.* Указ. соч. С. 70).

[13] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. Т. 2. М., 1974. С. 58.

[14] *Руге Ф.* Военно-морской флот Третьего рейха. 1939–1945 / Пер. с англ. М., 2003. С. 65.

[15] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 55.

[16] Там же. С. 540.

[17] Там же. С. 84.

[18] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 108.

[19] *Маршалль В., Греффрат П.* Вторая мировая война на море и в воздухе. Причины поражения военно-морских и воздушных сил Германии / Пер. с нем. М., 2011. С. 50.

[20] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 190.

[21] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. / Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн. 1. Т. I–II. С. 359.

[22] Такое название получила борьба союзников по антигитлеровской коалиции с нацистской Германией и Италией за коммуникации и господство в Атлантическом океани прилегающих к нему морях.

[23] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 295; Сам термин «битва за Атлантику» впервые был использован У. Черчиллем в марте 1941 г. (*Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 1. Т. I–II. С. 60).

[24] *Forczyk R.* German commerce raider vs British cruiser: the Atlantic & the Pacific, 1941. Oxford, Long Island City, 2010. P. 20.

[25] Ibid. P. 7.

[26] Ibid. P. 21–22.

[27] *Вудворд Д.* Тайные рейдеры. Диверсионные операции ВМС Германии / Пер. с англ. М., 2004. С. 16.

[28] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 246.

[29] См.: *Кранке Т., Бреннеке Й.* Карманный линкор. «Адмирал Шеер» в Атлантике / Пер. с англ. М., 2004. С. 62–63, 65.

[30] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 248.

[31] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 136; *Морисон С.* Указ. соч. С. 70.

[32] *Морисон С.* Указ. соч. С. 75.

[33] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 109.

[34] Там же; *Роскилл С.* Указ. соч. С. 305.

[35] История второй мировой войны. Т. 3. М., 1974. С. 164.

[36] *Гаррос Л.* Военно-морской флот Франции во Второй мировой войне / Пер. с фр. М., 1997. Ч. 1. С. 21. К этому времени в портах самой Франции находилось лишь 45 боевых и вспомогательных кораблей ВМФ. 217 кораблей и судов оставались во французских базах Северной Африки, портах Англии или в море. К моменту перемирия в ходе боевых действий французский флот потерял 24 корабля (*Le Masson Henri*. The French Navy. Vol. 1. Garden City, N. Y., 1969. P. 40).

[37] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 405.

[38] *Гаррос Л.* Указ. соч. С. 23, 33, 36.

[39] См.: *Wragg David W.* Sink the French: the French Navy after the fall of France 1940. Barnsley, South Yorkshire, England, 2007. P. 145.

[40] *Гаррос Л.* Указ. соч. С. 32.

[41] *Де Голль Ш.* Военные мемуары: Призыв 1940–1942. М., 2003. С. 111.

[42] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Битва за Средиземное море. Взгляд победителей. М., 2001. С. 12; *Брагадин М. А.* Битва за Средиземное море. Взгляд побежденных / Пер. с англ. М., 2001. С. 17.

[43] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 33.

[44] *Levy J. P.* Op. cit. 388–389.

[45] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 531.

[46] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 293–294.

[47] *Cunningham A. B.* A Sailor's Odyssey. N. Y., 1951. P. 286.

[48] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 535; По немецким данным, на счету рейдера был 21 корабль в 152 тыс. тонн общим водоизмещением (*Кранке Т., Бреннеке Й.* Указ. соч. С. 314; *Маршалль В., Греффрат П.* Указ. соч. С. 66).

[49] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 334; *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего рейха. 1935–1943 гг. / Пер. с нем. М., 2004. С. 413.

[50] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 336.

[51] *Редер Э.* Указ. соч. С. 421.

[52] *Zetterling N., Tamelander M.* Bismarck: the final days of Germany's greatest battleship. Philadelphia, 2009. P. 85.

[53] *Konstam A.* The Bismarck 1941: Hunting Germany's greatest battleship. Botley, Oxford, 2011. P. 28–29.

[54] *Редер Э.* Указ. соч. С. 420, 423; Мотивы германского командующего в принятии решения о рейдерстве «Бисмарка» до сих пор вызывают споры историков. Д. Леви полагал важнейшим «советский фактор», о котором умолчал командующий ВМС. По его мнению, готовящаяся война с СССР должна была неминуемо отвлечь на себя колоссальную часть ресурсов, необходимых флоту для продолжения борьбы с Англией. Ожидавшийся триумф рейда «Бисмарка» должен был сохранить для ВМС «свой кусок пирога» (*Levy J. P.* Op. cit. P. 84–85); На эту же причину указывал и отставной офицер британского флота историк Г. Рис-Джонс (*Rhys-Jones G.* The Loss of the Bismark: Who was to Blame? // The Naval War College Review, 45 (1). Winter 1992. P. 30–31); Шведские исследователи Н. Цеттерлинг и М. Тэймлэндер указывают на другой фактор — стремление адмирала Э. Редера получить поддержку политического

руководства в продолжении крейсерской войны против Англии, что и должен был обеспечить успех операции «Учения на Рейне» (*Zetterling N., Tamelander M.* Op. cit. P. 91).

[55] *Mearns D., White R.* Hood and Bismarck. L., 2001. P. 99**;** *Levy J. P.* Op. cit. P. 84.

[56] *Winklareth R. J.* The Bismarck chase: new light on a famous engagement. Annapolis, Md., 1998. P. 89.

[57] *Konstam Angus.* Op. cit. P. 53.

[58] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 362–372; *Маршалль В., Греффрат П.* Указ. соч. С. 81.

[59] *Zetterling N., Tamelander M.* Op. cit. P. 202; *Konstam Angus.* Op. cit. P. 73.

[60] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 373.

[61] *Мюлленхейм-Рехберг фон Б.* На линкоре «Бисмарк» / Пер. с нем. СПб., 1999. С. 177.

[62] British and other navies day-by-day 1939–1942.

[63] *Вудворд Д.* Указ. соч. С. 255.

[64] *Бреннеке Й.* Крейсер-призрак НК-33. Боевые операции немецкого ВМФ в Индийском океане. 1939–1941 гг. / Пер. с англ. М., 2006. С. 211.

[65] *Duffy J. P.* Hitler's Secret Pirate Fleet. The Deadliest Ships of World War II. L., Westport, Connecticut, 2001. P. 130–131.

[66] См.: *Detmers T.* The raider Kormoran. L., W. Kimber, 1959. P. 178, 184–185; *Faulkner J.* The Loss of HMAS Sydney II. Commission of Inquiry/ John Faulkner [Electronic resource] / Australian Government. Department of Defence. 3 vols. Canberra, 2009. Vol. 2. P. 297.

[67] *Reminick G.* Action in the South Atlantic: the sinking of the German raider Stier by the Liberty Ship Stephen Hopkins. Palo Alto, 2006. P. 16.

[68] *Duffy J. P.* Op. cit. P. 196–195.

[69] *Вудворд Д.* Указ. соч. С. 292; *Duffy J. P.* Op. cit. P. 198–199.

[70] *Forczyk R.* Op. cit. P. 59.

[71] *Бизли П.* Разведка особого назначения. История оперативного разведывательного центра английского Адмиралтейства 1939–1945 / Пер. с англ. М., 1981.

[72] Подсчитано по: *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 1–3; По подсчетам П. фон Шмаленбаха, потери союзников с учетом кораблей, погибших на минах, выставленных рейдерами, составили 142 боевых и транспортных судна — 865 866 тонн (*Schmalenbach P.* German Raiders. A History of auxiliary cruisers of the German Navy 1895–1945. Annapolis, 1979. С. 141).

[73] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 177.

[74] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 138–139.

[75] Там же. С. 179.

[76] Там же. С. 179–180.

[77] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 416, 542.

[78] Там же. С. 418.

[79] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 178.

[80] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 144.

[81] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 421–422.

[82] По подсчетам исторического отдела итальянского флота, итальянские лодки потопили в ходе битвы за Атлантику 135 судов общим водоизмещением 842 тыс. тонн, что в пересчете на одну субмарину из общего числа 30 единиц составило 28 тыс. тонн (*Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 424).

[83] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 411.

[84] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 246; *Роскилл С.* Указ. соч. С. 428–429.

[85] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 419–420.

[86] История второй мировой войны. Т. 3. С. 167.

[87] *Маршалль В., Греффрат П.* Указ. соч. С. 87.

[88] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. 36.

[89] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 136–137.

[90] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 424–425; *Cunningham A. B.* Op. cit. P. 332.

[91] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 66.

[92] *Роскилл С.* Указ. соч. С. 388–389; *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 36.

[93] История второй мировой войны. Т. 3. С. 268.

[94] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 81.

[95] Там же. С. 398; *Роскилл С.* Указ. соч. С. 398.

[96] Средиземноморский флот в июне 1941 г. имел в строю два линкора, три крейсера, 17 эсминцев (*Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 107).

[97] Там же. С. 89.

[98] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 214.

[99] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 105.

[100] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 215; *Роскилл С.* Указ. соч. С. 476–477.

[101] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 267.

[102] *Маршалль В., Греффрат П.* Указ. соч. С. 92.

[103] Гибель линкора «Бархэм» стала одной из самых больших катастроф английского флота, вместе с линкором погибли 868 матросов и офицеров. В течение нескольких месяцев факт гибели английского линкора скрывался от английского общества (*Роскилл С.* Указ. соч. С. 483).

[104] *Borghese J. V.* Sea devils: Italian navy commandos in World War II. Annapolis, Md., 1995. P. 132–146.

[105] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 197–198.

[106] Fuehrer Conferences on Naval Affairs, 1939–1945. Annapolis, Md., 1990. P. 257.

[107] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 368.

[108] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 88.

[109] *Морисон С.* Указ. соч. С. 188.

[110] См.: *Дёниц К.* Указ. соч. С. 211.

[111] Исследуя германскую стратегию подводной войны, следует сказать, что ставка на «войну с тоннажем» была фатальной ошибкой, поскольку при этом совершенно не учитывались ни тип судна, ни его груз (*Морисон С.* Указ. соч. С. 506).

[112] См.: *Руге Ф.* Указ. соч. С. 141; Англичане оценивали допустимый уровень потерь своего торгового флота в 700 тыс. тонн (*Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 86).

[113] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 140.

[114] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 371.

[115] Fuehrer Conferences on Naval Affairs, 1939–1945 by Jak P. Mallmann Showell. L., 1990. P. 281.

[116] Ibid. P. 282.

[117] Ibid. P. 281.

[118] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 222. В данном случае речь идет о судах специального назначения, входивших в состав флотов Англии и США и представлявших собой гражданские суда, вооруженные замаскированными орудиями, их назначением была борьба с подводными лодками, использовавшими артиллерию для уничтожения торговых кораблей союзников (Подробнее см.: *Бийр К. М.* Суда-ловушки против подводных лодок: Секретный проект Америки / Пер. с англ. М., 2003).

[119] Пеленгатор получил название «Хаф-Даф» (HF/DF — high-frequency direction finder).

[120] *Макинтайр Д.* Немецкие субмарины под прицелом английских эсминцев. 1941–1944 / Пер. с англ. М., 2010. С. 95–96.

[121] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 238.

[122] Там же. С. 224–225.

[123] Летом 1942 г. в Атлантике осталось лишь три зоны, не прикрытые авиацией берегового базирования: к югу от Гренландии, к востоку от Азорских островов и в районе Канарских островов.

[124] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 184–185.

[125] Там же. С. 193, 502.

[126] Там же. С. 354.

[127] Смена командования германских ВМС стала результатом очередной неудачной операции немецких тяжелых кораблей в Арктике в ночь на 31 декабря 1942 г. при попытке перехватить следовавший в Мурманск конвой JW-51B. Раздосадованный этим провалом А. Гитлер приказал разоружить все крупные надводные корабли. В ответ на это командующий флотом гросс-адмирал Э. Редер подал в отставку (См.: *Редер Э.* Указ. соч. С. 440–445).

[128] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 363.

[129] *Middlebrook M.* Convoy SC.122 & HX.229: Climax of the Battle of the Atlantic, March 1943. Barnsley, South Yorkshire, 2011. P. 276.

[130] См.: *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 376, 380, 500, 502.

[131] Потери в мае 1943 г. достигли 30% от числа находившихся в Атлантике подводных лодок, в январе — марте этот показатель составил 9,2% (*Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. М., 1974. С. 34).

[132] Там же. С. 48.

[133] Там же. С. 52.

[134] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 409.

[135] Специально спроектированное для массовой и ускоренной постройки грузовое судно «Либерти» имело водоизмещение около 14 тыс. тонн и скорость 11 узлов. Новые методы строительства (цельносварные корпуса вместо клепаных и поточное строительство на основе секционной сборки) позволили сократить стапельные работы до нескольких дней. Рекорд скорости составил четыре дня.

[136] *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и поражение. Воспоминания фельдмаршала Третьего рейха. 1933–1947 / Пер. с англ. М., 2003. С. 160.

[137] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 145.

[138] Там же. С. 148.

[139] *Редер Э.* Указ. соч. С. 435.

[140] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 245.

[141] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 156–157.

[142] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 441.

[143] Там же. С. 441.

[144] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 159.

[145] Цит. по: *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 444.

[146] *Редер Э.* Указ. соч. С. 436.

[147] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 161–162.

[148] Fuehrer conferences on Naval Affairs, 1939–1945 by Jak P. Mallmann Showell. P. 285.

[149] *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 172.

[150] Там же. С. 293.

[151] См.: *Роскилл С.* Указ. соч. С. 296–298; *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 211–214.

[152] Цит. по: *Макинтайр Д., Шоффилд Б., Пак С. и др.* Указ. соч. С. 225.

[153] *Кессельринг А.* Указ. соч. С. 196.

[154] Высадка британских и американских войск на побережье Северо-Западной Африки осуществлялась 8–11 ноября 1942 г.

[155] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 2. Т. III–IV. С. 571.

[156] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 307, 313.

[157] Там же. С. 307.

[158] Подсчитано по: *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 314.

[159] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 363. Более сдержанно объяснял этот провал разведки адмирал Э. Редер: «Исходя из позиции, где впервые были замечены транспортные суда, мы сделали ошибочное заключение, что высадка будет произведена гораздо восточнее» (*Редер Э.* Указ. соч. С. 438); А. Кессельринг видел истинные причины такого грандиозного провала в самой германской стратегии (*Кессельринг А.* Указ. соч. С. 211).

[160] История второй мировой войны. Т. 6. М., 1976. С. 220.

[161] См.: *Huan Claude.* The French navy in World War II / Reevaluating Major Naval Combatants of World War II. N. Y., Westport Connecticut, L., 1990. P. 93; *Le Masson Henri.* Op. cit. P. 49.

[162] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 334.

[163] Там же. С. 337, 503.

[164] История второй мировой войны. Т. 6. С. 229.

[165] В разгар этой битвы один из итальянских адмиралов с горечью заметил: «Наши германские союзники покрыли себя славой, нам же выпала жалкая участь безвестных перевозчиков» (См.: *Sadkovich J. J.* The Italian Navy in World War II: 1939–1943 / Reevaluating Major Naval Combatants of World War II. N. Y., Westport Connecticut, L., 1990. P. 129).

[166] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 365, 368; *Sadkovich J. J.* Op. cit. P. 135.
[167] История второй мировой войны. Т. 6. С. 225.
[168] *Черчилль У.* Указ. соч. Кн. 3. Т. V–VI. С. 20.
[169] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 121–122, 131.
[170] *Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 375.
[171] Там же. С. 366; *Sadkovich James J.* Op. cit. P. 148.
[172] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 146.
[173] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. Смоленск, 2000. С. 218.
[174] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 170–171.
[175] Значительная часть кораблей итальянского флота была захвачена в базах германскими войсками, в том числе два крейсера, восемь эсминцев, 22 миноносца, девять корветов, 10 подводных лодок и около 250 небольших судов и катеров (*Брагадин М. А.* Указ. соч. С. 446).
[176] *Руге Ф.* Указ. соч. С. 374.
[177] См.: *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 192, 387.
[178] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. М., 2012. С. 421–422.
[179] Операции «Цитадель» и «Пантера» (см.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 525–528).
[180] *Salmaggi C., Pallavisini A.* Continenti in fiamme — 2194 giorni di guerra, cronologia della seconda guerra mondiale, Milano, 1977. P. 374–380.
[181] *Rogers E. C.* The Reduction of Pantelleria and Adjacent Islands, 8 May — 14 June 1943. Washington, 1947. P. 116.
[182] *Morison S.* Operations in North African Waters. N. Y., 2001. P. 277.
[183] *Salmaggi C., Pallavisini A.* Op. cit. P. 381.
[184] *Molony C. J. C.* The Mediterranen and Middle East. Vol. V. Uckfield, 2004. P. 14–17, 108.
[185] *Blumenson M.* United States Army in World War II Mediterranean Theater of Operations. Washington, 1993. P. 63–69.
[186] *Tomblin B.* With Utmost Spirit: Allied Naval Operations in the Mediterranean, 1942–1945. Lexington, 2004. P. 42–44.
[187] *Birtle A. J.* Campaigns of World War II: A World War II Commemorative Series — Sicily. Washington, 1993. P. 4.
[188] *Blumenson M.* Op. cit. P. 59.
[189] *Mitcham S. W., von Stauffenberg F.* The Battle of Sicily: How the Allies Lost Their Chance for Total Victory. Mechanicsburg, 2007. P. 63.
[190] *Blumenson M.* Op. cit. P. 68–69.
[191] Sicily: 9 July — 17 August 1943. Washington, 1944. P. 3–8.
[192] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 15–23.
[193] *Mitcham S. W., von Stauffenberg F.* Op. cit. P. 307.
[194] Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции армий ведущих зарубежных государств. М., 2011. С. 290.
[195] *Attanasio S.* Sicilia senza Italia. Luglio-Agosto 1943. Milano, 1983. P. 112.
[196] *Александер Б.* 10 фатальных ошибок Гитлера. М., 2003.. С. 303–309.
[197] Информационные, специальные, воздушно-десантные и аэромобильные операции. С. 290.
[198] *Birtle A. J.* Op. cit. P. 8.
[199] Action Report: Western Naval Task Force — The Sicilian Campaign Commander. File No. A16-3/N31. Serial: 00872. National Archives and Records Administration. College Park. Modern Military Records. P. 117–125.
[200] *Стрельников В. С., Черепанов Н. М.* Война без риска. М., 1965. С. 13.
[201] *James W. M.* The British Navies in the Second World War. L., N. Y., Toronto, 1947. P. 179.
[202] *Mitcham S. W., von Stauffenberg F.* Op. cit. P. 63.
[203] *Zabecki D. T.* Operation Mincemeat // World War II. November 1995. P. 47.
[204] *Александер Б.* Указ. соч. С. 304.
[205] *Atkinson R.* The Guns at Last Light. The War in Western Europe, 1944–1945. N. Y., 2013. P. 91.
[206] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 525–574.

[207] *Белли В. А., Пензин К. В.* Боевые действия в Атлантике и на Средиземном море. 1939–1945 гг. М., 1967. С. 301.

[208] *Александер Б.* Указ. соч. С. 301.

[209] Action Report: Western Naval Task Force — The Sicilian Campaign Commander. P. 18.

[210] Participation of the Ninth and Twelfth Air Forces in the Sicilian Campaign. Army Air Force Historical Office. Washington, 1945. P. 38–45.

[211] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 24.

[212] *Hoyt E. P.* Backwater War: The Allied Campaign in Italy, 1943–1945. Mechanicsburg, 2007. P. 12–14.

[213] *Stacey C.* Official History of the Canadian Army In the Second World War. The Canadian Army 1939–1945. Vol. II. L., 1957. P. 101–102; *Copp T., Matt S.* The Canadian Battlefields in Italy: Sicily and Southern Italy. Waterloo, 2007. P. 5–30.

[214] *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 304.

[215] Action Report: Western Naval Task Force — The Sicilian Campaign Commander. P. 117–125.

[216] *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 304.

[217] Там же; *Copp T., Matt S.* Op. cit. P. 12–34.

[218] *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 304.

[219] *Hewitt K.* Op. cit. P. 709.

[220] Action Report: Western Naval Task Force — The Sicilian Campaign Commander. P. 38–45.

[221] *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 306.

[222] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 49.

[223] *Стрельников В. С., Черепанов Н. М.* Указ. соч. С. 61–62.

[224] *Hoyt E. P.* Op. cit. P. 12–14.

[225] *Mitcham S. W., von Stauffenberg F.* Op. cit. P. 75.

[226] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Военно-воздушные силы Великобритании во Второй мировой войне (1939–1945). М., 1963. С. 421.

[227] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 79–80.

[228] *Birtle A. J.* Op. cit. P. 11.

[229] *Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. М., 2003. С. 169.

[230] *Birtle A. J.* Op. cit. P. 11–12.

[231] *Александер Б.* Указ. соч. С. 306.

[232] Sicily: 9 July — 17 August 1943. P. 14.

[233] *Blumenson M.* Op. cit. P. 48–55.

[234] *Morison S.* History of United States Naval Operations in World War II. Vol. 9: Sicily — Salerno — Anzio, January 1943 — June 1944. N . Y., 2001. P. 176.

[235] *Kurowski F.* The History of the Fallschirm Panzerkorps Hermann Göring: Soldiers of the Reichsmarschall. Winnipeg, 1995. P. 57–59.

[236] *Mitcham S. W., von Stauffenberg F.* Op. cit. P. 75.

[237] *Dickson K.* World War II for Dummies. N. Y., 2001. P. 36–41.

[238] *Зенгер Ф.* Указ. соч. С. 173.

[239] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 422.

[240] *Alexander H.* The Conquest of Sicily from 10 July 1943 to 17 August 1943. Alexander's Despatches // The London Gazette: (Supplement). No. 38205. P. 1009–1025.

[241] Action Report: Western Naval Task Force — The Sicilian Campaign Commander. P. 66–70.

[242] *Blumenson M.* Op. cit. P. 405–406.

[243] *Birtle A. J.* Op. cit. P. 25.

[244] *Blumenson M.* Op. cit. P. 61.

[245] *Bragadin M. A.* The Italian Navy in World War II. Milano, 1957. P. 310–318; *MacGregor K.* Mussolini Unleashed, 1939–1941: Politics and Strategy in Fascist Italy's Last War. Cambridge, 1982. P. 208.

[246] *Белли В. А., Пензин К. В.* Указ. соч. С. 316.

[247] *Flanagan E. M., Jr.* Airborne: A Combat History of American Airborne Forces. N. Y., 2002. P. 90; *Zaloga S. J.* Operation Dragoon 1944: France's other D-Day. L., 2009. P. 88.

[248] *Garland A. N., McGaw Smyth H.* Sicily and Surrender of Italy. Washington, 1993. P. 459.

[249] *Blumenson M.* Op. cit. P. 65.
[250] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 239.
[251] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб., М., 1999. С. 410.
[252] *Marchesi L.* Come siamo arrivati a Brindisi. Milan, 1969. P. 98.
[253] *Orgill D.* The Gothic Line (The Autumn Campaign in Italy 1944). L., 1967. P. 5.
[254] *Atkinson R.* Op. cit. P. 186.
[255] Ibid.
[256] SALERNO. American Operations From the Beaches to the Volturno 9 September — 6 October 1943. Washington, 1990. P. 14–18.
[257] Ibid. P. 13.
[258] *Ричардс Д., Сондерс Х.* Указ. соч. С. 444.
[259] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Война на море 1939–1945. Смоленск, 1999. С. 249.
[260] *Molony C. J. C.* Op. cit. P. 324.
[261] Ibid. P. 320–322.
[262] *Burn W. P.* Salerno: American Operations From the Beaches to the Volturno. Washington, 1990. P. 93–94.
[263] *Atkinson R.* Op. cit. P. 236.
[264] *Varley K.* Between Vichy France and Fascist Italy // Journal of Contemporary History. 2012. No. 47. P. 505–527.
[265] *Rodogno D.* Fascism's European empire: Italian occupation during the Second World War. Cambridge, 2006. P. 301.
[266] *Kerner R. W., Bowditch J.* Anzio Beachhead (22 January — 25 May 1944) (American Forces in Action). Washington, 1993. P. 5–6.
[267] *Jordan D.* Atlas of World War II. N. Y., 2004. P. 92.
[268] *Majdalany F.* Cassino: Portrait of a Battle. L., 1957. P. 30.
[269] *Clark L.* Anzio: The Friction of War. Italy and the Battle for Rome 1944. L., 2006. P. 83.
[270] *Лиддел Гарт Б.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., СПб., 1999. С. 562.
[271] *Нимиц Ч., Поттер Э.* Указ. соч. С. 257–258.
[272] *Blumenson M.* Op. cit. P. 424
[273] *Birtle A. J.* Op. cit. P. 21.
[274] *Clark L.* Op. cit. P. 271.
[275] *Самсонов А. М.* Крах фашистской агрессии 1939–1945. М., 1980. С. 442.
[276] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956. С. 343.
[277] Всемирная история. Т. 10. М., 1965. С. 94.
[278] *Churchill W.* The Second World War. Vol. IV. L., 1951. P. 667.
[279] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 3. С. 574.
[280] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 2. М., 1998. С. 404.
[281] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 399–400.
[282] *Морисон С.* Указ. соч. С. 736.
[283] *Дёниц К.* Указ. соч. С. 425.
[284] Шноркель (нем. Schnorchel — дыхательная трубка) — устройство для работы двигателя под водой (РДП), устройство для компрессоров (УДК) — устройство на подводной лодке для забора воздуха, необходимого для работы двигателя внутреннего сгорания под водой, а также для пополнения запасов воздуха высокого давления и вентиляции отсеков. В такой ситуации шноркель стал изобретением существенно улучшающим скрытность подводных лодок: для вентиляции и зарядки аккумуляторов лодке со шноркелем можно было вместо всплытия идти на перископной глубине (около 15 метров), а на поверхности находилась головка трубы, которая по сравнению со всплывшей субмариной была малозаметна. Однако количество поставляемых шноркелей было явно недостаточным. К недостаткам применения шноркеля относятся проблемы, связанные с возможностью визуального или радарного обнаружения судна неприятелем (так как сам шноркель и дым из его трубы гораздо заметнее перископа), а также тот факт, что корабль идет вслепую и вглухую из-за шума собственных двигателей, то есть оператор гидролокатора не может выполнять своих обязанностей, что чревато неприятными последствиями.

[285] К. Дёниц, отдав приказ направить в район высадки все субмарины, записал в журнале боевых действий: «Лодки без «шноркеля» отправляются в последнее плавание» (Цит. по: *Морисон С.* Указ. соч. С. 737).

[286] Во время движения десантной армады к побережью силы обороны не смогли вовремя ее обнаружить. Корабли десанта без помех дошли до мест высадки, чему в решающей степени способствовал вывод из строя немецких радиолокационных станций накануне начала операции (См.: *Маршалль В., Греффрат П.* Указ. соч. С. 148).

[287] *Морисон С.* Указ. соч. С. 738.

[288] Невозможность в кратчайшие сроки обеспечить серийное строительство лодок с двигателями Г. Вальтера заставила германских конструкторов разработать проекты субмарин XXI и XXIII серий, имевших благодаря улучшенным формам корпуса увеличенной емкости аккумуляторных батарей скорость подводного хода до 17,5 узла. Первая лодка XXI серии сошла на воду в апреле в 1944 г., до конца года — еще 44 единицы. Лодок XXIII серии за этот же период было построено 24 единицы. Но в боевых действиях успели принять участие лишь шесть субмарин новых типов, не оказавших никакого влияния на ход борьбы (*Руге Ф.* Указ. соч. С. 344).

[289] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 61.

[290] Там же. С. 476.

[291] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. М., 1979. С. 271.

[292] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 472.

[293] Там же. С. 588, 676.

[294] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 273.

[295] История этого похода описана в книге воспоминаний командира подлодки (См.: *Шаффер Х.* U-Boat 977. Воспоминания капитана немецкой субмарины, последнего убежища Адольфа Гитлера / Пер. с англ. М., 2002).

[296] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 273–274.

[297] Там же. С. 281. Человеко-торпеды «Негер» были разработаны кригсмарине в конце 1943 — начале 1944 г. в ускоренном порядке и представляли собой устройство подводного хода, состоящее из двух соединенных торпед, при этом верхняя из них управлялась пилотом, находившимся в небольшой кабине со стеклянным колпаком. «Негер» двигался в полупогруженном состоянии со скоростью до 10 узлов на дальность до 48 миль. Пилот наводил торпеду на цель, запускал двигатель нижней торпеды, освобождая ее от крепления.

[298] *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 3. С. 415.

[299] Там же. С. 528.

БОРЬБА В АФРИКЕ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Боевые действия в Северной Африке

Итальянская колонизация Ливии началась еще в 1923 г. Если в 1921 г. в стране проживали 18 тыс. колонистов, то в 1940 г. — уже около 90 тыс. Общая численность населения Ливии достигала 750 тыс. человек[1]. Присутствие итальянцев способствовало ускоренному развитию колонии, в особенности прибрежной зоны. Итальянцы построили прибрежную дорогу из Триполи в Барбию длиной 1800 км, росли прибрежные города, столица — Триполи была отстроена практически заново. С началом Второй мировой войны все работы практически остановились.

10 июня 1940 г. Италия объявила войну Франции и Великобритании, и через некоторое время в Северной и Северо-Восточной Африке развернулись военные действия. В Тунисе, опасаясь итальянского вторжения, французское командование усилило свои позиции на ливийской границе[2]. В июне 1940 г., накануне конфликта, в Ливии дислоцировались войска под командованием маршала авиации Италии И. Бальбо, генерал-губернатора и Верховного главнокомандующего в Северной Африке. Их первоначальной задачей было сдерживать французские силы в Тунисе, сохранять общественный порядок и патрулировать границу с Египтом. Эти силы насчитывали 250 тыс. человек и были объединены в две армии. В Триполитании дислоцировалась 5-я армия (10, 20 и 23-й корпуса), на востоке, в Киренаике, — 10-я армия (21-й и 22-й корпуса)[3]. Однако итальянские соединения и части были плохо экипированы и испытывали нехватку офицерского состава. В основном они предназначались для поддержки порядка среди местного населения. Всего в двух армиях имелось 120 легких танков. Практически, итальянские армии, располагавшиеся в Ливии, были плохо подготовлены к боевым действиям[4].

Британские силы на Ближнем Востоке насчитывали 80 тыс. человек и были разбросаны по территории Египта, Судана, Кении, Сомали и Палестины. В Египте под командованием генерал-лейтенанта Г. Уилсона располагалась Западная пустынная группировка: всего 36 тыс. человек, 275 танков, в том числе 35 тяжелых. На ливийской границе отсутствовали природные препятствия, которые можно было бы укрепить, за исключением небольшого порта Эс-Соллум. Однако между ним и г. Мерса-Матрух дорожное сообщение было развито плохо, поэтому главную оборонительную позицию британцы оборудовали в Мерса-Матрух, а к ливийской границе отправлялись небольшие мобильные группы, беспокоившие противника и выяснявшие его дислокацию[5].

Пароход с итальянскими военнослужащими идет в Северную Африку

Итальянские солдаты на позиции в Северной Африке

Артиллерийские тягачи британской армии на марше

Британские солдаты перед атакой противника

Э. Роммель в окружении итальянских генералов

Немецкие танкисты на марше в Северной Африке

Два трофейных танка «Матильда» Африканского корпуса вермахта в пустыне

Артиллеристы Африканского корпуса вермахта готовят к стрельбе 88-мм зенитную пушку

Итальянское командование планировало начать наступательную операцию против британцев 3–4 августа, однако из-за неготовности частей и соединений она была перенесена. Итальянцы перешли в наступление 8–10 сентября 1940 г. В связи с тем, что основные силы британцев находились на второй линии обороны, главный удар итальянцы предприняли вдоль морского побережья. Здесь наступали части и соединения 10-й армии[6].

13 сентября ливийские части захватили Эс-Соллум и Хальфайю. Двигаясь двумя колоннами вдоль берега и углубившись в сторону пустыни, итальянцы 15 сентября достигли Буг-Буга, а к полудню следующего дня выдвинулись к Сиди-Баррани[7]. Англичане после короткого и яростного сопротивления отступили.

Однако наступление итальянцев из-за проблем со снабжением было приостановлено. Пауза в наступлении затянулась на три месяца, чем воспользовались британцы. Они провели перегруппировку своих войск и приступили к подготовке контрнаступления. 28 октября 1940 г. разгорелась борьба за Грецию. Итальянские войска в Ливии получили приказ отвлечь на себя как можно больше британских частей.

Британское командование продолжало усиленно готовиться к контрнаступлению. Оно планировало нанести внезапный удар в промежутке между лагерями в Софафи и Нибейве[8]. Операция была назначена на 9 декабря. Через два дня после начала наступления развернулось ожесточенное сражение за Сиди-Баррани, который 11 декабря пал. В результате 10-я итальянская армия была вытеснена из Египта, при этом 38 тыс. итальянцев попали в плен. Командующий 10-й итальянской армией 16 декабря предложил Верховному командованию эвакуировать Бардию и сосредоточить внимание на обороне Тобрука[9], а также обратиться к Германии за помощью. Однако итальянское руководство было занято восстановлением положения в Греции. Б. Муссолини отказался эвакуировать Бардию, но пообещал прислать подкрепления.

Итальянцы, воспользовавшись остановкой британского наступления, перегруппировали свои силы и создали три сектора обороны — в районах Бардия, Тобрук и Джебель. Сектором обороны в районе Бардии являлся оборонительный пояс в 32 км с дотами и дзотами, насчитывавший 45 тыс. человек и 430 орудий. Укрепленный район Тобрука представлял собой оборонительном пояс в 54 км с далекими от завершения укреплениями, при этом в частях имелось 27 тыс. человек и 300 орудий. В секторе обороны в районе Джебеле была оборудована серия блокпостов вдоль главных дорог вокруг города, а гарнизон насчитывал 14 тыс. человек[10]. Мобильная тактическая группа с танками и артиллерией дислоцировалась в районе Эль-Газалы. В ее задачи входили оказание помощи оборонительным пунктам и защита Дерны и Мехели, а также оборона аэродромов от Тобрука до Бомбы.

Английское командование решило начать наступательную операцию с удара на Тобрук. 3 января 1941 г. после мощной артиллерийской подготовки с суши, с моря и воздушной бомбардировки начался штурм Бардии. К 4 января британцы вышли к порту и окружили итальянские части и соединения, лишь небольшой группе удалось вырваться из кольца. Оставшийся гарнизон из 30 тыс. человек капитулировал. Захватив Бардию, британцы продолжали продвигаться в западном направлении. 6 января они перерезали магистраль Триполи — Барбия и пути сообщения с Мехели, а на следующий день вышли к Тобруку[11]. После ожесточенного сражения 22 января город пал, а его гарнизон сдался. Вскоре был захвачен Мехели. Измученные итальянские войска отошли в район Бенгази[12].

Британские войска неотступно преследовали остатки 10-й итальянской армии и к 6 февраля 1941 г. окружили их. Вечером 7 февраля около 20 тыс. итальянских солдат сдались в плен, а на следующий день британцы заняли Эль-Агейлу. Положение итальянцев было катастрофическим. Части и подразделения 10-й итальянской армии, не попавшие в окружение, отошли к Триполи. Единственной защитой столицы Триполитании оставались отдельные подразделения, дислоцированные в Хомсе, в 130 км от Триполи. Последняя надежда возлагалась на Сирт, командование 10-й армии приказало организовать оборонительные позиции. Остатки армии были усилены несколькими батальонами, артиллерийскими батареями и подразделениями легких танков[13]. Всего в обороне Триполи принимали участие три итальянские дивизии. Британские войска закрепились на ливийской границе.

За период первой ливийской кампании, продолжавшейся около пяти месяцев, потери итальянцев были чрезвычайно велики: разгромлена 10-я армия, 130 тыс. солдат попали в английский плен, среди них 22 генерала и адмирала, потеряно 380 танков, 840 орудий и огромное количество экипировки[14].

После разгром 10-й армии и выхода британских сил к триполитанской границе нависла угроза распада итальянской колониальной империи. Руководство Италии понимало, что вслед за оставлением Ливии может последовать уход из Сомали и Абиссинии. Опасаясь, что подобное развитие событий поставит под вопрос существование политического режима в самой Италии, Б. Муссолини обратился за помощью к Германии.

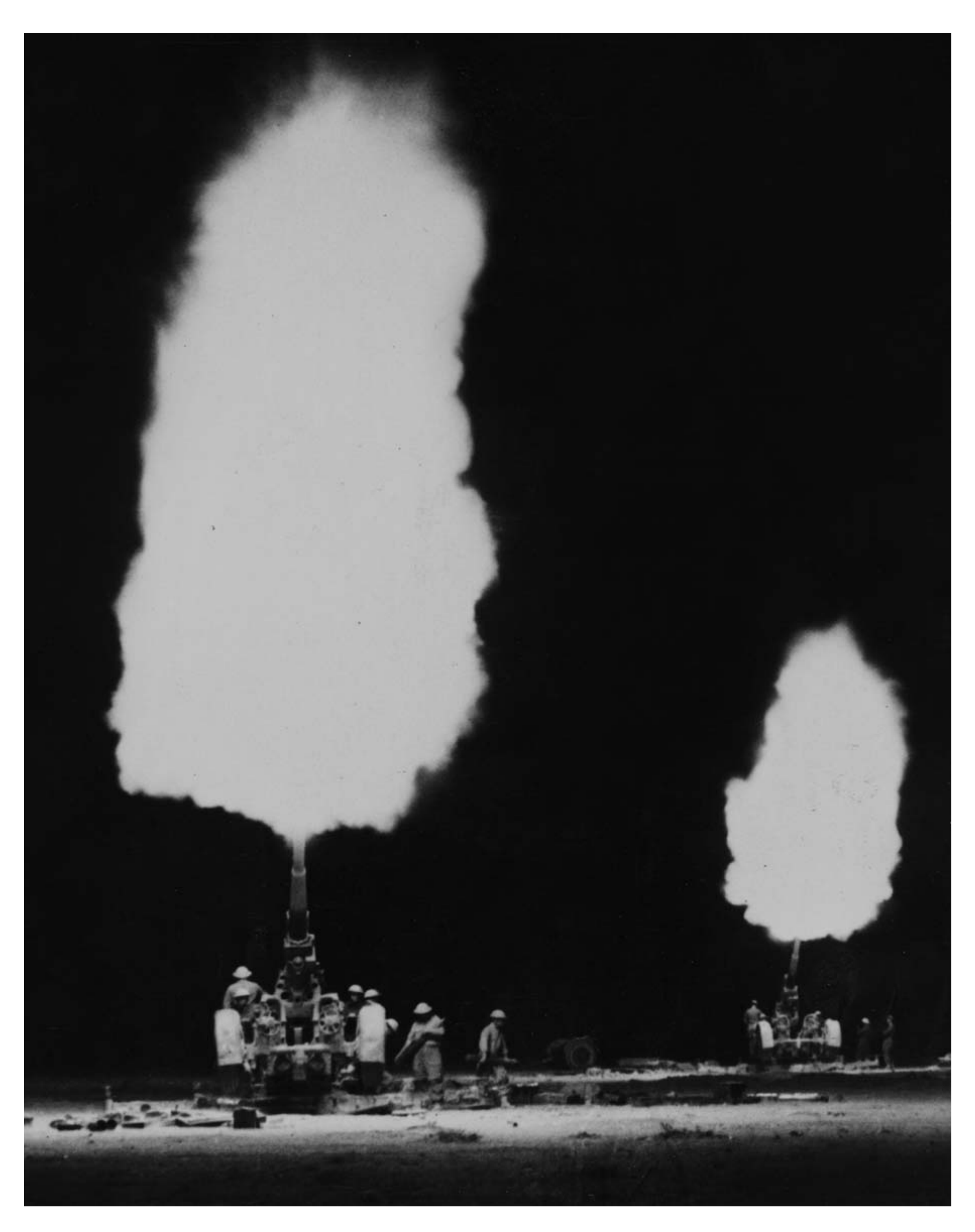
5 февраля А. Гитлер направил ему письмо, в котором высказал недовольство тем, как итальянское Верховное командование провело операцию в Северной Африке, и обещал выслать туда Немецкий экспедиционный корпус при условии, что итальянцы сумеют удержаться на занимаемых позициях[15]. На помощь итальянцам были направлены две дивизии: 5-я легкая (позже переименованная в 21-ю танковую) и 15-я танковая, которые стали ядром немецкого Африканского корпуса. Общее командование германской группой войск в Северной Африке было поручено генерал-полковнику Э. Роммелю, который прибыл в Ливию 12 февраля 1941 г.[16], а 10 февраля в связи с угрозой наступления немецко-фашистских войск на Балканах англичане прекратили наступление, начав переброску войск в Грецию.

Э. Роммель, вопреки приказу германского командования не проводить наступательные операции до прибытия в мае 2-го танкового корпуса, 20 марта 1941 г. начал наступление против британцев. В период с 31 марта по 15 апреля итало-немецкие войска вновь заняли Киренаику и вышли к границам Египта. Британцы покинули Бенгази, оставив окруженный гарнизон в Тобруке. Осада города продолжалась в течение восьми долгих месяцев — с 9 апреля по 7 декабря 1941 г., но так и не привела к успеху.

Британцы сумели восстановить фронт лишь между Эль-Саллуме и Хальфайей. Несмотря на приказы германского Верховного командования прекратить наступление, Э. Роммель продолжал движение вперед[17]. Оттеснив британцев к ливийско-египетской границе, итало-германские войска попали в невыгодное положение. Их пути подвоза оказались чрезвычайно растянутыми, тем не менее Африканский корпус сумел блокировать две попытки британцев выбить его части с занимаемых позиций. 15 мая 1941 г. британцы нанесли контрудар в районе Эль-Саллуме, Хальфайи и Капуццо, им удалось прорвать немецкие позиции и продвинуться в западном направлении на 24 км. Перегруппировав свои силы, итало-германское командование предприняло контрудар и отбило утерянные позиции. Британцы продолжали попытки прорвать итало-германский фронт в районе Эль-Саллуме и 15 июня сумели вклиниться в их оборону на значительное расстояние. Однако германский Африканский корпус сначала остановил британцев, а 16–17 июня серией ударов восстановил прежнюю линию фронта[18].

Британское командование не смирилось со сложившейся обстановкой и предпринимало меры для возобновления наступления в Северной Африке. По указанию У. Черчилля сюда перебрасывались крупные силы[19]. Перед новым наступлением, получившим кодовое название «Крусейдер» («Крестоносец»), английские войска были значительно усилены и перевооружены. Число танковых частей возросло с четырех до 14. Ударная группа получила четыре полностью укомплектованные бронетанковые бригады, а гарнизон Тобрука — одну. Были переброшены также три моторизованные дивизии[20].

Германский Африканский корпус так и не дождался значительных подкреплений из Германии. По приказанию Э. Роммеля из нескольких сверхштатных артиллерийских дивизионов и пехотных батальонов была сформирована пехотная дивизия. Итальянские войска, насчитывавшие три дивизии (одна из них бронетанковая), были усилены тремя пехотными дивизиями, имевшими на вооружении устаревшую технику и не обеспеченными автотранспортом. В довершение ко всему, англичане также имели большое преимущество в авиации. Их военно-воздушная группировка была доведена почти до 700 самолетов против 120 немецких и 200 итальянских[21].

Британские зенитчики ведут огонь в районе Тобрука

Солдаты британской армии у входа в бункер в осажденном Тобруке

Подбитый огнем зенитных орудий танк в районе Тобрука

Британское тяжелое орудие бомбардирует немецкие позиции

Немецкие танки, подбитые в ходе операции «Крестоносец»

Итальянские солдаты у 20-мм зенитной пушки

Офицер люфтваффе изучает обшивку крыла сбитого истребителя «Харрикейн»

Британская операция «Крестоносец» началась 18 ноября 1941 г. К концу следующего дня 30-й корпус продвинулся на запад и северо-запад до 96 км, угрожая Бир-эль-Гоби и Сиди-Резегу, причем последний располагался всего в 32 км от осажденного гарнизона Тобрука. Немцы бросили все силы в отчаянной попытке остановить английские танки[22].

24 ноября 1941 г. остатки 21-й танковой дивизии нанесли удар на восток через египетскую границу, стремясь перерезать линии коммуникаций британских сил. Однако силу удара сдерживали скудный запас горючего для танков и усталость войск. В этой ситуации 27—28 ноября новозеландская дивизия нанесла неожиданный удар в западном направлении вдоль береговой линии от Бардии к Тобруку, угрожая, в свою очередь, линиям снабжения Африканского корпуса немцев. Это заставило Э. Роммеля прервать наступление и повернуть основные силы против новозеландцев[23].

Германо-итальянскому командованию стало понятно, что ему не удастся высвободить свои гарнизоны в Бардии и у Халфайского прохода. Танковые части были ослаблены, войска оказались зажатыми между гарнизоном Тобрука и 30-м британским корпусом, грозившим перерезать пути отхода. В сложившейся обстановке Э. Роммель решил отступать на запад. Прикрывать отход должна была танковая группа, сосредоточенная у Бир-эль-Гоби, против одного из флангов 30-го корпуса. Этот маневр принудил соединения и части британского корпуса отойти на запад. 5 декабря 11-я индийская и 4-я танковая бригады атаковали Бир-эль-Гоби, но были отбиты и контратакованы. Получив подкрепление из оставшихся частей 4-й индийской дивизии и гвардейской бригады, английские войска вновь атаковали и на этот раз взяли позицию штурмом. 15-я и 21-я танковые дивизии немцев отступили в северо-западном направлении, преследуемые противником.

Итало-немецкие войска снова перешли к обороне, подвергаясь атакам превосходивших их по численности сил противника. К началу декабря 1941 г. попытки Африканского корпуса остановить операцию «Крестоносец» опустошили его резервы. В нем осталось всего 60 годных к эксплуатации танков. Продолжать преследование противника было поручено 13-му корпусу. 7 декабря Э. Роммель приказал начать отход на запад, немецкие и итальянские войска двинулись из Аджедабии к Эль-Агейле[24]. 9 декабря был деблокирован окруженный гарнизон Тобрука, осада которого продлилась 242 дня. К 26 декабря 1941 г. итало-немецкие силы отошли на запад более чем на 240 км и заняли оборонительные позиции вдоль западной границы Киренаики в Эль-Агейле.

В ходе операции «Крестоносец» британские части потеряли около 18 тыс. человек, в то время как немцы и итальянцы — 24 тыс. человек убитыми и ранеными, 36 тыс. пленными[25].

К началу 1942 г. противоборствующие на Северо-Африканском театре военных действий стороны перешли к накоплению сил и средств, находясь на восточной границе Киренаики. В то время как западные союзники по антигитлеровской коалиции были заняты выработкой общей стратегии продолжения войны, итало-немецкое командование в Северной Африке планировало дальнейшие наступательные операции, принимая меры к наращиванию своей группировки в этом регионе.

Еще в конце декабря 1941 г. германский Африканский корпус получил новое подкрепление. Морской конвой немецких судов доставил через Средиземное море 54 новых танка. Наступление итало-немецких войск началось 22 января 1942 г. и длилось 22 недели. Э. Роммель решил действовать в западном направлении, в сторону Бенгази, стремясь ликвидировать возможную угрозу своему тылу. В то же время планировалось продемонстрировать наступление на восток к Мечили, чтобы отвлечь внимание английских войск от направления главного удара.

Удар Африканского корпуса пришелся на авангард английских войск, состоявший в основном из частей вновь прибывшей 1-й бронетанковой дивизии. Ее полки были сформированы из бывших кавалерийских частей, и личный состав не имел опыта по использованию танков, а также не умел действовать в условиях пустыни. Неблагоприятным для англичан был и тот факт, что полученные немцами новые танки T-III отличались более мощной броней. В ходе боев немецкая противотанковая артиллерия применяла новые способы

Английские танки перед атакой в районе Эль-Аламейна

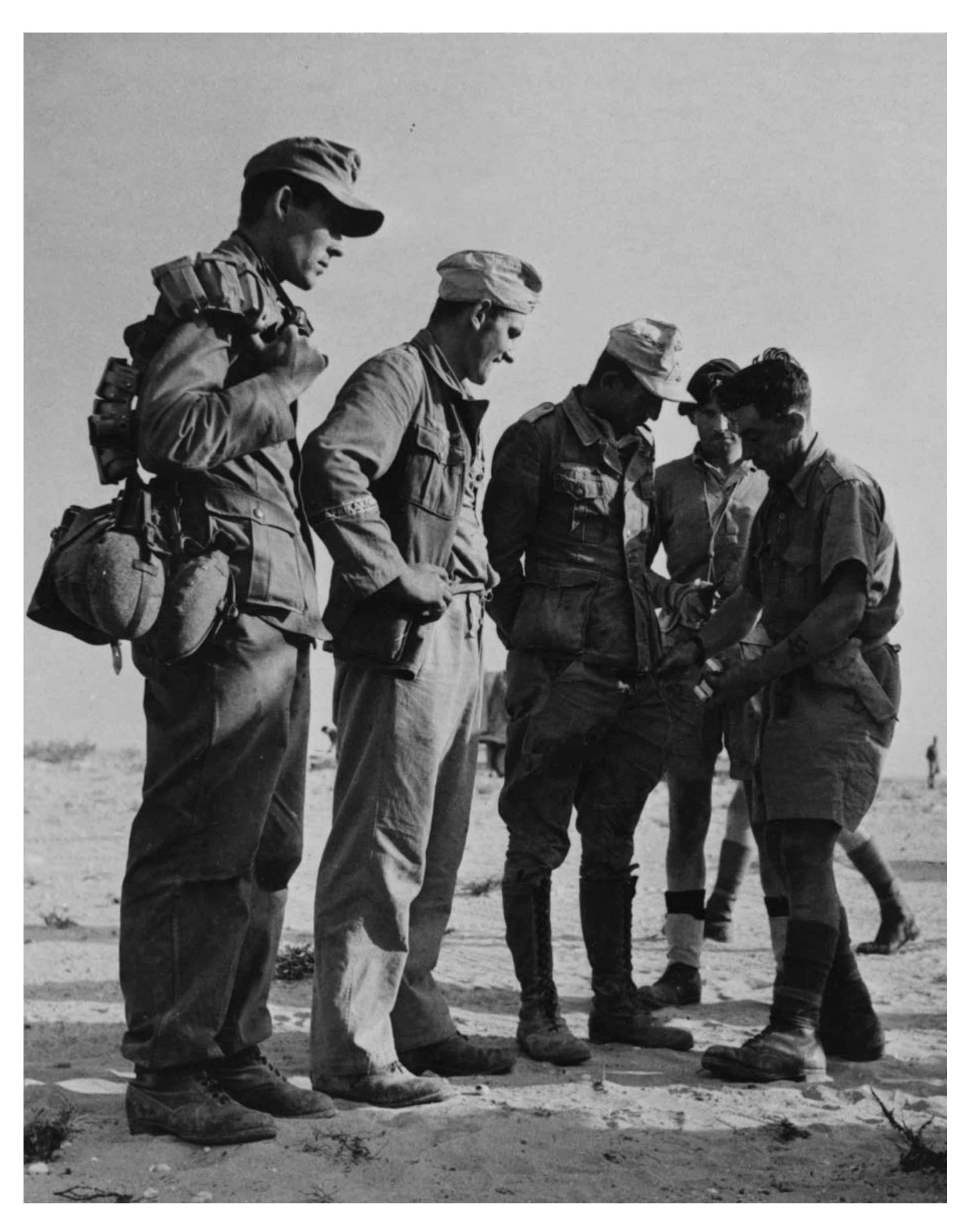

Итальянская САУ, захваченная англичанами у Эль-Аламейна

Колонна итальянских пленных

Английский солдат обыскивает немецких пленных

Уинстон Черчилль в районе Эль-Аламейна в Северной Африке

Подбитый под Эль-Аламейном немецкий танк и тело погибшего танкиста

взаимодействия с танками в наступательном бою. Немцы перебрасывали 12 противотанковых пушек перекатами с одной выгодной позиции на другую, в то время как танки с укрытых позиций своим огнем поддерживали маневр артиллерии. Затем артиллерия, заняв огневые позиции, прикрывала движение танков. Эта тактика дала хорошие результаты, и, несмотря на интенсивность огня противника, его танкам не удавалось задержать продвижение немецких войск. Англичане несли потери и были вынуждены отступать[26].

Таким образом, быстрый бросок Э. Роммеля к Бенгази явился для английского командования полной неожиданностью. 4-я индийская дивизия, оказавшаяся на пути наступления немцев, осталась без всякой поддержки. В результате английские войска были вынуждены оставить порт Бенгази со всеми накопившимися в нем запасами.

25 января 1942 г. Африканский корпус начал наступление в направлении Мсуса. Ему удалось прорвать британские позиции. Англичане отошли к северу, в сторону от оси немецкого наступления, сохранив лишь 30 танков. Используя эффект внезапности, Э. Роммель направил две небольшие боевые группы на восток. Действуя смело и решительно, немцы вынудили англичан, боявшихся попасть в окружение, оставить ряд оборонительных рубежей. 4 февраля 1942 г. 8-я английская армия отошла на оборонительные позиции у Эль-Газаля, но только в начале апреля Э. Роммель, преодолев колебания итальянского военного командования, смог продвинуть свои войска к позициям англичан[27]. К этому времени англичане начали строить полевые фортификационные сооружения и ставить обширные минные поля, стремясь превратить рубеж у Эль-Газаля в сильно укрепленную оборонительную позицию. Сектора тянулись в южном направлении на 50 км от побережья.

На левом фланге позиция у Бир-Хашейма, которую занимала 1-я французская бригада, находилась в 16 милях от позиции у Сиди-Муфты. Осложняющим оборону обстоятельством стало создание в Бельхамеде передовой базы и конечно-выгрузочной станции в предвидении возобновления наступления[28]. Это был очевидный объект для флангового удара противника, и необходимость прикрывать сосредоточенные там обширные запасы материальных средств являлась предметом постоянной заботы английских командиров в ходе боевых действий, сковывая свободу маневра.

Разработка планов боевых действий породила разногласия среди британского командования относительно целесообразности и желательности наступления в ближайшие сроки. Начиная с февраля 1942 г. премьер-министр У. Черчилль настаивал на возможно раннем начале операций. Наступательные действия, по его мнению, давали возможность оттянуть внимание противника от главного перевалочного пункта снабжения союзников в Северной Африке — Мальты.

Итало-немецкие войска 26 мая продолжили наступление на Эль-Газаль, опередив англичан, намеревавшихся начать свое наступление в середине июня. В ходе решительной немецкой атаки штаб 7-й английской бронетанковой дивизии был разгромлен, а ее командир попал в плен[29]. 4 июня британские войска оставили позиции у Эль-Газаля и начали быстро отходить к египетской границе. 8 июня англичане предприняли наступление на итальянцев и немцев. Серию разрозненных и слишком прямых штурмов немцы и итальянцы отбивали по очереди. Вечером первого же дня немцы нанесли контрудар. В результате одна из бригад 5-й индийской дивизии была рассеяна, а другая окружена и на следующий день разгромлена вместе со всей дивизионной артиллерией[30].

11 июня 1942 г. Африканский корпус нанес удар в восточном направлении, окружив две из трех английских танковых бригад. В эти дни английским войскам приходилось вести бой в степном пространстве под угрозой быть уничтоженными вражеским перекрестным огнем. Ко второй половине дня 12 июня две британские танковые бригады попали в западню. Третья бригада, шедшая им на выручку, понесла тяжелые потери, так как немцы встретили ее с заранее занятых выгодных позиций.

13 июня Э. Роммель повернул на север и продолжил преследование английских танковых сил. К исходу дня у англичан осталось около 100 танков. На следующий день, 14 июня 1942 г., Э. Роммель отдал приказ соединениям Африканского корпуса нанести удар на север,

Танкисты 1-й танковой дивизии армии США возле своего танка «М-3 Грант» в Тунисе

Американская САУ ведет огонь по позициям противника

Сорванная башня немецкого «Тигра», разрушенного взрывом в Тунисе

через Акрому, и перерезать прибрежную дорогу. Над двумя английскими дивизиями, расположенными на рубеже Эль-Газаля, нависла угроза окружения. Но продвижение немцев было задержано минным полем, которое им удалось преодолеть лишь к концу дня. К этому времени танкисты настолько устали, что физически были не в состоянии перерезать дорогу, по которой двигались отступавшие британские войска.

Оборонявшим Эль-Газаль английским дивизиям удалось избежать разгрома лишь потому, что они стали прорываться через позиции итальянских войск, которые традиционно отличались меньшей стойкостью в бою. В результате британцы смогли прорваться сквозь итальянский фронт, а затем повернуть на восток, к границе[31]. Неудача постигла англичан и под Тобруком, где немцы разгромили их войска, прежде чем там была организована оборона[32]. Были захвачены 35 тыс. пленных и громадные запасы снабжения[33]. Британцы отходили к Эль-Аламейну, где собирались дать отпор итало-немецким войскам[34].

К июлю 1942 г. германо-итальянские войска вышли к железнодорожной станции Эль-Аламейн, находившейся в 96 км от Александрии. Коммуникации оказались сильно растянутыми. В течение полутора месяцев войска приводили себя в порядок. Командование Африканского корпуса планировало новые операции. Однако события на советско-германском фронте, на южном крыле которого вермахт вел летнее наступление, поглощавшее все германские резервы, не позволили германскому командованию усилить Африканский корпус, а завоевание Египта занимало лишь незначительное место в планах на этот период[35]. В августе 1942 г. корпус получил в качестве подкрепления лишь парашютную бригаду и итальянскую дивизию[36]. В то же время британцы имели весьма существенное подкрепление, в том числе и за счет американской техники.

Новый командующий 8-й британской армией генерал Б. Монтгомери приказал создать вокруг Алам-Хальфы укрепленные позиции. Большое внимание уделялось расширению системы минных полей. В итоге прорыв немецких ударных отрядов, 30 августа атаковавших Алам-Хальфу, был встречен залпами противотанковой артиллерии и минными ловушками. В течение 3–6 сентября британцы сильными контратаками остановили немецкое продвижение и заставили их отступить, однако они не воспользовались этим, поскольку преследование противника не было организовано[37].

После Алам-Хальфы британцы начали усиленную подготовку к Эль-Аламейнской наступательной операции. В составе 8-й британской армии насчитывалось 230 тыс. человек и 1440 танков. Противостоящие ей итало-германские войска имели менее 80 тыс. человек, в том числе немецкие войска — 27 тыс. человек, 260 немецких и 280 итальянских танков[38]. Острая нехватка горючего сковывала всякий контрманевр немецких войск.

Британские войска начали свою операцию в ночь на 28 октября 1942 г. Главный удар был предпринят в северном направлении в сторону побережья. Предполагалось отрезать прибрежный опорный пункт противника, после чего повернуть в западном направлении на Дабы и Фуки. Однако части Африканского корпуса, опираясь на минное поле, сумели принять контрмеры и отразить удар британцев.

Развитие событий в Северной Африке находилось в зависимости от хода борьбы на советско-германском фронте. Оценивая результаты боевых действий в Северной Африке, немецкий генерал-фельдмаршал В. Кейтель констатировал: «Одной из самых больших возможностей, которую мы упустили, был Эль-Аламейн... Требовалось совсем немного, чтобы захватить Александрию и прорваться к Суэцкому каналу и в Палестину. Но как раз тогда мы не были достаточно сильны на этом направлении из-за расположения наших сил и, в первую очередь, из-за войны с Россией»[39].

Таким образом, летом 1942 г. англо-американское командование смогло укрепить позиции в Северной Африке, накопить силы и подготовиться к решительному осеннему наступлению.

С 8 по 11 ноября 1942 г. англо-американские войска провели операцию «Торч» — серию высадок десанта в Марокко и Алжире, контролировавшихся союзным Германии французским правительством Виши. Англо-американские союзники надеялись после завершения

Американские автомобили на разминированной дороге в Северной Африке

Техники у истребителя ВВС США в Северной Африке

Немецкий танкист сдается британскому солдату

Немецкие и итальянские пленные после капитуляции Африканского корпуса

высадки начать движение в восточном направлении по труднопроходимой местности Западного Туниса, чтобы с тыла нанести удар силам Африканского корпуса, которые отступали через Ливию. К концу ноября 1943 г. итало-немецкие подразделения сумели закрепиться на промежуточном рубеже.

Во французских колониях Марокко, Алжире и Тунисе находились до 200 тыс. солдат и офицеров армии правительства Виши и около 500 самолетов. В ночь на 22 октября 1942 г. заместитель Д. Эйзенхауэра генерал М. Кларк с группой офицеров был доставлен на подводной лодке на алжирское побережье. Состоялась секретная встреча с французскими офицерами, которые передали информацию относительно береговых батарей, дислокации войск и самое главное — заверение в том, что сопротивления в Северной Африке оказано не будет[40].

Высадка американо-английских войск в Северной Африке проводилась в трех основных пунктах: Касабланке, Оране и Алжире. В районе Орана пришлось пойти на хитрость: чтобы ввести противника в заблуждение, конвой сначала проследовал мимо Орана на восток, а ночью повернул обратно. Высадка произошла в час ночи в заливе Арзев, а в Лез-Андалузе и Мерса-Бу-Зеджаре — через полчаса. Внезапность десанта была полной, и противник не оказал никакого сопротивления. Танки перевозились на транспортах, а после захвата порта в заливе Арзев выгружались на причале[41]. Десантники сумели очень быстро захватить аэродром Тафараци, который через час уже был готов принимать самолеты с Гибралтара. На третий день операции был захвачен Оран, французские войска капитулировали. Потери американцев за три дня боев на суше составили около 400 человек, а потери французов — еще меньше. Ослабление сопротивления в последний день свидетельствовало о том, что французским командирам было известно о переговорах в Алжире[42].

Высадка англо-американских войск поставила немецкое командование в трудное положение. Его войска оказались зажатыми между наступающими англичанами и высадившимися в Алжире американцами. После 11 декабря 1942 г. в течение двух недель немецко-итальянские войска продолжали отступать на запад. Сдерживая натиск союзников, они пытались занять выгодную для обороны позицию и середине декабря сумели укрепить оборонительные позиции в Тунисе при помощи 5-й танковой армии. К 23 декабря немцы и итальянцы отошли на позиции в районе Буэрата.

В середине января 1943 г. англо-американские войска начали новое наступление. Чтобы скрыть подготовку к нему, ударная группировка, располагавшаяся в глубине обороны, скрытно выдвинулась к переднему краю и 15 января с ходу перешла в наступление. Попытка окружить итало-немецкие войска не удалась: оставив позиции в районе Буэрата, они отошли на другой рубеж[43].

К началу февраля 1943 г. германо-итальянская группировка, располагавшаяся в Тунисе, получила пополнение: ее численность возросла до 100 тыс. человек (из них 74 тыс. немцев, а 26 тыс. итальянцев). Таким образом, положение Э. Роммеля значительно улучшилось по сравнению с декабрем 1942 г. Однако из всего личного состава около 30% приходилось на долю административного персонала. Общая численность танкового парка составляла 280 машин, в том числе 12 «тигров»[44]. В американо-английской группировке имелось 300 танков и 36 самоходных противотанковых орудий.

Перегруппировав свои силы, командование германо-итальянской группировки 14 февраля нанесло удар по американским частям. Осуществив охватывающий маневр, они окружили части 1-й бронетанковой дивизии. Из кольца удалось вырваться только отдельным подразделениям. В этом бою американцы потеряли 40 танков[45]. Однако развить успех немцам не удалось, американцы успели организовать оборону в районе Сбейтлы и остановили их. На другом направлении ударная группировка немецко-итальянских войск 15 февраля заняла Гафсу, а через два дня захватила американские аэродромы в Телепте, создав угрозу выхода в тыл американских войск.

К этому времени германо-итальянским войскам удалось сузить тунисский плацдарм до 200 км по фронту и 140 км в глубину. Однако американо-английские воздушные силы, насчитывавшие 3 тыс. самолетов, полностью господствовали в воздухе[46]. Итало-немецкая авиация, даже по английским данным, «могла сделать лишь 68 вылетов за день». На стороне американцев

и англичан было также превосходство в живой силе и танках[47]. О катастрофическом состоянии итальянских войск в Тунисе Б. Муссолини 9 марта 1943 г. сообщил А. Гитлеру: «Итальянские войска вынуждены вести войну, пользуясь оружием, оставшимся от войны 1914—1918 гг.»[48].

Однако итало-немецкие войска все еще удерживали за собой господствующие позиции: холмы Грин и Болд в секторе Седженаны, холм Лонгстоп в секторе Меджерда, далее на юге удерживали Пон-дю-Факс и, наконец, Анфидавиль, которые прикрывали проход к побережью[49]. Борьбу за холм Лонгстоп, запирающий дорогу в г. Тунис, части и соединения 1-й английской армии вели пять месяцев.

6 мая 1943 г. американо-английская авиация подвергла сильной бомбардировке участок обороны противника восточнее Меджез-эль-Баба с целью пробить брешь в итало-немецких позициях. Бомбардировщики не встретили никакого противодействия со стороны противовоздушной обороны противника. В течение пяти часов шла непрерывная бомбежка пустого места, ибо все итало-немецкие огневые точки находились на обратных склонах высот. Вслед за авиационной подготовкой англо-американские части перешли в наступление. Немцы и итальянцы были вынуждены отходить на полуостров Бон, надеясь эвакуироваться на Сицилию. На оборонительных позициях оставались лишь части прикрытия. 7 мая немцы оставили г. Тунис. Основные силы немцев и итальянцев отошли от города к северу и югу[50]. Имел успех и 2-й американский корпус, части которого овладели Бизертой. Немецко-итальянская группировка оказалась зажатой в тиски. Части и подразделения стали сдаваться в плен. Общее число пленных в этом районе достигло 40 тыс. человек[51].

К 13 мая все немецко-итальянские войска сложили оружие. Только немногим удалось переправиться морем и по воздуху на Сицилию. Д. Эйзенхауэр писал, что было захвачено «240 тыс. пленных, в том числе 125 тыс. немецких солдат и офицеров»[52]. Хотя по сведениям штаба группы армий «Африка», в апреле общая численность немецко-итальянских войск составляла 170—180 тыс. человек[53].

Победа англо-американских сил над итало-немецкими войсками в Северной Африке, одержанная на второстепенном театре военных действий, тем не менее привела к изменению соотношения сил в районе Средиземного моря в пользу западных союзников. При этом операции США и Великобритании на Северо-Африканском театре военных действий носили затяжной характер. С разгромом итало-немецкой группировки в Северной Африке США и Великобритания освободили значительные силы и средства для дальнейших военных действий против Германии, но союзники решили продолжить борьбу на Средиземном море, где их главным соперником оставалась ослабленная Италия.

Начало вооруженной борьбы в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Япония уже в начале 1930-х гг. выступила одной из главных поджигательниц Второй мировой войны, развернув серию агрессивных вооруженных акций против Китая, России и Монгольской Народной Республики.

В результате попустительства ведущих мировых держав к началу 1932 г. вся Маньчжурия оказалась оккупированной японской Квантунской армией. На захваченной территории Япония создала марионеточное государство Маньчжоу-Го, формальным правителем которого был поставлен Пу И — последний император из свергнутой маньчжурской династии. Должность японского посла в Маньчжоу-Го получил по совместительству командующий Квантунской армией генерал Н. Муто.

В январе 1932 г. командование японских войск предприняло попытку захватить Шанхай, однако встретив решительный отпор со стороны корпуса 19-й китайской национальной армии и населения Шанхая, части японских войск были вынуждены 5 мая 1932 г. отойти, потеряв убитыми и ранеными более 10 тыс. человек[54].

Танк японской армии в китайском замке

Японские солдаты во время уличных боев в Шанхае

Строевой смотр китайских войск

Китайские бойцы у железнодорожного моста

В ряде провинций Северного Китая были созданы автономии и установлены марионеточные режимы. В январе 1932 г. японцы завладели ключевым пунктом на пути из Маньчжурии в Северный Китай — г. Шаньхайгуань и рядом других проходов в Великой Китайской стене, создав таким образом прямую угрозу Бэйпин-Тяньцзиньскому экономическому району. В феврале — марте 1932 г. к Маньчжоу-Го была присоединена провинция Жэхэ. В декабре 1936 г. японский десант высадился в порту Циндао (провинция Шаньдун). В этот же период японские войска и марионеточные формирования Маньчжоу-Го неоднократно вторгались в соседние провинции Северного Китая Чахар и Суйюань[55].

Организованного сопротивления японской экспансии в первой половине 1930-х гг. китайцам организовать не удалось по причине нараставшей остроты гражданской войны. Несмотря на крупные неудачи регулярных и иррегулярных китайских сил на первом этапе борьбы, упорным всенародным сопротивлением врагу была подорвана надежда японских лидеров на успех молниеносной войны. С ноября 1938 г. начался второй этап Национально-освободительной войны китайского народа — стратегического равновесия сил. Япония была вынуждена надолго прекратить крупномасштабные наступательные действия и перейти к закреплению захваченной ею территории. Китайское военное командование период относительного затишья использовало для пополнения своих потрепанных в боях дивизий, оснащения их за счет поступавшей из Советского Союза военной техники, а также для развертывания партизанской войны в тылу японцев[56].

16 июня 1939 г., в ходе отражения развернутой 11 мая 1939 г. агрессии Японии против Монголии у р. Халхин-Гол, был подписан советско-китайский торговый договор, что было важно в условиях захвата японцами практически всех крупных китайских портов и блокады побережья[57]. Поток советских грузов в Китай направлялся по специально построенной в короткие сроки шоссейной дороге через провинцию Синьцзян[58]. Китайское правительство широко опиралось на опыт советских военных и гражданских специалистов. К началу апреля 1939 г. в оказании непосредственной военной помощи Китаю активно участвовали 5002 советских добровольца, в том числе 46 военных советников. К октябрю 1939 г. советнический аппарат вырос до 80 человек[59].

В то же время западные державы до 1940 г. продолжали крупные военные поставки в Японию. По китайским данным, в течение трех первых лет войны 70% расходуемого японской армией в Китае бензина поступило из США, а от американского оружия погибли 54% мирных жителей Китая[60].

Наряду с экономической отсталостью и политической раздробленностью Китая негативно на ход войны влияла длительная борьба за власть между Гоминьданом и компартией Китая (КПК). В октябре 1939 г. национальное правительство, воспользовавшись отказом КПК поставить свою деятельность под контроль Гоминьдана, полностью прекратило снабжение войск, руководимых коммунистами. Была организована целая серия антикоммунистических провокаций, нападений на представителей командования вооруженных сил КПК. Пограничный район Шэньси — Ганьсу — Нинся, контролировавшийся коммунистами, был блокирован 30 дивизиями гоминьдановских войск[61].

Давая отпор провокациям, компартия стремилась сохранить единый фронт, обеспечить условия, необходимые для успешного продолжения сопротивления Японии. В июле 1940 г., обращаясь к китайскому народу по случаю третьей годовщины войны, ЦК КПК призвал всю нацию усилить «свое объединение, изжить всякие трения, урегулировать взаимоотношения между компартией и Гоминьданом, устранить опасность гражданской войны, укрепить единый антияпонский национальный фронт»[62]. Тем не менее угроза возобновления гражданской войны резко возрастала. Эта губительная война не вспыхнула в значительной мере благодаря позиции Советского Союза, сделавшего все возможное для сохранения в Китае единого антияпонского фронта. Но полностью преодолеть существовавшие разногласия не удалось. Отрицательную роль при этом играли также левацкие и сектантские элементы в руководстве КПК, которые несли немалую долю вины за развал единого фронта[63].

Японские пехотинцы на окраине города в Китае

Бронепоезд на железнодорожной станции

Экипаж японского танка

Японское командование, воспользовавшись разногласиями в рядах противника, организовало в ноябре 1940 г. целый ряд карательных операций против всех освобожденных районов. В течение 18 месяцев оно проводило одну операцию за другой. В 1938—1941 гг. ежедневно части войск КПК должны были вести до 27 боев или столкновений с противником, в 1941—1942 гг. эта насыщенность равнялась 40 боям, а в 1942—1943 гг. — уже 75. В 1942 г. карательные операции осуществлялись силами 20—30 тыс. японских и марионеточных войск (иногда до 50—100 тыс.) и продолжались по 2—3 месяца. В течение 1941—1942 гг. население территорий освобожденных районов существенно сократились со 100 до 50 млн человек.

Видя слабую активность китайской регулярной армии, Япония решила переложить часть бремени вооруженной борьбы с антияпонскими силами на самих китайцев. 30 марта 1940 г. японские власти инспирировали создание в вычищенном от нелояльных лиц Нанкине марионеточного «центрального правительства» Китая во главе с Ван Цзинвэем, бывшим заместителем Чан Кайши в Гоминьдане. 30 ноября 1940 г. Япония подписала с марионеточным нанкинским правительством договор о дружбе и взаимопомощи «для борьбы за построение Восточноазиатской сферы совместного процветания, против коммунизма и чунцинского Гоминьдана»[64]. При поддержке Японии это правительство приступило к формированию довольно значительной по численности армии, насчитывавшей уже к весне 1941 г. 350 тыс. человек.

Таким образом, в течение 1940 г. в Китае сформировались противостоящие друг другу силы: Японский экспедиционный корпус и армия нанкинского правительства Ван Цзинвэя; китайские вооруженные силы, включавшие войска гоминьдановского чунцинского правительства и войска КПК; многочисленные партизанские отряды, действовавшие в поймах рек Миньцзян, Сицзян и на острове Хайнань. Почти на всем протяжении войны в Китае эти три китайские силы действовали разобщено, искусно подогреваемые Японией.

Претворяя принцип «войны китайцев против китайцев», японцы только в июле — сентябре 1941 г. сформировали в Центральном Китае 39 пехотных дивизий, насчитывавших в общей сложности около 546 тыс. солдат и офицеров из числа китайцев, перешедших на сторону Ван Цзинвэя[65].

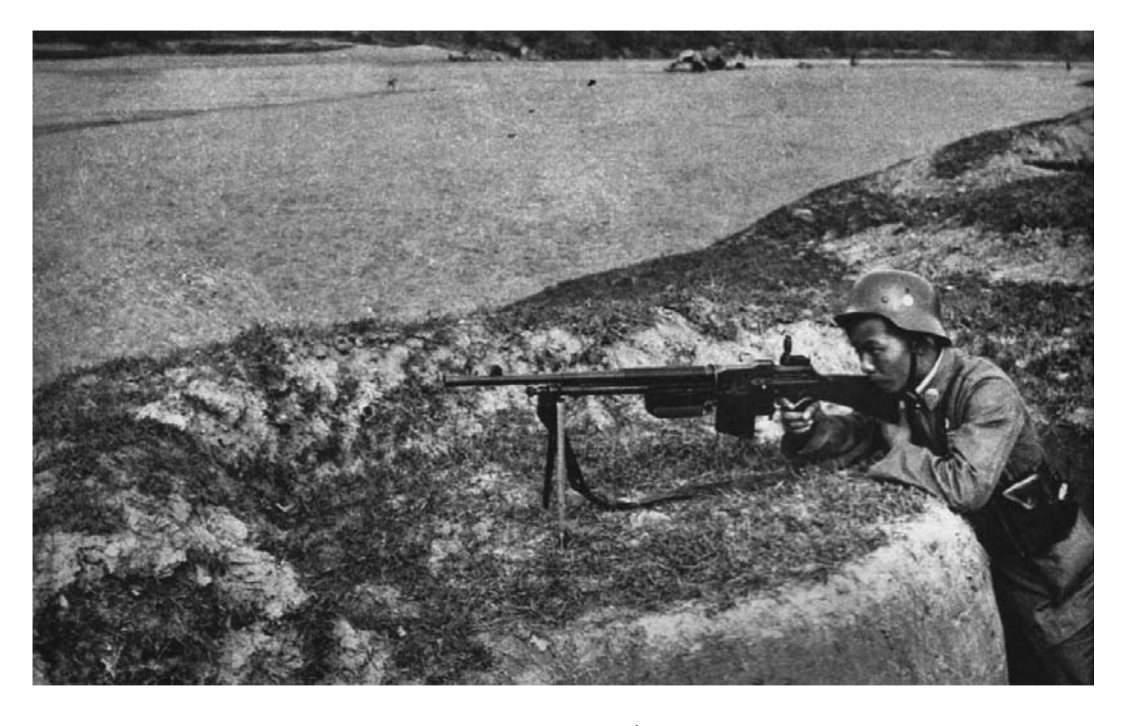
К концу 1930-х гг. Китай потерял в войне с Японией четверть своей территории, на которой проживали 170 млн человек, располагались важнейшие сырьевые и промышленные центры, производившие 76% чугуна и добывавшие 76% угля, 99,8% нефти; 84% железных дорог Китая были захвачены японцами[66].

Несмотря на ухудшившуюся ситуацию, в августе — декабре 1940 г. командование войск КПК решилось на проведение самой крупной за все время антияпонской войны партизанской операции в Северном Китае с целью разрушения коммуникаций и опорных пунктов противника, срыва блокады антияпонских опорных баз, предотвращения наступления японских войск на Сиань. Операция вошла в историю под названием «Битва ста полков». В ней участвовали 115 полков и партизанских отрядов общей численностью до 400 тыс. человек. Только за первые три дня боев оккупанты потеряли более 8 тыс. солдат и офицеров, 16 орудий, 34 пулемета, 167 автомашин, много боеприпасов. Всего же за 3,5 месяца боев противник потерял, по китайским данным, убитыми и ранеными 20 645 японских солдат и офицеров и 5155 солдат и командиров марионеточной армии, были взяты в плен более 280 японских и свыше 18 400 марионеточных солдат и офицеров, уничтожено 2993 укрепленных пункта, захвачено 5400 винтовок и карабинов, свыше 200 тяжелых и легких пулеметов, разрушено 470 км железных и 1500 км шоссейных дорог, 260 мостов, туннелей и железнодорожных станций.

Материальный ущерб, нанесенный японским войскам, оценивался в 240 млн иен. Внезапным скоординированным ударом по гарнизонам и коммуникациям противника они дезорганизовали его тылы, нарушили связь и, развивая наступление, освободили от противника территорию с населением свыше 5 млн человек, создали благоприятную обстановку для расширения зоны освобожденных районов. Местное население оказывало партизанам всяческую помощь. Войска 8-й армии КПК, в свою очередь, потеряли убитыми, ранеными и отравленными газами более 22 тыс. человек[67].

Расчет китайской прожекторной установки готовится к отражению авианалета

Китайский пулеметчик на боевом посту

Японские войска в ноябре 1940 г. развернули контрнаступление и вынудили партизанские части отойти на исходные позиции. После этого японское командование активизировало военные операции против освобожденных районов, проводя жестокие карательные акции, в том числе против мирного населения.

Положение войск КПК еще более осложнилось в связи с новой антикоммунистической кампанией руководства Гоминьдана. В начале января 1941 г. это привело к крупной провокации Гоминьдана против Новой 4-й армии. 6 января штабная колонна Новой 4-й армии, совершавшая марш по передислокации на север страны, была внезапно атакована в районе Моупинь (провинция Аньхой) гоминьдановскими войсками. 8 тыс. бойцов и командиров войск КПК были уничтожены, а командующий 4-й армией Е Тин захвачен в плен, предан суду и позднее расстрелян. 17 января Военный комитет правительства Чан Кайши издал приказ о роспуске Новой 4-й армии[68].

В мае 1941 г. японское командование отдало приказ о начале широкомасштабного наступления на «фронте партизанских районов» с применением тактики «последовательного вгрызания». В результате с середины 1941 до лета 1942 г. территория освобожденных районов сократилась вдвое. Войска КПК понесли большие потери, их бойцы и командиры были крайне измотаны и истощены. Значительно снизилась численность партизанских отрядов. В условиях жесточайшей блокады и прекращения с начала 1940 г. гоминьдановским правительством поставок советского вооружения формированиям компартии[69] освобожденные районы оказались в очень трудном положении: не хватало вооружения и боевой техники, продовольствия и медикаментов. Приток новых сил в партизанские районы Северного Китая в этот период сократился до минимума.

Продолжавшееся сопротивление патриотических сил Китая сковывало японские сухопутные войска и в какой-то степени ограничивало возможности военно-политического руководства Японии использовать их для развертывания военных действий против Советского Союза и Монгольской Народной Республики. В условиях, когда военные действия в Китае приняли затяжной характер, японцы дали понять Берлину, что «два года являются максимальным, а один год — минимальным сроком для того, чтобы японский Генштаб мог начать войну против СССР»[70].

Японии удалось внести раскол в ряды национально-освободительных сил Китая, популистскими лозунгами оторвать от них огромную армию коллаборационистов, что привело к серии поражений гоминьдановских и руководимых компартией войск и к переходу войны в Китае в стадию, когда с начала 1941 и вплоть до 1944 г. стороны не могли менять сложившееся статус-кво. Этому способствовала появившаяся, по свидетельству китайских историков, «тенденция к снижению активности в антияпонской войне» у гоминьдановского руководства после падения Уханя в октябре 1938 г.[71] В результате к осени 1939 г. японцы контролировали более 25% всей территории Китая, на которой проживали около 200 млн человек, что составляло примерно половину всего населения страны и свидетельствовало о том, что была оккупирована наиболее развитая и заселенная ее часть[72].

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, Япония продолжала готовиться к «большой войне» против СССР. С этой целью к концу 1941 г. Япония сосредоточила 30 из 53 располагавшихся в Китае пехотных дивизий, четыре из пяти находившихся здесь кавалерийских бригад, семь из 10 имевшихся в Китае танковых полков, половину артиллерийских частей и сухопутной авиации[73]. В Маньчжурии была отмобилизована почти 700-тысячная Квантунская группировка японских войск. Таким образом, главным фронтом на континенте японское командование в то время считало готовящуюся войну с СССР. Даже не воюя, Советский Союз облегчал судьбу борющихся с японскими агрессорами сил Китая, спасая многие сотни и тысячи жизней китайских людей. В то же время положение в Китае позволяло Японии безболезненно использовать свои войска в Маньчжурии для наращивания военных усилий в выбранном направлении. Только срыв Советским Союзом германских планов молниеносной войны, постоянное поддержание на дальневосточных рубежах в высокой степени боеготовности мощной группировки советских войск, насчитывавшей до 40–50 и

более дивизий (15–30% всех боевых сил и средств Вооруженных сил СССР), и память об уроках Хасана и Халхин-Гола сдерживали японскую агрессию против СССР[74].

7 декабря 1941 г. новым направлением японской агрессии стало южное, казавшееся в Токио наиболее предпочтительным в сложившейся обстановке. Начатая в этот день нападением японцев на главную базу Тихоокеанского флота США Пёрл-Харбор тихоокеанская война являлась частью уже несколько лет продолжавшейся масштабной агрессии на Азиатском континенте. Главной особенностью начавшейся войны на Тихом океане было то, что она зарождалась в рамках единого замысла агрессоров на Западе и Востоке на передел мира.

Несмотря на дружественные, казалось бы, отношения между США и Японией на рубеже 1930–1940-х гг., уже в начале 1941 г. была заметна их непрочность. Япония целиком и полностью зависела от нефти, без которой не могли функционировать ни военная экономика, ни армия, ни тем более флот. США и их союзники в зоне Тихого океана надеялись при помощи своего контроля над нефтяными ресурсами удержать Японию на «коротком поводке», однако просчитались. За долгие годы политика «умиротворения» Японии, проводимая США, создала у нее уверенность в том, что Соединенные Штаты не готовы к войне и не смогут помешать достижению экспансионистских целей японского государства. «Начиная войну, — утверждал адмирал К. Номура, посол Японии в США накануне войны на Тихом океане, — Япония верила в возможность получения горючего из южных районов». Как бы то ни было, говорил он, «ресурсы самой Японии были настолько ограниченными, что она готова была получить нефть любой ценой»[75].

США действительно в 1941 г. не были полностью готовы к войне с Японией. Военная стратегия США являлась прямой производной политической стратегии выжидания. Даже 5 ноября 1941 г., за несколько дней до того, как японские подводные лодки стали выходить в море для участия в операции против главной базы Тихоокеанского флота США Пёрл-Харбор, а летчики палубной авиации ВМС Японии завершали тренировочные полеты, в официальном документе Объединенного комитета начальников штабов указывалось, что «США следует избегать войны с Японией до тех пор, пока не будут созданы сильные оборонительные позиции на Дальнем Востоке». И хотя накануне войны американские силы в зоне Тихого океана серьезно уступали японским, в целом силы антияпонской коалиции на Тихом океане были значительны, и Япония имела весьма несущественное превосходство.

В США и Англии из дипломатических и разведывательных источников знали, что с июля 1941 г. фашистская Германия настойчиво добивалась от Японии агрессии против СССР. В августе и сентябре английские начальники штабов всех видов вооруженных сил были ознакомлены с документами, в которых прямо указывалось, что Япония нанесет удар на север, а не на юг. 1 октября аналогичная информация поступила от командования английскими силами на Дальнем Востоке[76].

Командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Х. Киммель в документе от 15 января 1946 г. писал, что в июле 1941 г. Военно-морское министерство США совершенно ясно указывало: «Никаких угрожающих действий против Пёрл-Харбора японцы в ближайшее время не планируют». Однако Х. Киммель не отрицал, что эта точка зрения была прямо противоположна той, которая объективно вытекала из многочисленных донесений, поступавших по дипломатическим каналам, и из разведданных отдельных дешифрованных документов[77].

До настоящего времени в Соединенных Штатах дискутируется вопрос: знали ли военное командование и лично президент США Ф. Рузвельт о готовящейся японской агрессии, в том числе против Пёрл-Харбора? Доказано, что достаточно точной информацией об этом в ноябре 1941 г. обладал британский премьер-министр У. Черчилль. По свидетельству шефа гитлеровского гестапо Г. Мюллера, немцы, перехватив 11 ноября 1941 г. разговор по телефонной правительственной линии между У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом, сделали вывод о том, что президенту известно о подготовке нападения на Пёрл-Харбор. 29 ноября военно-морское командование США направляло американскому командованию в зоне Тихого океана предупреждение о вероятном скором нападении японцев, не упоминая при этом Пёрл-Харбор[78].

Японские авианосцы держат курс на Пёрл-Харбор

Экипажи торпедоносцев на палубе авианосца «Кага» накануне налета на Пёрл-Харбор

Инструктаж на палубе авианосца «Кага»

Японские истребители за несколько минут до вылета на Пёрл-Харбор

Следует учитывать чисто психологический фактор. Ф. Рузвельт, видя недостаточную готовность страны к войне, был не в состоянии в полной мере осознать всю серьезность намерений Японии начать войну с США именно в декабре 1941 г. и рассчитывал на то, что успеет завершить начатые масштабные мероприятия по укреплению армии и флота. Кроме того, ни конгресс США, ни американское общество не были готовы поддержать президента, если бы он решил нанести по японцам упреждающий удар. Военно-морское ведомство США информировало нижестоящие штабы о позиции Вашингтона следующим образом: «Если военных действий не удастся избежать, Соединенные Штаты желают, чтобы Япония нанесла удар первой»[79].

Следует учесть, что Япония вплоть до конца лета 1941 г. вела активную подготовку к агрессии как в южном, так и в северном направлениях, и в США преобладало мнение, что японцы выберут именно вариант развертывания войны против Советского Союза[80]. Немаловажную роль в отвлечении внимания американской стороны сыграла и искусная дипломатия Японии на заключительном этапе подготовки к войне на Тихом океане. Речь идет о начатых 8 марта 1941 г. переговорах Японии и США «об общем урегулировании японо-американских отношений», которые продолжались вплоть до 7 декабря и были официально прерваны японской стороной лишь за час до нападения на Пёрл-Харбор.

Однако даже в среде высшего руководства Японии понимали рискованность разворота войны в сторону Тихого и Индийского океанов. Главнокомандующий объединенным флотом ВМС Японии адмирал И. Ямамото считал, что если война случится, то она должна быть краткосрочной, поскольку единственный способ для Японии добиться поставленных целей — нанесение внезапного сокрушительного удара по главным силам противника с последующим быстрым заключением мирного соглашения на выгодных для Японии условиях и переносом основных усилий вновь на континент[81]. «Если мне скажут воевать, — заявил И. Ямамото, — тогда в первые шесть месяцев войны против США и Англии я буду действовать стремительно и продемонстрирую непрерывную цепь побед. Но должен предупредить: если война продлится два или три года, я не уверен в конечной победе»[82]. Эти опасения полностью оправдались.

К началу войны США имели на Тихом океане два флота — Тихоокеанский и Азиатский, в составе 172 кораблей основных классов, включая девять линкоров, три авианосца с 280 самолетами, 24 крейсера, 80 эсминцев и 56 подводных лодок. На Филиппинах находились девять из 33 дивизий сухопутных войск и морской пехоты и 600 самолетов армейской и базовой авиации. Великобритания могла противопоставить противнику 11 дивизий (свыше 170 тыс. человек), два линкора, восемь крейсеров, 13 эсминцев и около 500 самолетов. Голландские войска и силы флота, оборонявшие Голландскую Индию, состояли из двух дивизий, трех легких крейсеров, семи эсминцев и 13 подводных лодок[83]. В целом вооруженные силы США, Великобритании и Голландии обладали значительной мощью и в соответствии с согласованным Вашингтоном и Лондоном в марте 1941 г. стратегическим планом АБЦ-1 были призваны сдержать возможную агрессию Японии.

Вооруженные силы Японии к декабрю 1941 г. представляли собой мощную силу и имели разветвленную структуру. Военно-морские силы насчитывали 230 боевых кораблей основных классов, в том числе 11 линкоров, 10 авианосцев, 38 крейсеров, 112 эсминцев, 65 подводных лодок. К нанесению первых ударов по базам и коммуникациям США и их союзников готовились, кроме крупных сил флота, четыре полевые армии (11 пехотных дивизий, три пехотные бригады и девять танковых полков), авиация сухопутных войск и базовая авиация ВМС. Только для атаки на Пёрл-Харбор было выделено ударное авианосное объединение в составе шести авианосцев, на бортах которых находилось 432 самолета, два линкора, три крейсера, 11 эсминцев и 27 подводных лодок[84].

Одним из решающих факторов успеха Японии в войне на Тихом океане считалось обеспечение внезапности. Этого предполагалось достичь проведением на начальном этапе практически одновременно на разных, далеко отстоявших друг от друга операционных

направлениях шести мощных, точно выверенных и неожиданных для противника ударов крупными объединениями армии, флота и авиации.

Первая (Гавайская) операция предусматривала уничтожение основных сил американского Тихоокеанского флота путем внезапного нападения на его главную базу Пёрл-Харбор (остров Оаху, Гавайские острова); вторая — вторжение в Сиам в целях завершения оккупации Таиланда и создания плацдарма для действий против Малайи и Бирмы и пресечения британских коммуникаций с Малайей; третья — высадка десантов в Северной Малайе в Кота-Бару и на юге Сиама с целью, оккупировав полуостров Малакка, занять исходные позиции для захвата главной базы английского Восточного флота крепости Сингапур; четвертая — воздушное наступление на остров Лусон в целях подрыва американской авиационной мощи на Филиппинах и создания условий для высадки крупных контингентов войск на архипелаг; пятая — нападение на острова Гуам и Уэйк в целях пресечения американских коммуникаций с Филиппинами, Австралией, Новой Зеландией и Голландской Индией; шестая — вторжение в Гонконг и ликвидация этой передовой английской базы.

Вслед за бомбардировкой Филиппин предусматривалась высадка морских десантов на островах Лусон и Минданао для захвата крупных административных и экономических центров Манилы и Давао. Десантирование в Малайе сопровождалось вторжением в Британский Борнео в целях захвата нефтяных центров этого района и для прикрытия коммуникаций с Малайей. Все операции были взаимосвязаны и готовились так, чтобы по возможности добиться внезапности на каждом из направлений. Это считалось залогом успеха[85]. По мере завершения Малайской и Филиппинской операций планировалось приступить к захвату Голландской Индии (Индонезии), а силы флота, высвобождающиеся после Гавайской операции, направить в Индийский океан для завершения ликвидации Восточного флота Великобритании[86].

Для развязывания войны на юге был определен декабрь 1941 г., воскресенье либо ночные и ранние утренние часы понедельника, когда часть военнослужащих противника еще находилась в увольнении, отдыхала или только собиралась приступить к выполнению своих обязанностей. Временем начала войны стало раннее утро понедельника 8 декабря 1941 г. по восточноазиатскому датоисчислению (воскресенье 7 декабря по Гринвичу)[87].

Во взглядах японских флотоводцев на пути достижения победы в войне на море упор делался не столько на создание численного превосходства, сколько на маневр, инициативу, натиск и внезапность. Адмирал И. Ямамото справедливо считал, что традиционная военно-морская стратегия Японии, основывавшаяся на выжидании и блокаде американского флота в центральной и южной частях Тихого океана, неэффективна и опасна. Основные силы японских ВМС были необходимы для обеспечения операций против Малайи и Филиппин. Единственным верным путем И. Ямамото полагал ликвидацию в самом начале войны угрозы со стороны Тихоокеанского флота США, уничтожив его главные силы в Пёрл-Харборе[88].

Для налета на Пёрл-Харбор японское командование из состава Объединенного флота выделило: ударное авианосное объединение в составе 33 кораблей (шесть авианосцев с 420 самолетами, два линкора, легкий и два тяжелых крейсера, флотилия эскадренных миноносцев, три подводные лодки и восемь танкеров), особую ударную группу (пять подводных лодок-маток с карликовой подводной лодкой на борту каждой), соединение из трех групп подводных лодок общей численностью 22 единицы (11 из них несли на себе гидросамолеты разведки, одна была направлена к Алеутским островам, еще одна — к островам Самоа и Фиджи)[89].

На остальные пять операций были выделены гораздо более крупные группировки войск и сил флота: Южная группа армий, часть сил Объединенного флота и 1-й флот разнородных сил (резерв).

Южная группа армий (Войска южного направления) имела в своем составе 14, 15, 16, 25-ю армии (11 пехотных дивизий, три пехотные бригады и девять танковых полков) общей численностью около 230 тыс. человек. Для поддержки действий Южной группы армий выделялось свыше 600 самолетов в составе 3-й и 5-й авиагрупп (по сути, авиационных армий).

Вид на гавань Пёрл-Харбор во время атаки японцев

Взорвавшийся американский эсминец «Шоу» в гавани Пёрл-Харбора

Горящий американский линкор «Аризона»

Экипаж покидает тонущий линкор «Калифорния»

Силы Объединенного флота, выделенные для действий на юге, включали 2, 3, 4-й флоты разнородных сил, 11-й воздушный флот (береговая авиация), корабли 6-го подводного флота, из состава которых, в свою очередь, формировались:

— Малайское оперативное объединение (семь тяжелых и три легких крейсера, 16 эсминцев, 16 подводных лодок, 19 транспортов, три авиатранспорта, базовая и палубная авиация — всего свыше 190 самолетов); к проведению Малайской операции привлекались 25-я армия и самолеты 3-й авиагруппы;

— Филиппинское оперативное объединение в составе авианосца, выделенного 1-м воздушным флотом, пяти тяжелых и пяти легких крейсеров, 29 эсминцев, свыше 100 транспортов, трех авиатранспортов, двух базовых отрядов; численность авиации — 104 палубных самолета; действовать планировалось совместно с 14-й армией;

— ядро (Южное оперативное объединение) включало два линкора, два тяжелых крейсера, 10 эсминцев, 12 палубных самолетов; эти силы должны были взаимодействовать с 16-й армией;

— два оперативных соединения из состава 4-го флота для захвата островов Гуам и Уэйк, а затем архипелага Бисмарка.

Кроме того, 1-й флот разнородных сил, который базировался в метрополии, был в готовности поддержать оперативные объединения японских ВМС. Общее руководство их действиями осуществлял главнокомандующий Объединенным флотом адмирал И. Ямамото.

Вся группировка морской авиации, выделенной для действий на южном направлении, оперативно подчинялась штабу 11-го воздушного флота и насчитывала 308 самолетов. Общая численность морской и армейской авиации составила, таким образом, свыше 900 самолетов[90].

Наиболее впечатляющий успех вооруженными силами Японии был достигнут в Гавайской операции японского Объединенного флота. В оперативном приказе от 5 ноября 1941 г. в связи с подготовкой Гавайской операции целями Объединенного флота определялись: «Американский флот должен быть уничтожен. Американские линии операций и снабжения на Дальнем Востоке необходимо нарушить. Войска противника — перехватить и истребить. Победа должна обеспечить слом воли противника к борьбе»[91].

Замысел операции сводился к тому, чтобы, совершив скрытный переход, нанести внезапный массированный удар авиацией по кораблям, береговым сооружениям и самолетам в Пёрл-Харборе. Одновременно предполагалось использовать пять сверхмалых подлодок. Им ставилась задача проникнуть незамеченными в бухту Пёрл-Харбора в ночь перед ударом авиации и атаковать торпедами линкоры. Три остальные группы подлодок имели задачу обеспечить, развернувшись вокруг острова Оаху, уточнение расположения, числа и характера подразделений противника в базе, уничтожение его кораблей, спасшихся во время налета. В случае неудачи налета на корабли в Пёрл-Харборе предусматривалось уничтожение линейных сил — костяка Тихоокеанского флота США в решающей битве[92].

К 7 декабря в Пёрл-Харборе находились 93 корабля и вспомогательных судна, в том числе девять линкоров (один из них в сухом доке, еще один использовался как учебный), восемь крейсеров, 29 эсминцев, пять подлодок, девять минных заградителей и 10 тральщиков. На восьми аэродромах Оаху имелось 390 боеготовых (всего свыше 550) самолетов, в том числе 167 самолетов морской авиации, в системе ПВО насчитывалось около 300 зенитных орудий и пулеметных установок. Численность гарнизона (начальник генерал У. Шорт) составляла 42 959 человек[93].

Американское командование считало маловероятным внезапный удар по этой далеко отстоявшей от вероятного противника базе крупными силами его флота и авиации, тем более исключало опасность действий торпедоносной авиации против кораблей, стоявших в мелководной гавани с глубинами преимущественно 10–14 метров и шириной до 500 метров. В связи с этим оборона Пёрл-Харбора ограничивалась боносетевыми заграждениями у входа в гавань и светомаскировкой. Дальний корабельный дозор имелся только в южном направлении, воздушная разведка велась эпизодически.

Аэродром в Пёрл-Харборе, подвергшийся налету японских бомбардировщиков

Разбитый американский истребитель на аэродроме Хикэм после атаки японцев

Стратегическими целями Гавайской операции объясняется тщательность и скрытность ее планирования и подготовки. Первостепенное значение придавалось достижению внезапности. Для этого проводился целый комплекс мероприятий по маскировке и дезинформации противника. Переход группировки японских ВМС к Пёрл-Харбору осуществлялся по наиболее протяженным (около 4 тыс. миль) маршрутам, проходящим по району Тихого океана, отличающемуся в это время года частой штормовой погодой и низкой видимостью и наименее посещаемому судами.

Первоначально замысел адмирала И. Ямамото, возникший еще в ноябре 1940 г., встретил широкую оппозицию со стороны армии — начальника морского Генштаба адмирала О. Нагано, считавшего, что «предложенный план рискован и бесполезен»[94], и командующего 1-м авианосным флотом вице-адмирала Т. Нагумо, опасавшегося потери по крайней мере двух авианосцев из шести[95]. Оппонентами указывалось на трудность достижения внезапности, в частности признавалось почти невозможным скрыть выход из баз большого числа крупнейших кораблей и переход в столь удаленный район. Обращалось внимание и на то, что операция не оправдывает высокий риск, которому подвергались ударные силы флота[96].

Вскоре, однако, адмирал О. Нагано под угрозой отставки И. Ямамото встал на сторону последнего. Он сообщил об операции начальнику Генерального штаба армии, доложил военному и военно-морскому министрам: «Я убежден, что сегодня у нас есть шанс выиграть войну. И я боюсь, что с течением времени этот шанс уменьшится и может исчезнуть совсем. Для того чтобы преодолеть разницу в экономическом потенциале, мы должны нанести решающий удар в первый же день войны»[97].

В японской, а затем американской и английской печати проскальзывали сообщения о том, что в связи с особой секретностью Гавайской операции о ней не доложили даже императору. Целью подобных японских сообщений было понятное стремление не возлагать на Хирохито ответственность за то, что произошло в Пёрл-Харборе. Однако 5 ноября 1941 г. санкция императора на план действий все же была получена[98].

В бухте Накадзё залива Сукумо (остров Сикоку), похожей на бухту Пёрл-Харбор, отрабатывались бомбометание, торпедометание, особенно приемы сбрасывания торпед с малых высот и коротких расстояний, штурмовые действия самолетов в сложных метеорологических условиях, а также преодоление заградительных сетей, проблемы взаимодействия при осуществлении совместных ударов нескольких авианосных соединений по скоплениям кораблей противника[99].

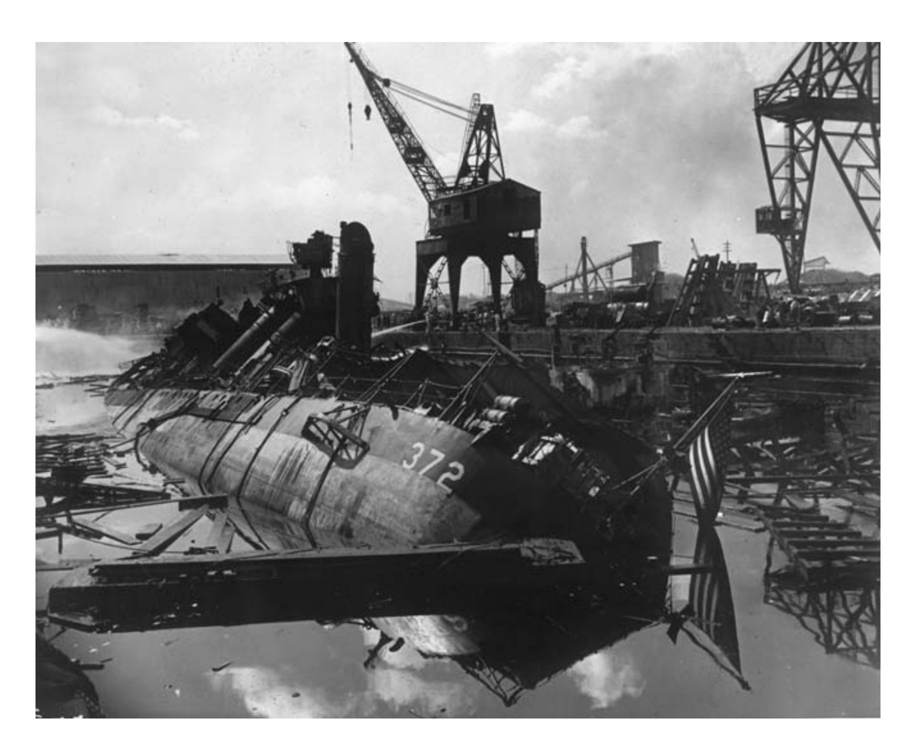
Важное место в подготовке к операции занимали вопросы использования средств поражения. Выбор торпеды вызвал ряд затруднений, вытекающих из военно-географических особенностей бухты Пёрл-Харбор и возможных мер противника по обороне стоянки кораблей. Сложность заключалась в том, что гавань Пёрл-Харбора узкая и мелководная, кроме того, она обрамлена холмами, сопками и постройками. Это могло привести к тому, что, ударяясь о дно, торпеды взрывались бы, не дойдя до цели. Выход из положения был найден: в начале ноября 1941 г. торпеды снабдили специальными деревянными стабилизаторами, которые при условии атаки с небольших высот должны были предотвратить значительное их заглубление[100].

Удар планировалось нанести двумя эшелонами (волнами). Атаки торпедоносцев требовалось сочетать с бомбовыми ударами высотных и пикирующих бомбардировщиков. С учетом внезапности вначале должны были атаковать торпедоносцы, затем высотные и, наконец, пикирующие бомбардировщики. Последние наносили удар по авиабазам Хикам и Форд с таким временным расчетом, чтобы дым от пожаров на аэродромах не закрыл торпедоносцам и бомбардировщикам их цели.

Поскольку, по мнению японского командования, судьба всей операции зависела прежде всего от сохранения ее в тайне, разработкой плана с самого начала занимались лишь несколько офицеров штаба Объединенного флота. Со временем к этой работе были подключены начальники штабов авианосных флотов. Эти же лица в основном принимали участие и в командно-штабных учениях[101].

Горящий самолетный ангар на острове Форд в Пёрл-Харборе

Погибшие американские эсминцы «Даунс» и «Кассин»

Специально отрабатывались проблемы радиомаскировки. Обычно позывные радиосвязи менялись раз в полгода, но в этом случае их обновляли 1 ноября и 1 декабря, что должно было создать для американцев определенные трудности в сборе информации. С выходом ударной авианосной группировки из залива Саэки (остров Кюсю) кораблям надлежало прекратить всякий радиообмен. Одновременно в целях дезинформации противника оставленные в базах на Кюсю радисты ушедших кораблей должны были вести с прежним почерком ложные радиопередачи, чтобы создать у американцев впечатление, что никаких изменений в дислокации сил флота не произошло[102].

Японское командование получало еженедельную достоверную информацию об активности в Пёрл-Харборе через сотрудников японского консульства в Гонолулу и агентурную разведку, имело подробную схему расположения на острове кораблей, самолетов, складов, зенитных батарей. 5 декабря было получено сообщение, что американских авианосцев в базе нет[103].

25 ноября ударное авианосное объединение, предварительно сосредоточенное в заливе Хитокаппу (остров Итуруп, Курильские острова), направилось, соблюдая радиомолчание, к цели. Группы подводных лодок начали переход еще раньше и к подходу основных сил заняли позиции у Гавайских островов. Ночью 1 декабря группировка японских ВМС получила по радио условный сигнал: «Восходите на гору Ниитака — 1208», означавший, что 8 декабря (7 декабря по гавайскому временному поясу) назначается днем «Х». К утру 7 декабря они скрытно вышли в район нанесения удара[104].

Активизация японского флота не насторожила американское командование. В это воскресное утро более трети личного состава находилось в увольнении. Шла подготовка к подъему флага и утренней поверке. На кораблях были открыты двери и люки водонепроницаемых переборок. На аэродромах самолеты стояли ровными рядами, представляя удобную мишень для японской авиации.

В 6 часов утра с авианосцев были подняты самолеты первой волны: 40 торпедоносцев, 49 штурмовиков, 51 бомбардировщик и 43 истребителя. В 7 часов 55 минут они внезапно атаковали все крупные корабли и самолеты на аэродромах Оаху[105]. Появившиеся над гаванью самолеты были первоначально приняты американцами за свои. Лишь в 7 часов 52 минуты прошла команда: «Вражеский воздушный налет. Это не учения». Гарнизон базы был застигнут врасплох, в небо поднялись лишь четыре истребителя, атака которых была отбита.

Первыми же атаками японские самолеты поразили большинство линкоров, стоявших у причалов. Зенитный огонь с кораблей и береговых батарей был слабым. Удалось сбить лишь девять японских самолетов. Налет второй волны (54 штурмовика, 78 бомбардировщиков и 35 истребителей), поднятой в 7 часов 15 минут, был встречен более плотным огнем, в результате которого японцы потеряли еще 20 самолетов[106].

В это время в море за сотни миль от Гавайев находились американские авианосцы «Энтерпрайз» и «Лексингтон». Командование отдало им приказ «перехватить и уничтожить противника», однако поставленные цели были нереальны: противник имел многократное превосходство в силах. К тому же авианосец «Лексингтон», получив приказ, направился в противоположную сторону от фактического местонахождения противника[107].

В результате двух ударов японской палубной авиации по Пёрл-Харбору стратегическая цель Гавайской операции была в основном достигнута: уничтожены или надолго выведены из строя 19 судов, в том числе все линейные корабли (два затонули и два перевернулись), три крейсера, три эсминца и 347 самолетов (из них 188 безвозвратно). Потери в людях составили 3581 человек, при этом 2403 убитыми[108]. Японцы потеряли 29 самолетов, крейсерскую и все карликовые подводные лодки, около 100 военнослужащих.

Основными причинами крупных потерь американцев явились низкая боеготовность сил и средств, беспечность в вопросах обороны главной базы, отсутствие четкой системы боевого управления, усугублявшееся наличием противоречий между командованием частей и соединений различных видов и родов войск и сил, размещенных на острове Оаху, беспомощность в решении оперативно-тактических вопросов, отставание в ряде областей

военной техники по сравнению со своим противником, скученность основных сил флота в одной базе. Это далеко не полный перечень обстоятельств, которые невольно способствовали трагедии. Катастрофа была усугублена самими американцами из-за полной неразберихи в системе противовоздушной обороны, результатом которой явились паника, беспорядочная стрельба и по чужим, и по своим.

В ходе Гавайской операции нападавшей стороной был достигнут крупный успех, однако японское командование не решилось развить его: добиться разрушения нефтехранилищ, мастерских и других сооружений, без которых база надолго потеряла бы значение[109]. В 13 часов 35 минут Т. Нагумо отдал приказ подчиненным ему кораблям лечь на обратный курс[110].

Как считает Р. Спектор, огромной ошибкой Японии стал не столько налет на Пёрл-Харбор, сколько то, что он «явился ударом по всем Соединенным Штатам»[111]. Несмотря на большой первоначальный военный успех, он привел к тому, что Япония, подобно гитлеровской Германии, разоблачила себя перед миром в качестве агрессора, оказалась в состоянии длительной войны с превосходившими по военно-экономическому потенциалу противниками и, в конечном счете, потерпела поражение.

Сильное сопротивление японцы рассчитывали встретить на западном оперативном направлении, где у южной оконечности полуострова Малакка находилась главная база англичан на стыке Тихого и Индийского океанов — Сингапур. В Англии высоко оценивали военное значение этой морской крепости, рассматривая ее как «основу британской мощи на Дальнем Востоке»[112]. Здесь находилось ядро разворачивавшегося английского Восточного флота в составе линейного корабля «Принс оф Уэлс», линейного крейсера «Рипалс» и четырех эсминцев, получившее наименование соединение «Z».

Наличие английской военно-морской базы и находившихся в ней сил флота требовало от японского командования не только обеспечения скрытности и внезапности начала военных действий, но и принятия надежных мер оперативного обеспечения. В связи с тем, что большая часть авианосцев была использована против Пёрл-Харбора, японцы применяли здесь военно-морскую авиацию преимущественно наземного базирования и подводные лодки. Две авиационные флотилии 11-го воздушного флота были передислоцированы в Индокитай, где японцы прочно обосновались после поражения Франции. Здесь находилось шесть самолетов-разведчиков, 39 истребителей и 99 бомбардировщиков и торпедоносцев[113]. Они дислоцировались в 300 милях от Малайи и могли оказать эффективную поддержку высадке десантов и противодействие кораблям противника.

4 декабря десантный отряд, включавший 19 транспортов, вышел из портов острова Хайнань. Непосредственное прикрытие и ближнее охранение десанта осуществляли три дивизиона эскадренных миноносцев, поддерживаемых 7-й дивизией тяжелых крейсеров (четыре тяжелых крейсера с эскадренными миноносцами) под командованием вице-адмирала Т. Куриты. У полуострова Малакка против английских сил в Сингапуре были развернуты 10 подводных лодок типа «И». Южное оперативное объединение под командованием вице-адмирала Н. Кондо осуществляло оперативное прикрытие.

Американцы и англичане заметили конвой, но подумали, что отряд идет для вторжения в Таиланд[114]. В ночь на 8 декабря японцы действительно вторглись в Сиам, высадили главные силы в Сингоре и Патани близ границы с Малайей, куда сразу же перебазировали авиацию. Однако еще раньше, причем более чем за час до нападения на Пёрл-Харбор, они неожиданно для всех произвели высадку на севере Малайи в Кота-Бару, захватив аэродром[115]. Японские войска в Таиланде, перерезав в узкой части перешеек, вышли к малайской границе и совместно с высадившимися десантами развернули наступление на юг через Малайю на Сингапур.

8 декабря соединение «Z» вышло из Сингапура, взяв курс на Кота-Бару[116]. Англичане рассчитывали прибыть к цели на рассвете 10 декабря и застигнуть противника врасплох. Однако 9 декабря в 300 милях севернее Сингапура английские корабли были обнаружены японской подводной лодкой И-65, которая навела на них авиацию. Действия японской авиации привели к гибели обоих линейных кораблей англичан и около 900 человек команды. Потери противной стороны составили лишь четыре самолета[117].

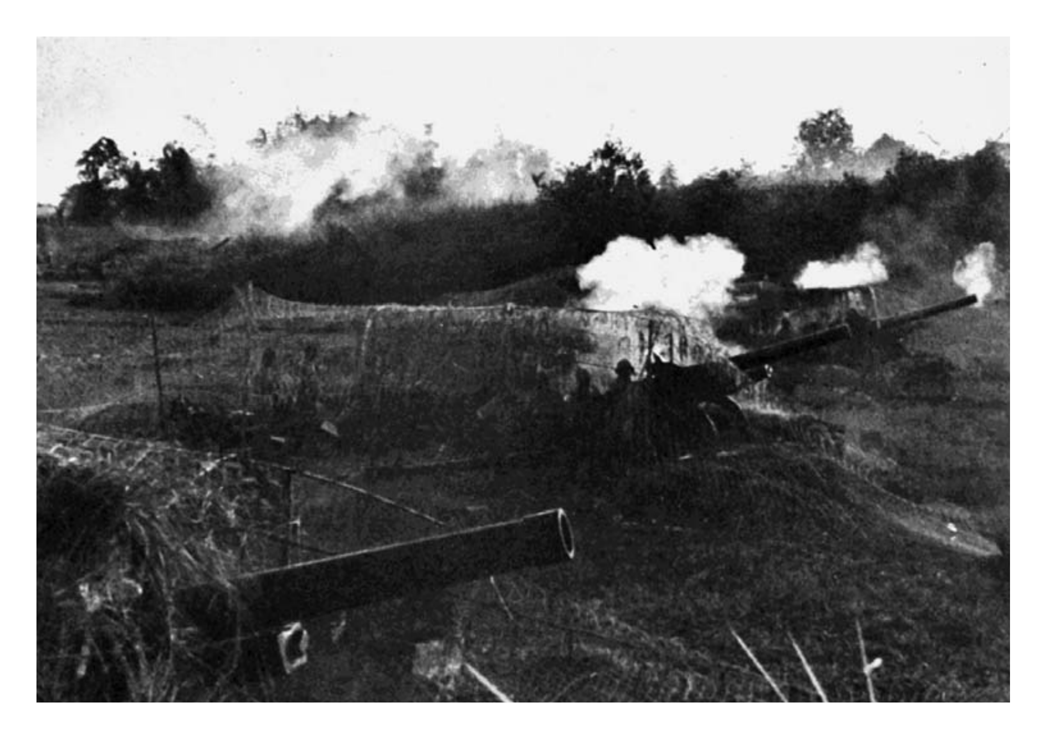
Японцы у сожженной британской колонны в районе малайзийского города Джохор-Бару

Пленные британцы под конвоем японских солдат после капитуляции Сингапура

Солдаты японской армии рядом с двумя танкетками на Филиппинах

Японская артиллерия ведет огонь по позициям американских войск на Батаане

Американский десантник с ручным противотанковым гранатометом

Капитуляция американского гарнизона на острове Коррехидор

Японские морские пехотинцы наблюдают за обстрелом Манилы

Войска Японии на параде в Маниле

Поражение в этом бою оказало большое влияние на морально-психологическое состояние англичан. Они, как и американцы, привыкли видеть в линейных силах флота становой хребет своего военного могущества, которое теперь было уничтожено японцами в течение двух часов. С оперативно-стратегической точки зрения ликвидация ядра английского Восточного флота вслед за уничтожением главных сил Тихоокеанского флота США давало японскому командованию свободу действий в западной части Тихого и восточной части Индийского океанов. «Это означает, — писал начальник британского имперского Генерального штаба генерал А. Брук, — что от Африки до Америки через Индийский и Тихий океаны мы потеряли контроль над морем»[118].

Крепости Сигнапур пришлось капитулировать, так и не использовав главных возможностей своей обороны, рассчитанной на предотвращение нападения с моря. 31 января 1942 г. англичане отступили с полуострова Малакка через пролив на остров Сингапур и фактически лишь тогда приступили к созданию обороны базы от нападения с тыла. Наступавшие японские войска с ходу форсировали водный рубеж и, используя метод просачивания, стали быстро продвигаться по западной стороне острова. В 20 часов 30 минут 15 февраля 1942 г. все боевые действия были прекращены. Английский гарнизон, насчитывавший около 73 тыс. человек, и одна из сильнейших в мире морских крепостей сдались. Общие потери английских войск в ходе операций в Малайе и Сингапуре составили 140 тыс. человек, в числе которых была большая группа плененных генералов и офицеров во главе с командующим генералом А. Персивалем. Японцы потеряли около 10 тыс. убитыми и ранеными[119].

На филиппинском направлении задача японцев состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки занять важнейшие американские базы на островах и оккупировать затем весь Филиппинский архипелаг. По плану операции предусматривались предварительный внезапный удар авиации в целях уничтожения военно-воздушных сил противника на аэродромах, овладение господством в воздухе, затем вторжение на фланговые позиции американцев на Филиппинах на островах Лусон и Минданао, развитие успеха и овладение всем архипелагом. Морские силы в Филиппинской операции решали тройную задачу: нейтрализовать, расстроить и уничтожить американские флот и авиацию; осуществить высадку армейских десантов; с завершением вторжения обеспечить охрану линий коммуникаций[120].

Действия японской авиации против Филиппин начались утром 8 декабря 1941 г. с аэродромов Тайваня. Американцы, обнаружив большую группу японских бомбардировщиков примерно в 120 милях к юго-востоку от Манилы, подняли в воздух тяжелые бомбардировщики В-17 с аэродрома Кларк-Филд и 20-ю истребительную эскадрилью. Однако противодействия японцам они оказать не сумели. Была обнаружена и вторая группа японских самолетов (192 единицы), следовавших с Тайваня курсом на Манилу. Несмотря на это, 54 японских бомбардировщика в сопровождении 40 истребителей, не встретив организованного сопротивления, повторили удар по аэродрому. По японским данным, в результате первых налетов на Филиппины противник потерял более 100 самолетов[121], что лишило его прикрытия с воздуха.

Оперативной внезапности японское командование достигло и при организации высадки на Филиппинские острова крупных морских десантов. 10—12 декабря были выброшены тактические десанты в трех районах побережья крупнейшего острова архипелага Лусона — Апарри, Виган и Легаспи. 17—18 декабря к этому же острову вышли японские конвои с десантными войсками из Такао, Цзилуна и Мако. Они состояли из трех отрядов транспортов (76 судов) с главными силами 14-й армии на борту в охранении сил 3-го флота. В ночь на 22 декабря конвой вошел в залив Лингаен и с рассветом начал высадку одновременно на широком фронте частей 48-й дивизии. Другой десантный отряд вышел 17 декабря с баз острова Амамиодзима под прикрытием кораблей 2-го флота и к рассвету 24 декабря высадил войска 16-й дивизии на побережье в заливе Ламон, юго-восточнее Манилы. Ранее, 20 декабря, фактически без противодействия десант был высажен с пяти транспортов на Минданао в районе г. Давао. Организованные военные действия на Филиппинах длились до мая 1942 г. 12 мая на острове Минданао капитулировали последние американские части[122].

Действия японцев по захвату острова Гонконг начались рано утром 8 декабря. Гарнизон крепости насчитывал порядка 10 тыс. человек англо-индийских войск, поддерживаемых незначительными силами авиации и флота. Задача японского флота (легкий крейсер и два эскадренных миноносца 2-й эскадры Экспедиционного флота, базировавшиеся в Китае) состояла в том, чтобы обеспечить переброску сухопутных войск с территории материкового Китая на остров, штурм которого начался в ночь на 19 декабря одновременным вторжением трех полков 38-й дивизии. Английское командование сумело организовать ожесточенное сопротивление и дважды отклоняло японские ультиматумы с требованиями сдаться. Однако в 17 часов 50 минут 25 декабря оно вынуждено было официально объявить о безоговорочной капитуляции. Японские корабли в ходе вторжения в Гонконг потопили две канонерские лодки и несколько джонок, захватили находившиеся в бухте торговые суда[123].

Также успешно развертывалось наступление японцев в центральной и южной частях Тихого океана. 9—10 декабря были захвачены атоллы Макин и Тарава в северной части островов Гилберта и остров Гуам (Марианские острова), 23 декабря — остров Уэйк, в завершающей фазе боев за который приняла участие часть сил, действовавших в Гавайской операции. 8 декабря из состава ударного авианосного объединения для поддержки сил высадки на Уэйк был выделен отряд кораблей в составе двух авианосцев, двух тяжелых крейсеров и двух эсминцев. Благодаря их авиационной и артиллерийской поддержке, а также усилению морского десанта за счет войск, высвободившихся после захвата 9 декабря острова Гуам, длившаяся в течение двух недель осада Уэйка была завершена успешной высадкой двухтысячного отряда десантников[124]. Тем самым была разорвана жизненно важная для американцев линия коммуникаций Уэйк — Гуам — Филиппины.

Таким образом, Япония в первые же дни военных действий завоевала господство на море и в воздухе и получила возможность проводить широкие наступательные операции в Малайе, на Филиппинах, а в дальнейшем и в Голландской Индии (Индонезии) и даже в Индийском океане.

Боевые действия на Тихом океане и в Азии

1942 г. оказался сложным для Японии, которая, захватив в первые несколько месяцев войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе огромные пространства, стала со второй половины этого года постепенно терять стратегическую инициативу. Это вместе с тем был нелегкий год для антигитлеровской коалиции, и не только для Советского Союза, где враг, стремясь взять реванш за Москву, остервенело рвался к Сталинграду и на Кавказ с последующей целью выйти к Индии и осуществить вместе с Японией раздел Евразии по меридиану Омска и Карачи.

В начале 1942 г. оперативно-стратегическая обстановка для США, Англии, Голландии и их союзников на Тихом океане продолжала ухудшаться. Никто из них не располагал достаточными силами, чтобы остановить стремительное продвижение японцев на юг. Это положение в значительной мере усугублялось и отсутствием слаженной, заранее отработанной системы управления и взаимодействия как между многонациональными вооруженными силами, так и между их видами.

15 января, наконец, было сформировано Объединенное американо-британо-голландско-австралийское командование союзных вооруженных сил (ABDA) во главе с английским генералом А. Уэйвеллом; военно-морские силы союзников возглавил американский адмирал Т. Харт. Однако когда обстановка обострилась и захват главного острова Голландской Индии Явы стал вопросом времени, и тот, и другой «предоставили возможность голландским союзникам самим нести ответственность за поражение». По решению ОКНШ США вскоре по состоянию здоровья с острова Ява отбыл адмирал Т. Харт, передав командование голландскому вице-адмиралу К. Хелфричу, а 25 февраля 1942 г. англичане отозвали А. Уэйвелла,

Голландские солдаты в Ост-Индии накануне японского вторжения

Поврежденный американский легкий крейсер «Маблхэд» у причала на острове Ява

Торпедное попадание в авиатранспорт «Лэнгли»

также оставившего за себя командовать голландца[125]. Просуществовав немногим больше месяца, командование ABDA прекратило функционировать. Все это негативно сказалось на организации обороны союзниками Явы.

Еще до завершения Малайской и Филиппинской операций японское командование приступило к проведению серии операций против Голландской Индии. Главной их целью являлся захват Явы — самого богатого и развитого в промышленном отношении острова в этом регионе, численность проживающих на нем примерно равнялась населению Британских островов. Для этого к февралю 1942 г. японцы захватили почти все ключевые позиции, контролирующие подходы к острову, а 9—10 февраля высадили десанты на островах Целебес и Борнео. Овладев районами, контролирующими Макассарский пролив, они вышли непосредственно на северное побережье Яванского моря.

С приближением к завершению осады Сингапура японская авиация усилила удары по островам Суматра, Ява, Бали, Тимор. 13 февраля был высажен морской десант на остров Банка, на следующий день — парашютный десант непосредственно на остров Суматра. Падение 15 февраля Сингапура завершило изоляцию сил союзников, оборонявших район Голландской Индии с запада, и создало непосредственную угрозу Яве с этого направления. 19 февраля японским десантом был захвачен аэродром на Бали у восточной оконечности Явы и нанесены бомбовые удары палубной авиацией по порту Дарвин на северо-западе Австралии. На следующий день японцы установили контроль над побережьем Суматры в Зондском проливе. Высадкой десанта на Тимор 20 февраля была завершена изоляция Явы и с восточного направления.

Японское командование свело силы вторжения на Яву в два соединения — Восточное и Западное под единым командованием вице-адмирала К. Такахаси[126]. В Восточное соединение входили: десантная группа (41 транспорт, на которых размещались 48-я дивизия и 56-я полковая группа), эскортная группа (два крейсера и 13 эскадренных миноносцев), группа прикрытия (два крейсера), группа траления и противолодочные корабли. Ему же была подчинена авиационная группа в составе трех авиатранспортов. Западное соединение включало: десантную группу (56 транспортов, на которых размещались штаб 16-й армии, 2-я дивизия и 230-й пехотный полк), эскортную группу (два крейсера и 13 эскадренных миноносцев), силы прикрытия (четыре крейсера и три эскадренных миноносца), а также авианосную группу (легкий авианосец «Рюдзё» в охранении эскадренных миноносцев). В качестве сил поддержки вторжения выделялись: объединение оперативного прикрытия в составе двух линкоров, трех крейсеров и трех эскадренных миноносцев, а также ударное авианосное объединение в составе 1-й и 2-й дивизий 1-го воздушного флота (четыре авианосца, два линкора, два тяжелых и легкий крейсеры и восемь эскадренных миноносцев)[127].

Союзники для противодействия ожидавшемуся вторжению японцев в Голландскую Индию еще в начале января 1942 г. сосредоточили в портах Явы американские, английские, голландские и австралийские боевые корабли. В феврале союзное командование пришло к выводу о том, что в создавшейся обстановке дальнейшее усиление обороны Явы не имеет перспективы, и приняло решение подкреплений на остров не посылать, но отдало приказ гарнизону оборонять его до последней возможности.

К тому времени в состав ВМС, базировавшихся на Яву, входили восемь крейсеров и 12 эскадренных миноносцев. Для более гибкого и эффективного использования сил они были разделены на две группы — восточную, которая базировалась на Сурабаю, и западную, базировавшуюся на Батавию. В состав западной группы входили английский тяжелый крейсер «Эксетер», четыре легкие английские «Данаэ» и «Дрэгон», австралийские «Хобарт» и «Перт», а также пять английских эскадренных миноносцев; в восточную группу были включены американский тяжелый крейсер «Хаустон», два голландских легких крейсера «Де Рюйтер» и «Ява» и семь эскадренных миноносцев (три голландских и четыре американских).

Продолжая тактику лишения союзников системы базирования, японская авиация 25 февраля нанесла сильный удар по Батавии. В результате западная группа была вынуждена

покинуть эту базу. Англичане поспешили отвести на Цейлон под предлогом эскорта торговых судов часть кораблей, в том числе австралийский крейсер, два своих крейсера и два эскадренных миноносца. Другие корабли — два крейсера и три эскадренных миноносца — перешли в Сурабаю. Восточная группа, которой командовал голландский контр-адмирал К. Дорман, представляла собой довольно сильное соединение, включавшее два тяжелых крейсера «Эксетер» и «Хаустон», три легких крейсера «Де Рюйтер», «Ява» и «Перт» и восемь эскадренных миноносцев[128]. Однако эффективность их действий резко снижалась из-за отсутствия авиационного прикрытия, а кроме того, корабли группы никогда раньше не действовали совместно. Противник же обладал превосходством в силах и был воодушевлен успехами в предыдущих операциях.

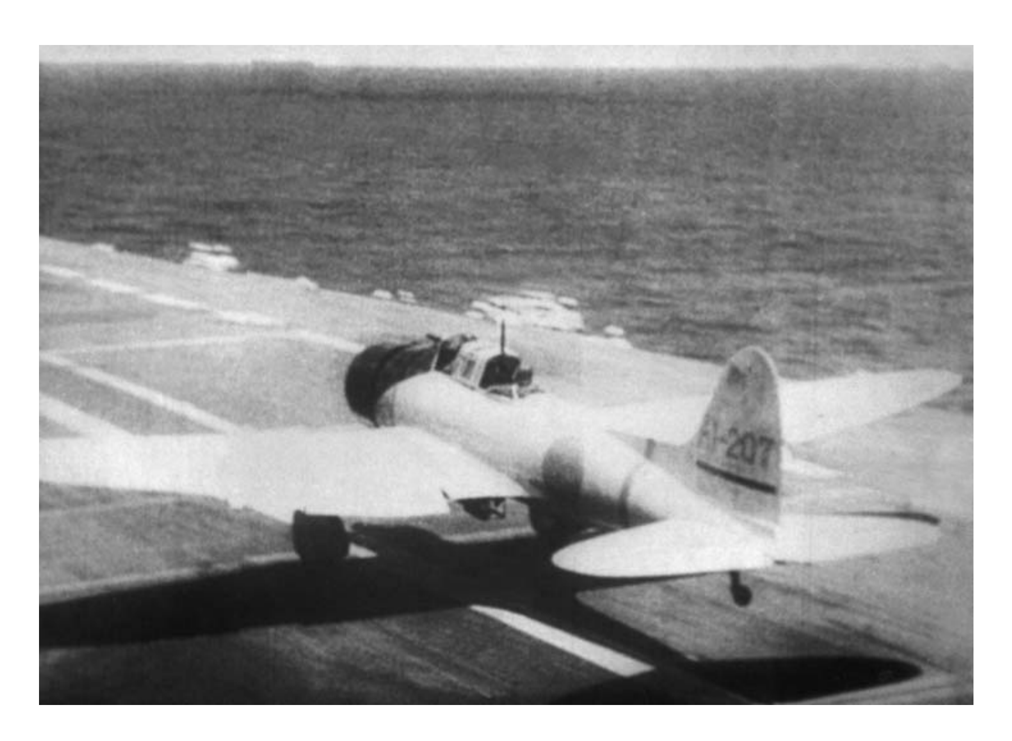
26 февраля союзники получили сообщение о нахождении в 190 милях к северо-востоку от Сурабаи крупных десантных сил противника и решили атаковать их. Не располагая постоянной воздушной разведкой, они действовали, по существу, вслепую. Противник обнаружен не был. Возвращаясь в Сурабаю, отряд кораблей на следующий день получил сведения об обнаружении японского конвоя к западу от острова Бавеан и, повернув на северо-запад, пошел ему навстречу[129].

Крейсеры следовали в кильватерной колонне. В голове шел «Де Рюйтер», за ним — «Эксетер», «Хаустон» и «Перт», замыкал строй «Ява»[130]. Три английских эскадренных миноносца образовывали завесу впереди соединения, два голландских находились на левом фланге, а четыре американских — по корме. В 16 часов 10 минут головной английский эскадренный миноносец обнаружил три отряда японских кораблей. В двух из них было по легкому крейсеру с шестью и восемью эскадренными миноносцами соответственно. Третий отряд состоял из двух выделенных из состава Восточного соединения тяжелых крейсеров «Нати» и «Хагуро». Японские тяжелые крейсеры первыми открыли огонь из 203-мм орудий. Два тяжелых крейсера союзников ответили противнику. Перестрелка тяжелых крейсеров продолжалась около получаса, а легкие крейсеры из-за большой дистанции так и не смогли вступить в бой. Затем последовала торпедная атака японских эсминцев.

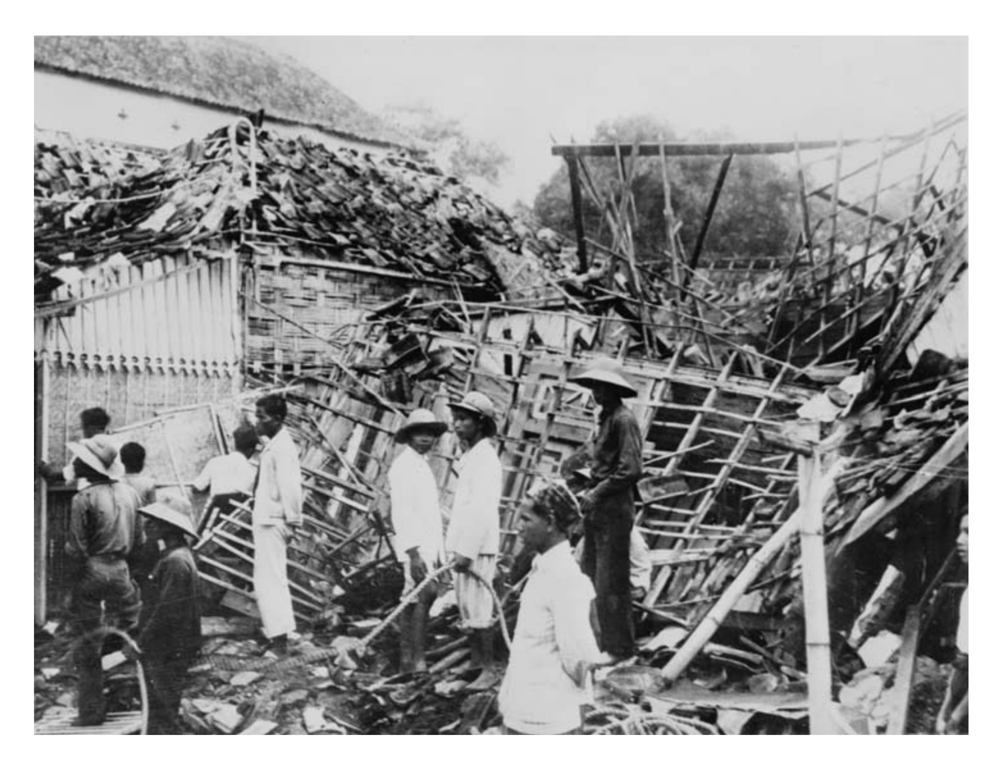
В это же время 203-мм снаряд попал в котельное отделение крейсера «Эксетер», который сбавил ход, вышел из ордера и направился в Сурабаю. Следовавшие за крейсером корабли, полагая, что он делает поворот по приказу командующего, также начали поворот влево, и только флагманский «Де Рюйтер» продолжал идти прежним курсом. В ходе боя были потоплены голландский и английский эскадренные миноносцы. Около 18 часов под прикрытием дымовой завесы союзники вывели свое соединение из боя, а с наступлением темноты противники потеряли друг друга[131].

Под предлогом нехватки топлива и израсходования торпед американские эскадренные миноносцы ушли в Сурабаю, а остальные корабли соединения повернули на запад и продолжили поиск конвоя противника вдоль побережья Явы. Вечером, вероятно, на голландском минном поле взорвался и затонул английский эсминец. Выслав свой последний эскадренный миноносец к месту гибели корабля, чтобы принять на борт уцелевших моряков, командующий соединением адмирал К. Дорман с четырьмя оставшимися крейсерами повернул на север и в 22 часа 30 минут вновь вошел в боевое соприкосновение с противником[132]. После 20-минутной артиллерийской дуэли японские корабли атаковали крейсеры торпедами, добившись попадания в «Де Рюйтер» и «Яву». Когда флагманский корабль уже тонул, адмирал успел передать сигнал крейсерам «Хаустон» и «Перт» выйти из боя и следовать в Батавию, куда они и прибыли на следующий день[133]. Адмирал К. Дорман погиб с кораблем, а соединение союзников прекратило существование. Вместе с ним была утрачена и их надежда на сохранение господства в водах, омывающих Яву.

Таким образом, в ходе сражения в Яванском море 27 февраля 1942 г. союзники потеряли два легких крейсера и три эскадренных миноносца, тяжелый крейсер был серьезно поврежден. У японцев был потоплен эскадренный миноносец, повреждены тяжелый крейсер и три эскадренных миноносца.

Японский пикирующий бомбардировщик взлетает с палубы авианосца «Акаги»

Разрушения в Сурабае на острове Ява после налета японской авиации

В дальнейшем оставшиеся в строю корабли союзников разрозненными группами предприняли попытку уйти в Австралию или Индию. Крейсеры «Хаустон» и «Перт» в сопровождении голландского эскадренного миноносца вечером 28 февраля вышли из Батавии и попытались прорваться через Зондский (Санда) пролив, но за час до наступления сумерек на подходе к проливу встретили десантное соединение противника. Крейсеры потопили или заставили выброситься на берег четыре транспорта, однако вскоре их самих настигли и потопили японские корабли прикрытия. Эскадренный миноносец погиб еще до начала боя[134].

В ночь на 1 марта из Сурабаи вышли тяжелый крейсер «Эксетер», американский эскадренный миноносец «Поуп», который не участвовал в бою 27 февраля из-за неполадок в машинном отделении, и английский эскадренный миноносец. Они предполагали уйти к Цейлону тоже через Зондский пролив, но были потоплены японскими кораблями в Яванском море. Авиация японцев расправилась в Сурабае с голландским эскадренным миноносцем. Часть кораблей союзников была также потоплена к югу от Явы и в районе Чилачапа палубными самолетами 1-го воздушного флота в период с 27 февраля до 7 марта 1942 г.[135] Здесь фактически поодиночке были уничтожены союзнические морские силы. Из всех их кораблей, принимавших участие в сражении в Яванском море, удалось спастись только четырем американским эскадренным миноносцам, которые ночью 28 февраля из Сурабаи через мелководный пролив Бали прорвались в Австралию, избежав встреч с японскими силами.

В связи со сражением в Яванском море японцы на некоторое время отложили высадку десанта. Она началась 1 марта одновременно в нескольких пунктах Явы. К 8 марта организованное сопротивление было сломлено, а к вечеру 12 числа силы союзников на Яве капитулировали[136].

Таким образом, одна из главных задач первого периода войны была японцами решена. Захватив Голландскую Индию, Япония овладела богатейшими источниками стратегического сырья. Достаточно сказать, что этот район вместе с Малайей давал до войны 16% всей мировой добычи олова, почти 75% каучука и, главное, 85% нефти, добываемой на Дальнем Востоке. Помимо этого, Япония получила важные позиции для закрепления всей завоеванной ею на юге территории и для последующих ударов против Индии и Австралии[137].

В ходе боев за Голландскую Индию союзники допустили ряд просчетов и ошибок. Затянув с созданием объединенного командования ABDA, они так и не смогли сделать его подлинно единым. Не было предпринято никаких попыток организовать эффективную противовоздушную и противодесантную оборону. Союзная армада представляла собой неоднородное объединение, где незадолго до сражения были собраны корабли четырех стран, настолько не подготовленные к совместным действиям, что командование не имело даже общего кода тактических сигналов. Союзники не смогли организовать взаимодействие и с авиацией: самолеты не использовались ни для прикрытия кораблей, ни для разведки, ни для корректировки артиллерийского огня. Отсутствовало взаимодействие с подводными лодками, которые практически не применялись. Разведывательные данные поступали с большим опозданием. Связь находилась в плачевном состоянии. Материально-техническое обеспечение не было организовано.

Японцы же вновь смогли создать подавляющее превосходство в силах и умело использовали взаимодействие кораблей и авиации, продемонстрировав хорошую подготовку к ведению ночных боев и торпедных атак. Их вооруженные силы продолжали триумфальное наступление. Захват японцами в марте 1942 г. Андаманских островов и Рангуна укрепил положение их войск в Бирме и создал угрозу вторжения в Индию. В такой обстановке для англичан особое значение приобрело прочное удержание Цейлона, позволявшее контролировать подходы к Бенгальскому заливу с запада[138].

В Индийском океане Великобритания незадолго до этого создала Восточный флот. По состоянию на 1 апреля 1942 г. он насчитывал три авианосца (два тяжелых «Индомитебл», «Формидебл» и легкий «Гермес»), пять сравнительно тихоходных линейных кораблей (четыре старых типа R и один более поздней постройки «Уорспайт»), два тяжелых и пять легких

крейсеров, 14 эскадренных миноносцев и три подводные лодки. В командование флотом в конце марта вступил адмирал Дж. Сомервилл[139].

Японцы намеревались устранить возможность помех действиям своих сил в Бирме со стороны английского флота и добиться господства в Индийском океане. Лучшим решением данной задачи считалось уничтожение флота противника подобно тому, как это было сделано в Пёрл-Харборе и Сиамском заливе[140].

Замысел японского командования предусматривал уничтожение британского Восточного флота в базах на Цейлоне силами палубной авиации в оперативном взаимодействии с крейсерами и подводными лодками. Поскольку не было возможности установить, в какой из двух баз на Цейлоне (Коломбо или Тринкомали) находились основные силы флота противника, планировалось первый удар нанести по Коломбо. В случае же, если кораблей противника не окажется ни в одной из этих баз, японская палубная авиация должна была атаковать аэродромы, доки, верфи и суда в гаванях, а крейсерам с подводными лодками одновременно с действиями на коммуникациях ставилась задача обнаружения и уничтожения кораблей противника в море[141].

Для выполнения данной операции японцы выделили следующие силы: 1-й воздушный флот (пять авианосцев, четыре линейных корабля, легкий и два тяжелых крейсера, 11 эскадренных миноносцев) под командованием вице-адмирала Т. Нагумо, имевшего опыт нанесения удара по Пёрл-Харбору и действий против союзных сил у Явы; 2-й экспедиционный флот из состава Малайского оперативного объединения (легкий авианосец, четыре тяжелых и два легких крейсера, 11 эскадренных миноносцев) под командованием вице-адмирала Дз. Одзавы. Для обеспечения действий надводных сил предназначался также отряд из семи подводных лодок, развернутых в Бенгальском заливе[142]. 1-й воздушный флот 28 марта вошел в Индийский океан и взял курс на северо-запад. 2-й флот к 1 апреля развернулся для действий в районе Андаманских островов.

Английская разведка еще 27 марта установила намерение японцев нанести удар по Цейлону. Часть кораблей британского Восточного флота в это время находилась в районе атолла Адду (Мальдивские острова), расположенного в 600 милях юго-западнее Цейлона, где англичане скрытно строили военно-морскую базу, а часть оставалась в базах Цейлона.

Командующий флотом, учитывая, что базы на Цейлоне не обеспечивали должной обороны, решил перевести корабли на Адду, оттуда выйти всеми силами для нанесения по противнику контрудара палубной авиацией с двух авианосцев[143]. Англичане планировали перехватить и уничтожить японское авианосное объединение на подходе к рубежу подъема его самолетов. Для управления силами в бою Дж. Сомервилл разделил свои корабли на соединение «А» (линкор «Уорспайт», оба тяжелых авианосца, два тяжелых и два легких крейсера и шесть эскадренных миноносцев), которое оставил в своем подчинении, и соединение «В» (четыре линкора, легкий авианосец, три легких крейсера и восемь эскадренных миноносцев). Соединением «В», на которое возлагались задачи обеспечения и поддержки, командовал его заместитель контр-адмирал Уиллис. Успех действий должны были обеспечить систематическая разведка и авиационные дозоры на удалении 420 миль от Коломбо. Правда, для этого имелось всего шесть «летающих лодок» «Каталина»[144].

Восточный флот вышел из базы и прибыл на позицию перехвата южнее Цейлона в 16 часов 31 марта, но, не имея данных о противнике, спустя почти трое суток отказался от дальнейшего ожидания и в 21 час 2 апреля взял курс на атолл Адду, куда прибыл в полдень 4 апреля. Здесь сосредоточилась большая часть кораблей. Лишь тяжелые крейсеры «Дорсетшир» и «Корнуол» находились в Коломбо, а легкий авианосец «Гермес» — в Тринкомали.

Примерно через час от одной из «летающих лодок» поступило донесение об обнаружении в 360 милях южнее мыса Дондра-Хед (Цейлон) крупного отряда кораблей противника, следовавшего курсом на Цейлон. Состав его уточнить не удалось, поскольку самолет был сбит японскими истребителями с авианосца «Хирю».

Требовался выход Восточного флота для перехвата противника. Корабли соединения «А» имели достаточный запас топлива и были готовы к выходу. Корабли соединения «В»

приемку топлива еще не начинали и могли выйти в море не ранее 7 часов утра 5 апреля. В этих условиях было принято решение: соединению «А» немедленно выйти в море и занять район в 250 милях южнее Цейлона, куда утром следующего дня должно выйти и соединение «В». Перехват и уничтожение противника планировались уже на его отходе после налета на Цейлон.

Силы, о которых донесла «Каталина», были 1-м воздушным флотом Японии. В воскресенье 5 апреля за 30 минут до рассвета примерно в 120 милях южнее Коломбо с его авианосцев поднялась группа самолетов для удара по этой базе. В нее входил 91 бомбардировщик в сопровождении 36 истребителей[145]. Примерно в 8 часов утра начался налет. И хотя англичане имели время на непосредственную подготовку к отражению налета, они к этому не были готовы. Несмотря на то что радиолокационные установки засекли приближение японских самолетов, оповещение не производилось вплоть до 7 часов 40 минут, когда они стали видны невооруженным глазом. Англичане подняли в воздух 42 истребителя, которые тотчас были атакованы японскими истребителями прикрытия. В зоне действий последних оказались и шесть торпедоносцев «Сордфиш», совершавших перелет из Тринкомали в Коломбо. Все они были сбиты японцами. После окончания налета японских самолетов англичане подняли в воздух 14 бомбардировщиков «Бленхейм» для удара по японским кораблям, но они вернулись, не обнаружив противника.

Несмотря на успешные в целом действия своего объединения, японцы не достигли цели удара — уничтожения английских кораблей. Восточный флот потерял всего один эскадренный миноносец, плавбазу подводных лодок, несколько транспортов и вспомогательных судов. Сильные повреждения были нанесены сооружениям и причалам порта. Кроме того, в воздушных боях было сбито 27 английских самолетов. Потери японцев составили семь машин[146].

Получив сообщение о налете на Коломбо, соединение «А» вышло в море с расчетом на рассвете следующего дня прибыть в ранее намеченный район, где вероятность перехвата противника была наибольшей. Однако разведке англичан никак не удавалось обнаружить японский флот, который отошел к востоку для подготовки удара по Тринкомали. Зато гидросамолет с одного из японских кораблей обнаружил английские крейсеры «Дорсетшир» и «Корнуол», которые шли навстречу соединению «А». 5 апреля их атаковали 88 японских пикирующих бомбардировщиков. Вся атака длилась 19 минут, в результате чего оба крейсера были потоплены[147].

Дж. Сомервилл, получая противоречивые данные о судьбе своих крейсеров и передвижениях противника, несколько раз менял курс, пока на рассвете 6 апреля к нему не подошло соединение «В». Тогда он, полагая, что японский флот направился к атоллу Адду для налета на базу и перехвата Восточного флота, решил перейти на позицию, обеспечивавшую ему самому возможность перехвата японского объединения. В соответствии с этим англичане начали смещаться на северо-запад, но вскоре изменили курс и в 11 часов 8 апреля вернулись в базу на атолле Адду[148].

Первое предупреждение о грозящем налете на Тринкомали англичане получили после полудня 8 апреля с «Каталины», которая обнаружила объединение противника, следовавшее курсом на остров не далее чем в 450 милях к востоку от Цейлона[149]. Был отдан приказ всем судам в течение ночи покинуть Тринкомали и уйти в южном направлении. Среди кораблей, вышедших в эту ночь в море, были легкий авианосец «Гермес» с сопровождавшим его австралийским эскадренным миноносцем «Вэмпайр» и танкер с корветом и вспомогательным судном.

Воздушный налет на Тринкомали начался утром 9 апреля. В нем в сопровождении 38 истребителей участвовало около 90 японских палубных бомбардировщиков. В 9 часов 30 минут командир авианосца «Гермес», находившегося примерно в 65 милях юго-западнее базы и маневрировавшего в 5 милях от побережья, получил уведомление из Тринкомали о том, что, по данным радиоперехвата, его корабль обнаружен японцами. Было приказано форсированным ходом отходить под прикрытие истребителей берегового базирования, и одновременно отданы распоряжения немедленно выслать для прикрытия «Гермеса» самолеты

с аэродромов Чайна-Бей и Ратмалана. А в это время японские пикирующие бомбардировщики и истребители уже находились на пути к обнаруженному «Гермесу». В 10 часов 30 минут они начали атаки. Авианосец, хотя и отстреливался из всех орудий, потерял ход, имея сильный крен на левый борт. Его командир отдал приказ членам экипажа покинуть корабль. Через несколько минут авианосец перевернулся вверх килем и затонул. Весь бой с момента появления бомбардировщиков до гибели корабля продолжался 20 минут. Одновременно 15–20 бомбардировщиков атаковали эскадренный миноносец «Вэмпайр», потопив его через 10 минут[150]. Значительную часть команды обоих судов удалось спасти госпитальному судну «Вита», шедшему в Коломбо и оказавшемуся случайным свидетелем боя. Других подобрали малые суда. Некоторые добирались до берега вплавь. Затем были атакованы и потоплены танкер, корвет и вспомогательное судно. Последний раз японские корабли, отходившие курсом на юг, «Каталина» обнаружила вечером того же дня в 170 милях к востоку от Тринкомали. В этом направлении они продолжали движение до наступления темноты, очевидно, опасаясь преследования, которого так и не последовало. С наступлением вечерних сумерек Т. Нагумо повернул на восток, держа курс к Малаккскому проливу[151].

Важнейшим итогом военных действий флотов в Индийском океане явился отказ англичан от использования баз на Цейлоне и атолле Адду. Однако японский 1-й воздушный флот, как и в Пёрл-Харборе, не развил до конца достигнутого успеха и покинул Индийский океан курсом на метрополию.

Восточному флоту англичан, который понес ощутимые потери в кораблях и самолетах, в условиях значительных повреждений баз Коломбо и Тринкомали пришлось уйти из Бенгальского залива. Часть кораблей направилась в базы восточного побережья Африки, часть — в базы западного побережья полуострова Индостан в Аравийском море.

Несомненно, большую роль в достигнутом японцами успехе сыграло их превосходство в авианосцах. Однако не менее важное значение имели просчеты и ошибки английского командования. Все расчеты Дж. Сомервилла основывались на уверенности, что японцы будут действовать именно так, как предполагал командующий английским флотом. Недостаточно эффективно работала авиация, особенно разведывательная.

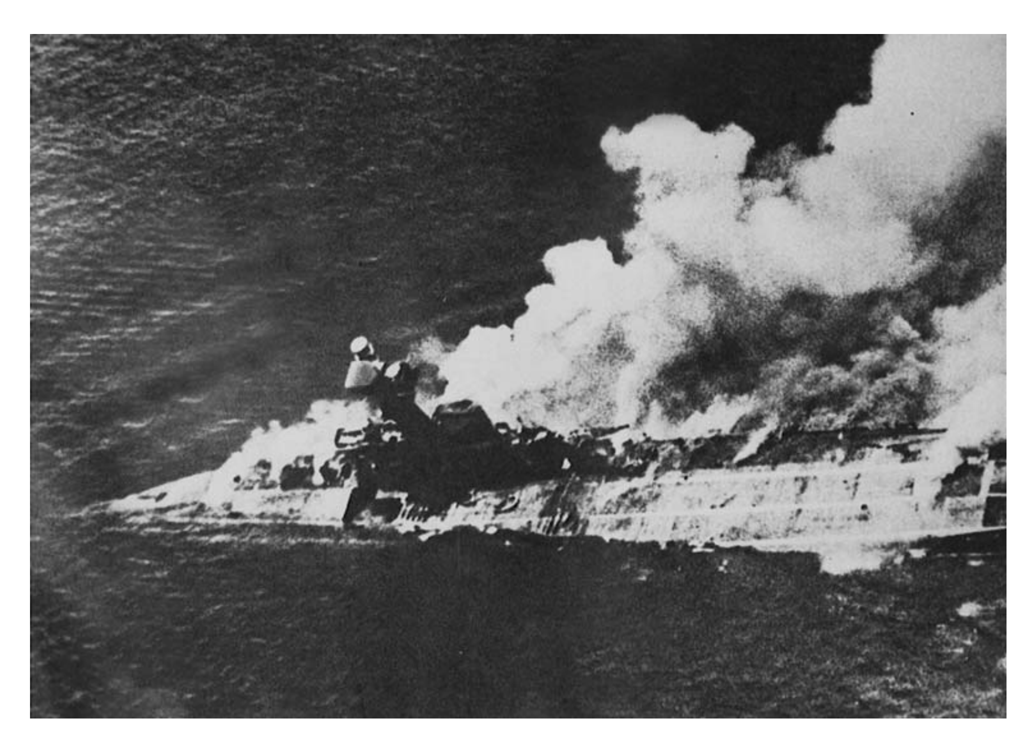
Серьезные ошибки допустил и противник. Так, японское командование не сумело добиться элементарного взаимодействия между 1-м воздушным и 2-м экспедиционным флотами, а также подводными лодками. Все они действовали разрозненно, хотя очевидно, что взаимодействие объединения авианосцев с крейсерами при содействии подводных лодок позволило бы достичь более весомых результатов.

Уязвимым местом в действиях обеих сторон явилась слабость разведки. И те, и другие не располагали достоверными агентурными данными. Японцам важно было установить наличие сил противника в базах, что всегда считалось довольно простой задачей агентуры. Не были активизированы и разнородные силы оперативной разведки. Ничего не сообщали или давали ничтожно малую информацию об обстановке подводные лодки. Не оправдала надежд и авиационная разведка, хотя данные последней были едва ли не единственными, которыми руководствовалось командование сил сторон. Поскольку в целом информации для принятия решений было крайне мало, и англичане, и японцы поиск противника проводили своими главными силами.

Неудачные попытки Восточного флота нанести удар по противнику наряду с налетами японской авиации на Коломбо и Тринкомали заставили британское Адмиралтейство критически осмыслить сложившуюся обстановку и в качестве первой необходимой меры вывести из-под удара линейные корабли. Соединение «В» было переведено на восточное побережье Африки в Килиндинн (Момбаса). Адмиралтейство мотивировало это тем, что линкоры не усиливали, а, скорее, ослабляли Восточный флот. В действительности англичане просто вынуждены были покинуть базы в районе Цейлона. Именно поэтому 9 апреля соединения «А» и «В» покинули Адду. Английское командование считало, что соединение «А» способно противодействовать японским легким силам на коммуникациях в Индийском океане, но рекомендовало в ближайшем будущем решительно избегать базирования на Цейлон.

Японские бомбардировщики в полете

Гибель английского авианосца «Гермес»

Таким образом, к концу апреля 1942 г. завершилась серия операций в зоне Тихого и Индийского океанов, в результате которых Япония нанесла ряд существенных ударов по войскам и силам флота противника, захватила важнейшие стратегические районы с богатейшими источниками сырья. Японская сторона смогла не только осуществить задуманное, но и добилась этого в короткие сроки и с минимальными потерями. Во многом это было достигнуто благодаря обеспечению стратегической, а на ряде направлений и оперативно-тактической внезапности[152].

Японские вооруженные силы, не встретив серьезного сопротивления, в первые пять месяцев войны овладели территорией в 4242 тыс. кв. км, на которой проживали более 200 млн человек, а вместе с занятыми ранее районами Китая — 9801 тыс. кв. км. Под гнетом Японии оказались около 400 млн человек[153].

В результате стремительного наступления японских военно-морских сил и сухопутных войск в Азиатско-Тихоокеанском регионе вооруженные силы США и западных союзников к маю 1942 г. оставили Гонконг, Малайю, Филиппины, Голландскую Индию, Бирму. Японские войска вошли без боев в Таиланд и вышли на подступы к Индии и Австралии. Положение Китая в связи с захватом японскими войсками последней южной транспортной магистрали (бирмано-китайской дороги), по которой поступала военная помощь от союзников, еще более усложнилось. Нависла угроза над Австралией, Новой Зеландией и Индией.

К лету 1942 г. наступление японских вооруженных сил на основных направлениях затормозилось, возникла необходимость закрепления их на захваченных позициях, проведения мероприятий по освоению оккупированных территорий. Все острее стало ощущаться несоответствие экономического потенциала Японии стратегическим установкам даже на быстротечную войну.

США предприняли усилия, чтобы мобилизовать военную экономику и восстановить утраченные позиции на Тихом океане. Часть кораблей американского Атлантического флота перебрасывалась на Тихий океан. К началу декабря 1942 г. американцы имели вне своей территории 17 дивизий сухопутных войск и морской пехоты и 66 боевых авиационных групп. Против Японии действовали девять пехотных дивизий, две дивизии морской пехоты и одна треть армейской авиации. Численность личного состава наземных войск и авиации здесь достигла 461 тыс. человек, что примерно на 50 тыс. превышало численность личного состава наземных войск и авиации, действовавших против Германии. На Тихом океане находилось свыше 200 американских кораблей основных классов[154].

7 мая 1942 г. в сражении в Коралловом море американцам удалось предотвратить проведение японцами морской десантной операции в Порт-Морсби (Новая Гвинея). Господство японских вооруженных сил в Коралловом море угрожало позициям США и Великобритании, прежде всего в Австралии. Поэтому американское командование, получив от разведки сведения о намерениях японцев высадить десант в Порт-Морсби, своевременно подготовилось к его отражению, направив туда из состава Тихоокеанского флота соединение, включавшее два авианосца, пять крейсеров и девять эсминцев под командованием контр-адмирала Ф. Флетчера, которому была подчинена и австралийская эскадра (три крейсера, два эсминца) во главе с контр-адмиралом Д. Крейсом, уже находившаяся в этом районе[155].

Японское командование для проведения операции по захвату Порт-Морсби выделило мощные силы флота (три авианосца, девять крейсеров, 15 эскадренных миноносцев и шесть подводных лодок) под флагом вице-адмирала С. Иноуэ. На двух американских и трех японских авианосцах число самолетов было примерно равным. Однако за счет авиации берегового базирования союзники имели в районе операции некоторое превосходство в самолетах — 450 против 315 японских[156].

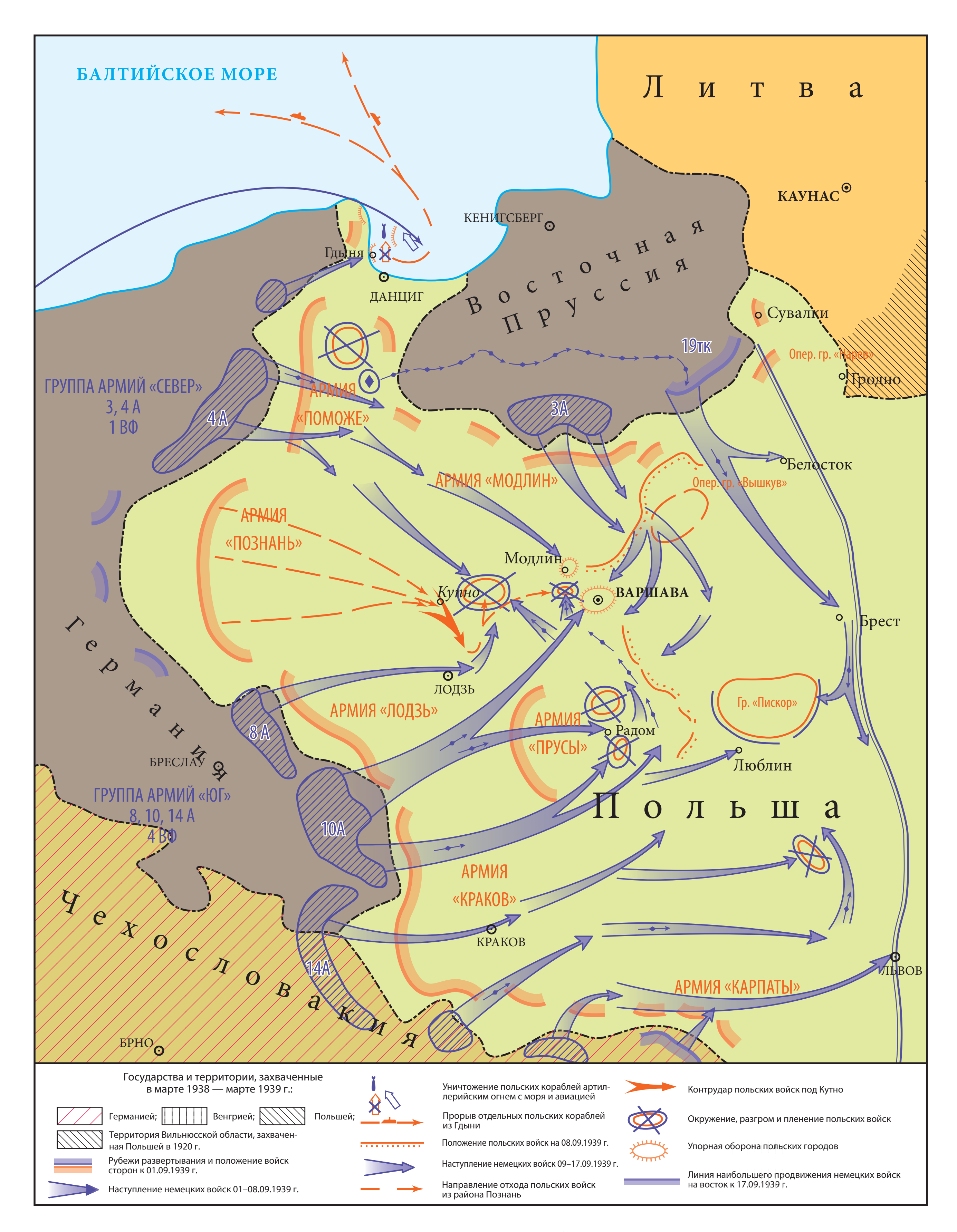
В развернувшемся сражении американская авиация 7 мая потопила легкий авианосец «Сёхо», но уже на следующий день японские самолеты уничтожили американский тяжелый авианосец «Лексингтон». Японцами было потеряно 77, а американцами 66 самолетов[157]. Наличие крупных сил флота США в этом районе вынудило японское командование отказаться от захвата Порт-Морсби с моря. В сражении в Коралловом море впервые в истории Второй

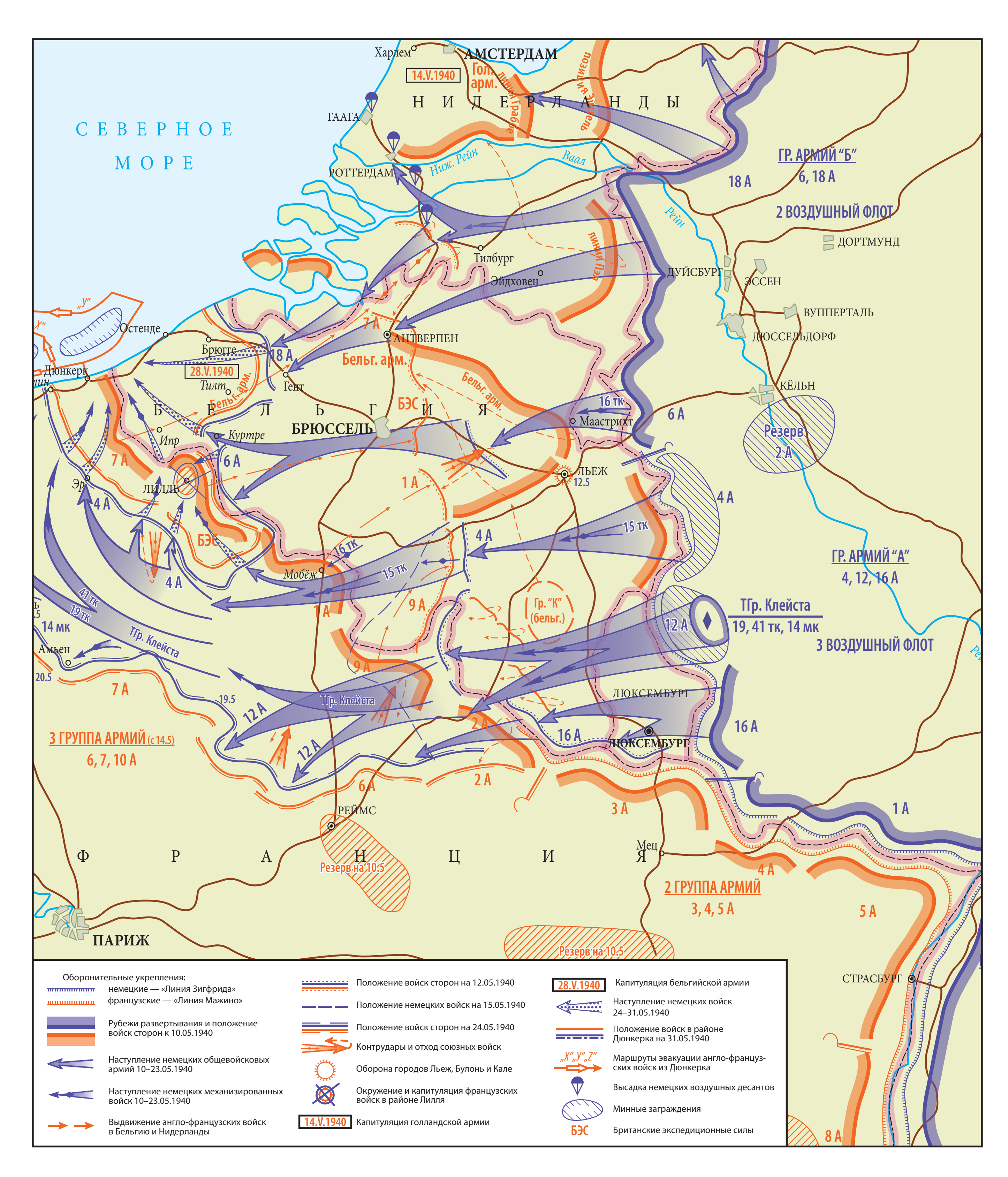
Американский авианосец «Энтерпрайз» в Пёрл-Харборе накануне сражения у Мидуэя

Пикирующий бомбардировщик на палубе американского авианосца «Хорнет»
во время битвы за Мидуэй

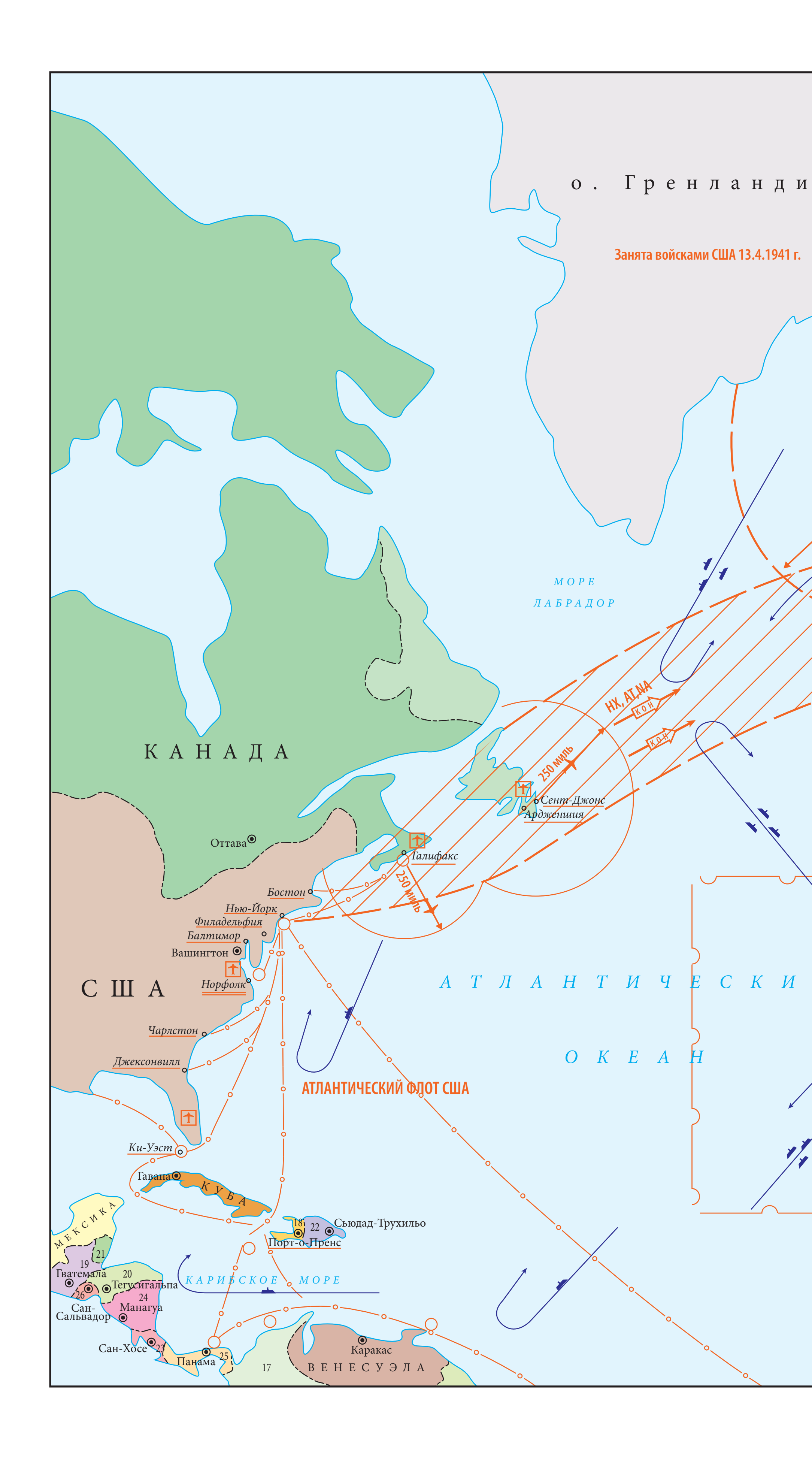
Германо-польская война. Сентябрь 1939 г.

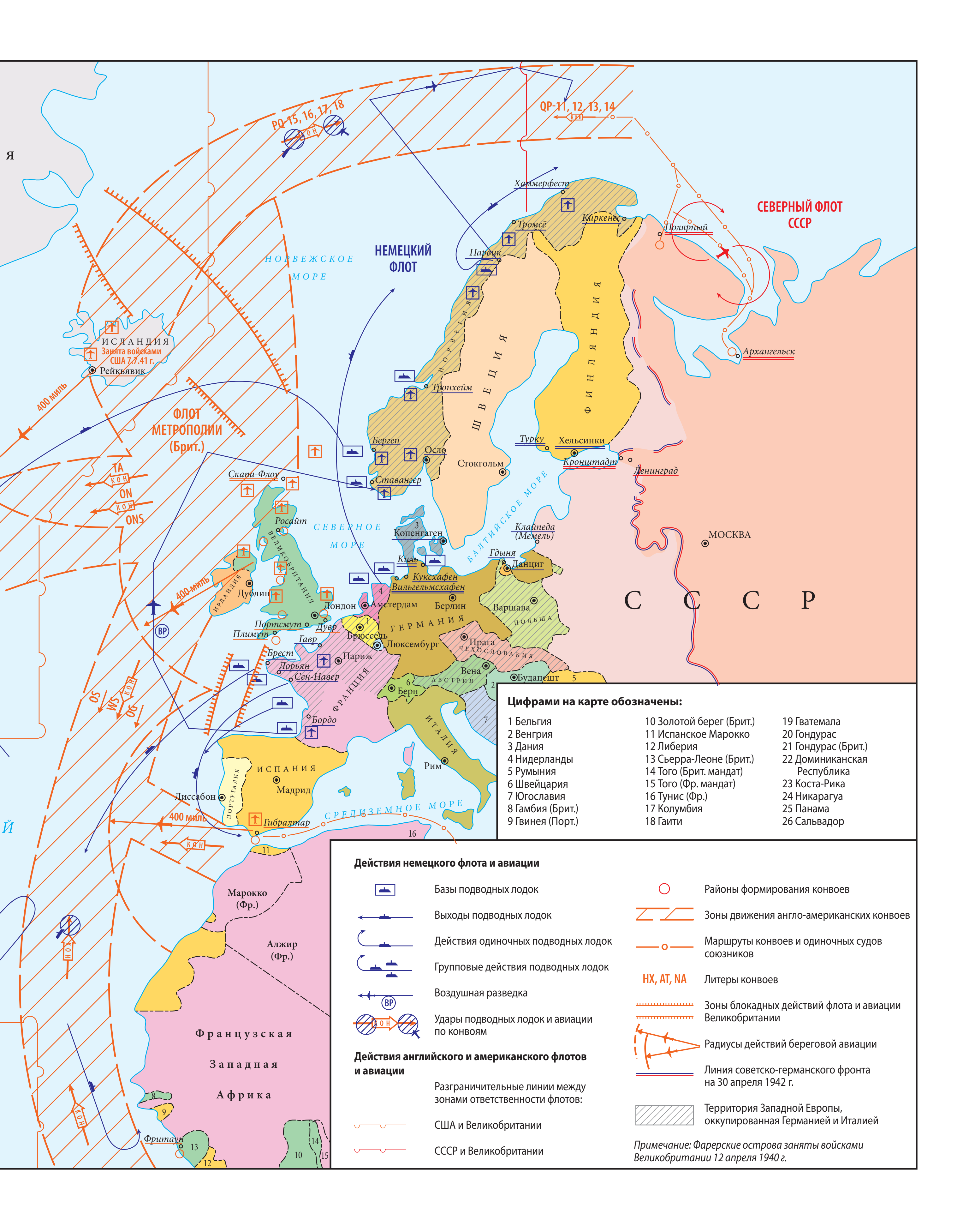
Захват нацистской Германией
Нидерландов, Бельгии и Северной Франции.
Май 1940 г.

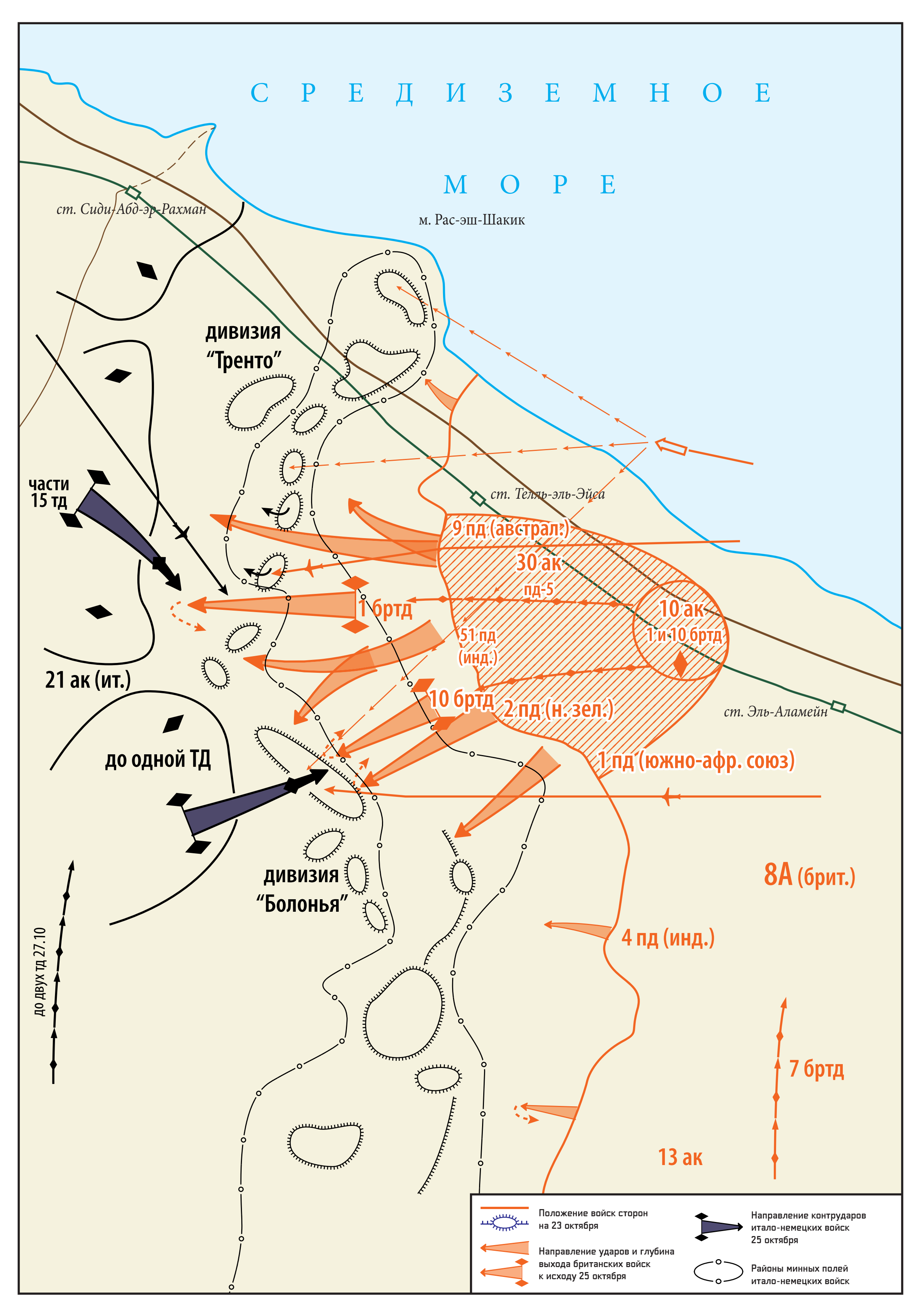
Военные действия во Франции.
Июнь 1940 г.

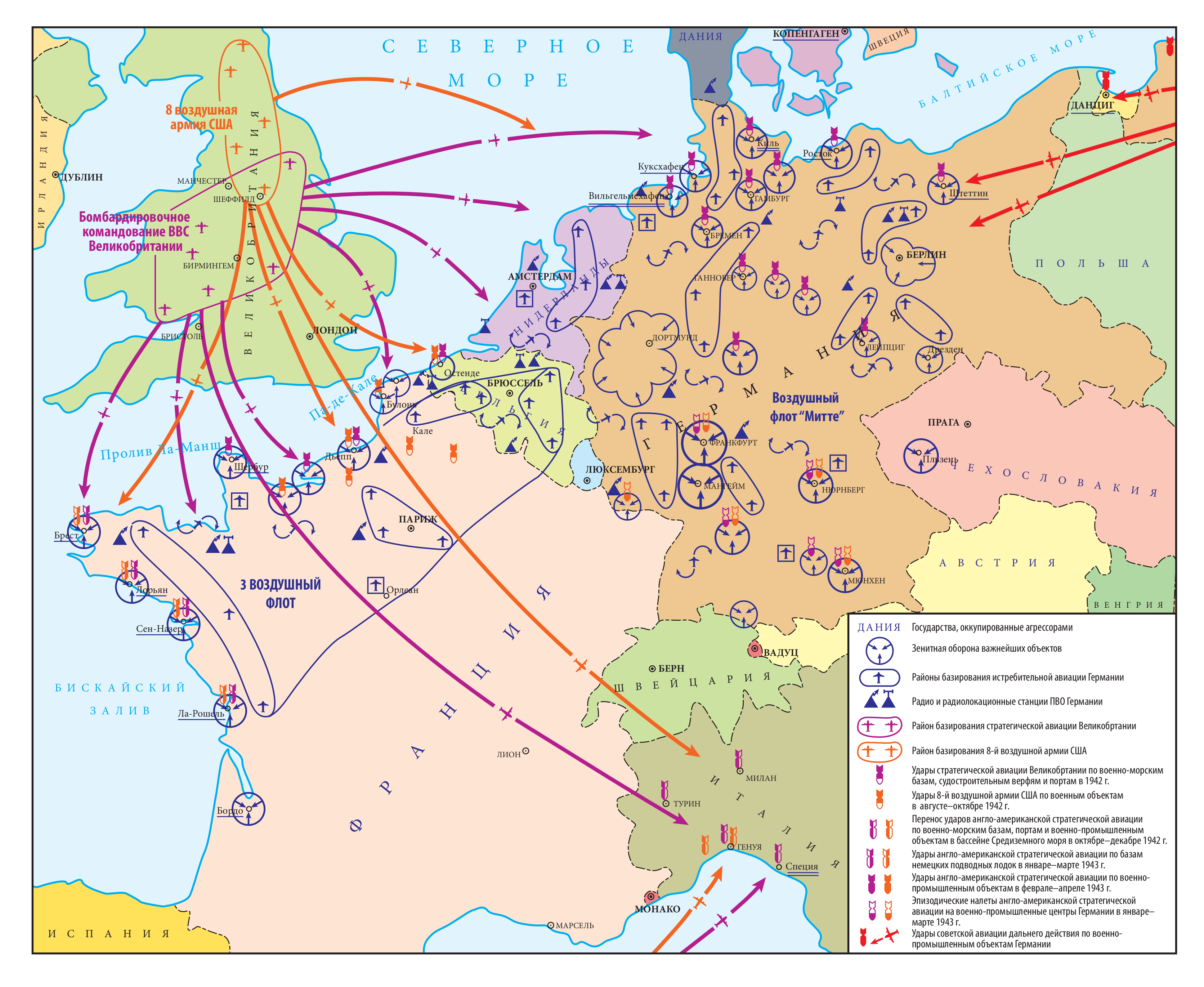
Военные действия флотов
в Атлантическом океане.
1942 г.

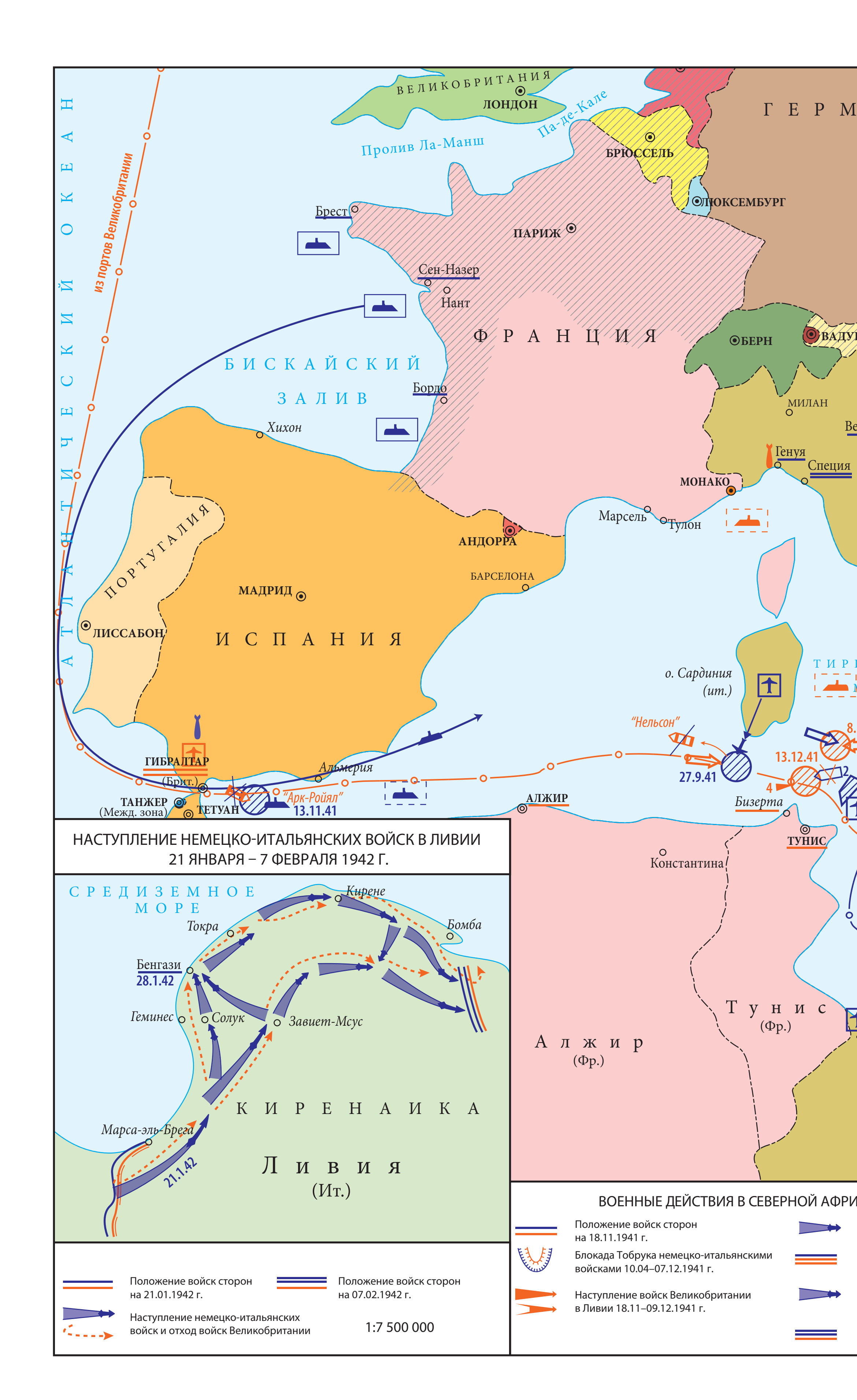
НЕМЕЦКИЙ ФЛОТ
СЕВЕРНЫЙ ФЛОТ СССР
ФЛОТ МЕТРОПОЛИИ (Брит.)
PQ 15, 16, 17, 18
QP-11, 12, 13, 14
ИСЛАНДИЯ
Занята войсками США 7.7.41 г.
Рейкьявик
400 миль
НОРВЕЖСКОЕ МОРЕ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Хаммерфест
Тромсё
Киркенес
Полярный
Нарвик
Архангельск
Тронхейм
Берген
Осло
Ставангер
Стокгольм
Турку
Хельсинки
Кронштадт
Ленинград
МОСКВА
НОРВЕГИЯ
ШВЕЦИЯ
ФИНЛЯНДИЯ
СССР
Скапа-Флоу
Росайт
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ
ИРЛАНДИЯ
Дублин
Лондон
Портсмут
Плимут
Дувр
Копенгаген
Киль
Куксхафен
Вильгельмсхафен
Амстердам
Берлин
ГЕРМАНИЯ
Клайпеда (Мемель)
Гдыня
Данциг
Варшава
ПОЛЬША
Брюссель
Люксембург
Прага
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
Вена
АВСТРИЯ
Будапешт
Гавр
Брест
Лориян
Сен-Назер
Париж
ФРАНЦИЯ
Бордо
Берн
ИТАЛИЯ
Рим
ИСПАНИЯ
Мадрид
ПОРТУГАЛИЯ
Лиссабон
Гибралтар
TA
ON
ONS
OS
WS
OG
кон
ВР
Марокко (Фр.)
Алжир (Фр.)
Французская Западная Африка
Фритаун
Цифрами на карте обозначены:
1 Бельгия
2 Венгрия
3 Дания
4 Нидерланды
5 Румыния
6 Швейцария
7 Югославия
8 Гамбия (Брит.)
9 Гвинея (Порт.)
10 Золотой берег (Брит.)
11 Испанское Марокко
12 Либерия
13 Сьерра-Леоне (Брит.)
14 Того (Брит. мандат)
15 Того (Фр. мандат)
16 Тунис (Фр.)
17 Колумбия
18 Гаити
19 Гватемала
20 Гондурас
21 Гондурас (Брит.)
22 Доминиканская Республика
23 Коста-Рика
24 Никарагуа
25 Панама
26 Сальвадор
Действия немецкого флота и авиации
Базы подводных лодок
Выходы подводных лодок
Действия одиночных подводных лодок
Групповые действия подводных лодок
Воздушная разведка
Удары подводных лодок и авиации по конвоям
Действия английского и американского флотов и авиации
Разграничительные линии между зонами ответственности флотов:
США и Великобритании
СССР и Великобритании
Районы формирования конвоев
Зоны движения англо-американских конвоев
Маршруты конвоев и одиночных судов союзников
HX, AT, NA
Литеры конвоев
Зоны блокадных действий флота и авиации Великобритании
Радиусы действий береговой авиации
Линия советско-германского фронта на 30 апреля 1942 г.
Территория Западной Европы, оккупированная Германией и Италией
Примечание: Фарерские острова заняты войсками Великобритании 12 апреля 1940 г.

Ход сражения у Эль-Аламейна.
23–25 октября 1942 г.

Действия стратегической авиации Великобритании, США и СССР в 1942–1943 гг.

Вооруженная борьба
в Северной Африке
и на Средиземном море.
1941–1942 гг.

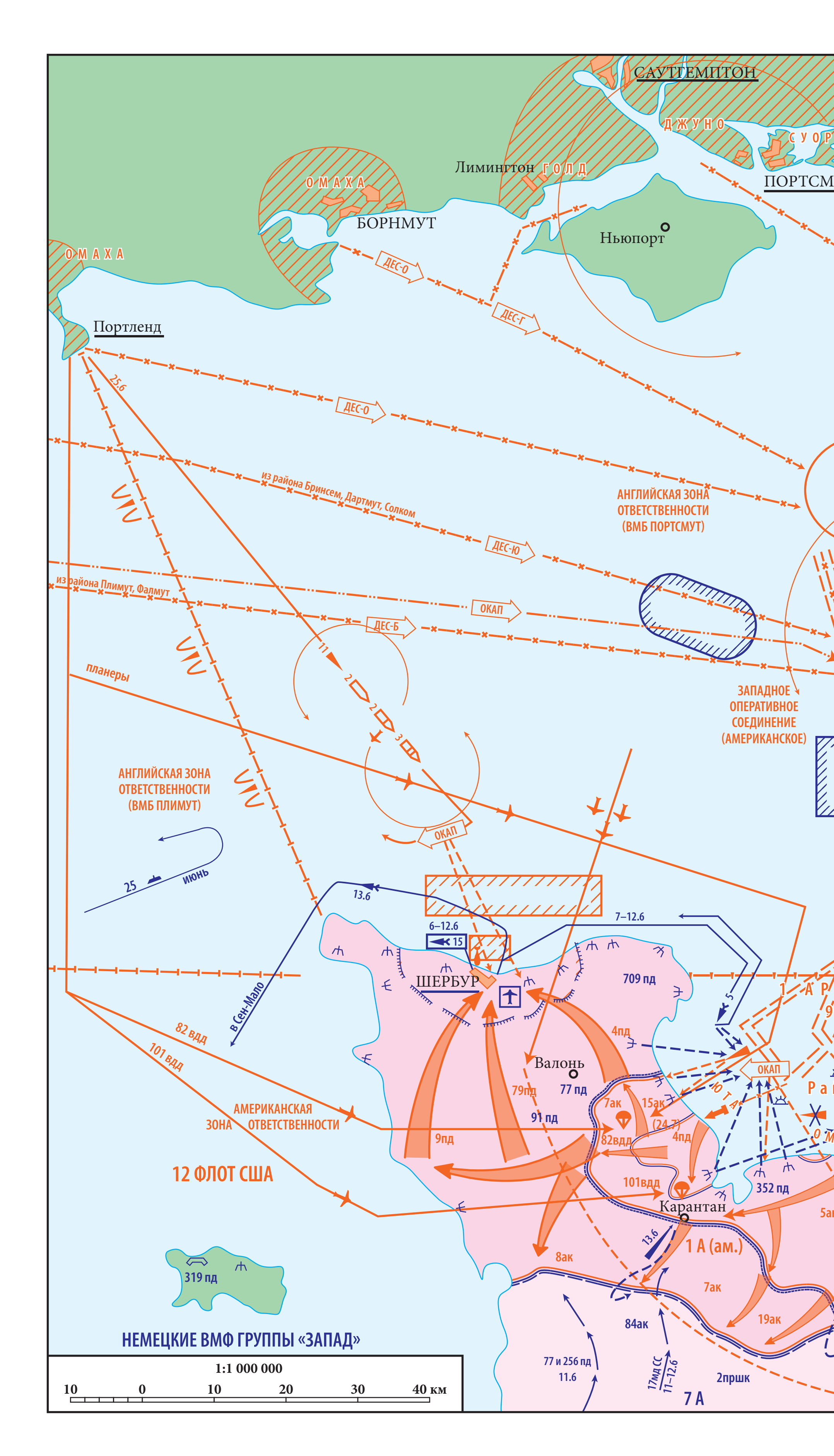
НАСТУПЛЕНИЕ БРИТАНСКИХ ВОЙСК В ЛИВИИ 18 НОЯБРЯ – 2 ДЕКАБРЯ 1941 Г.
Акрома
пд-1 (англ.)
тбр-1
Тобрук
21 ак (ит.)
30.11.41
27.11
тк "Африка" (нем.)
Гамбут
Эль-Адем
22.11
Сиди-Резех
28.11
22.11
22.11
Бардия
13 ак
23.11
К И Р Е Н А И К А
мд (ит.)
Бир-Хакейм
мобк (ит.)
24.11
19.11
Бир-эль-Гоби
тд (ит.)
30 ак
Ридотта-Капуццо
13 ак
пд (ит.)
Сиди-Омар
НЕМЕЦКО-ИТАЛЬЯНСКИЕ ВОЙСКА
Л и в и я
(Ит.)
26.11
13 ак
8А
30 ак
Положение войск сторон на 18.11.1941 г.
Направление ударов войск Великобритании с 18 по 23.11.1941 г.
Положение войск сторон на 19–20.11.1941 г.
Направление контрударов немецко-итальянских войск 19–23.11.1941 г.
Положение войск сторон на 23.11.1941 г.
Рейд немецкого танкового корпуса «Африка» с 24 по 28.11.1941 г.
Деблокада Тобрука войсками Великобритании 27.11.1941 г.
Положение войск сторон на 28.11.1941 г. и направление отхода немецко-итальянских войск 02.12.1941 г.
30.11.41
Контрудар немецко-итальянских войск 30.11.41 г.
Окружение и разгром немецко-итальянских войск в конце декабря 1941 г. – начале января 1942 г.
1:1 500 000
БЕРЛИН
А Н И Я
ПРАГА
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
ВЕНА
А В С Т Р И Я
ВЕНГРИЯ
Загреб
ЮГОСЛАВИЯ
енеция
Триест
САН-МАРИНО
АДРИАТИЧЕСКОЕ МОРЕ
И Т А Л И Я
РИМ
Неаполь
Таранто
ТИРАНА
РЕНСКОЕ
МОРЕ
Янина
Волос
ГРЕЦИЯ
ИОНИЧЕСКОЕ МОРЕ
11.41
АФИНА
Мессина
9.11.41
ЭГЕЙСКОЕ МОРЕ
АНКАРА
Т У Р Ц И Я
Анталья
РОДОС
НИКОСИЯ
Фамагуста
Латакия
С и р и я
(Фр. мандат)
Триполи
БЕЙРУТ
ДАМАСК
о. Мальта (брит.)
о. Крит (греч.)
22.3.42
С Р Е Д И З Е М Н О Е   М О Р Е
июль 1941
18.9.41
4
14.12.41
"Галатея"
22.3.42
"Бархэм"
19.12.41
АММАН
ИЕРУСАЛИМ
Палестина (Брит. мандат)
Трансиордания (Брит. мандат)
Порт-Саид
Дерна
Тобрук
Бардия
ТРИПОЛИ
Бенгази
28.1.42
8А
Мерса-Матрух
Александрия
КАИР
Суэц
Л и в и я
(Ит.)
Сирт
Аджедабья
Эль-Агейла
КЕ
Контрудары танковых дивизий Роммеля в конце ноября 1941 г.
Положение войск сторон на 09.01.1942 г.
Наступление немецко-итальянских войск в Ливии 21.01–07.02.1942 г.
Положение войск сторон на 07.02.1942 г.
ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ
Пути английских конвоев
Пути итальянских конвоев
Действия немецких и итальянских кораблей и авиации по английским конвоям
Действия английских кораблей и авиации по итальянским конвоям
Морские бои и боевые столкновения
Примечание: круг изображается цветом победившей стороны
Повреждения английских кораблей в Александрии итальянскими человеко-управляемыми торпедами 19.12.1941 г.
Основные районы действий английских подводных лодок
Основные районы действий итальянских подводных лодок
Мины, поставленные немецкой авиацией в Суэцком канале
Минные заграждения
Базы немецких подводных лодок
Переход немецких подводных лодок в Средиземное море с сентября 1941 г.
Территории, оккупированные агрессорами

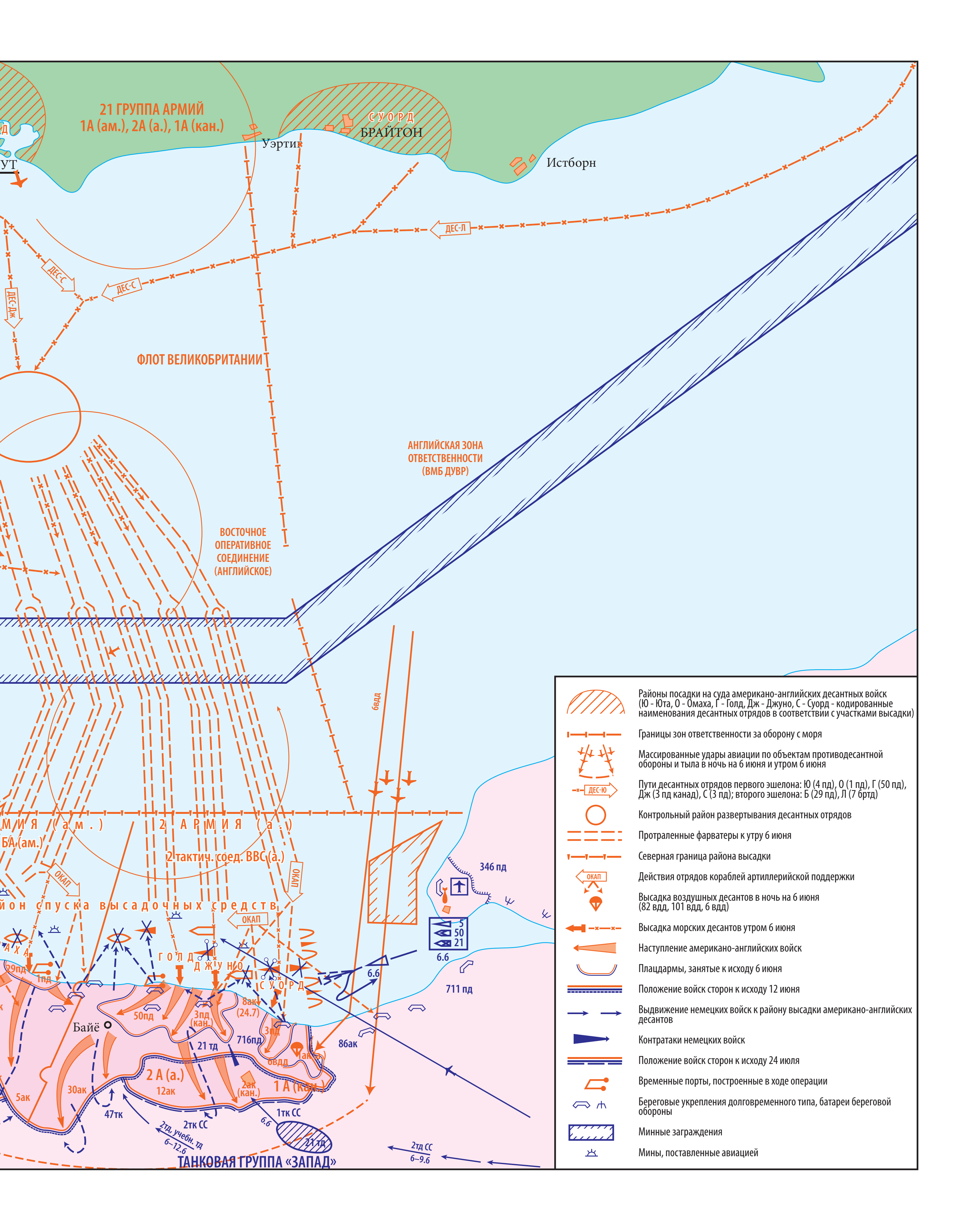
Десантные операции союзников.
1942–1944 гг.

Цели 8-й воздушной армии США в Европе.
Июнь–декабрь 1943 г.

Открытие второго фронта в Европе.
Нормандская десантная операция.
6 июня — 24 июля 1944 г.

21 ГРУППА АРМИЙ
1А (ам.), 2А (а.), 1А (кан.)
СУОРД
БРАЙТОН
Истборн
ДЕС-Л
ДЕС-С
ДЕС-С
ДЕС-Дж
ФЛОТ ВЕЛИКОБРИТАНИИ
АНГЛИЙСКАЯ ЗОНА ОТВЕТСТВЕННОСТИ (ВМБ ДУВР)
ВОСТОЧНОЕ ОПЕРАТИВНОЕ СОЕДИНЕНИЕ (АНГЛИЙСКОЕ)
6вдд
2 АРМИЯ (а.)
2 тактич. соед. ВВС (а.)
ОКАП
ОКАП
ОКАП
ГОЛД
ДЖУНО
СУОРД
346 пд
5
50
21
6.6
6.6
711 пд
1пд
50пд
3пд (кан.)
8ак (24.7)
716пд
3пд
6вдд
86ак
Байё
21 тд
2 А (а.)
12ак
2ак (кан.)
1 А (кан.)
30ак
5ак
47тк
2тк СС
2тд, учебн. тд 6–12.6
1тк СС
6.6
21 тд
2тд СС 6–9.6
ТАНКОВАЯ ГРУППА «ЗАПАД»
Районы посадки на суда американо-английских десантных войск (Ю - Юта, О - Омаха, Г - Голд, Дж - Джуно, С - Суорд - кодированные наименования десантных отрядов в соответствии с участками высадки)
Границы зон ответственности за оборону с моря
Массированные удары авиации по объектам противодесантной обороны и тыла в ночь на 6 июня и утром 6 июня
ДЕС-Ю
Пути десантных отрядов первого эшелона: Ю (4 пд), О (1 пд), Г (50 пд), Дж (3 пд канад), С (3 пд); второго эшелона: Б (29 пд), Л (7 бртд)
Контрольный район развертывания десантных отрядов
Протраленные фарватеры к утру 6 июня
Северная граница района высадки
ОКАП
Действия отрядов кораблей артиллерийской поддержки
Высадка воздушных десантов в ночь на 6 июня (82 вдд, 101 вдд, 6 вдд)
Высадка морских десантов утром 6 июня
Наступление американо-английских войск
Плацдармы, занятые к исходу 6 июня
Положение войск сторон к исходу 12 июня
Выдвижение немецких войск к району высадки американо-английских десантов
Контратаки немецких войск
Положение войск сторон к исходу 24 июля
Временные порты, построенные в ходе операции
Береговые укрепления долговременного типа, батареи береговой обороны
Минные заграждения
Мины, поставленные авиацией

Наступление союзных войск
в Западной Европе.
Январь–май 1945 г.

РОСТОК
ГАМБУРГ
3.5
2А (а.)
Шверин
2 БЕЛОРУССКИЙ
ФРОНТ
Людвигслуст
Лауэнбург
Люнебург
Виттенберге
2.5
Зальцведель
1 БЕЛОРУССКИЙ
ФРОНТ
ПОЛЬША
ПОЗНАНЬ
Тангермюнде
ГАННОВЕР
9А (ам.)
БЕРЛИН
10.4
Брауншвейг
Бург
МАГДЕБУРГ
7.5
Котбус
Дессау
1А (ам.)
25.4
ГАЛЛЕ
КАССЕЛЬ
4.4
ЛЕЙПЦИГ
БРЕСЛАУ
ДРЕЗДЕН
3А (ам.)
Цейц
Кольдиц
Гота
3А (ам.)
Хемниц
1 УКРАИНСКИЙ
ФРОНТ
6 ТА СС
7 А
Хоф
Карловы-Вары
на советско-германский фронт
11.5
3А (ам.)
ПРАГА
4 УКРАИНСКИЙ
ФРОНТ
Бамберг
Пльзень
11.5
Январь 1945
ЧЕХОСЛОВАКИЯ
БРНО
НЮРНБЕРГ
20.4
Клатови
Ансбах
1 А
Регенсбург
2 УКРАИНСКИЙ
ФРОНТ
Ингольштадт
7А (ам.)
Пассау
Ландсхут
ЛИНЦ
ВЕНА
БРАТИСЛАВА
МЮНХЕН
Браунау
30.4
10.5
3 УКРАИНСКИЙ
ФРОНТ
А АРМИЙ "ВЕРХНИЙ РЕЙН"
19 А
Ландсберг
Мемминген
Розенгейм
3А (ам.)
Зальцбург
1А (фр.)
7А (ам.)
Лицен
11.5
ВЕНГРИЯ
АВСТРИЯ

Потери германских и итальянских подводных лодок на всех театрах.
1942–1945 гг.

300
250
200
150
100
50
0
1 3 5 7 9 11 1 3 5 7 9 11 1 3 5 7 9 11 1 3 5'45
Подводные лодки
Общие потери

Потери торгового тоннажа Англии и США
(количество потопленных судов в месяц на всех театрах).
1942–1945 гг.

Американские самолеты перед вылетом

Подбитый японский бомбардировщик в сражении у Мидуэя

мировой войны в качестве главной ударной силы с обеих сторон участвовала палубная авиация, которая действовала вне пределов видимости соединений кораблей, находившихся друг от друга на расстоянии до 200 миль. Это свидетельствовало о нарастании роли авианосцев в борьбе за господство на море[158].

4–7 июня того же года в морском сражении у атолла Мидуэй американцам также удалось сорвать высадку японцами десанта на этот коралловый остров (военно-морские силы Японии, однако, сумели в ходе Мидуэйско-Алеутской операции захватить частичку американской территории — острова Атту и Кыска в западной части Алеутской гряды).

Всего в операции участвовало более 150 кораблей и судов[159]: семь линейных кораблей, четыре тяжелых авианосца с 234 самолетами и четыре легких с 121 самолетом, четыре плавучие базы гидросамолетов, 13 тяжелых и шесть легких крейсеров, 55 эскадренных миноносцев, 22 подводные лодки, 23 транспорта для десанта, 15 танкеров и другие[160].

Ставка на внезапность требовала тщательно продуманных разнообразных мер оперативной маскировки, и японское командование уделяло ей большое внимание. Но оно допустило непоправимую ошибку, имевшую далеко идущие последствия, переоценив скрытность своей радиосвязи и злоупотребляя ею[161]. Не только распоряжения на операцию, приказы и директивы сообщались по радио, но был передан и сам план операции, чем воспользовались американцы, которым удалось раскрыть японский шифр[162].

Непосредственно для обеспечения высадки на Мидуэй были выделены: силы вторжения (десантные транспорты — 15 единиц, в охранении — легкий крейсер и 10 эскадренных миноносцев); две обеспечивающие группы — группа непосредственной поддержки (три авиатранспорта с гидросамолетами, четыре тяжелых крейсера и три эскадренных миноносца) и специальная группа плавучих баз гидросамолетов, которые на сей раз несли на себе два торпедных катера и шесть подводных лодок «малюток»; силы оперативного прикрытия (два линейных корабля, авианосец, четыре тяжелых и легкий крейсеры, восемь эскадренных миноносцев). Для высадки на Мидуэй были выделены 28-й полк 7-й пехотной дивизии и 38-я бригада японских войск общей численностью 5 тыс. человек[163]. Соединение вторжения (без сил оперативного прикрытия) сосредоточивалось на островах Сайпан и Гуам[164].

Для действий против Алеутских островов было создано так называемое Северное соединение, включавшее два отряда вторжения: один — на острове Атту, в составе легкого крейсера, четырех эсминцев и двух транспортов с 1 тыс. десантниками на борту; другой — на острове Кыска, с легким крейсером, двумя эскадренными миноносцами и шестью транспортами, на борту которых имелось 550 пехотинцев; а также силы оперативного прикрытия в составе тяжелого крейсера и двух эскадренных миноносцев и 2-го ударного соединения авианосцев (два легких авианосца, два тяжелых крейсера и четыре эскадренных миноносца), всего 27 кораблей[165].

Для решительного разгрома американского флота в генеральном сражении, возможность которого не исключалась после высадки десантов, специально предусматривалось выделение соединения линейных сил (три линейных корабля, легкие авианосец и крейсер, девять эскадренных миноносцев), возглавляемого главнокомандующим Объединенным флотом ВМС Японии адмиралом И. Ямамото. В составе этого соединения планировалось иметь: все семь линейных кораблей, авианосец, три легких крейсера, 21 эскадренный миноносец, две плавучие базы гидросамолетов. Главные силы И. Ямамото должны были находиться в 600 милях к северо-западу от острова Мидуэй[166].

Подводные лодки имели задачу перехвата и уничтожения американских кораблей в районах наиболее вероятного их появления. Главные силы И. Ямамото — 1-й воздушный флот и основные силы соединения вторжения на Мидуэй сосредоточивались в западной части Внутреннего Японского моря, Алеутское (Северное) соединение — в Оминато (северная часть Хонсю), а передовое соединение подводных лодок — в атолле Кваджелейн. Выход кораблей на операцию производился в период с 25 по 29 мая 1942 г. восемью группами[167].

Замысел американского командования строился, исходя из достаточно точного знания плана операции И. Ямамото, раскрытого благодаря раскодированию японского шифра. Он

состоял в том, чтобы, нанеся противнику сокрушительный упреждающий удар, в первую очередь авианосцам, сорвать японскую десантную операцию на Мидуэй еще до высадки. Эту задачу должны были решать разнородные силы авиации, а также подводные лодки. Если раньше подводные лодки использовались в основном для разведки, то теперь они должны были действовать вместе с флотом как самостоятельный род сил, непосредственно участвовать в решении главной задачи противодесантной обороны — уничтожении сил противника.

В соответствии с замыслом американцы сосредоточили в районе операции большую часть имевшихся в распоряжении надводных сил (ударное соединение в составе трех авианосцев с 233 самолетами, семи тяжелых и легкого крейсера, 17 эскадренных миноносцев и двух танкеров) и подводных лодок. Поскольку американцы раскрыли замысел противника, эти силы прибыли в район в 300 милях северо-восточнее Мидуэя еще до того, как японские подводные лодки, имевшие задачей обнаружить их движение из района Пёрл-Харбора, успели занять свои позиции между островами Оаху и Мидуэй. К 1 июня 1942 г. на Мидуэе было сосредоточено до 125 боевых самолетов. Задача отражения японских авиационных атак против атолла возлагалась на зенитную артиллерию, в связи с чем ее специально усилили[168].

На подходе к Мидуэю велась дальняя разведка в радиусе 700 миль. К операции были привлечены еще шесть подводных лодок, четыре из которых следовали к Мидуэю из японских вод, одна — из района Маршалловых островов и одна — от Австралии. Им была поставлена задача перехвата и уничтожения японских кораблей на отходе. К 3 июня все подводные лодки находились на своих позициях[169].

Зная замысел и план японского командования, американцы сумели спланировать и произвести развертывание так, чтобы сохранить скрытность и упредить противника. Японский план достижения внезапности провалился, как и расчет на то, что американцы не предпримут ответных действий до начала вторжения на атолл. Этот расчет строился на том, что противник не сможет восстановить свои силы после обоюдоострого морского сражения в Коралловом море (7—8 мая 1942 г.) и перебросить их в район Мидуэя.

Утром 3 июня в 600 милях к западу от Мидуэя американский самолет-разведчик обнаружил японские транспорты. В полдень конвой атаковали девять бомбардировщиков B-17 с аэродромов Мидуэя, а вечером атаку повторили «летающие лодки», вооруженные торпедами. Практически обе атаки были безуспешны, и лишь один транспорт («Акэбони-мару») был поврежден торпедой[170].

На следующий день рано утром с четырех японских авианосцев, расположенных в 240 милях к западу от Мидуэя, к атоллу вылетело 108 самолетов — 72 бомбардировщика и пикирующих бомбардировщика, каждый из которых имел по одной 250-килограммовой бомбе, и 36 истребителей. Одновременно с ними вылетели семь самолетов для проведения разведки[171]. Японским бомбардировщикам удалось прорваться к Мидуэю и причинить серьезные повреждения его объектам. Однако главной задачи — уничтожения авиации противника — они не решили, так как после получения сообщения о подходе японцев американские самолеты были подняты в воздух. Тем не менее из 26 истребителей морской пехоты, вылетевших на перехват японских самолетов, вернулись лишь 10, из них только два были пригодны для боевого использования. Японцы признают потерю лишь четырех бомбардировщиков и двух истребителей[172].

Практически одновременно с японским ударом шесть торпедоносцев американского флота и четыре армейских B-26 атаковали авианосец «Акаги» с двух сторон. Около восьми часов утра атаке бомбардировщиков подверглись авианосцы «Хирю» и «Сорю». На этот раз атаковали 14 B-17, сбросившие по 4 тонны бомб, однако не добившиеся никаких результатов. Вскоре японские авианосцы и линейные корабли подверглись атаке со стороны пикирующих бомбардировщиков морской пехоты, наносивших удар двумя группами в 16 и 11 самолетов, но сами понесли большие потери в самолетах, не причинив фактически никакого ущерба японцам[173].

Вторая фаза операции была отмечена активными действиями против японских кораблей американской палубной авиации. Первый массированный вылет (около 150 самолетов) оказался безрезультатным — цели, несмотря на наличие разведданных, обнаружены не были.

Лишь трем эскадрильям торпедоносцев удалось обнаружить японские авианосцы и атаковать их. Однако действовали они раздельно, без связи друг с другом, даже не информируя об обнаружении противника, и без истребителей прикрытия. На перехват торпедоносцам вылетели почти 50 японских истребителей. В результате американцы из 41 торпедоносца потеряли 35 самолетов[174].

Решающий удар по японцам был нанесен двумя эскадрильями пикирующих бомбардировщиков американских авианосцев «Энтерпрайз» и «Йорктаун» при поддержке истребителей. Самолеты пикировали на авианосцы с высоты 5 тыс. метров и добились попаданий в три из них. В результате пожаров начались взрывы горючего и боеприпасов, и авианосцы «Кага» и «Сорю» затонули, а «Акаги» горел всю ночь и был потоплен своими эсминцами. В этой атаке американцы потеряли 69 самолетов[175].

Американские подводные лодки получили сведения о местонахождении японских авианосцев еще утром 4 июня. Однако произвести атаку удалось лишь одной из девяти лодок — «Наутилусу». Около 14 часов она выпустила три торпеды, которые, по американским данным, и послужили причиной гибели авианосца «Сорю», поврежденного до этого пикирующими бомбардировщиками. Четвертый японский авианосец «Хирю» вообще не был атакован. Поднятые с него 18 пикирующих бомбардировщиков и шесть истребителей атаковали американский авианосец «Йорктаун», в результате чего он был серьезно поврежден[176]. Японцы потеряли 13 бомбардировщиков и три истребителя. 4 июня американской палубной авиации удалось сильно повредить «Хирю», который японцы спасти не могли и поэтому затопили. Ночью соединения И. Ямамото начали отходить на северо-запад. Американцы не только не преследовали их, но даже стремились избежать ночного боя и всю ночь отходили на восток[177].

Авианосец «Йорктаун» несколько раз подвергался атаке японских самолетов, в результате в него попало две торпеды. Американцы покинули корабль, но он не затонул. 6 июня авианосец атаковала японская подводная лодка, которая выпустила по нему четыре торпеды, из них две попали в него, а одна — в находившийся рядом эскадренный миноносец. Оба корабля погибли.

В результате сражения у атолла Мидуэй стороны понесли тяжелые потери. С японской стороны четыре авианосца и тяжелый крейсер оказались потоплены, линейный корабль (незначительно), тяжелый крейсер (сильно), три эскадренных миноносца и танкер повреждены. Около 2200 членов экипажей этих кораблей погибли. У американцев были потоплены авианосец и эскадренный миноносец. Потери в авиации составили 150 самолетов у американцев и 234 — у японцев, а с учетом резервных самолетов, погибших с авианосцами, — свыше 300[178]. Самой тяжелой утратой для японцев, наряду с гибелью авианосца, стала потеря опытных боевых летчиков, острый недостаток в которых они ощущали в ходе всех последующих действий.

Наиболее характерной особенностью военного искусства при сражении у Мидуэя явилось то, что все бои велись за пределами дальности артиллерии надводных кораблей. Корабельные соединения сторон не сближались друг с другом на дистанцию менее 150 миль. Основной ударной силой являлась палубная авиация, которая у американцев взаимодействовала с самолетами берегового базирования. Широкое использование авиации предопределило коренные изменения в тактике морского боя — авианосец приобрел главенствующее значение.

В действиях американского флота имели место и серьезные ошибки. Главной из них стало отсутствие четкого управления силами в бою, а иногда и полная потеря такого управления. Разведка в ходе боя велась не систематически, что приводило к потере контакта с противником и вынуждало ударные группы тратить время и горючее на его бесплодные поиски. Тактическая несостоятельность проявилась в неумении организовать одновременный сосредоточенный удар по японским силам. Вместо этого удары следовали с большими интервалами, малыми группами, зачастую без истребителей прикрытия, что резко увеличивало потери авиации и уменьшало эффективность атак. Не было попыток организовать взаимодействие торпедоносной, бомбардировочной и истребительной авиации, что привело к потере всех американских торпедоносцев.

Японские бомбардировщики атакуют американский авианосец «Йорктаун»

Команда авианосца «Йорктаун» покидает поврежденный корабль

Недооценка японцами противника в условиях плохой разведки привела к роковым последствиям. Большими погрешностями страдал и сам план операции. Его составители придерживались устаревших взглядов на линейные корабли как на главные силы флота в морском сражении. Вместо того чтобы использовать их для прикрытия и поддержки авианосцев, они рассчитывали применять авианосцы для прикрытия линейных кораблей. Большой ошибкой стало распыление сил палубной авиации и рассредоточение сил в целом.

И американские, и японские подводные лодки действовали в операции неэффективно. Это определялось отсутствием у японцев и недостаточностью у американцев радиолокационных средств на подводных лодках, неумением опознавать корабли, плохим оповещением подводных лодок о местонахождении кораблей противника и другими обстоятельствами.

Боевые действия в Коралловом море и в районе атолла Мидуэй носили ограниченный характер. Подводя итоги сражения за Мидуэй, командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Ч. Нимиц 6 июня 1942 г. сказал: «Реванш за Пёрл-Харбор достигнут в первой своей части. Однако окончательно реванш не будет взят до тех пор, пока японский флот не будет ослаблен. В этом направлении нам предстоят большие трудности»[179]. Другой американский адмирал — Ф. Шерман писал: «В период застоя, который начался после сражения за остров Мидуэй, основной целью нашей стратегии была защита коммуникаций... Наша слабость в авианосцах препятствовала наступлению в более или менее значительном масштабе»[180]. Неслучайно после захвата японцами в ходе Мидуэйско-Алеутской операции островов Кыска и Атту президент США Ф. Рузвельт вынужден был вновь поднять в послании И. В. Сталину от 17 июня 1942 г. вопрос о подключении Советского Союза к войне против Японии[181] и позже назвал эту, а также начатую в августе 1942 г. Гуадалканалскую операции «по существу оборонительными»[182].

Операции в Коралловом море, у Мидуэя и несколько мелких боев не подорвали военно-морскую мощь Японии. Она еще обладала внушительными силами на море, наиболее значительно уступая лишь в подводных лодках, роль которых в военных действиях сторон вплоть до весны 1944 г. была незначительной[183].

Наиболее крупным успехом американцев в 1942–1943 гг. было изгнание японцев с острова Гуадалканал в группе Соломоновых островов, бои за который продолжались шесть месяцев (с 7 августа 1942 по 8 февраля 1943 г.). Содержанием операции была обычная высадка двух тактических десантов на слабо охраняемое побережье. Обладая 6–7-кратным превосходством в легком оружии и боеприпасах и абсолютным превосходством в воздухе[184], американская сторона быстро овладела островом. Значимость десантов на Гуадалканал и прилегающие острова состоит в том, что они впервые были проведены по инициативе командования вооруженных сил США и явились первой победой их в наземных боевых действиях. Но полностью разгромить противника они не смогли: японцы незаметно для американских войск эвакуировались с острова.

Между тем, используя слабую активность американо-английских войск, японское руководство во второй половине 1942 и в 1943 г. усилило подготовку к нападению на Советский Союз. Летом 1942 г. Квантунская группировка войск получила значительное усиление: в июле, уже после сражения у Мидуэя, в ее составе впервые в Японии была сформирована 1-я танковая армия. Квантунская группировка реорганизовывалась: в ее составе были созданы 1-й и 2-й фронты[185]. В середине июля 1942 г. Генштаб сухопутных войск подготовил план операции № 51, предусматривавший в течение одного месяца сосредоточить японские войска в приграничных районах, путем нанесения внезапного авиационного удара по аэродромам уничтожить советскую авиацию и, добившись господства в воздухе, перейти в наступление силами 24 пехотных и трех танковых дивизий на трех направлениях[186]. Но и в 1942 г. положение на советско-германском фронте и соотношение сил СССР и Японии на Дальнем Востоке не создавали благоприятных условий для японской агрессии, поэтому она была отложена. Вопрос о нападении на СССР вновь активно обсуждался японским командованием в июне 1943 г.[187]

Американские легкие танки под обстрелом на Гуадалканале

Японский солдат бросает гранату

Американские морские пехотинцы рядом с легким танком на Гуадалканале

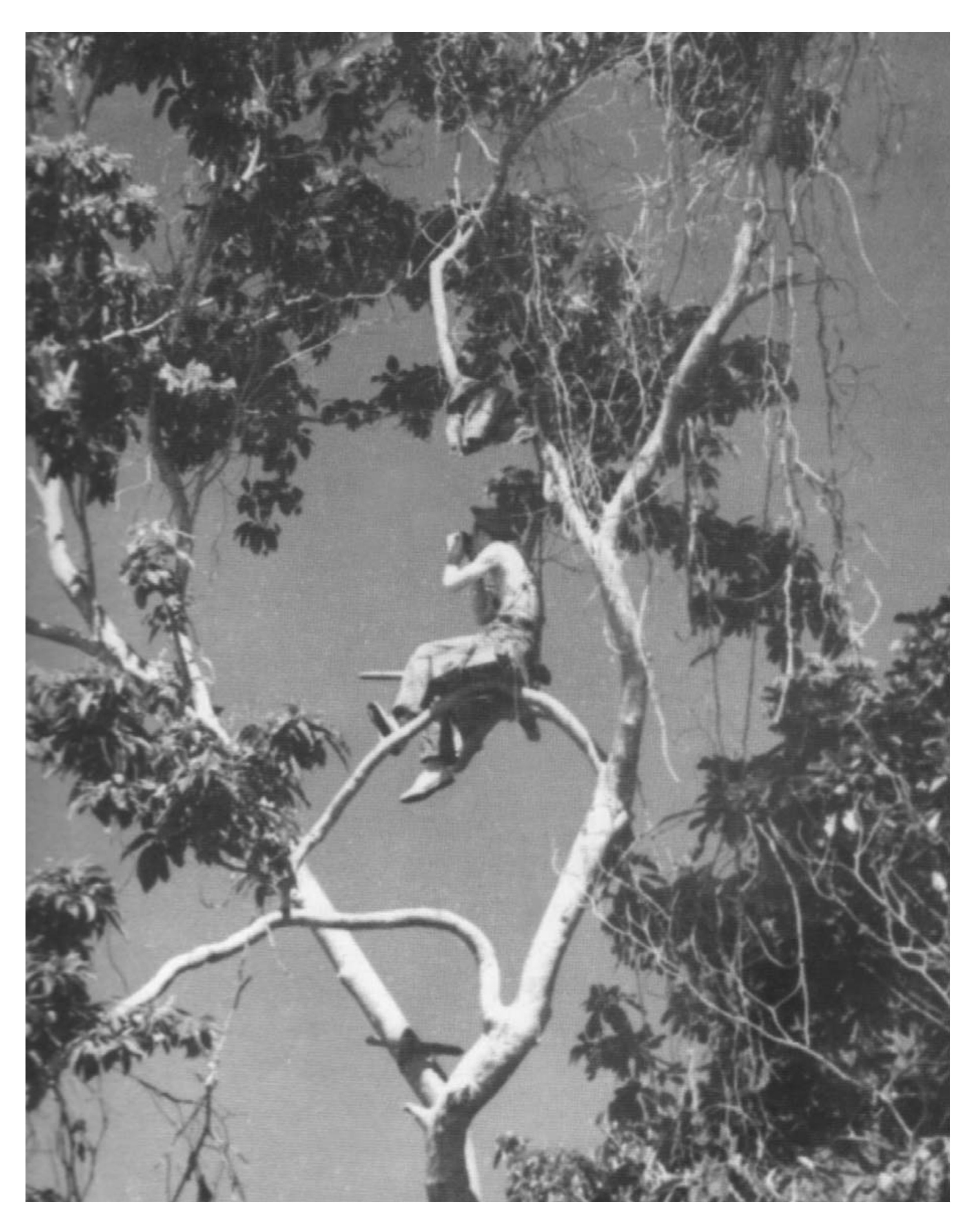
Оказание помощи раненому американскому бойцу

Морские пехотинцы переправляются через реку Матаникау

Тела японских солдат, убитых в бою

Артиллерийский наблюдатель морской пехоты США на Гуадалканале

Президент США Ф. Рузвельт в июне 1942 г. в беседе с министром финансов Г. Моргентау заявил, что ответ на вопрос, выиграют они войну или проиграют, зависит от русских, что если русские смогут продержаться все лето и будут сковывать в боях 3,5 млн немцев (в действительности насчитывалось более 6 млн войск фашистского блока, в том числе 4,5 млн немцев), то США определенно смогут одержать победу[188]. Тем самым признавалось: если бы не фактор советско-германского фронта, мировая война могла бы завершиться в пользу фашистско-милитаристской коалиции уже в 1942 г. Именно развитие военно-политической обстановки на советско-германском фронте обусловило выработку военной стратегии союзников, исходившей из принципа первоочередности разгрома фашистской Германии, а затем уже и милитаристской Японии, о чем было заявлено на Вашингтонской конференции в декабре 1941 — январе 1942 г. Победа над Японией, таким образом, ставилась в прямую зависимость от исхода вооруженной борьбы на советско-германском фронте.

Катастрофа вермахта под Сталинградом, закончившаяся победой Красной армии битва под Курском и удары по фашистским силам на Левобережной Украине резко ухудшили положение агрессоров на советско-германском фронте. В этих условиях японское политическое и военное руководство так и не решилось начать войну против Советского Союза, продолжавшего держать на Дальнем Востоке свыше 40 дивизий против 16 японских. Происшедший коренной перелом в войне против нацистской Германии и ее европейских сателлитов, начавшийся развал фашистского блока существенно влияли на благоприятное для союзников изменение обстановки и на Азиатско-Тихоокеанском театре войны, которым они тем не менее не спешили воспользоваться.

Несмотря на то что планы японского блицкрига потерпели крах и, казалось бы, стратегическая инициатива полностью перешла в руки США и их союзников, стратегическое наступление против Японии в 1943 г. предпринято так и не было. Решительный перелом в ходе военных действий на Тихом океане наступил лишь в 1944 г.

Важное значение для выработки военной политики союзников в этот драматический период сыграли результаты конференции глав правительств трех держав в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Отсутствие решительных целей в стратегии и даже в отдельных операциях и боях — характерная черта действий союзников на Тихоокеанском ТВД накануне, в период и в первые месяцы после завершения работы конференции. Установившиеся способы решения задач, доведенные до трафарета, обеспечивали лишь медленное, постепенное продвижение даже не столько «от острова к острову», сколько действительно «от пальмы к пальме», как иронически называли в самой Америке стратегию США, выраженную в формуле step by step («шаг за шагом»).

Локальные местные действия, которые после вялых продолжительных боев на одном острове переносились на другой, создавали возможность японскому командованию незаметно отводить свои войска, заблаговременно готовиться к обороне на новых тыловых рубежах, что приносило существенные потери противнику, особенно в живой силе, и снова оказывать ему длительное сопротивление. Так, более полугода потребовалось американцам и их союзникам на овладение небольшой группой островов Нью-Джорджия и семь месяцев — для продвижения от острова Рассела до острова Велла-Лавелла, на пути к которому часть островов была взята без боя.

И все же Япония вынуждена была перейти к стратегической обороне. Обращает на себя внимание та исключительная чуткость и оперативность, с которой японская императорская ставка реагировала на каждое изменение обстановки на советско-германском фронте и тем более на выдающиеся победы Вооруженных сил СССР, одновременно означавшие серьезные поражения союзников Японии в Европе. Сразу после завершения Курской битвы, закончившейся разгромом немецких войск, в японской императорской ставке в первых числах сентября были подготовлены «Оценка положения» и «Общая оценка возможных операций национальной армии». В «Оценке положения» констатировалось, что к сентябрю 1943 г. для Японии создалась неблагоприятная ситуация. Главное — «потерпела крах основная идея ведения войны общими усилиями трех стран — Японии, Германии и Италии». 30 сентября

на совместном заседании ставки и правительства были утверждены разработанные на основе названных документов «Основные принципы ведения войны»[189].

В решении императорской ставки констатировалось, что, с точки зрения достижения целей империи в войне, сфера, которую следовало удерживать во что бы то ни стало, должна включать: Курильские острова, Бонинские острова (Огасавара), Южные моря (их центральную и западную части), западную часть Новой Гвинеи, Зондские острова и Бирму. Таким образом, начавшиеся под воздействием битв под Москвой и Сталинградом коренные изменения в ходе Второй мировой войны, приведшие к принятию Японией в марте 1943 г. решения о переходе к стратегической обороне, под влиянием Курской битвы нашли свое более яркое отражение в новом курсе японского командования на упорное удержание четко очерченного периметра обороны.

Само собой разумеется, этот процесс затронул не только Японию. Коренной перелом, происшедший на Европейско-Атлантическом театре войны, ознаменовал собой также благоприятные для союзников перемены в событиях на АТТВ.

В северной части Тихого океана американское командование после неоднократного переноса сроков начала операций по освобождению от японцев принадлежавших США островов Алеутской гряды Атту и Кыска предприняло 11 мая 1943 г. высадку частей 7-й пехотной дивизии с Аляски (около 11 тыс. человек) на остров Атту (японский гарнизон вместе с вольнонаемными составлял 2576 человек). Японское сопротивление продолжалось вплоть до 2 июля, когда в ходе ожесточенной атаки получивших подкрепление американцев, совпавшей с отчаянной контратакой японцев, гарнизон, оборонявший Атту, почти полностью погиб (в плен попали лишь 28 человек). Потери американцев, численность которых составляла на 31 мая свыше 15 380 человек, составили более 3 тыс. человек, из них 550 убитыми, остальные ранеными и больными[190].

С утратой острова Атту для японцев терялась оперативная необходимость удерживать остров Кыска, и императорская ставка 19 мая приняла решение об эвакуации его гарнизона для усиления обороны Курильских островов. 29 июля они покинули остров незаметно для противника. Американцы, не подозревая, что японцы покинули остров, после длительной подготовки (2,5 месяца), бомбардировки с воздуха (106 налетов) и обстрелов артиллерией кораблей (практически по пустым позициям), 15 августа, стянув к острову Кыска крупный десантный отряд (три линейных корабля, тяжелый и легкий крейсеры, 19 десантных судов, большое количество эскадренных миноносцев и кораблей других классов с 35 тыс. американских и канадских десантников на бортах), предприняли штурм острова[191].

Стратегические цели союзников по-прежнему были ограничены. Они предусматривали: захват островных районов, необходимых для расширения системы базирования; обеспечение надежности коммуникаций между США и Австралией, между передовыми районами боевых действий и базами в самих США, а также тыловыми базами снабжения, развернутыми на островах Тихого океана; нарушение сообщений Японии с внешним миром с целью максимально возможного ослабления снабжения японских войск и подрыва экономики страны.

В соответствии с названными целями военные действия в конце 1943 — начале 1944 г. продолжались на Соломоновых островах и в Новой Гвинее. Осуществляя медленное продвижение от острова к острову, союзники приближались к Новой Британии[192], где их целью по-прежнему была военно-морская и авиационная база японцев Рабаул. Главные силы на Тихом океане осенью 1943 г. направлялись на подготовку операций по захвату этого острова, на овладение островами Гилберта и нарушение японских морских коммуникаций. 1 ноября американские войска высадились на остров Бугенвиль. Его захват давал возможность использовать имевшиеся здесь аэродромы для поддержки сил, которые могли наступать на Рабаул. Бои за Бугенвиль продолжались до 16 января 1944 г.

В центральной части Тихого океана союзники в ноябре 1943 г. захватили острова Гилберта, расширив систему базирования и улучшив обеспечение защиты своих коммуникаций. Наиболее ожесточенные бои развернулись за остров Тарава, где 15-тысячный американский десант потерял за несколько дней более 3 тыс. человек убитыми и ранеными. Японцы, в свою очередь, лишились почти всего гарнизона острова — 4,7 тыс. человек[193].

К концу 1943 г. союзное военно-морское командование сумело лучше организовать борьбу на коммуникациях. Это позволило ему сосредоточить на островах Тихого океана и в Австралии значительные вооруженные силы, что создало условия для проведения более крупных наступательных операций в 1944 г.

Существенное влияние на обстановку на Азиатско-Тихоокеанском театре войны оказывали события на сухопутных фронтах. Так, в Китае борьба против агрессора осложнялась из-за отсутствия единства действий гоминьдановских войск с соединениями и частями китайских коммунистов. В гоминьдановских войсках царил низкий моральный дух, отмечались многочисленные случаи предательства офицеров и генералов. Поэтому соединения и части Чан Кайши в ряде мест переходили на сторону японцев. Так, в апреле — июне 1943 г. только в Шаньдуне к противнику перешли 18 гоминьдановских генералов и полковников с подчиненными войсками, которые сразу же были направлены против руководимых коммунистами 8-й и Новой 4-й армий[194]. Это позволяло японцам вести вооруженную борьбу в Китае сравнительно небольшими силами.

Бирманский фронт, проходивший в основном по индийско-бирманской границе, в 1943 г. был относительно спокойным. Но в воздухе происходили постоянные бои. Англо-американское командование, лишившись сухопутных коммуникаций с Китаем, организовало снабжение гоминьдановских войск воздушным путем через Гималайские горы. Японская авиация пыталась его сорвать, что вынудило союзников выделить большое количество истребителей для прикрытия транспортной авиации. В развернувшихся над территорией Бирмы воздушных боях японская авиация потерпела поражение и утратила господство в воздухе. Тем не менее весь 1943 г. Япония готовилась к наступлению в Бирме с целью выхода к северо-восточным районам Индии[195].

Существенное влияние на позиции союзников в войне против Японии оказала Тегеранская конференция лидеров большой тройки — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.)[196]. Перед конференцией в Тегеране 22 ноября открылась первая Каирская конференция, на которой кроме Ф. Рузвельта и У. Черчилля присутствовал Чан Кайши. Главным здесь был вопрос о Японии. Правительства трех стран заявили в Каирской декларации о своей решимости продолжать войну до безоговорочной капитуляции Японии.

Драматизм ситуации заключался в том, что ни Китай, ни Англия, ни (в меньшей степени) США не имели серьезных и твердых намерений активизировать в ближайшее время военные действия на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Англичане предлагали вообще сначала заняться европейскими проблемами, среди которых их интересовали в первую очередь средиземноморские дела, а обсуждение дальневосточной ситуации провести после Тегеранской конференции. Американцев, по словам президента США, интересовал главным образом вопрос удержания в состоянии войны с Японией Китая. Ф. Рузвельт во время беседы с Чан Кайши 28 ноября подчеркнул, что американская дипломатия должна добиться признания Китая великой державой, и тогда Соединенным Штатам будет гораздо легче проводить свою политику на Дальнем Востоке, в частности выступать против СССР[197]. Задачей Чан Кайши было выбить у союзников как можно больше оружия и материальной помощи с тем, чтобы активизировать борьбу не с японцами, а с крепнущими коммунистическими силами[198].

Участники совещания в Каире и Тегеране были заинтересованы во вступлении в войну против Японии Советского Союза. Как и в Европе, самые масштабные, сложные и кровопролитные наземные операции в Азии они страстно желали переложить на плечи СССР. А для этого был один путь — затягивание на максимально возможный срок решительных действий против Японии.

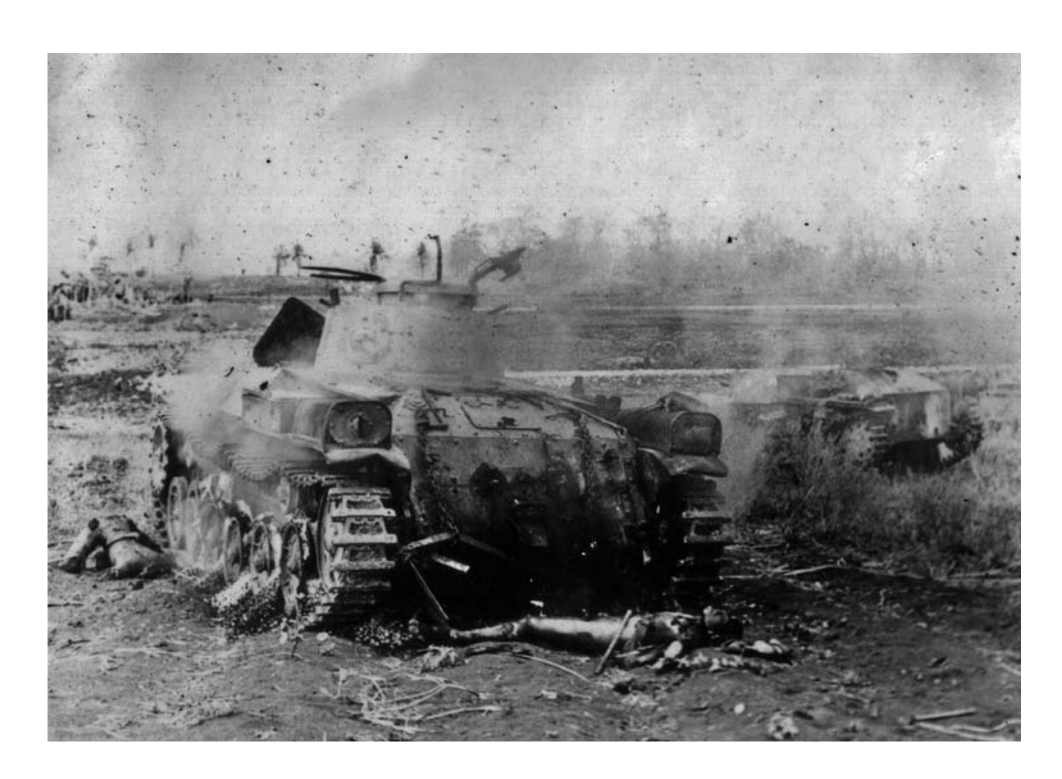
У американской делегации вообще не оказалось собственного плана войны против Японии. Это объясняется, очевидно, уверенностью президента и его помощников в том, что в Тегеране окончательно решится вопрос о вступлении Советского Союза в войну против Японии, что позволит Соединенным Штатам не торопить развитие событий в своей зоне ответственности. Так же, как это сделали Великобритания и Китай, США заняли позицию затягивания сроков войны с японским агрессором, хотя силы и средства, имевшиеся в их распоряжении, позволяли без ущерба для реализации планов открытия второго фронта в Европе предпринимать более решительные действия.

Американские морпехи наблюдают за штурмовиком, наносящим удары по атоллу Тарава

Спасение раненого американца во время боя

Горящие японские средние танки и погибшие члены экипажа

Американские солдаты в бою с японскими войсками на атолле Тарава

Бой на атолле Тарава

Вид на атолл Тарава на следующий день после окончания сражения

Тела погибших американских бойцов на месте высадки

Японские солдаты, взятые в плен на Тараве

Несмотря на то что на Тегеранской конференции руководителей США, Великобритании и СССР одной из основных проблем являлось открытие второго фронта в Европе, азиатско-тихоокеанские дела заняли в ней должное место. Одной из главных задач США Ф. Рузвельт назвал удержание Китая в состоянии войны с Японией. «Мы считаем абсолютно необходимым, — заявил Ф. Рузвельт, — открыть дорогу в Китай с тем, чтобы использовать эту дорогу для поставки Китаю боеприпасов и вооружения для продолжения войны против Японии. Вторая наша цель — начать бомбардировку Токио и японских промышленных центров»[199]. Практически ни одна из этих задач так и не была полностью решена в следующем году.

Советское правительство исходило в своей политике из основной задачи — быстрее покончить с войной. Поэтому маневрирование администрации США в вопросе об участии СССР в войне против Японии оказалось излишним. Глава советского правительства на первом же заседании заявил, что в целях скорейшего окончания всей Второй мировой войны и установления мира на земном шаре СССР считает возможным после капитуляции Германии поставить вопрос о создании единого фронта против Японии[200]. Это заявление произвело огромное впечатление на западных участников конференции, в особенности на американцев. У. Черчилль же впоследствии назвал его «знаменательным», так как оно изменило перспективы войны на Тихом океане и привело к пересмотру всех дальневосточных военных планов союзников.

3 декабря 1943 г. начала работу вторая Каирская конференция. Но теперь в ней участвовали только два государства — США и Англия. На этой встрече У. Черчилль стремился к подрыву союзных усилий по борьбе с врагом на Азиатско-Тихоокеанском театре войны. Заручившись обязательством СССР вступить в войну против Японии, он направил колоссальные усилия на всемерную отсрочку намеченных и затягивание проводимых операций, а по возможности и на полный их срыв.

В первую очередь это относится к операциям в Бирме, часть которых У. Черчилль предложил в связи с изменившейся ситуацией свернуть, а часть — отменить. К последним принадлежит операция «Баканир», которая была гвоздем переговоров по военным проблемам между Ф. Рузвельтом и Чан Кайши в Каире, так как рассматривалась американской делегацией в качестве весьма важной, тем более что, по заявлению президента, для ее проведения в составе застоявшегося американского флота имелось достаточно сил и средств. Президент прямо сказал, что США не могут отказаться от этой десантной операции на Андаманских островах «без весьма серьезной и совершенно ясной причины»[201].

Основную причину несогласия У. Черчилля на проведение Бирманской операции определил начальник британского имперского Генерального штаба А. Брук, заявивший, что изгнание японцев из Бирмы могло бы «превратить ее в огромный вакуум», а это шло «вразрез с основными политическими и стратегическими установками правительства Великобритании»[202].

Дело заключалось в том, что сразу после освобождения Бирмы перед английским правительством неминуемо возникла бы сложная политическая проблема — как быть с этой отобранной японцами британской колонией? Предоставлять ей независимость не входило в планы Лондона, но и оставлять ее на довоенном положении было невозможно, ибо это грозило разоблачением политики английских колонизаторов, способствовало росту национально-освободительного и коллаборационистского движения и в Бирме, и в Индии, и в других странах Юго-Восточной Азии. Вместе с тем англичане боялись распространения контроля над Бирмой со стороны США и гоминьдановского Китая. Вот почему делегации не пришли к единому соглашению по операции «Баканир»[203]. Под угрозой оказался и успех всего наступления в Бирме[204].

Таким образом, в результате победы узконациональных колониальных интересов Великобритании и нежелания США идти (с учетом перспектив вступления СССР в войну против Японии) на активизацию собственных действий почти вся многодневная работа на трех конференциях по планированию военных операций на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была сведена к нулю.

В первой половине 1944 г. обстановка на фронтах борьбы с вооруженными силами фашистско-милитаристского блока в целом была благоприятной для союзных войск. Итогом наступления Красной армии зимой и весной 1944 г. явилось крушение стратегической обороны вермахта. К июню 1944 г. Вооруженные силы Советского Союза продвинулись на запад на 300–500 км, изгнали фашистских захватчиков с 300 тыс. кв. км территории СССР. Красная армия, заняв выгодное положение и прочно владея стратегической инициативой, готовилась к новым решительным ударам, целью которых было полное освобождение страны и изгнание врага из оккупированных стран Европы.

Общая ситуация на Азиатско-Тихоокеанском театре войны также складывалась в пользу союзников. Однако на всех фронтах войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе наступило затишье, союзники приняли на вооружение стратегию выжидания, экономии сил, поддержания войны в стадии тления, преследуя цель не допустить выхода из нее ни дружественных государств, ни противника с тем, чтобы в последующем, объединившись с могущественным Советским Союзом, нанести по агрессору решающий удар.

При этом как на сухопутных, так и на Тихоокеанском ТВД была избрана тактика, заключавшаяся в нанесении мелких по масштабам ударов, рассчитанных на постепенное оттеснение противника с занимаемых позиций и сужение периметра его обороны. Американским командованием в то время был выработан и стал широко использоваться принцип гибкого маневрирования, в расчете на появление удобных случаев, вскрытие огрехов в японской обороне. Разработка общего плана войны откладывалась до прояснения обстановки в Европе и ставилась в зависимость от результатов применения новых методов ведения войны и от разрешения военно-политических проблем внутри коалиции[205].

Пока союзники спорили, где и как наступать или, как этого хотели англичане, хотя бы потянуть время, японцы предприняли в марте 1944 г. наступление в Бирме с угрозой захвата Импхальской долины на центральном участке фронта и нарушения Ассамской линии коммуникаций. В результате китайские и англо-индийские войска смогли начать наступление в Северной Бирме лишь в середине апреля и уже в менее выгодных условиях. Кроме того, теперь и США на фоне благоприятных изменений на Тихоокеанском ТВД не желали больше расширения масштабов военных действий в Бирме и стремились лишь к стабилизации фронта на рубеже южнее Мьиткьины, где 17 мая и высадились морские десанты американских и английских войск[206]. Их целью стало обеспечение воздушного моста из Бирмы в Китай и эксплуатации бирманской дороги. В начале июля японские войска отошли на территорию Бирмы, потеряв 72 тыс. человек из 100 тыс. участвовавших в наступлении; англичане потеряли менее 17 тыс.[207]

Вслед за этим союзное командование вновь приступило к подготовке крупного наступления в Бирме. Разработанный в сентябре план союзников на проведение Бирманской наступательной операции состоял из двух частей: «Кэпитл» — наступление сухопутных войск с севера и запада для захвата Северной и Центральной Бирмы; «Дракула» — десантная операция с моря и воздуха по овладению Рангуном. Начав операцию 3 декабря 1944 г.[208], союзные войска продвигались одновременно на всех участках фронта: северном, центральном, арканском и юньнаньском. В наступлении принимали участие английские, индийские, американские, китайские, африканские части и соединения общей численностью до 1,5 млн человек (31 дивизия, три пехотные и четыре танковые бригады). Союзники имели в своем распоряжении 2500 самолетов, в том числе 1850 в постоянной боевой готовности, а японцы — только 87[209]. Наступление союзных войск развивалось довольно активно. Однако после восстановления в начале 1945 г. сухопутных коммуникаций из Индии в Китай гоминьдановское командование отвело свои войска из Бирмы. Американцы тоже сняли оттуда свои сухопутные войска. В результате таких местнических сепаратистских действий, а также нежелания британского командования быстро и полностью освобождать бирманскую территорию, завершение операции по ликвидации японских войск в Бирме было задержано вплоть до капитуляции Японии[210].

Американские бомбардировщики B-29 бомбят бирманский город Рангун

Британские солдаты ищут японских снайперов в районе города Кохима в Бирме

Еще более сложная ситуация сложилась для союзников после развертывания в апреле 1944 г. японского наступления в Китае. Казалось бы, в условиях ухудшавшейся обстановки японским войскам было трудно даже обеспечивать поддержание своего господства в оккупированных районах. Тем не менее японское командование решилось в апреле 1944 г. начать на Китайском ТВД наступательную операцию «Итиго» (№ 1), целью которой было установить железнодорожные сообщения Пекин — Ханькоу, Кантон — Ханькоу и Хунань — Гуанси (Гуйлинь), обеспечить сплошную коммуникационную линию из Северного Китая в Южный, а также захватить американские военно-воздушные базы в Центральном и Южном Китае. В ходе операций в апреле — декабре 1944 г. гоминьдановцы потеряли около 1 млн солдат и офицеров, 10 крупных авиабаз, 36 аэродромов, около 2 млн кв. км территории с населением 60 млн человек. Японские войска захватили 45 городов и несколько американских аэродромов, вывели из строя около 100 гоминьдановских дивизий[211].

В связи с вторжением осенью 1944 г. союзников на Филиппины, поражением японских войск в Бирме и резким усилением опасности для самой Японии высшее военное руководство страны вынуждено было привлечь крупные силы и средства для обороны метрополии, и достигнутый японцами в Китае успех не был развит. Одной из причин, не позволившей Японии завершить разгром Китая, стала вооруженная борьба против японских захватчиков патриотических сил, особенно действовавших под руководством КПК 8-й армии, насчитывавшей в начале 1944 г. свыше 387 тыс. бойцов, Новой 4-й армии (свыше 210 тыс. человек) и партизан. Не могла не учитывать Япония и наличие крупной группировки советских войск на Дальнем Востоке. Однако лишь к маю 1945 г. китайским и американским войскам удалось полностью ликвидировать плоды своей бездеятельности начала 1944 г. и вернуть в распоряжение авиации США почти все утраченные аэродромы[212]. Сухопутные театры военных действий вновь потеряли интерес для союзных держав на востоке, теперь уже практически до самого конца Второй мировой войны.

Более благоприятная для союзников обстановка складывалась на Тихом океане, где к осени 1944 г. вооруженным силам США и их союзникам удалось заметно потеснить позиции японских войск и сил флота. Американские вооруженные силы на Тихом океане в составе двух основных группировок развернули активные боевые действия. Сухопутные войска и часть сил военно-морского флота под командованием генерала Д. Макартура действовали у побережья Новой Гвинеи, а военно-морские силы под командованием адмирала Ч. Нимица — в водах центрального района Тихого океана.

Десанты американских войск, действуя по новому, весьма эффективному для океанских условий принципу «лягушачьих прыжков», высаживались то на одном, то на другом острове. Выбор объекта действий определялся возможностью создать условия для дальнейшего продвижения. Другие районы Тихого океана, занятые японскими вооруженными силами, американцы блокировали и обходили.

Примерно к началу 1944 г. важнейшая морская и авиационная база японских вооруженных сил в районе Соломоновых островов — Рабаул оказалась, наконец, в полной изоляции. Это предопределило возможность успешного проведения американцами операций по освобождению от японцев как Соломоновых островов, так и Новой Гвинеи.

Летом 1944 г. главным направлением американского наступления стали центральные районы Тихого океана, где им сопутствовал, хотя и нелегкий, успех. С захватом героически действовавшими американскими войсками и силами флота к середине марта острова Иводзима, к началу последней декады июня — острова Окинава и к концу этого месяца — ключевых позиций в центральной и южной частях Филиппин союзные силы вышли со стороны океана на ближние подступы к Японским островам. Поражение японского флота в Филиппинском морском сражении в октябре 1944 г. привело к завоеванию американскими военно-морскими силами полного господства на море, а потери японцев в авиации в ходе последовавших сражений и утрата ими аэродромов на Иводзиме, Филиппинах и Окинаве позволили США перебросить в зону досягаемости японской метрополии истребители поддержки стратегических бомбардировщиков, летавших ранее для ударов по японским городам без прикрытия.

После многих лет затяжных военных действий союзное командование с начала 1945 г. прочно удерживало на Тихоокеанском ТВД стратегическую инициативу, эффективно осуществляло блокаду Японских островов со стороны океана. Вместе с тем на континентальном театре военных действий союзники на рубеже 1944—1945 гг. не только не имели успеха, но и потерпели ряд ощутимых поражений на южном его участке, ликвидация последствий которых затянулась вплоть до конца лета 1945 г.

Таким образом, продолжавшаяся в течение более чем шести месяцев после встреч на высшем уровне в Каире и Тегеране путаница в вопросах стратегии в Азии привела лишь к активизации военных действий Японии в Бирме и Китае и к появлению новой стратегии союзников, суть которой заключалась в планомерном придании Азиатскому театру военных действий второстепенного характера и подчинении военных действий на нем интересам главного наступления, начинавшегося на Тихом океане. Приоритет на сухопутных театрах отдавался действиям в основном американской авиации[213].

Весь мир ожидал решающих сражений на фронтах с фашистской Германией, в зависимость от которых справедливо ставилась судьба всей Второй мировой войны. Ведь этим определялись сроки вступления в войну против Японии Советского Союза, без колоссального опыта континентальной войны которого союзникам не мыслился скорый разгром дальневосточного агрессора.

В западной, особенно американской историографии часто неоправданно высоко оценивают результаты действий США и Англии против Японии. Многие американские историки утверждают, что США уже к концу 1944 г. полностью сокрушили военную мощь Японии и что к августу 1945 г., когда в войну вступил СССР, она уже не могла сопротивляться, ибо был окончательно подорван ее военно-экономический потенциал, истощены военные ресурсы и в основном уничтожены вооруженные силы. Объективный анализ хода событий свидетельствует о том, что в действительности этого не произошло ни в 1944 г., ни даже в достаточной степени для принуждения Японии к безоговорочной капитуляции к августу 1945 г.

Конечно, на рубеже 1944—1945 гг. военно-политическое руководство Японии окончательно осознало неосуществимость целей, намеченных им при развязывании войны, в связи с чем стало искать пути, которые дали бы возможность любыми средствами оттянуть час неминуемой расплаты или при одновременном достижении почетного мира сделать ее максимально мягкой. Всем командующим японскими силами на Азиатско-Тихоокеанском театре войны была разослана директива следующего содержания: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»[214].

Понимая, что союзники рано или поздно окажутся на ближайших подступах к Японским островам и, в конце концов, войдут на японскую территорию, императорская ставка решила превратить район Японии, Кореи, Маньчжурии и оккупированной части Китая в «неприступную крепость», чтобы вынудить противника нести большие потери при ее штурме, всеми силами затянуть войну, избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира. В качестве посредника в переговорах с США и их союзниками в войне против Японии в целях достижения такого мира Токио решил предпринять оказавшуюся безуспешной попытку использовать Советский Союз[215].

В подобной обстановке планы сторонников принудить Японию к капитуляции действиями только флота и авиации, которых ранее придерживалось практически все политическое и военное руководство США, в том числе президент, квалифицировались как «стратегия ограниченных целей», и было признано, что последняя играет вспомогательную роль. Морская блокада и бомбардировки японских городов, предпринятые американцами, не давали скорого эффекта. Для доведения Японии до полного истощения требовались огромные силы, средства и длительное время. К тому же с начала массированных бомбардировок японцы стали рассредоточивать свою промышленность, строить подземные заводы, усиливать противовоздушную и береговую оборону. «Эта стратегия, — говорилось в документе ОКНШ, — не дает гарантий в том, что она приведет к безоговорочной капитуляции или разгрому»[216].

В связи с этим командованием армии США был разработан свой план разгрома Японии, завершить который предполагалось в лучшем случае лишь в 1947 г.[217] По расчетам американского и английского командования, для вторжения на Японские острова требовалась армия численностью 7 млн. Однако к январю 1945 г. США и их союзники имели на всем театре войны с Японией лишь 2458 тыс. человек, 19 300 самолетов и 711 кораблей основных классов, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, исходя из опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более восьми месяцев), в лучшем случае на конец 1946 г., а по более глубоким расчетам — в 1947 г. Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек[218].

Учитывая, что общие потери американцев уже насчитывали свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 убитыми[219], военно-политическое руководство США не спешило с началом вторжения на Японские острова. На втором совещании военных делегаций на Крымской конференции (6 февраля 1945 г.) главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг сообщил, что «никакого твердого плана» окончательного нападения на Японию не существует[220].

В войне на Тихом океане создавалась явно тупиковая ситуация, при которой ни та, ни другая стороны не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий[221]. С этим противоборствующие стороны и вступили в 1945 г.

Итоги войны на Азиатском континенте и окончание Второй мировой войны

Во второй половине 1944 г. положение Японии на фронтах тихоокеанской войны продолжало ухудшаться. Однако силы для сопротивления у японцев еще были. Без учета воинского контингента, действовавшего на Китайском театре военных действий, к началу 1945 г. для борьбы с западными союзниками Япония имела под ружьем 3,1 млн человек, японские войска превосходили англо-американские по числу орудий, минометов и танков. Всего же Япония обладала для обороны метрополии, Кореи и оккупированных территорий в Китае свыше 7 млн человек, в том числе 6 млн в сухопутных войсках и авиации. США и Великобритания держали на Тихом и Индийском океанах и в Юго-Восточной Азии 1,8 млн военнослужащих[222]. Гораздо хуже для Японии обстояло дело с игравшими главную роль в тихоокеанской войне боевыми кораблями и военными самолетами. К началу 1945 г. союзники превосходили Японию по кораблям — почти в 6 раз, по самолетам — в 3 раза[223].

В декабре 1944 г. императорская ставка Японии приняла «План руководства войной на середину 1945 года». В нем ставилась задача «немедленно создать систему активной обороны, опирающуюся на метрополию, Маньчжоу-Го и Китай, и упорно вести затяжную войну»[224]. Цель японского военно-политического руководства состояла в том, чтобы в упорных сражениях измотать силы противника, нанести ему как можно больший урон. По расчетам Токио, западные союзники должны были согласиться на компромиссные условия прекращения военных действий, которые предусматривали удержание Японией не только метрополии, но и Тайваня, Кореи и по возможности Маньчжоу-Го.

Принципиально новый этап войны наступил после захвата американцами летом 1944 г. Марианских островов — Сайпана, Тиниана, Гуама и других. Обладание этими островами позволяло начать бомбардировки территории собственно Японии с использованием самолетов дальней бомбардировочной авиации США B-29. Этот вступивший в строй в 1943 г. самолет имел дальность полета 5230 км и предназначался для нанесения бомбовых ударов по воен-

ным и промышленным объектам Японии. Расстояние от острова Сайпан до Токио составляет 2250 км, что позволяло, отбомбившись, вернуться на базу. Оборудовав на Марианских островах базы для B-29, американцы начали методичную обработку японской территории с воздуха. Удары наносились по авиационным заводам, судостроительным верфям, портовым сооружениям, которые были сосредоточены в крупных городах Токио, Осака и Нагоя[225].

Однако нанесение авиаударов с отдаленных от Японии баз было сопряжено с немалыми трудностями. Отсутствие промежуточных аэродромов не позволяло брать полную бомбовую нагрузку в 10 тонн — необходимость иметь горючее на беспосадочный полет в два конца требовала сокращения ее втрое. Невозможность обеспечить прикрытие бомбардировщиков истребителями заставляла совершать бомбометание с больших высот, что сказывалось на эффективности авианалетов. К тому же атакованные японскими истребителями сверхтяжелые бомбардировщики B-29 нередко были вынуждены совершать посадки на воду в открытом море, что вело к потере экипажей и самолетов[226].

Стремясь создать более надежные и расположенные ближе к японской метрополии базы бомбардировочной авиации, в конце 1944 г. Объединенный комитет начальников штабов США поставил перед главнокомандующим силами центральной части Тихого океана адмиралом Ч. Нимицем задачу не позднее 19 февраля 1945 г. овладеть архипелагом Нампо. Овладение этими расположенными в 1200 км от Токио территориями позволяло приступить к блокаде Японских островов с моря и воздуха[227]. Главной целью операции по захвату архипелага Нампо был входивший в его состав остров Иводзима, на котором располагалось два японских военных аэродрома и достраивался третий.

Понимая, что овладение противником Иводзимой позволит ему начать массированную бомбардировку жизненно важных центров Японии, японское командование стремилось, не считаясь с потерями, удерживать этот остров. На его территории в 20,3 кв. км, значительную часть которой занимала гора Сурибати, было сосредоточено 23 тыс. солдат и офицеров. О намерении командования удерживать остров как можно дольше свидетельствовало накопленное здесь большое количество боеприпасов и продовольствия, запасов которого хватило бы на 2,5 месяца[228]. Был отдан приказ защищать остров до последнего солдата, капитуляция и плен исключались.

Замысел японского командования сводился к тому, чтобы втянуть войска противника на территорию острова, а затем артиллерийским и стрелковым оружием уничтожать его. В сражении за Иводзиму японцы впервые отказались от фронтальных атак на пляжах, заняв оборону под землей, в пещерах и бункерах[229].

В защите территории собственно Японии правительство и военное командование уповали на отряды специального назначения — «токко бутай», или камикадзе. После 1944 г. вице-адмирал О. Такидзиро сделал заявление о том, что Япония не успевает готовить пилотов, очень многие из них сотнями гибнут, не выполнив задачи. Он предложил объединить их в отряды смертников, которые должны были осознанно пикировать на американские военные корабли и ценой своей жизни топить или повреждать их[230].

Следует отметить, что в период обороны Филиппин, а также сражений за остров Иводзима, камикадзе сыграли определенную роль, потопив несколько американских авианосцев, крейсеров и эсминцев. Однако к 1945 г., когда американцы значительно усилили зенитную артиллерию, эффективность налетов камикадзе стала снижаться. Также существовали «люди-торпеды», садившиеся в маленькую торпеду, начиненную взрывчаткой, и направлявшие ее в борт корабля противника. Были смертники и в сухопутных войсках.

Планируя операцию по захвату Иводзимы, американское командование намеревалось: ударами авиации и корабельной артиллерии, наносимыми в течение длительного времени, разрушить основные оборонительные сооружения на острове; массированными налетами на аэродромные узлы и военно-морские базы метрополии, а также действиями подводных лодок на подходах к ней исключить участие японских военно-воздушных сил и флота в поддержке гарнизона Иводзимы; высадить десант на юго-восточном побережье и, наступая в северном направлении, овладеть островом в течение пяти суток[231].

Морские пехотинцы США из состава «первой волны» во время высадки на Иводзиму

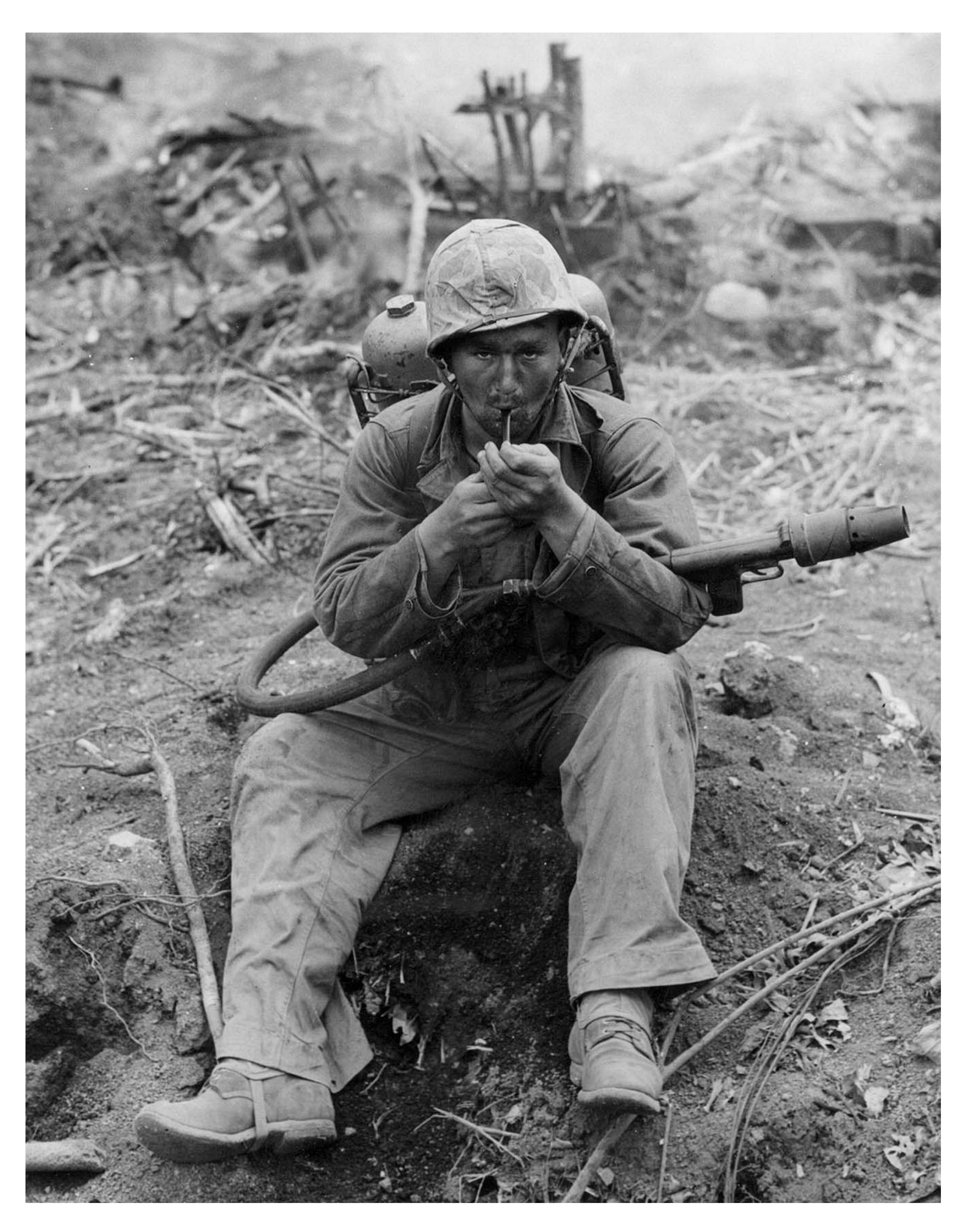
Американские солдаты осматривают побережье перед высадкой

Морские пехотинцы заняли исходный рубеж для атаки

Американский танк, подбитый в бою на Иводзиме

Огнеметчик морской пехоты США во время битвы за Иводзиму

Американские ракетные установки ведут огонь по японским позициям

Бомбардировщик-торпедоносец «Эвенджер» в полете над Иводзимой

Захваченный японский танк

Японские солдаты сдаются в плен на Иводзиме

Зная о стойкости японских войск в обороне, тем более на подступах к метрополии, американское командование выделило для захвата острова крупные силы. Здесь должен был действовать 5-й корпус морской пехоты в составе трех дивизий, усиленный танками-амфибиями, двумя отдельными пехотными полками и большим количеством инженерных частей общей численностью 111,3 тыс. человек, 1522 самолета, в том числе 1170 авианосных, и более 680 боевых, транспортных и десантных кораблей. Американцы перед началом операции имели превосходство в людях — более чем в 5 раз, в авиации — в 40 раз и подавляющее преимущество по количеству военных кораблей. К Иводзиме были стянуты около 700 вымпелов, в том числе 28 авианосцев, 15 линкоров, пять тяжелых крейсеров[232].

Высадке десанта на Иводзиму предшествовала авиационная подготовка, которая началась 8 декабря и продолжалась 2,5 месяца. Для этого была выделена 7-я воздушная армия США. В дополнение к авиаударам в середине февраля остров подвергся обстрелу корабельной артиллерией. 19 февраля силами семи батальонов, по численности соответствовавших почти дивизии, началась высадка на остров американского десанта.

Выполняя замысел по втягиванию войск противника в глубь острова, японцы позволили высадиться и захватить плацдармы группировке в 30 тыс. человек (две дивизии), которые затем подверглись огневой обработке японской артиллерией и минометами. Неся большие потери от ураганного огня, американское командование было вынуждено ввести в сражение резервную дивизию. Десант имел в качестве важной задачи и захват аэродромов Иводзимы. Первый аэродром был захвачен 20 февраля, а второй — 28 февраля, после чего атаки прекратились. Военные действия возобновились 6 марта и продолжались еще 10 дней. Однако разрозненные контратаки отдельных японских подразделений и отрядов, не соглашавшихся на капитуляцию и сдачу в плен, с фанатичным упорством предпринимались до конца марта. В результате почти вся японская группировка была уничтожена — погибли 22 322 человека, в плен попали лишь 216 японцев. Велики были и потери американских войск, потерявших в боях за Иводзиму около 7 тыс. человек убитыми и 19 тыс. ранеными[233]. Но цель была достигнута — овладев Иводзимой, американская бомбардировочная авиация могла подвергать ударам любые, даже самые отдаленные районы Японии.

Параллельно с военным действиям по овладению архипелагом Нампо продолжались операции американских войск по освобождению от японцев Филиппин, начатые осенью 1944 г. с захвата острова Лейте. Операции предусматривали овладение основным островом архипелага — Лусон со столицей государства Манилой, а затем Борнео (Калимантан) и Явой. Общая численность японских войск на Филиппинских островах насчитывала свыше 250 тыс. человек. Проведенные американцами до начала высадки десантов операции по разгрому находившегося у берегов архипелага японского флота и уничтожению значительной части авиации противника лишили японцев поддержки с моря и весьма ослабили прикрытие с воздуха.

Остров Лейте был избран исходным районом для развертывания операции по овладению Лусоном. Здесь сосредоточивались войска и боевая техника. Одновременно на расположенном неподалеку острове Миндоро строились аэродромы. Для наступления на Манилу выделялись основные силы 6-й армии США численностью 203 тыс. человек. Высадку обеспечивали крупные силы 7-го флота США: 164 боевых корабля, включая 12 эскортных авианосцев, шесть линкоров, шесть тяжелых крейсеров, 49 эсминцев и большое число вспомогательных судов[234].

Участие в освобождении Лусона принимали и филиппинские партизаны. С февраля 1942 г. на Филиппинах активно действовал Национальный антияпонский фронт, выступавший за полную независимость Филиппин. Первые партизанские отряды были сформированы на острове Лусон. Вскоре власть японцев на острове стала фактически номинальной. Здесь существовали освобожденные районы, где по инициативе партизан создавались даже органы самоуправления[235].

К началу 1945 г. боевые части Национальной антияпонской армии Филиппин (Хукбалахап) насчитывали 10 тыс. солдат и офицеров и 30 тыс. в резерве[236]. За годы войны Хукбалахап было проведено более 1200 боев, в которых уничтожены около 25 тыс. оккупантов, а также

Корабли ВМС США перед высадкой десанта на Лусоне

Американские десантные катера приближаются к пляжам острова Лусон

Войска США на острове Лусон

Американские солдаты рассматривают захваченную японскую 305-мм гаубицу

Подбитый на острове Лусон японский танк

солдат и полицейских созданного японцами марионеточного правительства[237]. Народная антияпонская армия оказала существенную помощь американским войскам. Сразу же после их высадки на Лусон 9 января 1945 г. части филиппинской партизанской армии нанесли удары по коммуникациям, линиям связи и тылам японских войск[238]. К исходу 9 января на побережье острова высадились 68 тыс. десантников, захвативших плацдарм. К 12 января два предназначенных для действий на Лусоне американских корпуса полностью сошли на берег. Развивая наступление на Манилу, американские войска за две недели, к 21 января, продвинулись на 75 км с целью оттеснить японцев в горы.

Столицы Филиппин американские войска достигли 5 февраля. Для освобождения Манилы необходимо было высадиться на полуострове Батаан и овладеть сильно укрепленным островом-крепостью Коррехидор, где располагались 5 тыс. японских солдат и офицеров. Атаки запиравшей вход в Манильскую бухту крепости силами воздушных десантов и штурмовых групп, несмотря на мощную авиационную и артиллерийскую поддержку, продолжались до начала марта.

Одновременно в самой Маниле шли упорные уличные бои. В результате широкого применения американскими войсками артиллерии, танков и минометов гибли не только японские военные, но и горожане. В ходе боев в Маниле число жертв среди мирных жителей составило около 100 тыс. Только 3 марта 17-тысячный японский гарнизон, потеряв значительную часть своего состава, вынужден был прекратить сопротивление. Существенные потери при освобождении Манилы понесли и американцы — более 1 тыс. убитыми и 5,5 тыс. ранеными[239]. После взятия Манилы бои на Лусоне продолжались и носили весьма ожесточенный характер. Даже после того, как 6-я американская армия добилась к 30 июня контроля над всем островом, около 25 тыс. японских солдат и офицеров, не желая сложить оружие, продолжали сопротивление[240].

В течение марта — апреля американское командование высадило 38 десантов на различных островах Филиппин. Самый крупный из них участвовал в боях за наиболее укрепленный противником остров Минданао. Здесь японцы также позволили почти беспрепятственно произвести высадку, после чего, используя рельеф местности, предприняли действия по активной обороне из засад, часто переходя в контратаки в ночное время. Американцы, желая избежать потерь в прямом столкновении с противником, действовали согласно ранее избранной тактике: любому, даже незначительному броску предшествовала интенсивная артиллерийская и авиационная обработка японских позиций и огневых точек. Хотя остров, в конце концов, был взят, уничтожить японскую группировку полностью не удалось. Разрозненные отряды отошли в горы, откуда вплоть до капитуляции Японии совершали нападения на американских военнослужащих.

В военных действиях на захваченных японцами территориях Тихого океана участвовала 1-я австралийская армия, которая вплоть до капитуляции Японии выбивала японцев с островов Бугенвиль, Новая Британия и Новая Гвинея. С апреля 1945 г. американские, австралийские и голландские войска начали операции по овладению островами Калимантан и Ява. После того как японские войска были блокированы на островах Голландской Индии (Индонезии), практически прекратились поставки в Японию нефти из этого региона.

Действия союзных войск в Голландской Индии осложнялись тем, что значительная часть японской армии отошла в джунгли и вела активную партизанскую войну. Помощь союзникам оказывали патриотические силы Индонезии. Солдаты и офицеры созданной японцами осенью 1943 г. так называемой Добровольческой армии защитников родины (ПЕТА) в 1945 г. повернули оружие против оккупантов. 14 февраля 1945 г. группа патриотически настроенных офицеров и унтер-офицеров этой армии организовала захват склада оружия и боеприпасов в г. Блитар (Восточная Ява). Вслед за этим город был очищен от японцев. И хотя затем восстание в Блитаре было подавлено, оно способствовало дальнейшей активизации освободительного движения в Индонезии[241].

Операции на Филиппинах были завершены лишь в первых числах июля. Пользуясь поддержкой флота и авиации, американцам удалось добиться победы с относительно небольшими потерями — около 9 тыс. убитыми и ранеными. Потери японцев были намного больше — 47,5 тыс. убитых и раненых[242].

Используя Филиппины как стратегический плацдарм, командование союзников смогло гораздо эффективнее, чем раньше, развивать наступательные действия по всему Тихоокеанскому театру военных действий, в том числе в Юго-Восточной Азии — у берегов Индокитая и Малаккского полуострова. До начала 1945 г. войска союзников воздерживались от крупных военных операций на континенте, полагаясь на продолжение сопротивления японским оккупантам силами китайских войск. Поддержку китайских войск американцы осуществляли поставками вооружения и снаряжения и действиями военной авиации США.

Внутренняя борьба между Гоминьданом и компартией Китая не позволяла выступить единым фронтом против японской армии. Японцы же, озабоченные активизацией наступательных действий союзных войск в Голландской Индии и на Филиппинах, стремились не допустить переноса военных действий на территорию Бирмы и Южного Китая. Еще в сентябре 1944 г. было принято решение перерезать бирмано-индийскую дорогу, обеспечить тесное взаимодействие с японскими войсками в Индокитае[243]. Выполнению этой задачи способствовало успешное проведение в апреле 1944 г. наступательной операции в Центральном Китае. Тогда японцам удалось, сломив плохо организованное сопротивление гоминьдановских войск, к концу 1944 г. восстановить транспортные пути от Пекина до границы с Индокитаем. Это было весьма важно для продолжения поставок из Индокитая в Японию сырья и продовольствия. В ходе операции японские войска уничтожили часть американских военно-воздушных баз на территории Китая, что улучшало положение японской экспедиционной армии.

В начале 1945 г. союзники силами, включавшими англо-индийские, американские, африканские и китайские войска, провели успешную наступательную операцию и захватили северную часть Бирмы. Она стала одной из наиболее крупных операций многонациональных сил союзников общей численностью около 1,5 млн человек (31 дивизия, три пехотные и четыре танковые бригады). Это был один из немногих случаев в войне на Тихом океане, когда преимущество войск союзников было поистине подавляющим: по личному составу — в 7 раз, по самолетам — в 28 раз, по кораблям основных классов — в 13 раз[244].

Основные задачи на дальнейшее продвижение в центральную часть Бирмы и овладение столицей Рангуном возлагалась на 14-ю английскую армию. Однако наступление союзных войск в начале февраля было остановлено контратаками противника. Японцам активной обороной удалось не допустить быстрого продвижения в центр страны. В конце марта стало ясно, что до начала в мае сезона дождей, когда продолжать наступление крупными силами уже невозможно, овладеть Рангуном не удастся. Тогда было решено захватить столицу силами десантов с моря и воздуха.

В боях за освобождение своей страны активное участие принимала Национальная армия Бирмы, состоявшая из 11,5 тыс. человек. В конце марта по всей стране началось восстание вооруженных формирований бирманцев, которое вовлекало в свои ряды все большее число борцов. К лету 1945 г. их насчитывалось уже более 200 человек. Нападая на японские части, повстанцы оказывали войскам союзников существенную помощь, отвлекая на себя немалые силы противника. По существующим данным, с 24 марта по 14 августа 1945 г. бирманские патриоты уничтожили в боях свыше 8 тыс. японских солдат и офицеров[245]. В сложившейся обстановке японское командование приняло решение оставить Рангун, где 1 мая 1945 г. была установлена власть патриотических сил. Высадившаяся с моря 3 мая английская дивизия входила уже в освобожденный город.

Похожая обстановка сложилась и при освобождении Малайи. В августе 1945 г. малайский народ силами Антияпонской армии, созданной еще в 1942 г. из партизанских отрядов крестьян, самостоятельно освободил страну и установил контроль над ее главными центрами. В течение нескольких недель до высадки английских войск патриотические силы управляли территориями Малайи через комитеты народного самоуправления[246].

Значительный вклад в борьбу с японскими оккупантами вносили патриотические силы Индокитая. На территории Вьетнама, Лаоса и Камбоджи действовали многочисленные партизанские отряды. Они нападали на конвои и гарнизоны оккупационной армии, захватывали оружие, склады, создавая для японских властей немалые трудности в снабжении метрополии

продовольствием и сырьем из Индокитая. В Корее, которая была колонией Японии, в ходе войны и на ее заключительном этапе, несмотря на режим жестокого террора, партизанскими отрядами патриотов осуществлялись внезапные удары по врагу, существовали подпольные организации, ставившие своей целью достижение независимости.

Антияпонская вооруженная борьба китайского народа облегчала действия союзных войск, отвлекая значительные силы японцев. Важным фактором антияпонского национального фронта стали вооруженные силы, руководимые компартией Китая. К концу войны войска КПК контролировали несколько миллионов квадратных километров китайской территории, освободили от захватчиков около 100 млн населения, создали 19 освобожденных районов.

В целом, успешные действия войск союзников и местных повстанческих армий на оккупированных японцами территориях Азиатско-Тихоокеанского региона позволили командованию США приступить к разработке операций по вторжению на территорию собственно Японии и принуждению правительства и командования этой страны к капитуляции.

В утвержденном 29 марта 1945 г. американским Объединенным комитетом начальников штабов плане «Даунфол» операция по овладению территорией Японии разбивалась на два последовательных этапа. Первый этап предусматривал высадку на южный остров Японского архипелага — Кюсю ориентировочно 1 ноября 1945 г. Десантная операция имела кодовое наименование «Олимпик». Для ее осуществления выделялось 14 дивизий и 3 тыс. кораблей и судов поддержки.

В случае успешного развития операции «Олимпик» и овладения южными районами Японии намечалось 1 марта 1946 г. приступить к широким десантным операциям на восточном побережье в центральной части основного острова Японии — Хонсю с последующим продвижением к столице государства Токио. Действия на этом направлении получили кодовое наименование «Коронет» и предусматривали участие в десантировании и последующих боях 27 пехотных, двух танковых и трех дивизий морской пехоты.

Всего для проведения операции по овладению всей Японией предусматривалось использовать около 5 млн человек, а войну завершить к концу 1946 г.[247] Столь большое количество войск было необходимо не только для разгрома и пленения японской армии и ополчения, но и для осуществления последующей оккупации Японии в условиях партизанской войны, что не исключалось.

При планировании высадки на юге Кюсю в ноябре 1945 г., а затем в марте следующего года на восточном побережье Хонсю ОКНШ исходил из вероятной перспективы потери от 500 тыс. до 1 млн солдат и офицеров. Из их расчетов следовало, что только для осуществления оккупации Японии потребуется 850 тыс. человек[248].

К операциям предполагалось привлечь Китай. Идея использования китайских оккупационных войск имела в глазах американцев тот плюс, что свои агрессии Япония оправдывала идеологией борьбы желтой расы с «белым империализмом», и занятие части ее территории китайской армией способствовало бы снижению эффективности такой пропаганды, ослабляло бы впечатление расового характера оккупации.

Немалые разногласия вызвал вопрос об использовании советских войск для последующей оккупации части территории Японских островов. О том, что с политической точки зрения активное участие СССР в военных действиях на Дальнем Востоке невыгодно США, заявляли многие американские политики и дипломаты. Однако соображения военного характера заставляли американское командование настаивать на обязательном привлечении СССР к разгрому Японии.

Весной 1945 г. в ОКНШ уже существовал конкретный план оккупации японской метрополии вооруженными силами четырех государств — США, Великобритании, СССР и Китая. В само понятие «метрополия Японии» включались четыре основных острова — Хоккайдо, Хонсю, Кюсю, Сикоку и около тысячи прилегающих островов, за исключением Сахалина, Курильских островов и Окинавы. При определении зон оккупации американские разработчики исходили из того, что центральный район главного японского острова Хонсю с развитой инфраструктурой должен контролироваться США. Достаточно развитый в промышленном

отношении остров Кюсю предполагалось выделить для занятия войсками Великобритании. Отсталые сельскохозяйственные районы острова Сикоку выделялись для размещения контингентов китайских войск. Предполагавшаяся зона советской оккупации по площади даже превосходила американскую: Советский Союз должен был не только разместить свои войска на острове Хоккайдо (северный и второй по величине остров), но и занять северо-восточную часть Хонсю.

Существенным моментом плана ОКНШ было намерение допустить в Японию войска других держав не сразу, а по мере вывода американских войск. Так, в первые три месяца после капитуляции на Японских островах планировалось разместить 23 дивизии США (800 тыс. человек). В течение последующих девяти месяцев предусматривалось, что на Японских островах будут дислоцироваться силы союзных государств: США — 8,3 дивизии (315 тыс. человек), Великобритания — пять дивизий (165 тыс. человек), Китай — четыре дивизии (130 тыс. человек), СССР — шесть дивизий (210 тыс. человек). На заключительном этапе оккупационные войска подлежали сокращению примерно наполовину. В Японии предполагалось оставить четыре дивизии США, две дивизии Великобритании, две дивизии Китая и три советские дивизии[249].

Для того чтобы максимально избежать потери американских войск, военно-политическое руководство США изыскивало возможность добиться от Японии капитуляции еще до высадки войск на ее основную территорию. Об этом президент США Ф. Рузвельт прямо говорил И. В. Сталину на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. Тогда он заявил, что «не хочет высаживать войска в Японии, если он сможет обойтись без этого. Он высадит войска в Японии только в случае крайней необходимости. На островах у японцев имеется 4-миллионная армия, и высадка будет сопряжена с большими потерями. Однако если подвергнуть Японию сильной бомбардировке, то можно надеяться, что все будет разрушено, и, таким образом, можно будет спасти много жизней, не высаживаясь на острова»[250].

«Сжечь Японию» намеревался и премьер-министр Великобритании У. Черчилль. 27 сентября 1944 г. он писал И. В. Сталину: «Открытие русского военного фронта против японцев заставило бы их гореть и истекать кровью, особенно в воздухе, так что это значительно ускорило бы их поражение. Судя по тому, что я узнал о внутреннем положении Японии, а также о чувстве безнадежности, гнетущем ее народ, я считаю вполне возможным, что, как только нацисты будут разгромлены, трехсторонние призывы к Японии капитулировать, исходящие от наших трех великих держав, могут быть решающими»[251].

К реализации плана разбомбить Японию с воздуха приступили с марта 1945 г., когда начались «ковровые бомбардировки» японских городов. За месяц был совершен 91 массированный налет, жертвами стали 147 тыс. человек. Только в ночь на 10 марта в Токио погибли свыше 83 тыс. человек и получили ранения 41 тыс. В налете участвовали 150 бомбардировщиков B-29, сбрасывавших в основном зажигательные бомбы. Каждый из самолетов нес от 6 до 8 тонн новых напалмовых бомб. В результате было сожжено 16,5 квадратной мили города, или более 40% жилого фонда японской столицы, 180 тыс. семей (около 2 млн человек) остались без крова. Японский репортер так описывал разносимый сильным ветром всеохватывающий пожар: «Тучи пламени поднимались все выше, и башня здания парламента чернела на фоне багрового неба. Город был освещен, как при восходе солнца. Тучи дыма, сажи, искр летели над городом, поднятые штормом. Той ночью мы думали, что весь Токио превратился в угли»[252].

Не меньший ущерб был нанесен и массированными бомбардировками Токио 13 апреля и 25 мая. Из 206 японских городов бомбардировкам и обстрелам корабельной артиллерией были подвергнуты 98. Всего на острова собственно Японии были сброшены 160,8 тыс. американских бомб. В результате налетов были разрушены и сожжены 2210 тыс. домов, что составляло около четверти жилого фонда Японии[253]. Потери гражданского населения от авиационных бомбардировок и артиллерийских обстрелов составили, по различным данным, от 500 до 900 тыс. человек. Столь большие жертвы объясняются тем, что накануне и в годы войны японское правительство и командование не создали должной системы противовоздушной обороны страны и не построили бомбоубежища для населения крупных городов.

Американские средние десантные корабли ведут ракетный обстрел побережья Окинавы

Огнеметный танк ведет огонь по японским укреплениям

Раненые американские солдаты на борту десантного корабля в ожидании эвакуации

Американский солдат у подбитой японской танкетки

Огонь по позициям японцев в южной Окинаве из 155-мм гаубицы

Американские пехотинцы укрываются за танком от японского обстрела

Бой у японских позиций на Окинаве

Вопреки ожиданиям американцев, разрушение японских городов и большие людские потери к серьезным антивоенным выступлениям населения не приводили. Становилось ясно, что в условиях националистической пропаганды под лозунгом «Сто миллионов погибнут как один!» японскому народу будет навязано «решающее сражение до последней капли крови» за «священную империю Ямато», а значит, вторжения на ее территорию союзным войскам не избежать. Поэтому был необходим надежный плацдарм в непосредственной близости от Японских островов, с которого предстояло начать реализацию плана «Даунфол».

После занятия Иводзимы адмирал Ч. Нимиц планировал овладеть Формозой (Тайванем). Однако затем находившийся ближе к Японии архипелаг Рюкю с входившим в его состав крупным островом Окинава (600 км от южной оконечности Кюсю) были определены как стратегически более выгодный плацдарм для последующего наступления на японскую метрополию. Здесь предусматривалось создать сеть аэродромов, с которых можно было бы на плановой основе осуществлять интенсивные бомбардировки японских островов Кюсю и Хонсю.

Овладение Окинавой и окружавшим ее архипелагом Рюкю рассматривалось командованием армии США как важный этап разгрома Японии. Для захвата Окинавы была специально сформирована 10-я армия численностью 183 тыс. солдат и офицеров. Командование армией было возложено на генерал-лейтенанта С. Бакнера. В состав частей армии включались в первую очередь морские пехотинцы, имевшие опыт боев с японскими войсками на островах Тихого океана. Действия сухопутных сил должен был обеспечивать 5-й флот США под командованием адмирала Р. Спрюэнса.

О том, что Окинава может стать важной целью американцев, в Токио понимали и готовились к защите острова заранее. 1 апреля 1944 г. было принято решение сформировать специально для обороны Окинавы 32-ю армию под командованием генерала М. Усидзимы. За год удалось довести численность армии до 77 тыс. человек, насытив ее танковыми, военно-воздушными, артиллерийскими и минометными частями. С учетом 10 тыс. моряков военно-морской базы острова и мобилизованных в армию и на инженерные работы местных жителей противостоящая американцам группировка насчитывала около 100 тыс. человек. Общая же численность американских военнослужащих, выделенных на проведение операции по захвату Окинавы, составила 550 тыс. человек, включая части и соединения сухопутных сил, авиации, флота и морской пехоты[254].

Зная, что наступающие силы будут значительно превосходить обороняющиеся, М. Усидзима организовал прочную оборону южной части острова, чтобы удерживать остров до последнего. При этом большие надежды возлагались на смертников-камикадзе. Расчет делался на то, чтобы, жертвуя собой, смертники уничтожили как можно больше кораблей противника, лишив американские сухопутные силы поддержки с моря, что позволяло уничтожать их из засад.

Окинава должна была стать серьезным препятствием на пути союзных войск к Японским островам. Ожидалось повторение сценария «сражения до последнего солдата» на Иводзиме. Потери не смущали японское командование. О том, насколько большое значение придавал император битве за Окинаву, свидетельствуют его слова, сказанные в ответ на предложение бывшего премьер-министра Японии Ф. Коноэ завершить войну: «Так как армия и флот готовятся к решительному сражению за Окинаву, полагаю в настоящий момент несвоевременным прекращать войну»[255]. Вместе с тем Хирохито понимал, что потеря Окинавы чревата серьезными военными и политическими последствиями для страны, создаст предпосылки для блокады Японских островов и разрушения их с воздуха и моря, прекращения поставок в Японию продовольствия и сырья. Он строго предупредил начальника Генерального штаба японских сухопутных сил генерала Ё. Умэдзу: «Если исход боев (на Окинаве) будет для нас неблагоприятным, армия и флот потеряют доверие нации. Мы должны задуматься над тем, как их действия повлияют на военную обстановку в целом»[256].

Окинава играла важную роль в замыслах японского военно-политического руководства затянуть войну, убедить страны антигитлеровской коалиции в том, что сражения на террито-

рии собственно Японии, к которой относилась и Окинава, потребуют от союзников неприемлемо больших жертв. Такая перспектива должна была предотвратить безоговорочную капитуляцию и создать предпосылки для начала переговоров о прекращении боевых действий, окончания войны на устраивающих Японию компромиссных условиях. Успех сражений за Окинаву должен был способствовать и решению весьма беспокоящей японское руководство проблемы вступления в войну Советского Союза. Уже в ходе боев на Окинаве 23 апреля 1945 г. министр иностранных дел Японии С. Того заявил представителям императорской ставки: «Если Японии удастся одержать победу на Окинаве, Советский Союз убедится, что у нас все еще имеются значительные резервы. Поэтому, воспользовавшись подобной ситуацией, можно будет построить фундамент для деятельности нашей дипломатии»[257].

На этапе подготовки к операции авиационное соединение США 18–19 марта нанесло массированные удары по аэродромам и военно-морским базам на Кюсю, Сикоку и в западной части Хонсю. В результате был уничтожен 161 самолет японцев. Но и японский ответ оказался существенным: при отражении авианалетов были повреждены пять американских авианосцев и сбиты 116 самолетов[258].

За неделю до высадки американцы подтянули к Окинаве 10 линкоров, 13 крейсеров, 32 эскадренных и эскортных миноносца, которые ежедневно обстреливали укрепления японцев и очищали от мин и заграждений проходы для десантов. Одновременно подавлялась авиация на острове Тайвань, на аэродромах которого базировалось большое число самолетов, способных принять активное участие в битве за Окинаву. Важное значение имел захват близ юго-восточного побережья Окинавы островов Керама, который был использован в качестве плацдарма.

1 апреля первые подразделения американских морских пехотинцев высадились на восточное побережье Окинавы. Накопив достаточные силы на занятом плацдарме, американцы через два дня стали выдвигаться на север и юг с целью выхода к главному городу острова — Наха. Однако уже 5 апреля американские соединения, продвигавшиеся к Нахе, попали под шквальный огонь замаскированных укреплений частей 32-й японской армии. Такой концентрации артиллерийского огня, как на Окинаве, японцы не добивались за весь период войны. Понеся существенные потери, американцы были вынуждены прекратить наступление[259].

На следующий день в сражение вступили пилоты-камикадзе, устремлявшиеся в одиночку, парами или группами на находившиеся у побережья Окинавы американские корабли, в основном эсминцы. Хотя эффективность камикадзе в сражениях за Окинаву в результате усиления американских кораблей скорострельными зенитными орудиями заметно упала, смертникам удалось потопить или искорежить 24 американских корабля.

Понимая, что наличными силам остров отстоять не удастся, японское командование приняло решение послать на помощь оборонявшимся самый крупный в ВМС Японии линкор «Ямато» с двумя крейсерами и шестью эсминцами сопровождения. В задачу линкора входило уничтожение американских транспортов и расстрел из 18-дюймовых корабельных батарей морских пехотинцев США, захвативших плацдармы на острове. В известной степени «Ямато» и его насчитывавшая 2,5 тыс. моряков команда также были смертниками. Топлива на его борту хватало только для выдвижения к Окинаве. К тому же отсутствовало авиационное прикрытие флагмана, а его противовоздушная оборона не могла эффективно противостоять авиации США. Имелось в виду, что корабль, израсходовав весь боевой запас, сядет на мель в ожидании своей судьбы. 6 апреля «Ямато» был обнаружен и атакован американскими кораблями и морской авиацией. Бомбардировка почти незащищенного корабля-гиганта сильно повредила его, но он оставался на плаву. Зенитками были сбиты 10 американских самолетов. Когда «Ямато» стал оседать, морякам была дана команда покинуть тонущее судно. Следуя морской традиции, капитан линкора пожелал уйти в морскую пучину вместе со своим кораблем.

К 12 апреля американцам удалось высадить на Окинаву всю выделенную для захвата острова группировку в 183 тыс. человек. Однако умело используя складки местности, пещеры и гроты и ведя ураганный фронтальный и фланговый огонь, японцы прижимали против-

ника к земле, навязывали ему позиционную борьбу. Главная полоса обороны японцев была очень сильно укреплена, и, как отмечали американские авторы, продвижение некоторых соединений 10-й армии «настолько замедлились, что его было бы целесообразнее измерять не метрами, а сантиметрами»[260]. Ожесточенность апрельских боев проявлялась в том, что обе стороны не желали брать пленных. Столкнувшись с готовностью японцев погибать, унося с собой как можно больше вторгшихся на землю «священной родины» солдат врага, американцы отвечали тем же. Они стали широко применять огнеметы, выжигая пещеры и горные склоны, занятые противником. При этом выскакивавших из естественных укрытий японских солдат тут же убивали из стрелкового оружия[261].

Сражения продолжались и на море. В акватории близ Окинавы, начиная с 6 апреля и до окончания основных боев в середине июня, соединения американского флота постоянно подвергались авиационным атакам камикадзе. Усиление ПВО американских кораблей, значительное повышение скорострельности зенитной артиллерии вынуждало японцев атаковать массой самолетов в расчете на то, что хотя бы некоторым удастся достигнуть цели. В налетах одновременно участвовали 110–185 камикадзе, а в одном из них даже 355. Всего за период сражений за Окинаву японская авиация, включая самолеты-камикадзе, пикирующие бомбардировщики, торпедоносцы и истребители сопровождения, совершила свыше 5,5 тыс. самолето-вылетов[262].

Для борьбы с камикадзе американцы стали применять стратегическую авиацию, совершавшую бомбардировку аэродромов на острове Кюсю, на которые базировались самолеты смертников. Жертвуя своими пилотами, японское командование добилось лишь ограниченного успеха. При этом основные силы камикадзе сохранялись для участия в предстоящем решающем сражении за Японские острова.

В условиях решающего превосходства американцев в силах и средствах предпринятые контратаки и вылазки японских диверсионных отрядов и десантов, хотя и наносили урон противнику, изменить обстановку не могли. Последняя попытка штурмовать американские позиции была предпринята 4–5 мая, когда одновременно с налетом камикадзе генерал М. Усидзима бросил в контратаку свои войска. Проводилась она хаотично, без должной подготовки и была плохо обеспечена, а потому быстро захлебнулась. Японские войска вынуждены были вернуться в исходное положение.

Упорная оборона Окинавы позволяла японскому военно-политическому руководству выиграть время, необходимое, с одной стороны, для подготовки вооруженных сил и народа к решающему сражению, а с другой — для дипломатических маневров с целью вынудить американское правительство вступить в переговоры об условиях прекращения военных действий.

Понимая это, американское командование решило предпринять решительные действия. Этому способствовало и то, что на острове в готовности к штурму японских позиций находились не только боевые соединения и части, но и тылы 10-й армии, а также прибывшее пополнение. В ночь на 14 мая американские войска, перейдя в наступление крупными силами, прорвали главную полосу обороны японцев и захватили наиболее укрепленные опорные пункты — города Наха, Сюри и Ёнэбару.

Положение японцев еще более ухудшилось после овладения американцами 31 мая последним бастионом обороны — замком Сури. Под натиском противника японские войска отходили на юг острова. Инициатива окончательно перешла к американцам. 4 июня при поддержке корабельной и полевой артиллерии с линии фронта был выброшен в тыл оборонявшихся тактический десант в составе двух полков морской пехоты[263]. Оказавшись фактически в окружении, японские войска продолжали вести бои, но остановить противника оказались не в силах. 21 июня организованное сопротивление японцев было подавлено, и 2 июля американское командование объявило об овладении Окинавой и окончании военных действий на архипелаге Рюкю[264].

Оказавшись в безвыходном положении, японские солдаты кончали жизнь самоубийством. Но были и такие, кто предпочел сохранить жизнь, сдавшись на милость победителей. Таких оказалось, вопреки ожиданиям японского командования, довольно много — около

7 тыс. человек[265]. Актами самурайской жестокости явился приказ японских командиров местному населению, в том числе детям, коллективно совершать самоубийство. Жителей Окинавы убеждали, что женщины будут изнасилованы, мужчины убиты или отправлены на каторжные работы. По имеющимся данным, за время трехмесячных боев на Окинаве погибли от обстрелов 170 тыс. мирных жителей, 700 человек совершили самоубийства[266]. Отмечались и массовые случаи лишения жизни в госпиталях раненых японских солдат, дабы позволить им «умереть достойно».

В боях погибли практически все защитники Окинавы — по различным данным, от 94 до 120 тыс. солдат и офицеров. Потери американцев составили 12 тыс. человек. Столь длительные ожесточенные бои на Окинаве всерьез озаботили американское командование и правительство, заставили искать пути и методы сокращения потерь в случае вторжения в Японию. По итогам сражений на Окинаве военный министр США Г. Стимсон писал в памятной записке президенту Г. Трумэну от 2 июля 1945 г.: «Начав вторжение, нам придется, по моему мнению, завершать его даже еще более жестокими сражениями, чем те, которые имели место в Германии. В результате мы понесем огромные потери и будем вынуждены оставить Японию»[267]. В своих послевоенных воспоминаниях он признавал: «...по нашим подсчетам, в случае если бы мы были вынуждены довести этот план («Даунфол») до завершения, главные бои должны были бы закончиться самое раннее в конце 1946 г. Мне было известно, что такие операции будут стоить нам более 1 млн жертв, если говорить только об американских войсках. Наши союзники также могли понести большие потери»[268].

При планировании завершающего этапа разгрома Японии правительство США исходило из перспективы вступления Советского Союза в войну на Дальнем Востоке на стороне союзников. На протяжении всей Второй мировой войны правительства США и Великобритании настойчиво побуждали советское руководство оказать им помощь в войне с Японией[269]. Принципиальное значение имело заявление, сделанное И. В. Сталиным на Тегеранской конференции, о вступлении СССР в войну против Японии через шесть месяцев после разгрома Германии, когда будет возможность увеличить силы на Дальнем Востоке в три раза[270]. «Обещание Сталина вступить в войну против Японии тотчас после свержения Гитлера и разгрома его армий имело величайшее значение», — писал У. Черчилль в своих мемуарах[271].

Руководство вооруженных сил США считало, что участие СССР в войне не просто желательно, но в большой степени необходимо[272]. Командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур полагал: «Важность вступления России в войну заключается в том, что оно может послужить той решающей акцией, которая вынудит Японию капитулировать»[273].

Накануне Ялтинской конференции в феврале 1945 г., когда американцы завершали разработку планов разгрома и оккупации Японии, ОКНШ разработал для президента США документ, в котором говорилось: «Мы желаем вступления России как можно скорее в меру ее способности вести наступательные операции и готовы оказать максимально возможную поддержку, не нанеся ущерба нашим основным операциям против Японии»[274].

Американское командование было серьезно озабочено возможной перспективой переброски на Японские острова войск из Маньчжурии и Китая для отражения высадки союзного десанта. Особую тревогу вызывала дислоцированная в оккупированной с 1931 г. северо-восточной части Китая Квантунская группировка войск. По мнению военно-политического руководства, даже если план высадки на Японские острова осуществится, не было уверенности, что «могущественная Квантунская армия, находясь почти на полном обеспечении, не будет продолжать борьбу»[275].

В одобренном президентом США стратегическом плане разгрома Японии на СССР возлагались следующие задачи: «Прервать транспортную связь между японской метрополией и Азиатским континентом; разгромить японские войска в Маньчжурии и уничтожить их авиационные части и соединения; обеспечить господство в воздухе над Южным Сахалином и Хоккайдо»[276]. Подписанный в Ялте документ о вступлении СССР в войну полностью отвечал интересам разгрома Японии без риска кровопролитных сражений с огромными жертвами.

Участие мощных сухопутных сил СССР в войне на Дальнем Востоке рассматривалось весной 1945 г. в Вашингтоне и Лондоне как важное условие победы над Японией в кратчайшие сроки и с наименьшими потерями.

В Японии с начала 1945 г. развернулась активная подготовка армии и народа к решающему сражению за метрополию. Она осуществлялась на основе принятого 20 января 1945 г. императорской ставкой плана «Общий курс подготовки к решающим операциям». Для обороны Японских островов предусматривалось мобилизовать 3150 тыс. человек[277]. В начале 1945 г. в японских сухопутных войсках насчитывалось 53 дивизии, 22 специальные бригады, две танковые дивизии и семь отдельных танковых бригад. На вооружении авиационных частей было 10 тыс. самолетов. Хотя военно-морской флот понес значительный урон в сражениях с флотом США, он сохранил боеспособность и насчитывал свыше 3,3 тыс. кораблей и 3,2 тыс. самолетов морской авиации[278].

Денонсация СССР 5 апреля 1945 г. советско-японского пакта о нейтралитете была воспринята в Токио с тревогой. Были предприняты попытки побудить советское правительство выступить посредником на переговорах о перемирии в войне на Тихом океане. В действительности японское правительство, особенно генералитет, не верили в возможность устраивающего Японию компромиссного мира с западными союзниками. Цель вовлечения СССР в дипломатические маневры о перемирии состояла в том, чтобы поссорить Советский Союз с США и Великобританией. Считалось, что вовлечение Москвы в подобную игру могло быть воспринято западными державами как односторонняя закулисная деятельность советского правительства для сговора с Японией за их спиной.

В принятом 20 апреля 1945 г. японским Высшим советом по руководству войной документе «Общие принципы мероприятий в случае капитуляции Германии» прямо ставилась задача: «Приложить усилия к тому, чтобы умелой пропагандой разобщить США, Англию и СССР и подорвать решимость США и Англии вести войну»[279]. Одновременно осуществлялись дипломатические маневры по недопущению вступления СССР в войну. С этой целью был разработан перечень уступок Советскому Союзу, включавших возвращение ранее отторгнутых от России дальневосточных территорий — Южного Сахалина и Курильских островов[280]. Советское руководство незамедлительно информировало правительство США о подозрительном японском зондаже.

После смерти в апреле 1945 г. президента США Ф. Рузвельта его место занял бывший вице-президент Г. Трумэн. Хотя новый президент осознавал важность участия СССР в войне против Японии, он не желал делить с ним плоды победы в Восточной Азии. Политики в Вашингтоне понимали, что вступление СССР в войну обернется серьезной поддержкой коммунистическим силам Китая и Кореи и стремились этого не допустить. Командующий американскими войсками на Дальнем Востоке генерал Д. Макартур писал после Ялтинской конференции: «Меня сейчас больше беспокоит вероятность вступления России в войну против Японии и Маньчжурии, а это значит, что наше внимание должна занимать судьба северных и приморских районов Китая»[281]. Впоследствии он признавал, что на завершающем этапе войны стремился не допустить вступления СССР в войну[282]. Это мнение разделяли многие американские стратеги. Планами США предусматривалось: «Не позволять советским войскам войти в боевой контакт с Народно-освободительной армией Китая, помешать объединению сил коммунистов Китая с Красной армией в Северо-Восточном и Северном Китае»[283].

Однако лучшим выходом для американцев было принудить японское правительство к капитуляции до вступления СССР в войну. Принимая на себя обязанности президента, Г. Трумэн был проинформирован о секретных работах по созданию атомной бомбы. В переданном ему военным министром Г. Стимсоном докладе руководителей «Манхэттенского проекта» говорилось: «Через четыре месяца мы, несомненно, завершим создание оружия, ужаснее которого не знало человечество. Одна такая бомба может разрушить целый город»[284]. Перспектива появления у США супероружия породила среди новой американской администрации надежду на то, что возможно будет обойтись без участия СССР в войне. Однако уверенности в том, что атомная бомба будет создана и успешно испытана в ближайшее время,

не было. Поэтому заинтересованность в выполнении Советским Союзом данных в Крыму обязательств сохранялась.

Г. Трумэн исходил из того, что именно «вступление СССР в войну окончательно убедит Японию в неизбежности ее полного разгрома»[285]. Стремясь получить по возможности точную дату вступления Советского Союза в войну, он направил в Москву в качестве своего личного представителя Г. Гопкинса, долгое время бывшего ближайшим помощником Ф. Рузвельта. 28 мая 1945 г. И. В. Сталин сообщил Г. Гопкинсу и американскому послу А. Гарриману: «Советская армия будет полностью развернута на маньчжурских позициях до 8 августа»[286].

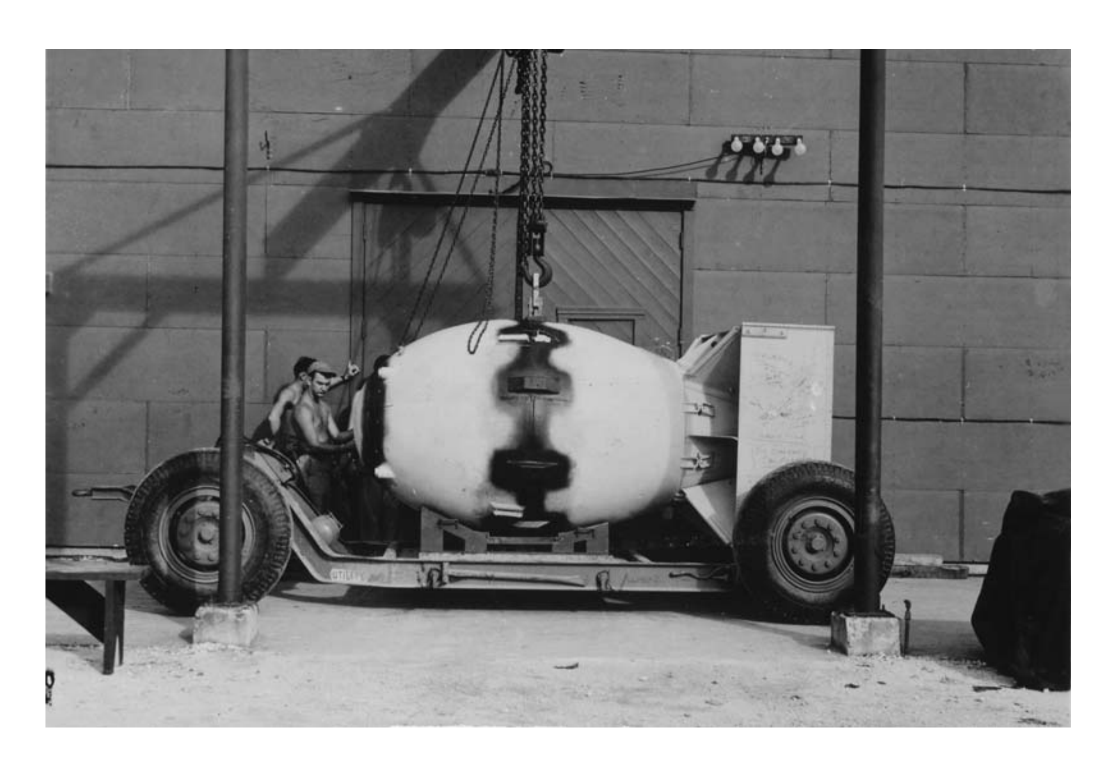
В то время американские войска ориентировались на продолжение интенсивной подготовки к принуждению Японии к капитуляции, в первую очередь путем массированных бомбардировок с моря и воздуха. 28 мая 1945 г. среди старших офицеров армии США, находившейся на Тихом океане, был распространен документ под названием «Высадка. Стратегический план». В нем определялись следующие цели: «1. Принудить Японию к безоговорочной капитуляции посредством деморализации японского населения и ослабления японской военной мощи путем блокирования островов и проведения усиленных воздушных бомбардировок. 2. Захватить промышленные объекты особой важности»[287].

Когда к лету 1945 г. из секретных лабораторий сообщили, что работы по созданию атомного оружия вступили в завершающую стадию, в американской администрации возобладало стремление опередить вступление СССР в войну скорейшим нанесением атомных ударов. Г. Трумэн вопреки желанию У. Черчилля сознательно затягивал проведение запланированной встречи лидеров трех держав в Берлине, надеясь к началу Потсдамской конференции иметь готовую атомную бомбу как инструмент политического давления на СССР в вопросах послевоенного устройства мира. Известно высказывание Г. Трумэна по этому поводу: «Если бомба взорвется, что, я думаю, произойдет, у меня, конечно же, будет дубина для этих парней»[288].

Тем не менее на проходившем 18 июня 1945 г. совещании президента Г. Трумэна с представителями высшего командования США, несмотря на перспективу создания атомной бомбы, был подтвержден курс на сохранение плана «Даунфол»[289]. В Потсдаме, даже уже имея информацию об успешном испытании атомной бомбы, Г. Трумэн, отметив, что дела союзников в войне против Японии не таковы, чтобы требовалась активная помощь Великобритании, прямо заявил, что «США ожидают помощи от СССР». В ответ И. В. Сталин сказал, что «Советский Союз будет готов вступить в действие к середине августа и что он сдержит свое слово»[290].

Следует отметить, что активное участие в разгроме милитаристской Японии для СССР имело и весьма важное геополитическое значение. Советское руководство понимало, что единоличная оккупация Японии и Китая американцами превратит эти граничащие с СССР государства Восточной Азии в сферу господства США. Выход американских войск на протяженную советско-китайскую границу и размещение вдоль нее военных баз создавали для Советского Союза, с одной стороны, военную угрозу, а с другой — политическую и экономическую изоляцию на Дальнем Востоке. О создании после войны американо-китайского военно-политического союза и разделе сфер влияния в Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в Индии и на Тихом океане Ф. Рузвельт и глава правительства Китая Чан Кайши вели секретные переговоры еще во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г.[291]

Предотвратить подобное неблагоприятное для СССР развитие послевоенной обстановки возможно было только при условии разгрома японских войск в Северо-Восточном Китае и занятии этого района для недопущения его оккупации американцами. Это позволяло оказать моральную и материальную поддержку коммунистическим силам Китая в их борьбе с проамериканским режимом Чан Кайши. В сложившихся условиях в Москве было принято решение провести крупномасштабную кампанию против Квантунской и японской Корейской армий с задачей разгромить их и захватить стратегически важные города и районы по всей Маньчжурии. Сообщение в Потсдаме Г. Трумэна И. В. Сталину о создании бомбы огромной разрушающей силы явилось для советского лидера дополнительным подтверждением необходимости скорейшего вступления в войну.

Трейлер с атомной бомбой «Толстяк»

Американский бомбардировщик B-29 «Энола Гэй» в Тиниане на Марианских островах

Выставочный центр Торгово-промышленной палаты в разрушенной Хиросиме

Радиационные и термические ожоги на ногах жертвы атомной бомбардировки Хиросимы

Разрушенный храм в Нагасаки

Жертва ядерного взрыва

В Японии продолжалась подготовка к решающим сражениям. На случай высадки войск союзников на Японские острова был разработан план «Кэцу-го», согласно которому в сражение должны были быть брошены все оставшиеся силы армии, авиации и флота. Важная роль вновь отводилась камикадзе. Заправленные горючим лишь на полет к цели самолеты должны были, вылетая из укрытий, обрушиваться со смертельным грузом на десантные суда и баржи американцев, уничтожая солдат и морских пехотинцев на подходе к японским берегам или в момент высадки. Предполагалось, что выделявшиеся для защиты Японии 5225 самолетов-камикадзе нанесут американцам огромный ущерб, заставят их отказаться от высадки.

Г. Трумэн отчетливо понимал, что гибель в сражении за Японию сотен тысяч американских солдат едва ли повысит его авторитет в стране. Поэтому изыскивались любые способы убедить японское правительство отказаться от решающего сражения за метрополию. После капитуляции нацистской Германии пропаганда на войска и население противника активизировалась. Над Японией в большом количестве разбрасывались с самолетов листовки с призывами сложить оружие, круглосуточно велись радиопередачи на японском языке, в которых осуществлялось обращение в эфире не только к солдатам, матросам и населению, но и фактически напрямую к японскому правительству, разъясняя неизбежность поражения Японии. Американские радиопередачи имели эффект. После войны японские высокопоставленные лица признавали: «Наиболее важное значение в этих передачах имел вопрос о разнице между безоговорочной капитуляцией и продиктованным миром. Японцы знали уже, каково положение Германии в подобных условиях». В радиопередачах звучало обещание «если Япония примет условия безоговорочной капитуляции, то на нее будет распространена Атлантическая хартия»[292]. В американской пропаганде на Японию особо выделялось утверждение о том, что безоговорочная капитуляция не означает порабощение японского народа, а потому она достигала и простых японцев.

Весной 1945 г. многие японцы уже не верили официальным правительственным сообщениям с обещаниями скорого изменения обстановки в пользу Японии. Люди переставали их читать и тайком слушали новости американских военных радиостанций, а также читали и передавали знакомым листовки, сбрасываемые с американских самолетов. Жандармы сбивались с ног, разыскивая и собирая эти листовки, изымали у населения подробные географические карты и коротковолновые радиопередатчики[293].

Атомная бомба создавалась как оружие, которое американское правительство намеревалось применить для достижения скорой победы. Чтобы избежать критики за применение столь варварского оружия против мирного населения японских городов, руководство США решило попытаться представить его как акт, вызванный военной необходимостью. Это позволяло переложить ответственность за атомную бомбардировку на правительство Японии. Без предварительного согласования с СССР 26 июля 1945 г. был опубликован документ, известный как Потсдамская декларация, ставивший жесткий ультиматум японскому правительству.

Используя все виды разведки, японцы пришли к выводу о том, что высадка американских десантов на Кюсю может состояться в начале ноября. Как отмечалось выше, именно на 1 ноября 1945 г. было назначено начало десантной операции «Олимпик» в заливе Ариакэ и г. Кагосима на Кюсю. Поэтому Потсдамскую декларацию первоначально рассматривали в Токио не как ультиматум, а как документ, формулировавший общие цели союзников в войне с Японией. При этом сохранялись надежды на то, что Советский Союз все же откликнется на японский зондаж о посредничестве. Логика японских лидеров сводилась к тому, что в Москве поймут выгоду для себя от затягивания войны между США, Великобританией и Японией, в которой обе стороны лишь ослабляют друг друга.

Отсутствие подписи Советского Союза под Потсдамской декларацией породило у правительства Японии надежду на возможность продолжения войны, ибо в Токио неизбежность быстрого поражения связывали лишь с вступлением в нее СССР. После опубликования декларации и обсуждения ее текста на совещании Высшего совета по руководству войной министр иностранных дел Японии С. Того телеграфировал 27 июля послу в Москве Н. Сато: «Позиция, занятая Советским Союзом в отношении Потсдамской совместной декларации,

будет с этого момента влиять на наши действия». Послу предписывалось срочно выяснить, «какие шаги Советский Союз предпримет против японской империи»[294].

Перехватывая японские секретные дипломатические депеши, американцы могли достаточно объективно оценивать царившую летом 1945 г. в Японии обстановку и планы Токио. В докладе руководству страны разведывательно-аналитическая группа Управления стратегических служб (УСС), возглавляемого А. Даллесом, — координационного центра разведки и контрразведки США указывала:

«В целом Япония будет использовать все возможные политические средства для того, чтобы избежать полного поражения или безоговорочной капитуляции:

а) будут продолжаться попытки закрепить полное внутреннее политическое единство;

б) определенные усилия будут приложены к распространению мнения у противников Японии о слишком большой цене продолжения ведения военных действий, а также о затяжном характере войны;

в) будет предпринята отчаянная попытка уговорить СССР поддерживать нейтралитет, используя каждую возможность посеять рознь между Советами и их союзниками — американцами и англичанами. По мере ухудшения ситуации Япония может даже предпринять попытку привлечь СССР в качестве посредника в переговорах об окончании войны;

г) будут создаваться группы проведения мирных переговоров с целью добиться приемлемых условий окончания войны и ослабления позиций Объединенных Наций, победному завершению войны.

Японское руководство попытается выиграть время в надежде на усталость союзных войск, отсутствие единства среди них или на чудо, которое позволит прийти к компромиссному варианту заключения мира.

Японцы полагают, что безоговорочная капитуляция обернется национальной катастрофой, а потому пока еще нет признаков, свидетельствующих о готовности Японии пойти на этот шаг»[295].

Данная оценка была близка к действительному положению вещей. Хотя министр иностранных дел С. Того считал, что следует начать переговоры по поводу условий, на которых Япония могла бы прекратить войну, военные, особенно командование сухопутных сил, потребовали отвергнуть Потсдамскую декларацию и продолжать войну. Опасаясь реакции армии на сам факт обсуждения возможности переговоров о капитуляции, премьер-министр Японии К. Судзуки 28 июля 1945 г. заявил о намерении «продолжать движение вперед и вести войну до конца»[296].

В отношении Потсдамской декларации было выбрано весьма специфическое, не имеющее аналогов в других языках выражение «мокусацу» — дословно «убить молчанием». И хотя специалисты японского языка разъясняли американским руководителям, что это слово не должно однозначно пониматься только как «игнорирование», в Вашингтоне его восприняли именно так. Объявленная японским правительством позиция была на руку Г. Трумэну и его окружению и позволяла, не оглядываясь на общественное мнение, применить против Японии атомные бомбы, возложив ответственность за такое решение на японских лидеров. Военный министр США Г. Стимсон был среди тех, кто считал, что японцев можно принудить к капитуляции не декларациями, а только силой. Он заявил, после того как японское правительство отказалось даже комментировать Потсдамскую декларацию: «У нас остается только один путь демонстрации силы ультиматума — продолжать подготовку к взрыву»[297].

Имея дату вступления СССР в войну, американское руководство вознамерилось опередить Москву и нанести атомный удар до 8 августа в расчете на последующую за ним незамедлительную капитуляцию Японии. В этом случае Советский Союз лишался возможности выступить против уже поверженной страны. Решение об атомных ударах по японским городам было принято Г. Трумэном еще до опубликования Потсдамской декларации и японского заявления о ее «игнорировании». 25 июля он отдал приказ командующему стратегической авиацией США генералу К. Спаатсу о сбросе первой бомбы после 3 августа на одну из целей: Хиросима, Кокура, Ниигата, Нагасаки.

В соответствии с указанием президента 2 августа 1945 г. был отдан оперативный приказ № 13 американского командования, в котором указывалось: «День атаки — 6 августа. Цель атаки — центр и промышленный район города Хиросима. Вторая резервная цель — арсенал и центр города Кокура. Третья резервная цель — центр города Нагасаки»[298]. Следует отметить, что первоначально планировалось включить в список намеченных к атомной бомбардировке целей также г. Ниигата и древнюю столицу Японии — Киото. Однако американские специалисты по Японии, в частности бывший посол в этой стране, ставший впоследствии заместителем государственного секретаря США Дж. Грю, воспротивились этому, заявляя, что уничтожение уникальных в мировой истории и священных для японцев синтоистских и буддистских храмов, а также императорских дворцов Киото вызовет глубокую ненависть японского народа, что не позволит им примириться с американской оккупацией и превращением Японских островов в военный плацдарм на Дальнем Востоке.

Планируя нанесение атомных ударов по густонаселенным центральным районам японских городов, американское правительство и командование стремились достичь прежде всего психологического эффекта, уничтожив для этого множество людей. Не случаен был выбор целей атомных ударов. Города-жертвы намеренно не подвергались массированным «ковровым бомбардировкам», здесь можно было получить «чистый результат» эксперимента на живых людях. Г. Трумэн лично одобрил предложение своего ближайшего советника, а затем государственного секретаря США Дж. Бирнса о том, что «бомбу следует использовать как можно скорее против Японии, что ее следует сбросить на военный завод, окруженный жилыми массивами для рабочих, и что ее следует применить без предварительного предупреждения»[299].

Нанесение впервые в мире атомного удара по живым людям — детям, женщинам и старикам было возложено на 509-ю авиагруппу 20-й воздушной армии, перебазированной в январе 1945 г. на Кубу, где в глубокой тайне экипажи практиковались в бомбометании, в том числе с помощью наведения на цель радаром. Командиром авиагруппы был двадцатидевятилетний полковник ВВС Пол Тиббетс. Готовить свою группу к выполнению особого задания полковник начал уже летом 1944 г., когда атомная бомба еще не была готова. Он сам составил команду, которой предстояло сбросить «изделие». Из различных частей ВВС США были изъяты и направлены в эту авиагруппу 14 бомбардировщиков В-29 новейшей модификации.

Хотя остров Гуам был лучше оборудован, американское командование и лично адмирал Ч. Нимиц выбрали в качестве базы, с которой должны были вылететь В-29 с атомным грузом, расположенный также в Марианской гряде остров Тиниан. Этот остров на 150 км ближе к Японии, чем Гуам, имеет идеально ровную коралловую площадку для использования в качестве взлетно-посадочной полосы и удобен для посадок крупных бомбардировщиков с моря.

Компоненты атомной бомбы были доставлены в гавань Тиниана 26 июля 1945 г. крейсером «Индианаполис». В Вашингтон было сообщено, что бомба будет собрана и готова к применению к 1 августа. 4 августа состоялся инструктаж семи экипажей, подготовленных к выполнению необычного задания. Пилотам продемонстрировали фильм об испытании атомной бомбы в Аламагордо. Особое внимание уделялось необходимости как можно быстрее после взрыва покинуть место бомбардировки, дабы не попасть в поднимающееся радиоактивное облако. На следующий день был отдан приказ сбросить начиненную ураном-235 бомбу, получившую название «Малыш», на Хиросиму. Выполнить приказ надлежало экипажу В-29 под командованием полковника П. Тиббетса, который назвал несший смертоносное атомное устройство бомбардировщик именем своей матери «Энола Гэй». Самолет сопровождали еще два В-29. Один являлся техническим бортом, на котором летели трое ученых для присутствия при эксперименте и выброса с парашютом измерительных приборов. Еще один самолет с кинооператорами на борту предназначался для фиксирования на пленку исторического события вступления мира в эпоху ядерного оружия.

В ночь на 6 августа американские бомбардировщики направились на северо-запад, к Японии. В 7 часов 30 минут утра на горизонте появилось японское побережье. Погода сто-

яла благоприятная: светило яркое солнце, видимость была отличная. При подходе к городу экипажи рассматривали его кварталы и выделявшийся своей архитектурой хиросимский феодальный замок. Сброс «Малыша» на центр Хиросимы должен был состояться в 8 часов 15 минут по японскому времени. Задержка составила лишь 17 секунд. В США дата первого военного применения атомного оружия иная — 19 часов 15 минут 5 августа 1945 г.

Бомба была подорвана на высоте 580 метров. Считалось, что именно в результате воздушного взрыва атомной бомбы городу и населению будет нанесен максимальный ущерб. При этом никакого предупреждения о нанесении атомного удара американцы не делали. С другой стороны, сигнал воздушной тревоги прозвучал лишь за 15 минут до взрыва. Однако, увидев в небе сначала лишь один самолет и не ожидая массированной бомбардировки, мало кто поспешил в бомбоубежище. Это значительно увеличило число жертв.

Определение числа погибших, среди которых было немало испепеленных, и раненых было затруднено неизвестным числом населения Хиросимы в момент взрыва: цифры разняться от 255 до 350 тыс. человек. Это связано с большой миграцией жителей городов, спасавшихся от бомбардировок в деревнях. По опубликованным Министерством внутренних дел Японии 6 сентября 1945 г. данным, жертвами атомного взрыва стали 70 тыс. погибших и 130 тыс. раненых. По американским же данным, погибли 64 тыс. и были ранены 72 тыс. человек. При этом не учитывались умершие от последствий атомной бомбардировки через несколько месяцев, каковых было от 50 до 60 тыс. Считается, что всего до 1950 г. от радиации и других вызванных взрывом заболеваний погибли около 200 тыс. жителей Хиросимы[300]. Оставшиеся в живых «хибакуся», как назвали в Японии облученных японцев и их потомков во втором и третьем поколениях, практически все стали инвалидами по заболеванию.

В момент взрыва американский президент находился на борту крейсера «Аугуста», возвращаясь в США с Потсдамской конференции. Получив сообщение о разрушении атомной бомбой Хиросимы, Г. Трумэн заявил госсекретарю Дж. Бирнсу, что атомная бомбардировка стала «величайшим событием в истории человечества». Об атомной бомбардировке Хиросимы американский народ узнал по радио из оглашенного заявления президента Г. Трумэна.

Однако вопреки ожиданиям американцев Япония не капитулировала после уничтожения Хиросимы. Японское правительство скрыло от народа сообщение о применении США принципиально нового, обладающего огромной разрушающей мощью атомного оружия и продолжало готовить население к решающему сражению на своей территории «до последнего японца». Вопрос о бомбардировке Хиросимы даже не обсуждался на заседании Высшего совета по руководству войной.

Невзирая на гибель в атомном огне множества соотечественников и возможность повторной бомбардировки с применением нового оружия, сторонники «партии войны» готовили женщин, стариков и детей к борьбе с врагом с применением бамбуковых копий, а в горах создавались базы партизанской войны. В окрестностях г. Мацусиро в префектуре Нагано (центральная Япония) продолжалось интенсивное строительство с использованием рабского труда корейцев огромного бункера для монарха и высшего командования на период решающего сражения. В выдолбленном в скальной породе убежище должны были располагаться императорская семья с обслуживающим персоналом, Генеральный штаб, службы связи.

Не понимая всей сложности создания атомного оружия, высшие чины до последнего требовали от ученых изготовления «оружия возмездия» — японской атомной бомбы. Работы над ее созданием были зашифрованы как проект «Ни», по чтению первого иероглифа фамилии руководителя проекта, ученика Нильса Бора профессора Ё. Нисина.

Невозможность противостоять противнику в военно-техническом отношении толкала японских генералов на превращение в камикадзе всей нации. Заместитель начальника главного морского штаба вице-адмирал Т. Ониси, категорически выступая против капитуляции и после атомной бомбардировки, заявлял на заседаниях правительства: «Пожертвовав жизнями 20 миллионов японцев в специальных атаках (камикадзе), мы добьемся безусловной победы». При этом он подчеркивал, что камикадзе не обязательно быть пилотом, а достаточно просто «быть готовым нанести ценой своей жизни эффективный удар по противнику»[301].

До последнего существовали надежды на использование сохранившей свою боеспособность многочисленной Квантунской группировки, расположенной в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия). С другой стороны, в случае высадки американских войск на Японские острова рассматривался вариант переправки императора и его семьи в марионеточное государство Маньчжоу-Го. При этом считалось, что американцы не будут подвергать атомной бомбардировке территорию союзного Китая.

Не исключалось и массовое применение в ответ на атомные удары накопленного в огромных количествах в Квантунской группировке войск запрещенного бактериологического и химического оружия. По признанию служащих японского центра по разработке бактериологического оружия — отряда № 731, в конце войны готовых к употреблению болезнетворных бактерий хранилось столько, что, «если бы они при идеальных условиях были рассеяны по земному шару, этого хватило бы для уничтожения всего человечества»[302].

Подобные расчеты были перечеркнуты блицкригом советских войск в Маньчжурии. Объявив 8 августа войну милитаристской Японии, Советский Союз приступил к осуществлению широких наступательных операций в Северо-Восточном Китае, Корее, на Сахалине и Курильских островах. Это лишало японское военно-политическое руководство шансов упорным сопротивлением оттягивать капитуляцию. 9 августа на экстренном заседании Высшего военного совета по руководству войной премьер-министр К. Судзуки заявил: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным окончание войны»[303]. Вопреки распространенному мнению о том, что именно атомная бомба заставила японцев капитулировать, в действительности определяющее влияние на принятие японским правительством решения сложить оружие имело вступление в войну победивших нацистскую Германию мощных Вооруженных сил Советского Союза.

В распоряжении американцев была лишь еще одна плутониевая бомба «Толстяк», которая без всякой военной необходимости была сброшена 9 августа 1945 г. на японский г. Нагасаки. Сброс «Толстяка» планировался на 11 августа и был по официальной версии перенесен на два дня ранее из-за неблагоприятного метеопрогноза на предстоящие дни. Однако нельзя исключать и то, что американское руководство, узнав о вступлении СССР в войну, поспешило еще одним атомным ударом добиться незамедлительной капитуляции японского правительства еще до глубокого продвижения советских войск в Китае. При этом было важно не отдать лавры победы СССР, не допустить впечатления о решающей роли Советского Союза в разгроме Японии.

Первоначально атомной бомбардировке должен был подвергнуться расположенный на острове Кюсю г. Кокура, но из-за плохой видимости, уже находясь над целью, экипаж американского бомбардировщика принял решение атаковать Нагасаки, где можно было сбросить бомбу, визуально наводя самолет на объект поражения, не полагаясь на еще несовершенный наводящий радар. «Толстяк» был сброшен над центром Нагасаки в 11 часов 2 минуты 9 августа 1945 г. на высоте 500 метров. Жертвами испытания плутониевой атомной бомбы стали свыше 150 тыс. жителей, из них 74 тыс. человек погибли при взрыве[304]. Картина после взрыва была ужасающая: «Пострадавшие не были жертвами обычной бомбы, они были облучены гамма-лучами, разрушившими их внутренности и, как бомба с часовым механизмом, поставившими на них страшную печать смерти»[305].

На проходившем 9 августа экстренном заседании Высшего совета по руководству войной развернулась ожесточенная полемика по вопросу о том, закончить войну, приняв условия Потсдамской декларации, или вести ее до конца. Среди сторонников окончания войны были премьер-министр К. Судзуки, министр иностранных дел С. Того, министр-хранитель императорской печати К. Кидо, военно-морской министр М. Ионаи и некоторые другие члены кабинета и сановники императорского двора. Они выступили с предложением принять Потсдамскую декларацию с единственной оговоркой о сохранении в Японии после капитуляции императорского государственного строя. Выдвижение этого условия было вызвано опасением того, что поражение в войне может подтолкнуть народные массы к революции. Стремясь избежать этого, политическое руководство страны и окружение императора счи-

тали необходимым капитулировать как можно скорее перед американцами и англичанами и не допустить высадки на Японские острова советских войск.

О предпочтительности такого развития событий влиятельный японский политик бывший премьер-министр Ф. Коноэ информировал императора еще в начале 1945 г., сразу после Ялтинской конференции. В личном обращении к монарху 14 февраля 1945 г. он подчеркивал, что «общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя», а значит, только в результате военного поражения можно избежать ликвидации императорской системы правления. Запугивая императора «серьезной опасностью вмешательства в недалеком будущем Советского Союза во внутренние дела Японии», он рекомендовал ему скорее завершить войну, предотвратив тем самым «коммунистическую революцию»[306].

В оппозиции сторонникам незамедлительного окончания войны находилось командование императорской армии, которое страшась ответственности за совершенные преступления, не соглашалось с условиями Потсдамской декларации, прежде всего с требованием о наказании японских военных преступников. Их позиция сводилась к тому, чтобы оговорить капитуляцию Японии четырьмя условиями, а именно: сохранение существующего государственного строя, наказание военных преступников самими японцами, самостоятельное разоружение, недопущение оккупации Японии союзниками, а если оккупация неизбежна, то она должна быть непродолжительной, осуществляться небольшими силами, не затрагивая столицу Токио[307].

В случае отказа союзников принять эти условия высшее командование армии готово было продолжать бессмысленное сопротивление. На последовавшем за совещанием Высшего совета по руководству войной заседании кабинета министров 9 августа военный министр К. Анами и начальник Генерального штаба сухопутных сил Ё. Умэдзу пытались убедить правительство в том, что Япония все еще в состоянии дать решающее сражение на своей территории. «Условия безоговорочной капитуляции невыносимы, — заявлял К. Анами. — Конечно, если учитывать такие факторы, как наличие у противника атомной бомбы и вступление СССР в войну, нам трудно надеяться на победу. Но пока великая японская нация продолжает бороться за свое достоинство, у нее есть кое-какие шансы. Нельзя допустить разоружения японской армии. Фактически у нас нет другого выхода, кроме как продолжать войну»[308].

Его поддерживал начальник Генерального штаба армии Ё. Умэдзу, который убеждал присутствовавших: «Хотя вступление Советского Союза в войну создало для нас невыгодную обстановку, все же не следует отказываться от благоприятного случая для нанесения последнего удара по Соединенным Штатам и Англии. Души наших павших героев не простят нам безоговорочной капитуляции. Как минимум должны быть выдвинуты четыре условия»[309].

При голосовании предложения министра иностранных дел С. Того о принятии Потсдамской декларации лишь с одним условием — сохранение в Японии императорской системы правления — военный министр К. Анами выступил против. Его поддержали военно-морской министр, министры юстиции, вооружения, сельского хозяйства и торговли, транспорта и связи, просвещения и министр без портфеля. Остальные пять членов кабинета воздержались. Поскольку за предложение С. Того проголосовали лишь шесть министров, окончательное решение не было принято[310].

Сторонникам окончания войны удалось убедить императора, вопреки обыкновению, высказать свое мнение по поводу дальнейших действий. Без этого разрешить возникшие противоречия было невозможно. На состоявшемся в ночь с 9 на 10 августа в подземном бункере заседании высших японских руководителей Хирохито медленно произнес в гробовой тишине: «Я согласен с планом Министерства иностранных дел. Я долго размышлял над ситуацией в стране и за рубежом и заключил, что продолжение войны означает разрушение нации, продолжение бессмысленного и жестокого кровопролития... Окончание войны является единственным способом установить мир во всем мире и освободить нацию от ужасного бедствия»[311].

Утром 10 августа телеграфисты японского Министерства иностранных дел направили в нейтральные Швейцарию и Швецию для передачи союзникам сообщение о согласии японского правительства прекратить военные действия. Согласие сопровождалось лишь одним

условием. Условия Потсдамской декларации принимались «с пониманием того, что упомянутая декларация не заключает в себе каких-либо требований на ограничение прерогатив Его Величества как суверенного правителя». Сообщение заканчивалось словами: «Японское правительство искренне надеется на понимание и ожидает скорейшего ответа»[312].

Тем не менее, вопреки принятому решению императора прекратить войну, командование сухопутными силами не считало нужным довести его до армии и народа. Оно все еще надеялось, прибегнув к ожесточенному сопротивлению, выторговать у союзников ослабление требований Потсдамской декларации, в частности по вопросу о наказании военных преступников. 10 августа 1945 г. ставка отдала директиву следующего содержания:

«1. Ставка намерена по-прежнему вести основные военные действия против Соединенных Штатов и одновременно повсеместно развернуть действия с целью последующего разгрома Советского Союза, чтобы сохранить государственный строй и защитить землю Императора.

2. Командующему Квантунской армией сосредоточить основные усилия против Советского Союза, разбить противника и защитить Корею»[313].

В Вашингтоне знали, что нерешенность вопроса об императоре усилит позиции сторонников сражений «до последнего японца» и может существенно затянуть войну. К изучению проблемы управления поверженной Японией американцы приступили уже через 10 месяцев после японского нападения на Пёрл-Харбор. С этой целью в Государственном департаменте США существовал специальный орган — Комитет послевоенных программ под председательством госсекретаря США К. Хэлла. Одним из центральных вопросов довольно острой дискуссии среди членов комитета было отношение к императорской системе правления в Японии.

С самого начала определились две группы — сторонников «жесткого» и «мягкого» мира с Японией. Сторонники первого утверждали: «Для обеспечения мира и безопасности на Тихом океане необходимо принять меры, исключающие повторение Японией агрессивных войн. Необходимо искоренить сами причины такой политики, а именно следует ликвидировать императорскую систему как структуру централизации власти... Без устранения императорской системы нельзя будет говорить о победе над Японией». Сторонники «мягкого мира» приводили свои аргументы: «Было бы неверно считать неразрывными императорскую систему и агрессивную войну... Война началась не по инициативе императора, он был лишь использован для ее развязывания... Император необходим как психологическая основа для послевоенного переустройства Японии»[314]. В качестве довода японского императора даже сравнивали с маткой в пчелиной семье.

В мае 1944 г. комитет решил: императорская система будет сохранена, территория Японии расчленяться не будет, а японское правительство станет самостоятельно осуществлять руководство страной. Таково было мнение дипломатов. Но у генералов, чье влияние в стране за годы войны усилилось, были свои взгляды на будущую оккупационную политику. Вскоре после капитуляции нацистской Германии проблемами оккупации Японии стала заниматься специальная комиссия ОКНШ, которая была озабочена не столько будущим Японии, сколько текущими вопросами использования войск, в том числе для осуществления оккупационного режима. Командование США считало, что вся власть в Японии после ее капитуляции должна принадлежать военной администрации.

При решении вопроса об императоре Японии в Вашингтоне не могли не учитывать позиции правительств и народов союзных держав. Посол Японии в Швеции С. Окамото предупредил Токио: «У американцев возникли затруднения в отношениях с союзниками из-за вопроса о статусе императора. Россия и Китай настаивают на его устранении. Великобритания согласна с временным статусом императора, лондонская «Таймс» высказывается против сохранения империи»[315].

Не желая еще до капитуляции Японии гарантировать сохранение императорской системы правления в этой стране, но одновременно понимая, что отказ в этом может вызвать партизанскую войну, а значит, дополнительные человеческие потери, администрация США в своем ответе постаралась обойти молчанием вопрос о статусе императора после капитуляции. Ответ государственного секретаря США Дж. Бирнса от 11 августа 1945 г. гласил: «С момента

капитуляции полномочия императора и японского правительства по управлению государством будут подчинены Верховному главнокомандующему союзными войсками, который будет предпринимать только те действия, которые необходимо совершить в рамках условий капитуляции. Император Японии является гарантом полномочий правительства и японского императорского Генерального штаба и заверяет их подписи под условиями капитуляции, призванными обеспечить положения Потсдамской декларации. Окончательная форма правления Японией в соответствии с Потсдамской декларацией будет установлена свободным волеизъявлением японского народа. Вооруженные силы союзных держав будут пребывать на территории Японии до окончательного выполнения четвертого пункта Потсдамской декларации». В ноте Дж. Бирнса говорилось, что император Хирохито должен отдать приказ всем вооруженным силам как внутри страны, так и за рубежом «прекратить боевые операции и сложить оружие»[316].

Для того чтобы смягчить тон ноты, по требованию представителей армии и правительства чиновники японского МИДа заменили словосочетание «будут подчинены» на более вольный перевод — «будут ограничены»[317]. Однако это уже ничего не меняло и являлось лишь попыткой хоть как-то «спасти лицо».

Не удался и затеянный наиболее непримиримыми военными из Министерства сухопутных сил мятеж. Их план выкрасть граммофонную пластинку, на которой император записал свой рескрипт о прекращении войны, провалился.

В полдень 15 августа 1945 г. по радио было передано обращение императора, который известил о решении прекратить сопротивление. Рескрипт был составлен таким образом, что в нем не говорилось о военном поражении, а в качестве мотива прекращения войны выдвигалось стремление «спасти человеческую цивилизацию от полного уничтожения». При этом Хирохито продолжал, как и в начале войны, утверждать, что ее целью была «защита существования нации». Сославшись на применение США «нового оружия небывалой мощности», составители рескрипта постарались представить дело так, что Японская империя не капитулировала в силу разгрома, а была вынуждена сложить оружие, оказавшись перед непреодолимыми обстоятельствами»[318].

Хотя в выступлении по радио 15 августа ссылка на использование противником атомного оружия была, в менее известном рескрипте императора Хирохито от 17 августа 1945 г. «К солдатам и матросам» он, уже не упоминая атомные бомбы, в качестве основной причины капитуляции назвал вступление в войну Советского Союза. При этом со всей определенностью было выражено опасение за сохранение в Японии монархической власти. Хирохито заявил: «Теперь, когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей Империи»[319].

Участие СССР в войне вынудило японскую верхушку согласиться с капитуляцией не только вследствие неизбежного военного поражения, но и по политико-идеологическим причинам. Как отмечалось выше, японская аристократия и помещичье-буржуазные круги усматривали в поражении от социалистического Советского Союза опасность «коммунистической революции в Японии». Именно эти опасения заставили японское правительство и императорский двор капитулировать как можно скорее.

Однако прекращения военных действий сразу после выступление императора по радио не последовало. Командиры экспедиционной армии в Китае и продолжавших сопротивление в Юго-Восточной Азии и на островах Тихого океана подразделений называли сообщение о капитуляции Японии «провокационными слухами». В самой Японии отмечались случаи расправы с пленными американскими летчиками. В Токио разбрасывались листовки с призывами продолжать борьбу: «Правительство и высшие чиновники попались в ловушку противника и заставили императора отдать приказ об окончании войны. Это ужасно. Император — это Бог. Япония не может сдаться. Императорские вооруженные силы не могут капитулировать. Мы как представители воздушных сил уверены в победе»[320].

Продолжались боевые действия японских войск в Маньчжурии и Корее, на Сахалине и Курильских островах. После получения 18 августа приказа командующего Квантунской

армией генерала О. Ямады о капитуляции его войска стали складывать оружие. Значительная часть армии не прекратила сопротивление, а на ряде участков фронта японские части и подразделения переходили в контрнаступления. В то же время японские войска, следуя приказам своих командиров, в должном порядке проводили капитуляцию перед американской и английской армиями. Уже с 15 августа военные действия между англо-американскими и японскими войсками были прекращены.

Генеральный штаб Красной армии вынужден был сделать специальное заявление о том, что пока японские войска не прекратят сопротивление, наступление советских войск будет продолжаться. Это возымело действие. 19 августа после встречи командующего советскими войсками на Дальнем Востоке Маршала Советского Союза А. М. Василевского с плененным начальником штаба Квантунской армии генералом Х. Хатой японские солдаты и офицеры, получив соответствующие приказы, начали сдаваться. Началась и сдача гарнизонов в Корее, где 18 августа были разграничены по 38-й параллели зоны ответственности вооруженных сил СССР и США.

Однако очаговые бои продолжались. Оценивая причины такого положения на советско-японском фронте, японские историки указывают: «Командование Квантунской армии, настроенное исключительно враждебно к Красной армии, продолжало оказывать отчаянное сопротивление даже после разгрома штабов и дезорганизации системы управления. Разрозненные бои продолжались еще сорок дней после решения о капитуляции. В связи с этим японская армия понесла большие потери»[321].

28 августа первая группа американских солдат в составе 150 человек высадилась на японской авиабазе Ацуги близ Токио. До этого события небо Токио заволакивали тучи дыма. Имея время до появления в Японии войск союзников, японские правители лихорадочно сжигали документы, обличающие преступления милитаристского режима. К этому времени уже было объявлено об учреждении международного военного трибунала для преступников нацистской Германии, и в Японии понимали, что подобный «суд народов» ждет и поджигателей войны из Страны восходящего солнца.

На 2 сентября 1945 г. была назначена церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции Японии. Церемония должна была состояться на американской территории — флагмане Тихоокеанского флота США линкоре «Миссури», специально вошедшем для этого в Токийский залив.

Американцы стремились показать, что именно США победили Японию. Однако присвоить все лавры победы администрации США было трудно. Ведь с японскими полчищами вели многолетнюю кровопролитную борьбу китайский народ и другие народы Восточной Азии, войска европейских государств. Неоценимый вклад в разгром крупной группировки японских сухопутных сил — Квантунской армии и освобождение Северо-Восточного Китая, Кореи, Сахалина и Курильских островов внесли Вооруженные силы Советского Союза. Поэтому под текстом Акта о капитуляции были поставлены подписи всех основных участников войны против милитаристской Японии. От СССР принял капитуляцию Японии генерал-лейтенант К. Н. Деревянко.

Генерал Д. Макартур обратился по радио к американцам: «Святой поход завершен, и, сообщая вам, народу, об этом, я говорю от имени миллионов храбрых бойцов, которые сейчас направляются домой... Перед нами новая эра... Проблема, стоящая перед нами, в основе своей носит религиозный характер — речь идет о духовном возрождении и улучшении натуры человека». В Белом доме Г. Трумэн также произнес речь, переданную в эфир. Президент США вознес хвалу Господу Богу, давшему победу, и заявил, что день победы над Японией станет новым подтверждением тех принципов, которые превратили США в сильнейшую державу.

Главным итогом разгрома милитаристской Японии стало окончание продолжавшейся долгие шесть лет (а с учетом японо-китайской войны — девять лет) самой кровопролитной и разрушительной в истории человечества Второй мировой войны. Колониальная империя Японии была разрушена, в результате чего это государство лишилось насильственно включенных после захвата в состав собственной территории или превращенных в марионеточные

государства — Кореи, Маньчжурии, Тайваня, Южного Сахалина, Курильских островов, подмандатных тихоокеанских островов. Согласно условиям Потсдамской декларации о капитуляции Японии ее территория была ограничена лишь основными островами метрополии, а также более мелкими островами, которые должны были быть названы союзными государствами.

Окончательное определение территориального состава Японии содержалось в изданном 29 января 1946 г. Меморандуме (директиве) Верховного командующего союзных держав генерала Д. Макартура японскому императорскому правительству[322]. Подписавшие меморандум представители императора, правительства и Генерального штаба дали обязательство «честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которые в целях осуществления этой декларации потребует Верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель»[323].

Вскоре после издания этой директивы, 2 февраля 1946 г., Президиум Верховного Совета СССР издал указ, который гласил: «Установить, что с 20 сентября 1945 г. вся земля с ее недрами, лесами и водами на территории южной части острова Сахалина и Курильских островов является государственной собственностью СССР, то есть всенародным достоянием». Одновременно указом на территории Южного Сахалина и Курильских островов образовывалась Южно-Сахалинская область в составе Хабаровского края РСФСР[324].

Безоговорочная капитуляция Японии означала прекращение существования навязанного японскому народу фашистско-милитаристского режима, подавлявшего всякие стремления к демократии и свободомыслию как в стране, так и в оккупированных зарубежных владениях. Устранение военно-бюрократических кругов от власти создавало условия для перехода Японии к развитию по пути демократизации общественной и политической жизни на основе парламентаризма и волеизъявления народа.

Несмотря на то что администрация США и лично президент Г. Трумэн поставили задачу превратить оккупацию Японии в «чисто американское мероприятие», страны — участники войны с Японией добились создания коллективных органов, призванных вырабатывать и контролировать исполнение оккупационной политики. В соответствии с решением проходившего 16–26 декабря 1945 г. в Москве совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании были созданы Дальневосточная комиссия 11 государств (СССР, США, Великобритания, Китай, Франция, Индия, Голландия, Канада, Австралия, Новая Зеландия и Филиппины) и Союзный совет из представителей четырех великих держав (СССР, США, Великобритания и Китай). Комиссия была призвана формулировать основные принципы оккупационной политики, а Совет — осуществлять контрольные функции за действиями американского командования оккупационных сил при выполнении им директив Дальневосточной комиссии[325]. В принятом американским правительством 22 сентября 1945 г. документе «Основные принципы оккупационной политики в отношении Японии» говорилось: «В конечном счете, надо создать мирное правительство, поддерживающее цели Америки... В случае если между главными союзными державами возникнут разногласия, надлежит следовать американской политике»[326].

Не останавливаясь перед перспективой новой войны, штаб американских оккупационных войск в Японии не скрывал своего намерения отстранить СССР от участия в проведении политики и конкретных мероприятий в отношении Японии. В связи с этим можно говорить о том, что первые сполохи холодной войны наиболее зримо проявились именно в соперничестве двух крупнейших государств мира по японскому вопросу. Готовясь к военному и политическому соперничеству с СССР за влияние в Восточной Азии, американцы уже рассматривали Японские острова как свой «непотопляемый авианосец», нацеленный на Советский Союз. Как известно, планы атомной войны против СССР существовали в США уже в 1945 г.[327] При этом явно с целью дискредитации внешней политики Советского Союза, принижения его вклада в победу над Японией пропаганда США стремилась присвоить все лавры этой победы, представляя решение японского императорского правительства о капитуляции исключительно как результат атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Заседание Международного военного трибунала в Токио в апреле 1947 г.

Скамья подсудимых. Токийский процесс

По требованию Советского Союза и других союзных держав в 1946–1948 гг. в Токио проходил Международный трибунал над главными японскими военными преступниками. Справедливая кара настигла тех, кто был повинен в развязывании унесшей десятки миллионов человеческих жизней кровопролитной войны. Наиболее активные организаторы войны были казнены в токийской тюрьме Сугамо и приговорены к длительным тюремным срокам. Однако усилиями американской администрации наказания избежал главнокомандующий японской армией и флотом император Хирохито.

Начиная с 1945 г. трибуналами США были рассмотрены дела на 1299 японцев, обвиняемых в совершении военных преступлений: из них были приговорены к смертной казни — 222 человека, к пожизненному заключению — 117, к тюремному заключению на различные сроки — 737. Кроме того, суды Великобритании, Голландии, Франции, Китая, Австралии и Филиппин приговорили в общей сложности 732 японца к смертной казни: к пожизненному заключению — 231, к различным срокам тюрьмы — 1872. В Хабаровске в декабре 1949 г. прошел судебный процесс по делу 12 бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, в том числе командующего Квантунской армией О. Ямады. Все обвиняемые были признаны виновными и получили наказания в виде заключения в исправительно-трудовых лагерях сроком от 2 до 25 лет[328].

1 декабря 1949 г. Госдепартамент США объявил, что американское и английское правительства приступили к разработке и согласованию проекта мирного договора с Японией. С одной стороны, американцы понимали, что затягивание оккупационного режима усиливало антиамериканские настроения в Японии. Генерал Д. Макартур в своих донесениях в Вашингтон особо подчеркивал, что продолжение оккупации «может навсегда поссорить США с Японией»[329]. С другой стороны, нормализация отношений с Японией была необходима для превращения ее в полноценного военного союзника США в конфронтации с социалистическими странами — СССР и КНР. В мае 1950 г. генерал Д. Макартур обнародовал новую концепцию обороны: «Теперь Тихий океан превратился в англосаксонское озеро, и наша линия обороны проходит через цепь островов, окаймляющих берега Азии. Эта цепь берет свое начало с Филиппинских островов, продолжается архипелагом Рюкю, в который входит главный остров Окинава, затем она, поворачивая назад, проходит через Японию, Алеутские острова и Аляску»[330].

Одновременно с мирным договором планировалось заключить соглашение об «обеспечении обороны Японии», то есть японо-американский военно-политический союз. По замыслам Пентагона мирный договор должен был юридически оформить существование «фактического мира», на деле сохраняя оккупационный режим. С этой целью без участия СССР и других воевавших с Японией стран Восточной Азии был подготовлен американо-английский проект сепаратного мирного договора. Несмотря на протесты СССР и ряда других государств, требовавших внести в текст проекта положения, препятствующие возрождению японского милитаризма, пребыванию на территории Японии иностранных войск, а также учитывающие интересы пострадавших от японского милитаристского режима народов, 8 сентября 1951 г. на международной конференции в Сан-Франциско был подписан мирный договор с Японией. Одновременно согласно договоренности между правительствами США и Японии был заключен так называемый «договор безопасности», закрепивший право вооруженных сил США бессрочно находиться на японской территории и использовать водное и воздушное пространство страны американским военным флотом и авиацией.

В условиях, когда на конференцию не были допущены представители КНР, КНДР, Вьетнама, МНР и других стран, правительства СССР, Польши, Чехословакии и ряда арабских стран сочли невозможным пойти на подписание явно проамериканского договора. Сан-Францисская мирная конференция проходила в обстановке уже открытого военного противостояния сформировавшихся двух лагерей — капиталистического и социалистического, а именно начавшейся в июне 1950 г. войны в Корее.

Одним из важных итогов разгрома японского милитаризма и окончания войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе стало крушение колониальной системы, начавшееся именно в Азии, а затем охватившее также Африку, Латинскую Америку, Океанию.

На политические процессы в Китае большое влияние оказало освобождение советскими войсками оккупированных японцами Северо-Восточных провинций этой страны (Маньчжурии). Этот район стал одной из главных баз борьбы китайского народа за независимость и выбор самостоятельного пути развития, проходившей под руководством компартии Китая. Народно-освободительная армия Китая (НОАК), получив трофейное японское вооружение и другую помощь из СССР, смогла успешно проводить военные операции против ориентировавшегося на США режима Чан Кайши, что привело к победе над войсками Гоминьдана и провозглашению 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики (КНР)[331]. Подписание в феврале 1950 г. Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР серьезно изменило расстановку сил в Восточной Азии. Не желая ослабления своего влияния в этой обширной и богатой ресурсами части планеты, США усилили конфронтацию, что привело к началу Корейской войны.

К этому времени на севере Кореи уже существовала провозглашенная 9 сентября 1948 г. Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), которую поддерживал СССР, а на юге — созданная в том же году под эгидой США Республика Корея.

В результате народного восстания силами, боровшимися с японскими захватчиками во Вьетнаме, 2 сентября 1945 г. была провозглашена Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ). Вслед за этим к власти в Лаосе пришло временное народное правительство. Продолжалась борьба за независимость в Камбодже. Не смирившись с утратой своих позиций в Юго-Восточной Азии, бывшие колониальные державы планировали реставрировать свое господство в странах, освобожденных в результате разгрома милитаристской Японии. После раздела Вьетнама на северный — ДРВ и южный — Республика Вьетнам, состояние политического противостояния продолжалось, пока в 1964 г. не началось вооруженное вмешательство США в конфликт между севером и югом Вьетнама.

Победа над Японией позволила национально-освободительным силам Индонезии 17 августа 1945 г. провозгласить независимость своей страны. Однако бывшим английским колониям Бирме и Малайе не удалось сразу после изгнания японцев создать независимые национальные правительства. В условиях оккупации американскими войсками была затруднена национально-освободительная борьба на Филиппинах. После завершения Второй мировой войны в условиях обострившихся социальных противоречий развернулась общенациональная борьба за ликвидацию колониального режима в Индии. Будучи не в силах противостоять восстанию индийского народа, власти Великобритании были вынуждены принять 3 июня 1947 г. акт «О передаче власти в Индии», согласно которому колония была поделена на два доминиона — Индийский Союз и Пакистан. Затем в 1950 г. Индия была провозглашена суверенной демократической республикой.

Активное участие Советского Союза в разгроме милитаристской Японии, небывалый рост авторитета СССР в мире оказывали большое воздействие на развертывание не только национально-освободительной борьбы народов Азиатско-Тихоокеанского региона, но и распространение коммунистических идей, возрастание роли компартий как организующей силы борьбы за независимость, а затем за построение государств социалистической ориентации. Это объективно препятствовало планам господствующих сил США, которые еще в годы войны намеревались после разгрома Японии превратить Восточную Азию в свою вотчину[332].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Де Ланнуа Ф.* Африканский корпус. Ливийско-египетская кампания (1941–1943). М., 2008. С. 11.

[2] *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные: Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. М., 2001.

[3] *Кавальеро У.* Записки о войне. Дневник начальника итальянского генерального штаба. М., 1968. С. 37.

[4] *Krieg E.* L'epopee du desert. Geneve, 1980. P. 21.

[5] *Де Ланнуа Ф.* Указ. соч. С. 16.

[6] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 3. М., 1974. С. 154.

[7] Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2002. С. 124.

[8] *Типпельскирх К.* История Второй мировой войны. СПб., 1999. С. 201.

[9] *Krieg E.* Op. cit. P. 37.

[10] *Кавальеро У.* Указ. соч. С. 42.

[11] *Де Ланнуа Ф.* Указ. соч. С. 24.

[12] *Krieg E.* Op. cit. P. 42.

[13] *Bongiovanni A.* La fine dell'impero. Milano, 1974. P. 128.

[14] *Де Ланнуа Ф.* Указ. соч. С. 29.

[15] *Рипли Т.* Вермахт. Германская армия во второй мировой войне 1939–1945 гг. М., 2010. С. 117.

[16] *Carell P.* Die Wüstenfüchse. Mit Rommel in Afrika. Herbig, 2003. S. 98.

[17] *Кох Л.* Лис пустыни. Генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель. Ростов н/Д, 1999. С. 19.

[18] *Рипли Т.* Указ. соч. С. 216.

[19] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1997. Т. 2. С. 218.

[20] *Ирвинг Д.* Эрвин Роммель: Ганнибал двадцатого века. М., 2006. С. 154.

[21] *Де Ланнуа Ф.* Указ. соч. С. 56.

[22] *Кох Л.* Указ. соч. С. 78.

[23] *Carell P.* Op. cit. S. 144.

[24] *Kitchen M.* Rommel's desert war: waging World War II in North Africa, 1941–1943. Cambridge, N. Y., Melbourne, 2009. P. 172.

[25] *Фуллер Дж.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1956. С. 233.

[26] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., СПб., 1999. С. 298.

[27] Там же. С. 297.

[28] *Kitchen M.* Op. cit. P. 177.

[29] *Кох Л.* Указ. соч. С. 75.

[30] *Carell P.* Op. cit. S. 158.

[31] *Piekalkiewicz J.* Der Wüstenkrieg in Afrika, 1940–1943. München, 1985. S. 186.

[32] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 241.

[33] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 301.

[34] *Рипли Т.* Указ. соч. С. 144.

[35] *Меллентин Ф. В.* Танковые сражения 1939–1945 гг. / Пер. с англ. М., 1957. С. 90.

[36] *Шмидт Х.* С Роммелем в пустыне. Африканский танковый корпус в дни побед и поражений 1941–1942 годов / Пер. с англ. М., 2004. С. 102.

[37] *Рипли Т.* Указ. соч. С. 152.

[38] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 326.

[39] *Shulman M.* Defeat in the West. L., 1947. P. 81.

[40] *Головушкин В. И.* Вторая мировая война. Битва за Африку. Взгляд из России. М., 2004. С. 164.

[41] *Фуллер Дж.* Указ. соч. С. 334.

[42] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 335.

[43] *Шмидт Х.* Указ. соч. С. 204.

[44] *Фуллер Дж.* Указ. соч. С. 438.

[45] *Watson Bruce Allen.* Exit Rommel: the Tunisian campaign, 1942–1943. Mechanicsburg, 2007. P. 152.

[46] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 306.

[47] *Головушкин В. И.* Указ. соч. С. 223.

[48] Les Lettres secretes Echangees par Hitler et Mussolini (1940–1943). Paris, 2006. P. 211.

[49] *Головушкин В. И.* Указ. соч. С. 278.

[50] *Лиддел Гарт Б. Г.* Указ. соч. С. 375.

[51] *Шмидт Х.* Указ. соч. С. 254.

[52] *Фуллер Дж.* Указ. соч. С. 479.

[53] *Шмидт Х.* Указ. соч. С. 254.

[54] Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Военно-политический очерк. М., 1989. С. 48.

[55] *Юйчжан Хуан.* Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945). Пекин, 1984. С. 29; Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 48–49.

[56] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 204.

[57] *Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений СССР с Китаем (1917–1974). М., 1977. С. 133–135.

[58] *Мировицкая Р. А.* Советский Союз и Китайская Республика. 1930-е годы, проблемы внутриполитической стабильности в Китае // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. М., 2012. С. 21.

[59] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 37; Д. 1303. Л. 21; Русско-китайские отношения в XX в. Т. IV. Советско-китайские отношения. 1937–1944. М., 2000. С. 308–309.

[60] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 2. М., 2012. С. 175.

[61] Вооруженные силы Китая. История и современность. М., 1989. С. 45–46.

[62] Цит. по: *Юрьев М. Ф.* Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20–40-е годы). М., 1983. С. 228–229.

[63] РГВА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1218. Л. 294; Советский Союз накануне великих испытаний. М., 2004. С. 123.

[64] *Сапожников Б. Г.* Китай в огне войны (1931–1950). М., 1977. С. 130.

[65] *Сапожников Б. Г.* Китайский фронт во второй мировой войне. М., 1977. С. 51.

[66] ЦАМО РФ. Ф. 26б. Оп. 4396. Д. 13. Л. 90.

[67] Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 43–44; *Чжу Гуйшен и др.* Диэрцы шицзе дачжань ши. С. 215; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 85.

[68] Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 46.

[69] *Сотникова И. Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. С. 42.

[70] Советский Союз накануне великих испытаний. С. 124; ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 22383. Д. 3. Л. 25, 28.

[71] Шицзе лиши. 1984. № 5. С. 49.

[72] The Far Eastern Situation. Lecture Delivered 17 October 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R. 1. 3881-3281/10-18-39. P. 8.

[73] *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 152, 169.

[74] Вооруженные силы Китая. История и современность. С. 49.

[75] U. S. Naval Institute Proceedings. 1955. XII. Vol. 81. No. 12. P. 1315.

[76] *Батлер Дж., Гуайер Дж.* Большая стратегия (июнь 1941 — август 1942 г.) / Сокр. пер. с англ. М., 1967. С. 219.

[77] Цит. по: *Севостьянов Г. Н.* Подготовка войны на Тихом океане (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М., 1962. С. 499.

[78] См.: *Сафронов В. П.* Война на Тихом океане. СССР, США, Япония в условиях мирового конфликта, 1931–1945 гг. М., 2007. С. 264–265.

[79] Цит. по: там же. С. 264.

[80] См.: *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 13–15, 59–61.

[81] *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis, 1979. P. 6–7; *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N. Y., 1985. P. 76–78.

[82] *Okumiya M., Horikoshi J., Gaidin M.* Zero! The Story of the Japanese Navy Air Force 1937–1945. L., 1957. P. 61.

[83] Вторая мировая война. Краткая история. С. 165–166; Битва за океан. В 3-х кн. Кн. 1. Вологда, 1989. С. 180–181.

[84] Вторая мировая война. Краткая история. С. 167; Битва за океан. Кн. 1. С. 181–182.

[85] Там же. С. 103.

[86] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. М., 1993. С. 119, 127.

[87] Битва за океан. Кн. 1. С. 75–76.

[88] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 100–101; *Spector R.* Op. cit. P. 78–79.

[89] Битва за океан. Кн. 1. С. 108–109.

[90] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 102–103; Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). В 110-ти т. Токио, 1960–1980-е. Т. 24. С. 63–64; *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 182–183, 195, 205–206, 213, 233–235; *Фукуи С.* Нихон-но гункан (Японский военный флот). Токио, 1970. С. 259–299.

[91] *Dull P.* Op. cit. P. 10.

[92] U. S. Naval Institute Proceedings. 79. 1951. December. P. 1274; Ibid. 81. 1953. December. P. 1317.

[93] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 2. М., 1994. С. 335; *Dull P.* Op. cit. P. 15, 17.

[94] History of the Second World War. Vol. 2. No. 12. P. 769.

[95] Ibid.

[96] *Kirby S. & others.* The War Against Japan. Vol. 1. L., 1957. P. 95.

[97] Цит. по: Разгром японского милитаризма во Второй мировой войне. М., 1986. С. 343.

[98] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 156; *Spector R.* Op. cit. P. 78.

[99] *Dull P.* Op. cit. P. 8; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 10. С. 8, 164–165, 203–204.

[100] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 108.

[101] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 10. С. 297–298; The Asahi Evening News. 1982. December. 8, 23.

[102] *Dull P.* Op. cit. P. 10.

[103] Ibid. P. 11; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 10. С. 266, 404.

[104] History of the Second World War. Vol. 2. No. 12. P. 773; *Dull P.* Op. cit. P. 14.

[105] Военная энциклопедия. Т. 2. С. 335.

[106] Там же; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 10. С. 31.

[107] Внезапность в операциях вооруженных сил США. М., 1982. С. 198–199.

[108] *Dull P.* Op. cit. P. 11, 18–19.

[109] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 10. С. 301–313.

[110] *Dull P.* Op. cit. P. 19.

[111] *Spector R.* Op. cit. P. 84.

[112] *Dupuy T.* The Military History of World War II. N. Y., 1963. Vol. 8. P. 31.

[113] *Dull P.* Op. cit. P. 36.

[114] Ibid.

[115] Ibid. P. 37.

[116] *Kirby S. & others.* Op. cit. Vol. 1. P. 194.

[117] Ibid. P. 197–198; *Тюрк Г.* Сингапур: Падение цитадели / Сокр. пер. с нем. М., 1970. С. 85–86.

[118] *Spector R.* Op. cit. P. 128.

[119] *Kirgy S. & others*. Op. cit. P. 415; История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 4. М., 1975. С. 392.

[120] *Dull P.* Op. cit. P. 28.

[121] *Hunt F.* MacArthur and the War Against Japan. N. Y., 1944. P. 31—32; *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 212.

[122] *Хаф Ф.* Война на островах / Сокр. пер. с англ. М., 1980. С. 407.

[123] *Dull P.* Op. cit. P. 35; *Kirby S. & others*. Op. cit. Vol. 1. P. 144. *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 224.

[124] *Dull P.* Op. cit. P. 15, 19, 22—26.

[125] Ibid. P. 159—160; *Spector R.* Op. cit. P. 127—133.

[126] The War Against Japan (History of the Second World War. United Kingdom Military Series. Campaigns Series). Vol. 1. L., 1957. P. 434.

[127] Ibid. P. 437—438.

[128] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 283; The War Against Japan. Vol. 1. P. 437.

[129] Ibid. P. 438.

[130] Битва за океан (Действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне). В 3-х кн. Кн. 1. М., 1997. С. 144.

[131] The War Against Japan. Vol. 1. P. 439.

[132] Битва за океан (Действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне). Кн. 1. С. 144.

[133] Там же.

[134] Там же. С. 443; *Зимонин В.* Сражение в Яванском море // Морской сборник. 1992. № 2. С. 46.

[135] Битва за океан (Действия флотов на Тихом океане во Второй мировой войне). Кн. 1. С. 443.

[136] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 274.

[137] *Зимонин В. П.* Регион в огне. Узловые проблемы войны на Тихом океане. С. 126.

[138] *Dull P.* Op. cit. P. 104.

[139] Ibid. P. 111; *Kemp P. K.* Key to Victory: The Triumph of British Sea Power in World War II. Boston, 1957. P. 214; Jane's Fighting Ships. L., 1940. P. 31—34.

[140] *Dull P.* Op. cit. P. 104.

[141] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 298.

[142] *Spector R.* Op. cit. P. 152; Дайтоа сэнсо кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии). Т. 24. С. 524, 532, 536.

[143] India most Dangerous Hour (History of the Second World War. United Kingdom Military Series. Campaigns Series). Vol. 2. L., 1958. P. 116.

[144] *Kemp K.* Op. cit. P. 124.

[145] *Роскилл С.* Флот и война / Сокр. пер. с англ. М., 1970. Т. 2. С. 37; Дайтоа сэнсо кокан сэнси. Т. 24. С. 391.

[146] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 24. С. 435, 450—453, Приложение, карта 7; *James W. M.* British Navies in the Second World War. L., 1947. P. 150; The War Against Japan. P. 120.

[147] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 24. С. 434, 439; *Okumiya M., Horikoshi J., Gaidin M.* Op. cit. P. 98.

[148] *Dull P.* Op. cit. P. 108; The War Against Japan. Vol. 2. P. 123.

[149] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 24. С. 460, 463, 466, 469—470, 479; *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 38.

[150] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 24. С. 590—599; *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 40; *Okumiya M., Horikoshi J., Gaidin M.* Op. cit. P. 101.

[151] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 24. С. 521—523; *Роскилл С.* Указ. соч. Т. 2. С. 40.

[152] Там же. С. 134—135.

[153] См.: История СССР. 1985. № 5. С. 54.

[154] *Greenfield K.* American Strategy in World War II: A Reconsideration. Baltimor (Md.), 1970. P. 7, 123.

[155] *Spector R.* Op. cit. P. 158—160.

[156] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 49. С. 267—268.

[157] *Spector R.* Op. cit. P. 162—163; *Dull P.* Op. cit. P. 125—129.

[158] *Зимонин В. П.* Май — июнь 1942 г. Первые бои авианосных сил // Морской сборник. 1992. № 6. С. 58.

[159] В американской историографии численность японского флота, участвовавшего в операции, обычно завышается, в частности называется цифра в 200 и более кораблей и судов, в том числе 11 линейных

кораблей, 10 легких крейсеров (*Hezlet A.* Aircraft and Sea Power. N. Y., 1970. P. 244; *Morison S.* Coral Sea, Midway and Submarine Actions, May 1942 — August 1942. Boston, 1950. P. 87–93; History of United States Naval Operations in World War II. Vol. 4).

[160] *Зимонин В. П.* Май — июнь 1942 г. Первые бои авианосных сил. С. 59; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 43. С. 136–137, 140–145, 171–173, 191–192, 234–235.

[161] *Smith W.* Midway: Turning Point of the Pacific. N. Y., 1966. P. 161–163.

[162] *Lord W.* Incredible Victory. N. Y., 1967. P. 17–42; *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 382.

[163] *Dull P.* Op. cit. P. 139–140.

[164] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 43. С. 230–235; *Fuchida M., Okumiya M.* Midway — the Battle that Doomed Japan. N. Y., 1955. P. 82.

[165] *Fuchida M., Okumiya M.* Op. cit. P. 82.

[166] Ibid. P. 86.

[167] *Hezlet A.* Op. cit. P. 245.

[168] *Sherrod R.* History of Marine Corps Aviation in World War II. Washington, 1952. P. 54; *Karig W., Purdon E.* Battle Report. Pacific War: Middle Phase. N. Y., 1947. Vol. 3. P. 31–32.

[169] *Karig W. & others.* Op. cit. Vol. 3. P. 33.

[170] *Hezlet A.* Op. cit. P. 246.

[171] Ibid.

[172] Ibid; *Sherrod R.* History of Marine Corps Aviation in World War II. P. 58.

[173] Ibid.

[174] *Hezlet A.* Op. cit. P. 247.

[175] Ibid.

[176] *Зимонин В. П.* Май — июнь 1942 г. Первые бои авианосных сил. С. 61.

[177] *Fuchida M., Okumiya M.* Op. cit. P. 194; *Casey R.* Torpedo Junction. With Pacific Fleet from Pirl Harbour to Midway. N. Y., 1943. P. 251; *Шерман Ф.* Американские авианосцы в войне на Тихом океане / Сокр. пер. с англ. М., 1956. С. 102.

[178] *Dull P.* Op. cit. P. 166; *Fuchida M., Okumiya M.* Op. cit. P. 249–250.

[179] *Кодзима Н.* Тайхэйё сэнсо (Война на Тихом океане). Токио, 1966. Т. 1. С. 248.

[180] *Шерман Ф.* Указ. соч. С. 122.

[181] См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. 2-е изд. М., 1989. Т. 2. С. 19.

[182] The President War Addresses to People and the Congress of the U. S. A. Washington, 1945. P. 61.

[183] Ряд зарубежных исследователей придерживается другой точки зрения в оценке сражения у Мидуэя. Например, П. Далл неоднократно называет операцию «решающей битвой» (*Dull P.* Op. cit. P. 145, 166), а Г. Моль причислил сражение к числу 13 крупнейших битв Второй мировой войны (наряду с Московской и Сталинградской, где с обеих сторон участвовали более чем по миллиону солдат и офицеров), называет ее «фантастической», давшей неоспоримые преимущества американскому военному флоту (*Maule H.* The Great Battles of the World War II. L., N. Y., Sydney, Toronto, 1975. P. 195). Эти и аналогичные им оценки опровергаются статистическими данными.

[184] *Хаяси С.* Японская армия в военных действиях на Тихом океане / Пер. с англ. М., 1964. С. 73.

[185] См.: *Катогава К.* Тэйкоку рикугун кико бутай (Танковые войска сухопутных сил империи). Токио, 1974. С. 186–187; Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 73. Токио, 1974. С. 110–111.

[186] См.: Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 59. Токио, 1968. С. 380–381.

[187] Там же. Т. 73. С. 221.

[188] *Blum G.* From Morgenthau Diaries. Years of War 1941–1945. Boston, 1967. P. 84–85.

[189] См.: *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си. С. 575; *Хаяси С.* Указ. соч. С. 86.

[190] *Зимонин В. П.* 1942–1943 гг. Борьба за Алеутские острова // Морской сборник. 1993. № 5. С. 80–83.

[191] Там же. С. 83–84.

[192] *Barbey D.* MacArthur's Amphibious Navy: Seventh Amphibious Force Operations 1943–1945. Annapolis, 1969. P. 109, 126; *Мэтлофф М.* От Касабланки до «Оверлорда» / Пер. с англ. М., 1964. С. 189.

[193] *Sherrod R.* On to Westward. N. Y., 1945. P. 229; *Stockmann J.* The Battle for Tarawa. Washington, 1947. P. 72–73.

[194] См.: Вторая мировая война. Краткая история. С. 352.

[195] См.: *Хаяси С.* Указ. соч. С. 92–94; *Allen L.* Burma: The Longest War 1941–1945. N. Y., 1984. P. 150–151.

[196] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. М., 2014.

[197] FRUS. Diplomatic Papers: The Conferences at Cairo and Teheran, 1943. Washington, 1961. P. 245–246.

[198] *Woodward E.* The British Foreign Policy in the Second World War. L., 1962. P. 425.

[199] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 94.

[200] См.: там же. С. 95.

[201] *Мэтлофф М.* Указ. соч. С. 433; *Эрман Дж.* Большая стратегия (август 1943 — сентябрь 1944 г.) / Пер. с англ. М., 1958. С. 208–209.

[202] *Эрман Дж.* Указ. соч. С. 209.

[203] Там же. С. 213; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 5. P. 352.

[204] См.: *Мэтлофф М.* Указ. соч. С. 434.

[205] См.: Там же. С. 405–406.

[206] In: *Allen L.* Op. cit. P. 191–193, 365.

[207] *Spector R.* Op. cit. P. 361–362; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М., 1978. С. 319–320.

[208] Высадка морского десанта с целью захвата столицы Бирмы была осуществлена лишь 5 мая 1945 г., после ухода из Рангуна японцев.

[209] Вторая мировая война. Краткая история. С. 430–431.

[210] *Можейко И. В., Узянов А. Н.* История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973. С. 24; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. М., 1980. С. 91; Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе. С. 288.

[211] См.: Вторая мировая война. Краткая история. С. 431–432.

[212] См.: *Савин А. С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979. С. 165–166; История войны на Тихом океане / Пер. с яп. В 5-ти т. Т. IV. М., 1958. С. 73–77.

[213] См.: *Мэтлофф М.* Указ. соч. С. 499.

[214] War in Asia and the Pacific 1939–1949: A Fifteen-volume Collection / Ed. by D. Detwiler, Ch. Burdick. N. Y., L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1). P. 180.

[215] Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Washington, 1987. P. 505, 513; *Зимонин В. П.* Международно-правовые основы вступления СССР в войну против Японии. В кн. *Мартиросян А. Б.* На пути к Победе. С. 352.

[216] The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans. 1941–1945. Washington, 1955. P. 63; *Зимонин В. П.* Международно-правовые основы вступления СССР в войну против Японии. В кн. *Мартиросян А. Б.* На пути к Победе. С. 354–355.

[217] Reports of General MacArthur: Japanese Operations in South-West Pacific Area. Washington, 1966. Vol. 1. P. 395.

[218] См.: Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. 3-е изд. М., 1984. С. 476; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 25, 213; *Зимонин В. П.* Международно-правовые основы вступления СССР в войну против Японии. В кн. *Мартиросян А. Б.* На пути к Победе. С. 355–356; Command Decisions. P. 501, 504; The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan. P. 65, 85–88; *Spector R.* Op. cit. P. 511–530; Relations with China: Reference to the Period 1944–1945. Washington, 1949. P. VIII; *Stimson H., Bundy M.* On Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 619; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. P. 545.

[219] См.: Америка. 1985. № 346. С. 16.

[220] См.: Протокол совещания: ЦАМО РФ. Ф. 113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 201, 203, 219.

[221] См.: *Зимонин В. П.* Принуждение Японии к миру: Советский Союз и победная точка во Второй мировой войне. М., 2011. С. 108.

[222] Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. Краткая история. М., 1956. С. 528.

[223] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 22.

[224] История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 156.

[225] Тайхэйё сэнсо си (История войны на Тихом океане). Т. 5. Токио, 1973. С. 305–306.

[226] *Хорикоси Д., Окумия М., Кайдин М.* «Зеро!» Японская авиация во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1999. С. 398.

[227] Кампании войны на Тихом океане. Материалы комиссии по изучению стратегических бомбардировок авиации Соединенных Штатов / Пер. с англ. М., 1956. С. 407.

[228] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941—1945 / Пер. с яп. М., 1973. С. 505.

[229] *Bix H. P.* Hirihito and the Making of Modern Japan. N. Y., 2001. P. 483.

[230] *Крейг У.* Падение Японии / Пер. с англ. Смоленск, 1999. С. 18.

[231] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 59.

[232] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941—1945. С. 505.

[233] *Икухито Х.* Рикукайгун сого дзитэн (Объединенный словарь сухопутных сил и военно-морского флота Японии). Токио, 1991. С. 112.

[234] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 49.

[235] Вторая мировая война. Краткая история. С. 234.

[236] Пробуждение угнетенных. Национально-освободительное движение в Азии и Африке. М., 1968. С. 467.

[237] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 445.

[238] Там же.

[239] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 53.

[240] *Крюгер В.* От Австралии до Японии. История 6-й американской армии во Второй мировой войне / Пер. с англ. М., 1958. С. 370.

[241] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 446.

[242] История Второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 57.

[243] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941—1945. С. 502.

[244] Вторая мировая война. Краткая история. С. 548.

[245] См.: *Васильев В.* Очерки истории Бирмы. 1885—1947. М., 1962. С. 300—304.

[246] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 443.

[247] *Stimson H., Bundy G.* Op. cit. P. 619.

[248] Нихон бункацу (Расчленение Японии). Токио, 1978. С. 71.

[249] Там же.

[250] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех великих держав — СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.). М., 1984. С. 129—131.

[251] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. I. М., 1986. С. 299—301.

[252] *Хорикоси Д., Окумия М., Кайдин М.* Указ. соч. С. 395.

[253] Война и общество в XX веке. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 468.

[254] *Morison S.* History of United States Naval Operations in World War II. Vol. XIV. Boston, 1960. P. 109.

[255] *Сигрейв С., Стерлинг П.* Династия Ямато. М., 2005. С. 310.

[256] *Bix H. P.* Op. cit. P. 484.

[257] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941—1945. С. 531.

[258] История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 159.

[259] *Крейг У.* Указ. соч. С. 23.

[260] Цит. по: *Николс Ч., Шоу Г.* Захват Окинавы / Пер. с англ. М., 1959. С. 155.

[261] *Крейг У.* Указ. соч. С. 28.

[262] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 11. С. 71.

[263] Там же. С. 72.

[264] Там же.

[265] *Крейг У.* Указ. соч. С. 31.

[266] Дайтоа сэнсо кокан си. Окинава хомэн рикугун сакусэн (Официальная история войны в Великой Восточной Азии. Операции сухопутных сил в районе Окинавы). Токио, 1868. С. 244.

[267] *Эрман Дж.* Указ. соч. С. 271—272.

[268] *Stimson H. L., Bundy M.* Op. cit. P. 619.

[269] См.: *Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. М., 2012.

[270] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). С. 95.

[271] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3. Т. 5–6 / Пер. с англ. М., 1991. С. 232.

[272] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. С. 485–486.

[273] Цит. по: *Савин А. С.* Указ. соч. С. 191.

[274] *Feis H.* Churchill — Roosevelt — Stalin. The War they Waged and Peace they Sought. New Jersey, 1970. P. 503.

[275] *Dean J.* The Strange Alliance. The Story of Our Efforts at Wartime Cooperation with Russia. N. Y., 1947. P. 225.

[276] Нихон дзёрику сакусэн. Бэйкоку кимицу бунсё (Операции по высадке на территорию Японии. Секретные документы США). Токио, 1985. С. 94–95.

[277] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945. С. 509.

[278] Там же. С. 512.

[279] Там же. С. 532; см.: *Брукс Л.* За кулисами японской капитуляции / Пер. с англ. М., 1971. С. 142.

[280] См.: *Кошкин А. А.* Россия и Япония. Узлы противоречий. М., 2010. С. 296–308.

[281] *Kratter G.* Plans and Reality. Chicago, 1946. P. 114. На состоявшемся 23 апреля 1945 г. совещании в Белом доме президент Г. Трумэн и его окружение решили, что пришло время занять сильную позицию в отношении Советского Союза. В частности, в качестве средства давления новая администрация США намеревалась использовать угрозу прекращения ленд-лиза и вопрос об американских кредитах (*Иойрыш А. И., Морохов И. Д., Иванов С. К.* А-бомба. М., 1980. С. 192).

[282] См.: Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 327–328.

[283] China Handbook (1952–1953). Taibei, 1954. P. 82–83.

[284] *Feis H.* Op. cit. P. 636.

[285] *Truman H.* Memoirs. Vol. 1. Years of Decisions. N. Y., 1955. P. 415.

[286] *Lensen G.* The Strange Neutrality. Soviet-Japanese Relations during the Second World War 1941–1945. Tallahassee, 1972. P. 265.

[287] *Крейг У.* Указ. соч. С. 63.

[288] *Daniels J.* The Man of Independence. The Life and Times of Harry Truman. N. Y., 1951. P. 266.

[289] См.: *Крейг У.* Указ. соч. С. 77.

[290] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Берлинская (Потсдамская) конференция. М., 1984. С. 40.

[291] Юхаси Сигэто. Сэндзиниссо косё сёси. 1941–1945 (Краткая история японо-советских переговоров в годы войны: 1941–1945). Токио, 1974. С. 142–143.

[292] Цит. по: *Захариас Э. М.* Секретные миссии. М., 1959. С. 446.

[293] Война и общество в XX веке. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. С. 469.

[294] История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 155.

[295] *Крейг У.* Указ. соч. С. 82–83; The Entry of the Soviet Union into the War against Japan: Military Plans, 1941–1945. P. 86.

[296] *Митихиро Кудо.* Ниссо тюрицу дзёяку но кэнкю (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985. С. 299.

[297] *Крейг У.* Указ. соч. С. 88.

[298] *Ариацу Нисидзима.* Гэмбаку ва надзэ тока сарэта ка. Нихон кофуку-о мэгуру сэнряку то гайко (Почему была сброшена атомная бомба? Стратегия и дипломатия периода капитуляции Японии). Токио, 1985. С. 17.

[299] Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 11. С. 151.

[300] *Ариацу Нисидзима.* Указ. соч. С. 24.

[301] *Кошкин А. А.* «Кантокуэн» — «Барбаросса» по-японски. Почему Япония не напала на СССР. М., 2011. С. 250.

[302] *Сэйити Моримура.* Акума но хосёку (Ненасытность дьявола). Токио, 1983. С. 272; см. подробнее: *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989. С. 157–163.

[303] *Киёси Иноуэ, Синдзабуро Оконоги, Сёси Судзуки.* История современной Японии / Пер. с яп. М., 1955. С. 263–264.

[304] *Ариацу Нисидзима.* Указ. соч. С. 25.

[305] *Крейг У.* Указ. соч. С. 175–176.

[306] История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 252–258.

[307] Сюсэн сироку (Документы периода окончания войны). Т. 4. Токио, 1977. С. 107–109.

[308] *Хаттори Т.* Япония в войне 1939–1945. С. 561.

[309] Там же. С. 563.

[310] *Butow R.* Japan`s Decision to Surrender. Stanford, California. 1954. P. 170.

[311] *Крейг У.* Указ. соч. С. 140.

[312] Там же. С. 142.

[313] *Хаттори Т.* Япония в войне 1941–1945. С. 559.

[314] Нихон бункацу. С. 29–32.

[315] *Крейг У.* Указ. соч. С. 174.

[316] *Bix H. P.* Op. cit. P. 518.

[317] Ibid. P. 518–519.

[318] Ibid. P. 527; цит. по: *Бикс Г.* Хирохито. Создание современной Японии / Пер. с англ. М., 2002. С. 456.

[319] Ibid. P. 530.

[320] *Крейг У.* Указ. соч. С. 254.

[321] История войны на Тихом океане. Т. IV. С. 220–221.

[322] Русские Курилы. История и современность. Сборник документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 97–98.

[323] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1946. С. 180–181.

[324] Ведомости Верховного Совета СССР № 5 от 16.02.1946.

[325] Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I (1945–1957 годы). М., 1978. С. 49.

[326] История войны на Тихом океане. Т. V. С. 87–88.

[327] Наиболее известным является план «Дропшоп» (1949), предусматривавший бомбардировку 300 атомными бомбами 100 советских городов с последующей оккупацией территории Советского Союза войсками США и их союзников (*Гейн М.* Японский дневник / Пер. с англ. М., 1951. С. 156).

[328] *Рагинский М. Ю.* Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 238–239.

[329] Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. I (1945–1957 годы). С. 216.

[330] Nippon Times. 8 May, 1950.

[331] *Борисов О. Б. (Рахманин), Колосков Б. Т.* Советско-китайские отношения 1945–1970. Краткий очерк. М., 1971. С. 28–29.

[332] Во время Каирской конференции 23 ноября 1943 г. президент США Ф. Рузвельт в личной беседе с китайским лидером Чан Кайши предложил заключить после войны американо-китайский военный союз, предусматривавший размещение по всей территории Китая, в том числе у советских границ, военных баз США. Корейский полуостров предусматривалось оккупировать и удерживать совместно американскими и китайскими войсками. Оба лидера договаривались и о том, что Франция лишится своих колоний в Юго-Восточной Азии. Предусматривалось и устранение английского влияния в Китае. Малайя, Бирма, Индия также должны были стать зонами преобладающего влияния США (*Кошкин А. А.* Японский козырь Сталина. От Цусимы до Хиросимы. С. 303–304).

АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЕВРОПЕ

Коллаборационизм и движение Сопротивления в европейских странах

В странах, оккупированных Германией и ее союзниками, коллаборационизм как явление представлял собой добровольное, осознанное сотрудничество с нацистским режимом. Он означал активную политическую, административную и экономическую поддержку нацистской Германии марионеточными правительствами либо находил выражение в форме неизбежного сотрудничества с фашистами или вынужденного молчаливого согласия с их действиями. Сам термин «коллаборационизм» впервые прозвучал в Декларации Национального собрания Франции, принятой 7 июня 1940 г., а затем был повторен во втором Компьенском перемирии (22 июня 1940 г.). По мнению Г. Бержери, депутата от партии радикал-социалистов, коллаборационизм означал кооперацию с нацистской Германией для защиты французских национальных интересов и был «исторической необходимостью» для создания нового революционного французского общества[1].

Хотя коллаборационизм был чужд большинству населения оккупированных Германией стран, в годы войны он принял довольно широкие масштабы. Его проявление в различных странах имело свои особенности и не в последнюю очередь зависело от характера оккупационного режима. Большую роль играла моральная усталость от Первой мировой войны. Слабость Лиги Наций по обузданию агрессоров, разочарование в западной демократии и усиление антилиберальных настроений рождали стремление к твердой власти и «третьему пути» — распространению идей «консервативной революции». Эти стремления активно поддерживались монархическими, традиционалистскими движениями, смыкавшимися с фашистскими: французская «Аксьон франсез», румынская «Железная гвардия» и другие.

Приверженность некоторых стран (Дания, Норвегия) политике нейтралитета, которая, по мнению лидеров малых стран Европы, могла спасти их от войны, шок от быстрых побед германского вермахта создавали иллюзию непобедимости Германии. «В 1940–1942 годах почти во всех оккупированных странах, особенно во Франции, наблюдалась широкая готовность оправиться от поражения и послушно включиться в германский «новый порядок» в Европе. В 1940 году фашизм везде имел своих сторонников, а огромное впечатление от молниеносных побед Германии делало свое дело»[2].

Однако одной из главных причин распространения идеи коллаборационизма являлось то, что после Первой мировой войны возникла новая историческая реальность, закрепленная

Версальским договором: новое территориально-этническое деление Европы и установление произвольно проведенных государственных границ. Это привело к созданию этнических анклавов и искусственному образованию мультиэтнических государственных объединений, что порождало ирредентистские настроения и вело к росту национализма. Так, ирредентистские настроения наблюдались в бывших германских и австрийских землях. Например, Судето-немецкая партия К. Генлейна возникла вследствие того, что немцы, «проживавшие в Судетской области, никак не хотели примириться с «изменой» чехов во время Первой мировой войны и с провалом собственных попыток добиться независимости»[3]. Еще до прихода А. Гитлера к власти в Германии у немецкой части населения Польши имелось сокровенное желание — восстановить немецкое господство и вернуть себе привилегированное положение в «Данцигском коридоре», по своеволию победителей отошедшем к Речи Посполитой. Подобный произвол Антанты играл на руку немецким националистам. Нечто подобное было и в Австрии, где, несмотря на запрет присоединения Австрии к Германии мирным договором, многие политические партии продолжали поднимать этот вопрос.

Новые границы зачастую включали в одно государство враждебные друг другу народы (например, Королевство Югославия). Здесь, как и в других странах, возникших в 1918–1919 гг., гитлеровцы успешно использовали межнациональную рознь (миссии Э. Веезенмайера в Чехословакии и Польше незадолго до их падения). После создания единого государства «хорваты, словенцы и черногорцы оказались в положении подчиненных народов, неравноправных граждан Югославии, — писал И. Броз Тито. — Македонцы, албанцы и другие оказались порабощенными и подвергались истреблению. Мусульмане, немецкое и венгерское меньшинства являлись разменной монетой или орудием в борьбе против хорватов и других народов Югославии»[4]. Немецкий режим, таким образом, выступал для этих националистических сил тараном, который, по мнению коллаборационистов, должен был разрушить существующее федеративное устройство и предоставить национальный суверенитет. Ту же цель — освобождение от национальных меньшинств и создание мононационального государства — преследовали и коллаборационистские формирования из титульных наций (например, четники Д. Михайловича).

Подобная же ситуация была и в Румынии, которая после Первой мировой войны превратилась в многонациональное государство. «Самыми крупными национальностями в Румынии стали молдаване, украинцы и русские (3 млн), венгры (около 1,5 млн), немцы в Трансильвании, Банате и Буковине (около 800 тыс.), болгары (600 тыс.), проживавшие в основном в Южной Добрудже, в придунайских районах Валахии и в Банате, а также около миллиона евреев, турок и татар (300 тыс.)»[5]. Политика, которую проводило правительство в отношении нерумын, нарушала все обязательства, взятые по Парижскому договору об охране прав национальных меньшинств, подписанному странами Антанты и Румынией в декабре 1919 г., была точно выражена в словах И. Братиану, сказанных иностранным журналистам: «Приезжайте сюда через 10 лет, и вы не увидите ни одного венгра». При этом сама Венгрия проводила столь же агрессивную политику в отношении невенгров. Венгерские националисты выдвинули лозунг: «Или Венгрия станет венгерской, или исчезнет вовсе»[6] — и последовательно воплощали его в жизнь. Рознь между румынами и венграми, венграми и словаками и другими народами сознательно разжигалась оккупационными властями, которые выступали либо в роли посредников, либо в качестве защитников то одной, то другой стороны.

Набиравшая силу социальная напряженность, вызванная мировым экономическим кризисом 1930-х гг., способствовала укреплению настроений в необходимости перемен и заставляла социальные и функциональные группы, близкие к элитам общества, относиться к выступлениям левых и правых экстремистских сил с определенной терпимостью и рассчитывать на решение внутренних проблем с помощью внешнего фактора.

Страх перед коммунизмом, ужасы гражданской войны и поток беженцев из России, экономические успехи и политические процессы в СССР в 1930-х гг. способствовали усилению настроений к сближению с нацистской Германией. Страх перед Советским Союзом

подогревался деятельностью Коминтерна, активно поддерживающего и провоцирующего революционную активность рабочих во всем мире (Баварская Советская Республика 1918 г., Всеобщая стачка в Англии 1926 г. и прочее). В результате принять участие в захватнической войне нацистской Германии против СССР пожелали многие европейцы. Германию, так или иначе, поддержал в борьбе с Советским Союзом ряд государств континентальной Европы. В 1941 г. объявили войну СССР Италия (22 июня), Румыния (22 июня), Словакия (23 июня), Финляндия (25 июня), Венгрия (27 июня). Норвегия, с июля 1941 г. начавшая создавать воинские формирования для переброски на советско-германский фронт, официально объявила войну СССР только 16 августа 1943 г. Без официального объявления войны послали свои вооруженные силы на советско-германский фронт Испания и Хорватия. Болгария хотя и не отправляла воинский контингент, но предоставила свою инфраструктуру для перемещения и базирования германских войск.

Проявления коллаборационизма имели разные формы: политическую (создание политических партий и движений, лояльных Германии), административную (в оккупационных органах власти, на службе в полиции), экономическую (работа в пользу Германии на оккупированных территориях в промышленности и сельском хозяйстве), военную (служба в вермахте и СС), а также бытовой коллаборационизм[7]. Военно-политический аспект «наиболее полно соответствовал своей дефиниции как осознанного и добровольного сотрудничества с врагом в ущерб родине»[8].

Коллаборационистская политика руководства значительного числа европейских государств дала нацистской Германии возможность максимально использовать их экономический и военный потенциал. До 1941 г. она захватила в странах Европы имущества и материалов на сумму, вдвое превышавшую довоенный национальный доход Германии. Почти три четверти от общего количества военных заказов приходилось на страны Западной Европы. Эти заказы предусматривали производство боеприпасов, оружия, орудий, танков, боевых машин и кораблей (в том числе в рамках программы «Ганза» строительство 300 судов для Северного и Балтийского флотов), комплектующих для самолетов, различного рода оптических приборов для сухопутных родов войск, а также обмундирования и стрелкового оружия. Без этого Германия «не смогла бы продолжать войну... Европа стала экономическим целым»[9].

В 1943 г. только Франция и Бельгия своими поставками сырьевых ресурсов покрывали потребности германской военной промышленности: в олове — на 37%, в железной руде — на 27%, в бокситах и меди — на 24%, в глиноземе и свинце — на 16%, в никеле — на 10%[10]. Особый интерес для рейха представляли цветные металлы. По данным Министерства экономики нацистской Германии, на нужды военной промышленности из оккупированных стран в рейх в 1943 г. было поставлено около 300 тыс. тонн меди (причем только из Франции — 200 тыс.), 96 тыс. тонн свинца и 14 тыс. тонн цинка[11]. Германская промышленность в результате конфискации церковных колоколов приобрела 40 тыс. тонн бронзы и 6 тыс. тонн цинка[12]. Военная экономика Германии без рабочей силы и промышленной продукции европейских стран, а также ввозимого в Германию сырья не смогла бы добиться увеличения производства вооружения, а вермахт — восполнять все увеличивавшиеся потери. Дорожная сеть в Европе функционировала надежно и безопасно.

В военных действиях на фронтах Второй мировой войны и в первую очередь на советско-германском фронте участвовали коллаборационистские военные соединения: Норвежский добровольческий полк СС, так называемые Французский легион, Нидерландский легион и другие. В войсках СС воевали 40 тыс. голландцев, 40 тыс. венгров, 25 тыс. фламандцев, 10 тыс. французов, 10 тыс. итальянцев, 8 тыс. норвежцев. По мнению немецкого историка К. Пфеффера, «большинство добровольцев из стран Западной Европы шли на восточный фронт только потому, что усматривали в этом общую задачу для всего Запада»[13].

Разгром нацистской Германии привел к краху системы коллаборационизма. Во всех оккупированных нацистами в годы войны странах прошли стихийные расправы над пособниками гитлеровцев, а затем судебные процессы, в результате которых главные фигуранты

понесли заслуженное наказание. С 1945 по 1955 г. в странах Западной Европы к пожизненному заключению были приговорены 1 360 727 человек, а 43 военным преступникам был вынесен смертный приговор[14]. Таким образом, коллаборационизм исторически был осужден.

Одним из существенных факторов, обусловивших превращение Второй мировой в справедливую антифашистскую войну и способствовавших победе антигитлеровской коалиции, явилось движение Сопротивления. Своими корнями оно уходило в борьбу против фашизма и войны, проводившейся народными массами европейских стран в предвоенные годы («Народный фронт» во Франции, борьба против франкистов в Испании, выступления в Австрии). В движении Сопротивления участвовали различные слои населения оккупированных стран, независимо от классовой принадлежности, политических и религиозных убеждений. Активное участие принимали городская малая и отчасти средняя буржуазия, демократически настроенная интеллигенция, религиозные деятели, рабочие.

Почти во всех оккупированных странах в движении Сопротивления возникло два течения: народно-демократическое, руководимое коммунистами и левыми, в программу которых входили требования не только национального, но и социального освобождения, и консервативное движение, главной задачей которого помимо борьбы за освобождение своих стран было восстановление порядков, существовавших в этих странах в довоенный период. Если представители левого крыла в своей деятельности ориентировались на действия советских войск на фронтах войны, то правые — на победу западных стран. Для последних были характерны колебания, непоследовательность, тактика пассивного выжидания прихода союзнических войск. Однако в ходе борьбы против фашистских оккупантов между народно-демократическими и консервативными силами движения Сопротивления во многих странах было установлено взаимодействие и сотрудничество, которое в отдельных странах все-таки приводило к конфликтам, что, естественно, ослабляло борьбу в целом. Примерами взаимодействия демократического и консервативного крыльев могут служить движения Сопротивления во Франции, Италии, Чехословакии, Бельгии, Дании и Норвегии.

В таких оккупированных фашистами странах, как Югославия, Албания, Польша, Греция, буржуазные правительства которых находились в эмиграции, с помощью правящих кругов Великобритании и США были созданы собственные дополнительные организации содействия движению Сопротивления, которые, однако, нередко вели борьбу против компартий и других демократических организаций, участвовавших в Сопротивлении.

В каждой отдельной стране движение Сопротивления было глубоко национальным, так как отвечало коренным интересам народов оккупированных фашистами стран. Вместе с тем движение Сопротивления в целом носило интернациональный характер, так как имело общую для всех борющихся народов цель — разгром фашистских сил, освобождение захваченных территорий. Интернационализм движения Сопротивления проявлялся в их взаимодействии и взаимопомощи, во многих европейских странах сражались советские люди, бежавшие из фашистских концлагерей.

Движение Сопротивления отличалось многообразием форм и способов борьбы, применявшихся патриотами в их противодействии фашистам. Наиболее распространенными были: антифашистская пропаганда и агитация, издание и распространение нелегальной литературы, забастовки и саботаж на предприятиях, выпускавших продукцию для оккупантов, диверсии на транспорте, сбор разведывательных данных для армий сил антифашистской коалиции, выявление и уничтожение предателей и коллаборационистов, сотрудничавших с оккупантами, партизанская война. Высшей формой движения Сопротивления было всенародное вооруженное восстание.

В Югославии, Польше, Чехословакии, Франции, Бельгии, Италии, Греции и Албании партизанское движение переросло в национально-освободительную войну против фашистских оккупантов. В то же время на севере Европы — в Дании, Норвегии и Нидерландах главными формами борьбы являлись забастовочное движение и антифашистские демонстрации. В Германии движение Сопротивления представляло собой глубоко законспирированную

деятельность подпольных антифашистских групп, главная цель которых состояла в широком вовлечении в борьбу против фашизма рабочих масс, распространении агитационной, пропагандистской антифашистской литературы среди населения и в армии, а также помощь иностранным рабочим и военнопленным, угнанным в Германию в ходе войны.

Движение Сопротивления применительно к странам Западной Европы в своем развитии прошло несколько этапов, обусловленных ходом военных действий, в первую очередь положением дел на советско-германском фронте. Активно влияли и различные внутренние факторы, которые определяли особенности движения Сопротивления не только в европейских, но и в других странах мира.

Первый период движения Сопротивления (начало войны — июнь 1941 г.) — это время накопления сил, организационной и пропагандистской подготовки массовой борьбы, создание подпольных антифашистских организаций во главе с коммунистами. Движение Сопротивления развертывалось по мере захвата гитлеровцами тех или иных стран. Отправной датой стал сентябрь 1939 г., когда поляки выступили в защиту своей родины. В странах Западной Европы движение Сопротивления возникло в связи с их оккупацией: в Дании и Норвегии — в апреле 1940 г., в Бельгии, Голландии, Люксембурге, Франции — в мае 1940 г. В Германии и Италии антифашистские выступления были направлены в первую очередь против собственных коллаборационистских режимов, в Италии — с началом гитлеровской оккупации в сентябре 1943 г., в Германии — еще в предвоенный период.

Второй период действий Сопротивления начинается с нападения нацистской Германии на СССР и завершается Сталинградской битвой (22 июня 1941 — конец 1942 г.). Для стран Западной Европы большое значение имела также высадка союзников в Северной Африке. Это период становления и развития движения Сопротивления, роста вооруженной борьбы, морально-политического подъема в рядах его участников. В этот период Сопротивление начало приобретать характер общенациональной борьбы против оккупантов, усилился процесс сплочения патриотических сил.

Третий период движения Сопротивления (ноябрь 1942 — конец 1943 г.) связан с коренным переломом в войне, вызванным героическими победами Красной армии под Сталинградом и Курском. В этот период наблюдалось резкое усиление борьбы против фашистских сил во всех оккупированных странах, а также в странах фашистского блока, в том числе и в самой Германии. В большинстве государств, оккупированных странами оси, завершилось национальное объединение антифашистских, патриотических сил, произошло укрепление единых общенациональных фронтов.

Четвертый период движения Сопротивления (конец 1943 — сентябрь 1945 г.) определялся в первую очередь внушительными победами Красной армии и ее союзников по антигитлеровской коалиции на всех фронтах. Летом 1944 г. движение европейского Сопротивления вступило в завершающую фазу своего развития. Более четко выявились его различия на западе и востоке Европы. В значительной степени это было связано с расхождениями в политике СССР и западных держав. Советские войска сыграли решающую роль в освобождении стран Восточной и Юго-Восточной Европы от немецких захватчиков и совместно с вооруженными силами союзнических войск завершили разгром гитлеровской Германии. В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. германское командование вынуждено было подписать Акт о капитуляции.

Роль побед Красной армии имела колоссальное значение для развития и подъема движения Сопротивления во всех странах Европы. Интернациональный характер политики Советского Союза в тот период был широко признан в мире. Несмотря на то что США и Великобритания находились в союзнических отношениях с Советским Союзом, особенно на втором этапе войны, они, поддерживая движение Сопротивления, ориентировались в значительной степени на буржуазию и умеренно-либеральные элементы. Это отчетливо проявилось в поддержке сил Сопротивления в странах Северной Европы — в Дании и Норвегии. Союзники опасались роста коммунистического влияния в этих странах и активно содействовали восстановлению в Северной Европе довоенных буржуазных режимов. Управление специальных операций (УСО), созданное в годы войны в Англии для поддержки сил

движения Сопротивления, занималось в первую очередь сбором разведывательных данных для передачи их союзническим войскам, и главное внимание уделялось сдерживанию активного Сопротивления в этих странах Европы, особенно на последнем, заключительном этапе.

Чехословакия. Кроме двух основных этнических групп в Чехословакии жили немцы, венгры, поляки, украинцы, поэтому уместно говорить о нескольких национальных коллаборационистских движениях. У его основания стояло фашистское движение судетских немцев. Именно в Судетах родился термин «национал-социализм», когда в 1904 г. в Чехии была основана Немецкая рабочая партия, переименованная в 1918 г. в Немецкую национал-социалистическую рабочую партию. Большое внимание в программных документах ННСРП уделялось антисемитизму.

Параллельно немецкому развивалось и чешское националистическое движение. В 1926 г. начала действовать группа «Фашистское национальное сообщество», один из руководителей которой — генерал Р. Гайда требовал проведения репрессий против немецких автономистов, очищения чешской экономики от немцев и евреев, активного бойкота всего немецкого. Активисты группы устраивали нападения на кинотеатры, где шли немецкие фильмы. Р. Гайда в 1926 г. угрожал государственным переворотом, если судетские немцы войдут в правительство, критиковал Э. Бенеша за его «масонскую ориентацию» и требовал создания сильного государства. Члены организации носили черные рубашки. После того как официально фашистские партии были запрещены, осталась идея национальной вражды, которой и воспользовалась Германия в собственных целях.

После расчленения Чехословакии и оккупации чешских земель 14–15 марта 1939 г. был создан протекторат Чехии и Моравии со статусом государственного образования, который формально позиционировался как объект международного права. Реализации данного проекта способствовала ярко выраженная коллаборационистская позиция значительной части бывшей политической элиты Чехословакии. С этого момента Чехия стала арсеналом фашистской Германии. Как заявил У. Черчилль, сдав Чехословакию на милость А. Гитлеру, сторонники умиротворения подарили вермахту примерно 35 дивизий[15]. Кроме того, в руки противника попали заводы «Шкода» и ČKD (Českomoravská Kolbén-Danek) — второй по значению арсенал Центральной Европы, который в период с августа 1938 по сентябрь 1939 г. выпустил почти столько же военной продукции, сколько все английские заводы.

Примерно в 10 часов утра 15 марта 1939 г. танки вермахта въехали в Брно, второй по величине город Чешской Республики, в котором располагался крупнейший в Чехии оружейный завод «Збройовка», производивший вооружение самых разных видов — от стрелкового оружия до танков. Марионеточное правительство протектората призвало население не сопротивляться. Чешская крупная буржуазия активно включилась в военную машину рейха и тем самым сохранила свои позиции в экономике. Чешские предприятия выполняли специальные заказы («программы фюрера») по производству танков, орудий для подводных лодок, авиационных моторов и самолетов Ме-109, оборудования для ракет Фау. Каждый пятый танк, поставленный в войска вермахта в первой половине 1941 г., был изготовлен на заводах «Шкода». Чехия была недосягаемой для английской авиации, поэтому военное производство здесь постоянно наращивалось. Сюда был переведен целый ряд военных заводов из самой Германии. Что касается производительности труда чехов, то она не уступала показателям немецких рабочих. В 1944 г. Чехия ежемесячно поставляла в Германию около 11 тыс. пистолетов, 30 тыс. винтовок, более 3 тыс. пулеметов, 15 млн патронов для пехотного оружия, около 100 самоходных артиллерийских орудий, 144 пехотных орудия, 180 зенитных орудий, более 620 тыс. артиллерийских снарядов, почти миллион снарядов для зенитных орудий, от 600 до 900 вагонов авиационных бомб, 0,5 млн сигнальных боеприпасов, 1 тыс. тонн пороха и 600 тыс. тонн взрывчатых веществ[16].

Чешская армия, не оказавшая агрессору никакого сопротивления, передала в руки гитлеровцев 1,25 млн винтовок, 43 тыс. пулеметов, более 500 зенитных орудий, 1 млрд патронов, 3 млн артиллерийских снарядов, 469 танков, 1500 самолетов и другое оружие. Немецкие

Р. Гайда

Э. Бенеш

Население Праги и военные приветствуют немецкую армейскую автоколонну

А. Гитлер и Й. Тисо на встрече в Берлине

Р. Гейдрих

Немецкие войска в Париже

Брошенные французские танки

Роттердам после немецкой бомбардировки

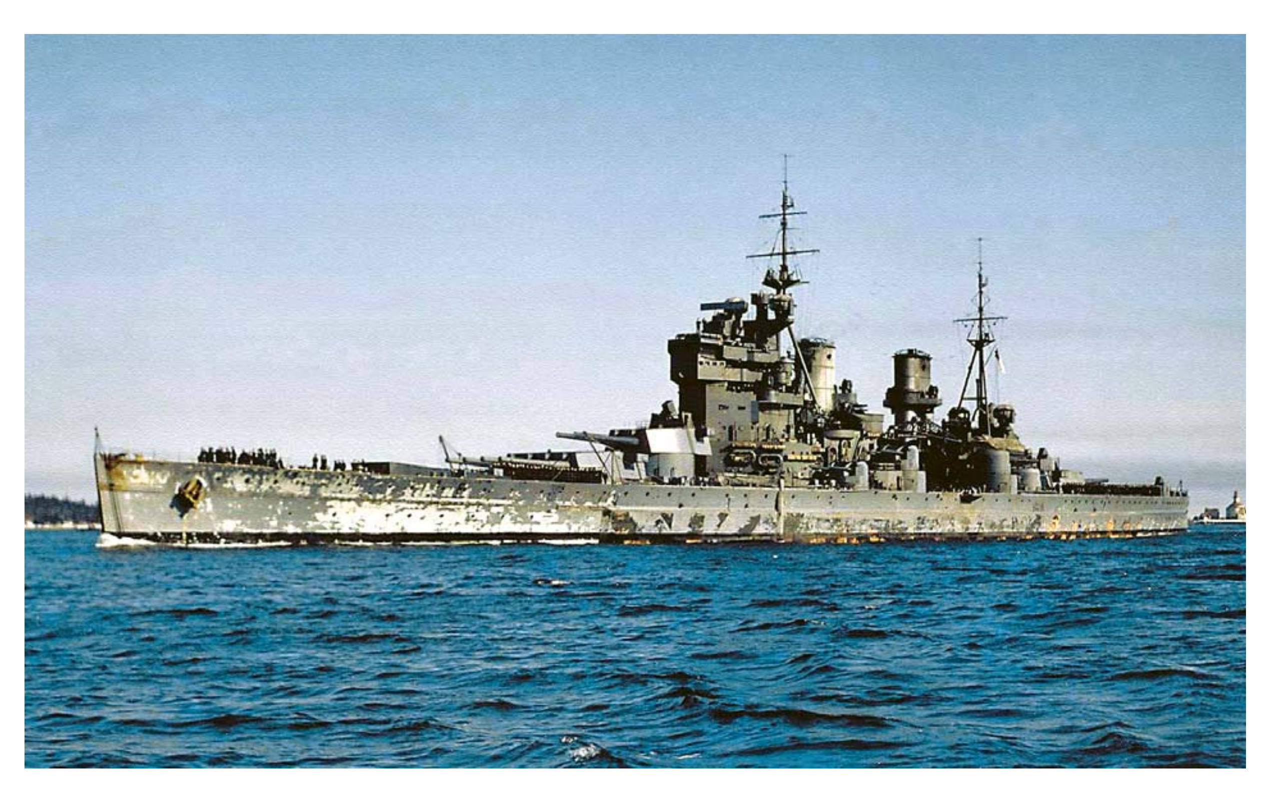
Летчики-истребители люфтваффе у своих самолетов во время битвы за Британию

Немецкие военнослужащие осматривают брошенную английскую технику

Немецкая пушка-гаубица на позиции в Северной Африке

Английский линкор «Король Георг V»

Штурмовики «Харрикейн» перед взлетом с аэродрома Габес в Тунисе

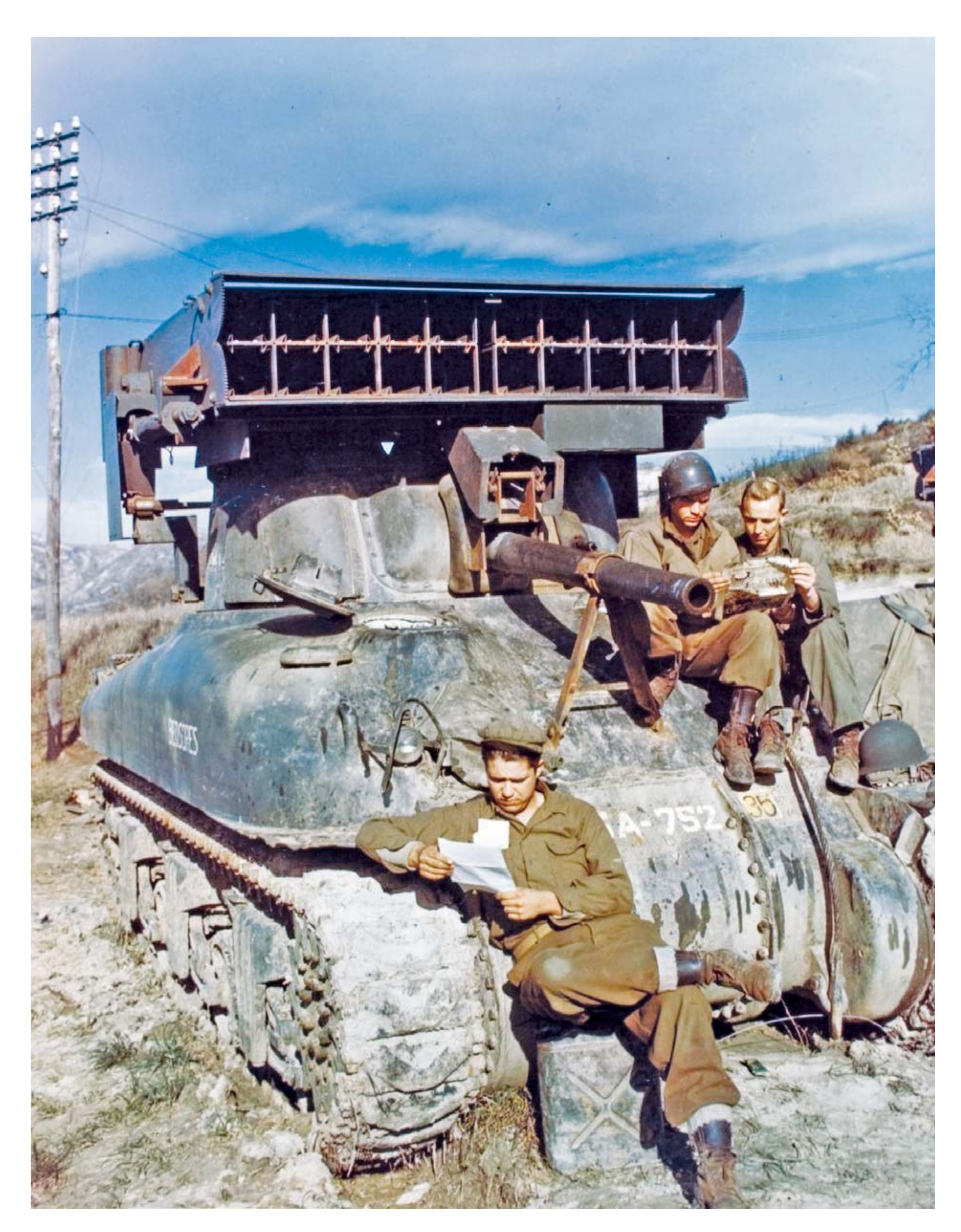
Американские солдаты возле уничтоженного немецкого танка в Тунисе

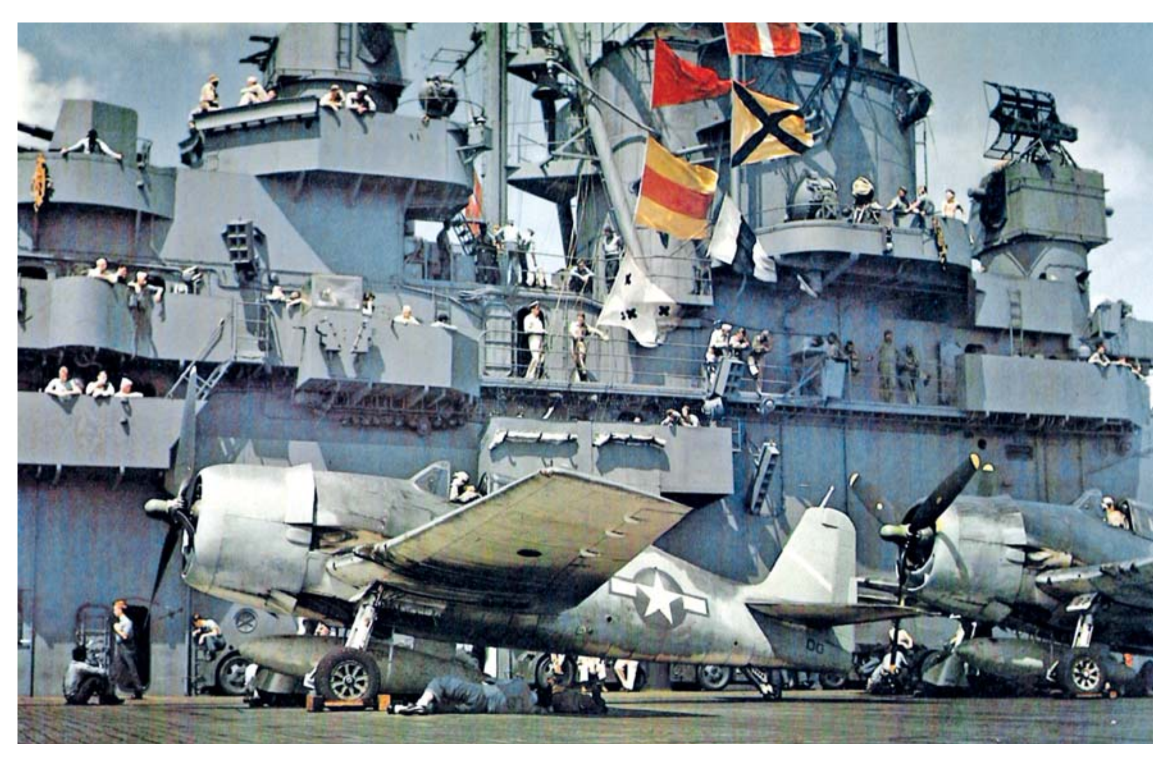
Лидеры союзников на террасе цитадели во время Квебекской конференции

Экипаж американского бронетранспортера

Танк «Шерман» с системой залпового огня

Американские истребители на палубе авианосца

Сборка кабины самолета на заводе США

моторизованные части пополнились тысячами легковых автомобилей, 1865 тяжелыми машинами Praga Av и «Татра-82», грузовиками Mikov MNO, «Татра-82» и «Татра-85»[17]. Чешские трофеи, доставшиеся немцам, оказались воистину баснословными. Одним махом нацистская Германия захватила чешские арсеналы, которые были использованы для вооружения четырех танковых и 15 пехотных дивизий[18].

Надежды на возможный суверенитет протектората Богемии и Моравии разрушились очень быстро. После успешного вторжения в Польшу А. Гитлер отправил в Прагу дивизию СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», разместив ее подразделения в ключевых местах чешской столицы. Эсэсовцы пробыли в Праге недолго, но своим присутствием дали понять чехам, что теперь им придется подчиниться полностью и безоговорочно.

Накануне провозглашения протектората на чешских землях, 13 марта 1939 г. А. Гитлер пригласил в Берлин словацкого премьер-министра Й. Тисо. Перед ним был поставлен вопрос о разрыве Братиславы с Прагой. Для формального обозначения «государственного суверенитета» был принят закон о Словацкой Республике. Словакия фактически стала политико-экономической колонией в системе гитлеровского «нового порядка». По конституции 1939 г. государство называлось Словацкая Республика и имело свои армию, полицию, жандармерию, госаппарат.

Политическим выражением коллаборационистского курса нового государства стала буржуазно-националистическая Глинкова Словацкая народная партия, которая опиралась на духовенство. Формальной целью деятельности партии была «военная подготовка молодежи», помимо этого ее члены исполняли полицейские обязанности и проводили силовые акции против коммунистов, евреев, чехов, цыган. С 1941 г. члены этой партии проходили тренировки в лагерях СС в Германии, в 1942 г. проводили «ариизацию имущества» (отъем собственности у «расово неполноценных народов» и передачу ее в руки гитлеровцев), а во время Словацкого народного восстания использовались немецкими войсками в боях против словацких партизан[19]. Именно ее лидеры возглавили государственный аппарат Словацкой Республики: Й. Тисо стал президентом, В. Тука — премьер-министром, А. Мах по настоятельной рекомендации гитлеровцев — министром внутренних дел.

Во главе протектората Богемия и Моравия с 27 сентября 1941 г. был поставлен Р. Гейдрих. В секретной речи, произнесенной 12 октября 1941 г. на совещании высших чиновников оккупационных органов, он изложил суть оккупационной политики в Чехословакии:

1. Вся территория Чехии и Моравии должна быть заселена только немцами и превращена в сердцевину Германской империи, а значительная часть чехов ассимилирована;

2. Не подлежащие германизации чехи должны быть выселены, «для чего на Востоке имеется много места»;

3. Промежуточные слои чешского населения необходимо тотально проверить относительно их политической благонадежности. Способных к перевоспитанию следует отправлять в Германию, остальных «поставить к стенке». Выселять их на Восток нельзя, ибо они «завоюют господствующие позиции и снова выступят против нас»[20].

Террор над чешским народом с полной ликвидацией признаков автономизации вызвал повсеместные протесты и акты неповиновения. На первых порах оккупационные власти стремились проводить политику формальных поблажек лояльным слоям населения и превентивных арестов всех возможных противников. К маю 1939 г. были арестованы 6 тыс. человек, из которых 1,5 тыс. отправлены в концлагеря[21].

27 сентября 1941 г. был раскрыт антифашистский заговор главы правительства протектората генерала Д. Элиаша (казнен 1 октября 1941 г.). Немецкие власти объявили чрезвычайное положение, а в Праге, Брно, Моравской Остраве, Оломоуце, Градец-Кралове и Кладно ввели осадное положение. Сотни человек были брошены в тюрьмы. Чрезвычайные суды вынесли 486 смертных приговоров, 2242 человека были отправлены в концентрационные лагеря. Началась депортация евреев в Лодзь, Ригу, Треблинку[22]. Новый кабинет министров во главе с Й. Крейчи окончательно встал на путь коллаборационизма. С февраля 1940 г. в протекторате были созданы особые суды, рассматривавшие только политические дела. В 1941 г. было

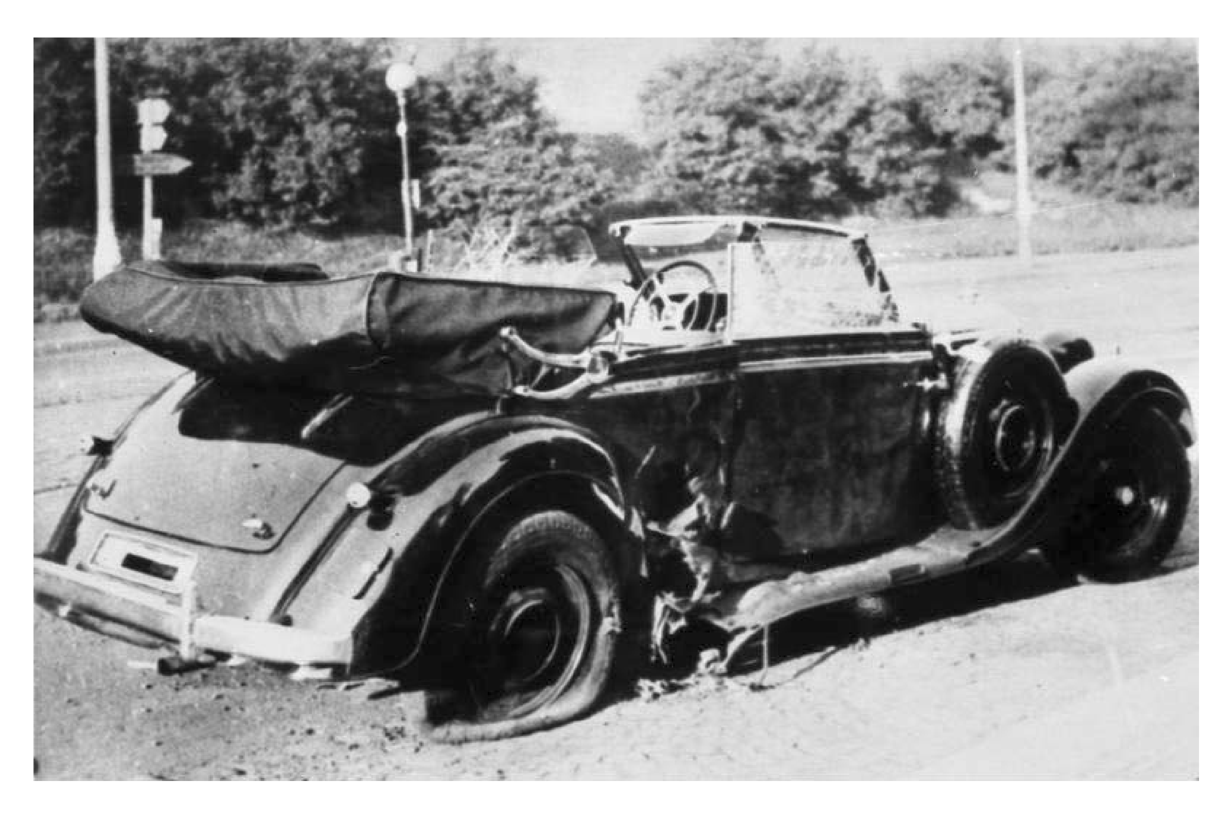

Й. Габчик

Я. Кубиш

Автомобиль Р. Гейдриха после покушения

рассмотрено 100 дел, в 1942 г. — 1800, в 1943 г. — 2400, в 1944 г. — 2250, за четыре месяца 1945 г. — 500. Осужденных, как правило, ждала смертная казнь[23].

27 мая 1942 г. бойцами чешского эмигрантского правительства Й. Габчиком и Я. Кубишем, подготовленными британским Управлением специальных операций, было совершено покушение на Р. Гейдриха. Он был смертельно ранен, и в ответ гитлеровцы развернули масштабные репрессии. К 3 июля 1943 г. были арестованы 3188 чехов, из них в Праге и Брно расстреляны 1357 человек. Полностью были уничтожены чешские села Лидице и Лежаки.

Сопротивление в Чехии и Словакии развивалось самостоятельно. В Чехословакии борьба развернулась с марта 1939 г., со времени оккупации страны. В антифашистском подполье Чехословакии с начала оккупации сложились две группировки: коммунистическая и бенешевская. Последняя выступила с лозунгом «Свободная Чехословакия в свободной Европе». В отличие от бенешевцев коммунисты планировали провести пролетарскую революцию. Наиболее же радикальные левые группы требовали присоединения Чехии к Советскому Союзу и провозглашения Республики Советов[24]. Эта позиция не способствовала созданию общенационального фронта борьбы, а наоборот, привела к изоляции КПЧ и ее расхождению с другим крылом Сопротивления, так называемым бенешевским.

Словацкая компартия, созданная в 1939 г. как территориальная организация КПЧ, в конце 1940 г. выступила с лозунгом «Советской Словакии», то есть с требованием суверенитета от чехов. Эта позиция имела поддержку среди части рабочих, которые в 1940 г. провели ряд экономических забастовок.

Большое влияние на чехословацкое Сопротивление оказали соглашения с лидерами антигитлеровской коалиции о признании эмигрантского, бенешевского правительства. Летом 1941 г. по чешским городам прокатилась волна забастовок, вызванная ухудшением материального положения населения. По сводкам гестапо от 20 сентября 1941 г. начались следственные дела о 20 забастовках, актах саботажа на предприятиях, поджоге вагонов. Пассивное сопротивление набирало силу и выразилось в актах выведения из строя оборудования, саботаже, увеличении брака на производстве, задержке поставок вермахту.

С самого начала оккупации движение Сопротивления в Чехословакии было направлено против германизации и нацификации страны, в защиту ее национальной и духовной культуры. Как и в других оккупированных странах Европы, гитлеровцы изымали культурные ценности на чешской земле. Из Пражской национальной галереи для «Музея в Линце» были увезены ценнейшие картины и книги.

В начале сентября 1941 г. был создан совместный Центральный национальный и революционный комитет Чехословакии (ЦНРКЧ). Под влиянием победы Красной армии под Москвой и вступления США в войну резко возросло число актов саботажа на чешских предприятиях. В ответ гитлеровцы разгромили ЦНРКЧ. Жертвами чрезвычайных судов стали 5 тыс. человек. Сопротивление временно затихло.

Убийство Р. Гейдриха, репрессии, казни и уничтожение деревень Лидице и Лежаки способствовали консолидации сил чешского Сопротивления. Сталинградская и Курская битвы, открытие союзниками второго фронта и падение Б. Муссолини стимулировали развитие Сопротивления в Чехословакии. В 1943 г. руководство КПЧ в целях создания антифашистского фронта борьбы и недопущения изоляции рабочего класса на переговорах с Э. Бенешем во главу угла выставила общенациональные антифашистские требования, в частности конфискацию после окончания войны собственности оккупантов и их приспешников[25].

Летом 1943 г. компартия Чехословакии, руководствуясь постановлением Исполнительного комитета Коминтерна, приступила к организации партизанского движения и созданию национальных комитетов. Большая часть партизанских отрядов состояла из рабочих, их поддерживали чешские крестьяне. Однако отсутствие больших лесистых территорий, нехватка оружия, отсутствие боеприпасов и кадров не давали возможности сделать это на должном уровне. Летом 1943 г. в Подбродских лесах чешскими антифашистами и бежавшими из плена советскими военнопленными были созданы три партизанских отряда, осуществлявших диверсии на железных дорогах.

Вооруженные пражские рабочие ведут по улице сотрудника гестапо и гауптшарфюрера СС

12 декабря 1943 г. между советским и чехословацким правительствами был подписан советско-чехословацкий договор о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве, согласно которому предполагалось забросить на территорию Чехословакии организованные партизанские группы и снабжать их оружием. Такие же переговоры велись в Великобритании с Управлением специальных операций. Весной и летом 1944 г. в Чехию и Моравию было сброшено 10 групп чехословацких парашютистов в целях создания тайной военной организации.

В конце августа 1944 г., в связи с выходом Красной армии к Карпатам, Германия ввела свои войска на территорию Словакии. В ответ началось восстание, в котором приняли участие части словацкой армии и партизаны, а во главе стоял Словацкий национальный совет. В его составе были представлены как коммунисты, так и представители буржуазно-демократического крыла Сопротивления. Освобожденная территория переходила в руки народной власти. Советский Союз по просьбе правительства Чехословакии оказывал участникам восстания помощь оружием с воздуха. Однако ввиду того, что основные части Красной армии сражались в это время в Карпатах, советское командование не смогло в должной мере предоставить необходимую помощь. Запад в поддержке отказал. В конце октября 1944 г. восстание потерпело поражение, и бои словацких партизан и оккупантов переместились в словацкие горы.

Правящие круги Словакии между тем занялись поисками выхода из войны на путях заключения мира со странами антигитлеровской коалиции. По мере продвижения Красной армии в Восточной Европе и действий союзнических войск выступления антифашистских сил в Чехословакии приняли более активный характер. Весной 1945 г. в чешских землях

действовало 120 отрядов общей численностью 75 тыс. человек. В мае 1945 г. в Праге началось антифашистское восстание, в котором приняли участие 100 тыс. человек[26]. Помощь партизанам оказали тогда части власовской армии, рассчитывавшие на искупление своей вины за сотрудничество с нацистской Германией и надеявшиеся перейти на сторону западных союзников. 6 мая 1945 г. ими была освобождена часть городских кварталов Праги. 7 мая власовцы покинули Прагу, а 9 мая в столицу Чехословакии вступили советские войска. Прага была освобождена и спасена от угрозы затопления Старого города гитлеровцами[27]. 11 мая партизанскими частями совместно с войсками Красной армии была освобождена вся страна.

Движение Сопротивления в Чехословакии явило образец объединения внутри большинства нации на антифашистской платформе и создания общего национального фронта чехов и словаков. В движении Сопротивления были представлены широкие по социальному спектру слои — от рабочего класса до представителей антифашистских группировок чешской и словацкой буржуазии.

Все политические силы, представленные в Сопротивлении, признавали необходимость сотрудничества с СССР и рассматривали его как гаранта восстановления независимости Чехословакии и ее суверенного существования в будущем[28]. Благодаря этому в марте 1945 г. во время переговоров в Москве представителей эмигрантского правительства, заграничного бюро КПЧ и Словацкого национального совета был сформирован состав чехословацкого правительства, которое прибыло в Прагу 11 мая 1945 г.

Вскоре после освобождения началась чистка общества от фашистов и коллаборационистов. В первые дни этим занимались революционные фабрично-заводские советы, не имевшие, однако, юридической базы. В июне 1945 г. был издан декрет о наказании нацистских военных преступников, изменников и их пособников и создании чрезвычайных народных судов и Национального суда. Однако чешским промышленникам, предприятия которых успешно работали на вермахт, удалось избежать наказания. Министерство юстиции, где трудились коллаборационистски настроенные чиновники, в значительной степени бойкотировало этот процесс. В результате из 132 тыс. поступивших в суды дел по обвинению в коллаборационизме рассмотрению подлежали лишь 38 тыс. Палач чехословацкого народа Г. Франк, руководивший репрессиями в ответ на гибель Р. Гейдриха, был приговорен к смертной казни через повешение. Его заместителя К. Генлейна ждала та же участь, но он покончил с собой. Из 16 министров-коллаборационистов предстали перед судом осенью 1946 г. девять человек: трое были оправданы, двое освобождены, четверо приговорены к тюремному заключению.

Польша. Оккупированная гитлеровцами в сентябре 1939 г. Польша стала первой страной, в которой гитлеровцы развернули политику тотального уничтожения гражданского населения. Страна была разделена на две части — аннексированную и генерал-губернаторство. На территории присоединенных «восточных областей» было введено так называемое особое законодательство. В докладе польского правительства международному военному трибуналу в Нюрнберге излагалось: «В генерал-губернаторстве механизм правосудия был особенно изменен декретом от 26 октября 1939 г. за подписью Франка. Польские суды были подчинены надзору немецких судов, созданных в генерал-губернаторстве. Юрисдикция польских судов была ограничена только теми делами, которые были вне подсудности немецких судов. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено «по интуиции», обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции»[29].

Оккупационный режим в Польше, по сравнению с другими оккупированными Германией европейскими странами, был значительно жестче. Одним из методов, направленных на физическую деградацию польского населения, являлся непомерно тяжелый труд. За одинаковую норму польские рабочие получали только 80% заработной платы немецких рабочих. С польского рабочего взимался при этом специальный «польский налог», который был равен 15% его заработной платы. Все довоенные польские государственные организации после оккупации страны, как и местная администрация, были ликвидированы. Вместо них в генерал-губернаторстве к работе были привлечены 130 тыс. «пассивных коллаборационистов»[30].

Конфликт между охранником и евреем на принудительных работах в Польше

Г. Франк в польском городе Санок

Главной целью оккупантов было уничтожение духовной культуры польского народа, которое осуществлялось не только посредством неограниченного грабежа культурных ценностей (его могли проводить сотрудники полиции, гестапо вместе с военнослужащими вермахта), но и уничтожения польской интеллигенции. Уже в первый период оккупации были закрыты высшие учебные заведения, театры, научные институты, прекращено издание газет и журналов, закрыты все книжные магазины, введен запрет на исполнение музыкальных произведений польских композиторов. Уничтожению подверглись памятники А. Мицкевичу, Ф. Шопену, С. Монюшко, М. Складовской-Кюри, Т. Костюшко, а также монумент в память о победе всех славянских стран под Грюнвальдом. В начале ноября 1939 г. в Варшаву прибыл Г. Гиммлер. По его распоряжению в ноябре 1939 г. была проведена «Чрезвычайная акция по умиротворению» («Аб-акция»), в ходе которой арестованы и без судебного разбирательства уничтожены многие представители польской интеллигенции. Арестам были подвергнуты сотни жителей Люблина. По материалам польской комиссии по расследованию немецких преступлений, в первый период оккупации гитлеровцы уничтожили свыше 16 тыс. поляков, из них в Поморье и Данциге — около 11 тыс. человек; в Поморье за осень 1939 г. — 50 тыс. человек. Репрессии против польского и еврейского населения имели место в Верхней Силезии, присоединенной к Германии.

Гитлеровцы применяли репрессии к наиболее активным общественным группам. Страну готовили для немецкой колонизации, где польское население, принадлежавшее к славянской расе, должно было занять место рабов. В докладе польского правительства Нюрнбергскому трибуналу говорилось: «В присоединенных областях у них (речь идет об интеллигенции. — *Прим. ред.*) были отняты все средства к жизни. Многие из них — профессора, учителя, адвокаты — были заключены в концентрационные лагеря или убиты. В генерал-губернаторстве около 20 процентов интеллигенции лишились всех средств к существованию. Журналисты и писатели не могли зарабатывать на жизнь вследствие ликвидации прессы. Было запрещено издавать новые книги. Четыре университета и 12 школ университетского типа прекратили существование»[31]. Согласно генеральному плану «Ост» от 15 июля 1942 г. для «расчистки территории» для расселения немцев на Востоке А. Гитлер намеревался в течение 25–30 лет изгнать или уничтожить от 80 до 85% поляков, 85% литовцев, 75% белорусов, 65% населения Западной Украины, половину эстонцев, латышей и чехов, в целом от 31 до 45 млн человек[32].

Среди поляков гитлеровцы всячески стремились поддерживать антиеврейские настроения, прямо провоцируя на еврейские погромы. Хотя сами поляки, равно как и евреи, декретом Г. Геринга и Г. Франка от 4 декабря 1941 г. на аннексированной Германией территории были поставлены вне закона[33]. В 1942 г. в Польше были созданы лагеря смерти, в частности в Треблинке, Майданеке и Белжеце, куда направлялись евреи из Польши и других европейских стран. Точное число погибших польских евреев до сих пор неизвестно, но из 3,5 млн человек выжили не более 10%[34].

В 1943 г. под влиянием поражений на фронтах оккупационные власти генерал-губернаторства перешли к «либерализации» и небольшому ослаблению давления на польское население. Подлинная цель этой политики видна из интервью Г. Франка представителям немецкой печати в октябре 1943 г., где он отметил: «Общие изменения системы в отношении поляков мы вводим не в их, а в наших собственных интересах». А в декабре 1943 г. тот же Г. Франк заявил, что пока продолжается война, немцам выгодно не морить поляков голодом, а заставлять их работать[35].

Под влиянием неудач на советско-германском фронте с конца 1943 г. гитлеровцы начали проводить в Польше новую политику, получившую название «Акция Берта». Оккупанты пытались создать видимость улучшения материального положения населения, повысить заработную плату, увеличить продовольственные нормы по карточкам. В намерения гитлеровцев входило также привлечение поляков к активной борьбе против Советского Союза. На протяжении всей войны нацистская Германия всячески использовала экономический и военный потенциал польского государства. 84 завода выпускали вооружение для Германии. Промышленность Польши покрывала 25–33% потребностей Германии в обмундировании.

Для нужд Германии использовался польский уголь, добыча которого с 1939 по 1944 г. была удвоена. Широкими были и сельскохозяйственные поставки.

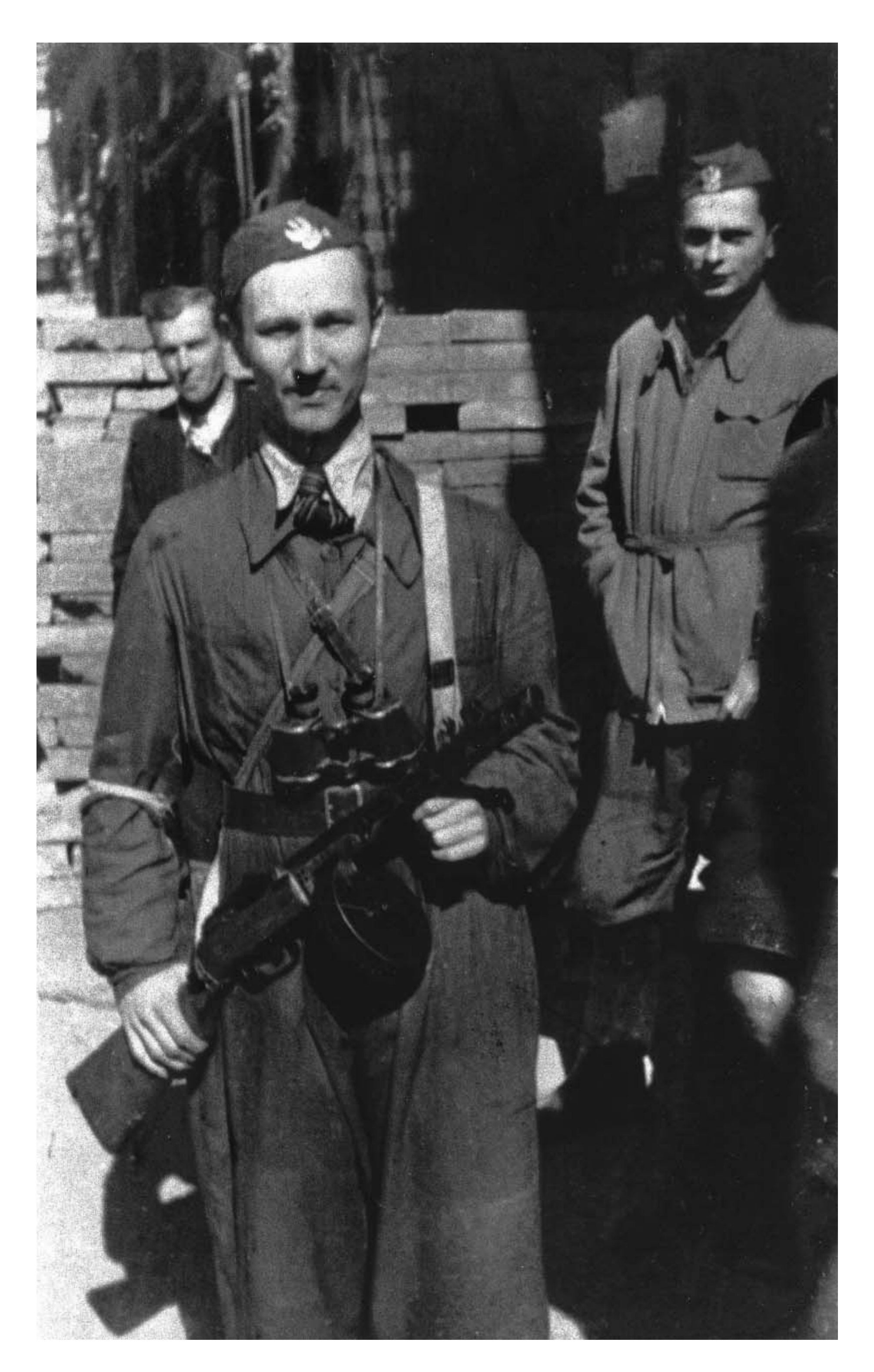
Ответом на жестокий террор оккупантам стало движение Сопротивления фашистскому режиму. Вскоре после оккупации страны стали появляться небольшие партизанские отряды, созданные польскими солдатами, избежавшими плена, и местным населением. Находившееся в эмиграции правительство В. Сикорского выступило с призывом активизировать борьбу за освобождение Польши. Первая подпольная правительственная организация, носившая название «Союз вооруженной борьбы», была создана в конце 1939 г. Члены этой организации свои надежды на освобождение страны возлагали на англо-французские, а затем англо-американские вооруженные силы. В стране начали действовать так называемые «батальоны хлопске» (крестьянские батальоны), состоявшие в основном из представителей крестьянской партии («стронництво людове»). В 1939 г. по решению Коминтерна была восстановлена польская Марксистско-ленинская партия. В ее программных заявлениях говорилось о необходимости развертывания широкой борьбы против гитлеровской оккупации и завоевания рабочим классом и его союзниками в стране политической власти. Особым пунктом программы стал вопрос о включении Польши в состав СССР в качестве 17 республики.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз обстановка в значительной степени изменилась. В Польше произошла заметная консолидация антифашистских сил, но она носила временный характер. 30 июня 1941 г. между советским правительством и премьер-министром Польши В. Сикорским было подписано соглашение о сотрудничестве, в соответствии с которым германо-советские договоренности от 1939 г. объявлены утратившими силу. В советско-польском соглашении ничего не было сказано о проблемах будущих границ. Советский Союз по условиям соглашения выражал согласие на формирование на территории СССР польской армии и ее переход в распоряжение советского военного командования. Правительству В. Сикорского были предоставлены два займа на сумму 300 млн рублей, необходимых для обеспечения вооружением, снаряжением, продовольствием. Однако в середине 1942 г. правительство В. Сикорского, нарушив условия советско-польского соглашения об участии польской армии, сформированной на советской территории, в боевых действиях в составе Красной армии, отдало распоряжение об эвакуации 115 тыс. польских военнослужащих и гражданских лиц в Иран.

В польском движении Сопротивления выкристаллизовались два течения, между которыми существовало противоборство. Наметившиеся переговоры руководства Польской рабочей партии с правительством В. Сикорского, которые должны были способствовать объединению сил польского Сопротивления, ни к чему не привели. Они были сорваны развернутой гитлеровцами кампанией, спровоцированной известием о расстреле польских офицеров в Катыни. Леворадикальный лагерь был представлен созданной при содействии советского руководства в январе 1944 г. Крайовой Радой Народовой (КРН) во главе с Польским комитетом национального освобождения. На местах действовали местные национальные советы Рады Народовой. Буржуазные и мелкобуржуазные силы движения Сопротивления, поддерживаемые эмигрантским правительством в Лондоне, опирались на крупные вооруженные формирования — Армию Крайову (АК), которая насчитывала 300–500 тыс. человек[36]. Совет национального единства (Рада Единости Народовой), созданный в конце войны, был противовесом Крайовой Раде Народовой (КРН).

С приближением Красной армии к довоенным границам Польши в Советском Союзе было создано Войско Польское, которое вместе с Красной армией принимало участие в борьбе за освобождение Польши. По мере развития событий, с наступлением советских войск и их приближением к польской столице, противостояние двух лагерей в польском Сопротивлении обострилось, что привело к событиям в августе — октябре 1944 г. в Варшаве.

Летом 1944 г. под руководством Армии Крайовой, развернувшей выступление против немецко-фашистских оккупантов, было принято решение о проведении в Варшаве восстания, но оно не было доведено до сведения советского командования. На карту была поставлена судьба миллионного города и его жителей. Начавшееся в Варшаве 1 августа народное

Офицер Армии Крайовой на улице восставшей Варшавы

восстание было жестоко подавлено гитлеровцами. Повстанцы потеряли 20 тыс. человек, а потери гражданского населения составили до 200 тыс. человек[37].

В поражении восстания и огромных жертвах польские эмигрантские круги и их сторонники в Лондоне пытались обвинить руководство Советского Союза и Красной армии. И. В. Сталин с самого начала весьма негативно отнесся к готовившемуся восстанию, поскольку рассматривал его как политическую демонстрацию Москве. Это нашло свое отражение в официальном заявлении ТАСС от 12 августа 1944 г., а также в письмах И. В. Сталина У. Черчиллю и Ф. Рузвельту, С. Миколайчику от 16 августа 1944 г. В послании У. Черчиллю в августе 1944 г. И. В. Сталин назвал восстание «ужасной авантюрой». «Эти люди использовали доверчивость варшавян, бросив почти безоружных людей под немецкие пушки, танки и авиацию», — писал он, подчеркивая, что в военном отношении восстание, привлекая пристальное внимание гитлеровского командования к Варшаве, является «весьма невыгодным как для Красной армии, так и для поляков»[38]. В то же время вне зависимости от политических аспектов необходимо помнить о героизме простых поляков — участников восстания, их готовности к жертвам ради победы над фашизмом.

Рост авторитета коммунистического крыла польского Сопротивления способствовал усилению координации сил. Зимой 1945 г. в Люблине коммунистами было создано временное правительство, которое признал только Советский Союз. Лондонским эмигрантским правительством зимой 1945 г. была распущена Армия Крайова (АК). 12 января 1945 г. началось наступление советских войск на территории Польши. 17 января совместно с Войском Польским была освобождена Варшава. 1 февраля в столицу прибыли Крайова Рада Народова и временное правительство. Окончательное освобождение всей территории Польши было осуществлено Красной армией совместно с Армией Людовой.

Согласно решениям, принятым на Ялтинской конференции, восточная граница Польши была установлена по «линии Керзона», а временное польское правительство подлежало реорганизации на более широкой демократической основе. Оно получило название Временного польского правительства национального единства. Однако переговоры по этому вопросу приняли затяжной характер, и окончательные решения были утверждены только 28 июня 1945 г. В состав правительства были включены новые члены из самой Польши и представители эмиграции.

По решениям Потсдамской конференции, принятым СССР, США и Великобританией, западная граница Польши должна была пройти по линии рек Одер — Западная Нейсе, а Временное польское правительство национального единства получало признание со стороны трех великих держав. После установления дипломатических отношений США и Великобритании с новым правительством эмигрантское польское правительство перестало существовать[39].

Годы оккупации для польского народа были периодом массового и беспощадного физического уничтожения. До войны в Польше проживали 22 млн человек. За время войны были уничтожены 6 млн, из них только 10,7% погибли в ходе военных действий. 2,5 млн человек были насильственно угнаны на работу в Германию, 20 тыс. отправлены в тюрьмы, концлагеря[40]. На польской земле гитлеровцы разместили 2838 концлагерей, тюрем, лагерей для военнопленных, трудовых лагерей, гетто. За период оккупации карательные отряды фашистов совершили свыше 800 массовых убийств, уничтожив 18 тыс. поляков.

Материальный ущерб, причиненный Польше Германией, оценивался в сумму 1 млрд долларов[41]. За семилетний период оккупации было уничтожено 38% от довоенного уровня материальных ценностей, разрушено 38% железных дорог, 46% мостов. В городах взорвано 162 190 жилых зданий, в селах — 353 876 домовладений. Половину от довоенного уровня потеряло сельское хозяйство.

Дания. 9 апреля 1940 г. была оккупирована Дания. В обращении короля Кристиана X и премьер-министра Т. Стаунинга население призывалось к повиновению немцам: «Немецкие войска, прибывшие в Данию, будут контактировать с датскими вооруженными силами, и долг населения воздерживаться от всякого сопротивления. Правительство попытается сделать

Горные егеря вермахта на улице оккупированного датского городка Фредериксхавн

всё, чтобы избежать связанных с военной обстановкой осложнений, и призывает граждан сохранять спокойствие и порядок, лояльно относиться ко всем, кто облечен исполнительной властью»[42].

Политической опорой оккупантов выступали Национал-социалистическая рабочая партия (НСРП) Ф. Клаусена и Крестьянская партия (Бундепарти). Их планы предусматривали замену политической системы, создание более широкой базы нацизма и вхождение Дании в состав Великой Германии[43]. В экономике проводником коллаборационизма выступали консервативно настроенные представители деловых кругов из «Хойгер-группы». Они еще с начала 1930-х гг. прилагали немало усилий к тому, чтобы в Дании утвердился строй, подобный режиму Б. Муссолини в Италии. Сотрудничество с оккупантами быстро развивалось. Уже в 1940 г. между немецкой эмиграционной службой и датскими министерствами иностранных и социальных дел был заключен договор об отправке на работу в угольные шахты Германии более 25 тыс. датских рабочих[44].

Коллаборационистская политика правительства Стаунинга — Скавениуса, якобы единственно «возможная, оправданная и дающая преимущества»[45], очень тормозила развитие движения Сопротивления в Дании. Вначале преобладали лишь пассивные методы борьбы[46]. Листовки и прокламации, призывавшие к сопротивлению, начали распространяться на заводах, в госпиталях, школах, передавались из рук в руки. Многие из них содержали информацию о зверствах фашистов на оккупированных ими территориях или о том, как они грабят страну, в некоторых печатались патриотические стихи.

Летом 1940 г. была создана антифашистская организация «Данск Унгдомссамвирке» (ДУ, «Датское объединение молодежи»). Организация пыталась прежде всего препятствовать распространению нацистских идей. Одновременно с ДУ был создан так называемый Совет старейшин, в состав которого вошли убежденные антинацисты, активно выступавшие против распространения в Дании, особенно в школах, нацистских идей. Часть интеллигенции, настроенной антигермански и антиправительственно, группировалась вокруг образованной в 1937 г. партии «Данск самлинг» («Датское единение»), члены которой попытались организовать «высшую народную школу» в целях усиления антигерманской и антинацистской пропаганды.

25 ноября 1940 г. министр иностранных дел Э. Скавениус подписал в Берлине Антикоминтерновский пакт, что означало официальное включение Дании в число союзников Германии. В тот же день, а также 26 ноября в Копенгагене прошли первые после оккупации антиправительственные демонстрации, основными участниками которых были студенты. 28 и 29 ноября состоялись демонстрации рабочих. В итоге за четыре дня, с 25 по 29 ноября, полиция арестовала около 200 человек.

22 июня 1941 г. оккупационные власти предъявили датскому правительству ряд требований, продиктованных «новой международной обстановкой», в частности об эвакуации посольства СССР[47]. Утром того же дня датская полиция арестовала 496 членов Коммунистической партии Дании (КПД), которые были отправлены в первый на территории Дании концентрационный лагерь Хорсерёд. 25 июня правительство Дании заявило о разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом, а в августе был принят закон о запрещении деятельности компартии. Осенью 1941 г. в стране были организованы первые боевые группы Сопротивления, состоявшие преимущественно из коммунистов.

В апреле 1942 г. датские нацисты еще раз попытались захватить власть. Численность национал-социалистической партии к этому времени увеличилась до 16 тыс. человек. При активном содействии нацистов для участия в военных операциях на восточном фронте был сформирован добровольческий Свободный корпус «Дания»[48]. Выступления нацистов народ и на этот раз не поддержал, их с негодованием встречали на улицах Копенгагена и других городов, а случалось и избивали.

Сменивший на посту главы правительства Т. Стаунинга социал-демократ В. Буль в своем первом заявлении высказался за углубление экономического сотрудничества с Германией. Однако «расовая полноценность», о которой говорили гитлеровцы, не означала, что Дания сможет рассчитывать на равное партнерство с Германией[49]. За счет Дании и других стран Западной Европы покрывались «расходы на оккупацию». В экономике основной тенденцией стало развитие государственно-монополистического строя, в котором цену диктовал немецкий заказчик. Датские предприниматели поначалу охотно шли на выполнение немецких заказов: военное строительство (на острове Фюн и на западном побережье Ютландии), производство дизельных двигателей (для немецких подлодок, самолетов и ракет Фау-2) и взрывчатых веществ, а также консервов. В конце 1941 г. чугунолитейные заводы и заводы металлических изделий выполняли немецкие заказы на сумму 350–400 млн крон, электромеханические и радиозаводы — на 60 млн, автомобильные заводы — на 20 млн, швейные фабрики — на 50 млн, обувные фабрики — на 20 млн, лесоперерабатывающая отрасль — на 70 млн. Общая сумма всех заказов была равна 580–640 млн крон. Непосредственно на предприятиях, выполнявших немецкие заказы, работали 25 тыс. человек[50].

После оккупации значительная часть датских антифашистов и покинувших страну военных моряков обосновалась в Англии. 30 сентября 1940 г. в Лондоне они создали так называемый «Датский совет». В конце 1941 г. на базе «Датского совета» в Англии была создана более многочисленная организация «Свободные датчане». К концу войны в ней насчитывалось 8 тыс. датских моряков[51]. В октябре 1940 г. было образовано датское отделение британского Управления специальных операций, и достигнута договоренность о передаче сведений о дислокации и перемещениях немецких войск. Скромные поставки оружия и взрывчатых веществ не давали возможности датским силам Сопротивления проводить крупные диверсии.

Колонна добровольцев корпуса СС «Данмарк» на дороге в районе Лангенхорна

Зимой 1942–1943 гг. была создана боевая организация «Гражданские партизаны» (БОПА). Большинство ее членов были рабочими, кроме того, в нее входили студенты и представители интеллигенции. Весной 1943 г. возникла еще одна организация — «Хольгер Данске». Провал летнего наступления фашистов на советско-германском фронте в 1943 г., капитуляция Италии, начавшийся развал гитлеровской коалиции способствовали усилению антифашистской борьбы. В августе по стране прокатилась волна забастовок, которая 11 августа переросла во всеобщую стачку. Происходили отдельные столкновения рабочих и горожан (при поддержке датских солдат) с немецкими войсками. 27 августа оккупанты ввели в Копенгаген дополнительные войска, танки и броневики. В ночь на 29 августа начались аресты заложников. 30 августа оккупанты уже полностью контролировали положение в стране. Правительство вынуждено было заявить по радио, что оно уходит «в отставку по разрешению короля».

В октябре 1943 г. при активном участии датских патриотов удалось предотвратить депортацию еврейского населения, из концентрационных лагерей бежали несколько сотен коммунистов. В ответ в декабре гитлеровцы от «законных мер» (судебные разбирательства) перешли к террору против ученых, артистов, музыкантов, политических деятелей.

Новым толчком к борьбе явилось наступление Красной армии летом 1944 г. и открытие союзниками второго фронта. В конце июня — начале июля в Копенгагене началась всеобщая забастовка. 26 июня оккупационные власти объявили о введении в городе комендантского часа. Вскоре забастовка распространилась по всей стране, охватив полностью или частично в общей сложности 22 города[52].

Материальные и людские ресурсы Дании эксплуатировались рейхом вплоть до капитуляции[53]. Государственный долг страны к 1944 г. увеличился, по сравнению с мартом 1940 г., с 966 до 1601 млн крон. В 1943–1944 гг. в Дании значительно возросло число подрядческих фирм, в том числе немецких. В целом, по всей стране на фортификационных работах в 1944 г. были заняты 50–60 тыс. рабочих. Удовлетворяя требования немецкой стороны, правительство дало согласие на отправку в угольные шахты Германии в 1942 г. — 33 тыс. рабочих, в 1943 г. — 21 731, в 1944 г. — 7730, в Норвегию для выполнения немецких заказов в 1941 г. — 4329, в 1943 г. — 2491.

За период оккупации в среднем на вермахт работали 15% всех промышленных рабочих Дании. Общий доход за годы войны всех датских предприятий, работавших на Германию, составил 100 млн крон. В январе 1943 г. правительство Дании подписало торговое соглашение о поставках в Германию мяса, сала и других продуктов общим объемом 100 тыс. тонн. Перестройка в 1941–1943 гг. части датской промышленности на военный лад, повышение уровня занятости за счет этих отраслей, регулярные поставки в Германию — все это способствовало стабилизации экономики Дании.

Численность оккупационных войск в Дании к концу войны превышала 200 тыс. человек, на подхвате у них были 2 тыс. датских нацистов. Убийства, поджоги, налеты, облавы, аресты, допросы — таковы реалии последних месяцев оккупации. В концентрационные лагеря (Штутгарт, Дахау, Бухенвальд, Ноенгамме, Берген-Бельзен, Заксенхаузен, Терзенштадт) были отправлены более 6 тыс. датчан, многие из них там умерли или превратились в инвалидов[54].

К концу войны численность армии Сопротивления, по сравнению с летом 1944 г., увеличилась вдвое, если в ноябре 1944 г. в ее составе насчитывалось 25 тыс. человек, то в мае 1945 г. — 43 тыс. В январе 1945 г. между «Советом свободы» и «политиками» было достигнуто соглашение относительно совместного обращения к союзникам с просьбой признать Данию членом антигитлеровской коалиции. Основным объектом диверсий в конце войны по-прежнему оставались железные дороги (за четыре месяца 1945 г. были совершены 1301 диверсия и акт саботажа).

3 мая 1945 г. «Совет свободы» обратился с последним воззванием к датскому народу. 4 мая английские войска под командованием фельдмаршала Б. Монтгомери перешли датскую границу. 4 мая немецкие войска сдались в Голландии, Северо-Западной Германии, на Гельголанде и Фризских островах. 4 мая во второй половине дня немецкое командование подписало в Люнебурге Акт о капитуляции всех войск, находившихся в Голландии, Северо-

Западной Германии и Дании. В последних боях в этот день датчане потеряли 400 человек. 5 мая в Каструпе высадились 300 английских солдат под командованием генерала П. Х. Дювинга, встреченные с ликованием. В этот же день по датскому радио выступили король Кристиан X, премьер-министр В. Буль и от «Совета свободы» М. Фог. 9 мая начались заседания ригсдага.

7 мая советские войска высадились на Борнхольме, однако немецкий гарнизон капитулировал только 9 мая. При освобождении Борнхольма погибли 30 советских военнослужащих[55]. Выступая 10 мая 1945 г. по радио, министр иностранных дел Дании, активный участник Сопротивления Кр. Мёллер сказал: «Все народы благодарят сегодня Советский Союз за его огромный вклад в дело разгрома злейшего врага человечества. Датский народ выражает России свою горячую благодарность за ее участие в освобождении Дании»[56]. Русские войска покинули Борнхольм 5 апреля 1946 г. Их уходу предшествовали активные переговоры между датской и советской сторонами, которые вел в Москве посланник Дании в СССР Т. Дёссинг.

Ущерб, нанесенный Дании во время оккупации, достигал 11,6 млрд крон (1,7 млрд долларов), что было равно национальному доходу страны в 1939 г. Хотя после войны Дания была признана союзническими державами, формально к участникам антигитлеровской коалиции ее причислили в июне 1945 г. на конференции в Сан-Франциско.

В первые дни после освобождения вооруженные отряды Сопротивления провели массовые аресты лиц, поддерживавших оккупантов, всего были арестованы 40 тыс. человек. По решению ригсдага была создана Парламентская комиссия по расследованию действий лиц, совершивших в годы войны преступления. Политика сотрудничества с оккупационными властями в области управления страной осуждению не подвергалась. Парламентская комиссия в числе прочего расследовала случаи превышения полномочий со стороны министров и высших чиновников[57]. Под судебные расследования попали в первую очередь лица, находившиеся на службе вермахта, совершавшие убийства с применением пыток. В итоге многим из них был вынесен смертный приговор, однако вскоре они были помилованы, а казнены лишь 46 человек[58].

Норвегия. Под предлогом защиты страны от англо-французского вторжения 9 апреля 1940 г. войсками вермахта была оккупирована Норвегия. В немецком меморандуме, предъявленном министру иностранных дел Норвегии, выражалось ожидание, что норвежское правительство и норвежский народ не окажут сопротивления. Ответ правительства Норвегии, переданный И. фон Риббентропу германским послом в Осло К. Брейером, гласил: «Добровольно мы не подчинимся: сражение уже началось».

В начале июня 1940 г. норвежское правительство и король Хокон VII покинули страну и выехали в Англию. 27 июня 1940 г. президиум стортинга по требованию Й. Тербовена обратился к Хокону VII с просьбой отречься от престола. После отказа короля стортинг высказался за временное отречение короля и передачу власти государственному совету.

Идеологом политического коллаборационизма стал В. Квислинг через созданную им в 1933 г. по образцу немецкой НСДАП партию «Нашунал Самлинг» («Национальное единение»). В. Квислинг был провозглашен «вождем», однако ввиду полной непопулярности его среди населения гитлеровцы пошли на создание в Норвегии так называемого Административного совета из умеренных коллаборационистов, который фактически выполнял правительственные функции[59]. В конце апреля в Осло был направлен член НСДАП рейхскомиссар Й. Тербовен, ставший фактическим правителем страны до конца войны.

Успехи немецких войск в Европе, активизация в стране нацистского движения, особенно среди молодежи, способствовали быстрому распространению коллаборационистских настроений в обществе. Этими настроениями была заражена значительная часть норвежской интеллигенции. Так, известный норвежский писатель К. Гамсун и сподвижник В. Квислинга Н. Ларсен вели активную пропаганду за вступление в «Нашунал Самлинг». Их критика американского образа жизни, английской плутократии и большевистского режима в России оказывала определенное влияние на общество и способствовала росту настроений в пользу сближения с Германией.

Рейхсминистр Й. Геббельс пожимает руку рейхскомиссару Норвегии Й. Тербовену во время своего визита в Осло

В августе 1940 г. Административный совет выступил с заявлением о готовности сотрудничать в военном отношении с Германией «для зашиты страны от нападения с востока»[60]. Оккупационные власти приступили к демонтажу прежней политической системы и созданию новой модели — корпоративного государства. Были запрещены все политические партии, кроме квислинговской «Нашунал Самлинг». 25 сентября Й. Тербовен объявил о низложении короля, роспуске Административного совета, прекращении переговоров с представителями стортинга. Был учрежден марионеточный Союз комиссаров в количестве 13 человек, при этом девять из них являлись членами «Нашунал Самлинг», на который были возложены функции управления страной.

5 февраля 1942 г. был принят закон о создании Союза учителей с принудительным членством. Однако вскоре 12 тыс. из 14 тыс. учителей выступили с открытым протестом[61]. Следующим стал закон об обязательном вступлении всех детей в возрасте от 10 до 18 лет в Национал-социалистический союз молодежи. В стране была развернута сеть гестапо, а в помощь ему созданы карательные отряды В. Квислинга. Так называемые хирды должны были играть роль штурмовых отрядов.

29 июня 1941 г. было объявлено о создании Норвежского легиона СС, который с первых же дней переходил в подчинение Берлину. К концу 1941 г. численность легиона достигла 1218 человек, абсолютное большинство из которых были добровольцами. Норвежский легион и обслуживающий его медицинский персонал участвовали в боевых действиях под Ленинградом в 1942 г. В декабре того же года легион насчитывал 20 офицеров и 678 военнослужащих. В мае 1943 г. он был отозван в Норвегию, а в сентябре распущен[62].

В феврале 1942 г. было сформировано национальное правительство во главе с В. Квислингом, получившим статус государственного министра, или министра-президента. Берлин отказывался считать Норвегию автономным государством, союзным с Германией, как того желали В. Квислинг и его соратники. Власть правительства была ограничена немецкими интересами и имела полномочия лишь тогда, когда они не противоречили германским целям. Так, постановления о введении смертной казни, конфискации имущества евреев и трудовой повинности не встретили сопротивления германских властей, а вот просьба о введении воинской повинности и создании 50-тысячной норвежской армии, верной германскому командованию, была резко отклонена Берлином. Партия «Нашунал Самлинг» стала единственной законной в стране, были введены нюрнбергские расовые законы. Рост рядов «Нашунал Самлинг» при финансовой поддержке немцев наблюдался вплоть до ноября 1943 г., когда партия насчитывала в своем составе 43,5 тыс. человек[63]. В годы войны в ее рядах побывали 60 тыс. человек. В войсках СС числились 8 тыс. норвежцев, из которых 6 тыс. воевали на восточном фронте[64].

16 сентября 1943 г. правительство Норвегии объявило войну СССР и продолжило активное экономическое сотрудничество с Германией, в которую ежегодно вывозилось 200–240 тыс. тонн меди, 200 тыс. тонн серы, 150 тыс. тонн ферросплавов, 30 тыс. тонн алюминия. Электростанции через подводный кабель снабжали Германию электроэнергией. Из 5 тыс. заводов и фабрик оккупированных Германией стран, выполнявших немецкие военные заказы, в Норвегии на Германию работало 275 военных заводов. 100 тыс. человек, то есть более 7% экономически активного населения, были заняты на немецком военном строительстве. Расходы на содержание немецких войск составляли в 1940 г. 25% национального дохода страны, в 1943 г. — 40%[65]. В Германию шло значительное количество сельскохозяйственных товаров и продуктов рыболовства.

С осени 1940 г. в Норвегии начало формироваться движение Сопротивления. Создавались первые организации, сначала спонтанно, затем под руководством подпольных гражданских и военных структур. Последние находились в контакте с норвежским правительством в Лондоне. Политическая и классовая ориентация участников Сопротивления была различной. Буржуазное направление объединяло как консервативных, так и либеральных представителей партий «Венсре» и «Хойре», включая в свои ряды чиновничество, высшие военные круги и высшее духовенство. Наиболее патриотически настроенные круги либерального направления объединялись вокруг бывшего председателя Верховного суда Норвегии П. Берга и архиепископа Э. Бергграва. Норвежские социал-демократы, являвшиеся ведущей партией страны, не смогли стать во главе определяющего направления движения Сопротивления, поскольку значительная их часть эмигрировала в Англию, Швецию и США. К тому же в начале войны они выступили с лозунгом «гражданского мира». Наиболее активной частью антифашистского движения стали коммунистические организации во главе с П. Фюрюботном, начавшие с осени 1940 г. создавать партизанские группы и осуществлять диверсионные операции[66]. Определенное негативное влияние на позицию компартии в первые годы оккупации оказало заключение советско-германского пакта о ненападении и позиция Коминтерна в начале войны, направленная на отказ от борьбы против нацистской Германии. На первой стадии преобладало пассивное сопротивление, а среди наиболее распространенных методов были бойкот и неповиновение приказам администрации. Большую роль играла и подпольная печать. За годы оккупации вышло около 300 периодических изданий тиражом от нескольких сотен до 15–20 тыс. экземпляров[67]. В 1941 г. стал выходить центральный орган коммунистов газета «Фрихетен» («Свобода»), издававшийся до конца войны.

Патриоты различной политической ориентации активно боролись против фашизации общественных, в том числе спортивных и разного рода молодежных организаций. Активно действовали в этом направлении норвежские профсоюзы. Большую роль в кампаниях неповиновения играли деятели культуры и представители различных организаций[68]. 1 мая 1941 г. 43 общенациональные организации выступили против нацификации норвежского общества. Церковь также выражала протест против навязывания молодежи нацистской

Г. Гиммлер и В. Квислинг слушают выступление Й. Тербовена

идеологии, при этом 645 священников подали в отставку[69]. В декабре 1940 г. в знак протеста против нарушения гражданских прав в отставку ушли члены Верховного суда Норвегии[70]. Весной 1941 г. с протестом против квислинговской политики фашизации страны выступили 22 организации, в мае 1941 г. их было уже 43[71]. В конце 1940 — начале 1941 г. был образован Координационный комитет движения Сопротивления, имевший широкую базу разного рода неполитических организаций. В стране действовал и второй центр, получивший название «Кретсен» («Кружок»), который возглавлял председатель Верховного суда П. Берг. В 1943 г. «Кретсен» был признан норвежским правительством как центр общенационального значения.

После нападения 22 июня 1941 г. Германии на Советский Союз в общественных кругах Норвегии, ранее настроенных антисоветски, произошел определенный перелом, возросли симпатии к Советской России. Однако акции неповиновения по-прежнему проходили под социально-экономическими лозунгами. Так, 30 июня 1941 г. руководство норвежских профсоюзов направило Й. Тербовену протест по поводу снижения заработной платы и ареста доверенных лиц. 31 июля 1941 г. оккупационная власть объявила о введении в стране чрезвычайного положения, вступившего в силу 3 августа. В сентябре 1941 г. в Норвегию прибыли «для наведения порядка» Г. Гиммлер, Р. Гейдрих, К. Вольф и другие. Они потребовали от

Й. Тербовена, руководителя гестапо в Норвегии В. Раднесса, главы норвежской полиции Йона Ли принятия решительных мер в борьбе с антинемецкими выступлениями.

В сентябре 1941 г., после крупной забастовки трудящихся в Осло, коллаборационистскими властями был издан указ об усилении цензуры и изъятии у населения всех радиоприемников. Оккупанты ввели в столице особое положение и военно-полевые суды. Были арестованы 110 человек, двое из руководителей профсоюзов приговорены к смерти, четверо — к тюремному заключению. Забастовку поддержали студенты разных вузов страны, в том числе университета в Осло. В начале сентября был арестован ректор университета. Новая волна забастовки вспыхнула 14 ноября 1941 г., в результате были арестованы 60 студентов. В последующие годы в ходе очередных забастовок оккупанты арестовали и отправили в концентрационные лагеря 700 студентов.

Террор, казни, создание лагерей для интернированных, депортация в немецкие концлагеря становились повседневным явлением. Гитлеровцы ввели денежные штрафы для городов, где происходили антинацистские выступления. В августе 1940 г. были оштрафованы на 100 тыс. крон жители г. Эгерсунд, в начале 1942 г. — на 500 тыс. крон жители г. Ставангера, а через некоторое время этот же город был оштрафован уже на 2 млн крон[72]. Оккупационные власти применяли широкую депортацию из страны еврейского населения. Примерно из 1850 норвежских евреев 759 умерли в концентрационных лагерях[73]. Особенно жесткими были репрессии против коммунистов. Лидер профсоюзов и руководитель Центрального объединения профсоюзов (ЦОПН) К. Нурдал писал: «В интересах правды нужно сказать, что коммунисты внесли большой вклад в борьбу против немцев после 22 июня 1941 г., и в этой борьбе они потеряли многих своих лучших людей»[74].

Ход военных действий, поражения гитлеровцев под Сталинградом и Курском, слухи о возможном вторжении союзнических войск в Норвегию заставили А. Гитлера перебросить войска и морские суда к Норвегии, начать строительство укреплений и дорог. Группы Сопротивления активно переправляли в Великобританию и Швецию норвежцев, подлежавших аресту за отказ от трудовой повинности, а также лиц, стремившихся вступить в норвежские войска за рубежом. Через Шетландские острова были отправлены 5 тыс. человек[75]. В Швецию переправились более 50 тыс. человек, из которых позже под видом полицейских сил сформировали соединения норвежской армии. К весне их численность составляла 15 тыс. человек[76].

Яркой страницей сопротивления нацистскому давлению явился инцидент с провалом мобилизации норвежской молодежи для участия в военных действиях против Советского Союза. Норвежцы просто бойкотировали так называемую репетицию призыва. Из 70 тыс. ожидаемых лиц на сборные пункты пришли лишь 300 человек[77].

Офицеры норвежской армии, выступавшие в первый год оккупации против установления в стране «нового порядка», создавали вооруженные отряды, базы и лагеря. Эти военные формирования получили название «Милорг» («Военная организация»). В 1942 г. они действовали уже в 14 округах страны[78]. Их роль особенно возросла в последние годы оккупации. В координационной связи с организацией «Милорг» в Норвегии действовали британские «Сикрет интеллидженс сервис» и Управление специальных операций[79]. С 1943 г. руководство союзнических войск начало активные поставки оружия на территорию Норвегии. До 1943 г. британскими и американскими ВВС было выполнено 80 рейсов и перевезено 165 тонн вооружения, взрывчатки и амуниции. За 1944–1945 гг. было совершено 114 рейсов и доставлено в Норвегию 220 тонн груза. За это время потери союзнических войск составили 200 летчиков и 31 самолет[80].

Наиболее известной акцией норвежских борцов Сопротивления стало уничтожение подготовленной для отправки в Германию так называемой «тяжелой воды». Этот компонент, необходимый для создания нацистской Германией атомного оружия, производился на заводе «Норск-гидро», укрытом в скалах у г. Рьюкан. 23 февраля 1943 г. группа норвежских десантников во главе с К. Хаукелидом при поддержке британского Управления специальных операций взорвала это предприятие. Однако через полгода гитлеровцы восстановили завод. В начале 1944 г., опасаясь высадки в Норвегии войск союзников, немецкое командование

К. Хаукелид

решило перевести запас «тяжелой воды» и оборудование с «Норск-гидро» в Германию. 20 февраля 1944 г. норвежскому Сопротивлению удалось взорвать паром, перевозивший этот ценный груз[81].

Между тем в движении Сопротивления наблюдались серьезные разногласия по поводу ведения борьбы против оккупантов. Руководство организаций «Кретсен» и «Милорг» придерживалось политики «выжидания» и «накопления сил». Руководители коммунистических ячеек пытались создать свой координационный центр, но не получали на это согласия эмигрантского правительства Нюгордсволда и общего руководящего центра Сопротивления в стране. В конце 1943 г. в Вестланне коммунистами был создан, по типу датского, так называемый «Совет свободы». В 1944 г. был сформирован общенациональный руководящий центр под названием Hjemmefronten («Внутренний фронт»), где представлены организационные центры: «Кретсен», Координационный комитет и военная организация «Милорг». В руководстве «Внутреннего фронта» были представлены как гражданские, так и военные руководители, и оно подчинялось напрямую командующему норвежской армией в Лондоне, то есть министру обороны. Коммунистическое крыло Сопротивления оставалось за его рамками[82]. Программное заявление «Внутреннего фронта» содержало пункты о восстановлении в стране после ее освобождения демократических свобод и проведении свободных выборов, отмене законов, принятых режимом В. Квислинга, наказании военных преступников и норвежских нацистов[83]. Все эти пункты программы «Внутреннего фронта» были поддержаны руководством коммунистического крыла Сопротивления.

Военные силы вермахта, выделенные для оккупации трехмиллионной страны, вначале были довольно скромными. Весной 1940 г. они насчитывали 10 тыс. солдат, но уже через год их численность приблизилась к 180 тыс. человек. В 1944 г., опасаясь высадки войск союзников, А. Гитлер перебросил в Норвегию дополнительные силы, и немецких войск там насчитывалось уже 400 тыс. человек[84]. Перейдя к открытому террору, гитлеровцы проводили в Норвегии политику «выжженной земли».

Действия организации «Милорг» в 1944 г. проходили в тесной координации с операциями союзнических войск, которые осуществлялись благодаря разведывательным сведениям норвежского антифашистского подполья, в том числе коммунистического. В 1944 г. коммунистическими организациями был проведен целый ряд крупных диверсий на предприятиях военно-стратегического значения: в Хальместранде — на алюминиевом заводе, в Люсакере — на заводах по производству серной кислоты, в Конгсберге — на заводе по производству боеприпасов. Много актов саботажа было осуществлено в Осло на фабриках по производству электромоторов и на железных дорогах. Норвежцы оказывали всяческую помощь советским и югославским военнопленным, которых фашисты использовали на принудительных работах в Норвегии, а с осени 1941 г. — на строительстве различного рода укреплений. Норвежские патриоты принимали участие в совместной борьбе против гитлеровцев в рядах Красной армии. Многие из них погибли геройской смертью.

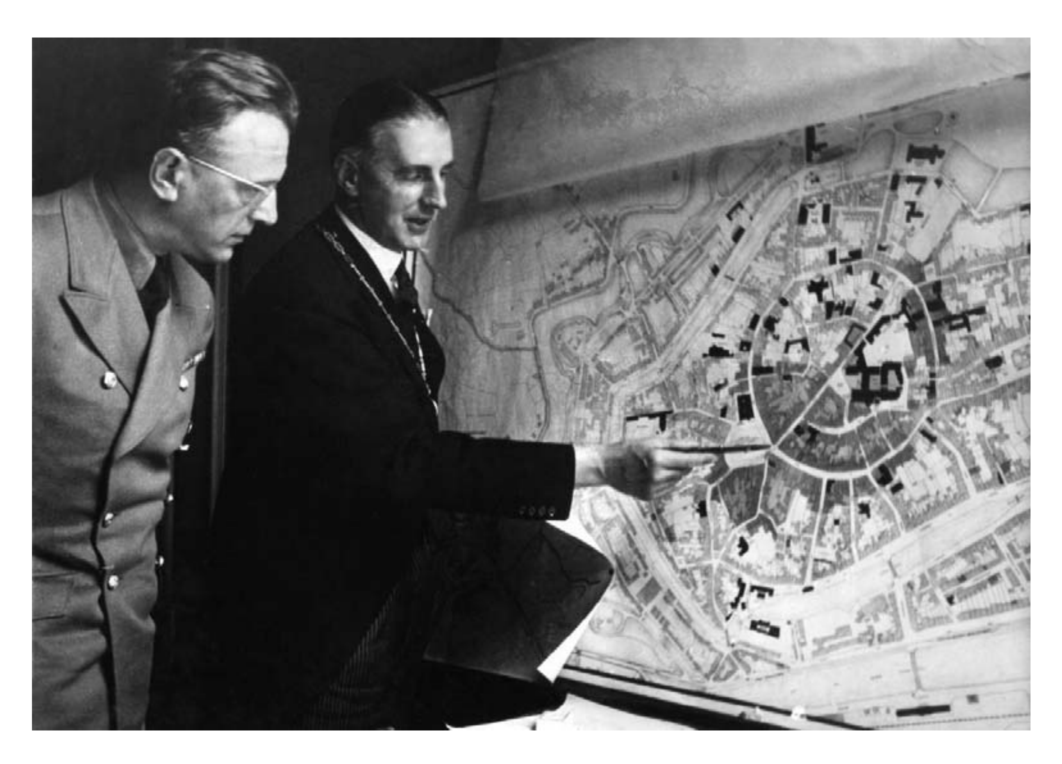
В конце апреля 1945 г. по указанию норвежского эмигрантского правительства была приведена в боевую готовность норвежская полиция в Швеции, назначены руководители местных органов власти. В первых числах мая 1945 г. о готовности капитулировать заявило командование 350-тысячной немецкой группировки. 7 мая 1945 г. 40 тыс. вооруженных бойцов организации «Милорг» по призыву «Внутреннего фронта» заняли все стратегические пункты страны. Под особый контроль были взяты дороги, мосты, электростанции, промышленные предприятия. В тот же день Й. Тербовен был смещен с поста рейхскомиссара и на следующий день покончил жизнь самоубийством. Руководство «Внутреннего фронта», опираясь на решения норвежского эмигрантского правительства, взяло на себя все полномочия власти в стране. 8 мая последовало объявление о капитуляции немецких войск в Норвегии.

Война нанесла стране большой материальный ущерб, уровень жизни населения значительно упал. Вместе с тем страна не находилась в хаосе и анархии, поскольку центральная и местная власти продолжали действовать в соответствии с традиционными административными порядками. Во время оккупации в результате репрессий, казней, в тюрьмах и лагерях погибли 2100 норвежцев.

За сотрудничество с врагом были привлечены к ответственности около 100 тыс. норвежцев, из них 40 тыс. признаны активными коллаборационистами. Первое место среди них занял В. Квислинг, казненный 24 октября 1945 г. В первые дни освобождения страны был арестован 86-летний К. Гамсун, но из-за возраста и болезни не осужден, а помещен в дом для престарелых, где и умер 19 февраля 1952 г. Массовым гонениям подверглись норвежские женщины, связавшие свою судьбу с немецкими солдатами. Их дети считались неполноценными и насильственно проходили лечение в психиатрических больницах, а они сами подвергались депортации или жестоким преследованиям. К 1 ноября 1947 г. в 15 лагерях и нескольких тюрьмах Норвегии содержались лишь 5300 бывших коллаборационистов.

Нидерланды. 10 мая 1940 г. немецкими войсками были оккупированы Нидерланды, а 13 мая голландское правительство и королева Вильгельмина эмигрировали в Англию. Согласно меморандуму «Экономическое преображение мира» германского Министерства иностранных дел от 30 мая 1940 г. такие страны, как Голландия, Бельгия, Люксембург, Дания и Норвегия, включались в «великогерманскую зону»[85]. На территории Нидерландов планировалось сформировать политическую систему в виде имперского комиссариата во главе с рейхскомиссаром А. Зейсс-Инквартом.

Действия немецких эмиссаров в Голландии опирались на собственно национал-социалистическое движение Голландии. С начала 1930-х гг. в стране действовал ряд пронемецких нацистских партий: «Черный фронт» (с 1940 г. — «Национальный фронт»), Голландская национал-социалистическая партия НСДАП и «Национал-социалистическое движение» А. Мюссерта. Их идеология базировалась на пропаганде идей «здоровой нации» (создание мононационального государства и примат титульной нации над национальными меньшинствами) и сильной власти, порядка и солидарности. После 1936 г. в программных документах НСД стали активно использоваться фашистские идеи, основанные на расизме и антисеми-

Рейхскомиссар А. Зейсс-Инкварт и бургомистр Мидделбурга у карты города

тизме. Пик активности и популярности «Черного фронта» и НСД пришелся на середину 1930-х гг. После начала немецкой оккупации их влияние резко возросло. В начале оккупации НСД насчитывало примерно 80 тыс. членов, что составляло чуть больше 1% населения страны. На выборах в парламент в 1935 г. НСД получило 300 тыс., в 1937 г. — около 171 тыс. голосов избирателей[86]. Надо отметить, что голландская нация рассматривалась германскими националистами как арийская кровь. В свою очередь, НСД поддерживала агрессивную внешнюю политику фашистской Италии и нацистской Германии.

Среди коллаборационистски настроенных голландцев было много журналистов, которые напрямую взаимодействовали с немецкими изданиями. Были и полицейские, сотрудничавшие с оккупационными властями. О широких предпосылках и распространении коллаборационистских настроений в Нидерландах свидетельствует ряд фактов. Так, накануне Второй мировой войны около 52 тыс. немцев жили и работали в Голландии. Уже в июне 1940 г. при поддержке оккупационных властей в стране была создана «Нидерландская уния», среди организаторов которой были руководители ведущих партий — Католической и Либеральной. В задачу «Нидерландской унии» входило установление лояльных отношений с оккупационной властью. В феврале численность организации составила 800 тыс. человек[87].

С начала оккупации национал-социалистические организации Голландии практически стали филиалами НСДАП, гитлерюгенда, НСКК и прочих. 11 сентября 1940 г. партией А. Мюссерта были созданы добровольческие формирования СС. Германские СС в Голландии 1 ноября 1940 г. насчитывали около 3700 человек, а Немецкий штурмовой батальон — около 7 тыс.[88] Члены НСД открыто сотрудничали с оккупантами и мечтали о создании «новой Европы» под эгидой нацистской Германии и образовании под руководством А. Мюссерта Объединенных Нидерландов. К этому времени политический коллаборационизм перерос в военный. Летом 1940 г. в Мюнхене был сформирован первый полк СС из голландских добровольцев «Вестланд», который зимой 1940–1941 гг. вошел в состав 5-й дивизии СС «Викинг».

В апреле 1941 г. был создан полк «Норд-вест», в августе уже насчитывавший 1400 голландцев, 805 фламандцев и 108 датчан. После нападения Германии на СССР начался прием в добровольческий легион «Нидерланды», численность которого к январю 1942 г. составляла 3 тыс. человек. В целом, к этому времени в вермахте служили 21 тыс. голландцев[89], еще около 40 тыс. нидерландцев — в войсках СС: в 5-й танковой дивизии СС «Викинг», 11-й добровольческой танково-гренадерской дивизии СС «Нордланд», 23-й добровольческой моторизованной дивизии СС «Нидерланд» (1-я голландская) и 34-й добровольческой гренадерской дивизии «Ландштурм Нидерланд» (2-я голландская)[90]. Зимой 1942—1943 гг. легион «Нидерланды», воевавший под Волховом, понес большие потери и был расформирован весной 1943 г. Летом 1943 г. была создана добровольческая бригада СС «Нидерланды», насчитывавшая к концу года около 7 тыс. человек. Она принимала участие главным образом в охранной службе и карательных рейдах против хорватских партизан. За все годы Второй мировой войны Голландия дала больше других стран добровольцев на советско-германский фронт. Здесь погибли 10 тыс. голландцев[91].

Наиболее активной силой Сопротивления была компартия Нидерландов, с 20 июля 1940 г. находившаяся в подполье и тесно связанная с борьбой против холокоста. Как отмечают современные исследователи, «для левой части борцов Сопротивления евреи часто были товарищами и соратниками по борьбе, семьи которых хорошо знали друг друга»[92]. К другой активной антифашистской группе принадлежали ортодоксальные кальвинисты, которые занимались распространением подпольной печати, способствовали росту в стране антигерманских настроений. Такие формы пассивного протеста против оккупационной политики, как бойкот и неповиновение, возникли уже в первый год оккупации и получили широкое распространение в последующий период.

По мере усиления фашистского давления и нацификации страны в ряды Сопротивления вливались все новые патриотические силы — люди различных политических партий и настроений. Создавались антифашистские молодежные и лево-протестантские организации. Среди них была «Группа гёзов», созданная Б. Эйзердраатом. Антифашистски настроенное офицерство нидерландской армии концентрировалось вокруг организации «Служба порядка», одной из главных задач которой являлся сбор разведывательных данных для передачи их командованию союзнических войск[93].

С разоблачением нацистской идеологии выступала церковь. Священники отказывались причащать членов НСД, всячески оказывали помощь тем, кого преследовали оккупационные власти. Хотя гитлеровцы стремились не трогать служителей церкви, в период оккупации погибли 49 католических и 43 протестантских священника[94]. Сельское население также помогало скрывать беглых антифашистов. Созданная в начале 1943 г. «Национальная организация помощи скрывающимся» всячески помогала лицам, разыскиваемым оккупантами, избежать арестов. Летом и осенью 1940 г. по городам страны прокатились широкие студенческие забастовки. Бастовали студенты университета в Лейдене, Высшего технического училища в Делфте. 85% студентов отказались подписать декларацию о лояльности оккупантам[95].

«Новый порядок», установленный оккупантами, сопровождался введением летом 1940 г. карточной системы распределения продуктов. К декабрю 1941 г. ситуация с продовольствием становилась все более критической[96]. Оккупанты приступили к принудительной отправке в Германию голландских безработных. В том же 1940 г. оккупационная власть реквизировала золотой запас, изъяв 4,5 млрд гульденов и завладев 816 слитками золота. Общая сумма финансового обложения Нидерландов составила 20 млрд гульденов[97]. За годы войны в Германию было отправлено 92 вагона с 2775 полотнами всемирно известных голландских живописцев, включая Рафаэля, Ван Дейка, Рубенса, Рембрандта, а также скульптурами и тысячами произведений прикладного искусства[98].

Росту антигитлеровских настроений в стране способствовало нападение нацистской Германии на Советский Союз. 24 июня 1941 г., выступая по оранскому радио, королева Вильгельмина заявила, что она считает Советский Союз союзником Нидерландского королевства, и поэтому правительство Голландии в изгнании будет оказывать СССР непосредственную помощь. Официально Советский Союз был признан правительством Нидерландов 10 июля 1942 г.[99]

Голландские добровольцы полка СС «Вестланд» в Мюнхене

Солдаты СС из состава «Ландштурм Нидерланд» в строю

Группа арестованных голландских коллаборационистов и членов партии НСБ

Бывший диктор голландского оккупационного радио Макс Блокзийл на допросе

В феврале 1941 г. состоялась массовая забастовка рабочих Амстердама. Вскоре к протестам против отправки на работы в Германию присоединились провинциальные города Северной Голландии и Утрехт. В общей сложности в акции участвовали 300 тыс. человек[100]. Еще более масштабная забастовка прошла в апреле — мае 1943 г. под руководством Национального комитета Сопротивления. В ней приняли участие около 1 млн человек в городах и сельской местности. Оккупанты развернули массовые репрессии. По приговору военно-полевых судов после забастовки были казнены 80 человек, убиты во время разгона демонстрации — 95, ранены — 400, отправлены в концлагеря — 900[101]. Были арестованы представители КПН Л. Янсен, Я. Дитерс, двое руководителей казнены. Однако все это не сломило борцов. Летом 1943 г. движение национальной солидарности охватило всю страну, 1,7 тыс. голландских врачей подписали письмо протеста в ответ на указ А. Зейсс-Инкварта, принуждавший врачей вступать в профашистскую «Палату врачей». В результате 400 человек были арестованы и отправлены в концлагеря, остальные ушли на положение «скрывающихся». 27–28 июня была организована забастовка врачей. Кульминацией борьбы стала сентябрьская всеобщая забастовка железнодорожников 1944 г.

Однако оккупанты и их пособники продолжали насильственную трудовую мобилизацию для отправки рабочих в Германию, постоянно устраивая облавы. 10–11 ноября 1944 г. в Роттердаме в результате двух облав были арестованы 54 тыс. человек, из которых 40 тыс. направлены в Германию[102]. По данным Международного военного трибунала, в период оккупации на принудительные работы в Германию были вывезены 500 тыс. голландцев[103]. В конце 1943 — начале 1944 г. от угона на работы скрывались свыше 100 тыс. голландцев, а в сентябре 1944 г. — около 250–300 тыс.[104]

Чиновники и полиция саботировали указы оккупационных властей. В июне 1944 г. 300 бывших полицейских перешли в ряды Сопротивления. Летом 1943 г. по распоряжению заместителя рейхскомиссара Г. Раутера в концлагерь Вьюгт были отправлены 150 членов семей полицейских, вставших на сторону борцов Сопротивления. Если в начале 1943 г. количество людей, полностью посвятивших себя Сопротивлению, не превышало нескольких тысяч, то в сентябре 1944 г. их было около 25 тыс. человек[105].

В мае 1944 г. эмигрантским правительством совместно с британским правительством и генералом Д. Эйзенхауэром было подписано соглашение о подчинении военного управления голландского Сопротивления лично генералу Д. Эйзенхауэру. В июле 1944 г. по предложению эмигрантского правительства с согласия королевы была создана Большая совещательная комиссия, куда вошли представители 20 организаций Сопротивления в составе трех секций: левая (Совет Сопротивления), центристская (Национальный комитет Сопротивления), правая («Организация помощи скрывающимся», «Боевые дружины»). Организации Сопротивления стали регулярно получать вооружение, доставляемое из Англии. Одним из героических эпизодов движения Сопротивления явилось восстание советских военнопленных, участников грузинского батальона № 832, на острове Тексел. В боях на этом острове погибли 570 грузин (из 800) и 89 голландцев[106].

В середине сентября 1944 г. союзническое командование сосредоточило силы на бельгийско-голландской границе. К середине ноября 1944 г. американские войска почти полностью освободили южные провинции Нидерландов. В конце апреля 1945 г. союзнические войска блокировали группировку войск вермахта в западных провинциях Нидерландов. 4 мая 1945 г. был подписан Акт о капитуляции. В стране было введено военное управление, просуществовавшее до марта 1946 г.

После окончания войны в стране развернулась широкая антиколлаборационистская кампания. 27–28 ноября 1945 г. прошел судебный процесс по делу А. Мюссерта, а 7 мая 1946 г. он был расстрелян. Особенно тяжким в Голландии был назван коллаборационизм деятелей культуры и представителей СМИ, потому что «они духовно развращали соотечественников». Перед судом предстали все журналисты, которые сотрудничали с фашистской администрацией. Они заключались в тюрьмы с запретом на несколько лет после этого работать в СМИ. Были репрессированы и полицейские, сотрудничавшие с фашистами: 13% из

них уволены, еще 15% оставались на своих постах, но за антипатриотическое поведение на протяжении ряда лет не могли рассчитывать на продвижение по службе. В целом, в стране с населением в 10 млн жителей в тюрьмах, концлагерях и лагерях для интернированных находились свыше 200 тыс. человек, обвиненных в коллаборационизме. Были репрессированы руководители национал-социалистического движения, военные преступники, офицеры СС и чиновники, сотрудничавшие с оккупационными властями. При этом из 299 смертных приговоров были исполнены только 38. 127 тыс. нидерландцев были лишены избирательных прав, 92 тыс. не имели права носить оружие, 95 тыс. чиновников уволены со своих постов, а 60 тыс. из них лишены нидерландского гражданства. Таким образом, в коллаборационизме были обвинены свыше 420 тыс. человек[107].

За годы войны погибли 240 тыс. жителей Нидерландов, 10 тыс. участников Сопротивления были убиты, 20 тыс. умерли в тюрьмах и концлагерях. Из Германии вернулись на родину 30 тыс. голландских рабочих, 20 тыс. человек были убиты во время военных действий, 104 тыс. нидерландских евреев сожжены в газовых камерах. Германия присвоила около 40% национальных богатств Нидерландов. Общий ущерб, нанесенный экономике Нидерландов, исчислялся в 25,7 млрд гульденов[108]. Национальный долг страны вырос с 4 до 12,8 млрд[109].

Бельгия. 10 мая 1940 г. агрессии со стороны вермахта подверглась Бельгия, а 28 мая король Леопольд III, отказавшийся эмигрировать со своим правительством в Англию, подписал протокол о капитуляции. 19 ноября 1940 г. состоялась встреча Леопольда III с А. Гитлером, на которой король благодарил фюрера за то, что тот «сделал для страны Бельгии»[110].

Бельгийцы рассматривались нацистской пропагандой как народ, родственный германской нации. Идеи коллаборационизма имели глубокие исторические корни и опирались на набиравшую силу идею национального сепаратизма. Фламандский сепаратизм разъедал бельгийское общество еще со времен Первой мировой войны. С момента образования франкофонной Бельгии в 1830 г. германоговорящие фламандцы находились в оппозиции валлонцам.

В октябре 1931 г. был образован Союз национальных солидаристов Великих Нидерландов (Вердинасо), 8 октября 1933 г. сформирован Фламандский национальный союз (ФНС), а в конце 1935 г. валлонец Л. Дегрелль основал «Народный фронт», или «Рексистское движение». В день вторжения вермахта в Бельгию представители националистических партий, открыто высказывавшие свои симпатии гитлеровскому режиму, были арестованы, но вскоре освобождены и назначены на руководящие посты в административных органах распавшейся надвое страны, а их партии (ФНС — во Фландрии и рексисты — в Валлонии) монополизировали политическую власть. Была полностью воспроизведена корпоративно-милитаристская модель германского фашизма.

Во фландрские СС к 1 ноября 1941 г. вступили 1800 человек и еще 4 тыс. были ассоциированными членами. В мае 1941 г. по инициативе из Берлина было объявлено о создании добровольческого легиона СС «Фландрия», а к концу августа 1941 г. в нем уже состоял 871 фламандец. В ноябре того же года легион был направлен под Ленинград. Максимальная его численность составляла 3 тыс. человек, включая немецких кадровых офицеров. В июне 1942 г. легион был отозван и влит в 27-ю добровольческую гренадерскую дивизию СС «Лангемарк» (1-ю фламандскую). В июне 1943 г. Валлонский легион СС был переименован в штурмбригаду СС «Валлония», которая в составе 2 тыс. человек была отправлена на советско-германский фронт в составе дивизии «Викинг». После тяжелейших боев в районе Черкасс прорвавшаяся из окружения дивизия насчитывала только 4 тыс. человек, из которых 632 валлонца. Они и бежавшие после освобождения Бельгии коллаборационисты составляли основу созданной 28-й гренадерской дивизии СС «Валлония» (1-я валлонская).

Ряд промышленных предприятий Бельгии взаимодействовал с Германией, выполняя немецкие заказы, в том числе для армии вермахта и военной промышленности, кроме того, нацисты реквизировали 74 тыс. железнодорожных вагонов и 351 тыс. автомашин[111].

В первые годы войны немецкой пропагандой всячески распространялся тезис о бесполезности Сопротивления. В дезориентацию сознания общества внесли вклад и правые

лидеры Бельгийской социалистической партии своими заявлениями о том, что «национал-социализм является наиболее эффективным средством достижения социализма». Представитель Бельгийской рабочей партии Анри де Ман 6 июня 1940 г. распустил партию и создал 22 ноября 1940 г. Союз рабочих умственного и физического труда. Немецкие власти в знак благодарности передали в его распоряжение имущество распущенных профсоюзов.

Движение Сопротивления оккупационному режиму началось в Бельгии с осени 1940 г., когда были созданы Народные комитеты взаимопомощи и солидарности. Компартия в первые месяцы не была запрещена. Легально выходила газета «Уленшпигель». Задача коммунистов облегчалась и тем, что согласно решениям VII конгресса Коминтерн признал за такими малыми странами, как Дания, Голландия, Бельгия, право в случае агрессии вести справедливую войну за национальное освобождение[112]. С августа 1939 г. в Брюгге находилось Бюро Коминтерна для компартий западноевропейских стран, возглавляемое Клеманом (Фридом), здесь издавалась газета «Монд».

В июне 1940 г. несколько тысяч жителей столицы приняли участие в шествии к Могиле Неизвестного Солдата для возложения венков. Немецкие солдаты открыли огонь по демонстрантам. Это было первое открытое антигерманское выступление. КПБ использовала все формы борьбы: саботаж, диверсии, забастовки, демонстрации, уклонение от трудовой повинности, укрытие сырья и продовольствия, бойкот и неповиновение. Нелегальная коммунистическая печать призывала к развертыванию в стране антифашистской борьбы. «Долой иностранное господство и фашистское рабство», — говорилось в листовках от 1 мая 1941 г.

Несмотря на распространение в стране коллаборационистских настроений, в кругах широкой общественности страны рос протест против политики насилия и грабежа. Пассивное сопротивление создавало общую атмосферу ненависти к фашистским оккупантам и местным нацистам. На нем в дальнейшем и выросло активное Сопротивление. К ноябрю 1941 г. относится начало формирования в стране «Фронта независимости», объединившего бельгийских патриотов, людей различных политических взглядов и направлений. Если в 1940 г. в Бельгии выходило 22 подпольных издания, то к концу оккупации общее число подпольных газет составляло 700 наименований[113]. Согласно послевоенным исследованиям, в подготовке и издании нелегальных газет принимали участие около 12 тыс. бельгийцев, из которых 3 тыс. погибли.

Географическое положение страны — отсутствие лесных массивов, нехватка боеприпасов и взрывчатки сдерживали развертывание вооруженной борьбы. Однако диверсии и саботаж с ноября 1940 г. стали регулярным явлением. В конце 1940 г. в Льеже была создана организация под названием «Армия освобождения», в которую входили представители социалистической, коммунистической и других партий. В ее составе был и бывший министр юстиции А. Дельфос. «Армия освобождения» занималась организацией промышленного и военного саботажа, сбором разведывательных данных на территории страны для передачи их командованию союзнических войск. В «Группе Г» (всеобщая группа по организации саботажа) были представлены рабочие, служащие, инженеры, ими осуществлено около 2 тыс. актов диверсий и саботажа.

В январе 1941 г. недалеко от Льежа было сформировано так называемое «Национальное движение» во главе с К. Жозе. Представители консервативно-монархического направления создали свои организации в Арсхоте, Лувене, Брюсселе, Антверпене. Однако они были еще малочисленны, слабы и малоактивны. Наиболее эффективной являлась диверсионная организация «Бельгийская армия партизан», созданная КПБ в конце 1940 г. Среди ее участников были и члены Интернациональной бригады в Испании. Силами коммунистов весной 1941 г. была создана в Льеже организация «Валлонский фронт» во главе с Э. Бюрнелем и Т. Дежасом, ставшая в дальнейшем основой будущего «Фронта независимости».

В середине 1941 г. произошло слияние двух военных групп — «Бельгийской армии» (возглавляемой Лентцем) и «Бельгийского легиона» (возглавляемого Ш. Кляссе). Были установлены контакты с эмигрантским правительством в Лондоне и руководством англий-

ской разведывательной службы. В последние годы оккупации объединенный «Бельгийский легион» действовал в строгом соответствии с планами союзнических войск, придерживаясь «выжидательной политики». В целях координации сил в ноябре 1941 г. на встрече представителей движения Сопротивления был учрежден общенациональный руководящий орган — «Фронт независимости», в котором представлены организации «Бельгийская армия партизан», «Патриотическая милиция», «Бельгийский легион» (позже назывался «Бельгийская армия», затем «Тайная армия»), «Армия освобождения», «Белая бригада», «Группа Г» и другие. Руководящая роль принадлежала коммунистам.

В первые недели после освобождения в Бельгии наблюдался взрыв антиколлаборационистских настроений. Так как наибольший удельный вес в Бельгии занимал коллаборационизм в экономической области, обвинение в сотрудничестве с врагом было предъявлено 75 491 предпринимателю, а их собственность передана в управление государства или отчуждена. Однако более жесткое наказание ожидало политических коллаборационистов. Были арестованы до 200 тыс. человек, из них 57 тыс. осуждены на срок заключения до 20 лет. Официально было вынесено 238 смертных приговоров, но тысячи погибли от линчевания и других актов произвола со стороны участников Сопротивления[114]. На 1 апреля 1949 г. было возбуждено 125 тыс. дел, из которых 75 372 (60%) вскоре прекращено, 7122 обвиняемых оправданы судами и 31 тыс. до 1949 г. ожидали решения. Из 11 391 осужденного активного нациста к смерти были приговорены только 43 человека, к пожизненному заключению — 30, к тюремному заключению сроком от 5 до 20 лет — 605, к тюремному заключению до пяти лет — 10 713. Из 43 смертных приговоров приведено в исполнение лишь 20. Из 11 310 осужденных к 1949 г. отбывали наказание 800 человек, остальные были выпущены на свободу под разными предлогами[115].

Франция. В июне 1940 г. Франция была оккупирована Германией и поделена на две части. В северной, где находились наиболее развитые в промышленном отношении районы, было установлено германское военно-административное управление: 13 французских департаментов, в которых проживали 26 млн человек. В южной, получившей название «свободной зоны», состоявшей из 32 департаментов с населением 14 млн человек, расположилось французское правительство, названное по имени своей новой столицы — Виши. Четыре французских департамента на южном побережье страны были оккупированы итальянцами. Переписка жителей зон была запрещена. Единственной границей между оккупированной (северной) и неоккупированной (вишистской) зонами стала тысячекилометровая демаркационная линия, на границе которой немцы установили пропускную систему. В ноябре 1942 г. южная зона была также занята немецкими войсками.

10 июля 1940 г. Национальная ассамблея в Виши проголосовала за наделение маршала Ф. Петэна всей полнотой чрезвычайной власти. Тем самым была провозглашена петеновская «национальная революция» и установлен авторитарный режим. 24 октября на встрече Ф. Петэна с А. Гитлером на железнодорожной станции в Монтруа в качестве политического принципа взаимоотношений был закреплен коллаборационизм (то есть сотрудничество с гитлеровцами). Ф. Петэн неоднократно высказывал мысль о том, что для установления полноправного сотрудничества с Германией Франции необходимо создать в стране общественно-политический строй, подобный нацистскому. С установлением союза Франции с Германией прежний лозунг Французской Республики «Свобода, Равенство, Братство» был заменен на «Труд, Семья, Отечество». «Марсельеза» по требованию немцев была запрещена, введены антисемитские законы, евреи перемещены в лагеря или депортированы на территорию, занятую гитлеровцами.

Активным проводником идей сотрудничества с оккупантами, дисциплины и лояльности «новому государству» маршала Ф. Петэна стала французская пресса. В кинотеатрах демонстрировались немецкие киноленты, устраивались мероприятия по приобщению к немецкой культуре и изучению немецкого языка. Была создана разветвленная сеть профашистских молодежных движений, вооруженных и созданных по образцу гитлерюгенда, которому и

Нацистский флаг над Парижем

Маршал Ф. Петэн приветствует французских пленных на вокзале Руана

Солдаты французского легиона вермахта на Северном вокзале Парижа
перед отправкой на восточный фронт

подчинялись: «Молодежь новой Европы», «Будущее Франции» и другие — более 350 организаций, которые на пике своей популярности в 1942 г. насчитывали около 50 тыс. человек[116].

Франция превратилась в одного из крупнейших поставщиков промышленности для гитлеровской Германии. Широко осуществлялся вывоз в Германию промышленного оборудования, общая стоимость которого составила около 9,8 млрд франков. Германия экспроприировала золотой запас Франции, а также установила колоссальные оккупационные платежи. С контролируемых коллаборационистским правительством Виши территорий ежемесячно вывозилось по 3 тыс. тонн алюминия, 300 тонн магния, 2 тыс. тонн глинозема, кобальтовой руды, бокситов, графита, железной руды, фосфатов, специальных и растительных масел, продовольствия[117].

Предприятия Франции обеспечивали немецкую армию техникой и вооружением. Уже к началу войны с СССР во французской оборонке, работавшей на вермахт, были заняты 1,6 млн человек. По неполным немецким данным, до января 1944 г. они поставили Германии около 4 тыс. самолетов, около 10 тыс. авиационных двигателей, 52 тыс. грузовиков. Вся локомотивная и 95% станкостроительной промышленности работали только на Германию. На 22 июня 1941 г. для действий на восточном фронте было выделено два отдельных батальона трофейных машин. Танковые части с французской техникой действовали главным образом на флангах восточного фронта. Так, в составе наступающей с финской территории армии «Норвегия» находился 211-й батальон, состоявший из 52 легких танков «Гочкис Н-35» и средних «Сомуа S-35». Другой батальон, отмеченный в документах под номером 192, был направлен на прорыв Перемышльского укрепленного района. В батальоне имелось 30 тяжелых В-1, в том числе 24 огнеметных. Наконец, еще 15 танков S-35 придали бронепоездам. Причем четыре вместе с бронепоездом № 28 участвовали в штурме Брестской крепости. Кроме того, к февралю 1943 г. в Германию прибыли 765 тыс. мобилизованных французских рабочих. На содержание немецких солдат с лета 1940 г. выделялось ежедневно по 20 млн немецких марок, а с осени 1942 г. — по 25 млн. Этих средств хватило не только на то, чтобы обеспечить немецкие войска всем необходимым, но и на подготовку и ведение войны против СССР[118].

В 1943 г. 40% всех заказов на производство вооружений в оккупированных странах приходилось на Францию, которая к концу года получила от Германии военных заказов на 13 млрд рейхсмарок[119]. Одной из самых распространенных зарубежных машин в люфтваффе и ВВС союзников Германии стал лучший истребитель Франции «Девуатин-520». В боях на стороне рейха было задействовано свыше 600 из 905 выпущенных самолетов. По воспоминаниям современников, промышленность и экономика Франции во время оккупации продолжали ритмично работать. Так, «на предприятиях «Рено» в Булонь-Бийанкуре с конвейера бесперебойно сходили грузовики для вермахта. И на множестве других предприятий французы без всякого принуждения производили в больших объемах и без рекламаций продукцию для нашей военной промышленности»[120].

С началом Второй мировой войны профашистские политические движения получили реальную власть. Так, Народная французская партия, в 1930-е гг. стремительно изменившая курс с пацифизма на резкий антикоммунизм, вместе с «Национальным народным объединением» и «Фашистской лигой» (Франшистская партия) объявили о создании «Легиона французских добровольцев против большевизма» (в немецких документах — 638-й пехотный полк). Идеологи коллаборационизма представляли его как «спасение от угрозы коммунизма». В первые месяцы существования этого легиона в него поступило 13 400 заявок от добровольцев, из которых 7600 были отклонены по состоянию здоровья. 3 тыс. из 5800 оставшихся были отправлены на советско-германский фронт в первые месяцы войны. Легионеры, которые начали прибывать в СССР в ноябре 1941 г., участвовали в операции «Тайфун», а также в карательных акциях против партизан на территории Белоруссии. В 1944 г. этот легион был влит в 33-ю дивизию СС «Шарлемань»[121].

Франция была оккупирована, но не поставлена на колени. Патриотически настроенные граждане срывали плакаты, убивали нацистов, организовывали диверсионные акты, препятствовали военным поставкам. Первые вооруженные группы были созданы коммунистами.

Позже они объединились в боевую «Специальную организацию» (ОС), которая уже осенью 1940 г. провела ряд диверсий на железных дорогах, заводах и электростанциях в департаментах Нор и Па-де-Кале, а также в районе Парижа. В программном заявлении от 10 июля 1940 г., опубликованном за подписью М. Тореза и Ж. Дюкло, руководство компартии выступило за сплочение патриотических сил для борьбы за национальное и социальное освобождение.

Постепенно в движение Сопротивления включались люди различных политических взглядов. В начале 1941 г. под контролем Национального военного комитета была создана единая организация «Французские франтиреры и партизаны»[122]. Активно действовали и группы антифашистов, созданные французскими социалистами. Среди подпольных организаций умеренного направления в северной зоне была «Либерасьон Нор», в южной — «Комба», «Либерасьон Сюд». В ноябре 1940 г. в Париже состоялась крупная студенческая демонстрация под лозунгами: «Да здравствует Франция!», «Долой Петэна!» и «Да здравствует де Голль!».

По мнению многих историков, участники Сопротивления во Франции были более активны и скоординированы, чем в любой другой оккупированной Германией западноевропейской стране. Общим центром для французских сопротивленцев внутри страны стал г. Лион. При своей относительной малочисленности участники Сопротивления подтвердили свою силу и оказывали значимое влияние на дух французов по мере обострения военных действий[123]. В промышленных районах большая часть участников Сопротивления была из рабочих кварталов. В департаменте Па-де-Кале 62% лиц, арестованных и депортированных во время оккупации, были рабочими[124]. Важную роль в антифашистском движении играла и патриотическая интеллигенция: писатели, художники, преподаватели и студенты. По мнению историка А. Мишеля, на первом этапе, в 1940–1941 гг., в Сопротивлении преобладали интеллигенция и мелкие буржуа[125]. В движении Сопротивления находилась и значительная часть служащих и средних городских слоев.

Уже осенью 1940 г. французская пресса сообщила о многочисленных арестах и казнях участников Сопротивления. Среди них были видные политические деятели, представители науки и культуры. В вину арестованным вменялось нападение на немецких военнослужащих, порча военных объектов и хранение оружия, а также антифашистская пропаганда. Красные объявления в черном обрамлении на стенах домов сообщали о расстрелянных.

В марте 1941 г. вишистская власть заявила, что в стране насчитывается 18 тыс. политических заключенных[126]. Первоначально арестованные находились в лагере Мериньяк, а в январе 1943 г. большая часть была переправлена частично в лагеря на территории Германии, частично — в Норвегию на принудительные работы. Фашистская власть активно применяла и систему заложников. Ни в чем не повинных мирных граждан арестовывали и держали как заложников в случае покушения на военнослужащих вермахта. На основании приказа В. Кейтеля от 16 сентября 1941 г. были арестованы и расстреляны 30 тыс. человек. 100 тыс. французов были арестованы по так называемым политическим причинам, из них 65 тыс. убиты[127].

Уже в 1940 г. началось формирование движения «Свободная Франция» во главе с генералом Ш. де Голлем. В октябре 1941 г. генерал сообщил правительству Англии о решении взять «в свои руки руководство движением Сопротивления», а также «приступить к политической деятельности во Франции». С целью объединения внутреннего и внешнего Сопротивления во Францию были направлены специальные миссии.

После оккупации немецкими войсками территории вишистской «свободной зоны» в ноябре 1942 г. на сторону Сопротивления перешли многие военные и политические деятели из коллаборационистского окружения Ф. Петэна: генерал Латтр де Тассиньи, М. Кув де Мюрвиль, Ж. Вильер (возглавлявший затем в качестве президента Национальный совет французских предпринимателей) и другие. Ряд руководителей петеновской разведки также перешел к союзникам[128].

Руководство французской компартии, следуя директивам Коминтерна, на первой стадии относилось к движению Ш. де Голля отрицательно[129]. Однако после капитуляции Франции 22 июня 1940 г. позиция Коминтерна изменилась. 10 июля 1940 г. был опубликован манифест

Немецкий пост на демаркационной линии в оккупированной Франции

Граждане Франции приветствуют главу коллаборационистского правительства Виши маршала Ф. Петэна

Бойцы «Свободной Франции» расстреливают шестерых соотечественников, сотрудничавших с немцами

Парижанка с немецким пистолетом-пулеметом

Французы, служившие в вермахте, перед генералом Леклерком из «Свободной Франции»

Генералы Д. Эйзенхауэр и О. Брэдли беседуют с членом французского Сопротивления

ФКП в новой трактовке с призывом к борьбе против оккупантов и созданию фронта борьбы за свободу, независимость и возрождение Франции, объединение всех патриотических сил. 26 сентября 1941 г. правительство СССР в официальном письме на имя Ш. де Голля признало его руководителем «всех свободных французов» и заявило, что готово оказать ему помощь в общей борьбе с Германией и ее союзниками.

Осенью 1942 г. в горных лесистых местностях южной зоны возникли небольшие партизанские лагеря из антифашистов, остававшихся работать на оккупантов. Партизанские отряды получили название «Маки». Они признали Ш. де Голля руководителем Сопротивления. Среди участников антифашистских движений были и французские моряки. Чтобы не допустить захвата французского флота гитлеровцами, моряки г. Тулона затопили свои корабли.

Перелом, произошедший в 1943 г. в пользу антигитлеровской коалиции, вызванный поражением войск вермахта на советско-германском фронте, оказал большое влияние на подъем движения Сопротивления во Франции. В мае 1943 г. начал свою деятельность Национальный совет Сопротивления (НСС), во главе которого находился один из видных организаторов французского движения Сопротивления Ж. Мулен. Национальный совет стал объединяющим органом, в котором были представлены различные политические спектры. 3 июня 1943 г. в Алжире под председательством Ш. де Голля и А. Жиро был образован Французский комитет национального освобождения (ФКНО), заменивший комитет «Сражающаяся Франция» в Северной Африке. Он был признан правительством СССР в качестве представителя государственных интересов Франции.

Большая роль в движении Сопротивления принадлежала так называемым интернациональным бригадам. В довоенный период на территории Франции проживало большое количество иностранцев, среди них были политэмигранты из России, Германии, Италии, Польши, Румынии и других стран. Наиболее многочисленными являлись диаспоры испанцев (400 тыс. бойцов бывшей республиканской армии) и русских (90 тыс. бывших солдат экспедиционного корпуса времен Первой мировой войны). На французских предприятиях работали 4 млн иностранных рабочих. К этому следует прибавить сотни тысяч еврейского населения, проживавшего в те годы во Франции, а также большое количество африканцев, появившихся в первые годы войны на французских территориях.

Политика депортации, которую проводили оккупанты, привела к тому, что в годы войны из Эльзаса было изгнано около 2% населения, проживавшего там до войны, а из Лотарингии — свыше 15%. Чтобы разъединить французский народ, гитлеровцы постарались использовать в своих интересах сепаратистское движение в Бретани. Многие включились в движение Сопротивления, более 300 тыс. людей иностранного происхождения встали на защиту Франции, и среди них было много русских.

Продвижение армий союзнических войск в Европе способствовало активизации выступлений сил Сопротивления. В феврале 1944 г. Национальный совет Сопротивления произвел реорганизацию военных формирований. Были созданы единые Французские вооруженные силы (ФФИ), в состав которых вошли различного рода партизанские группы, а также французские франтиреры[130]. Численность внутренних сил достигала 500 тыс. человек. Возглавлял их Комитет военных действий (КОМАК) под председательством генерального секретаря «Национального фронта» коммуниста П. Вийона. Комитет подчинялся Национальному совету Сопротивления.

Гитлеровцы отвечали жестокими репрессиями на выступления антифашистов. По сообщению германского посла Абеца, в течение 1943 г. «за голлистскую, марксистскую и другую враждебную деятельность» во Франции немцами были арестованы 34 977 человек. По данным французского правительства, во Франции на принудительных работах для нужд рейха работали 738 тыс. человек, были депортированы в Германию в качестве рабочей силы — 875,9 тыс., 987,7 тыс. являлись военнопленными и узниками концентрационных лагерей. Всего на фашистскую Германию работали 2 601 639 граждан Франции[131].

Нацистская политика уничтожения еврейского населения коснулась и Франции. Но французские евреи, в отличие от многих оккупированных стран, имели больше шансов

выжить. В Нидерландах смогли спастись только 25%, в Польше — 2%, в Бельгии — 60%, в Норвегии — 60%, в Дании — 98%. Во Франции выжили 75% еврейского населения[132]. Из 120 тыс. арестованных по расовому признаку умерли или были казнены 117 тыс., а из 100 тыс. политических заключенных погибли 65 тыс. человек. По материалам Нюрнбергского процесса, в качестве заложников были казнены 29 660 человек.

15 марта 1944 г. «Национальный фронт Сопротивления» опубликовал программу, в которой говорилось, что освобождение Франции от немецко-фашистских сил является первейшей задачей и условием дальнейших демократических преобразований. Летом 1944 г. по всей Франции начались антифашистские выступления, согласованные с действиями войск союзников в Нормандии. Вся территория между Сеной и Луарой, обширные области на юге страны были охвачены восстаниями. Части французской внутренней армии освобождали французские города и селения, не дожидаясь прихода союзнических войск. В последний период оккупации репрессии фашистов на территории Франции резко ужесточились. Отступая, гитлеровцы осуществляли кровавый террор и убийства мирного населения. Свидетельством этого является уничтожение в июне 1944 г. французского городка Орадур-сюр-Глан и убийство 639 его жителей[133].

14 августа 1944 г. началось восстание в Париже, явившееся кульминационной точкой всеобщего восстания. 15 августа восставшие захватили префектуру и другие государственные учреждения. 18 августа забастовка стала всеобщей. В ходе выступления патриотические силы потеряли 2100 человек убитыми, со стороны оккупантов потери были вдвое больше — 4200 человек. Победоносный исход парижского восстания предотвратил разрушение Парижа, которое готовилось оккупантами. 9 сентября 1944 г. было создано временное правительство во главе с Ш. де Голлем, в которое вошли представители всех антифашистских сил[134].

На протяжении всего периода оккупации Франции фашистский режим осуществлял прямое разграбление страны, особенно ее культурных ценностей. 17 июля 1940 г. был создан особый штаб А. Розенберга со специальным отделом «Изобразительное искусство», который провел тщательное обследование всех архивов и библиотек Франции для отбора наиболее ценных книг и документов для отправки в Германию[135]. 5 ноября Г. Герингом была подписана специальная инструкция о порядке грабежа и раздела награбленного имущества. Согласно отчету вышеупомянутого отдела «Изобразительного искусства» от 16 апреля 1943 г., с сентября 1940 г. из оккупированных фашистской Германией стран Европы, преимущественно из Франции, было отправлено 92 вагона с 2775 ящиками, в которых находились картины, скульптуры, старинная мебель. 53 предмета искусства были направлены А. Гитлеру в Мюнхен, 594 предмета — в собственность Г. Геринга. В последующем отчете отдела «Изобразительного искусства» отмечалось, что с апреля 1940 по июль 1944 г. из европейских стран в Германию было направлено еще 137 вагонов с 4174 ящиками художественных ценностей. На последнем этапе войны грабеж культурных ценностей был еще более интенсивным. 17 июля 1944 г. А. Розенберг докладывал А. Гитлеру, что он направил в Германию из Франции эшелон с десятками тысяч произведений искусства: работами Рубенса, Рембрандта, Вермера и других художников, скульптурами, старинными книгами и даже пластинками с записью ритуальной еврейской музыки.

За годы войны Германия принудительно использовала труд 875,9 тыс. депортированных иностранных рабочих, 987,7 тыс. человек находились в качестве военнопленных и узников концлагерей. Общее число работавших на германский рейх французов, по данным французского правительства, составляло 2 601 639 человек[136].

Избавление от гитлеровских пособников во Франции было радикальным. Аресты коллаборационистов начались задолго до ее полного освобождения. Назвать точное количество осужденных невозможно. По донесениям отдельных префектов в 1948 г., общее число казненных составляет около 10 тыс. человек. Согласно сообщению министра иностранных дел нового правительства Франции, в 1944 г. только стихийно казненных коллаборационистов было 105 тыс., не считая случаев казни во французских колониях. Казни практиковались

после коротких судебных разбирательств и были проведены в первую очередь в отношении местных полицейских и агентов гестапо, сотрудничавших с оккупационной властью.

По официальным данным, было начато 170 тыс. судебных процессов по обвинению в коллаборационизме и вынесено 120 тыс. приговоров, в том числе 4785 смертных, из которых 2 тыс. не было исполнено. Процессы против коллаборационистов на государственном уровне прошли позднее. Особое внимание привлекли суды над главными фигурами режима Виши — Ф. Петэном и П. Лавалем. В мае 1945 г. П. Лаваль был приговорен к смерти и казнен; Ф. Петэн в августе 1945 г. также был приговорен к смертной казни, которую, учитывая его преклонный возраст, заменили пожизненным заключением.

Австрия. Первой жертвой агрессии Германии стала Австрия, когда 12 марта 1938 г. немецкие войска вошли на ее территорию. 13 марта был опубликован закон об аншлюсе — присоединении Австрии к Германии. Референдум, проведенный по аншлюсу Австрии, свидетельствовал о желании 99% жителей объединения с Германией. С одной стороны, сыграл свою роль фактор давления могущественного соседа, с другой — наличие сильного национал-социалистического движения в самой Австрии. Среди сторонников аншлюса были руководство социал-демократической партии, верхушка католической и евангелической церквей, немалая часть интеллигенции, купечества и промышленной буржуазии[137]. Петиция епископов, подписанная словами «Хайль Гитлер», побудила к выходу из церкви около 100 тыс. австрийцев[138].

Еще в 1934 г. во время вооруженных выступлений рабочих в стране победил австрофашизм. Антифашистская борьба в те годы велась в Австрии на два фронта — с австрофашизмом и германским национал-социализмом. Несмотря на поражение антифашистов, наблюдался рост членства коммунистической партии с 4 до 16 тыс. человек. Коммунисты считали отправной точкой своего Сопротивления начало авторитарного режима К. Шушнига (1934–1938).

В первые дни вступления вермахта в Австрию начались массовые аресты. Из Германии в Австрию прибыли 16 тыс. полицейских. По свидетельству Б. Шираха на Нюрнбергском процессе, были арестованы 76 тыс. австрийцев — противников аншлюса, среди них бывший канцлер Австрии К. Шушниг. Арестованные были отправлены в концлагерь Дахау. Первый эшелон прибыл уже 2 апреля. В мае второй эшелон привез рабочих, служащих, писателей, журналистов, военнослужащих австрийской армии. Среди арестованных было много коммунистов и левых социалистов. 11 марта был убит последний министр Австрии В. Ценер, а начальник Генерального штаба фельдмаршал А. Янза увезен в Германию.

Оккупационный режим в захваченных гитлеровцами странах имел свои особенности. С Австрией, как и с оккупированной Чехословакией, не велись военные действия, при этом ни с одной из стран не был заключен мирный договор. Надежды многих австрийских нацистов на создание некоей федерации двух государств под эгидой Германии и выравнивание их экономического положения не оправдались. В апреле 1938 г. А. Зейсс-Инкварт был заменен гауляйтером Й. Бюркелем, исполнявшим обязанности «имперского комиссара по воссоединению Австрии с Германским рейхом». Австрия получила название «Восточная марка».

Быстрое разочарование в идее аншлюса, отдавшего страну во власть «старого рейха» и лишившего самостоятельного развития, привело к росту антигерманских настроений, на фоне которых компартия Австрии летом 1938 г. приступила к созданию подпольных комитетов и распространению антифашистских материалов. Одним из центров партизанской борьбы была Каринтия. Там только в сентябре 1942 г. были уничтожены около 4 тыс., взяты в плен более 3,5 тыс. и ранены около 2 тыс. гитлеровских солдат, при этом сами партизаны потеряли более 2 тыс. человек. Партизанские отряды Штирии, Южной Каринтии, Зальцхаммера, группы, вошедшие в состав «Австрийского фронта свободы», на протяжении 1943–1944 гг. регулярно проводили вооруженные акции и осуществляли акты саботажа. Однако провал антифашистского заговора генерала К. Суоколла привел к уничтожению подполья в австрийских войсках.

Оккупанты проводили массовые реквизиции государственного, общественного и частного имущества. С 1940 г. с населения взимались огромные платежи на покрытие якобы расходов по оккупации. Большой размах принял в Австрии захват и вывоз из страны культурных ценностей. В 1939 г. А. Гитлер подписал секретный приказ под названием «Операция Линц» о создании в австрийском городе Линце музея, где планировалось собрать уникальные собрания произведений искусства, вывезенные из всех оккупированных стран. Операцией руководил профессор Дрезденской галереи Г. Поссе, которому А. Гитлером были даны для этого чрезвычайные полномочия. В грабеже культурных ценностей, особенно в последний период оккупации, самое активное участие принимали местные коллаборационисты, имевшие от этого определенную выгоду.

На рост движения Сопротивления власти отвечали репрессиями. Весной — летом 1941 г. в Вене были арестованы 386 членов компартии. С осени 1938 по 1942 г. компартия четырежды формировала центральное руководство. За годы оккупации Австрии погибли 13 членов ЦК КПА. Как следствие, в Австрии начал складываться народный, надпартийный антифашистский фронт, который сотрудничал с немецким[139], словацким, югославским и французским подпольем, с Объединением восточных рабочих в Мюнхене, с военнопленными, работавшими на военных предприятиях Австрии и Германии, с австрийской эмиграцией[140]. «Народный фронт» был представлен несколькими организациями, действовавшими в разных землях и с различными взглядами на послевоенное будущее страны (так, монархисты при поддержке У. Черчилля отстаивали идею создания Дунайской католической империи из бывших земель Австро-Венгрии и Южной Германии)[141]. Наиболее мощными из этих организаций были «Австрийское освободительное движение», «Великоавстрийское освободительное движение», выступавшее за образование Дунайской федерации, «Австрийское движение за независимость» и созданный осенью 1943 г. «Австрийский фронт свободы».

Создание «Народного фронта» было связано прежде всего с военными успехами антигитлеровской коалиции, а также с результатами Московской конференции 1943 г. В документе, подписанном на конференции, говорилось, что Австрия «за участие на стороне гитлеровской Германии несет ответственность, от которой уйти некуда», и что «при окончательном урегулировании будут приняты во внимание усилия, которые Австрия может сделать для своего собственного освобождения»[142]. В ноябре 1943 г. в речи по московскому радио, обращенной к австрийской нации, председатель КПА И. Копплениг заявил, что для «австрийского народа пришло время объединить все свои силы для борьбы против Гитлера и начать решительные действия»[143].

В программе, принятой на учредительной конференции «Австрийского фронта свободы» под Трофайяхом, говорилось о стратегических задачах создания «свободной, независимой, демократической Австрии, которая будет жить в дружбе со всеми народами и в которой будет преодолена расовая и национальная ненависть и гарантирована свобода совести и убеждений», будут ликвидированы все фашистские учреждения, проведены экспроприация и национализация тяжелой промышленности[144]. В декабре 1944 г. был создан Областной комитет «Австрийского фронта свободы» для Каринтии и Штирии, куда вошли коммунисты, социалисты, представители крестьянского союза, католики. Партизанский отряд «Штирия», насчитывавший к концу войны 900 человек, установил радиосвязь с Красной армией. Их усилиями были освобождены австрийские города Шванберг и Дойчландсберг[145]. Австрийский батальон под командованием Хоннера и Фюрнберга в ноябре 1944 г. был включен в состав югославской Народно-освободительной армии и в апреле 1945 г. участвовал в боях по освобождению Кочевье и Любляны.

Консервативной частью движения Сопротивления осенью 1944 г. были созданы организации «05» и меньшая по размаху «Комитет семи». В марте 1945 г. обе организации объединились, и руководство обратилось к правительствам США, Англии, Франции с просьбой признать комитет как единственного представителя всех австрийских партий и групп Сопротивления, выступающего от имени австрийского народа.

В ответ на активизацию действий сил Сопротивления гитлеровцы обрушили на австрийский народ жесточайшие репрессии. За годы войны были приговорены к смерти 2700 борцов Сопротивления, 16 тыс. австрийцев умерли в концентрационных лагерях, около 10 тыс. — в тюрьмах гестапо, около 6 тыс. — в тюрьмах оккупированных стран. Ужасные условия жизни и труда в лагерях приводили к высокой смертности заключенных. Этому способствовали также медицинские опыты над узниками, удушение газом. В последние годы войны австрийский лагерь Маутхаузен превратился центр уничтожения людей, где погибли 100 тыс. человек[146]. В период нацистской оккупации были арестованы 724 священника, 20 человек из них умерли или были казнены. Многим священникам было запрещено проповедовать или преподавать. Наибольшие потери в процентном отношении понес еврейский народ. Репрессии на расовой почве, истребление, принудительная стерилизация и другие карательные меры широко применялись оккупантами. Специально для цыган был построен в Бургенланде лагерь Лакенбах. Из 11 тыс. узников почти две трети были уничтожены[147].

23 марта 1945 г. в Австрию вступили войска Красной армии. 13 апреля после семидневных боев была освобождена Вена. Большое содействие войскам оказали партизанские группы рабочих предместий, которые разоружили отряды СС. Группы Сопротивления воспрепятствовали разрушению мостов и других коммуникаций города, а также памятников культуры. 1 мая 1945 г. войска союзников вошли в северо-западную часть Австрии. Оказывавшим им содействие бойцам партизанских отрядов удалось спасти ценнейшие музейные ценности, вывезенные гитлеровцами из различных музеев Европы и спрятанных в соляных штольнях. Была также спасена и личная библиотека А. Гитлера (30 тыс. томов). Партизанами был взят в плен и передан американским войскам глава РСХА Э. Кальтенбруннер. Особенно успешными были действия партизан созданной в ноябре 1944 г. «Штирийской боевой общности» в районе Граце. Когда 7 мая 1945 г. части Красной армии подошли к Граце, партизаны разоружили целое подразделение гитлеровской армии. 8 мая организация приняла советского парламентера и передала город советскому командованию.

27 апреля 1945 г. временное правительство Австрии утвердило Декларацию о независимости, которая была принята 22–23 апреля на совместном совещании политических партий. Согласно тексту декларации, аншлюс был объявлен недействительным. Австрия должна была быть восстановлена на основе Конституции 1920 г. Таким образом, движение Сопротивления способствовало формированию национального самосознания народа и восстановлению суверенитета страны[148].

В Австрии после освобождения были выявлены члены Национал-социалистической партии Австрии (НСДАП), а также СС и других нацистских организаций. В это число попали 537 633 человека, обвинение в коллаборационизме было предъявлено 41 916 из них[149].

Сопротивление в странах оси

Италия. Борьба против фашизма в Италии началась еще в 1920-х гг., значительно раньше, чем в других странах Европы. После того как в 1922 г. Б. Муссолини пришел к власти, резко возросло влияние фашистской партии, были запрещены оппозиционные партии, усилился контроль над экономическими и социальными отношениями.

На протяжении многих лет отношения Италии с Германией складывались весьма своеобразно. Италия была участником Антикоминтерновского пакта, верным союзником нацистской Германии в ее империалистических устремлениях и инициатором многих агрессий. Вместе с тем Б. Муссолини хорошо понимал, какое место может занять Италия в гитлеровском «новом порядке» в Европе. В октябре 1941 г. он отмечал: «Побежденные государства станут настоящими колониями, а союзники Германии — союзными провинциями и наиболее

значительной из них будет Италия. Мы должны довольствоваться этим положением, так как всякая попытка выйти из него приведет нас к еще более худшему положению колонии. Если даже они захотят в один прекрасный день присоединить Триест к немецкому жизненному пространству, нам придется уступить»[150].

Раскол в рабочем движении, среди демократических сил не дал возможности организовать должное сопротивление фашизму. Хотя в 1934 г. между компартией и социалистической партией был заключен Пакт о единстве действий, дополненный летом 1937 г. так называемой «Новой хартией единства действий», осенью 1939 г. по инициативе социалистической партии оба соглашения были расторгнуты.

Позиция католической церкви в отношении войны и фашизма определялась ее общей концепцией пацифизма. В своих выступлениях в 1939 г. папа, выразив симпатии польскому народу, не осудил преступления немцев в Польше. В январе 1940 г. по радио Ватикана он призвал «прекратить бойню» не только Германию, но и Англию. После нападения нацистской Германии на СССР некоторые католические иерархи высказывали удовлетворение ходом борьбы против большевизма, напоминая о том, что большевики в СССР преследовали церковь. По мере развития событий на фронтах войны, побед Красной армии и выступления западных союзников позиции церкви претерпели заметные изменения. Она стала корректировать свои заявления в сторону нейтралитета. Эти заявления католической церкви вызывали определенное раздражение в Германии. В конце 1941 г. Й. Геббельс потребовал, чтобы радио Ватикана замолчало, поскольку его «передачи еще более нежелательны и опасны для нас, чем передачи коммунистов»[151].

10 июня 1940 г., когда Италия объявила войну Франции, заграничный центр итальянской компартии, находившийся тогда в Париже, выступил с заявлением, в котором призывал к немедленному прекращению военных действий и возвращению войск на родину. В Декларации Коммунистической партии Италии (КПИ) излагалось, что она «готова сотрудничать со всеми партиями, организациями и группами, которые будут активно бороться за осуществление вышеназванных требований»[152]. Определение войны как империалистической с обеих сторон по-прежнему присутствовало в документах КПИ, утверждалось, что «английский империализм не менее разбойничий, чем империализм итальянский», что соответствовало установкам Коминтерна. В июньском заявлении компартия заявила о необходимости скорейшего создания в Италии правительства рабочих и крестьян, которое одно только может «положить конец капиталистической эксплуатации и империалистической войне». Подобное заявление не могло способствовать достижению национального единства всех антифашистских сил страны.

Подписание в 1939 г. советско-германского пакта обострило разногласия в лагере антифашистов. Многие коммунисты, в том числе член руководства КПИ Л. Лонго и деятель социалистической партии П. Ненни, попали в итальянский лагерь. Генеральному секретарю партии П. Тольятти удалось спастись.

В апреле 1941 г. в Коминтерне по вопросу положения в Италии была выработана директива, в которой говорилось о первоочередной задаче создания антифашистского национального фронта. Коммунистическая партия, отмечалось в директиве, должна вести по отношению к массам такую линию, которая «облегчит образование блока всех оппозиционных фашизму и его политике сил, ориентирующихся на разрыв с державами оси и на выход Италии из войны»[153].

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., вступление в войну США в декабре того же года положили начало новому этапу войны, что не могло не повлиять на ускорение процесса консолидации антифашистских сил в стране. Важную пропагандистскую разъяснительную работу вели коммунисты через подпольную печать. В октябре 1941 г. социалисты, члены демократического движения «Справедливость и свобода» и коммунисты договорились о совместных действиях в борьбе за восстановление политических свобод и национальную независимость. Был утвержден Комитет действия по объединению итальянского народа[154].

Расстрел гражданских лиц и партизан итальянскими солдатами

С предложением создать «Фронт свободы» выступило «Движение за политическое и социальное обновление Италии» во главе с социалистом Г. Калоджеро и Ф. Перри. Положительную реакцию вызвало у католиков-антифашистов осуждение нацизма папой Пием XII после захвата Польши Германией. «Для многих католиков это осуждение затрагивало также и фашизм, вступивший в тесный союз с нацизмом»[155].

Нарастание недовольства фашистским режимом Б. Муссолини, приведшим к утрате гражданских свобод и насилию, жертвам и страданиям населявших Италию народов, постепенно проникало в итальянское общество и даже в ряды фашистской партии, однако оно не могло сразу вылиться в активное сопротивление ввиду его раздробленности, негативного отношения к сотрудничеству с коммунистами, полицейских преследований. Итальянский антифашист священник Дж. Ла Пира писал: «Фашизм извратил понятие коллективизма и его различные формы, извратил понятие родины, нации, расы, класса, народа, традиции, рассматривая их в отрыве от человеческой личности»[156].

Во второй половине 1941 г. в Италии резко ухудшилось экономическое состояние. Наблюдался рост цен. В марте 1942 г. норма хлеба составляла 150 граммов в день. Было введено нормирование электроэнергии, действовал черный рынок, сократилась продажа товаров широкого потребления, что, впрочем, не затрагивало привилегированные слои общества. Возросла экономическая зависимость от Германии, особенно в отношении импорта промышленного сырья. Итальянская рабочая сила широко использовалась Третьим рейхом. На основе соглашений между Германией и Италией от 17 марта 1939 г., 10 июня 1940 г., 1 февраля 1941 г. и 2 марта 1942 г. в Германию из Италии на добровольной основе прибывало большое количество рабочих. После оккупации Центральной и Северной Италии вермахтом с сентября 1943 г. мобилизация рабочей силы в Германию приняла принудительный характер и сопровождалась насилием со стороны коллаборационистского правительства Б. Муссолини и оккупантов. Фашистский режим стал применять жестокие репрессии против антифашистской оппозиции. По решению социального трибунала г. Триеста за антифашистскую деятельность были арестованы 60 граждан, девять из них приговорены к смертной казни. 1 мая 1942 г. начались волнения в Милане.

Победа английских войск в сражении при Эль-Аламейне в октябре 1942 г., разгром итальянских войск под Сталинградом и высадка американских войск в Северной Африке в ноябре того же года дали новый толчок антифашистским выступлениям в Италии. В движение Сопротивления вступали люди разных политических взглядов. В ноябре 1942 г. было сформировано левосоциалистическое «Движение пролетарского единства» во главе с Л. Бассо, впоследствии вспоминавшим: «Мы считали важным добиться глубоких структурных реформ, которые не только сделали бы невозможным возврат к диктаторским методам, но и открывали бы демократический путь к социализму»[157].

Демократическое течение представляли «Партия действия» и организация «Справедливость и свобода». Существовали и организации либерал-социалистов (Г. Калоджеро), члены которых выступали за сотрудничество с коммунистами. На двух совещаниях в Риме и Милане летом 1942 г. «Партия действия», отражавшая интересы средних слоев и интеллигенции, разработала программу «Семь пунктов», включавшую: установление республики, введение областной автономии, национализацию, аграрную реформу, свободу профсоюзов, свободу гражданских и религиозных прав, а также создание Европейской федерации демократических государств[158].

Однако в последующем ни либеральная партия, ни партия социал-реформистов не смогли объединить вокруг себя те круги буржуазии, которые переходили на антифашистские позиции. Эту роль взяла на себя новая католическая партия, поддерживаемая Ватиканом, — Христианско-демократическая. Ее требования были изложены в программе «Преобразовательные идеи христианской демократии» и касались установления буржуазной демократии, проведения структурных реформ и уважения частной собственности.

Недовольство фашистским режимом Б. Муссолини вылилось в широкое забастовочное движение в стране. Экономические забастовки перерастали в политические. Если за пять

месяцев 1942 г. в стране прошло 18 забастовок, то за семь месяцев 1943 г. — уже более 200[159]. Крестьяне отказывались сдавать фашистскому государству хлеб. В горы уходили скрывающиеся от воинской повинности.

Разгром немецких и итальянских войск под Сталинградом нанес ощутимый удар по итальянской военной машине. 3 марта 1943 г. Комитетом действия была принята общая программа свержения фашистского режима, где говорилось о необходимости немедленного разрыва отношений Италии с Германией и подписания сепаратного мира с Объединенными Нациями. После Сталинградской битвы в ряды антифашистов влилась большая часть итальянских солдат, воевавших в России и вернувшихся в Италию. «Те немногие солдаты, кому удалось уцелеть, — пишет итальянский историк Джулиано Прокаччи, — рассказывали о том, что их «немецкие товарищи» отказывали им в помощи, например, не пускали на свой транспорт, чтобы помочь спастись»[160].

Результатом совместных действий антифашистских сил, руководимых Комитетом действия по объединению итальянского народа, явилась всеобщая политическая забастовка, подготовленная и возглавляемая коммунистами на Совете Италии и длившаяся почти 30 дней. В ней приняли участие 133 тыс. человек, среди которых были рабочие, служащие, технический персонал заводов. В одной из листовок говорилось: «Мы требуем отстранения Муссолини от власти, мы боремся за мир, за независимость нашей страны — против двенадцатичасового рабочего дня и преступной войны»[161]. Весной и летом забастовки носили уже регулярный характер. В них участвовали студенты, преподаватели университетов, интеллигенция.

Роспуск Коминтерна (10 июня 1943 г.) дал возможность всем коммунистическим партиям европейских стран проводить более гибкую политику в условиях войны и оккупации. Весной 1943 г. был создан Комитет национального освобождения (КНО) Пьемонта. В июне 1943 г. такие комитеты возникли в Турине, Милане и Риме. В их составе помимо коммунистов были социалисты, либералы, католики, христианские демократы, а также представители оппозиции внутри фашистской партии. КНО взял курс на подготовку широкого антифашистского восстания. Выступая в феврале 1943 г., папа заявил: «Церковь не признает режима, основанного на принудительном труде, на ссылке, будь она массовой или индивидуальной, на изгнании народов, на разрушении семей... церковь всегда протестовала и будет протестовать»[162].

Перелом, достигнутый советскими войсками на восточном фронте, оказал влияние на дальнейшее развитие внутриполитической ситуации в Италии. Высадка англо-американских войск на Сицилии в июле 1943 г. ускорила ход событий. 25 июля 1943 г. был арестован и отстранен от власти Б. Муссолини. На территории южнее Неаполя и на Сицилии, где высадились англо-американские войска, функционировали правительственные структуры правительства П. Бадольо. Поддержку ему оказывали король Эммануил III и королевская армия. 29 декабря 1943 г. был издан декрет о дефашизации, 30 января 1944 г. — закон об отмене расовых законов. На легальное положение перешли все антифашистские политические партии, была проведена амнистия политзаключенных, восстановлены свободные профсоюзы. 11 марта 1944 г. правительство П. Бадольо было признано правительством СССР, и между странами были установлены дипломатические отношения.

В первые месяцы союзнической оккупации на юге страны специальные итальянские комитеты партизан и союзные военные трибуналы провели кампании чисток. Над фашистами часто совершались суды Линча, которые проводились так называемыми «народными трибуналами». Были выдвинуты требования лишить фашистов политических прав на 20 лет. По предложению коммунистов Комитет национального освобождения вручил правительству «Меморандум о насущной необходимости организовать защиту от оккупации и возможных покушений со стороны немцев». В нем предлагалось: немедленно порвать с Германией и заключить перемирие, оказать вооруженное сопротивление каким бы то ни было агрессивным действиям со стороны немцев или итальянских фашистов; отдать всем вооруженным силам, включая войска, находившиеся на чужой территории, приказ о вооруженном сопротивлении немцам; установить боевое сотрудничество армии и населения, «приступив к формированию и вооружению народных отрядов».

Хотя меморандум оппозиции не был отвергнут П. Бадольо, его действия привели к тому, что немецкие войска, вторгшиеся вскоре на Апеннинский полуостров, не получили должного отпора со стороны антифашистских сил. Освободив Б. Муссолини, немцы переправили его в Германию, где он, выступив по мюнхенскому радио, призвал итальянцев продолжать войну вместе с Германией. В Сало (у швейцарской границы) на штыках гитлеровских войск была восстановлена так называемая Итальянская социальная республика.

Политика «правительственного коллаборационизма» Б. Муссолини в созданной им Итальянской социальной республике вылилась в организацию фашистских вооруженных сил. Б. Муссолини удалось заманить в свою армию около 210 тыс. итальянцев[163]. Около 615 тыс. итальянских военнослужащих были отправлены в Германию в качестве военнопленных и стали основной частью национальных вооруженных сил республики, костяк которых составили четыре дивизии: «Италия», «Монтероза», «Литторио», «Сан-Марко». В октябре 1943 г. были созданы итальянские подразделения в вермахте и войсках СС. При этом около 150 тыс. итальянских добровольцев служили в люфтваффе.

Зимой 1943—1944 гг. на территории Италии было сформировано 13 береговых, четыре запасных береговых, два саперных, пять саперно-строительных, 11 строительных батальонов, 46 саперно-строительных батальонов для укреплений, технический и мостостроительный, один легкий саперно-мостовой батальоны, восемь батальонов снабжения и шесть подразделений береговой артиллерии. А весной 1945 г. в составе немецкой армии на юго-западе находилось 11 инженерно-строительных батальонов и семь рот, один запасной батальон, восемь крепостных, восемь артиллерийских дивизионов, семь охранных, шесть вспомогательных рот и один батальон. На юго-востоке — две итальянские роты в составе 639-го охранного полка, два отдельных батальона, 16 железнодорожных строительных рот и один четырехбатальонный полк — добровольческий легион «Крит». В 1944 г. с целью установления контроля над порядком в рядах итальянских добровольцев появилась система «градации итальянских добровольцев» на «готовых бороться», «готовых сражаться», «готовых помогать» и «готовых работать». Для каждой группы существовали свои присяга и дисциплинарные взыскания за ее нарушение. Появились и формирования итальянской полиции на добровольной основе.

Еще одной формой военно-политического коллаборационизма стало добровольное участие итальянцев в войсках СС, в которых к концу 1943 г. состояли 8585 итальянцев, из них 976 офицеров, 1013 унтер-офицеров и 6596 солдат. А в ноябре 1943 г. появился Итальянский легион. Итальянские добровольцы воевали и в других частях войск СС, находившихся какое-либо время в Италии: например, 2 тыс. человек служили в 17-й танково-гренадерской дивизии СС «Гетц фон Берлихинген»[164]. По данным Нюрнбергского процесса, на январь 1945 г. на различного рода работах в Германии были заняты 627 тыс. итальянцев, из них около 400 тыс. военнопленные.

С осуждением коллаборационизма и коллаборационистской политики Б. Муссолини выступила католическая церковь, которая отказалась признать марионеточное правительство Сало. Однако со своих позиций религиозного пацифизма церковь по-прежнему не одобряла вооруженное антифашистское Сопротивление. За время войны и оккупации вклад самой церкви в спасение лиц, преследуемых нацистами и предназначавшихся для отправки в концентрационные лагеря, был огромен. По некоторым сведениям, священнослужителями были спасены не менее 700 тыс. человек, из них 35 тыс. еврейского населения, готовящихся к депортации, что составляло 90% всех евреев, которые должны были стать узниками лагерей.

10 сентября 1943 г. по радио Коминтерна с речью, обращенной к трудящимся Италии, выступил генеральный секретарь КПИ П. Тольятти. Он сказал: «Только восстав, подняв оружие и сражаясь против немецких захватчиков в одном строю с союзническими демократическими армиями, мы смогли снова открыть перед Италией путь к свободе, величию и достоинству»[165]. В сентябре 1943 г. в горах северной и центральной частей Италии, находившихся под властью оккупационных войск, началась партизанская война. Объединенные антифашистские организации руководили этой борьбой. В Риме это был Центральный комитет национального освобождения, в Милане — Комитет национального освобождения

Группа итальянских партизан, действовавших в Тоскано-Эмилианских Апеннинах

Итальянские партизаны после освобождения Флоренции

Северной Италии (КНОСИ). В конце сентября 1943 г. в результате восстания, в котором участвовали 1600 человек, был освобожден Неаполь. В январе 1944 г. КНОСИ осудил тактику «выжидания» и в своей резолюции определил контуры будущего правительства Италии. В нем должны были быть представители от рабочих, крестьян, ремесленников и «партий, отражающих их интересы», в том числе коммунистов[166].

Следует отметить, что руководящие антифашистские органы по своему составу были неоднородны. Организованное подполье продолжало традиции антифашистов, которые в 1920-е гг. пытались противостоять фашистскому режиму. Этот «исторический антифашизм стал кадровой и политической основой Сопротивления, определил его идеи и программы. К нему после 8 сентября присоединилось молодое поколение, прежде всего рабочие, студенчество, а также бывшие военные, этот спонтанный компонент составил массовую базу партизанской армии и вооруженного подполья»[167]. Во всеобщей забастовке, прошедшей с 1 по 8 марта 1944 г. в Северной и Центральной Италии, участвовал 1 млн человек. В рядах участников были теперь и промышленники, оплачивавшие рабочим дни стачки.

Серьезные разногласия у руководящих органов антифашистских организаций вызвали вопросы послевоенного государственного устройства страны и формирования правительства. В январе 1944 г. в г. Бари на конгрессе Комитета национального освобождения представители левых партий выступили с ультимативными требованиями отречения от престола короля Эммануила III, ввиду того что он сотрудничал с режимом Б. Муссолини. Представители умеренного крыла антифашистов предлагали отложить вопрос о государственном устройстве — монархия или республика — до окончания войны. Благодаря твердой позиции руководства компартии в лице П. Тольятти удалось принять политическое решение, получившее название «Поворот в Салерно», согласно которому вопрос о государственном устройстве был отсрочен до полного освобождения страны.

22 апреля 1944 г. было создано второе правительство П. Бадольо, в состав которого вошли представители всех антифашистских партий. Наступление англо-американских войск, начавшееся весной 1944 г., способствовало активизации сил Сопротивления. 4 июня 1944 г. войска союзников вошли в Рим. Партизанские отряды активно участвовали в разоружении солдат вермахта. В июне 1944 г. из представителей всех антифашистских партий было создано новое коалиционное правительство во главе с И. Бономи, установившее контакт с КНОСИ. Корпус добровольцев свободы (КДС) объединил все партизанские формирования. Свои отряды, так называемые «народные бригады», помимо действовавших отрядов коммунистов, социалистов и «Партии действия», создала и Христианско-демократическая партия. С одобрения руководства союзнических войск главнокомандующим Корпуса добровольцев свободы, который летом 1944 г. насчитывал 80 тыс. партизан, был назначен генерал Р. Кадорни (Либеральная партия), его заместителями стали коммунист Л. Лонго и член «Партии действия» Ф. Парри.

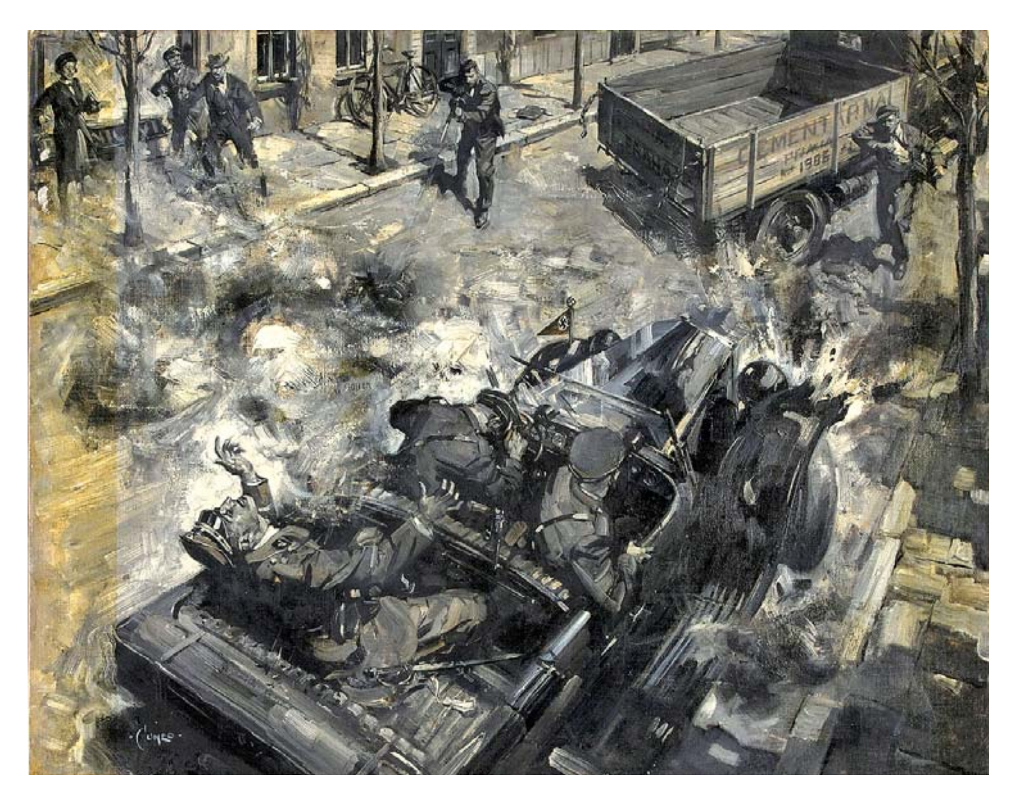
Летом 1944 г. партизанская война развернулась по всей оккупированной гитлеровцами территории Италии, в ней участвовали и крестьяне, и некоторые промышленники, ранее сотрудничавшие с оккупантами. Руководство Кредитного банка и Итальянского коммерческого банка оказывало финансовую помощь антифашистам[168]. В августе 1944 г. в ходе упорной борьбы была освобождена Флоренция, в ней принимали участие 28 тыс. повстанцев. 30 тыс. партизан спустились из горных местностей. Были также освобождены части Пьемонта, Лигурии и Центральной Италии. 15 освобожденных партизанами зон, находившихся в тылу у немцев, просуществовали до осени 1944 г. Оккупанты оказывали отчаянное сопротивление, устраивая расправы над местным населением. В октябре они со всей жестокостью подавили восстание в Болонье.

7 декабря 1944 г. между КНОСИ и руководством союзнических войск были подписаны так называемые Римские протоколы, согласно которым союзники должны были оказать военно-техническую помощь партизанам. Со своей стороны, руководство Сопротивления обязалось после освобождения страны передать власть союзникам.

Весной 1945 г. ситуация на фронтах войны, продвижение Красной армии и освобождение ею Восточной Европы, наступление союзнических войск в Северной Италии способство-

Береговая батарея. Художник Т. Кунео

Ликвидация Гейдриха. Художник Т. Кунео

Производство танков. Художник Т. Кунео

Воздушная атака на корабль. Художник Т. Кунео

Американские линкоры в огне. Художник Дж. Гамильтон

Операция на побережье. Художник Т. Кунео

вали новому подъему антифашистских выступлений. 25 апреля началось подготовленное КНОСИ всеобщее национальное восстание в Генуе. Партизанская армия насчитывала 224 тыс. человек. Были освобождены 100 итальянских городов, в том числе Милан, Турин, Венеция, Болонья. Пытавшийся бежать в Швейцарию Б. Муссолини был захвачен в плен и по решению Комитета национального освобождения Северной Италии 28 апреля 1945 г. расстрелян. Приговор был приведен в исполнение согласно пятой статье декрета КНОСИ, в которой говорилось: «Члены фашистского правительства и фашистские главари, виновные в отмене конституционных гарантий, в ликвидации народных свобод, в создании фашизма, в том, что они поставили под угрозу судьбу родины, предали ее и привели ее к катастрофе, наказуются смертной казнью»[169].

Итоги войны для Италии были тяжелыми. От начала войны до 8 сентября 1944 г. Италия потеряла на фронтах 182 тыс. человек убитыми и пропавшими без вести, более 77 тыс. умерли в плену и концентрационных лагерях. Потери итальянской армии только за 1944—1945 гг. составили более 6 тыс., а партизанской армии — более 44 тыс. человек[170]. Жертвы гражданского населения из-за бомбардировок и репрессий также были значительными.

Наказание коллаборационизма как выражение стремления народов Европы решительно покончить с преступным наследием национал-социализма коснулось и Италии. Крайние наказания в виде смертной казни имели место лишь в первые месяцы освобождения, когда они производились по решению партизанских трибуналов. Число убитых и пропавших без вести в то время, согласно официальным данным, составило 1732 человека. Специальные суды, созданные после освобождения, наказывали высокопоставленных фашистских функционеров. Однако те, кто в период войны и оккупации был вынужден выполнять свою работу, могли продолжать ее без всяких проблем. Из 800 тыс. гражданских чиновников, принадлежавших к фашистской партии, лишь некоторые потеряли свои должности. Хотя представители высшего военного командования находились под особым вниманием, многие из них не понесли заслуженного наказания. Так, маршал Родольфо Грап Дани был приговорен к 19 годам тюрьмы, однако впоследствии амнистирован. После того как в октябре 1946 г. в Италии была объявлена амнистия, в заключении остались лишь около 3—4 тыс. бывших фашистов или военных преступников.

Германия. Развитие движения Сопротивления в самой нацистской Германии сдерживалось жестким контролем нацистского режима, преследованием любого инакомыслия, тотальной слежкой, террором. С первых же дней нацисты организовали массовые репрессии против своих политических противников. В результате гитлеровскому режиму удалось сломить организованное сопротивление и загнать его в подполье. За все время существования нацистского режима имели место лишь отдельные антинацистские акции героев-одиночек и небольших групп подпольщиков. Представления о войне как проявлении «вечной борьбы» германцев в защиту европейской культуры от «азиатских орд» разделяла значительная часть немецкого общества. Основная масса населения Германии поддерживала своего фюрера и выбирала между порядком и свободой в пользу первого.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз активизировало деятельность подпольных групп. Был организован Международный антифашистский комитет, наладивший связи с 70 лагерями иностранных, в том числе советских рабочих, находившихся на территории Германии. Значительно вырос тираж нелегальных газет. С начала 1941 г. в Берлине стала выходить нелегальная газета компартии «Роте Фане». Если с января по май 1941 г. количество найденных гестапо листовок не превышало 519 экземпляров ежемесячно, то в июле 1941 г. их было обнаружено 3797, а в октябре — 10 277.

Среди действовавших в 1941 г. антифашистских групп наиболее активной была организация Роберта Уриха в Берлине. В Тюрингии в ряде крупных промышленных центров действовала подпольная группа под руководством коммунистов Т. Нейбауэра и М. Позера. Созданная летом 1942 г. в Мюнхене студенческая группа «Белая роза» во главе с Г. Шолем и А. Шморелем занималась выпуском нелегальной литературы, листовок и прокламаций,

распространявшихся в Мюнхене, Франкфурте-на-Майне, Зальцбурге, Гамбурге и других местах. В феврале 1943 г. руководители и члены «Белой розы» были арестованы гестапо и приговорены к смертной казни.

К началу 1943 г. в Германии действовало несколько антинацистских организаций. Так, например, Берлинская организация во главе с Антоном Зефковым насчитывала в своих рядах более тысячи человек, ее члены действовали на предприятиях, она имела связь с антифашистскими группами Рура, Саксонии, Тюрингии, Гамбурга и прочих[171]. В Лейпциге подпольной организацией руководил Георг Шуман, в Баварии действовал «Антифашистский немецкий народный фронт». Консервативно-аристократические круги, антигитлеровски настроенная часть офицерского корпуса, среди которых были видные государственные и военные чиновники, объединились вокруг бывшего бургомистра Лейпцига К. Гёрделера, начальника Генштаба рейхсвера Л. Бека и дипломата У. Хаселя. Они сотрудничали с антифашистской группой «Крайзауского кружка», в который входили политики из старых прусских аристократических кругов во главе с графом Г. фон Мольтке и графом П. Йорк фон Вартенбургом[172]. В программе «Крайзауского кружка», опубликованной в 1943 г., говорилось о необходимости «покончить с тоталитарным принуждением и признать непреходящую ценность человеческой личности как основу порядка, права и мира»[173].

В германском патриотическом движении Сопротивления действовали и другие группы, внесшие реальный вклад в дело разгрома гитлеровской Германии, о чем подробнее сказано в шестом томе настоящего труда. Немецкие патриоты, сотрудничавшие с советской разведкой, смогли организовать обеспечение военного командования Советского Союза важнейшей разведывательной информацией. Первой подобной организацией была группа А. Харнака. Вокруг него объединились люди разных политических убеждений и религиозных воззрений, как социал-демократы, так и христианские демократы и коммунисты. Другую агентурную группу возглавлял Х. Шульце-Бойзен, внучатый племянник бывшего кайзеровского адмирала А. фон Тирпица. Обер-лейтенант Х. Шульце-Бойзен служил в Министерстве авиации и имел связи с другими управлениями ОКВ (например, с абвером). Он, в частности, передавал «красному» испанскому правительству информацию о деятельности в этой стране немецкой военной разведки и контрразведки. Группа Х. Шульце-Бойзена действовала в контакте с коммунистами. Третья группа Разведупра РККА работала под руководством немецкой журналистки Ильзе Штебе. Среди агентов группы был советник германского МИДа Р. фон Шелиа.

Поражение немецко-фашистских войск на Волге вызвало углубление внутриполитического кризиса в Германии[174]. Раскрытие заговора против А. Гитлера и организация взрыва 20 июля 1944 г. в его ставке полковником фон Штауффенбергом из группы К. Гёрделера сопровождалось массовыми арестами и казнями антифашистов. Было уничтожено и оперативное руководство компартии Германии, убит в лагере Бухенвальд Э. Тельман[175].

Летом 1943 г. на конференции немецких общественных деятелей — антифашистов и немецких военнопленных, состоявшейся в Советском Союзе, был избран Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ) во главе с поэтом-антифашистом Э. Вайнертом. Комитет обратился с манифестом к немецкому народу и армии. В нем говорилось, что целью комитета является сплочение всех немецких антифашистов, независимо от партийной принадлежности, за прекращение войны, освобождение Германии от гитлеризма и создание демократической Германии. В работе комитета участвовали 2500 антифашистов, проводивших большую пропагандистскую работу на предприятиях и в лагерях военнопленных. К комитету присоединился и Союз немецких офицеров, который был создан в сентябре 1943 г. немецкими военными во главе с генералом В. Зейдлицем, находившимся в Советском Союзе.

Коммунисты-подпольщики в Германии понесли в это время большие потери. Из 300 немецких коммунистов больше половины были арестованы, оказались в тюрьмах, концлагерях или вынуждены были эмигрировать. Среди погибших были 11 членов ЦК КПГ, восемь секретарей окружных комитетов партии, десятки депутатов рейхстага и ландтагов, тысячи рядовых членов партии.

В 1945 г., в момент вступления на территорию нацистской Германии союзнических войск, антифашистские подпольные организации главные свои усилия направляли на предотвращение разрушения заводов и коммуникаций, а также на спасение военнопленных и заключенных в концлагерях, поскольку 19 марта 1945 г. был издан приказ А. Гитлера «О разрушении объектов на территории Германии», так называемый «приказ о выжженной земле»[176]. Несмотря на противодействие антифашистов, в ходе боев за Берлин гитлеровцам удалось взорвать туннель метро, проходивший под р. Шпрее, в результате чего погибли тысячи детей, женщин, раненых солдат. Из 225 берлинских мостов было уничтожено 140. Разрушению подверглась и железнодорожная линия между Герлицем и Циттау, где было взорвано 27 мостов. 7 мая 1945 г., накануне вступления частей советской армии, были взорваны все мосты через Эльбу в Дрездене. Уничтожению подверглись также жизненно важные объекты: линии электропередач, водопроводы, транспортные коммуникации.

Балканский фронт

С осени 1940 г. Германия напряженно готовилась к походу на восток и стремилась стабилизировать Балканы, важные как источник сырья и продовольствия для будущей экспансии против СССР. В ноябре 1940 г. под давлением Германии к Тройственному пакту присоединились Венгрия (20 ноября), Румыния (23 ноября) и Словакия (24 ноября). Однако оставшиеся страны Центральной и Юго-Восточной Европы — Болгария, Югославия и Турция — продолжали сохранять нейтралитет, маневрируя между переговорами со странами оси и британцами, вытесненными фактически со всего континента, но имевшими разветвленную сеть агентов и сторонников в Белграде, Софии и Стамбуле. Лишь в марте 1941 г. к пакту присоединились Болгария (1 марта) и Югославия (25 марта). Этот последний шаг, предпринятый правительством Д. Цветковича под жестким давлением Берлина, нарушил шаткое равновесие внутри Югославии и на всех Балканах.

Югославия. Германия приложила максимум усилий, чтобы привлечь Югославию в Тройственный пакт, пообещав самые мягкие условия. Югославский премьер Д. Цветкович 25 марта 1941 г. в Вене подписал договор, включавший следующие пункты: а) правительства стран оси подтвердили свою готовность уважать единство и целостность Югославии; б) страны оси гарантировали отказ от использования территории Югославии для транзита вооруженных сил или военной техники через Югославию; в) правительства Германии и Италии заявили, что не будут требовать от Югославии никакой военной помощи.

27 марта 1941 г. в результате заговора правительство Д. Цветковича было отстранено от власти[177]. В восточной (сербской) части страны вспыхнули стихийные массовые беспорядки, вылившиеся в форму погромов немецких представительств, оскорбительных для держав оси лозунгов и призывов к сопротивлению. К власти пришло правительство генерала Д. Симовича, провозгласившего совершеннолетие короля Петра II и отстранившее от власти дядю монарха — регента Павла. Новая власть продолжила курс маневрирования, проводившийся до этого правительством Д. Цветковича. Югославский посол в Москве Д. Гаврилович в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. подписал договор о сотрудничестве с СССР. Это был крайне осторожный договор о нейтралитете, призванный в дипломатической форме показать А. Гитлеру, что нападение на Югославию будет рассматриваться как шаг, враждебный по отношению к СССР. Объективности ради стоит отметить, что в сложившейся стратегической ситуации (полное окружение Югославии враждебными государствами) прямую военную помощь Югославии СССР оказать бы не смог, даже если бы и захотел. Характерно, что параллельно с этими переговорами в тот же день 5 апреля югославское правительство сообщило немецкому послу в Белграде, что переговоры в Москве — результат кратковременного «возбуждения»

Протестующие против присоединения Югославии к странам оси в Белграде

Патруль югославской армии в Белграде в день антифашистского переворота

после восстания, но против них был весь кабинет, который «хочет достичь взаимопонимания не с Москвой, а с Берлином»[178].

Третий рейх в союзе с Италией, Венгрией, Болгарией и Румынией оккупировал Югославию за неполные две недели апреля 1941 г. 18 апреля в Белграде бывший министр иностранных дел, свергнутый в ходе путча 27 марта, А. Цинцар-Маркович и генерал Р. Янкович подписали безоговорочную капитуляцию югославской армии. Югославия была разделена между сопредельными странами — Германией, Италией, Венгрией, Болгарией и Албанией. Уже 10 апреля было образовано Независимое государство Хорватия, включавшее в себя территорию современной Хорватии, Боснии и сербской Воеводины, а также независимая Черногория под эгидой Италии. Начался процесс этнической чистки, сопровождавшийся геноцидом сербов и евреев, включавший истребление элиты, лагеря смерти и массовые немотивированные убийства. Особенно тяжелой была ситуация в Хорватии, где немцы привели к власти усташей — крайних этнических националистов[179].

Один из первых крупных антинемецких диверсионных актов произошел 5 июня 1941 г. в расположенном недалеко от Белграда г. Смедерево. В Смедеревской крепости немцы складировали свои трофеи — боеприпасы, принадлежавшие югославской армии. В результате взрыва на воздух взлетели значительная часть крепости, находившийся неподалеку от нее вокзал и центр города. Погибли свыше 2 тыс. мирных граждан. Из-за стоявшей жары идентификацию погибших производили на скорую руку, большинство трупов просто свалили в общую могилу и засыпали известью. Организаторы диверсии остались неизвестными.

Сразу же после оккупации в горах Центральной Сербии стал формировать свои отряды полковник Д. Михайлович. Собравшиеся вокруг него офицеры и солдаты, а также гражданские лица официально именовали себя «Югославским войском в Отечестве» (ЮВвО), а народ стал называть по старым сербским обычаям — четниками. В то же время Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) начала подготовку к вооруженному восстанию. Когда 22 июня 1941 г. нацистская Германия напала на СССР, руководство югославских коммунистов горячо откликнулось на призыв Коминтерна и сразу подняло революционное восстание. К этому восстанию примкнули и четники, стремившиеся не выпустить инициативу из своих рук. Восстание охватило значительную часть Западной Сербии, а также населенные сербами районы Хорватии, Боснии и Герцеговины.

В Сербии имелась определенная политическая сила, на которую немцы могли опереться, — движение «Збор» Д. Льотича, основанное 6 января 1935 г. на базе идеологии антикоммунизма, антисемитизма, традиционализма и религиозности (православия для православных и католичества для католиков), панславизма, кооперативного движения, местного самоуправления и борьбы с коррупцией и бюрократией. «Збор» находился в оппозиции к правящему режиму довоенной Югославии. Его митинги срывались, литература уничтожалась, а лидеры задерживались полицией. При этом реальная численность членов «Збора» была столь же небольшой, как и КПЮ, составляя всего несколько тысяч человек.

Исключительная опора на германофила Д. Льотича не могла принести марионеточному сербскому правительству массовости. Поэтому немцы старались найти на пост главы правительства кандидатуру более авторитетную, по возможности внеполитическую. Такой фигурой оказался генерал М. Недич, кандидатуру которого поддержал и его троюродный брат Д. Льотич. Причиной этого объединения оставшейся в стране сербской элиты стала начерченная немцами альтернатива — раздел Сербии по оккупационным зонам и участие хорватских усташей, венгерских гонведов, царских болгарских войск и албанской милиции в подавлении восстания сербов. Другим не менее важным мотивом было объявленное немцами (и проводившееся в жизнь в Крагуевце и в менее крупных сербских городах, охваченных восстанием) правило о расстреле по 100 заложников из местных жителей за убитого и по 50 человек за раненого немецкого солдата в случае нападения повстанцев. В этих условиях 29 августа 1941 г. М. Недич образовал «правительство национального спасения», которое для борьбы с повстанцами приступило к формированию своих частей из полицейских и унтерофицерского состава бывшей королевской армии[180].

Отряд четников из Делиградского корпуса в городе Сокобаня

Руководитель четников генерал Д. Михайлович

В Смедерево после взрыва царило всеобщее народное негодование против виновников трагедии, подогреваемое немцами, которые помогали гражданскому населению лекарствами и продуктами. Комиссаром по восстановлению Смедерево стал Д. Льотич. Из участников расчистки завалов после взрыва в Смедерево, среди которых оказалось немало членов организации «Збор», 14 сентября 1941 г. был сформирован Сербский добровольческий корпус (СДК) — самая надежная сербская антипартизанская часть под командованием немцев. Немецкие воинские подразделения и отряды СДК к концу осени 1941 г. смогли отодвинуть повстанцев к юго-западным границам Сербии, а потом и вовсе вытеснить партизан в Черногорию и Боснию. К осени 1941 г. наметился также разрыв между партизанами и четниками. Его причиной стало стремление партизан установить коммунистическую власть в освобожденных районах страны, в то время как четники настаивали на восстановлении в Сербии монархии. В результате между КПЮ и ЮВвО разгорелась настоящая война, при этом немцы с ожесточением боролись с обоими повстанческими лагерями.

Еще большую мозаичность ситуации придавало сотрудничество между четниками и недичевцами, чьи офицеры испытывали искреннюю симпатию к Д. Михайловичу и помогали ему оружием и боеприпасами. Гражданские чиновники недичевского аппарата оказывали четникам помощь денежными средствами. Этот симбиоз зашел так далеко, что немцам пришлось арестовать часть недичевских офицеров. В то же время некоторые четники проходили «легализацию» и продолжали свою деятельность как антипартизанские части недичевского аппарата. Время от времени немцы разоружали некоторые из таких частей, чьи командиры теряли осторожность и слишком явно демонстрировали свою лояльность Д. Михайловичу. Этот процесс «легализации» и «делегализации» отдельных четнических частей шел до осени 1944 г. Чем больше ЮВвО боролось с партизанами, а не с немцами, тем глубже оно погружалось в пучину коллаборационизма. Этот процесс был еще ярче выражен на территориях, оккупированных итальянцами, где оккупационный режим был мягче немецкого, а антихорватская риторика способствовала тому, что сербское население видело в них защитников от зверств усташей. При этом факты сотрудничества четников с оккупационными войсками и активная борьба против партизан на первых порах не очень смущали покровительствовавших четникам англо-американских союзников. Так, первая (британская) миссия при штабе ЮВвО появилась уже осенью 1941 г., последняя (американская) миссия при штабе ЮВвО, во главе которой стоял подполковник УСС Р. Макдауэлл, была заброшена в Сербию 26 августа 1944 г., а покинула Д. Михайловича лишь 23 ноября 1944 г.

С партизанами западные союзники установили связь с весны 1943 г., отклонив предложение СССР о формировании совместной миссии к партизанам[181]. Для реализации своих планов УСО подобрало подходящих людей — сербов и хорватов из Канады, завербованных и заброшенных с парашютами в ночь с 20 на 21 апреля 1943 г. в Лике (Хорватия), где они установили связь с партизанами, о чем и доложили в югославский отдел УСО, размещавшийся в Каире. Так была установлена радиосвязь между югославскими партизанами и англичанами, не прерывавшаяся до конца войны. В то же время в Боснию к партизанам также успешно была заброшена миссия-дублер. Таким образом, успех радиоконтакта партизан со штаб-квартирой УСО в Каире был закреплен[182].

В штаб И. Броз Тито 28 мая 1943 г. был заброшен англичанин Ф. У. Дикин, ставший офицером УСО в 1941 г.[183] После его отъезда в сентябре 1943 г. из Югославии к И. Броз Тито вместе с четырьмя офицерами связи и мощной радиостанцией прибыл опытный британский разведчик бригадный генерал сэр Ф. Маклейн. СССР пытался убедить У. Черчилля в независимости И. Броз Тито от Москвы и, чтобы не насторожить англичан, дипломатично не спешил посылать официальных представителей на Балканы. Советская официальная миссия к партизанам под командованием генерала Н. В. Корнеева прибыла в штаб НОАЮ лишь 23 февраля 1944 г.

После отступления партизан в Боснию и Черногорию до осени 1944 г. Сербия оказалась на периферии военных действий в Югославии. В 1942–1944 гг. партизанское движение активно развивалось в Хорватии и Боснии, где шло истребление сербов, евреев, цыган. Партизанское

Бойцы НОАЮ на улице югославского городка Ливно

Пулеметчик ударной бригады НОАЮ в бою в районе города Врбоска

движение на территории Независимого государства Хорватия было самым мощным до осени 1944 г., и, по словам хорвата В. Бакарича, политического комиссара главного партизанского штаба Хорватии, до 1943 г. «представляло собой сербское движение Сопротивления»[184]. Ситуация стала меняться лишь после капитуляции Италии и предшествовавших этому событий, когда на сторону коммунистического движения Сопротивления стали переходить массы хорватских домобранов и мусульманских ополченцев, опасавшихся мести четников за погромы сербского населения. В 1945 г. в НОАЮ из общего количества офицеров сербы и черногорцы составляли 60,17%, хорваты — 22,72%, словенцы — 9,71%[185].

Как партизаны, так и четники, оказываясь в тяжелейших условиях, прибегали к переговорам с немцами. Для этого с ноября 1943 по январь 1945 г. действовала признававшаяся и партизанами, и немцами нейтральная зона — Писаровина (25 км от Загреба). Немцы зондировали вопрос координации действий между вермахтом и партизанами в случае высадки англо-американцев на Адриатическое побережье[186]. Однако несмотря на отдельные перемирия, возникавшие между истощенными в гражданской войне движениями Сопротивления и оккупантами, немцы продолжали считать их противниками. В докладе начальника штаба оперативного руководства генерала А. Йодля от 7 ноября 1943 г. говорится: «На оккупированной нами территории Балкан происходит малая война. Она ведется против иногда хорошо вооруженных, поддерживаемых англосаксами банд общей численностью около 140–150 тыс. человек. Все банды борются против немцев, однако между ними нет единства. Различают: в Хорватии и Сербии — а) коммунистические партизанские отряды под командованием Тито численностью около 90 тыс. человек; б) четники под командованием Драже Михаиловича численностью 30 тыс. человек; в) в Греции — национальные банды под командованием Зерваса численностью 10 тыс. человек и около 15 тыс. коммунистов. Для отражения нападения англосаксов и борьбы против банд в настоящее время мы располагаем войсками численностью 612 тыс. человек»[187].

Перемирия, как правило, внезапно нарушались немцами или усташами в ходе операций. При этом четники занимались укреплением собственной организации, сбором оружия и подготовкой к восстанию, которое планировалось поднять при приближении союзников[188]. В то же время в марте — апреле 1944 г. немцы, СДК, РОК и болгарские оккупационные войска активно сотрудничали с четниками на юго-западе Сербии, пытаясь предотвратить очередную попытку прорыва в Сербию партизанских сил.

В мае 1944 г. немцы решились провести операцию по высадке парашютного десанта на Верховный штаб НОАЮ, размещенный в Дрваре (Босния), с целью захвата И. Броз Тито, его штаба и действовавших при нем миссий СССР, США и Англии. Десант высадили 25 мая 1944 г., после чего немцы замкнули кольцо окружения, а затем с массированным применением артиллерии и бронетехники стали ускоренно пробиваться на помощь к высаженному в район партизанского штаба десанту. Благодаря самоотверженности принявшего на себя основной удар батальона охраны штаба и слушателей офицерской школы маршал И. Броз Тито, советская и британская миссии ускользнули от немецких парашютистов, но оказались в большом кольце немецкого окружения.

Как только купола немецких парашютистов стали раскрываться над Дрваром, по приказу помощника начальника миссии по радиосвязи майора Л. Н. Долгова была уничтожена главная радиостанция миссии. После этого тревога была поднята и в Москве, и в Бари. О происходившем в Югославии доложили И. В. Сталину, который поставил Генштабу задачу «выяснить обстановку и при необходимости оказать помощь товарищам»[189]. Тем временем события в Боснии развивались драматически — под прикрытием частей 1-го Пролетарского корпуса группе, собравшейся вокруг И. Броз Тито и иностранных миссий, удалось пробиться в район Купрешко Поле, где было принято решение об эвакуации в Италию, а оттуда на подконтрольные союзникам югославские острова в Адриатическом море. При этом, согласно донесениям, поступившим в Генштаб, именно Н. В. Корнеев уговаривал маршала И. Броз Тито временно покинуть Югославию, поскольку в сложившейся ситуации руководство действиями НОАЮ было затруднено и существовала прямая угроза того, что немцам удастся уничтожить партизанское руководство.

На самолете «Дакота», которым управлял экипаж во главе с А. С. Шорниковым, взлетевшем с аэродрома Купрешко Поле, были эвакуированы в Бари 20 человек, в том числе маршал И. Броз Тито, члены ЦК КПЮ Э. Кардель, А. Ранкович и И. Милутинович, начальник штаба НОАЮ А. Йованович, Н. В. Корнеев, Вивиан Стрит, сотрудники советской и английской миссий. Экипаж А. С. Шорникова выполнил еще один рейс на Купрешко Поле. Вместе с ними летели и два английских самолета. Они вывезли еще около полусотни человек[190]. А утром в район Купрешко Поле уже вышли передовые части немецких войск[191].

Впоследствии И. Броз Тито и его штаб были переброшены англичанами на остров Вис, который англо-американцы превратили в военно-морскую базу, где роль партизан, не говоря уже о советской миссии, была довольно скромной[192]. Остававшийся в то время на Висе И. Броз Тито продолжал активно укреплять свои связи с английскими офицерами[193]. 10 сентября с острова Вис в г. Крайова (Румыния), куда уже вступила РККА, перелетела большая часть персонала советской военной миссии и занялась подготовкой условий для размещения в Крайове штаба И. Броз Тито[194]. Перемещение произошло в ночь с 18 на 19 сентября[195].

Во второй половине сентября в Москве было достигнуто соглашение о вступлении Красной армии на югославскую территорию. Впоследствии все военные действия советских войск согласовывались с командующим НОАЮ маршалом И. Броз Тито, который 21 сентября прибыл на советском самолете в Румынию, а оттуда вылетел в Москву, где встретился с И. В. Сталиным[196]. О целях и результате своего визита в столицу СССР И. Броз Тито в своих воспоминаниях писал: «В сентябре 1944 г. я выехал в Москву, чтобы попросить помощи в целях скорейшего изгнания оккупантов из нашей страны. Поскольку Красная Армия уже почти достигла границ нашей страны, необходимо было договориться о координации боевых действий, а кроме того, я попросил советское правительство, чтобы войска Красной Армии перешли границу Восточной Сербии и оказали помощь нашим силам в освобождении Сербии и Белграда... Особенно важно было как можно скорее освободить Белград и тем самым создать условия для деятельности как Национального Комитета, так и всех других органов гражданских и военных властей»[197].

После возвращения И. Броз Тито из Москвы в главном штабе НОАЮ в Македонии состоялась встреча представителей командования югославской и болгарской армий, которые договорились о совместных действиях против гитлеровцев. В штабе 3-го Украинского фронта в Крайове, куда 4 октября прибыл маршал И. Броз Тито, представители трех армий — СССР, Югославии и Болгарии разрешили принципиальные вопросы взаимоотношений и согласовали подготовку к Белградской операции[198].

В ходе Белградской наступательной операции (28 сентября — 20 октября 1944 г.) войска 3-го Украинского фронта, НОАЮ и болгарской армии нанесли серьезное поражение основным силам немецкой группы армий «Ф» и части сил группы армий «А». 20 октября войсками Красной армии и НОАЮ был освобожден Белград. Были созданы условия для полного освобождения Югославии, а также Албании и Греции, народы которых вели героическую борьбу против немецких захватчиков.

57-я армия 3-го Украинского фронта и части НОАЮ вскоре развернули ожесточенные бои по форсированию Дуная в районах Батина и Апатина. Только авиационная группа под командованием генерал-майора авиации А. Н. Витрука[199] и 68-й стрелковый корпус с приданным ему 1-м гвардейским укрепленным районом продолжали действовать на югославской земле. Оценивая вклад СССР в освободительную борьбу народов Югославии, маршал И. Броз Тито на заседании Антифашистского веча 8 августа 1945 г. сказал: «Советский Союз предоставил нашей армии большое количество различного рода вооружения, начиная от винтовок и кончая танками и самолетами, которым мы смогли вооружить многие наши дивизии. С помощью славной Красной Армии были быстро освобождены Белград и Сербия»[200].

В ходе освобождения западных и юго-западных районов военное руководство Югославии согласовывало операции своих войск с планами союзных командований. Так, 24 февраля 1945 г. маршал И. Броз Тито встретился в Белграде с командующим войсками 3-го Украинского фронта маршалом Ф. И. Толбухиным, а затем с командующим союзными силами

в Италии английским фельдмаршалом Г. Александером. Сопротивление войск вермахта в Югославии продолжалось вплоть до 15 мая. К этому времени была окружена последняя группировка армий «Е» в Северной Словении[201].

Греция. Развитие ситуации в Греции в годы Второй мировой войны типологически схоже с аналогичными явлениями в Югославии. Оккупанты опирались на коллаборационистов. В Греции было хорошо развито и движение Сопротивления оккупантам.

В апреле 1941 г., когда Италия терпела одно поражение за другим от британских войск, нацистская Германия направила свои соединения и флот на помощь итальянской армии. Под совместными ударами армия Греции капитулировала, но отдельные очаги отпора немецким оккупантам продолжали полыхать в Восточной Македонии, Западной Фракии и на бесчисленных островках Эгейского моря до 4 мая. Эвакуация королевской семьи была начата еще 17 апреля, а сам король, правительство и военное руководство покинули континентальную Грецию лишь в ночь с 22 на 23 апреля[202].

Территория Греции была разделена на три оккупационные зоны. Немецкие части разместились в стратегически важных точках — в Афинах, Фессалониках, Центральной Македонии, на нескольких ключевых островах Эгейского моря, а также на большей части Крита. Болгарским войскам, вошедшим на землю Греции после 20 апреля без участия в боевых действиях, досталась территория Восточной Македонии и Фракии между впадением в Эгейское море рек Струма (Стримон) и Марица (Эврос), где в то время проживало смешанное греческое и славянское (македонское) население, которое официальная болгарская пропаганда считала болгарами. Остальная территория, то есть большая часть Греции, была оккупирована итальянцами.

Три года оккупации стали тяжелейшим испытанием для греческого народа. Разоренная войной экономика Греции, которая издавна ориентировалась на ввоз продовольствия, стала причиной голода, достигшего пика зимой 1941–1942 гг.[203] Для спасения умирающего от голода гражданского населения Греции с февраля 1942 г. немецкая оккупационная администрация согласилась с инициативой международного Красного Креста о ввозе Швецией и Турцией запасов продовольствия, что привело к снижению смертности. Ввоз продовольствия (часть которого состояла из канадской пшеницы) стал возможен не только после разрешения немецких оккупационных властей, но и в результате того, что англичане решили сделать для этих транспортов исключение из континентальной блокады.

В ходе оккупации немецкими, итальянскими и болгарскими захватчиками были уничтожены десятки тысяч местных жителей[204]. В то время как болгарские оккупационные силы стремились интегрировать оккупированные территории в состав Болгарии, создавая отряды местного славянского ополчения под названием «Охрана» и вытесняя греков, на остальной территории континентальной Греции действовало коллаборационистское правительство, руководившее марионеточным государством, получившим официальное название Греческое государство. С 30 апреля 1941 г. премьер-министром стал генерал Г. Цолакоглу, подписавший перемирие с немцами 23 апреля 1941 г. Поскольку правительство Г. Цолакоглу стремительно теряло авторитет, на смену ему 17 ноября 1942 г. был поставлен врач К. Логофетопулос, проводивший популистскую политику и стремившийся смягчить оккупационный режим. С ухудшением общей стратегической ситуации на фронтах и ростом движения Сопротивления немцам понадобилась более жесткая и готовая к бескомпромиссной борьбе с повстанцами фигура, которая и была найдена в лице греческого консервативного политика И. Раллиса. Последний основал особые батальоны безопасности, ставшие надежной опорой немецких оккупационных властей в борьбе против левого крыла (наиболее мощного в Греции) движения Сопротивления.

Одним из первых демонстративных актов сопротивления оккупационным властям стало снятие нацистского флага, водруженного над Акрополем в апреле 1941 г. Флаг со свастикой сорвали участники левого крыла Сопротивления А. Сантас и М. Глезос. Политика болгарских властей на оккупированной территории сводилась к выселению (уничтожению) элиты и

насильственной болгаризации оставшегося населения, что не могло не вызвать недовольства греческого населения. Уже 28 сентября 1941 г. в районе Драмы вспыхнуло, а потом и распространилось по всей Македонии восстание против болгарских оккупантов, захватившее 14 из 20 муниципалитетов в этом регионе. При жестком противодействии властей повстанцы покинули равнинные части уже 30 сентября, а к 5 ноября были окончательно подавлены. По болгарским данным, при подавлении восстания были убиты около 3 тыс. повстанцев и местных жителей, а по греческим источникам, число убитых повстанцев и мирных жителей достигало 15 тыс. человек[205].

В наибольшей мере, как и в Югославии, движение Сопротивления развернулось в итальянской оккупационной зоне, хотя действовало оно, конечно, как против итальянцев, так и против немцев. При этом, как и в других европейских странах, оно оказалось расколотым на два лагеря. С одной стороны стояла Коммунистическая партия Греции под руководством Г. Сиантоса, сплотившая вокруг себя в 1941 г. несколько рабочих движений и левых фракций парламентских партий под названием «Народно-освободительный фронт» (ЭАМ). Боевой силой ЭАМ стала основанная в первой половине 1942 г. Народно-освободительная армия Греции (ЭЛАС).

После того как коммунисты организовали вооруженные отряды Сопротивления, националисты-республиканцы во главе с Н. Зервасом, чья политическая организация «Национальная республиканская греческая лига» (ЭДЕС) была основана осенью 1941 г., также решили сформировать вооруженные отряды, действовавшие под названием Национальные отряды греческих повстанцев — андартов (ЭОЭА). Эта организация была крайне похожа на сербских четников Д. Михайловича, и ее также поддерживали англо-американские союзники. ЭДЕС выражала антикоммунистические взгляды, при стремлении бороться с оккупантами не чуралась и контактов с ними, если это было нужно для борьбы с коммунистами. Как и четники, андарты пытались попутно с борьбой против оккупантов и коммунистов решить и отдельные «национальные» проблемы, расправляясь с запятнавшими себя коллаборационизмом меньшинствами. Если в Югославии пострадали боснийские мусульмане, то в Греции этими «нежелательными» соседями были албанские мусульмане Эпира — чамы.

Британцы так же, как и в Югославии, неприязненно относились к партизанам, но сотрудничали с ними для решения своих задач. Как и в Югославии, на первом этапе своего существования левые (партизаны ЭЛАС) и правые (андарты ЭДЕС) предприняли несколько попыток мирного сосуществования. Одной из них стала так называемая операция «Харлинг», крупнейшая на Балканах зафронтовая диверсия сил антифашистской коалиции за всю историю войны. В ходе этой операции левое и правое крылья движения Сопротивления действовали совместно с подрывниками английской УСО, взорвав несколько пролетов виадука «Горгопотамос» и прервав 25 ноября 1942 г. железнодорожное сообщение в Центральной Греции. В операции участвовали 12 британских спецназовцев, 86 партизан ЭЛАС и 53 андарта ЭДЕС. Три команды британских саперов установили взрывные заряды и взорвали мост, в то время как партизаны остановили итальянский поезд с отрядом подкрепления, не дав фашистам помешать взрыву виадука. После успешно проведенной операции ее участники отступили в горы[206].

Спустя месяц после этой операции, с начала 1943 г., между ЭЛАС и ЭДЕС начались столкновения. В то же время возникла еще одна малочисленная фракция Сопротивления (республиканско-антикоммунистического толка) — «Движение национального и социального освобождения» (ЭККА), основанное осенью 1942 г. полковником Д. Псарросом, который в начале 1943 г. сформировал свой вооруженный отряд. В развернувшейся борьбе более многочисленные и организованные отряды ЭЛАС стали одерживать верх, что болезненно воспринималось англичанами с их стремлением любой ценой избежать победы коммунистов в послевоенной Греции. С другой стороны, ЭЛАС стремилась получить легализацию, подобно тому, как это сделали югославские партизаны, установившие с весны 1943 г. постоянные контакты с англичанами. В результате с 6 июня по 5 июля 1943 г. в селе Лясково состоялись переговоры между ЭЛАС и ЭДЕС. К их договору о перемирии и разграничении

Греческие партизанки и партизаны в строю

зон действий 18 июля присоединилось движение ЭККА. Перемирие было нарушено после капитуляции Италии, когда каждая сторона поспешила пополнить свой арсенал оружия, а территориальный раздел страны на зоны ответственности терял смысл, поскольку немцы стали насаждать собственный железный порядок, уничтожая возникшие в 1943 г. партизанские края. Участились стычки между повстанцами и оккупационными войсками, которые вымещали свою злобу на мирном населении, сжигая и истребляя целые деревни[207].

В то же время обострилась борьба за влияние между левыми и правыми повстанцами. В одной из стычек, 14 апреля 1943 г., ЭККА потерпела поражение, а Д. Псаррос погиб. Чтобы уцелеть, ЭДЕС все больше стремилась найти взаимопонимание с греческими коллаборационистами, которые (как, впрочем, и немцы) были обеспокоены усилением коммунистов. Уже 10 марта 1944 г. ЭЛАС был создан Политический комитет национального освобождения (ПЕЕА), который получил название «горное правительство». Таким образом, на управление Грецией стало претендовать уже третье правительство (кроме эмигрантского в Каире и коллаборационистского в Афинах). Согласно подсчетам современных западных исследователей, ЭЛАС в период своего расцвета насчитывала по всей стране около 50 тыс. вооруженных бойцов, ЭДЕС в октябре 1944 г. — 12 тыс., а ЭККА весной 1943 г. — 1 тыс. человек[208].

После того как Красная армия вывела из войны Румынию и Болгарию, Греция превратилась для вермахта из трамплина в Средиземноморье в потенциальную стратегическую за-

падню, в силу чего началась ускоренная эвакуация. В опустевшие Афины в октябре 1944 г. без боя вошли английские войска, а Фессалоники, в которых оборонялись лишь коллаборационистские батальоны безопасности, освободили бригады ЭЛАС. Вскоре англичане попытались разоружить ЭЛАС, опираясь на новую жандармерию, созданную из объединенных и перевооруженных бывших повстанцев-националистов из ЭДЕС и бойцов коллаборационистских батальонов безопасности. Уже в начале декабря 1944 г. британские войска и греческие части, сформированные из бывших бойцов монархического движения Сопротивления и греческих коллаборационистов, силой оружия разогнали коммунистическую демонстрацию в центре Афин. По приказу британского премьера У. Черчилля командующий английскими войсками в Греции генерал Скоби должен был «вводить любые правила по своему усмотрению для установления строгого контроля на улицах или для захвата любых бунтовщиков, сколько бы их ни было... Не колеблясь, открывать огонь по любому вооруженному мужчине в Афинах, который не будет подчиняться английским властям или греческим властям, с которыми мы сотрудничаем... действовать без колебаний так, как если бы находился в побежденном городе, охваченном местным восстанием», и с помощью «бронетанковых частей... проучить повстанцев так, чтобы другим было неповадно»[209].

Уже 4 декабря 1944 г. британские королевские ВВС атаковали районы Афин, где была сильна поддержка ЭЛАС, а 19 декабря штаб английской авиабазы в пригороде Кифисия был разгромлен партизанами ЭЛАС[210]. Боевые действия против партизан прервались лишь 12 января 1945 г., что было закреплено 12 февраля подписанием Варкизского соглашения о разоружении ЭЛАС. Однако вскоре боевые действия в Греции вспыхнули вновь и продолжались до 1949 г.[211]

Болгария, Албания. С 1943 г., особенно после капитуляции Италии и ее выхода из войны, движение Сопротивления разрасталось и в других странах Балканского полуострова — в Болгарии и Албании, статус населения которых в нацистском «новом порядке» был значительно выше, чем положение греков или сербов. Вооруженные формирования профашистских режимов этих стран активно участвовали в оккупации соседних государств, демагогически маскируя это под осуществление патриотических планов территориальной экспансии. Тем не менее в Болгарии и Албании действовало коммунистическое подполье, а в 1943 г. местные коммунисты организовали партизанские отряды.

Албанские партизаны, так же как в Греции и Югославии, сражались не только против немецких оккупантов и коллаборационистов, но и против националистических движений Сопротивления (баллистов — республиканцев и зогистов — монархистов, верных королю Зогу). Зогисты и особенно баллисты активно сотрудничали с оккупационными властями в борьбе против коммунистов и за сохранение новых земель Албании — Косова и Метохии, северо-западной Македонии, приграничных районов Черногории и Греции. Лидером албанских коммунистов был Э. Ходжа, главой баллистов — М. Фрашери, а монархистов — А. Купи. Хотя представители Великобритании были в 1943–1944 гг. как в штабе коммунистов, так и у националистов, большую поддержку получали монархисты[212].

Советская миссия под командованием К. П. Иванова прибыла в Албанию летом 1944 г. и последовательно поддерживала албанских партизан-коммунистов[213]. После вывода Болгарии и Румынии из войны на стороне нацистской Германии немцы эвакуировались из Албании, и к власти пришла коммунистическая партия[214].

В Болгарии вплоть до 1943 г. движение Сопротивления развивалось слабо. Постепенно в стране нарастало партизанское движение. В парламенте появились группировки, требовавшие от правительства курса на сближение с антигитлеровской коалицией. Однако болгарское правительство продолжало предоставлять Германии свою территорию и инфраструктуру для использования в военных целях. По мере приближения Красной армии к границам Болгарии в стране ширилось движение левых сил. В Болгарии действовал «Отечественный фронт», под руководством которого еще в апреле 1943 г. была создана разветвленная партизанская организация «Народно-освободительная повстанческая армия» (НОПА)[215].

Советское правительство, желая прекратить использование болгарской территории в интересах Германии, 5 сентября 1944 г. объявило войну Болгарии, правительство которой вынуждено было 7 сентября разорвать отношения с нацистской Германией. На следующий день войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу, почти не встретив сопротивления болгарских войск. Правительство Болгарии объявило войну Германии. В ночь на 9 сентября под руководством ЦК болгарской компартии и штаба НОПА началось восстание в Софии, которое охватило всю страну. В тот же день к власти пришел «Отечественный фронт»[216].

При этом следует иметь в виду, что окончательное освобождение от немецкой оккупации принесли Балканам осенью 1944 г. лишь войска союзников по антигитлеровской коалиции — СССР и Великобритании. Только в Югославии, где партизанская армия И. Броз Тито сумела в 1944 г. с помощью поставок вооружения из СССР, США и Великобритании сформировать многонациональную регулярную армию, ее наиболее боеспособные части активно действовали против войск вермахта и его союзников.

Таким образом, движение Сопротивления имело свою специфику в различных странах и явилось одним из существенных факторов, способствовавших разгрому фашистского блока силами антигитлеровской коалиции и установлению народно-демократических режимов в ряде стран Европы и Азии. В борьбе с оккупантами погибли многие лучшие представители движения Сопротивления разных стран. Наибольшие жертвы понесли коммунисты, сражавшиеся в первых рядах движения Сопротивления, что привело к росту в послевоенный период коммунистического влияния во всем мире.

Среди выдвинутых Сопротивлением были идеи свободы, равенства и содружества всех наций, рас и народов, политической демократии, открывающей трудящимся доступ к управлению государством, концепция структурных реформ и экономической демократии, идеи первостепенной роли человека в обществе, европейского единства. Важным достижением на этом пути было создание Организации Объединенных Наций, в уставе которой, принятом на международной конференции в Сан-Франциско, были записаны многие из программных требований европейского Сопротивления.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Simonin A.* 1940 Gaston Bergery's Views on Collaboration // Workshop «Vichy in concepts». Maison Francaise d'Oxford in collaboration with the Centre for Second World War Studies (University of Birmingham). 7–8 May, 2010. P. 4.

[2] *Haffer S.* Collaboration in Europe. L., 2003. P. 15.

[3] *Де Йонг Л.* Немецкая пятая колонна во второй мировой войне. М., 1958. С. 400.

[4] *Броз Тито И.* Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 583.

[5] *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 53.

[6] Там же. С. 55.

[7] *Neulen H. W.* An deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wermacht und Waffen-SS. Munchen, 1985. S. 41–42.

[8] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 10.

[9] *Тейлор А. Дж.* Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 423.

[10] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. Stuttgart, 1999. S. 198.

[11] Ibid. S. 183.

[12] Ibid. S. 184.

[13] Итоги Второй мировой войны. М., 1957. С. 511.

[14] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 814.

[15] *Churchill W.* The Second World War. Vol. I. The Gathering Storm. L., 1948. P. 263.

[16] Российская Федерация сегодня. 2010. № 6. С. 46.

[17] *Vanderveen B. H.* Historic Military Vehicles Directory. L., 1989. P. 56–65.

[18] *Overy Richard, Wheatcroft Andrew.* The Road to War. L., 1989. P. 54.

[19] *Sokolovič Peter.* Hlinkova garda 1938–1945. Bratislava: Ústav pamäti národa, 2009. 159 p.

[20] Цит. по: *Семиряга М. И.* Указ. соч.

[21] См.: Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1939–1945. М., 1995. С. 27.

[22] Там же.

[23] См.: *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 599.

[24] *Марьина В. В.* Расчленение Чехословакии. Начало Сопротивления // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 40.

[25] *Bouček M., Klimes M.* Vartikova revolucie. Bratislava, 1973. C. 46.

[26] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 420.

[27] *Марьина В. В.* Апогей борьбы: словацкое и чешское восстания // Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. С. 437–440.

[28] См.: *Мурашко Г. П.* // Новая и новейшая история. С. 86; Za narodni osvobozeni, za novou republiku. S. 274.

[29] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 584.

[30] Там же.

[31] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 7-ми т. Т. 3. М., 1958. С. 532–533.

[32] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. Berlin, 1975. S. 118.

[33] *Madajchuk Cz.* Polityka 3 Rzeczy w okupirowanej Polsce. T. 1. Warszawa, 1970. S. 41.

[34] См.: *Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е.* История Польши. М., 2004. С. 436.

[35] Движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 1939–1945. С. 371.

[36] Там же. С. 388.

[37] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 4. М., 2012. С. 629; Т. 8. М., 2014. С. 411–423.

[38] См.: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны. М., 1957. Т. I. Док. № 313, 321, 323; Т. II. Док. № 218, 315; Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 8. С. 418–422.

[39] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа 1945 г.). М., 1980. С. 472–473, 493, 573.

[40] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 394.

[41] Там же.

[42] *Pedersen O. K.* Den politiske modstandunderbesaettelsen. Kbh., 1946. Bd. 1. S. 9.

[43] *Brix K., Hansen E.* Dansk nazisme under besaettelsen. Kbh., 1948. S. 21.

[44] *Koller V.* Die Danische Industrie unter dem deutschen faschistischen Okkupationsregime // Bulletin des Arbeitskreises Zweiter Weltkrieg. Berlin, 1963. Bd. 3.

[45] *Haestrup J.* Panorama Denmark: From Occupied to Ally: Danish Resistance Movement. 1940–1945. Kbh., 1963. S. 14.

[46] *Кудрина Ю. В.* Дания в годы второй мировой войны. М., 1975. С. 18–20.

[47] Sovjetrusland Gesandtskab. Oppretelse og nedlaeggelse (Gesandtskabets Evakuering). Pk. II. 01.11.1924–30.09.1941. Udenriksministeriet arkiv 4F. Rus. 1.

[48] Около 8 тыс. датчан сражались во время войны в рядах ваффен-СС. Многие из них погибли на фронтах, некоторые — в советских концентрационных лагерях, и лишь немногие после окончания войны были переданы представителями Красной армии датскому консульству в Вене и голландской миссии по репатриации в Сан-Валентино.

[49] *Eichholtz D.* Expansionsrichtung Nordeuropa // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 1979. № 1.

[50] Frit Danmarks hvidbog. Bd. 2. Kbh., 1946. S. 30–32.

[51] *Blytgent-Petersen E.* Frie Danske I London 1940–1945. Kbh., 1977.

[52] *Kjeldsen M.* Da kobenhavnerne saette tyskerne pa plads. Folkestrejken, 1944. Kbh., 1984.

[53] *Menger M.* Nordeuropa unter der Vorherrschaft des faschistischen deutschen Imperialismus 1940–1945 // Zeitschrift fur Geschichtswissenschaft. 1976. № 5. S. 525.

[54] *Norgard E.* Krig og slutspil: Gestapo og dansk politmod Komintern «bombefolk»... Lynde, Bogan, 1986.

[55] *Korotkov F.* Bornholms Befrielse for 25 ar siden // Fakta om Sovjetunionen. 1970. № 9.

[56] Правда. 1945. 12 мая.

[57] История Дании / Пер. с дат. М., 2007.

[58] Там же. С. 468.

[59] История Норвегии. М., 1980. С. 402–403.

[60] Там же. С. 403.

[61] См.: *Riste Olav, Nokleby Bertil.* Norway 1940–1945: The Resistance Movement. Oslo, 1970. P. 43–44.

[62] *Littlejohn D.* Foreign Legions of the Third Reich. San Jose, 1987. Vol. 1. P. 146.

[63] Krigen I Norge. Red. N. F. Dahl. Oslo, 1974. S. 180–181.

[64] Некоторые исследователи называют цифру 50 тыс. членов.

[65] Российская Федерация сегодня. 2010. № 6. С. 46–48.

[66] Vart Partis politikk under krigen. Krigspolitiken: Utgitt av Norges Kommunistiske Parti. Oslo, 1945. S. 13–14.

[67] *Luihn H.* Det fjerde vapen: Det hemmelige presse I Norge 1940–1945. Oslo, 1981.

[68] *Wyller T.* Nyordning og modstand. En framstilling og en analyse av organisasjonenes politiske funksjon under tyske okkupationen. 25.09.1940–25.09.1942. Oslo, 1958.

[69] *Austad T.* Kirkens Grunn: Analyse av en kirke bekjenneb se fra okkupationsjonenstiden 1940–1945. Oslo, 1977.

[70] История Норвегии. От викингов до наших дней. Рольф Даниельсен, Столе Дюрвик, Туре Грёнли, Кнут Хелле, Эдгар Ховланн. М., 2003. С. 369.

[71] См.: *Рогинский В. В.* Норвегия // Движения Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. М., 1991. С. 122.

[72] Мировые войны XX века. Кн. 3.

[73] *Johansen P. O.* Oss selo naermaest: Norge og judene. 1914–1943. Oslo, 1984.

[74] *Nordahl K.* Med LO for friheten. Oslo, 1969. S. 74.

[75] *Fjaerli E.* Den norske near i Storbritannien 1940–1945. Oslo, 1982.

[76] *Ulstein R.* Svensketrafiken. Oslo, 1974.

[77] *Moland A.* Kampen mot mobiliseringstrusselen i Norge 1943–1944. Oslo, 1987.

[78] *Kjelstadli S.* Hjemmestyrkene: Hovedtrekk av den militaere mot Standen under Okkupasjonen. Oslo, 1959.

[79] См.: *Маклахлан Д.* Тайны английской разведки. 1939–1945. М., 1979.

[80] *Grimnes O. K.* Hjemmefrontens ledelse. Oslo, 1979. S. 68–212; *Strande P. M.* Fallskjermer over Vasfaret. Oslo, 1977. S. 164; Slipp over Norge. Udg. Av norsk fly — historiske foreningen. Oslo, 1982. S. 31–44.

[81] *Haukelid K.* Kampen om tungt vannet. Oslo, 1965. S. 125.

[82] См.: История Норвегии. От викингов до наших дней. С. 370.

[83] Regjeringen og Hjemmefronten. Oslo, 1948. S. 403–404.

[84] См.: Движения Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. М., 1991. С. 119.

[85] *Блейер В. и др.* Германия во второй мировой войне (1939–1945). М., 1971. С. 63–78.

[86] *Бриггс Э., Клэвин П.* Европа нового и новейшего времени с 1789 до наших дней. М., 2000. С. 388.

[87] *Dress W.* Von Mei tot Mei. Assen, 1959. S. 34.

[88] *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 111–115.

[89] *Littlejohn D.* Op. cit. Vol. 2. P. 51, 57, 59, 117.

[90] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. S. 182.

[91] *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Иностранные формирования Третьего рейха. М., 2011. С. 88.

[92] См.: *Геерт М.* Нидерланды. Капризы истории / Пер. с голл. М., 2013. С. 160.

[93] История второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти т. М., 1978. Т. 8. С. 223.

[94] *Maas W. B.* The Netherlands at war 1940–1945. L., N. Y., Toronto, 1970. P. 84.

[95] *Groneveld E. E.* Hollande // Aspetti sociale ed economici della Rezistenza in Europa. Milano, 1967. P. 73.

[96] *Геерт Мак.* Указ. соч. С. 160.

[97] International Military Tribunal: Trial of Major War Criminals before the International military Tribunal (далее — IMT). Nurenberg. 14 November 1945 — 10 October 1946. Nurenberg, 1947–1949. Vol. 27. P. 511; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 3. С. 480–481.

[98] IMT. Vol. 25. P. 48–50, 181–183, 230–231; Vol. 27. P. 428–431.

[99] *Jong L. de.* Het Koninkrijk der Nederlanden in de Tweede Wereldoorlog. Amsterdam, 1979. D. 9. Biz. 201.

[100] *Jong L. de.* De Besetting. Amsterdam, 1960. D. 1. Biz. 174.

[101] См.: *Бауман Г. Г.* Апрельско-майская забастовка 1943 г. и ее значение в борьбе народа Нидерландов против фашизма // Известия Северо-Кавказского Центра высшей школы. Сер. Общественных наук. 1976. № 2. С 71.

[102] Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Т. 3. С. 763; *Сайес Б.* Принудительное использование голландской рабочей силы в Германии (1940–1945). Исследование административного коллаборационизма // XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970. С. 39.

[103] См.: *Лебедев Н. С.* Фашистский оккупационный режим // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Общие проблемы. М., 1990. С. 36.

[104] *Красильников Е. П.* Из истории движения Сопротивления в Нидерландах (1941–1945) // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 68.

[105] Там же.

[106] *Кочиашвили М. Ч.* Участие советских граждан — грузин в движении Сопротивления в странах Западной Европы // Материалы научной конференции, посвященной 20-й годовщине Победы над германским фашизмом. М., 1966. Кн. 3. С. 127.

[107] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 804.
[108] *Drees W.* Zestig jaar levenser varing. Amsterdam, 1963. Biz. 140.
[109] IMT. Vol. 27. P. 428–431, 507.
[110] Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 506–507.
[111] Война и общество в XX в. В 3-х кн. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 472–481.
[112] См.: VII Конгресс коммунистического интернационала и борьба против фашизма и войны. Сб. документов. М., 1975. С. 245, 298–299.
[113] Pages glorieuses de l'Historie du Parti Communiste de Belgique. Le drapeau rouge clandestine // Ed. de Cal. Fondation J. Jacquemotte. Bruxelles, 1971. P. 38, 48.
[114] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 797.
[115] Там же. С. 798.
[116] Российская Федерация сегодня. 2010. № 6. С. 48.
[117] *Vanderveen B. H.* Op. cit. P. 56–65.
[118] *Ory P.* Les collaborateurs 1940–1945. Paris, 1976. P. 55.
[119] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/2. S. 186.
[120] Тайная война. Секретные операции абвера на Западе и Востоке (1921–1945). М., 2002.
[121] *Littlejohn D.* Op. cit. Vol. 1. P. 146.
[122] *Смирнов В. П.* Движение Сопротивления во Франции в годы Второй мировой войны. М., 1974. С. 125.
[123] *Amrhein J.* «It was not as simple as it seems»: Collaboration, Petainism, and Resistance in Vichy France // Journal of Undergraduate Research, University of Notre Dame. Notre Dame, Ind., 2009. № 4.
[124] *Michel H.* France // Aspetti sociali ed economici della Resistenza in Europa. Milano, Varese, 1967. P. 21.
[125] *Michel H.* La guerre de l'ombre: La Resistance en Europe. Paris, 1970. P. 31.
[126] *Семиряга М. И.* Указ. соч. С. 592
[127] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 392.
[128] *Kitson S.* Vichy et la chasse aux espions nazis, 1940–1942: complexites de la politique de collaboration. Editions Autrement, Collection Memoirs. № 110. Paris, 2005.
[129] См.: *Де Голль Ш.* Военные мемуары / Пер. с фр. М., 1957. Т. 1. С. 753; см. также: Интервью куратора французских спецслужб Константина Мельника // Российская газета. 2008. 19 апреля.
[130] *Черкасов П. П.* Франция // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 208.
[131] IMT. Vol. 5. P. 505; *Jackel E.* Frankreich im Hitlers Europa. Die Deutsche Frankreichs politik im 2. Weltkrieg. Stuttgart, 1968. S. 223.
[132] См.: *Геерт Мак.* Указ. соч. С. 158.
[133] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 392.
[134] См.: *Смирнов В. П.* Указ. соч. С. 285–302; *Киссельгоф И. С.* История Франции в годы dторой мировой войны. М., 1975. С. 182–195.
[135] *Bollmus R.* Das Amt Rosenbergs und seine Gegner. Studien zum Machtkampf im Nationalsozialistischen Herrschattssystem. Stuttgart, 1970. S. 145.
[136] IMT. Vol. 5. P. 505; *Jackel E.* Op. cit. S. 223.
[137] Zwischen Barrikade und Koalition. 30 Jahre Sozialistische Partei Österreichs. Wien, 1960. S. 41–42.
[138] См.: История Австрии. Карл Воцелка. Культура, общество, политика. М., 2007. С. 379.
[139] Geschichte der Republik Österreich. Unter Mitwirkung von Dr. W. Goldinger und anderen. Wien, 1954. S. 382.
[140] Jahrbuch 1987 DDW. Wien, 1987. S. 84–86.
[141] Nie wieder Habssburg! Wien, 1961. S. 9.
[142] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1944. Т. 1. С. 359, 362–363; СССР — Австрия 1938–1979. Документы и материалы. М., 1980. С. 15.
[143] *Koplenig J.* Reden und Aufsätze. 1924–1950. W., 1951. S. 97–98.
[144] *Muchitsch M.* Die Partisanengruppe Leoben-Donawitz, Europa Verlag, Wien. 1966. S. 19.
[145] *Weinberger J.* Tatsachen, Begegnungen und Gespräche: Ein Buch um Österreich. Wien, 1988. S. 120–159.

[146] *Vocelka K.* Geschichte Osterreichs. Kultur — Gesellschaft — Politik. München, 2002.

[147] История Австрии. Карл Воцелка. Культура, общество, политика. С. 396.

[148] *Красильников Е. П., Сизова М. Г.* Австрия // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 103.

[149] См.: История Австрии. Карл Воцелка. Культура, общество, политика. С. 385.

[150] *Jakalsen H. A.* 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg im Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961/ S. 276.

[151] Тоталитаризм в Европе в XX в. Из истории идеологий, движений и их преодоления. М., 1996. С. 244.

[152] Il communismo italiano nella seconda guerra mondiale. Roma, 1963. P. 127–133.

[153] РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 18. Д. 1331. Л. 89.

[154] Il communismo italiano nella seconda guerra mondiale. P. 163.

[155] *Филатов Г. С.* Вторая мировая война и крах фашистского режима в Италии // История Италии. М., 1971. Т. 3. С. 162.

[156] *La Pira G.* La nostra vocazione sociale. Roma, [1944]. P. 39.

[157] *Basso L.* La reconstruzione del Partito socialista Italiana // Fascismo e antifascism. Milano, 1962. P. 468.

[158] Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 19.

[159] Там же. С. 21.

[160] *Прокаччи Д.* История итальянцев. М., 2012. С. 506.

[161] Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 23.

[162] Тоталитаризм в Европе в XX в. Из истории идеологий, движений и их преодоления. С. 204.

[163] См.: *Лебедева Н. С.* Фашистский оккупационный режим. // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945: Общие проблемы. М., 1990. С. 21.

[164] *Дробязко С. И., Романько О. В., Семенов К. К.* Указ. соч. С. 303.

[165] *Togliatti P.* Opere. Roma, 1969. Vol. 4. T. 2. P. 484.

[166] См.: *Моджиотер С.* Политика Ватикана и Италия 1943–1978. М., 1982. С. 20.

[167] Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 28.

[168] *Dominico R. P.* Processo ai fascisti. Milano, 1996. P. 196.

[169] См.: *Филатов Г. С.* Последние дни Муссолини // Новая и новейшая история. 1965. № 3.

[170] *Комолова Н. П.* Сто лет истории Италии (XX век). М., 2009. С. 36.

[171] *Комолова Н. П., Бровко Л. Н., Савина И. С.* Идеи и программы Сопротивления // Движение Сопротивления в Западной Европе. 1939–1945. Общие проблемы. М., 1990. С. 82.

[172] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 406.

[173] *Минин Е. М.* Немецкое движение Сопротивления в годы нацистского режима // Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2012. Вып. 2 (635).

[174] *Гинцберг Л. И.* Борьба немецких патриотов против фашизма. 1933–1945. М., 1987.

[175] См.: *Корчагина М. Б.* Германия // Движение Сопротивления в Западной Европе 1939–1945. Национальные особенности. С. 54–84.

[176] См.: Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 6. Berlin, 1985. S. 623–626.

[177] *Смирнова Н. Д.* История Албании в XX веке. М., 2003. С. 242; *Stafford D. A. T.* Soe and British Involvement in the Belgrade Coup d'Etat of March 1941 // Slavic Review. 1977. № 3. P. 399–419.

[178] Цит. по: *Городецкий Г.* Роковой самообман: Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М., 2001. С. 178.

[179] См.: *Беляков С. С.* Усташи: между фашизмом и этническим национализмом. Екатеринбург, 2009.

[180] *Тимофеев А. Ю.* Сербские союзники Гитлера. М., 2011. С. 71–78.

[181] *Barker E.* British policy in South-east Europe in the Second World War. L., 1976. P. 163.

[182] *McLaren R.* Canadians behind enemy lines, 1939–1945. Vancouver, 2004. P. 138–139.

[183] *Deakin F. W. D.* The Embattled Mountain. L., 1971; *Mackenzie W.* The Secret History of SOE: Special Operations Executive 1940–1945. L., 2000. P. 428–431.

[184] *Tomasevich J.* The Chetniks: war and revolution in Yugoslavia. 1941–1945. Stanford, 1975. P. 106; *Nešović S.* AVNOJ i revolucija: tematska zbirka dokumenata: 1941–1945. Beograd, 1983. S. 281.

[185] *Stanišić M.* KPJ u izgradnji oružanihsnaga revolucije 1941–1945. Beograd, 1973. S. 409.

[186] Nemačka obaveštajna služba, UDB III odeljenje. Beograd, 1958. T. V. S. 577–591; *Bakrač B.* Razmjena ratnih zarobljenika i uhapšenika na području Pisarovine // III godina NOR na području Karlovca, Korduna,

Like, Pokuplja i Žumberka. Karlovac, 1977. S. 845–865; *Basta M., Labovic Ć.* Partizani za pregovarackim stolom. Zagreb,1986; *Kazimirovic V.* Njemački general u Zagrebu. Kragujevac-Beograd, 1996; Vjedočanstvo hrvatskog književnika Gabrijela Cvitana iz jeseni 1944 // Časopis za suvremenu povijest. 2003. № 3.

[187] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967. С. 544.

[188] *Тимофеев А. Ю.* Четники. Королевская армия. М., 2012. С. 132–136.

[189] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. Кн. 2. С. 388–389.

[190] *Голованов А.* Дальняя бомбардировочная. Воспоминания главного маршала авиации. М., 2007. С. 510–515.

[191] *Корнеев Н. В.* Военная миссия СССР в Югославии // Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 204.

[192] *Maklejn F.* Rat na Balkanu. Beograd, 1980. G. 13.

[193] *Корнеев Н. В.* Указ. соч. С. 204.

[194] *Рак П. Г.* В глубоком тылу врага // Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 211.

[195] *Михайлов П. М.* Полеты к югославским партизанам // Советские вооруженные силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 221.

[196] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. М., 2013. С. 137.

[197] Цит. по: Освободительная миссия Советских вооруженных сил на Балканах. М., 1989. С. 170.

[198] ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 827–829.

[199] После окончания войны 264 самолета, 433 автомашины, 40 тракторов, все имущество связи, находившееся в авиагруппе генерала А. Н. Витрука, были переданы военно-воздушным силам Югославии.

[200] *Броз Тито И.* Указ. соч. С. 148.

[201] *Васильева Н. В., Гаврилов В. А.* Балканский тупик?.. (Историческая судьба Югославии в XX веке). М., 2000. С. 164.

[202] История национального сопротивления в Греции. 1940–1945. М., 1977. С. 59.

[203] *Hionidou V.* Famine and death in occupied Greece: 1941–1944. Cambridge, 2006.

[204] *Knopp G.* Die Wehrmacht — Eine Bilanz. München, 2009.

[205] *Даскалов Г.* Драмското въстание. 1941. София, 1992; *Miller M. L.* Bulgaria during the Second World War. Stanford, 1975.

[206] *McGlynn M. B.* Special Service in Greece // Official History of New Zealand in the Second World War 1939–1945. Vol. 2. Wellington, 1953. P. 5–12.

[207] *Myers E. C. W.* Greek Entanglement. L., 1955.

[208] *Shrader C. R.* The Withered Vine: Logistics and the Communist In Surgency in Greece, 1945–1949. L., 1999. P. 23–31.

[209] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1991. Т. 5. С. 488; *Gardner H.* Guerrilla and counter guerrilla warfare in Greece, 1941–1945. Washington, 1962. P. 204–213.

[210] *Saunders H. G.* Royal Air Force 1939–1945. Vol. III The Fight Is Won. L., 1954. P. 245.

[211] См.: *Кирьякидис Г. Д.* Гражданская война в Греции. 1946–1949. М., 1972.

[212] *Davies E. F.* Illyrian venture: The Story of the British military mission to enemy-occupied Albania, 1943–1944. L., 1952; *Smiley D.* Albanian Assignment. L., 1984.

[213] См.: Позывные военной разведки (Воспоминания ветеранов службы радиосвязи военной разведки). М., 1998.

[214] См.:*Смирнова Н. Д.* Указ. соч.

[215] Въоръжената борба на българския народ против фашизма. 1941–1944. Документи. София, 1962; *Дочев Д.* Партизаните — мит и реалност. Социологическо изследване. Пловдив, 2004.

[216] См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 3. М., 1999. С. 218–220.

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА СОЮЗНЫХ И НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН В ГОДЫ ВОЙНЫ

Британское общество в годы войны

Тотальный характер Второй мировой войны потребовал от Великобритании максимального напряжения сил и мобилизации всех экономических, финансовых и людских ресурсов, что привело к существенным изменениям во всех сферах жизни британского общества. Заявление премьер-министра страны консерватора Н. Чемберлена от 3 сентября 1939 г. о том, что Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии вступает в войну, вызвало почти единогласную поддержку в парламенте и в целом в британском обществе. Ведущие политические партии объявили об «избирательном перемирии»: консерваторы, лейбористы и либералы отказывались на время войны выдвигать своих кандидатов в округах, которые до 3 сентября в палате общин представляли их политические оппоненты. С началом войны Н. Чемберлен посчитал нужным ввести в состав правительства сторонника активного противодействия нацистам У. Черчилля (он получил пост морского министра), а также другого видного представителя консервативной партии А. Идена, ставшего министром по делам колоний. Лейбористы отказались войти в правительство Н. Чемберлена, но заявили о том, что будут оказывать ему поддержку.

Еще 24 августа парламент принял специальный закон о чрезвычайном положении в Великобритании, существенно расширявший полномочия кабинета министров. Правительство, в частности, получило право принимать правительственные акты без консультаций с парламентом, то есть кабинет министров мог осуществлять не только исполнительную, но и законодательную власть. Ряд изменений, призванных сделать более эффективным руководство страной, был внесен и в систему управления Великобританией. В рамках правительства Н. Чемберлен сформировал военный кабинет, состоявший из девяти человек, а также создал несколько новых министерств: информации, внутренней безопасности, экономической войны, продовольствия и прочие. Все эти и ряд других мер способствовали тому, что в годы войны значительно возросло влияние исполнительных органов власти и непосредственно премьера.

Война привнесла существенные изменения в повседневную жизнь граждан, государство ограничило некоторые права и свободы жителей Соединенного Королевства. Корреспонденция британцев с заграницей после 3 сентября стала подвергаться перлюстрации. В начале

Британский солдат перед отправкой на фронт

Британская девочка, пострадавшая при налете люфтваффе на Лондон

Лондонский полицейский дает чашку чая оставшемуся без крова

Обучение учащихся одной из английских школ владению стрелковым оружием

сентября 1939 г. правительство обнародовало «Оборонное предписание», в соответствии с которым органы власти могли подвергнуть любого гражданина тюремному заключению без суда и предъявления обвинения[1]. Позднее вступило в силу другое предписание, позволявшее запрещать издание газет без объяснения причин[2]. Государственные службы стали контролировать информацию, поступающую в периодические издания, и любая статья или заметка могла быть изъята правительственным чиновником.

Из-за нехватки бумаги многие британские газеты выходили меньшим объемом («Ньюз кроникал» и «Манчестер гардиан» печатались на 8–10 страницах вместо 16–20, как было до войны); некоторые журналы прекратили свое существование (среди них «Лондон меркюри», «Крайтирион», «Филм уикли» и другие)[3]. Многие музеи и картинные галереи закрылись; наиболее ценные экспонаты из Национальной галереи и других музеев, а также редкие книги из библиотек были вывезены в безопасные зоны. Концертная деятельность в первые месяцы войны оказалась парализована; театры и кинотеатры первоначально прекратили работу, но в середине сентября часть из них возобновила свою деятельность[4].

Руководство Великобритании, реально оценивая опасность авианалетов на крупные города, строило укрытия и бомбоубежища, населению раздавались противогазы на случай использования нацистской Германией отравляющих веществ[5]. В госпиталях готовились дополнительные места для раненых. В начале сентября 1939 г., согласно предвоенным планам, власти эвакуировали около миллиона детей и женщин из крупных городов — в основном в сельские районы страны[6]. С 1 сентября были приняты меры для обеспечения светомаскировки в ночное время.

В 1939–1940 гг. быстро увеличивалась численность британской армии. Еще в апреле 1939 г. власти ввели воинскую повинность для молодых людей 20–21-летнего возраста, однако до начала войны призыв британцев в армию осуществлялся медленно. В первый день войны был принят новый закон, в соответствии с которым мужчины с 18 лет до 41 года могли быть призваны в армию[7]. С июня 1939 до марта 1940 г. число военнослужащих возросло с 480 тыс. до 1,85 млн, а в 1945 г. достигло 5,09 млн[8]. В мае 1940 г. в качестве вспомогательных сил для защиты страны были созданы подразделения гражданской обороны, впоследствии они стали именоваться внутренней гвардией. Бойцы этих отрядов, численность которых к лету 1940 г. достигла миллиона человек, несли службу в свободное от работы время[9]. Жители Великобритании вступали также в отряды для тушения пожаров, в ряды уполномоченных гражданской обороны, которые предупреждали об авианалетах, руководили людьми в больших бомбоубежищах, регистрировали места падения бомб, оказывали первую медицинскую помощь и прочее[10].

В период так называемой «странной войны» с сентября 1939 по апрель 1940 г. действия кабинета Н. Чемберлена по переводу экономики страны на военные рельсы, несмотря на ряд предпринятых мер, были медленными и не в полной мере отвечали требованиям сложившейся ситуации[11]. Исключение составляла лишь начатая еще в 1936 г. программа по увеличению выпуска военных самолетов[12].

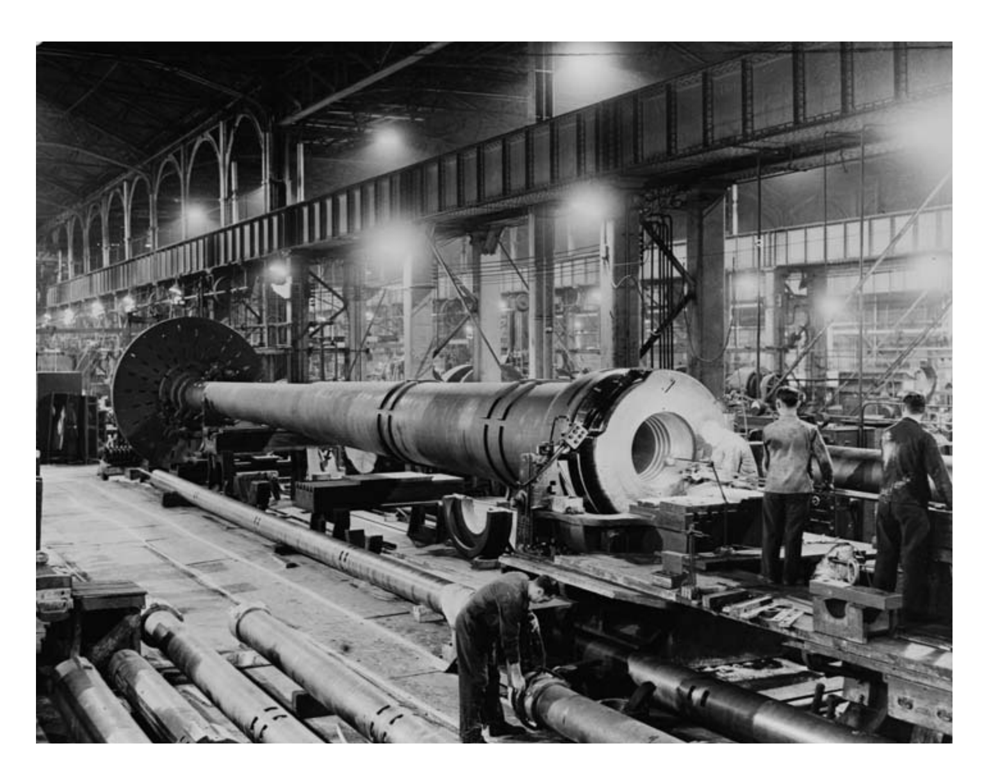
Отмеченное положение дел внутри страны, а также провал военной операции в Норвегии весной 1940 г. привели к тому, что в начале мая 1940 г. после бурных парламентских дебатов Н. Чемберлен был вынужден подать в отставку, и 10 мая премьером страны стал У. Черчилль. Проведенный в июле 1940 г. опрос населения показал, что У. Черчилля поддерживали 88% британцев — такого широкого доверия не имел в XX в. больше ни один британский премьер-министр[13]. У. Черчилль сформировал коалиционное правительство, куда помимо консерваторов вошли также лейбористы и либералы. Созданный в рамках правительства новый военный кабинет первоначально включал пять человек (три консерватора — У. Черчилль, Н. Чемберлен, Э. Галифакс, два лейбориста — К. Эттли, А. Гринвуд), они принимали все ответственные стратегические решения в области ведения войны и внутренней жизни страны. Привлечение в военный кабинет лейбористов свидетельствовало о том большом значении, которое У. Черчилль уделял проблеме взаимоотношений представителей власти с рабочими и сохранению социального мира в стране в военное время.

Женщины на сборочном конвейере пистолетов-пулеметов на заводе в Великобритании

Работницы у станков завода в тоннеле метро центрального Лондона

Цех английского завода по производству 406-мм морских орудий

Спуск на воду авианосца «Тэррибл»

Женщины-военнослужащие департамента вооружений британской армии проверяют пулеметы

На уборке свеклы

После поражения Франции в июне 1940 г. Великобритания осталась один на один с нацистской Германией, и последующие 12 месяцев стали самым сложным периодом для Соединенного Королевства и его жителей за время Второй мировой войны, когда над страной нависла реальная угроза вторжения немецких войск, и британцы могли рассчитывать в основном только на свои силы и помощь стран империи.

С августа 1940 и до мая 1941 г. в небе Великобритании разгорелись ожесточенные воздушные бои. Многие крупные города (Лондон, Манчестер, Бирмингем, Шеффилд, Портсмут, Саутгемптон, Бристоль, Лейстер, Кардиф, Плимут и другие) подверглись авианалетам. Фашистская авиация наносила бомбовые удары по аэродромам, радиолокационным станциям, портам, складам с горючим и продовольствием, а также нередко по жилым кварталам. Только с июля по декабрь 1940 г. погибли более 23 тыс. британцев, большинство из них в районе Лондона[14]. В столице было разрушено здание палаты общин, пострадали Букингемский дворец — официальная резиденция короля Георга VI, Британский музей, Тауэр, Вестминстерское аббатство, сотни жилых домов. Однако моральный дух британцев не был сломлен. В 1941 г., несмотря на немалые трудности, которые испытывало население, 84% британцев высказались против любых переговоров с Германией[15].

Поскольку длительное время Великобритании пришлось вести борьбу с Германией в одиночку, нападение фашистского блока на СССР не могло не вызвать заинтересованную реакцию в СМИ и общественно-политических кругах страны. Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в британской прессе уже на следующий день после нападения. На первых полосах очень авторитетных изданий «Дэйли экспресс», «Дэйли миррор», «Таймс» чаще всего повторялись и обсуждались две темы: у Великобритании неожиданно появился могущественный союзник; войска нацистов приступили к уничтожению мирных городов СССР точно так же, как поступали с Великобританией[16]. Это формировало у общественности Англии чувство понимания и даже единства с советскими гражданами.

Точка зрения, предполагавшая, что нападение нацистской Германии на СССР ускорит крах Третьего рейха, начала формироваться уже с первого дня войны. Многие газеты напечатали аналитическую статью журналиста У. Стоунмена, который хотя и полагал, что в войне может быть виновен и И. В. Сталин, но убеждал взглянуть на факты: «гигантские индустриальные центры Сибири и Урала» обеспечат СССР всем необходимым даже в случае потери Украины; «Красная Армия неминуемо выпустит много крови вермахту, а советские самолеты смогут наносить удары по Германии»; «русские будут сражаться до последнего»[17].

23 июня 1941 г. прогнозы сторонников СССР были подтверждены заявлением У. Черчилля, что «британское правительство поможет СССР в борьбе с Германией»[18]. После этого заявления большая часть влиятельных СМИ Великобритании встала на позиции сторонников союза с СССР, а влияние скептиков сильно уменьшилось[19]. Премьер-министр привел в речи весомые для британской общественности доказательства необходимости, причем срочной, подобного шага: «Опасность для России — это опасность и для нас; любой человек или государство, сражающееся с Гитлером, получит нашу помощь; мы предоставим России любую помощь, какую только можем»[20]. Такая позиция У. Черчилля вызвала одобрение со стороны британских (да и американских) СМИ, настроенных на сотрудничество с СССР[21]. Канадская пресса также положительно оценила решение премьер-министра[22]. Пресса Шотландии в целом положительно отнеслась к речи У. Черчилля, и «Гласгоу хералд» выразила надежду, что уже на следующем заседании парламента буду определены конкретные меры помощи СССР[23].

Таким образом, общественность Британской империи оказалась уже 22–23 июня не просто готова к «союзу с Россией», но и стремилась оказать СССР любую возможную помощь, видя в нем сильного союзника. Поэтому для общественности Великобритании логичным и закономерным летом 1941 г. представлялся следующий шаг — оформление между противниками нацизма военного союза — антигитлеровской коалиции. Что, как известно, через непродолжительное время стало реальностью.

Британские техники осматривают легкий танк М-2, прибывший по ленд-лизу из США

Прием ящиков с тринитротолуолом, полученных по ленд-лизу из США

Сопротивление Великобритании сразу усилилось. Массированные налеты люфтваффе на британские города не достигли своей цели. Немцам не удалось уничтожить британскую авиацию, она продолжала активно действовать в небе Соединенного Королевства. Военная промышленность Великобритании также мало пострадала от налетов. К концу 1941 г. производство военной продукции выросло по сравнению с 1939 г. в 3 раза, в 1942 г. — в 4 раза. Своего пика выпуск вооружений в Великобритании достиг в 1943 г., когда страна поставила на фронт почти в 5 раз больше оружия и боеприпасов, чем в 1939 г.[24] Всего за время войны Великобритания произвела 130 тыс. самолетов, 25 тыс. танков, большое число другого вооружения[25].

Влияние государства на экономическую сферу жизни общества в 1939–1945 гг. чрезвычайно возросло. Правительство поставило под свой контроль всю военную экономику, регулировало распределение сырья, топлива, продовольствия и трудовых ресурсов. Государственные органы проводили принудительное объединение предприятий, закрывали средние и мелкие заводы и фабрики или подчиняли их крупным фирмам[26]. С началом войны власти стали контролировать железнодорожные дороги и порты, для экспорта была введена лицензионная система, а с июня 1940 г. государство регулировало весь импорт, с лета 1942 г. — всю добычу угля[27].

Министром труда и национальной повинности в правительстве У. Черчилля был назначен Э. Бевин, который являлся видным профсоюзным деятелем, одним из руководителей Британского конгресса тред-юнионов — ведущего объединения организованных рабочих. Представители британских профсоюзов активно сотрудничали с государством и прилагали много усилий для того, чтобы на предприятиях бесперебойно выпускалось все необходимое для ведения войны и сохранялся социальный мир[28]. 22 мая 1940 г. вступил с силу закон, по которому все британцы в случае необходимости должны были «предоставить себя, свои усилия и свое имущество» в распоряжение государства[29]. Министерство труда и национальной повинности получило право направлять граждан для выполнения любой работы и использовать по своему усмотрению любую собственность и промышленные предприятия[30].

Фактически этот закон означал мобилизацию рабочей силы в те отрасли промышленности, в изделиях которых больше всего нуждалась страна. Однако лишь к 1942 г. в полной мере сформировалась всеобъемлющая система распределения трудовых ресурсов в Великобритании[31]. В 1939–1945 гг. в отрасли, прямо или косвенно работавшие на войну, привлекались все новые рабочие, количество занятых на предприятиях другого профиля уменьшалось. Так, в машиностроении и химической индустрии в период с 1939 по 1945 г. количество рабочих увеличилось на две трети, в сельском хозяйстве — на одну пятую. В то время как число занятых британцев в строительной отрасли за эти же годы уменьшилось на две трети[32].

В годы войны для миллионов рабочих значительно изменились условия труда, возросла его интенсификация и увеличилась продолжительность рабочего времени. Так, в авиационной промышленности рабочая смена составляла 10 часов в день без выходных[33]. На некоторых других предприятиях, производивших вооружение и военное снаряжение, в 1940 г. был установлен 12-часовой рабочий день, отменены выходные[34].

С конца 1941 г. ни один рабочий не мог перейти на другое предприятие или быть уволенным администрацией завода без разрешения представителя Министерства труда[35]. Тред-юнионам пришлось согласиться с привлечением малоквалифицированных работников для выполнения некоторых работ, которые до войны выполняли только квалифицированные кадры[36]. Владельцы заводов, в свою очередь, должны были поддерживать удовлетворительные условия труда и гарантировать определенный недельный заработок рабочим. Министерство труда и национальной повинности требовало от предпринимателей, чтобы они улучшали работу столовых на заводах и фабриках, следили за освещением и состоянием раздевалок на предприятиях[37].

Средняя заработная плата британских рабочих (в первую очередь на заводах, выпускавших военную продукцию) за годы войны заметно возросла. Однако одновременно с этим в стране наблюдались увеличение налогового бремени и рост стоимости жизни. К 1945 г.

стоимость жизни почти на треть была выше, чем в 1939 г.[38] К 1943 г. в Великобритании потребление на душу населения снизилось на 20% по сравнению с последним предвоенным годом; около трети заработной платы рабочие отдавали государству в виде налогов[39]. Кроме того, государство, понизив необлагаемый минимум доходов, увеличило тем самым количество налогоплательщиков с 4 млн в 1939 г. до 13 млн в конце войны[40].

С 1940 г. забастовки и локауты на время войны были объявлены вне закона[41], вводился принудительный арбитраж для решения производственных конфликтов. При Министерстве труда был создан государственный Объединенный консультативный совет, куда входили семь представителей от предпринимателей и столько же профсоюзных руководителей. На многих предприятиях формировались схожие советы, при их участии администрация и тред-юнионы старались решать возникающие проблемы[42]. Тем не менее в стране в годы войны все же имели место стачки. После некоторого уменьшения количества забастовок в 1940 г. в последующие годы число производственные конфликтов постоянно увеличивалось[43]. Большинство стачек происходило в угледобывающей промышленности и судостроении, где сложились наиболее напряженные отношения между рабочими и администрацией. В 1943 г. половина потерянных в ходе забастовок дней приходилась на шахтеров, в 1944 г. этот показатель составлял две трети[44]. В угольной индустрии более половины стачек возникало из-за разногласий по вопросам заработной платы, а также из-за недовольства шахтеров условиями труда, дисциплинарными мерами и прочим[45].

Стремительное расширение военного производства привело к тому, что в начале войны стала быстро сокращаться безработица. Если в 1939 г. насчитывалось 1,25 млн безработных, то к середине 1940 г. — 645 тыс., а в последующие годы в Великобритании была достигнута почти полная занятость[46]. В промышленности, выпускавшей вооружение, даже ощущалась нехватка рабочих, особенно квалифицированных. Наиболее остро данная проблема встала с лета 1941 г. Еще в начале войны государство организовало по всей Великобритании специальные курсы обучения, где готовились рабочие тех специальностей, в которых в наибольшей степени нуждалось военное производство. Подготовка необходимых кадров велась и на самих предприятиях без отрыва от производства[47]. Когда в 1943 г. оказалось, что не хватает шахтеров для добычи угля, часть призывников стали направлять в забои.

Другим эффективным способом увеличения численности рабочей силы стало привлечение на производство женщин. В период войны правительство получило право в принудительном порядке направлять женщин для работы в различные отрасли промышленности[48]. С 1939 по 1943 г. число работающих женщин выросло с 5 млн до почти 8 млн, в ведущих отраслях промышленности в 1943 г. они составляли 33% (в 1939 г. их было только 14%)[49]. Женщины на производстве занимались самыми различными работами, в том числе освоили профессии сварщиков, калибровщиков, клепальщиков и многие другие. Кроме того, немало женщин были направлены для работы в сельском хозяйстве. К 1943 г. 46% всех британок в возрасте от 14 до 59 лет имели работу[50].

В декабре 1941 г. правительство издало закон, позволявший призывать в армию во вспомогательные части незамужних женщин и бездетных вдов в возрасте от 20 до 30 лет. Почти полмиллиона жительниц Британии служили в таких подразделениях армии, флота и военной авиации[51]. К августу 1941 г. около 500 тыс. британок работали уполномоченными в различных службах гражданской обороны, некоторые вступили во вспомогательные полицейские подразделения, созданные в начале войны[52].

С первых месяцев войны перед британским обществом остро встала проблема обеспечения населения продуктами питания. Несмотря на то что государство создало определенные запасы продовольствия, уже в начале войны наблюдался рост цен на многие товары, ощущалась нехватка некоторых продуктов питания[53]. Это было вызвано тем, что Соединенное Королевство в межвоенный период только на треть обеспечивало себя продовольствием, остальное импортировалось. После вступления Великобритании в войну многие источники поступления продовольствия и сырья из Европы и других районов мира оказались недоступны для Соединенного Королевства; импорт (за исключением нефти) к осени 1941 г. сокра-

тился больше чем наполовину[54]. Подобная ситуация заставила британское правительство уже через четыре месяца после начала войны установить карточную систему на некоторые товары.

8 января 1940 г. государство ввело нормирование бекона, масла, сахара, в следующие два года по карточкам стали распределяться мясо, чай, маргарин, сыр, яйца[55]. Позднее ограничения были введены на консервированные фрукты и мясо, а также конфеты[56]. В середине 1941 г. недельный рацион британца состоял из 248,8 грамма мяса, 31 грамма сыра, 124 граммов бекона или ветчины, 248,8 грамма сахара, 62,2 грамма чая, 248,8 грамма жира (включая не более 62,2 грамма масла), 62,2 грамма джема или мармелада[57]. В то же время за все годы глобального военного конфликта на хлеб, муку, картофель, рыбу, овощи не вводилось ограничение, однако купить продукты питания, на которые не распространялась карточная система, не всегда было легко. В конце 1941 г., согласно результатам проведенного опроса, 43% британцев отмечали, что сталкиваются с проблемами в деле приобретения ненормированных продовольственных товаров[58]. Вместе с тем определенным подспорьем для рабочих и работниц стало то, что на многих предприятиях в годы войны были открыты недорогие столовые. Местные власти в различных городах (Лондон, Бирмингем, Манчестер, Бристоль, Ливерпуль и другие) также создавали подобные пункты питания, получившие название «коммунальных столовых»[59].

Власти пытались частично решить проблему нехватки продовольствия, расширив его производство на Британских островах. Была увеличена площадь пахотных земель, более широко в сельском хозяйстве стала использоваться техника (тракторы), к работе на селе привлекались женщины, а также пленные[60]. В результате всех этих мер за годы войны выпуск сельскохозяйственной продукции в стране увеличился более чем на 35%[61].

Ограничения во время войны были введены не только на приобретение ряда видов продовольствия, но и на бензин, уголь для отопления жилых домов, а с 1 июня 1941 г. — на одежду и текстиль[62]. С началом войны в Великобритании ощущалась нехватка материи для гражданских нужд. В связи с этим в 1941 г. Министерство труда и национальной повинности стало контролировать первоначально половину, а позднее и более двух третей всех предприятий, изготовлявших одежду. В 1942 г. было издано предписание о том, как должна выглядеть создаваемая на фабриках одежда: с целью экономии материала регламентировались ширина и длина юбок, количество складок, карманов и прочее[63]. Государство, поставив под свой контроль большую часть производственных мощностей, определяло цены, вид, цвет и качество большинства выпускавшейся в годы войны одежды. Кроме того, правительство развернуло пропагандистскую кампанию, призывавшую женщин перешивать старые платья, юбки и прочее, чтобы решить проблему нехватки одежды в военное время[64].

Ведение тотальной войны и производство вооружения потребовало от британского правительства привлечения огромных финансовых средств. Затраты Великобритании на войну составили 25 млрд фунтов стерлингов[65], значительная часть этих расходов была получена за счет увеличения налогообложения населения. За период с 1939 по 1945 г. прямые налоги выросли почти в 4 раза; общественный займы увеличились с 352 млн фунтов стерлингов в 1939 г. до 2,4 млрд в 1945 г.[66] Однако, несмотря на эти меры, правительству Великобритании пришлось прибегнуть к внешним заимствованиям. В результате в 1945 г. внешний государственный долг достиг 3,4 млрд фунтов стерлингов, внутренний составил 21,5 млрд, что было в 3 раза больше, чем до вступления страны в войну[67].

Война привела к значительным материальным потерям Великобритании. Всего за период с 1939 по 1945 г. на территории Соединенного Королевства было полностью уничтожено 200 тыс. домов и 3,5 млн повреждено, то есть два из каждых семи домов или оказались разрушены, или серьезно пострадали[68]. Торговый флот к концу войны сократился почти на треть[69], погибли 35 тыс. моряков торгового флота, еще 60 тыс. человек гражданского населения лишились жизни в результате налетов немецкой авиации. Всего людские потери Соединенного Королевства составили вместе с погибшими на фронтах Второй мировой войны военнослужащими около 365 тыс. человек, или 0,8% всего населения Великобритании[70].

Свежая пресса на Таймс-сквер в Нью-Йорке в день нападения Японии на США

Американское общество в годы войны

К началу Второй мировой войны Соединенные Штаты Америки были крупнейшей капиталистической державой. Согласно данным журнала «Нью стейтсмен» от 8 августа 1941 г., в хозяйстве страны преобладало гражданское производство. За первую половину года продажи автомобилей возросли на 35% по сравнению с первой половиной 1940 г., холодильников — на 42%, электрических печей — на 51%. Военное же производство занимало всего 15% заказов[71]. Ситуация сильно изменилась в декабре 1941 г. Через несколько дней после нападения на Пёрл-Харбор Ф. Рузвельт в традиционном радиообращении заявил согражданам: «Война будет не просто долгой — она будет тяжелой. Именно эту основную мысль мы сейчас закладываем во все наши планы, этой меркой мерим все свои потребности и запросы — в отношении денег, материалов и производства, объемы которого придется еще многократно увеличивать. Наше производство должно будет не только обеспечивать армию, флот и авиацию Соединенных Штатов. Оно должно будет служить укреплению вооруженных сил других стран Американского континента и всего мира, которые сражаются с нацистами и военными заправилами Японии»[72].

Жители города Нэшвилл провожают поезд с добровольцами, отправляющимися на военную службу

Выступление подполковника Дулиттла перед рабочими авиазавода

Американский десантник отрабатывает приземление при прыжке с парашютом

Необходимость в первую очередь производить оружие вызвала перекос в структуре рынка труда. Большая часть американцев оказалась занятой в промышленности, а в сельском хозяйстве возник дефицит рабочей силы. Массовая урбанизация привела в некоторых местах к закрытию школ и привлечению студентов к сельскохозяйственным работам. Для той же цели вместе с ними трудились несколько сотен тысяч военнопленных[73], а также рабочие из Мексики.

Освободившиеся после призыва в вооруженные силы места на предприятиях заняли также чернокожие американцы. Негритянские сообщества индустриальных районов Сан-Франциско, Портленда и Сиэтла выросли в несколько раз, но наиболее притягательным городом для цветных американцев была автомобильная столица — Детройт, заводы которого работали на полную мощность. Появление новых рабочих мест и выросшая заработная плата способствовали повышению материального благосостояния чернокожих. Однако их правовое положение по-прежнему оставалось ущербным: расовая сегрегация господствовала в менталитете и быту, выражалась в писаных и неписаных законах. Следствием стал ряд небольших расовых бунтов в 1942—1943 гг. в Алабаме, Луизиане, Огайо и Пенсильвании, которые были быстро подавлены властями с применением огнестрельного оружия.

Непростыми были взаимоотношения белых американцев и мексиканцев. За годы войны правительство потратило 100 млн долларов на наем рабочих из Мексики, в основном для сельского хозяйства. Мексиканцы, которых американцы презрительно называли «брасеро», работали в 21 штате и к 1944 г. собрали урожай на 432 млн долларов[74]. В июне 1943 г. вспыхнуло волнение, связанное с противостоянием англосаксов и мексиканцев, которое погасло после отправки белых матросов к месту службы. За время Второй мировой войны столкновения из-за цвета кожи произошли в 47 американских городах.

Велико было число выходцев из стран-противников: Японии — 110 тыс., из которых около 30 тыс. человек, родившихся в Стране восходящего солнца, не имели американского гражданства, Италии — 599 тыс., Германии — 256 тыс. человек[75]. Несмотря на бытовавшие в обществе предрассудки[76], власти старались не допустить проявлений шовинизма. Тем не менее все американские японцы были интернированы в 11 лагерей восточнее горной гряды Сьерра, где до 1945 г. жили в легких деревянных бараках (одна комната на семью), огороженных колючей проволокой. В то же время представители указанных национальных групп имели возможность исполнить свой гражданский долг и пройти военную службу в рядах вооруженных сил Соединенных Штатов. Из них после проверки лояльности были сформированы 100-й и 442-й полки, которые воевали в Италии. Американские японцы (нисеи) покрыли себя славой, заслужив 21 медаль Славы, 52 креста «За выдающиеся заслуги», 9486 «Пурпурных сердца».

По словам Ф. Рузвельта, усилия гражданских лиц в тылу, их личные жертвы были столь же значимы для победы, как и подвиги солдат на фронте. Уже в августе 1941 г. Офис управления производством призвал работодателей активнее привлекать на заводы женщин. Воплощением женщины, ставшей у станка, стала Рози Уилл Монро, работавшая клепальщицей на авиазаводе в Мичигане. Первый плакат с ее образом появился после фильма о военной экономике США в начале 1943 г. под названием «Клепальщица Рози». Изображение трудящихся и отдыхающих женщин — работниц самых разных сфер народного хозяйства в дальнейшем было очень распространено, а «клепальщица Рози» стала именем нарицательным: под таким названием вышла популярная песня, возникло феминистское движение ее имени[77]. Всего за годы войны ушедших на фронт мужей у станков сменили 14 млн женщин и около 4 млн юношей в возрасте до 18 лет, многие из которых никогда не занимались поиском работы[78]. Пойти на заводы их вынудила не острая нужда, а нехватка рабочих рук на предприятиях. За первое полугодие 1942 г. число «приемлемых для женщин» специальностей выросло с 29 до 85% от общего числа[79]. Доля женщин на промышленных предприятиях была довольно высокой. Так, они составляли 65% работников авиационной промышленности[80], хотя условия оплаты были неравными. Немалое количество женщин остались работать на заводах и после войны, поскольку они ощутили свою значимость не только в домашних стенах.

Американки учатся работать со сваркой

Установка корабельной пушки на борт грузового судна

Сборка танков «М-3 Ли» на заводе Крайслера в Детройте

Сборка самолетов на авиационном заводе

Работница американского завода Берта Сталвортч с гильзами 40-мм снарядов

Война изменила взаимоотношения с работодателями и центральным правительством американского рабочего движения — Конгресса производственных профсоюзов и Американской федерации труда. Работодатели подвергались давлению также со стороны Белого дома, стремившегося не допустить такие же активные протесты, как в 1930-е гг. Из-за того что автомобильная, сталелитейная и иные необходимые для войны отрасли нуждались в рабочих, они были освобождены от службы в вооруженных силах. Время от времени правительство возвращалось к рассмотрению идеи трудовой мобилизации, но каждый раз отклоняло ее, поскольку это означало нарушение гражданских прав.

Несмотря на обязательства ведущих профсоюзов не устраивать стачки, за время войны прошло 14 тыс. забастовок, в которых участвовали 6,77 млн рабочих. Только в 1944 г. бастовал 1 млн рабочих (шахтеров, сталелитейщиков, работников машиностроения), недовольных замораживанием своего заработка. В 1940–1946 гг. прибыль только текстильной промышленности увеличилась на 600%, а заработная плата работников отрасли — лишь на 36%. Несмотря на рост доходов, некоторые работницы военных заводов не имели материальной возможности отдать детей в детские сады[81].

Однако не все американские предприятия работали на победу антигитлеровской коалиции. К началу 1930-х гг. в Германии действовало более 60 предприятий — филиалов американских фирм и компаний. Нацизму сочувствовал и финансово помогал Генри Форд, чьи предприятия в оккупированной Франции не прекратили работать, а заводы в США участвовали в программе ленд-лиза. Треть капиталов германской «Всеобщей компании электричества» находилась под контролем «Дженерал электрик». Не менее двух пятых немецкой телефонной и телеграфной промышленности подпало под прямой контроль американской компании ИТТ. «Стандард ойл» держала в руках более 90% всего капитала германо-американской нефтяной компании, владевшей третью всех наливных пунктов Германии перед Второй мировой войной. С американским капиталом работала немецкая фабрика по производству резиновых изделий «Феникс», чей директор Отто Фридрих одновременно возглавлял Имперское бюро по каучуку[82]. Коллаборационизмом запятнали себя американские нефтяные концерны «Стандарт ойл оф Америка», «Стандард ойл оф Калифорниа», «Дэвис ойл компани». Треть потребностей нацистской Германии в светлом топливе покрывалась поставками американо-британских компаний через подставные фирмы «нейтральных» стран как в виде сырой нефти, так и в виде готовых продуктов. Другая треть покрывалась за счет Румынии и Венгрии[83].

За годы Второй мировой войны к военной службе были привлечены 16 млн мужчин, или более 10% населения страны, из которых три четверти составляли американцы, рожденные между 1918 и 1927 гг.[84] Мужчина из каждой пятой семьи воевал[85]. Из них две трети составляли призывники, а остальные были добровольцами, ожидавшими призыва[86]. Однако были и те, кто отказывался воевать по религиозным убеждениям и иным причинам. Эти 43 тыс. человек (что втрое превысило подобный показатель Первой мировой войны) привлекались для общественных работ, а 6 тыс. наиболее непреклонных из них попали в федеральные тюрьмы. Было также зафиксировано около 350 тыс. случаев уклонения от военной службы[87].

Сразу после нападения Японии на Пёрл-Харбор в различных государственных ведомствах США (Управление по регулированию цен, Комиссия по мобилизации трудовых ресурсов и некоторые другие) были созданы информационные бюро. Однако их разрозненных усилий оказалось явно недостаточно. 13 июня 1942 г. для координации информационной (а фактически пропагандистской) деятельности американских государственных учреждений было сформировано Управление военной информации (УВИ). Указ президента о создании УВИ[88] гласил, что новое ведомство должно реализовать право американского и других народов антигитлеровской коалиции на получение правдивых сведений об общих военных усилиях союзников. Согласно документу, в рамках управления создавался наблюдательный совет — Комитет по вопросам военной информации. Основное внимание в первые месяцы своего существования Управление военной информации сосредоточило на пропаганде «четырех свобод»[89], а затем — на освещении побед войск США и их союзников, а также на

Спуск на воду американского транспорта «Фредерик Дуглас»

Панорама верфи в Балтиморе

Американская девушка на сборке авиабомб

мобилизационных усилиях властей. За время своего существования (до 30 августа 1945 г.) управление выпустило несколько десятков миллионов агитационных брошюр и плакатов, создало 267 кинохроник, серии передач на различные темы, радиопостановки. Помимо этого сотрудники УВИ писали сценарии для программ частных радиостанций.

В ходе Второй мировой войны американское общество испытывало огромный духовный подъем. На своих страницах его засвидетельствовали не только либеральная («Нейшн», «Нью репаблик»), но и оппозиционная ранее центральная печать («Тайм», «Лайф», «Ньюсуик», «Бизнес уик»). Она не только обильно освещала ход боевых действий, но и, как «Нью-Йорк таймс», предоставляла дополнительное место для объявлений ведущих рекламных агентств, апеллирующих к патриотизму американцев. Даже известная своей антирузвельтовской позицией «Чикаго трибьюн» демонстрировала поддержку военных усилий правительства. Только за первый год войны она бесплатно отдала 14% от объема редакционных статей (если бы это пространство было продано, стоимость превысила бы 3 млн долларов) для объявлений, исходящих от властей.

Широкую и разнообразную реакцию в общественно-политических кругах США вызвало нападение на СССР со стороны Германии и ее союзников. Первые отклики на события 22 июня 1941 г., их анализ и оценки появились в западной прессе уже в день нападения. Так, в «Янгстоун виндикатор» (Огайо) большая часть выпуска под крупным заголовком «Гитлер начал войну с Россией. Танки в бою» была посвящена начавшейся войне. Американские журналисты, практически не имея никакой дополнительной информации, сконцентрировались на анализе возможных причин и последствий такого внешнеполитического шага[90]. Так же поступили редакторы и влиятельной «Нью-Йорк таймс», сообщив читателям, что «решение Гитлера напасть на Россию означает поворот в войне в пользу союзников»[91].

В целом первые статьи о нападении Германии были наполнены больше эмоциями, чем конкретным материалом, который представлен оценками масштабов нового фронта мировой войны. В газетах указывалось, что «нацистские армии атакуют на протяжении всей границы — более 1500 миль»[92], подробно обсуждались причины начала войны и ее первые последствия. По этому вопросу СМИ разделись на две группы.

Журналисты первой группы были уверены, что нарушение недавно подписанного советско-германского договора (пакта Молотова — Риббентропа) произошло по вине Советского Союза. Так, корреспондент У. Стоунмен писал: «Гитлер ударил по России, опасаясь возможного нападения диктатора Сталина»[93]. «Чикаго дэйли трибьюн» привела полный текст заявления А. Гитлера о начале кампании, сопроводив его заголовком: «Риббентроп уверен — Россия хотела войны»[94]. «Сарасота хералд трибьюн» в большой редакционной статье «Нацисты и Россия — маски сорваны» отстаивал версию о взаимной виновности А. Гитлера и И. В. Сталина, для обоснования чего приводились тенденциозные подборки фактов из истории международных отношений 1930-х — начала 1940-х гг. В целом представители ряда американских изданий в своих оценках причин войны повторяли заявления нацистских лидеров.

Другая часть периодических изданий США, наоборот, 22 июня 1941 г. обвинила А. Гитлера в агрессии против СССР, указывая, что Германия пошла на нарушение пакта 1939 г. ради захвата стратегических ресурсов и территории Советского Союза[95]. Для доказательства в СМИ приводились не только слова А. Гитлера из его публичных заявлений о «жизненном пространстве на Востоке», но и давался, пусть и поверхностный, обзор географии и экономических ресурсов Советского Союза, снабженный картографическим материалом, чтобы общественность имела возможность наглядно представить основные причины войны[96]. Так, на первой полосе «Милуоки джорнал» (Висконсин) была напечатана карта Европейской части СССР, где указывались линия фронта, железнодорожные магистрали, а также важнейшие природные ресурсы. Исходя из данных материалов, американские журналисты сделали вывод: главная цель А. Гитлера — это Украина[97].

«Ньюс энд курьер» (Южная Каролина) посвятила главную статью выпуска от 22 июня 1941 г. анализу общих мест «доказательств» Германии по поводу причин и обстоятельств

развязывания ею войны против Польши, а теперь и СССР. Вывод газеты однозначен — нацисты в очередной раз сфальсифицировали нелепые доказательства, чтобы начать войну за «богатства России»[98]. Такой же вывод сделал обозреватель «Лос-Анджелес таймс» Джордж Элиот, написавший: «Гитлеру нужны советские ресурсы для окончательной победы, поэтому началась новая война»[99]. Именно такой подход к причинам агрессии А. Гитлера в будущем закрепился и стал основным для прессы США.

Тесно связаны с газетами этого направления были материалы иностранных журналистов, которые на момент нападения Германии работали в Советском Союзе. Сотрудник «Ассошиэйтед пресс» Генри Кэссиди описывал в воспоминаниях, как он был шокирован неожиданным нападением и сразу включился в работу по созданию положительного образа СССР на станицах «Нью-йорк таймс» и «Нью-Йорк хэральд трибьюн»[100]. Работавший долгие годы в Москве Генри Шапиро («Юнайтед пресс») в своей записной книжке отметил первые впечатления от внезапной атаки и сделал наброски первых статей о событиях 22 июня[101]. Другой сотрудник «Ассошиэйтед пресс» — Эд Гилмор перед командировкой в СССР охарактеризовал события 22 июня следующим образом: «Теперь нам стало ясно — Гитлер войну проиграет»[102]. К идентичным выводам пришел журналист, в будущем сотрудник Управления военной информации США Уоллес Кэрролл[103].

Центральным вопросом, вставшим перед обществом и отраженным в прессе, была военная помощь СССР со стороны Запада — новая агрессия А. Гитлера сразу разделила американское общество на сторонников и противников помощи СССР. После первоначальной реакции на сенсационную новость начался процесс размежевания общественно-политических сил в оценках советско-германского противостояния. Общественность и политики разделились на скептиков или русофобов, предсказывающих быстрое поражение Советов, сторонников тесного сотрудничества СССР и США, а также прагматиков, которые доказывали необходимость извлечения выгоды из любого варианта развития войны.

В первые дни войны особенно сильные позиции в американской прессе, а также среди политиков занимали скептики. В период 1939–1941 гг. на Западе шла очень активная антисоветская риторика в высоких политических кругах, представители которых считали, что главная угроза международной безопасности — это СССР[104]. Так, сотрудник Госдепартамента США Л. Гендерсон признавал, что даже после 22 июня видел в СССР агрессора из-за политики в отношении стран Балтии и Финляндии[105].

Знаменитая речь У. Черчилля о помощи СССР вызвала среди скептиков как недоверие и сомнения, так и резкую критику. В частности, некоторые американские СМИ прямо поставили вопрос: «Великобритания будет помогать России, но надо ли это делать США?»[106]. Сенатор-демократ от Вирджинии Глэсс уже 23 июня ответил на данный вопрос, что любые действия А. Гитлера на Востоке облегчают «наши приготовления» и помощь Великобритании, следовательно, помогать надо только У. Черчиллю. Конгрессмен Джордж (Джорджия) тоже скептически отнесся к вопросу о помощи СССР, заявив, что А. Гитлер предпринял только превентивные меры. Сенатор Шипстид (Миннесота), отвечая на актуальный вопрос, несколько его скорректировал: союз с СССР «будет ли означать, что Сталин теперь сражается за демократию?»[107]. Для сенатора ответ был очевиден. Еще более жестко и непримиримо высказался конгрессмен от Индианы Р. Грант: «Любая помощь СССР от США будет означать оправдание коммунистического режима и репрессий»[108].

Таким образом, скептики в американском обществе развивали одну из главных тем СМИ 1939–1941 гг. о «скорой войне двух диктаторов» и «близости, даже одинаковости нацизма и коммунизма». Задачу США в новых условиях представители данного лагеря общественно-политических сил видели как помощь только Британии и пребывали в ожидании того, что «диктаторы уничтожат друг друга». Очень похожее мнение высказано в редакционной статье «Меридэн рекорд» (Коннектикут): СССР, по мнению редактора, был сам виноват в нападении и «расплачивается за антибританский союз с Гитлером»[109].

Тема виновности Советского Союза в войне развивалась на страницах американской прессы 23–24 июня, когда были опубликованы статьи о советском авианалете на Хельсинки,

Испытание на стенде двигателя бронетранспортера

Американский средний танк, готовый для отправки в войска

Укладка гильз зенитных снарядов в печь для разогрева

Американские рабочие осматривают 37-мм зенитную пушку

ПЛАКАТЫ
СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Change over to a
VICTORY JOB
APPLY TO YOUR NEAREST NATIONAL SERVICE OFFICE

Come on CANADA!

ISSUED BY THE WARTIME INFORMATION BOARD, OTTAWA.

Printed in Canada [illegible]

REMEMBER LAST DECEMBER!

JOHN FALTER USNR

.."that free peoples may not perish from this earth"

ENLIST IN YOUR NAVY TODAY

OPEN TRAP
make HAPPY JAP

KEEP 'EM Pulling for
VICTORY

smack the japs!
VOLUNTEER FOR SUBMARINE SERVICE

SGT. HENRY McALEAR
More nurses are needed!
ALL WOMEN CAN HELP—LEARN HOW YOU CAN AID IN ARMY HOSPITALS
U. S. ARMY NURSE CORPS
CALL AT YOUR LOCAL RED CROSS CHAPTER OR WRITE THE SURGEON GENERAL, U.S. ARMY, WASHINGTON 25, D.C.

7th
WAR LOAN
NOW··ALL TOGETHER

который, по мнению журналистов, и вынудил Финляндию вступить в войну[110]. В некоторых изданиях создавалась картина, будто Советский Союз в панике начинает атаковать всех своих соседей[111].

Политики и пресса США указывали, что Финляндия уже объявила войну СССР, а Испания, Италия, даже Турция, по мнению большинства республиканских изданий, скоро должны были напасть на Советский Союз[112]. Следовательно, и о помощи уже не могло идти речи, когда почти вся Европа, как демонстрировали представители республиканских СМИ, была на стороне А. Гитлера. Тем самым создавался негативный, даже отталкивающий образ Советского Союза, помощь которому, по мнению антисоветчиков, была бы равносильной преступлению.

В целом, можно утверждать, что антисоветская группировка элиты захватила инициативу в прессе США сразу же после начала Великой Отечественной войны. Как следствие, общественное мнение последней декады июня 1941 г. имело явную изоляционистскую окраску: 79% опрошенных однозначно говорили, что Соединенным Штатам не стоит вмешиваться в европейскую войну[113]. Причиной отчасти был страх жертв бо́льших, чем в Первую мировую войну, о чем в конце июня 1941 г. утверждали 45% опрошенных[114]. Перелом в настроениях прессы наступил лишь позднее, когда явственно обозначился союз Вашингтона не только с Лондоном, но и Москвой.

Неоднозначную позицию по отношению к СССР занимали либеральные издания. С одной стороны, превалировали трезвые суждения о причинах войны и определении агрессора. Так, журнал «Тайм» через несколько недель после начала Великой Отечественной войны, размышляя о причинах ее начала, писал: «Германия хотела именно войны... уж точно не для того, чтобы подкрепить свою военную промышленность российскими ресурсами: каждому ясно, что военные действия обернутся еще большим хаосом для очень слабо организованного производственного потенциала этой страны. И, вопреки утверждениям Гитлера, не для того, чтобы упредить агрессию русских: он отлично знал, что Россия не осмелится напасть на Германию. Германия напала на Россию отчасти для того, чтобы завоевать на свою сторону антикоммунистов по всему миру и, конкретнее, чтобы ликвидировать последнее препятствие немецкой гегемонии на европейском континенте — Красную Армию»[115].

С другой стороны, либеральная печать не перестала критиковать политическую систему сталинизма. Высоко оценивая подвиг солдат на фронте и народа в тылу, она смягчила тон только после победы Красной армии в битве под Москвой.

Большие усилия для улучшения отношения американцев к СССР приложили общественные организации, среди которых одно из ведущих мест занимали комитет «Рашен уор релиф», Русско-американский центральный комитет помощи России и отделения Международного комитета Красного Креста. Не избегая критики внешней политики СССР в 1939–1940 гг.[116], руководители славянской диаспоры, которая насчитывала 15 млн человек[117], многое сделали для помощи советским людям. Славянские организации Детройта в 1942 г. решили ежегодно в июле проводить «славянское воскресенье», и их примеру вскоре последовали другие города. В ходе такого мероприятия рассказывалось о терроре, который устанавливали фашисты на территории одной из оккупированных славянских республик (в том числе СССР) и проводился сбор средств для жертв. По неполным данным, в фонд помощи СССР славяне США только за период с мая 1943 по май 1944 г. собрали медикаментов, одежды и прочего на сумму более 1 млн долларов США[118].

С некоторыми оговорками об «исторической целесообразности» или о превосходстве «американской системы» резолюции поддержки СССР приняли профессиональные объединения рабочих (Американская федерация труда и Объединенный союз сталелитейщиков Америки). Политическая активность Коммунистической партии США была ограничена ее статусом политического маргинала[119]. Единый порыв помощи СССР сплотил многие общественные организации.

Если главной дилеммой 1941 г. было вступление США в войну на стороне СССР, то в 1942 г. встал вопрос о стратегии: максимальное напряжение сил и быстрая победа или ма-

лосогласованные действия союзников и «стратегия малых дел», которая фактически вела к затягиванию войны. За этими пространными формулировками скрывался фактически вопрос об открытии второго фронта в Европе. При этом отечественными исследователями уже доказано, что при рассмотрении первой западные союзники руководствовались военными соображениями, а второй — политическими[120]. Противоречивым было также мнение масс. Несмотря на стойкое неприятие коммунизма, многие американцы восхищались военными успехами СССР. Это легко увидеть, несмотря даже на типичный для американских масс-медиа беспристрастный тон. В ходе тяжелых боев под Ржевом и Сталинградом Красная армия понесла большие потери, однако и их либеральные американские издания оценивали взвешенно. Говоря о числе убитых и раненых, они писали о развитии советской военной медицины, которая не смогла помочь только 1,5% раненых[121].

Отчасти поэтому на лето — осень 1942 г. приходится пик доверия к СССР. В феврале 1942 г. только 38% опрошенных полагали, что СССР будет сотрудничать в послевоенном мироустройстве, в мае и июле их число уже составляло 45%, в августе — 51%, а в ноябре — 52% респондентов[122]. 8 ноября 1942 г. при участии профсоюзов был объявлен в Нью-Йорке днем Сталинграда. Тогда же, в ноябре 1942 г., Конгресс советско-американской дружбы устроил крупнейший митинг в зале «Мэдисон сквер гарден», на котором присутствовали 20 тыс. человек, а одним из докладчиков был вице-президент США Г. Уоллес. Поддержка СССР объединяла американцев вне зависимости от классов и профессий. Как говорил на одном из собраний организации «Деятели искусств — России» 3 декабря 1942 г. Ч. Чаплин, в движение входят представители банковских домов и руководители прогрессивных профсоюзов[123].

Начало 1943 г., как казалось многим американцам, сулит скорую победу. Разногласия между союзниками исчерпаны, и, как они полагали, осталось решить «технические вопросы», поэтому общими усилиями можно завершить войну уже в 1943 г. Более того, политически грамотные лица, следившие за становлением Объединенных Наций, выражали оптимизм относительно послевоенного развития. Они высказывались в пользу более активного участия Соединенных Штатов в «послевоенной Лиге Наций», включения в состав новой организации представителей от бывших фашистских стран. Не возникало сомнений в послевоенном сотрудничестве с СССР (48% среди политически грамотных и 44% из далеких от политики американцев). Однако уровень сотрудничества двух стран их не устраивал. Большинство опрошенных (46%) видели в том вину Советского Союза. Более того, они были лишены предвоенных страхов о наступлении экономического спада по окончании вооруженной борьбы[124] (для сравнения: степень уверенности в Великобритании у тех же категорий населения колебалась от 69 до 81%)[125].

Номер журнала «Лайф» от 29 марта 1943 г., по словам некоторых исследователей, стал «невиданным ранее примером восхваления Советской России»[126]. На его страницах И. В. Сталин назывался гением дипломатии, которому «было нелегко доказывать другим странам правильность своего внутриполитического курса». Много лестных слов звучало в адрес колхозов и государственных заводов[127]. Аналогичные настроения царили и в других изданиях. Даже «Ридерз дайджест», который до 1941 г. часто критиковал Советский Союз, стал очень скуп на негативные выражения.

Согласно опросу, проведенному 12–17 ноября 1943 г., 70% американцев знали о состоявшейся Московской конференции министров иностранных дел большой тройки. Причем почти половина из этого числа отметили, что результаты совещания превзошли их ожидания. Такое же количество респондентов считали Советский Союз надежным партнером в послевоенном мироустройстве, а количество сомневающихся и не имеющих определенного мнения составило соответственно 27 и 26%.

О сложностях во внутренней пропаганде союза с СССР рассказывал В. М. Молотову журналист газеты «Нью-Йорк таймс» А. Сульцбергер во время встречи в июле 1943 г. Он прямо заявил о необходимости советской поддержки, чтобы не дать взять верх антисоветской группировке в ходе предстоящих президентских выборов[128]. Лавируя между противоположными мнениями по сотрудничеству с СССР (в том числе и послевоенному), Ф. Рузвельт был

вынужден идти на уступки обоим направлениям. После мартовской откровенно антисоветской речи У. Буллита в Филадельфии в марте 1943 г., Ф. Рузвельт прекратил все контакты с ним. Но, с другой стороны, осенью того же года был отправлен в отставку заместитель госсекретаря С. Уэллес — «самый красноречивый среди членов правительства сторонник вильсонианской или универсалистской формулы обеспечения всеобщей безопасности в послевоенном мире», включавшей тесное взаимодействие с Советским Союзом, чему была посвящена, в частности, его пространная речь 26 февраля 1943 г.[129]

С момента перехода советскими войсками государственной границы СССР американская пресса все настойчивее пыталась навязать читателям негативный образ Советского Союза. А наиболее ожесточенные антисоветские нападки слышались из лагеря экономистов. Еще была свежа память о том, как «эпоха просперити», ставшая следствием колоссальной прибыли от военных заказов первого глобального конфликта, сменилась упадком во времена Великой депрессии. Поэтому неудивительно, что уже в 1943 г. американские ученые пришли к выводу о том, что крупный военный заказ — это важнейшая составляющая национального благосостояния и, следовательно, в мирное время надо поддерживать производство вооружений на высоком уровне.

Такая мысль впервые прозвучала на ежегодном заседании Американской экономической ассоциации, собравшейся в столице США в 1943 г. Расширяя последствия резкого сокращения прибыли военно-промышленного комплекса, там делался апокалипсический прогноз для всей экономики станы[130]. Те же страхи были повторены на заседании ассоциации через год, в январе 1944 г. Поддержка единоличного лидерства США на международной арене на основе военной силы недвусмысленно звучала в таких формулировках принятого программного документа «Экономическая мощь как инструмент национальной политики», как «военная готовность плюс экономическая готовность»[131]. Многие представители власти разделяли подобное «экономическое обоснование» международной экспансии.

Призывы к постоянной боеготовности и совершенствованию вооружений, по словам современников, нисколько не смущали рядовых граждан. Лидер социалистической партии Н. Томас вынес следующие впечатления от общения с избирателями: «В Соединенных Штатах, в масштабах, в которых большинство американцев стыдится признаваться, войну если даже не приветствовали как избавление от хронической депрессии и безработицы, то воспринимали как норму... Я много путешествовал по Америке, и ничто не оказало на меня такого сильного впечатления (особенно в ходе избирательной кампании 1944 г.), как фактическое отношение населения к войне. Несмотря на растущий список потерь на фронтах, много мужчин и женщин довольно легко соглашались смириться с затягиванием успешно идущей войны до тех пор, пока она сохраняет им работу, наполняет чувством выполненного долга и в целом дает больше еды, чем они имели до войны»[132].

Осознание превосходства США над развитыми европейскими странами (и тем более над Востоком), опирающееся на экономическую и военную мощь, привело к распространению расистских лозунгов и, как уже говорилось, к череде межрасовых столкновений. Либеральные и толерантные США, которые пыталась создать рузвельтовская администрация (в том числе УВИ), стремительно разрушались. На их руинах при молчаливом попустительстве населения возникал режим, который утверждал апартеид во внутреннее и национальное превосходство — во внешней политике. Отражением этого духа «американского превосходства» стала, например, редакционная статья «Чикаго трибьюн» от 24 сентября 1944 г., в которой все победы над Японией и Германией приписывались исключительно американским войскам[133].

В 1945 г. число политически грамотных американцев осталось прежним. О Крымской конференции слышали 70% опрошенных 22–27 февраля 1945 г., из которых положительное впечатление она произвела на 70% сторонников Ф. Рузвельта и 52% голосовавших за Д. Дьюи. По данным того же опроса, 65% американцев не сомневались в том, что Советский Союз выполнит союзнический долг в отношении Японии, а 55% называли СССР надежным союзником в послевоенной дипломатии (31% высказал противоположное мнение). Доверие к Москве было выше среди лиц, не имевших высшего образования (60% — у имевших среднее

образование, 62% — у имевших незаконченное высшее, 51% — у закончивших вузы), причем количество сомневающихся в каждой из данных категорий колебалось между 29 и 31%[134].

Несмотря на обнадеживающие данные статистики о восприятии союзников, тенденции деградации понимания «военного долга» отнюдь не исчезли. Напротив, они нарастали и набирали силу. Получавшие самую большую зарплату и помнившие предвоенное десятилетие американцы опасались открыто признаться в том, что хотят продолжения войны. Ведь к 1945 г., несмотря на колоссальные траты, общий объем накоплений американцев составил почти 100 млрд долларов[135].

Тем водоразделом, от которого началось постепенное ухудшение отношений с СССР, как отмечают отечественные исследователи, стал вопрос об установлении Соединенными Штатами экономической гегемонии в послевоенном мире[136]. Несмотря на различие в описании последствий войны для Советского Союза (разруха в европейской части и небывалый промышленный подъем в Сибири), авторы консервативных изданий («Форчун», «Лайф», «Америкэн меркури») были единодушны в том, что самостоятельность вчерашнего союзника в экономической сфере угрожает американскому экономическому и, как следствие, политическому доминированию на глобальной арене.

Вторая мировая война оказала большое воздействие на американское общество. Следствиями многократно выросшего военного заказа (помимо некоторых, сравнительно мягких рационов) стали резкая урбанизация, рост самосознания женщин, а также национальных меньшинств. Повысился образовательный ценз: вернувшиеся домой фронтовики стремились воспользоваться своими льготами при получении высшего образования, причем на одной студенческой скамье зачастую находились люди с разным цветом кожи и разным (до военного времени) достатком. «Джимкроуизм» (расовая сегрегация в США) уже в середине 1940-х гг. стала очевидным атавизмом. В целом же, семь из десяти американцев признали, что война не потребовала от них «каких-то настоящих жертв»[137]. Двойная победа (в мировой войне и над Великой депрессией) привела к тому, что за Второй мировой в США негласно закрепилось название «хорошей войны».

Положение в нейтральных странах в период Второй мировой войны

Испания. С начала войны в Европе правительство Испании оказалось в весьма сложной ситуации. С одной стороны, профашистские взгляды Ф. Франко и осознание долга за военную и материальную помощь перед Германией и Италией подталкивали диктатора выступить на стороне держав оси. С другой стороны, его собственное правительство на 1939 г. было разделено между сторонниками нацистской Германии и сторонниками Великобритании. В этих условиях Ф. Франко решил проявить осторожность и 4 сентября подписал декрет о нейтралитете[138].

Еще одним важным фактором, повлиявшим на нейтралитет Испании, стало экономическое состояние страны, которая была ослаблена гражданской войной: 192 города и населенных пункта лишились 60% зданий, 40% подвижного состава железных дорог, сильно пострадали важнейшие мосты и дорожные сооружения. Эти проблемы усугублял и финансовый фактор в виде долга перед Германией, прежде всего за поставки вооружения — 212 млн долларов. В октябре 1940 г. была достигнута общая договоренность с Берлином о постепенной выплате долгов Испанией за счет увеличения ее экспорта. Наибольшую заинтересованность Германия проявила в приобретении ванадия, вольфрама, свинца, молибдена для обеспечения германской военной промышленности[139].

Существовали и социальные проблемы, возникшие из-за гражданской войны: голод, безработица, жилищный кризис. Военная элита Испании высказывалась против войны не только по причине экономических проблем, но и из-за негативного состояния вооруженных

сил[140]. Это весьма осложняло возможности Испании успешно и эффективно вести боевые действия на стороне стран оси.

Осознание тяжелого экономического положения и неустойчивость пронацистской партии в правительстве вынудили Ф. Франко с началом Второй мировой войны создать систему правительственного контроля, позволявшую государству активно вмешиваться в экономическую жизнь Испании. Идеологическим оформлением данной политики стала теория экономического национализма, которая нашла поддержку как у фалангистов, так и у традиционалистов[141].

Важной мерой в строительстве новой экономической системы в военные годы стал закон от 25 сентября 1941 г. об образовании Национального института промышленности, призванного «направлять и финансировать создание и воссоздание национальной индустрии»[142]. Однако, несмотря на принятые правительством Ф. Франко декреты и постановления, экономика Испании в годы Второй мировой войны не смогла преодолеть кризисные тенденции, что способствовало сдерживанию стремлений испанской хунты к активной военной помощи Германии и Италии. Поэтому основные усилия Ф. Франко сосредоточил на формировании лояльной странам оси внутренней политики государства и откровенно пронацистской дипломатии[143].

Уже в июне 1940 г., когда фашистская Италия вступила в войну на стороне нацистской Германии, испанская хунта переменила свою позицию, и 12 июня 1940 г. нейтралитет был заменен статусом «невоюющей стороны»[144]. Это означало, что в новой ситуации внешнеполитические задачи стали доминировать над внутриполитическими. По словам Ф. Франко, данный статус означал особую форму симпатии к странам оси: «Дорогой фюрер! К тому времени как немецкие войска под вашим руководством ведут самую большую битву в истории до победного конца, я хотел бы выразить свое восхищение и энтузиазм, отметив с глубоким волнением славный ход борьбы, которую я и мой народ считают своей собственной»[145].

Испания воспользовалась поражением Франции для достижения своих целей. 14 июня испанские войска оккупировали Танжер. 19 июня испанское правительство уведомило Берлин о возможности вступления в войну, «если это окажется необходимым». В качестве предварительной платы за участие в войне оно требовало передачу Испании Гибралтара, Французского Марокко, части Алжира и расширения испанских колоний в Африке.

Тем не менее, по мнению пронацистски настроенных фалангистов, подобных мер было недостаточно — они рвались к войне. Во время встречи с И. Риббентропом в Берлине 16 сентября 1940 г. испанский министр иностранных дел С. Суньер назвал молодых членов фаланги как наиболее активных сторонников вступления Испании в войну[146]. Давление по внутриполитической линии усиливалось дипломатическим нажимом: А. Гитлер неоднократно пытался в 1940–1942 гг. побудить Ф. Франко вступить в войну. Особо сильное давление было оказано в Эндае 23 октября 1940 г. В обмен на вступление в войну вместе с альянсом Германии и Италии Ф. Франко среди прочего потребовал расширения системы укреплений на Канарских островах, а также большое количество зерна, топлива, боевой техники, военных самолетов и других видов вооружения. Полностью удовлетворить такой список требований Германия не могла, и А. Гитлер ограничился обещанием Ф. Франко вступить в войну, но сроки правительство Испании определит самостоятельно[147].

В январе 1941 г. Германия усилила давление на руководство Испании. 21 января 1941 г. И. Риббентроп указал Штореру: «Если каудильо не примет решения немедленно вступить в войну на стороне держав оси, правительство рейха не может не предвидеть конца националистической Испании»[148]. Но позиции Ф. Франко остались неизменны: ввиду военной и экономической слабости, а также из-за угрозы Великобритании вступление в войну Испании было невозможно. В феврале 1941 г., когда Ф. Франко был в Италии, Б. Муссолини получил послание А. Гитлера, где тот просил вернуть «испанского блудного сына». Но Ф. Франко не поддавался на уговоры[149]. К тому же постоянное соперничество между фалангой и армейской верхушкой, которое зимой — весной 1941 г. приняло весьма острые формы, грозило нарушить стабильность власти.

А. Гитлер и Ф. Франко на переговорах во французском городке Андай

Испанские добровольцы из 250-й дивизии вермахта на мосту через Неман в Гродно

Испанские летчики «голубой эскадрильи» на восточном фронте

5 мая 1941 г. полковник В. Галарса, конфликтующий со «старорубашечниками», занял пост министра внутренних дел. Он попытался ограничить влияние фалангистов, в ответ 10 провинциальных руководителей фаланги демонстративно ушли в отставку. Вследствие этих и других скандалов Ф. Франко на пост генерального секретаря фаланги назначил Хосе Луиса Аресе, который выполнил свою главную задачу на внутриполитическом фронте: укрепил связь между фалангой и армией[150].

С марта 1941 г. нацистская Германия ослабила нажим на Испанию, поскольку была занята подготовкой войны против СССР. После нападения на Советский Союз германское руководство полагало, что Испания с минуты на минуту станет активной воюющей стороной. 22 июня 1941 г. С. Суньер заявил Штореру, что испанское правительство «выражает величайшее удовлетворение в связи с началом борьбы против большевистской России», и передал германскому правительству просьбу дать возможность добровольцам, членам фаланги, принять участие в войне против СССР. «Этот жест солидарности, — разъяснял С. Суньер, — делается, разумеется, независимо от полного и окончательного вступления Испании в войну на стороне оси, которое последует в соответствующее время»[151].

Два дня спустя И. Риббентроп известил Шторера, что «германское правительство с радостью и удовлетворением примет формирование добровольцев фаланги». В тот же день С. Суньер обратился к членам фаланги с призывом вступить в «голубую дивизию». К моменту своего формирования дивизия насчитывала 641 офицера, 2272 унтер-офицера и сержанта, 15 780 солдат и состояла из трех пехотных полков и пяти дивизионов. За годы войны службу в дивизии прошли более 47 тыс. человек[152]. Испанская «голубая дивизия» была создана очень быстро. 13 июля первый эшелон добровольцев отбыл в Германию. 14 октября 1941 г. под названием 250-й пехотной дивизии вермахта испанцы прибыли на советско-германский фронт. Однако отправка одной дивизии на фронт не оправдала ожиданий А. Гитлера. Дивизия понесла большие потери и 20 августа 1942 г. из района Новгорода была переброшена под Ленинград[153].

Испания активно помогала нацистской Германии и в экономическом плане. Германия получала от нее нефть и нефтепродукты, в том числе и поставляемые из США. Американский посол в Мадриде К. Хейс в 1943 г. сообщал в Вашингтон, что объем ввозимого в Испанию из Америки бензина и нефтепродуктов равноценен полной грузоподъемности испанского танкерного флота. Этот флот постоянно курсировал между Испанией и Германией. Только в январе 1944 г. У. Черчилль добился временного прекращения поставок нефти в Испанию, однако уже в мае они были возобновлены[154].

Большие потери испанской дивизии на советско-германском фронте и затяжной характер войны заставили Ф. Франко лавировать, активизировать контакты со странами — членами антигитлеровской коалицией. 3 сентября 1942 г. фалангиста С. Суньера заменил на посту министра иностранных дел монархист граф Г. Хордана, известный своей пробританской ориентацией. Новый министр был заинтересован в поддержке США[155].

Однако, несмотря на активизацию контактов Испании с союзниками осенью 1942 г., Ф. Франко, не полностью доверявший обещаниям У. Черчилля и Ф. Рузвельта, пытаясь сохранить нейтралитет Испании, 16 ноября подписал декрет о частичной мобилизации. Пронацистская линия в дипломатии Испании еще преобладала, но уже не проводилась с прежней твердостью[156]. Переломным для Ф. Франко как во внутренней, так и во внешней политике стал 1943 г. Разгром вермахта под Сталинградом, Курском, а также победа союзников на Средиземном море заставили испанского лидера отойти от открытой и полной поддержки держав оси. Под влиянием тяжелых поражений Германии участились попытки замаскировать, прежде всего для союзников, франкистский режим, отмежеваться от его пронацистской ориентации[157].

10 октября 1943 г. франкистское правительство вновь, как и в 1939 г. определило позицию Испании как нейтральную. Важнейшим реальным последствием новой внешнеполитической линии был отзыв 12 октября 1943 г. «голубой дивизии» с советско-германского фронта. Однако на советской территории оставался Испанский легион из 2,5 тыс. человек. 12 апреля

1944 г. последние 700 солдат и офицеров бывшей «голубой дивизии» вернулись в Испанию[158]. При этом экономические отношения со странами оси продолжали развиваться: по-прежнему в обмен на поставки оружия вывозились стратегические материалы, прежде всего вольфрам, ртуть, цинк, стронций, шерсть, продукты питания с высоким содержанием витаминов[159].

В 1944 г., когда окончательное поражение нацистской Германии стало неминуемым, Ф. Франко через контакты с Великобританией и США начал активно искать выходы из кризисного внешнеполитического положения[160]. 3 ноября 1944 г. диктатор в интервью агентству «Юнайтед пресс» выразил стремление сотрудничать с участниками антигитлеровской коалиции в восстановлении мира, но добавил, что государственный строй Испании должен остаться без изменений[161].

Нейтралитет, хотя и сочетающийся с режимом «невоюющей страны», на протяжении большей части Второй мировой войны помог избежать Испании участи, постигшей державы оси. Тем не менее 19 июня 1945 г. на конференции ООН в Сан-Франциско Испании было отказано в просьбе о приеме в организацию как стране, поддерживающей страны оси. Это решение побудило испанское правительство поспешить с обнародованием 17 июля 1945 г. Хартии испанцев — основного закона, который был призван убедить как мировое, так и испанское общественное мнение, что режим вступил на путь «либерализации». Однако первые послевоенные годы бывшие участники антигитлеровской коалиции продолжали видеть в Ф. Франко последнего европейского лидера, «стоящего на правых позициях. Отныне гнев демократов и коммунистов был направлен против него»[162].

Португалия. Перед началом Второй мировой войны Португалия под управлением А. ди Салазара была связана договорами как с Испанией, так и с Великобританией, нарушать которые правительство не стремилось[163]. С нарастанием кризиса в Европе португальское правительство больше склонялось к поддержке традиционного англо-португальского союза, и в апреле 1939 г. Португалия отказалась от приглашения присоединиться к Антикоминтерновскому пакту.

После нападения Германии на Польшу власти Португалии стали проявлять большую настороженность в делах с нацистами. Альянс с Великобританией стал краеугольным камнем внешней политики Португалии. Еще 14 декабря 1938 г. А. ди Салазар обратился к офицерам Британской военной миссии и выразил признательность за их работу, так же он заявил о надежде на более тесные отношения между армиями Великобритании и Португалии и возможности в будущем решать проблемы, «связанные с общей обороной»[164].

После объявления войны правительство Португалии действовало с учетом и опорой на союз с Великобританией. В заявлении от 1 сентября 1939 г. Португалия объявила, что она останется нейтральной[165]. Решение придерживаться англо-португальского союза в период 1939–1940 гг. было неизменным и позволило архипелагу Мадейра активно помогать союзникам. Так, в июле 1940 г. около 2 тыс. жителей Гибралтара были эвакуированы на Мадейру, что было связано с высоким риском нападения на Гибралтар Испании или Германии.

Правомерность таких опасений быстро подтвердилась — уже 12 июля 1940 г. в штабе Верховного командования нацистской Германии была создана специальная группа для планирования захвата Гибралтара и оккупации Португалии, так называемая «Операция Феликс»[166]. За этими и другими предполагаемыми военными акциями по отношению к Португалии пристально следили в Лондоне.

Таким образом, с британской точки зрения, португальский нейтралитет важен был не только сам по себе, но и как гарантия безопасности Гибралтара, тем более что ситуация в Атлантике и на Средиземном море укрепила эту точку зрения. Соединенные Штаты еще до вступления в войну разделяли британскую позицию по поводу португальского нейтралитета[167].

В мае 1941 г. Великобритания была вынуждена заявить о невозможности оказания помощи в защите Португалии в случае нападения с материка. В Лондоне также признали, что неспособны повлиять на контакты Португалии и Германии, главным образом в отношении поставок топлива. В ноябре 1943 г. союзники решили выработать конкретные меры

по регулированию торговых отношений между Португалией и Соединенными Штатами с Великобританией. Правительство У. Черчилля предложило в первую очередь решить другой важнейший вопрос — «о финансовой помощи португальского правительства Третьему рейху, которая продолжает оказываться всеми португальскими банками»[168].

Эта ситуация привела к расширению англо-американского присутствия в Португалии. Так, 1 декабря 1943 г. Португалия предоставила часть своих авиабаз союзникам, а в 1944 г. португальское правительство подписало соглашение с США об использование военных объектов на Азорских островах. Кроме того, американские войска построили авиабазу на острове Санта-Мария[169]. Только за июнь 1944 г. через две эти базы проследовали в Европу около 2 тыс. военных и транспортных самолетов в рамках обеспечения операции «Оверлорд».

С высадкой союзников в Нормандии и наступлением советских армий угроза военного вторжения и оккупации Португалии снизилась, что привело к активизации контактов между США, Великобританией и Португалией. В целом, Португалия сохраняла в 1939–1945 гг. нейтралитет в рамках общих целей англо-португальского союза. Тем не менее экономическая и финансовая помощь нацистской Германии оказала существенное влияние на ее экономику, позволив оттянуть падение фашизма в Европе на несколько месяцев[170].

Ирландия. Единственным членом Британского содружества, объявившим в годы войны нейтралитет, была Ирландия. Такая позиция ирландского правительства была определена прежде всего борьбой за независимость, ликвидацию британского военного присутствия и объединение территории страны. Она сохранилась на протяжении всей войны, несмотря на несколько немецких воздушных налетов и нападения на суда флота Ирландии как со стороны союзников, так и стран оси[171].

Ирландское государство было образовано в 1921 г. Согласно англо-ирландскому договору, завершившему войну ирландцев за независимость (1919–1921), страна получила статус доминиона под названием Ирландское Свободное Государство (ИСГ). Но часть ирландской территории — шесть графств провинции Ольстер — осталась в составе Соединенного Королевства как автономная провинция Северная Ирландия[172].

Ирландский нейтралитет был поддержан большинством населения, хотя выделялась группа граждан, активно настроенных за вступление Ирландии в борьбу против держав оси. С 1939 г. ирландские граждане могли служить в британских вооруженных силах, и этим правом воспользовались по крайней мере 50 тыс. человек, которые пошли в британскую армию, а также в торговый флот и ВВС[173].

С 1 сентября 1939 г., в ответ на вторжение Германии в Польшу, правительство Ирландии заявило о немедленном введении чрезвычайного положения: «Правительство может в любое время и так часто, как оно считает нужным, издать такие положения, какие, по мнению правительства, являются необходимыми или целесообразными для обеспечения общественной безопасности, или сохранения государственной власти, или поддержания общественного порядка, обеспечения и контроля поставок и услуг для жизни общества»[174].

Такая позиция определялась еще и тем, что на 1939 г. Ирландия не имела достаточных военных сил, чтобы воспрепятствовать вторжению. В одном из своих выступлений в Лиге Наций И. де Валера подчеркивал, что сохранение мира зависит прежде всего от воли великих держав и единственное, что могут сделать малые страны, — это сопротивляться любым попыткам превратить их в орудие какой-либо внешней силы и вовлечь в войну[175]. Этому внешнеполитическому курсу Ирландия пыталась следовать в течение всей войны. 3 сентября, после вступления Великобритании и Франции в войну, Ирландия еще раз подтвердила свой нейтралитет[176].

Ситуация изменилась после поражения Франции. Вторжение немецких войск в Бельгию и Нидерланды лишний раз продемонстрировало, что нейтралитет не гарантирует безопасности перед лицом германской агрессии. 17 июня 1940 г. прошли две важные встречи ирландских чиновников, касающиеся нейтралитета Ирландии. В ходе встречи И. де Валеры и британского посланника М. Макдональда последний предложил положить конец разде-

лу страны и «начать путь к объединенной Ирландии»[177]. В обмен на это Ирландия должна была отказаться от нейтралитета и немедленно вступить в войну против Германии и Италии. И. де Валера отклонил эти предложения, так как отсутствовали гарантии того, «что в итоге появилась бы объединенная Ирландия»[178]. В секретном меморандуме британского правительства от 5 июля 1940 г. по поводу данного отказа значится, что правительство Ирландии не видит необходимости строить оборону совместно с Великобританией: «...нейтралитет опасен, но сделка с Великобританией поставит Ирландию еще в большую опасность, чем сейчас»[179].

В ходе встречи с немецким послом Гемпелем секретарь Министерства иностранных дел Ирландии Дж. Уолша попросил дать заверения в том, что Германия не нападет на Ирландию. В ответ немецкое правительство уведомило Дублин, что до тех пор, пока Ирландия остается нейтральным государством, Германия будет соблюдать ее нейтралитет[180]. Настойчивые требования подобных гарантий и осторожность ирландского правительства с Великобританией были связаны с началом подготовки Германией десантной операции «Морской лев», в планах которой значился захват Ирландии.

Великобритания, со своей стороны, продолжала попытки склонить Ирландию на сторону антигитлеровской коалиции. Так, в апреле 1941 г. данный вопрос был вновь поднят, когда премьер-министр Австралии Р. Мензис нанес частный визит в Белфаст и Дублин для беседы с И. де Валерой и премьер-министром Северной Ирландии Дж. М. Эндрюсом. Впоследствии Р. Мензис сообщил У. Черчиллю, что сложность всех вопросов и проблем ирландского единства и суверенитета означает малое число возможностей для отказа Ирландии от политики нейтралитета[181].

Следующая попытка была предпринята после вступления в войну США. 8 декабря 1941 г. У. Черчилль отправил ирландскому премьер-министру телеграмму с просьбой о встрече, однако И. де Валера, выступая в конце декабря с речью в графстве Корк, лишь выразил соболезнование народу Соединенных Штатов в связи с трагедией в Пёрл-Харборе, но отходить в новой ситуации от нейтралитета не посчитал выгодным[182]. Эту позицию правительство Ирландии сохраняло на протяжении 1942–1943 гг., даже несмотря на перелом в ходе Второй мировой войны. Очередной демонстрацией независимости в международных делах стал отказ И. де Валеры на предложение союзных правительств закрыть посольства стран оси в Дублине, последовавшее в феврале 1944 г. в связи с подготовкой высадки во Франции[183].

Однако, несмотря на подчеркнуто нейтральную позицию, существовали значительные уступки союзникам, прежде всего Великобритании, оказанные правительством Ирландии за годы войны: например, открытие воздушного коридора над Южной Ирландией для союзников и прочее[184]. Правительство Ирландии, несмотря на заявленный строгий нейтралитет, более тяготело к антигитлеровской коалиции. Одной из важнейших причин, делавших Ирландию потенциальным союзником Великобритании, была сохранявшаяся экономическая зависимость бывшей колонии от метрополии. Демонстрация нейтралитета в годы войны была для Ирландии прежде всего формой дипломатической борьбы за дальнейшее укрепление своего суверенитета.

Швеция. 1 сентября 1939 г. правительство Швеции объявило о нейтралитете и обещало принять все надлежащие меры по укреплению обороны. В выступлении по радио премьер-министр Пер Альбин Ханссон призвал сограждан сплотиться во имя главной цели — удержать страну от вовлечения в европейскую войну[185]. Однако следует отметить, что несмотря на планируемое объявление нейтралитета, шведское правительство начало еще с 1936 г. повышать свою боевую готовность, особенно в периоды ухудшения международной ситуации.

Военные расходы в Швеции были увеличены в 1936 г. до 37 млн долларов США, а в 1937 г. — до 50 млн долларов. В последний предвоенный год расходы на оборону уже составили 58,6 млн, а с началом 1939 г. резко увеличились в пять раз — до 322,3 млн долларов. Во время Второй мировой войны военные расходы достигли максимума — 527,6 млн долларов в 1942 г.[186] Эти средства пошли на оснащение армии и проведение мобилизации, которая

началась 6 мая 1938 г. Правительство объявило, что 25% всех людей, призванных в 1938 г., должны быть сохранены для дальнейшего обучения. Были созданы шведское ополчение и отдельные вспомогательные женские службы. Произошел и рост вооружения: к 10 устаревшим легким танкам были добавлены 48 легких танков с пушечным вооружением[187].

Быстрое развитие военной ситуации в Европе потребовало изменения позиции Швеции. После начала Советско-финляндской войны в ноябре 1939 г. Швеция объявила себя «невоюющей» в отношении этого конкретного конфликта, но начала активную помощь Финляндии — как экономически, так и вооружением[188].

Когда Германия вторглась в Данию и Норвегию 9 апреля 1940 г., 100 тыс. шведских солдат были развернуты вдоль границы с Финляндией на севере Швеции. До начала военных действий Швеция не имела никаких военных планов или любой оборонительной стратегии против немецкого вторжения со стороны Норвегии. Когда Германия потребовала доступа к шведской телефонной и телеграфной связи между Германией и Норвегией, правительство Швеции разрешило это. Кроме того, в период битвы за Нарвик шведские железные дороги и подвижной состав использовались вермахтом для перевозки войск. Такие же услуги были оказаны и во время подготовки вторжения в СССР: Швеция помогла в передислокации 163-й пехотной дивизии вместе с ее тяжелым вооружением[189].

Эти факты свидетельствуют, что правительство Швеции в 1940–1941 гг. пошло на явное отступление от нейтралитета. По шведским железным дорогам ежемесячно транспортировались 30–40 тыс. немецких солдат и разнообразное вооружение. Всего в 1940–1943 гг. были перевезены 2 млн 140 тыс. солдат и 100 тыс. вагонов военных материалов. Германия использовала шведские аэродромы, в том числе и в Бромме (пригород Стокгольма), а шведские суда конвоировали немецкие транспорты по своим территориальным водам. Объем перевозок по морю, которые было трудно контролировать, по всей вероятности, превосходил объем перевозок по суше[190].

Следует отметить, что шведское правительство после оккупации Норвегии и Дании было поставлено в очень сложную ситуацию, учитывая ограниченные возможности Швеции противостоять Германии[191]. Однако с 1940 г. в экономической области степень влияния Германии на Швецию усилилась. После захвата нацистами Дании и Норвегии Швеция оказалась отрезанной от своих прежних рынков.

Германия стала главным внешнеторговым партнером Швеции. Возможно, наиболее важным актом помощи Швеции Германии во время Второй мировой войны были обширные поставки железной руды, достигнувшие в 1941 г. 10 млн тонн в год, или 27% от всей потребляемой в Германии руды. Многие крупные шведские компании, ориентированные на выпуск машиностроительной, электротехнической, военной, строительной, текстильной продукции, постоянно получали крупные немецкие заказы. Фирмы СКФ (шарикоподшипники), «Бофорс» (производство прежде всего зенитных орудий), «Л. М. Эрикссон» (средства связи), АСЕА (электротехника) занимались производством продукции для нужд Третьего рейха практически всю войну[192].

Экономические и политические связи с союзниками также не были полностью прерваны. В мае 1940 г. правительство Швеции заключило соглашение с Великобританией об использовании торгового флота Швеции и 8 тыс. моряков. За годы войны шведский торговый флот потерял 31 судно и 89 человек, ВМС Швеции — восемь кораблей и 92 человека[193]. Кроме того, шведские дешифровальщики работали на союзников в период 1939–1940 гг. В начале лета 1940 г. результаты этой работы были отправлены союзникам через польское движение Сопротивления. Шведские бизнесмены и дипломаты также активно вели разведывательные действия в Берлине и на оккупированных территориях в пользу союзников. Когда немецкий линкор «Бисмарк», в соответствии с планом операции «Рейнские учения», вышел в море, чтобы напасть на атлантический конвой, шведская разведка сообщила Великобритании о выходе немецких кораблей из порта[194].

В 1945 г., когда союзники планировали освобождение Дании и Норвегии, США пытались добиться привлечения Швеции к данной акции. Несмотря на развернутую подготовку,

помощь Швеции не понадобилась. В ходе подготовки и проведения вторжения союзников в Норвегию Швеция разрешила американским самолетам использовать шведские военные базы, а шведская военная разведка взаимодействовала с разведкой союзников[195].

Внутренняя политика шведского правительства в период войны проводилась под лозунгом «гражданского мира», выдвинутым социал-демократами и поддержанным в начальный период войны большинством партий страны. Реальное экономическое положение большинства населения Швеции в годы Второй мировой войны резко ухудшилось. Несмотря на многочисленные и заблаговременно принятые меры, происходил рост налогов, стремительно возросли цены, не удалось приостановить инфляцию[196].

В 1940–1944 гг. общественное мнение страны не только находилось под строгим контролем государства, но и постоянно испытывало сильнейшее давление со стороны нацистского режима. Контролировались все средства массовой информации, в том числе и провинциальные газеты. Свободный настрой некоторых газет и их тон, как и настроения шведской общественности, вызвали протесты со стороны немецкого правительства, что побудило Швецию ввести цензуру. Шведское правительство и Совет военной информации определяли для СМИ, какая информация может свободно публиковаться, а какая должна оставаться тайной[197]. Шведский Совет прессы являлся саморегулируемой организацией, которая должна была поддерживать «хорошие отношения между прессой и государственными органами и служить инструментом самоцензуры для прессы»[198].

На заключительном этапе войны Швеция столкнулась с трудностями размещения и трудоустройства большого количества беженцев. Еще в предвоенные годы здесь нашли приют многие сотни иммигрантов из Германии, а позднее и из других стран Европы. Общественные организации Швеции, а с 1943 г. и правительство оказывали всевозможную помощь движению Сопротивления в Дании и Норвегии. На территории Швеции под руководством шведских военных проводилась подготовка к участию в боевых действиях (под видом обучения полицейских) 9 тыс. норвежцев, а затем и датчан.

В последние месяцы войны благодаря усилиям графа Ф. Бернадота, который возглавлял Шведский Красный Крест, из немецких концентрационных лагерей были спасены 30 тыс. человек. Густав V пытался использовать его дипломатические отношения с немецкими лидерами, чтобы убедить их относиться более гуманно к евреям, хотя это имело незначительный эффект. Граф Ф. Бернадот, являясь родственником шведской королевской семьи, общался с представителями правительства Германии и смог спасти до 15 тыс. евреев. Шведский дипломат Р. Валленберг, выдававший «охранные паспорта», спас до 100 тыс. обреченных на гибель венгерских евреев[199].

Изменение внешнеполитической ориентации и сдвиги во внутриполитической жизни Швеции в значительной мере определялись ходом военных действий на основных фронтах Второй мировой войны[200]. Именно успехи союзников в 1943–1945 гг., особенно на советско-германском фронте, стали главным фактором, повлиявшим на изменение характера нейтралитета Швеции, которая стала склоняться к большей поддержке стран антигитлеровской коалиции.

После разгрома фашистской Германии в политической жизни Швеции на первое место выдвинулся вопрос о переводе экономики на мирные рельсы. Шведские партии выступили со своими программами послевоенного устройства. Социал-демократическая программа содержала требование частичной социализации, сохранения некоторых элементов планового хозяйства.

Швейцария. Как и в годы Первой мировой войны, Швейцария в 1939 г. объявила о своем нейтралитете. В новой ситуации статус страны был определен как «вооруженный нейтралитет». Швейцарский нейтралитет периода 1933–1939 гг. представлял собой сложную систему, сочетающую в себе внутренние и внешние факторы, которые способствовали выполнению задач и государственных приоритетов. На политику нейтралитета влияли военно-политические, экономические, социально-психологические условия. Нейтралитет стал итогом сло-

жения нескольких предпосылок: истории и географии, геополитики, совпадения интересов Швейцарии и великих держав. Кроме того, не последнюю роль в нем играли культурно-мировоззренческие основы и особенности национального сознания[201].

В 1938 г. федеральное правительство Швейцарии заявило об отказе участвовать не только в военных, но и в политических, экономических и финансовых санкциях[202]. Существование Швейцарии как суверенного и независимого государства стало под вопросом после прихода к власти в Германии А. Гитлера. Одним из ключевых положений внешнеполитической программы НСДАП было объединение в едином государстве всех «родственных по крови» германоязычных народов, в том числе и швейцарских немцев, общая численность которых достигала 3 млн человек, то есть почти две трети всех швейцарцев. Перспектива превращения Швейцарии в одну из провинций нацистского государства серьезно беспокоила швейцарское общество и правительство[203].

В опубликованной 31 августа 1939 г. декларации правительство Швейцарии подтвердило свой традиционный нейтралитет. 29 августа был принят декрет о мобилизации, на основе которого количество призывников увеличилось до 420 тыс. человек. Общая мобилизация была объявлена только через три дня[204]. Значительно возросли расходы на оборону. Перед вооруженными силами была поставлена задача «обеспечить независимость страны и целостность ее национальной территории».

В первой половине 1940 г. немецкие самолеты 197 раз нарушали воздушное пространство Швейцарии. Швейцарские средства ПВО сбили 11 немецких самолетов[205]. Данные инциденты вызывали усиление дипломатического нажима на Швейцарию. В результате 20 июня 1940 г. ВВС Швейцарии было приказано прекратить перехватывать немецкие самолеты, нарушавшие воздушное пространство страны. Позже немецкие диверсанты пытались уничтожить швейцарские средства ПВО, но были захвачены швейцарской армией прежде, чем успели причинить ущерб.

В качестве наиболее радикальной меры воздействия на Швейцарию летом 1940 г. была спланирована операция «Танненбаум», подразумевающая оккупацию страны силами 11 дивизий Германии и Италии[206]. Однако разработанный план так и не был реализован, поскольку после поражения Франции Швейцария была окружена подконтрольными нацистской Германии территориями, а вся экономическая жизнь страны с лета 1940 г. зависела от Третьего рейха. В 1941–1942 гг. А. Гитлер предпринял несколько попыток добиться вступлении Швейцарии в войну, действуя при посредничестве швейцарских нацистов, но результата подобные акции не принесли[207].

Перелом в ходе Второй мировой войны напрямую отразился на характере как внешней, так и внутренней политики Швейцарии. 17 октября 1943 г. съезд Свободомыслящей демократической партии единодушно принял резолюцию о восстановлении дипломатических отношений Швейцарии с СССР. Однако экономические отношения с Германией не прерывались: новый германо-швейцарский торговый договор был заключен 1 сентября 1943 г.[208] В этой сфере швейцарское правительство шло на значительные уступки Германии, сотрудничая в торгово-финансовой сфере.

Экономика Швейцарии еще с довоенных лет была чрезвычайно близко связана с Германией. Швейцария заключила в августе 1940 г. с Германией несколько торговых соглашений, предоставила в ее распоряжение почти весь наличный запас сырья и продовольствия. Германия перевела в Швейцарию часть своей промышленности и капитала, в том числе умноженного за счет ограбления оккупированных стран. По названным соглашениям между 1940 и 1945 гг. немецкий Рейхсбанк продал 1 млрд 300 млн франков швейцарским банкам, которые были использованы для покупки стратегически важных сырьевых материалов, таких как вольфрам и нефть из нейтральных стран[209].

Швейцарские фирмы получали значительные прибыли от прямых поставок и посреднических операций, обеспечивая Германию стратегическим сырьем, промышленным оборудованием, оружием, боеприпасами, медицинскими товарами. В Южную Германию подавалась электроэнергия от швейцарских ГЭС. За время войны золотой запас страны вырос в

два раза. Поставки в Германию были прекращены лишь в феврале 1945 г., после прибытия в Берн миссии союзников[210].

Германии не удалось полностью перекрыть каналы связи Швейцарии со странами антигитлеровской коалиции. Общая стоимость торговли Швейцарии с ними составила за годы войны третью часть от товарооборота со странами оси. Причем на первом месте среди союзников по объемам как торговых, так и золотовалютных операций были США[211]. Следуя политике лавирования между союзниками и станами оси, швейцарское правительство поддерживало с выгодой для себя финансовые и торговые отношения с Францией, Великобританией и США. В 1941—1945 гг. Швейцария оказывала англо-американским союзникам как финансовые, так и дипломатические услуги[212]. Берн представлял за границей интересы многих государств, в частности США в 12 странах, с которыми они разорвали дипломатические и консульские отношения.

19 июля 1944 г. западные державы прекратили поставлять Швейцарии шерсть, хлопок, каучук и воздержались от подписания с ней нового торгового договора до тех пор, пока она не прервет поставок вооружения Германии. Это было связано с тем, что поставки швейцарских товаров в Германию достигли своего пика в период 1940—1944 гг. и такое положение дел могло серьезно повлиять на увеличение обороноспособности Третьего рейха[213]. Общий объем поставок вооружения из страны в Германию за 1940—1943 гг. был равен чуть более 1% от всего вооружения, произведенного в Третьем рейхе (с учетом промышленных возможностей одной Швейцарии и всего Третьего рейха весьма значительная цифра), станков — 3%, графитовых электродов — 10%, средств ПВО — 10%[214]. Это очень большая доля прямой помощи военными материалами, по поставкам некоторых из которых (средства ПВО) Швейцария обходила даже ближайших союзников Германии. 29 сентября 1944 г. Швейцария заключила новое соглашение с Германией об обмене товарами по безналичному расчету. В отличие от соглашения от 29 июня, оно уже не предусматривало поставку Германии военных материалов. Но к этому времени только вооружения в Италию и Германию было поставлено на десятки миллионов франков[215].

Большая часть экономики Швейцарии в 1940—1944 гг. была ориентирована на помощь странам оси. Так, только Германия получила вооружения более чем на 606 млн франков, тогда как Великобритания — лишь на 2,8 млн; в Германию были поставлены военные материалы общей стоимостью 609 млн франков, в то время как во все остальные страны — только на 337 млн[216]. Золотовалютные операции, проводимые швейцарскими банками, позволили многим промышленным фирмам получить крупные доходы от прямых поставок в Германию промышленного оборудования, медикаментов, вооружения и боеприпасов. Немалую выгоду из операций по скупке у нацистов золота, полученного ими в результате ограбления оккупированных стран и миллионов узников концлагерей, получили и швейцарские банкиры[217]. На швейцарскую валюту Германия приобретала на мировом рынке стратегические ресурсы и товары. Эти факты характеризуют специфику швейцарского нейтралитета в годы Второй мировой войны.

Турция. В 1930-е гг. с развитием кризиса в Европе, вызванного активизацией внешней политики стран-агрессоров, А. Гитлер попытался включить Турцию в число союзников. В июле 1938 г. состоялась беседа министра иностранных дел Турции Р. Араса и И. Риббентропа, в ходе которой нацистский дипломат предложил Турции присоединиться к государствам оси[218]. Однако он получил отрицательный ответ на подобные предложения: «Турция не намерена возрождать Оттоманскую империю»[219]. Данный отказ был во многом связан с политической позицией Мустафы Кемаля, который не стремился к обострению отношений с «западными демократиями» и СССР, исходя лишь из предложений А. Гитлера и традиционных турецко-германских экономических и военно-политических связей[220].

Ситуация изменилась в ноябре 1938 г., когда после смерти М. Кемаля президентом республики был выбран Исмет Инёню, который допускал более гибкое отношение к нейтралитету и не исключал в будущем помощи Германии и Италии[221]. Вместе с тем новый президент стре-

мился заручиться также поддержкой Великобритании и Франции для получения гарантий безопасности и независимости Турецкой республики.

После длительных переговоров 23 июня 1939 г. французское правительство согласилось на некоторое территориальное расширение Турции, и сразу после этого был заключен секретный турецко-франко-британский договор о взаимопомощи, что, по мнению договаривающихся сторон, должно было обеспечить нейтралитет Турции в надвигающемся европейском конфликте. Советский Союз также стремился к прояснению позиции Турции, и в июне 1939 г. между советским и турецкими дипломатами произошел обмен нотами, подтверждающими продление Договора о дружбе до 7 ноября 1945 г.[222]

С началом Второй мировой войны правительство И. Инёню продолжило активные переговоры с обеими противоборствующими сторонами. Так, переговоры в Москве длились до октября 1939 г., но В. М. Молотов и В. П. Потёмкин не смогли склонить турецкую делегацию к принятию советской модели коллективной безопасности[223]. Зато в этом же месяце турецким дипломатам удалось заключить британо-франко-турецкий военный союз о взаимопомощи в случае возникновения боевых действий в районе Средиземноморья.

После разгрома Франции и вступления в войну Италии в мае — июне 1940 г. указанная в договоре ситуация стала реальностью, и союзники обратились к президенту И. Инёню с требованием выполнения обязательств. Однако турецкое правительство отказалось объявлять войну Германии и Италии, заявив, что договор 1939 г. действителен только в случае нападения на саму Турцию[224]. Другой причиной отказа стало то, что к лету 1940 г. президент Турции стал проводить все более отчетливую пронацистскую политику[225].

Ситуация с турецким нейтралитетом ухудшилась весной 1941 г., когда нацистская Германия провела успешные операции на Балканах и по захвату Крита. В новых условиях турецкое правительство решило пойти на еще большие уступки Германии. Особенно сильными были симпатии к странам оси среди военных, а главным их выразителем являлся начальник Генштаба Турции генерал Ф. Чакмак[226]. Подтверждая новую внешнеполитическую ориентацию, правительство И. Инёню в 1941 г. отказалось пропустить через территорию Турции войска Великобритании и Свободной Франции[227]. Итогом данной внешнеполитической линии стало подписание 18 июня 1941 г. договора о дружбе и ненападении с Германией.

Факты турецкой внешней политики свидетельствуют о напряженности в советско-турецких отношений весной — летом 1941 г. Она была вызвана прогерманскими тенденциями в политике турецкого правительства, последствиями договора о территориальной неприкосновенности и дружбе, подписанном в Анкаре 18 июня 1941 г., за три дня до нападения Германии на СССР, немецким послом Ф. фон Папеном и турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу. Данным соглашениям противостоял англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи, заключенный 19 октября 1939 г. сроком на 15 лет. После капитуляции Франции в 1940 г. он сохранил силу как англо-турецкий договор. На практике Турция оказывала помощь в войне Германии, начала концентрацию войск на границе с СССР и, как сообщал в Берлин Ф. фон Папен, была склонна «присоединить к себе... ценнейшие бакинские месторождения нефти». Поражение немецких войск под Москвой, совместные демарши Великобритании и СССР, а затем и США имели немаловажное значение в сдерживании агрессивных планов экстремистских кругов Турции, но не ослабили турецкой помощи Германии. Экспорт турецкого стратегического сырья, главным образом хрома, в Германию — возрос в 1942 г. в два раза. Турция получила германский кредит в 100 млн марок и согласилась на поставки германского вооружения[228].

После нападения Германии на СССР турецкое правительство официально объявило о своем нейтралитете в данном конфликте. Участники антигитлеровской коалиции, в первую очередь Великобритания и СССР, были чрезвычайно заинтересованы в сохранении турецкого нейтралитета, особенно в период Сталинградской битвы, когда в Турции прошла мобилизация. С июля 1942 г. против советского Закавказского фронта турецкая армия выдвинула 16 пехотных, две кавалерийские дивизии и одну мотострелковую бригаду[229].

Битвы и сражения 1942–1943 гг. на советско-германском фронте, а также на других фронтах, изменившие ход Второй мировой войны, заставили Турцию изменить свою внешнепо-

литическую политику. Страны антигитлеровской коалиции усилии на нее давление, требуя объявить войну Германии. Особую активность проявлял премьер-министр Великобритании У. Черчилль, считая, что вступление Турции в войну на стороне союзников наилучшим образом обеспечит реализацию его плана вторжения в Европу через Балканы. В январе 1943 г. У. Черчилль на Аданской конференции пытался убедить президента И. Инёню вступить в войну как можно раньше, крайний срок — в августе 1943 г., обещая, что к тому времени Италия будет выведена из войны и опасность вторжения для турок исчезнет. Тем не менее турецкий президент уклонился от прямого обещания выступить против Германии, но сумел договориться о поставках современного вооружения из США и Великобритании[230].

На Московской конференции министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции в октябре 1943 г. было принято решение добиться вступления в войну Турции до конца 1943 г., чтобы иметь возможность использовать турецкие аэродромы в военных целях. На Тегеранской конференции в декабре 1943 г. вновь возник вопрос о необходимости участия Турции в войне, однако дело закончилось без видимых результатов. Затем в Каире состоялась встреча У. Черчилля и Ф. Рузвельта с президентом Турции И. Инёню. Союзники требовали до 15 февраля 1944 г. предоставить турецкие аэродромы для самолетов США и Великобритании, но он снова отказался, мотивировав это военной слабостью Турции. В итоге, с апреля 1944 г. Великобритания и США прекратили военные поставки в Турцию.

Только в конце 1944 г., когда победа союзников во Второй мировой войне стала полностью очевидна, в действиях турецкого правительства начались изменения — стала сворачиваться политика «нейтралитета в пользу Германии»[231]. Лишь в феврале 1945 г. Турция объявила войну Германии, поскольку на Ялтинской конференции было заявлено, что в создании Организации Объединенных Наций примут участие государства, которые объявили войну Германии до 1 марта 1945 г.

Наука и культура стран большой тройки

СССР и его западных союзников объединяли не только собственно военные интересы, но и общие духовные цели по спасению мировой цивилизации и культуры, справедливый освободительный характер борьбы против нацистской Германии и ее сателлитов. Со всей определенностью эта мысль прозвучала 3 июля 1941 г. в речи по радио председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина, заявившего: «В этой освободительной войне мы не будем одинокими. В этой великой войне мы будем иметь верных союзников в лице народов Европы и Америки... Это будет единый фронт народов, стоящих за свободу против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Германии»[232]. Такого рода установки политического руководства страны стали основой для налаживания контактов с союзными странами по всем возможным направлениям, в том числе в сфере культуры и науки.

В то же время общность интересов и целей государств Большого союза не исключала сложности и противоречивости их сотрудничества, поскольку на взаимоотношения Советского Союза и западных демократий продолжали оказывать свое воздействие такие факторы, как разница в социально-политическом устройстве, характер политических режимов, несовпадение геополитических интересов, идеологические предубеждения.

Творческая, культурная элита — писатели, журналисты, музыканты, кинематографисты, как и положено, оказались в авангарде сопротивления фашизму во всех странах антигитлеровской коалиции. «Долг всех деятелей культуры и науки — активно включиться в борьбу и помочь окончательно сорвать план Гитлера — порабощать народы поодиночке. На полях сражений решается сейчас вопрос о независимости, свободе, о самой жизни народа. Решается вопрос — победит ли наука варварство, победит ли мировой прогресс гитлеровскую реакцию», — такую позицию высказали с началом Великой Отечественной войны представители интеллигенции Советского Союза, обращаясь 14 октября 1941 г. к единомышленникам во всем мире[233].

В. С. Кеменов

Призыв был услышан, слова солидарности с советским народом, вступившим в смертельную схватку с германским нацизмом, прозвучали со всех концов света, в первую очередь из США и Великобритании. Другое дело, что в одночасье невозможно было преодолеть заторы из негативных представлений и стереотипов, накопившихся в общественном сознании как в СССР, так и в западных странах за предшествующие десятилетия. Жива была память об участии Лондона и Вашингтона в интервенции против Советской России в годы Гражданской войны, попытки дипломатической блокады и экономического удушения молодого государства в последующие годы. Стереотипы довлели не только над населением, но и над партийными и государственными руководителями Советского Союза, а также многочисленным отрядом управленцев всех уровней: с западными демократиями устанавливались союзнические отношения, а ведь еще недавно первому в мире социалистическому государству приходилось обороняться от них в «осажденной крепости».

Характер и направленность культурных связей Советского Союза с главными союзниками по антигитлеровской коалиции определялись внутри- и внешнеполитическими интересами страны и потребностями текущей пропаганды. В силу особенностей механизма власти в СССР вся деятельность по культурному обмену санкционировалась и возглавлялась соответствующими отделами ЦК ВКП(б).

Основным органом на этом направлении было Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС) во главе с В. С. Кеменовым. Практически прекратившее свое существование в конце 1930-х гг., общество по решению ЦК ВКП(б) с началом войны возобновило свою деятельность, став важным каналом политической и культурной пропаганды за рубежами Советского Союза. О масштабах деятельности общества говорит такой факт: в годы войны по его линии за рубежом, по неполным данным, была организована 21 выставка, которую посетили более 10 млн человек[234].

Роль ВОКС сводилась к информированию самыми различными путями общественного мнения Запада о борьбе советского народа против фашистской Германии, внутренней и внешней политике Советского Союза, пропаганде советского строя, преимуществ соци-

алистического образа жизни, духовных ценностей советского народа. При этом оно было лишено сколь-нибудь серьезной самостоятельности, выполняя директивные указания ЦК партии, правительства, Наркомата иностранных дел. Лица, стоявшие у руководства ВОКС, относились к номенклатуре ЦК ВКП(б) и настойчиво проводили в жизнь партийную установку на то, что компромисса в идеологическом противоборстве с миром капитализма нет и быть не может.

За выработку курса на установление культурных контактов с союзными державами отвечал Наркомат иностранных дел СССР. Его структурные подразделения вели непосредственный контроль над осуществлением ВОКС международных культурных связей в военное время. Они также курировали американский и английский отделы ВОКС. Кроме того, в штатах посольств в Вашингтоне и Лондоне работали сотрудники, одновременно выполнявшие и обязанности представителей ВОКС.

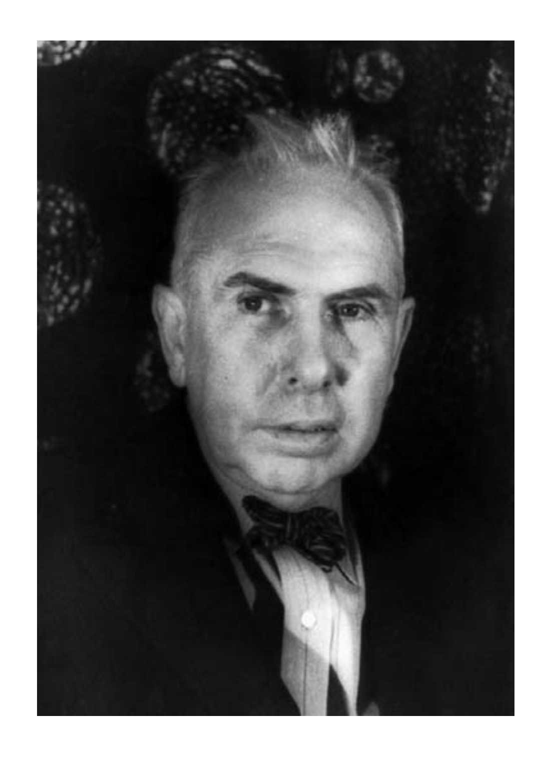
Важным звеном в системе государственных и общественных органов, на которые были возложены функции международного культурного обмена, стало Советское информационное бюро, созданное с началом войны — 24 июня 1941 г. Оно, в частности, отвечало за продвижение материалов, подготовленных в СССР, в зарубежных информационных агентствах и СМИ, и также строго следило за педантичным следованием партийным установкам в сфере пропаганды. По этой линии Совинформбюро находилось в постоянном контакте с НКИД и ВОКС.

Но не только идеологические и политические установки советских руководящих органов сдерживали международные культурные контакты. Госдепартамент США и Министерство информации Великобритании также предпринимали меры, чтобы советская культурная пропаганда не оказалась избыточной и не породила излишне горячих симпатий к СССР у народов этих государств.

По мере складывания союзнических отношений между СССР и США интерес наших народов друг к другу рос день ото дня. «Несомненно, существует потребность в большем знании и понимании России и США. Тысячи американцев хотят знать больше о русской истории и традициях», — такое письмо представителей американской общественности получило советское посольство уже в первые недели войны[235]. Свою солидарность с советским народом, подвергшимся вероломной агрессии, выразили писатели Т. Драйзер, Э. Колдуэлл, Э. Синклер, Э. Хемингуэй, поэт К. Сэндберг, драматург Т. Уильямс, киноактер и режиссер Ч. Чаплин, художник Р. Кент и многие другие деятели американской культуры. К середине июля 1941 г. опросы общественного мнения показывали, что американцы поддерживают Советский Союз в пропорции восемнадцать к одному. Темы «русско-германской войны» и «американо-русских отношений» занимали более 70% первых полос ежедневных газет[236].

14 июля 1941 г. иностранная комиссия Союза писателей СССР получила от Теодора Драйзера, который еще в 1920-е гг. побывал в нашей стране и открыто ей симпатизировал, телеграмму. Знаменитый американский писатель называл гитлеровскую агрессию величайшим злодеянием, хладнокровной и преступной попыткой уничтожить свободу человечества и что еще важнее, по его мнению, духовную и социальную справедливость в семье народов, так ярко продемонстрированную в СССР. «Я вместе с миллионами других американцев, — заверял Т. Драйзер, — буду призывать наше правительство не только к самозащите путем всемерной помощи России теперь же, но и к лучшему пониманию этой великой демократии, которая делает сейчас для своего многомиллионного прогрессивного народа больше, чем когда-либо за все время своего существования сделала Америка для своего народа»[237].

Т. Драйзер сдержал свои обещания. Он не раз выступал на страницах периодической печати со статьями, в которых горячо приветствовал фронтовые успехи нашей страны, побуждал американские власти к скорейшему открытию второго фронта. Например, в статье «Русские наступают», опубликованной летом 1944 г., он показал международное значение могучих ударов Красной армии по врагу, предрешивших окончательную победу над гитлеризмом. «Разгром Гитлера силами сплоченного русского народа, — подчеркивал писатель, — является доказательством благотворности социальных преобразований, осуществленных в России»[238].

Т. Драйзер

Э. Колдуэлл

Из Соединенных Штатов в СССР направилась целая группа писателей и журналистов, примкнувшая к уже работавшим в нашей стране собственным корреспондентам ряда американских информационных агентств, газет и журналов. Власти СССР дали им возможность побывать на линии фронта и в тылу, общаться с представителями различных слоев населения. Свои впечатления публицисты и литераторы из США изложили в пусть немного наивной, но объективной книге «Дорога на Смоленск», изданной в 1942 г., позднее она вышла и на русском языке.

Один из ее авторов — Эрскин Колдуэлл не скрывал восхищения стойкостью и мужеством советских людей. Русские, писал он, «были убеждены в неизбежности своей победы, одержимы неукротимым желанием победить. Да и вообще сдаваться — не в характере русских»[239]. Будучи летом — осенью 1941 г. корреспондентом в Москве, Э. Колдуэлл накопил такой документальный багаж, которого хватило ему на создание публицистической книги «Москва под огнем» и романа «Всю ночь напролет» о партизанском движении на оккупированной советской территории.

Еще один соавтор «Дороги на Смоленск» американский журналист Генри Кэссиди, представитель агентства «Ассошиэйтед пресс» в Москве, издал в 1943 г. книгу «Московский дневник», посвященную обороне советской столицы, в которой воздал должное героизму народного ополчения, мужеству Красной армии, искусству ее командования. «Генерал Зима, — писал он, — отнюдь не воевал на стороне Красной армии... Битва под Москвой была выиграна благодаря умному и дальновидному маневру, явившемуся полной неожиданностью для неприятеля. Самым важным фактором была тактика Красной армии»[240].

Тексты пишущих коллег удачно дополняли фотоиллюстрации Маргарет Борк-Уайт, жены Э. Колдуэлла. Ей, единственной из западных журналистов, работавших в СССР, было разрешено использовать фотоаппаратуру (все остальные при необходимости прибегали к материалам Фотохроники ТАСС). В 1942 г. журналистка выпустила в Нью-Йорке доку-

ментальную книгу «Фотографируя русскую войну», представив соотечественникам образ советского человека, воюющего за свою большую и малую Родину.

В репортажах и очерках, оперативно направляемых в редакции своих газет и журналов, в книгах, написанных по горячим следам событий на советско-германском фронте и в советском тылу, многие журналисты из США не только сами преодолели предвзятость к «большевистской России», но и помогали разрушать доминировавшие в общественном сознании антикоммунистические стереотипы, доносить до американской аудитории правду об упорном сопротивлении советского народа и победах Красной армии.

Так, Ричард Лаутербах в своей книге «Таковы эти русские» (1945) назвал победный исход войны СССР против фашистской Германии «триумфом советской системы». Его, по мнению автора, обеспечили коммунисты, «сплотившие массы единством мыслей и цели»[241]. Объективность Р. Лаутербаха и сегодня может быть поставлена в пример многим российским авторам, сменившим после крушения Советского Союза прежние мировоззренческие ориентиры и уклоняющимся от показа той политической силы, которая руководила сопротивлением советских людей.

К выводу о том, что источником победы над гитлеризмом стало сложившееся в условиях социализма социально-политическое единство советского народа, соединенное с крепостью духа и стойкостью Красной армии, приходили в своих книгах Элла Уинтер («Я видела русский народ», 1944) и бывший посол США в СССР Джозеф Дэвис («Миссия в Москву», 1941; «Истоки советской мощи», 1946). Дж. Дэвис отмечал энтузиазм и патриотизм советских людей, а о руководителях Советского государства писал, что, хотя он и не был согласен с ними по многим проблемам, тем не менее не мог не отметить их честность в убеждениях и цельность в устремлениях[242].

Много сделал для информирования своих соотечественников о героической борьбе советского народа руководитель московского бюро газеты «Нью-Йорк таймс» Гаррисон Солсбери. Собранный им материал о жизни блокадного Ленинграда лег в основу изданной после войны книги «900 дней. Осада Ленинграда», ставшей бестселлером в США[243].

Действенную роль в распространении информации об СССР играл созданный еще в 1932 г. ежемесячник «Совьет Раша тудей», который издавала известная общественная деятельница Джессика Смит. Именно здесь была опубликована упомянутая выше статья «Русские наступают» Т. Драйзера. Также активными авторами журнала выступали поэты Л. Хьюз, Ж. Тэггард, С. Бенэ, драматурги К. Одетс и Э. Райс.

Прогрессивные американские деятели литературы не только писали об СССР и Красной армии сами, но и способствовали публикациям в США произведений советских писателей и журналистов. Событием художественной жизни Америки стал выход летом 1941 г. третьего и четвертого томов «Тихого Дона» М. А. Шолохова (первые два тома были изданы в США еще в 1934 г.). К слову, в 1930-е гг. там были опубликованы также «Поднятая целина» М. А. Шолохова, переводы книг А. М. Горького, В. П. Катаева, Л. М. Леонова, Н. А. Островского, А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга и других. Возросший во время войны с фашизмом интерес к нашей литературе опирался на вполне укоренившиеся в американском обществе представления о ней как зрелой и передовой.

Усилия деятелей культуры по обе стороны океана стимулировались благоприятными переменами в политических и военных отношениях СССР и США. 11 июня 1942 г. состоялось подписание советско-американского соглашения «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии»[244]. Вместе с советско-английским договором от 26 мая 1942 г. «О союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны»[245] оно юридически завершило процесс формирования антигитлеровской коалиции. А для деятелей культуры это была и важная моральная опора в их усилиях по расширению сотрудничества с коллегами из стран-союзниц.

В ведущих газетах и журналах США публиковались статьи и очерки В. В. Иванова, Л. М. Леонова, В. Г. Лидина, К. Г. Паустовского, Е. П. Петрова, Б. Н. Полевого, К. М. Симонова, А. Н. Толстого, К. А. Федина, М. А. Шолохова, И. Г. Эренбурга, пьесы А. Н. Афи-

ногенова, А. М. Горького, А. Е. Корнейчука. Только по линии информационного агентства «Юнайтед пресс ассошиэйшен» в годы войны материалы И. Г. Эренбурга поступили в редакции 1600 газет[246]. В декабре 1942 г. на сцене Национального театра в Вашингтоне состоялся премьерный спектакль по пьесе Константина Симонова «Русские люди». Отклики зрителей и прессы были восторженными. В приветственной телеграмме, направленной руководителям театра в связи с премьерой, К. М. Симонов выражал надежду, что его пьеса «даст американскому зрителю представление о великой борьбе моего народа»[247].

В апреле 1942 г. в Москве состоялась 5-я ежегодная Шекспировская конференция. Ее организатор — Всероссийское театральное общество направило шекспировским ассоциациям в союзных странах приветствие, в котором говорилось о ясном осознании того, что высокий гуманизм, нашедший свое выражение в произведениях У. Шекспира, «объединяет все передовое человечество, всех честных людей в борьбе против темных сил насилия и лжи». Отвечая на это приветствие, большая группа писателей, режиссеров, актеров и композиторов США, включая Ч. Чаплина, Т. Манна, Б. Хекта, Д. Темкина и других, от лица любителей творчества великого драматурга выразили твердую уверенность, что нацистам — врагам цивилизации, растоптавшим своей железной пятой культуру, окажется не под силу «заставить умолкнуть свободное искусство»[248].

Деятели культуры, прибегая к художественному слову, могли подчас сказать больше и доходчивее, чем политики и дипломаты. Когда к середине 1942 г. стало ясно, что западные союзники не намерены открывать второй фронт, из-под пера Л. М. Леонова вышло письмо «Неизвестному американскому другу». Призыв сделать всё, чтобы как можно быстрее оказать Красной армии эффективную помощь в военном противоборстве с вермахтом, он облек в форму доверительного разговора с неизвестным ему, но в то же время хорошо знакомым человеком: «Мой добрый друг, подумай о происходящем вокруг тебя. Сыновья героев 14—18 годов (то есть Первой мировой войны. — *Прим. ред.*) ложатся на кости своих отцов, не успевшие истлеть на полях сражений. Какие гарантии у тебя, что и твой голубоглазый мальчик, соскользнув с злодейского штыка, не упадет на кости деда?.. Мы, Россия, произнесли свое слово: Освобождение. Мы отдаем все, что имеем, делу победы... Еще нет искусства, чтобы соразмерно рассказать об отваге наших армий. Они отдают жизнь за самое главное, чему и ты себя считаешь другом»[249]. Послание Л. М. Леонова, прочитанное по радио, услышали не меньше 10 млн человек. Редакции газет, в которых оно было опубликовано, получили около одной тысячи писем американцев, поддержавших призыв писателя к скорейшему открытию второго фронта. А спустя год, в июле 1943 г., родилось второе письмо в тот же адрес, также имевшее большой успех у американской аудитории.

Свой вклад в единение народов России и США вносил кинематограф. В Америке с успехом были показаны советские фильмы «Кутузов», «Депутат Балтики», «Учитель», «Радуга». В 1942 г. на американские экраны вышел документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой» режиссеров Л. В. Варламова и И. П. Копалина, правда, демонстрировался он под другим названием — «Москва наносит ответный удар». Свидетельством высокого признания работы советских документалистов стало присуждение фильму премии «Оскар» Американской киноакадемии.

Американские кинематографисты и сами стали обращаться к теме войны в далекой России. Наш бывший соотечественник режиссер Грегори Ратофф (Григорий Ратов) в мелодраматическом фильме «Песнь о России» рассказал об истории любви американца и русской девушки. Характерно, что он задействовал в фильме всех знакомых ему русских актеров, живших в то время в Голливуде. Упоминания заслуживает и фильм «Северная звезда», снятый в 1943 г. еще одним уроженцем Российской империи известным режиссером Льюисом Майлстоуном (Лев Мильштейн) и рассказывавший о сопротивлении фашистам на земле оккупированной Украины. И хотя оба фильма были сняты без особого соблюдения реалий колхозной жизни или партизанского лагеря, они получили высокую оценку, в том числе советских кинематографистов, поскольку были исполнены большой симпатии к нашему сражающемуся народу.

«Битва за Россию» — так назывался документальный фильм (режиссер Фрэнк Капра, 1943), в котором с использованием фрагментов игровых лент «Александр Невский», «Петр I», «Кутузов» и фронтовой кинохроники раскрывалась борьба народов нашей страны с захватчиками на протяжении всей истории России, показывалась сила русского характера. Фильм объяснял американскому зрителю, что позволяет Советскому Союзу выстоять в борьбе с таким сильным врагом, как гитлеровская Германия. Фильм был номинирован на премию Американской киноакадемии «Оскар».

Понравился он не только киноакадемикам, но и И. В. Сталину, распорядившемуся закупить 500 копий для широкого показа в СССР. Советским руководителям пришелся по душе и художественный фильм «Миссия в Москву», снятый под руководством Дж. Дэвиса (о его одноименной книге, легшей в основу сценария, говорилось выше). Он также был закуплен для демонстрации в Советском Союзе. Справедливости ради надо сказать, что в самих Штатах фильм был встречен неоднозначно. Выражая не только свое личное мнение, философ Д. Дьюи, возглавлявший в свое время специальную комиссию, которая самостоятельно изучала материалы политических процессов, происходивших в СССР в 1930-е гг., оценил «Миссию в Москву» как первый в США «случай тоталитарной пропаганды, рассчитанной на массовое потребление, пропаганды, которая фальсифицирует историю»[250].

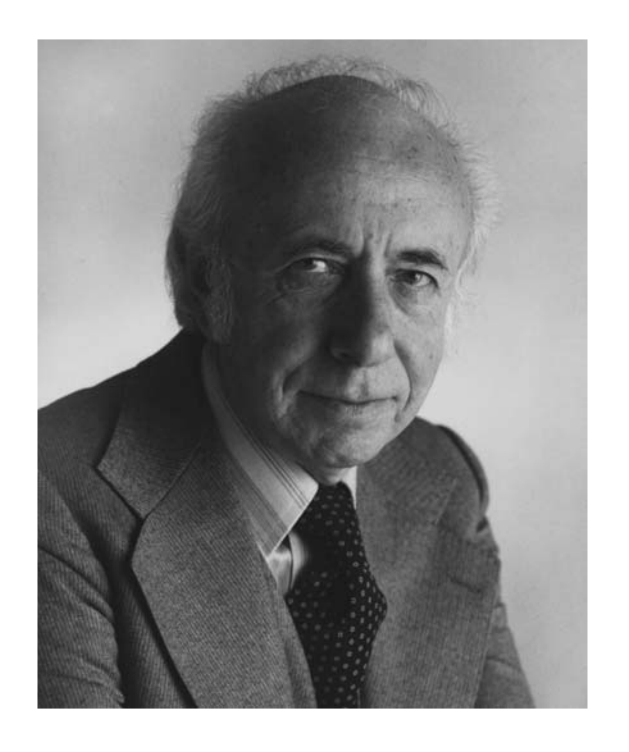
Нельзя не упомянуть состоявшееся весной 1945 г. в секции кинокритики ВОКС собрание, в повестку дня которого было вынесено обсуждение творчества одного из крупнейших американских режиссеров Джона Форда. Ему, в частности, принадлежит экранизация романа Дж. Стейнбека «Гроздья гнева», фильм был удостоен премии «Оскар» за 1941 г. Выступивший на обсуждении кинорежиссер И. А. Пырьев не пожалел красок: «Я считаю Форда лучшим американским режиссером. Он действительно очень выделяется из всех американских кинематографистов... и темами, и идеями, и формой своих оригинальных, незабываемых фильмов»[251]. И это не было пустой похвалой: за свою творческую жизнь Дж. Форд стал единственным в истории кинематографа обладателем четырех «Оскаров» за лучшую режиссуру.

Говорят, язык музыки не требует перевода. В США во время войны было хорошо известно и пользовалось популярностью творчество ряда советских композиторов: Р. М. Глиэра, Н. Я. Мясковского, С. С. Прокофьева (обратившего на себя внимание американской публики еще в свой первый визит в страну в 1918 г.), А. И. Хачатуряна, Т. Н. Хренникова. Но особенно большое внимание в силу понятных причин было проявлено к сочинениям Д. Д. Шостаковича.

В октябре 1941 г. советское посольство сообщило в Москву об огромном интересе американских музыкантов к еще незаконченной Седьмой симфонии («Ленинградской») Шостаковича. Лучшие дирижеры Артуро Тосканини, Леопольд Стоковский и Сергей Кусевицкий оспаривали право первым исполнить это произведение (в СССР премьера состоялась 5 марта 1942 г.). Когда партитура была закончена, две тысячи ее страниц микрофильмировали и 8 апреля 1942 г. отправили дипломатическим багажом в США.

19 июля 1942 г. симфония впервые прозвучала «от побережья до побережья» как «страшный приговор нацистской агрессии, как ключ к пониманию американцами русского человека» (таким был комментарий по Эн-Би-Си, которая транслировала исполнение)[252]. Успех произведения Д. Д. Шостаковича был беспрецедентным. В сезоне 1942—1943 гг. оно прозвучало в США 62 раза, его транслировали 134 радиостанции страны, а также 99 станций стран Латинской Америки[253].

Отечественная музыкальная культура имела в США своеобразного полпреда — С. В. Рахманинова. Наш великий соотечественник без устали гастролировал по Америке, давая огромное количество концертов и открывая американцам глубину и масштаб русской музыки, а тем самым и русского национального характера. Сергей Васильевич использовал свои выступления не только для музыкальной пропаганды, но и для сбора средств в пользу Советского Союза. Уже осенью 1941 г. он отправил в СССР большую партию медикаментов, приобретенных на гонорары от концертов. 19 ноября 1941 г., пересылая очередной чек генконсулу СССР в Нью-Йорке В. А. Федюшину, он писал: «Это единственный путь, каким я

М. Гоулд

Р. Харрис

могу выразить мое сочувствие страданиям народа моей родной земли». 25 марта 1942 г. свой очередной дар композитор сопроводил в письме в ВОКС еще более прочувствованными словами: «От одного из русских посильная помощь русскому народу в борьбе с врагом. Хочу верить, верю в полную победу!»[254]

Во главе музыкальной секции Национального совета американо-советской дружбы встал известный дирижер Сергей Кусевицкий, организовывавший сбор средств, полученных от концертов, в пользу Советского Союза. Именно под его управлением Бостонский симфонический оркестр на летнем музыкальном фестивале в Танглвуде (14 августа 1942 г.) блистательно осуществил первое концертное исполнение Седьмой симфонии Д. Д. Шостаковича. Концерт стал впечатляющей манифестацией в поддержку Красной армии и открытия второго фронта.

В работе музыкальной секции участвовали многие выдающиеся музыканты Америки: композиторы Аарон Копленд, Рой Харрис, Леонард Бернстайн, Марк Блицстайн, Эли Сигмейтер, дирижеры Дмитрий Митропулос, Фриц Райнер, Андре Костеланец, певица Лили Понс, джазист Бенни Гудмен. Нельзя не вспомнить о большом вкладе в знакомство американского общества с советским песенным творчеством известного негритянского певца Поля Робсона.

Мужественное сопротивление Советского Союза гитлеровскому нашествию вдохновляло некоторых американских композиторов на сочинение новых произведений. Так, ставший позднее знаменитым Рой Харрис в 1942 г. сочинил Пятую симфонию, посвященную «героическому советскому народу». Симфоническое произведение, прославляющее Красную армию и советский народ, создал Мортон Гоулд.

Со своей стороны, творческие круги СССР способствовали более глубокому знакомству соотечественников с достижениями американской культуры. Отдельными книгами и в журналах были напечатаны произведения О. Генри, Дж. Лондона, Марка Твена, У. Уитмена, а также современных авторов Э. Колдуэлла, Э. Синклера, Т. Драйзера и других. На подмост-

ках советских театров были поставлены некоторые пьесы американских авторов. Так, при непосредственном участии находившейся в советской столице Лиллиан Хелман в начале 1945 г. Московский драматический театр с успехом поставил ее драму «Лисички», а другая ее пьеса — антифашистская драма «Стража на Рейне» была поставлена Московским театром им. Ленинского комсомола под названием «Семья Ферелли теряет покой»[255].

С нападением нацистской Германии на СССР представители творческой интеллигенции Великобритании, даже оставаясь оппонентами советской системы, отбросив идеологические разногласия, спешили выразить солидарность с героическим советским народом и его армией.

15 июля 1941 г. письмо на имя руководителя Союза писателей СССР А. А. Фадеева направил Герберт Уэллс. Известный писатель-фантаст считал, что впервые в истории перед вступившими в союз Россией и западными демократиями встала историческая задача — не только «покончить с Гитлером, Муссолини и компанией», но преобразовать мир на новых началах, спасти его богатства от «хищнической эксплуатации, проводимой предприятиями, которые гонятся только за прибылью». Уничтожение «гангстеров и квислингов» (так Г. Уэллс именовал поджигателей мировой войны и их сателлитов), по его утверждению, «будет слишком ничтожной оплатой за величайший героизм, проявляемый нашими народами». Нынешние союзники «могут и должны обеспечить права человека, мировой совместный контроль над транспортом и нефтью и справедливое сохранение и распределение... естественных ресурсов всего мира»[256].

В схожем по содержанию письме А. А. Фадееву 17 июля 1941 г. Бернард Шоу утверждал: «Когда Россия сокрушит Гитлера, она станет духовным центром мира... Наша цивилизация стоит сейчас перед поворотным пунктом, которого ей еще никогда не удавалось преодолеть. И на этот раз Россия должна повести нас вперед или погибнуть»[257].

В те дни общественность Британских островов испытывала жгучую потребность в информации о положении в СССР и ходе военных действий на советско-германском фронте. Ведь на тот момент Советский Союз представлял собой единственную масштабную силу, вступившую, как и Англия, в прямое противоборство с гитлеровской Германией (США до декабря 1941 г. довольствовались ролью «пассивного союзника»). Чтобы удовлетворить этот информационный голод, уже с 11 июля 1941 г. советская сторона стала издавать в Лондоне ежедневную газету «Советские военные новости», которую редактировал известный публицист Эрнст Генри (С. Н. Ростовский). Тематический диапазон издания быстро расширился: от показа непосредственных военных действий путем публикации сводок с советского фронта, приказов командования, сообщений военных корреспондентов оно перешло к освещению жизни в советском тылу, перевода народного хозяйства на военные рельсы, вопросов науки и культуры[258].

В удовлетворении общественного интереса к информации из СССР немаловажную роль играл и ежеквартальный «Англо-советский журнал», издание которого было возобновлено еще до войны. Будучи печатным органом Общества культурных связей между Великобританией и Советским Союзом, журнал практически полностью заполнялся материалами о культуре. Здесь, в частности, публиковались статьи о творчестве А. М. Горького, А. Н. Толстого, И. Г. Эренбурга. К слову, видный прозаик и драматург Дж. Пристли считал И. Г. Эренбурга лучшим пропагандистом в годы войны, о чем он заявил по лондонскому радио.

Важнейшей предпосылкой для развития культурных связей советского и английского народов стало заключение в июле 1941 г. соглашения двух стран о совместных действиях в войне против Германии. Но первые шаги по пути закрепления союзнических отношений не могли сразу устранить напряженность и взаимную подозрительность, накапливавшиеся еще с довоенных времен. Неслучайно британский посол С. Криппс на встрече с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым говорил о наличии трудностей при обмене информацией, объясняя их «недоверием обеих сторон друг к другу в прошлом». Советский нарком в ответ заметил, что с началом войны обстановка изменилась и стороны теперь должны действовать совместно, не допуская недомолвок и мелочности: «В настоящий момент нужны

быстрые решения и действия широкого масштаба, так как противник оказывает сильное давление по всему фронту»[259].

На практике, однако, восстановить доверие оказалось не таким простым делом. Так, в начале июля 1941 г. в Москву в качестве корреспондента газеты «Санди таймс» и радиокомпании Би-Би-Си приехал ставший позднее знаменитым журналист Александр Верт (его перу принадлежит, в частности, книга «Россия в войне. 1941–1945»). В сопровождавших его английских офицерах заподозрили вражеских парашютистов, и они были задержаны милицией. Это дало основание А. Верту написать о настоящей шпиономании, царившей в советской столице. Конечно, это было преувеличением, но то, что советское население в самом начале войны еще не воспринимало англичан как союзников, — очевидно.

Впрочем, англичане платили той же монетой. Когда советский посол И. М. Майский предложил создать совместную комиссию по пропаганде культурных ценностей, то получил от британских министерств иностранных дел и информации отказ. Основание — нежелательность санкционирования пропаганды, которая может иметь результатом «проявление чувства одобрения по отношению к советскому политическому режиму».

Обстановка в политических кругах и среди населения Англии стала разряжаться под влиянием известий о героическом сопротивлении советского народа гитлеровской агрессии. «Внешне, — сообщал И. М. Майский 26 октября 1941 г. в Москву, — это проявляется в том, что все «русское» сейчас чрезвычайно в моде — русские книги, советские фильмы, книги об СССР и т. д.»[260].

В начале 1942 г. в Лондоне на английском языке стало выходить новое издание — «Еженедельник советской войны», его так же, как и газету «Советские военные новости», редактировал Э. Генри. Редакция получала материалы по телеграфу из Москвы от Совинформбюро и старалась освещать военную жизнь в СССР во всех ее аспектах — анализировала ход военных действий, освещала события общественно-политической жизни, посвящала целые полосы состоянию тыла, партизанской войне, культуре, литературе, искусству и даже публиковала художественные произведения. Что немаловажно, в отличие от «Советских военных новостей», которые тиражом от 2 до 11 тыс. экземпляров рассылались бесплатно политическим, общественным и военным деятелям, «Еженедельник советской войны» имел куда более широкую и демократическую аудиторию, поскольку, выходя тиражом в 50 тыс. экземпляров, продавался в розницу.

Удовлетворяя возросший спрос на литературу из СССР, английские книгоиздатели начали публиковать в переводе с русского языка книги и очерки советских писателей, созданные уже в дни войны. Как вспоминал И. М. Майский, задумались и о том, «нельзя ли сделать что-либо еще для воспитания и укрепления веры англичан в несокрушимую волю советских людей быть и остаться великим народом с великим будущим?». Результатом этих «раздумий» стал выпуск в короткий срок в одном из крупнейших лондонских издательств «Макмиллан» эпопеи Л. Н. Толстого «Война и мир» на английском языке, да еще с картами и приложениями. Книга сразу стала бестселлером, помогая англичанам преодолевать пораженческие настроения в отношении перспектив на советско-германском фронте, столь широко распространенные сразу после 22 июня 1941 г.

Тогда же была издана монография Е. В. Тарле «Нашествие Наполеона на Россию». «Конечно, — вспоминал мемуарист, — она не имела такой широкой аудитории, как роман Толстого. Ее читали главным образом в интеллигентских кругах, особенно политики, журналисты, историки, военные. Читали внимательно и невольно делали сравнения с днями второй мировой войны. И так как этот слой читателей играл большую роль в парламенте, в прессе, в армии и флоте, в различных государственных учреждениях, то политический эффект произведения Тарле был, пожалуй, не меньше, чем эффект великой эпопеи Льва Николаевича»[261].

Со временем литературы, переведенной с русского на английский язык, непосредственно на Британских островах издавалось все больше. Полной статистики нет, но из отчетных документов ВОКС известно, что, например, с июля 1943 по март 1944 г. издательством «Хат-

чинсон» было выпущено 25 наименований книг общим тиражом почти 220 тыс. экземпляров. Причем все они без исключения были написаны советскими авторами: А. Н. Толстым, М. А. Шолоховым, К. М. Симоновым, Л. М. Леоновым и другими. Характерно, что здесь же были изданы биография В. И. Ленина и книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза»[262].

Во имя расширения представлений соотечественников об СССР и его народе немало поработали и английские авторы. В 1942 г. увидели свет книги П. Слоана («Страна, имеющая план» и «Россия сопротивляется»), А. Монтегью («Красная Армия»), М. Эдельмана («СССР за Уралом»), Д. Губерта («Труд и промышленность в Советском Союзе»)[263].

Постепенно в практику культурного обмена наших стран стали входить недели дружбы с Советским Союзом. Одна из первых была организована в январе 1942 г. в Ковентри. В ходе нее были прочитаны доклады об СССР, исполнялась советская и британская музыка, демонстрировались фильмы, состоялись выставки[264]. Налаживались прямые связи между СМИ и информационными агентствами обеих стран, в первую очередь, между Би-Би-Си и Совинформбюро. В 1942 г. из Москвы в распоряжение радиокорпорации была направлена 251 статья, в 1943 г. — 933, в январе — мае 1944 г. — 356. Да и в целом на Британские острова приходилось больше половины материалов, которые Совинформбюро направляло за рубеж, например, в 1943 г. — 8812[265].

В 1942 г. в Великобритании была налажена работа ВОКС. На смену безынициативному сотруднику на пост уполномоченного общества пришел второй секретарь советского посольства В. В. Зонов. При его участии местный ОКС, общество «Россия сегодня» и Национальный совет британо-советского единства организовали в Лондоне 7 ноября 1942 г. многолюдный митинг, посвященный 25-й годовщине Октябрьской революции. Особый колорит митингу, как сообщал В. В. Зонов руководителю ВОКС В. С. Кеменову, придало озвучивание на английском языке текста речи советского вождя, произнесенной им на торжественном собрании в Москве накануне, 6 ноября. Речь зачитал популярный актер, драматург и на тот момент диктор Би-Би-Си Джозеф Маклауд. Последний, говорилось в сообщении, «прочел речь т. Сталина исключительно хорошо, с подъемом, и вся аудитория в количестве 10 тысяч человек прослушала речь т. Сталина стоя». К этой же дате была устроена выставка «25 лет СССР», которую посетили 2 млн человек (в США такую же выставку увидели 5 млн)[266].

Прямым следствием упрочения межсоюзнических отношений между СССР, Великобританией и США стало создание в июне 1942 г. в Москве Англо-американской ассоциации печати (ее возглавил А. Верт), что позволило улучшить работу корреспондентов из стран-союзников на территории СССР, полнее обеспечивать их необходимой информацией, распространяемой затем через прессу Англии и США. Несмотря на ограничения, накладывавшиеся МИДом, органами внутренних дел, цензурой, военными властями СССР, члены ассоциации смогли запечатлеть в своих статьях, репортажах, корреспонденциях практически все значительные события войны на фронте и в советском тылу, встречались с советскими военачальниками и рядовыми солдатами, наркомами и подростками, вставшими в 14—15 лет к станку, чтобы заменить ушедших в действующую армию отцов, с партизанами и немецкими военнопленными.

«Невероятной человеческой стойкости» советских людей поразился глава ассоциации А. Верт, который в ставшей широко известной книге «Россия в войне 1941—1945» дал западному читателю дополнительную пищу для размышлений о «загадочной русской душе». «В большинстве мест условия жизни были ужасающие, зачастую не хватало продовольствия, — рисовал объективную картину англичанин. — Люди работали, ибо знали, что это абсолютно необходимо, и они не отходили от станков по двенадцать, тринадцать, четырнадцать часов в сутки, они «жили на нервах», они понимали, что никогда еще их работа не была так нужна»[267].

Однако не следует идеализировать положение, в котором находились иностранные корреспонденты. Многое им не показывали (и не только по причине военной тайны), кроме того, они подчинялись требованиям цензуры.

В то же время контакты с англичанами (как и с американцами) не были улицей с односторонним движением. Советские люди также получали возможность знакомиться с лучшими достижениями британской культуры. Заметную роль здесь играл журнал «Интернациональная литература», который уже с конца 1941 г. стал публиковать материалы о творчестве английских писателей, русско-британских литературных связях, давал критические литературные обзоры. В отделе хроники помещались материалы, рассказывавшие о движении солидарности с советским народом в разных странах.

В августе 1942 г., несмотря на охлаждение в тот период политических отношений из-за отказа союзников открыть второй фронт, на русском языке в Куйбышеве вышел первый номер газеты «Британский союзник», издаваемый посольством Великобритании. В первом номере были помещены обращения к советским читателям У. Черчилля, министра иностранных дел А. Идена, министра информации Б. Брэкена. На территории СССР «Британский союзник» (тираж 50 тыс. экземпляров) выполнял примерно ту же функцию, что «Еженедельник советской войны» в Англии, давая советским читателям представление о делах британской армии и жизни населения в условиях войны, публикуя дайджесты английской прессы. Со временем на его страницах появились корреспонденции о северных конвоях, рассказы о британских подданных, удостоенных советских государственных наград, познавательные материалы об английской культуре. Публиковались даже фрагменты произведений британских писателей. Трудно представить, но газета выходила даже в условиях разгорающейся холодной войны до конца 1949 г. Британский совет в 1943 г. передал Центральной библиотеке иностранной литературы в Москве большую подборку книг по литературоведению, языкознанию, а также художественную литературу и справочники.

Свой вклад в утверждение взаимопонимания между народами двух стран, в наращивание общих усилий по разгрому врага вносили и музыканты. Так, Ноттингемское общество гармонии отметило 25-летие Красной армии большим концертом советской музыки, сбор от которого был направлен на нужды одного из сталинградских госпиталей. Прямые контакты установили друг с другом хор Большого театра Союза ССР и лондонское хоровое общество «Орфеус», Московская консерватория и Королевская академия музыки. Письмами и партитурой вновь сочиненных произведений обменивались композиторы Т. Н. Хренников и А. Рауторн, Р. М. Глиер и С. Скотт, профессор Московской консерватории альтист В. В. Борисовский и Л. Тертис, дирижер В. В. Небольсин и В. Вильямс[268].

Британский кинематограф, в отличие от американского, сделал в плане культурного обмена с СССР немного. Историки кино называют лишь один фильм — «Полурай», который, рассказывая о строительстве на английской верфи судна, предназначенного для Советского Союза, затрагивал тему союзничества. К сожалению, остался нереализованным замысел экранизации романа «Война и мир», который родился после издания эпопеи Л. Н. Толстого на английском языке. Кинорежиссер А. Корда переписывался при подготовке к съемкам с С. М. Эйзенштейном, ВОКС оказало ему помощь, но по разным причинам от замысла пришлось отказаться.

23 февраля 1943 г. при активном участии советского посольства и британского Министерства информации в Лондоне была устроена большая выставка «25 лет СССР и Красной Армии». Позади была победоносная Сталинградская битва и победа союзников при Эль-Аламейне, и некоторая часть политических кругов и населения оказалась во власти эйфории. Поэтому, открывая выставку, советский посол И. М. Майский заявил: «Как ни радостны наши победы (под Сталинградом), как ни ценны успехи вашей восьмой армии (в Африке), было бы величайшей ошибкой думать, что фашистская Германия уже дышит на ладан... Кое-где, в кое-каких кругах люди начинают думать, что немцы уже бегут, что победа вот-вот за углом, что в силу этого можно уже несколько разогнуть спину и вернуться к чувствам, привычкам, интересам мирного времени. Нет ничего опаснее такого настроения!»

Советская выставка удалась, от посетителей не было отбоя. В наиболее престижном концертном зале Лондона Альберт-холле британским правительством было устроено торжественное чествование Красной армии. По адресу Советского Союза отовсюду неслись слова

благодарности и восторженных похвал, но, как заметил И. М. Майский, «дело вторжения в Северную Францию весной 1943 г. никак не двигалось вперед»[269].

Проблема открытия второго фронта осложняла межгосударственные политические отношения с Лондоном так же, как и с Вашингтоном, и не могла не сказываться и на уровне культурных контактов. По воспоминаниям Э. Генри, в редактируемые им газеты из Москвы непрерывно направлялись статьи с одним вопросом: «Где же второй фронт? Почему его не открывают, хотя при крайнем напряжении советских сил на востоке он срочно нужен?» Несмотря на недоброжелательность и даже раздражение английских властей и отдельных функционеров, руководимый Э. Генри еженедельник настойчиво публиковал такие статьи вплоть до июня 1944 г.

Аналогичными материалами Совинформбюро и ВОКС снабжали и английские газеты. И хотя было ясно, что будут опубликованы далеко не все из них, их отправка рассматривалась как своеобразное психологическое давление. Британским редакторам и журналистам, а через них и общественности давали понять, что постоянные отсрочки с открытием второго фронта вызывают в СССР и недоумение, и обиду на союзников: «Нужны согласованные действия не на словах, а на деле»[270].

Когда же второй фронт стал, наконец, явью, создалась, казалось бы, более благоприятная, чем ранее, атмосфера и для культурных контактов союзников. Но серьезной активизации таких контактов между Москвой и Лондоном не произошло. Чем ближе было к концу войны, тем явственнее советскими директивными органами стала проводиться линия на непримиримость социалистической и буржуазной идеологии, что прямо отражалось на работе ВОКС, Совинформбюро, творческих союзов, органов печати, о чем еще будет сказано ниже.

Из сколько-нибудь заметных акций этого периода следует назвать организацию в мае 1945 г. при посредничестве ВОКС визита в СССР настоятеля Кентерберийского собора Хьюлетта Джонсона. В свое время в Англии была издана книга «Правда о религии в СССР», которую по просьбе священноначалия РПЦ перевели на английский язык и напечатали с предисловием архиепископа Кентерберийского У. Темпла. Как и издание книги, визит преподобного Х. Джонсона, правой руки архиепископа У. Темпла, должен был продемонстрировать Западу, что со свободой совести в Советском Союзе проблем, в отличие от довоенных времен, нет. Это было, разумеется, далеко от истины, но во имя сохранения союзнических отношений наших стран служители англиканской церкви старались не заострять на этом внимания.

Научные контакты с союзниками со стороны Советского Союза осуществлялись главным образом по линии Академии наук СССР. Уже на следующий день после начала войны состоялось внеочередное расширенное заседание Президиума АН СССР, который, выразив горячее желание немедленно включиться в решение проблем обороны страны, постановил: обязать все отделения и научно-исследовательские учреждения пересмотреть тематику и методы исследовательских работ, направив всю творческую инициативу и энергию научных работников на выполнение задач по укреплению военной мощи СССР; обеспечить научными силами и средствами научно-исследовательские работы по оборонной тематике; закончить научно-исследовательские работы, могущие получить применение в обороне и в народном хозяйстве.

Видные ученые Академии наук СССР во главе с ее президентом академиком В. Л. Комаровым обратились к ученым всех стран с призывом сплотить свои силы для защиты человеческой культуры от гитлеровских варваров, «чтобы предотвратить возврат к средневековью, задержку роста мировой культуры на многие поколения, которую несет с собою озверелый фашизм»[271].

Откликаясь на послание АН СССР «К ученым всех стран», Лондонское Королевское общество 31 июля 1941 г. направило в Москву встречное обращение с выражением уверенности в том, что совместные усилия научной общественности Советского Союза и Великобритании «предохранят науку от уничтожения той свободы, в условиях которой процветала работа великих ученых обеих наших стран, увековеченная в делах прошлого и в достижениях настоящего»[272].

Аналогичные телеграммы прислали в первые дни войны Гарвардский и Кембриджский университеты, Лондонская школа восточных и африканских наук, многие другие научные центры США и Великобритании, а также десятки ученых от себя лично. Конечно, эти послания, пришедшие в адрес Президиума АН СССР, академических учреждений и отдельных советских ученых, имели в большей степени морально-психологическое значение. Тем не менее закладывалась прочная база для укрепления контактов ученых стран антигитлеровской коалиции и их перевода на практические рельсы. Научное сотрудничество, помимо решения непосредственных задач — добычи новых знаний и их использования в интересах грядущей победы над силами нацизма и милитаризма, выступало и как важнейшая форма утверждения духа доверия и взаимопонимания между странами антигитлеровской коалиции.

Кроме АН СССР важными каналами сообщения между советскими и западными учеными стали ВОКС и созданный весной 1942 г. Антифашистский комитет советских ученых (АКСУ) во главе с академиком Н. С. Державиным (заместители — академики П. Л. Капица, Е. М. Ярославский и А. Е. Ферсман). Основной задачей этого комитета (как и аналогичных антифашистских комитетов — советской молодежи, советских писателей, советских женщин и Еврейского антифашистского комитета), по замыслу директивных инстанций, была просоветская пропаганда за рубежом. Через АКСУ и ВОКС советские ученые обращались к своим западным коллегам с призывами использовать их влияние на правительства для организации эффективной помощи Советскому Союзу и скорейшему открытию второго фронта в Европе.

Председатель АКСУ академик Н. С. Державин, выступая 7 мая 1942 г. на общем собрании АН СССР, заявил, что задача комитета — «сплотить ученых всего мира для объединенной борьбы с гитлеризмом в целях разоблачения его хищнической и разбойничьей природы и участия в деле его полной ликвидации». Комитет планировал решать эту задачу путем установления и поддержания связи с научными учреждениями за границей, включая публикации статей советских ученых в заграничной прессе, а также получение информации о научной жизни в Европе и Америке[273].

Ключевую роль в осуществлении двустороннего обмена научной литературой играла Библиотека АН СССР. Здесь был создан отдел иностранного комплектования, который выписал из-за рубежа 705 монографий и 510 комплектов периодических изданий. По имеющимся данным, в 1944 г. АН СССР обменивалась литературой с 413 зарубежными научными учреждениями, в том числе в Австралии — 22, в Англии — 102, в Индии — 6, в Канаде — 21, в Новой Зеландии — 4, в Южной Африке — 20. Издававшиеся на английском языке «Доклады Академии наук СССР» рассылались по 520 зарубежным адресам, «Физико-химический журнал» — по 295, «Физический журнал» — по 291 адресу[274].

В 1942 г. общее собрание Академии наук СССР избрало почетными членами академии ряд выдающихся ученых зарубежных стран, в том числе американских — лауреата Нобелевской премии физика Эрнеста Лоуренса, физиолога Уолтера Кеннона, физико-химика Гилберта Льюиса и британских — президента Лондонского Королевского общества, лауреата Нобелевской премии нейробиолога Генри Дейла и биолога Джона Холдейна. Профессор Г. Льюис откликнулся на это известие телеграммой, в которой писал: «Я весьма польщен этим включением меня в знаменитую группу русских ученых. Особенно горжусь в настоящее время быть в нации героев»[275].

В Соединенных Штатах Америки складывание системы организаций, как правительственных, так и неправительственных, которые занимались установлением научных контактов с СССР, шло на протяжении почти всей войны. В августе 1941 г. возник Комитет помощи русским в войне — разветвленная организация, выросшая с 16 местных отделений в 1941 г. до 500 отделений в 413 городах к концу войны. Как подчеркивалось в справке ВОКС и исполкоме обществ Красного Креста и Красного полумесяца СССР, подготовленной в 1946 г., в радиопередачах, статьях, листовках, обращениях комитета неизменно подчеркивалась мысль, что помощь Советскому Союзу — не филантропия, а выполнение гражданского долга: «Помогая России — ты помогаешь США»[276]. Своей главной целью он определил сбор

частных пожертвований и закупку для нужд населения СССР и воинов Красной армии лекарств, медицинских препаратов и аппаратуры, продуктов питания, одежды. Всего за время войны по линии комитета Советскому Союзу была оказана помощь на сумму около 70 млн долларов[277]. Одновременно решались и вопросы научных и культурных контактов с СССР.

В ноябре 1942 г. возник Национальный совет американо-советской дружбы, а в декабре следующего, 1943 г., при нем был образован Комитет ученых, который взял на себя организацию и поддержание контактов с коллегами из СССР. Наконец, в 1944 г. также при Национальном совете американо-советской дружбы родилась еще одна неправительственная организация — Американо-советское научное общество во главе с известным генетиком профессором Лешли Данном[278]. Все эти организации были основаны специально для того, чтобы облегчить связи между советскими и американскими учеными, укрепить обмен идеями через публикации, конференции и переписку, который был нарушен годами изоляции и войны.

Возникали и активно действовали и специализированные структуры. В 1943 г. было создано Американо-советское медицинское общество во главе с известнейшим физиологом профессором Гарвардского университета Уолтером Кенноном, председателем Американской медицинской ассоциации и, что немаловажно, личным другом великого русского физиолога И. П. Павлова. Общество всемерно ратовало за прочные контакты между нашими народами перед лицом общей опасности, популяризировало достижения советских ученых-медиков на страницах выпускаемого им «Американского обозрения советской медицины».

Такого рода стремлениями были проникнуты и многие другие ученые США. Профессор Стюарт Мэдд из Пенсильванского университета, выступая в 1944 г. на обеде, организованном Американо-русским институтом (АРИ) в Нью-Йорке, отметил прямую связь между большими достижениями советской науки и блестящими успехами русского оружия. Он призвал стремиться к тесному сотрудничеству между советскими и американскими учеными и взаимному ознакомлению с научными достижениями, предложил наладить после войны обмен учащимися, профессорами и исследователями, учредить в американских университетах стипендии имени великих русских ученых для советских студентов, знающих английский язык[279].

Усилиями энтузиастов с обеих сторон налаживался процесс обмена научной и научно-технической информацией. Так, в ноябре 1943 г. по запросу Наркомата путей сообщения из США были получены обширные материалы о паровозо-вагонном хозяйстве, организации железнодорожного обслуживания.

Советские медики в апреле 1943 г. получили от своих американских коллег 10 докладов по наиболее важным вопросам борьбы с эпидемиологическими заболеваниями. В свою очередь, в Московским городском научно-исследовательском институте скорой помощи им. Н. В. Склифосовского приняли американскую хирургическую миссию для обмена опытом лечения пулевых и осколочных ранений. Ученые из США посетили ряд научных учреждений и участвовали в конференциях, в ходе которых получили ценную информацию о методах лечения, применяемых советскими медиками.

Возобновились прерванные ранее контакты между генетиками двух стран: был организован обмен научной литературой, на страницах главного американского научного журнала «Сайенс» были опубликованы статьи советских генетиков А. Р. Жебрака и Н. П. Дубинина. Силой своего авторитета американские ученые даже пытались помочь коллегам из СССР преодолеть монополизм школы Т. Д. Лысенко[280].

Стороны сотрудничали и в области сельскохозяйственной науки. С захватом японцами Юго-Восточной Азии — основного поставщика в США натурального каучука — в автомобильной промышленности страны сложилась напряженная ситуация, поскольку химическая наука не обладала знаниями, необходимыми для производства искусственного каучука. По запросу из Вашингтона власти СССР в конце 1942 — начале 1943 г. предоставили около 100 кг семян каучуконосных растений, произрастающих в Средней Азии. Одновременно была достигнута договоренность о создании двусторонней технической комиссии в области производства синтетического каучука[281].

После того как в марте 1943 г. НКИД СССР и Госдепартамент США согласовали вопрос об обмене атташе по сельскому хозяйству, в Москву прибыл доктор Л. Майкл. Он установил прочные контакты с ВАСХНИЛ и Наркоматом земледелия, ознакомился с особенностями выращивания каучуконосов, масличных культур, посетил ряд колхозов и машинотракторных станций. О результатах сотрудничества дает преставление письмо, направленное спустя год из посольства США в НКИД: «Он (Майкл. — *Прим. ред.*) получил информацию из первых рук, касающуюся научных работ в области сельского хозяйства в Советском Союзе. Результаты этих исследований оказались в высшей степени ценными для специалистов по сельскому хозяйству в Соединенных Штатах»[282].

Свою лепту вносили и специалисты гуманитарного профиля. В 1944 г. И. А. Кашкиным (он был не только исследователем, но и талантливым переводчиком англоязычных авторов) была защищена первая в СССР диссертация о творчестве Э. Хемингуэя. Не жаловавший литературоведов писатель, однако, отдал советскому ученому должное, аттестовав И. А. Кашкина (в личном письме К. М. Симонову) как «лучшего из всех критиков», которые когда-либо занимались разбором его творчества.

Некоторые научные организации США включили ряд видных советских ученых в свой состав в качестве почетных иностранных членов. Так, математик академик И. М. Виноградов был в 1942 г. избран членом Американского философского общества в Филадельфии, а основоположник советской биохимии академик А. Н. Бах — почетным членом Американского химического общества. Физика академика П. Л. Капицу, будущего лауреата Нобелевской премии, в 1944 г. избрали почетным членом Института Франклина и наградили медалью им. Франклина.

Свидетельством большой заинтересованности британских ученых в расширении контактов с коллегами из СССР стало заметно усилившееся в первые же месяцы войны их внимание к достижениям науки в нашей стране. Состоялась целая серия конференций, чтений, заседаний ученых советов, посвященных обсуждению этой проблематики. Так, на заседании Лондонского окружного комитета в августе 1941 г. с участием 200 ученых была обсуждена тема «Наука в Советском Союзе». С докладами выступили биохимик доктор Дж. Нидхем и физик доктор М. Руеманн. В 1942 г. сектор науки при Доме К. Маркса в Лондоне провел публичные чтения, посвященные науке и технике в СССР. С их трибуны выступили профессор Дж. Бернал, говоривший о достижениях физической науки в СССР, Х. Ваульз, остановившийся на проблемах электрификации в Советском Союзе, Н. Генри, осветивший вопрос о роли геологии в советской экономике, Дж. Файф, коснувшийся полемики по вопросам генетики.

В литературе высказывалась точка зрения, что такого рода активность и заинтересованность английских деятелей науки свидетельствовали, с одной стороны, об искренней симпатии к нашей стране, несшей на своих плечах основное бремя войны с фашизмом, а с другой — о готовности под влиянием этой симпатии отчасти поступиться объективностью в оценке достижений советского общества в предвоенный период в целом и науки в частности, обойти молчанием негативные явления и процессы советской действительности. Причины были разные: и искреннее желание укрепить престиж советской науки в глазах английской и мировой общественности, и банальное неведение, объяснявшееся закрытостью сталинского государства[283].

Так или иначе, англичане со свойственной им деловитостью взяли инициативу реального сближения ученых двух стран на себя. Еще до конца лета 1941 г. Ассоциация научных работников, объединявшая в своем составе 80 местных комитетов и насчитывавшая примерно 15 тыс. членов, выдвинула конкретную программу двустороннего сотрудничества, включавшую в себя взаимное направление делегаций молодых ученых, обмен научной литературой и фильмами и прочее.

Стали возникать и новые структуры. Одни — как Британский совет по культурным связям и Англо-советский комитет научного сотрудничества (во главе с Дж. Расселом) — создавались при правительственных органах, в данном случае при Министерстве информации. Другие

представляли собой неправительственные научные ассоциации: Фарадеевское общество, научная секция Общества культурных связей с Советским Союзом и другие[284]. К последним относился и образованный в начале сентября 1941 г. в Лондоне Англо-советский медицинский комитет под председательством А. Вебб-Джонсона. По понятным причинам представители научной специальности, которая особенно востребована в период войны, не могли оставаться в стороне. Этот комитет начал заниматься не только просветительской (путем проведения лекций и выставок о научной жизни в СССР), но и практической деятельностью — оказывал содействие в приобретении для нужд Красной армии медицинского инструментария, способствовал обмену научной информацией, включая такой путь, как публикация статей советских медиков в английских научных изданиях. Комитет сразу ориентировал советских коллег на открытость контактов, обращаясь 24 сентября 1941 г. к членам Академии медицинских наук СССР со следующими словами: «Англо-советский медицинский комитет будет очень рад дать всякую информацию или ответить на любые вопросы по медицинским проблемам, которые вы от него запросите»[285].

Система организаций, занимавшихся научным обменом с Советским Союзом, в основном сложилась довольно быстро — к весне 1942 г. и на всем протяжении войны показала себя достаточно эффективно. В этом процессе важную роль играла пресса, прежде всего специализированные научные издания: «Нейчур», «Дискавери», «Бритиш медика джорнэл», «Сайнтифик уоркер», «Англо-совьет джорнэл». Крупнейший из них — журнал «Нейчур» только за вторую половину 1941 г. — первую половину 1942 г. опубликовал статьи об основных направлениях советской науки и ее международных связях, в том числе «Современная наука и техника в СССР», «Биологическая наука в СССР», «Фарадеевское общество и СССР», «Британские химики и СССР» и другие. В 1943 г. в том же журнале были опубликованы статьи вице-президента АН СССР академика А. А. Байкова «Академия наук СССР (план работы на 1943 г.)», академика Н. Н. Семенова «Развитие кинетической химии в Советском Союзе», профессора Д. Д. Иваненко «Теоретическая физика в СССР за 25 лет» и другие. В конце 1944 г. «Британский союзник» опубликовал обширную статью, содержавшую отклики английской прессы на новейшие достижения советских ученых в области физики, биологии, медицины.

Британская сторона по дипломатическим каналам даже пыталась организовать обмен миссиями ученых и медиков-практиков, высказав особый интерес к возможному визиту на Британские острова выдающегося советского физика академика П. Л. Капицы, как известно, еще в 1920–1930-е гг. работавшего в Кембридже, и директора Всесоюзного института экспериментальной медицины члена-корреспондента АН СССР Н. И. Гращенкова. Правда, когда посол С. Криппс в октябре 1941 г. поднял этот вопрос в беседе с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским, то получил очень неопределенный ответ: «Советское правительство не имеет возражений против обмена информацией и медицинскими материалами. Что же касается направления в Англию советских медицинских ученых... то в настоящее время осуществить это не представляется возможным ввиду крайней занятости наших ученых текущей работой»[286]. Так что первая научная делегация из СССР побывала в Лондоне лишь в конце 1944 г.

Истоки такой сдержанности советских властей коренились, кроме всего прочего, в подозрительности, с какой они встречали некоторые инициативы британской стороны, вполне допуская, что научные структуры использует в своих интересах разведка. Тем не менее взаимное стремление к сотрудничеству позволяло преодолевать подозрительность и недоверие.

Несмотря на то что летом и осенью 1942 г. обстановка на советско-германском фронте была крайне напряженной и советские люди на фронте и в тылу напрягали все силы, чтобы остановить противника, устремившегося к Волге и на Кавказ, и казалось бы, было не до конференций и выставок, научные контакты представителей двух стран развивались. В июле 1942 г. в советской столице прошла целая серия мероприятий, посвященных 100-летию дарвиновской теории происхождения видов и объединенных рамками Дарвиновских дней. Состоялась специальная сессия Русского общества испытателей природы, чьим почетным членом был Чарльз Дарвин, на сессии с докладами выступили основатель и директор Государ-

ственного Дарвиновского музея, открытого в Москве еще в 1907 г., А. Ф. Котс и профессора В. А. Варсонофьева и Б. С. Матвеев. В Центральном зоологическом музее МГУ была открыта выставка, посвященная 100-летию дарвиновской теории.

В сентябре того же 1942 г. состоялась англо-советская научная выставка, организованная Московским университетом. На ней были представлены материалы о связях МГУ с английскими университетами и другими научными учреждениями, выпущенные университетским издательством произведения крупнейших британских ученых, письма деятелей науки, в том числе неопубликованная переписка британского физика лорда Кельвина (У. Томсона) с почетным членом Кембриджского университета Н. А. Умовым, а также материалы о работе московских профессоров в Англии.

1943 г. был отмечен невиданным ранее событием: 11 июля одновременно в Москве и в Лондоне прошли антифашистские митинги ученых. Деятели науки обеих стран во весь голос заявили о солидарности своих народов в борьбе с общим врагом — гитлеризмом.

Центральным событием года стало празднование в СССР 300-летия со дня рождения Исаака Ньютона. Торжествам предшествовал важный и волнующий эпизод, о котором так вспоминал посол СССР в Великобритании И. М. Майский: «Знаменитое Королевское общество (так называется в Англии Академия естественных наук) решило сделать памятный подарок Академии наук СССР: первое издание «Принципов» Ньютона (труд «Математические начала натуральной философии», изданный в 1687 г. — *Прим. ред.*) и письмо Ньютона как председателя Королевского общества (оно существовало уже тогда) с сообщением об избрании его членом известного Александра Меншикова. Оба подарка были в торжественной обстановке переданы мне для пересылки президиуму Академии наук СССР»[287].

Под редакцией академика С. И. Вавилова Академией наук была выпущена книга «Исаак Ньютон (1643–1727). Сборник статей к 300-летию со дня рождения». Часть статей была прямо посвящена влиянию идей великого ученого на развитие науки и культуры в России. По случаю 300-летия И. Ньютона в Москве состоялось торжественное заседание АН СССР, на котором присутствовали 950 представителей отечественной научной общественности, а в качестве гостей — сотрудники британского посольства. От имени Лондонского Королевского общества на заседании выступил его почетный иностранный член академик П. Л. Капица. Президент АН СССР академик В. Л. Комаров имел полное основание заявить с трибуны, что в борьбе со злейшим врагом культуры — гитлеровской Германией «мы стоим в одних рядах с родиной Ньютона. Наша окончательная победа обеспечена союзом трех величайших демократий: Англии, США и Советского Союза. Нас объединяют общие идеалы свободы и культуры, одним из лучших представителей которой был Ньютон»[288].

Сотрудничество шло и по другим направлениям. Так, в июле 1943 г. в составе представительной делегации хирургов из союзных стран Москву посетила группа британских ученых. Они побывали в ряде медицинских НИИ и госпиталей столицы, а также совершили поездку на фронт.

Новый импульс советско-британские научные связи приобрели в 1944 — начале 1945 г. Расширились возможности для обмена информацией по большинству направлений научных исследований. Так, находившийся в Лондоне в качестве уполномоченного Союза советских обществ Красного Креста и Красного Полумесяца директор московского Института мозга профессор С. А. Саркисов выступил перед членами Лондонского Королевского общества фармакологов и фармацевтов с докладом о советском здравоохранении в мирное и военное время, а также опубликовал в «Бритиш медикал джорнэл» статью о работе советских ученых в области высшей нервной деятельности. Этот же журнал в феврале 1945 г. поместил материал, содержавший высокую оценку достижений советской военной хирургии и протезного дела.

Эта публикация подвела своеобразный итог первого за период войны визита в Лондон делегации советских медиков в составе директора Московского института травматологии и ортопедии профессора Н. Н. Приорова и директора Харьковского травматологического института А. П. Котова, целью которых было ознакомление с опытом британских коллег в области протезирования. Советские специалисты были приняты главой британского «Фонда

помощи России» супругой премьер-министра К. Черчилль, выразившей готовность помочь средствами фонда в закупке оборудования для протезного завода в СССР.

В свою очередь, весной 1944 г. нашу страну посетили представители Оксфордского университета профессор Г. Флори и доктор Д. Сандерс, которых принимали коллективы Института переливания крови, Института патологии и терапии интоксикаций, лабораторий профессора З. В. Ермольевой и академика Я. О. Парнаса. В ходе общения шел обмен новейшей информацией по вопросам производства и практического применения пенициллина в госпиталях и на поле боя. Руководитель британской делегации передал советским коллегам штаммы плесневого гриба пенициллинума, а также ряд научных материалов, изданных у него на родине по указанной проблеме.

Отрадно, что сотрудничали представители не только естественных наук, но и гуманитарии. В журнале «Совьет уор ньюс» была опубликована статья профессора МГУ В. М. Лавровского «Изучение Англии в СССР», где сообщалось о трудах советских специалистов по истории страны-союзницы. Академик Е. А. Косминский вступил в переписку с британским коллегой профессором В. Минорски с предложением о взаимной информации о том, что делается учеными обеих стран в области исторической науки.

Признанием большого авторитета советской науки на Британских островах стало избрание наиболее выдающихся ученых из СССР в состав научных обществ Великобритании и награждение медалями этих обществ. Профессора И. М. Виноградов и Н. И. Вавилов были избраны почетными членами Лондонского Королевского общества, академики А. Н. Бах, Н. Д. Зелинский и А. Н. Фрумкин — Английского научного общества химической промышленности, профессор Н. Н. Бурденко и доктор С. С. Юдин — Королевской коллегии хирургов, историк академик Е. В. Тарле — иностранным сочленом Британской академии наук. В Королевское физическое общество вошел академик А. Ф. Иоффе, а в Британское общество инженеров-кораблестроителей — академик А. Н. Крылов.

Сотрудничество в рамках антигитлеровской коалиции с точки зрения советского руководства ни при каких условиях не распространялось на сферу идеологии. А именно в этой плоскости руководство ВКП(б) рассматривало культурные (в широком понимании этого слова) связи Советского Союза с его западными союзниками и потому полностью подчиняло их интересам своей актуальной политики, в том числе и на международной арене. Кредо советских пропагандистских органов предельно четко выразил секретарь ЦК ВКП(б), начальник Советского информационного бюро, а с лета 1942 г. еще и начальник Главного политического управления РККА А. С. Щербаков: «Основным принципом нашей работы должно быть такое железное правило, от которого не отступить и которое неукоснительно проводить. Это правило такое — использовать газеты, журналы, радио, черта, дьявола, сатану, кого угодно, но в интересах нашего советского дела, и ни в коем случае не позволять, чтобы тебя использовали»[289].

Проявления наступательного характера советской культурной пропаганды наблюдались еще до того, как война достигла своего экватора. НКИД СССР и ВОКС, например, прямо пытались осуществлять руководство деятельностью Американо-русских институтов культурного сближения — системы из пяти неправительственных организаций, возникших еще в 1920-е гг. Так, в справке для служебного пользования, подготовленной 2 апреля 1943 г. в ВОКС, подчеркивалось, что американо-русские институты «фактически могут и должны явиться центрами ВОКСовской пропаганды в США в форме углубленной научно-просветительской информации о Советском Союзе»[290]. Эту цель планировалось достичь всеми возможными путями — тщательным контролем мероприятий, организуемых АРИ, участием в планировании их работы, лоббированием тех или иных «подходящих» кандидатур в состав правления, руководством работой журнала и снабжением его статьями соответствующей идеологической окраски.

Ярко выраженная идейная направленность была основным требованием, предъявлявшимся руководством Совинформбюро и ВОКС к материалам, которые предназначались для публикации в зарубежной научной печати. В ряде случаев в вину авторам статей, подготов-

ленных членами АКСУ, ставились аполитичность, одностороннее подчеркивание влияния западной культуры на русскую и, если прибегнуть к политической терминологии конца 1940-х гг., «преклонение перед иностранщиной». В обзоре писем иностранных деятелей культуры, подготовленном руководством ВОКС для директивных органов, констатировалось, что лишь с началом войны недопустимое «внеполитическое, олимпийски безмятежное общение» иных советских «мужей науки и искусства» с иностранными коллегами сменилось новым, «боевым» типом взаимоотношений. Благодаря этому зарубежные деятели стали выходить за узкопрофессиональные рамки и брать на себя функции «пропагандистов, распространителей материалов о Советском Союзе, ими получаемых»[291].

А вот каналы встречной информации, могущей воздействовать на советское население, стали перекрываться. Уже в феврале 1943 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) был закрыт орган Союза писателей СССР журнал «Интернациональная литература». О причинах закрытия журнала в решении высшего парторгана не говорилось, но они выявляются при знакомстве с материалами собрания работников аппарата ЦК ВКП(б) по выборам суда чести 29 сентября 1947 г. (на нем присутствовали все члены Политбюро во главе с И. В. Сталиным). В докладе секретаря ЦК А. А. Кузнецова прямо говорилось, что «издание этого журнала было прекращено в связи с тем, что этот журнал стал проводником англо-американской буржуазной литературы и наносил политический вред Советскому Союзу... Идеализируя общественный строй и условия жизни в Англии и Америке, журнал превратился в рупор англо-американской пропаганды в нашей стране»[292].

Тенденция политизации международных гуманитарных связей СССР сохранялась на протяжении всей войны, определяя характер деятельности Совинформбюро, ВОКС и АКСУ. Стоило возникнуть какой-либо коллизии, осложнявшей союзнические отношения в военной или политической сфере, как это синхронно отражалось на интенсивности и характере научных и культурных контактов.

Осенью 1942 г. США устроили, по характеристике советских дипломатов, «весьма подозрительные манипуляции» и проволочки с подписанием так называемого Второго протокола о поставках по ленд-лизу[293]. В сложившейся ситуации было расценено излишним пропагандировать столь ненадежного союзника. В связи с этим в материалах, направленных в страны Латинской Америки в последнем квартале 1942 г., руководство ВОКС рекомендовало подчеркивать справедливый и освободительный характер лишь войны СССР против гитлеровской Германии, тем самым дистанцируясь от союзников и косвенно подогревая традиционный для региона антиамериканизм.

Аналогичная ситуация сложилась через год, когда стали очевидными новые проволочки с открытием второго фронта. В послании, которое И. В. Сталину 26 августа 1943 г. направили Ф. Рузвельт и У. Черчилль после конференции в Квебеке, о конкретных сроках десантной операции через Ла-Манш и вторжения на континент ничего не говорилось. И это непосредственным образом отразилось на культурных контактах. Осенью 1943 г. в Свердловске силами сотрудников ВОКС была подготовлена фотовыставка «Великобритания в дни войны». Посетители выставки отмечали богатство и содержательность экспозиции, но практически в каждом втором отзыве ставился один и тот же вопрос о перспективах второго фронта. «Впечатление о мощи британского оружия, которое оставляет эта выставка, невольно заставляет пожалеть об отсутствии второго фронта, в особенности сейчас, когда наше наступление на фронте так успешно развивается», — писал в отзыве «профессор-орденоносец» (подпись неразборчива). Другой посетитель также сетовал: «Русские люди ждут от своих союзников более эффективной борьбы с немцами»[294].

В ряде случаев советское руководство ограничивало культурные обмены, подходило к ним избирательно. Так, весной 1944 г. заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский с согласия В. М. Молотова предложил удовлетворить просьбу британского посольства об организации в СССР выставки английской батальной живописи, но затянуть «под каким-либо благовидным предлогом» выполнение другой просьбы — об открытии фотовыставки военных операций союзников в Северной Африке и Италии[295].

Известно неоднократно проявлявшееся со стороны иностранных корреспондентов недовольство в связи с отсутствием свободы выезда на действующие фронты, ограничением контактов. Неслучайно после Ялтинской конференции некоторые иностранные корреспонденты высказали директору Совинформбюро, заместителю наркома иностранных дел С. А. Лозовскому пожелания проявлять больше такта и гибкости в обращении с прессой[296].

Характерно, что тенденции к закрытости отмечались и в стане наших союзников. Консервативные круги страшились роста популярности СССР, относясь к нашей стране предвзято, а то и просто с подозрительностью. Практически с первых месяцев войны власти США расценивали распространение советской литературы, поступавшей в порядке культурного обмена, как «подрывную пропаганду». Наркомат связи СССР регулярно получал из-за за океана информацию об уничтожении целых партий советской прессы и литературы. Под нож шли даже такие издания, как «Литературная газета», «Вестник древней истории» и другие. Советская сторона вынуждена была 3 марта 1943 г. направить правительству США меморандум, в котором заявила, что такие недружественные акции «не могут не рассматриваться как дискриминационные в отношении СССР, образующие препятствия к поддержанию культурных связей и взаимной информации... и не соответствуют нынешним отношениям между обеими странами»[297].

В докладе Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США, подготовленном к 1-й Квебекской конференции между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем (август 1943 г.), не скрывалось, что «обозначился уже недостаток единогласия между ожидаемыми победителями в Европейской войне — Соединенными Штатами, Великобританией и Советской Россией». Дефицит такого единогласия прямо связывался с различием стратегических и военных целей, которые каждая из указанных стран преследовала в войне. В докладе рекомендовалось достичь компромисса с СССР, устранив существующие противоречия, и «поощрять в Европе те силы, которые приведут ее к миру, свободе и достатку», специально отметив, что «эти условия могут быть достигнуты только путем объединения усилий целого содружества стран»[298].

Похожие процессы наблюдались и на Британских островах. Министерство информации, формируя в обществе образ советского союзника, считало тем не менее важным «не допустить распространения «избыточной» просоветской информации». С этой целью в сентябре 1941 г. всем органам, занимавшимся информационной и пропагандистской деятельностью, была дана рекомендация противодействовать наметившейся у англичан тенденции «забывать об опасностях коммунизма, заслоняемых энтузиазмом по поводу сопротивления России»[299].

По разным причинам, в том числе и идеологическим, советские люди имели лишь самые общие представления о боевых действиях, которые вели армии и флоты союзников в Западной и Южной Европе, Северной Африке, Атлантике и Азиатско-Тихоокеанском регионе. Общественное мнение США и Великобритании, в свою очередь, не имело достаточной информации для того, чтобы в полном объеме оценить роль и значение советско-германского фронта.

Опросы общественного мнения в США и Великобритании практически на всем протяжении войны выказывали положительное отношение к советскому союзнику. В то же время известная часть и правящего класса, и общества в целом оставалась на позициях враждебности к СССР. Подозрения в отношении «советского тоталитаризма» продолжали беспокоить даже тех, кто выступал за сотрудничество с СССР в борьбе против общего врага. Одним словом, симпатии к СССР и советскому народу укоренились неглубоко, и это объясняет, почему позитивный имидж так быстро был вытеснен образом врага, стоило политикам взять курс на холодную войну.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В начале войны более 1700 британских граждан были интернированы (*Taylor A. J. P.* English History. 1914–1945. L., 1992. P. 492).

[2] Единственным периодическим изданием, запрещенным на некоторое время в годы войны, стала газета компартии Великобритании «Дэйли уоркер».

[3] Война и культурная жизнь Лондона // Интернациональная литература. 1939. № 12. С. 263–265; Жертвы депрессии // Интернациональная литература. 1940. № 2. С. 224; Печать и цензура // Интернациональная литература. 1940. № 7–8. С. 332.

[4] *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. L., 1974. P. 152; Война и культурная жизнь Лондона // Интернациональная литература. 1939. № 12. С. 263–265; В музеях и картинных галереях // Интернациональная литература. 1940. № 7–8. С. 332; Библиотеки во время войны // Интернациональная литература. 1941. № 1. С. 214.

[5] *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. P. 152. В начале войны во многих кинотеатрах зрителей не пропускали в зал, если они пришли без противогаза (Война и культурная жизнь Лондона // Интернациональная литература. 1939. № 12. С. 263).

[6] Однако к концу 1939 г. большинство из эвакуированных детей вернулись в города (*Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. P. 156); Более 8 тыс. детей в 1939–1940 гг. были направлены в Северную Америку (*Marwick A.* Britain in the Century of Total War. L., 1968. P. 265–266).

[7] *Calder A.* People's War. Britain 1939–1945. L., 1969. P. 51.

[8] *Pollard S.* The Development of the British Economy. 1914–1967. L., 1969. P. 301; *Гаунг М.* Организация людских ресурсов Великобритании во время Второй мировой войны. М., 1970. С. 5; Если призывник или доброволец имел жену, то она получала пособие в размере 25 шиллингов в неделю от государства (*Wilkes J.* United Kindom. A Social and Economic History of Modern Britain. L., 1984. P. 293).

[9] *Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 492; *Huggett F.* A Dictionary of British History. 1815–1973. L., 1974. P. 127.

[10] *Billingham A.* Civil Defence at War. L., 1941. P. 21–22.

[11] *Pollard S.* Op. cit. 1914–1967. P. 301; *Cronin J.* Labour and Society in Britain. 1918–1979. N. Y., 1984 P. 113; *Гаунг М.* Указ. соч. С. 7.

[12] *Pollard S.* Op. cit. P. 300.

[13] *Wybrow R. J.* Britain speaks out, 1937–1987. L., 1989. P. 11; Через год, в июне 1941 г., Черчилля поддерживало лишь на 1% меньше населения — 87% (*Wybrow R. J.* Op. cit. P. 13).

[14] *Havighurst A. F.* Britain in Transition. The Twentieth Century. L., 1979. P. 309.

[15] *Wybrow R. J.* Op. cit. P. 13.

[16] Daily Express. 1941. June 23. P. 1; Daily Mirror. 1941. June 23. P. 1; Times. 1941. June 23. P. 1.

[17] Chicago Daily News. 1941. June 22. P. 1; Pittsburgh Press. 1941. June 22. P. 1; Western Morning News. 1941. June 22. P. 1.

[18] Evening Telegraph. 1941. June 23. P. 1; Manchester Guardian. 1941. June 23. P. 1; Western Times. 1941. June 23. P. 1.

[19] Western Daily Press. 1941. June 23. P. 1; Kent & Sussex Courier. 1941. June 23. P. 1; Evening Telegraph. 1941. June 23. P. 1.

[20] Churchill College. The Papers of Sir Winston Churchill. GB/014/CHAR. CHAR 9/151.

[21] Sussex Courier. 1941. June 23. P. 3; Hull Daily Mail. 1941. June 23. P. 1.

[22] Ottawa Citizen. 1941. June 23. P. 11; Toronto Daily Sun. 1941. June 23. P. 3; Winnipeg Free Press. 1941. June 23. P. 1, 2.

[23] Glasgow Herald. 1941. June 24. P. 4.

[24] Экономическая история капиталистических стран. М., 1962. С. 469.

[25] *Кертман Л.* География, история и культура Англии. М., 1979. С. 325.

[26] В годы войны было закрыто около 3,5 тыс. предприятий (Экономическая история мира. Т. 4. М., 2008. С. 13).

[27] *Marwick A.* Britain in the Century of Total War. P. 276; *Эвентов Л. С.* Военная экономика Англии. М., 1946. С. 71.

[28] Во время войны тред-юнионы и лейбористская партия значительно укрепили свои позиции в британском обществе. В период с 1939 по 1945 г. численный состав профсоюзов увеличился с 6,2 до 7,8 млн, а количество членов лейбористской партии возросло с 2,6 до 3,03 млн.

[29] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 9.

[30] *Havighurst A. F.* Op. cit. P. 316.

[31] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 10.

[32] *Marwick A.* Britain in the Century of Total War. P. 263.

[33] *Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 491.

[34] *Трухановский В. Г.* Новейшая история Англии. М., 1958. С. 348.

[35] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 19.

[36] *Pelling H.* A History of British Trade Unions. L., 1972. P. 217–218.

[37] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 21–22.

[38] *Pollard S.* Op. cit. P. 317.

[39] *Хобсбаум Э.* Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). М., 2004. С. 58; Экономическая история капиталистических стран. С. 470.

[40] *Трухановский В. Г.* Указ. соч. С. 387.

[41] *Pelling H.* Op. cit. P. 217.

[42] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 23.

[43] В 1940 г. произошли 922 стачки, в них приняли участие 246 тыс. рабочих, в 1944 г. — 2194 забастовки и 716 тыс. участников (*Cronin J.* Op. cit. P. 241–242).

[44] *Pelling H.* Op. cit. P. 221.

[45] *Гауинг М.* Указ. соч. С. 24.

[46] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 3. Вторая мировая война. Исторические очерки. М., 2002. С. 336.

[47] *Эвентов Л. С.* Указ. соч. С. 98.

[48] *Wilkes J.* Op. cit. P. 293.

[49] *Brook S.* Class and Gender // 20th Century Britain. Economic, Cultural and Social Change. L., 2007. P. 50; *Summerfield P.* Women, War and Social Change: Women in Britain in World War II // Total War and Social Change. L., 1988. P. 97.

[50] *Пью М.* История Великобритании. 1789–2000 / Пер. с англ. М., 2001. С. 230.

[51] *Brook S.* Op. cit. P. 50.

[52] *Cox M.* British Women at War. L., 1941. P. 37, 45. За время войны число занятого населения Великобритании возросло с 19,750 до 21,649 млн. Это было обусловлено привлечением женщин, ранее не работавших граждан, а также тех, кто с началом войны вернулся на производство (*Gregg P.* Social and Economic History of Britain. 1760–1963. L., 1964. P. 447).

[53] *Фишер В.* Европа: экономика, общество и государство. 1914–1980 / Пер. с нем. М., 1999. С. 284.

[54] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 335.

[55] British Political Facts. L., 1980. P. 432; Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 335.

[56] *Huggett F.* Op. cit. P. 107.

[57] *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. P. 157.

[58] *Wybrow R. J.* Op. cit. P. 13.

[59] *Wilkes J.* Op. cit. P. 295; *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 275.

[60] *Gregg P.* Op. cit. P. 448.
[61] Ibid.
[62] British Political Facts. P. 432; *Wilkes J.* Op. cit. P. 295.
[63] *Которн Н.* История моды в XX веке / Пер. с англ. М., 1998. С. 42.
[64] Там же. С. 43.
[65] *Тимошина Т.* Экономическая история зарубежных стран. М., 2001. С. 181.
[66] The Economic History of Britain since 1700. Vol. 3. 1939—1992. Cambridge, 1994. P. 16—17.
[67] *Тимошина Т.* Указ. соч. С. 181.
[68] *Huggett F.* Op. cit. P. 129; *Marwick A.* War and Social Change in the Twentieth Century. P. 155.
[69] *Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 599.
[70] *Bedareda F.* A Social History of England. L., 1991. P. 227.
[71] См.: *Майский И. М.* Дневник дипломата. Кн. 2. С. 31.
[72] *Рузвельт Ф.* Беседы у камина / Пер. с англ. М., 2003. С. 771—772.
[73] American Labor in the Era of World War II / Ed. Miller S. M. and Cornford D. A. Westport, 1995. P. 71.
[74] Ibid.
[75] Союзники в войне. 1941—1945. М., 1995. С. 311.
[76] These Japans / Life. 1942. March 16.
[77] *Boxer B.* Women's History Timeline 1900—1949. Boston, 2002. P. 15.
[78] Союзники в войне. 1941—1945. С. 306.
[79] Rosie the Riveter' star dead at 77 // Associated Press. 1997. June 2.
[80] Союзники в войне. 1941—1945. С. 306.
[81] *Зинн Г.* Народная история США: с 1492 года до наших дней / Пер. с англ. М., 2006. С. 518.
[82] *Хембергеер Х.* Экономика и промышленность фашистской Германии накануне и в ходе Второй мировой войны // Вторая мировая война: взгляд из Германии. М., 2005. С. 16.
[83] *Хайэм Ч.* Торговля с врагом / Пер. с англ. М., 1985.
[84] *Pfau A. E.* Miss Yourlovin. Columbia University Press, 2008. P. 7.
[85] *Kennedy D. M.* Freedom from Fear: The American People in Depression and War, 1929—1945. N. Y., 1999. P. 634.
[86] *Kennett L. G. I.* The American Soldier in World War II. N. Y., 1987. P. 4.
[87] *Зинн Г.* Указ. соч. С. 518.
[88] Executive Order 9182 // Franklin Delano Roosevelt Library (далее — FDRL). Oscar Cox collection. Container 63. Folder: Committee on War Information.
[89] Четыре свободы были провозглашены Ф. Рузвельтом в его выступлении 6 января 1941 г. в конгрессе США: свобода слова и высказываний — повсюду в мире; свобода каждого человека поклоняться Богу тем способом, который он сам избирает, — повсюду в мире; свобода от нужды, что в переводе на понятный всем язык означает экономические договоренности, которые обеспечат населению всех государств здоровую мирную жизнь, — повсюду в мире; свобода от страха, что в переводе на понятный всем язык означает такое основательное сокращение вооружений во всем мире, чтобы ни одно государство не было способно совершить акт физической агрессии против кого-либо из своих соседей, — повсюду в мире.
[90] Youngstown Vindicator. 1941. June 22. P. 1.
[91] New York Times. 1941. June 22. P. 8.
[92] Boston Daily Globe. 1941. June 22. P. 1.
[93] Pittsburgh Press. 1941. June 22. P. 48.
[94] Chicago Daily Tribune. 1941. June 22. P. 1—2.
[95] Los Angeles Times. 1941. June 22. P. 1; Milwaukee Journal. 1941. June 22. P. 1; Milwaukee Sentinel. 1941. June 22. P. 1; Palm Beach Post. 1941. June 22. P. 1.
[96] Derby Daily Telegraph. 1941. June 22. P. 1.
[97] Western Morning News. 1941. June 22.
[98] News and Courier. 1941. June 22. P. 1, 3; Lewiston Morning Tribune. 1941. June 22. P. 12.
[99] Los Angeles Times. 1941. June 22. P. 1.
[100] *Cassidy H.* Moscow Dateline: 1941—1943. Boston, 1943. P. 39—43.
[101] Library of Congress. Papers of Henry Shapiro. Box 149.

[102] *Gilmore E.* Me and My Russian Wife. N. Y., 1954. P. 11.

[103] Library of Congress. Papers of Wallace Carroll. Box 5; *Carroll W.* Inside Warring Russia: An Eye-Witness Report on the Soviet Union's Battle. N. Y., 1942. P. 10–15.

[104] *Мальков В. Л.* Россия и США в XX веке. М., 2009. С. 285.

[105] Truman Library. Oral History Interviews. Oral History Interview with Loy W. Henderson; Columbia University. Oral History Interviews. Oral history interviews with Henderson.

[106] Milwaukee Sentinel. 1941. June 23. P. 1–2; Youngstown Vindicator. 1941. June 23. P. 1–3.

[107] St. Petersburg Times. 1941. June 23. P. 4.

[108] *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Общественно-политические силы СССР и США в годы войны. Воронеж, 1995. С. 20.

[109] Meriden Record. 1941. June 23. P. 6.

[110] Ellensburg Daily Record. 1941. June 24. P. 1.

[111] New York Times. 1941. June 24. P. 5; Evening Independent. 1941. June 24. P. 1; Chicago Daily Tribune. 1941. June 24. P. 1.

[112] Victoria Advocate. 1941. June 23. P. 1; Milwaukee Journal. 1941. June 23. P. 1; Pittsburgh Press. 1941. June 23. P. 1; Chicago Daily Tribune. 1941. June 23. P. 1, 3.

[113] *Gallup G.* The Gallup Poll: Public Opinion 1935–1971. N-Y., 1972. Vol. 1. P. 288.

[114] Ibid. P. 289.

[115] Invasion in Russia is a prologue for the second Munich treaty // Time. 1941. July 14.

[116] См.: *Иванов Р. Ф., Петрова Н. К.* Указ. соч. С. 21.

[117] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 474.

[118] Там же.

[119] См.: История рабочего движения в США в новейшее время. Т. 2. М., 1971. С. 64.

[120] См.: *Поздеева Л. В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941–1945. М., 1969. С. 117–132.

[121] Red Army Doctors // Time. 1942. November 23.

[122] FDRL. Papers of Oscar Cox. Box 100: Public Opinion. OWI Surveys Division «Attitudes Toward International Problems». 1943. August 31. P. 8.

[123] РГАСПИ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 88. Л. 118.

[124] FDRL. Papers of Oscar Cox. Box 100: Public Opinion. OWI Surveys Division «Attitudes Toward International Problems». 1943. August 31. P. 4–7.

[125] Ibid. P. 9.

[126] *Fleming T.* The New Dealer's War. N. Y., 2001. P. 294.

[127] Life. 1943. March 29.

[128] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. С. 346.

[129] *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. N. Y., 1979. P. 421.

[130] См.: The American Economic Review. Vol. XXXIII. No. 1. Supplement. March 1943. P. 131.

[131] См.: Ibid. Vol. XXXIV. No. 1. Pt. 2. Supplement. 1944. P. 148.

[132] *Witter L. S.* Rebels against War. The American Peace Movement, 1933–1983. Philadelphia, 1984. P. 114.

[133] Chicago Tribune. 1944. 24 September.

[134] *Gallup G.* Op. cit. P. 492.

[135] Союзники в войне. 1941–1945. С. 323.

[136] См.: *Рычкова О. В.* Американская пресса о промышленном потенциале СССР, 1944–1945 // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 3. С. 136–140.

[137] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 333.

[138] *Crowdy T.* French Resistance Fighter: France's Secret Army. Oxford, 2007. P. 13; Война и общество в XX веке. В 3-х кн. Кн. 2. Общество накануне и в период Второй мировой войны. М., 2008. С. 586.

[139] *Висенс X.* Социально-экономические проблемы истории Испании. М., 1965. С. 271; *Fernandez R.* El Ejército español en 1940. Madrid, 2010. Vol. II. P. 51; Мировые войны XX века. Т. 3. С. 259.

[140] Documents On German Foreign Policy 1918–1945. Vol. XII. Washington, 1956. P. 612–613.

[141] Arriba Espana. 1939. Jule 29.

[142] *Tamames R.* Estructura economica de Espana. Madrid, 1969. P. 230–236.
[143] Franco «Caudillo de España». Editorial Grijalbo, Barcelona, 1994. P. 444.
[144] *Ashford H. Franco.* Retrato psicológico de un dictador. Madrid, 2001. P. 219.
[145] Franco «Caudillo de España». P. 444.
[146] DGFP. V. X. P. 1150–1151.
[147] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 260; *Tusell J.* Historia de España en el siglo XX. Vol. III. Madrid, 1999. P. 63–64.
[148] DGFP. V. X. P. 1157–1158.
[149] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 260.
[150] *Arrese J.* Escritos y discursos. Madrid, 1948. P. 41–47, 89–95.
[151] DGFP. V. XII. P. 1080–1081.
[152] Ibid. P. 1081; *Bowen H.* Wayne Spain during World War II. N. Y., 2006. P. 46; *Caballero Jurado C.* Atlas ilustrado de la División Azul. Editorial Susaeta, Madrid, 2009. P. 12; *Salas Larrizabal J.* Aviacion de caza española en Rusia // Revista de aeronautica. 1974. № 12. P. 8.
[153] *Litteljohn D.* Foreing Legions of the third reich. Vol. 2. N. Y., 1987. P. 261; *Martínez Canales F.* Leningrado 1941–1944: La División Azul en combate. Madrid, 2009. P. 110; *García A. M.* Galubaia Divisia, crónica de la División Azul // Ed. Fondo de Estudios Sociales, Madrid, 2001. P. 98.
[154] *Никифоров Ю. А., Суржик Д. В.* Как вся Европа работала на вермахт // Российская Федерация сегодня. 2010. № 6. С. 48.
[155] *Gómez J.* El enfrentamiento Serrano Súñer-Eugenio Espinosa de los Monteros: el ministro de Exteriores, los militares y la entrada en la guerra mundial // Historia. 1986. № 128. P. 29–38; *Castañares J.* El retorno de la política exterior en España // Cuadernos de Historia Contemporánea. 2002. Vol. 24. P. 335–334.
[156] *Portero F.* La Época de Franco. Madrid, 2007. P. 203; Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 262.
[157] Foreign Relations of the United States, 1943. V. II. Washington, 1964. P. 611.
[158] *González Crespo J.* Regalía del III Reich. Madrid, 1995. P. 285; *Pardo Martínez S.* Un año en la División Azul. AF Editores, Valladolid, 2005. P. 301; Españoles en Rusia (1941–1945) // Defensa. 1999. № 53. P. 54; Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 599.
[159] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 262.
[160] *Payne S.* Franco and Hitler. New Haven, 2008. P. 386.
[161] Christian Science Monitor. 1944. November 3; Milwaukee Journal. 1944. November 3; New York Times. 1944. November 5.
[162] *Дамс Х. Г.* Франсиско Франко. Ростов-на-Дону, 1999. С. 109.
[163] *De la Torre G.* España y Portugal. Madrid, 1998. P. 273–288.
[164] *Salazar A.* Discursos e notas políticas: 1938–1943. Coimbra, 1943. P. 125.
[165] Ibid. P. 143–174.
[166] *Waller J.* The Unseen War in Europe. L., 1996. P. 155–156.
[167] *De la Torre G.* Op. cit. P. 290.
[168] Public Record Office: Viscount Halifax & Ministry of Economic Warfare. FO 115/3991.
[169] *Macintyre B.* Double Cross: The True Story of the D-Day Spies. L., 2013. P. 52.
[170] *Leite J.* Neutrality by Agreement: Portugal and the British Alliance in World War II // American University International Law Review. 1998. Vol. 14. P. 191–193.
[171] *Somerville-Large P.* Irish voices. Pimlico, 2000. P. 201.
[172] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 570.
[173] *O'Halpin E.* Defending Ireland: The Irish State and its enemies since 1922. Oxford, 1999. P. 151; *Sampson S.* Spitfire Offensive. L., 2002. P. 32.
[174] *Fanning R.* Independent Ireland. Dublin, 1983. P. 122.
[175] *Fisk R.* In Time of War: Ireland, Ulster and the Price of Neutrality 1939–1945. Brandon, 1983. P. 271–277; *Collins M. E.* Ireland 1968–1966. Dublin, 1993. P. 371.
[176] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 269–270.
[177] *Sanger C.* Malcolm MacDonald: Bringing an End to Empire. N. Y., 1995. P. 89.
[178] *Longford E.* Éamon de Valera. Hutchinson, 1970. P. 365–368.
[179] National Archive WP WP (40) 251. Memorandum of the Chiefs of Staff Committee. (CAB 66/9/13).

[180] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 270.

[181] Memorandum by Mr R. G. Menzies, Prime Minister. Department of Foreign Affairs and Trade (Australia). Defence: Special Collection 1. BOX 629.

[182] *Maurice M.* Speeches and statements by Eamon de Valera. Dublin, 1980. P. 462—463.

[183] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 582; *Dermot K.* Eamon De Valera and Hitler // Irish Studies in International Affairs. 1989. Vol. 3. № 1. P. 84; Secretary's files. 1945. May 3. D\FA P. 98. Iveagh House. Dublin.

[184] *Fanning R.* Op. cit. P. 124—125.

[185] *Wangel C.* Sveriges militära beredskap 1939—1945. Stockholm, 1982. S. 120—126.

[186] *Linder J.* Andra Världskriget och Sverige. Stockholm, 2002. S. 50—54.

[187] *Wahlbäck K., Boberg G.* Sveriges sak är vår: svensk utrikespolitik 1939—1945 i document. Stockholm, 1966. S. 102; C*hamberlain P., Ellis C.* Tanks of the World 1915—1945. L., 2002. P. 159; *Linder J.* Op. cit. S. 54.

[188] *Åselius G.* The rise and fall of the Soviet Navy in the Baltic, 1921—1941. N. Y., 2005. P. 166.

[189] *Linder J.* Op. cit. P. 101—105; *Scott C.* The Swedish Midsummer Crisis of 1941: The Crisis that Never Was // Journal of Contemporary History. 2002. № 3 (37). P. 371—394.

[190] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 266.

[191] *Scott C.* Op. cit. P. 371—394; *Carlgren W. M.* Swedish foreign policy during the Second World War. L., 1977. P. 89—92.

[192] *Ross J.* Neutrality and International Sanctions. N. Y., 1989. P. 201; *Gander T.* The 40mm Bofors gun. Wellingborough, 1990. P. 3—5.

[193] *Lundberg L.* Lejdtrafik och kvarstad. Karlskrona. 1999. S. 16; *Axwik A.* Svenskt sjöfolk i krig och fred. Bd 1. Göteborg, 1950. S. 4.

[194] *Bercuson D. J., Herwig H. H.* The Destruction of the Bismarck. N. Y., 2003. P. 65.

[195] *Wahlbäck K.* Sweden: Secrecy and Neutrality // Journal of Contemporary History. 1967. № 1. P. 35—38; *Beckman B.* Codebreakers. Providence, 2002. P. 101—105.

[196] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 268.

[197] *Odén T.* Mellankrigstiden och andra världskriget [Interwar period and World War II] // 14:e nordiska konferensen för medie och kommunikationsforskning. Kungälv, 1999. S. 52.

[198] *Bergling M.* 40 år av övertramp PO/PON 1969—2009. Stockholm, 2009. S. 46.

[199] *Ilan A.* Bernadotte in Palestine, 1948. Macmillan, 1989 P. 35—38; *Levine P.* Raoul Wallenberg in Budapest: Myth, History and Holocaust. L., 2010. P. 6—9.

[200] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 269; *Чернышева О. В.* Антифашистская оппозиция в Швеции в годы Второй мировой войны // Европа на пути к демократии (проблемы Сопротивления). М., 1993. С. 253—354.

[201] *Codevilla A. M.* Between the Alps and a Hard Place: Switzerland in World War II and the Rewriting of History. N. Y., 2013. P. 12; *Корунова Е. В.* Проблема нейтралитета во внешней политике Швеции, 1933—1939 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М., 2007. С. 22—23.

[202] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 274.

[203] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 610.

[204] *Keller S.* Grüningers Fall. Geschichten von Flucht und Hilfe. Rotpunktverlag, Zürich 2001. P. 56.

[205] *Guisan H.* Bericht an die Bundesversammlung über den Aktivdienst 1939—1945. Eidgenössische Militärbibliothek. Rösch, 1946. P. 62; The Neutrals. L., 1995. P. 15; *Wylie N.* Britain, Switzerland, and the Second World War. Oxford, 2003. P. 91; *Hoch G.* Die Messerschmitt Me 109 in der Schweizer Flugwaffe. Payerne, 1999. S. 32.

[206] *Steinberg J.* Why Switzerland? Cambridge, 1996. P. 68.

[207] *Codevilla A. M.* Op. cit. P. 112.

[208] *Gruber Ch.* Die politischen Parteien der Schweiz im Zweiten Weltkrieg. Wien, Frankfurt, Zurich, 1966. S. 23; *Jaggi A.* Bedrohte Schweiz. Unser Land in der Zeit Mussolinis, Hitlers und der Zweiten Weltkrieg. Bern, 1978. S. 162.

[209] Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 275; Final Report of the Independent Commission of Experts Switzerland — Second World War. Zürich, 2002. P. 177—179; 238—241.

[210] *Hofer W.* Hitler, der Westen und die Schweiz: 1936—1945. Zürich, 2002. S. 281—288; Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 275.

[211] *Kreis G.* Switzerland and the Second World War. L., 2013. P. 209; Final Report of the Independent Commission of Experts Switzerland — Second World War. P. 107.

[212] Final Report of the Independent Commission of Experts Switzerland — Second World War. 238–240.

[213] *Jost H.-U.* Nouvelle histoire de la Suisse et des Suisses. Paris, 1982. P. 760–761; Final Report of the Independent Commission of Experts Switzerland — Second World War. P. 181.

[214] Archives for Contemporary History at ETH Zurich, Zurich. RGVA 1458-11-86, MF 7, State Secretary [Landfried, Reichswirtschaftsministerium] to Seyboth (confidential), 12 March 1943 (original German). For the internal German discussions in the phase from January to June 1943, see also Frech. Kriegswirtschaft, 1998. P. 53–64.

[215] Archives for Contemporary History at ETH Zurich, Zurich. Homberger records, file 10.8.6.3; Federal Customs Office, Foreign Trade Statistics.

[216] Ibid; Swiss Federal Archives, Bern. E27, 19408, KTA, Memorandum, 11 September 1946.

[217] Война и общество в XX веке. Кн. 2. С. 634.

[218] *Millman B.* Turkish Foreign and Strategic Policy: 1934–1942 // Middle Eastern Studies. 1995. № 3. P. 483–508.

[219] Системная история международных отношений. 1918–1991. В 4-х т. Т. I. События 1918–1945. М., 2000. С. 301.

[220] *Mango A.* Ataturk: The Biography of the Founder of Modern Turkey. N. Y., 2002. P. 526.

[221] *Watt D. C.* How War Came: The Immediate Origins of the Second World War, 1938–1939. L., 1989. P. 278.

[222] *Kalpakian J.* Identity, Conflict and Cooperation in International River Systems. Hardcover, 2004. P. 130; *Davison R. H.* Turkey. New Jersey, 1968. P. 317; *Гасанлы Дж. П.* СССР — Турция: от нейтралитета к холодной войне (1939–1953). М., 2008. С. 12–13.

[223] *Корхмазян Р. С.* Внешняя политика Турции в годы второй мировой войны // Проблемы истории Турции. М., 1978. С. 137–153.

[224] *Михайленко В. И.* Политика держав «оси Берлин — Рим» на Балканах в период германского наступления на западе (10 мая 24 июня 1940 г.) // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке (1933–1941). Свердловск, 1976. С. 62–76.

[225] *Mehmet G.* A Short Appraisal of The Turkish Foreign Policy of the Turkish Republic, 1923–1973 // Turkish Yearbook of International Relations. 1973. Vol. XIV. P. 6–12.

[226] *Selim D.* Turkish Foreign Policy During the Second World War: An Active Neutrality. Cambridge, 1989. P. 155.

[227] Россия и Черноморские проливы: XVIII–XX столетия. М., 1999. С. 445–446.

[228] См.: *Ржешевский О. А.* Визит В. М. Молотова в Лондон в мае 1942 г. Переговоры с У. Черчиллем, А. Иденом, переписка с И. В. Сталиным // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 182.

[229] *Безугольный А. Ю.* Ни войны, ни мира. Положение на советско-турецкой границе, меры советского руководства по предотвращению турецкой угрозы в первый период Великой Отечественной войны // Военно-исторический архив. 2003. № 5. С. 64.

[230] Россия и Черноморские проливы: XVIII–XX столетия. МС. 456; *Киреев Н. Г.* История Турции XX век. М., 2007. С. 261.

[231] *Киреев Н. Г.* Указ. соч. С. 265.

[232] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 2002. С. 15.

[233] Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938–1945). Документы и материалы. М., 1962. С. 362.

[234] *Гракина И. Э.* Научные и культурные связи СССР с зарубежными странами в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1985. № 4. С. 95.

[235] *Борисов А. Ю.* СССР и США: союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 81.

[236] *Валюженич А. В.* Америка о сражавшемся Союзе // Великая Отечественная война: историография. Сб. обзоров. М., 1995. С. 153.

[237] Правда. 1941. 18 июля.

[238] *Драйзер Т.* Собр. соч. В 12-ти т. М., 1951–1955. Т. 3. С. 369.

[239] Дорога на Смоленск. Американские писатели и журналисты о Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 / Пер. с англ. М., 1985. С. 29.

[240] Цит. по: История США. В 4-х т. Т. 3. 1918–1945. М., 1985. С. 596.

[241] *Lauterbach R.* These are the Russians. N. Y., 1945. P. 269.

[242] *Якушевский А. С.* Зарубежная литература о советско-германской войне (основные этапы и их характеристика) // Великая Отечественная война: историография. Сб. обзоров. С. 45.

[243] *Солсбери Г.* 900 дней. Осада Ленинграда. М., 1996.

[244] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 198.

[245] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1983. Т. 1. С. 237.

[246] *Гракина И. Э.* Указ. соч. С. 85.

[247] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 5283. Оп. 14. Д. 4. Л. 79.

[248] Там же. Л. 7, 137.

[249] *Леонов Л. М.* Избранное. М., 1945. С. 605.

[250] Цит. по: *Комов Ю.* Миссия в Москву // В мире книг. 1988. № 10. С. 70.

[251] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 289. Л. 34.

[252] *Борисов А. Ю.* Указ. соч. С. 82.

[253] *Гракина И. Э.* Указ. соч. С. 89.

[254] *Рахманинов С. В.* Литературное наследие. В 3-х т. Т. 3. М., 1980. С. 195, 199.

[255] История США. Т. 3. С. 599.

[256] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война: документы и материалы. М., 2002. С. 356, 357.

[257] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 13. Л. 3.

[258] *Генри Э.* Заметки публициста. М., 1988. С. 247.

[259] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 61–62.

[260] Там же. С. 160.

[261] *Майский И. М.* Воспоминания советского дипломата, 1925–1945 гг. М., Ташкент, 1980. С. 609.

[262] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 110. Л. 98.

[263] См.: *Жмаев А. М.* Английские деятели культуры и Советская Россия в годы второй мировой войны // Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та. Т. 22. Владивосток, 1968. С. 107.

[264] *Исраэлян В. Л.* Антигитлеровская коалиция. Дипломатическое сотрудничество СССР, США и Англии в годы второй мировой войны. М., 1964. С. 133–134.

[265] *Поздеева Л. В.* Каналы информации англичан об СССР (1941–1945) // Россия и Британия. Вып. 2. М., 2000. С. 145.

[266] Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938–1945). С. 202, 204.

[267] *Верт А.* Россия в войне 1941–1945 / Пер. с англ. М., 1967. С. 148.

[268] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 72. Л. 4–5, 9, 15, 67, 75, 88.

[269] *Майский И. М.* Дневник дипломата. С. 628.

[270] *Генри Э.* Указ. соч. С. 251.

[271] Вестник АН СССР. 1941. № 5–6. С. 10.

[272] Цит. по: *Мыцык Л. Н.* Советско-британские научные связи в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Отечественная история. 1993. № 2. С. 184.

[273] Вестник АН СССР. 1942. № 5–6. С. 88.

[274] *Левшин Б. В.* Академия наук СССР в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. М., 1966. С. 175.

[275] Вестник АН СССР. 1942. № 5–6. С. 21.

[276] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 290. Л. 18–19.

[277] Там же. Л. 50.

[278] *Гракина И. Э.* Указ. соч. С. 86, 91–92.

[279] История США. Т. 3. С. 589.

[280] См.: *Кременцов Н. Л.* «Американская помощь» в советской генетике, 1945–1947 // Вопросы истории естествознания и техники. 1996. № 3. С. 32–33.

[281] *Борисов А. Ю.* Указ. соч. С. 127.
[282] Там же. С. 128.
[283] *Мыцык Л. Н.* Указ. соч. С. 185.
[284] *Гракина И. Э.* Указ. соч. С. 86.
[285] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 13. Л. 66.
[286] *Мыцык Л. Н.* Указ. соч. С. 186.
[287] *Майский И. М.* Дневник дипломата. С. 621.
[288] Цит. по: *Мыцык Л. Н.* Указ. соч. С. 188.
[289] РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 998. Л. 10.
[290] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 292. Л. 177.
[291] Там же. Оп. 15. Д. 13. Л. 21 об., 23 об.
[292] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 12163. Д. 616. Л. 21.
[293] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. С. 232.
[294] ГАРФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 33. Л. 24, 31, 82.
[295] *Поздеева Л. В.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941–1944) // Ялта. 1945 год. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 149.
[296] Там же.
[297] Исторический опыт планирования культурного строительства в СССР. М., 1988. С. 195.
[298] Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 447.
[299] *Поздеева Л. В.* Каналы информации англичан об СССР (1941–1945). С. 140; *она же.* Межсоюзнические переговоры о координации пропаганды (1941–1944). С. 148.

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ

Решение США проблемы оказания экономической помощи своим союзникам

Принятие в США «Закона об укреплении обороны Соединенных Штатов» (более известного как закон о ленд-лизе) в марте 1941 г. было лишь завершающей стадией формирования этой американской программы помощи государствам, воюющим со странами оси, которой предшествовал весьма длительный подготовительный процесс. Первые шаги в этом направлении были сделаны еще в начале 1939 г., когда США после захвата нацистами Чехословакии продали Франции первую партию боевых самолетов. Но главным получателем американской помощи быстро стала Великобритания. В июле 1939 г. в США прибыла первая закупочная миссия из Лондона.

С началом Второй мировой войны перед руководством США встала непростая задача: как помочь Англии и Франции, оставаясь самим вне войны. Оказание этой поддержки противникам А. Гитлера диктовалось прежде всего геостратегическими и военно-политическими причинами, однако открыто оказать военно-экономическую помощь не позволяли два обстоятельства. Во-первых, еще в ходе Первой мировой войны США предоставили европейским странам, прежде всего своим главным союзникам Великобритании и Франции, крупные займы, но так и не дождались их возврата. В связи с этим появился специальный закон, который запрещал давать взаймы деньги странам, которые не выплатили свои военные долги периода Первой мировой (а сделала это только Финляндия).

Кроме того, главным препятствием стало американское законодательство о нейтралитете, запрещавшее оказание помощи воюющим странам. В сентябре 1939 г. администрация Ф. Рузвельта предложила поправки к этому закону, которые разрешали продажу оружия таким странам при условии его покупки на территории США и транспортировки на иностранных судах. Несмотря на сильное сопротивление изоляционистов, эти поправки были приняты конгрессом в начале ноября 1939 г., после чего в Вашингтоне заработали постоянная британская закупочная комиссия и ее французский эквивалент. По мере нарастания фашистской агрессии заказы союзников быстро возрастали, а на первый план выдвигалась проблема оплаты запрашиваемых поставок.

Закон о нейтралитете 1939 г. разрешал лишь краткосрочные государственные кредиты под военные закупки в США, что было явно недостаточно для оплаты крупных долговременных поставок. Проблема усугублялась сокращением золотовалютных запасов Великобритании и Франции, особенно нехваткой долларов, которыми (наряду с золотом) только и можно было оплачивать американские поставки. «Долларовый голод» заставлял Великобританию резко ограничивать импорт гражданских товаров из США, продавать свои активы в Америке и пытаться увеличивать экспорт своих товаров на американский рынок, однако эти меры не давали особого эффекта.

Было еще одно обстоятельство временного характера. В ноябре 1940 г. Ф. Рузвельт в третий раз баллотировался на пост президента США. Американские избиратели, хотя в массе своей симпатизировали Англии и Франции, были настроены против втягивания своей страны в мировую войну. Поэтому Ф. Рузвельту приходилось быть особенно осторожным и обещать, что американские солдаты не пойдут воевать. Чувствительность к общественному мнению, стремление убедить своих оппонентов, прессу, общественность в необходимости тех или иных шагов были характерны для Белого дома и в дальнейшем.

Разгром Франции в июне 1940 г. и приход к власти в Великобритании кабинета У. Черчилля с его настроем на активное сопротивление германской агрессии изменили ситуацию вокруг помощи союзникам. Французские контракты на поставку вооружений из США были приобретены англичанами, что резко увеличило объем британской задолженности. По распоряжению Ф. Рузвельта «излишки законсервированного вооружения» времен Первой мировой войны (500 тыс. винтовок, 80 тыс. пулеметов, 900 полевых орудий) продали некоей фирме, которая вывезла оружие в Канаду, а там его забрали англичане[1].

Но это была капля в море по сравнению с тем, что требовалось Великобритании. Всё тяжелое вооружение было брошено англичанами на континенте при бегстве из Дюнкерка. Между тем летом 1940 г. разгоралась морская битва за Атлантику, началась воздушная битва за Англию. Все это воспринималось как прелюдия к прямому вторжению вермахта на Британские острова.

Усиление германских воздушных бомбардировок территории Великобритании заставило британское правительство усилить нажим на американскую администрацию, требуя расширения помощи и предоставления долгосрочных кредитов, но этому мешало негативное отношение общественности и конгресса США к либерализации помощи считавшейся богатой Великобритании. Военное командование США было также настроено скептически, поскольку считало, что Великобритания вряд ли выдержит германский натиск и американская военная техника в конечном счете достанется врагу. Тем не менее сам Ф. Рузвельт, хорошо понимая стратегическое значение удержания Британских островов для США, выступал за расширение помощи англичанам. В своей речи в университете штата Вирджиния (10 июня 1940 г.) он пообещал предоставить ресурсы страны в распоряжение жертвам агрессии, причем сделать это быстро. В сентябре была заключена сделка «миноносцы в обмен на базы», которая создавала важный прецедент передачи материальных ресурсов союзнику без оплаты, на обменной основе. Другим прецедентом стал принятый в августе «закон Питтмэна», который разрешал продажу излишков военной техники тем странам Латинской Америки, оборона которых считалась важной для США.

В июле 1940 г. для обсуждения финансовых аспектов американской помощи Вашингтон посетила британская миссия во главе с Ф. Филлипсом, которая ознакомила американцев с плачевным состоянием британских финансов и вновь поставила вопрос о предоставлении долгосрочных кредитов. Согласно британским данным, задолженность Великобритании Соединенным Штатам составляла 1,6 трлн долларов, что превышало объем ее золотовалютных запасов[2]. В августе в Лондоне побывала военная миссия США, которая пришла к заключению, что Великобритания может выстоять в «битве за Англию» при условии расширения американской помощи. Все это способствовало активизации позиции США, но Ф. Рузвельт откладывал главные решения до завершения предвыборной кампании 1940 г.

Г. Моргентау

Англичане между тем били тревогу. В конце ноября британский посол в США лорд Лотиан публично заявил о приближающемся банкротстве своего правительства, а 7 декабря У. Черчилль обратился к Ф. Рузвельту с отчаянным предупреждением о том, что Великобритания скоро будет не в состоянии оплачивать свои заказы в США и дальнейший отказ в американской финансовой помощи чреват самыми серьезными последствиями для его страны. Ввиду накопившейся задолженности англичанам уже было отказано в размещении новых заказов в США после 19 декабря.

Оценивая сложившую ситуацию в то время, У. Черчилль писал: «Англия вступила в войну, имея около 4500 миллионов в долларах, в золоте и в американских ценных бумагах, которые могли быть обращены в доллары. Эти ресурсы можно было увеличить только за счет добычи золота в Британской империи, прежде всего, конечно, в Южной Африке, и в результате энергичного экспорта товаров в США: главным образом предметов роскоши, к которым принадлежат такие товары, как виски, тонкие шерстяные ткани, фаянс. В первые 16 месяцев войны таким образом мы получили еще два миллиарда долларов... До ноября 1940 года мы платили за всё, что получали. Мы уже продали на 335 миллионов долларов американских акций, реквизированных за фунты стерлингов у частных держателей в Англии. Мы выплатили более 4500 миллионов долларов наличными. У нас осталось всего два миллиарда долларов; большая часть из них числилась в капиталовложениях, многие из которых нельзя было быстро реализовать. Было ясно, что дальше так продолжаться не могло. Даже если бы мы отдали все свои фонды в золоте и иностранной валюте, мы не смогли бы оплатить и половины того, что заказали, а дальнейшее расширение войны требовало от нас в десять раз большего. Мы должны были иметь кое-что под рукой для того, чтобы вести свои повседневные дела»[3].

Впервые идея предоставления американской помощи на основе аренды возникла у Ф. Рузвельта еще в начале августа после получения докладной министра внутренних дел Г. Икеса. Сторонник активной борьбы со странами оси, Г. Икес сравнил позицию США с поведением домовладельца, который «отказывается одолжить или продать свой огнетушитель

соседу, хотя соседний дом объят огнем и ветер дует с его стороны». Несколько дней спустя президент в беседе с послом У. Буллитом заговорил о том, чтобы «одолжить горящему соседу садовый шланг», дабы огонь не перекинулся на собственный дом[4]. Теперь, под давлением англичан, он вернулся к этой идее, окончательно сформулированной 17 декабря в беседе с министром финансов Г. Моргентау, который отвечал в администрации за предоставление помощи союзникам. Г. Моргентау предлагал поставить новую программу на чисто безвозмездную основу, но Ф. Рузвельт понимал, что подобная щедрость будет плохо воспринята в конгрессе и в обществе в целом. Поэтому он решил придать ей вид взаимовыгодной сделки и в тот же день на пресс-конференции публично озвучил полюбившуюся ему метафору с «садовым шлангом», который «сосед» должен будет вернуть после войны или возместить его стоимость «натурой».

Реакция на это предложение в стране оказалась весьма благоприятной, не говоря уже об англичанах, встретивших его с большим энтузиазмом. Президент решил закрепить успех, связав эту инициативу с общей стратегией США в разворачивающейся войне. В радиообращении к стране 29 декабря он выдвинул концепцию превращения Америки в «великий арсенал демократии», согласно которой главная роль Соединенных Штатов должна была заключаться в производстве военной техники и поставках ее союзникам. Речь прежде всего шла о Великобритании, защита которой провозглашалась важнейшей задачей обеспечения безопасности самих США. Подготовив общественное мнение, администрация приступила к разработке нового законодательства, которая был поручена юристам Министерства финансов 2 января 1941 г.

Ф. Рузвельт поставил перед разработчиками две основные задачи: зарезервировать за президентом максимальную свободу в выборе стран-реципиентов, определении содержания самих поставок и способов их возмещения; свести к минимуму сопротивление противников в конгрессе, не избегая при этом дебатов по законопроекту в целях просвещения общественности относительно необходимости предложенной программы. Поэтому ключевой параграф законопроекта был сформулирован предельно широко: он наделял президента правом «продавать, передавать в собственность, обменивать, сдавать в аренду, взаймы или иначе распоряжаться оборонными товарами» в отношении стран, «оборона которых, по его мнению, является жизненно важной для обороны Соединенных Штатов».

Последняя формулировка была заимствована из «закона Питтмэна», а право передачи в аренду военного имущества взято из старого закона 1892 г., который давал такие полномочия военному министру «в тех случаях, когда, по его мнению, это будет в интересах государства»[5]. Сама категория «оборонных товаров» также формулировалась очень широко: в нее входили любые виды вооружений, военной техники и боеприпасов, промышленное оборудование, необходимое для производства таких товаров, сельскохозяйственная продукция и все виды сырья, имеющего отношение к обороне. Никаких ограничений на расходы по этой программе не вводилось: президенту, таким образом, давался своего рода чистый чек, который он мог заполнить по своему усмотрению. Выбор способа возмещения за поставки по ленд-лизу той или иной стране также оставлялся за президентом.

Понятие «обмена» оборонных товаров подразумевало возможность встречных поставок странами-реципиентами тех товаров, в которых нуждались сами США. Поначалу разработчики составили исходный список стран-реципиентов, в который вошли Великобритания, Греция, Китай и страны Латинской Америки с оговоркой о возможности включения в него «любой другой страны» по усмотрению президента. Но затем было решено вообще отказаться от перечисления конкретных стран, чтобы не давать лишний повод критикам. Законопроект также разрешал передачу информации, необходимой для использования поставок, и запрещал странам-реципиентам их передачу третьим странам.

Закон готовился в рекордно короткие сроки. Юристы Министерства финансов составили его первый вариант уже к 3 января. В тот же день Г. Моргентау согласовал его с представителями находившейся тогда в Вашингтоне британской миссии. Только после этого закон был рассмотрен в Госдепартаменте, Военном и Военно-морском министерствах, которые

ограничились незначительными замечаниями. 7 января он был завизирован Ф. Рузвельтом, а 9 января в Белом доме состоялось совещание, на котором была выработана стратегия и тактика проведения законопроекта через конгресс. Тем временем по настоянию Ф. Рузвельта англичанам пришлось срочно использовать золотой запас Британской империи (южноафриканское золото) для оплаты задолженности по уже сделанным в США заказам. «Впервые в своей истории Соединенное Королевство с волнением ожидало принятия американского закона, зная, что от исхода этого процесса может зависеть его судьба», — писал об этом моменте участник переговоров британский дипломат Г. Холл[6].

10 января лидеры демократов в конгрессе внесли законопроект администрации на рассмотрение обеих палат. Он получил символический номер 1776 (год провозглашения независимости США), призванный подчеркнуть его патриотическое звучание. Однако это не спасло законопроект от яростных нападок изоляционистов и других политических врагов администрации. Оппозицию законопроекту возглавляли представители республиканской партии. Из лидеров оппозиционной партии его поддержал только У. Уилки — республиканский кандидат в президенты на выборах 1940 г. 15 января в конгрессе начались слушания по закону № 1776, которые оказались в центре внимания всей страны.

От администрации в защиту ленд-лиза выступили министры Г. Моргентау, Г. Стимсон, К. Хэлл, Ф. Нокс; оппозицию представляли бывший посол в Лондоне Дж. Кеннеди, лидер социалистов Н. Томас, лидеры изоляционистов Ч. Линдберг и Р. Вуд. Представители администрации имели монополию на информацию военного и стратегического характера, придававшую их аргументации повышенную убедительность. Они доказывали неразрывную связь обороны Британских островов с национальной безопасностью США, акцентировали стратегические преимущества предлагаемой программы для Америки и ее стимулирующий эффект для американской экономики в виде дополнительных военных заказов.

Противники законопроекта, будучи не в состоянии как следует оспорить эти доводы, сосредоточились на других аргументах: ленд-лиз станет фактическим объявлением войны Германии и втянет США в чужую для них европейскую войну, законопроект придаст президенту «диктаторские полномочия» в использовании национальных ресурсов в обход конгресса. Это были весьма серьезные доводы, но защитники законопроекта доказывали, что ленд-лиз, помогая сражаться другим странам, сможет удержать Америку от вступления в войну, а широкие полномочия президента соответствуют его конституционной роли Верховного главнокомандующего. Еще одним пунктом оппозиции был тезис о том, что Великобритания может оплачивать свои поставки и без американской помощи. Г. Моргентау в своих выступлениях ответил на это с помощью цифр, показав бедственное состояние британских финансов. Постепенно инициатива переходила к сторонникам ленд-лиза в конгрессе, которых поддерживала большая часть прессы и населения страны.

Поняв, что отклонить законопроект не удастся, его противники пошли по пути выхолащивания путем внесения поправок. Одной из них было требование ограничить количество стран-реципиентов предложенным списком, в котором не было места для Советского Союза; другая поправка открыто запрещала включать СССР в этот список. За это выступали как явные антисоветчики, так и противники чрезмерного усиления президентских полномочий. В Белом доме уже знали о германских планах нападения на СССР, видели в нем потенциального союзника и отнюдь не собирались заранее отказывать ему в американской помощи. Но открыто говорить об этом было нельзя, поэтому администрация отвела эту попытку ссылками на необходимость сохранения свободы рук в данном вопросе, поскольку неизвестно, на кого еще нападет А. Гитлер[7].

26 января состоялось совещание лидеров конгресса от демократической партии и представителей администрации для обсуждения итогового варианта законопроекта с учетом предложенных изменений. В результате было решено ограничиться несколькими поправками: обязать президента не реже чем раз в три месяца отчитываться перед конгрессом о ходе выполнения программы (не раскрывая секретной информации), ограничить ее по времени, исключить возможность использования боевых кораблей США для защиты конвоев вою-

ющих стран (уступка изоляционистам) и обязать президента консультироваться с военным командованием при передаче по ленд-лизу военной техники, находящейся в распоряжении военных. Ф. Рузвельт согласился с этими поправками, а вечером того же дня они были согласованы с лидерами республиканской фракции в целях обеспечения двухпартийной поддержки законопроекта.

Перед решающими голосованиями в конгрессе сторонники и противники ленд-лиза развернули широкую агитацию в свою поддержку. Оппозиция продолжала настаивать на более радикальных поправках, в том числе на исключении СССР из предложенной программы[8]. Во время решающего голосования по этой поправке в комитете по иностранным делам палаты представителей 14 его членов от демократической партии проголосовали против 10 республиканцев. Голосования по поправкам, предложенным администрацией, также прошли по партийному признаку. 30 января прения по законопроекту начались в палате представителей, где изоляционисты предприняли последнюю попытку выхолостить его поправками. В том числе предлагалось ограничить стоимость всей программы 7 млрд долларов.

Президент внимательно следил за ходом обсуждения. В итоге почти все поправки республиканцев были отвергнуты за исключением предложения конгрессмена Э. Дирксена, наделявшего конгресс правом прекратить данные президенту полномочия принятием совместной резолюции. 8 февраля палата представителей одобрила законопроект 260 голосами против 165. В голосовании не участвовали лишь 10 человек (в основном тяжелобольные), что лишний раз говорило о важности и напряженности этих дебатов. При этом закон поддержали 24 республиканца из 159 и 236 демократов из 261[9].

В сенате, как и в палате представителей, закон мог быть проведен голосами одних демократов, но Ф. Рузвельт хотел обеспечить ему максимально широкую двухпартийную поддержку, перетянув на свою сторону хотя бы часть республиканцев. Поэтому администрация пошла на некоторые уступки оппозиции. Поскольку за основу обсуждения был взят вариант палаты представителей, уже содержавший эти уступки, законопроект сравнительно легко прошел профильный комитет сената по внешним сношениям. Единственным заметным изменением стало добавление к поправке Э. Дирксена, которое давало конгрессу право прекратить полномочия президента по ленд-лизу только при условии отмены чрезвычайной ситуации. Техническая поправка сенатора-демократа Дж. Бирнса ограничивала поставки по ленд-лизу только теми из них, на которые были выделены ассигнования. Но во время обсуждения законопроекта полным составом верхней палаты неожиданно разгорелась острая борьба. В центре внимания оказалась поправка сенатора-демократа А. Эллендера, изымавшая из президентских полномочий по ленд-лизу право использовать вооруженные силы США за границей, и поправка сенатора-демократа Р. Рейнольдса, запрещавшая распространение ленд-лиза на СССР. Общими усилиями сторонников законопроекта в сенате и представителей администрации эти попытки были отбиты. Важную закулисную роль при этом сыграли О. Кокс и представитель Военного министерства Дж. Макклой, которые взяли на себя основную работу по координации действий в защиту законопроекта и его интеллектуальному сопровождению.

Итоговое голосование в сенате состоялось 8 марта: 60 — за (в том числе 10 из 28 республиканцев), 31 — против (в том числе 14 из 65 демократов). На следующий день согласительная комиссия обеих палат предложила палате представителей одобрить поправки, внесенные сенатом, что и было сделано 11 марта голосами 317 законодателей против 71[10]. В конце того же дня президент подписал законопроект и после двухмесячной борьбы в конгрессе ленд-лиз стал законом Соединенных Штатов. Для его скорейшего проведения в жизнь Ф. Рузвельт еще в ходе этой борьбы назначил совещательный комитет в составе представителей Министерства финансов, Госдепартамента и военных ведомств во главе с ближайшим советником президента Г. Гопкинсом. Вскоре этот орган был преобразован в администрацию по делам ленд-лиза.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз подтвердило правильность расчетов администрации зарезервировать возможность распространения ленд-лиза на СССР. Однако с учетом настроений в конгрессе Ф. Рузвельт не спешил с этим шагом. Поначалу поставки в

СССР оплачивались золотом и авансами под грядущие поставки из Советского Союза. Но в Белом доме понимали необходимость осуществлять эту помощь на более широкой и долговременной основе. 30 октября Ф. Рузвельт сообщил И. В. Сталину о выделении советскому правительству беспроцентного займа в 1 млрд долларов для оплаты американских поставок. В своем ответе советский лидер расценил это как «исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом»[11]. 7 ноября, когда под воздействием упорных боев на советско-германском фонте отношение к СССР в Америке стало меняться, Ф. Рузвельт принял решение о включении Советского Союза в число стран, оборона которых имеет жизненно важное значение для безопасности США.

Принятие закона о ленд-лизе имело большое значение для всего хода Второй мировой войны. По сути, оно стало объявлением экономической войны Германии со стороны США еще до их официального вступления в войну. Тем самым был сделан решающий шаг к созданию антигитлеровской коалиции. Ленд-лиз стал материальной основой этой коалиции, подключив огромные экономические ресурсы Америки к борьбе со странами оси. Он также стимулировал рост военного производства в самих США и помог упорядочить распределение военной продукции между собственными нуждами и запросами союзников.

Экономическая помощь США Великобритании и другим странам

Тяжелые потери английского флота в развернувшейся войне на море заставили У. Черчилля 15 мая, едва став премьер-министром, обратиться к Ф. Рузвельту с просьбой о «временном предоставлении нам ваших 40 или 50 старых эсминцев», а также сотен самолетов, средств ПВО, боеприпасов, стали. «Мы будем продолжать расплачиваться долларами до тех пор, пока сможем, — писал британский лидер, — но мне хотелось бы быть достаточно уверенным в том, что, когда мы более не сможем платить, вы все равно будете снабжать нас материалами». Масштабы нараставшей на западном фронте катастрофы союзников и серьезность гитлеровской угрозы для США, судя по всему, еще находились в процессе осмысления в Белом доме.

В своем ответе Ф. Рузвельт не дал никаких конкретных обязательств. Относительно эсминцев со ссылкой на позицию конгресса и «наши собственные потребности обороны» было заявлено: «Я сомневаюсь, что мы смогли бы даже временно передать эти эсминцы».

Однако У. Черчилль упорно продолжал говорить, что «для нас нет ничего более важного», чем получить эти старые эсминцы. Потребовалось три месяца, чтобы американская администрация по-новому оценила ситуацию. В послании от 13 августа Ф. Рузвельт сообщал о согласии выделить по меньшей мере 50 эсминцев, но «только если американский народ и конгресс ясно поймут, что в обмен на это будут приняты меры по усилению национальной обороны и безопасности Соединенных Штатов». И сообщал конкретные условия: дать заверение, что британские военные корабли даже в крайних обстоятельствах не будут сданы немцам или затоплены, а уйдут в другие части империи; разрешить Соединенным Штатам использование британских владений в Западном полушарии в качестве военно-воздушных и военно-морских баз в случае нападения на это полушарие «со стороны какой-либо неамериканской нации»; для этого дать возможность США приобрести или взять в аренду на 99 лет землю под военные базы[12].

Англичане согласились на такую сделку, которая и была оформлена 2 сентября 1940 г. США получили возможность создать свои военные базы в британских владениях в Вест-Индии (на Антигуа, Багамских островах, Сент-Люсии, Тринидаде и Ямайке), в Британской Гвиане (современная Гайана), на Бермудских островах и Ньюфаундленде. Правда, условия аренды были согласованы только к марту 1941 г. К концу 1940 г. англичане получили лишь девять эсминцев из обещанных пятидесяти[13].

Капрал департамента вооружений британской армии несет пистолеты-пулеметы

Британский генерал-майор Макмюллен и полковник американской армии Райан
в кабине паровоза, поставленного в Великобританию из США по ленд-лизу

Переданные британцам эсминцы, построенные еще в годы Первой мировой войны, были уже списаны из состава американского флота и подлежали продаже на слом по 4—5 тыс. долларов каждый. Таким образом, констатировал президент в письме председателю сенатского комитета по военно-морским делам, за корабли, «находящиеся при последнем издыхании», общей стоимостью в 250 тыс. долларов США получили восемь баз в британских владениях в Западном полушарии. Англичане переоборудовали и модернизировали эти корабли. Несмотря на то что их боевой потенциал был не слишком велик, они остались довольны. Как высказался У. Черчилль, «этот шаг свидетельствовал о переходе Соединенных Штатов из положения нейтральной к положению невоюющей стороны»[14].

Сделка «эсминцы в обмен на базы» стала прелюдией к появлению ленд-лиза. С подписанием закона о ленд-лизе последовал новый, еще более существенный шаг в направлении использования аренды, передачи материальных ресурсов без немедленной оплаты. Основное содержание закона сводилось к следующему: президент США получал право предоставлять материалы (вооружение, военная техника, боеприпасы, снаряжение, а также промышленное оборудование, транспортные средства, сырье, продовольствие и все остальное, что необходимо для ведения войны), услуги и информацию странам, чью оборону он сочтет «жизненно важной» для обороны США; поставленные материалы, уничтоженные, утраченные и использованные во время войны, оплате не подлежали; переданное в рамках ленд-лиза имущество, оставшееся после окончания войны и пригодное для гражданских целей, будет оплачено полностью или частично на основе предоставленных Соединенными Штатами долгосрочных кредитов (в основном беспроцентных займов); в случае заинтересованности американской стороны неразрушенные и неутраченные техника и оборудование должны быть возвращены после войны в США.

Со странами — получателями помощи по ленд-лизу США заключали специальные соглашения, в которых были оговорены условия ее предоставления. 27 марта 1941 г. Конгресс ассигновал на ленд-лиз первые 7 млрд долларов. Первыми странами, на которые было распространено действие закона, стали Великобритания и Греция, за ними последовали Китай, Польша и другие. К концу войны 38 стран получали помощь по ленд-лизу.

Принятие закона о ленд-лизе было с огромным облегчением и радостью встречено на Британских островах. У. Черчилль позже охарактеризовал его в парламенте как «самый бескорыстный акт в истории какой бы то ни было страны». В мемуарах британский премьер также не поскупился на восторженные оценки этого закона: «Как только конгресс принял его, он сразу же изменил всю картину. Он дал нам возможность на основании соглашения строить на длительный период грандиозные планы удовлетворения всех наших потребностей. Условий выплаты не ставилось. Даже не велось никакого формального счета ни в долларах, ни в фунтах стерлингов. То, что мы получили, отдавалось нам взаймы или в аренду потому, что наше упорное сопротивление гитлеровской тирании считалось жизненно важным для великой республики. По мнению президента Рузвельта, не доллары, а оборона Соединенных Штатов отныне должна была определять, куда будет направляться американское вооружение»[15].

Но были и негативные стороны принятия закона о ленд-лизе: «...в частном порядке британское правительство было потрясено жесткими условиями, привязанными к ленд-лизу. Американцы потребовали провести аудит всех британских активов и настояли на том, что не может быть никаких выплат, пока до конца не использованы все резервы иностранной валюты и золота. Корабль ВМС США был послан в Кейптаун, чтобы забрать хранившиеся там последние запасы британского золота. Принадлежавшие британцам компании в США, прежде всего такие как «Куртолдс», «Шелл» и «Левер», должны были быть распроданы по бросовым ценам, а затем оказались перепроданы американцами с большой выгодой. Черчилль великодушно относил все это к необходимости для Рузвельта выбить почву из-под ног у противников Британии в вопросе о ленд-лизе, многие из которых кивали на неспособность англичан и французов выплатить долги времен первой мировой войны. Британцы в целом недооценивали того, сколько американцев недолюбливали их как империалистов, снобов и специалистов в искусстве ради собственной выгоды заставлять других воевать за себя»[16].

Для самих Соединенных Штатов закон о ленд-лизе означал очень многое. Внутри страны — мощный импульс для подъема промышленности и ее перестройки на военный лад, на международной арене — еще один, самый крупный шаг в превращении США в невоюющего союзника Великобритании. Для американской общественности это подавалось как средство, помогая другим, отодвинуть войну для себя. Но для многих за пределами Соединенных Штатов (впрочем, и внутри страны тоже) это было свидетельством скорого и неизбежного вступления США в войну. Во всяком случае А. Гитлер, объявляя 11 декабря 1941 г. войну Соединенным Штатам, указал на ленд-лиз как на одну из причин такого своего решения.

Был создан аппарат управления делами, связанными с ленд-лизом. Образованным в августе 1941 г. Управлением по осуществлению закона о ленд-лизе короткое время руководил Г. Гопкинс, ближайший друг и помощник президента Ф. Рузвельта. Затем это место занял Э. Стеттиниус, выходец из большого бизнеса, ранее возглавлявший правление крупнейшей металлургической корпорации «Юнайтед Стейтс стил». В сентябре 1943 г. с поста администратора программы ленд-лиза он ушел в Госдепартамент заместителем госсекретаря, а с ноября 1944 по июнь 1945 г. являлся государственным секретарем США.

В программе ленд-лиза можно выделить два аспекта: военно-экономический и политический. Первый из них включал производство, распределение, доставку и использование военных материалов, выделенных той или иной стране. Поначалу были проблемы с разделом продукции между американскими армией, авиацией и флотом и странами — реципиентами ленд-лиза. Остроты добавляла нехватка транспортных мощностей, в первую очередь грузового океанского тоннажа. С 1943 г., когда за океаном военная индустрия заработала во всю мощь, подобного рода вопросы все меньше беспокоили американцев. Показательно, что в этом году были произведены морские перевозки на 10 млрд долларов, а в 1944 г. — на 11 млрд. Всего поставки по ленд-лизу составили около 50,1 млрд долларов, из которых 31,4 млрд пришлось на Великобританию и страны Британской империи, 3,2 млрд — на Францию, 1,6 млрд — на Китай.

Поставки Соединенных Штатов Великобритании составили от общего британского производства: 47% бронетехники, 38% десантных кораблей и десантных средств, 21% стрелкового оружия, 18% боевых самолетов, 60% транспортных самолетов[17].

Военные материалы, поставлявшиеся по ленд-лизу, мало было произвести, что американская промышленность делала во все возрастающем масштабе. Надо было доставить грузы странам — получателям помощи. Поэтому логистика имела колоссальное значение для осуществления программы ленд-лиза и была напрямую связана и обусловлена ходом боевых действий на различных театрах. Так было, например, во время битвы за Атлантику. Не отразив угрозу со стороны германских военно-морских сил и особенно его подводного флота, не установив надежный контроль над океанскими коммуникациями, не обладая должными транспортными возможностями, просто невозможно было доставить по назначению ленд-лизовские грузы, часть из которых как раз предназначалась для использования во время этой битвы.

Помимо обмена новейшими технологиями (особенно радары и радиопеленгаторы), которые сыграли неоценимую роль в победе над германским подводным флотом, огромное значение имела поставка из США по ленд-лизу кораблей, специально предназначенных для противолодочной борьбы. Никто заранее не ожидал подводной угрозы таких масштабов, поэтому в начале войны возможности эскортных кораблей были ограничены. Англичане поначалу наскоро переделали довоенный проект китобойных судов, и получилось то, что они назвали корветами. В 1940–1942 гг. их было в британском флоте — 137 единиц, в канадском — 79. Но им на смену пришли более крупные, быстрые и эффективные фрегаты и сторожевые корабли. С весны 1943 г. на флоты стали поступать эскортные эсминцы. Из 450 таких кораблей, построенных на американских верфях, более 100 были переданы англичанам по ленд-лизу.

Панорама военной верфи в Филадельфии

Американский транспорт типа «Либерти»

Союзники получили возможность шире использовать в борьбе с подводными лодками свою авиацию. Наряду с бомбардировщиками и «летающими лодками» дальнего радиуса действия появились самолеты с меньшим радиусом, базировавшиеся на эскортных (конвойных) авианосцах. Они переделывались из больших торговых судов и несли по 15–20 самолетов. В Королевском флоте первый эскортный авианосец появился в конце 1940 г., а через два года в строю было уже не менее 40, в большей своей части поставленных США по ленд-лизу[18].

Кроме необходимости все время укреплять свои противолодочные силы, союзники испытывали огромную потребность в торговом тоннаже. Массированные поставки в Великобританию и другие страны, передача самих грузовых судов и танкеров по ленд-лизу союзникам, проведение масштабных десантных операций, сопряженных с обеспечением войск всем необходимым, на фоне постоянной потери транспортов сделали в начале войны для союзников проблему тоннажа одной из наиболее острых.

Накануне войны совокупное водоизмещение торговых флотов всех стран мира составляло 61,4 млн тонн, при этом на долю Великобритании приходилось 16,9 млн тонн (27%), на долю британских доминионов — 1,7 млн тонн. Вместе с польскими, норвежскими, датскими, греческими торговыми судами, сумевшими уйти от фашистов к англичанам, общий тоннаж подконтрольного Великобритании флота составил 23 млн тонн. У США было еще 8,7 млн тонн. Итого — чуть больше половины всего мирового тоннажа.

Но торговый флот стал стремительно таять, когда нацистская Германия в полном масштабе развернула подводную войну. Она стремилась осуществить морскую блокаду Великобритании, лишив ее подвоза вооружения, продовольствия, сырья. Ведь на Британские острова ежегодно завозилось 25 млн тонн грузов. В 1942 г. около 20% военного имущества (вооружения, боеприпасов, снаряжения) для англичан поступало морем из США и Канады, к 1944 г. — 35%.

Цифры потерь союзниками торгового тоннажа составляли более чем по 3 млн тонн в 1940 и 1941 гг. Это было заметно больше, чем в Великобритании спускалось на воду новых судов. Даже добавление нового американского тоннажа принципиально не меняло картину. Работавшие по привычной схеме, пусть даже в более напряженном режиме военного времени верфи не справлялись с растущими потребностями. В 1942 г. потери зашкалили за отметку в 6 млн тонн.

Используя опыт Первой мировой войны, когда на одной из верфей Филадельфии было освоено серийное поточное производство типовых транспортных судов, США нашли выход из сложившейся ситуации. Были найдены прототипы тех проектов судов, производство которых предстояло поставить на поток. Сначала за основу был взят тип транспортного судна, характерный для транспортов британской компании «Сильвер лайн» в 1930-х гг. По этому проекту в США стали строить заказанные в 1940 г. Великобританией по ленд-лизу суда в количестве 60 единиц. Первое судно серии типа «Оушен» спустили на воду 16 августа 1941 г. Позднее заказ был увеличен до 306 судов, однако 117 из них должны были быть построены уже по новому проекту (будущему «Либерти»). При разработке типового проекта и технологической схемы американцы внесли ряд существенных изменений, самым главным из которых была замена трудоемкой клепки сборкой сварных секций. Это и другие новшества позволили заметно ускорить производственный процесс.

Развернулось массовое поточное строительство судов новой серии. Первые 14 из них были спущены на воду 27 сентября 1941 г. Президент Ф. Рузвельт объявил эту дату «днем флота свободы», поэтому вся серия получила название «Либерти» («Свобода»). Типичное «Либерти» имело водоизмещение 7200 тонн, скорость 11 узлов, экипаж около 40 человек, вооружение: 102-мм орудие для защиты от всплывших подводных лодок, а также зенитные орудия и пулеметы. На него можно было погрузить 2840 джипов или 525 бронеавтомобилей М-8, или 440 легких либо 260 средних танков, или 651 тыс. 76-мм либо 300 тыс. 105-мм снарядов.

На постройку первых 14 транспортов ушло около 230 дней. Путем дальнейшего введения разного рода усовершенствований время от закладки судна до спуска на воду было сокращено до 42 суток. В пропагандистских целях в ноябре 1942 г. был поставлен рекорд — заложенное 8 ноября судно было спущено на воду 12 ноября (спустя четыре дня, 15 часов и 29 минут после закладки) и пошло в первый рейс 22 ноября.

Благодаря прежде всего транспортам проекта «Либерти» союзники уже в 1942 г. сумели более чем на миллион тонн тоннажа перекрыть свои колоссальные потери. Тем не менее потребности США на Атлантическом и Тихоокеанском театрах были так велики, что, например, во время высадки союзников в Северной Африке в ноябре 1942 г. не они, а Великобритания обеспечила транспорты для войск, грузовые суда и практически все танкеры, задействованные в этой операции, а США одолжили у англичан то, что им было нужно. Вообще во второй половине этого года американцы предоставляли взаймы торговый тоннаж британцам, но в ограниченном масштабе, на короткое время и в меньших объемах, чем те давали свои суда в аренду (в порядке встречного ленд-лиза) своим заокеанским союзникам. Хотя в этот период необходимость британцев в сухогрузах, полностью или преимущественно предназначенных для удовлетворения потребностей вооруженных сил, была еще выше, чем у американцев — 8,5 против 6 млн тонн[19].

Американская судостроительная индустрия набирала обороты. Заказы на «Либерти» были размещены почти на двух десятках верфей, расположенных как на восточном, так и на западном побережье США. В 1943 г. в среднем спускалось на воду три судна в день. Всего было построено более 2700 единиц общим водоизмещением 19 млн тонн, то есть более чем в два раза больше тоннажа всего довоенного американского флота. Такие темпы оказались не по плечу британскому судостроению, и к середине войны торговый флот Великобритании зависел от получения пополнения из-за океана.

Проведение десантных операций (в Северной Африке, Италии, Франции, на Тихом океане) требовало предоставления по ленд-лизу английским и другим союзным войскам в большом количестве десантных и танкодесантных кораблей различных типов и модификаций. Если в 1940–1941 гг. на американских верфях шло строительство по британским образцам, то затем стали спускать переоборудованные и специально построенные корабли. Так, англичане начали с того, что создали океанский танкодесантный корабль, способный десантировать 20 танков и до сотни других машин. В США была принята модель водоизмещением 2286 тонн (больше, чем у многих эсминцев), и к концу войны произвели 1573 таких корабля. Было также спущено на воду около 20 тыс. малых десантных судов, предназначенных для перевозки личного состава. Фирма из Нового Орлеана, которая разработала этот проект, получила контракты на 700 млн долларов. Для его реализации ей пришлось привлечь столько рабочих, что население города в 1942 г. в основном по этой причине увеличилось на 20%. У. Черчилль часто сокрушался по поводу зависимости Великобритании от американских десантных кораблей (38%)[20].

Если маршруты снабжения Европейского и Средиземноморского театров военных действий были относительно короткими, то сложнее дело обстояло в обеспечении поставок в Китай и на весь Тихоокеанский театр. Здесь роль перевалочных пунктов выполняли порты Индии, где грузы часто застревали, а это, в свою очередь, требовало увеличения пропускной способности идущих к ним железных и автомобильных дорог.

В годы Второй мировой войны огромную роль в снабжении по ленд-лизу гоминдановского Китая и в целом в поставках военных материалов в Восточную и Юго-Восточную Азию сыграла Бирманская дорога, которая соединяла Лашо в Бирме (Мьянма), являвшейся тогда владением Великобритании, и Куньмин в Китае (провинция Юннань). Ее длина составляла 1154 км, и проходила она по крутым горам. Участок от Куньмина до границы с Бирмой был построен китайскими рабочими в 1937–1939 гг. во время Японо-китайской войны. Тогда Япония захватила морское побережье Китая, и силы во главе с Чан Кайши оказались блокированы во внутренних районах страны. Так что жизненно важным путем, связывавшим Китай с внешним миром, стала именно Бирманская дорога. В те годы по ней было перевезено 650 тыс. тонн военных грузов, которые доставлялись по морю в Рангун (Янгон), а оттуда по железной дороге через Мандалай в Лашо. Однако по требованию Японии в июле 1940 г. англичане прекратили эксплуатацию дороги. Японцы также перекрыли железную дорогу из Хайфона (Французский Индокитай) в Юннань, что окончательно изолировало китайцев от выхода к портам Тихого и Индийского океанов. Захват японскими войсками Бирмы имел среди прочего цель своими силами перерезать этот основной путь снабжения чанкайшистов.

Союзники вынуждены были организовать воздушный мост через восточные отроги Гималаев, где высота гор достигала 4500 м. Он пролегал из района Динджана (индийский Ассам) до Куньмина (800 км). Для летчиков полеты на такой высоте в горной местности в условиях тропического климата являлись крайне сложными. Катастрофы и аварии были обычным делом. Тем не менее, начавшись в июле 1942 г. с доставки 82 тонн грузов, этот маршрут функционировал до конца войны, когда в июле 1945 г. были перевезены рекордные 71 042 тонны. Всего же по воздуху было переброшено 650 тыс. тонн различных припасов. Силы военно-транспортной авиации США, выполнявшие эту уникальную операцию, насчитывали до 22 тыс. военнослужащих, 47 тыс. гражданских лиц и более 300 самолетов. В полетах участвовали также китайские летчики на полученных по ленд-лизу транспортных самолетах и истребителях.

Однако воздушным путем невозможно было обеспечить транспортировку огромной массы ленд-лизовских грузов, которые США предназначали для Китая. С декабря 1942 г. развернулось строительство наземной дороги и нефтепровода из индийского Ледо (Ассам) через гористую местность северной Бирмы с выходом на Бирманскую дорогу (770 км). Работы велись под руководством американского генерала Д. Стилуэлла, именем которого по предложению Чан Кайши эта дорога была названа в 1945 г. В строительстве были задействованы более 15 тыс. человек. Но несмотря на все усилия и вложенные 148 млн долларов, осуществление этого сложнейшего в инженерном отношении проекта затянулось до 1945 г., когда он уже потерял свою прежнюю стратегическую значимость. До окончания войны по этой дороге было перевезено всего 35 тыс. тонн военных грузов[21]. При перевозке грузов и в воздушных боях над Бирманской дорогой союзными силами были потеряны более 600 самолетов и 1 тыс. человек.

Морским путем доставлялись ленд-лизовские грузы в Советский Союз. Почти половина из них пришла через Тихий океан, примерно по четверти — через Персидский залив, Иран и Каспий (причем на этом маршруте в 1942 г. американцы приняли от англичан ответственность за его функционирование) и через арктические моря в Мурманск и Архангельск.

Помимо морских были и воздушные пути поставок по ленд-лизу. В конце 1930-х гг. межконтинентальные воздушные перевозки только налаживались. Опыт в этом сложном деле имели в основном как раз британская «Империал эйрвейз» и американская «Пан американ эйрвейз». Последняя в июне 1939 г. открыла регулярные рейсы через Северную Атлантику (с началом войны прекращены), в 1941 г. — через Тихий океан.

Поставлявшиеся по ленд-лизу самолеты из США перегонялись союзникам через океаны своим ходом, чтобы не занимать место (в разобранном виде) на грузовых судах и экономить время. Все американские бомбардировщики на Британских островах и в Средиземноморье сами перелетели через Атлантику. Чаще всего маршрут проходил через Ньюфаундленд и Лабрадор в Канаде, Гренландию и Исландию. Последние два острова играли важную роль в обеспечении полетов над Северной Атлантикой. Гренландия, находившаяся под властью Дании, после оккупации последней в апреле 1940 г. гитлеровцами была объявлена Вашингтоном подпадающей под действие «доктрины Монро», а после апреля 1941 г. там появились американские военные базы. Состоявшая в личной унии с Данией Исландия была занята в мае 1940 г. английскими, а с июля 1941 г. — американскими войсками.

Однако зимой перелеты через Северную Атлантику были очень затруднены, а то и невозможны. Поэтому был налажен маршрут через Южную Атлантику. Он использовался также для перегонки самолетов на Ближний Восток, далее в Иран (оттуда его продолжение шло в СССР), Индию и даже в Китай. Иногда его называли «трансафриканский маршрут». Это был самый быстрый путь поставок вооружений по воздуху из США в Азию, Европу и Африку.

Американцы вслед за англичанами стали летать из США с промежуточной посадкой на британских базах в Вест-Индии или на аэродромах северо-востока Бразилии (Белем, Натал). Затем путь шел через Атлантику до английских (с конца 1942 г. и французских) владений в Западной Африке, оттуда в Хартум и далее в Каир и по всему Ближнему Востоку. Позднее маршрут был продлен в Индию и на Дальний Восток. В июле 1942 г. была открыта авиабаза на принадлежавшем Великобритании острове Вознесения, расположенном примерно по-

середине между Бразилией и Западной Африкой. Теперь летать через Южную Атлантику могли не только четырехмоторные, но и двухмоторные самолеты. Истребители везли в разобранном виде на судах и собирали на заводе в Такоради (Гана), откуда они шли над Африкой своим ходом. На этом маршруте американцы развернули всю необходимую инфраструктуру: наладили навигацию, радиосвязь и метеослужбу, построили взлетно-посадочные полосы с твердым покрытием, ангары, ремонтные и сборочные заводы и прочее[22].

Воздушный маршрут через Атлантику стал еще более привлекательным для союзников, когда им удалось добиться от Португалии в 1943–1944 гг. согласия на использование ими Азорских островов. Там появилась военная база, формально британская, но с американским присутствием — договоренность оформлялась под ширмой старинного англо-португальского союзного договора. Этот более короткий путь из США через Азорские острова в Великобританию и в Северную Африку позволял сэкономить большое количество высокооктанового бензина[23]. К 1944 г. самолеты B-29 летали из США по всему миру, на базы в Китае и на острова центральной части Тихого океана.

В противоположность союзникам державы оси Берлин — Рим — Токио не смогли наладить между собой межконтинентальную связь ни на море, ни по воздуху. Даже заходы в Индийский океан боевых кораблей что с востока, что с запада носили эпизодический характер. Лишь одной японской подлодке удалось пройти 30 тыс. миль с Дальнего Востока до Европы и вернуться обратно. В июле 1943 г. она вышла из Пенанга (Малайзия), в сентябре дошла до Бреста и в декабре вернулась в Сингапур. Самый дальний межконтинентальный полет из Рима в Токио совершил самолет итальянских ВВС «Савойя-Марчетти S-75» в начале июля 1942 г., пройдя через воздушное пространство СССР. Этот полет оказался первым и последним[24].

В целом ленд-лиз, безусловно, сыграл существенную роль в победном для стран антигитлеровской коалиции исходе Второй мировой войны. Вооружение, машины и оборудование, продовольствие и многое другое, поставлявшееся из-за океана, были крайне важны для союзников. Не надо только забывать, что воевали этим (и своим) оружием другие армии, и кровь свою проливали не только (и не столько) американцы, а другие солдаты, давая Соединенным Штатам возможность выждать, собраться с силами. В годы войны признания такого рода не были в США редкостью. Говоря о ленд-лизе, Э. Стеттиниус в докладе конгрессу в январе 1943 г. подчеркивал: «Эту помощь невозможно измерить в цифрах. Не существует стандартных оценок, с помощью которых, например, можно было бы сопоставить тысячу погибших русских солдат и тысячу истребителей. Все, кто погиб на полях сражений в Англии, Китае, России, в Африке и Азии, — пали, защищая свою родину. Но эти народы воевали и воюют с нашим общим врагом. Их жертвы спасают жизни американцев... все это вместе взятое спасает США от вторжения агрессора, помогает нам сберечь средства для победы и ускорить ее наступление»[25].

Помогая другим, американцы думали прежде всего о себе. Показательно, что закон о ленд-лизе официально назывался «Закон об укреплении обороны Соединенных Штатов». Это вполне соответствовало их истории, мировоззрению, менталитету. Как откровенно признавал тот же Э. Стеттиниус, «участников дебатов (о введении ленд-лиза. — *Прим. ред.*) и в конгрессе, и в обществе в целом волновала не помощь другим народам, но, скорее, наша собственная стратегия безопасности»[26].

Военно-экономическое сотрудничество с СССР

В первые же дни после нападения нацистской Германии на Советский Союз лидеры Великобритании и США сделали заявления о готовности поддержать СССР. Однако первое время после начала Великой Отечественной войны западные державы больше говорили о поддержке СССР, чем реально помогали.

24 июня американские власти разрешили советской стороне расходовать средства из советских денежных фондов, блокированных в США в январе 1940 г. Была смягчена дискриминационная практика в торговле с СССР. Закон о нейтралитете не применялся к Советскому Союзу, что позволяло поставлять ему американское вооружение. Характерно, однако, что заместитель госсекретаря США С. Уэллес, заявляя об этом решении, обосновал его тем, что война между СССР и Германией не угрожает интересам США или их граждан[27].

Еще 30 июня 1941 г. советское правительство предоставило американцам заявку на необходимые ему виды вооружения и промышленное оборудование, а также поставило вопрос о предоставлении кредита на пять лет. Запрос был огромным: 3 тыс. бомбардировщиков, 3 тыс. истребителей, 20 тыс. зенитных орудий, 50 тыс. тонн толуола и другой продукции на общую сумму свыше 1 млрд 836 млн долларов. Этот заказ был рассмотрен на заседании американского кабинета только 18 июля, причем лицензии на экспорт товаров в Советский Союз было разрешено выдать на 9 млн долларов (примерно 0,5% от запрошенного)[28]. Ф. Рузвельт в первых числах августа признавал, что с момента нападения Германии на Советский Союз «мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь. Честно говоря, если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца»[29]. Советская сторона была обеспокоена таким поворотом событий. Переговоры затягивались. Предоставление кредитов американская сторона обусловливала встречными поставками стратегического сырья из СССР: цветных металлов, платины, иридия и прочего.

Положение стало меняться после визита в Москву 29 июля — 1 августа Г. Гопкинса, личного представителя президента и руководителя администрации ленд-лиза[30]. 4 августа между СССР и США была достигнута договоренность о продлении до августа 1942 г. торгового соглашения и оказании экономического содействия Советскому Союзу. Американская сторона выразила готовность «самым дружественным образом» рассматривать советские заказы на товары и материалы для нужд обороны СССР, выдавать «неограниченные лицензии» на экспорт в Советский Союз и благожелательно рассматривать предложения об использовании американских транспортных средств для доставки указанных товаров[31].

На состоявшейся 9—12 августа у берегов Канады встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля с участием высших военных чинов обеих стран Г. Гопкинс доложил об итогах своей поездки в Москву. Лидеры США и Великобритании заявили о готовности оказывать СССР помощь необходимыми ему материалами и предложили провести трехстороннюю конференцию по этим вопросам. Более того, с 6 сентября англичане с негласного одобрения американцев начали военные поставки в Советский Союз на условиях ленд-лиза.

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве проходила конференция представителей трех держав по вопросам военно-экономического сотрудничества. Был подписан протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 по конец июня 1942 г. ежемесячно 400 самолетов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей), 500 танков (не более 50% легких), сотни зенитных и противотанковых орудий, разведывательные автомобили, а также алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и прочее[32].

30 октября правительство США предоставило СССР беспроцентный заем в 1 млрд долларов на оплату поставок вооружений и сырья с тем, чтобы выплаты по займу начались через пять лет после окончания войны и производились в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода. В послании Ф. Рузвельту от 4 ноября И. В. Сталин оценил этот шаг как «исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом»[33]. В феврале 1942 г. СССР был выделен еще 1 млрд долларов на тех же условиях[34].

7 ноября 1941 г. Соединенные Штаты распространили на СССР действие закона о ленд-лизе. До этого все поставки осуществлялись за наличный расчет. Впоследствии все поставки в СССР с 1 октября 1941 г. стали считаться проходившими на основе закона о ленд-лизе.

Английские женщины готовят танк «Матильда» к отправке в СССР

Погрузка танков «Матильда» для отправки по ленд-лизу в СССР

Американские штурмовики на борту грузового судна

Американские истребители перед отправкой в СССР

Американский военный груз, приготовленный для отправки в СССР по ленд-лизу

После Московской конференции в период с октября по декабрь 1941 г., как отмечалось в справке наркома внешней торговли СССР А. И. Микояна, Великобритания выполняла свои обязательства «более или менее точно и аккуратно, чего нельзя сказать о поставках США». Так, из обещанных 600 самолетов американцы фактически поставили 204, причем завезено в Союз было только 95, остальные находились в портах и в пути. Соответствующие цифры по танкам: 750 — 182 — 27, по грузовикам: 25 600 — 9238 — 1565[35]. У США было свое оправдание — в декабре они вступили в войну, что потребовало пересмотра всей системы распределения их ресурсов.

Постепенно складывался механизм военно-экономического сотрудничества СССР, США и Великобритании. Преодолевая недоверие, подозрительность и просто незнание многих вещей, стороны лучше стали понимать потребности и возможности друг друга, особенности законодательства и внутренних процедур другой стороны, характерные черты национального поведения и менталитета.

Поставки по ленд-лизу в Советский Союз осуществлялись на основе следующих протоколов:

— первый (Московский) действовал с 1 октября 1941 по 30 июня 1942 г. (подписан 1 октября 1941 г.);

— второй (Вашингтонский) действовал с 1 июля 1942 по 30 июня 1943 г. (подписан 6 октября 1942 г.);

— третий (Лондонский) действовал с 1 июля 1943 по 30 июня 1944 г. (подписан 19 октября 1943 г.);

— четвертый (Оттавский) действовал с 1 июля 1944 по 30 июня 1945 г. (подписан 17 апреля 1945 г.).

11 июня 1942 г. СССР и США подписали соглашение о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии. Оно было аналогично соглашениям, заключенным с февраля 1942 г. США с Великобританией и рядом других государств — получателей американской помощи по ленд-лизу.

Обязательства по первому протоколу приняли на себя главным образом англичане. По второму протоколу примерно равную долю с ними взяли на себя американцы. Затем поставки обеспечивались в основном США. Начиная с третьего протокола прямое участие в оказании помощи СССР стала принимать Канада (до этого канадские поставки засчитывались в британскую квоту). Из этой страны в Советский Союз поступали вооружение, промышленное оборудование, сталь, прокат, алюминий и другие цветные металлы, химические товары, продовольствие. На это в 1943–1946 гг. было затрачено около 167,3 млн канадских долларов, или 6,7% от общей суммы взаимопомощи[36]. Канадские моряки военного и торгового флотов участвовали в проводке северных конвоев.

Судьба ленд-лиза была предопределена общим поворотом советско-американских отношений от сотрудничества к конфронтации, который ясно обозначился при новом президенте США Г. Трумэне. 12 мая 1945 г. американцы внезапно прекратили поставки по ленд-лизу в Советский Союз. Москва ответила: прекращение поставок явилось для советского правительства «полной неожиданностью. Однако если правительство Соединенных Штатов Америки не видит другого выхода, то советское правительство готово принять к сведению указанные решения правительства США»[37]. Но американская администрация вскоре поняла, что поторопилась, ведь еще предстояло с участием СССР довести до победы войну с Японией. В Москву с «разъяснительной миссией» был срочно командирован Г. Гопкинс. Поставки по ленд-лизу возобновились, однако как только Япония была повержена, 20 сентября они снова прекратились, уже окончательно.

Конечно, путь ленд-лизовского продукта был долог и труден. На любом из этапов могли возникнуть сбои и трудности, которые, в свою очередь, давали повод для взаимных упреков и непонимания. Едва ли стоит удивляться неразберихе и нелепицам, которые первое время случались с обеих сторон в организации такого большого и сложного дела. И. В. Сталин даже вынужден был написать по этому поводу У. Черчиллю 8 ноября 1941 г.: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных кораблях, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде»[38].

Отправка танка «Валентайн» из Англии в СССР

В ожидании советского парохода с пшеницей.
В центре — посол СССР во Франции А. Е. Богомолов с супругой

Немалые трудности вызывали освоение и эксплуатация западной техники, которая требовала особого подхода и специальных знаний. Все эти «технические» проблемы с течением времени оказались вполне преодолимы. Были проблемы с качеством поставляемой продукции. И. В. Сталину пришлось известить Ф. Рузвельта, что присылаемые из США «самолеты «Китигаук» не выдерживают борьбы с нынешними немецкими истребителями», а «американские танки очень легко горят» из-за того, что используют высокосортный бензин, образующий большой слой бензиновых паров[39].

В Москве внимательно следили за тем, как идут поставки по ленд-лизу и какие проблемы при этом возникают. Особенно болезненную реакцию вызывали перебои в отправке северных конвоев. Ведь это был самый быстрый путь доставки в СССР оружия и других необходимых фронту материалов. Поэтому даже больший грузопоток по другим маршрутам не мог компенсировать прекращения движения по северному пути. Причем перерывы в отправке конвоев приходились именно на то время, когда на восточном фронте полыхали крупнейшие сражения под Сталинградом, Курском, на Днепре.

Так, в послании британскому премьеру от 23 июля 1942 г., то есть в момент уже начавшейся Сталинградской битвы, И. В. Сталин назвал «непонятными и необъяснимыми» действия английского Адмиралтейства, приведшие к гибели конвоя PQ-17. «Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь, — подчеркнул советский руководитель. — Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери». И. В. Сталин выразил крайнее удивление отказом Великобритании в подвозе военных материалов именно теперь, когда СССР особенно в этом нуждается из-за «серьезного напряжения на советско-германском фронте». Подвоз через порты Ирана ни в коей мере не мог окупить этих потерь[40]. Когда в августе У. Черчилль приехал в Москву, И. В. Сталин, выразив ему благодарность за помощь по ленд-лизу, тем не менее снова предъявил претензии относительно того, что западные союзники не выполняют в полном объеме свои обязательства по поставкам, «дают не то, что обещано»[41].

В 1943 г. история повторилась. В январе в совместном послании из Касабланки руководители США и Великобритании заявляли: «Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения. Мы не пожалеем никаких усилий, чтобы отправлять Вам материальную помощь в любом случае, всеми возможными путями»[42].

Существовал только один вопрос, ради которого СССР был готов согласиться с уменьшением поставок северными конвоями, — открытие второго фронта в Северной Франции. Советское правительство пошло на сокращение заявки на тоннаж на 40% с добавлением, что делает это, чтобы «облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 г.»[43]. Но в итоге союзники и конвои прекратили посылать, и второй фронт в 1942 г. не открыли (как, впрочем, и в 1943 г.).

По поводу северных конвоев у англичан и американцев были претензии к советской стороне, связанные с недостаточными, как они считали, усилиями СССР по прикрытию направлявшихся в его порты торговых караванов. «Русские не делали того, что могли, теми силами, которые у них были... они никогда не делили с флотом метрополии сколь-либо значительную долю ответственности в защите арктических конвоев», — утверждается в британской истории войны 1939—1945 гг. на море[44]. У. Черчилль в мае 1942 г. даже целиком посвятил этой проблеме свое послание И. В. Сталину. Он указывал на «необходимость увеличения помощи, оказываемой военно-морскими и военно-воздушными силами СССР, в обеспечении безопасного прохода конвоев», за которые они «должны быть в значительной мере ответственными»[45].

В начале войны сказывались слабость корабельного состава и авиации Северного флота, трудности с подготовкой командного и рядового составов, недостаток (если не отсутствие) практического опыта в проведении дальних походов, не говоря уже о конвойных операциях, и многое другое. Меры по усилению прикрытия конвоев были приняты. Ставка передала Северному флоту 20 дальних истребителей Пе-2. С мая 1942 г. на время операций по проводке

Конвой союзников на пути в СССР

Американские высшие офицеры на совещании
о доставке грузов по ленд-лизу в СССР через Аляску и Чукотку

Советские и американские летчики у истребителя P-63 на Аляске

конвоев флот мог использовать авиацию Карельского фронта и Архангельского военного округа, часть бомбардировочной авиации резерва Верховного главнокомандования и Мурманского дивизионного района ПВО[46]. С усилением Северного флота, в том числе за счет ленд-лиза, и накоплением опыта советскими моряками крепло их взаимодействие с союзниками.

Союзников не всегда удовлетворяло то, как их встречали на советских берегах и в каких условиях им там приходилось жить. Действительно, особого комфорта им обеспечить не могли, но так жила тогда вся Советская страна. Американцы и англичане неоднократно выражали свое недовольство тем, как в Советском Союзе освещалась тема союзнической помощи: слишком кратко и фрагментарно, будто бы СССР воюет в одиночку и никакой поддержки извне не получает. Из-за этого страдало взаимопонимание сторон. Так, американский посол в Москве У. Стэндли 8 марта 1943 г. на пресс-конференции в своем посольстве заявил о неблагодарности советских властей и отсутствии у советского народа полной информации об американской помощи России. Скорее всего, именно резкое высказывание американского посла привело к тому, что Верховный главнокомандующий И. В. Сталин в своем приказе от 23 февраля подчеркнул, что «ввиду отсутствия второго фронта в Европе Красная Армия несет одна всю тяжесть войны», и при этом ни слова не сказал о той помощи, которую ей оказывают США и Англия[47].

Во время проводки северных конвоев советские моряки неоднократно были свидетелями того, как быстро американские и английские экипажи оставляли свои суда, едва только возникала угроза их затопления. Бывали случаи, когда моряки бросали свои пароходы вообще без какой-либо видимой причины. Покинутые транспорты еще долго держались на воде, не собираясь тонуть, пока их не отправляли на дно корабли эскорта. Командование конвоями не пресекало такие действия своих моряков. Но все оправдывалось тем, что главное — спасти людей, а не грузы. Англичане и американцы не ощущали необходимости в тех условиях рисковать своими жизнями ради каких-то материальных ценностей, тем более что их везли в чужую страну.

Для советских моряков задача доставить на истерзанную войной Родину столь необходимые там грузы становилась первостепенной, ради нее они готовы были идти на риск и жертвы. На пароходе «Старый большевик», который в составе конвоя PQ-16 вез в своих трюмах взрывчатку, в результате бомбардировки возник пожар. Командование конвоя предложило экипажу покинуть судно и перейти на один из кораблей охранения, но получило отказ. Конвой ушел, а советские моряки в одиночестве продолжали борьбу за живучесть своего парохода — и победили! «Старый большевик» восстановил ход и нагнал конвой, который приветствовал его сигналом «Сделано хорошо», а командир эскорта передал: «Поздравляю! Так могли поступить только русские». В сходных ситуациях героически действовали экипажи танкеров «Азербайджан» и «Донбасс» из конвоя PQ-17 и многие другие советские моряки.

График, номенклатура и объемы поставок поначалу не всегда выдерживались. Первые два протокола не были выполнены в полном объеме. Но поставки шли по нарастающей, и в 1943–1945 гг. союзники выделили для Советского Союза то, что они недопоставили в начале войны. На два последних протокола (то есть с июля 1943 г. и до конца войны) пришлось 57% всех грузов военного времени.

Всего в 1941–1945 гг. СССР получил от западных союзников 18 млн тонн грузов различного назначения, в том числе через Персидский залив — 23,8%, через советский Дальний Восток — 47,1%, через советскую Арктику — 2,5%, через Черное море — 3,9%, через порты Северной России — 22,7%. Более четверти (свыше 4,5 млн тонн) составили продукты питания, металлы, в основном для авиастроения, и рельсы — 3,6 млн тонн. По всем направлениям, в том числе и через Аляску, в СССР из США, Великобритании и Канады поступило 22 206 самолетов различных типов (в том числе 14 203 из США), 12 980 танков, 14 тыс. орудий, 427 386 грузовых автомобилей и 51 тыс. джипов, 6 135 638 винтовок и пулеметов, 8 тыс. тракторов и тягачей, 345 тыс. тонн боеприпасов, а также значительное количество промышленного оборудования, горючего и смазочных материалов, взрывчатых веществ, химического сырья и других материалов, столь необходимых для успешного ведения войны[48].

Победу в войне Красная армия одержала прежде всего своим, советским оружием. Тем не менее многие типы поставленного союзниками вооружения, военной техники и снаряжения были особенно ценны для советской стороны благодаря их высокому качеству или по причине их острой нехватки или даже отсутствия соответствующего собственного производства: например, истребители «Аэрокобра» и «Кингкобра», бомбардировщики «Бостон» и «Митчел», транспортные самолеты «Дуглас», гидросамолеты «Каталина», бронетранспортеры, боевые корабли, а также автомобили, средства связи, радиолокаторы, гидроакустическое оборудование и многое другое. Эти поставки, в частности, сыграли заметную роль в наращивании мощи советских ВВС и ВМФ, моторизации армии, оснащении ее современными средствами радио- и телефонной связи и прочим. К тому же изучение ленд-лизовской военной техники способствовало решению собственных технических проблем, позволило заметно продвинуть свою науку в тех областях, где было очевидно ее отставание от Запада. В октябре 1942 г. ГКО принял постановление «Об обмене с США и Великобританией военно-технической информацией».

Большое значение имели поставки в СССР высокооктанового бензина. Его использовали для заправки ленд-лизовских самолетов и добавления в бензин собственного производства с целью повышения его октанового числа. К тому же американцы предоставили Советском Союзу оборудование для нескольких нефтеперерабатывающих заводов.

В общем объеме ленд-лизовских грузов военные поставки составили примерно пятую часть[49]. Причем по ходу войны их удельный вес снижался, уступая место промышленному оборудованию, транспортным средствам, металлам, химическим веществам, нефтепродуктам и продовольствию. Общий объем поставок составлял 4% валового продукта народного хозяйства СССР. По отдельным видам вооружений и оборудования он был намного выше. Так, самолетов всех типов по ленд-лизу поступило 15% всего самолетного парка, танки союзников составили 12% от выпуска советских танковых заводов. Существенную помощь получил советский ВМФ — 596 боевых кораблей и судов, или 22,3% от общего количества кораблей и судов, произведенных тогда отечественной промышленностью. Причем 80% кораблей и судов приняли участие в боевых действиях с Германией и Японией[50].

Большое значение ленд-лиз имел для железнодорожного транспорта. Союзники поставили 1981 паровоз и 11 156 железнодорожных вагонов, в то время как в СССР в годы войны было построено 92 паровоза и более 1 тыс. грузовых вагонов. Следует иметь в виду, что первый заказ на 200 паровозов советское правительство сделало лишь летом 1943 г. До войны в СССР имелось 25 тыс. локомотивов, 14% — потери в начале войны, но и 40% железных дорог оказались на оккупированной врагом территории. Лишь в 1944 г. начались поставки самой крупной партии — 1600 паровозов, которые продолжали идти в СССР и после войны[51].

Не все так просто и с автомобильным транспортом. На 1 января 1944 г. из находившихся в Красной армии 496 тыс. автомобилей 78% были отечественного производства. К концу войны автопарк увеличился до 666,5 тыс., из которых 58,1% — советского производства, 32,8% — импортного, 9,1% — трофейные[52]. Другими словами, большая часть автомобилей поступила по ленд-лизу лишь в последний год-полтора войны.

В настоящее время мало кто ставит под сомнение масштабы, разнообразие и ценность военно-экономической помощи союзников. Однако вряд ли допустимо измерять по одной и той же шкале ценностей поставки военных материалов, какова бы ни была необходимость в них СССР, и жертвы советского народа, который прокладывал путь к победе над общим врагом. В годы войны и после нее эту мысль не раз подчеркивали государственные деятели США. Так, Г. Гопкинс, ближайший советник президента Ф. Рузвельта, отмечал: «Мы никогда не считали, что наша помощь по ленд-лизу является главным фактором в советской победе над Гитлером на восточном фронте. Она была достигнута героизмом и кровью русской армии»[53].

Государственный секретарь Э. Стеттиниус подчеркивал: «За эту помощь русские уже заплатили цену, которая не поддается измерению в долларах или тоннах. Это миллионы нацистских солдат, убитых или взятых в плен, нацистские танки, превращенные в груды

железного лома на поле боя, пушки и грузовики, брошенные отступающими германскими армиями»[54].

Оценивая поставки в СССР по ленд-лизу, следует иметь в виду, что наивысшего пика они достигли в 1944 г. Первые же грузы по ленд-лизу зимой 1941–1942 гг. пришли в СССР очень поздно. Именно в эти критические дни сопротивление оказывала практически одна Красная армия, не получая какой-либо помощи со стороны западных стран. К концу 1942 г. согласованные программы поставок в СССР были выполнены американцами и англичанами на 55%. В 1941–1942 гг. в СССР поступило всего 7% отправленных за годы войны из США грузов. Основное количество вооружения и других материалов было получено Советским Союзом в 1944–1945 гг., после коренного перелома в войне. Осенью и зимой 1941 г., когда решалась судьба не только Москвы, но и всего Советского государства, в самый тяжелый период войны, по ленд-лизу из США пришли поставки всего на 541 тыс. долларов, в то время как общая помощь США в 1941 г. странам антигитлеровской коалиции в денежном выражении достигла 741 млн долларов. Таким образом, СССР в самое тяжелое время из этих поставок досталось менее 0,1%[55].

Ленд-лиз не является дорогой с односторонним движением. По признанию американцев, ленд-лиз приносил выгоды и самим США, которые получили из СССР 300 тонн хромовой руды, 32 тыс. тонн марганцевой руды, значительное количество платины, золота и прочего на общую сумму 2,2 млн долларов[56]. Ленд-лиз оказался источником обогащения американских монополий. Американский историк Дж. Херринг пишет: «Ленд-лиз не был... самым бескорыстным актом в истории человечества... Это был акт расчетливого эгоизма, и американцы всегда ясно представляли себе выгоды, которые они могут из него извлечь»[57].

Пройдя сложный и трудный путь становления и развития, военно-экономическое сотрудничество СССР, США и Великобритании превратилось в одну из основ союза этих государств в войне против фашистско-милитаристского блока и внесло важный вклад в общую победу. Оно показало возможность диалога, взаимодействия и даже взаимопомощи столь разных государств, содействовало сближению обществ, народов и отдельных людей, общавшихся в ходе этого сотрудничества, способствовало улучшению их взаимопонимания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Тененбаум Б.* Великий Черчилль. М., 2013. С. 116.

[2] *Hall H.* North American Supply. L., 1955. P. 247–248.

[3] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 1. Т. 1–2 / Пер. с англ. М., 2010. С. 570, 572.

[4] Life. 1948. August 20. P. 88.

[5] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца / Пер. с англ. В 2-х т. М., 1958. Т. 1. С. 392.

[6] *Hall H.* Op. cit. P. 259.

[7] *Kimball W.* The Most Unsordid Act: Lend-Lease, 1939–1941. Baltimore, 1969. P. 189.

[8] *Dawson R.* The Decision to Aid Russia, 1941: Foreign Policy and Domestic Politics. Chapel Hill, 1959. P. 23–25.

[9] *Kimball W.* Op. cit. P. 206–207.

[10] Ibid. P. 216–217.

[11] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1958. Т. 2. С. 9–10.

[12] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 114–119, 126–137.

[13] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 2005. P. 231–232.

[14] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 508.

[15] Там же. С. 582.

[16] *Beevor A.* The Second World War. Orion. 2012.

[17] *Hastings M.* All Hell Let Loose. The World at War 1939–1945. L., 2011. P. 362.

[18] *Mawdsley E.* World War II. A New History. Cambridge, 2009. P. 265.

[19] *Calvocoressi P., Wint G., Pritchard J.* The Penguin History of the Second World War. L., 1999. P. 463.

[20] *Hastings M.* Op. cit. P. 361–362.

[21] The Oxford Companion to World War II. P. 139, 431, 530.

[22] *Френкель М. Ю.* Трансафриканский маршрут поставок вооружений из США в СССР в 1941–1945 гг. // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 5. С. 42–50; *Mawdsley E.* Op. cit. P. 248–283.

[23] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 382–383, 473–475.

[24] *Mawdsley E.* Op. cit. P. 248–283.

[25] Загадки ленд-лиза. М., 2000. С. 163.

[26] Там же. С. 81–82.

[27] Советско-американские отношения. 1939–1945. М., 2004. С. 135.

[28] *Jones R.* The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. Oklahoma, 1969. P. 37.

[29] Цит. по: *Краснов В. Н., Краснов И. В.* Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. М., 2008. С. 27.

[30] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. М., 1984. С. 80–82, 85–89.

[31] Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Вып. 1. М., 1944. С. 123–125.

[32] Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М., 2000. С. 341–348.

[33] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. В 2-х т. 2-е изд. Т. 2. М., 1976. С. 9–10.

[34] Там же. С. 14.

[35] Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 192–196.

[36] Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 191; см. также: *Поздеева Л. В.* Канада в годы второй мировой войны. М., 1986. С. 244–252.

[37] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 2. С. 392.

[38] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1976. Т. 1. С. 43.

[39] Там же. Т. 2. С. 26, 31.

[40] Там же. Т. 1. С. 69.

[41] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 353.

[42] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. Т. 1. С. 105.

[43] Цит. по: *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Война 1941–1945. Факты и документы. М., 2011. С. 291.

[44] *Roskill S. W.* The War at Sea 1939–1945. Vol. II: The Period of Balance. L., 1956. P. 128.

[45] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1976. С. 45.

[46] История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. Т. 5. М., 1975. С. 258–259.

[47] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. СПб., 2010. С. 79–86.

[48] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 733.

[49] *Супрун М. Н.* Ленд-лиз и северные конвои, 1941–1945. М., 1997.С. 122.

[50] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 734.

[51] См.: Там же. С. 735–736.

[52] *Сенявская Е. С., Литвиненко В. А.* Роль ленд-лиза и второго фронта во Второй мировой войне: мифы и реальность в историографии и политическом дискурсе // Былые годы. 2010. № 2. С. 51–52.

[53] *Шервуд Р.* Указ. соч. Т. 2. С. 626.

[54] *Stettinius E.* Lend-Lease: Weapon for Victory. N. Y., 1944. P. 228–229.

[55] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. С. 736.

[56] Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. Кн. 4. М., 1999. С. 217.

[57] *Herring J.* Aid to Russia 1941–1946. Strategy, Diplomacy, the Origins of the Cold War. N. Y., L., 1973. P. 293.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЮЗНИКОВ

Создание коалиционных органов военно-политического руководства

Проблема создания системы коалиционных органов стратегического руководства антигитлеровской коалиции решалась на протяжении длительного времени, начиная с 1940 г. Важнейшим звеном в этой системе были регулярные контакты лидеров держав — главных членов коалиции. Начало им было положено личной перепиской, возникшей между лидерами Великобритании и США в 1940 г., и в дальнейшем регулярно поддерживавшейся на протяжении всей войны. С июля 1941 г. в эту переписку включился руководитель Советского государства И. В. Сталин.

Актуальные вопросы военной политики и стратегии обсуждались на встречах (конференциях) руководителей союзных держав. Первой из них была Атлантическая конференция 1941 г., состоявшаяся еще до вступления США во Вторую мировую войну. Всего в ходе войны, с 1941 по 1945 г., имели место 14 встреч лидеров антигитлеровской коалиции, в том числе девять двухсторонних встреч Ф. Рузвельта и У. Черчилля, две встречи У. Черчилля с И. В. Сталиным, три трехсторонние — с участием И. В. Сталина. В одном случае в переговорах У. Черчилля и Ф. Рузвельта участвовал лидер Китая Чан Кайши. Поскольку на всех конференциях первых лиц сопровождали ответственные представители военного руководства, как правило, начальники штабов, обсуждение вопросов стратегии велось на высоком профессиональном уровне.

В 1941 г. началось создание постоянно действующих англо-американских органов военно-стратегического руководства. В августе состоялось первое совместное заседание армейского и военно-морского руководства Великобритании и США, а в декабре на Вашингтонской конференции глав двух держав (конференция «Аркадия», 22 декабря 1941 — 14 января 1942 г.) начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл выдвинул предложение о создании единого союзного командования. В ходе конференции был образован Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) — высший коалиционный орган военно-стратегического планирования, ответственный непосредственно перед президентом США и премьер-министром Великобритании. Местопребывание ОКНШ было установлено в Вашингтоне, что давало определенные преимущества американской стороне, поскольку Великобритания была постоянно представлена в этом органе лишь заместителями начальников штабов видов вооруженных сил.

Встречи руководителей держав — главных участников антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг.

Конференции: место, время, участники	Основные военно-политические решения
Нью-Фаундленд, залив Арджентия 9–14 августа 1941 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	Подписание Атлантической хартии — англо-американской декларации о целях и принципах ведения войны
Первая Вашингтонская конференция («Аркадия») 22 декабря 1941 — 14 января 1942 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Германия признана главным противником, Атлантика и Европа — главными ТВД; 2. Подтверждено решение об оказании помощи СССР по ленд-лизу; 3. Достигнута договоренность о создании высшего военного органа англо-американской коалиции — Объединенного комитета начальников штабов и об образовании Объединенного совета по военным заказам; 4. Признана невозможность открытия второго фронта в Европе в 1942 г. и малая вероятность развертывания крупных наземных операций против вермахта, за исключением советско-германского фронта; 5. Подписана Вашингтонская декларация — оформление антигитлеровской коалиции 1 января 1942 г.
Вторая Вашингтонская конференция 19–25 июня 1942 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Решение о проведении Северо-Африканской десантной операции 1942 г. и об отказе от ранее принятого обязательства открыть второй фронт в Европе в 1942 г.; 2. Обсуждение вопроса о совместных усилиях по созданию ядерного оружия
Переговоры в Москве 12–14 августа 1942 г. У. Черчилль, И. В. Сталин	Вопрос о втором фронте в Европе: информирование И. В. Сталина об отказе союзников от открытия второго фронта в 1942 г.; аргументация У. Черчилля в пользу плана высадки в Северной Африке (операция «Торч»)
Конференция в Касабланке («Символ») 14–24 января 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Решение о высадке союзных войск на Сицилии с последующим развитием операций в Италии; 2. Заявление о намерении вести войну до безоговорочной капитуляции противника; 3. Решение об усилении бомбардировок Германии; 4. Решение об усилении борьбы с германскими подводными лодками в Атлантике; 5. Обсуждение вопроса о французской администрации в Северной Африке (с участием Ш. де Голля и А. Жиро); 6. Утверждение плана операций в Бирме и др.
Третья Вашингтонская конференция («Трайдент») 12–25 мая 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Согласованы планы военных действий в Южной Италии и на Тихом океане; 2. Издана директива о подготовке плана вторжения через Ла-Манш (операция «Оверлорд»)
Первая Квебекская конференция («Квадрант») 14–24 августа 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Подтверждено решение о подготовке вторжения через Ла-Манш (не ранее мая 1944 г.); 2. Достигнуто соглашение о сотрудничестве в создании ядерного оружия; 3. Обсуждение условий капитуляции Италии; 4. Признание СССР «важным фактором в войне против Германии и достижении победы над Японией»; 5. Разработан текст декларации о создании Организации Объединенных Наций
Первая Каирская конференция («Секстант») 22–26 ноября 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, Чан Кайши	Обсуждение вопросов ведения военных действий против Японии и послевоенного мирного урегулирования на Дальнем Востоке

Тегеранская конференция 28 ноября — 1 декабря 1943 г. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Вопрос о втором фронте: принято решение об открытии его в течение мая 1944 г. (операции «Оверлорд» и «Энвил»); советское заявление о летнем наступлении Красной армии одновременно с высадкой союзников; 2. Заявление СССР о согласии вступить в войну против Японии по завершении военных действий в Европе; 3. Вопрос о будущем устройстве Германии: американское предложение о расчленении страны на пять автономных государств; британское предложение об изоляции Пруссии и образовании Дунайской конфедерации (включающей южные провинции Германии, Австрию и Венгрию); советская сторона не поддержала эти предложения, и вопрос не получил окончательного решения; 4. Достигнута предварительная договоренность о границах Польши: восточной — по «линии Керзона», западной — по р. Одер
Вторая Каирская конференция (продолжение первой) 2–7 декабря 1943 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль, президент Турции И. Инёню	1. Дальнейшее обсуждение вопроса о втором фронте: Операции «Оверлорд» и «Энвил» признаны главными на Европейском ТВД; 2. Придание стратегического приоритета бомбардировочному наступлению на Германию; 3. Решение о сокращении операций в Бенгальском заливе и на Дальнем Востоке (с целью переброски десантных средств на Европейский ТВД); 4. Вопрос о вступлении Турции в войну не решен
Вторая Квебекская конференция 11–16 сентября 1944 г. Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Решение о развитии наступления с Итальянского ТВД через Триест на Вену; 2. Решение о высадке британского десанта в Грецию (две бригады); 3. Вопрос о мерах по овладению западными союзниками возможно большей территории Германии; 4. Установлен срок достижения победы над Японией: через полтора года после поражения Германии; 5. Согласована линия раздела между американской и британской зонами оккупации Германии
Переговоры в Москве 9–18 октября 1944 г. И. В. Сталин, У. Черчилль	1. Обзор военно-стратегической обстановки на театрах войны; 2. Обсуждение польского вопроса: достигнут прогресс в сближении британской и советской позиций; 3. Предложение У. Черчилля о двустороннем разграничении сфер влияния в Восточной Европе на основе «процентных отношений» для каждого восточноевропейского государства — принято И. В. Сталиным, но оказалось практически невыполнимым
Крымская (Ялтинская) конференция («Аргонавт») 4–11 февраля 1945 г. И. В. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль	1. Согласованы планы окончательного разгрома вермахта; 2. Принято решение об оккупации Германии и контроле над ней с целью превращения ее в демилитаризованное демократическое государство, а также о взыскании репараций; 3. Решение о создании Организации Объединенных Наций — международного учреждения; 4. Принятие Декларации об освобожденной Европе, предусматривавшей установление порядков, соответствующих принципам Атлантической хартии; 5. Решение о создании польского правительства на основе временного правительства с включением в него демократических деятелей из Польши и из-за границы; 6. Решение о вступлении СССР в войну против Японии и связанных с этим условиях (возвращение позиций, утраченных Россией в 1905 г., и передача СССР Курильских островов)

Берлинская (Потсдамская конференция («Терминал») 17 июля — 2 августа 1945 г. И. В. Сталин, Г. Трумэн, У. Черчилль, с 28 июля — К. Этли	1. Договоренность о согласованной политике в период оккупации Германии: осуществлении принципов демилитаризации, денацификации и демократизации; 2. Договоренность о получении репараций с Германии; 3. Решение о ликвидации Восточной Пруссии; 4. Решение о западной границе Польши; 5. Подтверждена готовность СССР к вступлению в войну против Японии

Были созданы также Объединенный секретариат, Объединенный комитет планирования, Совет по распределению вооружений (с подкомитетами в Вашингтоне и Лондоне), а позднее — Объединенный комитет разведки и другие. Особое значение имел Объединенный комитет по гражданским вопросам — политическое подразделение, на которое возлагалась ответственность за формирование военной администрации на освобожденных от врага территориях и, таким образом, за проведение там политики в соответствии с общим политическим курсом двух держав[1].

Путем учреждения этих органов была создана новая управленческая структура — Объединенный англо-американский штаб (Combined Chiefs of Staff) — высший орган коалиционного руководства вооруженными силами США и Великобритании. Функции его состояли в разработке планов ведения коалиционной войны, распределении сил и средств по театрам военных действий, утверждении планов операций, разработанных союзными главнокомандующими на ТВД. Представителя советской стороны в Объединенном штабе не было[2].

Объединенный комитет начальников штабов, согласно принятой практике, не вмешивался в оперативную деятельность командующих на ТВД, ограничиваясь рекомендациями стратегического порядка[3].

Первым опытом в области создания объединенного союзного командования на театре военных действий было учреждение в том же декабре 1941 г. зоны АБГА (американцы, британцы, голландцы, австралийцы), охватывавшей регион Юго-Восточной Азии и юго-западной части Тихого океана. Союзным главнокомандующим был назначен британский генерал А. Уэйвелл с подчинением его ОКНШ. Но оказавшийся в подчинении А. Уэйвелла американский командующий в этой зоне генерал Д. Макартур игнорировал британского главкома, что сразу же обесценило эксперимент. Союзные войска под командованием А. Уэйвелла не смогли остановить наступление японцев, и 23 февраля 1942 г. зона АБГА была упразднена[4].

В марте 1942 г. между президентом США, премьер-министром Великобритании и комитетами начальников штабов обеих держав была достигнута договоренность о разделении территорий и акваторий планеты на три стратегические зоны с назначением главнокомандующих войсками этих зон и созданием объединенных зональных штабов.

Зона Тихого океана включала Северную и Южную Америку, Китай, Австралию, Новую Зеландию и Японию. Ответственность за военные действия здесь возлагалась на США. Главнокомандующим был назначен генерал Д. Макартур. Но уже в апреле 1942 г. эта зона была разделена на две: Юго-Западной части Тихого океана — главнокомандующий Д. Макартур и Тихого океана — главнокомандующий адмирал Ч. Нимиц.

Зона Индийского океана и Среднего Востока, в которой была установлена ответственность Великобритании, охватывала пространство от Бирмы до Восточного Средиземноморья. Главнокомандующим союзными войсками в зоне был назначен британский генерал Вильсон.

В зоне Европы и Атлантики (с лета 1942 г. — Европейский театр военных действий) была установлена коллективная ответственность США и Великобритании. Эта зона включала Финляндию, Норвегию, Швецию, Британские острова, Исландию, Италию, Францию, Балканы и Германию. Верховным главнокомандующим союзными войсками здесь был назначен американский генерал Д. Эйзенхауэр.

В дальнейшем решением Квебекской конференции глав двух держав в августе 1943 г. было создано еще одно союзное командование в Юго-Восточной Азии (главком — британский адмирал Л. Маунтбеттен, его заместитель — американский генерал Дж. Стилуэлл). Это

командование было образовано в стыке зон Тихого и Индийского океанов. Китай не был включен во вновь образованную зону и оставался в зоне стратегической ответственности США (хотя генерал Дж. Стилуэлл с 1942 по 1944 г. являлся начальником штаба армии Чан Кайши).

Заместителями командующего союзными войсками в зонах (кроме Тихого океана) являлись командующие ВВС и ВМС, а сам главком по совместительству командовал сухопутными войсками. При соблюдении принципа: главком — американец, его заместители — англичане по мере увеличения числа американских войск на театре (на Европейском ТВД — в 1943 г.) установленная союзная структура была подвержена определенным трениям.

Союзные штабы при главнокомандующих войсками в зонах осуществляли планирование стратегических операций, в том числе воздушных и морских, управление войсками в ходе операций, координацию действий союзных войск, руководство органами военной администрации на территориях, занятых союзными войсками, и поддерживали тесные контакты с национальными Генеральными штабами и комитетами начальников штабов и ОКНШ в Вашингтоне.

Таким образом, англо-американское союзное командование объединяло войска США, Великобритании и других субъектов Британской империи, а также некоторых союзных государств, представленных сравнительно незначительными силами (Франция, Польша, Бразилия). Союзные фронтовые объединения (группы армий) создавались в составе 2–4 армий каждая. Армии формировались по национальному признаку (американские, британские, канадская, французская).

На советско-германском фронте под руководством советского командования сражались две польские, две румынские, болгарская армии и чехословацкий армейский корпус. Инонациональные объединения и соединения входили в состав советских фронтов, а румынские армии в 1944–1945 гг. были подчинены советскому армейскому командованию.

Отсутствие постоянно действующего органа, который мог бы обеспечить взаимодействие войск западных союзников и Красной армии, стало сказываться в начале 1945 г., когда потребовалось установление оперативного взаимодействия. Так, на Крымской конференции руководителей трех держав (4–14 февраля 1945 г.) союзники не были удовлетворены информацией генерала А. И. Антонова о планах советской стороны, поскольку она носила общий характер. Но предложение американцев о создании дополнительного органа управления, который позволил бы осуществлять без промедления межсоюзную связь и координацию действий, не встретило поддержки с советской стороны.

В фашистском блоке коалиционное руководство осуществлялось по принципам, выработанным в годы Первой мировой войны: германское Верховное командование стремилось к максимальному подчинению союзников своей воле. А. Гитлер нерегулярно и с неохотой информировал их, в том числе и своего главного европейского союзника — Б. Муссолини, о своих планах и намерениях. А инициатива, проявленная Б. Муссолини в 1940–1941 гг. на Балканах, вызвала раздражение фюрера. Личные встречи двух лидеров не носили систематического характера и, как правило, не способствовали проведению согласованной стратегии. Полностью отсутствовала координация действий европейских агрессоров с их дальневосточным союзником.

Вопрос о привлечении союзников к участию в крестовом походе против большевизма решался германским руководством в зависимости от развития политической обстановки в Европе. А. Гитлер категорически отвергал идею создания военной коалиции, которая предусматривала бы создание самостоятельных национальных командований на театре войны. «Операция, которая ведется на всем протяжении от Северного Ледовитого океана до Черного моря, требует единого централизованного управления. Естественно, что таковое будет осуществляться с нашей стороны. Мы должны избежать ошибок коалиционных войн прошлого», — говорил он, имея в виду трудности, возникавшие в 1914–1917 гг. на восточном (русском) фронте, разделенном на участки ответственности германского и австро-венгерского главнокомандований[5]. В результате лишь один участок восточного фронта был выделен для

самостоятельных действий вооруженных сил Финляндии, а на всем остальном его протяжении объединения союзников (итальянская, румынские и венгерские армии) включались в состав немецких групп армий, и какая-либо инициатива союзников в стратегическом плане полностью исключалась.

Итак, в период Второй мировой войны по обе стороны фронта сложился ряд параллельно действовавших систем политического и военно-стратегического коалиционного руководства. В отличие от англо-французской коалиции 1939—1940 гг. ни в антигитлеровской коалиции, ни в блоке держав-агрессоров не создавалось единого, постоянно действующего органа высшего военно-политического руководства. Его заменяли периодические контакты лидеров воюющих держав — личные или путем переписки. С наибольшей полнотой и систематичностью этот метод военно-политического руководства на высшем уровне воплотился в практике руководителей трех ведущих держав антигитлеровской коалиции.

Координацию действий войск западных союзников на оперативно-стратегическом уровне осуществлял постоянно действующий орган — англо-американский Объединенный штаб во главе с Объединенным комитетом начальников штабов. Дислокация его в Вашингтоне обусловливала превалирующую роль американского командования в этом органе. Коалиционные органы военного командования, осуществлявшие оперативное руководство войсками, создавались только западными союзниками по антигитлеровской коалиции на тех театрах, где действовали многонациональные группировки их войск: Европейском, Северо-Африканском, Средиземноморском, Юго-Восточно-Азиатском ТВД. В остальных случаях союзники прибегали к нарезке зон ответственности той или иной державы на определенном театре.

Взаимодействие между войсками западных союзников и Красной армии осуществлялось исключительно на стратегическом уровне, кроме заключительного этапа войны, когда обстановка потребовала согласования действий на оперативном уровне. Но и тогда все вопросы решались лишь путем обмена телеграммами между союзным Верховным главнокомандующим в Европе и советским ВГК.

На советско-германском фронте советское командование включало сравнительно немногочисленные инонациональные воинские формирования в состав объединений действующей армии, подчиняя их фронтовому или армейскому командованию. Каких-либо союзных органов оперативно-стратегического руководства на советско-германском фронте не создавалось.

Коалиционное руководство вооруженной борьбой и особенности военного искусства

Вооруженная борьба явилась решающей формой противоборства между антигитлеровской коалицией и фашистским блоком в годы войны. Ее ход и исход обусловливался рядом факторов: расстановкой политических сил на мировой арене, политическими и военно-стратегическими целями государств и коалиций, уровнем их военного и экономического потенциалов, боевой мощью вооруженных сил, особенностями военных доктрин и военной теории, военным искусством и профессионализмом военных кадров, а также физико-географическими условиями соответствующих театров военных действий.

Ведущую силу антигитлеровской коалиции составляли СССР, США и Великобритания, вокруг которых, как центров притяжения, группировались дружественные или зависимые от них страны. На стороне Великобритании в различные периоды войны сражались воинские контингенты Канады, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Южно-Африканского Союза, Эфиопии. В рядах армии США были военные из Филиппин, Мексики и Бразилии. По мере расширения коалиции на стороне союзников в боевых действиях участвовали вооруженные

силы Национального комитета «Свободная Франция» (с июля 1942 г. — «Сражающаяся Франция», впоследствии Французский комитет национального освобождения), польская армия генерала В. Андерса и другие. После высадки на Европейский континент в 1944 г. значительную помощь союзникам в их вооруженной борьбе оказали силы движения Сопротивления Дании, Норвегии, Греции, Югославии и других европейских государств.

Характерной чертой вооруженной борьбы западных союзников в период Второй мировой войны являлся ее огромный пространственный размах, беспрецедентный в военной истории. Военные действия велись на суше, море и в воздухе, однако главные политические и стратегические цели войны достигались на континентальных театрах военных действий.

Наиболее интенсивные военные действия после открытия второго фронта в 1944 г. во Франции (операция «Оверлорд») западные союзники вели в Европе. Здесь, в отличие от других театров военных действий, участвовали наиболее крупные контингенты войск союзников, использовалось наибольшее количество военной техники. На полях сражений в Европе они понесли самые большие людские и материальные потери за годы Второй мировой войны.

Вооруженная борьба велась западными союзниками также в Азии, охватив территорию Бирмы, Голландской Индии, Индии, Кореи, Малайи, Таиланда, Филиппин, Французского Индокитая, Японии. Помимо наземных операций на этом театре военных действий вооруженная борьба сопровождалась ожесточенным противоборством в воздухе, а также на океанских и морских коммуникациях.

В Африке в сферу вооруженной борьбы западных союзников были вовлечены территории 11 государств: Алжира, Египта, Кении, Ливии, Марокко, Британского и Итальянского Сомали, Судана, Туниса, Эритреи, Эфиопии. Здесь военные действия велись преимущественно вдоль приморской полосы и внутренних коммуникаций и носили в целом очаговый характер, в них участвовало значительно меньше сил и средств, чем в Азии и тем более Европе.

Большой размах приобрели военные действия западных союзников на океанских и морских ТВД. Они охватывали обширные акватории, архипелаги и острова Тихого, Атлантического, Индийского океанов, а также Средиземного, Балтийского, Черного и других морей. Масштаб и напряженность военных действий на этих театрах обусловливались возрастанием роли океанских и морских коммуникаций для западных государств, поскольку многие районы военных действий располагались на значительном удалении от их территории, а военная экономика в немалой степени зависела от поставок, осуществляемых морским или океанским путем. В этих условиях защита собственных перевозок и одновременно нарушение или срыв морских коммуникаций противника являлись важнейшими задачами на протяжении всей войны. Обладая значительным преимуществом в военно-морских силах над немецко-фашистским флотом, западные союзники в относительно короткие сроки захватили контроль над важнейшими океанскими и морскими коммуникациями, что значительно облегчило ведение ими вооруженной борьбы на континентальных театрах военных действий.

Национальные системы стратегического руководства вооруженными силами в западных странах имели свою специфику, которая обусловливалась историческими традициями ведения войн и вооруженных конфликтов, физико-географическим положением страны, особенностями современной войны, уровнем развития военно-теоретической мысли, а также готовностью военных экономик к удовлетворению потребностей армий в вооружениях и различного вида снаряжения.

Так, в США накануне Второй мировой войны отсутствовал единый орган военного управления. Президент страны, будучи Верховным главнокомандующим, руководил вооруженными силами через два министерства — военное и военно-морское. Координацией деятельности видов вооруженных сил занимался Объединенный совет — совещательный орган, подчиненный одновременно военному и военно-морскому министрам. Оперативно-стратегическое руководство осуществлялось также по двум направлениям: штаб армии управлял сухопутными войсками и армейскими ВВС, а штаб ВМС — силами военно-морского флота, морской авиацией и корпусом морской пехоты. Автономные действия этих штабов затрудняли организацию совместных планов армии и флота.

Вступление США во Вторую мировую войну потребовало немедленного совершенствования системы военного руководства. В целях улучшения управления вооруженными силами в феврале 1942 г. был образован Комитет начальников штабов, ставший высшим органом стратегического руководства США. Комитет подчинялся непосредственно президенту и являлся его консультативно-исполнительным органом. Он разрабатывал предложения по общим вопросам военной стратегии, производству вооружения, распределению стратегического сырья, строительству и использованию вооруженных сил, организации взаимодействия сухопутных войск (армии), военно-морских сил и входившей в их состав авиации. На основе указаний президента Комитет начальников штабов разрабатывал стратегические планы, издавал директивы и осуществлял непосредственное руководство военными действиями на ТВД.

Широкомасштабное участие американских войск в военных действиях на Тихом океане, а затем в Западной Европе потребовало усовершенствовать систему управления оперативно-стратегическими группировками, приблизить ее к театрам военных действий. В 1942 г. в бассейне Тихого океана были созданы два главных командования: Тихоокеанское (в северной и центральной частях) и Юго-Западного района Тихого океана. Принятая мера способствовала повышению эффективности боевого управления соответствующими группировками. Стратегическая авиация США в силу своей особой значимости имела собственное командование. При проведении воздушных операций против Германии и особенно против Японии она нередко действовала независимо от главного командования на театре военных действий.

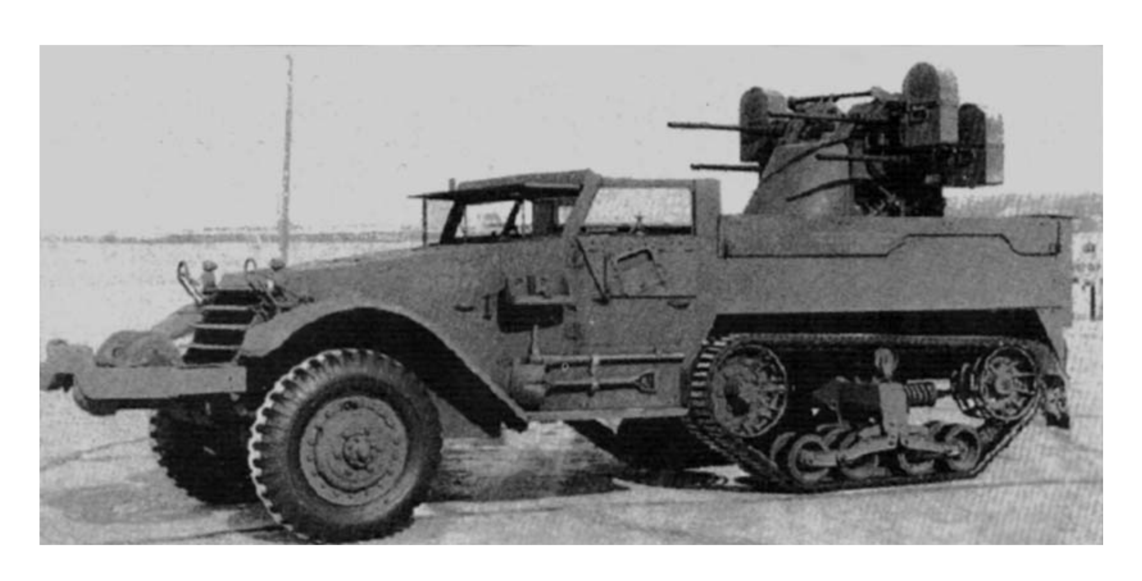
Ведение коалиционной войны с 1942 г. предполагало включение американских группировок войск на Североафриканском, Средиземноморском и Западноевропейском ТВД в состав объединенных союзных командований. В случае если они возглавлялись английскими генералами, американское командование оговорило право согласовывать принимаемые решения со своими вышестоящими штабами. Подобный механизм управления нередко приводил к серьезным разногласиям между командованием американской и английской союзных армий.

В годы войны соотношение между видами американских вооруженных сил существенно изменилось. Если в предвоенный период приоритетное внимание американцами уделялось развитию военно-морского флота, способному вести боевые действия на удаленных океанских театрах, то начиная с 1941 г. по мере развертывания основных военных событий на континентальных театрах США стали больше внимания уделять развитию сухопутных войск, и прежде всего авиации, на которую теперь возлагалось решение стратегических задач.

Необходимость увеличения численности вооруженных сил потребовала введения с сентября 1940 г. воинской повинности. Наряду с этим продолжалось комплектование армии и флота путем найма и вербовки. Это позволило резко нарастить численность американских вооруженных сил. Если в декабре 1941 г. численность американских вооруженных сил составляла 2 млн человек, то после фактической мобилизации, проведенной в стране, она достигла к концу 1943 г. почти 10,5 млн, а в 1945 г. — 12,1 млн[6].

К моменту капитуляции Германии в вооруженных силах США насчитывалось полностью укомплектованных 89 дивизий, из которых 67 были пехотными[7]. Практически все пехотные дивизии были моторизованными. Развитие американских сухопутных сил в целом шло по линии усиления их ударной и огневой мощи, а также повышения маневренности. Учитывались и такие важные для США факторы, как повышение готовности войск к переброске морем и ведению военных действий на резко отличавшихся друг от друга по географическим характеристикам театрах.

На вооружение американской пехоты в возрастающих количествах поступало новое оружие: пистолеты-пулеметы различных модификаций («М-3 Томпсон» и другие), модификации пулемета «М-1919 Браунинг» и прочее. Для обеспечения ПВО сухопутных войск было создано несколько вариантов буксируемых и самоходных спаренных и счетверенных зенитно-пулеметных установок. В частности, 12,7-мм бронебойная пуля зенитно-пулеметной установки «М-2 Браунинг» на дальности 450 метров была способна пробить 20-мм стальную плиту. Счетверенная пулеметная установка на базе полугусеничного БТР М-3 стала мощным

Американский бронетранспортер М-3 со счетверенной зенитно-пулеметной установкой

Зенитная 40-мм пушка «Бофорс»

Американская самоходная установка М-36

Американская самоходная установка М-10

средством борьбы с живой силой и легкобронированной техникой, заслужив среди американских военных прозвище «мясорубка». Поставляемая по ленд-лизу в СССР, она высоко ценилась в войсках в качестве средства мобильной ПВО танковых и механизированных частей Красной армии. На завершающем этапе войны при отсутствии воздушных целей эта установка эффективно применялась в уличных боях, ведя огонь по верхним этажам зданий и чердакам.

Высокоэффективным средством ПВО сухопутных сил стала американская версия 40-мм автоматического орудия «Бофорс», по праву считавшегося лучшим зенитным автоматом Второй мировой. Кроме того, установки могли оказывать огневую поддержку пехоте, ведя эффективную борьбу с легкой бронетехникой. Бронебойные снаряды 40-мм орудия пробивали 50-мм стальную броню на дистанции до 500 метров.

Особое внимание уделялось созданию самоходных гаубиц — истребителей танков для сопровождения пехоты. 75-мм самоходная артиллерийская установка М-3 GMC на базе полугусеничного бронеавтомобиля «Хэлфтрэк» показала свою высокую эффективность не только в борьбе с танками, но и с укреплениями противника.

На базе среднего танка «Шерман» стала производиться самоходная артиллерийская установка М-36, активно использовавшаяся в боях в северо-западной Европе с августа 1944 г. Благодаря мощной длинноствольной 90-мм пушке она оказалась единственным сухопутным средством американцев, способным эффективно бороться с тяжелыми танками вермахта. Мощным средством борьбы с бронетехникой противника стал истребитель танков М-10, вооруженный 90-мм орудием. Эти самоходки, доказавшие свою эффективность, поставлялись по ленд-лизу и в Великобританию. В целом, противотанковая самоходная артиллерия была объединена в 68 противотанковых батальонов по 54 самоходные пушки в каждом. Эти батальоны могли придаваться как пехотным, так и танковым дивизиям.

Для массированного подавления очагов сопротивления противника с августа 1944 г. американцы стали использовать 60-трубную пусковую установку «Т-34 Каллиоп» на базе среднего танка «М-4 Шерман», использующую 116-мм реактивные снаряды. В сухопутных войсках также были широко распространены реактивные противотанковые ружья с кумулятивной гранатой, безоткатные орудия, огнеметы.

Костяк бронетанковых войск США в организационном отношении составляли бронетанковые дивизии, представлявшие собой ударную мощь сухопутных сил, способную в случае необходимости вести самостоятельные боевые действия. Для непосредственного сопровождения пехоты в бою предназначались отдельные танковые батальоны. В 1941 г. из 18 танковых рот Национальной гвардии были сформированы первые четыре отдельных танковых батальона для непосредственной поддержки пехоты, в каждом из которых насчитывалось 72 танка. К концу войны в армии США имелось 65 таких батальонов, еще 29 находились в стадии формирования. Для осуществления морских десантных операций были сформированы 10 отдельных плавающих батальонов, а для воздушно-десантных — один авиадесантный танковый батальон и несколько авиадесантных танковых рот.

Основной тенденций в развитии организационной структуры бронетанковых войск являлось увеличение количества дивизий, введение в их состав самоходной артиллерии, насыщение боевой техникой и вооружением. Всего в составе американских сухопутных сил к концу войны насчитывалось 16 бронетанковых дивизий. Основу бронетанковых сил составляли созданные уже в ходе войны средние танки «М-4 Шерман». Вместе с тем отсутствие объединений и крупных соединений в бронетанковых войсках, особенно в период ведения боевых действий в Европе, громоздкость организационной структуры, дробление танкового парка по многочисленным частям и наличие большого числа подразделений обеспечения в целом снижали боевые возможности бронетанковых сил.

Новым родом сухопутных сил США, созданным в годы войны, стали воздушно-десантные войска, а также войска спецназначения (рейнджерс и коммандос). К концу войны в состав американских вооруженных сил входили пять воздушно-десантных дивизий, способных выполнять боевые задачи в удаленных районах.

Американские танки «М-4 Шерман» различных модификаций

Американская реактивная пусковая установка «Т-34 Каллиопа»

Американский истребитель «Р-39 Аэрокобра»

Американский истребитель «Р-51 Мустанг»

Американский бомбардировщик «B-24 Либерейтор»

Американский бомбардировщик «B-29 Суперкрепость»

Большое значение в американских вооруженных силах придавалось работе войскового тыла и транспорта, которые должны были обеспечить относительно комфортное пребывание американских военнослужащих в зоне боевых действий. Количество вспомогательного персонала, не принимавшего непосредственного участия в боевых действиях, в американской армии было существенно выше, чем в вооруженных силах других воюющих государств.

Однако из всех видов вооруженных сил США наиболее высокими темпами развивалась военная авиация. Особого размаха достигла за годы войны стратегическая авиация, в которую вошли до трети всех выпущенных за этот период боевых самолетов. Ее численность возросла за счет поступления на вооружение бомбардировщиков «B-17 Летающая крепость», «B-24 Либерейтор», тяжелых бомбардировщиков «B-29 Суперкрепость». В годы войны были созданы доказавшие свою эффективность истребители «Аэрокобра», «Рипаблик», «Мустанг» и другие. Последний благодаря своим боевым качествам по праву считался одним из лучших истребителей Второй мировой войны. Тем не менее вклад американской авиации в боевые действия был относительно низким. До середины 1944 г. бóльшая часть боевых самолетов находилась на территории США, а в последний год войны на театрах военных действий было задействовано немногим более половины боевого состава авиации.

Высокими характеристиками отличались зенитные системы, производимые в военное время. Американским инженерам удалось за короткий промежуток времени создать всю линейку зенитных установок — от малокалиберных скорострельных до «стратосферных» тяжелых зениток. Зенитки, особенно малокалиберные, в значительных количествах поставлялись по программе ленд-лиза союзникам по антигитлеровской коалиции. Так, в СССР поставлялись 20-мм «Эрликоны», 40-мм «Бофорсы», 90-мм пушки М-1, М-2 и прочие. Для того времени это были эффективные средства борьбы с воздушными целями. Так, для корректировки огня зенитной батареи 90-мм пушек М-1 применялся радиолокатор SCR-268, обнаруживавший самолеты на дальности до 36 км. Фиксируя разрывы в воздухе снарядов зенитной артиллерии, он корректировал огонь относительно цели, что было особенно важно в ночное время. 90-мм зенитки успешно применялись для поражения немецких беспилотных самолетов-снарядов Фау-1 над Южной Англией. Поступившая в американские войска на завершающем этапе войны радиолокационная станция орудийной наводки SCR-584 уже позволяла вести автоматическое сопровождение обнаруженного самолета противника.

Военно-морские силы США включали в себя непосредственно военно-морской флот, морскую пехоту и береговую охрану. Основой флота являлись авианосцы, надводные корабли с артиллерийским вооружением и подводные лодки. Для проведения крупных десантных операций в составе ВМС США были созданы мощные амфибийные силы. Использование специальных танкодесантных судов позволяло осуществлять выгрузку боевой техники непосредственно на побережье. Тем самым была создана военно-техническая основа для «проекции» военной силы в отдаленных регионах мира.

В годы войны в американском флоте были разработаны и приняты на вооружение более двух десятков РЛС, использовавшихся для обнаружения надводных целей. С их помощью американские моряки могли обнаружить субмарину противника в надводном положении на расстоянии до 10 миль. Устанавливались РЛС и на подводные лодки, что позволяло командирам успешно атаковать корабли и суда противника ночью, а также и в плохих погодных условиях. Значительный прогресс был достигнут и в развитии гидроакустики. Принятые на вооружение гидролокаторы с активным и пассивным трактами позволяли американским подводным лодкам выходить на бесперископную атаку. С июня 1943 г. на вооружение американской противолодочной авиации стали поступать первые радиогидроакустические буи, сыгравшие весомую роль в уничтожении подводных лодок противника. В целом американский флот представлял собой грозную силу, способную вести эффективную борьбу за господство на море.

Особенности системы стратегического руководства Великобритании накануне войны обусловливались прежде всего островным географическим положением и сложившимся за века опытом использования вооруженных сил. Как и прежде, одной из основных задач

стратегического руководства Великобритании в годы войны являлись не только защита метрополии, но и охрана жизненно важных морских коммуникаций, связующих страну с многочисленными колониями.

Верховным главнокомандующим вооруженными силами Британской империи формально являлся король, но фактически эти функции исполнял премьер-министр, возглавлявший военный кабинет. На него возлагалось непосредственное решение вопросов руководства войной, в том числе организации работы военной промышленности, обороны метрополии, использования людских ресурсов, строительства вооруженных сил в доминионах и колониях. Принятые решения осуществлялись соответствующими министерствами (армии, военно-морских и военно-воздушных сил) через генерал-губернаторов, а в Индии — через вице-короля.

Высшим органом стратегического руководства Англии являлся Комитет начальников штабов, который разрабатывал планы операций на театрах и осуществлял контроль над ходом военных действий. Его работой руководил непосредственно премьер-министр. Решения комитета проводились в жизнь через штабы видов вооруженных сил, разрабатывавших планы применения этих сил и осуществлявших руководство их действиями.

Первоначально система стратегического руководства в Великобритании страдала отсутствием опыта ведения современной войны. В период «странной войны» на континенте боевые действия видов вооруженных сил, несмотря на то что они планировались в рамках совместной операции, чаще всего велись разобщенно и нескоординированно, что не могло не сказаться на общей эффективности операции[8]. Примером слабого взаимодействия видов и родов британских вооруженных сил стала также их неудачная операция в Норвегии весной 1940 г. В последующем руководство группировками британских войск на театрах военных действий осуществлялось соответствующими командованиями: в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке и прочими.

Вооруженные силы Великобритании, как и американские, за годы войны претерпели существенные изменения. Если в сентябре 1939 г. общая численность войск Британской империи составляла 1,7 млн человек, то к середине 1942 г. она достигла 7 млн, а к июню 1945 г. — 9,3 млн. Войска собственно Великобритании за это время выросли с 1,3 до 5,1 млн человек. Из войск английских доминионов и колоний к концу войны наиболее многочисленными были индийские, канадские и австралийские[9].

В состав вооруженных сил Великобритании входили три вида войск: сухопутные, военно-воздушные и военно-морские. Кроме того, в мае 1940 г. из добровольцев было создано местное ополчение — полувоенная организация, предназначенная для обороны населенных пунктов, аэродромов и других объектов в случае вторжения противника на Британские острова. Из видов вооруженных сил, как и в США, наиболее высокими темпами развивались флот и авиация.

Оперативно-стратегическим объединением сухопутных сил являлась группа армий, оперативным объединением — армия. В их состав входили не только английские силы, но и войска доминионов и других союзников по антигитлеровской коалиции, в частности польские воинские части. Объединения не имели постоянной штатной организации, их состав зависел от оперативного предназначения и предполагаемого использования.

В развитии сухопутных сил основной тенденцией являлось повышение уровня моторизации и подвижности войск, а также рост огневой мощи за счет насыщения артиллерией и автоматическим оружием. В Великобритании запустили в массовое производство спешно созданный, но простой в производстве 9-мм пистолет-пулемет «Стэн» различных модификаций, «Ланчестер МК-1» и другие. Хорошо зарекомендовал себя английский противотанковый гранатомет PIAT, предназначенный для ведения огня бронебойными гранатами с кумулятивным зарядом, способными пробить броню любого танка того времени. Высоко оценена в войсках была штурмовая мортира «Эрди Эгги».

К концу войны все пехотные соединения (кроме горнострелковых частей) являлись моторизованными, артиллерия была переведена на механическую тягу. В результате британская

Английские танки «Черчилль»

Танк «Крусейдер»

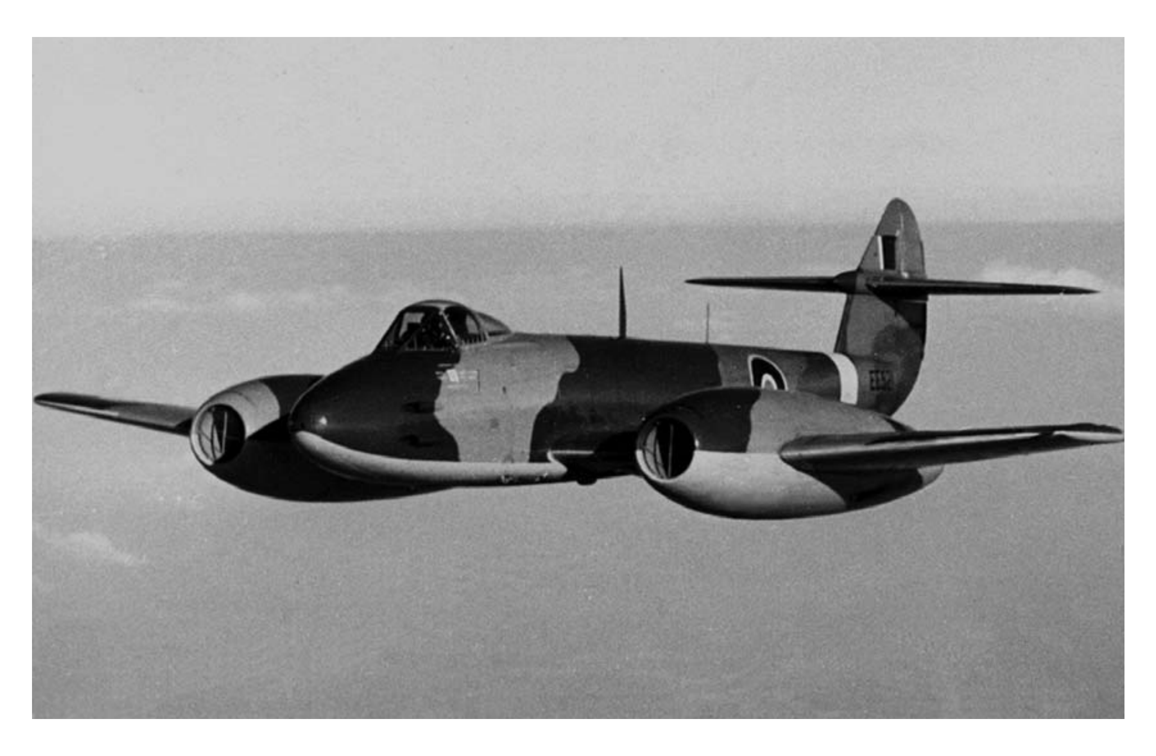
Английская самоходная установка «Арчер»

Самоходная установка «Бишоп»

Английский истребитель «Спитфайр»

Реактивный истребитель «Метеор»

пехотная дивизия стала значительно более маневренной, заметно возросла ее ударная, огневая и противовоздушная мощь. Особенно интенсивно в составе сухопутных сил развивались бронетанковые войска. Первоначально они использовались в основном для поддержки пехоты, но к концу войны были способны действовать самостоятельно, в качестве главной ударной силы сухопутных войск. Помимо американских танков «М-4 Шерман», полученных по программе ленд-лиза, английские бронетанковые войска были вооружены танками собственного производства: пехотными «Матильда», «Черчилль», «Вэлиант», маневренными «крейсерскими» «Крусейдер», «Челленджер», «Центурион», «Кромвель» и другими. Был также разработан тяжелый штурмовой танк «Черепаха», предназначенный для решения задач по разрушению сильно укрепленных районов противника. Значительное внимание уделялось развитию самоходной артиллерии. В годы войны англичанами были созданы несколько систем: «Арчер», «Бишоп» и другие.

Значительное совершенствование пережили военно-воздушные силы Великобритании. Общее количество боевых самолетов за годы войны увеличилось почти в 4 раза. Если в первые годы войны развивалась преимущественно истребительная авиация, то с 1942 г. особое внимание, как и в США, стало уделяться развитию стратегической авиации. В 1944—1945 гг. тяжелые бомбардировщики составляли почти треть всех боевых самолетов Великобритании. Наиболее известным среди них стал британский бомбардировщик «Ланкастер». Значительное внимание уделялось развитию истребительной авиации. Новые истребители «Темпест-V» и «Спитфайр-XIV» (признанный одним из лучших истребителей Второй мировой войны), а также реактивный истребитель «Метеор-IV» (введен в боевой строй в 1944 г.) успешно применялись в борьбе с немецкими самолетами-снарядами Фау-1, позже Фау-2, а также авиацией противника. Хорошо зарекомендовал себя ночной истребитель «Москито». В битве за Атлантику британская авиация с февраля 1943 г. стала использовать для поиска немецких подводных лодок сантиметровый радар, позволявший легко обнаруживал их расположение, что привело к резкому повышению эффективности противолодочной борьбы.

Высшим оперативным объединением британских ВВС являлось командование в составе авиационных групп. К началу войны имелось три соответствующих командования: истребительное, бомбардировочное и береговое, предназначенное для защиты метрополии и морских коммуникаций. В 1940 г. было создано новое командование по взаимодействию с сухопутными силами, призванное обеспечить поддержку действиям наземных войск и тем самым положившее начало бурному развитию штурмовой авиации.

Ответственность за противовоздушную оборону во время войны возлагалась на командующего истребительной авиацией. Основу войск ПВО составляли истребительная авиация и зенитная артиллерия. В конце 1930-х гг. британская зенитная артиллерия не соответствовала требованиям современной войны как по численности, так и по техническому состоянию. С началом войны британское руководство, понимая важность зенитного прикрытия городов, промышленных предприятий и военно-морских баз, не жалело сил и средств для производства новых зенитных орудий. В 1941 г. основой зенитной артиллерии Великобритании стали 94-мм зенитные орудия, способные поражать цели на высоте до 9 км, которые постоянно совершенствовались в скорострельности и точности поражения цели. В 1944 г. на вооружение ПВО стали поступать зенитные снаряды с радиовзрывателями, резко повысившими поражаемость цели. Стали использоваться также 76,2-мм зенитные реактивные установки, которые с 36-рельсовых направляющих могли давать залпы по девять ракет одновременно. В системе ПВО активно использовались также аэростаты заграждения, зенитные прожекторы и другая вспомогательная военная техника. Но самое главное — служба воздушного наблюдения, оповещения и связи Британии была оснащена передовыми для своего времени радиолокационными станциями, сыгравшими огромную роль в эффективном противодействии налетам фашистской авиации.

Развитие военно-морских сил Великобритании отражало общие тенденции в развитии этого вида вооруженных сил в годы Второй мировой войны: возрастание роли авианосцев, подводного флота и сил противолодочной обороны. Созданные для завоевания господства

на море бронированные гиганты-линкоры оказались беззащитны перед авиацией корабельного базирования. Если общее количество линейных кораблей и крейсеров в британском флоте осталось на прежнем уровне, то количество авианосцев (включая эскортные) выросло более чем в 7 раз, а подводных лодок — в 2,4 раза. Эскортные корабли, в том числе полученные по ленд-лизу от США, оснащались современными гидроакустическими станциями и радарными установками, доказавшими свою высокую эффективность в борьбе с подводными лодками противника. Значительно за годы войны усилилась морская пехота, входившая в состав военно-морских сил Великобритании и представлявшая собой высокомобильные амфибийные силы постоянной готовности. Развитие подводных лодок в ходе войны шло главным образом в направлении улучшения надводных маневренных качеств, увеличения глубины погружения и повышения мореходных качеств, а также оборудования лодок более совершенными средствами связи и наблюдения — радио, гидролокация и радиолокация.

Несмотря на возросшую мощь, степень участия британской армии в боевых действиях в годы войны была относительно невелика. Так, в середине 1944 г. на всех фронтах находилось до 40–45 британских дивизий — около половины от их общего числа[10].

Система стратегического руководства Франции, одной из первых среди западных союзников встретившей нападение Германии, во многом строилась на основе опыта Первой мировой войны, что стало одной из главных причин быстрого разгрома французских вооруженных сил. Основные решения по ведению войны принимались главой правительства, который с сентября 1939 г., с началом «странной войны», являлся одновременно и министром национальной обороны. Координировать действия сухопутных сил, авиации и флота должен был Генеральный штаб, но ввиду того что главнокомандующие ВВС и ВМФ ему не подчинялись, он был не в состоянии обеспечить согласованные действия видов вооруженных сил.

Вооруженные силы Франции, обладавшие достаточной технической оснащенностью, к началу Второй мировой войны насчитывали 2,7 млн человек. В их состав входили сухопутные войска, военно-воздушные и военно-морские силы. В случае угрозы войны со стороны Германии предусматривалось также привлечение к военным действиям национальных формирований ряда колоний.

Сухопутные войска, несмотря на декларируемый наступательный характер их предстоящих действий, были подготовлены в основном к ведению позиционной войны. Подавляющее число танков, имевшихся во французской армии в составе отдельных танковых батальонов, предназначались для непосредственной поддержки пехоты и не были готовы для самостоятельных действий крупными силами. Вследствие доминирующей в течение многих лет концепции использования танков в основном для поддержки пехоты предпочтение отдавалось броневой защите.

Средние французские танки Д-2 и S-35 и тяжелый В-1 по своим тактико-техническим характеристикам не намного уступали немецким. В частности, французские танки типа «В» зарекомендовали себя во время сражений весной и летом 1940 г. тем, что ни одна противотанковая или танковая пушка противника не смогла пробить их броню. Однако непродуманная тактика, а тем более оперативное искусство использования бронетанковых сил, слабая обученность экипажей во многом девальвировали их боевые качества.

Сравнительно слабой была дивизионная артиллерия, испытывавшая недостаток, в отличие от немецко-фашистской армии, в больших калибрах. В войсках не хватало современных противотанковых и противовоздушных средств, что заведомо ставило французскую армию в невыгодное положение. Военно-воздушные силы Франции по численности самолетов не уступали ВВС передовых государств, однако большая часть машин (истребители «Девуатин D-520» и «Девуатин MS-406», средний бомбардировщик LeO-451, многоцелевой самолет «Потез 63», легкий бомбардировщик Bre-19) была устаревших конструкций. Эффективность авиации снижалась за счет организационной раздробленности, поскольку авиационные части или соединения были распределены между корпусами и армиями.

Французский тяжелый танк В-1

Французский легкий танк Н-35

Французский средний танк S-35, состоявший на вооружении вермахта

Французские летчики у истребителя «Моран-Солнье MS-406»

Французский военно-морской флот по числу боевых кораблей в сентябре 1939 г. занимал четвертое место в мире, но в его составе находились всего один авианосец и незначительное число кораблей охранения, не имевших к тому же современных средств обнаружения подводных лодок, что повышало его уязвимость перед флотами других государств. Слабо приспособленная к реалиям современной маневренной войны, требовавшей быстрых и неординарных решений, система военного руководства Франции рухнула уже летом 1940 г., спустя чуть более месяца после нападения Германии.

Особенностью стратегического руководства вооруженной борьбой со стороны западных союзников являлось то, что с началом Второй мировой войны оно осуществлялось на коалиционной основе, предполагавшей в рамках единого планирования максимально возможную концентрацию и использование как собственных сил и ресурсов, так и возможностей дружественных, а также зависимых государств. Коалиционная система военного руководства Великобритании и Франции оформилась уже в сентябре 1939 г.

Высшим военно-политическим органом англо-французской коалиции стал Верховный совет союзников в составе премьер-министров, министров иностранных дел и министров обороны обоих стран. В качестве консультативного органа при нем функционировал Высший военный комитет. Совету отводилась роль совещательного органа, а право принимать окончательные решения оставалось за правительством каждой страны. Единого военного командования и объединенного штаба союзных армий создано не было. Стремительный разгром Франции вермахтом в мае — июне 1940 г. привел к распаду англо-французского коалиционного руководства, которое не смогло обеспечить действенного объединения усилий двух стран в области стратегического использования вооруженных сил.

После поражения Франции сохранившаяся часть ее вооруженных сил была практически полностью демобилизована и разоружена. Воссоздание вооруженных сил началось под руководством Французского комитета национального освобождения «Свободная Франция»

(с июля 1942 г. — «Сражающаяся Франция»). Сопредседателем, а затем председателем комитета стал генерал Ш. де Голль (одновременно главнокомандующий французской армией). Первоначально армия ФКНО насчитывала около 90 тыс. человек, но к концу войны ее общая численность возросла до 976 тыс. Во французских сухопутных войсках было сформировано 12 боевых дивизий (три танковые и девять пехотных) в составе трех корпусов. Кроме того, четыре территориальные дивизии дислоцировались в Северной Африке. ВВС были представлены авиационным корпусом. В состав ВМС вошел ряд кораблей, которые удалось спасти после поражения в 1940 г. Вооружение для сухопутных войск и ВВС французы получали от США и Англии по программе ленд-лиза. Основная часть вновь созданных вооруженных сил приняла участие в борьбе против немецко-фашистских войск на территории Италии, Франции и Германии.

Развал англо-французского союза и угроза немецко-фашистской агрессии непосредственно Великобритании заставили английское руководство ускорить сближение с США. Осенью 1940 г. между Вашингтоном и Лондоном было подписано несколько соглашений о военном сотрудничестве. На встречах представителей военных ведомств двух стран в январе — марте 1941 г. были выработаны основы союзной стратегии в войне и принят стратегический план под условным наименованием АВС-1 (от начальных букв английского названия — «американо-британские переговоры»). Этот план определял стратегические цели США и Англии на протяжении всей войны и не претерпел до победы над Японией каких-либо существенных изменений.

Германия была определена в качестве главного противника, и соответственно, была признана необходимость сосредоточения военных усилий США и Англии на Европейском театре и в Атлантике. Относительно Японии было решено, что в случае вступления ее в войну боевые действия на Тихом океане будут носить оборонительный характер до разгрома европейских держав оси. Таким образом, Дальний Восток и Тихий океан были признаны второстепенными театрами войны. В отличие от Лондона, Вашингтон, оставляя для себя свободу рук, официально не утвердил план АВС-1, оставив его в статусе «протокола о намерениях»[11].

Разработка основ, а затем детализация англо-американской военно-политической стратегии осуществлялись главным образом на периодических конференциях и встречах глав правительств этих государств, а также в ходе переписки между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем. Всего за годы войны главы США и Англии обменялись более 1700 посланиями по различным аспектам политической и военной стратегии[12]. Для согласования отдельных вопросов активно использовался также институт личных представителей.

Высшим действующим на постоянной основе военным органом коалиционного руководства являлся Объединенный англо-американский комитет начальников штабов, созданный в 1941 г. Особое место в деятельности Объединенного комитета занимали, естественно, вопросы стратегического планирования и управления группировками войск и сил флота. Разработке соответствующих планов ведения боевых действий предшествовали принципиальные решения политического руководства США и Великобритании на конференциях глав правительств. Здесь определялись принципиальные вопросы — цели, сроки и масштабы наступательных операций, в которые вносились коррективы в зависимости от реально складывающейся обстановки, а также по требованию одного из союзников.

На тех театрах военных действий, где вооруженная борьба велась совместными силами США и Англии, создавались союзные объединенные командования. С согласия правительств обеих стран назначался главнокомандующий союзными вооруженными силами, подчинявшийся Объединенному комитету начальников штабов. Он определял состав оперативных группировок, осуществлял прямое руководство их действиями, нес ответственность за ход военных действий и использование выделенных сил. Главнокомандующему подчинялись все командующие видами вооруженных сил, действовавших в данном районе, независимо от национальной принадлежности вооруженной группировки. В штаб объединенного командования входили офицеры армий стран-союзников. Там, где формирование объединенных командований признавалось нецелесообразным, создавались зоны стратегической ответственности.

С целью устранения возможных разногласий, а также для обеспечения оперативности управления Объединенный комитет начальников штабов передавал директивы союзным главнокомандующим на театрах не напрямую, а через комитет начальников штабов того государства, чьим представителем в данный момент являлся главнокомандующий. При этом английским военачальникам, находившимся в подчинении у американцев (как и последним, в свою очередь) было разрешено обращаться в британское Военное министерство, если приказы главнокомандующего, на их взгляд, были необоснованны. Тем не менее выбор кандидатов на должность главнокомандующего и других высших должностных лиц на театрах военных действий, как правило, проходил в обстановке острого соперничества. Это проявилось, например, при формировании объединенного командования, создаваемого для осуществления вторжения в Северную Францию. В конечном счете, было принято решение о том, что выделенные для операции сухопутные, морские и воздушные силы поступали в полное подчинение главнокомандующего союзными экспедиционными силами на Западноевропейском ТВД американского генерала Д. Эйзенхауэра, но его заместителем был назначен англичанин — главный маршал авиации А. Теддер.

Объединенный комитет в основном справлялся с возложенными на него многочисленными задачами, хотя его деятельность и не была лишена недостатков. Руководящая роль комитета во многих случаях носила слишком общий, поверхностный характер. Находясь в Вашингтоне, на удалении многих тысяч километров от театров военных действий, он не мог в полной мере, во всех деталях оценить обстановку и принять оптимальные решения, которые в результате часто подвергались корректировке. Кроме того, процесс коалиционного руководства в значительной степени осложнялся существенными различиями политических целей союзников в войне. Американское руководство в первую очередь стремилось захватить ключевые позиции на Тихом океане, усилить влияние в странах Европы и Азии. Правящие круги Великобритании, в свою очередь, намеревались утвердить свое господство на Балканах, в районе Средиземного моря и на Ближнем Востоке, а главное — любой ценой сохранить ослабевшую Британскую империю.

Свидетельством различных подходов к планированию операций явились неоднократные попытки У. Черчилля, вопреки позиции Ф. Рузвельта, перенести начало операции «Оверлорд», задействовав как можно больше сил и средств союзников в Италии с целью укрепления британских позиций в районе Средиземного моря. У. Черчилль во что бы то ни стало хотел упредить советские войска в Юго-Восточной Европе[13]. Однако подобная позиция расходилась с намерениями США, заинтересованных в установлении своего послевоенного доминирования в первую очередь в Западной Европе, а не на Балканах. В конечном итоге, было принято компромиссное решение начать операцию на юге Франции не позднее 15 августа, то есть со значительной отсрочкой — когда операция «Оверлорд» была бы уже в полном разгаре.

Не менее острый характер приняло обсуждение плана дальнейших действий союзников после освобождения Парижа в конце августа 1944 г. Английский фельдмаршал Б. Монтгомери предлагал нанести главный удар на своем, левом крыле западноевропейского фронта, чтобы, обойдя Рур с севера, развернуть стремительное наступление на Берлин. При этом он настаивал на переподчинении ему большей части американских войск, действовавших во Франции. Главнокомандующий союзными экспедиционными войсками в Западной Европе Д. Эйзенхауэр принял иное решение: продвигаясь на широком фронте, выйти к р. Рейн и занять плацдармы на его восточном берегу. В дальнейшем он предполагал развивать наступление в центральной части Германии, Чехословакии и Австрии. Существенные разногласия привели к тому, что западные союзники не смогли воспользоваться благоприятной обстановкой на западном фронте для полного разгрома группировки немецко-фашистских войск во Франции.

Еще более острый конфликт возник в руководстве англо-американской коалиции после завершения Рурской наступательной операции (23 марта — 18 апреля 1945 г.), которая преследовала цель окружения и разгрома крупной группировки немцев. С выходом на р. Эльба англо-американские войска фактически достигли рубежей на территории Германии, согла-

сованных с советским руководством. Однако Д. Эйзенхауэр не поддался соблазну быстрого и легкого прорыва к столице Германии, а сосредоточился на очистке занятой территории от немецких войск. Решением Д. Эйзенхауэра был крайне раздосадован У. Черчилль, которого, по его же собственным словам, поразило то, что Верховный главнокомандующий «отводит столь незначительное место политическому значению Берлина»[14]. Тем не менее, несмотря на сильное давление из Лондона, Д. Эйзенхауэр не изменил своего первоначального решения.

Серьезные противоречия между западными союзниками не раз возникали и при выработке стратегии ведения войны на Тихом океане. США сосредоточили свои основные силы в центральной части Тихого океана для нанесения главного удара в направлении Филиппин, расширения сети баз в Китае и других районах Азии. Эта противоречило интересам Лондона, который не без основания полагал, что подобная стратегия, рано или поздно, приведет к утрате Британией ряда своих колоний в Юго-Восточной Азии.

Западными союзниками в годы войны предпринимались попытки создания и других военно-политических органов в более широком составе. В Лондоне, например, действовал так называемый Совет по Дальнему Востоку в составе представителей Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Голландии. С весны 1942 г. в Вашингтоне стал функционировать Тихоокеанский военный совет из представителей США, Великобритании, Австралии, Канады, Голландии, Индии, Бирмы, Новой Зеландии. В данных советах обсуждались главным образом военно-политические проблемы, а их решения носили рекомендательный характер.

Процесс стратегического планирования значительно усложнился после формирования расширенного коалиционного военного руководства в составе четырех держав — СССР, США, Великобритании и Франции (Большая коалиция). Такой состав коалиции внес немало дополнительных противоречий, потребовал еще бóльших усилий для согласования разнящихся подходов и взглядов на дальнейшее ведение войны.

Сущностное противоречие между союзниками заключалось в том, что США и Великобритания стремились использовать свои силы прежде всего для решения собственных политических и стратегических задач и тем самым переложить основную тяжесть борьбы на СССР. Интересы Советского Союза и его вооруженных сил, которые вели тяжелейшую борьбу против вермахта, при выработке основных проблем коалиционной стратегии руководством США и Великобритании, вплоть до открытия второго фронта в 1944 г., не учитывались или рассматривались в качестве второстепенных. Руководство Советского Союза также действовало прагматично, исходя из собственных национальных интересов. Однако с началом активного периода коалиционного взаимодействия на Европейском театре военных действий оно неоднократно шло навстречу западным союзникам. Характерным примером является перенос сроков наступления на центральном участке фронте в январе 1945 г., чтобы облегчить положение англо-американских войск в Арденнах.

В целом, сложившаяся в годы войны система коалиционного стратегического руководства вооруженной борьбой, несмотря на возникавшие внутри коалиции серьезные противоречия, обеспечила решение большей части задач, которые были поставлены перед их вооруженными силами, и главное — не привела к развалу антигитлеровской коалиции, на что так рассчитывали в Берлине.

Успеху стратегического руководства военными действиями западных союзников способствовали сильные стороны их военного искусства, которые обусловливались военно-доктринальными положениями и военно-теоретическими взглядами, возможностями вооруженных сил, их технической оснащенностью, боевым мастерством военачальников и солдат.

Предвоенные планы западных государств исходили из установки о возможности направления агрессии фашистской Германии против СССР. По мнению военных теоретиков и верховного командования Великобритании и Франции, реализации этой идеи способствовало бы создание очагов военной напряженности вдали от границ Великобритании и Франции, прежде всего в Восточной Европе. Это позволяло добиться распыления сил вермахта и до минимума сократить потенциальные возможности Германии развязать войну на

Западе. В случае поворота фашистской военной машины с востока на запад, что считалось маловероятным, силы вермахта, как полагало англо-французское военное командование, должны были уже истощиться. При этом предполагалось прибегнуть к длительной позиционной обороне для того, чтобы выиграть необходимое время для перегруппировки войск, перестройки промышленности на военный лад, призыва дополнительных контингентов и создания тем самым предпосылок для перехода к решительным наступательным действиям. Исходя из этого, стратегическая оборона рассматривалась как основной вид военных действий на первом этапе войны.

Однако у англо-французской коалиции отсутствовало четкое представление о характере молниеносной войны, предполагавшей с самого начала массированное применение танков, и, как следствие, не имелось согласованной позиции относительно способов ведения стратегической обороны. Такие вопросы, как заблаговременная подготовка оборонительных полос в глубине страны, создание крупных резервов для нанесения контрударов по вклинившимся группировкам противника, маневрирование силами и средствами в случае прорыва обороны, не были разработаны теоретически и тем более освоены практически. Главный расчет делался на удержание сплошного позиционного фронта с опорой на считавшуюся непреодолимой «линию Мажино». Ошибочные военно-доктринальные установки привели к серьезным просчетам в подготовке вооруженных сил Франции и Англии к современной войне, стратегическом развертывании сухопутных войск и авиации, использовании резервов. Это со всей очевидностью проявилось как в период ведения «странной войны», так и при попытке отражения германского блицкрига против Франции.

Если бы Англия и Франция в начальный период «странной войны», не рассчитывая на «линию Мажино», развернули наступательные действия на Западе, это могло бы привести Германию к катастрофе — практически вся боевая мощь вермахта в тот момент была брошена против Польши. На Западе в недостроенных укреплениях «линии Зигфрида» оставались незначительные силы прикрытия. И если Британский экспедиционный корпус во Франции не представлял собой сколько-нибудь значимой боевой единицы, то французские вооруженные силы, располагая 65 кадровыми и 45 резервными дивизиями, были в состоянии самостоятельно нанести сокрушительный удар на Западе.

Вместо этого французское военное командование потеряло драгоценное время на бесплодное обсуждение с англичанами сложившейся обстановки, рассчитывая на прибытие дополнительных воинских контингентов из Англии. Однако в Лондоне не торопились с переброской войск на континент не только из-за традиционной осторожности, но и руководствуясь ошибочным предположением, что следующий удар будет нацелен против Великобритании, а не Франции. По мнению Лондона, наступление на Францию означало для вермахта большие потери, в борьбе же против Англии они могли бы использовать свое главное преимущество — воздушную мощь.

Замысел Берлина, однако, был иным. Он предусматривал прорыв союзного фронта в районе Арденн, последующее форсирование Мааса, занятие Седана и дальнейшее наступление в общем направлении на Булонь, чтобы пробить широкую брешь в обороне союзных армий. Англо-французское командование допустило серьезную ошибку не только в оценке общего замысла военных действий Германии, но и в определении направления главного удара вермахта. Немецкому командованию в результате масштабных дезинформационных мер удалось создать у союзников впечатление, что наступление во Франции будет развиваться в соответствии с «планом Шлиффена», то есть через Бельгию. Соответственно, основная масса англо-французских сил общей численностью около 130 дивизий была развернута на севере.

Главная ставка делалась на «линию Мажино», представлявшую собой долговременные оборонительные позиции и перекрывавшую 750-километровую пограничную линию с Германией вплоть до границ со Швейцарией и Люксембургом. Однако вместо того чтобы штурмовать «линию Мажино», немецкие армии, собрав танковые соединения в бронированный кулак, 10 мая 1940 г. обрушились на Францию через территорию Голландии, Бельгии и Люксембурга. Их успеху способствовали массированные удары по французским аэродромам,

позволившие немецкой авиации в первый же день войны захватить господство в воздухе. Не замедлило сказаться и равномерное распределение коалиционных войск и особенно стратегических резервов по всему фронту. Прорыв немецкой танковой группировки в самом слабом звене французской обороны — гористой местности Арденн, считавшейся труднодоступной для танков, явился для союзников полной неожиданностью.

Не располагая танковыми и моторизованными соединениями, способными к быстрому маневру на угрожаемые направления, а также сильными резервами для нанесения контрударов, англо-французское командование не смогло ликвидировать прорыв высокоподвижных группировок противника, устремившихся к побережью Ла-Манша. Запоздалая попытка сформировать в ходе боевых действий несколько танковых дивизий и использовать их против наступавшей группировки вермахта не могла уже ничего изменить. Неудачей закончилась и попытка создания нового стратегического фронта в глубине страны. Спешно возводимая оборонительная полоса вдоль рек была плохо оборудована в инженерном отношении, не имела достаточной плотности противотанковых средств и противовоздушной обороны.

Основной причиной неудач союзников, по мнению английского историка Б. Г. Лиддел Гарта, явились отставание в области военной теории и излишняя самоуверенность военного командования, в реальной обстановке продемонстрировавшего невысокий профессионализм. Обученные на традициях Первой мировой войны с ее относительно медленными темпами развития военных действий, французы психологически не успели приспособиться к новым высокоманевренным способам ведения боевых действий. В этом смысле поражение Германии в Первой мировой войне сыграло с победителями злую шутку, породив самодовольство и консервативность во взглядах французского командования[15].

Пассивность обороны была характерна для боевых действий западных союзников и в последующем, особенно при проведении операций на «периферийных» театрах военных действий. Например, на североафриканском фронте, в районе Бир-Хакейма в мае 1942 г., где немецко-фашистские войска, воспользовавшись пассивностью противника и разрывами в его обороне, обошли с флангов укрепленный район англичан и нанесли им тяжелый урон.

Недостаточное умение в организации обороны проявлялось у союзного командования даже на заключительном этапе войны. Союзные войска оказались слишком чувствительны к внезапным контрударам противника в тактической зоне обороны. Активное сопротивление разворачивалось лишь в оперативной глубине. Огромная роль при этом отводилась союзной авиации, которая при подавляющем превосходстве «ходила по головам» противника, нанося массированные удары по его бронетехнике и пехоте. Если бы не фактор господства союзной авиации в воздухе, исход борьбы на западном фронте мог бы быть иным, несмотря на превосходство союзников в технике и людях.

Вместе с тем западные союзники приобрели немалый опыт в организации и проведении стратегических наступательных операций на различных театрах военных действий. Обычно стратегическое наступление союзников начиналось совместными операциями армии и флота с целью захвата плацдарма на побережье или важного в стратегическом отношении островного района. Успеху этих действий в немалой степени способствовал накопленный опыт проведения морских десантных операций.

В первые годы войны им далеко не всегда сопутствовал успех. Так, в августе 1942 г. англичанами была предпринята попытка провести морскую десантную операцию «Юбилей» с целью захвата плацдарма во французском порту Дьепп, расположенном на берегу Ла-Манша. В ходе операции предполагалось прощупать немецкую оборону побережья, а также испытать в действии новые десантные суда[16]. Операция закончилась полным провалом. Огневая поддержка десанта с воздуха и моря оказалась недостаточной, чтобы подавить мощные береговые батареи немцев[17]. Этот опыт был учтен при подготовке и проведении последующих десантных операций. Одним из успешных примеров проведения десантной операции стала высадка 8 ноября 1942 г. англо-американских войск в Алжире и Марокко (операция «Торч»).

Самой крупной морской десантной операцией Второй мировой войны, результатом которой явилось открытие второго фронта в Европе, стала Нормандская операция в июне

1944 г. При ее планировании и проведении командование союзников использовало опыт, полученный на Средиземноморском театре военных действий в ходе высадки в Северной Африке в ноябре 1942 г., на Сицилии в июле 1943 г., а также ряда десантных операций, проведенных ВМС США на Тихоокеанском театре военных действий. Особенность Нормандской операции заключалась в беспрецедентном масштабе и количестве привлекаемых сил и средств. Успеху проделанной огромной работы способствовало то, что для подготовки к операции командование и штабы союзников располагали практически неограниченным временем. Сосредоточение войск началось с августа 1943 г., когда на Британских островах дислоцировалась лишь одна американская дивизия. К концу мая 1944 г. общее количество личного состава сухопутных войск и авиации США в Англии превысило 1,5 млн человек[18].

В ходе десантной операции было использовано немало военно-технических новинок: сконструированы специальные плавучие молы и искусственные порты, по дну Ла-Манша проложен бензопровод, привлечены суда специального назначения[19]. Высадка экспедиционных сил производилась двумя методами: непосредственно десантными кораблями и судами на берег и с перегрузкой войск с транспортов на десантно-высадочные средства для последующей их доставки к назначенным пунктам. Накануне проведения операции на глубину 10–15 км был выброшен воздушный десант с задачей прикрыть фланги морского десанта.

Несмотря на удачное использование опыта, накопленного при проведении предыдущих морских десантных операций, Нормандская операция не была лишена недостатков. Наиболее существенным из них стала медлительность в действиях. Экспедиционным силам потребовалось более полутора месяцев для захвата стратегического плацдарма в Северной Франции протяженностью 100 км по фронту и 30–50 км в глубину. Это дало возможность немецким войскам перегруппировать силы и организовать оборону.

Союзные сухопутные войска, действовавшие в Европе, были практически полностью моторизованными. Большой удельный вес в экспедиционном корпусе занимали бронетанковые дивизии. Однако тактико-технические характеристики американских и английских танков уступали боевым возможностям «пантер» и «тигров». Тем не менее подавляющее господство союзной авиации в воздухе свело на нет преимущество немецко-фашистских бронетанковых сил. В немалой степени способствовало успеху союзных войск то, что они были оснащены совершенной для того времени радиолокационной аппаратурой, в том числе станциями, предназначенными для засечки артиллерийских позиций.

Наступление союзных сухопутных войск начиналось после надежного огневого подавления обороны противника, для чего кроме артиллерии привлекались крупные силы тактической и стратегической авиации. Для содействия наступающим войскам широко применялись тактические и оперативные воздушные десанты в глубине обороны противника с целью дезорганизации тыловых районов. Для достижения внезапности проводились мероприятия по дезинформации противника: наносились отвлекающие удары бомбардировочной авиации, выбрасывались ложные десанты, сбрасывались дипольные отражатели для имитации действий больших групп самолетов, создавались шумовые эффекты.

Обладая общим превосходством над немецко-фашистскими войсками на Западе в 1945 г. (по пехоте — в 2–2,5 раза, по танкам — в 4–5 раз, по авиации — в 10–20 раз), американо-английское командование без труда создавало на направлении главного удара значительный перевес в силах и средствах. Несмотря на это, темпы прорыва вражеской обороны редко превышали 2–3 км в сутки. Наступление велось, как правило, последовательным продвижением от рубежа к рубежу, глубокие прорывы крупных танковых группировок в тыл противника не предпринимались. Преследование противника в случае его отхода велось сравнительно низкими темпами. Встретив сопротивление, войска обычно останавливались и возобновляли наступление после массированных ударов авиации и артиллерии, подавлявших очаги обороны. Такой метод наступления позволял противнику своевременно выводить силы из-под ударов, восстанавливать нарушенную оборону и оказывать на новом рубеже организованное сопротивление.

Так, после высадки в Нормандии англо-американское командование почти два месяца занималось наращиванием сил, не предпринимая решительных наступательных действий. В результате относительно небольшой по размерам плацдарм был до отказа забит войсками и боевой техникой. В наступление англо-американские войска перешли лишь 25 июля 1944 г.

Операции по окружению и даже полуокружению немецких войск редко удавались союзникам. Так, в ходе Маас-Рейнской операции союзным армиям удалось выйти к р. Рейн, тем самым создав благоприятные условия для последующего наступления с целью овладения важнейшим экономическим районом Германии — Руром. Однако попытка окружить и уничтожить немецкие войска западнее Рейна закончилась неудачей[20].

Имели свои особенности и наступательные операции, проводимые союзниками в Тихоокеанском регионе против японских вооруженных сил. Обширность акватории, огромный радиус боевых действий потребовали участия в них крупных авианосных соединений и десантных судов специальной конструкции. Высадке союзных войск предшествовали боевые действия корабельных групп и авиационных соединений с целью не допустить в район десантирования японские морские и военно-воздушные силы.

Силы и средства, привлекаемые к десантной операции, рассредоточивались на широком фронте, во многих портах. Для перевозки десанта морем применялись два способа: «берег — берег», когда расстояние до района высадки было сравнительно небольшим и войска перевозились на высадочных средствах, и «корабль — берег», когда войска вначале перевозились на транспортах, а в районе высадки перегружались на высадочные средства. Авианосные соединения флота вели борьбу за господство в воздухе и на море в районе операции, участвовали в проведении предварительной и непосредственной авиационной подготовки, осуществляли авиационную поддержку десантируемых войск при действиях на берегу.

Десантной операции предшествовала, как правило, длительная предварительная подготовка. За два-три месяца до высадки десанта соединения авианосцев и крупных артиллерийских кораблей совместно со стратегической авиацией наносили удары по вражеским аэродромам и кораблям в базах, а также по противодесантной обороне побережья. Для непосредственной артиллерийской подготовки высадки и поддержки десантных войск широко применялись линкоры, крейсеры, эсминцы, а также малые корабли и суда с реактивным вооружением. Оперативное построение и боевые порядки десанта состояли, как правило, из двух эшелонов. В первый эшелон входили сильные передовые отряды, в которые включались плавающие танки, бронемашины и транспортеры, подразделения и части спецназначения (рейнджерс и коммандос). Действия с моря сочетались с выброской парашютных десантов.

Благодаря широкому использованию специальных десантно-высадочных средств и значительному превосходству в силах, американо-английским войскам, как правило, удавалось достичь высоких темпов высадки морских десантов на необорудованное побережье. Успех сопутствовал Марианской, Каролинской и Филиппинской морским десантным операциям американцев на Тихом океане, в Бирме союзные войска осуществили Импхальскую наступательную операцию. В целом за годы войны англо-американским войскам удалось провести более 30 успешных десантных операций оперативного и стратегического значения. Огромным преимуществом союзных войск являлось наличие у них мощных авианосных соединений, позволявших в кратчайшие сроки добиться господства в воздухе.

Первое крупное морское сражение, в котором в качестве основной ударной силы использовалась авианосная авиация, произошло в Коралловом море в 1942 г. В ходе битвы взаимные удары наносились только авиацией, за пределами дальности артиллерийского и торпедного оружия. Массированное использование авианосных торпедоносцев и бомбардировщиков показало их высокую эффективность в действиях по корабельным группировкам. Опыт этого и других сражений, где главной ударной силой являлась авианосная авиация, внес существенные изменения во взгляды на применение родов сил флота. Отныне господство на море стало неотделимо от господства в воздухе. Характерным в этом отношении стало крупнейшее морское сражение Второй мировой войны на Тихом океане, произошедшее в июне 1942 г. за остров Мидуэй и ставшее поворотным моментом войны в этом регионе. Военные действия

на этом театре показали, что на растянутых морских коммуникациях особое значение приобретает организация маневренного базирования флотов. Американскому командованию в основном удалось решать эту задачу созданием временных баз на захваченных островах, подвижного (плавучего) тыла, плавучих баз и доков для обслуживания боевых кораблей.

В практике военного искусства США и Великобритании значительное место занимали воздушные операции. Для действий по объектам глубокого тыла фашистской Германии и Японии использовались специально сформированные авиационные объединения и соединения. Более того, до высадки в Нормандии стратегическое воздушное наступление против Германии являлось единственной формой наступательных действий союзных вооруженных сил на западе Европы. Несмотря на массированное использование авиации, стратегическое воздушное наступление не смогло решить поставленные перед ним задачи: в июле — сентябре 1943 г. ослабить германскую истребительную авиацию на Западе[21], в октябре — декабре подвергнуть массированным бомбардировкам ключевые отрасли германской промышленности, в январе — марте 1944 г. создать предпосылки для вторжения войск на континент[22]. К концу 1943 г. силы германской истребительной авиации на Западе, по данным союзников, не только не были уничтожены, но, напротив, даже немного увеличились, что ставило под вопрос эффективную авиационную поддержку операции вторжения[23]. Опыт первых воздушных операций показал, что для их успешного проведения необходимы предварительное овладение господством в воздухе над всей территорией противника, непрерывность действий, концентрация усилий авиации на тех объектах военного и экономического потенциалов, уничтожение которых даст максимальный эффект в короткие сроки. Но до весны 1944 г. англо-американской авиации не удалось полностью добиться господства в воздухе, что определило относительно низкую эффективность воздушного наступления на Германию.

Повышению эффективности использования стратегических ВВС способствовал переход от действий малыми группами к массированным налетам. Проводились также «челночные операции», в ходе которых удары наносились по объектам, расположенным на большом удалении от мест базирования с последующим использованием аэродромов на территории союзных государств, в том числе и СССР. Появившаяся возможность совершать полеты на большую дальность позволила избирать маршруты, способствовавшие дезориентации постов управления и наведения немецких истребителей.

Огромные водные пространства Тихоокеанского театра выдвинули перед американским командованием две основные задачи: вооружить ВВС новыми бомбардировщиками с большим радиусом действий и обеспечить их местами базирования. Эти задачи были решены после захвата Марианских островов, где к началу 1945 г. была сосредоточена сильная группировка самолетов B-29. Первоначально против Японии применялась проверенная на Европейском театре военных действий тактика — массированные прицельные бомбовые удары с предельных высот в дневное время. Однако в длительных перелетах к Японским островам (до 16 часов полетного времени) бомбардировщики B-29, не прикрытые истребителями, часто обнаруживались силами ПВО противника и несли большие потери.

Положение изменилось после овладения островом Иводзима, на котором американцы сосредоточили истребители дальнего сопровождения. Это дало возможность применить новую тактику — бомбардировку объектов в ночное время со средних и малых высот. Во время воздушных налетов истребители прикрытия не только вели воздушные бои с противником, но и выполняли функции штурмовиков в борьбе с зенитной артиллерией. Союзники учли также специфику наземных целей в Японии — преобладание деревянных построек, окружавших промышленные предприятия. Вместо фугасных бомб применялись зажигательные (а позднее и напалмовые), принесшие неисчислимые бедствия мирному населению. После того как ПВО Японии была серьезно ослаблена, американская авиация перешла от прицельного бомбометания по отдельным объектам к бомбардировкам по площадям с малых высот. Такие действия фактически привели к уничтожению не только военно-промышленных объектов, но и жилых районов, приобретая характер акций устрашения против гражданского населения. Американская авиация сожгла около 100 японских городов, большинство

которых не имело военных объектов. К участию в стратегических бомбардировках Японии привлекалась и авианосная авиация. Обладая высокой маневренностью и автономностью действий, авианосные соединения могли наносить противнику неожиданные удары там, где другим родам авиации это сделать было трудно или даже невозможно.

Значительное развитие в годы войны получили приемы и способы ведения противовоздушной обороны. Этим вопросам наибольшее внимание уделялось в Великобритании. В условиях постоянной угрозы налетов немецкой авиации английское командование было вынуждено в срочном порядке искать пути усиления противовоздушной обороны Британских островов. Территория Великобритании была разделена на четыре района ПВО, каждый из которых включал несколько секторов с пунктами управления и центрами обработки данных, поступавших от постов воздушного наблюдения и оповещения. Секторные пункты управления имели непосредственную связь с оперативным центром, осуществлявшим общее руководство средствами ПВО. К зоне огня зенитной артиллерии вплотную примыкала зона ночного боя истребительной авиации (глубиной 35–40 км). Такая система повышала надежность зоны ПВО, что в скором времени ощутила на себе немецкая авиация. Развитая аэродромная сеть позволяла базировать истребительную авиацию как в непосредственной близости от защищаемых объектов, так и на дальних подступах к ним. Этим достигались не только широкий маневр истребителей на угрожаемые направления, но и наращивание усилий из глубины в случае массированных налетов противника.

Огромную роль в эффективности английской системы ПВО сыграло широкое использование радиолокационных станций, позволявших заблаговременно обнаружить самолеты противника при подходе к Британским островам. В годы войны в Великобритании удалось создать, по существу, сплошное поле радиолокационного наблюдения на всей территории страны и в радиусе 150 км от побережья, прикрываемое первоначально сетью РЛС (линия «Чейн Хоум»). В 1942 г. началось развертывание значительно более эффективных станций с вращающейся антенной, осуществлявших поиск целей в круговом секторе. Британские радары могли обнаруживать вражеские бомбардировщики на дальности до 200 км, а высота самолета, находящегося на расстоянии 100 км от РЛС, определялась с точностью до 500 метров. Зачастую самолеты люфтваффе обнаруживались сразу после взлета со своих аэродромов. Роль радаров в отражении вражеских налетов трудно переоценить. Английские станции орудийной наводки GL Mk II поставлялись также по ленд-лизу в Советский Союз. Применение подобных станций позволило на порядок повысить боевую эффективность среднекалиберной зенитной артиллерии.

На завершающем этапе войны английская ПВО столкнулась с новой задачей — необходимостью ведения борьбы с самолетами-снарядами Фау-1 и баллистическими ракетами Фау-2. Первоначально была предпринята попытка обойтись существующей тактикой борьбы против воздушных целей, без серьезной перестройки системы ПВО, однако этого оказалось недостаточно. В результате в секторе полетов Фау-1 была создана глубоко эшелонированная оборона с большим количеством зенитно-артиллерийских средств, истребительной авиации и аэростатов заграждения. Группы истребителей стали вести круглосуточное патрулирование в соответствующих зонах, широко использовались радиолокационные станции и корабли радиолокационного дозора, входившие в этот сектор. Однако без привлечения бомбардировочной авиации для уничтожения стартовых позиций, предприятий и складов ракетостроительной промышленности решить проблему борьбы с Фау-1 так и не удалось.

Еще более сложной для английской противовоздушной обороны оказалась задача борьбы с баллистическими ракетами Фау-2, против которых система ПВО того времени фактически оказалась бессильной. Угроза их применения против Британии была ликвидирована лишь после того, как удалось занять районы стартовых площадок, с которых запускались Фау-2.

Таким образом, в годы войны западными союзниками был накоплен огромный опыт в развертывании массовых вооруженных сил, обучении мобилизованных контингентов, переброске войск на большие расстояния, организации их материально-технического обеспечения. Качественный рывок в своем развитии пережили все виды и рода войск. Вооруженная

борьба в годы Второй мировой войны, которая являлась «войной моторов», характеризовалась применением огромного количества военной техники. Ни в одной из войн прошлого не использовался столь широкий и разнообразный арсенал военно-технических средств. Если в первые годы войны вооружение и боевая техника западных союзников, за редким исключением, уступала арсеналу германских войск, то уже к 1943 г., нарастив военно-экономические возможности, они обладали сопоставимым по качественным характеристикам военно-техническим потенциалом (за исключением бронетанкового вооружения), а по количественным показателям — значительно превышавшим. Это позволило западным союзникам успешно решать масштабные стратегические и оперативно-стратегические задачи.

Значительное внимание уделялось оснащению союзных войск радиотехническими средствами, разнообразной военно-инженерной техникой, а также средствами радиолокации. В этой области западными союзниками был достигнут значительный перевес над армиями стран оси. Возросший уровень технической оснащенности войск, их моторизация и механизация, увеличение боевого и численного состава вооруженных сил и размаха операций вызвали резкий рост потребностей в материальных и технических средствах. Любая стратегическая операция требовала расхода такого количества материальных средств, которого в прежних войнах хватало на несколько кампаний. В этой войне экономик западные союзники одержали победу задолго до окончания вооруженной борьбы. Уже к концу 1943 г. вооруженные силы западных союзников обладали подавляющим превосходством в силах и средствах.

Особое внимание уделялось развитию военно-морских флотов Соединенных Штатов Америки и Англии, которые пополнились новыми кораблями всех классов, а также средствами противокорабельной и противолодочной борьбы, оказывавших значительное влияние на ход и исход вооруженного противоборства. Так, широкое применение с 1943 г. английских реактивных противолодочных бомбометов «Хеджехог» и «Сквид» («убийц субмарин»), позволило им эффективно поражать лодки противника, вынудив Германию значительно уменьшить масштабы подводной войны.

В годы войны западные союзники приступили к решению стратегических задач по уничтожению политических и военных центров стран оси, вывода из строя их экономического потенциала, а также деморализации населения и армии противника. Массированное воздействие по военно-экономическим объектам и политико-административным центрам воюющих государств силами стратегической авиации, а позднее и ракетным оружием стало новым явлением в вооруженной борьбе, которое затем широко практиковалось США и Великобританией в послевоенных локальных войнах и конфликтах.

Особый размах стратегическое воздушное наступление приобрело после того, как в 1944 г. на вооружение военно-воздушных сил США поступили сверхдальние стратегические бомбардировщики В-29, а также усовершенствованные истребители, способные сопровождать стратегические бомбардировщики при выполнении боевых заданий. В результате повышения боевых возможностей военно-воздушных сил ударная мощь англо-американских армий и флотов, размах военных действий значительно возросли. Если в Первой мировой войне авиация действовала по группировкам вражеских войск преимущественно в пределах прифронтовой зоны, то во Второй мировой глубина ее боевого применения многократно возросла, охватив не только боевые порядки войск и ближайшие тылы противника, но и его глубокий тыл. Наряду с увеличением дальности и скорости полета самолетов возросла их бомбовая нагрузка, что позволило повысить массированность ударов бомбардировочной авиации.

Вместе с тем военное искусство западных союзников не было лишено существенных недостатков. В частности, американо-английскому командованию за время войны не удалось осуществить на континентальном ТВД ни одной крупной операции на окружение и разгром группировки противника. Одной из главных причин этого являлось неумение или нежелание распорядиться основной ударной силой сухопутных сил — бронетанковыми войсками.

В боевых действиях в Северной Африке, Италии и Западной Европе танковые дивизии союзников в большинстве случаев использовались рассредоточенно, что резко снижало их

боевые возможности. Так, например, при наступлении 1-й американской армии против «линии Зигфрида» в сентябре 1944 г. три ее танковые дивизии, действуя на разобщенных направлениях, прорвали оборону противника, но контрударами почти на всех направлениях были отброшены. В тех случаях, когда американцы применяли свои танковые соединения массированно, как, скажем, в июле 1944 г. в Нормандии, где в составе 7-го и 8-го армейских корпусов действовали по две дивизии, они добивались серьезных успехов. На Тихоокеанском театре в силу его специфичности танки применялись только в составе батальонов, действуя мелкими группами в боевых порядках пехотных подразделений. В основном в ходе боев на островах танки использовались для уничтожения долговременных огневых точек японцев.

В целом, для бронетанковых войск армии союзников в годы Второй мировой войны характерными были боевые действия в условиях подавляющего превосходства над противником в живой силе и боевой технике. Основную задачу по подавлению противника выполняла авиация, взаимодействие с которой часто нарушалось, что заметно снижало темпы наступления.

Опыт стратегического руководства вооруженной борьбой, а также организации взаимодействий между видами и родами войск был использован западными союзниками в послевоенном строительстве вооруженных сил.

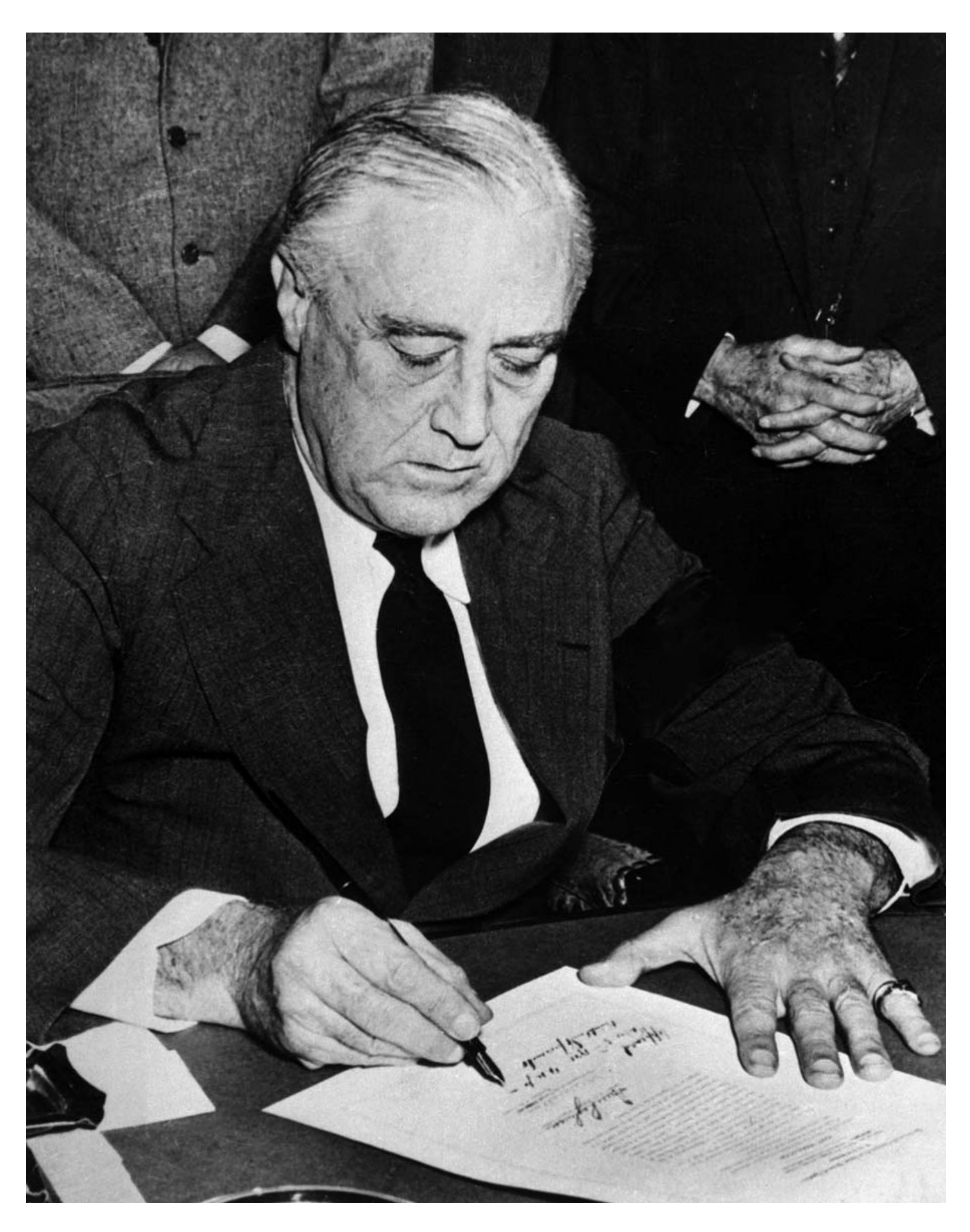
Государственные и военные деятели союзных стран

Франклин Делано Рузвельт. США вступили в войну, когда Ф. Рузвельт переизбрался на свой третий срок в Белом доме. К тому времени он уже был испытанным политическим лидером, пользовавшимся большим авторитетом в своей стране. Под его руководством Америка смогла выйти из Великой депрессии 1930-х гг. окрепшей и обновленной реформами «нового курса», которые придали американскому капитализму более передовой характер. К концу 1930-х гг. экономика вышла на докризисный уровень и продолжала расти. Вырос и социальный оптимизм — американцы вновь поверили в свою страну, ее идеалы и будущее. Всё это создавало важные материальные и духовные предпосылки для того, чтобы справиться с новым испытанием приближавшейся большой войны.

Ф. Рузвельт рано начал осознавать ту опасность для цивилизации, которую несли с собой германский фашизм и японский милитаризм. Само установление дипломатических отношений с СССР в 1933 г. после многих лет политики непризнания было для него связано с пониманием необходимости поиска потенциальных противовесов этой угрозе. Интуиция подсказывала президенту, по его собственному признанию первому советскому послу в Вашингтоне А. А. Трояновскому еще в 1936 г., что США и СССР станут союзниками в войне с гитлеровской Германией, а после войны будут сотрудничать в создании нового миропорядка[24]. Однако путь к этому союзу оказался долгим и тернистым.

В предвоенные годы США следовали политике невмешательства в международные конфликты. Однако в своей реальной политике Ф. Рузвельт постепенно сдвигался в сторону поддержки антифашистских сил. В июле 1939 г. он одобрил продажу первой партии боевых самолетов Франции, а в ноябре, созвав конгресс на специальную сессию, провел через него отмену политики эмбарго на продажу оружия воюющим странам при условии его транспортировки из США на иностранных судах.

29 декабря 1940 г. Ф. Рузвельт выступил с большой программной речью, в которой впервые провозгласил главной задачей США стать «великим арсеналом демократии» в борьбе с фашизмом. Имелось в виду, что Америка возьмет на себя роль основного производителя и поставщика вооружений для противников фашизма, оставаясь в стороне от прямого участия в боевых действиях. Такая стратегия позволяла Соединенным Штатам не только сохранять свои людские ресурсы, но и быстро наращивать собственную военно-экономическую мощь,

Ф. Рузвельт подписывает Акт об объявлении войны Японии

а также дать мощный толчок развитию американской экономики за счет собственных и иностранных военных заказов. Правительство развернуло программу конверсии промышленности и наращивания вооруженных сил, приступило к секретному военно-штабному сотрудничеству с Великобританией.

По мере поступления все новых разведданных о скором нападении нацистской Германии на СССР Ф. Рузвельт и У. Черчилль приступили к согласованию своих планов в отношении Советского Союза. 24 июня президент сделал заявление о готовности оказать помощь СССР, но воздержался от конкретных обязательств. Многие политики ратовали за политику выжидания. К тому времени Ф. Рузвельт хорошо понимал, что политика выжидания и надежда отсидеться за океаном — это опасные иллюзии и только объединение усилий всех противников оси сможет спасти цивилизацию от смертельной опасности. Вопреки пессимизму и антисоветизму вашингтонских кругов Ф. Рузвельт с самого начала иначе оценивал потенциал и перспективы советского сопротивления. Эта оценка президента окрепла после визита в Москву его главного помощника Г. Гопкинса (30 июля — 2 августа 1941 г.), который был назначен куратором помощи Советскому Союзу и вместе с ним стал основной движущей силой этой программы.

Главной целью Ф. Рузвельта было выиграть войну с минимальными людскими потерями и другими издержками для самих США. Он считал, что отсутствие угрозы вражеского вторжения, огромная экономическая база с большим запасом производственных мощностей и запас времени для постепенного наращивания сил позволяют Америке использовать весьма щадящую модель мобилизации. Ее предполагала и рузвельтовская стратегия «арсенала демократии», нацеленная на оказание помощи воюющим союзникам и создание военно-экономического потенциала, превышающего производственные возможности стран оси. А главное — в тотальной мобилизации не было необходимости, пока, как писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю в апреле 1942 г., «русские убивают больше немцев и уничтожают больше военной техники, чем мы с вами вместе взятые»[25].

Большой стратегии Ф. Рузвельта соответствовала и его политическая линия внутри страны. Еще до вступления США в войну он взял курс на сплочение нации для борьбы с внешним врагом. Новые будоражившие общество социальные реформы откладывались на послевоенный период. К руководству Военным министерством и военным производством были привлечены крупные предприниматели и юристы из оппозиционной Республиканской партии. Пропагандистская машина государства вела обработку населения в духе патриотизма, веры в победу и непримиримости к врагу.

В условиях экстренных обстоятельств военного времени произошла резкая централизация принятия ключевых решений в руках президента и его ближайших советников при заметном ослаблении роли Госдепартамента и других гражданских ведомств. Президент стал главным дипломатом страны, установив постоянный контакт с У. Черчиллем и И. В. Сталиным посредством переписки, а с У. Черчиллем — еще и личных встреч. Тем не менее Ф. Рузвельту приходилось сталкиваться с резкой критикой справа, особенно оживившейся в период военных неудач 1942 г.

Это было время важнейших военно-стратегических решений союзников, принятых при самом непосредственном участии президента. В апреле он поддержал первоначальные планы своих военных по подготовке массированного вторжения на север Франции в 1943 г. и запасного варианта десанта силами 6—10 дивизий осенью 1942 г. на случай непосредственной угрозы краха советско-германского фронта. В мае на вашингтонских переговорах с В. М. Молотовым президент пошел навстречу советскому требованию открыть второй фронт в 1942 г. и вопреки возражениям своих военных согласился зафиксировать эту дату в итоговом коммюнике. Однако уже в конце июля под давлением англичан он поддержал британский план вторжения в Северную Африку, который фактически ставил под вопрос открытие второго фронта в 1943 г.

Принимая решение о переключении на «средиземноморскую стратегию» в 1942 г., Ф. Рузвельт хотел предотвратить англо-американский раскол по вопросам «большой стратегии»

Ф. Рузвельт и У. Черчилль во время встречи на линкоре «Принц Уэльский»

Президент США Ф. Рузвельт награждает бригадного генерала У. Уилбура
во время конференции в Касабланке

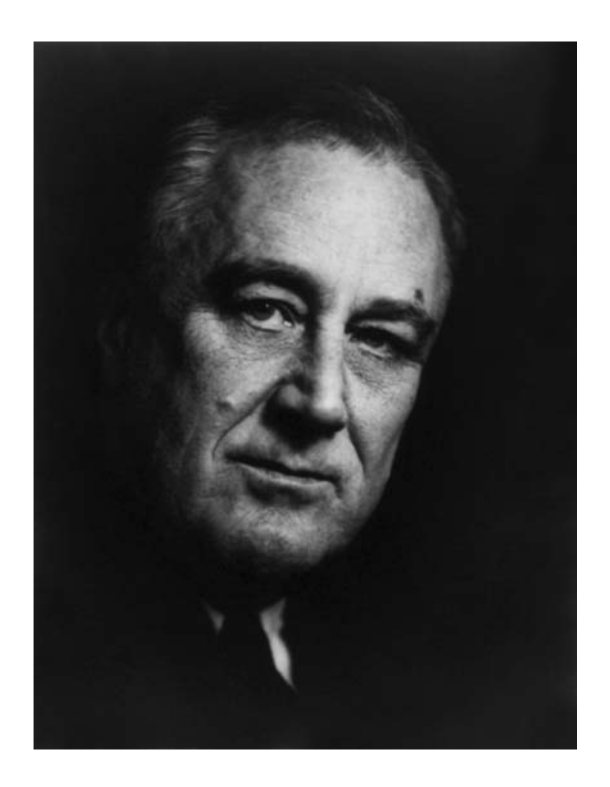
(тем более что основные силы для наступательных операций 1942–1943 гг. поставляли англичане), хотя бы частично выполнить данное И. В. Сталину обещание о втором фронте в 1942 г., успокоить общественное мнение США, недовольное отсутствием успехов в войне с Германией после почти года войны. Не менее важным фактором была уже отмеченная общая стратегия Ф. Рузвельта в войне. Президент давал У. Черчиллю в военных вопросах «вести себя на буксире» (по образному выражению М. М. Литвинова)[26] еще и потому, что и сам стремился избежать больших потерь, связанных со вторым фронтом. Показательно, что впредь Ф. Рузвельт уже серьезно не расходился со своим командованием в вопросах большой стратегии. Его вмешательство в руководство военными операциями также было значительно меньшим, чем у И. В. Сталина и У. Черчилля. Главное внимание президента сосредоточилось на политических отношениях внутри большой тройки.

После исторической победы Красной армии под Сталинградом советский фактор приобрел для западных союзников особое значение. Становилось ясно, что Советский Союз в состоянии не только разбить основные силы вермахта, но и выйти из войны великой державой с заметно укрепившимися позициями. Вопрос о том, как следует относиться к этому возвышению СССР, стал ключевым на новом витке американских дебатов. «Пессимисты» считали его угрозой интересам США и предлагали различные способы «сдерживания России» — «балканскую стратегию» с целью не пустить СССР в Восточную Европу, политизацию ленд-лиза и прочее. Они исходили из невозможности сосуществования с советским режимом в силу коренных идеологических и политических различий. «Реалисты» полагали, что Советский Союз необходим для полного разгрома Германии, а затем и Японии, и потому заслуживает американской поддержки. Вместе с тем они ставили знак вопроса над будущим советской системы и предлагали готовиться к худшему путем достижения военно-стратегического и экономического превосходства США в послевоенном мире.

Ф. Рузвельт и его ближайшее окружение были скорее «оптимистами». Они не верили в неискоренимую враждебность СССР к США и считали, что при условии учета законных интересов безопасности советская система может эволюционировать навстречу Западу, а сам СССР, как писал Ф. Рузвельт У. Черчиллю в 1944 г.[27], — стать «равноправным членом сообщества великих держав». Поэтому президент считал необходимым не только сотрудничество с СССР в годы войны, но и его продолжение в послевоенный период. «Советская стратегия» Ф. Рузвельта была неразрывно связана с личными качествами самого президента — его оптимизмом в отношении социальных перемен, идеологической гибкостью и терпимостью, темпераментом реформатора. Он внимательно присматривался к советскому опыту и даже допускал возможность встречного движения — социализации американского капитализма и либерализации советского социализма. Такое сближение, на его взгляд, было способно со временем преодолеть раскол мира на две враждебные системы[28].

Президент понимал, что прочный мир будет немыслим без участия в нем новой великой державы. «Мы должны иметь в виду коалицию британцев, американцев, китайцев, русских, — объяснял он смысл этой идеи в своем кругу. — Даже если вам русские не нравятся, вы все равно обязаны иметь с ними дело. Они слишком велики и сильны, чтобы согласиться на разоружение, и вам будет лучше следовать старой политической теории: если вы не можете заставить кого-либо подчиниться вам силой, сделайте его вашим союзником»[29].

И. В. Сталин полностью согласился с этой идеей президента. «Соображения Рузвельта насчет охраны мира после войны совершенно правильны, — телеграфировал он в ответ В. М. Молотову. — Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, СССР, США, способной предотвратить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо бы сюда включить Китай»[30]. Советский лидер снова вернулся к этому вопросу в Тегеране, где в беседе с Ф. Рузвельтом высказался за совместный контроль Объединенных Наций не только над Германией, но и другими стратегическими опорными точками в Европе, на Дальнем Востоке и в Северной Африке. Президент словесно поддержал эту идею «на все сто процентов», после чего И. В. Сталин заметил, «что в таком случае все обеспечено»[31].

Портрет Ф. Рузвельта

С учетом уроков мирового экономического кризиса 1929–1933 гг. Ф. Рузвельт также придавал большое значение созданию международного механизма регулирования кредитно-денежной политики для предотвращения подобных потрясений в будущем. Это привело к созданию в 1944 г. Бреттон-Вудской системы, основой которой стал американский доллар. Рузвельтовская схема послевоенного устройства предусматривала не полное равенство великих держав, а лидирующую роль США как главного опекуна этого миропорядка. Ф. Рузвельт «стремился исподволь обеспечить американское преобладание во всех этих структурах: включение в «четверку полицейских» Китая было призвано дать Вашингтону лишний голос в этой группе; право вето в Совете безопасности — гарантировать, что он никогда не выступит против американских интересов; Бреттон-Вудская система должна была увековечить экономическую гегемонию, с которой США неизбежно выйдет из войны»[32].

Прекрасно понимая решающую роль И. В. Сталина в созданной им системе, президент стремился наладить личные отношения с ним. Будучи реалистом, Ф. Рузвельт отдавал себе отчет в неизбежности усиления советского влияния на освобождаемых территориях и необходимости признания законных интересов безопасности СССР. Уже в Тегеране он дал понять советскому лидеру, что США не будут серьезно препятствовать восстановлению советского контроля над Прибалтикой при условии соблюдения там внешних демократических приличий типа проведения референдума. Он проявил уступчивость в отношении переноса советско-польской границы на запад, получения части Восточной Пруссии с Кёнигсбергом, подтверждения условий советско-финского договора 1940 г., а также возвращения части прав и привилегий России на Дальнем Востоке. Ф. Рузвельт также был готов смириться с советским преобладанием в Восточной Европе[33]. На закрытой встрече с сенаторами президент говорил, что «русские имеют власть в Восточной Европе, и поскольку разрыв с ними невозможен, единственный практический выход состоит в использовании нашего влияния для облегчения ситуации»[34]. Он надеялся сохранить советскую сферу влияния открытой для

американских идей, капиталов и товаров, совместив таким образом советские потребности безопасности с американскими интересами.

Кульминацией сотрудничества большой тройки в годы войны стала Ялтинская конференция. Само согласие Ф. Рузвельта на эту далекую и рискованную для его здоровья поездку вопреки мнению У. Черчилля и своего окружения говорило о его признании решающего вклада СССР в разгром Германии и уважении к советскому лидеру. Ялтинские решения до сих пор подвергаются в США критике со стороны правых сил как провал дипломатии Ф. Рузвельта, приведшей якобы к «предательству Восточной Европы» и излишним территориальным уступкам Советскому Союзу на Дальнем Востоке. Ялтинские уступки были не результатом ошибок американской дипломатии в 1945 г., а закономерным следствием ключевых стратегических решений западных союзников в 1942–1943 гг., предоставивших разгром основных сил вермахта и освобождение Восточной Европы Красной армии.

После Ялты президент до последнего дня пресекал попытки А. Гарримана и других «ястребов» ужесточить политику в отношении СССР, сдерживал возросшую агрессивность У. Черчилля. Он сохранял надежду на то, что с помощью взаимных уступок и сохранения привычного формата большой тройки для решения важнейших проблем удастся провести союз великих держав через большие испытания конца войны и послевоенного урегулирования. Он хорошо сознавал, что после устранения общей угрозы этому союзу потребуется найти новую основу, и видел ее в общей заинтересованности в сохранении прочного мира. «Чем ближе мы приближаемся к разгрому наших врагов, тем больше сознаем различия, существующие между победителями, — говорил он в своем последнем обращении «О положении страны» в январе 1945 г. — Но мы не должны позволить этим различиям разъединить нас и помешать видеть наши более важные, общие и долговременные интересы в достижении победы в войне и создании прочного мира. Международное сотрудничество, на котором должен основываться длительный мир, не может быть улицей с односторонним движением»[35].

Ключевое значение при этом придавалось продолжению личной дипломатии на высшем уровне. «Вопросы размеров, границ и соотношения сил между государствами континентальной Европы могли казаться не столь уж важными, — писал об этом настрое Ф. Рузвельта известный историк и дипломат, участник событий Г. Фейс. — Если, как это, возможно, представлялось, три основных участника военной коалиции смогли бы действовать сообща в новой международной политической организации, то эти вопросы поддавались удовлетворительному разрешению»[36]. О том же говорил в Ялте и И. В. Сталин: «Пока мы все живы, бояться нечего. Мы не допустим опасных расхождений между нами»[37].

Смерть Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г. имела пагубные последствия для дальнейшей судьбы Великого альянса. В рамках большой тройки он играл ключевую роль связующего звена между часто конфликтовавшими И. В. Сталиным и У. Черчиллем, поддерживая с каждым из них отношения, которые были лучше, чем у тех между собой[38]. Не менее важным объединяющим началом была и союзная философия президента, который стремился сохранить сотрудничество великих держав и после войны. Без Ф. Рузвельта хрупкое равновесие в большой тройке было нарушено, поскольку новый президент США был далек от рузвельтовского искусства обращения с советским руководством, не имел опыта сотрудничества с И. В. Сталиным и тяготел к гораздо более жесткому курсу в отношении СССР, к которому его призывали У. Черчилль и свои дипломаты.

Внутри страны уход Ф. Рузвельта открыл шлюзы растущих антисоветских настроений, накапливавшихся во внешнеполитическом истеблишменте США к концу войны. Ф. Рузвельт умел их сдерживать, однако теперь ситуация изменилась. В результате вектор американской внешней политики стал быстро смещаться вправо.

Ф. Рузвельт постепенно готовил соотечественников к осознанию новой роли и ответственности Америки в мире. «Политическая, экономическая, военная и моральная мощь, которую обрела наша страна, — говорил он в одной из своих внешнеполитических речей 1944 г., — налагает на нас ответственность и дает нам возможность играть ведущую роль в сообществе наций»[39]. Политика Ф. Рузвельта продемонстрировала умение действовать сообща

с другими великими державами ради общей цели, невзирая на существующие между ними идеологические и политические различия. Именно поэтому он смог сыграть столь важную роль в формировании и функционировании антигитлеровской коалиции.

Уинстон Леонард Спенсер Черчилль. Из всех известных политических деятелей XX в. У. Черчилль — один из наиболее сложных и противоречивых персонажей. Прожив долгую и, несомненно, яркую жизнь, он оставил неизгладимый след не только в истории своей страны, но и в мировой истории. У. Черчилль, пожалуй, единственный, кто занимал ключевые посты в британском правительстве в период двух мировых войн и оказал существенное влияние на ход военных действий в каждой из них. Непримиримый враг Советской России и коммунизма вообще, он был первым, кто протянул ей руку помощи в самое тяжелое время, и в то же время делал все возможное, чтобы эта помощь шла не слишком быстро.

Кавалерийский офицер, храбрый до безрассудства, успешный политик, достигший вершин власти и величия, талантливый литератор, удостоенный Нобелевской премии в области литературы, — любого из этих деяний кому-либо другому хватило бы на всю жизнь. Любому, но только не ему.

У. Черчилль родился 30 ноября 1874 г. Его отец — лорд Рэндольф Черчилль был третьим сыном седьмого герцога Мальборо — Джона Уинстона Спенсера Черчилля и герцогини Френсис, урожденной маркизы Лондондери. Мать — леди Дженни Рэндольф Черчилль была дочерью богатого американского бизнесмена.

По окончании школы, избрав полем будущей деятельности военную карьеру, юный Уинстон сдал вступительные экзамены в Королевское военное училище в Сандхёрсте, куда поступил только с третьей попытки. Он окончил училище в декабре 1894 г. с весьма неплохими результатами, 20-м из 130 выпускников[40]. В феврале 1895 г. был произведен в чин второго лейтенанта. Первое боевое крещение принял в 21 год на Кубе. За отвагу, проявленную в этом походе, награжден испанским орденом Красного Креста.

В 1897 г. У. Черчилль снова попал на войну в качестве военного корреспондента газеты «Пионер» в экспедиционном корпусе, отправленном подавлять восстание на северо-восточной границе Индии. В звании лейтенанта ему пришлось участвовать в боях, где он проявил себя храбрым и грамотным офицером. Его репортажи выходили под псевдонимом Молодой Офицер. Затем он добился назначения в 21-й уланский полк, который вскоре оказался в гуще событий войны в Судане. По возвращении в Англию он с головой ушел в работу над книгой о суданской военной кампании. В это же время началось его восхождение на политический олимп, однако выборы в парламент по округу Олдхем У. Черчилль проиграл.

В 1899 г. началась Англо-бурская война. У. Черчилль отправился на нее в качестве военного корреспондента «Морнинг пост». Несмотря на свой статус, он вновь не удержался от активного участия в военных действиях. Участие в разведрейде на бронепоезде, бой, спасение раненых, плен и удачный побег сделали его популярным. Он стал получать предложения баллотироваться в парламент, но вместо этого подал прошение о зачислении в действующую армию.

В 1900 г. он возвратился в Англию, погрузился в работу над новыми книгами и в том же году стал членом парламента от Консервативной партии. 31 мая 1904 г., после внутрипартийного конфликта, У. Черчилль перешел в Либеральную партию, заработав прозвище Бленхеймская Крыса. Через полгода он был назначен заместителем министра по делам колоний в правительстве Г. Кэмпбелла-Баннермана, а в 1906 г. прошел в парламент от либералов, выиграв выборы в Манчестере.

Работоспособность и эффективность молодого политика заметили и оценили по достоинству. Весной 1908 г. он был уже министром торговли и промышленности в правительстве Г. Асквита. Однако он едва не лишился этого поста, провалив промежуточные выборы в Манчестере, на которых должен был подтвердить свой новый статус. Выручили избиратели округа Данди в Шотландии, предложившие ему представлять их в палате общин. Именно там в ходе предвыборных митингов он окончательно позиционировал себя как последовательный и непримиримый противник социализма. В том же году он женился на дочери отставного полковника сэра Генри Монтагю Хозье и леди Бланш — Клементине Хозье.

У. Черчилль

У. Черчилль на борту крейсера «Эксетер»

В 1910 г. У. Черчилль занял один из самых влиятельных постов в правительстве — министра внутренних дел. Стачечное движение в Англии в это время приобрело особую остроту. Именно благодаря У. Черчиллю применение силы против бастующих, в том числе и военной силы, стало едва ли не нормой.

23 октября 1911 г. он стал первым лордом Адмиралтейства и в этой должности встретил Первую мировую войну. Провал Дарданелльской операции 1915 г., приведшей к потерям, которых Великобритания еще не знала, предопределил его отставку. Он направился во Францию в действующую армию в звании майора[41]. Впоследствии, под впечатлением ужасов Первой мировой, с ностальгией вспоминая старые добрые времена, когда «драгуны, уланы и в первую очередь гусары еще сохраняли за собой освященное временем место на поле боя»[42], он писал: «Позор, что алчная, подлая, авантюрная война все это отвергла и предпочла услуги очкариков-химиков и летчиков с пулеметчиками... Из жестокой и блистательной война превратилась в жестокую и омерзительную... Едва демократия оказалась допущена, а вернее, сама влезла на поле боя, как война перестала быть джентльменским игралищем»[43].

Тем временем обстановка на фронтах начала склоняться в пользу Антанты. Менялось положение и в политической ситуации в Англии, что позволило У. Черчиллю вернуться в политику. В июне 1916 г. он оставил военную службу и возвратился в Лондон.

11 ноября 1918 г. Первая мировая война закончилась. Европа торжествовала победу. Но революция в России вносила свои коррективы в действия союзников. Мир изменился кардинально, и нужно было решать, что делать дальше. Брестский мир, заключенный между советским правительством и Германией, ставил союзников в довольно тяжелое положение. Они готовы были признать большевистское правительство де-факто при условии, что оно будет продолжать войну[44]. Но большевики от сотрудничества отказались. У. Черчилль прямо указывал на ответственность временного правительства за развал государства и армии[45]. К тому же союзникам нечего было предложить России за продолжение ее усилий в войне. У. Черчилль верил, что «британские интересы превыше закона и справедливости, ибо они и есть закон и справедливость»[46].

10 января 1919 г. У. Черчилль получил пост военного министра и принял самое деятельное участие в организации интервенции союзных держав в Россию. В конце декабря 1917 г. он заявил, что после выхода из войны и начала сепаратных переговоров с Германией большевиков следует считать «открыто признанными врагами»[47]. По его словам, «союзники принуждены были вмешаться в дела России после большевистской революции для того, чтобы победить в великой войне»[48].

После катастрофы на выборах в 1922 г. У. Черчилль занялся живописью и литературой. В политику он смог вернуться только в 1924 г., избравшись в парламент от Консервативной партии, которую с таким скандалом покинул 20 лет назад. 6 ноября он получил пост министра финансов в правительстве С. Болдуина. А в 1929 г. разразился мировой экономический кризис, и политическая карьера У. Черчилля прервалась на целых десять лет. Никто не верил, что он сможет подняться вновь. Потребовалось величайшее из потрясений — Вторая мировая война, чтобы У. Черчилль не только снова взошел на политический олимп, но и поднялся на самую вершину. Как впоследствии писал фельдмаршал Б. Монтгомери, «англичане не утратили своего духа, но понадобился Уинстон Черчилль, чтобы разбудить его»[49].

После прихода к власти в Германии нацистов У. Черчилль также симпатизировал А. Гитлеру. «Превыше всего он ценил и уважал политический успех. Черчилль восхищался тем, что безвестный ефрейтор поднялся до роли главы государства. В Гитлере Черчиллю импонировало и то, что фюрер выступал в качестве злейшего врага Советского Союза и революционного движения»[50]. У. Черчилль вообще умел восхищаться врагами, в том числе и смертельными. То, что А. Гитлер именно смертельный враг, как и то, какая опасность может угрожать Англии, он понял быстро. Германия стремительно достигала уровня, с которого она могла и собиралась бросить вызов британским интересам в мире, а для У. Черчилля они были превыше всего.

Именно во время Мюнхенского сговора он начал говорить о более тесном сотрудничестве с СССР. Вокруг У. Черчилля консолидировалась наиболее мыслящая часть как либеральных,

У. Черчилль в бронетанковом подразделении

так и консервативных политиков[51]. 27 августа, выступая перед своими избирателями, он объявил: «Я обязан сказать вам, что вся Европа и весь мир неуклонно идут к кризису, который невозможно оттянуть надолго»[52].

5 сентября 1939 г., через два дня после объявления войны Германии Англией и Францией, У. Черчилль был назначен на должность первого лорда Адмиралтейства. Он сразу же развернул бурную деятельность, которая заметно выходила за рамки компетенции морского министра. В это же время был установлен прямой контакт с президентом США Ф. Рузвельтом, который первым написал сэру Уинстону, а тот, в свою очередь, сразу же откликнулся на письмо, подписав его «Бывший военный моряк».

Положение дел резко изменилось 10 мая 1940 г. «Странная война» закончилась. В это же время в Англии разразился правительственный кризис. Неудачи в Норвегии привели к отставке премьер-министра. Представители парламентских партий потребовали формирования национального правительства, на что Н. Чемберлен был уже не способен. Сформировать его было предложено У. Черчиллю. «Таким образом, — писал он, — вечером 10 мая в начале этой колоссальной битвы я был облечен величайшей властью в государстве, которым я с тех пор и управлял во все большей мере в течение пяти лет и трех месяцев, пока шла мировая война... Наконец-то я получил право отдавать указания по всем вопросам. Я чувствовал себя избранником судьбы, и мне казалось, что вся моя прошлая жизнь была лишь подготовкой к этому часу и к этому испытанию»[53]. В правительстве У. Черчилль занимал сразу два поста — премьер-министра и министра обороны.

13 мая У. Черчилль произнес в палате общин свою знаменитую речь, начав ее словами: «Я не могу предложить ничего, кроме крови, труда, слез и пота»[54]. 22 июня 1940 г. Франция капитулировала, а уже 25 июня У. Черчилль направил послание И. В. Сталину. Это была первая попытка нащупать контакт, без установления которого Великобритания выиграть войну не могла. Послом в Москву был назначен С. Криппс, зарекомендовавший себя как сторонник более тесных контактов с Советским Союзом. «В конце октября 1940 г. Криппс от имени британского правительства заверил руководство СССР: «Великобритания не будет участвовать в любом нападении на СССР»[55].

Несколько ранее, 15 мая, У. Черчилль отправил свое первое в качестве премьер-министра послание президенту США Ф. Рузвельту, в котором помимо просьбы о военной помощи аккуратно зондировал почву о вступлении Америки в войну против Германии. Его речь в парламенте, состоявшаяся 4 июня, была еще более откровенной: «Мы никогда не сдадимся, и даже если — хотя я не верю в это ни одной минуты — наш остров или значительная его часть будет захвачена, а население будет умирать от голода, наша заокеанская империя, вооруженная и обороняемая английским флотом, продолжит борьбу до тех пор, пока в час, предназначенный богом, Новый Свет со всей своей силой и мощью не выступит для спасения и освобождения Старого Света»[56].

У. Черчилль прекрасно понимал, чего будет стоить Великобритании американская помощь, в какой бы форме она ни выражалась. Взаимоотношения с Ф. Рузвельтом, несмотря на единство взглядов по целому ряду ключевых вопросов, были отнюдь не простыми. Иногда У. Черчиллю было легче найти понимание со стороны И. В. Сталина, чем у своего американского коллеги. Америка готовилась играть роль сверхдержавы, но этому препятствовала имперская политика Англии. Многие исследователи, в том числе на Западе, считают, что Америка приложила максимум усилий для разрушения Британской империи[57].

За несколько дней до капитуляции Франции премьер-министр П. Рейно просил своего союзника освободить Францию от обязательств по англо-французскому соглашению. В тот же день, 16 июня, У. Черчилль направил официальный ответ: «Наше соглашение, запрещающее сепаратные переговоры о перемирии или о мире, было заключено с Французской республикой, а не с каким-либо отдельным французским правительством или государственным деятелем... Тем не менее при условии, но только при условии, что французский флот будет отправлен в британские порты немедленно и до переговоров, правительство его величества дает свое полное согласие на то, чтобы французское правительство обратилось с запросом с целью выяснить условия перемирия для Франции. Правительство его величества, преисполненное решимости продолжать войну, полностью исключает себя от какого-либо участия в вышеупомянутом запросе относительно перемирия»[58]. Однако французы отклонили требования.

Было принято решение о проведении операции по уничтожению французского флота. 3 июля 1940 г. победа англичан была полной. Американский историк А. Хорн отметил: «Несколько месяцев спустя Г. Гопкинс, пользовавшийся полным доверием американского президента, сообщит, что это драматическое нападение на французский флот более всего убедило Рузвельта в решимости Черчилля (и Великобритании) продолжать войну»[59].

С нападением нацистской Германии на Советский Союз начался новый, решающий этап Второй мировой войны. Накануне, 21 июня, в Чекерсе во время обеда, на котором присутствовали министр иностранных дел А. Иден и посол США Дж. Уайнант с супругами, а также личный секретарь У. Черчилля Дж. Коливилл, премьер-министр сказал: «Нападение Германии на Россию является теперь неизбежным... Гитлер рассчитывает заручиться сочувствием капиталистов и правых в Англии и в США. Гитлер, однако, ошибается в своих расчетах. Мы окажем России всемерную помощь»[60].

Вечером 22 июня состоялось радиовыступление У. Черчилля по Би-Би-Си: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма. У него нет никаких устоев и принципов, кроме алчности и стремления к расовому господству. По своей жестокости и яростной агрессивности он превосходит все формы человеческой испорченности. За последние 25 лет никто

не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все это бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. Прошлое с его преступлениями, безумствами и трагедиями исчезает»[61].

Впрочем, У. Черчилль, как и остальное руководство Великобритании, исходил вовсе не из желания помочь русским одержать победу над Германией, а из весьма циничного расчета: «Если бы русские смогли продержаться и продолжать военные действия хотя бы до наступления зимы, это дало бы нам неоценимые преимущества»[62].

Знакомство У. Черчилля с И. В. Сталиным состоялось в августе 1942 г. в Москве, куда он прилетел, чтобы лично объясниться по поводу задержки открытия второго фронта. Первая встреча двух глав государств состоялась вечером 12 августа и продолжалась около четырех часов. Впоследствии У. Черчилль вспоминал: «Я прибыл в Кремль и впервые встретился с великим революционным вождем и мудрым русским государственным деятелем и воином, с которым в течение следующих трех лет мне предстояло поддерживать близкие, суровые, но всегда волнующие, а иногда даже сердечные отношения»[63].

Затем У. Черчилль оправился в Каир, где развил активную деятельность. В своем письме от 19 августа 1942 г. своему заместителю К. Эттли, министру иностранных дел А. Идену, генералу Г. Исмею и начальнику штаба военно-воздушных сил Ч. Порталу он настаивал на том, что необходимо оказать сильную воздушную поддержку советскому южному флангу[64]. Но У. Черчилль не был бы сам собой, если бы думал только о «духе товарищества» или выполнении своих обещаний И. В. Сталину. Кроме «общего усиления русской воздушной мощи» главной целью этой акции для него было «создать передовую линию обороны всех наших интересов в Персии и Абадане» и получить «доступ в русскую сферу в Персии и на Кавказ»[65]. В то же время У. Черчилль был убежден, что бесконечное манкирование интересами русских может быть крайне опасно. Он писал: «Все обычно считают удобным облегчить свое положение за счет России, но от сохранения хороших отношений с ее колоссальной армией, находящейся сейчас в чрезвычайно тяжелых условиях, зависят серьезные проблемы»[66].

События Второй мировой войны, особенно в 1943 г., приводили У. Черчилля к мысли, что Великобритания постепенно утрачивала позиции великой державы. Он, искренне полагая, что великая держава просто обязана иметь интересы, сильно выходящие за рамки ее государственных границ, опасался, что подкрепленные силой оружия они будут удовлетворяться за счет интересов Великобритании.

На конференции в Квебеке, состоявшейся в августе 1943 г., У. Черчилль и Ф. Рузвельт согласовали в общих чертах план высадки союзных войск в Нормандии и определили примерные сроки проведения операции. Однако у британского премьер-министра было свое видение решения данной проблемы. В том же Квебеке между Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем было достигнуто далеко идущее секретное соглашение о непередаче третьим странам сведений о ведущихся в США и Англии совместных работах над созданием атомного оружия и их результатах[67].

У. Черчилль прекрасно понимал, что союз России и Запада недолговечен, а проблем, требовавших немедленного решения, было много и по мере продвижения Красной армии на запад становилось все больше. Это подтвердила и конференция в Вашингтоне, проходившая с августа по октябрь 1944 г. «Я был уверен, что мы можем прийти к хорошим решениям с Россией лишь в период, когда мы связаны с нею товариществом в борьбе против общего врага. Гитлер и гитлеризм были обречены, но что произойдет после Гитлера?.. На конференции в Думбартон-Оксе не было достигнуто никакого соглашения, однако я ощущал острую потребность повидаться со Сталиным, с которым, как я всегда считал, можно поговорить по-человечески»[68].

Большая тройка вновь собралась в Ялте 4 февраля 1945 г., однако У. Черчилль настоял на предварительной встрече с американцами на Мальте, дабы прибыть на переговоры, будучи полностью подготовленным. Описывая эту короткую встречу, он вспоминал: «Очень важно было решительно воспользоваться любой капитуляцией немцев в Италии, и я сказал президенту, что мы должны занять как можно большую часть Австрии, так как нежелательно,

У. Черчилль беседует с офицером на борту эсминца «Келвин»

Прибытие президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля на аэродром Саки в Крыму

чтобы русские оккупировали в Западной Европе больше того, что необходимо. По всем этим военным вопросам была достигнута значительная степень согласия, и переговоры оказались полезными, поскольку члены Объединенного англо-американского штаба познакомились со взглядами друг друга, прежде чем начать переговоры со своими русскими коллегами»[69].

После завершения Ялтинской конференции У. Черчилль предпринял яростную попытку компенсировать дипломатическую неудачу военными успехами на фронте, которые можно было бы конвертировать в политические дивиденды. Речь шла о захвате важнейших административно-политических центров в Западной Европе британскими войсками, а именно — о взятии Вены и Берлина. Однако фельдмаршал Б. Монтгомери не преуспел в этом начинании. Ответ Ф. Рузвельта был дипломатичным, изысканно вежливым, но непреклонным. Исходя из того, что «перед английской армией ставятся весьма логичные задачи на северном фланге»[70], стало ясно, что Берлин будут брать русские.

16 апреля 1945 г. началась Берлинская стратегическая наступательная операция. У. Черчилль понял, что дополнительных дивидендов на конференции победителей у него не будет. За несколько дней до начала русского наступления, 12 апреля 1945 г., умер президент Ф. Рузвельт. У. Черчилль ощутил себя единственным защитником ценностей свободного мира. В этот момент его отношение к Советскому Союзу резко изменилось. Впоследствии он писал: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз... Решающие практические вопросы стратегии и политики... сводились к тому, что, во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, надо немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения»[71].

Новый президент США Г. Трумэн, казалось, вполне разделял эти взгляды. 24 апреля, обмениваясь телеграммами с А. Иденом, У. Черчилль написал: «Добиваясь, как я это делаю, прочной дружбы с русским народом, я вместе с тем уверен, что она может основываться только на признании русскими англо-американской силы. Я с удовольствием отмечаю, что новый президент не позволит Советам запугать себя»[72]. Но У. Черчилль ошибся в оценке Г. Трумэна: тот играл исключительно по собственным правилам.

30 апреля в своем послании президенту США У. Черчилль почти умолял его решить чехословацкий вопрос силами 3-й американской армии, левый фланг которой значительно продвинулся в глубь территории страны, и занять Прагу. Ответ Г. Трумэна был отрицательным: «Я не предприму никакого шага, который считаю нецелесообразным с военной точки зрения»[73].

Вскоре все было кончено. 2 мая пал Берлин. 9 мая 1945 г. армии маршала И. С. Конева штурмом овладели Прагой и освободили Чехословакию. Вооруженная борьба была победоносно завершена. Но война продолжалась. У. Черчилль понимал, что главная схватка впереди, и готовился к ней с присущим ему азартом. За интересы Британской империи У. Черчилль готов был воевать с кем угодно.

В телеграмме из Лондона от 18 мая 1945 г. от советского посла Ф. Т. Гусева в связи с выступлением У. Черчилля по радио 13 мая, ставшим для английской прессы «директивой» к новому антисоветскому курсу в освещении европейских событий, а также о вызове им в Лондон Д. Эйзенхауэра и Б. Монтгомери «для обсуждения и оценки соотношения военных сил союзников СССР» говорилось: «Учитывая создавшуюся обстановку, нам необходимо иметь в виду, что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени»[74].

Предвидя серьезные разногласия на предстоящей трехсторонней конференции, а также ввиду тех трений по поводу Польши, Югославии и Австрии, которые уже имели место, У. Черчилль предложил Г. Трумэну не спешить с отводом войск в назначенные зоны оккупации или хотя бы согласовать более ранние сроки созыва конференции. Американский президент ответил, что это невозможно, что он собирается в точности исполнить «трехстороннее соглашение об оккупации Германии, одобренное президентом Рузвельтом», и порекомендовал британскому премьеру отдать соответствующие распоряжения своим войскам. «Для меня это прозвучало погребальным звоном, — писал У. Черчилль, — но мне ничего не оставалось, как подчиниться»[75].

Впрочем, подчиняться У. Черчилль не собирался. Вызов им в Лондон фельдмаршала Б. Монтгомери и генерала Д. Эйзенхауэра, о котором упоминал 18 мая советский посол Ф. Т. Гусев, был связан с намерением «навязать русским волю Соединенных Штатов и Британской империи»[76]. У. Черчилль всерьез планировал нападение войск западных стран на советские войска в Германии к 1 июля 1945 г., причем разработка стратегического плана «Немыслимое», подготовленного объединенным штабом планирования военного кабинета и датированного 22 мая, началась по его прямому указанию уже в апреле 1945 г.[77] А 20 мая он подтвердил отданное неделей ранее указание генералу Г. Исмею для Комитета начальников штабов «об отмене дальнейшей демобилизации военно-воздушных сил и распоряжение о сохранении «установленного уровня» в демобилизации армии»[78].

Впоследствии У. Черчилль писал о том, что его волновало в победные майские дни: «В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага. Но объединения, направленного против нее, не существовало... Главное место в моих мыслях занимала встреча трех великих держав, и я надеялся, что президент Трумэн по пути заедет в Лондон»[79].

11–12 мая он буквально забросал Г. Трумэна тревожными телеграммами по поводу «русской мощи», «территорий, находящихся под их контролем», и опускающегося «железного занавеса»[80]. Но президент США отклонил предложение о встрече с британским премьер-министром «за спиной Сталина», охарактеризовав его как «сговор», чем неприятно поразил У. Черчилля, особенно в контексте того, что сам Г. Трумэн, по словам его представителя

Дж. Дэвиса, собирался «сначала встретиться со Сталиным где-то в Европе»[81]. У. Черчиллю ясно дали понять, что Британская империя не будет «играть первую скрипку» в предстоящем «концерте».

26 июля 1945 г. У. Черчилль, выигравший для Британской империи Вторую мировую войну, проиграл выборы. Вспоминая эти не самые лучшие минуты своей жизни, он писал: «Я ощутил, что все напряжение великих событий, в обстановке которых я сохранял «силу полета», сейчас прекратится, и я упаду. Я буду лишен власти определять будущее. Исчезнут те знания и опыт, которые я накопил, тот авторитет и доброжелательство, которые я завоевал в столь многих странах»[82]. Предчувствие его не обмануло. Испросив аудиенции у короля, он отправился во дворец и вручил его величеству свою отставку.

Его эпоха закончилась вместе с его империей. Формально Британия еще называлась империей некоторое время, но все уже понимали, что ее величие в прошлом. Понимал эту истину и У. Черчилль, вот только принять ее он не мог и не хотел. Его стихией была война, но Англия устала от войны, устала от имперского бремени, не желая более платить за него жизнями своих солдат. Он продолжал оставаться членом парламента, возглавив оппозицию, впереди была знаменитая речь в Фултоне, в 1951 г. он даже вернул себе кресло премьер-министра и оставался на этом посту четыре года. Но это уже не имело значения. Главное дело своей жизни он завершил.

Потом была работа над его главным литературным трудом — шеститомным описанием Второй мировой войны и той роли, которую сыграли в ней Великобритания и он сам. Он старался быть честным настолько, насколько это может себе позволить политик, и настолько, насколько это позволяли его заблуждения. В 1953 г. У. Черчилль был удостоен Нобелевской премии в области литературы. В том же 1953 г., несколькими месяцами ранее, ему было пожаловано членство в рыцарском ордене Подвязки. 27 июля 1964 г. он в последний раз переступил порог палаты общин.

24 января 1965 г. сэр У. Черчилль скончался. Его жизнь была полна взлетов и падений. 30 января 1965 г. Британская империя простилась с последним из своих рыцарей.

Дуайт Дэвид Эйзенхауэр. Среди военачальников западных союзников периода Второй мировой войны фигура Д. Эйзенхауэра по праву занимает первое место. Дело не только в том, что на протяжении войны он один за другим занимал важнейшие командные посты: командующего американскими войсками в Европе, затем — союзными войсками в Северной Африке и Средиземноморье и, наконец, Верховного главнокомандующего экспедиционными силами союзников в Европе. Д. Эйзенхауэр на деле внес большой вклад в разработку и осуществление главных стратегических операций союзников, объединение военных усилий англо-американского мира для борьбы с германским фашизмом и его сателлитами. Позднее эта блестящая военная карьера проложила ему путь в Белый дом. Между тем мало что в его предшествовавшем жизненном пути предвещало столь выдающуюся историческую роль.

Родился будущий полководец в 1890 г. в скромной многодетной семье разорившегося фермера, имевшей дальние немецкие и скандинавские корни. Он рос в провинциальном канзасском городке Абилине, сохранявшем традиции пионеров Запада с их простотой нравов, набожностью, физической закалкой и задиристостью. Айк, как еще в детстве прозвали его сверстники, рос крепким и жизнерадостным подростком, прекрасным спортсменом и любознательным учеником. Он рано увлекся военной историей и в 1911 г. по окончании школы поступил в Главное военное общевойсковое училище США — Академию Вест-Пойнт.

Годы, проведенные в училище, окончательно сформировали характер Д. Эйзенхауэра: силу воли, стойкость, большую работоспособность, умение работать в команде, ладить с самыми разными людьми и завоевывать их доверие. В обстановке кадетской муштры он сумел сохранить независимость и чувство собственного достоинства, за что нередко получал дисциплинарные взыскания. В учебе он не блистал, закончив училище 61-м из 168 выпускников 1915 г. (56 из них впоследствии дослужились до генеральских званий). Однако по чисто военным дисциплинам его отметки были выше.

Д. Эйзенхауэр

За следующую четверть века военной службы Д. Эйзенхауэр довершил свое первоклассное военное образование и приобрел разнообразный опыт штабной работы, имея самые похвальные служебные характеристики. В конце 1935 г. он стал помощником генерала Д. Макартура, направленного военным советником на Филиппины. Там Д. Эйзенхауэр принял активное участие в постановке системы военного образования и планировании обороны островов на случай войны. Однако на карьерном росте это не сказывалось. Начало Второй мировой войны пятидесятилетний офицер встретил в скромном звании подполковника. В начале 1940 г. он вернулся на родину, где для него открывались новые возможности.

Вступление США в войну было лишь вопросом времени, и вооруженные силы страны остро нуждались в профессиональных кадрах. Д. Эйзенхауэра направили в Калифорнию для

подготовки национальной гвардии как главного резерва вооруженных сил. Вскоре он был назначен начальником штаба 3-й армии, получив временное звание полковника, а затем и бригадного генерала. Д. Эйзенхауэр отличился в самых крупных маневрах за всю историю США, прошедших в августе — сентябре 1941 г. в штате Луизиана с участием 400 тыс. человек. Его фотографии попали в газеты, а руководивший учениями начальник штаба сухопутных сил Дж. Маршалл обратил на него особое внимание.

Уже через неделю после нападения Японии на Пёрл-Харбор Д. Эйзенхауэр по вызову Дж. Маршалла явился в Вашингтон, где успешно прошел первое испытание — с ходу, безо всякой подготовки дал дельные рекомендации по обороне Филиппин, которые понравились строгому начальнику штаба. С этого момента начался новый виток в его карьере под руководством Дж. Маршалла, ставшего для него примером для подражания. В феврале 1942 г. Д. Эйзенхауэр был назначен начальником Управления планирования военных операций штаба армии США, вскоре преобразованного в Оперативное управление. Это был мозг главного вида вооруженных сил США, и новая работа сразу же вовлекла Д. Эйзенхауэра в самый центр разработки важнейших стратегических решений.

Хотя основная его задача на первых порах заключалась в подготовке операций на Тихом океане, Д. Эйзенхауэр хорошо понимал, что главным театром военных действий в разворачивавшейся глобальной войне будет Европа, а главным врагом — фашистская Германия. Советский фактор уже с начала 1942 г. стал решающим в стратегических выкладках армейских планировщиков во главе с Д. Эйзенхауэром. После битвы под Москвой они пришли к выводу, что «только Россия обладает достаточными человеческими ресурсами для разгрома Германии в Европе». Поэтому удержание России в войне «как активного врага Германии» рассматривалось ими в качестве одной из трех важнейших военных задач союзников наряду с обороной Британских островов и сохранением контроля над Ближним Востоком для предотвращения соединения там немецких и японских сил. Решение этой задачи требовало «немедленных и конкретных действий»[83].

Военная логика подсказывала Д. Эйзенхауэру, что кратчайшим и наиболее эффективным направлением главного удара по нацистской цитадели должно стать вторжение через Ла-Манш с Британских островов на север Франции. В этом он был согласен с И. В. Сталиным, который с июля 1941 г. требовал от союзников открыть второй фронт именно там. Поэтому уже в конце февраля Д. Эйзенхауэр впервые поставил перед Комитетом начальников штабов вопрос о подготовке вторжения на Европейский континент, подчеркивая необходимость «раннего начала операций, которые отвлекут с русского фронта значительную часть германской армии». Такой план, добавлял он, «должен быть задуман и представлен русским таким образом, чтобы они осознали важность оказываемой им поддержки»[84].

В конце мая 1942 г. Дж. Маршалл, обеспокоенный двойственностью позиции Лондона, командировал Д. Эйзенхауэра в Великобританию для анализа настроений британского генералитета и инспекции штаба американского командующего на Британских островах Дж. Чейни. Увиденное его не обрадовало: британские военные не верили в успех американских планов, а штаб Дж. Чейни фактически бездействовал. Вернувшись в США, Д. Эйзенхауэр по указанию Дж. Маршалла подготовил проект директив командующему по осуществлению намеченных операций на Европейском континенте. Он еще не знал, что готовил их для себя — 15 июня Дж. Маршалл с согласия Ф. Рузвельта предложил ему пост командующего Европейским театром военных действий, который должен был руководить всеми американскими войсками на континенте и обеспечивать взаимодействие с британским командованием. Этот выбор был не случаен: Д. Эйзенхауэр успел зарекомендовать себя не только как видный стратег и организатор, но и хороший дипломат, умеющий достойно представлять интересы США и налаживать личные отношения со снобистским британским руководством. Кроме того, он был общевойсковым генералом, а именно сухопутным войскам предстояло сыграть решающую роль в будущих европейских операциях.

Перед Д. Эйзенхауэром стояла трудная задача — создать из разрозненных американских, британских и канадских частей единую военную машину, способную справиться с вторжения

на Европейский континент. Его положение осложнялось тем, что он не имел боевого опыта и был всего лишь генерал-майором, имевшим в своем подчинении более 300 генералов выше его по званию (правда, вскоре после прибытия в Англию он получил вторую генеральскую звездочку). С самого начала новый командующий построил работу своего штаба на основе делового демократизма, призывая его сотрудников «работать не для отчета, а для того, чтобы выиграть войну»[85]. Он был прост и доступен в обращении, не боялся предоставлять свободу действий своим подчиненным, подавал личный пример отдачи всего себя работе. Д. Эйзенхауэру удалось быстро установить тесные деловые отношения с британским военным командованием и политическим руководством, включая премьер-министра У. Черчилля, который сразу же оценил его незаурядные профессиональные и человеческие качества. Фотогеничный, деловой и обходительный американский генерал сразу же завоевал симпатии британской прессы и широкой публики. Сложнее было с реализацией намеченной им стратегии.

В середине июля в Лондон прилетели Дж. Маршалл, главком ВМС США адмирал Э. Кинг и личный представитель Ф. Рузвельта Г. Гопкинс. Еще в июне У. Черчилль в переписке с Ф. Рузвельтом начал склонять того к отказу от планов высадки в Северной Франции в пользу вторжения в Северную Африку. Американское командование считало эту операцию чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь распылять силы союзников, откладывая большое вторжение на Европейский континент, и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу»[86]. В случае отказа англичан от американского плана военные предлагали президенту перенести главный упор на войну с Японией. Ф. Рузвельт быстро пресек тихоокеанские проекты своих военных и наказал Дж. Маршаллу и Г. Гопкинсу в качестве запасного варианта согласиться на вторжение в Северную Африку.

В ходе сложных переговоров делегация США отступила на эту позицию, хотя Дж. Маршалл и Д. Эйзенхауэр предупреждали своих партнеров, что операция в Северной Африке чревата отсрочкой вторжения во Францию до лета 1944 г. Впоследствии в своих мемуарах Д. Эйзенхауэр писал, что высадка небольшого десанта на севере Франции была бы ошибкой[87], но тогда в полемике с англичанами и в отчете для Ф. Рузвельта он продолжал отстаивать свою позицию. В случае стабилизации советско-германского фронта эта операция, считал он, получит хорошие шансы на успех — удержание плацдарма в Нормандии до большого вторжения в 1943 г. и отвлечение дополнительных германских сил с восточного фронта. В случае же непосредственной угрозы поражения Красной армии риск принесения в жертву 6–10 дивизий будет все равно оправданным по сравнению с гораздо большим. «На нас ляжет вина за огромный военный просчет, — предупреждал он президента, — если мы позволим Германии ликвидировать восьмимиллионную союзную армию в то время, когда удары с нашей стороны могли бы спасти ситуацию»[88].

Военная логика Д. Эйзенхауэра была безупречной, но она отступила перед логикой политической, и генерал повиновался приказу президента. 26 июля он дал итоговую оценку этого решения в своем дневнике: «По сути, оно отрицает мысль о том, что союзники могут сделать хоть что-нибудь, чтобы помочь русским сохраниться в качестве боеспособной сражающейся силы»[89]. У. Черчилль подсластил пилюлю для американцев, предложив назначить главкома Европейского ТВД командующим операцией в Северной Африке, получившей кодовое название «Торч». Ф. Рузвельт и Дж. Маршалл ответили согласием, и Д. Эйзенхауэр взялся за руководство первой в своей жизни военной операцией такого крупного масштаба и сложности.

Северная Африка находилась под контролем коллаборационистского правительства Ф. Петэна, и французские войска начали оказывать сопротивление союзникам. Ставленник американцев генерал А. Жиро, тайно вывезенный ими из Франции, не смог взять эти войска под свой контроль. Тогда Д. Эйзенхауэр решил пойти на соглашение с адмиралом Ж. Дарланом — главнокомандующим вооруженными силами вишистского правительства, оказавшимся в то время в Алжире. В обмен на признание его верховным комиссаром Северной Африки Ж. Дарлан обещал прекратить сопротивление французских войск союзникам и сдержал

свое слово. Это соглашение с бывшим пособником нацистов сразу же получило название «грязной сделки», вызвав возмущение англо-американской общественности. Ф. Рузвельт и У. Черчилль отмежевались от этой сделки, назвав ее инициативой своего командующего.

Д. Эйзенхауэр взял всю ответственность на себя, считая военные преимущества и спасение жизней своих солдат более важным, чем чисто моральные соображения. В этом из лидеров антигитлеровской коалиции его поддержал только И. В. Сталин. В своем послании У. Черчиллю от 27 ноября он зачеркнул отрицательную оценку этого соглашения в подготовленном В. М. Молотовым черновике и вместо этого написал: «Что касается Дарлана, то мне кажется, что американцы умело использовали его для облегчения дела оккупации Северной и Западной Африки. Военная дипломатия должна уметь использовать для военных целей не только Дарланов, но и черта с его бабушкой»[90]. В послании Ф. Рузвельту от 14 декабря он также назвал «политику Эйзенхауэра в отношении Дарлана... совершенно правильной»[91].

После первоначального успеха продвижение союзников в Северной Африке застопорилось, когда они столкнулись с сопротивлением немецких частей. Д. Эйзенхауэр тяжело переживал неудачи, работая на грани нервного срыва. Он даже чуть не попал в руки немцев, прорвавшихся в районе Кессерина. Перед решающими боями в Тунисе он взял ответственность за возможный провал операции на себя, но победа оказалась за союзниками. Даже недолюбливавший Д. Эйзенхауэра высокомерный начальник британского Генерального штаба А. Брук от имени своего штаба выражал «восхищение тем, как умело генерал Эйзенхауэр смог преодолеть стоявшие перед ним трудные препятствия»[92]. Но сам Д. Эйзенхауэр понимал, что его первое боевое крещение оказалось не блестящим, хотя в начале 1943 г. он и получил временное звание полного генерала.

Затяжка с операцией «Торч» окончательно похоронила расчеты на вторжение во Францию в 1943 г. «Генерал Маршалл и я, — писал Д. Эйзенхауэр в своих мемуарах, — разделяли убеждение: все, что будет сделано на Средиземноморском театре военных действий, должно оставаться вспомогательным по отношению к главной задаче — наступлению через Ла-Манш в начале 1944 года — и должно осуществляться в поддержку этой цели»[93]. Но возражать против операции в Италии он не стал, тем более что был назначен командующим.

Самым ответственным моментом для Д. Эйзенхауэра стало принятие решения о начале операции, которая затруднялась резко испортившейся штормовой погодой. Главком пошел на риск, дав команду начать операцию в назначенное время 9 июля. Элемент внезапности был сохранен, и высадка на фронте в 150 км прошла успешно. Д. Эйзенхауэру пришлось решать непростые военно-дипломатические задачи, связанные с выходом Италии из войны, созданием союзного контрольного механизма в этой стране и налаживанием отношений с новыми итальянскими властями. И все же, как заметил биограф Д. Эйзенхауэра С. Амброз, «союзники потратили много ресурсов на очень незначительные достижения»[94]. Полководец хорошо понимал, что успех в Италии никак не может заменить фронтального наступления на цитадель германского фашизма.

Вопрос о главнокомандующем в Нормандской десантной операции («Оверлорд») оставался открытым, в чем И. В. Сталин обоснованно видел недостаточно ответственное отношение союзников к намеченным планам. Поскольку главная роль в предстоящей операции отводилась войскам США, Лондон согласился с американским руководством этой операцией. Наиболее логичным кандидатом на этот ключевой пост был генерал Дж. Маршалл — самый заслуженный из американских военачальников, пользовавшийся большим авторитетом в союзном командовании. Поэтому поначалу предполагалось, что Д. Эйзенхауэр заменит его на посту начальника штаба армии. Но американский Комитет начальников штабов и сам Ф. Рузвельт не представляли себе, как они смогут обойтись без испытанного Дж. Маршалла в Вашингтоне. Поэтому в конечном итоге выбор пал на Д. Эйзенхауэра, накопившего к тому времени наибольший опыт руководства масштабными десантными операциями. Свою роль сыграла и высокая личная репутация генерала в глазах У. Черчилля и Ф. Рузвельта, который считал, что Д. Эйзенхауэр — не только «лучший политик» среди всех военачальников, но и «настоящий лидер, способный убедить людей следовать за ним»[95].

Генерал Д. Эйзенхауэр за полевым обедом в Тунисе

Д. Эйзенхауэр во время поездки на фронт в Европе

Реакция советского вождя на этот выбор оказалась на редкость положительной. В ответном послании Ф. Рузвельту от 10 декабря он писал: «Ваше послание о назначении генерала Эйзенхауэра получил. Приветствую назначение генерала Эйзенхауэра. Желаю ему успеха в деле подготовки и осуществления предстоящих решающих операций»[96]. Судя по всему, И. В. Сталин к тому времени успел высоко оценить Д. Эйзенхауэра как проверенного в деле боевого полководца по сравнению со штабным стратегом Дж. Маршаллом. Он отметил в беседе с А. Гарриманом, что Д. Эйзенхауэр обладает «решительностью и огромным опытом десантных операций»[97].

Исходные директивы по «Оверлорду», полученные главкомом от Объединенного штаба, были сформулированы предельно широко: «Вступить на Европейский континент и во взаимодействии с другими Объединенными Нациями предпринять операции, нацеленные на сердце Германии и на уничтожение ее вооруженных сил»[98]. Д. Эйзенхауэр опирался на уже накопленный опыт больших десантных операций и огромные военные ресурсы, собранные на Британских островах. План операции был разработан Верховным штабом союзных экспедиционных сил в Европе под руководством Д. Эйзенхауэра. Кроме того, по его решению был подготовлен так называемый «Транспортный план» — массированные бомбардировки немецкого тыла во Франции, нацеленные на разрушение железнодорожных коммуникаций и снижение мобильности немецких войск. Для этого главком потребовал передать ему в подчинение всю стратегическую авиацию союзников, включая британскую. У. Черчилль и его военные возражали, но Д. Эйзенхауэр сумел настоять на своем, пригрозив в противном случае своей отставкой.

Главнокомандующий хорошо понимал, что ресурсное преимущество еще не гарантирует успеха — в борьбе с опытным противником особенно необходим боевой дух личного состава, его настрой на победу. Поэтому важной частью подготовки «Оверлорда» стали его посещения войск, в ходе которых главком проверял условия жизни солдат, особенно много общался с рядовыми, вселяя в них уверенность и оптимизм. Эта человечность и демократизм, выгодно отличавшие Д. Эйзенхауэра от остальных военачальников, снискали ему большой авторитет в войсках. Наконец, к началу июня все было готово к началу операции: «Вся эта мощная сила была напряжена, подобно сжатой пружине, готовая в нужный момент устремиться через Ла-Манш», — вспоминал впоследствии Д. Эйзенхауэр[99].

Первоначально высадка намечалась на 5 июня, но помешала штормовая погода, вынудившая Д. Эйзенхауэра вернуть вышедшие в море военные корабли. И вновь он пошел на большой риск, полагаясь на обещанное метеорологами небольшое улучшение погодных условий. Вечером он отдал приказ о начале операции, одновременно составив записку о том, что в случае провала операции берет всю ответственность за принятое решение на себя.

Между тем дальнейшие боевые действия союзников развивались с переменным успехом. Д. Эйзенхауэр писал А. Гарриману в те дни, что с картой в руках следит за продвижением Красной армии и испытывает «огромный восторг от того, с какой скоростью она перемалывает боевую мощь врага»[100]. По просьбе Д. Эйзенхауэра посол передал его отзыв И. В. Сталину вместе с вопросом о том, каким образом он мог бы выразить «маршалу Сталину и его командирам... самое глубокое восхищение и уважение»[101].

Некоторые подчиненные Д. Эйзенхауэра в душе завидовали советским успехам, сравнивая их со своими. «Великолепное наступление русских армий продолжает поражать весь мир... — писал, например, в частной переписке заместитель начальника оперативного управления Верховного штаба союзных экспедиционных сил в Европе генерал Ф. Андерсон. — А на нашем фронте застой по всей линии. Даже обладая полным превосходством в воздухе, мы продолжаем продвигаться очень медленно»[102]. Только 25 июля, создав превосходство в людях — в 2,5 раза, в танках — в 4,2 раза, в самолетах — в 13 раз, две группы армий под командованием О. Брэдли и Б. Монтгомери перешли в наступление. Но и тогда благодаря пассивности союзников и умелому маневрированию немцам удалось избежать окружения в районе Фалеза. Основные бои развернулись уже на территории Бельгии и самой Германии. Д. Эйзенхауэр осуществлял руководство операциями из своей новой штаб-квартиры, расположенной в Версале, неподалеку от освобожденного Парижа.

Фельдмаршал Б. Монтгомери и генерал Д. Эйзенхауэр в Нормандии

С особым ожесточением немцы сражались на восточном фронте, но и у союзников были немалые проблемы. Самая тяжелая ситуация сложилась в декабре в результате мощного прорыва немцев в Арденнах, заставшего врасплох союзное командование и самого Д. Эйзенхауэра. Остановить немцев удалось лишь ценой больших потерь, а ввиду медлительности Б. Монтгомери союзники не смогли организовать контрнаступление вплоть до начала января.

Союзники обратились к Советскому Союзу с просьбой принять представителя Д. Эйзенхауэра, поскольку он «не может решить свои задачи, не зная, каковы Ваши планы»[103]. В Москву был отправлен заместитель Д. Эйзенхауэра главный маршал авиации А. Теддер, который 15 января был принят И. В. Сталиным[104], заверившим маршала в продолжении начатого советского наступления. В письме Д. Эйзенхауэру, переданном через А. Теддера, советский лидер писал: «Не сомневаюсь, что наступление советских войск, развивающееся удовлетворительно, несмотря на неблагоприятную погоду, заставит немцев разделить свои резервы между двумя фронтами и в результате этого отказаться от своего наступления на западе. Это облегчит положение союзных войск и, как я надеюсь, ускорит подготовку намеченного Вами наступления»[105]. Д. Эйзенхауэр отреагировал настолько благодарственным посланием в адрес советского командования, что Дж. Маршалл даже посоветовал ему впредь придерживаться «более приземленного и грубоватого тона» в контактах с Москвой[106].

В конце марта войска союзников успешно форсировали Рейн, а Красная армия вышла на рубеж Одер — Нейсе. Используя уже установленный контакт с Москвой, Д. Эйзенхауэр решил обратиться напрямую к И. В. Сталину с тем, чтобы договориться о совместных действиях на территории Германии. Это был смелый шаг, предпринятый в обход Объединенного

англо-американского штаба и вызвавший большое неудовольствие англичан, прежде всего самого У. Черчилля. Их раздражали не только самостоятельность главкома, но и предложенный им план действий — направить главный удар союзных войск на Эрфурт, Лейпциг, Дрезден (а затем — на Регенсбург, Линц), чтобы после окружения Рура рассечь основные силы противника и кратчайшим путем выйти на соединение с советскими войсками. Этот план фактически предоставлял захват Берлина Красной армии, что, по мнению У. Черчилля, лишило бы западных союзников важного стратегического преимущества и укрепило позиции СССР. В конце своей телеграммы Д. Эйзенхауэр запрашивал мнение советского лидера об этом плане и его соответствии советским намерениям[107].

На встрече с союзными послами 31 марта И. В. Сталин полностью поддержал предложения Д. Эйзенхауэра. В своем ответе главкому он писал: «Ваш план рассечения немецких сил путем соединения советских войск с Вашими войсками вполне совпадает с планом советского главнокомандования». Что касается Берлина, то, по словам И. В. Сталина, он утратил свое былое стратегическое значение и Красная армия будет штурмовать его вспомогательными силами[108]. На самом же деле к тому времени на берлинское направление уже были брошены огромные силы трех фронтов под командованием Г. К. Жукова, И. С. Конева и К. К. Рокоссовского.

31 марта У. Черчилль послал Д. Эйзенхауэру личную телеграмму, в которой предлагал форсировать Эльбу и продвинуться «как можно дальше на восток» с тем, чтобы не дать русским взять Вену и Берлин. Одновременно британское командование обратилось к начальнику штаба армии США Дж. Маршаллу с протестом по поводу самовольной инициативы главкома. Д. Эйзенхауэр хорошо понимал стоявшие за этим политические мотивы — «убеждение, что позднее западные союзники извлекут из этого огромные преимущества и смогут воздействовать на последующие события»[109]. Но он твердо стоял на своем. Хотя и по сей день некоторые критики Д. Эйзенхауэра продолжают считать это решение его главной ошибкой в годы войны, главнокомандующий руководствовался трезвыми военными соображениями. Предложенный Д. Эйзенхауэром план предусматривал скорейший разгром нацистской Германии совместными действиями союзников и избавлял союзные войска от больших потерь, неизбежных при штурме нацистской цитадели. Неслучайно Дж. Маршалл взял сторону своего командующего, и англичанам пришлось с этим смириться.

Все эти маневры не укрылись от советского главнокомандования. Уже после войны И. В. Сталин сказал бывшему начальнику штаба Д. Эйзенхауэра У. Смиту (ставшему к тому времени послом США в Москве): «Черчилль настаивал на том, чтобы главнокомандующий английской армией занял Берлин раньше, чем русские туда придут. Нам это хорошо известно. Эйзенхауэр не согласился с этим, боясь попасть в неловкое положение, так как войск было мало для этого»[110].

В конце апреля У. Черчилль вновь попытался склонить Д. Эйзенхауэра изменить свои планы с тем, чтобы опередить русских, на сей раз — с взятием Праги, но тот опять отказался «примешивать политические соображения к военным», как объяснял он Дж. Маршаллу[111]. Тогда У. Черчилль обратился напрямую к Г. Трумэну, но и тот поддержал своего главкома. 25 апреля советские и американские войска соединились на Эльбе — удобном рубеже, предложенном Д. Эйзенхауэром.

4 мая немецкие эмиссары прибыли в штаб-квартиру Д. Эйзенхауэра в Реймсе для переговоров о капитуляции. Главком союзников отверг предложение немцев капитулировать только на западном фронте и договорился с советским командованием о том, что капитуляция произойдет одновременно на обоих фронтах. 5 мая Д. Эйзенхауэр предъявил германским эмиссарам условия капитуляции Германии и передал их для согласования с Москвой советскому представителю при своей ставке — начальнику советской военной миссии в Париже генералу И. А. Суслопарову. Ответ начальника Генштаба генерала армии А. И. Антонова пришел в ставку Д. Эйзенхауэра уже после того, как в Реймсе было подписано соглашение о капитуляции вооруженных сил Германии перед союзным и советским командованием. Д. Эйзенхауэр сообщил об этом в Вашингтон предельно лаконично, отвергнув пышные

формулировки своих помощников: «Задача, стоявшая перед союзными силами, выполнена в 02.41 местного времени 7 мая 1945 года»[112].

Д. Эйзенхауэр предложил Объединенному англо-американскому штабу объявить о капитуляции на сутки раньше истечения намеченного срока — утром 8 мая. А. И. Антонов между тем в своем сообщении предлагал провести эту процедуру в Берлине с участием Г. К. Жукова и сделать это 9 мая ввиду продолжавшегося сопротивления немцев на восточном фронте. Идя навстречу советской стороне, Д. Эйзенхауэр согласился на повторное подписание капитуляции в Берлине после вступления в силу Реймского соглашения и сообщил в Москву о своем намерении участвовать в этой процедуре. Однако в конечном итоге вопреки своему первоначальному плану (о котором он предпочел умолчать в своих мемуарах) Д. Эйзенхауэр счел «лично для себя неподходящим» принять участие в этой церемонии, полагая, что «ратификация в Берлине должна быть делом Советов»[113].

Последнее важное решение Д. Эйзенхауэра по завершению войны в Европе было связано с отводом союзных войск из советской зоны оккупации Германии, куда они вошли в ходе боевых действий. Британский премьер-министр и некоторые «ястребы» в Вашингтоне были против этого шага, предлагая использовать пребывание там своих войск в качестве рычага давления на СССР. У. Черчилль впоследствии писал в своих мемуарах: «Отдать весь центр и сердце Германии, а по сути — центр и краеугольный камень всей Европы, казалось мне крайне серьезным и непредусмотрительным решением... Иначе мы бы отправились в Потсдам без козырей для торга»[114].

Однако военное командование США, и прежде всего сам Д. Эйзенхауэр, выступили против этого предложения, которое шло вразрез с уже принятыми обязательствами и было чревато ответными мерами со стороны СССР. Их поддержал и Г. Гопкинс, телеграфировавший из Парижа на обратном пути из Москвы после беседы с Д. Эйзенхауэром: «Считаю это решение очень важным для наших будущих отношений с Россией»[115]. Сам Д. Эйзенхауэр вспоминал, что «начинать наши первые прямые связи с Россией на основе отказа выполнить условия ранее достигнутой договоренности... означало бы подорвать сразу же все усилия, направленные на обеспечение сотрудничества»[116].

После окончания войны Д. Эйзенхауэр был назначен командующим американскими оккупационными войсками в Германии и представителем США в Союзном контрольном совете, где его визави стал маршал Г. К. Жуков. 10 июня 1945 г. в штабе Д. Эйзенхауэра во Франкфурте состоялась первая встреча двух полководцев. От имени советского правительства Г. К. Жуков вручил ему высшую военную награду СССР — орден Победы «за выдающиеся успехи в проведении боевых операций большого масштаба, в результате которых достигнута победа Объединенных Наций над Германией».

В августе 1945 г. Д. Эйзенхауэр побывал в Советском Союзе в качестве личного гостя Г. К. Жукова. Ему был оказан самый радушный прием, а во время парада физкультурников на Красной площади И. В. Сталин пригласил его на трибуну Мавзолея — честь, впервые оказанная западному деятелю. Личное знакомство с американцем позволило советскому вождю по достоинству оценить и человеческие качества полководца. Неслучайно во время визита И. В. Сталин счел необходимым задним числом извиниться за отступление от плана, предложенного Д. Эйзенхауэром 28 марта.

Сам Д. Эйзенхауэр вернулся из Москвы с надеждами на продолжение советско-американского сотрудничества после войны. Надеждам этим не суждено было сбыться, но вклад Д. Эйзенхауэра в победу над общим врагом навсегда остался в истории.

Бернард Лоу Монтгомери. Начав войну в весьма скромной должности командира дивизии, Б. Монтгомери благодаря своим способностям и упорству в достижении поставленной цели быстро переместился на самый верх военной иерархии союзного командования. При его непосредственном участии были разработаны и проведены крупнейшие на Западном театре военных действий стратегические операции, оказавшие определенное влияние на ход Второй мировой войны.

Сегодня историки спорят, насколько велико было это влияние. Западная историография склонна сильно преувеличивать значение побед в Северной Африке и Италии в 1942—1943 гг. Советские историки, наоборот, иногда недооценивают то, что было сделано союзниками на Западном ТВД, и для этого есть некоторые основания. Размах и накал вооруженной борьбы здесь не шли ни в какое сравнение с тем, что происходило на советско-германском фронте. И все же на западном фронте были и кровопролитные, и выигранные сражения. И одним из организаторов этих побед являлся фельдмаршал Б. Монтгомери, первый виконт Эль-Аламейнский.

Б. Монтгомери родился в Лондоне в 1887 г. в типичной викторианской семье. В январе 1907 г. он поступил в Королевское военное училище Сандхерст. Через шесть недель в числе других кадетов, продемонстрировавших отличные результаты в учебе, его произвели в младшие капралы. Однако вскоре за серьезный дисциплинарный проступок он был разжалован в рядовые. Пожалуй, только заступничество одного из ротных офицеров спасло Б. Монтгомери от позорного отчисления. В 1908 г. он в чине второго лейтенанта был направлен в Королевский Уорвикширский полк, один из батальонов которого дислоцировался в Индии. Колониальная служба дала ему первый жизненный и военный опыт.

В 1913 г. батальон, в котором служил Б. Монтгомери, вернулся в Англию. Новый командир батальона капитан Лефрой, окончивший накануне своего назначения двухлетний курс штабного колледжа в Кэмберли, оказался человеком весьма компетентным и, что самое главное, неравнодушным к военной профессии. Способный и амбициозный молодой офицер привлек его внимание, в первую очередь своим нетипичным поведением. Лейтенант Б. Монтгомери не курил, не употреблял спиртные напитки, часто задумывался над вопросами, которые редко посещали головы его сослуживцев. Они быстро нашли общий язык, подолгу обсуждая положение дел в британской армии, ее достоинства и недостатки и, самое главное, пути овладения военным искусством.

Тем временем разгорелась Первая мировая война. В составе 4-й дивизии батальон, в котором служил Б. Монтгомери, был переправлен на континент. Участие в боях на р. Ипр едва не стоило лейтенанту жизни. 13 октября в бою на окраине деревни Метерен он был ранен в грудь и голень. Солдат его взвода, пытавшийся перевязать своего командира, был убит немецким снайпером. Лишь вечером, когда бой утих, санитары обнаружили тяжелораненого лейтенанта и солдата, закрывшего его своим телом. За этот бой Б. Монтгомери был награжден орденом «За боевые заслуги». Он вернулся на фронт во Францию только в начале 1916 г. в качестве начальника оперативно-разведывательного отделения штаба бригады. Последние шесть месяцев войны был начальником штаба 47-й дивизии.

В январе 1920 г. Б. Монтгомери поступил в штабной колледж в Кэмберли. Это была его давняя мечта, которую никак не удавалось осуществить. Помог случай. Вот как его описал сам Б. Монтгомери: «В то время британскими оккупационными войсками в Германии командовал сэр Уильям Робертсон. Я не был знаком с ним. Он увлекался теннисом, и однажды меня пригласили поиграть в его резиденцию в Кёльне, я решил рискнуть и рассказал ему о своей проблеме. Ему самому в юности понадобилось приложить много усилий, чтобы пробиться, и он с пониманием относился к молодым; я знал об этом и надеялся на лучшее. Вскоре после этой партии в теннис мне сообщили, что я включен в число слушателей»[117].

Закончив штабной колледж в декабре 1920 г., Б. Монтгомери до 1926 г. служил на различных штабных должностях в Ирландии и Египте[118]. В январе 1926 г. его назначили инструктором штабного колледжа в Кэмберли. Ведя преподавательскую деятельность, он не переставал учиться сам, постоянно совершенствую свои военные знания. В 1930 г. ему было предложено создать новый учебник для подготовки пехотинцев. «Это было серьезным официальным признанием, и я решил сделать будущую книгу в виде полного курса по военным действиям для офицеров пехоты». После опубликования книгу сочли превосходной, особенно сам ее автор[119].

В октябре 1938 г. Б. Монтгомери, уже генерал-майор, получил назначение в Палестину, где под его командованием было несколько воинских частей, из которых он сформировал

8-ю дивизию со штабом в Хайфе. Вскоре последовало новое назначение — командиром дивизии в Англии. За несколько дней до объявления войны, 28 августа 1939 г., он вступил в эту должность. Дивизия входила в состав британских экспедиционных войск, предназначенных к отправке на континент в случае начала военных действий. Переброска британских экспедиционных войск началась 4 сентября 1939 г. По мнению Б. Монтгомери, качество подготовки британской армии к войне оставляло желать лучшего. В своих мемуарах он писал: «К стыду, приходится признать, что мы послали нашу армию на эту самую современную войну с совершенно неадекватным вооружением и снаряжением, а потому должны винить только себя за те катастрофы, которые постигли нас на полях сражений в 1940 г., когда начались боевые действия. Кто должен нести за это ответственность? По моему мнению, все сменявшие друг друга английские правительства в период между мировыми войнами, а особенно те, что руководили страной с 1932 г., когда заговорили о необходимости перевооружения армии на современной основе»[120].

Однако, будучи всего лишь командиром дивизии, он мог предпринять лишь те действия, которые вытекали из его должностных полномочий. Его дивизия занимала позиции к югу от Лилля с задачей оборудовать оборонительный рубеж, который стал бы продолжением «линии Мажино» за пределами бельгийской границы. Первая военная зима была спокойной. «Происходящее вызывало у меня глубокое негодование, — писал Б. Монтгомери. — Франция и Англия ничего не предпринимали, когда Германия проглатывала Польшу. Мы ничего не предпринимали, глядя, как немецкая армия перемещается на запад, исключительно с тем, чтобы потом атаковать нас. Мы терпеливо ждали, когда же это случится. И все это время лишь изредка бомбили Германию листовками[121]. Если это называлось войной, то я такой войны не понимал»[122].

10 мая 1940 г. началась другая война. Отсутствие единого командования, неразбериха в планировании и многое другое не позволили союзникам организовать эффективное противодействие противнику. Предпринятое в мае 1940 г. наступление союзных войск захлебнулось. Отступление бельгийской армии обнажило фланги англичан. Для закрытия бреши было решено бросить две дивизии, в том числе и ту, которой командовал генерал-майор Б. Монтгомери. Пожалуй, для британской армии это был один из самых драматических моментов.

«Думаю, что самую трудную операцию нам пришлось проводить 27 мая, когда я отдал приказ о передислокации дивизии на левый фланг английских войск, чтобы ликвидировать брешь между 5-й дивизией и бельгийцами. Дивизии предстояло провести ночной марш-бросок в двух километрах от позиций 5-й дивизии, где ожесточенный бой шел весь день и еще продолжался. Если бы этот маневр предложил курсант штабного колледжа, его, конечно же, сочли бы сумасшедшим. Но шла война, и приходилось идти на риск. Маневр удался, и к рассвету 28 мая мы закрыли брешь»[123]. После капитуляции бельгийской армии англичане начали отход к Дюнкерку, единственному порту, соединявшему континент с Англией.

В ночь с 29 на 30 мая 3-я дивизия Б. Монтгомери заняла позиции на левом фланге Дюнкеркского плацдарма, обороняя канал между Фюрне и Ньёпором. Вскоре после отбытия командного состава в Англию Б. Монтгомери принял командование 2-м корпусом, который имел задачу обеспечить эвакуацию оставшихся войск и самому эвакуироваться с 31 мая на 1 июня. 1-м корпусом, назначенным в арьергард, командовал генерал-лейтенант М. Дж. Г. Баркер. Командующий Горт проинформировал его, что в случае необходимости тот имеет право сдаться немцам с остатками корпуса.

Но у Б. Монтгомери было другое мнение на сей счет. «Я остался после ухода остальных и попросил Горта уделить мне несколько минут для разговора наедине. Затем я сказал ему, что Баркер находится в таком состоянии, что было бы неверно доверять ему командование остающимися войсками. В той ситуации требовались выдержка и ясный ум, потому что при удачном раскладе оставалась возможность эвакуировать 1-й корпус, избежав капитуляции. У него такой человек есть, генерал Г. Александер, командир 1-й дивизии в корпусе Баркера»[124]. Так генерал Г. Александер стал командовать арьергардом. Он обеспечил эвакуацию основных сил и благополучно добрался до Англии сам.

Британский генерал Б. Монтгомери в Северной Африке

Фельдмаршал Б. Монтгомери обсуждает план взятия Мессины
с генералами У. Смитом, Дж. Паттоном и Г. Александером

1 июня 1940 г. генерал-майор Б. Монтгомери на борту британского эсминца прибыл в Дувр с остатками своего корпуса. В Англии он вновь возглавил свою 3-ю дивизию и с удвоенной энергией принялся готовить ее к грядущим боям. В отличие от многих англичан, в том числе и высокопоставленных военных, считавших успешную эвакуацию из Дюнкерка едва ли не блестящей победой, Б. Монтгомери смотрел на вещи более трезво. «Тот факт, что БЭВ (британским экспедиционным войскам. — *Прим. ред.*) удалось вырваться из Дюнкерка, многими рассматривался как великая победа английского оружия. Помню, какое негодование испытывал я и многие, мне подобные, глядя на английских солдат, которые расхаживали по Лондону и другим местам с цветастыми нарукавными нашивками «Дюнкерк». Они считали себя героями, и гражданское население думало так же»[125].

В июле 1940 г. Б. Монтгомери был назначен командиром 5-го корпуса и с этого момента получил возможность оказывать реальное влияние на подготовку армии к грядущим боям. В апреле 1941 г. последовало новое назначение — командиром 12-го корпуса в Кент, где ожидалось вторжение немцев. В декабре 1941 г. он получил повышение и стал командующим Юго-Восточной армией, расквартированной в графствах Кент, Сюррей и Суссекс.

Незадолго до отправки в Северную Африку Б. Монтгомери познакомился с генералом (тогда генерал-майором) Д. Эйзенхауэром, прибывшим в Англию с инспекционными целями. Разногласия начались практически сразу, еще на стадии подготовки операции «Торч». Б. Монтгомери должен был принять командование 1-й армией, выделенной для непосредственного участия в высадке союзных войск в Северной Африке. В своих мемуарах Б. Монтгомери жаловался, что не мог убедить Д. Эйзенхауэра, назначенного руководить высадкой войск союзников в Северной Африке, составить план операции. Несмотря на единство взглядов по ключевым проблемам, пути подхода к их решению в США и Великобритании были различны.

Вскоре Б. Монтгомери получил другое назначение. 12 августа он уже прибыл в Каир, в штаб командующего британскими войсками на Ближнем Востоке. Ему предстояло вступить в командование 8-й армией. Противник у Б. Монтгомери был серьезный. Фельдмаршал Э. Роммель, имея весьма незначительные силы и еще более ограниченные ресурсы, тем не менее неплохо справлялся с поставленной перед ним задачей, и англичанам приходилось тяжело. Однако к июню 1942 г. наступательный потенциал итало-германской группировки иссяк.

Прибыв в штаб и оценив обстановку, Б. Монтгомери решил действовать немедленно. Реформировав работу штаба, командующий взялся за подчиненные ему войска. В сжатые сроки в 8-й армии был создан 10-й танковый корпус, сформированный из разбросанных по всему Египту мелких танковых подразделений. «Этому корпусу я наметил ту же роль, что выполнял у Роммеля Африканский корпус: не оборонять какой-то участок фронта, а выполнять роль мобильного ударного соединения»[126]. Довольно быстро Б. Монтгомери удалось создать из 8-й армии вполне боеспособный инструмент. Все это время прибывали подкрепления, накапливались резервы. Основные усилия Германии были сосредоточены на восточном фронте, где разворачивалась грандиозная по масштабу и последствиям Сталинградская битва. Германскому командованию было не до Африканского корпуса.

В сражении у Алам-Хальфы Э. Роммелю не удалось достичь успеха. Его войска потеряли большое количество танков и живой силы. Он вынужден был отдать приказ на отход. Б. Монтгомери не воспользовался этим, и англичане не стали преследовать противника. В письме одному из своих друзей в Англии Б. Монтгомери написал следующее: «Моя первая встреча с Роммелем ожидалась с интересом. К счастью, я успел восстановить порядок и подготовить план действий, так что разобраться с ним труда не составило. Я чувствую, что мы выиграли партию, в которой он сделал первый ход. В следующей партии первым придется ходить мне при счете один — ноль в мою пользу»[127].

Наступило короткое затишье, которое противоборствующие стороны использовали для накопления сил и отработки дальнейших планов. 23 октября 1942 г. Б. Монтгомери отдал приказ 8-й армия на переход в наступление. Началась Эль-Аламейнская операция. Под ударами

англичан итало-немецкие войска отступали. А 3 ноября Э. Роммель отдал приказ о выводе из Египта немецких войск и четырех итальянских дивизий, действовавших на приморском направлении[128]. За победу при Эль-Аламейне генерал-лейтенант Б. Монтгомери был произведен в полные генералы. 8 ноября началась операция «Торч». 8-я армия Б. Монтгомери, преследуя противника, двигалась навстречу десанту союзников. Утром 23 января 1943 г. ее передовые соединения вошли в Триполи. 13 мая 1943 г. после упорных боев итало-германская группировка капитулировала.

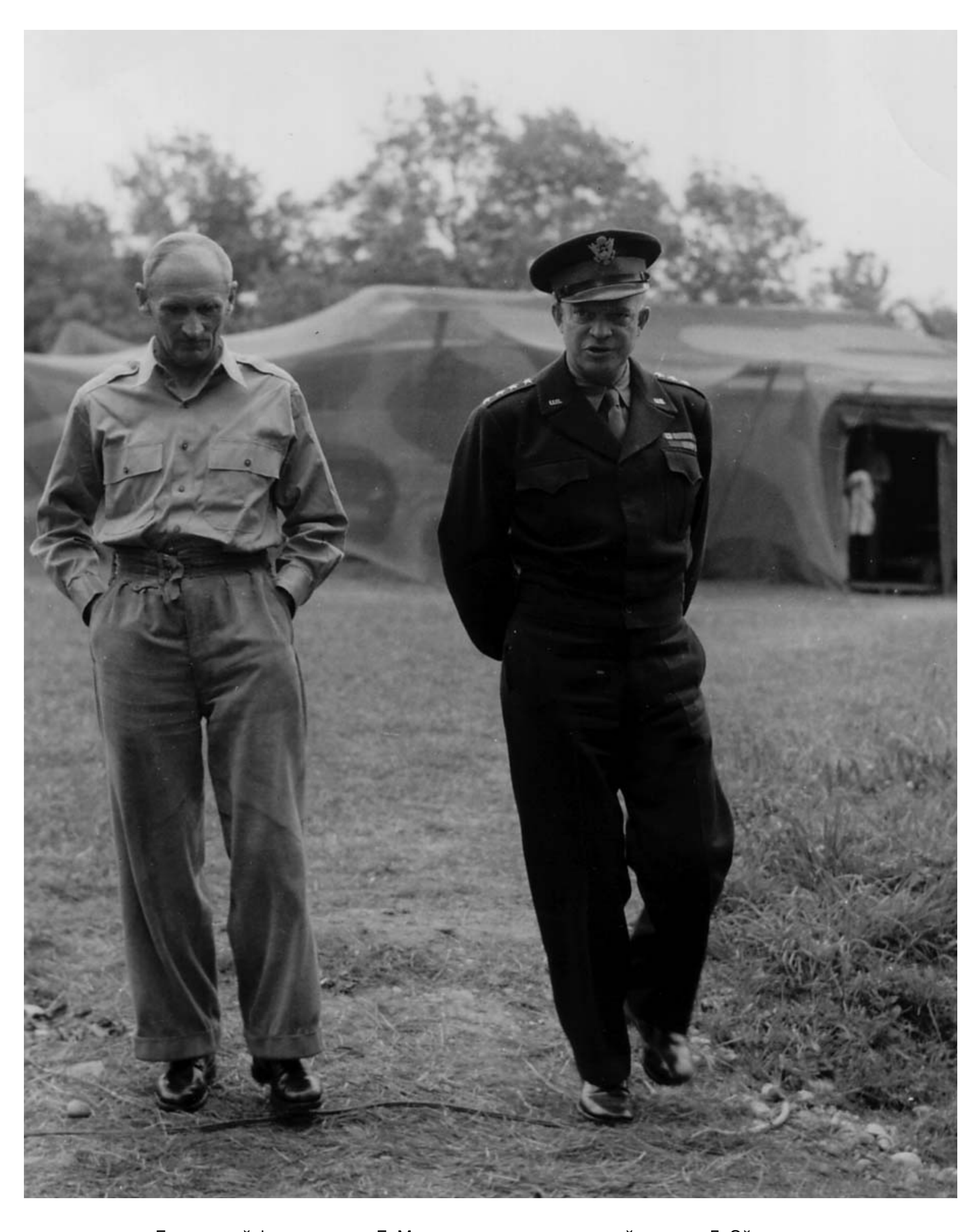
После Северной Африки, союзное командование сосредоточило основное внимание на усилении своих позиций в Средиземноморье. Приказ на подготовку операции «Эскимос» поступил в январе 1943 г. «Мы все знали, что намечается открытие второго фронта в Европе, переправа через Ла-Манш и высадка десанта. Возможно, Сицилии предстояло стать в некотором смысле репетицией более серьезной операции, которая начнется в 1944 году»[129], — отмечал Б. Монтгомери.

17 июня в Триполи прибыл король Англии Георг VI. 19 июня в палатке-столовой возле аэродрома Б. Монтгомери был посвящен в рыцари. Б. Монтгомери на некоторое время отбыл в Англию. Вернувшись в зону военных действий, он с головой погрузился в подготовку к Сицилийской десантной операции. «Мы высадились на Сицилии 10 июня, за два часа до рассвета... После пустыни солдатам 8-й армии Сицилия пришлась по душе. Разгар лета; на деревьях росли лимоны и апельсины; вина было в изобилии; девушки относились к ним приветливо. Правда, было очень жарко, и досаждали комары; они даже представляли собой угрозу, поскольку были малярийными. Наша медицина по части профилактических мер, необходимых в подобных условиях, оставляла желать лучшего; от малярии мы несли почти такие же потери, как от боевых действий»[130]. В скором времени военные действия были перенесены в материковую часть Италии.

Впоследствии, оценивая итальянскую кампанию в целом, Б. Монтгомери писал: «Основным недостатком было то, что мы начали большую кампанию, не имея заранее разработанного общего плана. Мы не подготовили заранее планов снабжения и мероприятий для поддержки боевых действий. В итоге административная машина не могла поспевать за все расширяющимися масштабами наших боевых действий»[131].

В разгар кампании, 24 декабря 1943 г., Б. Монтгомери получил приказ прибыть в Англию и сменить генерала Пейджета на должности командующего 21-й группой армий, предназначенной для участия в операции «Оверлорд». Сам план существовал лишь в общих чертах. Штаб 21-й группы армий располагался в школе Святого Павла в Западном Кенсингтоне. Именно отсюда начинался жизненный путь молодого Б. Монтгомери. Генерал Д. Эйзенхауэр, отправляясь в США для встречи с президентом Ф. Рузвельтом, попросил Б. Монтгомери быть его представителем в Лондоне и вплотную заняться уточнением деталей плана высадки на континент.

Командующий 21-й группой армий Б. Монтгомери одновременно был назначен главнокомандующим сухопутными силами десанта на континент. Прибыв в штаб группы армий, он собрал подчиненных генералов и командиров родов войск и, обрисовав им общую ситуацию, приступил к работе. М. Хастингс так описал этот момент: «Располагая определенными данными об операции «Оверлорд», полученными в ходе обсуждения ее проблем в Алжире с Эйзенхауэром, а также ознакомившись с мнением Черчилля по этим же проблемам, изложенным в специальной памятной записке, Монтгомери, когда офицеры закончили излагать свой план, вышел на трибуну и без особого труда в ходе своего 20-минутного выступления, которое стало известно как «Монти специал», пункт за пунктом разбил их доводы»[132]. Некоторое время спустя он провел серьезные кадровые перестановки в штабе группы армий и подчиненных ему войсках, выдвинув на высшие штабные и командные должности своих испытанных и проверенных в боях офицеров из 8-й армии[133]. Это вызвало сильное раздражение в военном ведомстве. Ему даже пришлось объясняться с военным министром Дж. Григгом. Проблемы возникали и во взаимоотношениях с американцами.

Британский фельдмаршал Б. Монтгомери и американский генерал Д. Эйзенхауэр
в штабе союзных войск во Франции

15 января Верховный главнокомандующий силами союзников на континенте генерал Д. Эйзенхауэр прибыл в Лондон. И хотя он 23 января официально принял предложения Б. Монтгомери, главным камнем преткновения по-прежнему оставались вопросы стратегии. Основные споры разгорелись вокруг проведения операции «Наковальня», переименованной впоследствии в операцию «Драгун», — высадка англо-французских войск в Южной Франции. Споры по поводу проведения операции тянулись до середины августа. Главная причина недовольства англичан заключалась в том, что проведение операции могло серьезно замедлить продвижение армий генерала Г. Александера в Италии и дать возможность русским первыми войти в Вену. Это было неприемлемо. Тем не менее операция «Драгун» началась строго по плану, 15 августа 1944 г. По мнению Б. Монтгомери, она являлась «одной из серьезных стратегических ошибок в той войне»[134].

В ходе операции «Оверлорд» войска, подчиненные Б. Монтгомери, не смогли продвинуться дальше г. Кан. Впоследствии командующий 21-й группой армий утверждал, что так и было задумано. «Безусловно, основная задача моей стратегии на западном фланге состояла в сосредоточении крупных бронетанковых сил на юго-востоке от Кана, в районе Бергебю, — писал Б. Монтгомери, — это давало нам возможность удержать основные бронетанковые силы немцев на восточном фланге и тем самым способствовать продвижению американцев на западе. Мы закрепились на этой высоте только после начала операции «Гудвуд» бронетанковыми подразделениями 2-й армии 18 июля. Как только танковая атака застопорилась из-за ожесточенного сопротивления противника, а также из-за того, что дожди превратили весь район в море грязи, я решил отказаться от этого наступления»[135].

Офицер вермахта Ханс фон Люк, непосредственно принимавший участие в тех событиях, вспоминал: «По состоянию на поздний вечер 19 июля становилось возможным подвести итоги и подсчитать, что удалось и чего не удалось сделать британцам: маленький береговой плацдарм расширился до 9 километров, был полностью занят Кан. Однако осуществить прорыв в направлении Фалеза не получилось. Монти впоследствии утверждал, что таких задач и не ставилось, что операция «Гудвуд» проводилась с целью связать боем немецкие танковые дивизии и таким образом облегчить американцам запланированный прорыв на западе... Помимо меня есть и другие люди, которые сомневаются в правдивости данной версии, и вот по каким причинам: 1) пленные канадцы показали, что незадолго до наступления Монти обратился к ним со следующими словами: «На Фалез, ребята! Будем наступать на Париж»; 2) у любого, кто знал Монти — знал его самолюбие — и дал себе труд проанализировать его операции в Северной Африке, не возникнет сомнений, что он рассчитывал на нечто большее, чем «связать боем немецкие танковые дивизии» и «расширить береговой плацдарм». Так или иначе, операция «Гудвуд» обошлась британцам примерно в 450 танков»[136].

Неудача в проведении операции «Гудвуд» нанесла непоправимый ущерб его репутации в глазах союзников. «Каковы бы ни были его надежды оставаться командующим над всеми сухопутными силами, с операцией «Гудвуд» они исчезли»[137], — считал генерал О. Брэдли. А. Теддер прямо говорил Д. Эйзенхауэру: «Ваши собственные люди подумают, что вы их продали англичанам, если вы будете продолжать поддерживать Монтгомери»[138]. Д. Эйзенхауэр сместил Б. Монтгомери с поста главнокомандующего сухопутными силами десанта, оставив за ним пост командующего 21-й группой армий. В Англии многие посчитали это едва ли не национальным унижением. У самого Б. Монтгомери подобное развитие событий вызвало глубокое разочарование и уныние. Разумеется, факт серьезных разногласий внутри союзного командования не афишировался.

1 сентября генерал Б. Монтгомери был произведен в чин фельдмаршала, а через три дня его войска заняли Антверпен. «Англичане, выйдя к Антверпену, оказались в 100 милях от того места, где Рейн вступает в Рурский бассейн — крупнейший промышленный район Германии. Если бы союзники захватили Рур, Гитлер не смог бы продолжать войну. Перед английскими войсками находился совершенно открытый участок фронта шириной 100 миль. У немцев здесь не было сил, чтобы закрыть эту брешь»[139], — писал Б. Г. Лиддел Гарт.

Чтобы использовать Антверпен в интересах союзников, необходимо было очистить от противника подступы к нему со стороны моря. Темпы наступления замедлились. В этот момент командующий 21-й группой армий выступил с весьма необычной инициативой. «Когда мы рассматривали различные аспекты этого вопроса, — вспоминал Д. Эйзенхауэр, — Монтгомери неожиданно выступил с предложением, что, если мы окажем поддержку его 21-й группе армий всеми наличными средствами снабжения, он сумеет ворваться прямо в Берлин и, как он сказал, закончить войну... Энтузиазм Монтгомери подогревался быстрым продвижением войск в течение предыдущих недель, и, будучи убежденным в полной деморализации противника, он решительно заявил, что единственное, в чем он нуждается, — это в соответствующем снабжении войск, чтобы идти прямо на Берлин»[140].

Британское военно-политическое руководство действительно искренне верило, что войну можно закончить в 1944 г., проведя одну стремительную операцию на рурском направлении. После долгих споров и консультаций решено было поддержать план Б. Монтгомери. Операция получила кодовое название «Маркет Гарден» («Огород»). За 55 дней наступления войска 21-й группы армий продвинулись на глубину от 45 до 90 км на фронте 200 км, вышли к р. Маас и овладели юго-западной частью Голландии[141]. При этом поставленные цели достигнуты не были. «Конечно, я испытывал большое разочарование, — писал Б. Монтгомери. — Я надеялся, что мы сумеем быстро закончить войну с Германией, спасти десятки тысяч жизней и принести облегчение народу Британии. Но этому не суждено было осуществиться»[142].

Но главное разочарование было в том, что бросок на Берлин становился невозможен в ближайшее время. «При надлежащем ведении всей операции мы бы не только скорее закончили войну, но и закончили бы ее в Европе при политическом раскладе, гораздо более благоприятном для установления скорого и прочного мира, чем тот, что мы получили на самом деле», — вспоминал впоследствии Б. Монтгомери[143].

Неудовлетворительное завершение Голландской операции имело и другие печальные последствия, едва не приведшие к катастрофе на западном ТВД: «Мы не продвигались к Рейну широким фронтом; мы продвигались к Рейну несколькими фронтами, причем не скоординированными между собой. И чем же ответили нам немцы? Одним сконцентрированным ударом в Арденнах, когда мы утратили равновесие сил и чрезмерно растянули фронт. Вот так нас и застали врасплох»[144].

После нанесения немцами удара в Арденнах Д. Эйзенхауэр вынужден был подчинить Б. Монтгомери все войска, расположенные к северу от участка прорыва, в том числе и обе американские армии — 1-ю и 9-ю. Уверенность Б. Монтгомери и его спокойствие оказали благотворное действие на войска, но эффект был бы большим, если бы он, как заметил один из английских офицеров, «не вступил в штаб Ходжеса, как Христос, пришедший очищать храм». Б. Монтгомери вызвал большое возмущение, когда впоследствии на пресс-конференции попытался создать впечатление, будто только его личное руководство сражением спасло американские войска от разгрома[145].

Вспоминая эту пресс-конференцию, Б. Монтгомери, ссылаясь на Ч. Уилмота, сетовал, что запись его пресс-конференции была перехвачена противником и ее смысл извращен. Впоследствии он написал: «Независимо от того, извратили сказанное мною или нет, теперь я считаю, что вообще не должен был давать эту пресс-конференцию. Поскольку часть американских генералов была настроена резко против меня, любое мое слово было обречено считаться ложью. Поэтому мне не следовало ничего говорить. Кроме того, что бы я ни сказал (а мои слова еще и исказили), в целом я производил впечатление очень уверенного в себе человека. В отличие от весьма подавленного американского командования, я мог показаться (особенно чувствительному человеку) этаким триумфатором — не столько над немцами, сколько над американцами. Это был совершенно неверный образ[146].

В это время на советско-германском фронте Красная армия начала крупное наступление, начало которого было перенесено на более ранний срок по просьбе У. Черчилля[147]. Как истинный британец Б. Монтгомери, в отличие от Д. Эйзенхауэра, думал не о победе вообще,

Британцы фельдмаршал Б. Монтгомери и подполковник Дж. Оливер переправляются на катере через Рейн

Командующие войсками СССР и союзников Г. К. Жуков, Д. Эйзенхауэр, Б. Монтгомери, де Латр де Тассиньи в Берлине

а о победе Великобритании и считал своим долгом обеспечить в первую очередь именно эту победу. Однако учитывая политику, проводимую Верховным главнокомандующим силами союзников на континенте Д. Эйзенхауэром, и успехи Красной армии на восточном фронте, последнее представлялось крайне проблематичным.

Вспоминая о последних днях войны, Б. Монтгомери писал: «Перейдя Рейн, мы устремились к Балтийскому морю. Я ставил своей целью добраться туда вовремя, чтобы успеть помешать русским войти в Данию и таким образом получить контроль над выходом из Балтийского моря. Чтобы ускорить продвижение, дивизии наступали по узким коридорам и на большую глубину; наши передовые бронетанковые части обходили участки сопротивления врага, а затем шедшие за танками войска атаковали их с флангов и с тыла... В конце концов, нам удалось обойти русских. Мы вышли к Балтийскому морю у Висмара и Любека 2 мая примерно за шесть часов до подхода русских и блокировали датский полуостров... Мне казалось, что приближавшиеся русские представляли куда большую опасность, чем побежденные немцы»[148].

4 мая в Люнебурге фельдмаршал Б. Монтгомери принял капитуляцию германских войск в Северо-Западной Европе. К этому времени Берлин пал, советские войска встретились на Эльбе с передовыми частями союзников. 5 мая 1945 г. фельдмаршал Б. Монтгомери был награжден высшим советским полководческим орденом Победы.

После войны Б. Монтгомери был главнокомандующим британскими оккупационными войсками в Германии, с 1946 по 1948 г. — начальником Имперского генерального штаба, с 1948 по 1951 г. — председателем Комитета главнокомандующих постоянного совета обороны Западного союза, с 1951 по 1958 г. — первым заместителем Верховного главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе. Осенью 1958 г. вышел в отставку. Кавалер всех высших орденов Британской империи.

Оценивая масштаб личности в исторической ретроспективе, следует признать, что фельдмаршал Б. Монтгомери был человеком крайне противоречивым и сложным. Он вызывал крайнюю степень раздражения не только у американцев, но и на Уайт-Холле. Покровительствующий ему начальник Имперского генерального штаба А. Брук признавал, что «Уинстон (Черчилль. — *Прим. ред.*) никогда не любил Монти; когда дела шли хорошо, он терпел его; когда дела шли плохо, он сразу же говорил «ваш Монти» и склонен был прислушиваться к жалобам американцев»[149].

Генерал О. Брэдли, воевавший бок о бок с Б. Монтгомери и резко его критиковавший в мемуарах, в то же время, сравнивая его с американским главнокомандующим, писал: «Даже Эйзенхауэр при всей его обаятельной непринужденности никогда не вызывал у американских солдат такого восторга, с каким встречали Монти его солдаты. Среди них он стал человеком поистине легендарным»[150]. Сам же Д. Эйзенхауэр впоследствии вспоминал: «Он причинил мне больше горечи и беспокойства, чем любой другой за всю войну[151].

Один из биографов Б. Монтгомери, военный корреспондент А. Мурхед писал об «очевидно присущем ему чванстве и непривлекательности», но затем добавлял, что «эти пороки, если они имели место, были потеснены добродетелью, которая, к сожалению, нередко отсутствовала у офицеров, пробивавшихся в высшие эшелоны командования: он ни перед кем не заискивал, его нельзя было лестью заставить быть послушным и следовать подсказкам, на него не производили впечатление ни демонстрация власти, ни скрытый смысл церемоний»[152]. М. Хастингс, характеризуя личность британского полководца, отмечал: «При всех опасных пересудах, бурливших в его тылу, Монтгомери сидел в своем хорошо замаскированном жилом автоприцепе на командном пункте, окруженный любимыми щенками и канарейками[153], и обдумывал ход сражения». И далее подчеркивал, что «обвинения против него заключаются в том, что в монастырском одиночестве своего командного пункта он слишком оторвался от политических и военно-политических реальностей, проявлял слишком большую готовность считаться лишь с чисто военными аспектами сражения»[154].

Однако последнее обвинение не совсем справедливо. Б. Монтгомери интересовали не только военные аспекты, но и политические. Его критика американского руководства была

продиктована именно политическими соображениями. В своих мемуарах он писал: «Американцы не могли понять, что стратегическая победа в войне мало что значила без победы политической; эта странная точка зрения стала причиной наших страданий, начавшихся после дня Победы и продолжающихся до сих пор. Война — это политический инструмент; как только становится ясно, что вы можете одержать победу, дальнейший ход военных действий должен определяться политическими соображениями. Осенью 1944 года я ясно понял, что принятый нами способ ведения дел приведет к последствиям, которые будут ощущаться еще долго после окончания войны; тогда мне казалось, что мы все «испоганим». Должен признать, что именно это мы и сделали»[155].

Он был типичным и в то же время лучшим представителем британской военной школы. Подведя итоги своим взлетам и падениям, поражениям и победам, вспоминая друзей и недругов, Б. Монтгомери признался: «Если бы мне пришлось начать все сначала, я не сделал бы другого выбора. Я снова стал бы солдатом»[156].

Шарль де Голль. Родился в 1890 г. в г. Лилль на севере Франции. Его отец — Анри де Голль, дворянин из обедневшего рода, преподавал французский язык и литературу, а также историю и философию в парижском колледже иезуитов. Мать Шарля — Жанна Майо происходила из буржуазной семьи лилльских текстильщиков и была ревностной католичкой. Своих пятерых детей (у Шарля были три брата и сестра) родители воспитывали в духе патриотизма и католицизма. В коллеже иезуитов, где преподавал его отец, Ш. де Голль получил прекрасное среднее образование с гуманитарным уклоном. Он очень хорошо знал французскую и зарубежную художественную и религиозную литературу, историю, владел древнегреческим, латынью и немецким языками.

Осенью 1909 г. Ш. де Голль поступил в знаменитое военное училище Сен-Сир, основанное Наполеоном в 1803 г. На 211 мест претендовали 700 человек, он прошел конкурс 119-м. Многочисленные военные дисциплины преподавались одновременно с историей, географией, топографией, правом, французской литературой, немецким языком, рисованием. Строевое дело сочеталось с усиленной общей физической подготовкой: фехтованием, гимнастикой, футболом, верховой ездой. Почти все свободное время Ш. де Голль проводил за чтением, самостоятельно продолжая свое гуманитарное образование. Большое влияние на мировоззрение будущего политика оказали его современники: мыслители Э. Бутру и А. Бергсон, писатель, военный по профессии, противник пацифизма и сторонник реванша Э. Пишари, а также писатель М. Баррес и поэт Ш. Пеги, творчество которых было пронизано ярко выраженным национализмом и патриотизмом.

В 1912 г. Ш. де Голль блестяще завершил учебу и был выпущен 13-м в звании младшего лейтенанта пехоты с прекрасной аттестацией: «Настоящий военный. Очень добросовестный и преданный своему делу. Командует спокойно и энергично. Будет великолепным офицером»[157]. В том же году он поступил на военную службу, отправился в г. Аррас и служил там два года в пехотных войсках под командованием будущего маршала Франции полковника Ф. Петэна.

Как только началась Первая мировая война, в августе 1914 г. Ш. де Голль отправился на фронт. Он храбро сражался, за участие в боях был произведен в капитаны, получил три ранения. Последний раз его тяжело ранили в рукопашной схватке под Верденом, причем сочли мертвым и оставили на поле боя. В результате он оказался в плену, откуда пять раз безуспешно пытался бежать. После последнего побега немцы заточили его в крепости Ингольштадт в Баварии. Там Ш. де Голль познакомился с молодым русским подпоручиком М. Тухачевским. Он сам поведал об этом через много лет, в апреле 1942 г. в Лондоне, когда беседовал с послом СССР при союзных правительствах в Великобритании А. Е. Богомоловым и охарактеризовал одного из французов как меньшевика. А. Е. Богомолов телеграфировал в Москву буквально следующее: «Слово «меньшевик» он сказал по-русски. Я удивился и спросил, откуда он знает русское слово. Де Голль ответил, что во время первой империалистической войны он был в германском плену вместе с русскими офицерами и долго жил в одной комнате с Тухачевским»[158].

Ш. де Голль смог вернуться на родину из заключения только после завершения военных действий в нояборе 1918 г. После возвращения из плена он продолжил военную карьеру. В 1920-е — начале 1930-х гг. он служил во Французской военной миссии в Польше, затем — в штабе вице-председателя Верховного военного совета маршала Ф. Петэна, потом командовал 19-м егерским полком в оккупированной Францией Рейнской области. В 1929–1931 гг. он продолжил свою службу во французских войсках в Ливане. У него был независимый характер, он всегда оставался принципиальным, выражал собственное мнение, что мешало его карьере. В 36 лет он получил только чин майора. Однако Ш. де Голль сильно отличался от других военных своей широкой образованностью и начитанностью. С молодых лет он много размышлял и писал. В 1924 г. вышла его первая книга «Раздор в стане врага», посвященная соотношению гражданской и военной властей в период Первой мировой войны. В 1932 г. увидела свет вторая книга — «На острие шпаги», написанная прекрасным литературным языком, в возвышенном стиле и посвященная роли личности и армии в истории. В ней автор вынес на суд читателя свои идеалы.

Только после возвращения из Ливана, в 1933 г., Ш. де Голль стал подполковником и начал службу в Высшем совете национальной обороны. Он получил задание разработать текст закона об организации служб во время войны. Подполковник быстро пришел к выводу, что официальная французская стратегия, одобренная высшими военными чинами страны, носила сугубо оборонительный характер. В ее основу было заложено строительство вдоль франко-германской границы фортификационной «линии Мажино». Сам Ш. де Голль считал, что стратегия Франции должна быть только наступательной, иначе она может привести к непоправимым последствиям.

Подполковник скрупулезно изучил труды современных военных, выдвигавших идеи по совершенствованию и применению боевой техники: работы французского генерала Этьена, английских генералов Фуллера и Лиддел Гарта, немецких генералов фон Секта и Гудериана. Ш. де Голль пришел к твердому выводу, что для действенного сопротивления противнику во Франции должна быть создана маневренная армия, «в состав которой входили бы отборные механизированные и бронетанковые войска и которая должна существовать наряду с соединениями, комплектуемыми на основе мобилизации»[159]. Он изложил свои взгляды в третьей книге «За профессиональную армию», выпущенной в Париже в 1934 г.

Однако к идеям Ш. де Голля на родине никто не счел нужным прислушаться. Он только нажил себе новых врагов, а некогда хорошие отношения с маршалом Ф. Петэном теперь, из-за разности взглядов на военную доктрину страны, стали почти враждебными. Правда, Ш. де Голль смог познакомиться с известным правым политиком П. Рейно, который взялся, хотя и безуспешно, пропагандировать идеи военного в парламенте Франции. В 1937 г. не без вмешательства П. Рейно Ш. де Голль, наконец, получил звание полковника и отправился командовать 507-м танковым полком в г. Мец.

В следующем году вышла четвертая книга Ш. де Голля — «Франция и ее армия». Она, по словам автора, была «моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к Родине накануне катастрофы»[160]. В книге полковник еще раз заявлял о необходимости скорейшего создания танковых войск и авиации, которым придавал решающее значение в будущей войне.

В самом начале Второй мировой войны, в сентябре 1939 г., Ш. де Голля назначили командующим танковыми войсками 5-й армии, стоявшей в Эльзасе. Немцы в это время были заняты на востоке, громили Польшу, а французы и англичане не брали на себя военной инициативы на западе. Ш. де Голль, прибыв на новое место назначения, столкнулся с полным бездействием французского военного руководства. Он был крайне обеспокоен таким положением вещей и решил в январе 1940 г. направить меморандум 80 видным политическим и военным деятелям Франции. В нем он писал о крайне опасном положении страны и необходимости принятия немедленных энергичных мер. «Не следует заблуждаться! — заявлял полковник. — Эта война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю»[161]. Никто опять не отреагировал.

Ш. де Голль

10 мая 1940 г. Германия начала массированное наступление на западном фронте, нанеся удар по Франции через территории Бельгии и Нидерландов и в районе г. Седан, где заканчивались укрепления «линии Мажино». 11 мая Ш. де Голль получил приказ принять командование только что сформированной из разрозненных частей 4-й бронетанковой дивизией. В своем дневнике полковник сразу записал: «10 мая началась война машин. На небе и на суше главное — это механизированная сила. Противник имеет над нами преимущество. Его успехи базируются на танковых дивизиях и штурмовой авиации. И ничего другого»[162]. Ценой невероятных усилий дивизии Ш. де Голля удалось остановить немецкое наступление и даже несколько продвинуться вперед в районе городка Абвиль. За проявленное мужество в конце мая полковник был произведен в бригадные генералы и отмечен в приказе по армии, который гласил: «Замечательный, смелый и инициативный руководитель. Атаковал сильно укрепленный мост к югу от Абвиля, сломил сопротивление немцев, продвинулся на 14 км в глубь неприятельских линий и захватил несколько сотен пленных и значительное военное имущество»[163].

В начале июня 1940 г. председатель кабинета министров Франции П. Рейно назначил Ш. де Голля заместителем военного министра. Бригадный генерал покинул фронт и приехал в Париж. Тем временем положение французской армии становилось безнадежным. Немцы быстро продвигались к Парижу и вступили в него 14 июня. Правительство Франции перебралось сначала в Тур, а затем в Бордо. П. Рейно возложил на Ш. де Голля миссию переговоров с премьер-министром Великобритании У. Черчиллем о его возможной помощи. В первой половине июня бригадный генерал дважды летал в Лондон. Он считал, что нужно во что бы то ни стало продолжать борьбу, и даже разработал план переброски французской армии в Африку. 14 июня он утверждал в записке, адресованной П. Рейно: «Я уверен, что, продолжая войну, сначала в метрополии, а затем на территории империи и наших союзников, мы сможем прийти, несмотря на страшные испытания, к конечной победе»[164].

Однако в правительстве Франции росло убеждение, что следует прекратить военные действия и передать власть маршалу Ф. Петэну — стороннику заключения перемирия с немцами. Именно это решение в итоге и было принято. Ш. де Голль узнал об этом 16 июня, после своего повторного возвращения из Лондона. Тогда он принял беспрецедентное решение о продолжении борьбы, даже если этого хочет только он один. 17 июня 1940 г. бригадный генерал вылетел на английском самолете в Лондон, встретился с У. Черчиллем и объявил ему, что возглавит сопротивление французов врагу.

Премьер-министр Великобритании одобрил такое решение и предоставил в распоряжение Ш. де Голля радиостанцию Би-Би-Си. 18 июня из тесной лондонской студии генерал произнес свою ставшую исторической речь к соотечественникам, в которой призывал французов не складывать оружия, а присоединиться к нему для дальнейшей борьбы. «Эта война не ограничивается многострадальной территорией нашей страны, — восклицал генерал. — Исход этой войны не решается битвой за Францию. Это мировая война... Я, генерал де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю всех французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут там оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопротивления не должно погаснуть и не погаснет. Завтра, как и сегодня, я буду выступать по радио Лондона»[165].

В британской столице Ш. де Голль основал организацию «Свободная Франция», призванную вести борьбу против фашистской Германии на стороне Великобритании. К лондонскому объединению постепенно начали присоединяться как военные, так и гражданские лица. В конце 1940 г. их было всего 7 тыс. человек, но менее чем за два года это число выросло в 10 раз. На родине генерала 22 июня 1940 г. маршал Ф. Петэн заключил перемирие с А. Гитлером, согласно которому Франция была поделена надвое. Ш. де Голля правительство Виши заочно приговорило к смертной казни за дезертирство и измену. Сам же генерал не признал новый кабинет законным и считал, что теперь он вправе выступать от имени Франции. 26 июня, после речи Ф. Петэна, в которой он оправдывал капитуляцию, Ш. де Голль ответил ему по лондонскому радио: «Господин маршал, нужно, чтобы в эти страшные часы позора и негодования, обрушившиеся на родину, кто-нибудь вам ответил. И вы услышите мой голос... Франция воспрянет. Она станет свободной и победит. В империи, в мире, здесь, в Лондоне, французские силы формируются и организовываются. Настанет день, когда наше вновь выкованное и отточенное оружие соединится с оружием наших союзников. И мы вернемся с триумфом на родную землю. Мы воссоздадим Францию»[166].

В первую очередь Ш. де Голль направил усилия на овладение французскими колониями. С помощью своих сторонников он начал там активную пропаганду в пользу продолжения войны и присоединения к «Свободной Франции». Администрация Северной Африки категорически отклонила такие предложения и осталась верной вишистскому правительству. Иначе дело обстояло с колониями Французской Экваториальной Африки. Уже в августе 1940 г. к Ш. де Голлю присоединился Чад, а через некоторое время на сторону генерала перешли Конго, Убанги-Шари, Габон и Камерун. О его признании заявили также несколько небольших владений Франции в Тихом океане. Это был первый большой успех. «Свободная Франция» получила собственную территориальную базу.

Нелегко складывались отношения Ш. де Голля с У. Черчиллем. Генерал полагал возможным и даже необходимым отстаивать французские интересы в мире. Английский же премьер заявлял, что «официальная» Франция сдалась на милость победителю, а Ш. де Голль — лишь «доброволец» у него на службе. Пользуясь этим, У. Черчилль стремился утвердить власть Великобритании в некоторых стратегически важных колониях Франции, например в Сирии и Ливане в середине 1941 г. Такая ситуация вызвала негодование Ш. де Голля и привела к длительному противостоянию с У. Черчиллем.

Сразу после начала Великой Отечественной войны Ш. де Голль выступил инициатором установления дипломатических отношений между «Свободной Францией» и СССР. Советская сторона отнеслась к этому благожелательно. 26 сентября 1941 г. посол СССР в Великобритании И. М. Майский вручил Ш. де Голлю официальный письменный ответ, гласивший:

Командир эскадрильи «Нормандия» Жан Тюлян и его фронтовой товарищ В. И. Дымченко

Французские летчики истребительного авиационного полка «Нормандия-Неман» разрабатывают план боевой операции

«От имени моего правительства имею честь уведомить Вас о том, что оно признает Вас как руководителя всех «свободных французов», где бы они ни находились, которые сплотились вокруг Вас, поддерживая дело союзников»[167]. Обе стороны приняли решение обменяться официальными представителями. В начале ноября 1941 г. в Англию направился А. Е. Богомолов в ранге Чрезвычайного Полномочного Посла СССР при союзных правительствах в Лондоне. В Москву же выехали назначенные Ш. де Голлем Р. Гарро, Р. Шмиттлен и военный представитель генерал Э. Пти.

После вступления в декабре 1941 г. в войну Соединенных Штатов глава «Свободной Франции» стремился добиться расположения президента США Ф. Рузвельта. Однако тот относился к Ш. де Голлю плохо и вообще считал, что «опрокинутая Франция не может больше приниматься в расчет»[168], тем более в лице опального бригадного генерала. В середине 1942 г. британское правительство без ведома Ш. де Голля высадило свои войска на контролируемом Виши острове Мадагаскар. Соединенные Штаты поддержали действия Англии. Помимо того, вашингтонская администрация подписала с Ф. Петэном договор об использовании американцами для своих военных баз острова Мартиника в Карибском море, остававшегося под контролем Виши. Глава «Свободной Франции» был крайне раздосадован. Он воспринял эти события как прямое посягательство со стороны союзников на французские территории и игнорирование интересов созданного на базе лондонской организации Французского национального комитета — прообраза, как надеялся Ш. де Голль, будущего французского правительства.

В столь серьезном конфликте с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем генерал искал поддержки своей позиции у СССР. Он обсудил ситуацию 24 мая 1942 г. с прибывшим в Лондон наркомом иностранных дел Советского Союза В. М. Молотовым. Во время личной встречи нарком ответил Ш. де Голлю, что «понимает трудности положения Национального комитета и выражает свое сочувствие Движению свободных французов и желание советского правительства оказать ему поддержку. В частности, это может относиться и к вопросу о Мартинике и Мадагаскаре»[169]. Начиная с лета 1942 г. Ш. де Голль и сам стремился побывать в СССР, чтобы встретиться с И. В. Сталиным и обсудить с ним лично вопросы двусторонних связей и международных отношений[170]. Однако Москва пока оставила инициативы главы «Свободной Франции» без ответа. Советский лидер, зная об отношении к Ш. де Голлю в Лондоне и Вашингтоне, не хотел из-за него иметь проблемы с союзниками.

Важную ставку в борьбе за собственное признание Ш. де Голль сделал на движение Сопротивления на территории Франции, которое к началу 1942 г. превратилось в действенную силу. Первую серьезную информацию о том, что происходило на родной земле, генерал получил от добровольно прибывшего к нему в Лондон будущего выдающегося деятеля французского Сопротивления Ж. Мулена. На этого человека Ш. де Голль возложил ответственную миссию — объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение лондонской организации. Саму ее в середине 1942 г. генерал переименовал в «Сражающуюся Францию». Постепенно различные группы Сопротивления стали склоняться к признанию Ш. де Голля как лидера продолжающей борьбу против фашизма Франции. Представители почти всех действовавших в подполье политических партий страны (правые, радикалы, социалисты) побывали у генерала в Лондоне. Агентам Ш. де Голля на территории оккупированной Франции удалось связаться и с действующими в условиях строжайшей конспирации коммунистами. Их представитель в самом начале 1943 г. также был переправлен к генералу в Лондон.

Большие испытания выпали на долю Ш. де Голля в конце 1942 — начале 1943 г. 8 ноября 1942 г. крупные военные англо-американские силы высадились на территории Алжира и Марокко. Вишистские войска после недолгого сопротивления сложили оружие. В ответ на это Германия оккупировала южную, «свободную» зону Франции и Тунис. Ш. де Голля о готовящейся операции даже не предупредили. Мало того, У. Черчилль и Ф. Рузвельт решили заменить амбициозного главу «Сражающейся Франции» на более сговорчивого и покладистого человека. Сначала американское командование провозгласило так называемым «верховным комиссаром» Северной Африки адмирала Ф. Дарлана, а после его убийства 24 декабря 1942 г.

Вручение председателем временного правительства Французской Республики генералом Ш. де Голлем французских орденов маршалу авиации Ф. Я. Фалалееву и группе генералов и офицеров Красной армии

на это место был назначен генерал армии А. Жиро, который получил титул «гражданского и военного главнокомандующего». В январе 1943 г. по настоянию англичан и американцев Ш. де Голль и А. Жиро встретились в Марокко на конференции под Касабланкой, на которой в связи с прочим обсуждался французский вопрос. Главе «Сражающейся Франции» было просто предложено подчиниться силам А. Жиро, но Ш. де Голль категорически отказался и вернулся в Лондон. Это вызвало резкое неудовольствие Ф. Рузвельта и У. Черчилля. Они настаивали, чтобы генерал прибыл в Алжир для продолжения переговоров, однако тот упорствовал. Тогда Ф. Рузвельт предложил отправить Ш. де Голля губернатором на Мадагаскар.

В этот трудный момент генерал снова обратил свой взор к Кремлю. 1 апреля 1943 г. он пришел в Лондоне к А. Е. Богомолову и заявил, что хочет приехать в СССР, чтобы повидаться с И. В. Сталиным[171]. Просьбу Ш. де Голля и на этот раз советская сторона оставила без внимания. Правда, в правительственных кругах Советского Союза явно сочувственно относились к главе «Сражающейся Франции». Еще 16 января 1943 г. И. М. Майский записал в своем дневнике: «Москва не хочет втягиваться в генеральские комбинации, не рекомендует делать никаких заявлений британскому правительству. Но де Голля предпочитает Жиро»[172].

Глава «Сражающейся Франции» смог выиграть в решающей схватке с англичанами и американцами. В мае 1943 г. он получил телеграмму от Ж. Мулена, в которой говорилось о том, что во Франции завершена подготовка к созданию единого Национального совета Сопротивления. В ней указывалось также, что «французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрейшего учреждения в Алжире временного правительства под председательством генерала де Голля»[173]. Так, получив круп-

ный козырь и представ перед общественным мнением в качестве национального лидера, пользующегося поддержкой движения Сопротивления, генерал 30 мая прибыл в Алжир.

В алжирской столице 3 июня 1943 г. был создан Французский комитет национального освобождения под председательством Ш. де Голля и А. Жиро. В августе он был признан одновременно США, Великобританией и СССР. Став во время войны опытным политиком, Ш. де Голль постепенно отстранил А. Жиро от дел и в ноябре стал единоличным председателем ФКНО. В это время произошло некоторое ухудшение отношений между Ш. де Голлем и СССР, причиной чему стала Тегеранская конференция, проходившая 28 ноября — 1 декабря 1943 г. Во-первых, Ш. де Голля на нее не пригласили, а он на это явно рассчитывал. Во-вторых, генерал остался недоволен ее результатами. Он считал, что по многим важным вопросам И. В. Сталин занял проамериканскую позицию. Войска ФКНО принимали участие во всех важнейших военных операциях союзников. В момент долгожданного открытия второго фронта, в начале июня 1944 г., ФКНО провозгласил себя временным правительством Французской Республики, и Ш. де Голль стал его председателем.

Осенью 1944 г., в период последних боев на территории Франции, глава ее правительства вновь поставил вопрос о своей поездке в СССР. Советская сторона отнеслась к этому благожелательно. Визит председателя временного правительства Франции в СССР состоялся в самом конце ноября — декабре 1944 г. В Европе шли ожесточенные бои, поэтому Ш. де Голль долго добирался до границ Советского Союза через Африку и Азию. Сначала он прибыл в Каир, затем в Тегеран, откуда советским военным самолетом прилетел в Баку. Из столицы Азербайджана, проехав поездом через Сталинград, генерал, наконец, прибыл в Москву. Он несколько раз встречался с И. В. Сталиным[174]. Переговоры шли тяжело, так как камнем преткновения стал польский вопрос. Генерал упорно не соглашался на настоятельное предложение советской стороны признать поддерживаемый СССР Польский комитет национального освобождения. В результате все-таки удалось найти компромиссное решение, и в ночь с 9 на 10 декабря 1944 г. Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи был подписан. Глава временного правительства Франции высоко оценил это событие.

По возвращении в Париж он полностью посвятил поездке в Москву выступление в Консультативной ассамблее. В своей речи Ш. де Голль, в частности, сказал: «Для Франции и России быть объединенными — значит быть сильными, быть разъединенными — значит находиться в опасности. Действительно, это непреложное условие с точки зрения географического положения, опыта и здравого смысла. Эта истина, вытекающая для народов из всего, что им пришлось пережить, господствовала на переговорах в Москве. Оба правительства на этой основе пришли к выводу о необходимости особого союза между СССР и Францией. Это, по мнению обеих сторон, основной этап победы, а завтра — безопасности»[175].

Под руководством Ш. де Голля в период временного режима правительство Франции восстановило демократические свободы, национализировало ряд отраслей промышленности, провело социально-экономические реформы и чистку государственно-административного аппарата от коллаборационистов. В январе 1946 г. глава кабинета, разойдясь во взглядах по основным внутриполитическим вопросам с представителями левых партий, добровольно оставил свой пост. В том же году во Франции была установлена Четвертая республика. Согласно Конституции 1946 г. реальная власть в стране принадлежала не сильному, независимому от партий президенту, как того желал Ш. де Голль, а Национальному собранию. В 1947 г. бывший глава временного правительства опять включился в политическую жизнь. Он основал организацию Объединение французского народа (РПФ), главной целью которой были провозглашены борьба за отмену Конституции 1946 г. и завоевание власти парламентским путем для установления нового режима в духе главной политической идеи генерала. Первоначально РПФ имело большой успех, однако добиться своей цели ему не удалось. В 1953 г. Ш. де Голль распустил объединение и вновь отошел от политики.

Он вернулся к власти в 1958 г. на волне алжирского мятежа и с июня по декабрь опять занимал пост председателя правительства. Под его непосредственным руководством была разработана Конституция 1958 г., которая сделала президента республики центральной фигу-

рой французской политики, расширив его прерогативы за счет парламента. В декабре 1958 г. коллегией выборщиков Ш. де Голль был избран первым президентом Пятой республики. Первоочередной задачей главы государства стало урегулирование алжирской проблемы. Генерал твердо проводил курс на самоопределение Алжира, несмотря на серьезнейшие препятствия: мятежи французской армии и ультраколониалистов в 1960 и 1961 гг., террористическую деятельность Вооруженной секретной организации, покушения на президента. В 1965 г. Ш. де Голль был переизбран на второй срок всеобщим голосованием.

Внешнюю политику генерал стремился осуществлять в русле своей идеи «национального величия» Франции. От США и Англии он требовал равноправия для своей страны в рамках НАТО. Не добившись успеха, президент в 1966 г. вывел Францию из военной организации Атлантического пакта. В отношениях с ФРГ Ш. де Голлю удалось достичь существенных результатов. В 1963 г. был подписан Франко-германский договор о сотрудничестве. Генерал был сторонником идеи «единой Европы». Он мыслил ее как «Европу отечеств», в которой каждая страна сохраняла бы свою политическую самостоятельность и национальную самобытность. Президент Франции одним из первых выдвинул идею разрядки международной напряженности, направив свою страну на путь сотрудничества с СССР, Китаем, странами третьего мира.

Внутренней политике Ш. де Голль не уделял столь же большого внимания, как внешней. События мая 1968 г. во Франции — массовые демонстрации и беспорядки, всеобщая забастовка — свидетельствовали о серьезном кризисе общества. Вскоре президент выдвинул проект о новом районировании Франции и реформе сената, который на референдуме в апреле 1969 г. не получил одобрения большинства французов. Сразу после этого генерал по собственной инициативе ушел в отставку и окончательно отдалился от политической деятельности. Он умер 9 ноября 1970 г. в Коломбэ-ле-дёз-Эглиз.

Послевоенное устройство на повестке дня

История Второй мировой войны — это не только ход и итоги крупнейших военных сражений, но и дипломатические усилия по планированию союзниками по антигитлеровской коалиции СССР, США и Великобританией основ послевоенного мира. Место в нем каждого из воюющих государств находилось в прямой зависимости от развития ситуации на основных театрах военных действий мировой войны, и прежде всего основного из них — советско-германского.

Если под стратегическим планированием во время войны иметь в виду прежде всего долговременные цели и задачи воюющих сторон, глобальные последствия, то инициатива принадлежала Советскому Союзу. Меньше чем через две недели после начала войны, 3 июля 1941 г., в обращении председателя ГКО И. В. Сталина к советскому народу были сформулированы коренные цели Советского Союза в Великой Отечественной войне, объединившие национальную всенародную борьбу против фашистского порабощения с миссией по освобождению всех народов Европы от ига фашизма.

Столь масштабное заявление, прозвучавшее из Москвы, поставило ее потенциальных союзников перед необходимостью сформулировать свое видение будущего. Для США это был непростой шаг, учитывая американский нейтралитет и нежелание в обозримой перспективе по собственной воле с ним расставаться. Но логика большой войны, ее усиливающийся антифашистский характер, возросшее влияние на политику общественных сил ставили перед англо-американскими партнерами задачу согласования и координации коренных целей в войне, как ранее это уже сделал Советский Союз. Неофициально свой выбор Вашингтон давно уже определил, оказывая поддержку Великобритании и не приемля фашизм как тоталитарную идеологию и смертельную угрозу своему национальному существованию.

Встреча советских войск с американо-английскими войсками на р. Эльба

Однако к участию в двусторонней англо-американской встрече на высшем уровне, состоявшейся в середине августа 1941 г. в бухте Арджентия на Ньюфаундленде и вошедшей в историю как Атлантическая конференция, не был приглашен Советский Союз. В глазах англичан и американцев на том этапе войны роль СССР казалась второстепенной и «отвлекающей», и его мнением в вопросах послевоенного мироустройства, вероятно, можно было пренебречь.

Это была первая из числа двусторонних встреч Ф. Рузвельта и У. Черчилля в годы войны. Именно тогда определились «особые отношения» между Вашингтоном и Лондоном, действующие и по сей день, в которых американская сторона начала играть роль первой скрипки. «Вторая мировая война стала последним гвоздем, вбитым в гроб экономической мощи Британии»[176]. Уже тогда, на борту крейсера «Огаста», где проходили переговоры двух лидеров, между ними обнаружились принципиальные разногласия в отношении будущего миропорядка. Если американцы стремились к основательной «ревизии» довоенной международной системы в свою пользу, то англичане выступали как твердые хранители статус-кво, что означало прежде всего сохранение и защиту ими своей колониальной империи и довоенной политической конфигурации в Европе. Президент был борцом с колониализмом, он заявил У. Черчиллю по поводу Индии: «Я не понимаю, как мы можем вести войну против фашистского рабства и в то же время не стремиться к освобождению людей во всем мире от оков отсталой колониальной политики»[177].

14 августа на конференции была принята Атлантическая хартия, отредактированная лично Ф. Рузвельтом и представляющая собой свод международно-правовых и общепацифистских принципов ведения войны и организации послевоенного мира. В ней, в частности, говорилось, что Англия и США не ставят цели территориальных или иных приобретений и захватов и не согласятся на какие-либо территориальные изменения, не согласованные со свободно выраженной волей народов. Также подчеркивалось, что стороны уважают право

всех народов избирать свою форму правления и стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем. Также провозглашалось право как больших, так и малых народов иметь доступ на «равных основаниях» к торговле и мировым источникам сырья в духе взятой американцами на вооружение еще в конце XIX в. доктрины «равных возможностей», «свободы торговли» и «открытых дверей». Это было приоритетной целью политики наращивания внешнеэкономической экспансии США. Для реализации поставленных задач нужно было одержать победу над сильным врагом, поэтому «окончательное уничтожение нацистской тирании» рассматривалось как важное условие утверждения в послевоенном мире основных свобод, включая свободу вероисповедания, собраний, освобождение людей от страха и нужды.

Англичане довольно болезненно восприняли усилия США использовать подписанный документ, чтобы потеснить Великобританию в зонах ее традиционного господства, прежде всего в английских колониях с их богатыми рынками и источниками сырья. Неслучайно У. Черчилль так настойчиво отстаивал режим «имперских торговых преференций» и добился внесения в хартию оговорки, что ее положения будут осуществляться с соблюдением существующих обязательств. «Англичане были больше заинтересованы в военных заявлениях и очень нервно реагировали на возможные последствия хартии для империи и ее системы закрытой торговли, но в тот момент Черчилль решил, что будет разумнее подчиниться желаниям Рузвельта»[178].

Советское руководство хорошо понимало, что движет авторами Атлантической хартии. При всех имеющихся между союзниками разногласиях послевоенный мир виделся им англо-американским, а СССР, как говорилось с понятным раздражением в одном из закрытых документов НКИД, была уготована роль «бесплатного приложения других держав»[179]. Это не могло не вызывать чувства негодования в руководстве СССР. Демонстративное отстранение СССР от участия в конференции едва ли можно было назвать примером политической мудрости и удачным началом консолидации коллективных сил на отпор агрессорам. Дело выглядело таким образом, что пока одни сражались, другие думали о дележе трофеев еще задолго до победы. В беседе с английским министром иностранных дел А. Иденом в декабре 1941 г. И. В. Сталин жестко расставил акценты: «Невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР»[180].

Советское правительство отказалось от участия в Межсоюзнической конференции в Лондоне, намеченной на 27 августа, хотя и не возражало по существу против положений хартии. Скорее, речь шла о том, чтобы с самого начала установить правильный тон в отношениях с союзниками и не допускать своей дискриминации, даже когда ситуация на фронте выглядела катастрофической. Однако руководствуясь интересами борьбы с фашизмом, советское правительство дало согласие принять участие в перенесенной на конец сентября Межсоюзнической конференции, чтобы вместе с другими странами, подвергнувшимися нацистской агрессии, поддержать Атлантическую хартию. Оглашенная на конференции Советская декларация актуализировала положения хартии и выражала позицию СССР в отношении целей в войне и послевоенного демократического мироустройства. В декларации заявлялось согласие с принципами Атлантической хартии, но при этом оговаривалось, что ее практическое воплощение в жизнь зависело от конкретных обстоятельств, нужд и исторических особенностей той или иной страны. В Москве не хотели связывать себе руки конкретными обязательствами, когда до победы было еще далеко, а дела на фронте оставляли желать лучшего.

С дипломатических событий в самом начале войны начался длинный путь союзников по антигитлеровской коалиции к победе и закреплению ее итогов в рамках новой системы международных отношений, заложившей основы послевоенного мира на десятилетия вперед. По мнению ряда отечественных и зарубежных авторов, Соединенные Штаты приступили к практическому планированию послевоенного мира вскоре после своего вступления во Вторую мировую войну в декабре 1941 г.[181]

Спустя долгие годы после окончания Второй мировой войны, когда и сменившая ее холодная война, и распад Советского Союза уже стали историей, с новой силой тиражируется мысль, что послевоенный мир явился «американским миром»[182]. Соединенным Штатам, уклонившимся от принятия на свои плечи основного груза войны и переложившим его на другие державы, прежде всего на СССР, удалось добиться впечатляющих дипломатических результатов, обеспечивших на многие годы вперед благополучие и процветание Америке и ее доминирующее положение на мировой арене благодаря выгодному геополитическому положению и активной внешней и военной политике. Архитектором этой политики являлся президент Ф. Рузвельт. На проницательного собеседника он, как правило, производил неизгладимое впечатление. Посетивший его еще перед войной министр финансов Германии Я. Шахт отмечал: «Без сомнения, это был превосходный политический игрок, человек большого ума, обладавший при всей своей откровенности определенной скрытностью»[183]. В политике Ф. Рузвельт придерживался золотого правила «не опережать события», поэтому на открытое обсуждение послевоенных планов США администрацией было наложено твердое табу. Как следствие, американская общественность до поры до времени кроме общих фраз из Атлантической хартии о борьбе сил свободы и демократии с силами зла и тирании не была информирована и оставалась в неведении в отношении глобальных замыслов Вашингтона.

Судя по многим признакам, полной ясности, кроме самых общих представлений об интересах Америки, не было и у самого президента. Его «великий замысел», как позднее назвали планы американского переустройства мира, покоился скорее на интуиции, чем на просчете возможностей и вариантов при определении вектора интересов правящей элиты США. Слишком много еще оставалось неизвестных величин. Война на время притупила и отложила разногласия между изоляционистами и интервенционистами, либералами и консерваторами в американской верхушке, но не могла их полностью устранить.

Характерной явилась реакция на выступление 8 мая 1942 г. вице-президента Г. Уоллеса, который провозгласил в традициях «нового курса» Ф. Рузвельта наступление «века простого человека» и призвал осуществить идеалы «народного мира». Помощник госсекретаря А. Берл так прокомментировал выступление вице-президента: «Мир, который описал Уоллес, потребует богов, чтобы управлять им. Я не знаю, как с этим обстоят дела у вас, но здесь, в Вашингтоне, ощущается явная нехватка архангелов»[184].

Американские политики, родившиеся в конце XIX в., были воспитаны на возведенных к тому времени в ранг государственной доктрины США идеях «предначертания судьбы», американской «исключительности» и «богоизбранности». Беседуя с сыном, президент сказал: «Соединенные Штаты должны будут взять на себя руководство... Мы сумеем играть такую роль, потому что мы велики и сильны, потому что у нас есть все, что нам нужно... Америка — единственная из великих держав, которая может закрепить мир во всем мире»[185].

Америка видела в войне прежде всего путь к достижению своих экономических целей. В Госдепартаменте, избегая вдаваться в детали, уклончиво говорили о создании «новой системы» или закладывании «основ обновленного международного порядка». Еще 18 мая 1941 г. в выступлении по радио государственный секретарь К. Хэлл говорил: «Ничуть не рано заложить по крайней мере некоторые принципы, которые будут руководить политикой по завершении войны, выдвинуть широкую программу мирового экономического восстановления и рассмотреть предварительные планы осуществления этой политики»[186].

Удар японцев по американскому флоту на Тихом океане спутал все карты американского руководства и вынудил Ф. Рузвельта объявить Японии войну. Но даже в «день позора», как окрестили в США 7 декабря 1941 г., Белый дом продолжал откладывать объявление войны главному союзнику Японии по Тройственному пакту — нацистской Германии, пока за американцев это не сделал сам А. Гитлер, за которым последовал и Б. Муссолини.

Официальное вступление Соединенных Штатов в войну сняло формальные препятствия для начала практического планирования послевоенного мира. В конце 1941 г. в Вашингтоне на широкой межведомственной основе был создан Консультативный комитет по послевоенной внешней политике, названный по имени своего исполнительного директора, сотруд-

ника Госдепартамента Г. Ноттера — «комитетом Ноттера». На него была возложена задача разработки основ послевоенного мира. Деятельность комитета была долгое время окутана покровом секретности, чтобы, как отмечал К. Хэлл, «сведения о наших послевоенных исследованиях не подорвали понимание общественностью того, что для достижения победы потребуется долгая и упорная борьба»[187].

Для СССР первая попытка затронуть вопросы послевоенного европейского территориального урегулирования в межсоюзнических отношениях закончилась безрезультатно. Определенный зондаж, проведенный во время визита А. Идена в Москву в середине декабря 1941 г., выявил на тот момент нежелание Лондона и Вашингтона признать за Советским Союзом его границы по состоянию на 22 июня 1941 г. Причем особенно деструктивно в тот момент выступил Госдепартамент США и лично госсекретарь К. Хэлл, который требовал от англичан «не идти на уступки русским» и предлагал сохранить этот «козырь» для оказания дипломатического давления на СССР в дальнейшем. Не удивительно, что А. Иден отказался подписать предложенный советской стороной протокол, предусматривавший признание Англией границ СССР 1941 г., прямо сославшись, как вспоминал И. М. Майский, на позицию Соединенных Штатов. Все попытки И. В. Сталина переубедить главу Форин-Офиса ни к чему не привели. «Нам очень важно знать, придется ли нам вести с Англией борьбу на мирной конференции из-за наших западных границ», — со скрытой угрозой в голосе завершил он беседу[188].

Англичане, и прежде всего лично У. Черчилль, занимали в этом вопросе столь же жесткую позицию по отношению к СССР, как и американцы. Оценивая итоги визита А. Идена в Москву и двухдневные переговоры с И. В. Сталиным, У. Черчилль категорически заявлял, что «не может быть и речи об установлении границ до мирной конференции. Мне известно, что президент Ф. Рузвельт так же твердо придерживается этой точки зрения, как и я, и он несколько раз высказывал мне свое удовлетворение по поводу твердой позиции, которую мы заняли по отношению к Москве». При этом У. Черчилль в вопросах, прямо затрагивающих интересы СССР, исходил из того, как следует из его инструкций от 8 января 1942 г. английскому министру иностранных дел А. Идену, что Советский Союз будет серьезно ослаблен к концу войны и окажется зависим от англо-американского блока[189].

1 января 1942 г. 26 государствами была подписана Декларация Объединенных Наций, текст которой был предложен англо-американской стороной после консультаций с советским правительством и с учетом внесенных им замечаний и поправок. Опыт размолвки с Москвой при подписании Атлантической хартии был учтен в Вашингтоне. Отражением действительного положения дел, сложившегося между объединившимися против фашизма государствами, стал порядок подписания декларации. На первое место среди участников антигитлеровской коалиции были поставлены СССР, США, Великобритания и Китай, а остальные страны перечислены в порядке английского алфавита.

Китайское правительство Чан Кайши оказалось в привилегированном положении в большей степени благодаря личной протекции президента Ф. Рузвельта, который связывал надежды на будущее для интересов США в Азии и на Тихом океане с гоминьдановским Китаем. Однако британское и советское правительства отнеслись к этому сдержанно. В декларации не была упомянута Франция под надуманным предлогом, что генерал Ш. де Голль представлял «движение», а не государство. На самом деле Вашингтон не мог простить ему его самостоятельность и преданность делу возрождения Франции, а также его твердую позицию по поводу французских островов Сан-Пьер и Микелон, на которые претендовали США, пользуясь возникшим безвластием во французских владениях и не ожидая получить отпор со стороны «свободных французов»[190].

Декларация, развивая положения Атлантической хартии, фиксировала обязательства подписавших ее государств и присоединившихся к ней позднее употребить все свои военные и экономические ресурсы в войне со странами Тройственного пакта и их сателлитами, а также активно взаимодействовать друг с другом и не заключать сепаратного мира или перемирия с врагами.

Ход войны четко фиксировал все взлеты и падения борьбы с фашизмом, масштабы, размах и интенсивность военных усилий отдельных государств. Если в Москве все внимание поглощала пока еще неопределенная ситуация на фронте, то в Вашингтоне все больше задумывались о плодах победы. Именно такое впечатление оставил визит наркома иностранных дел В. М. Молотова в Лондон и Вашингтон в мае — июне 1942 г., предпринятый с целью ускорить решение вопроса об открытии второго фронта союзниками в Европе. Обращало на себя внимание, что Госдепартамент в повестке дня переговоров даже не счел нужным упомянуть о втором фронте. Сам президент, словно не ведая, какая напряженная обстановка складывалась на советско-германском фронте к лету 1942 г., вел себя подчеркнуто расслабленно и умиротворенно, рассуждая о проблемах разоружения, безопасности, деколонизации, международной опеки, как будто победа союзников была очевидна.

За кулисами переговоров американская сторона продолжала вести себя непримиримо в отношении признания советской западной границы и сорвала включение этого принципиального вопроса в текст Советско-английского союзного договора от 26 мая 1942 г.[191] Тогда английская сторона в качестве компромисса предложила в проекте союзного договора признать границу СССР только в Прибалтике и воздержаться от ее полного утверждения, что было согласовано с американцами. Эта половинчатость не могла устроить советскую делегацию, и поэтому было решено устранить из текста проекта союзного договора пункт о границах.

Пока Советский Союз нес на своих плечах основную тяжесть борьбы с общим врагом, руководители США и Великобритании, срывая раз за разом свои обязательства об открытии второго фронта во Франции и выдавая за него второстепенные действия своих войск на других театрах военных действий, все глубже погружались в обсуждение послевоенных проблем.

К концу 1942 г., когда германский вермахт и его союзники потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом, Ф. Рузвельт пришел к выводу, что от «исследований» пришла пора двигаться дальше. Понимая, какое непростое дело ему предстоит, он спешил заручиться поддержкой союзников в мировом масштабе и, по возможности, учесть их позиции при реализации своего «великого замысла».

В ноябре, когда началось советское контрнаступление под Сталинградом, президент сообщил премьер-министру Южной Африки, с которым находился в дружеских отношениях, о своем желании переговорить с ним «по поводу подготовки планов в отношении победоносного мира, который, безусловно, придет». В следующем месяце он в течение нескольких часов обсуждал эту тему с премьер-министром Канады М. Кингом. В ежегодном послании конгрессу 7 января 1943 г. Ф. Рузвельт впервые остановился на вопросах послевоенного мироустройства. «Победа в этой войне, — заявил он, — наша первая и величайшая задача. Другая задача — победа в организации мира»[192].

По мере приближения конца войны отношение к ней как к политическому «предприятию» в уме президента еще более укрепилось. При этом Ф. Рузвельт не мог не учитывать неудачные для США итоги предыдущего мирного урегулирования — Версальско-Вашингтонского, явившегося лишь краткой передышкой перед новой мировой войной и не оправдавшего надежд американской элиты на передел мира в свою пользу. Д. Эйзенхауэр вспоминал о своей беседе с Ф. Рузвельтом на конференции в Касабланке: «Хотя он признавал серьезность военных проблем, стоящих перед союзниками, большинство его замечаний касалось отдаленного будущего, задач послевоенного времени, включая положение колоний и зависимых территорий»[193].

После Сталинграда, лишившего нацистскую Германию шансов на победу в войне, Ф. Рузвельт почувствовал все большую необходимость обсудить послевоенные планы с главным союзником — СССР и предпринял в этих целях сложные дипломатические маневры, чтобы организовать двустороннюю встречу с И. В. Сталиным. Но она не состоялась. Ф. Рузвельт ограничился «изучением» послевоенных проблем в обществе более покладистых англичан. В марте 1943 г. в Вашингтон с трехнедельным визитом прибыл глава английской дипломатии А. Иден для предварительного обсуждения послевоенных проблем с американскими руководителями.

В Москве, конечно, были хорошо осведомлены о том, что все больше и больше волновало западных союзников. Зная о предстоящих переговорах в Вашингтоне и, не принимая в них участия, советское правительство сочло необходимым довести до сведения союзников свою точку зрения по существу некоторых вопросов, затрагивающих интересы СССР. В порядке предостережения была высказана надежда, что участники переговоров не свяжут себя обязательствами в отношении деталей послевоенного урегулирования. При этом указывалось, что советская западная граница, как она сложилась перед нападением нацистской Германии на СССР, является окончательной. Говорилось о желании Советского Союза иметь в лице соседей — Польши, Финляндии и Румынии — «дружественные государства».

В то же время планы англичан о создании «европейских федераций», призванные восстановить довоенную драматургию, отвергались в Москве как попытки возрождения антисоветского «санитарного кордона», чем они в действительности и были. Характерно, что в Москве осторожничали по поводу дальневосточных проблем и не спешили раскрывать свои планы в этой связи, избегая возбуждать подозрения японцев, хотя Ф. Рузвельт и добивался ясности в этом вопросе.

Главное место входе англо-американских переговоров заняла судьба Германии, поражение которой в войне Ф. Рузвельту уже казалось предрешенным. Он хорошо помнил, какими социальными потрясениями для Германии и всей Европы закончилась предыдущая мировая война, и не хотел повторения подобных событий еще в более широких масштабах, тем более что с востока надвигалась «революционная» советская мощь. Надо было избежать новой революционной бури и нейтрализовать СССР. Задача казалась почти невыполнимой. Участвовавший в переговорах Г. Гопкинс вспоминал: «Я сказал, что, если только мы не будем действовать быстро и наверняка, может произойти одно из двух: либо Германия станет коммунистической, либо там наступит полная анархия; что фактически то же самое может произойти в любом европейском государстве, а также в Италии»[194].

Президент немедленно поддержал своего ближайшего помощника и согласился с тем, что дело будет обстоять куда проще, если в момент краха Германии «серьезные силы английских и американских войск» будут находиться в Европе. Это был серьезный сигнал У. Черчиллю, что с его «балканской стратегией» пора кончать, хотя до практического решения вопроса о втором фронте было еще далеко. Наступал момент, когда военные и политические вопросы сливались в единое целое. Стороны легко согласились и с необходимостью расчленения Германии на ряд слабых и нежизнеспособных государств, что, по их мнению, помогло бы избежать «революционного взрыва». А. Иден в своей телеграмме У. Черчиллю сообщал, что он сам «в целом высказался за идею расчленения, поскольку вы неоднократно высказывались при мне в ее поддержку»[195].

Если обсуждение европейских проблем в Вашингтоне прошло сравнительно гладко, и его, в принципе, отличал согласованный подход перед лицом Советского Союза, то в отношении будущих глобальных геополитических перемен на карте мира между западными союзниками такого единства не наблюдалось. Англичанам ясно давали понять, кто в семье был новым хозяином.

Накануне приезда А. Идена в Вашингтон Ф. Рузвельт одобрил подготовленный в стенах Госдепартамента меморандум о «международном контроле» над зависимыми народами и территориями и вручил его экземпляр главе британского МИДа, хотя из общения с У. Черчиллем хорошо знал о негативном отношении англичан к американской затее[196].

Особое место в озвученных Ф. Рузвельтом послевоенных планах США занимал раздираемый гражданской войной и иностранной интервенцией Китай, который явился первым крупным направлением внешней экспансии США с конца XIX в. и провозглашения доктрины «открытых дверей». США стремились занять там место других держав-конкурентов, прежде всего Японии. Американское руководство делало ставку на гоминьдановский режим и, чтобы продемонстрировать свою лояльность, 11 января 1943 г. заключило с ним договор об отказе от экстерриториальных прав, навязанных Китаю в предыдущем веке под давлением англи-

чан. А. Иден сообщал премьер-министру по итогам переговоров в Вашингтоне: «Президент говорил о необходимости объединить Китай с другими державами при решении мировых проблем. Я не проявил энтузиазма, но президент считает Китай по меньшей мере потенциальной мировой державой. Он полагает, что анархия в Китае была бы столь серьезным бедствием, что Чан Кайши надлежит оказать всемерную поддержку»[197].

Вместе с тем, зная о традиционных страхах англичан в отношении «русской экспансии» в Азии и в связи с этим их длительным кооперировании с японцами, Ф. Рузвельт попытался соблазнить англичан перспективой создания нового баланса сил на Дальнем Востоке взамен разрушенного войной. Китаю предназначалась в нем ключевая роль, и президент с жаром убеждал А. Идена, что при любом серьезном столкновении с Россией Китай будет «на нашей стороне». Англичанину эта логика была близка и понятна, поэтому, вернувшись в Лондон, министр доложил военному кабинету, что Соединенные Штаты, «вероятно, рассматривают Китай в качестве возможного противовеса России на Дальнем Востоке»[198].

В своих послевоенных планах Ф. Рузвельт придавал огромное значение созданию под эгидой США международной организации, которая должна была стать центральным звеном новой системы мировой взаимозависимости. Вопрос заключался в том, будет ли это узкий круг из главных союзных держав, ответственных за судьбы мира, или более широкая структура, где каждая «маленькая птичка», по словам У. Черчилля, могла петь своим голосом. В Москве внимательно следили за событиями, но не определялись на этот счет.

С деятельностью этой новой международной организации связывалось решение многих политических и экономических проблем в интересах США в ослабленном войной мире. Ф. Рузвельт, в конце концов, убедил А. Идена принять американское предложение. 30 марта на пресс-конференции в Белом доме, состоявшейся, как было принято во время войны в целях безопасности уже после отъезда английского гостя, Ф. Рузвельт сообщил о прошедших переговорах, отмечая их предварительный, «исследовательский» характер, и заявив, что он надеется провести подобные переговоры с русскими. Наиболее активная часть американской элиты, которую уже начинал волновать вопрос, не собирается ли президент «выиграть войну и проиграть мир», на время успокоилась. Американцы явно брали дело мирного урегулирования крепко в свои руки.

Это не означало, что Ф. Рузвельт недооценивал трудности обсуждения послевоенных проблем с И. В. Сталиным, человеком, который оставался для него большой загадкой, как, впрочем, и его государство, столь непохожее на США, которое он возглавлял и с которым волею событий Соединенные Штаты оказались в одной коалиции. Тем более, как следовало из событий на восточном фронте, влияние этого государства стремительно росло по мере отражения нацистской агрессии, что серьезно корректировало американские планы. Тактика ведения войны «малой кровью» теперь оборачивалась против американцев. Как учил опыт мировой истории, условия мира мог продиктовать сильнейший из победителей.

Отношение США к Советскому Союзу в годы Второй мировой войны претерпело сложную эволюцию — от сомнений в его способности выстоять под ударами военной машины нацистской Германии до преувеличенных оценок намерений И. В. Сталина реализовать плоды победы к своей выгоде и в ущерб Западу. А. Иден вспоминал о своих переговорах в Вашингтоне: «Главный вопрос, который не выходил из головы Рузвельта, касался того, было ли возможно сработаться с Россией сейчас и после войны. Он хотел знать, что я думаю по поводу мнения, согласно которому целью Сталина являлся захват и подчинение коммунизму континента»[199].

Несмотря на то что в администрации Ф. Рузвельта был создан «комитет Ноттера», ясности в главном вопросе — какой будет политика Советского Союза, основной силы в войне, — не было. Многие в Вашингтоне по инерции продолжали относиться к Советскому Союзу как к «временному попутчику», пути которого с США разойдутся в дальнейшем. Известный американский дипломат Ч. Болен отмечал, что глава русской секции Госдепартамента Л. Гендерсон и «специалисты разделяли мнение, что, хотя Советский Союз был теперь союзником, с ним следовало держать ухо востро, потому что его конечные цели сталкивались с целями

Соединенных Штатов»[200]. Ф. Рузвельт держал многих из них на расстоянии, не ожидая с их стороны чего-то нового и конструктивного.

Президент прислушивался к мнению некоторых американских военных, занятых стратегическим планированием, которые не могли не оценить по достоинству силу и мощь Советского Союза, остановившего и повернувшего вспять гитлеровскую агрессию и тем самым изменившего ход всей Второй мировой войны. Примером нового взгляда на перспективную политику в отношении Советского Союза служила докладная записка президенту от 1 декабря 1942 г., подготовленная генералом Бэрнсом. В ней говорилось, что Россия нужна США не только как военный союзник для разгрома Германии и Японии, но и как «подлинный друг» и деловой клиент в послевоенном мире. В отличие от других служебных документов, посвященных частным вопросам, записку генерал Бэрнса отличал комплексный, концептуальный подход. Ее автор, выходя за рамки военных вопросов, увязывал их с экономическими, указывая на целесообразность предоставления СССР «существенных кредитов на благоприятных условиях» для финансирования его послевоенного восстановления. Несколько туманно говорилось и о важности удовлетворения законных чаяний русских в ходе мирного урегулирования[201].

Одна часть подчиненных убеждала Ф. Рузвельта, что революционная природа советской власти остается прежней. Другая, чьи взгляды были ему ближе, верила в возможность «исторического компромисса» с Москвой после всех тягот и страданий кровопролитной войны. Важно было определить рамки этого компромисса. Ф. Рузвельт был убежден, что всегда можно договориться со здравомыслящим партнером, стоило только проявить необходимую гибкость и выдержку. Интерпретируя эти мысли президента, А. Гарриман, направленный в СССР в качестве нового американского посла, писал: «Прежде всего он надеялся, что близость между нами, порожденная войной, могла и должна была стать основой послевоенного сотрудничества. Он полагал, что ужасные разрушения огромных районов России потребуют больших усилий по восстановлению, и был готов предоставить щедрую американскую помощь. Он видел, что Россия была осаждена и изолирована западными державами перед войной как в Лиге Наций, так и за ее стенами. Он был преисполнен решимости путем установления тесных личных отношений со Сталиным в годы войны вселить уверенность в кремлевских лидеров, что Россия — ныне признанная крупнейшая держава — могла доверять Западу»[202].

В основе послевоенного проекта Ф. Рузвельта по переустройству мира лежал геополитический подход. В отношениях с Москвой многое зависело от того, какой подход возобладает в советском руководстве — классовый, идеологический либо деловой, прагматический, или амальгама того и другого. Ф. Рузвельт еще до своей личной встречи с главой советского правительства несколько самоуверенно считал, что «он, как и Сталин, являются реалистами», — как передавал в Москву содержание беседы в Белом доме 11 апреля 1942 г. советник посольства СССР в Вашингтоне А. А. Громыко[203].

Антиколониальная риторика Ф. Рузвельта, особенно по поводу Индии, вызывала приступы негодования у английской консервативной элиты[204]. Объективно интересы США и СССР в известной степени и до определенного предела совпадали в отношении «старого колониализма». С момента своего создания Советское государство последовательно выступало против всех форм колониального и расового угнетения. Если в отношениях с Англией это вызывало острые трения на межгосударственном уровне, то с американцами, наоборот, до поры до времени сближало при всем различии конечных целей двух главных союзников. Неслучайно на встречах большой тройки И. В. Сталин одобрительно воспринимал американские планы «опеки» над зависимыми народами и открыто упивался тем, как Ф. Рузвельт со свойственным ему остроумием высмеивал «неисправимого колонизатора» У. Черчилля.

Анализ послевоенных планов Ф. Рузвельта показывает, что президент, на словах большой противник раздела мира на сферы влияния, на деле был не так далек от планов создания некоего фантастического советско-американского альянса за счет интересов побежденных и ослабленных войной стран, где США надеялись играть руководящую роль при поддержке со стороны Советского Союза. Посетивший Белый дом в сентябре 1943 г. кардинал Спеллман

после беседы с президентом удивленно записал: «Он надеется, что вслед за вынужденной дружбой (с Советским Союзом. — *Прим. ред.*) вполне может последовать настоящая и прочная дружба»[205].

К тому времени, когда война подошла к своему пику, в межсоюзнических отношениях обозначился серьезнейший кризис между военными и политическими вопросами. Советское руководство твердо давало понять, что без решения вопроса о втором фронте в Европе дальнейшее движение вперед невозможно. Первым это осознал президент Ф. Рузвельт.

Большая тройка усиленно готовилась к своей встрече. Чтобы иметь уверенность в ее результатах, было решено провести предварительные консультации министров иностранных дел СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1943 г. В преддверии их Ф. Рузвельт явно стремился заинтересовать Москву выгодами будущего сотрудничества с Соединенными Штатами. С этой целью в Москву был направлен глава Управления военного производства США Д. Нельсон. За несколько дней до начала конференции он был принят И. В. Сталиным, который внимательно выслушал гостя. Основной темой беседы стал вопрос об экономическом сотрудничестве США и СССР после войны. С американской стороны указывалось, что в Советском Союзе имеются значительные запасы сырья, которые потребуются после войны Соединенным Штатам, а в обмен на них СССР мог бы получить американские товары. В ходе обмена мнениями с советской стороны была высказана заинтересованность в поставках из США промышленного оборудования и некоторых товаров[206].

В представленных союзниками предложениях по повестке дня предстоящей конференции вопрос о втором фронте отсутствовал. 4 октября Ф. Рузвельт поспешил сообщить в Москву, что не имел возражений против обсуждения на конференции вопроса второго фронта, хотя и высказался против принятия каких-либо решений в этой связи. Назначенный главой американской делегации госсекретарь К. Хэлл в своих мемуарах отмечал: «Ясно было, что для того чтобы склонить И. В. Сталина к соглашению с нами о политических решениях, нам надо было сначала дать ему полное заверение в вопросе о военной стратегии»[207]. Сделать это намеревался сам президент при своей личной встрече с И. В. Сталиным.

Американская дипломатия использовала конференцию для выдвижения широкой программы международного экономического сотрудничества, в которой видное место отводилось Советскому Союзу. Американская программа была представлена в ряде документов, объединенных общей рубрикой в повестке дня «Экономические вопросы реконструкции». Формально в них шла речь об участии США в восстановлении опустошенных войной стран, оказании им помощи в послевоенном развитии продовольствием, промышленными товарами, оборудованием. Ключевой документ программы по вопросам международного экономического сотрудничества подразумевал принятие принципов «открытых дверей», «свободы торговли», «равных возможностей», которые должны были облегчить задачу американской экспансии в ослабленном войной мире. Особое место отводилось созданию международного стабилизационного валютного фонда, призванного закрепить положение доллара в качестве основной резервной валюты в мировой финансовой системе.

На конференции была предпринята энергичная попытка привлечь к осуществлению американских планов Советский Союз обещаниями послевоенного сотрудничества с ним. В американском предложении по пункту повестки дня «Сотрудничество в возмещении нанесенного СССР военного ущерба» говорилось: «После того как обременительные требования войны к производственным мощностям Соединенных Штатов прекратятся, наша производственная мощность будет достаточно велика, чтобы позволить нам играть существенную роль в вопросах восстановления и реконструкции в СССР»[208]. Советская делегация согласилась начать предварительные переговоры по этому вопросу между НКИД и посольством США в Москве. Одновременно было указано на узость американских предложений и заявлено о необходимости включить в вопрос о возмещении ущерба, причиненного войной Советскому Союзу, выплату репараций со стороны Германии и ее союзников.

Надо признать, что увлеченная глобальными замыслами американская делегация вела себя на конференции достаточно осторожно в вопросах, непосредственно затрагивающих

интересы безопасности СССР. Этого нельзя было сказать об англичанах, которые на конференции настойчиво вели дело к восстановлению в Европе довоенного статус-кво. Поэтому советская делегация решительно воспротивилась английским планам воссоздания былого «санитарного кордона» под видом «восточноевропейских федераций», отвергла настояния А. Идена повременить с заключением советско-чехословацкого договора и прочее.

Избегая крайностей английской позиции и проявляя более взвешенный подход, американская дипломатия в то же время не собиралась уходить от европейских дел и на том этапе безоговорочно признать интересы Советского Союза. Она по-прежнему откладывала решение вопроса о признании советской западной границы до «всеобщего урегулирования», хотя хорошо знала, какое значение придавали этому в Москве.

На конференции был рассмотрен проект Декларации о всеобщей безопасности, предусматривавший создание будущей Организации Объединенных Наций. Советское руководство пошло на уступки делегации США, согласившись с участием в подписании декларации представителя Китая. Среди подписанных участниками конференции документов значились декларации об Италии и Австрии, об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства. Была создана Европейская консультативная комиссия, призванная рассматривать вопросы, связанные с окончанием военных действий в Европе. Эти решения оказали значительное воздействие как на дальнейший ход войны, так и на создание основ послевоенного мира. Участники конференции подчеркнули важность «продолжить теперешнее тесное сотрудничество, установленное для ведения войны, на период, который последует за окончанием военных действий»[209].

Московская конференция не оставила сомнений, что союзники, прежде всего американцы, были близки к тому, чтобы отбросить колебания и осуществить высадку во Франции. Подтверждением этого был особо секретный протокол, подписанный 1 ноября 1943 г. Лучшей гарантией его соблюдения к этому времени являлись уже не письменные обязательства, а наступление Красной армии, которое наводило на мысль, что усилия англо-американцев в Европе могут и не понадобиться. Явная озабоченность союзников планами послевоенного урегулирования ускорила выдвижение советским правительством широкой программы грядущего мироустройства.

Еще в январе 1943 г. журнал «Большевик» опубликовал примечательную статью «Ленин о сущности войны», которая не осталась незамеченной союзниками. В статье говорилось: «Политика и война — взаимодействующие, но неравнозначные факторы; первенство все время остается за политикой»[210]. В Кремле предупреждали, что не только Запад, но и Советский Союз вел войну ради конкретных политических целей и интересов. Эти цели были изложены в докладе И. В. Сталина 6 ноября 1943 г. по случаю 26-й годовщины Октябрьской революции и предполагали реализацию следующих задач: освобождение народов Европы от фашистских захватчиков и оказание им содействия в воссоздании своих национальных государств; предоставление освобожденным народам полного права и свободы самим решать вопрос о государственном устройстве; принятие мер к тому, чтобы все фашистские преступники — виновники войны понесли суровое наказание за совершенные ими злодеяния; установление такого порядка, который бы полностью исключил возможность новой агрессии со стороны Германии; установление длительного экономического, политического и культурного сотрудничества народов, основанного на взаимном доверии и взаимной помощи между ними в целях восстановления разрушенного оккупантами хозяйства и культуры.

Именно в это время в Москве было принято решение о роспуске Коминтерна, известной «реабилитации» религии, что ясно говорило об определенной смене вех в советской внешней политике, уточнении ее приоритетов и охлаждении интереса к «мировой коммунистической революции», а также о стремлении предпринять отдельные шаги навстречу озабоченностям западных союзников, с которыми предстояло выстраивать послевоенный мир.

Еще перед Московской конференцией, в сентябре постановлением СНК было поручено создать под эгидой НКИД ряд специальных комиссий с целью разработки конкретных предложений по осуществлению перехода от войны к миру. Комиссиям предстояло обобщить и согла-

совать большой объем документов, разработанных НКИД и другими советскими ведомствами, и представить соответствующие рекомендации для политического руководства СССР. Эти рекомендации ориентировали на жесткое отстаивание интересов СССР на переговорах с западными союзниками по послевоенному урегулированию, но не на конфронтацию с ними или целенаправленное насаждение социалистических порядков в освобожденных странах. Из них определенно следовало, что советское правительство во главу угла ставило задачи закрепления итогов войны, прежде всего территориальных, восстановления страны и в этих целях исходило из важности сотрудничества с США и Великобританией на послевоенный период[211].

Тема послевоенного мироустройства затрагивалась по инициативе американцев на первой встрече руководителей трех союзных держав И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 г.[212] Советская делегация в Тегеране получила достаточно полное представление о позиции Соединенных Штатов и Великобритании по некоторым послевоенным проблемам. По ряду ключевых политических вопросов позиции СССР и США были близки или совпадали: создание международной организации, деколонизация, учреждение механизма опеки или попечительства, разоружение побежденных государств, коллективная безопасность, предотвращение новой агрессии и прочее. В то же время стороны разошлись в отношении будущего Германии. Советская сторона не поддержала американские планы ее расчленения и возвращения к «добисмарковским» временам, выдвигавшиеся К. Хэллом еще на Московской конференции министров иностранных дел, считая, что этот вопрос нуждается в более глубоком изучении.

Обозначились также реальные контуры развития делового сотрудничества между СССР и США в послевоенное время на взаимовыгодной основе. Американская сторона придавала этому вопросу большое значение в качестве рычага воздействия на СССР. Об участии США в восстановлении советской экономики шла речь между президентом, Г. Гопкинсом и А. Гарриманом во время почти семичасового перелета из Каира в Тегеран. Ф. Рузвельт привлек внимание посла к важности этого вопроса и поручил не упускать его из виду.

Примечательно, что свою первую беседу с главой советского правительства в Тегеране 28 ноября президент начал именно с обсуждения этих перспективных вопросов, предложив передать Советскому Союзу после войны часть американского торгового флота. Его собеседник ответил, что «Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов». Ф. Рузвельт на это заявил, что американцам потребуется большое количество сырья, поэтому он думает, что между двумя странами будут существовать тесные торговые связи. И. В. Сталин заметил: «Если американцы будут поставлять нам оборудование, то мы им сможем поставлять сырье»[213].

Сложнее обстояло дело с вопросами, затрагивающими интересы безопасности СССР. Американская позиция при обсуждении их в Тегеране оставалась двусмысленной, если не сказать недружественной Советскому Союзу. Президент хорошо понимал, что США будут вынуждены уступить, но рассчитывал как следует поторговаться. Похоже, выложив на стол конференции «козырь» второго фронта, он спешил обзавестись новым. Отсюда и попытки Ф. Рузвельта в беседе с главой советской делегации поставить под сомнение обоснованность советской западной границы, взять под защиту эмигрантские круги, враждебно настроенные к СССР, и прочее. Разумеется, энтузиазма с советской стороны эта часть переговоров не вызвала и лишь настроила на необходимость продолжать твердо отстаивать свои интересы по мере успехов Красной армии на фронте.

Принципиальное значение по мере приближения войны к финалу приобретал вопрос трактовки сторонами собственных интересов и готовности идти навстречу друг другу ценой взаимных уступок и компромиссов. Союзники понимали, что ситуация в освобожденных странах Европы, прежде всего Восточной, носила противоречивый и взрывоопасный характер и могла осложнить межсоюзнические отношения, а поэтому искали пути к сглаживанию противоречий.

Инициативу взял на себя У. Черчилль, когда в октябре 1944 г. совершил визит в Москву. Предполагая, о чем может идти речь, Ф. Рузвельт предусмотрительно дистанцировался от

этого визита и расценил его как сугубо предварительный перед новой встречей большой тройки. При этом по подсказке Г. Гопкинса президент на всякий случай напомнил своим партнерам, что не было такого вопроса в этой войне, который бы не интересовал США как «глобальную державу». Отметим, это был первый случай, когда американцы открыто заявили о своих глобальных претензиях.

У. Черчилль попытался выступить в Москве с предложением о «сферах влияния» в освобожденных странах Восточной Европы. Хранящиеся в советских архивах записи бесед У. Черчилля и А. Идена с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым дают основания судить, что советские руководители, в традициях европейской силовой политики склонные мыслить конкретными категориями, в целом восприняли благосклонно идеи британского премьера, вполне вероятно, видя в этом практическую возможность избежать конфликтов с союзниками. У. Черчилль, страстный обличитель довоенного сговора И. В. Сталина и А. Гитлера, сам предстал как инициатор новой сделки за спиной народов. В то же время сам факт обсуждения такой сделки, какими бы резонами это не мотивировалось, не красил советских руководителей. Может быть, поэтому реакция И. В. Сталина была в чем-то двусмысленной или, что называется, согласием «по умолчанию», что дало повод для прямо противоположных интерпретаций с той поры его позиции как зарубежными, так и отечественными историками[214].

По инициативе Вашингтона летом 1944 г. была созвана конференция в Бреттон-Вудсе, к участию в которой был приглашен и Советский Союз. На конференции были заложены основы послевоенной международной экономической системы при верховенстве доллара в качестве мировой резервной валюты, действующей и по сей день. Возглавлявший английскую делегацию знаменитый экономист Джон Мейнард Кейнс, успешно отстаивавший интересы своей страны еще на Версальской конференции, не мог понять, что времена изменились. Он упорно настаивал перед британским правительством не позволять американцам использовать войну «как возможность выколоть глаза Британской империи» и жаловался, что МИД был слишком расположен уступать американскому нажиму. «Если окажется, что умиротворять некого, то Форин-Офис окажется безработным», — возмущенно говорил он, проводя параллели с довоенной политикой Н. Чемберлена[215].

Глобализм Ф. Рузвельта, его представление о США как об атлантической и тихоокеанской державе, трезвая оценка им конкретной военно-политической ситуации в Европе, сложившейся к концу войны, настраивали его на примирительный лад в отношениях с Советским Союзом с учетом его интересов в европейских делах. У. Черчилль мог допускать отдельные рискованные шаги, но, в конце концов, уступал авторитету старшего партнера.

Этот настрой на послевоенное сотрудничество продемонстрировала Крымская (Ялтинская) конференция руководителей трех союзных держав, состоявшаяся 4–11 февраля 1945 г.[216] Близость победы над нацистской Германией до минимума свела военные вопросы в повестке дня. Основное внимание участников конференции было посвящено перспективным послевоенным темам как в Европе, так и на Дальнем Востоке. Можно сказать, что это была первая в мировой истории конференция на высшем уровне, решавшая глобальные проблемы мироустройства.

Советское правительство придавало большое значение предстоящей конференции прежде всего с точки зрения закрепления сотрудничества трех держав в вопросах послевоенного мира. Свою главную задачу оно видело в том, чтобы надежно гарантировать послевоенную безопасность, не допустить новой агрессии, найти справедливое решение германской проблемы. Наряду с этим было важно закрепить интересы безопасности Советского государства как территориальные, так и политические, добиться решения репарационной проблемы. За победу была заплачена слишком высокая цена, чтобы довольствоваться восстановлением лишь довоенного статус-кво. Наконец, речь шла и о том, чтобы помочь в организации послевоенной жизни европейским народам, освобожденным от фашистской оккупации.

Судя по имеющимся документам, на том этапе руководство СССР оперировало расплывчатой формулой установления «дружественных правительств» освобожденных государств. Это прежде всего означало недопущение возрождения в Восточной Европе довоенного

«санитарного кордона», но и не предполагало тиражирование советской общественной модели в ее экспортном варианте, и предусматривало развитие добрососедских отношений со странами, волею трагических обстоятельств и близорукой политики своих правителей втянутых в водоворот войны.

Что касается США и Великобритании, то их цели в преддверии конференции определялись сложным переплетением своих интересов и достаточно трезвой оценкой собственных возможностей в конце войны. Некоторые исследователи отмечают, что у Ф. Рузвельта были две крупные цели: окончательно добиться советских обязательств о вступлении в войну на Дальнем Востоке и получить от И. В. Сталина согласие на создание Организации Объединенных Наций. Среди главных задач У. Черчилля было сохранение Британской империи «наряду с обеспечением устойчивого баланса сил на Европейском континенте путем возрождения Франции и Германии в качестве мощного противовеса Советскому Союзу»[217].

Главное место на конференции, как и ожидалось, заняли политические вопросы послевоенного урегулирования, прежде всего германская проблема. Участники конференции подписались под заявлением, в котором говорилось о необходимости уничтожения германского милитаризма и нацизма и создании гарантий, что Германия никогда не станет угрозой для мира. На основе рекомендаций Европейской консультативной комиссии был окончательно решен вопрос о зонах оккупации Германии. Франции была выделена зона из британской и американской частей, а также предоставлено право быть членом Контрольного совета по Германии.

Была достигнута договоренность о признании западных границ СССР, которые теперь, не в пример 1941 или 1943 гг., находились далеко в тылу советских войск[218]. Сомнения в правильности принятых решений не оставляли и президента Ф. Рузвельта, в окружении которого некоторые считали, что «Сталину отдали слишком много». Когда близкий к президенту адмирал У. Леги высказался, что формула в отношении Польши являлась слишком «эластичной», Ф. Рузвельт раздраженно отреагировал: «Я знаю, но это самое большое, что я могу сделать для Польши в настоящее время»[219].

В связи с окончательным решением Советского Союза вступить в войну с Японией через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе участниками конференции было подписано соответствующее соглашение с перечнем ряда условий, имеющих значение для СССР и России на десятилетия вперед. Оно предусматривало восстановление принадлежащих СССР территориальных прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов, передачу ему Курильских островов и решение ряда других важных территориальных вопросов.

На Ялтинской конференции был окончательно согласован комплекс вопросов, открывших дорогу для создания Организации Объединенных Наций, прежде всего о процедуре голосования в Совете безопасности. Американская дипломатия вынуждена была отойти от своей позиции в вопросе о голосовании, подрывавшей принцип единогласия великих держав. Для И. В. Сталина, хорошо помнившего, чем закончилось перед войной пребывание Советского Союза в Лиге Наций, право вето являлось гарантией интересов СССР. Ф. Рузвельта удалось убедить, что отсутствие права вето в определенной ситуации могло обернуться против интересов Соединенных Штатов и вызвать возражения в конгрессе.

Как и следовало ожидать, наибольшие споры разгорелись по вопросам политического устройства освобожденных европейских государств. Западные державы после некоторого замешательства откровенно выступали за реставрацию довоенных режимов. СССР делал ставку на антифашистский подъем и настаивал на предоставлении европейским народам права самим решать свою судьбу, что в той конкретной ситуации, если бы стало возможно ее естественное развитие, открывало дорогу приходу к власти левых сил. В Декларации об освобожденной Европе было зафиксировано принципиальное положение, гласившее: «Установление порядка в Европе и переустройство национальной экономической жизни должно быть достигнуто таким путем, который позволит освобожденным народам унич-

тожить последние следы нацизма и фашизма и создать демократические учреждения по их собственному выбору»[220].

Центральное место при обсуждении ситуации в Восточной Европе занимал польский вопрос. В результате проявленной союзниками коллективной политической воли компромисс был найден. Достигнутая договоренность в отношении Польши гласила, что действующее временное польское правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Вопрос о репарациях был передан в Московскую комиссию по репарациям.

Оценивая происходившие весной и летом 1945 г. судьбоносные для мира события, многие историки и политологи считают, что отношения между СССР и США с Великобританией «споткнулись» из-за ситуации в странах Восточной Европы. Эта тема стала подниматься с весны 1945 г. в закрытых американских документах сразу же после прихода в Белый дом нового президента. Открыто претензии к Москве по этому поводу были заявлены на Потсдамской конференции летом 1945 г.[221] Тем самым был подан сигнал, что с политикой Ф. Рузвельта покончено и западные партнеры не собирались мириться с установлением в Восточной Европе советской сферы влияния.

По-разному можно интерпретировать конец войны и наступление долгожданного мира. Для одних это была «весна победы», для других — сумерки «великой коалиции», для третьих — начало «американского века». Становилось ясно, что ставка на изменение мировых противоречий в результате победы над фашизмом оказалась слишком смелой, преждевременной и оторванной от жизни. Мир на годы вперед возвращался к довоенному межсистемному противостоянию с поправкой на вызванный войной новый расклад сил между основными игроками, что позднее назвали биполярной системой.

Америка чувствовала себя уверенной в своих силах и способной самостоятельно осуществить свое глобальное лидерство. В Вашингтоне заметно возрос интерес к будущему Европы по мере осознания важности ее послевоенной консолидации на антикоммунистической основе перед лицом Советского Союза. США не собирались отказываться от доминирования в Старом Свете во имя туманных глобальных интересов. До поры до времени размах новых американских амбиций сдерживала советская военная мощь, стоявшая в центре Европы, и важность ее привлечения к предстоящей схватке с японцами. Безуспешные попытки нового президента США надавить на СССР сменялись примирительными жестами и шагами ему навстречу, как продемонстрировала Потсдамская конференция. Стратегическая ситуация кардинально изменилась, когда на американской стороне появился принципиально новый фактор силовой политики — ядерное оружие. Это был бесспорный большой успех Соединенных Штатов в начинающейся конфронтации с СССР. Правда, успех временный.

И. В. Сталин оказался перед трудным выбором, к которому при всем обилии имеющейся информации он был не готов, и приходилось приспосабливаться на ходу. Возникала новая внешнеполитическая реальность, угрожавшая советским планам послевоенного восстановления и интересам его безопасности. Обозначилась перспектива нового противостояния с Западом, необходимость наращивания военных расходов.

От союзнических отношений к конфронтации

История не знает примеров коалиций, в которых межсоюзнические отношения были бы лишены проблем и противоречий. Хотя любые международные объединения, включая военно-политические союзы, создаются для достижения совместных целей, это не предполагает полного совпадения интересов их участников. Очевидно, что каждая из сторон строит собственные планы, в большей или в меньшей степени отличающиеся от общих, и это объективно способствует возникновению различных конфликтных ситуаций. При этом всё

дело в причинах, характере, глубине и масштабах этих конфликтов, а также их последствиях. Иногда случается так, что вчерашние союзники превращаются в непримиримых противников.

Антигитлеровская коалиция стала в этом смысле не только уникальным, но и парадоксальным историческим феноменом. С одной стороны, именно она явилась важнейшим фактором победы над фашизмом, с другой — союзнические отношения между ее основными участниками изначально содержали в себе конфликтное начало, а уничтожение общего врага не только исчерпало сотрудничество, но и реанимировало существовавшие прежде проблемы и взаимные претензии, придав им к тому же новое качество. В итоге мир вступил в эпоху холодной войны, на несколько десятилетий определившую основные пути развития человечества и едва не погубившую его в ядерном пожаре.

Вторая мировая война привела к рождению военно-политического союза, в который вошли идеологические и политические антиподы. Для противодействия всеобщей угрозе, которую являл собой фашизм, объединились многие страны при ведущей роли Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании. В годы борьбы с блоком государств-агрессоров многим казалось, что в отношениях СССР и Запада наступила новая эра. Однако это было не так: вынужденный союз не смог разрешить старые геополитические и мировоззренческие противоречия, он лишь законсервировал их на время и породил новые.

Антигитлеровская коалиция, ставшая примером эффективного, хотя и кратковременного сотрудничества столь различных государств, изначально была противоречивым образованием. Ее политические лидеры ясно понимали это. В канун начала Великой Отечественной войны, 21 июня 1941 г., У. Черчилль, отвечая своему секретарю Д. Колвиллу на вопрос — не будет ли сотрудничество с СССР отступлением от антикоммунистической позиции премьера? — откровенно заметил: «Нисколько. У меня лишь одна цель — уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я, по меньшей мере, благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин»[222]. На следующий день, выступая с радиообращением к нации в связи с нападением Германии на Советский Союз, британский премьер сознательно допустил ряд резких высказываний в адрес будущего союзника. В частности, он заявил: «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма»[223], тем самым проведя параллель между агрессором и его жертвой. Антисоветизм английского лидера не стоило бы лишний раз подчеркивать, если бы это обстоятельство не оказывало постоянного влияния на отношения внутри коалиции.

Разумеется, И. В. Сталин понимал, что союз с Великобританией и США являлся своего рода «браком по расчету». Вскоре после окончания Великой Отечественной войны он заявил: «Великий альянс появился только на основе одного факта — наличия общего врага — Адольфа Гитлера». Собственно, вся предвоенная политика И. В. Сталина имела одной из основных целей исключить рождение англо-германского альянса, вполне возможного по геополитическому, этнонациональному, классовому и другим принципам. Блок западных демократий с А. Гитлером означал бы почти гарантированную гибель Советской России, и ради того, чтобы избежать этой опасности, И. В. Сталин был готов на любые риски. В этом и состоит одно из главных объяснений странной лишь на первый взгляд пассивности СССР в последние предвоенные недели. Именно с этих позиций надо рассматривать и советско-германские соглашения 1939 г., и заявление ТАСС от 14 июня 1941 г., и нежелание дать немцам хоть какой-либо повод для агрессии.

С другой стороны, выбор Ф. Рузвельта и У. Черчилля в пользу антигитлеровской, а не антисталинской коалиции также был предопределен всей логикой обстоятельств того времени, пониманием, пусть и запоздалым, той опасности, которую представлял для мира фашизм. Американское правительство вслед за У. Черчиллем публично заявило, что Соединенные Штаты окажут поддержку тем странам и силам, которые будут бороться против фашистской агрессии. Помощь была обещана и Советскому Союзу, хотя даже о подобии симпатии к нашей стране со стороны правящих кругов США не могло быть и речи.

При всем понимании англичанами и американцами того, что борьба СССР против нацистской Германии являет собой важнейший фактор желаемой победы, их отношение к

Советскому Союзу на протяжении всей войны оставалось двойственным. Великобритания и США не торопились посылать свои войска на Европейский континент и не хотели быстрого поражения Германии, ибо в таком случае главные плоды победы достались бы СССР. Нежелательным считался и вариант быстрого военного разгрома Советского Союза. Наиболее приемлемым виделся такой путь союзничества, «который позволил бы русским как можно дольше сохранять способность вести борьбу». Поэтому неслучайно, что центральной проблемой межсоюзнических отношений стал вопрос о втором фронте в Европе, чье открытие последовательно переносилось с 1942 на 1943 г., а затем на 1944 г. Программа ленд-лиза, с американской точки зрения, также помогала выиграть время и минимизировать собственные потери при максимальной политической выгоде.

В целом, западный подход к межсоюзническим отношениям содержал в себе изрядную долю жесткого и даже жестокого прагматизма. Президент Ф. Рузвельт так характеризовал этот подход: «Китайцы убивают японцев, а русские убивают немцев. Мы должны помогать им продолжать свое дело до тех пор, пока наши собственные армии и флот не будут готовы выступить на помощь... В данный момент основные игроки — это русские, китайцы и, в меньшей степени, англичане. Нам предназначена роль игроков, которые вступят в игру в решающий момент»[224]. Невозможно подсчитать, сколько человеческих жизней было бы сохранено в случае исполнения США и Великобританией данных ими обязательств открыть второй фронт в согласованные сроки. Однако очевидно, что приоритет эгоистических интересов над коалиционными способствовал не только затягиванию войны, но и увеличению ее жертв.

После завершения Сталинградской битвы стало ясно, что ход войны изменился. В определенных кругах на Западе это вызвало серьезную обеспокоенность. Еще в октябре 1942 г., на пике этого поворотного сражения Великой Отечественной войны, У. Черчилль, выступая перед кабинетом министров, так оценивал перспективы развития военно-политической ситуации: «Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе как прародительнице современных наций и цивилизаций. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств»[225].

С конца 1943 г., уже после советской победы под Курском, в англо-американской политике окончательно оформились и получили развитие две взаимосвязанные тенденции: не допустить русских в Западную Европу и вывести из войны Германию и ее европейских сателлитов с наименьшими издержками. По мнению американского историка Дж. Маккарти, основанном на анализе обширной базы документальных источников, именно тогда отношение правящих кругов Запада к союзу с СССР кардинальным образом изменилось. Аналогичную позицию высказал американский советолог У. Ростоу в своей книге «Соединенные Штаты на мировой арене». По его утверждению, «начало холодной войны обозначилось отчетливо, уже когда стало ясно, что Сталинград не будет взят немцами»[226]. Неслучайно в американских средствах массовой информации того периода все более заметной стала тенденция к критике «слишком затянувшегося союза с Россией», усилились призывы «преградить путь наступающим русским войскам на рубеже «линии Керзона».

В это же время в Управлении стратегических служб США приступили к разработке вариантов политики США и Великобритании в новых условиях, которые могли сложиться в Европе и на Дальнем Востоке после поражения Германии и Японии. Так, 20 августа 1943 г. Объединенный англо-американский комитет начальников штабов рассмотрел возможные перспективы на случай, если Германия быстро потеряет способность продолжать сопротивление. Было высказано мнение о возможности договориться с немцами по поводу беспрепятственного вступления англо-американских войск на территорию рейха и создания там оборонительных рубежей[227]. На Квебекской конференции руководителей западных союзников в августе 1943 г. военные участники переговоров Дж. Маршалл, Г. Арнольд, У. Леги, Э. Кинг (США), А. Брук (Великобритания) также пытались прогнозировать, «не помогут» ли немцы вступлению англо-американских войск в Германию, «чтобы дать отпор русским»[228].

Наступательные операции советских войск, проведенные в 1943 г., заместитель военно-морского министра США Дж. Форрестол оценил как потенциальную угрозу западному

миру со стороны СССР, «которая вычеркивает из политического лексикона понятие безопасность»[229]. В военном ведомстве США приступили к разработке документов, связанных с планированием возможной войны уже против Советского Союза. В итоге президенту Ф. Рузвельту был представлен меморандум № 121, подготовленный Комитетом начальников штабов и получивший наименование «Стратегия и политика». В нем впервые был поставлен вопрос о подготовке к войне «в обратную сторону» — против СССР и о возможности использования в такой войне вооруженных сил Германии.

В 1944 г. давление антисоветских кругов на правительство США с целью ограничить масштабы сотрудничества с СССР заметно усилилось. 10 января сенатор А. Вандерберг выступил с речью, в которой говорил о возникновении «советской военной угрозы». Другой влиятельный политик — Дж. Даллес открыто призвал «стереть Советский Союз с географической карты»[230]. В начале весны Комитет начальников штабов провел всесторонний анализ соотношения сил в Европе на случай войны с СССР. Вывод, впрочем, был пессимистичен: «Разница в военных силах, которые Советы смогут выставить на континенте, будет в нынешних условиях велика... Мы не можем нанести поражение России». Военные эксперты советовали подождать до лета 1944 г., когда, по их расчетам, Советский Союз исчерпает свои наступательные ресурсы.

Роль военной силы СССР в войне таким образом оказалась двоякой. С одной стороны, она играла исключительно важную роль в сокрушении фашистского блока и была необходима Западу для победы над Японией, с другой — США и Великобританию все более беспокоила военная мощь их восточного союзника, тем более что воспринимать его на равных они не были готовы. Это обстоятельство оказало выраженное влияние на изменение самого характера союзнических отношений.

Тот факт, что в канун и первые месяцы войны разведывательные структуры западных стран, как и аналогичные службы нацистской Германии, ошибочно оценили военно-экономические возможности Советского Союза и его способности к сопротивлению агрессии, только усиливал опасения по поводу его действительного потенциала. Известно, что не только немецкий Генеральный штаб, но и англо-американские военные аналитики отводили «социалистическому колоссу на глиняных ногах» после 22 июня не более трех-четырех месяцев жизни, что, в частности, стало одной из причин небольших объемов поставок по ленд-лизу в первый, самый трудный год войны. Впоследствии сам факт этой ошибки оказал негативное влияние на формирование западной политики. В известном смысле СССР не могли простить того, что он устоял под страшным ударом А. Гитлера и тем самым поломал всю многоходовую геополитическую стратегию. Оказалось также, что в военном отношении Советский Союз способен на многое, и в каком положении он окажется к концу войны — это еще вопрос.

Советская военная мощь, столь ярко продемонстрированная во втором и третьем периодах Великой Отечественной войны, воспринималась западными союзниками СССР уже как нежелательный фактор мировой политики и вследствие этого как объект пристального анализа. В мае 1944 г. в докладе Объединенного комитета начальников штабов США государственному секретарю К. Хэллу отмечалось: «Если учесть все военные факторы — источники помощи, людские резервы, географическое положение и в особенности наши способности перебросить свои силы через океан и применить их на континенте, — то мы могли бы успешно защитить Великобританию, но не смогли бы победить Россию. Другими словами, втянулись бы в войну, которую мы не в состоянии выиграть»[231].

В другом докладе, датируемом августом 1944 г., подчеркивалось: «Первоклассными военными державами после поражения Японии останутся только Соединенные Штаты и Советский Союз. Это объясняется сочетанием таких факторов, как их географическое положение, размеры и громадный военный потенциал. Хотя США могут направить свою военную мощь во многие отдаленные районы мира, тем не менее относительная мощь и географическое положение этих двух держав не позволяют одной из них нанести военное поражение другой, даже в союзе с Британской империей»[232].

Новые военные победы СССР привели к еще большей активизации антисоветских сил на Западе. В открытой печати стали появляться статьи с предсказаниями скорой войны с Советским Союзом. В частности, бывший посол США в Москве У. Буллит выразил в журнале «Лайф» пожелание, чтобы война с Россией «произошла как можно скорее»[233]. Справедливости ради надо отметить, что до определенного времени сторонники конфронтации с СССР оставались в явном меньшинстве, хотя их деятельность и нельзя назвать безрезультатной. Однако по мере приближения победы над германским блоком ситуация все отчетливее менялась к худшему.

Появились и признаки финансово-экономической дискриминации СССР. В феврале 1944 г. посол США в Москве А. Гарриман высказался за прекращение поставок по ленд-лизу. В том же году были созданы Международный банк реконструкции и развития и Международный финансовый фонд. По каналам этих организаций США оказали помощь Англии — на 3,8 млрд долларов и Франции — на 1 млрд долларов. Однако Советской России в помощи было отказано[234].

На заключительном этапе войны все более негативную роль в отношениях СССР, США и Великобритании стали играть принципиальные различия в их подходах к решению проблем послевоенного устройства мира. Применительно к планам создания Организации Объединенных Наций и общим принципам ее деятельности стороны занимали близкие позиции. А такие вопросы, как процедура голосования в Совете безопасности, пересмотр довоенных государственных границ, новые территориальные изменения, политические перспективы государств Восточной Европы, стали источником постоянной напряженности. Одной из ключевых проблем являлось будущее Польши, которую США и Великобритания рассчитывали иметь в качестве прозападной буферной зоны, а Советский Союз хотел видеть как лояльного союзника.

В целом, СССР стремился создать пояс безопасности из дружественных ему приграничных государств, что напрямую зависело от расстановки политических сил в каждой стране. Такой его курс был естественен и оправдан с учетом тяжелейшего опыта войны с фашистским блоком, но Запад эта советская политика категорически не устраивала, поскольку вела к усилению СССР и расширению сферы его влияния. Следует подчеркнуть, что силового «экспорта революций» в 1944 — начале 1945 г. в советском руководстве явно избегали.

Еще одним ярким свидетельством того, что отношения между СССР и Западом стремительно приобретали новое качество, стал ныне широко известный факт контактов генерала войск СС К. Вольфа с руководителем американской разведки в Швейцарии А. Даллесом. Союзники информировали СССР об этих переговорах лишь после того, как им была получена соответствующая информация по разведканалам. В результате, в конце марта — начале апреля между И. В. Сталиным и Ф. Рузвельтом состоялся обмен самыми жесткими посланиями, какие они только посылали друг другу на протяжении всей войны[235].

Сегодня есть все основания рассматривать и некоторые военные операции последних месяцев войны через призму будущей конфронтации. Так, в ночь с 12 на 13 февраля 1945 г. англо-американская авиация произвела массированную бомбардировку Дрездена, что привело к гибели не менее 25 тыс. человек гражданского населения. Показательно, что на конференции в Ялте, завершившейся за день до этого события, было принято решение о разграничении зон действий союзной авиации. Военного значения данная акция не имела, за одним исключением: Дрезден относился к будущей советской зоне оккупации, и столь мощный авиаудар не мог не произвести соответствующего впечатления на русского союзника. Главными целями бомбежек стали промышленные предприятия и мосты через Эльбу, уничтожение которых создавало дополнительные проблемы наступающим советским войскам. 15 марта в результате другого авиаудара был разрушен пригород Берлина Ораниенбург, где находился немецкий центр по обогащению урана. В этом ряду есть и другие примеры.

Вообще, весной 1945 г. быстро накапливались данные, свидетельствующие о том, что правящие круги Запада готовы сменить союзнические отношения с СССР на конфронтационные. Так, в начале 1945 г. американский генерал Дж. Паттон публично заявил, что западные

экспедиционные силы «не должны останавливаться на демаркационной линии вдоль реки Эльба», а им следует продвигаться дальше на восток. Ему же принадлежат и такие слова: «Мы не способны понимать русских, как не можем понять китайцев или японцев, и, имея богатый опыт общения с ними, должен сказать, что у меня нет особого желания понимать их, если не считать понимания того, какое количество свинца и железа требуется для их истребления»[236].

Британский премьер-министр У. Черчилль постоянно подчеркивал необходимость «опережения русских» в захвате как можно большей территории Германии, в том числе Берлина. Главнокомандующий англо-американскими войсками генерал Д. Эйзенхауэр был согласен с идеей «взятия Берлина раньше русских», однако его беспокоили неизбежные при этом большие потери. 4 мая 1945 г. он сделал заявление, добиваясь от начальника Генерального штаба Красной армии генерала А. И. Антонова остановить продвижение советских войск на линии рек Влтава и Эльба, то есть значительно восточнее, чем это было ранее согласовано.

Апофеозом антисоветской враждебности и актом фактического предательства боевого братства стала разработка операции под названием «Немыслимое»: по приказу У. Черчилля предполагалось сохранить в боеспособном состоянии ряд немецких соединений с тем, чтобы в случае необходимости использовать их в совместных боевых действиях против Красной армии. Необходимые возможности для этого имелись. Германскому командованию удалось вывести значительные военные силы на запад: лишь за период с 3 по 6 мая англо-американцам сдались в плен до 3 млн немецких солдат и офицеров.

О существовании плана операции «Немыслимое» было известно давно, однако только в 1998 г. англичане рассекретили личное досье У. Черчилля, откуда и стали известны подробности[237]. Документ датирован 22 мая 1945 г., а задание на его подготовку, судя по косвенным данным, было получено в конце марта — начале апреля. Мотивы английский премьер сформулировал так: «...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира; во-вторых, требуется немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения; в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток»[238].

«Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

— операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;

— Великобритания и США получат полную поддержку вооруженных сил Польши и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;

— не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;

— иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;

— начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции заключалась в том, чтобы «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Конкретно имелось в виду «вытеснить Красную Армию за пределы Польши». Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну»[239].

Главным театром военных действий была избрана Центральная Европа. Перспективы кампании, однако, оценивались пессимистично. В числе возможных негативных последствий авторы документа предполагали, что СССР предпримет ответное наступление в Иране и Ираке, а также попытается организовать волнения в Индии. Как известно, план «Немыслимое» не был реализован, тем не менее само его существование весьма показательно. Судя

по всему, в Москве знали о замыслах У. Черчилля, что не добавило теплых чувств к западным союзникам[240].

Определенную роль в нарастании конфронтационного духа сыграл и субъективный фактор. Приход к власти в США Г. Трумэна способствовал дальнейшему обострению отношений между СССР и его западными союзниками. Новый американский лидер принадлежал к влиятельной, антисоветски настроенной группировке политических и военных деятелей, чьи позиции резко усилились после смерти Ф. Рузвельта 12 апреля 1945 г., который будучи реалистически мыслящим политиком хотел и умел договариваться с Советским Союзом. Преемник Ф. Рузвельта, напротив, отвергал идею компромисса и равных взаимоотношений с СССР. Г. Трумэн не был, конечно, новичком в большой политике, но его государственный опыт да и личные качества были совсем иного уровня. В этой связи уместно еще раз вспомнить, что именно он в июне 1941 г. публично провозгласил главный принцип американской военной политики в условиях начавшейся агрессии Германии против СССР: «Пусть они как можно больше истребляют друг друга».

В обновленном Г. Трумэном американском правительстве взяли верх сторонники жесткого курса в отношении Советского Союза. К их числу относились военно-морской министр Дж. Форрестол, заместитель государственного секретаря Дж. Грю, ближайший советник президента, вскоре назначенный государственным секретарем Дж. Бирнс, глава военной миссии США в СССР генерал Дж. Дин. Они предлагали Г. Трумэну использовать различные формы военного, политического, дипломатического давления на Советский Союз, чтобы принудить его пойти на уступки и согласиться с американским вариантом послевоенного мироустройства. Подобные предложения соответствовали и убеждениям самого президента.

Первой внешнеполитической акцией Г. Трумэна стало письмо У. Черчиллю с предложением направить И. В. Сталину совместное послание с резким требованием уступок в польском вопросе. Здесь важен не только характер данного требования, но и сам факт совместного с англичанами послания, так как хорошо известно, что Ф. Рузвельт избегал общих американо-английских акций в отношениях с СССР. Он опасался, что «англичане очень хотели бы, чтобы Соединенные Штаты в любое время начали войну против России, и, по его мнению, следовать британским планам — значит идти к этой цели»[241].

23 апреля 1945 г. Г. Трумэн в вызывающем конфронтационном тоне провел беседу с В. М. Молотовым, прибывшим в США для участия в конференции Объединенных Наций в Сан-Франциско. Камнем преткновения стал польский вопрос. Президент, по его собственному выражению, сразу «взял быка за рога», угрожая применить к СССР экономические санкции. Присутствовавший на встрече посол США в Москве А. Гарриман вспоминал впоследствии: «Я сожалел, что Трумэн так жестко подошел к делу. Его поведение давало Молотову основание сообщить Сталину, что от политики Рузвельта отходят»[242]. Показательно, что резкое изменение американского политического стиля и его тональности проявилось еще до того, как Г. Трумэн был информирован о «Манхэттенском проекте» (ему доложили об атомной программе только 25 апреля).

И. В. Сталин не поддался грубому давлению. В его письме Г. Трумэну от 25 апреля сообщалось: «Вопрос о Польше является для безопасности Советского Союза таким же, каким для безопасности Великобритании является вопрос о Бельгии и Греции... Советское правительство не может согласиться на существование в Польше враждебного ему правительства. К этому обязывает, кроме всего прочего, та обильная кровь советских людей, которая пролита на полях Польши во имя освобождения Польши». И далее следовал упрек: «...надо признать необычными условия, когда два правительства — Соединенных Штатов и Великобритании — заранее сговариваются по вопросу о Польше, где СССР прежде всего и больше всего заинтересован»[243].

Твердость позиции советского руководства вызывала острую реакцию западных союзников. В мае 1945 г. по итогам встречи с У. Черчиллем личный представитель президента США Дж. Дэвис докладывал, что был «поражен резким изменением его отношения к Советам... Слушая, с какой яростью он говорит об угрозе распространения коммунизма в Европе... я

думал о том, не собирается ли он, премьер-министр, теперь заявить перед всем миром, что он и Англия допустили ошибку, не поддержав Гитлера, ибо, насколько я его понял, он теперь проповедует ту доктрину, которую Гитлер и Геббельс проповедовали и повторяли на протяжении последних четырех лет, стараясь нарушить единство между союзниками и «разделять и властвовать»[244].

В телеграмме президенту США Г. Трумэну от 12 мая 1945 г. английский премьер писал: «У меня вызывает глубокую тревогу неправильное истолкование русскими ялтинских решений, их позиция в отношении Польши, их подавляющее влияние на Балканах, исключая Грецию, трудности, чинимые ими в вопросе о Вене, сочетание русской мощи и территорий, находящихся под их контролем или оккупацией, с коммунистическими методами в столь многих других странах, а самое главное — их способность сохранить на фронте в течение длительного времени весьма крупные армии». Как признавал позднее сам У. Черчилль, в первые дни мира в его глазах «советская угроза уже заменила собой нацистского врага». Отныне, как он считал, дружба между Великобританией и Россией могла основываться «только на признании русскими англо-американской силы»[245].

О сложностях взаимоотношений ведущих стран антигитлеровской коалиции свидетельствуют и события, связанные с подписанием 7 мая 1945 г. в Реймсе предварительного протокола о капитуляции. Он был предложен К. Дёницем, назначенным А. Гитлером канцлером Германии. С немецкой стороны протокол подписал генерал А. Йодль, от лица главного командования союзных экспедиционных сил в Европе — начальник штаба генерал У. Смит. В качестве свидетелей поставили свои подписи советский и французский представители при ставке Д. Эйзенхауэра — генерал-майоры И. А. Суслопаров и Ф. Севез. Предполагалась и вторая церемония, которая, по мнению Д. Эйзенхауэра, должна была символизировать единство коалиции и оповестить весь мир о том, что капитуляция осуществлена перед всеми союзниками, а не только перед Западом. По этой причине было решено не делать официальных сообщений о первом подписании. Однако какой-то американский репортер якобы по своей инициативе опубликовал репортаж раньше времени[246].

Англичане в этой истории преследовали свои цели. Подписание протокола о капитуляции сохраняло возможность не отводить англо-американские войска в ранее согласованные зоны оккупации до тех пор, пока СССР не пойдет на уступки по ряду спорных вопросов. В своей телеграмме министру иностранных дел Великобритании А. Идену от 4 мая 1945 г. У. Черчилль указывал: «У нашей стороны есть несколько крупных козырей, которые могут нам помочь... Союзники не должны отступать со своих нынешних позиций к оккупационным линиям до тех пор, пока мы не будем удовлетворены в отношении Польши, а также в отношении временного характера русской оккупации Германии и условиями, которые будут установлены в русифицированных или контролируемых русскими странах»[247].

Следует заметить, что текст протокола о капитуляции, подписанного в Реймсе, не соответствовал требованиям, утвержденным на Крымской конференции, которые предусматривали наличие в Германии правительства, правомочного подписать акт о капитуляции. Поскольку правительство К. Дёница не было признано союзниками, то пришлось видоизменить документ, представив его в виде декларации о поражении Германии[248].

Ознакомленное с текстом нового документа всего за сутки до его подписания советское правительство, стремясь к скорейшему прекращению огня, не стало возражать, но высказало ряд пожеланий и поправок, которые из-за недостатка времени так и не были учтены. Однако в подписанном документе оговаривалось, что «этот акт о военной капитуляции не может осуществляться в ущерб любому общему документу о капитуляции, принятому объединенными государствами или от их имени в отношении Германии и германских вооруженных сил в целом, и подлежит замене таким документом»[249]. Это позволило СССР считать документ, подписанный в Реймсе, предварительным и настоять на подписании 8 мая в Берлине окончательного Акта о военной капитуляции германских вооруженных сил.

Показательно, что в тот же день президент Г. Трумэн распорядился прекратить поставки по ленд-лизу для СССР, утверждая, что поскольку он не находится в состоянии войны

с Японией, то закон запрещает оказывать ему такого рода экономическую помощь. Это решение И. В. Сталин в беседе с Г. Гопкинсом охарактеризовал как «неудачное и даже грубое», добавив при этом, что если «целью было оказать давление на русских, чтобы сделать их более податливыми, то это серьезная ошибка»[250]. И хотя после протеста Москвы поставки были возобновлены, становилось все более ясно, что на Западе берут верх сторонники конфронтации с СССР.

Экономическая сторона происхождения конфронтации вообще представляет собой отдельную проблему. У советского руководства первоначально существовали определенные надежды на послевоенное сотрудничество с Западом в этой сфере, тем более что необходимость экономической помощи для восстановления разрушенного войной хозяйства была крайне велика. В январе 1945 г. В. М. Молотов официально поднял вопрос о предоставлении Соединенными Штатами кредита СССР в размере 6 млрд долларов. Однако Ф. Рузвельт не стал форсировать решение этой проблемы, ожидая, видимо, развития ситуации и новых советских инициатив. И. В. Сталин, в свою очередь, ни в Ялте, ни во время переговоров с Г. Гопкинсом, ни в Потсдаме не поднимал тему займа. Вновь это предложение было выдвинуто лишь в августе, когда политическая атмосфера стала иной. На этот раз, по утверждениям американской стороны, необходимые документы затерялись и были найдены только в марте 1946 г. Советскому руководству поверить в такую причину задержки решения вопроса было очень сложно.

В своих интервью западной печати И. В. Сталин открыто проявлял заинтересованность в проекте кредита всякий раз, когда об этом заходила речь. При этом он ясно понимал, что за такой кредит пришлось бы заплатить политическими уступками, но рассчитывал, что «стороны встретятся на половине пути». Полностью отвергались лишь неприемлемые условия, подобные требованию полного ухода из Восточной Европы. Даже в апреле 1947 г. во время встречи с государственными секретарем США Дж. Маршаллом И. В. Сталин еще поднимал тему займа, в частности заметив, что советская просьба о кредите остается без ответа в течение двух лет.

Другой возможной формой решения экономических проблем СССР были репарации с Германии. И. В. Сталин настаивал в Ялте на сумме в 10 млрд долларов, что было оправдано огромными человеческими жертвами и колоссальными материальными потерями, понесенными Советским Союзом в ходе войны. Однако Запад не желал быстрого восстановления СССР, и поэтому англичане активно оспаривали такой объем репараций, а Ф. Рузвельт, по существу соглашаясь с У. Черчиллем, старался отложить решение вопроса. В результате советская цифра была принята лишь в качестве основы для дальнейшего обсуждения. В конечном итоге, США отказались поддержать данную сумму репарационных требований СССР, что способствовало углублению раскола между вчерашними союзниками. На практике же Советский Союз получал репарации только из своей зоны оккупации, в то время как из западных зон почти ничего не поступало. Что же касается репарационных выплат со стороны таких бывших германских союзников, как Румыния и Финляндия, то во время обсуждения мирных договоров с ними западная сторона вообще оспаривала уместность требований Москвы о возмещении ущерба, вызвав тем самым резкую ответную реакцию.

Таким образом, надежды на существенную помощь Запада в послевоенном восстановлении натолкнулись на непреодолимые препятствия, что дало уже советскому руководству основания для подозрений и сомнений в целесообразности дальнейшего сотрудничества. Дефицит взаимного доверия вообще являлся одной из существенных проблем, изначально существовавших среди основных участников антигитлеровской коалиции. По мере приближения победного финала войны он только нарастал.

Немаловажную роль в развитии недоверия со стороны Советского Союза по отношению к Западу сыграл секрет разработки Соединенными Штатами и Англией атомного оружия, которым они категорически не хотели делиться с СССР, хотя многие ученые-атомщики и призывали к этому. Но лидеры США и Англии вплоть до конференции в Потсдаме держали в тайне все работы над атомным оружием, хотя по соглашению между СССР и Великобританией от 29 июня 1942 г. англичане обязаны были предоставлять Москве всю информацию

об оружии, используемом против общего противника[251]. Ф. Рузвельт и У. Черчилль не подозревали, что И. В. Сталин знал о работах над «Манхэттенским проектом» с осени 1941 г., и стремление союзников скрыть от Советского Союза секрет атомной бомбы закономерно усиливало недоверие Кремля.

Сам факт появления у Соединенных Штатов атомного оружия в сочетании со средствами его доставки — авианосцами и стратегическими бомбардировщиками — качественно изменил общую картину мировой политики, тем более что США благодаря своему геополитическому положению были в тот момент абсолютно неуязвимы, а Советский Союз, напротив, представлял собой потенциальную мишень.

Решение о применении атомного оружия президент Г. Трумэн принял еще до вступления СССР в войну с Японией. Подготовленный штабом армии США боевой приказ о проведении атомных бомбардировок японских городов был завизирован президентом, Г. Стимсоном и Дж. Маршаллом 24 июля и подписан генералом К. Спаатсем, на которого возлагалась ответственность за реализацию решения президента. Советники Г. Трумэна, как, собственно, и сам президент, считали, что атомная «бомба должна быть использована в качестве мощного сдерживателя на пути советской экспансии в Европе, где красная волна уже успешно поглотила Румынию, Болгарию, Югославию, Чехословакию и Венгрию».

Ситуация с оценкой возможной войны с СССР как бесперспективной кардинально изменилась как раз летом 1945 г., когда в арсенале США появилось атомное оружие, позволявшее надеяться на быструю и сопряженную с небольшими потерями победу над любым противником. Атомная бомбардировка городов Японии стала стартом «атомной дипломатии» администрации президента Г. Трумэна, направленной прежде всего против СССР. Не только отечественные ученые, но и многие западные исследователи считали и считают, что применение США атомных бомб против Японии было продиктовано не столько военной необходимостью, сколько желанием показать миру, и в первую очередь Советскому Союзу, свою военную мощь. Так, английский ученый-атомщик П. Блэкетт еще в 1949 г. справедливо отметил, что «сбрасывание атомных бомб явилось не столько последним актом Второй мировой войны, сколько первой большой операцией холодной дипломатической войны с Россией, ведущейся сегодня»[252]. Это мнение подтверждается выводами, сделанными сразу после окончания войны группой американских специалистов. В подготовленном ими документе говорилось о прогнозируемых сроках капитуляции Японии в случае, если бы атомная бомбардировка не состоялась. В качестве крайней даты называлось 31 декабря 1945 г. и даже более ранние сроки[253].

Возможные последствия решения о применении атомной бомбы осознавались американским военно-политическим руководством. Так, военный министр США Г. Стимсон 11 сентября 1945 г. направил президенту Г. Трумэну меморандум, где писал: «Во многих кругах атомное оружие рассматривается как серьезное препятствие росту русского влияния на континенте. Мы можем быть уверены, что советскому правительству это известно и советские военные и политические руководители будут испытывать большое искушение как можно скорее приобрести это оружие. Англия уже фактически является нашим партнером по работе над атомным оружием. Следовательно, если Советский Союз не будет добровольно привлечен к участию на основе сотрудничества и доверия, то мы будем иметь англосаксонский блок, противостоящий Советскому Союзу в обладании этим оружием. Такое положение почти неизбежно вызовет в СССР лихорадочную деятельность, направленную на создание бомбы, что фактически приведет к тайной гонке вооружений... Я считаю, что наши удовлетворительные отношения с Россией не только связаны с проблемами атомной бомбы, но и фактически подчинены им... Эти отношения могут оказаться непоправимо испорченными — все зависит от того, как мы подойдем к решению вопроса о бомбе с Россией. Ибо, если мы не обратимся к ней сейчас, а лишь будем продолжать вести с ней переговоры, довольно явно держа за спиной это оружие, ее подозрительность и ее недоверие к нашим целям возрастут»[254]. Меморандум обсуждался на заседании кабинета под председательством Г. Трумэна, и было решено сохранить монополию на атомное оружие.

В полный голос американцы заговорили с «позиции силы» уже осенью 1945 г., когда формально еще сохранялись межсоюзнические отношения, проводились конференции министров иностранных дел великих держав, шла подготовка к первой сессии ООН и Нюрнбергскому процессу. Так называемая «атомная дипломатия» по замыслу ее инициаторов должна была «поставить Советский Союз на место», показать ему, что доминировать в послевоенном мире будут Соединенные Штаты.

Осенью 1945 г. Объединенный комитет начальников штабов разработал меморандумы «Основы формирования американской военной политики» и «Стратегическая концепция и план применения вооруженных сил США». В этих документах была легализована идея превентивного нападения, первого удара, целесообразность которого мотивировалась прагматическими соображениями. В «Основах формирования американской военной политики» говорилось: «Если станет известно, что против нас готовятся выступить войска потенциального противника, мы не можем позволить, чтобы из-за ложных и опасных идей о недопустимости собственных агрессивных действий нам был нанесен первый удар. В этих условиях наше правительство должно быстро принять политическое решение, в то время как будет проведена подготовка для того, чтобы нанести, если это необходимо, первый удар»[255].

В ноябре того же года в отчете Объединенного разведывательного управления в качестве возможных целей для атомной бомбардировки назывались 20 советских городов. При этом характерно, что в американских военных кругах господствовало мнение, будто СССР «не представляет непосредственной опасности», поскольку он истощен войной, а вот его возможности делают Советский Союз потенциальным противником[256] (разумеется, кроме этого обстоятельства на то, что именно СССР стал объектом американского военного планирования, влияли соображения геополитического характера, идеологический антагонизм, существовавший между двумя державами, и прочее). В документе отмечалось, что поскольку атомные бомбардировки малоэффективны против обычных вооруженных сил и транспортной системы, то атомная бомба более пригодна для массового истребления населения городов.

Практически одновременно с появлением вышеназванного документа под руководством Д. Эйзенхауэра, в то время командующего оккупационными вооруженными силами США в Германии, был разработан первый план войны против Советского Союза с применением ядерного оружия. В качестве основного театра военных действий в нем рассматривалась Европа. Уверенность в неизбежности победы американского оружия в войне против СССР придавала дополнительный вес «атомной дипломатии». Основой военной стратегии США стал расчет на быстротечную и одностороннюю воздушно-атомную войну. Предполагалось, что угроза массированной бомбардировки объектов страны-мишени заставит ее правительство согласиться с любыми условиями мира по-американски.

Приведенные факты и обстоятельства свидетельствуют о том, что в 1945 г. союзнические отношения между Советским Союзом и Западом сменились на конфронтационные. В ходе войны между партнерами по антигитлеровской коалиции нередко возникали конфликтные ситуации, но до поры до времени они все-таки успешно разрешались. Это происходило прежде всего потому, что США, Великобритания и СССР остро нуждались друг в друге, и эта заинтересованность была мощным стимулирующим фактором. Правда, конфликты не проходили бесследно. Противоречия внутри коалиции, которые все более обострялись с приближением конца войны, способствовали усилению взаимного недоверия, подозрений и, в конечном счете, сыграли свою негативную роль.

С разгромом германского блока и Японии исчезла не только общая угроза для СССР и Запада, но и не стало мотивов, побуждающих их к сохранению союзнических отношений. Замены им найти не удалось, и сотрудничество в короткие сроки прекратилось. К тому же были реанимированы старые противоречия, к которым добавились новые, осложненные взаимными подозрениями и разногласиями. Вот как видел ситуацию в тот переломный момент истории У. Черчилль: «Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, свя-

зывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству»[257]. Главным среди «решающих практических вопросов стратегии и политики» руководство Великобритании и США теперь считало активное противоборство с Советским Союзом.

В истории человечества XX столетию принадлежит особое место. Оно богато не только отдельными эпохальными событиями, но и комплексными масштабными явлениями, оказавшими огромное воздействие на развитие современной цивилизации и мирового сообщества. Холодная война, безусловно, принадлежит к числу важнейших исторических феноменов, чьи последствия ощутимы и в наше время и, видимо, еще долго будут влиять на состояние и развитие международных отношений. Проблемы ее происхождения, истории и возможных рецидивов являются как предметом широкого общественного интереса, так и глубоких научных исследований.

Под холодной войной обычно принято понимать особое состояние конфронтации между США, Великобританией и их союзниками с одной стороны и Советским Союзом, а также социалистическим блоком государств с другой, сложившееся и развившееся во второй половине XX в. Это противоборство охватывало политическую, экономическую, идеологическую, военную и иные сферы и объяснялось антагонистической разницей между бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции, которая, в свою очередь, определялась несовпадающими геополитическими и национальными интересами, противоположными идеологическими ориентирами. Это была борьба на истощение, когда любой повод, любой неверный шаг противника использовались для его ослабления.

В прошлом нечто подобное уже случалось. Из этого ряда, например, противостояние Рима и Карфагена, когда мирный промежуток между Пуническими войнами стороны старались использовать для максимального ослабления противника, отдавая себе отчет в неизбежности будущих открытых конфликтов. И этот случай далеко не единичен. В конце XIX в. Э. Бернштейн впервые применил термин «холодная война» для характеристики процесса складывания и развития военно-политических союзов европейских держав. В своем современном понимании термин «холодная война» впервые был использован осенью 1945 г. в английском журнале «Трибьюн», но ввел его в политическую лексику американский политический деятель и финансист Б. Барух годом позже. Это словосочетание приобрело широкое хождение после выхода ряда статей известного американского журналиста У. Липпмана и его книги «Холодная война. Очерк внешней политики США»[258].

Наличие исторических аналогов, разумеется, не девальвирует тот факт, что холодная война — уникальное явление XX в. Это свойство ей придает ряд обстоятельств, среди которых следует особо выделить: биполярность мироустройства при ведущей роли в противоборстве двух сверхдержав — США и СССР; масштаб, вовлеченность в процесс большинства ведущих стран мира; наличие у сторон крупных арсеналов оружия массового поражения (прежде всего ядерного), чье возможное применение ставило под вопрос сам факт существования человечества; содержание обеими сторонами в высоких степенях боевой готовности крупных группировок войск и их непрерывное совершенствование; широкое использование форм и средств информационной войны; борьба за доминирование среди государств третьего мира.

До сих пор нет единой позиции по поводу начала холодной войны. Трудности демаркации вызваны самим характером явления, известной размытостью и латентностью отдельных событий, сложностью их классификации. К тому же, в отличие от «горячей» войны, здесь и не может быть четкой даты, поскольку отсутствуют факты объявления войны и непосредственного нападения. Есть серьезные основания считать, что вызревание и развитие этой масштабной конфронтации во многом было обусловлено сложившимися в мире в ходе Второй мировой войны и особенно после ее завершения новыми военно-политическими, экономическими и военно-техническими реалиями, а также общей логикой развития международных отношений. В этой связи 1945 г. занимает особое место как исходный рубеж холодной войны. Ведь именно тогда для бывших союзников исчезло объединяющее начало — общий

враг в лице фашистского блока и Японии, а политические лидеры США и Великобритании сделали свой выбор в сторону конфронтации с Советским Союзом.

Вторая мировая война вообще сыграла в отношении холодной войны роль повивальной бабки. По ее итогам на международной арене остались две сверхдержавы — США и СССР, вокруг которых группировались союзные им государства. Соединенные Штаты стали единственной из участников войны страной, вышедшей из ее огня окрепшей. Сильная экономика и статус всеобщего кредитора сделали США лидером западного мира, способным определяющим образом влиять на ход событий. Велико было и уважение к заокеанской державе как к одному из главных победителей Германии и Японии.

Советский Союз, который вынес на своих плечах основную тяжесть войны и понес наибольшие людские и материальные потери, также обладал в то время огромным моральным авторитетом. Мощная советская армия-освободительница стояла на Эльбе и в предгорьях австрийских Альп. Полевевшие в годы борьбы с фашизмом народы Европы и Азии видели в СССР силу, способную поддержать и ускорить демократические преобразования в мире.

Острой в дискуссионном отношении остается проблема ответственности за развязывание холодной войны. Порой раздаются призывы вообще уйти от этой темы, тем более что виноваты, мол, обе стороны. Делается это, по-видимому, в силу сознательного желания сгладить вопрос и избежать неудобных оценок. Парадокс, однако, состоит в том, что само значение проблемы неизбежно вынуждает любого, выступающего на тему холодной войны — ученого, политика, обывателя, так или иначе определить свою позицию.

Если на Западе всегда наличествовали разные подходы, с очевидным перевесом сторонников виновности СССР, то в нашей стране в силу идеологических причин до начала 1990-х гг. ответственность однозначно возлагалась на США. Позже ситуация изменилась диаметральным образом: многочисленные ангажированные авторы в ущерб объективности стали искать доказательства едва ли не абсолютной виновности Советского Союза.

Очевидно, однако, что в любой войне, холодной в том числе, участвуют две стороны. Следовательно, ответственность всегда носит обоюдный характер. Не менее ясно и то, что равной ответственности не бывает. Многие считают, что инициатором и главным виновником послевоенной конфронтации выступили Соединенные Штаты Америки. Эта держава по своей совокупной мощи значительно превосходила СССР и в силу данного обстоятельства имела едва ли не полную свободу в выборе основ послевоенной политики. К тому же США, в отличие от Советского Союза, не понесли во Второй мировой войне значительных людских и материальных потерь. Кроме того, ввиду особого географического положения Соединенные Штаты имели на тот момент наиболее высокий порог защищенности.

Что касается СССР, то его тревога о собственной безопасности была естественной и закономерной. Утрата колоссальных экономических мощностей и особенно гибель многих миллионов людей делали его болезненно восприимчивым к этой проблеме. Идеологические догматы, переоценка влияния социализма в мире, ошибки в анализе перспектив национально-освободительного движения тоже имели место. Тем не менее нельзя отрицать, что Советский Союз вынужденно вступил в холодную войну, при том что его руководство ясно сознавало риски и трудности противоборства с сильнейшим государством мира.

В 1945 г. многим еще казалось, что совместная борьба с фашизмом, Тегеран, Ялта, Потсдам заложили основы согласия великих держав, которое обеспечит мирное и демократическое будущее человечества, но эти надежды не оправдались. Геополитические амбиции, примитивно понимаемые национальные интересы, прикрытые флером реальных идеологических противоречий, привели к жесткой конфронтации двух сверхдержав, образованию вокруг них военно-политических блоков, противоборству Востока и Запада. Возможности, заложенные самим фактом общей победы над фашизмом и созданием Организации Объединенных Наций, в своей значительной части оказались нереализованными.

Сегодня ясно, что обе противоборствующие стороны, каждая по-своему, разрушили сотрудничество, налаженное во время войны и создававшее условия для решения проблем, вставших перед миром в послевоенный период. США и другие страны Запада беспокоил

огромный международный авторитет Советского Союза, они видели в нем врага своим геополитическим интересам и идеологическим постулатам. Во всех освободительных движениях (рост влияния левых сил, борьба за независимость народов колоний, выступления против атомной дипломатии и прочее) они усматривали «руку Москвы». В то же время распад колониальной системы объективно создавал политический вакуум в обширных регионах планеты, заполнить который старались обе сверхдержавы.

В Европе стремление советского руководства заменить существовавший некогда «санитарный кордон» поясом дружественных СССР сопредельных государств, воспринималось Западом как советская экспансия. В свою очередь, США и их союзники стремились распространить свое экономическое и политическое влияние на Восточную Европу, а в Москве это расценивали как нежелание Запада считаться с позицией СССР и уважать интересы его безопасности.

Военно-политический союз США, Великобритании и СССР в годы Второй мировой войны действительно стал парадоксальным явлением в том смысле, что наши партнеры по коалиции, с одной стороны, были остро заинтересованы в совместной борьбе с агрессорами, а с другой — оказались не готовы к равноправным отношениям и не смогли преодолеть привычный и органичный для них негативный взгляд на Советский Союз. Их внутренняя сущность восставала против самой идеи союза с СССР, который мог устроить их разве что в качестве слабого и несамостоятельного государства. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне была для Запада одновременно и желанной, с точки зрения минимизации собственных потерь и получения сиюминутных политико-экономических выгод, и нежеланной, исходя из долговременных геополитических и идеологических интересов. С учетом всех этих обстоятельств послевоенная конфронтация с СССР являлась для США и их союзников закономерным выбором. Что касается Советского Союза, то он стал ее участником вынужденно. Его действия носили преимущественно ответный характер и имели целью сохранение собственной независимости и суверенитета.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См.: *Михалев С. Н.* Военная стратегия. Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 148.

[2] США и Великобритания, в отличие от СССР, Германии, Франции и других держав, не имели единого высшего органа руководства всеми видами вооруженных сил. Армия (сухопутные войска), военно-морские и военно-воздушные силы управлялись самостоятельными министерствами и штабами, причем начальники штабов являлись главнокомандующими этих видов вооруженных сил (в США авиация входила в состав армии). Кроме того, существовали личные штабы президента США и премьер-министра Великобритании. В Англии с начала 1920-х гг. был создан Комитет начальников штабов («коллегиальный сверхначальник штаба руководства войной»; см.: *Батлер Дж.* Большая стратегия / Пер. с англ. Т. 2. М., 1959. С. 28). Членами Комитета были начальник имперского Генерального штаба (фактически — штаб сухопутных войск), первый лорд Адмиралтейства — начальник морского штаба и начальник штаба ВВС. США равноценной штабной структуры до 1942 г. не имели. Лишь 9 февраля 1942 г., то есть по окончании работы конференции «Аркадия», в США был создан собственный Объединенный комитет начальников штабов — высший коллегиальный орган военно-стратегического руководства, ответственный непосредственно перед президентом. В его состав вошли: начальник штаба президента (председатель), начальники штабов ВМС и ВВС.

[3] См.: *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу / Пер. с англ. М., 1980. С. 389.

[4] *Михалев С. Н.* Указ. соч. С. 149.

[5] Соображения фюрера относительно руководства военными действиями на совещании с генералом Антонеску. Указания начальнику штаба Верховного командования о порядке подчинения румынских войск при нападении на Советский Союз 17 июня 1941 г. // Fall Barbarossa. Berlin, 1970. S. 421.

[6] История второй мировой войны 1939—1945. В 12-ти т. Т. 12. М., 1982. С. 488.

[7] *Greenfield K.* American Strategy in World War П: A Reconsideration. Krieger Publishing Co., Florida, 1982. P. 113.

[8] *Кингстон-Макклори Э.* Военная политика и стратегия / Пер. с англ. М., 1963. С. 227.

[9] История второй мировой войны 1939—1945. Т. 12. С. 476.

[10] *Jackson A.* The British Empire and the Second World War. Continuum International Publishing Group, 2006. P. 98.

[11] *Яковлев Н. Н.* США и Англия во второй мировой войне. М., 1961. С. 44.

[12] Roosevelt, Churchill. Their Secret Wartime Correspondence. L., 1975. P. 4.

[13] *Jacobsen H.-A.* 1939—1945. Der zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1959. S. 340.

[14] *Calvocoressi P., Wint G., Pritchard J.* Total War: The Causes and Courses of the Second World War. Penguin Group Australia, 1995. P. 564.

[15] *Лиддел Гарт Б. Г.* Стратегия непрямых действий / Пер. с англ. М., 1957. С. 46—54.

[16] См.: *Harrison A. G.* Cross-Chanell Attack. Washington, 1951. P. 54—55; *Whitaker S.* Dieppe: From Tragedy to Triumph. Toronto, 1992. P. 81—89.

[17] *Keegan J.* Six Armies in Normandy: From D-Day to the Liberation of Paris, June 6 — August 25. N. Y., 1982. P. 123.

[18] *Saunders H.* Royal Air Force 1939—1945. Vol. HI. L., 1975. P. 110.

[19] История Великой войны. В 2-х т. Т. 1. М., 2010. С. 527.

[20] *Лавренов С. Я., Попов И.* Крах III рейха. М., 2000. С. 231.

[21] *Ellis L.* Victory in the West. Vol. I. P. 294, 303, 305.

[22] *Speidel H.* Invasion 1944. Ein Beitrag zu Rommels und des Reiches Schicksal. Stuttgart — Tübingen, 1950. S. 111–112.

[23] *Bohlen Gh.* The Transformation of American Foreign Policy. N. Y., 1969. P. 26.

[24] *Трояновский О. А.* Через годы и расстояния. История одной семьи. М., 1997. С. 77.

[25] Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence. L., 1984. Vol. I. P. 441.

[26] Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 7.

[27] Churchill and Roosevelt. Vol. III. P. 339.

[28] *Welles S.* Where Are We Heading? N. Y., 1946. P. 37; *Dunn D.* Caught Between Roosevelt Stalin: America's Ambassadors to Moscow. Lexington, 1998. P. 5.

[29] *Мальков В. Л.* Великий Рузвельт. «Лис в львиной шкуре». М., 2011. С. 405.

[30] *Ржешевский О. А.* Война и дипломатия. Документы, комментарии. М., 1997. С. 204.

[31] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 117–118.

[32] *Gaddis J.* Surprise, Security, and the American Experience. Cambridge, 2004. P. 53.

[33] *Messer R.* The End of an Alliance. James Byrnes, Roosevelt, Truman, and the Origins of the Cold War. Chapel Hill, 1982. P. 42; Notes on the Conversations with the President — Library of Congress. W. A. Harriman Papers, Chronological File. Cont. 175.

[34] *Печатнов В. О., Маныкин А. С.* История внешней политики США. М., 2012. С. 271.

[35] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. N. Y., 1969. Vol. XIII.

[36] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Fought and the Peace They Sought. N. Y., 1966. P. 275–276.

[37] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 4. Крымская конференция. М., 1979. С. 94.

[38] *Costigliola F.* Roosevelt's Lost Alliances. How Personal Politics Helped Start The Cold War. Princeton, 2012. P. 57.

[39] The Public Papers and Addresses of Franklin D. Roosevelt. Vol. XIII.

[40] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 33.

[41] Там же. С. 149.

[42] *Черчилль У.* Мои ранние годы. 1874–1904 / Пер. с англ. М., 2012. С. 68.

[43] Там же. С. 68–69.

[44] Архив полковника Хауза. Избранное. В 2-х т. Т. 2. М., 2004. С. 236.

[45] *Черчилль У.* Мировой кризис / Пер. с англ. М., Л., 1932. С. 39.

[46] Speech of MP T. Etwood in the House of Commons // Hansard's Parlamentary Debates. Vol. 38. L., 1838; цит. по: *Леонтьев М.* Большая игра. М., СПб., 2008. С. 43.

[47] См.: *Галин В. В.* Интервенция и Гражданская война. М., 2004. С. 85–86.

[48] *Черчилль У.* Мировой кризис. С. 182.

[49] *Монтгомери Б.* Мемуары фельдмаршала. М., 2006. С. 68.

[50] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1982. С. 261.

[51] История дипломатии. В 3-х т. Т. 3. М., Л., 1945. С. 667–668.

[52] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 6-ти т. Т. 1. М., 1991. С. 133.

[53] Там же. Т. 2. С. 300–301.

[54] Там же. С. 317.

[55] *Волков Ф. Д.* За кулисами второй мировой войны. М., 1985. С. 108.

[56] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 476–477.

[57] См.: *Ливен Д.* Российская империя и ее враги. М., 2007. С. 197–198.

[58] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 2. С. 394.

[59] От Мюнхена до Токийского залива: взгляд с Запада. М., 1992. С. 189.

[60] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 3. С. 169.

[61] Там же. С. 169–170.

[62] Там же. С. 175.

[63] Там же. С. 509.
[64] Там же. Т. 4. С. 531–532.
[65] Там же.
[66] Там же. С. 532.
[67] *Мальков В. Л.* Указ. соч. С. 420–421.
[68] Там же.
[69] Там же. С. 509.
[70] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 791.
[71] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 573.
[72] Там же. С. 588.
[73] Там же. С. 597–598.
[74] АВП РФ. Ф. 59а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 357–358. Цит. по: *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. М., 2004. С. 524.
[75] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 647.
[76] Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 99.
[77] Там же. С. 98.
[78] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. 6. С. 634.
[79] Там же. С. 630.
[80] Там же.
[81] Там же. С. 634.
[82] Там же. С. 684.
[83] The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. I–V. Baltimore, 1970. Vol. IV. The War Years. P. 150–151.
[84] Ibid. P. 149–155.
[85] *Иванов Р. Ф.* Дуайт Эйзенхауэр. Человек, политик, полководец. М., 1998. С. 68.
[86] Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // National Archives, College Park, Maryland (далее — NA), Record Group (далее — RG) 165. ABC 381 (9-25-41). Sec. VII.
[87] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 86–88.
[88] Offensive Operations in 1942–1943. Combined Chiefs of Staff Minutes of 28th Meeting. June 20, 1942 // NA, RG 218, Geographical File 1942–1945. CCS 334 (5-26-42); Memorandum for the President. July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
[89] The Eisenhower Diaries // Ed. By R. Ferrell. N. Y., 1981. P. 73.
[90] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1957. С. 78.
[91] Там же. Т. 2. М., 1958. С. 42–43.
[92] CCS 55th Meeting. January 14, 1943 // NA, RG 218, Geographical File 1942–1945. CCS 334 (10-30-42).
[93] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 203.
[94] *Амброз С.* Эйзенхауэр. Солдат и президент / Пер. с англ. М., 1993. С. 99.
[95] *Иванов Р. Ф.* Указ. соч. С. 99.
[96] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 367. Л. 55.
[97] *Feis H.* Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Fought and the Peace They Sought. Princeton, 1967. P. 309.
[98] Report by the Supreme Commander to the Combined Chiefs of Staff on the Operations in Europe of the Allied Expeditionary Force. 6 June 1944 — 8 May 1945. Washington, 1946. P. VI.
[99] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 301.
[100] Eisenhower to Harriman. 7 July, 1944 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers. Chronological File. Cont. 173.
[101] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 1.
[102] Anderson to Harriman. July 10, 1944 // Library of Congress, W. A. Harriman Papers. Chronological File, Cont. 173.
[103] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 292.
[104] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 2.

[105] Там же. Л. 4.

[106] The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. V. P. 2428n.

[107] Личная телеграмма Верховному главнокомандующему Красной армии Маршалу Советского Союза И. Сталину от генерала Эйзенхауэра, 28 марта 1945 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 381. Л. 6–7.

[108] История второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. М., 1979. С. 315.

[109] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 453.

[110] Запись беседы тов. И. В. Сталина с американским послом Смитом, французским послом Шатеньо и представителем Бевина Робертсом 23 августа 1948 г. // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 382. Л. 89–90.

[111] The Papers of Dwight David Eisenhower. Vol. IV. P. 2640–2641.

[112] *Амброз С.* Указ. соч. С. 171.

[113] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 486.

[114] *Churchill W.* The Second World War. Vol.VI. Triumph and Tragedy. L., 1954. P. 602–603.

[115] Hopkins to the President. 8 June, 1945 // NA. RG 218. W. Leahy Papers. Box 15.

[116] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 524–525.

[117] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 31–32.

[118] *Залесский К. А.* Кто был кто во Второй мировой войне. М., 2004. С. 358.

[119] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 37.

[120] Там же. С. 46–47.

[121] Имеется в виду акция под названием «рейды правды», как называл ее министр авиации К. Вуд. Суть акции сводилась к тому, что на германские города вместо бомб сыпались миллионы экземпляров «Письма к немецкому народу».

[122] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 56.

[123] Там же. С. 59–60.

[124] Там же. С. 63.

[125] Там же. С. 67.

[126] Там же. С. 106.

[127] Там же. С. 120.

[128] Военная энциклопедия. В 8-ми т. Т. 8. М., 2004. С. 499.

[129] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 184.

[130] Там же. С. 196–197.

[131] Там же. С. 212.

[132] *Хастингс М.* Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 51–52.

[133] Там же. С. 52.

[134] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 237.

[135] Там же. С. 265–266.

[136] Цит. по: *Люк Ханс Ульрих фон.* На острие танкового клина. Воспоминания офицера вермахта. 1939–1945. М., 2006. Гл. 16. Операция «Гудвуд».

[137] *Bradley O.* A General's Life. N. Y., 1982. P. 274; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 346–347.

[138] *Хастингс М.* Указ. соч. С. 345.

[139] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. М., СПб., 1999. С. 592.

[140] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. Смоленск, 2000. С. 348.

[141] См.: Голландская операция 1944 г. // Военная энциклопедия. Т. 2. С. 441–442.

[142] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 301.

[143] Там же. С. 300.

[144] Там же. С. 302.

[145] *Лиддел Гарт Б. Г.* Вторая мировая война. С. 689.

[146] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 333.

[147] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 348–349.

[148] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 353–355.

[149] *Bryant A.* Triumph in the West. L., 1959. P. 235; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 348.

[150] *Bradley O.* A Soldier's Story. L., 1952. P. 209; цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 94.

[151] *Эйзенхауэр Д.* Крестовый поход в Европу. С. 401.
[152] Цит. по: *Хастингс М.* Указ. соч. С. 332.
[153] Кроме щенков и канареек Б. Монтгомери возил с собой «отличную корзинку для пикника», о чем с теплотой вспоминал в своих мемуарах (См.: *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 60).
[154] *Хастингс М.* Указ. соч. С. 332–333
[155] *Монтгомери Б.* Указ. соч. С. 353.
[156] Там же. С. 15.
[157] Цит. по: *Lacouture J.* De Gaulle. V. 1. Le Rebelle. Paris, 1984. P. 43.
[158] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1983. Т. 1. С. 83.
[159] *Де Голль Ш.* Военные мемуары. В 3-х т. Т. 1. Призыв. 1940–1942 / Пер. с фр. М., 1957. С. 36.
[160] Там же. С. 56.
[161] *De Gaulle Ch.* Trois études. Paris, 1945. P. 101.
[162] *De Gaulle Ch.* Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. Compléments 1905 — Juin 1940. Paris, 1981. P. 474.
[163] Цит. по: *De Wailly H.* De Gaulle sous le casque. Abbeville, 1940. Paris, 1990. P. 306.
[164] *De Gaulle Ch.* Lettres, notes et carnets. Juin 1940 — Juillet 1941. Compléments 1905 — Juin 1940. P. 478.
[165] *De Gaulle Ch.* Discours et messages. V. 1. Pendant la guerre. 1940–1946. Paris, 1970. P. 3–4.
[166] Ibid. P. 9–10.
[167] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 51–52.
[168] Цит. по: *De Gaulle Ph.* De Gaulle mon père. V. 1. P., 2003. P. 252.
[169] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 1. С. 92.
[170] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. Д. 750. П. 527.
[171] Там же. П. 55.
[172] *Майский И. М.* Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943. Кн. 2. Ч. 2. 22 июня 1941–1943 г. М., 2009. С. 192.
[173] *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Т. 2. Единство. 1942–1944. Документы. М., 1960. С. 563.
[174] Подробно о переговорах в Москве и подписании Советско-французского договора см.: *Зуева К. П.* Советско-французский договор о союзе и взаимной помощи 1944 года. Россия — Франция. 300 лет особых отношений. М., 2010.
[175] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 219–221.
[176] *Закария Ф.* Постамериканский мир / Пер. с англ. М., 2009. С. 194.
[177] *Brendon P.* The Decline and Fall of the British Empire. 1781–1997. L., 2007. P. 392.
[178] *Meacham J.* Franklin and Winston. An Intimate Portrait of an Epic Friendship. N. Y., 2003. P. 120.
[179] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. М., 1983. С. 104.
[180] Там же. С. 189.
[181] См.: *Печатнов В. О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. М., 2006, С. 207.
[182] *Farrell H., Finnemore M.* The End of Hypocrisy // Foreign Affairs. November/December 2013. P. 96.
[183] *Шахт Я.* Главный финансист Третьего рейха. Признания старого лиса. 1923–1948 / Пер. с нем. М., 2011. С. 304.
[184] *Dallek R.* Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy. 1932–1945. N. Y., 1979. P. 359.
[185] *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. М., 1947. С. 137–138.
[186] *Hull C.* The Memoirs of Cordell Hull. Vol. 2. N. Y., 1948. P. 1633–1634.
[187] Ibid.
[188] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. С. 188–197; *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Война. 1939–1943. М., 1965. С. 208–209; *Carlton D.* Anthony Eden. A Biography. L., 1981. P. 191–192.
[189] *Carlton D.* Op. cit. P. 192–193.
[190] *Де Голль Ш.* Военные мемуары. Призыв. 1940–1942 / Пер. с фр. М., 2003. С. 225–229.
[191] *Carlton D.* Op. cit. P. 195–197.

[192] FDR: His Personal Letters.1928–1945. Vol. 2 / Ed. by E. Roosevelt. N. Y., 1950. P. 1366–1367.

[193] *Eisenhower D.* Crusade in Europe. N. Y., 1948. P. 136.

[194] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. Т. 2. М., 1958. С. 385; *Carlton. D.* Op. cit. P. 209–211.

[195] Eden to Churchill. March 29, 1943. Avon Papers. Foreign Office 954/22. PRO; The Earl of Avon. The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 373.

[196] *Louis W.* Imperialism at Bay: The US and Decolonization of the British Empire. 1941–1945. N. Y., 1978. P. 449–450.

[197] The Earl of Avon. The Eden Memoirs: The Reckoning. P. 435–439.

[198] См.: *Борисов А. Ю.* СССР и США. Союзники в годы войны. 1941–1945. М., 1983. С. 117.

[199] *Carlton. D.* Op. cit. P. 211.

[200] *Bohlen C.* Witness to History. 1929–1969. N. Y., 1973. P. 121.

[201] *Шервуд Р.* Указ. соч. С. 282.

[202] *Harriman A., Abel E.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941–1946. N. Y., 1973. P. 170.

[203] Цит. по: Международная жизнь. 1970. № 5. С. 37.

[204] *Brendon P.* Op. cit. P. 372–414.

[205] *Balfour M.* The Adversaries. America, Russia and the Open World. 1941–1962. L., 1981. P. 9.

[206] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. Т. 1. М., 1984. С. 380–384.

[207] *Hull C.* Op. cit. P. 1264.

[208] Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 360.

[209] Там же. С. 148–153.

[210] Большевик. 1943. № 1. С. 47.

[211] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2014. Т. 8. С. 246–251.

[212] См.: Там же. С. 291–314.

[213] Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). Сб. документов. М., 1978. С. 90, 133, 173.

[214] *Churchill W.* The second World War. Vol. 6. L., 1948. P. 196–197; *Resis A.* The Churchill — Stalin Secret «Percentages» Agreement in the Balcans, Moscow, October 1944 // American Historical Review. LXXX111. 1978. P. 368–387.

[215] *Steil B.* The Battle of Bretton — Woods: John Meinard Keines, Harry Dexter White and the Making of a New World Order. Princeton, 2013. P. 292–298.

[216] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2014. Т. 8. С. 450–513.

[217] US Congress. Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior. Emerging New Context for US Diplomacy. Washington, 1979. Vol. 1. P. 179.

[218] Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). Сб. документов. М., 1979. С. 270.

[219] *Leahy W.* I was There. L., 1950. P. 370.

[220] Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 270.

[221] Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (17 июля — 2 августа). Сб. документов. М., 1980. С. 172.

[222] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 3. С. 363.

[223] Там же. С. 364.

[224] *Рузвельт Э.* Указ. соч. С. 68–70.

[225] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 331.

[226] *Rostou U.* The United States on the world scene. The essay on modern history. N. Y., 1969.

[227] Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 50.

[228] Правда. 1988. 22 августа.

[229] *Cherry M.* Prpaing for the next War. American Plans fo Postwar Defense. 1941–1945 // Yale University Press. 1977.

[230] *Матиас Л.* Оборотная сторона США / Пер. с нем. М., 1968. С. 134.
[231] New York Herald Tribune. 1945. 25 июня.
[232] Цит. по: *Яковлев Н. Н.* Война после войны // Новое время. 1979. № 34. С. 25.
[233] Военно-исторический журнал. 1989. № 7. С. 52.
[234] *Lafeber W.* America, Russia and the Cold War. 1945–1981. N. Y., 1985. P. 12.
[235] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 196–199, 202–209, 211–212.
[236] *Хиршсон С.* Генерал Паттон. Жизнь солдата. М., 2004. С. 724.
[237] Public Records Office. Cab 1201691, 55911. P. 1–29.
[238] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. М., 1991. С. 574.
[239] *Ржешевский О. А.* Сталин и Черчилль. С. 525–526.
[240] О. А. Ржешевский со ссылкой на британского историка Д. Эриксона пишет о том, что в июне 1945 г. Г. К. Жуков произвел перегруппировку своих войск в Германии, по-видимому, под влиянием этой информации.
[241] Цит. по: Forres dal's Dranies. N. Y., 1951. P. 36.
[242] *Путилин Б. Г., Золотарев В. А.* Противостояние двух держав. М., 2014. С. 62.
[243] Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2.
[244] *Трухановский В. Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 3.
[245] *Черчилль У.* Вторая мировая война. В 3-х кн. Кн. 3. М., 1991. С. 574.
[246] *Эйзенхауэр Д.* Во главе союзных войск. М., 1992. С. 494–508.
[247] *Титков А. Э.* Союзники-соперники (К истории антигерманского союза СССР с США и Великобританией в 1941–1945 гг.) // Советская внешняя политика, 1917–1945 гг. Поиски новых подходов. М., 1992. С. 325.
[248] *Кынин Г., Морозова И.* Капитуляция германских вооруженных сил // Международная жизнь. 1995. № 4–5. С. 37–46.
[249] *Погью Ф. С.* Верховное командование. М., 1959. С. 498.
[250] Цит. по: *Шлезингер А.* Циклы американской истории. М., 1992. С. 268.
[251] Новая и новейшая история. 1997. № 6. С. 190.
[252] *Blackest P.* Fear, War and the Bomb. Military and Political Consequences of Atomic Energy. N. Y., 1949. P. 139.
[253] *Корниенко Г. М.* Холодная война. Свидетельство ее участника. М., 1994. С. 13.
[254] *Stimson H., Bundy M. G.* Active Service in Peace and War. N. Y., 1948. P. 642–643.
[255] *Грайнер Б., Штайнгауз К.* На пути к 3-й мировой войне. Документы. М., 1983. С. 72–73.
[256] Подробно см.: *Sherry M. S.* Preparing for the Next War. American Plans for Postwar Defense, 1941–1945. New Haven, L., 1977.
[257] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Кн. 3. С. 573.
[258] Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985). Новое прочтение. М., 1995. С. 47.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Великая Отечественная война, в которой советский народ, сражаясь с нацистской Германией и ее союзниками, не только выстоял, но и одержал величайшую победу, являлась частью глобального конфликта — Второй мировой войны. В этом противостоянии участвовало почти 80% населения земного шара, боевые действия разворачивались на огромных территориях трех континентов, на океанских просторах и в воздухе. Война носила коалиционный характер. Из двух военно-политических союзов, столкнувшихся в ожесточенной схватке, победа досталась «союзу свободолюбивых народов» — державам антигитлеровской коалиции.

Формирование коалиции проходило в сложнейших условиях нарастающей агрессии блока стран оси, ведущую роль среди которых играла Германия, совершившая нападение на Польшу 1 сентября 1939 г., тем самым открыв военные действия в Европе. Германский вермахт, применяя стратегию блицкрига, почти за один месяц смог уничтожить большую часть вооруженных сил Польши и взять под контроль ее территорию. Западные демократические государства — Франция и Великобритания, объявившие нацистской Германии войну 3 сентября, заверяли Польшу в дружбе и обещали ей помощь, но так и не предприняли никаких действий для отражения атаки агрессора. Еще до вторжения вермахта в Польшу общественно-политическое мнение в западных демократиях не отличалось единством по отношению к политике А. Гитлера на расширение пространства Третьего рейха на континенте.

Немалая доля общественных сил Великобритании накануне войны, включая премьер-министра Н. Чемберлена, рассчитывала на сближение с Германией, военно-экономическая мощь которой неуклонно росла. После нарушения соглашений, подписанных в Мюнхене, в Англии все еще рассчитывали на возможность мирного сдерживания германской экспансии. Однако по мере обнажения истинных намерений А. Гитлера ширились сторонники другого лагеря — противников агрессивных действий нацистской Германии и ее европейского союзника Италии. В их число входил и У. Черчилль, после вступления страны в войну назначенный военно-морским министром, а в будущем ставший одной из главных фигур большой тройки великих держав, противостоящих агрессорам. Во Франции при наличии как умеренных, так и профашистских группировок накануне войны возобладала политическая линия «умиротворения» А. Гитлера и Б. Муссолини.

В расчеты политиков западных демократий входило также устранение угроз собственной безопасности за счет восточно-европейских стран и СССР, в сторону которых осуществлялись попытки направить действия Германии. Пакт о ненападении, заключенный между Москвой и Берлином в 1939 г., расстроил эти расчеты. Великобритания и Франция запоздало попытались объединить военные усилия для совместной защиты от Германии, устремившей свои взгляды на запад. Тем не менее активные боевые действия на континенте практически не велись союзниками до мая 1940 г. — шел период «странной войны». Размежевание общественно-политических сил в западных демократиях не позволило выбрать единую и адекватную стратегию сопротивления нацизму и фашизму, тем самым фактически играя

на стороне Берлина, максимально использовавшего передышку на западном фронте для дальнейшего накопления потенциала.

Первое серьезное столкновение союзных войск с вермахтом на суше произошло на севере Европы. Вторжение вермахта в апреле 1940 г. в Данию и Норвегию продолжило экспансионистскую политику А. Гитлера. Скандинавский полуостров, занимавший стратегически важное положение, находился и в сфере интересов западных союзников, решивших создать там второй фронт для отвлечения германского наступления на западе. Но операция союзных сил в Норвегии не увенчалась успехом: в июне 1940 г. британские войска были эвакуированы из Нарвика. Незадолго до этого началось германское наступление во Франции, Нидерландах и Бельгии, оказавшееся гибельным для западных армий. Последовавшие за этим блокировка значительной части союзных войск в Дюнкерке и их эвакуация привели фактически к развалу западного фронта. Французское командование и армия оказались неспособными сдержать натиск вермахта, и уже в конце июня Третья республика пала. Более того, на юге Франции в г. Виши было создано профашистское правительство, объявившее о сотрудничестве с агрессором. Вслед за этим Германия перенаправила свои усилия на борьбу с Великобританией, объявив начало против нее морской и воздушной войны. Но в «битве над Англией» Германия не смогла достичь победы, что позволило англичанам оправиться от неудач на континенте и сплотиться для продолжения сопротивления.

Нападение нацистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. привело к изменению отношения британского общества к СССР. Целенаправленные действия президента США Ф. Рузвельта, ряда общественных сил и прессы обусловили преодоление наиболее антисоветских тенденций в американских общественно-политических кругах и способствовали формированию чувства солидарности с очередной жертвой нацистской агрессии. Закономерным итогом стало еще большее сближение Великобритании и США в целях противодействия Германии и ее союзникам, а также налаживание контактов с СССР и предложение ему реальной помощи.

Еще до начала мировой войны внешнеполитический курс США претерпел существенную трансформацию. Была преодолена доктрина «изоляции» и невмешательства во внутриевропейские дела, на смену которой пришло расширение экономической поддержки государств, противостоящих фашистскому блоку. Важнейшим событием стало принятие в 1941 г. закона о ленд-лизе, означавшего объявление экономической войны Германии. Это был важный шаг на пути оформления британо-американского союза и антигитлеровской коалиции, к которой вскоре присоединился и СССР.

Ведущие западноевропейские державы и США превосходили Германию, Италию и Японию по экономическим и людским ресурсам. Возможности еще большего увеличения этого превосходства за счет многомиллионного Китая воспрепятствовала политика «умиротворения» Японии, открывшей «тотальную войну» против Китая еще в июле 1937 г. Непротиводействие азиатскому агрессору со стороны ведущих держав позволило милитаристской Японии продолжать планирование дальнейшей экспансии в Азиатско-Тихоокеанском регионе, создав второй очаг глобальной войны. Нападение Японии на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор в декабре 1941 г. привело к открытому вступлению США в войну, окончательно придав ей мировой характер. Японские вооруженные силы сразу же захватили господство на море и в воздухе, что позволило им провести широкое наступление в Малайе, на Филиппинах и в Индонезии. Поражение британского восточного флота, падение Сингапура и Гонконга означали изменение соотношения сил в регионе в пользу блока стран оси.

Но союзники не дрогнули и продолжили курс на сплочение всех международных сил против агрессоров. Двадцать шесть государств, поставившие в январе 1942 г. подписи под Декларацией Объединенных Наций (Великобритания и ее доминионы, США, правительства в изгнании Бельгии, Норвегии, Польши, Чехословакии, страны Центральной Америки и другие), подтвердили свои цели в развернувшейся войне, признавая, что полная победа над врагами «необходима для защиты свободы, независимости и религиозной свободы, для сохранения человеческих прав и справедливости как в их собственных странах, так и в других

странах, и что они теперь заняты общей борьбой против диких и зверских сил, стремящихся покорить мир»[1]. Отныне эти правительства обязались использовать все имеющиеся ресурсы против Германии, Италии, Японии и присоединившихся к ним стран, не подписывая с ними сепаратных договоров.

Успехи дальнейшего сотрудничества объединившихся против фашизма народов зависели главным образом от развития взаимоотношений между основными участниками антигитлеровской коалиции — США, Великобританией и СССР, окончательно присоединившимся к ней подписанием в мае — июне 1942 г. англо-советских и американо-советских соглашений. Политические лидеры, отчетливо сознавая общие цели в глобальном конфликте, не забывали при этом об интересах своих государств. Британская империя, ведя борьбу на морских коммуникациях с самого начала войны с Германией, была заинтересована в обеспечении поставок в метрополию из зависимых стран и США, возвращении контроля над Средиземноморьем. Соединенные Штаты, потеряв свои позиции на Тихом океане, желали скорейшего их восстановления.

Однако самое сложное положение было у Советского Союза, в одиночку сдерживавшего жестокий натиск германской военной машины в Европе и имевшего на повестке дня один вопрос — выживания. Недоверие, существовавшее у западных союзников к СССР, было побеждено прагматизмом. Как в Лондоне, так и в Вашингтоне осознали, что польза, которую принесет сотрудничество с Россией, перекроет все существующие противоречия, в том числе и неприятие ее общественной системы. По мере развития советско-германского противостояния союзники все отчетливее понимали, что от его исхода зависит во многом их собственная судьба. Их взгляды были прикованы к советско-германскому фронту, где в 1942 г. разворачивались решающие события. Успешное зимнее контрнаступление Красной армии под Москвой, затем стремительный прорыв немцев к Волге и Кавказу, оборона Сталинграда и, наконец, советский успех в великой Сталинградской битве — все это корректировало стратегические расчеты США и Великобритании, одновременно заставляя их усиливать поддержку Москвы. Планы союзников вошли в прочную зависимость от событий на русском фронте.

Географическое положение США и Британских островов, исключавшее в этот период войны вторжение врага на их территории, давало возможность западным державам выбирать направления для ударов, исходя из текущей ситуации и собственных интересов. Несмотря на обещания И. В. Сталину открытия второго фронта в Западной Европе, союзники постоянно откладывали его исполнение. Вместо этого англо-американские войска осуществляли стратегические операции на периферийных театрах военных действий. Именно проблема открытия второго фронта в Европе стала главной темой разногласий среди военно-политических кругов Великобритании и США по вопросам общей стратегии, а также наиболее обсуждаемой между СССР и западными союзниками в течение 1942–1943 гг.

Ценой огромных усилий и жертв Красная армия смогла добиться коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны и окончательно вырвать инициативу из рук вермахта. Курская битва, форсирование Днепра и другие операции по освобождению территории СССР показали способность советских сил в одиночку нанести решающий удар по нацистской Германии. В 1942–1943 гг. был достигнут перелом и на других театрах войны — в Средиземноморье, в битве за Атлантику. На Тихом океане наступило шаткое равновесие сил. Союзники наращивали экономический и военный потенциал. Великобритания смогла в основном завершить мобилизацию экономики на военные нужды, а успех борьбы на коммуникациях способствовал более эффективному использованию мощных ресурсов колоний и доминионов. США также задействовали значительные внутренние и внешние резервы, завершив в 1943 г. перестройку своей промышленности на военный лад. Таким образом, обладая значительным ресурсным перевесом над блоком агрессоров, участники антигитлеровской коалиции получили необходимые условия для начала масштабных наступательных действий.

Изменение военной ситуации на советско-германском фронте вызвало опасения, прежде всего в Лондоне, что Красная армия сможет разгромить Германию без помощи Великобрита-

нии и США. Ослабление вермахта и страх перед «советизацией» Европы заставили союзников ускорить планирование военных действий против нацистской Германии. Летом 1944 г. была осуществлена подготовка двух десантных операций по высадке на Европейский континент — «Оверлорд» на севере и «Драгун» на юге Франции. Несмотря на запоздалое открытие второго фронта в Европе, когда Красная армия уже уверенно двигалась на запад, советское руководство высоко оценило сложнейшую по исполнению Нормандскую десантную операцию. «Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения... — отмечал И. В. Сталин. — История отметит это дело как достижение высшего порядка»[2].

Освободив территорию Франции к концу 1944 г., англо-американские силы в феврале 1945 г. начали общее наступление по всему фронту. Координируя свои действия с Красной армией, союзные силы США, Великобритании и Франции провели операции по окончательному разгрому Германии в мае 1945 г.

Война на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий к началу 1945 г. проходила в стадии «тления». В 1945 г. союзники предприняли ряд десантных операций, в том числе захват Иводзимы и Филиппинских островов, существенно осложнив положение Японии. Весной — летом американские силы заняли остров Окинаву, угрожая вторжением непосредственно на Японские острова. Однако победа над Японией, капитулировавшей 2 сентября 1945 г., была достигнута совместными усилиями западных союзников и СССР, вступившего в войну против Квантунской армии на Дальнем Востоке в соответствии с договоренностями, достигнутыми еще на Тегеранской конференции 1943 г. Однако опасения США относительно усиления влияния СССР на освобожденных советскими войсками территориях Азии привели к возникновению серьезных разногласий между членами антигитлеровской коалиции по вопросам послевоенного устройства в этом регионе. Сброс американцами атомных бомб на японские города Хиросима и Нагасаки, не обусловленный военной ситуацией, призван был скорее воздействовать на Советский Союз, показывая, что США обладают сильнейшим оружием и способны не считаться с интересами СССР в послевоенном мире.

Сотрудничество стран антигитлеровской коалиции, в особенности ее ведущих членов — СССР, США и Великобритании, в общей справедливой войне дало неоценимый опыт международного взаимодействия в условиях глобальной агрессии держав, желающих достигнуть мирового господства. СССР и его западные союзники были объединены также общими духовными целями по сохранению мировой цивилизации и культуры, идеалов свободы и равенства. Помимо военного сотрудничества крепли научные и культурные связи между членами коалиции.

Важной материальной основой союза стало экономическое сотрудничество на основе ленд-лиза. Являясь в своей основе стратегией безопасности самих Соединенных Штатов, выгодный их экономике и позволяющий оказывать влияние на политику других стран, ленд-лиз при всех прочих факторах сыграл свою положительную роль в достижении общей победы над фашизмом.

Общие стратегические решения, а также планы на развертывание военных действий на конкретных театрах принимались в результате напряженной борьбы мнений между представителями военного и политического руководства Великобритании и США. Немалую роль играли обращения советского союзника и просьбы по открытию второго фронта на Европейском континенте против Германии. Не меньшие противоречия возникали внутри Великого союза по вопросам послевоенного мироустройства. Сказывалось различие политических целей его участников: Британия стремилась сохранить свою колониальную империю, а США — занять доминирующее положение в мировой экономике и политике после окончания войны, выстраивая собственную архитектуру международного взаимодействия. При наличии разногласий и споров по поводу коалиционной стратегии и будущего мира политическая дальновидность лидеров большой тройки И. В. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля позволила сохранить Великий союз до победы над фашизмом.

Следует подчеркнуть интернациональный характер борьбы против фашизма. В армиях западных союзников помимо англичан и американцев в военных действиях принимали участие народы британских колоний и доминионов, свободных государств и оккупированных фашистами территорий. По мере развития мирового конфликта происходило постоянное расширение антигитлеровской коалиции. На ее стороне выступили силы Национального комитета «Свободная Франция», польской армии Андерса и другие образования. На советско-германском фронте против немцев вместе с Красной армией сражались поляки, чехословаки, румыны, югославы, болгары, французы и представители многих других государств.

Серьезным источником победы противостоящих агрессорам сил стало движение Сопротивления в странах, оккупированных Германией, Японией и их союзниками. Силы Сопротивления действовали в интересах собственных народов, оказавшихся едиными с целями всех свободолюбивых государств. Особую остроту приобрела борьба Сопротивления на Балканском полуострове, вылившись в партизанскую, гражданскую войну в Югославии и Греции. В Юго-Восточной Азии Сопротивление сыграло существенную роль не только в освобождении от захватчиков, но и в установлении национальных демократических режимов и создании независимых от европейских держав государств. Таким образом, начало крушения колониальных империй стало одним из важных итогов Второй мировой войны.

Серьезным фактором Второй мировой войны стал коллаборационизм. Параллельно с движением Сопротивления существовали силы и лидеры, сотрудничавшие с нацизмом в различных формах. Этих людей ждало справедливое возмездие: после Победы во многих странах прошли судебные процессы над коллаборационистами, а само это явление было осуждено Нюрнбергским трибуналом.

Территориальные изменения, связанные с разгромом агрессоров в Европе и Азии, были признаны на послевоенных международных конференциях (Потсдамской летом 1945 г. и Парижской летом — осенью 1946 г.). В результате войны США заняли лидирующее положение среди западных демократий, оттеснив на второй план Великобританию и сыграв значительную роль в создании Организации Объединенных Наций на конференции в Сан-Франциско в апреле — июне 1945 г. Людские потери США за время войны составили около 1,04 млн человек, в том числе убитыми более 240 тыс. военнослужащих; потери Великобритании (без колоний) — 1,2 млн человек, их них более 336 тыс. убитыми[3]. Не умаляя значения военных усилий союзников, следует указать, что наибольшую тяжесть войны вынес на своих плечах Советский Союз, чьи общие людские потери составили более 26 млн человек, в том числе 11,28 млн военнослужащих[4]. СССР по праву занял свое место в ООН, превратившись в серьезного игрока на международной арене, несмотря на обострение разногласий со своими недавними союзниками. Антигитлеровская коалиция, таким образом, стала важнейшей основой послевоенного мироустройства.

Война привела к серьезным изменениям во внутреннем развитии стран антигитлеровской коалиции. Во всех государствах экономика была перестроена на военные рельсы, снизился накал внутриполитических споров и разногласий, социальные трудности отошли на второй план. Во многих странах к концу войны, на волне победы над фашизмом, усилились позиции левых сил. После исторической победы во Второй мировой войне эти государства вступили в новый этап своего развития. Победа демократических сил в войне создала предпосылки для роста национально-освободительных движений, приведших впоследствии к распаду мировой системы колониализма.

Путь к совместной победе в самой страшной войне за всю историю человечества, несомненно, заслуживает подробного и всестороннего изучения. Уникальный опыт сотрудничества и взаимодействия столь разных государств и общественных систем, какими являлись участники Великого союза борьбы против фашизма, необходимо учитывать в случае возникновения новых глобальных угроз международной безопасности в XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Известия. 1942. 3 января.
[2] Правда. 1944. 14 июня.
[3] The World Almanac and book of facts. N. Y., 1946. P. 44–46.
[4] См.: Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2001.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ

I. Документы 1939–1945 гг.

1. Переписка премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена с премьер-министром Французской Республики Э. Даладье по вопросу создания органов коалиционного руководства, 26 июля, 3 и 17 августа 1939 г.

2. Телеграмма И. Риббентропа послу в Москве В. Шуленбургу по вопросу вступления частей Красной армии в восточные районы Польши, 15 сентября 1939 г.

3. Директива Верховного главнокомандования вермахта № 6 на ведение войны, 9 октября 1939 г.

4. Выписки из протоколов заседаний Верховного совета союзников, проходивших в сентябре 1939 — июне 1940 г.

5. Соображения Верховного командования вермахта о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании и Швеции, 26 февраля 1940 г.

6. Из отчета Комитета по проблемам международных отношений при Госдепартаменте США за январь — май 1940 г. с информацией о визите заместителя госсекретаря США С. Уэллеса в Европу зимой 1940 г.

7. Из письма А. Гитлера Б. Муссолини, 25 мая 1940 г.

8. Из отчета о заседании Комитета по проблемам международных отношений Госдепартамента США, 31 мая 1940 г.

9. Из обращения генерала Ш. де Голля к французам примкнуть к нему для сопротивления агрессору, 18 июня 1940 г.

10. Извлечение из условий перемирия между Германией и Францией, подписанных в Компьенском лесу, 22 июня 1940 г.

11. Из директивы Гитлера № 16 о подготовке операции по высадке в Англии (план «Зеелеве»), 16 июля 1940 г.

12. Директива Верховного главнокомандования вермахта № 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии, 1 августа 1940 г.

13. Из переписки между послом Великобритании в США лордом Лотианом и государственным секретарем США К. Хэллом по поводу обмена американских эсминцев на аренду территории британских владений для военных баз США, 2 сентября 1940 г.

14. Пакт трех держав (извлечение), 27 сентября 1940 г.

15. Директива Верховного командования вермахта № 20 о нападении на Грецию (операция «Марита»), 13 декабря 1940 г.

16. Из послания президента Ф. Рузвельта конгрессу США, 6 января 1941 г.

17. Из директивы командования вооруженных сил США по вопросу совместного военного планирования с Великобританией, январь 1941 г.

18. Из директивы Ф. Рузвельта о сотрудничестве с Великобританией, 16 января 1941 г.

19. Директива командования вермахта № 24 о сотрудничестве с Японией, 5 марта 1941 г.

20. Из закона о ленд-лизе, принятого конгрессом США, 11 марта 1941 г.

21. Из меморандума отдела европейских стран Госдепартамента США о политике в отношении СССР, 21 июня 1941 г.

22. Из выступления У. Черчилля по радио в связи с нападением Германии на СССР, 22 июня 1941 г.

23. Заявление заместителя госсекретаря США С. Уэллеса в связи с германской агрессией против Советского Союза, 23 июня 1941 г.

24. Из меморандума военного министра США Г. Стимсона Ф. Рузвельту, 23 июня 1941 г.

25. Обращение Чан Кайши к дружественным нациям, 7 июля 1941 г.

26. Переписка И. В. Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта по вопросу о втором фронте, июль 1941 — август 1942 г.

27. Из решений императорской конференции Японии о подготовке к войне с США, Великобританией и Голландией, 6 сентября 1941 г.

28. Выступление специального представителя президента США А. Гарримана по радио Си-Би-Эс после возвращения с трехсторонней конференции в Москве, 13 октября 1941 г.

29. Телеграмма американского посла в СССР Л. Штейнгардта в Государственный департамент США о беседе с заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым, 9 ноября 1941 г.

30. Из допроса адмирала О. Нагано о подготовке Японии к нападению на Пёрл-Харбор.

31. Из императорского эдикта об объявлении Японией войны США и Британской империи, 8 декабря 1941 г.

32. Декларации Китая о войне против Японии, Германии и Италии, 9 декабря 1941 г.

33. Из послания президента Ф. Рузвельта конгрессу по поводу объявления состояния войны между США и Германией, а также США и Италией, 11 декабря 1941 г.

34. Телеграмма Г. Гопкинса специальному представителю президента США в Великобритании А. Гарриману по вопросу поставок военных материалов, 11 декабря 1941 г.

35. Военное соглашение между Германией, Италией и Японией, 18 января 1942 г.

36. Из записки премьера польского эмигрантского правительства В. Сикорского министру иностранных дел Великобритании А. Идену по вопросам о возможности открытия западными союзниками второго фронта в Европе, военно-политической ситуации в мире, взаимоотношений с СССР, 9 марта 1942 г.

37. Телеграмма Р. Шервуда в американское посольство в Великобритании относительно внутриполитического положения в США, 14 марта 1942 г.

38. Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю, касающегося вопросов союзной стратегии, 16 марта 1942 г.

39. Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны (извлечение), 26 мая 1942 г.

40. Из речи премьер-министра Японии на церемонии открытия заседаний императорского парламента, 27 мая 1942 г.

41. Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю о визите В. Молотова в Вашингтон, 31 мая 1942 г.

42. Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту по поводу проведения военных операций союзников в 1942 г., 8 июля 1942 г.

43. Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о визите в Москву и переговорах с И. В. Сталиным, 13 августа 1942 г.

44. Переписка Ф. Рузвельта и И. В. Сталина относительно поставок по ленд-лизу, 19 и 22 августа 1942 г.

45. Из доклада Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?», подготовленного к 1-й Квебекской конференции, 20 августа 1943 г.

46. Из заключительного доклада Объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру о результатах конференции «Квадрант» (1-й Квебекской), 24 августа 1943 г.

47. Извлечение из меморандума, подготовленного для Г. Гопкинса представителями высшего командования американских вооруженных сил, октябрь 1942 г.

48. Послание У. Черчилля А. Идену относительно балканского варианта второго фронта, 20 октября 1943 г.

49. Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю по поводу начавшейся операции союзников в Северной Африке, 11 ноября 1942 г.

50. Из соглашения между представителем главного командования союзных войск в Северной Африке генералом М. Кларком и верховным комиссаром Французской Африки адмиралом Ф. Дарланом, 22 ноября 1942 г.

51. Из решения Объединенного комитета начальников штабов, принятого в Каире, 5 декабря 1943 г.

52. Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту (на конференции в Касабланке) с изложением записки Комитету начальников штабов о планах и операциях в районах Средиземноморья, Среднего и Ближнего Востока, 19 января 1943 г.

53. Из совместного послания Ф. Рузвельта и У. Черчилля И. В. Сталину, 27 января 1943 г.
54. Из послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю, 30 января 1943 г.
55. Из директивы Объединенного комитета начальников штабов главнокомандующему экспедиционными силами союзников Д. Эйзенхауэру, 11 февраля 1944 г.
56. Из послания У. Черчилля И. В. Сталину, 12 февраля 1943 г.
57. Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту, 16 февраля 1943 г.
58. Послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину, 22 февраля 1943 г.
59. Из послания У. Черчилля И. В. Сталину по вопросу северных конвоев, 30 марта 1943 г.
60. Письмо Ф. Рузвельта У. Черчиллю о военных планах западных союзников в 1943 г., 11 апреля 1943 г.
61. Разграбление немцами культурных ценностей оккупированных стран 1940–1944 гг.
62. Из заключительного доклада Объединенного англо-американского штаба о результатах работы конференции «Трайдент», 25 мая 1943 г.
63. Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту по вопросу открытия второго фронта, 11 июня 1943 г.
64. Из послания И. В. Сталина У. Черчиллю, 24 июня 1943 г.
65. Послание У. Черчилля Ф. Рузвельту о военной ситуации в районе Средиземноморья, 7 октября 1943 г.
66. Переписка У. Черчилля и И. В. Сталина в период высадки сил союзников в Нормандии, 6–9 июня 1944 г.
67. Телеграмма командующего оккупационными войсками во Франции фельдмаршала Э. Роммеля А. Гитлеру о положении на фронте вторжения англо-американских войск, 15 июля 1944 г.
68. Из приказа Верховного командования вермахта о подготовке обороны рейха, 19 июля 1944 г.
69. Из Манифеста польского Комитета национального освобождения, 22 июля 1944 г.
70. Из меморандума главы военной миссии США в Советском Союзе генерал-майора Дж. Дина послу США в СССР А. Гарриману о значении и результатах челночных бомбардировок американской авиации (операция «Франтик»), 17 сентября 1944 г
71. Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о военно-стратегической ситуации на фронтах войны к концу 1944 г., 6 декабря 1944 г.
72. Переписка И. В. Сталина и У. Черчилля по вопросу советской помощи союзным экспедиционным силам в период сражений в Арденнах, 6–7 января 1945 г.
73. Из меморандума Разведывательного управления главного командования стратегических воздушных сил США в Европе с обзором ситуации на западном фронте, 17 января 1945 г.
74. Доклад принца Коноэ императору о неизбежности поражения Японии в войне, 14 февраля 1945 г.
75. Из приказа А. Гитлера о «выжженной земле», 19 марта 1945 г.
76. Из информации Генерального штаба Красной армии, переданной главе военной миссии США в СССР генералу Дж. Дину, об атаке американскими истребителями советских боевых самолетов, 19 марта 1945 г.
77. Выдержки из дневника Й. Геббельса, 27 марта и 4 апреля 1945 г.
78. Директива Ставки ВГК № 11073 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов об установлении знаков и сигналов для взаимного опознавания советских и англо-американских войск, 20 апреля 1945 г.
79. Директива Ставки ВГК № 11075 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о порядке встречи с американскими и английскими войсками, 23 апреля 1945 г.
80. Из директивы командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова с определением порядка встречи войск фронта с союзниками, 23 апреля 1945 г.
81. Информация помощника начальника Генерального штаба Красной армии генерала Н. Славина, переданная исполняющим обязанности глав американской и английской военных миссий в СССР контр-адмиралам К. Олсену и И. Арчеру, 25 апреля 1945 г.
82. Донесение командира 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Г. В. Бакланова командующему 5-й гвардейской армией 1-го Украинского фронта о встрече с американскими войсками, 25 апреля 1945 г.
83. Из политдонесения начальника политотдела 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта генерала Каткова о встрече советских и американских подразделений, 25 апреля 1945 г.
84. Из политдонесения начальника политотдела 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта генерала Каткова о встрече командиров советских и американских полков и дивизий, 26 апреля 1945 г.
85. Из политдонесения 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта, составленного на основе донесений корреспондента ТАСС при 1-й американской армии майора Жданова, об отношении американских военнослужащих к немецкому населению, 28 апреля 1945 г.

86. Приказ японского имперского Генштаба своим войскам сложить оружие, 14 августа 1945 г.

87. Послание И. В. Сталина Г. Трумэну о включении Курильских островов в район сдачи советским войскам, 16 августа 1945 г.

88. Донесение члена Военного совета главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке И. Шикина наркому обороны о ходе капитуляции Квантунской армии, 21 августа 1945 г.

89. Из Акта о капитуляции Японии, 2 сентября 1945 г.

90. Из доклада группы по изучению стратегических бомбардировок военно-воздушных сил США о результатах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г.

II. Статистические данные

1. Производство основных видов промышленной продукции в СССР, США, Англии, Франции и Германии в 1940–1945 гг.

2. Производство важнейших видов военной техники в СССР и США.

3. Производство важнейших видов военной техники в Великобритании, Германии, Японии и Италии.

4. Характеристики стратегических операций англо-американских войск в Европе 1944–1945 гг.

5. Обеспечение стратегических наступательных операций англо-американских войск в Европе 1944–1945 гг. боевыми средствами.

6. Состав и дислокация сухопутных войск Великобритании в 1942 г. (кроме колониальных соединений).

7. Состав и дислокация сухопутных войск США (включая армейскую авиацию) в 1942 г.

8. Переброска канадских войск в Великобританию в 1939–1942 гг.

9. Переброска американских войск в Великобританию в 1942 г.

10. Состав сил в крупнейших морских сражениях на Тихом океане.

Приложение 1

ДОКУМЕНТЫ 1939–1945 гг.

№ 1

Переписка премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена с премьер-министром Французской Республики Э. Даладье по вопросу создания органов коалиционного руководства

Письмо Н. Чемберлена Э. Даладье

26 июля 1939 г.

1) В ходе недавних переговоров между генеральными штабами обеих наших стран обсуждался вопрос о разработке необходимых мер, обеспечивающих командование силами союзников, действующих во Франции.

2) Этот вопрос непосредственно связан с вопросом о договоренности между нами относительно координации всех наших усилий на период войны — политических, военных и экономических. Этот вопрос я обсуждал недавно с одним из моих коллег.

3) С нашей точки зрения, как показывает опыт войны 1914–1918 гг., сотрудничество союзников в предстоящей войне может быть организовано наилучшим образом, если оно будет строиться на системе, аналогичной той, которая уже действовала в 1917 г., но с учетом некоторых изменений и приспособленная к соответствующей обстановке. Чтобы выразить мои взгляды в наиболее полной форме, я не нашел ничего лучшего, чем процитировать Вам отрывок из письма г-на Ллойд Джорджа г-ну Пенлеве от 30 октября 1917 г.:

«Мы можем выиграть войну только в том случае, если союзнические государства сумеют все подчинить высшей цели и окажут самым эффективным образом максимум давления на центральные империи как в военной области, так и в областях экономической и политической.

Есть только один способ, и в этом я глубоко убежден, добиться такого результата: создать Единый Совет — что-то вроде межсоюзного генерального штаба, — который занимался бы разработкой планов и в течение всего хода событий следил за всеми действиями союзников. Этот Совет не должен посягать на роль правительств этих стран. Он обязан будет давать правительствам советы, а окончательные решения и приказы, обязательные для исполнения, остаются в поле деятельности заинтересованных правительств. Но такой Совет должен обладать всей полнотой информации о наличии ресурсов всех союзных держав не только в людях и боеприпасах, но и относительно количества кораблей, железнодорожного транспорта и т. п. Он будет действовать как объединенный генеральный штаб союзников, который в состоянии решать, какими средствами можно наилучшим образом выиграть войну; который будет обладать сведениями обо всех имеющихся в наличии ресурсах и который будет знать о положении дел на фронтах».

4) Я полагаю, что эти слова так же верны сегодня, как и в то время, когда они были написаны. Но если принять во внимание те изменения, которые произошли со времени последней войны, то сразу же бросится в

глаза тот факт, что ранее союзники прилагали все усилия к тому, чтобы удержать один фронт, линия которого тянулась от бельгийского побережья до Италии, мы же можем оказаться перед необходимостью вести военные действия на трех фронтах, которые будут отделены друг от друга довольно обширными пространствами: — Западно-Европейский фронт — Восточно-Европейский фронт (который может протянуться от Румынии до России) — и последний — район Средиземноморья, включая греко-турецкий фронт.

Таким образом, проблема, по крайней мере какой я ее вижу, состоит в том, чтобы создать организм, способный обеспечить эффективную координацию всех усилий союзных войск в войне, несмотря на те огромные расстояния, которые их разделяют.

5) Исходя из трудностей сообщения между союзными державами, на первый взгляд, было бы целесообразно создать межсоюзные советы на каждом из главных ТВД. Но мне кажется, что это противоречило бы идее полного единства всех усилий; поэтому мои коллеги и я полагаем, что должен быть один Высший Военный Совет, где будут представлены все члены коалиции. Мне думается, что этот Совет должен обладать теми же полномочиями, что и подобный Совет в 1917–1918 гг., то есть он будет лишен права принимать окончательные решения, но он смог бы дать советы и предложения правительствам союзных государств.

6) Одна из трудностей, возникающих из протяженности линий сообщений между ТВД в период войны на западе и востоке Европы, состоит в необходимости представителям государств вовремя прибывать в место заседания Совета. Само собой разумеется, что эти заседания должны проходить во Франции или в Англии. Причем необязательно, чтобы Высший Совет заседал всегда в одном месте, но с другой стороны, межсоюзный генеральный штаб должен иметь строго определенную главную квартиру. Межсоюзный генеральный штаб, о котором говорилось выше, должен будет представлять в Высший Совет сведения касательно технических вопросов. Желательно, чтобы местонахождение главной квартиры было в Англии.

7) Не разбирая в отдельности вопроса, где должен находиться Высший Совет — во Франции или в Англии, я придерживаюсь мнения, что каждая из наших стран должна быть равно представлена, как это было в прошлую войну, то есть в представительство должен входить премьер-министр и еще один член правительства. Я думаю, что это обеспечит наиболее эффективную работу Совета, а также и то, что каждый министр может прибыть на заседание Совета в сопровождении министров или советников в той области, которая будет наиболее соответствовать каждой повестке дня заседания.

8) Как мне кажется, нельзя особенно рассчитывать на постоянное присутствие премьер-министра и даже какого-либо министра других членов коалиции (например, Турции или Польши). Вопрос о выборе представителя в Совет должен полностью находиться в ведении этой страны. Например, государство может быть представлено в Совете своим послом. На мой взгляд, этот вопрос можно уточнить в период обсуждения с правительствами заинтересованных государств. Если эти государства будут представлены в Совете своими послами, то необходимо будет изыскать средства для обеспечения быстрого сообщения, которые позволили бы незамедлительно получить согласие восточных держав на те предложения, которые будут сделаны Высшим Военным Советом. Это очень сильный аргумент в защиту посылки франко-британских миссий на восточный и греко-турецкий фронты с самого начала военных действий. Эти миссии придали бы более эффективный характер сотрудничеству между членами коалиции. Работая в сотрудничестве с послами Англии и Франции, например, в Турции или в Польше, эти миссии способствовали бы координации усилий союзников, объясняя правительствам этих стран те предложения, которые были сделаны Высшим Военным Советом, и одновременно посылая в этот Совет сведения, абсолютно точно отражающие положение на тех ТВД, где они находятся, те сведения, которые иным путем никогда не получил бы Высший Совет.

9) Теперь я затрону вопрос о том, какой системы следует придерживаться в предоставлении Высшему Военному Совету военно-технических данных. Я предлагаю, чтобы на заседаниях Совета присутствовали также постоянные военные представители — по одному от каждой страны, представленной в Совете. Но они должны работать в тесном сотрудничестве и представлять в Высшем Совете одну общую точку зрения. Главное, чтобы эти технические советники не действовали и не давали никаких данных без ведома высшего командования ВМС, армии и авиации вооруженных сил своих стран. Они должны быть с этими высшими военными органами в постоянном контакте и непосредственно им подчиняться.

10) Вовсе не обязательно, чтобы Высший Военный Совет (то есть министры, которые являются его членами) был создан еще до начала военных действий, но я пришел к выводу, что франко-британский штаб, который описан мною в предыдущем параграфе, должен быть создан немедленно. Обсуждение некоторых вопросов, которое уже имело место, принесло довольно весомые плоды с той точки зрения, что они послужили базой для нашего сотрудничества в войне, а также способствовали налаживанию контактов между различными командующими французскими и британскими войсками в разных частях мира.

Однако ввиду весьма обширного круга проблем, которые необходимо решить очень детально, а также ввиду того что их необходимо решить как можно быстрее, спорадическая работа этого штаба, на мой взгляд, не даст должного результата. Я полагаю, что постоянный штаб, предназначенный для того, чтобы представлять на рассмотрение Высшего Военного Совета военно-технические сведения, должен быть организован немедленно с тем, чтобы постоянно изучать и координировать межсоюзные стратегические планы.

Я как глава британской делегации предложил бы выбрать (в состав объединенного штаба) трех офицеров (по одному представителю от каждого из трех видов вооруженных сил) чином не ниже дивизионного генерала (генерал-лейтенанта) и соответствующего ранга во флоте и в авиации. Если Вы одобрите мои предложения и согласитесь выделить офицеров на таких же условиях, то, я думаю, такой союзный штаб мог бы собраться на заседание в определенном месте (будь то Лондон или Париж), где он и будет работать постоянно.

В 6-м параграфе я предлагал, чтобы главная квартира Высшего Военного Совета находилась в Англии. Если Вы не против, то союзный штаб должен уже сейчас также обосноваться в Англии.

Я думаю, что он будет заниматься не только изучением англо-французских проблем, но также будет рассматривать различные стратегические вопросы, возникающие после обсуждения с представителями Турции, Польши и других держав.

До сих пор я рассматривал лишь вопрос, касающийся военных приготовлений, и выдвигал ряд предложений. В случае войны Высшему Военному Совету будет необходимо создать межсоюзные комитеты, которые разрабатывали бы директивы по экономическим вопросам, морскому транспорту, снабжению и всем другим важнейшим вопросам. Эти комитеты также напоминают те органы, которые представляли различные сведения в Верховный Военный Совет прошлой войной.

Постоянные советники необходимы, чтобы заниматься каждым из этих вопросов в отдельности и всеми ими в совокупности. Мне думается, что создание подобных органов может явиться естественным результатом тех контактов, которые уже установились между представителями обоих правительств. Разумеется, большое значение будет иметь то, что данные, касающиеся вопросов стратегии, должны полностью соответствовать тем данным, которые относятся к остальным, перечисленным выше факторам. Этот момент необходимо учитывать при разработке детальной структуры этой организации в целом.

Чтобы облегчить Вам процесс изучения предложений, которые я здесь рассматриваю, позвольте дать краткое резюме:

В случае войны:

1) Необходимо иметь один Высший Военный Совет, где будут представлены все союзные державы.

2) Этот Совет будет заседать либо в Англии, либо во Франции, но предпочтительно — в Англии.

3) Высший Военный Совет не будет наделен исполнительными полномочиями; все окончательные решения остаются за союзными правительствами.

4) Францию и Англию будут представлять премьер-министры и по одному министру от каждого государства. Премьер-министр прибывает на заседание в сопровождении тех министров или советников, которых он посчитает нужным иметь, учитывая повестку дня данного заседания.

5) Ввиду трудностей, связанных с сообщением, другие союзные державы могут делегировать в качестве своих представителей в Совете своих послов; это положение следует еще обсудить с правительствами заинтересованных стран.

6) Так как Совет будет находиться во Франции или в Англии, то необходимо будет с самого начала войны создать англо-французские миссии на восточных ТВД.

7) Высший Военный Совет будет иметь постоянных военных представителей от каждой из союзных стран. Эти представители будут сотрудничать как единый штаб, подчиняясь Высшему командованию ВМС, армии и авиации каждой из союзных стран.

8) Кроме обеспечения Высшего Военного Совета постоянной информацией по вопросам стратегии необходимо будет на период войны организовать и другие страны (комитеты) для представления сведений по вопросам экономики, морского транспорта, снабжения и т. д.

Первоочередные мероприятия:

9) Необходимо немедленно создать союзный военный штаб, о котором шла речь в параграфе 7-м. Этот штаб должен находиться в определенном месте — в Париже или Лондоне — и работать постоянно. Если будет решено создать на период войны Высший Военный Совет с местонахождением в Англии, то союзный штаб должен уже сейчас обосноваться также в Англии.

Буду очень признателен Вам, если Вы выскажете свою точку зрения по затронутым здесь проблемам. Если Вы найдете их приемлемыми, то я предложил бы уже сейчас заняться решением организационных вопросов.

Разумеется, сделанные мною предложения, касающиеся как военного, так и мирного времени, требуют тщательного изучения. Но мне хотелось бы, чтобы вопросы, касающиеся мирного времени, были рассмотрены в первую очередь.

Думаю, что было бы целесообразно как для Вас, так и для Вашего генерального штаба, чтобы генерал Исмэй — секретарь имперского комитета обороны — был в курсе всех этих вопросов и прибыл в Париж.

Невилл Чемберлен

Письмо Э. Даладье Н. Чемберлену

3 августа 1939 г.

Имею честь сообщить, что Ваше письмо от 26 июля мною получено.

Я полагаю, так же как и Вы, что мы обязаны уже сейчас предпринять все меры, которые будут в период войны способствовать координации всех наших усилий.

В числе этих мер я, как и Вы, ставлю на первое место создание Высшего Военного Совета, в который кроме глав правительств и министров (по одному от наших стран) войдут также представители правительств союзных с нами стран.

Я, так же как и Вы, считаю необходимым представительство в Совете кроме этих высоких персон высших военных лиц с правом совещательного голоса. Эти лица будут ответственны за исполнение решений Совета. От Франции таким лицом будет начальник генерального штаба, а в случае необходимости — командующие сухопутными, морскими и воздушными силами, а также начальник штаба по делам колоний.

Учитывая большие расстояния, разделяющие столицы различных союзных стран, представители высших органов командования других союзных стран (кроме Англии и Франции) могут быть представлены, так же как и главы их правительств, послами своих стран.

Высший Совет как орган военного времени должен, по-моему, собираться поочередно то в Англии, то во Франции.

Несомненно, Совет может в ряде случаев принимать решения, учитывая предложения, внесенные в письменном виде представителями держав. Эти решения должны быть предварительно подготовлены комитетом, о котором речь будет впереди.

Совет в своей деятельности будет опираться на англо-французские миссии, которые необходимо (в этом я согласен с Вами) командировать на Восточный ТВД с самого начала войны. С французской стороны такая миссия уже подготовлена; мы сможем обсудить ее совместный состав.

Представляет также интерес создание органа в составе высших британских и французских офицеров, который должен быть создан уже в мирное время и действовать постоянно для изучения и решения важных военных вопросов. Но я считаю, что это должен быть не штаб, а комитет военных исследований, члены которого будут работать под началом высших военных командований обеих наших стран, являющихся ответственными за ход операций и лучше, чем кто-либо другой, знающих, какие меры следует предпринять для подготовки этих операций.

Я, как и Вы, считаю, что такая организация, которую можно будет назвать Межсоюзным комитетом военных исследований, должна быть создана в самое ближайшее время. На мой взгляд, в него должны войти генералы и адмиралы, а также некоторые старшие офицеры, являющиеся представителями командования сухопутных, морских и воздушных сил, а также сил колоний. Эти офицеры совместно с представителями высшего военного командования Англии могут в силу необходимости встречаться с военным командованием наших союзников на Востоке, а для решения текущих вопросов — с военными атташе.

Что касается места заседаний Комитета, то я предложил бы Париж — ввиду удобства связи со всеми фронтами во Франции и в Африке. Но можно чередовать заседания — в Париже и в Лондоне, в зависимости от хода событий. Такой комитет станет своего рода секретариатом Высшего военного межсоюзного комитета, который будет создан в период войны и возьмет на себя ответственность за операции соответствующих видов вооруженных сил.

В ближайшее время предстоит осуществить немало дел; я назову лишь некоторые:

— создание военных органов (Высшего Военного Совета и Высшего Военного комитета);

— подготовка миссий для отправки на Восточный ТВД;

— изучение планов совместных операций;

— создание межсоюзных органов (комитетов) для разработки вопросов, связанных с экономикой, военным транспортом и снабжением;

— организация межсоюзных ТВД.

Генерал Гамелен уже имел беседу с генералом Исмеем по всем этим вопросам, и я не сомневаюсь, что в скором времени мы придем к единому мнению о необходимости тщательной подготовки наших правительств к совместным действиям во время войны.

Прошу принять уверения <...>.

Даладье

Письмо Н. Чемберлена Э. Даладье

17 августа 1939 г.

1) Признателен Вам за Ваше письмо относительно Высшего Совета от 3 августа. Счастлив, что мы единодушны по вопросу деятельности, которая должна обеспечить координацию наших действий в войне.

2) Согласен с Вашими предложениями о том, что в Высший Совет должны входить представители высшего военного командования и нести ответственность за исполнение решений Совета. Я хотел бы уточнить, что на некоторых важных заседаниях Совета по желанию премьер-министров могут присутствовать начальники штабов [видов вооруженных сил].

Офицеры, о которых я упоминал в параграфе 9-м своего письма от 26 июля, будут их постоянными представителями в главной квартире Высшего Совета, трудясь там ежедневно, получая задания от командующих сухопутными войсками, ВМС и ВВС.

3) Желательно, чтобы начальники штабов не только имели право присутствовать на заседаниях Совета, но и были обязаны высказывать свое мнение по определенным военным вопросам. Это относится также и к постоянным представителям этих начальников, когда они будут замещать их на тех или иных заседаниях.

4) Постоянные военные советники Англии, которые будут находиться при Высшем Военном Совете, будут назначены в ближайшее время, с тем чтобы они смогли подготовиться к своей миссии уже сейчас. Этот вопрос находится на рассмотрении генерального штаба. Мы полагаем, что именно они явятся британскими представителями в Консультативном комитете по разработке военных планов союзников, о котором Вы говорили в Вашем письме.

Я позволю себе добавить, что было бы очень полезно, если бы коллектив офицеров, который будет заниматься изучением союзных планов в период войны, смог бы сотрудничать с британскими военными советниками.

5) Все остальные вопросы, касающиеся Секретариата и пр., могут обсудить при встрече военные советники наших стран.

Чемберлен

РГВА. Ф. 198. Оп. 3. Д. 208. Л. 60–79.

№ 2

Телеграмма И. Риббентропа послу в Москве В. Шуленбургу по вопросу вступления частей Красной армии в восточные районы Польши

Берлин, 15 сентября 1939 г., 20 час. 20 мин.
Получена в Москве 16 сентября 1939 г., 7 час. 15 мин.

Совершенно секретно! Лично послу.

Я прошу Вас немедленно передать господину Молотову следующее:

1. Уничтожение польской армии, как это следует из обзора военного положения от 14 сентября, который уже был Вам передан, быстро завершается. Мы рассчитываем занять Варшаву в течение ближайших нескольких дней.

2. Мы уже заявили советскому правительству, что мы считаем себя связанными разграниченными сферами интересов, согласованными в Москве и стоящими обособленно от чисто военных мероприятий, что, конечно же, также распространяется и на будущее.

3. Из сообщения, сделанного Вам Молотовым 14 сентября, мы заключили, что в военном отношении советское правительство подготовлено и что оно намерено начать свои операции уже сейчас. Мы приветствуем это. Советское правительство, таким образом, освободит нас от необходимости уничтожать остатки польской армии, преследуя их вплоть до русской границы. Кроме того, если не будет начата русская интервенция, неизбежно встанет вопрос о том, не создастся ли в районе, лежащем к востоку от германской зоны влияния, политический вакуум. Поскольку мы, со своей стороны, не намерены предпринимать в этих районах какие-либо действия политического или административного характера, стоящие обособленно от необходимых военных операций, без такой интервенции со стороны Советского Союза [в Восточной Польше] могут возникнуть условия для формирования новых государств.

4. С целью политической поддержки выступления советской армии мы предлагаем публикацию совместного коммюнике следующего содержания: «Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления имперское правительство и правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них [Германии и СССР] естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов».

5. Предлагая подобное коммюнике, мы подразумеваем, что советское правительство уже отбросило в сторону мысль, выраженную Молотовым в предыдущей беседе с Вами, что основанием для советских действий является угроза украинскому и белорусскому населению, исходящая со стороны Германии. Указание мотива такого сорта — действие невозможное. Он прямо противоположен реальным германским устремлениям, которые ограничены исключительно хорошо известными германскими жизненными интересами. Он также противоречит соглашениям, достигнутым в Москве, и, наконец, вопреки выраженному обеими сторонами желанию иметь дружеские отношения представит всему миру оба государства как врагов.

6. Поскольку военные операции должны быть закончены как можно скорее в связи с наступающим временем года, мы будем благодарны, если советское правительство назначит день и час, в который его войска начнут наступление, чтобы мы, со своей стороны, могли действовать соответствующе. С целью необходимой координации военных операций обеих сторон нужно также, чтобы представители обоих правительств, а равно германские и русские офицеры, находящиеся на местах в зонах операций, провели встречу для принятия необходимых мер, для чего мы предлагаем по воздуху собрать совещание в Белостоке.

Прошу ответить немедленно телеграфом. <...>

Риббентроп

Публикуется по: Оглашению подлежит: СССР — Германия. 1939–1941.
Документы и материалы. М., 1991. С. 99–101.

№ 3

Директива Верховного главнокомандования вермахта № 6 на ведение войны

9 октября 1939 г.

1. Если в ближайшее время станет ясно, что Англия и под ее руководством Франция не пожелают окончить войну, то я намерен без промедления приступить к активным и наступательным действиям.

2. Длительное выжидание приведет не только к ликвидации бельгийского, а возможно, и голландского нейтралитета в пользу западных держав, но и к растущему усилению военной мощи наших противников, к падению веры нейтральных стран в конечную победу Германии. Оно не способствует тому, чтобы привлечь Италию на нашу сторону в качестве союзника.

3. Поэтому для дальнейшего ведения военных операций я приказываю следующее:

а) На северном фланге Западного фронта подготовить наступательные операции через люксембургско-бельгийско-голландскую территорию. Это наступление должно быть проведено как можно более крупными силами и как можно скорее.

б) Целью этих наступательных операций является разгром по возможности большей части французской действующей армии и сражающихся на ее стороне союзников и одновременно захват возможно большей голландской, бельгийской и северофранцузской территории в качестве базы для ведения многообещающей воздушной и морской войны против Англии и обширного предполья жизненно важной Рурской области.

в) Время начала наступления зависит от готовности танковых и моторизованных соединений, которые надо ускорить всеми силами, и от наличных или ожидаемых метеорологических условий.

4. Военно-воздушными силами воспрепятствовать действиям франко-английской авиации против наших войск и по мере надобности осуществлять непосредственную поддержку их продвижения. При этом будет важно не допустить базирования англо-французской авиации, а также высадку английских десантов в Бельгии и Голландии.

5. Военно-морскому руководству принять все меры к тому, чтобы во время этого наступления поддержать прямо или косвенно операции сухопутных войск и военно-воздушных сил.

6. Наряду с этой подготовкой к планомерному началу наступления сухопутные войска и военно-воздушные силы должны постоянно усиливать свою готовность к тому, чтобы немедленно противодействовать франко-английскому вторжению в Бельгию, выдвинувшись по возможности дальше в глубь бельгийской территории, и занять как можно больше голландской территории в направлении морского побережья.

7. Для маскировки подготовки делать видимость, что речь идет лишь о мерах предосторожности против угрожающего сосредоточения французских и английских войск на французско-люксембургской и бельгийской границе.

8. Я прошу главнокомандующих по возможности скорее доложить мне детально о своих намерениях на основе этой директивы и постоянно держать меня через штаб ОКВ в курсе дела о состоянии подготовки.

Адольф Гитлер

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 457–458.

№ 4

Выписки из протоколов заседаний Верховного совета союзников, проходивших в сентябре 1939 — июне 1940 г.

3-е заседание Верховного совета союзников

Лондон, 17 ноября 1939 г.

Верховный союзный совет решил, что:

1) Если немцы нанесут удары с воздуха по промышленным предприятиям или другим аналогичным объектам Франции или Великобритании, английские бомбардировочные силы распоряжением английского военного кабинета без дополнительного уведомления французского правительства могут быть немедленно нацелены на удары по определенным военным объектам Германии, однако ни французские, ни английские ВВС в настоящее время не будут осуществлять подобные воздушные налеты.

2) В случае вторжения немцев в Бельгию в ближайшие несколько месяцев действия союзников с воздуха должны быть ограничены ударами по военным объектам в самом узком смысле этого слова, т. е. ударами по войскам, военным линиям коммуникаций, аэродромам и т. п.

3) План нанесения ударов по определенным военным объектам Германии должен постоянно координироваться и быть готовым к осуществлению в любой момент.

4) В связи с важностью удержания немецких сил как можно дальше к востоку необходимо в случае вторжения немцев в Бельгию приложить все усилия к сохранению за собой рубежа Антверпен — Намюр.

5) Учитывая возможности наступления немцев в Юго-Восточной Европе, необходимо, чтобы вопрос о вероятных действиях франко-английских сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил самого различного состава стал предметом постоянного изучения военными специалистами обеих стран.

6) Для удовлетворения просьбы генерала Сикорского о том, чтобы польский офицер соответствующего ранга был прикомандирован к постоянному военному представительству союзников в Лондоне, было решено, что этот офицер будет присутствовать на заседаниях только в тех случаях, когда будут обсуждаться вопросы, касающиеся Польши.

(Ввиду крайне секретного характера вопросов, обсуждавшихся на заседании, копии с протоколов не рассылались, и лишь один экземпляр протокола был передан Секретариату в дело.)

4-е заседание Верховного совета союзников

Париж, 19 декабря 1939 г.

1. Юго-Восточная Европа.

Верховный совет союзников решил:

1) Очень важно, чтобы балканские страны, в частности Турция, Югославия, Греция и Румыния, были убеждены в необходимости создания блока, чтобы они смогли координировать использование своих ресурсов для отражения немецкой или русской агрессии. В этом вопросе им должна быть оказана помощь.

2) Указанные поддержка и помощь должны быть оказаны в форме: а) дипломатических действий, б) максимально возможных поставок военных материалов, которыми располагают французы и англичане, в) подготовительных мероприятий ограниченного масштаба для осуществления в случае необходимости возможного прямого вторжения франко-английских сил. К таким мероприятиям можно отнести, например, проведение консультаций между военными штабами, создание военных баз и пр.

3) Не может быть и речи о посылке каких-либо англо-французских сил даже в ограниченном количестве, если только Италия не проявит в связи с этим по меньшей мере определенный благожелательный нейтралитет. Фактически, отношение Италии к указанному вопросу имеет первостепенное значение, и очень важно избегать ущемления ее интересов.

4) Было бы невозможно предпринимать действия, намеченные в пункте 2 данной резолюции, без знания позиции Италии. В связи с этим желательно войти в неофициальный контакт с итальянским правительством с тем, чтобы в деталях проинформировать его о том, что преследуют этими действиями французское и английское правительства, и установить, какую можно ждать реакцию с его стороны до того, как будут предприняты какие-либо действия в намеченных направлениях. Установление неофициального контакта должно быть осуществлено безотлагательно через английского посла в Риме путем визита к графу Чиано. Посол должен подчеркнуть предварительный и оборонительный характер намеченных шагов на случай агрессии против Балкан со стороны Германии и (или) России.

5) Пока не будут известны результаты этих контактов, никаких новых переговоров со штабами балканских держав начинать не следует, однако это не должно препятствовать французскому генеральному штабу продолжать любые переговоры штабов, которые уже проходят.

6) Было бы своевременно начать дипломатические акции в столицах балканских стран через турецкое правительство. В качестве первого шага в этом деле следует заручиться поддержкой этого правительства. В этой связи Совет отмечает целесообразность встречи и переговоров турецкого генерального секретаря с английским послом в Софии на обратном пути в Анкару и полагает, что это создало бы удобную возможность рассмотреть, какие новые дипломатические действия могли бы быть предприняты в балканских столицах в целях создания единого балканского фронта, причем результаты этих переговоров должны быть переданы для сведения французского правительства в самые кратчайшие сроки.

2. Поставки самолетов из Соединенных Штатов Америки.

Верховный совет союзников рекомендует английскому правительству назначить представителя для участия в работе, развернутой французским правительством, по изысканию возможностей увеличения поставок самолетов и авиационных двигателей из Соединенных Штатов Америки.

3. Положение в Северной Европе. Возможности оказания помощи Финляндии и Скандинавским странам.

Верховный совет союзников:

1) Пришел к общему мнению о том, что весьма важно оказать любую возможную помощь Финляндии и предпринять дипломатические шаги в Швеции и Норвегии с целью поддержания решимости этих стран отразить акты агрессии.

2) Решил, что проект инструкций, подготовленный французским правительством для направления английскому и французскому послам в Швецию и Норвегию с целью принятия совместных дипломатических

акций, будет в самое ближайшее время рассмотрен английским правительством после получения его по обычным дипломатическим каналам.

4. О совместной декларации Франции и Великобритании о неприемлемости заключения сепаратного мира.

Верховный союзный совет решил использовать первую благоприятную возможность, чтобы изучить основные положения совместной декларации по данному вопросу.

5. О направлении английских войск во Францию.

Верховный союзный совет принял во внимание заявления французского и английского премьер-министров, в которых выражалось пожелание ускорить отправку английских войск во Францию, и учел факторы, которые, по мнению английского правительства, не позволяют иметь во Франции ранее 1 марта более 10 дивизий со всем их снаряжением.

5-е заседание Верховного совета союзников

Париж, 5 февраля 1940 г.

2. Поставки самолетов из Соединенных Штатов Америки.

Верховный союзный совет отметил следующее:

1) Главные причины, на основании которых французское и английское правительства считают необходимым изучить вопрос о том, должны ли их национальные программы производства самолетов подкрепляться более широким использованием возможностей авиационной промышленности Соединенных Штатов, остаются неизменными.

2) В связи с этим союзные правительства в настоящее время решили использовать производственные мощности авиационной промышленности Соединенных Штатов и привлечь экспертов обеих стран для изучения данного вопроса с целью выработки соответствующих предложений.

3. Помощь Финляндии.

Верховный союзный совет отметил:

1) Спасение Финляндии является делом первостепенной важности. Ее разгром, равно как и капитуляция перед Россией явились бы крупным поражением союзников.

2) Маловероятно, чтобы Финляндия могла бы продержаться после наступления весны, если она не получит подкрепления в количестве 30–40 тысяч солдат, которые должны быть обученными бойцами. Нынешний разношерстный поток добровольцев для данной цели недостаточен.

3) Поэтому союзникам необходимо направить туда соединения своих вооруженных сил. Формально они могут быть добровольцами по типу того, как Италия заявляла о невмешательстве в дела Испании.

4) Эти войсковые пополнения могли бы добраться до Финляндии либо а) через Петсамо, либо б) через Нарвик или другие норвежские порты.

Переброска войск через Петсамо могла бы, вероятно, вызвать открытое столкновение с Россией, была бы очень трудной и в то же время не смогла бы позволить оказать решительную поддержку финнам и не дала бы нам возможности контролировать железнорудные копи в Елливаре.

С другой стороны, переброска через порты Норвегии была бы более реальной и более эффективной. Это позволило бы союзникам убить двух птиц одним камнем.

Поэтому переброске войск через Нарвик и (или) другие норвежские порты следует отдать предпочтение как наиболее выгодной операции.

5) Две английские дивизии, которые 6 февраля должны быть направлены во Францию, следует задержать в Англии и подготовить для действий в Скандинавии.

Примечание: Сразу же после окончания заседания генерал-майор Исмей по указанию военного министра передал по телефону содержание этого решения начальнику оперативного управления и планирования операций в военное министерство для немедленного исполнения.

6) Ответственность за координацию подготовительных мероприятий к скандинавской экспедиции и за руководство действиями возлагается на англичан.

7) Делом первостепенной важности является получение согласия и, если возможно, содействия со стороны норвежцев и шведов. Для этого следует действовать следующим образом:

а) Финнам необходимо дать совет в соответствующий момент обратиться к мировой общественности вообще и к Норвегии и Швеции в частности с просьбой спасти их от захвата Россией.

б) После этого союзники должны будут потребовать право прохода через территории Норвегии и Швеции для своих войск.

в) Если эти страны заявят, что такие действия с их стороны могут оказаться поводом для нападения на них Германии, союзники должны иметь возможность заверить эти страны в том, что они могут немедленно направить значительные силы, которые готовы оказать этим странам любую помощь.

8) Важно, чтобы дипломатические акции, намеченные в предшествующем пункте, не предпринимались до тех пор, пока военные приготовления как для помощи Финляндии, так и для поддержки Норвегии и Швеции, если это будет необходимо, не будут завершены во всех деталях.

9) В связи с этим французский и английский штабы должны подготовить подробные планы и осуществить детальную подготовку для посылки через Нарвик и другие норвежские порты:

а) сил для оказания помощи финнам и

б) сил для поддержки Норвегии и Швеции.

10) Немцы уже, по-видимому, догадываются о том, что союзники задумали вмешательство в районе Скандинавии. В связи с этим начальникам штабов необходимо разработать соответствующие мероприятия по маскировке, в результате которых немцы не должны знать наших фактических замыслов.

11) В том случае, если норвежцы или шведы решительно воспротивятся нашим предложениям вплоть до активного противодействия, из-за чего союзники не смогут контролировать шведские железорудные разработки, может возникнуть необходимость вернуться на Верховном союзном совете к рассмотрению варианта переброски войск через Петсамо как единственной возможности оказать помощь Финляндии. Штабы должны иметь в виду такую возможность, когда они будут готовить планы и осуществлять подготовительные мероприятия в соответствии с основным вариантом.

6-е заседание Верховного совета союзников

Лондон, 28 марта 1940 г.

Политика союзников в отношении Норвегии и Швеции

1) Французское и английское правительства должны направить 1 апреля, в понедельник, сообщения правительствам Норвегии и Швеции с предложениями, изложенными английским правительством в пункте 7 проекта памятной записки.

а) Правительства союзных держав не могут больше мириться с нападками на Финляндию ни со стороны советского правительства, ни со стороны германского правительства. Поэтому, если такие нападки будут иметь место в будущем, любой отказ шведского и норвежского правительства поддержать усилия союзных правительств по оказанию помощи Финляндии в том виде, в каком они сочтут необходимым, а тем более любая попытка помешать оказанию такой помощи будет рассматриваться союзными правительствами как угроза их жизненно важным интересам.

б) Любые двусторонние политические соглашения, которые Швеция и Норвегия могут заключить с Германией, будут рассматриваться союзными правительствами как недружественные по отношению к ним акты, даже если они будут заключены под предлогом защиты Финляндии. Любой скандинавский союз, который предполагает принятие помощи от Германии и который тем самым создает между скандинавскими странами и Германией особые политические взаимоотношения, будут рассматриваться нами как соглашения, направленные против союзных стран.

в) Любая попытка Советского Союза получить у Норвегии базы на атлантическом побережье будет противоречить жизненно важным интересам союзных правительств.

г) Союзные правительства будут вынуждены принять соответствующие меры для сохранения своих интересов, если правительства Швеции и Норвегии откажут, отменят или урежут союзникам преимущества в вопросах коммерции и судоходства, которые союзные правительства считают необходимыми для ведения войны и которые скандинавским правительствам нет особого смысла не представлять.

д) Далее, учитывая, что союзники ведут войну в целях, которые совпадают с интересами малых государств в той же степени, как и с их собственными интересами, союзники не могут позволить того, чтобы ход войны оборачивался против них из-за того, что Германия будет получать преимущества со стороны Швеции и Норвегии. Поэтому они заявляют, что оставляют за собой право принимать такие меры, какие они сочтут

необходимыми, чтобы воспрепятствовать или помешать Германии получать от Швеции и Норвегии ресурсы или преимущества, что будет в этой войне выгодно для Германии и невыгодно для союзников.

2) Вслед за этим уведомлением 5 апреля должны последовать постановка мин в норвежских территориальных водах и операции против немецкого судоходства в этих водах.

Операции английского флота

3) Если французский военный комитет не будет возражать, операции английского флота начнутся 4 апреля, а действия авиации — 15 апреля.

Действия в Ботническом заливе

4) Французский и английский штабы должны безотлагательно разработать планы для нарушения германской торговли через Лулео, как только Ботнический залив откроется для судоходства.

Получение Германией нефти из Румынии

5) Принять меры, которые окажутся возможными, для уменьшения поставок нефти из Румынии в Германию.

Предполагаемый удар по нефтепромыслам Кавказа

6) Французские и английские специалисты должны немедленно изучить предложение об осуществлении воздушных бомбардировок русских нефтепромыслов на Кавказе. Они должны установить:

а) возможности того, что такая операция сможет быть эффективно осуществлена;

б) какой эффект окажет эта операция на СССР;

в) масштабы и эффективность вероятного ответного удара СССР;

г) вероятные отношения Турции к этому событию.

7) Французскому и английскому штабам следует подготовить детальные планы и провести или наметить все подготовительные мероприятия, которые можно осуществить заранее, например доставку на Ближний Восток бомб с тем, чтобы провести операцию без всяких задержек, если будет решено ее проводить.

Голландия и Бельгия

8) Политический курс союзников должен быть следующим:

а) Если Германия вторгнется в Бельгию, союзные силы должны немедленно вступить в пределы этой страны, не ожидая официального приглашения с ее стороны; однако такое намерение не должно быть известно бельгийскому правительству, если только оно не даст союзникам понять, что не придает никакого значения официальному приглашению.

б) Если Германия вторгнется в Голландию, а бельгийское правительство захочет оказать помощь Голландии, политика союзников должна быть направлена на оказание безотлагательного содействия Бельгии.

в) Если Германия вторгнется в Голландию, а Бельгия не захочет оказать помощь последней, союзники должны считать себя обязанными вступить на территорию Бельгии с целью оказания поддержки Голландии. Однако они должны обеспечить себе свободу действий в отношении окончательного курса, который будет принят.

г) Если Голландия захочет предоставить морские и (или) воздушные базы Германии, это должно рассматриваться как действие, несовместимое с политикой нейтрального государства и позволяющее союзникам принимать любые контрмеры, которые они сочтут необходимыми, однако окончательные решения, которые союзные правительства могут принять в каком-либо конкретном случае, будут зависеть от обстоятельств, сложившихся к тому моменту.

д) Непредвиденные обстоятельства, указанные в п.п. «в» и «г», должны быть предметом изучения французского и английского штабов.

Англо-французская декларация об отказе от подписания сепаратного мира и о послевоенном сотрудничестве

а) Должна быть опубликована совместная декларация о единстве целей по образцу, имеющемуся в Приложении к данному протоколу.

Об удвоении пропускной способности иракского нефтепровода

10) Английский премьер-министр немедленно рассмотрит французское предложение об увеличении вдвое пропускной способности нефтепровода от районов нефтедобычи в Триполи.

Блокада

11) Французские и английские официальные лица должны рассмотреть возможность создания более эффективной блокады путем установления ограничений тем нейтральным странам, которым это будет сочтено необходимым.

Контроль за контрабандой на Дальнем Востоке

12) Установление контроля за контрабандным провозом товаров в азиатскую Россию должно быть осуществлено следующим образом:

а) Первый этап должен заключаться в ограничении экспорта в СССР всех товаров, числящихся в списке контрабандных товаров, составленном Соединенным Королевством, Францией и их колониальными владениями.

б) Правительство Его Величества (Соединенного Королевства) должно связаться с королевскими правительствами доминионов и правительствами Индии и Бирмы и потребовать, чтобы они установили аналогичные ограничения, если это они до сих пор еще не сделали.

в) Командования военно-морских сил союзников на Дальнем Востоке должны получить указания о препровождении предпочтительно в порты Индокитая всех судов с Филиппин, Голландской Ост-Индии и т. п., которые подозреваются в провозе грузов в порты противника, если окажется возможным захватить эти суда.

г) Второй этап для союзных правительств должен заключаться в попытке достигнуть определенной договоренности с правительством Китая по вопросу китайского экспорта в Россию, а также принять согласованное решение о том, каким путем лучше всего убедить японское правительство согласиться с самым строгим ограничением товаров, которые перевозятся на японских судах или по железным дорогам, контролируемым Японией, и предназначены для Советской России.

д) Одновременно с осуществлением пункта «г» французский и английский послы в Вашингтоне, а также миссия Риста-Гваткина должны быть снабжены всеми материалами, рассчитанными на то, чтобы убедить правительство Соединенных Штатов предпринять параллельные действия и, если это будет возможно, доказать необходимость взаимодействия США с Японией.

Поставки самолетов из Соединенных Штатов

13) а) Союзные правительства должны немедленно известить англо-французскую закупочную комиссию, находящуюся в Соединенных Штатах, о том, что пересмотренный график поставок самолетов союзникам из Соединенных Штатов уже принят.

б) Представители заинтересованных французского и английского министерств должны тотчас же определить распределение заказов между двумя правительствами.

в) Принять во внимание, что английский премьер-министр обещал в ближайшем будущем направить памятную записку французскому правительству по вопросу экономического и финансового положения страны с тем, чтобы эти вопросы были изучены обоими правительствами.

Заседание Верховного совета союзников. Англо-французский секретариат

14) а) Принять в принципе предложение о том, чтобы союзный совет встречался более часто и регулярно.

б) Учесть, что правительства обеих стран рассмотрят предложение о создании постоянного союзного секретариата Верховного совета союзников.

Взаимоотношения с Россией

15) Принимая во внимание предложение, сделанное русским послом в Лондоне английскому министру иностранных дел о возобновлении торговых переговоров, союзным правительствам следует принять тактику затягивания до тех пор, пока правительства не достигнут соглашения по вопросу общей линии, которую они предложат проводить в отношении СССР и, в частности, по вопросу бомбардировки русских нефтепромыслов на Кавказе.

7-е заседание Верховного совета союзников

Лондон, 9 апреля 1940 г.

Верховный союзный совет решил:

Скандинавия

1) Сильные группировки войск должны быть направлены в порты норвежского побережья. В настоящее время ожидаются сведения относительно численности немецких сил в каждом порту. Как только эти сведения будут известны, будет принято решение о наилучшем распределении наличных сил с тем, чтобы нанести эффективный контрудар. Во всех случаях первой целью союзников должно стать отвоевание у немцев и удержание портов и железнодорожных узлов. Посылать силы не следует до тех пор, пока не будет выяснена обстановка на море.

2) При определении количества сил, которые должны быть направлены в каждый из этих портов, необходимо обратить особое внимание на овладение портом Нарвик с целью обеспечения последующих действий в Швеции, чтобы лишить Германию доступа к источникам железной руды.

3) На экстренную просьбу о помощи, поступившую от норвежского правительства, следует ответить заявлением об уже предпринятых операциях силами английского флота и авиации, а также указанием на то, что союзники спешно готовят силы, которые будут посланы на помощь Норвегии.

4) Принять во внимание, что:

а) Французские силы в составе одной альпийской дивизии, выделенные для действий в Скандинавии, получили приказ двигаться в порт погрузки и что передовые подразделения будут готовы к отплытию через 2–3 дня.

б) Два английских батальона будут готовы к отплытию из Скапа-Флоу этой ночью, а пять других батальонов — через 3 дня. Еще 4 батальона будут готовы к отплытию через две недели (14 суток).

в) Если для Скандинавии потребуются дополнительные силы английских войск, то они будут выделены за счет отвода их из Франции.

5) Учесть, что:

а) Английские силы флота и авиации в настоящее время заняты в операциях в районах, удаленных от побережья Норвегии, и результаты этих операций еще не известны.

б) Норвежское правительство уже согласилось с советом разрушить аэродром в Ставангере, если только его не удастся уберечь от немцев.

в) Соответствующие меры приняты к тому, чтобы обезопасить Фарерские острова.

г) Исландии уже направлено предупреждение.

Операции королевских ВМС

6) а) Если Германия нанесет удар на Запад, то операции королевских ВМС будут развернуты в самые кратчайшие возможные сроки.

б) Если союзные войска вступят на территорию Бельгии, операции королевских ВМС будут начаты одновременно.

7) Постановки мин у входов в фиорды, подверженные приливам, и в прибрежных водах могут быть начаты в любой момент, который сочтет наиболее подходящим английское правительство.

Бельгия

8) Французскому и английскому правительствам следует срочно направить бельгийскому правительству представление, в котором настоятельно посоветовать ему, чтобы оно попросило союзников ввести войска на бельгийскую территорию без всякого отлагательства до того, как Германия нападет на Бельгию. Следует подчеркнуть, что такая просьба создает возможность силам союзников оказать эффективную помощь в случае вторжения немцев. В представлении следует также отметить, что бельгийское правительство возьмет на себя тяжелую ответственность, если оно не направит союзникам такую просьбу. (Текст представления был согласован в конце данного заседания.)

9) Французы должны подкрепить совместные дипломатические акции в отношении бельгийского правительства одновременным контактом с бельгийским генеральным штабом по каналам французского главнокомандования.

10) В случае отрицательного ответа бельгийского правительства действия союзников должны быть сообразованы с обстоятельствами, которые сложатся к тому времени в Бельгии и вне ее.

Италия

11) Учесть, что в результате консультаций французского и английского адмиралтейств были подготовлены планы концентрации соответствующих сил флота в Средиземном море на случай объявления Италией общей мобилизации.

8-е заседание Верховного совета союзников

Париж, 22–23 апреля 1940 г.

I. Заседание 22 апреля 1940 г.

Скандинавия

1. Верховный союзный совет, учитывая, что лишение Германии источников шведской железной руды должно стать главной целью политики союзников, и принимая во внимание тот эффект, который был бы оказан успехам союзников в Скандинавии на мировое общественное мнение, договорился, что кампанию в Норвегии следует проводить с максимально возможной энергией.

2. Верховный союзный совет решил, что с учетом вышеизложенного ближайшими военными целями должны стать:

а) захват Тронхейма;

б) захват Нарвика и сосредоточение необходимого количества союзных сил на шведской границе.

3. Верховный союзный совет отмечает, что в отношении пункта 2 практические ограничения военных усилий союзников в Норвегии связаны скорее с трудностями высадки и организации снабжения войск в этой стране, чем с недостатком людских ресурсов или судов.

4. Верховный союзный совет отмечает, что в отношении пункта 2б английское правительство будет пользоваться полным правом использовать французскую часть сил, которая будет предоставлена в его распоряжение для норвежской операции в районе Нарвика.

5. Верховный союзный совет отмечает, что английское правительство примет все меры к тому, чтобы обеспечить суда для переброски 3-й французской легкой дивизии и всех последующих французских соединений, которые могут быть сформированы, как только будут подготовлены причальные устройства для их выгрузки в Норвегии (см. пункт 3 выше).

Потребности в судах

6. В соответствии с решением английского правительства предоставить суда для переброски французских колониальных войск Верховный совет постановляет:

а) в настоящее время абсолютный приоритет должно получить выделение судов для переброски войск в Скандинавию;

б) исходя из указанного в пункте «а», адмирал флота сэр Дадли Паунд и адмирал флота Дарлан должны договориться о детальном рассмотрении данного вопроса.

Повестка дня нового заседания

7. Верховный союзный совет договорился о том, что второе заседание Совета должно [состояться] следующим утром в 9.30 в Париже, чтобы обсудить политику союзников по следующим вопросам:

а) Кавказ;

б) Агрессия Италии против Югославии и (или) Греции;

в) Немецкая угроза Нидерландам с конкретным рассмотрением действий союзной авиации.

II. Заседание 23 апреля 1940 г.

Скандинавия

1. Верховный союзный совет, принимая во внимание особую важность фактора времени в Норвежской операции и возможность германской агрессии против Швеции, решил, что английский и французский штабы немедленно изучат следующие вопросы и примут незамедлительные меры, которые они посчитают целесообразными и выполнимыми:

а) Действия авиации по сосредоточению немецких войск и транспортов, которые будут определены как силы, предназначенные для удара по Швеции и (или) Аландским островам.

б) Организация регулярного сообщения с использованием небольших судов между соответствующими портами Великобритании и Норвегии.

в) Выделение норвежскому высшему командованию штата военных советников соответствующего ранга.

Германская агрессия против Нидерландов

2. Верховный союзный совет решил, что в случае вторжения немцев в Голландию союзным армиям следует немедленно вступить в Бельгию без дальнейших консультаций между союзными правительствами, независимо от того, какую позицию займет бельгийское правительство при подобных обстоятельствах. Глубина продвижения союзных армий при этом будет зависеть от отношения к этому бельгийцев.

3. Верховный совет союзников решил, что не следует ставить заранее бельгийское правительство в известность о том, какие действия союзники собираются предпринять в случае, изложенном в пункте 2, однако должна быть заранее подготовлена совместная нота, излагающая мотивы предполагаемых действий, чтобы передать эту ноту бельгийскому правительству сразу же после того, как агрессия будет совершена.

4. Верховный союзный совет решил, что в случае немецкой агрессии против Голландии или Бельгии или же против обеих стран одновременно английским военно-воздушным силам должно быть предоставлено право без последующих консультаций между союзными правительствами или высшим командованием союзников немедленно нанести удары по районам сосредоточения войск и нефтеперегонным заводам Рура.

Вероятность вмешательства Италии

5. Верховный совет союзников решил, что немедленное сосредоточение соответствующих сил флота на Средиземном море послужит не только сдерживающим фактором для вмешательства Италии, но и позволит целесообразно разместить наши силы на случай, если Италия неожиданно совершит акт агрессии. С другой стороны, совет считает, что при нынешних ситуациях было бы неоправданным шагом перебрасывать на Средиземное море какие бы то ни было военно-морские силы, которые крайне необходимы для проведения скандинавской кампании.

Соответственно с этим совет решил, что точное распределение военно-морских сил союзников должно быть осуществлено по усмотрению первого морского лорда адмиралтейства и французского военно-морского министра после взаимной консультации с учетом мнения, изложенного выше.

6. Верховный совет союзников решил, что английское и французское правительства в дальнейшем рассмотрят вопрос о том, следует ли им принимать еще какие-либо возможные меры с тем, чтобы удержать Италию от вступления в войну, такие, например, как перемещение войск в Северной Африке. Основополагающим моментом при этом должно быть то, что нельзя предпринимать никаких действий, которые могли бы вызвать конфликт с Италией до того, как будет закончено необходимое сосредоточение морских, сухопутных и военно-воздушных сил союзников в Восточном Средиземном море.

7. Верховный совет союзников решил, что союзные правительства должны направить греческому правительству совместный запрос относительно того, какую позицию оно займет в случае нападения Италии на Югославию и не согласится ли оно в этом случае на прибытие войск союзников в Салоники, а также, что в зависимости от ответа греческого правительства союзные правительства должны решить, целесообразно или нет при указанных обстоятельствах направлять экспедиционные силы в Салоники.

8. Верховный совет союзников, исходя из пункта 7 резолюции, решил, что французский и английский штабы должны немедленно изучить практические вопросы, которые возникнут из-за посылки союзных сил в Салоники, в первую очередь вопрос обеспечения значительным количеством судов, которые потребуются для переброски войск в этот порт.

9. Верховный совет союзников учитывает тот факт, что Италия накопила и продолжает накапливать запасы нефти, которые намного превышают ее потребности. Тем не менее совет решил, что в настоящий момент было бы нецелесообразно с политической точки зрения принимать какие-либо меры к ограничению ввоза нефти Италией, кроме мероприятий, направленных на установление контроля за норвежским танкерным флотом, от которого в значительной степени зависит ввоз нефти в Италию.

Кавказ

10. Верховный совет союзников отмечает, что детальные планы ударов с воздуха по русским нефтяным районам на Кавказе и планы выбора авиабаз для осуществления этих операций уже готовятся.

11. Верховный совет союзников решил, что указанные подготовительные мероприятия должны быть закончены в самые кратчайшие сроки с тем, чтобы союзные правительства после взаимных консультаций смогли бы приступить к их осуществлению в любой момент, если Советская Россия надумает предпринять какие-либо действия, идущие вразрез с интересами союзников.

12. В соответствии с пунктом 11, изложенным выше, Верховный совет союзников учитывает, что исходя из намеченной кампании в Скандинавии и минимальных потребностей для сдерживания агрессии Италии, английское правительство в данный момент не располагает бомбардировщиками таких типов, которые смогли бы действовать против Кавказа непосредственно с территории, принадлежащей союзникам. Совет также учитывает тот факт, что воздушные операции против Кавказа могли бы затронуть нейтралитет либо Турции, либо Ирана.

Людские ресурсы

13. Верховный совет союзников решил, что соответствующие министерства французского и английского правительств должны провести взаимные консультации относительно шагов, которые должны быть предприняты с тем, чтобы иметь возможность высвободить солдат старших возрастов французской армии для сельскохозяйственных работ во Франции, и что предложения, выработанные по этому вопросу, должны рассматриваться как дело неотложной важности соответствующими французским и английским министрами.

Уголь

14. Верховный совет союзников решил принять все необходимые меры для того, чтобы обеспечить поставку во Францию ежемесячно 1500 тыс. тонн угля из Великобритании для текущего потребления, а также попытаться увеличить поставку дополнительных 500 тыс. тонн угля ежемесячно в ближайшие месяцы, чтобы восстановить угольный запас Франции.

В этой связи совет принимает во внимание, что английское правительство учредило совет по добыче угля с постоянным председателем лордом Порталом в целях увеличения добычи угля в Великобритании.

10-е заседание Верховного совета союзников

Лондон, 27 апреля 1940 г.

I. Скандинавия

Верховный совет союзников рассмотрел положение в Норвегии и пришел к следующему заключению:

1) Перед лицом превосходства противника в воздухе захват и последующее удержание Тронхейма вызовет нежелательное перенапряжение ресурсов союзников, и поэтому эту операцию следует отменить.

2) Эвакуация союзных войск, находящихся в районе Ондальснес, может в любой момент оказаться весьма необходимой; однако, учитывая, что результатом эвакуации, несомненно, станет утрата престижа, следует после тщательного изучения вопроса военными специалистами принять меры к тому, чтобы не начинать эвакуацию до тех пор, пока не возникнет самая неотложная необходимость.

3) Союзные штабы в соответствии с предложением, внесенным генералом Гамеленом, должны изучить вопрос о последовательном отводе войск из района Намсус в северном направлении с целью замедления продвижения немецких войск от Тронхейма на север и удержания территории, которая обеспечит дополнительное прикрытие района Нарвика.

4) Овладение Нарвиком и сосредоточение соответствующего количества союзных сил на шведской границе остается важнейшей военной целью, в связи с чем необходимо принять все меры к тому, чтобы овладеть Нарвиком в самое кратчайшее время.

5) Министры информации обеих стран должны получить указание выработать общую точку зрения с целью согласованного освещения в прессе обеих стран событий, происходящих в Скандинавии.

6) Необходимо рассмотреть вопрос об обращении к шведскому правительству в нужный момент с предложением уничтожить железорудные рудники или самим шведам, или разрешить сделать это союзникам с выплатой за это компенсации на принципах соглашения, заключенного с румынским правительством во время прошлой войны.

II. Италия

Верховный совет союзников:

1) Принимает во внимание резолюцию, принятую на 8-м заседании о том, чтобы направить совместный запрос греческому правительству относительно его позиции в случае агрессии Италии против Югославии и согласится ли греческое правительство в этом случае на прибытие союзных войск в Салоники. Верховный совет союзников решил, что с таким запросом следует повременить до тех пор, пока французский и английский штабы совместно не выработают практические меры, связанные с направлением союзных войск в Салоники.

2) Решил, что французское и английское правительства должны изучить вопрос о том, какие военные объекты в Северо-Западной Италии должны быть немедленно атакованы с воздуха с французских аэродромов в том случае, если союзники окажутся в состоянии войны с Италией либо из-за того, что: а) Италия нападет на них, либо б) Италия совершит акт агрессии, который союзники будут обязаны пресечь; а также в качестве предварительного шага французский и английский штабы ВВС должны определить, какие аэродромы следует выбрать для этих операций и согласовать их общий план.

3) Принимает во внимание тот факт, что французское и английское министерства ВМС разработали планы действий флотов против военных объектов на итальянском побережье, и считает, что эти планы должны получить дальнейшую детализацию в военно-морских штабах обеих стран.

4) Решил, что необходимо принять меры, чтобы выяснить позицию турецкого правительства в отношении мер, которые должны быть приняты союзниками в случае акта агрессии итальянцев против Югославии.

12-е заседание Верховного совета союзников

Венсенн, 22 мая 1940 г.

Приложение 1

Решение, достигнутое во время встречи премьер-министра с генералом Вейганом

Было решено, что:

1. Бельгийская армия должна отойти на рубеж реки Изер и закрепиться там, открыв шлюзы.

2. Английская армия и 1-я французская армия должны нанести удар в юго-западном направлении на Бапом и Камбре в самое ближайшее время — безусловно, завтра — силами около восьми дивизий и бельгийского кавалерийского корпуса правее англичан.

3. Поскольку это сражение имеет жизненно важное значение для обеих армий и поскольку английские коммуникации зависят от того, будет ли свободен Амьен, английские ВВС должны оказать максимально возможную поддержку войскам днем и ночью на протяжении всего этого сражения.

4. Вновь созданная французская группа армий, которая продвигается на Амьен и создает рубеж на Сомме, должна нанести удар в северном направлении и соединиться с английскими дивизиями, атакующими с севера на юг в общем направлении на Бапом.

13-е заседание Верховного совета союзников

Париж, 31 мая 1940 г.

1. Норвегия

Верховный совет союзников решил:

а) Союзные силы, находящиеся в настоящее время в районе Нарвика, должны быть в самое ближайшее время эвакуированы.

б) Английский посол в Норвегии и лорд Корк должны получить указание немедленно передать это решение союзных правительств соответственно норвежскому правительству и норвежскому командованию в Нарвике. При передаче этого решения они должны предложить эвакуировать в Великобританию короля Норвегии, норвежское правительство и максимальное количество норвежских войск, которое возможно собрать. Аналогичное послание должно быть одновременно направлено и французским правительствам.

в) Английское правительство должно предоставить суда, необходимые для эвакуации союзных войск из Норвегии. Французские и польские войска должны быть эвакуированы непосредственно во Францию при условии возможности распределения по отдельным судам.

2. Эвакуация из Дюнкерка

Верховный совет союзников:

а) Принял во внимание, что к настоящему моменту в силу расположения войск на местности, в котором армии вышли на оборонительный рубеж вокруг Дюнкерка, французских войск, которые можно было бы эвакуировать, оказалось меньше по сравнению с английскими войсками. Английское правительство уже отдало распоряжение приложить все усилия к тому, чтобы в оставшиеся часы и дни эта диспропорция была ликвидирована.

б) Принимает во внимание тот факт, что английское правительство отдало распоряжение лорду Горту о том, что как только численность английских войск в районе Дюнкерка сократится до численности армейского корпуса, он должен передать командование назначенному командиру корпуса и вернуться в Англию.

в) Принимает во внимание тот факт, что французское правительство обещало отдать аналогичное распоряжение генералу Бланшару.

г) Решил, что:

1) Плацдарм в районе Дюнкерка следует удерживать силами союзных войск до тех пор, пока это будет возможно с тем, чтобы обеспечить эвакуацию максимального количества сил союзников.

2) Как только из Дюнкерка будут эвакуированы союзные войска и выведены силы флота, британское адмиралтейство выведет из строя гавань. Момент, когда это должно быть сделано, определит адмирал Абриаль.

Примечание: Текст телеграммы, который, как это согласованно, следует направить адмиралу Абриаль для выполнения данного решения, дается в приложении.

3. Дальнейшая помощь англичан Франции

Верховный союзный совет отмечает, что английское правительство, не высказывая никаких определенных обещаний в свете происходящих обсуждений, немедленно рассмотрит вопрос:

а) Какие подкрепления могут быть направлены во Францию, в первую очередь в связи с неизбежностью сражений на Сомме и Эне, и как быстро эти подкрепления будут присланы. Следует максимально выиграть время.

б) Какую поддержку с воздуха возможно будет оказать войскам в этих сражениях; и передаст результаты этого изучения вопроса французскому правительству в самое кратчайшее время.

4. Италия

Верховный совет союзников решил, что в случае вмешательства Италии в войну:

а) Наиболее важное значение будут иметь наступательные операции союзных войск, проведенные в самые кратчайшие сроки против выбранных объектов на территории Италии, в первую очередь на промышленный район Северо-Запада и места хранения запасов горючего.

б) Французский и английский штабы ВМС и ВВС должны немедленно согласовать вопрос о совместной разработке необходимых планов и подготовительных мероприятий, чтобы осуществить указанные мероприятия.

5. Крит

Военный совет союзников:

а) Принимает во внимание то обстоятельство, что планы немедленной оккупации Крита в случае итальянской агрессии против греческой территории уже готовы к немедленной реализации.

б) Решил, что французское и английское министерства иностранных дел должны незамедлительно рассмотреть вопрос о том, следует ли воздержаться от выполнения этих планов, если Италия осуществит враждебный акт против союзников без вторжения на территорию Греции.

6. Танжер

Верховные совет союзников решил, что в случае каких-либо акций испанцев в Танжере было бы нецелесообразным со стороны французского или английского правительств автоматически предпринимать меры, которые бы таили в себе риск вызвать вступление в войну Испании.

7. Контакты министров французского и английского правительств

Верховный совет союзников решил, что было бы желательно, чтобы члены правительства г-на Черчилля вступили в личные контакты с соответствующими членами французского правительства в самое ближайшее время.

Приложение

Телеграмма командующему силами «Север» (перевод)

Верховный совет союзников только что принял следующие решения:

1. Плацдарм должен удерживаться вокруг Дюнкерка силами дивизий, находящихся под Вашим командованием, и дивизий, находящихся в ведении английского командования, с целью обеспечения погрузки на суда союзных войск.

2. Как только Вы будете убеждены, что больше нет войск, находящихся вне плацдарма, способных пробиться к пунктам погрузки, войска, удерживающие плацдарм, должны быть отведены и погружены на суда, в то время как английские силы, действующие в арьергарде, будут держаться настолько долго, насколько это будет возможно.

3. Как только из Дюнкерка будут полностью эвакуированы сухопутные войска и морские силы, гавань должна быть выведена из строя. Ответственность за проведение этой операции возлагается на английское адмиралтейство, после того как Вы в нужное время дадите ему соответствующее уведомление.

4. Операции по эвакуации войск из Дюнкерка должны проводиться в соответствии с Вашими распоряжениями.

14-е заседание Верховного совета союзников

Бриар (Франция), 11 июня 1940 г.

1) Авиационная поддержка Франции:

Премьер-министр согласился немедленно изучить вопрос об оказании Франции поддержки с воздуха истребительной авиацией либо путем базирования новых английских эскадрилий истребителей во Франции, либо каким-либо иным способом.

2) Взаимодействие бронесил:

Было решено немедленно рассмотреть предложение генерала де Голля о том, чтобы легкие бронесилы генерала Эванса в случае проведения совместных операций действовали совместно или вошли в состав французских бронетанковых дивизий, имеющих тяжелые бронированные боевые машины.

3) Создание плацдарма на атлантическом побережье:

Было отмечено, что генерал Альтмейер-младший в настоящее время активно занимается подготовкой плана создания крепости на полуострове Бретань на тот случай, если остальная часть побережья Франции будет отрезана. Эта крепость обеспечит плацдармы, через которые сможет поступать английская помощь и помощь других стран в виде людских пополнений и предметов снабжения, с тем чтобы было возможно продолжать борьбу.

Английские представители отмечают огромную важность этого плана, и французская сторона выразила свое полное согласие с таким мнением, подчеркнув, однако, значительные технические трудности создания такой крепости.

4) Возможность контрудара в Северо-Западной Франции:

Было решено, что начальник имперского генерального штаба и французский главнокомандующий проведут взаимные консультации относительно возможности нанесения контрударов, скорее всего в районе Руана, как только достаточное количество английских войск займет позиции западнее линии фронта.

Публикуется по: Стратегические решения и вооруженные силы: новое прочтение. М., 2000. С. 628–641.

№ 5

Соображения Верховного командования вермахта о политических и административных мероприятиях при оккупации Норвегии, Дании и Швеции

26 февраля 1940 г.

1. Приводимые соображения основываются на той предпосылке, что оккупация северных государств будет осуществлена на начальном этапе в следующих объемах:

а) Норвегия.

Оккупируется вся территория страны.

В первую очередь создаются немецкие военные базы в Осло, Арендале, Кристиансанне, Ставангере, Бергене, Тронхейме и Нарвике. [От руки добавлено] Андалснесе.

Далее важно обеспечить работу следующих линий железных дорог:

Осло — Лиллехаммер — Тронхейм;

Нарвик — Риксгрэнзен — (Лулеа).

б) Дания.

[Следующая фраза зачеркнута] Оккупация ограничивается базами Скаген и Фредериксхавн. [От руки] Вся территория страны подвергается оккупации или берется под защиту Германской империи.

Следует обеспечить работу железной дороги Шлезвиг — Ютландия — Скаген и морских путей через проливы Большой и Малый Бельт и Зунд.

в) Швеция.

[Обе следующие фразы трижды зачеркнуты] Необходимо обеспечить возможность полного использования порта Лулеа и железнодорожной линии Лулеа — Нарвик.

В остальном оккупация не производится.

2. Эти соображения исходят из той предпосылки, что:

а) Норвегия подчиняется оккупации, и дело не доходит до тяжелых боев с участием в них населения;

б) Дания [следующие два слова зачеркнуты] и Швеция соглашаются с немецкими требованиями относительно обеспечения транспортной связи между Германией и Норвегией и сохраняют в период оккупации лояльную позицию.

В случае, если эти страны будут создавать трудности или оказывать сопротивление, то возникнет потребность в расширении масштаба военных мероприятий. Отсюда вытекают и дальнейшие выводы, касающиеся политической и административной области.

3. Оккупация Норвегии и [следующие в тексте три слова зачеркнуты и заменены словом «Дания»] северной оконечности Ютландии и установление таким образом военного контроля Германии над Скагерраком и западным побережьем Скандинавии будет иметь своим следствием установление полной блокады стран Северного и Балтийского морей со стороны Англии. Вследствие этого прекратится ведущаяся по морю в направлении запада внешняя торговля этих государств. Поставки продовольствия и сырья с этого направления прекратятся.

Таким образом, государства, лежащие в районе Северного и Балтийского морей, полностью лягут бременем на европейский континентальный экономический район. Снабжение их необходимо по меньшей мере в таких пределах, чтобы объем их поставок стратегических товаров Германии сохранился и по возможности был бы увеличен. Однако само снабжение их должно ложиться на империю возможно меньшим бременем. Из этого вытекает необходимость планомерного включения северных и балтийских государств в континентальную европейскую экономическую систему под германским руководством. Решающую роль будет играть здесь проблема транспорта.

Изучение всего этого вопроса в комплексе — без ссылки на планируемую операцию — возложено на управление военной экономики и военной промышленности.

4. Проекты общего направления политических, административных и экономических мероприятий прилагаются при сем по трем странам раздельно. <...>

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 409–410.

№ 6

Из отчета Комитета по проблемам международных отношений при Госдепартаменте США за январь — май 1940 г. с информацией о визите заместителя госсекретаря США С. Уэллеса в Европу зимой 1940 г.

Начало мая 1940 г.

<...> После того как германская армия захватила Польшу в сентябре 1939 г., европейская война вступила в свой относительно позиционный период. Обе противоборствующие стороны укрепляли свои позиции. Этот период продолжался всю зиму 1939/40 г. Правительство Соединенных Штатов решило использовать это время для выяснения следующего вопроса — существуют ли какие-либо предпосылки для того, чтобы Европа воз-

вратилась к миру. 9 февраля 1940 г. Белый дом объявил, что направляет с этой целью на континент заместителя госсекретаря мистера Уэллеса. Он должен был посетить Италию, Францию, Германию и Великобританию и доложить о своих впечатлениях президенту США. Уэллес не имел полномочий высказывать какие-либо предложения по замирению сторон и не имел полномочий заключать соглашения от лица своего правительства. Однако президент снабдил его письмом, в котором была зафиксирована точка зрения Соединенных Штатов на современное положение дел в мировой экономике. Мистер Уэллес прибыл в Европу в конце февраля 1940 г. и в течение трех недель совещался как с главами правительств, так и с видными государственными деятелями вышеупомянутых четырех стран.

После своего возвращения в США мистер Уэллес представил президенту конфиденциальный доклад, выдержки из которого приводятся ниже:

«Я не верю, что в настоящее время есть какой-либо шанс для проведения успешных переговоров о мире, если на них будут рассматриваться вопросы политического и территориального переустройства (то есть вопросы политического мира, как замечал Муссолини) либо вопросы экономического переустройства. Весь сложный комплекс проблем должен быть решен еще до того, как стороны смогут пойти на мирные договоренности.

Основная проблема, по моему мнению, это проблема безопасности сторон, которая неотделима от проблемы разоружения. Я все же верю, что существует еще небольшая надежда остановить войну, если ее начало было связано только с вопросом обеспечения безопасности. Если великие державы, даже за исключением СССР, смогут найти варианты такого разрешения конфликта, которые обеспечили бы взаимную безопасность и разоружение, то вопросы политического мира и экономики отошли бы на второй план. Возможность достижения мира нельзя недооценивать даже при том условии, если у власти в Германии останется гитлеровский режим.

У меня создалось впечатление, что люди в Германии сейчас живут как будто на другой планете. Для них ложь стала истиной, зло — добром, а агрессия — самообороной. Но, несмотря на все это, представляется, что вопрос собственной безопасности остается для немцев главным. Я полностью согласен с Муссолини, который считает, что сейчас никто не хочет войны. И если в настоящий момент немцы (я уверен, что их абсолютное большинство) объединились вокруг Гитлера, то они сделали это только из-за того, что чувствуют, что на карту поставлена судьба их собственной нации. Таким образом, единственная слабая надежда на то, что европейские страны смогут остановиться перед чертой, отделяющей их от катастрофы длительной и разрушительной войны (даже несмотря на то что у власти в Германии остаются национал-социалисты), состоит в том, что сами эти страны предпримут действенные меры для заключения соглашения об обеспечении взаимной безопасности и разоружения.

Говоря по правде, было бы чудом, если бы Чемберлену удалось еще раз склонить Великобританию и Францию на переговоры с Гитлером. Инициатива любой подобной попытки должна в любом случае исходить не из Европы. Римский папа, я опасаюсь, сейчас также сильно обескуражен. Основные мысли Ватикана сосредоточены на разрешении политических и территориальных вопросов. И очень мало уделяется внимания таким вопросам, как взаимная безопасность, разоружение или экономическая составляющая противоречий. Муссолини, в свою очередь, сильно привязан к Гитлеру. В итоге, остаются только Соединенные Штаты, поддержанные другими странами Нового Света.

Я уверен, что если настанет момент, когда наше правительство почувствует, что настало время действовать, то Ватикан и Муссолини поддержат инициативы США. <...>

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 110–112.

№ 7

Из письма А. Гитлера Б. Муссолини

25 мая 1940 г.

Дуче!

С момента моего последнего письма к Вам прошли дни, наполненные большим историческим содержанием. Я ничего не писал Вам пока об этом, потому что столь важные решения и мероприятия, которые сегодня стали реальностью, всегда таят в себе опасность неудачи. Но отныне эта опасность окончательно устранена.

Число пехотных соединений, устремившихся в брешь, пробитую танковыми, моторизованными дивизиями, увеличилось настолько — и оно продолжает ежечасно расти, — что любая попытка англо-французского руководства изменить судьбу приведет лишь к новым, еще более тяжелым поражениям. Прежде чем отдать приказ об окончательном прорыве в направлении пролива Па-де-Кале, я был убежден, что даже в случае отвода и отхода отдельных англо-французских частей все же должна наступить пауза в нашем продвижении вперед. В течение двух дней, которые мы смогли в результате этого выиграть, удалось привести в порядок зачастую настолько страшно разрушенные дороги, что теперь благодаря созданию крупных транспортных групп нам не угрожают какие-либо трудности в подвозе. Удалось также вновь подтянуть к вырвавшимся вперед танковым и моторизованным соединениям пехотные дивизии, следовавшие за ними форсированным маршем. В настоящий момент фронт на юге прикрыт мощными силами, а на севере мы уже миновали Кале. Сегодня утром все армии вновь переходят в наступление против противника, сила сопротивления которого начинает ослабевать. На территории, окруженной в настоящее время, находятся:

1) 20 бельгийских дивизий либо их остатки;

2) 13–14 английских дивизий либо также их остатки;

3) по меньшей мере 28 французских дивизий первой линии, по меньшей мере 10, но возможно и больше, французских дивизий резерва.

Таким образом, это означает, что объединенные голландско-бельгийско-франко-английские силы вместе взятые утратят в ближайшие дни примерно 60% своего общего состава. Что касается английских войск, то на континенте южнее нашего окружения осталось наряду с плохо обученными резервами, по-видимому, меньше двух дивизий. А французских дивизий осталось максимум 60, большая часть которых уже очень сильно потрепана. Против этих максимум 60 дивизий, которыми в настоящее время располагают еще Франция и Англия и часть которых скована на сохранившемся фронте либо на линии Мажино и в Альпах, в ближайшее время развернется немецкая ударная группировка в составе около 165 дивизий.

Достигнуто полное превосходство в воздухе над французской авиацией, а по отношению к английской авиации оно обеспечено настолько, что континент в любой момент прикрыт от ударов английских военно-воздушных сил.

Невозможно сказать, сколь долго продлится сопротивление окруженных союзных войск. Подтянутые основные силы тяжелой и сверхтяжелой артиллерии, подвоз достаточного количества боеприпасов, а также введение в бой свежих пехотных дивизий позволят отныне перейти на этом фронте к самым беспощадным действиям. Очевидно, этот фронт рухнет в ближайшие дни под мощными ударами переходящих в настоящее время в наступление войск. <...>

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 606–607.

№ 8

Из отчета о заседании Комитета по проблемам международных отношений Госдепартамента США

31 мая 1940 г.

<...> Мистер Уэллес подчеркнул, что экономическое возвышение Германии, по-видимому, будет играть ключевую роль в определении нашей позиции. Так, если германская таможня и финансовая система опутает всю Европу, то, например, Аргентине не останется ничего другого, как подчиниться германским требованиям относительно своего экспорта в Европу. Следовательно, вскоре она станет зависима от Германии не только экономически, но и политически. Мистер Уэллес отметил, что в этом случае нам не останется ничего другого, как пойти даже на субсидирование экспорта из Аргентины, или других подобных стран, чтобы как-то предупредить опасное развитие ситуации. <...>

Мистер Уэллес зачитал предложенную совместную резолюцию Конгресса и Сената, в которой говорилось, что мы не признаем и не согласимся на передачу любой территории в нашем полушарии от одной неамериканской страны к другой неамериканской стране. Если же будет предпринята попытка подобной акции либо

мы будем видеть, что такая акция готовится, то мы немедленно проведем консультации с другими американскими странами для принятия совместных действий. Мистер Уэллес подчеркнул, что эта резолюция была одобрена президентом и государственным секретарем и что он собирается в понедельник консультироваться с членами Конгресса и Сената. Он также объяснил, что, по его мнению, Гренландия входит в наше западное полушарие, однако в него не входит Исландия. В последовавшей затем дискуссии все присутствующие поддержали предложенную резолюцию, которая, по общему мнению, окажет эффект не только на американские страны, но и на Европу.

Дж. Мур затронул возможность предложить Великобритании и Франции продать нам свои острова в западном полушарии и в Тихом океане для того, чтобы союзники имели наличность для закупок наших товаров. Члены комитета обсудили также вопрос о том, насколько созрело наше общественное мнение для того, чтобы были внесены поправки в закон Джонсона и закон о нейтралитете, которые позволили бы передавать нашей армии и флоту оружие для его дальнейшего использования союзниками. <...>

Мистер Хорнбек поставил перед собравшимися следующий вопрос: Что мы будем делать, если Япония войдет в Голландскую Индию? Он подчеркнул, что оккупация Голландской Индии будет для нас дипломатическим поражением. Существуют две альтернативы развития ситуации: 1) мы соглашаемся со всем, что случается в мире за пределами Британской империи, или 2) мы используем свой вес против агрессивных государств. Если мы решаем следовать пункту 3), то наиболее уязвимым местом союзников станет южное направление, по которому продвигается японский флот. Наша задача атаковать и разрушить это направление. Доктор Хорнбек добавил, что если позволить японцам захватить Голландскую Индию, то рано или поздно за ней последуют Австралия, Новая Зеландия, Сингапур, Бирма, Индия и т. д. Другими словами, японцы будут доминировать во всей Азии. Проблемой для Японии является Россия. Японцы надеются, что когда Германия временно прервет свою войну на Западе, то она повернется против России. В этом случае Япония будет достаточно сильна для того, чтобы одновременно сдерживать русские силы на Дальнем Востоке и произвести удар в направлении Голландской Индии. <...>

Мистер Уэллес подвел итог заседания следующими словами: 1) мы должны внести поправки в законы Джонсона и о нейтралитете для того, чтобы найти возможность легального кредитования союзников; 2) закон о нейтралитете должен быть изменен таким образом, чтобы это позволило нашему правительству совершать поставки материалов; 3) мы должны стимулировать общественное мнение в том направлении, чтобы наши граждане поверили — избежать войны в ближайшие пять лет возможно только в том случае, если мы предпримем необходимые акции сейчас.

Мистер Уэллес убежден, что Соединенные Штаты способны стать решающим фактором на чаше весов, если мы смогли бы сейчас послать наш флот и воздушные силы в Европу. Однако он полностью осознает, что мы не можем не учитывать особенности предвыборной кампании в США в этом году и настроения самих американцев. Таким образом, к тому времени, когда американцы будут готовы действовать, наша помощь союзникам будет им уже не нужна, — она запоздает.

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 112–114.

№ 9

Из обращения генерала Ш. де Голля к французам примкнуть к нему для сопротивления агрессору

18 июня 1940 г.

Военачальники, возглавлявшие в течение многих лет французскую армию, сформировали правительство.

Ссылаясь на поражение наших армий, это правительство вступило в переговоры с противником, чтобы прекратить борьбу.

Конечно, нас подавили и продолжают подавлять механизированные наземные и воздушные силы противника.

Нас вынуждает отступать не столько численное превосходство немцев, сколько их танки, самолеты, их тактика. Именно танки, самолеты, тактика немцев в такой степени захватили наших руководителей врасплох, что ввергли их в то положение, в котором они сейчас находятся.

Но разве сказано последнее слово? Разве нет больше надежды? Разве нанесено окончательное поражение? Нет!

Поверьте мне, ибо я знаю, что говорю: для Франции ничто не потеряно. Мы сможем в будущем одержать победу теми же средствами, которые нанесли нам поражение.

Ибо Франция не одинока! Она не одинока! Она не одинока! За ней стоит обширная империя. Она может объединиться с Британской империей, которая господствует на морях и продолжает борьбу. Она, как и Англия, может неограниченно использовать мощную промышленность Соединенных Штатов. <...>

Я, генерал де Голль, находящийся в настоящее время в Лондоне, обращаюсь к французским офицерам и солдатам, которые находятся на британской территории или могут там оказаться в будущем, с оружием или без оружия; к инженерам и рабочим, специалистам по производству вооружения, которые находятся на британской территории или могут там оказаться, с призывом установить контакт со мной.

Что бы ни произошло, пламя французского сопротивления не должно погаснуть и не погаснет.

Публикуется по: Charles de Gaulle. Memoires de Guerre. L'Appel. 1940–1942. Paris, 1954. P. 267–268.

№ 10

Извлечение из условий перемирия между Германией и Францией, подписанных в Компьенском лесу

22 июня 1940 г.

Статья 1. Немедленное прекращение военных действий. Уже окруженные французские войска должны сложить оружие.

Статья 2. Для обеспечения германских интересов Германия оккупирует территорию, лежащую к северу и западу от линии, проходящей через следующие пункты: Женева, Доль, Шалон (на Соне), Парэ-ле-Моньял, Мулен, Бурж, Вьерзон, затем через пункт, находящийся в 20 километрах восточнее Тура, далее на юг параллельно железной дороге, идущей из Ангулема к Мон-де-Марсан и Сен-Жан-пье-де-Пор. Районы, входящие в эту территорию и еще не оккупированные, должны быть оккупированы немедленно после заключения этого соглашения.

Статья 3. На оккупированной территории Германия должна иметь все права оккупирующей державы, за исключением местного управления. Французское правительство должно обеспечить для этого все необходимые условия. Германия сократит до минимума оккупированную территорию на западном побережье после прекращения военных действий с Великобританией. Французское правительство может по своему усмотрению выбрать себе резиденцию на неоккупированной территории или даже переехать в Париж, если оно этого пожелает. В случае если французское правительство решит переехать в Париж, Германия предоставит ему необходимые условия для управления как оккупированной, так и неоккупированной территорией.

Статья 4. Французские военные, военно-морские и военно-воздушные силы должны быть демобилизованы и разоружены в срок, который будет установлен дополнительно, за исключением войск, необходимых для поддержания порядка. Численность и вооружение этих войск будут определены соответственно Германией и Италией. Французские вооруженные силы, находящиеся на оккупированной территории, должны быть отведены на неоккупированную территорию и демобилизованы. Предварительно эти войска должны сложить оружие в тех местах, где они находились в момент заключения перемирия.

Статья 5. В качестве гарантии Германия может потребовать сдачи в хорошем состоянии всей артиллерии, танков, противотанкового оружия, военных самолетов, вооружения пехоты, тракторов и боеприпасов, находящихся на территории, не подлежащей оккупации. Германия определит, в каком размере эти вооружения должны быть ей переданы.

Статья 6. Все оружие и военные материалы, находящиеся на неоккупированной территории, которые не остаются в распоряжении французских вооруженных сил, предусмотренных этим соглашением, должны

быть помещены в склады под контролем Германии или Италии. Производство новых военных материалов на неоккупированной территории должно быть немедленно прекращено. <...>

Статья 8. Весь французский флот, за исключением той части, которая будет оставлена Франции для обеспечения французских интересов в колониях, должен быть собран в порты, которые будут для этого назначены, для демобилизации и разоружения под германским и итальянским контролем. Германское правительство торжественно заявляет, что оно не имеет намерения использовать в своих собственных интересах в течение войны французский флот, который будет находиться в портах под германским контролем, за исключением судов, необходимых для несения береговой службы и для вылавливания мин. За исключением той части флота, которая будет предназначена для защиты колониальных интересов и размеры которой должны быть еще определены, все остальные корабли, находящиеся вне французских территориальных вод, должны быть немедленно отозваны во Францию. <...>

Статья 10. Французское правительство не должно предпринимать никаких враждебных действий при помощи остающихся у него вооруженных сил. Французским военнослужащим будет запрещен выезд из Франции. Франция не должна передавать Англии никакой материальной части. Ни один француз не должен состоять на службе у других держав против Германии.

Статья 11. Ни одно французское торговое судно не должно покидать портов. Торговое судоходство может быть возобновлено лишь с предварительного разрешения германского и итальянского правительств. Торговые суда, находящиеся вне Франции, будут отозваны или, если это окажется невозможным, зайдут в нейтральные порты.

Статья 12. Ни один французский самолет не должен подниматься в воздух. Аэродромы должны находиться под германским или итальянским контролем. Все иностранные самолеты, находящиеся на неоккупированной территории, должны быть переданы германским властям. <...>

Статья 14. Все радиопередаточные станции на французской территории должны быть закрыты.

Статья 15. Французское правительство должно содействовать перевозкам товаров между Германией и Италией через неоккупированную территорию.

Статья 16. Французское правительство должно вернуть население на оккупированную территорию.

Статья 17. Французское правительство должно предотвратить вывоз ценностей и запасов с оккупированной на неоккупированную территорию или за границу.

Статья 18. Расходы по содержанию германской оккупационной армии должны быть оплачены Францией. <...>

Статья 20. Все французские военнопленные, находящиеся в немецких руках, останутся там до заключения мира. <...>

Статья 23. Перемирие вступит в силу, как только французское правительство заключит такое же соглашение с итальянским правительством. Военные действия будут прекращены через 6 часов после того, как итальянское правительство сообщит о заключении этого соглашения. Германское правительство оповестит об этом по радио.

Статья 24. Данное перемирие будет действительным до заключения мирного договора и может быть расторгнуто в любой момент, если французское правительство не будет выполнять свои обязательства.

Публикуется по: Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 7. С. 101–162.

№ 11

Из директивы Гитлера № 16 о подготовке операции по высадке в Англии (план «Зеелеве»)

16 июля 1940 г.

Поскольку Англия, несмотря на свое бесперспективное военное положение, все еще не проявляет никаких признаков готовности к достижению взаимопонимания, я принял решение: подготовить и, если это станет необходимым, провести операцию по высадке войск на ее территории.

Цель операции — устранить английскую метрополию как базу для продолжения войны против Германии и, если потребуется, полностью захватить ее.

Посему приказываю:

1. Высадка войск должна произойти в форме неожиданной переправы на широком фронте примерно от Рамсгейта до района западнее о. Уайт, причем на долю авиации выпадает роль артиллерии, а соединений военно-морского флота — роль минеров.

Вопрос о целесообразности перед началом общей переправы предпринять частные операции (скажем, для овладения о. Уайт или графством Корнуэлл) следует изучить с той точки зрения, какой именно составной части вермахта это следует сделать, и результат доложить мне. Принятие решения оставляю за собой.

Подготовительные операции закончить до середины августа.

2. К этим подготовительным мерам принадлежит также создание тех предпосылок, которые сделают возможной высадку в Англии:

а) Английская авиация должна быть настолько морально и фактически подавлена, чтобы она больше не противодействовала переправе германских войск в качестве заслуживающей упоминания наступательной силы.

б) Должны быть проделаны свободные фарватеры в минных полях.

в) Плотными минными заграждениями следует преградить Дуврский канал (Па-де-Кале) на обоих его флангах, а также западный вход в канал Ла-Манш примерно по линии Олдерней — Портленд.

г) Под прикрытием сильного огня береговой артиллерии овладеть прибрежной полосой водного пространства и средствами артиллерии отрезать его.

д) Желательно незадолго до переправы сковать английские военно-морские силы как в Северном, так и действиями итальянцев в Средиземном море, причем уже сейчас следует попытаться по возможности нанести налетами авиации и торпедными атаками урон английским военно-морским силам, находящимся в метрополии. <...>

Публикуется по: Якобсен Г.-А. Вторая мировая война: Два взгляда. М., 1995. С. 111–112.

№ 12

Директива Верховного главнокомандования вермахта № 17 о ведении воздушной и морской войны против Англии

1 августа 1940 г.

С целью создания предпосылок для окончательного разгрома Англии я намерен вести воздушную и морскую войну против Англии в более острой, нежели до сих пор, форме. Для этого приказываю:

1. Германским военно-воздушным силам всеми имеющимися в их распоряжении средствами как можно скорее разгромить английскую авиацию. Налеты направлять в первую очередь против летных частей, их наземной службы и средств связи; далее — против военной авиационной промышленности, включая промышленность по производству материальной части зенитной артиллерии.

2. По достижении временного или местного превосходства в воздухе продолжать действия авиации против гаваней, особенно против сооружений, предназначенных для хранения запасов продовольствия, и, далее, против таких же сооружений внутри страны.

Налеты на порты южного побережья производить с учетом запланированной операции в возможно меньшем масштабе.

3. Борьба с вражескими военными и торговыми судами должна отступить, по сравнению с этим, на второй план, за исключением тех случаев, когда речь идет об особенно благоприятных целях, появляющихся на короткое время, или же когда в рамках налетов, осуществляемых согласно пункту 2, может быть достигнут дополнительный эффект, или это необходимо для обучения экипажей для дальнейшего ведения войны.

4. Усиленную воздушную войну вести таким образом, чтобы авиация в любой момент могла быть привлечена к поддержке операций военно-морского флота против благоприятных целей кратковременного характера. Кроме того, она должна сохранить свою боеспособность для операции «Морской лев».

5. Террористические налеты в качестве возмездия остаются в моей компетенции.

6. Усиление воздушной войны можно начать с 5 августа. Точную дату авиации назначить самой в зависимости от окончания подготовки и метеоусловий.

Военно-морскому флоту одновременно разрешается предусмотренное усиление военных действий на море.

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 678–679.

№ 13

Из переписки между послом Великобритании в США лордом Лотианом и государственным секретарем США К. Хэллом по поводу обмена американских эсминцев на аренду территории британских владений для военных баз США

Письмо посла Великобритании в США лорда Лотиана государственному секретарю Соединенных Штатов К. Хэллу

Вашингтон, 2 сентября 1940 г.

Сэр!

По поручению министра иностранных дел Его Величества я имею честь сообщить Вам, что правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, питая дружественную и доброжелательную заинтересованность в обеспечении национальной безопасности Соединенных Штатов и стремясь помочь им в их усилиях эффективно сотрудничать с другими американскими странами в обороне Западного полушария, добровольно и безоговорочно выражает настоящим свое согласие предоставить правительству Соединенных Штатов разрешение на правах аренды на немедленную организацию и пользование военно-морскими и военно-воздушными базами и всеми средствами обслуживания, необходимыми для снабжения, эксплуатации и обороны этих баз на Авалонском полуострове, на южном берегу Ньюфаундленда и на восточном берегу Большого Бермудского залива.

Далее, ввиду вышесказанного стремления Соединенных Штатов получить разрешение на организацию дополнительных военно-воздушных и военно-морских баз в Карибском море и в Британской Гвиане, а также ввиду необходимости произвести денежную или коммерческую оценку различных материальных и нематериальных прав и собственности, о которых идет здесь речь, правительство Его Величества сделает все возможное, чтобы Соединенные Штаты могли немедленно приступить к эксплуатации военно-морских и военно-воздушных баз и пользоваться всеми вспомогательными средствами, необходимыми для их снабжения, эксплуатации и обороны на восточном побережье Багамских островов, на южном побережье Ямайки, на западном побережье о. Св. Лючия, на восточном берегу о. Тринидад, на острове Антигуа и в Британской Гвиане в радиусе 50 миль от Джорджтауна в обмен на военно-морское и военное снаряжение и материалы, которые правительство Соединенных Штатов передаст правительству Его Величества.

Все упомянутые выше базы и вспомогательные средства будут предоставлены в пользование Соединенным Штатам на период в 99 лет без взимания с них какой-либо арендной платы или других платежей, выходящих за пределы тех сумм, о которых будет достигнуто обоюдное согласие и которые будут выплачены Соединенными Штатами с целью компенсации владельцев частной собственности за причиненный им при организации этих баз ущерб, выразившийся в экспроприации или причинении вреда их движимой или недвижимой собственности.

Правительство Его Величества, передавая Соединенным Штатам в соответствии с достигнутым соглашением разрешение на аренду, одновременно передаст им на весь период аренды все права и всю административную власть в пределах территории этих баз и в пределах, прилегающих к ним или необходимых для их снабжения и обороны, или для осуществления управления их деятельностью территориальных вод и воздушного пространства. <...> Имею честь быть, сэр, Вашим покорнейшим слугой,

Лотиан

Письмо государственного секретаря США послу Великобритании

Вашингтон, 2 сентября 1940 г.

Я получил Вашу ноту от 2 сентября 1940 года. <...> Я уполномочен президентом ответить на нее следующим образом: Правительство Соединенных Штатов высоко ценит заявления и искренние и бескорыстные действия правительства Его Величества, которые изложены в Вашем послании и которые будут способствовать как укреплению национальной безопасности Соединенных Штатов, так и в огромной степени увеличению ее возможности эффективно сотрудничать с другими странами Америки в обороне Западного полушария. Правительство Соединенных Штатов поэтому с радостью принимает Ваше предложение.

Правительство Соединенных Штатов немедленно назначит своих экспертов для встречи с экспертами правительства Его Величества для определения точного местоположения военно-морских и военно-воздушных баз, упомянутых в Вашем послании.

В ответ на сделанные Вами заявления правительство Соединенных Штатов немедленно передаст правительству Его Величества 50 эсминцев военно-морского флота Соединенных Штатов, относимых обычно к классу эсминцев 1200-тонного водоизмещения. <...>

Кордел Хэлл

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 114–116.

№ 14

Пакт трех держав

(извлечение)

27 сентября 1940 г.

<...> Статья 1. Япония признает и уважает руководство Германии и Италии в деле создания нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководство Японии в деле создания нового порядка в великом восточноазиатском пространстве.

Статья 3. Германия, Италия и Япония согласны сотрудничать на указанной выше основе. Они, далее, берут на себя обязательство поддерживать друг друга всеми политическими, хозяйственными и военными средствами, в случае если одна из трех Договаривающихся Сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в китайско-японском конфликте.

Статья 4. Для осуществления данного пакта немедленно будут созваны общие технические комиссии, члены которых будут назначены правительствами Германии, Италии и Японии.

Статья 5. Германия, Италия и Япония заявляют, что данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников соглашения и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу немедленно после его подписания и будет действовать в течение 10 лет, считая со дня его вступления в силу.

Публикуется по: Мировое хозяйство и мировая политика. 1940. № 10. С. 117.

№ 15

Директива Верховного командования вермахта № 20 о нападении на Грецию (операция «Марита»)

13 декабря 1940 г.

1) Исход боев в Албании пока еще определить нельзя. Ввиду сложившегося в Албании угрожающего положения вдвойне важно сорвать осуществление английских стремлений, направленных на создание под защитой балканского фронта авиационных баз, представляющих опасность прежде всего для Италии, но наряду с тем и для румынского нефтяного района.

2) Отсюда мое намерение:

а) в ближайшие месяцы создать в Южной Румынии постепенно усиливающуюся группу войск;

б) как только установится благоприятная погода — предположительно в марте, — двинуть эту группу войск через Болгарию для овладения северным побережьем Эгейского моря и — если это потребуется — всей континентальной Грецией (операция «Марита»). На поддержку Болгарии следует рассчитывать. <...>

6) По завершении операции «Марита» главные силы введенных в действие соединений намечается вывести для нового использования. <...>

Адольф Гитлер

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 1. С. 707–708.

№ 16

Из послания президента Ф. Рузвельта конгрессу США

6 января 1941 г.

Наша национальная политика заключается в следующем:

Во-первых, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы создаем всестороннюю национальную оборону.

Во-вторых, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы оказываем повсюду самую решительную поддержку тем нациям, которые борются против агрессии и тем самым не дают войне распространиться на наше полушарие. Оказывая им эту поддержку, мы тем самым выражаем нашу уверенность в том, что дело демократии восторжествует, и укрепляем собственную оборону и безопасность.

В-третьих, в соответствии с явно выраженной волей народа и невзирая на партийную принадлежность, мы считаем, что как моральные принципы, так и наша собственная безопасность не дают нам права одобрить такой мир, который был продиктован агрессором и принят «умиротворителями». Мы знаем, что нельзя купить прочный мир за счет свободы других народов.

Во время последних президентских выборов между нашими двумя основными партиями не наблюдалось сколько-нибудь существенных разногласий в оценке национальной политики. Ни один из касающихся ее вопросов не стал орудием партийной борьбы за голоса избирателей. Сейчас совершенно очевидно, что американские граждане повсюду требуют и поддерживают принятие незамедлительных действий, которые продиктованы угрожающей нам опасностью.

Следовательно, сейчас перед нами стоит неотложная задача быстрого и всестороннего увеличения производства вооружений. <...>

Я прошу также конгресс предоставить мне полномочия и денежные фонды, необходимые для организации производства дополнительного количества всевозможных видов вооружений и боеприпасов, чтобы передать их тем народам, которые уже сражаются с агрессивными державами.

Сейчас мы можем сыграть наиболее полезную роль, если мы станем арсеналом вооружений, как для этих сражающихся народов, так и для себя самих. Странам, сражающимся с агрессором, не нужна людская сила. Им нужно оружие защиты, стоимость которого равняется миллиардам долларов.

Публикуется по: New York Times. 1941. January 7.

№ 17

Из директивы командования вооруженных сил США по вопросу совместного военного планирования с Великобританией

Январь 1941 г.

<...> Мы не можем себе позволить вручить судьбу нашего государства английскому руководству, да и не нуждаемся в этом, ибо Соединенные Штаты могут обеспечить безопасность североамериканского континента и, вероятно, всего Западного полушария, независимо от того, будут они в союзе с Англией или нет. Руководители армии и флота Соединенных Штатов в большинстве своем считают, что Англия не может победить Германию, если Соединенные Штаты не окажут ей прямой военной помощи и, кроме того, материальной поддержки в значительно больших размерах, чем она оказывается в настоящее время, и что даже тогда успех борьбы против держав оси не гарантирован.

Следует ожидать, что предложения английских представителей будут составлены, имея в виду главным образом помощь Британскому Содружеству Наций. Англичане никогда не упускают из виду свои послевоенные интересы — коммерческие и военные. И мы также должны в конечном счете заботиться о своих собственных интересах. <...>

Публикуется по: Мэтлофф М., Снелл Э.
Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. / Пер. с англ. М., 1955. С. 45.

№ 18

Из директивы Ф. Рузвельта о сотрудничестве с Великобританией

16 января 1941 г.

<...> На Тихом океане мы должны занимать оборонительные позиции, базируя свой флот на Гавайских островах; командующий азиатским флотом должен будет сам решать, до каких пор его флот может базироваться на Филиппинах и в каком направлении отходить — на восток или в Сингапур. <...>

Военно-морские силы должны быть готовы к эскортированию торговых судов, идущих в Великобританию, и несению патрульной службы в прибрежных водах от побережья штата Мэн до мысов на побережье Виргинии.

Армии не следует предпринимать каких-либо активных военных действий до тех пор, пока она полностью не будет к этому подготовлена. Наша военная политика должна быть очень осторожной до тех пор, пока не будут развернуты наши вооруженные силы. <...>

Мы должны сделать все возможное, чтобы непрерывно снабжать Великобританию главным образом с той целью, чтобы сорвать основной замысел Гитлера о вовлечении США в войну в данный момент, а также для того чтобы подбодрить Великобританию.

Публикуется по: Батлер Дж. Большая стратегия. Сентябрь 1939 — июль 1941 г.
М., 1959. С. 396.

№ 19

Директива командования вермахта № 24 о сотрудничестве с Японией

5 марта 1941 г.

Фюрер дал следующий приказ о сотрудничестве с Японией:

1. Целью сотрудничества, основанного на тройственном пакте с Японией, является заставить Японию как можно скорее предпринять активные действия на Дальнем Востоке. <...> Таким образом, английские силы будут ослаблены, и центр тяжести интересов США будет перенесен на Тихий океан. Чем скорее это произойдет, тем больше шансов на успех будет иметь Япония, поскольку ее будущие соперники все еще недостаточно подготовлены к войне. Операция «Барбаросса» вызовет особенно благоприятные политические и военные предпосылки для проведения в жизнь этого плана.

2. Для того чтобы проложить путь для сотрудничества, необходимо всеми возможными средствами усилить военный потенциал Японии. С этой целью верховное командование вооруженными силами будет самым щедрым образом помогать Японии путем информации, основанной на военном опыте Германии в военно-экономическом отношении и технических вопросах. Здесь желательна взаимность, но даже иное положение не должно явиться препятствием к такого рода сотрудничеству. Прежде всего следует удовлетворять те запросы японцев, которые имеют непосредственное значение для ведения войны. В особых случаях фюрер оставляет право решения за собой.

3. Координация оперативных планов обеих держав возлагается на верховное командование флота. Она должна основываться на следующих руководящих принципах:

a) Общая цель ведения войны должна формулироваться следующим образом. Нужно быстро разбить Англию и тем самым удержать Америку от вступления в войну. Кроме этого, Германия не имеет никаких экономических, военных или политических интересов на Дальнем Востоке, которые бы давали основание для каких-либо действий, идущих вразрез с намерениями Японии.

b) Большие успехи, достигнутые Германией против торгового флота в войне, делают особенно необходимым применение мощных японских сил для той же цели. Поэтому необходимо использовать всякую возможность поддержать германские военные операции против торгового флота.

c) Положение держав оси в отношении сырьевых ресурсов требует, чтобы Япония захватила те территории, которые ей необходимы для продолжения войны, в особенности в том случае, если вмешаются Соединенные Штаты. Нужно продолжать поставку Германии резиновых изделий даже после того, как Япония вступит в войну, поскольку они жизненно необходимы Германии.

d) Захват Сингапура — опорного пункта Англии на Дальнем Востоке — явится решающим для успеха всей войны, которую ведут три державы.

Кроме того, нападение на другие базы британского флота, а также на базу американского военного флота (последнее лишь в том случае, если невозможно будет предотвратить вступление Америки в войну) приведет к ослаблению всей системы баз противника в этом районе и так же, как нападение на морские коммуникации, свяжет все другие силы (в частности, Австралию). Пока нет возможности установить точную дату для оперативной разработки этих мер.

4. В военной комиссии, которая будет учреждена в соответствии с пактом трех держав, должны разрешаться только те вопросы, которые касаются всех трех держав, заключивших договор. Прежде всего вопросы экономической войны. Разработка деталей возлагается на главную комиссию в сотрудничестве с верховным командованием вооруженных сил.

5. Японцам не следует предоставлять никаких данных по поводу плана «Барбаросса».

Подписал: Кейтель,
начальник Верховного командования вооруженными силами (ОКВ)

Публикуется по: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 1. М., 1955. С. 412–413.

№ 20

Из закона о ленд-лизе, принятого конгрессом США

11 марта 1941 г.

Настоящим устанавливается, что этот закон будет называться «законом об укреплении обороны Соединенных Штатов».

<...> Раздел III.

а) Независимо от положений, могущих содержаться в каком-либо другом законе, президент может, когда он сочтет это необходимым, в интересах национальной обороны уполномочивать военного министра, министра военно-морского флота или главу любого другого министерства или правительственного учреждения:

1) В пределах выделенных для этой цели средств и утверждаемых время от времени конгрессом контрактов производить в находящихся в их ведении арсеналах, на заводах и верфях или иным способом выделять военное снаряжение для правительства той или иной страны, защита которой, по мнению президента, является жизненно необходимой для обороны Соединенных Штатов.

2) Продавать, передавать право, обменивать, сдавать в аренду, передавать в пользование или любым другим способом передавать любому такому правительству любые средства обороны, но ни в коем случае не средства обороны, не произведенные или не приобретенные в соответствии с условиями параграфа 1, в отношении которых передача допускается только с согласия начальника штаба армии или главнокомандующего военно-морскими силами или их обоих. Стоимость средств обороны, переданных тем или иным способом в соответствии с условиями настоящего пункта и оплаченных из выделенных для этой цели фондов, не должна превышать 1 300 000 долларов. Стоимость предназначенных для передачи средств обороны будет определяться главой соответствующего министерства или учреждения или любым другим министерством, учреждением или должностным лицом, которые в соответствии с предусматриваемыми настоящим законом правилами будут назначены для этой цели. Средства обороны, приобретенные за счет фондов, которые будут в дальнейшем выделяться тому или иному министерству или правительственному учреждению, за исключением фондов, выделение которых санкционируется настоящим законом, не могут передаваться кому бы то ни было тем или иным предусмотренным в настоящем пункте способом, если их передача не предусмотрена законами конгресса о выделении этих фондов или не утверждена им любым другим способом.

3) Испытывать, проверять, доводить, ремонтировать, оборудовать, переоборудовать или другим способом приводить в рабочее состояние средства обороны или на основе частных контрактов предоставлять какие-либо или все виды вышеупомянутого обслуживания любому такому государству, если их стоимость не превосходит выделяемые для этой цели настоящим законом средства, или объем утверждаемых время от времени конгрессом контрактов, или оба эти источника денежных поступлений.

4) В соответствии с условиями пункта 2 настоящего подраздела передавать любому такому правительству любую информацию, относящуюся к любому виду передаваемых этому правительству средств обороны.

5) Экспортировать любые средства обороны, передаваемые тем или иным способом в соответствии с настоящим подразделом любому такому правительству.

6) Сроки и условия, в соответствии с которыми любое такое иностранное правительство будет получать ту или иную предусмотренную подразделом а) помощь, будут устанавливаться президентом: в соответствии с решением президента Соединенные Штаты за свои поставки будут получать плату или выплату как непосредственно в виде денежных сумм, так и в форме той или иной собственности или тех или иных прямых или косвенных привилегий. <...>

d) Никакие положения, содержащиеся в настоящем законе, не могут быть истолкованы в том смысле, что они уполномочивают или разрешают уполномочивать организацию посылки конвоев с использованием для этой цели судов военно-морского флота Соединенных Штатов.

е) Никакие положения, содержащиеся в настоящем законе, не могут быть истолкованы в том смысле, что они уполномочивают или разрешают уполномочивать появление какого-либо американского судна в пределах района военных действий в нарушение раздела 3 закона о нейтралитете 1939 года. <...>

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 118–119.

№ 21

Из меморандума отдела европейских стран Госдепартамента США о политике в отношении СССР

21 июня 1941 г.

<...> Наша политика в отношении Советского Союза, по крайней мере на первой стадии конфликта, должна быть следующей:

1) Мы не должны давать СССР никаких советов, если только СССР сам не обратится к нам за ними. <...>

3) Если советское правительство прямо обратится к нам за помощью, мы должны, насколько это возможно без ущерба для нашей помощи Великобритании, странам — жертвам агрессии и без серьезного ущерба для наших собственных усилий и подготовки, ослабить ограничения на экспорт в Советский Союз, разрешив ему получать даже военные материалы, в которых СССР остро нуждается и которые мы можем позволить себе поставить СССР.

4) Экономическая помощь, которую мы можем предоставить Советскому Союзу в виде материалов, должна оказываться нами не в сотрудничестве с любой третьей державой.

5) Мы должны твердо придерживаться следующего политического курса: тот факт, что Советский Союз сражается с Германией, не означает, что он защищает или согласен с принципами международных отношений, которых придерживаемся мы.

6) Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России. <...>

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 120–121.

№ 22

Из выступления У. Черчилля по радио в связи с нападением Германии на СССР

22 июня 1941 г.

<...> За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем. Но все бледнеет перед развертывающимся сейчас зрелищем. <...> Я вижу русских солдат, стоящих на пороге своей родной земли, охраняющих поля, которые их отцы обрабатывали с незапамятных времен. Я вижу их охраняющими свои дома. <...> Я вижу десятки тысяч русских деревень, где средства к существованию с таким трудом вырываются у земли, но где существуют исконные человеческие радости, где смеются девушки и играют дети. Я вижу, как на все это надвигается гнусная нацистская военная машина с ее щеголеватыми, бряцающими шпорами прусскими офицерами, с ее искусными агентами, только что усмирившими и связавшими по рукам и ногам десяток стран. Я вижу также серую вымуштрованную послушную массу свирепой гуннской солдатни, надвигающейся, подобно тучам ползущей саранчи. Я вижу в небе германские бомбардировщики и истребители с еще незажившими рубцами от ран, нанесенных им англичанами, радующиеся тому, что они нашли, как им кажется, более легкую и верную добычу.

За всем этим шумом и громом я вижу кучку злодеев, которые планируют, организуют и навлекают на человечество эту лавину бедствий. <...>

Я должен заявить о решении правительства Его Величества, и я уверен, что с этим решением согласятся в свое время великие доминионы, ибо мы должны высказаться сразу же, без единого дня задержки. Я должен сделать заявление, но можете ли вы сомневаться в том, какова будет наша политика? У нас лишь одна единственная неизменная цель. Мы полны решимости уничтожить Гитлера и все следы нацистского режима. Ничто не сможет отвратить нас от этого, ничто. Мы никогда не станем договариваться, мы никогда не вступим в переговоры с Гитлером или с кем-либо из его шайки. Мы будем сражаться с ним на суше, мы будем

сражаться с ним на море, мы будем сражаться с ним в воздухе, пока с божьей помощью не избавим землю от самой тени его и не освободим народы от его ига. Любой человек или государство, которые борются против нацизма, получат нашу помощь. Любой человек или государство, которые идут с Гитлером, — наши враги. <...> Такова наша политика, таково наше заявление. Отсюда следует, что мы окажем России и русскому народу всю помощь, какую только сможем. Мы обратимся ко всем нашим друзьям и союзникам во всех частях света с призывом придерживаться такого же курса и проводить его так же стойко и неуклонно до конца, как это будем делать мы. <...>

Это не классовая война, а война, в которую втянуты вся Британская империя и Содружество наций, без различия расы, вероисповедания или партии. Не мне говорить о действиях Соединенных Штатов, но я скажу, что если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет малейшее расхождение в целях или ослабление усилий великих демократий, которые решили уничтожить его, то он глубоко заблуждается. Напротив, это еще больше укрепит и поощрит наши усилия спасти человечество от его тирании. Это укрепит, а не ослабит нашу решимость и наши возможности. <...>

Поэтому опасность, угрожающая России, — это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам, точно так же, как дело каждого русского, сражающегося за свой очаг и дом, — это дело свободных людей и свободных народов во всех уголках земного шара.

Публикуется по: Черчилль У. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 170–172.

№ 23

Заявление заместителя госсекретаря США С. Уэллеса в связи с германской агрессией против Советского Союза

23 июня 1941 г.

Если бы еще требовались какие-либо доказательства истинных целей и планов нынешних руководителей Германии достичь мирового господства, то такое доказательство дает предательское нападение Гитлера на Советский Союз.

Мы убедились еще раз, теперь уже без всякого сомнения, с какой именно целью правительство Германии вело с СССР переговоры о заключении пакта о ненападении. Любые клятвенные заверения воздерживаться от нападения против другой стороны, которые неукоснительно соблюдаются в цивилизованном мире, поскольку речь идет о чести государства, для лидеров Германии не что иное, как просто способ обмана, который скрывает за собой жестокие и убийственные намерения.

Нынешнее германское правительство не знает значения слова «честь».

Наше правительство и президент неоднократно заявляли в своих публичных выступлениях, что для Соединенных Штатов свобода вероисповедания есть великое и фундаментальное право всех народов. Но это право было отнято у своих народов как нацистами, так и советским правительством. Для народа Соединенных Штатов такое положение вещей в Советском Союзе, принципы и доктрины коммунистической диктатуры являются совершенно неприемлемыми. Они так же чужды американским идеям, как и принципы и доктрины нацистской диктатуры. Никогда подобное насилие над верой не могло бы получить поддержки в американском обществе и закрепиться в стиле жизни или правительственной системе Америки.

Однако сегодня перед Соединенными Штатами стоит совершенно определенная реальность. Возникает вопрос — необходимо ли, чтобы план покорения мира, порабощения всех народов, уничтожения остающихся демократических стран, который Гитлер продолжает воплощать в жизнь, был в конце концов остановлен и разрушен. Именно с такой реальностью столкнулась сегодня мыслящая Америка. В настоящий момент именно она оказывает самое непосредственное влияние на нашу собственную оборону и безопасность нашего континента.

Следовательно, по мнению правительства Соединенных Штатов, любая оборона против гитлеризма, любое сплочение сил против гитлеризма, независимо от их происхождения, ускорят конец лидеров нынешней Германии и поэтому выгодны для нашей собственной обороны и безопасности. Гитлеровские армии являют сегодня наибольшую опасность для американцев.

Публикуется по: New York Times. 1941. June 24.

№ 24

Из меморандума военного министра США Г. Стимсона Ф. Рузвельту

23 июня 1941 г.

За последние тридцать часов я почти все время размышлял о германо-русской войне и о ее влиянии на нашу политику в ближайшее время. Чтобы прояснить свои собственные взгляды, я провел сегодняшний день в совещании с начальником штаба и с сотрудниками отдела военного планирования генерального штаба. Я рад сообщить, что нашел значительное единодушие относительно основ политики, которую, по их мнению, нам следует проводить. Я испытал еще большее облегчение, увидев, что их взгляды столь полно совпадают с моими.

Первое. Вот их оценка основных факторов:

1. Германия будет основательно занята минимум месяц, а максимально, возможно, три месяца задачей разгрома России.

2. В течение этого времени Германия должна совсем оставить или отсрочить:

а) всякие планы вторжения на Британские острова;

б) всякую попытку напасть самой на Исландию или помешать нам ее оккупировать;

в) планы нажима на Западную Африку, Дакар и Южную Америку;

г) всякую попытку обойти правый фланг англичан в Египте через Ирак, Сирию или Иран;

д) также, вероятно, планы нажима в Ливии и на Средиземном море.

Второе. Они единодушно придерживаются мнения, что эту непредвиденную и драгоценную передышку следует использовать для самых энергичных мер на атлантическом театре военных действий. Все они считают, что такое давление с нашей стороны будет правильным методом помощи Великобритании. Оно обескуражит Германию и укрепит наши оборонительные позиции там, где имеется непосредственная угроза.

Как Вам известно, Маршалл и я опасались, что мы можем быть преждевременно вовлечены в две крупные операции на Атлантическом океане — одну на северо-востоке и другую в Бразилии — при недостаточной мощи военного и торгового флота в Атлантике и при недостаточно продемонстрированном превосходстве американской военно-морской мощи, для того чтобы сохранить устойчивое политическое положение в Южной Америке. В результате того, что Германия втянулась в эту войну с Россией, наше беспокойство значительно ослабло, но мы должны действовать быстро и преодолеть опасность, сопряженную с первыми шагами, прежде чем Германия высвободит ноги из русской трясины. <...>

Этот шаг Германии почти напоминает дар провидения. Эта последняя иллюстрация честолюбия и вероломства нацистов открывает для Вас широкие возможности выиграть битву в Северной Атлантике и обеспечить защиту нашего полушария в Южной Атлантике, причем успех Вашего руководства гарантирован настолько же полно, насколько вообще возможно гарантировать успешное выполнение любого плана.

Публикуется по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца / Пер. с англ. М., 1958. Т. 1. С. 495–496.

№ 25

Обращение Чан Кайши к дружественным нациям

7 июля 1941 г.

Сегодня исполняется четыре года со дня начала нашего вооруженного сопротивления. Осознав, что японская агрессия угрожает не только существованию Китая, но и безопасности всего мира, мы выступили с решительной резолюцией подняться на борьбу против сильного и грозного противника. Мы решили тогда, что не время подсчитывать, кто кому должен. За прошедшие четыре года военная сила Японии была серьезно поколеблена, но одновременно весь мир увидел, какие далеко идущие планы вынашивают ее правители.

Мы с самого начала были готовы вести свою борьбу в одиночку, до самого конца. Мы были и остаемся уверенными в том, что Китай достаточно силен, чтобы противостоять Японии. Мы уверены также в том, что если страны, которые дружественно настроены к Китаю, будут в рамках своих возможностей оказывать нам еще большую военную и экономическую поддержку, то прогресс китайской армии ускорится, и мир скорее избавится от одной из самых больших опасностей для своего существования. Китайский народ хорошо знает, что такое ужасы войны, и он не желает, чтобы какая-либо другая нация испытала бы подобное. Народ и армия Китая будут считать, что их жертвы не напрасны, если в результате нашей борьбы восторжествует справедливость, и мы отстоим принципы гуманизма. Я часто делал подобное заявление, и правдивость этих слов не может вызывать сомнения у людей, которые дружественно настроены к Китаю.

В течение прошедших 12 месяцев как на Дальнем Востоке, так и в мире в целом произошли крупные изменения. В течение последних нескольких недель события развивались особенно бурно. Страны оси поддерживают друг друга и соревнуются в своих завоевательных планах. Роль Японии теперь хорошо видна, поскольку мир окончательно поделился на две группировки. С одной стороны, это страны, инструментом политики которых стала агрессия, а с другой, блок государств, противостоящих этой агрессии. Япония принадлежит к первой группе. Абсолютно очевидно, что на Дальнем Востоке сейчас происходит конфликт не просто между двумя нациями. Сегодня как европейская, так и азиатская войны тесно взаимосвязаны друг с другом. Вряд ли хоть одно государство теперь может остаться в стороне от происходящих событий. Дело в том что нет ни одной страны, которая была бы выведена державами-хищниками за скобки своих планов гегемонии над миром. Это абсолютно ясно. <...> Для того чтобы взять под контроль это ужасное зло, есть только один путь — разрушить его, пока для этого еще есть время. И я могу предложить три пункта, как сделать этот процесс наиболее эффективным.

Первое: Каждый конфликт имеет свою начальную стадию. Ведущаяся мировая война началась, несомненно, с японской агрессии против северо-западных провинций Китая. Эта агрессия противоречила всем договорам и обязательствам Японии. Этот акт агрессии стал первым звеном в цепи последующих военных акций Японии. <...> В течение последующих лет Японии вступила в трехсторонний альянс с Германией и Италией и объявила о своих планах создания так называемой «Великой Восточной Азии», включающей и Океанию. <...> Япония является не чем иным, как подлым организатором войны на Дальнем Востоке. Она ответственна за начало мировой войны, которая, как мы сейчас видим, разгорается по всей планете. И пока мы не победим это зло, человечество не может надеяться на постоянный мир.

Второе: результат мирового конфликта будет зависеть от того, насколько эффективно страны, противостоящие агрессии, будут взаимодействовать друг с другом. Азия является наиболее густонаселенным районом мира, обладающим огромными природными ресурсами. Поэтому, если демократии Азии, Америки и Европы объединят свои усилия в борьбе с агрессорами, то результат войны будет предрешен. Демократическим нациям, имеющим интересы в тихоокеанском регионе, сегодня необходим свежий взгляд, новое отношение к Тихому океану. Тогда они увидят, что значение этого океана и Азии в целом нисколько не меньше, а по крайней мере эквивалентно значению Атлантики и Европы. Соответственно, необходимость борьбы с Японией по своей важности одинакова с борьбой против агрессоров в Европе. <...>

Третье: Современное разделение мира на два лагеря совершенно очевидно. Япония, Германия и Италия действуют в рамках единой политики и целей. Как результат, нации, любящие мир и свободу, сблизились, чтобы создать фронт противостояния. Мы в Китае твердо верим, что этот фронт намного сильнее, чем потенциал агрессоров. Но для того, чтобы сделать его победу неминуемой, силы свободолюбивых наций должны наладить прочную кооперацию между собой. <...> Нерешительность и колебания должны отойти в сторону. Мы должны нагнать упущенное время и вырвать инициативу у агрессоров. Мы не должны им позволить консолидировать свои силы и воспользоваться своими преимуществами. Сейчас широко обсуждается вопрос: в каком направлении Япония будет развивать свою дальнейшую агрессию — в южном или северном направлении? Некоторые люди думают, что она не в состоянии продвигаться ни на север, ни на юг, а будет продолжать борьбу за оккупацию Китая. По моему мнению, мы должны вовсе уйти от такой постановки вопроса, поскольку агрессоры — это одновременно и оппортунисты и поэтому способны на внезапные и непредсказуемые акции. Какие-либо ошибки в этом отношении могут привести к печальным последствиям.

В заключение я хотел бы сказать о той помощи, которая была оказана Китаю дружественными ему странами. Китайский народ будет всегда с благодарностью помнить нашего соседа Советскую Россию, Америку и Англию, оказавших нам помощь в той ситуации, в которой мы оказались. <...> Когда началось наше сопротивление, я сказал, что мы вовлечены в борьбу добра со злом или справедливости и правосудия

с жестокими и дикими силами. Сейчас я надеюсь, что Китай достигнет большего взаимодействия со странами, дружественно настроенными к нему. <...> Для меня является большой привилегией сказать сегодня, что китайский народ в своем осуждении Японии думает не только о победе над ней, но и о том новом мировом порядке, о цивилизации и достатке, в котором будет жить человечество после победы над агрессорами. Китайский народ убежден в этом.

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 312–314.

№ 26

Переписка И. В. Сталина, У. Черчилля, Ф. Рузвельта по вопросу о втором фронте

Июль 1941 — август 1942 г.

Из послания И. В. Сталина У. Черчиллю, 18 июля 1941 г.

<...> Положение советских войск на фронте продолжает оставаться напряженным. Результаты неожиданного разрыва Гитлером пакта о ненападении и внезапного нападения на Советский Союз, создавшие для немецких войск выгодное положение, все еще сказываются на положении советских войск. Можно представить, что положение немецких войск было бы во много раз выгоднее, если бы советским войскам пришлось принять удар немецких войск не в районе Кишинева, Львова, Бреста, Белостока, Каунаса и Выборга, а в районе Одессы, Каменец-Подольска, Минска и окрестностей Ленинграда.

Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика).

Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию. Создание такого фронта было бы популярным как в армии Великобритании, так и среди всего населения Южной Англии. Я представляю трудность создания такого фронта, но мне кажется, что, несмотря на трудности, его следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии. Легче всего создать такой фронт именно теперь, когда силы Гитлера отвлечены на Восток и когда Гитлер еще не успел закрепить за собой занятые на Востоке позиции.

Еще легче создать фронт на Севере. Здесь потребуются только действия английских морских и воздушных сил без высадки войскового десанта, без высадки артиллерии. В этой операции примут участие советские сухопутные, морские и авиационные силы. Мы бы приветствовали, если бы Великобритания могла перебросить сюда около одной легкой дивизии или больше норвежских добровольцев, которых можно было бы перебросить в Северную Норвегию для повстанческих действий против немцев.

Из послания У. Черчилля И. В. Сталину, 21 июля 1941 г.

Я был весьма рад получить Ваше послание и узнать из многих источников о доблестной борьбе и многочисленных сильных контратаках, при помощи которых русские военные силы защищают свою родную землю. Я вполне понимаю военные преимущества, которые Вам удалось приобрести тем, что Вы вынудили врага развернуть силы и вступить в боевые действия на выдвинутых вперед западных границах, чем была частично ослаблена сила его первоначального удара.

Все разумное и эффективное, что мы можем сделать для помощи Вам, будет сделано. Я прошу Вас, однако, иметь в виду ограничения, налагаемые на нас нашими ресурсами и нашим географическим положением. С первого дня германского нападения на Россию мы рассматривали возможность наступления на оккупированную Францию и на Нидерланды. Начальники штабов не видят возможности сделать что-либо в таких размерах, чтобы это могло принести Вам хотя бы самую малую пользу. Только в одной Франции немцы располагают сорока дивизиями, и все побережье более года укреплялось с чисто германским усердием и ощетинилось

орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневыми точками и береговыми минами. Единственный участок, где мы могли бы иметь хотя бы временное превосходство в воздухе и обеспечить прикрытие самолетами-истребителями, — это участок от Дюнкерка до Булони. Здесь имеется сплошная цепь укреплений, причем десятки тяжелых орудий господствуют над подходами с моря, многие из них могут вести огонь через пролив. Ночное время длится менее пяти часов, причем даже в этот период вся местность освещается прожекторами. Предпринять десант большими силами означало бы потерпеть кровопролитное поражение. <...>

Послание И. В. Сталина У. Черчиллю, 23 июля 1942 г.

Во-первых, правительство Великобритании отказывается продолжать снабжение Советского Союза военными материалами по северному пути и, во-вторых, несмотря на известное согласованное англо-советское коммюнике о принятии неотложных мер по организации второго фронта в 1942 году, правительство Великобритании откладывает это дело на 1943 год.

Наши военно-морские специалисты считают доводы английских морских специалистов о необходимости прекращения подвоза военных материалов в северные порты СССР несостоятельными. Они убеждены, что при доброй воле и готовности выполнить взятые на себя обязательства подвоз мог бы осуществляться регулярно с большими потерями для немцев. Приказ английского адмиралтейства 17-му конвою покинуть транспорты и вернуться в Англию, а транспортным судам рассыпаться и добираться в одиночку до советских портов без эскорта наши специалисты считают непонятным и необъяснимым. Я, конечно, не считаю, что регулярный подвоз в северные советские порты возможен без риска и потерь. Но в обстановке войны ни одно большое дело не может быть осуществлено без риска и потерь. Вам, конечно, известно, что Советский Союз несет несравненно более серьезные потери. Во всяком случае, я никак не мог предположить, что правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе военных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте. Понятно, что подвоз через персидские порты ни в какой мере не окупит той потери, которая будет иметь место при отказе от подвоза северным путем.

Что касается второго вопроса, а именно вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год.

Надеюсь, что Вы не будете в обиде на то, что я счел нужным откровенно и честно высказать свое мнение и мнение моих коллег по вопросам, затронутым в Вашем послании.

И. В. Сталин У. Черчиллю. Меморандум, 13 августа 1942 г.

В результате обмена мнениями в Москве, имевшего место 12 августа с. г., я установил, что премьер-министр Великобритании г. Черчилль считает невозможной организацию второго фронта в Европе в 1942 году.

Как известно, организация второго фронта в Европе в 1942 году была предрешена <...> в согласованном англо-советском коммюнике, опубликованном 12 июня с. г.

Известно также, что организация второго фронта в Европе имела своей целью отвлечение немецких сил с Восточного фронта на Запад, создание на Западе серьезной базы сопротивления немецко-фашистским силам и облегчение таким образом положения советских войск на советско-германском фронте в 1942 году.

Вполне понятно, что советское командование строило план своих летних и осенних операций в расчете на создание второго фронта в Европе в 1942 году.

Легко понять, что отказ правительства Великобритании от создания второго фронта в 1942 году в Европе наносит моральный удар всей советской общественности, рассчитывающей на создание второго фронта, осложняет положение Красной Армии на фронте и наносит ущерб планам Советского командования.

Я уже не говорю о том, что затруднения для Красной Армии, создающиеся в результате отказа от создания второго фронта в 1942 году, несомненно, должны будут ухудшить военное положение Англии и всех остальных союзников.

Мне и моим коллегам кажется, что 1942 год представляет наиболее благоприятные условия для создания второго фронта в Европе, так как почти все силы немецких войск, и притом лучшие силы, отвлечены на Восточный фронт, а в Европе оставлено незначительное количество сил, и притом худших сил. Неизвестно,

будет ли представлять 1943 год такие же благоприятные условия для создания второго фронта, как 1942 год. Мы считаем поэтому, что именно в 1942 году возможно и следует создать второй фронт в Европе. Но мне, к сожалению, не удалось убедить в этом господина премьер-министра Великобритании, а г. Гарриман, представитель президента США при переговорах в Москве, целиком поддержал господина премьер-министра.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 10–12, 54, 58–59.

№ 27

Из решений императорской конференции Японии о подготовке к войне с США, Великобританией и Голландией

6 сентября 1941 г.

Принципы осуществления государственной политики империи

Принимая во внимание чрезвычайно напряженную обстановку, сложившуюся в настоящее время, и в особенности действия, предпринятые Америкой и Англией, Голландией и другими государствами в отношении Японии, а также положение Советского Союза и степень возможного использования государственной мощи империи, империя осуществляет предусмотренный «Основными принципами политики империи в связи с изменением обстановки» курс в отношении стран Южных морей в соответствии с нижеследующими пунктами:

1. С целью завершения мероприятий по обеспечению своего существования и самообороны империя принимает решение не останавливаться перед войной с Америкой (Англией, Голландией) и в соответствии с этим примерно к концу октября заканчивает все военные приготовления.

2. Одновременно с проведением мероприятий, предусмотренных пунктом 1, империя путем использования всех дипломатических средств в отношении Америки и Англии предпринимает усилия для достижения требований империи.

Минимальные требования, которых империя должна добиться на переговорах с Америкой (Англией), а также предел того, на что может согласиться империя в отношения этих требований, указаны в специальных статьях.

3. Если к началу октября в ходе переговоров, предусмотренных вышеизложенным пунктом, не появятся перспективы на возможность удовлетворения наших требований, империя должна взять решительный курс на войну против Америки (Англии, Голландии).

Политика в отношении государств, не входящих в страны южного направления, осуществляется в соответствии с уже принятыми принципами государственной политики. <...>

Раздел I. Минимальные требования Японии, которые должны быть удовлетворены в ее переговорах с Соединенными Штатами

1. Вопросы, связанные с китайским инцидентом. Соединенные Штаты и Англия не будут вмешиваться в урегулирование китайского инцидента и не будут прерывать его.

а) Они не будут препятствовать попыткам Японии урегулировать инцидент в соответствии с китайско-японским основным договором и трехсторонней совместной декларацией Японии, Маньчжоу-Го и Китая.

б) Путь через Бирму будет закрыт. Соединенные Штаты и Англия не будут оказывать правительству Чан Кайши ни военной, ни экономической поддержки.

2. Вопросы, связанные с безопасностью национальной обороны Японии. Соединенные Штаты и Англия не будут предпринимать на Дальнем Востоке действий, создающих угрозу для национальной обороны Японии.

а) Признание особых отношений, существующих между Японией и Францией на основе японо-французского соглашения.

б) Они не будут создавать ничего, что может представлять военный интерес в Таиланде, Индонезии, Китае и на дальневосточной советской территории.

в) Они не будут усиливать свои вооружения на Дальнем Востоке, существующие в настоящее время.

3. Вопросы, связанные с получением материалов, необходимых для Японии. Соединенные Штаты и Англия будут сотрудничать с Японией в снабжении ее необходимыми ресурсами.

а) Они восстановят торговые отношения с Японией и будут снабжать Японию материалами, необходимыми для ее существования, со своих территорий в юго-западной части Тихого океана.

б) Они будут с готовностью принимать участие в экономическом сотрудничестве Японии, Таиланда и Индокитая.

Раздел II. Пределы, в рамках которых Япония может заключить соглашение

Если Соединенные Штаты и Англия согласятся с нашими требованиями, выдвинутыми в разделе I, то:

1. Япония, используя Индокитай в качестве базы, не будет осуществлять военного продвижения в какой-либо соседний район, за исключением Китая.

2. Япония готова отвести свои войска из Индокитая после того, как на Дальнем Востоке будет установлен справедливый мир.

3. Япония готова гарантировать нейтралитет Филиппин.

Публикуется по: Хрестоматия по новейшей истории.
В 3-х т. Т. II. 1939–1945. Документы и материалы. М., 1960. С. 630–631.

№ 28

Выступление специального представителя президента США А. Гарримана по радио Си-Би-Эс после возвращения с трехсторонней конференции в Москве

13 октября 1941 г.

Я хотел бы остановиться сегодня на двух вопросах, имеющих непосредственное отношение к нашей недавней поездке в Москву, — на двух вопросах, которые, на мой взгляд, являются самыми важными.

Во-первых, как так получилось, что проходит неделя за неделей, а русские продолжают сражаться, сдерживая огромную германскую военную машину? И все это вопреки оценкам наших военных экспертов, утверждавших ранее, что русские будут разбиты в самое короткое время.

И, во-вторых, будут ли русские продолжать так сражаться и далее, сражаться независимо от того, что еще предпримет против них Гитлер.

Но вначале разрешите мне сказать несколько слов о том, с чем мы приехали в Москву.

Обе наши делегации, американская и английская, были посланы в Москву по прямому указанию президента США и премьер-министра Великобритании. Во главе британской делегации находился динамичный уроженец Канады лорд Бивербрук. Наши миссии имели одну главную цель — «выяснить, в чем нуждаются русские, чтобы можно было быстрее послать им необходимые материалы».

Между прочим, мы обнаружили, что многие наши широко распространенные представления о русских далеки от истины. Мы просто не знаем, кто руководит их правительством. Бивербрук и я имели дело непосредственно со Сталиным. Ни один человек не смог бы работать так быстро и эффективно, как он. И он был откровенен с нами. Он говорил нам прямо и открыто то, что мы хотели знать. Более того, членам наших делегаций удалось посетить те предприятия, которые они запрашивали, естественно, насколько это позволяло отведенное для этого время.

Наконец, вопреки всей ранее полученной информации, мы увидели, что кремлевские хозяева очень гостеприимны. Всякий раз, когда мы с Бивербруком приезжали на заседания в Кремль, нас встречали как друзей. Вместе со Сталиным в переговорах участвовал Молотов, а также Литвинов в качестве переводчика. К нашему взаимному удовлетворению мы пришли на переговорах к полному взаимопониманию. В качестве персональных гостей мы присутствовали на ужине в Кремле, организованном в честь наших миссий.

Итак, что же мы вынесли из нашей поездки, что увидели и что услышали.

Члены наших делегаций посетили несколько военных заводов, производящих различное вооружение и снаряжение. Нашим авиационным экспертам была предоставлена возможность увидеть, как налаживается использование нашей авиационной техники и оборудования.

Все эксперты говорят в один голос, что последнее поколение русских произвело на свет первоклассных механиков. Американские тракторы широко используются в сельском хозяйстве. Заводы оснащены по последнему слову техники, с использованием на них лучшего американского оборудования. На них хорошо налажена организация всего производства. Лучшей работы я еще нигде не видел.

Относительно самих аэродромов, где еще много предстоит сделать в плане их оснащения, наши военные эксперты утверждают, что никогда еще не видели, цитирую, «таких опытных, изобретательных, находчивых и сильных духом людей». «Русские механики могут работать хоть под дождем, хоть под снегом, при любой погоде и круглые сутки». Русские летчики учатся летать на американских самолетах так же быстро и грамотно, как наши собственные или английские пилоты.

Итак, ответ на вопрос — почему Гитлер до сих пор не может разгромить Россию? — достаточно очевиден. Неуклюжий русский мужик на самом деле оказался опытным механиком. Россия научилась работать с машинами. И нам совсем не нужно бояться за то, что случится с нашим оборудованием, самолетами, танками, которые мы туда посылаем. Русские прекрасно знают, какое им найти применение, как использовать их с наибольшим эффектом.

Россия обладает большим людским потенциалом. Всё, в чем она нуждается, — это военные материалы и орудия труда.

Англичане отправляют суда в Россию сегодня и будут отправлять их завтра. Все это жизненно важно для всех нас, включая и Америку. Мы должны чувствовать свою ответственность.

Я хотел бы рассказать вам еще о духе этих людей. Духовная сила русского национализма вспыхнула сейчас с огромной силой. Сталина сейчас волнует только одна вещь — это русская нация. Если он говорит о каких-либо нуждах, то это нужды этой нации и ее надежды. Его, конечно, интересует, как русские будут развивать отношения с Британской империей и Соединенными Штатами, и он уверен, что мы найдем общий базис для того, чтобы работать вместе.

Когда мы прилетели в Москву, то чувствовали, что в голове у всех русских сидит пока один неразрешенный вопрос — намерены ли Америка и Англия действительно помогать России? Перед нашим отъездом я убедился, что Сталин получил ответ на этот вопрос. Несомненно — всё, что он запрашивал от нас, будет поставлено.

Если русские солдаты, русские летчики будут продолжать получать необходимые им орудия, танки, самолеты, они будут продолжать бороться с врагом. Мы не знаем, где проходит фронт в настоящую минуту. Мы не знаем, где он будет проходить завтра. Но я убежден, что, получая оборудование и военные материалы, Россия будет сражаться.

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 361–362.

№ 29

Телеграмма американского посла в СССР Л. Штейнгардта в Государственный департамент США о беседе с заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым

9 ноября 1941 г.

Куйбышев. Для президента, мистера Хэлла, мистера Уэллеса

Вчера вечером я имел продолжительную беседу с Деканозовым.

Деканозов, возможно, является наиболее доверенным лицом Сталина, чем кто-либо еще в его правительстве. В процессе разговора Деканозов высказал следующие мысли:

1. Для немцев станет невозможным захват Москвы и Ленинграда этой зимой, если русские силы смогут удерживать эти города еще в течение 30 дней.

2. В течение последней недели германский нажим усилился на определенных направлениях, но ослаб на других.

3. Немцы столкнулись с серьезными транспортными трудностями, вызванными как погодными условиями, так и продолжительностью кампании.

4. Недавно в плен был захвачен один из немецких солдат, которому оказалось меньше, чем 17 лет.

5. Этой зимой советское правительство столкнется с серьезными продовольственными трудностями.

6. Немцы собираются захватить на Украине больше зерна, чем на самом деле они смогут захватить. Хотя его количество станет больше, чем ожидало русское правительство.

7. Русские армии столкнулись с тяжелым недостатком материального обеспечения. Советские офицеры полагаются на поставки из Соединенных Штатов. По этому вопросу ими выражается сейчас определенное нетерпение.

8. Даже по масштабам СССР людские потери Красной Армии чрезвычайно велики. Однако остаются еще огромные резервы, которые в настоящее время направляются на формирование новых армий. Но эти армии не смогут проявить себя с лучшей стороны, если им не будет доставать материального обеспечения.

9. Беря в расчет эти резервы, потери, понесенные германской армией с начала кампании, являются более тяжелыми, чем советские потери.

10. Потери Германии в авиации велики. Если же принимать во внимание ее материальные резервы, то потери покажутся не столь значительными.

11. Военной индустрии Советского Союза нанесен серьезный удар. Выпуск продукции сейчас упал до самой нижней точки. Однако советское правительство продолжает перебазировать свои военные предприятия на восток, и можно рассчитывать, что часть из них заработает уже через три месяца или даже меньше.

12. Из состава русских войск на Дальнем Востоке было взято и отправлено на фронт значительное количество военных материалов. Однако те войска, которые остаются на Дальнем Востоке, способны вести жесткую оборону против любой атаки со стороны Японии. Со стороны Деканозова было выражено сожаление позицией, занятой Великобританией, и ее нежеланием произвести диверсию. Было отмечено, что Россия сражается с противником вот уже пятый месяц, но Красная Армия по-прежнему одна несет всю ношу вооруженной борьбы. Деканозов подчеркнул, что СССР получает из Великобритании больше экспертов, чем военной продукции. Некоторые из этих экспертов заняты прежде всего получением информации, которая может пойти на пользу английской торговле уже после войны. Тем не менее суть высказываний Деканозова сводилась к следующему: советское правительство определенно намерено продолжать войну, независимо от того, какие от Советского Союза потребуются еще жертвы.

Штейнгардт

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 363–364.

№ 30

Из допроса адмирала О. Нагано о подготовке Японии к нападению на Пёрл-Харбор

<...> Вопрос: Когда приблизительно Вы утвердили план нападения на Пёрл-Харбор, адмирал?

Ответ: Или в конце октября, или в начале ноября. Между флотом и оперативным управлением ВМФ имело место существенное разногласие. Флот был за нападение на Пёрл-Хорбор, тогда как оперативное управление ВМФ считало такое нападение большой авантюрой и предпочитало более консервативный метод — ожидать американский флот у островов в южной части Тихого океана. Адмирал Ямамото непоколебимо верил в свой план нападения на Пёрл-Харбор и угрожал уйти в отставку вместе со своим штабом, если этот план не будет осуществлен.

Вопрос: Перед осуществлением план уточнялся в процессе боевых и командно-штабных учений флота, не так ли, адмирал?

Ответ: Да, флот отрабатывал его очень усиленно.

Вопрос: Адмирал, а когда Вы урегулировали разногласия между оперативным управлением и адмиралом Ямамото в пользу нападения на Пёрл-Харбор?

Ответ: Вначале я соглашался с мнением оперативного управления, но в связи с тем что адмирал Ямамото упорно настаивал, в конце октября или в начале ноября, как я заявил ранее, я согласился с планом нападения на Пёрл-Харбор. Оперативное управление стояло за использование плана, которого оно придерживалось в течение нескольких лет — ожидать американский флот у островов в южной части Тихого океана.

Вопрос: Тем не менее, адмирал, насколько я понимаю, несмотря на желание оперативного управления придерживаться плана, существовавшего в течение нескольких лет, Вы отдали предпочтение плану нападения на Пёрл-Харбор и, утвердив его, разрешили все разногласия. Не так ли, адмирал?

Ответ: Я был сторонником плана оперативного управления, так как он казался более логичным, но чтобы не допустить ухода в отставку командующего, который намеревался это сделать, если его план не будет осуществлен, я решил, что наилучшим выходом будет утвердить план Ямамото.

Вопрос: И Вы утвердили план нападения на Пёрл-Харбор?

Ответ: Да.

Вопрос: Если я правильно понял Вас, адмирал, утверждение Вами плана явилось решающим фактором в осуществлении нападения на Пёрл-Харбор, не так ли?

Ответ: Да.

Вопрос: И, как я понимаю, адмирал, в свете этого факта Вы принимаете на себя ответственность за нападение на Пёрл-Харбор. Правильно ли это?

Ответ: Конечно.

Вопрос: Примерно в какое время флоту был дан первый приказ подготовиться к нанесению удара по Пёрл-Харбору?

Ответ: Флот был сосредоточен в Чиахима в середине ноября. 26 или 27 ноября корабли вышли в направлении на Пёрл-Харбор. <...>

Вопрос: 28 или 29 ноября 1941 года фактически было созвано совещание <...> чтобы принять окончательное решение о войне с Соединенными Штатами, не так ли?

Ответ: Я не уверен в дате, но я полагаю, что Вы правы. Однако до последнего момента мы надеялись, что войны, может быть, удастся избежать, и были готовы отказаться от плана даже перед самым нападением на Пёрл-Харбор. <...>

Публикуется по: Военно-исторический журнал. 1961. № 7. С. 91–98.

№ 31

Из императорского эдикта об объявлении Японией войны США и Британской империи

8 декабря 1941 г.

Мы, император Японии, восседающий по воле неба на престоле, занимаемом единой династией с незапамятных времен, сим объявляем всем нашим верным и храбрым подданным: Мы объявляем войну Соединенным Штатам Америки и Британской империи.

Мы ждем, что солдаты и офицеры армии и флота отдадут все силы делу ведения войны; Мы ждем, что государственные служащие всех учреждений будут самоотверженно и аккуратно выполнять свои обязанности, что все Наши подданные выполнят свой долг, что весь народ, сплоченный единой волей, отдаст все свои силы, чтобы ничто не помешало Нам достигнуть целей войны. <...>

Движимые стремлением добиться выполнения эгоистической цели установления своего доминирующего положения на Востоке, Америка и Англия, оказывая помощь чунцинскому режиму, вызывают беспорядки в Восточной Азии. Больше того, эти два государства, заставляя и другие страны следовать их политике, усилили военные приготовления вокруг империи, намереваясь бросить Нам вызов. Они всеми средствами стремились помешать Нашей мирной торговле и, в конце концов, прибегли к разрыву экономических отношений, создав серьезную угрозу самому существованию Нашей империи. <...> В создавшейся в настоящее время обстановке Наша империя в целях своего существования и самообороны не имеет другого выхода, как прибегнуть к оружию и уничтожить все препятствия, стоящие на ее пути.

Публикуется по: История войны на Тихом океане. Т. III. М., 1958. С. 394–395.

№ 32

Декларации Китая о войне против Японии, Германии и Италии

9 декабря 1941 г.

Декларация Китая о войне против Японии

Национальная политика Японии всегда имела своей целью обеспечить гегемонию в Азии и на Тихом океане. Уже более четырех лет Китай сопротивляется японской агрессии, невзирая на все свои жертвы и страдания. Он делает это не только ради отстаивания собственной независимости и свободы, но для того чтобы утвердить во всем мире принципы справедливого закона, правосудия и гуманизма.

Китай — миролюбивая страна. Сопротивляясь агрессии, Китай надеялся, что Япония все же осознает всю тщетность своих завоевательных планов. В течение этой борьбы другие державы также оставались терпеливыми, надеясь, что Япония однажды все-таки раскается и встанет на путь, отвечающий интересам мира во всем тихоокеанском регионе.

К сожалению, Япония не желает прекращать свою агрессию. После безуспешных попыток завоевать Китай Япония, не проявив даже показной вежливости, предательски атаковала дружественные Китаю страны — Соединенные Штаты и Великобританию. Таким образом, Япония расширила театр своей агрессивной активности, доказав, что она является угрозой справедливости и миру во всем мире.

Последний агрессивный акт со стороны Японии ясно обнажает ее ненасытные амбиции и создает такую ситуацию, при которой ни одна нация, полагающаяся на интернациональное доверие и человеческую благопристойность, не может больше оставаться в стороне.

Китайское правительство заявляет, что официально объявляет Японии войну. Китайское правительство также заявляет, что все договоры, конвенции, соглашения и контракты, относящиеся к взаимоотношениям между Китаем и Японией, теряют свою силу.

Декларация Китая о войне против Германии и Италии

С момента с заключения пакта трех держав в сентябре 1940 г., Германия, Италия и Япония объединили свои агрессивные усилия, тесно взаимодействуя между собой в рамках блока, имеющего общую программу завоевания мирового господства. Демонстрируя свою солидарность с Японией, Германия и Италия признали марионеточные режимы на северо-востоке Китая и в Нанкине. Вследствие этого шага Китай ужесточил свои дипломатические отношения как с Германией, так и с Италией в июле этого года. Теперь же державы оси расширили свою агрессивную активность и вовлекли в него весь тихоокеанский регион. Таким образом, они сделали себя врагами международного права и всей мировой цивилизации.

Такое состояние дел не может оставаться терпимым для китайского правительства. Китайское правительство при этом заявляет, что начиная с полуночи 9 декабря 1941 г. между Китаем и Германией и между Китаем и Италией существует состояние войны. Китайское правительство также заявляет, что все договоры, конвенции, соглашения и контракты, относящиеся к взаимоотношениям между Китаем и Германией и между Китаем и Италией, теряют свою силу.

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 322–323.

№ 33

Из послания президента Ф. Рузвельта конгрессу по поводу объявления состояния войны между США и Германией, а также США и Италией

11 декабря 1941 г.

Утром 11 декабря правительство Германии, идя по пути завоевания мирового господства, объявило войну Соединенным Штатам.

Так свершилось давно известное и долгожданное событие. Силы, стремящиеся обратить в рабство весь мир, ныне надвигаются на Западное полушарие.

Никогда еще в истории не было брошено большего вызова жизни, свободе и цивилизации. <...>

Италия также объявила войну Соединенным Штатам.

Я прошу конгресс объявить состояние войны между Соединенными Штатами и Германией, между Соединенными Штатами и Италией.

Публикуется по: Хрестоматия по новейшей истории. Т. II. 1939–1945. Документы и материалы. М., 1960. С. 518–520.

№ 34

Телеграмма Г. Гопкинса специальному представителю президента США в Великобритании А. Гарриману по вопросу поставок военных материалов

11 декабря 1941 г.

Гарриману от Гопкинса

Вопрос о наших поставках в Соединенное Королевство и на Средний Восток быстро прояснен. Проблема полностью осознается англичанами. Я только что звонил Вам и хотел заверить, что почти всё, за исключением самолетов и 37-мм орудий, уже отправлено. Танки отправляются сегодня после полудня. Суда уходят регулярно. Задержек, о которых упоминал Бивербрук, нет.

Наши поставки должны вдохнуть в англичан энтузиазм, а не разочарование. Если Гитлер думал, что он может остановить наши поставки в Россию и Великобританию, ударив по нам, то глубоко ошибался. По необходимости нам нужно теперь сделать несколько вещей, о которых Вы имеете представление.

Все здесь прекрасно понимают, что необходимо не только не сокращать наши поставки, но и далее увеличивать их. Сейчас у нас кипит работа, которую требуется продолжать все семь дней в неделю. Я уверен, что Вы получили бы огромный заряд энергии, увидев все это.

Г. Гопкинс

Публикуется по: US Library of Congress. Manuscript Division. Harriman Collection. Container 161.

№ 35

Военное соглашение между Германией, Италией и Японией

18 января 1942 г.

Германские и итальянские вооруженные силы, а также японская армия и военно-морские силы, исходя из духа Пакта трех держав от 27 сентября 1940 года и в связи с заключением соглашения между Германией, Италией и Японией от 11 декабря 1941 года, заключили военное соглашение с тем, чтобы наладить между собой оперативное сотрудничество и таким образом как можно быстрее уничтожить силу противника.

I. Распределение операционных зон.

Германские и итальянские вооруженные силы, а также японская армия и военно-морские силы будут вести операции в рамках нижеуказанных им зон.

1. Япония:

а) воды, простирающиеся к востоку приблизительно от 70-го градуса восточной долготы до западного побережья американского континента, а также континент и острова (Австралия, Нидерландская Индия и т. д.), которые расположены в этих водах;

б) азиатский континент к востоку приблизительно от 70-го градуса восточной долготы.

2. Германия и Италия:

а) воды, простирающиеся к западу приблизительно от 70-го градуса восточной долготы до восточного побережья американского континента, а также континент и острова (Африка, Исландия и т. д.), которые расположены в этих водах;

б) Ближний Восток, Средний Восток и Европа к западу приблизительно от 70-го градуса восточной долготы.

3. В Индийском океане в зависимости от обстановки операции могут проводиться и за пределами установленной в соглашении границы двух зон.

II. Общий план операций.

1. Япония во взаимодействии с немецкими и итальянскими операциями против Англии и Соединенных Штатов Америки будет вести операции в районе Южных морей и на Тихом океане:

а) она уничтожит наиболее важные опорные пункты Англии, Соединенных Штатов Америки и Голландии в Великой Азии, атакует или оккупирует их тамошние владения;

б) она будет стремиться уничтожить североамериканские и английские сухопутные, военно-морские и военно-воздушные силы на Тихом и Индийском океанах с целью обеспечения своего господства в западной части Тихого океана;

в) если североамериканские и английские военно-морские силы большей своей частью сконцентрируются в Атлантике, то Япония усилит свои военные действия на всем пространстве Тихого и Индийского океанов и, кроме того, направит часть своих военно-морских сил в Атлантику и будет там непосредственно сотрудничать с немецкими и итальянскими военно-морскими силами.

2. Германия и Италия во взаимодействии с японскими операциями в районе Южных морей и на Тихом океане будут проводить операции против Англии и Соединенных Штатов Америки:

а) они уничтожат важные опорные пункты Англии и Соединенных Штатов Америки на Ближнем Востоке, на Средиземном море и в Атлантике, атакуют или оккупируют их тамошние владения;

б) они будут стремиться к уничтожению английских и североамериканских сухопутных, морских и военно-воздушных сил в Атлантике и на Средиземном море, к уничтожению торгового флота противника;

в) если английские и североамериканские военно-морские силы большей своей частью сконцентрируются на Тихом океане, то Германия и Италия направят часть своих военно-морских сил на Тихий океан и будут там непосредственно сотрудничать с японскими военно-морскими силами.

III. Главные пункты военного сотрудничества.

1. Установление взаимных контактов в сфере, относящейся к важным вопросам оперативного планирования.

2. Сотрудничество в ведении военных действий против торгового флота противника, в том числе:

а) установление взаимных контактов в области планирования военных действий против торгового флота противника;

б) установление взаимных контактов в области, относящейся к ходу военных действий против торгового флота противника, обмена важной информацией и другими неотложными частными сведениями;

в) если один из партнеров по договору пожелает вести борьбу против торгового флота противника за пределами отведенной ему операционной зоны, то в этом случае он должен заблаговременно сообщить другим партнерам свой собственный план с тем, чтобы можно было наладить сотрудничество и взаимопомощь в области, относящейся к использованию оперативных баз, обеспечению, снабжению, отдыху личного состава экипажей и кораблей, ремонтных работ и т. д.

3. Сотрудничество в области сбора и обмена важной для ведения операций информацией.

4. Сотрудничество в области мероприятий по разложению войск противника.

5. Сотрудничество в области взаимного обмена разведданными.

6. Сотрудничество с целью установления военной воздушной связи между Германией, Италией и Японией, насколько это позволят имеющиеся технические предпосылки, а также с целью открытия морских путей и морского транспортного сообщения через Индийский океан.

Подлинность этого соглашения подтверждена подписями начальника верховного командования германских вооруженных сил, уполномоченного верховного командования итальянских вооруженных сил и уполномоченными начальника императорского японского адмиралтейского штаба.

Соглашение подготовлено в трех имеющих одинаковую силу экземплярах на немецком, итальянском и японском языках в Берлине 18 января 1942 г., в XX-м году фашистской эры и соответственно в 18-й день 1-го месяца 17-го года эры Сёва.

Кейтель, Маррас, Номура, Банзай

Публикуется по: Jacobsen H.-A. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961. S. 291–293.

№ 36

Из записки премьера польского эмигрантского правительства В. Сикорского министру иностранных дел Великобритании А. Идену по вопросам о возможности открытия западными союзниками второго фронта в Европе, военно-политической ситуации в мире, взаимоотношений с СССР

9 марта 1942 г.

<...> С самого начала войны Германии против СССР я не разделял широко распространенного тогда мнения, что сила сопротивления Советского Союза будет крайне незначительной. Сегодня, однако, это не дает мне права переоценивать последние успехи Красной Армии в зимней кампании. У меня нет свидетельств, что Германии нанесено решающее поражение. Причина русских успехов кроется прежде всего в суровых зимних условиях, к которым германское командование оказалось неготовым. Кстати, в этой связи хочется заметить, что поджоги польскими подпольщиками германских складов с зимней одеждой, которые немцы уже собирались отправить на Восточный фронт, несомненно, оказали существенную помощь наступлению Красной Армии.

Зима, однако, подходит к концу, и все свидетельствует о том, что германские войска готовятся к новому наступлению. <...>

Если открытие второго фронта на Западе Европы в настоящее время невозможно, то в целях оказания Советскому Союзу непосредственной военной поддержки необходимо расширить число диверсионных операций на континенте.

Относительно возможности открытия второго фронта в Европе я хотел бы добавить следующее: опасения, что произойдет новый Дюнкерк, в настоящее время безосновательны. Четыре пятых всей германской армии находится сейчас на Восточном фронте, оставшаяся на Западе одна пятая ее часть распределена на огромной территории. Более того, по своему боевому качеству германские дивизии, остающиеся сейчас на Западе, не идут ни в какое сравнение с теми, с которыми союзники столкнулись в период Дюнкерка. Они также намного слабее соединений, задействованных сейчас на Востоке. В основном на Западе остались сейчас одни резервные дивизии, личный состав которых составляют солдаты старших возрастов, не получившие должной военной подготовки.

Увеличение Германией выпуска своей военной продукции также диктует необходимость незамедлительного осуществления решительной военной акции на континенте. Следует заметить, что в свете продолжающихся боевых действий на Востоке одна дивизия западных союзников представляет сейчас для немцев даже бóльшую угрозу, чем будут представлять целых пять союзных дивизий, но уже в 1943 г.

Мы верим, что Россия не потерпит военного поражения. Она может проиграть еще одно или несколько сражений. Значительные усилия потребуются Красной Армии, чтобы удержать за собой нефтяные месторождения на Кавказе. Если немцы удержат за собой существующую на сегодня линию фронта, то вполне вероятно, что они ударят в скором времени в направлении Ростова и Краснодарского края.

Мы должны также помнить, что Япония продолжает держать на Дальневосточных границах СССР значительные силы. <...> Если же Япония все же не собирается пока нападать на СССР, подготовка к которому требует мобилизации больших людских и материальных ресурсов, то, следовательно, она прорабатывает планы кампании против Индии и, возможно, против Австралии. В этом случае операции на Кавказе, в районе Суэцкого канала, в Индии или Австралии будут связаны войной в единое целое. Такое положение должно гарантировать союзников от обвинений Сталина в том, что они якобы не помогают ему в его войне против немцев.

Успехи Японии должны сойти на нет, когда Соединенные Штаты Америки, восприняв опыт ведения войны на море от Британского флота, будут готовы начать широкое контрнаступление. <...>

Искренне Ваш В. Сикорский

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 333–334.

№ 37

Телеграмма Р. Шервуда в американское посольство в Великобритании относительно внутриполитического положения в США*

14 марта 1942 г.

1. Наиболее серьезной внутренней опасностью на сегодня являются японцы на западном побережье США. С этим вопросом тесно связаны и наиболее серьезные расовые проблемы. Сегодня звучат крикливые требования, что правительство должно переселить всех японцев внутрь страны, невзирая даже на тот факт, что они родились в США и являются американскими гражданами. Эти требования выдвигают в основном те круги, которые преследуют свои местнические экономические и политические интересы. Наибольший накал истерии наблюдается сейчас в Южной Калифорнии. Департамент юстиции подвергся сильной критике за приверженность принципам ничтожного либерализма в условиях военного времени, и сейчас он уступил этой критике и готов действовать безжалостно. Все японцы должны быть выселены внутрь страны, возможно при помощи армейских сил. Все это также создает острую проблему для департамента сельского хозяйства.

2. Речь идет о 120 тысячах японцев, две трети из которых граждане США. Те из них, кто лоялен, кажется, воспринимают ситуацию философски. Они знают, что в случае реального саботажа на побережье они будут убраны со сцены. Но они также знают, что во внутренних регионах страны, в которые они в основном должны переселиться, доминирующее влияние на ситуацию оказывают землевладельцы фашистского типа и политиканы, в которых, по образному выражению Стейнбека, культивируются «гроздья гнева».

3. Дополнительно необходимо подчеркнуть, что на побережье проживают еще около 25 тыс. граждан немецкого и 56 тыс. итальянского происхождения. Призывы об их выселении пока не слышатся, что еще раз доказывает следующий факт — выступления против японцев основаны прежде всего на предрассудках расового характера, нетерпимости к людям другого цвета кожи.

4. Негритянская часть населения в полной мере осознает происходящие процессы. Их самоидентификация стимулируется серьезными волнениями на расовой почве, произошедшими недавно в Детройте. При помощи силы неграм запретили занимать жилые дома, построенные специально для них. Их белыми антагонистами в начавшихся волнениях выступили лица польского происхождения. В то же время выгоду из ситуации решили извлечь и коммунисты, представившие себя в качестве защитников черного населения. Все это осложняет ситуацию не только в политическом, но и в религиозном отношении.

5. Зная, на что способны люди из ку-клукс-клана, и настроения представителей некоторых кругов в США, можно видеть, насколько серьезной является сложившаяся ситуация. Этот злой дух тесно соприкасается с изоляционистским течением. Нельзя забывать, что самые большие наши трудности во взаимоотношениях с Японией уходят корнями в оскорбительный иммиграционный акт, поддержанный Х. Джонсоном. Любое расовое ограничение является не чем иным, как пищей для пропаганды стран оси. <...>

7. Влияние Уилки чувствуется и в Белом доме. Существуют оценки, что 150 сторонников нынешнего президента в Конгрессе могут потерпеть поражение и не получить большинства в ходе предстоящих ноябрьских выборов.

8. Итак, вполне очевидно, что никто сейчас не может предсказать, как будет развиваться политическая ситуация в последующие восемь месяцев. Она будет зависеть от положения на фронтах. Однако настойчивость должна быть проявлена именно сейчас.

9. Современные настроения американского населения в отношении Великобритании выразились на днях в выступлении группы сенаторов. Один из них — ярый изоляционист. Другой, Клауд Пеппер — ярый интервенционист. Но оба они считают, что Британия не справляется со своей частью работы в нынешней войне. В основном из-за плохой организации штабного управления британского командования. Сенаторы не сомневаются в доблести, мужестве и решимости сражаться английского народа, но британские генералы и адмиралы просто не могут понять — что из себя представляет современная война. И такое мнение сейчас сильно распространено в США. Американцы сейчас вряд ли готовы поставить своих солдат под командование английских военачальников. Но они с большей симпатией относятся к Британским Королевским военно-воздушным силам.

---

* Текст настоящего документа имеет следующую помету, сделанную, видимо, рукой А. Гарримана: «Министру информации. Персонально» (пост министра информации Великобритании в то время занимал Б. Брэкен).

10. Могу сказать по секрету, что через две недели ожидается публикация итогов очередного опроса общественного мнения американцев. Этот опрос со всей очевидностью показывает невероятно возросшее чувство ответственности простых граждан за будущее всего мира. Эти итоги подтверждают наши более ранние исследования. Только 11% из всего числа опрошенных выступают за возвращение к изоляционизму. Еще меньший процент хочет жить в союзе лишь с англоговорящими странами или в составе содружества американских государств. Лидирующим является мнение о создании мировой лиги или мировой ассоциации.

11. Все это подтверждает, что большинство населения поддерживает международную политику президента. Оно может измениться только в случае какой-либо грубой ошибки или поражения на фронтах.

12. Наши изоляционисты фактически делают свои ставки на победу стран оси. Они стараются обвинить во всех наших неудачах персонально президента. Но их собственные выступления достаточно полно разоблачают их политическую кампанию. <...>

Публикуется по: US. Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 161.

№ 38

Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю, касающегося вопросов союзной стратегии

16 марта 1942 г.

Дорогой Уинстон.

Я уверен, что Вы знаете, что в течение прошедшего месяца я много думал о тех проблемах, которые волнуют и Вас. Нужно признать, что военная часть этих проблем представляет существенную трудность. <...>

Мы благословляем «свободу прессы». Мы не можем устать от новостей; тем более что, в общем и целом, они сейчас не такие уж и плохие. Но если говорить откровенно, наибольшая опасность исходит от так называемых комментариев, исходящих о нескольких джентльменов. Эти джентльмены даже в момент наихудшего кризиса никак не могут выбросить из своей головы политические игры. Они не обладают большими знаниями, не имеют под собой солидной основы, но тем не менее ведут за собой общественное мнение.

Моя собственная пресса — наихудшая ее часть — это люди Маккормика — Патерсона, газеты Херста и издания Скриппс-Ховард. Все они упорно раздувают относительно мелкие проблемы, связанные с нашей внутренней жизнью. Но одновременно они тонко предлагают свое мнение, что, мол, роль Америки состоит лишь в том, чтобы защищать Гаваи, а также восточное и западное побережье континента. Другими словами, спрятать голову в собственный панцирь и ждать, пока кто-нибудь не нападет на тебя. Странно, но эти рудименты изоляционизма почти не нападают на меня лично, за исключением нескольких набивших оскомину пассажей о том, что я страшно перегружен или что я сам вырабатываю свою стратегию, не слушая никаких советов по военным и военно-морским вопросам. Это все та же старая история. И Вы, несомненно, хорошо знакомы с ней.

Итак, позвольте мне, стратегу-любителю, высказать несколько собственных мыслей. Бесполезно тратить время на разговор о Сингапуре или Голландской Индии. Они потеряны. Но Австралия должна быть удержана. И как я Вам уже телеграфировал, мы намерены принять для этого все необходимые меры. Индия должна быть удержана, и это должны сделать Вы. Но, говоря по правде, меня этот вопрос волнует гораздо меньше, чем некоторых других. Да, японцы могут высадить свои войска на каком-либо участке побережья западнее Бирмы. Они даже могут бомбить Калькутту. Но я не могу себе даже представить, чтобы они смоли перебросить достаточное количество войск, чтобы опрокинуть Ваши силы на индийской границе. И я думаю, что Вы способны удержать за собой и Цейлон. Я также надеюсь, что Вы сможете отправить туда большее количество подводных лодок, значение которых более велико, чем надводного флота.

Я надеюсь, что Вы, несомненно, укрепите свои позиции на Ближнем Востоке и сделаете их более сильными, чем в настоящее время. Вы должны удержать Египет, Суэцкий канал, Сирию, Иран и дорогу на Кавказ.

В заключение хочу сказать, что в ближайшие несколько дней я собираюсь послать Вам более детальный план, касающийся нашей совместной атаки на собственно Европейский континент.

К тому времени как Вы получите настоящее послание, Вы будете иметь перед собой запись моего разговора с Литвиновым. В скором времени я ожидаю также ответа от Сталина. Я знаю, Вы не обидитесь на меня, если я скажу Вам горькую правду о том, что я персонально могу вести дела со Сталиным лучше, чем весь Ваш Форин-Офис или мой Государственный департамент. Сталин просто ненавидит ту сущность, которая скрывается в оболочке Ваших ведущих политиков. Он думает, что лично мне он нравится, и я надеюсь, что он будет продолжать так думать.

Мой флот был определенно не готов к начавшейся подводной войне вдали от наших берегов. Мне не нужно Вам говорить, что многие наши морские офицеры просто отказывались раньше мыслить в таких категориях и думать о судах меньших, чем две тысячи тонн. Вы уже вынесли из всего этого должные уроки два года назад. Мы еще только приступаем к их изучению. Уже к 1 мая я надеюсь создать превосходную патрульную службу, призванную охранять наше морское побережье от Ньюфаундленда до Флориды и острова в Западной Индии. Я просил, заимствовал, воровал каждый свободный корабль, имеющий длину от 80 футов, и в конце концов, мне удалось создать такое соединение под командованием адмирала Эндрюса. <...>

Всегда Ваш Ф. Рузвельт

Публикуется по: US. Library of Congress. Manuscript Division.
Harriman Collection. Container 161.

№ 39

Договор между СССР и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны

(извлечение)

26 мая 1942 г.

Часть I

Статья 1. В силу союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся Стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе иначе как по взаимному согласию.

Часть II

Статья 3. 1. Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

2. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же окажет Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся Сторон будет признана излишней ввиду принятия ими предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она остается в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5. Высокие Договаривающиеся Стороны, с учетом интересов безопасности каждой из них, согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы Объединенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами — не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья 6. Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7. Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья 8. Настоящий договор <...> вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего договора остается в силе на период 20 лет. <...>

Публикуется по: Известия. 1942. 12 июня.

№ 40

Из речи премьер-министра Японии на церемонии открытия заседаний императорского парламента

27 мая 1942 г.

<...> Я должен сказать несколько слов, касающихся нашей внешней политики. Таиланд и Маньчжоу-Го предприняли совместные с нами акции. Воодушевляет и доставляет удовольствие знать, что в будущем эти страны будут действовать в тесном сотрудничестве с Японией. <...> Представляя свой народ и правительство Нанкина, Ван Цзинвэй недавно посетил Маньчжоу-Го. Тем самым связи между Нанкином и Маньчжоу-Го значительно упрочились. Наша делегация также была на этой встрече, и это означает, что отношения между Японией, Маньчжоу-Го и Нанкином продолжают и далее развиваться. <...>

В отношении Европы: Императорское правительство выражает свои искренние поздравления Германии и Италии, которые участвуют в борьбе совместно с Японией и, преодолевая большие трудности, достигают огромных военных результатов. Америка и Британия продолжают терпеть поражения. Их пропаганда обвиняет нашу страну якобы в совершении актов насилия. Корень зла политики Америки и Британии состоит в том, что они собирались жить беззаботно и беспечно за счет других наций и думали, что только они могут обеспечить прогресс для всего остального мира. В то же время искренность, проявленная нашими императорскими войсками в отношении народа Бирмы, в тех районах, которые сейчас находятся под контролем нашей военной администрации, дает бирманцам хороший шанс получить собственную независимость. <...>

Важнейшие британские базы обороны в Индии переходят под японский контроль. У индийского народа появилась сейчас замечательная возможность добиться независимости. Британо-индийские переговоры, инициированные Криппсом, не принесли никаких результатов. Этот факт заставляет нас верить в то, что Индия подает сигнал о том, что намерена избавиться от британского правления и добиться независимости. Основания для британского присутствия в Индии исчезли. Первый шаг к независимости Индии уже сделан. Однако до сих пор Индия продолжает оставаться под британским господством и угнетением. До тех пор пока в Индии будут присутствовать британские и американские силы, Япония будет стремиться уничтожить их. Это, несомненно, вовлечет в орбиту войны и самих индийцев. Народ Индии должен сам подняться на борьбу и выгнать из своей страны британские и американские войска. <...> После карательных операций, проведенных нами в Бирме, Чунцинское правительство окончательно изолировано и находится на пороге полного уничтожения. <...>

В результате тесного взаимодействия нашей императорской армии и флота юго-западный регион Тихого океана находится сейчас под нашим полным контролем. Австралия осталась в Тихом океане сиротой. Недавно в Коралловом море, у северной оконечности Австралии, мы разгромили объединенные англо-американские морские силы. Теперь ничто не мешает нам овладеть Австралией. <...>

Итак, в настоящее время Индия находится в неопределенном положении, Чунцин близок к коллапсу, а Австралия изолирована. Когда мы говорим, что овладели важнейшими базами в Тихоокеанском регионе, то мы тем самым утверждаем, что сделан важнейший шаг к основанию Великой Восточной Азии, к ее возрождению. Наш военно-морской флот продолжает расширять сферы своей активности в Тихом и Индийском океанах. Напротив, Британия продолжает терять свои владения в этом регионе. Наши войска берут под контроль важнейшие транспортные коммуникации, которые англичане использовали, чтобы перевозить сырье в метрополию. В результате военных неудач внутриполитическая обстановка в Великобритании значительно ухудшилась и достигла критической отметки. <...>

Публикуется по: Foreign Broadcast Monitoring Service. Federal Communications Commission (USA). 1942. May 27.

№ 41

Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю о визите В. Молотова в Вашингтон

31 мая 1942 г.

<...> Я полагаю, что визит Молотова — это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика. Его отъезд будет отложен на два или три дня.

Он совершенно ясно выразил свою подлинную тревогу по поводу ситуации в последующие 4 или 5 месяцев, и я считаю, что это беспокойство искреннее, а не показное, для того чтобы нажать на нас. Я серьезно считаю, что положение русских непрочно и может неуклонно ухудшаться в течение ближайших недель.

Поэтому я более чем когда-либо хочу, чтобы в связи с операцией «Болеро» были предприняты определенные действия в 1942 г. Все мы понимаем, что из-за погодных условий эта операция не может быть отложена до конца года.

После разговора с нашим штабом я полагаю, что немецкие военно-воздушные силы нельзя разбить или фактически заставить вести воздушную войну в такой мере, чтобы оттянуть их с русского фронта, до тех пор пока мы не произведем высадку. Я совершенно уверен в способности наших объединенных военно-воздушных сил полностью овладеть обстановкой в Ла-Манше и на достаточной территории суши для создания соответствующих плацдармов, которые нужно будет прикрывать. Это приведет: 1) либо к оттягиванию немецкой авиации с русского фронта и к усилиям с нашей стороны уничтожить ее; 2) либо, если немецкая авиация не будет себя проявлять, к тому, что можно будет расширить операции наземных войск с целью создания постоянных позиций.

Объединенный штаб работает сейчас над предложением об увеличении числа транспортных судов для использования в операции «Болеро» путем сокращения значительной части материалов для отправки в Россию, кроме военного снаряжения, которое может быть использовано в боях в этом году.

Это не должно уменьшить поставки такого военного снаряжения, как самолеты, танки, орудия и боеприпасы, которые русские смогут использовать в боях этим летом. Я полагаю, что мы можем и дальше сокращать конвои на Мурманск — Архангельск и посылать больше готового к использованию военного снаряжения через Басру. Это должно облегчить задачу Вашего флота метрополии, особенно эскадренных миноносцев. Я буду телеграфировать Вам, когда Молотов уедет, и я особенно озабочен тем, чтобы он увез с собой некоторые реальные результаты своей миссии и сейчас дал Сталину благоприятный отчет. Я склонен думать, что сейчас все русские чуточку приуныли.

Однако важно то, что мы, может быть, окажемся и, вероятно, уже находимся перед реальными неприятностями на русском фронте и должны учитывать это в наших планах.

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 253–255.

№ 42

Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту по поводу проведения военных операций союзников в 1942 г.

8 июля 1942 г.

Ни один английский генерал, адмирал или маршал авиации не может рекомендовать «Следжхэммер» в качестве осуществимой в 1942 г. операции. Начальники штабов сообщили следующее: «Очень маловероятно, чтобы возникли условия, которые сделали бы «Следжхэммер» надежным и разумным предприятием». Они направляют свой доклад Вашим начальникам штабов. <...>

Если высадка будет произведена и позиции удержаны, то их закрепление необходимо будет обеспечивать в материально-техническом отношении, а бомбардировки Германии нужно будет значительно сократить. Вся наш мощь будет направлена на оборону захваченного плацдарма. Возможность организовать крупную операцию в 1943 г. будет сильно уменьшена, а может быть, и ликвидирована. Все наши силы и средства будут действовать раздробленно на единственно доступном для нас очень узком фронте. Поэтому можно сказать, что поспешная акция в 1942 г., вероятно, окончится поражением и решительно снизит возможность проведения хорошо организованной крупной акции в 1943 г.

И я уверен, что «Джимнаст» — это гораздо более надежный шанс для эффективного облегчения действий на русском фронте в 1942 г. Это всегда соответствовало Вашим намерениям. Фактически это Ваша доминирующая идея. Это настоящий второй фронт 1942 г. Я советовался с кабинетом и комитетом обороны, и мы все согласились с этим. Это самый безопасный и в высшей степени полезный удар, который может быть нанесен этой осенью. <...>

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 258–259.

№ 43

Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о визите в Москву и переговорах с И. В. Сталиным

13 августа 1942 г.

<...> Я начал совещание со Сталиным в Кремле в 19 часов. Оно продолжалось около четырех часов. Присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман и наш посол с переводчиком. Обстановка в первые два часа была мрачной и пасмурной. Я объяснял с помощью карт и аргументов, почему мы не осуществили операцию «Следжхэммер». Он заявил, что не согласен с нашими доводами. Он приводил противоположные аргументы, и все были довольно угрюмы. В конце концов, он сказал, что не согласен с нашей точкой зрения, но мы имеем право решать. Во время этой дискуссии я, конечно, разъяснил операцию «Раундап», и он отнесся к этому очень легко, поскольку это дело далекое и имеются большие трудности для высадки где-либо за пределами авиационного прикрытия. Однако данные о прибытии американцев в Соединенное Королевство и наших собственных предполагаемых экспедиционных войсках были изложены как солидные факты.

Затем мы перешли к вопросу о беспощадных бомбардировках Германии, и это вызвало общее удовлетворение. Г-н Сталин подчеркнул важность того, чтобы сломить моральный дух немецкого населения, а я пояснил, что это является одной из наших первостепенных военных задач. Он заявил, что придает весьма большое значение бомбардировкам и что, как ему известно, воздушные налеты имеют в Германии огромный эффект. После этой продолжительной дискуссии создалось впечатление, что все, что мы собирались делать, это не «Следжхэммер», не «Раундап», а бомбежки Германии. Я высказал мысль, что самое лучшее — это сначала преодолеть наихудшее. Я не собирался приукрашивать обстановку и особо попросил о том, чтобы между друзьями, находящимися в опасности, разговор велся в открытую. Однако вежливость и достоинство преобладали.

Именно в этот момент сражения я ввел в бой операцию «Торч». Когда я рассказал все об этой операции, Сталин проявил большой интерес. Его первым вопросом было, что произойдет в Испании и в вишистской Франции. Несколько позже он заметил, что операция правильна в военном отношении, но у него имеются сомнения политического характера относительно ее воздействия на Францию. Он особенно интересовался сроком операции, и я сказал, что не позже 30 октября, но президент и все мы пытаемся приблизить этот срок, перенести его на 7 октября. Казалось, что это принесло большое облегчение трем русским. В это время г-н Сталин сказал, если полагаться на переводчика: «Да поможем Бог этому предприятию».

Это было поворотным пунктом в нашей беседе. Затем он стал выдвигать различные политические возражения, опасаясь, что захват англо-американцами районов по плану операции «Торч» будет неправильно понят во Франции. Что мы предпринимаем в отношении де Голля? Я заявил, что если бы он был полезен, то его использовали бы, но в настоящее время американский флаг является гораздо лучшей возможностью для легкого вторжения. Гарриман весьма решительно поддержал эту точку зрения, сославшись на сообщения американских агентов на всей территории «Торча», на которые полагается и президент, а также на мнение адмирала Легли. Г-н Сталин конспективно высказал четыре довода в пользу «Торча». Первый: это нанесет Роммелю удар в спину. Второй: это будет держать в страхе Испанию. Третий: это вызовет боевые действия между немцами и французами во Франции. И четвертый: Италии придется испытать на себе главный удар всей войны. Такое заявление мне очень понравилось как указывающее на его быстрое и полное понимание новой для него проблемы. Я, конечно, добавил пятый довод, а именно сокращение морского пути через Средиземное море. Он поинтересовался, можем ли мы проходить через Гибралтарский пролив. Я также сообщил ему об изменениях в командовании в Египте и заявил о нашем намерении провести решающую битву в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им понравился «Торч», хотя Молотов просил, нельзя ли его осуществить в сентябре.

Затем я стал раскрывать перспективу размещения англо-американских военно-воздушных сил на южном фланге русских армий для защиты Каспийского моря и Кавказских гор и вообще участия в сражениях на этом театре военных действий. Однако я не вдавался в подробности, так как мы, конечно, сначала должны выиграть нашу битву в Египте, а я не знаю планов президента относительно американского вклада. Если Сталину нравится эта идея, то мы начнем разрабатывать детали. Он ответил, что здесь будут весьма благодарны за эту помощь, но что детали размещения и т. д. потребуют изучения. Как Вы знаете, я очень увлечен этим проектом, потому что он приведет к более широким военным действиям между англо-американскими военно-воздушными силами и немцами, а это помогает приобретать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем при попытке лезть на рожон, форсируя Па-де-Кале.

Таким образом, все завершилось в сердечной обстановке, и я надеюсь, что установлю прочные и искренние отношения с этим человеком и сумею убедить его в нашем горячем желании, разделяемом президентом, вступить в битву интенсивно, быстро и наилучшим образом. Что касается русских, то он сказал только, что немцы производят больше танков и обнаруживают больше мощи, чем ожидалось, что новости с юга неблагоприятны и что русские ввели в бой дивизии во Ржеве, и они успешно действуют.

Я должен сказать Вам о той помощи, которую оказал Гарриман во время этих исключительно серьезных, напряженных и в какой-то момент критических переговоров. Он твердо вступал от имени президента в разговор обо всем, что относилось к операции «Торч», и его присутствие было во всем выше всяких похвал. <...>

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 272–274.

№ 44

Переписка Ф. Рузвельта и И. В. Сталина относительно поставок по ленд-лизу

Послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину

19 августа 1942 г.

Я весьма сожалею, что я не смог принять участие с Вами и г-ном Черчиллем в совещаниях, которые недавно происходили в Москве. Неотложные нужды военного положения, в особенности поскольку речь идет о советско-германском фронте, хорошо мне известны.

Я считаю, что японцам будет трудно вытеснить нас с удобного пункта, который мы захватили в юго-западном районе Тихого океана. Хотя потери наших военно-морских сил в этом районе были значительными, успех, которого мы добились, оправдает их, и я могу заверить Вас, что мы будем развивать его энергичным образом. С другой стороны, я хорошо понимаю, что настоящим врагом обеих наших стран является Германия и что, возможно, в самом скором времени нашим обеим странам будет необходимо применить против Гитлера нашу мощь и силу. Вы можете быть уверены, что, как только в человеческих силах окажется возможным собрать транспортные средства, это будет сделано.

Тем временем в течение августа из Соединенных Штатов в Советский Союз будет отправлено свыше тысячи танков, и в то же самое время отправляются другие стратегические материалы, включая самолеты.

Соединенные Штаты хорошо понимают тот факт, что Советский Союз несет основную тяжесть борьбы и самые большие потери на протяжении 1942 года, и я могу сообщить, что мы весьма восхищены великолепным сопротивлением, которое продемонстрировала Ваша страна. Мы придем к Вам на помощь по возможности скорее и по возможности большими силами, как только сможем это сделать, и я надеюсь, что Вы верите мне, когда я сообщаю Вам об этом.

Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту

22 августа 1942 г.

Получил Ваше послание от 19 августа. Я также выражаю сожаление, что Вы не смогли принять участие в беседах, которые я недавно имел с господином Черчиллем.

В связи с Вашим замечанием об отправке в августе месяце из Соединенных Штатов танков и военных материалов я хотел бы подчеркнуть нашу особую заинтересованность в данное время в получении из США самолетов и других видов вооружения, а также грузовиков в возможно большем количестве. Вместе с тем я надеюсь, что будут приняты все меры для обеспечения быстрейшей доставки грузов в Советский Союз, особенно Северным морским путем.

Публикуется по: Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1984. Т. 1. С. 230–231.

№ 45

Из доклада Исследовательского и аналитического департамента Управления стратегических служб США «Могут ли Америка и Россия сотрудничать?», подготовленного к 1-й Квебекской конференции

20 августа 1943 г.

Могут ли Америка и Россия сотрудничать?

1) Неразрывность стратегии и политики.

<...> Стратегия неотделима от политики. <...> Она определяет военные цели, которые могут и должны быть достигнуты в войне. Это утверждение остается верным и для ведущейся теперь войны, где обозначился уже серьезный недостаток единогласия между ожидаемыми победителями в Европейской войне — Соединенными Штатами, Великобританией и Советской Россией. На будущее Европы окажут глубокое и возможно решающее влияние военная сила и месторасположение вооруженных сил сторон в момент завершения ими боевых действий против Германии. Настоящий кризис во взаимоотношениях между США и Великобританией, с одной стороны, и Россией — с другой, требует немедленного пересмотра нашей стратегии и политики, которые будут определять послевоенное устройство.

2) Американские цели в Европе.

1. Главная цель США — их собственная безопасность.

2. Первым требованием для обеспечения нашей безопасности является ликвидация попыток со стороны Германии объединить, доминировать и управлять всеми силами на Европейском континенте.

3. Второе требование — после поражения Германии ни одна держава или группа держав, в которой мы не имеем большого влияния, не должна управлять силами Европы.

4. Последнее требование — поощрять в Европе те силы, которые приведут ее к миру, свободе и достатку, которые необходимы не только для самих европейцев, но и для нас. (Эти условия могут быть достигнуты только путем объединения усилий целого содружества стран.)

3) Американские возможности.

1. США имеют такие цели в Европе, которые распространяются далеко за пределы ее возможностей и влияния на континенте. Цели действительно гораздо выше возможностей, даже если не принимать в расчет то, что нам придется еще истратить массу усилий для войны против Японии. Итак, должны ли мы скорректировать наши цели (сделать их адекватными нашим возможностям) либо мы должны создать такой альянс государств, который бы обеспечил достижение наших основных требований.

2. Действительно, еще ни одно государство не имеет таких целей, подобных нашим. Поэтому, для того чтобы создать работоспособный альянс, нам необходимо будет пойти на ряд соглашений с нашими союзниками, чтобы урегулировать вопрос, касающийся наших собственных целей с требованиями союзников. <...>

Ввиду диспропорции, существующей между нашими целями и возможностями, могут быть предложены три альтернативные линии стратегии и политики, которые могут быть использованы в отношении Германии и России:

1. Мы немедленно предпринимаем усилия достичь компромисса с Советским Союзом, устраняя существующие между нами противоречия. Мы исходим из того, что наши интересы в целом совпадают.

2. Америка и Великобритания продолжают следовать такой политике и стратегии, которые не зависят от политики и стратегии Советского Союза, надеясь достигнуть на этом пути обеих целей — то есть разгрома Германии и занятия, в конце концов, таких позиций, которые позволят разрешать вопросы, несмотря на враждебность между нами и Россией.

3. Мы стараемся повернуть против России все силы пока еще не разгромленной Германии, которая будет управляться либо нацистами, либо генералами. <...>

4) Возможности Советской России.

Представляется вероятным, что Россия способна вести военные операции на том же уровне, как она ведет их сейчас вплоть до весны 1944 года, а возможно, и еще дольше. За этот период возможности Германии существенно уменьшатся. К лету 1944 г. нехватка людских ресурсов, продовольствия, перенапряжение сил, возможно, ограничат масштаб советских операций.

Сепаратный мир между Россией и Германией, говоря в принципе, сейчас не в интересах России. Русские не могут не понимать, что сильная Германия является большей угрозой для них самих, чем для США. Они также должны знать, что пойдя на мир с нацистами или с германскими генералами, они тем самым создадут такие условия, при которых как для США, так и для Великобритании также станет морально и политически приемлемым заключить подобный мир. То есть русские не могут рассчитывать на то, что мы будем продолжать сражаться с Германией после того, как они сами заключат с ней перемирие. Русские понимают, что Германию легче разбить нашими совместными усилиями. Поэтому мир с сильной Германией не в интересах России.

Можно предвидеть, что к моменту окончания военных действий против Германии Россия будет иметь на континенте силы значительно большие, чем у США, Великобритании и их союзников вместе взятых.

5) Советские военные цели.

1. Главной целью является безопасность Советского Союза.

2. Первым требованием для этой безопасности является разгром Германии. (Сильная Германия больше угрожает СССР, чем США.)

3. Советское правительство, возможно, будет настаивать на следующих условиях, как минимум:

а) Восстановление советских границ примерно по линии июня 1941 г.

б) Создание в соседних с ней государствах (включая Германию) таких правительств, которые были бы дружественными (по крайней мере, не враждебными) к Советскому Союзу и не находились бы под влиянием других великих держав.

в) Гарантия от полного доминирования в Европе любой другой несоветской державы или группы держав, где Советский Союз не имел бы своего достаточно сильного влияния.

При определенных условиях этот минимум может быть расширен до максимума.

Значительное расширение на запад советской системы, где будут созданы правительства советского образца, управляемые из Москвы. Если такой режим будет основан и в Германии, то это будет означать советское доминирование во всей Европе. <...>

Наши цели в войне не противоречат с возможными минимальными требованиями Советского Союза, но они находятся в явном противоречии с его возможными максимальными требованиями, то есть с советизацией Европы и доминированием в ней. Наша задача сделать для России разрешение всех вопросов на основе ее минимальных требований привлекательным, а на основе ее максимальных требований — дорогостоящим. В этом случае мы можем, по крайней мере, рассчитывать на удовлетворение наших фундаментальных требований. <...>

Скорейшее начало боевых действий в Западной Европе будет выгодно и нам, и России. Необходимо достигнуть согласия как относительно этих сил, так и наших первостепенных интересов. Протокол мог бы состоять из следующих пунктов (включая проблемы Восточной и Южной Азии):

1. Создание американо-англо-советского совета, который будет встречаться постоянно для разрешения всех насущных проблем, касающихся наших взаимных интересов. (Настоящие контакты с советскими представителями достаточно ограниченны.) <...>

2. Координирование по времени и усилиям наших будущих операций против Германии.

3. Совместная оккупация Германии. Зоны ответственности должны располагаться в шахматном порядке и заниматься небольшими силами советских, американских и английских войск.

4. Совместные англо-американо-советские акции по устранению нацистских военных преступников, разоружению Германии, гарантии свободных выборов. Признание центрального германского правительства, выбранного только с согласия трех держав.

5. Такие же акции в отношении Италии.

6. Советское участие в войне против Японии сразу же по окончании войны против Германии. (Если Россия вступит в войну против Японии, то следует ожидать сокращения американских и английских потерь в войне в Азии. Все это будет выглядеть как компенсация нам за ожидаемые тяжелые потери наших войск в кампании в Западной Европе.)

7. Советское признание требований США и Великобритании относительно новых баз в стратегически важных районах.

8. Американское и английское признание требований России, касающихся территорий, аннексированных ею в 1939–1940 гг.

9. Продолжение поставок России по ленд-лизу с учетом как требований ведущейся войны, так и послевоенного восстановления разрушенного хозяйства России.

10. Соглашение между тремя державами вмешиваться в дела других стран (как бывших противников, так и остальных) только со взаимного согласия, с целью устранения угроз, исходящих от их вооруженных сил или лидеров, их разоружения и проведения там свободных выборов; соглашение о признании любого правительства только со взаимного англо-американо-советского согласия. (Этот пункт распространяется только на период в 10 лет.)

11. Немедленно после вступления СССР в войну против Японии начать переговоры между США, Великобританией, СССР и Китаем относительно соглашения о распространении на Восточную и Южную Азию основных принципов, обозначенных в предыдущих параграфах.

12. Сотрудничество между США, Великобританией, СССР и Китаем в деле образования и поддержания новой международной федерации по контролю над агрессорами и по разрешению других общих задач.

В качестве заключения необходимо отметить следующий наиболее весомый аргумент за немедленную концентрацию наших усилий в Западной Европе и достижение компромисса с Советским Союзом.

Политика компромисса может иметь огромные положительные результаты. Если все же эта политика потерпит провал, то все равно открытое соперничество с СССР вряд ли тогда будет более острым, чем в том случае, если мы вовсе не предпримем попыток компромисса.

Обязательным условием проведения такой политики является твердое согласие на открытие нами боевых действий в Западной Европе. Если же компромисса не удастся достичь, то Америке и Великобритании не останется ничего другого, как преследовать свои собственные цели независимо от позиции Советского Союза. Однако и в этом случае открытие боевых действий в Западной Европе не может быть предметом для обсуждения.

Без подписи.

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 446–450.

№ 46

Из заключительного доклада Объединенного англо-американского штаба президенту и премьер-министру о результатах конференции «Квадрант» (1-й Квебекской)

24 августа 1943 г.

<...> Операция «Оверлорд».

а) Эта операция явится главной операцией сухопутных войск и военно-воздушных сил Соединенных Штатов и Великобритании против стран оси в Европе (предварительная дата начала операции — 1 мая 1944 года). После овладения соответствующими портами на побережье Ла-Манша усилия должны быть сосредоточены на захвате районов, которые облегчат нанесение новых ударов наземных войск и авиации по противнику. После того как на территории Франции окажутся крупные силы союзных войск, будут предприняты операции, нацеленные в самое сердце Германии и на разгром ее вооруженных сил.

б) Для осуществления операции «Оверлорд» будет производиться балансированное наращивание сил сухопутных войск и авиации, находящихся на территории Соединенного Королевства в готовности воспользоваться любой удобной обстановкой, позволяющей пересечь Ла-Манш и высадиться во Франции.

в) Что касается взаимозависимости операции «Оверлорд» и операций на Средиземноморье, то в случае нехватки сил и средств наличные ресурсы должны быть распределены и использованы с главной целью — обеспечить успех проведения операции «Оверлорд». Операции на Средиземноморском театре будут проводиться составом сил, намеченных на конференции «Трайдент», если Объединенный англо-американский штаб не примет другого решения. <...>

14. Операции в Италии.

а) Первый этап — вывод Италии из войны и создание авиабаз в районе Рима, а если возможно — еще дальше к северу.

б) Второй этап — овладение Сардинией и Корсикой.

в) Третий этап — оказание неослабного давления на немецкие войска в Северной Италии и создание условий для проведения операции «Оверлорд» и вступления наших сил, в том числе перевооруженных французских сухопутных войск и военно-воздушных сил, на территорию Южной Франции.

15. Операции в Южной Франции. Наступательные операции в Южной Франции (с использованием обученных и оснащенных французских войск) должны быть предприняты с целью овладения плацдармом в районе Тулон, Марсель и развития успеха в северном направлении, чтобы отвлечь внимание противника в связи с проведением операции «Оверлорд». Если представится возможность, будут развернуты действия партизан в районе Южных Альп. <...>

Публикуется по: Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 г. / Пер. с англ. М., 1980. С. 434–435.

№ 47

Извлечение из меморандума, подготовленного для Г. Гопкинса представителями высшего командования американских вооруженных сил

Октябрь 1942 г.

А) 1. В этом документе нет ничего нового или оригинального. Это просто резюме того, что считается, по общему мнению, наиболее верными мыслями.

2. Россия нужна нам не только как могущественный военный союзник для разгрома Германии; в конечном счете, она понадобится нам в аналогичной роли и для разгрома Японии. И, наконец, она нужна будет нам как подлинный друг и деловой клиент в послевоенном мире.

3. К вопросу о значении России в разгроме Германии. Всякие аргументы излишни. Она столь же необходима, как Соединенное Королевство и Соединенные Штаты.

4. К вопросу о значении России в разгроме Японии. Всеми признается, что план постепенного достижения Токио через тихоокеанские острова должен быть дополнен крупными налетами бомбардировщиков, базирующихся в Азии, объектом которых должно быть самое сердце Японской империи и источник ее мощи.

Для этого потребуются весьма значительные сухопутные силы для обороны баз и, кроме того, значительные силы авиации вместе с ее личным составом, наземными сооружениями, самолетами, бензином, запасными частями, боеприпасами и всем прочим. Для действующей авиации в 1000 бомбардировщиков необходимо примерно 200 тысяч тонн различных припасов в месяц. Такую силу вряд ли можно разместить в Азии без помощи России. <...>

5. Если признать, что помощь России необходима для разгрома как Германии, так и Японии, то в равной степени верно будет и то, что поражение России в борьбе с одной из них или обеими этими странами может помешать нам разгромить Германию или Японию.

Такое поражение может произойти, если мы не поможем России в полную меру наших возможностей, ибо война России с Германией лишила ее значительной части населения, сырья, промышленности, транспорта, резервов и посевных площадей.

Такое поражение может произойти также и в том случае, если Япония примет участие в войне Германии с Россией. Поэтому, видимо, гораздо выгоднее для нашего дела отложить русско-японскую войну до разгрома Германии.

6. К вопросу о нашей заинтересованности в России как подлинном друге и деловом клиенте в послевоенный период.

Если союзники победят, Россия будет одной из трех самых могущественных стран мира. Во имя будущего всеобщего мира мы должны быть подлинными друзьями и иметь возможность так направлять мировые события, чтобы обеспечить безопасность и процветание.

Далее, после войны потребности России в американской продукции будут попросту колоссальными. Ей придется не только восстанавливать жилища, промышленность, сырье и фермы, потерянные в результате войны, но она должна будет обеспечить ресурсы для неизбежного повышения жизненного уровня у себя, что явится результатом войны.

7. Из вышесказанного представляется очевидным, что отношения с Советским Союзом имеют более важное для нас значение, чем отношения с любой другой страной, за исключением только Соединенного Королевства. Совершенно очевидно, что мы должны быть по отношению к ней столь дружественно настроенными и готовыми помочь ей, чтобы она не только сражалась вплоть до разгрома Германии и оказала нам важную помощь в разгроме Японии, но также охотно присоединилась к нам для создания прочного мира и взаимовыгодных отношений в послевоенном мире.

Б) По окончании войны Россия будет занимать господствующее положение в Европе. После разгрома Германии в Европе не останется ни одной державы, которая могла бы противостоять огромным военным силам России. Правда, Великобритания укрепляет свои позиции на Средиземном море против России, что может оказаться полезным для создания равновесия сил в Европе. Однако и здесь она не будет в состоянии противостоять России, если не получит соответствующей поддержки.

Выводы из вышеизложенного ясны. Поскольку Россия является решающим фактором в войне, ей надо оказывать всяческую помощь и надо прилагать все усилия к тому, чтобы добиться ее дружбы. Поскольку она, безусловно, будет занимать господствующее положение в Европе после поражения держав оси, то еще более важно поддерживать и развивать самые дружественные отношения с Россией.

Наконец, наиболее важным фактором, с которым должны считаться США в своих отношениях с Россией, является война на Тихом океане. Если Россия будет союзником в войне против Японии, война может быть закончена значительно быстрее и с меньшими людскими и материальными потерями. Если же войну на Тихом океане придется вести при недружественной или отрицательной позиции России, трудности неимоверно возрастут и операции могут оказаться бесплодными.

Публикуется по: Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. Т. 2. М., 1958. С. 282–285, 431–432.

№ 48

Послание У. Черчилля А. Идену относительно балканского варианта второго фронта

20 октября 1943 г.

1. Наши теперешние планы на 1944 год, по-видимому, имеют весьма серьезные недочеты. Мы должны в мае высадить во Франции пятнадцать американских и двенадцать английских дивизий и будем иметь приблизительно шесть американских и шестнадцать английских или контролируемых англичанами дивизий на Итальянском фронте. Если только Германия не потерпит краха, Гитлер, находясь в центре самых лучших путей сообщения в мире, сможет сосредоточить по меньшей мере сорок — пятьдесят дивизий против любой из этих группировок, в то же время сдерживая другую. Он может получить все необходимые силы, уменьшив свои потери на Балканах и отойдя к Саве и Дунаю, без ослабления своего русского фронта. Это одно из самых элементарных стратегических положений. Вопрос о распределении наших сил между Итальянским театром и районом Ла-Манша был решен не в соответствии со стратегическими нуждами, но под влиянием событий, исходя из транспортных возможностей и произвольных соглашений между англичанами и американцами. Ни силы, накопленные в Италии, ни те силы, которые будут готовы в мае пересечь Ла-Манш, не являются достаточными для выполнения стоящих перед нами задач, а численность войск, которые могут быть переброшены с одного фронта на другой, ограничивается цифрой порядка семи или восьми дивизий. Я твердо намерен добиться пересмотра этого положения.

2. Если бы решение зависело от меня, я не стал бы отводить никаких войск со Средиземноморского театра и не вышел бы из узкого «голенища» итальянского «сапога» в долину По, а решительно связал бы противника на узком фронте и в то же самое время поощрял бы волнения на Балканах и в Южной Франции. В случае если Германия не потерпит краха, я не думаю, что нам следует переправляться через Ла-Манш, располагая менее чем сорока дивизиями на шестидесятый день, и то только при условии, если на Итальянском фронте будут вестись решительные бои с противником. Я не согласен с американским доводом относительно того, что воздушные силы метрополии могут уничтожить все в зоне боев и на подходах к ней. Наш теперешний опыт не подтверждает этого. Все вышесказанное предназначается только для Вас лично: на данном этапе не следует развертывать эту аргументацию. Однако мои замечания могут показать Вам опасности, с какими связано для нас твердое обязательство начать операцию «Оверлорд» в мае, ради чего мы можем погубить Итальянский фронт, упустить возможности на Балканах и все же не иметь достаточных сил для того, чтобы удержаться на 30-й или 40-й день. <...>

Публикуется по: Churchill W. The Second World War. V. 5. L., 1952. P. 254–255.

№ 49

Из письма Ф. Рузвельта У. Черчиллю по поводу начавшейся операции союзников в Северной Африке

11 ноября 1942 г.

Я весьма доволен последними сообщениями о Вашей блестящей операции в Египте и об успехе, сопутствовавшем нашей совместной высадке в Северной Африке.

Это ставит вопрос о дополнительных шагах, которые следует предпринять, если и когда южный берег Средиземного моря будет освобожден и окажется под нашим контролем.

Можно надеяться, что Вы с Вашими начальниками штабов в Лондоне, а я с союзным штабом здесь сделаем обзор наших возможностей, включая продвижение наших войск на Сардинию, Сицилию, Италию, Грецию и другие балканские районы, а также включая возможность поддержки со стороны Турции в наступлении на фланг Германии через Черное море.

Что касается де Голля, то оставляя его в Ваших руках, я до сих пор получал внутреннее удовлетворение. Теперь, я, очевидно, создал себе аналогичную проблему в лице братца Жиро.

Я полностью согласен с тем, что мы не должны допускать соперничества между французскими эмигрантскими группами, и я не возражаю против того, чтобы эмиссар де Голля посетил Кингпина в Алжире. Мы должны также помнить, что Кингпин и Дарлан дерутся между собой, как коты, при этом каждый претендует на то, чтобы командовать всеми французскими войсками в Северной и Западном Африке.

Главная мысль, которую следует внедрить в сознание всех этих трех примадонн, — это то, что вся сегодняшняя обстановка связана исключительно с военной ситуацией и что любое решение одного из них или их совместное решение подлежит рассмотрению и одобрению Эйзенхауэром.

Я также считаю, что было бы хорошо узнать до отъезда представителя де Голля в Африку, в чем именно заключаются его инструкции.

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 320–321.

№ 50

Из соглашения между представителем главного командования союзных войск в Северной Африке генералом М. Кларком и верховным комиссаром Французской Африки адмиралом Ф. Дарланом

22 ноября 1942 г.

Была достигнута договоренность между соответствующими французскими органами и американскими военными властями о том, что французские вооруженные силы окажут помощь и поддержку вооруженным силам Соединенных Штатов и их союзников, чтобы изгнать общего врага с территории Африки, освободить Францию и полностью восстановить Французскую империю. Для достижения этой великой цели и для того чтобы принять меры, необходимость которых вызывается присутствием в Северной Африке крупных сил Соединенных Штатов и их союзников, в Алжире 22 ноября 1942 г. было заключено следующее соглашение.

I. Между главнокомандующим французскими сухопутными, морскими и военно-воздушными силами с одной стороны и главнокомандующим войсками Соединенных Штатов и войсками союзников с другой стороны устанавливается самое тесное сотрудничество для достижения вышеуказанной цели.

II. Статут, командование, деятельность, использование, права и привилегии французских наземных, морских и воздушных сил остаются в ведении французских властей. Эти силы будут продолжать обеспечивать внутреннюю безопасность. Они будут использоваться во взаимодействии с силами Соединенных Штатов и их союзников для изгнания вооруженных сил держав оси с французских территорий в Африке и для защиты их от всяких новых попыток вторжения со стороны сил держав оси. <...>

III. Французские правительственные чиновники продолжают лояльно выполнять свои функции для достижения цели, преследуемой вооруженными силами, находящимися в ведении главнокомандующего войсками Соединенных Штатов и союзных вооруженных сил. Они принимают необходимые меры для поддержания порядка и общественных служб на всей территории при консультации с главнокомандующим войсками Соединенных Штатов.

IV. Командование и контроль за всеми посадочными и другими устройствами для самолетов, портовыми оборонительными сооружениями, фортификациями и арсеналами поручается главнокомандующему войсками Соединенных Штатов и силами союзников для целей, названных в преамбуле к настоящему соглашению. Контроль над этими установками не предусматривает использования французского персонала без согласия французских властей. <...>

VII. Французские военные корабли действуют в тесном взаимодействии с главнокомандующим войсками Соединенных Штатов или уполномоченными им представителями союзников для достижения цели, изложенной в преамбуле настоящего соглашения. Эти корабли будут продолжать плавать под французским флагом и подчиняться французскому командованию. Они останутся при своем экипаже и вооружении и будут снабжаться горючим и всем необходимым оснащением, чтобы сохранять свою боеспособность. <...>

IX. Все портовые и морские сооружения и установки во Французской Северной Африке, а также их архивы будут предоставлены неприкосновенными в распоряжение главнокомандующего войсками Соединенных Штатов или его союзных представителей, действующих с его одобрения, оставаясь в подчинении французского командования. <...>

X. Реквизиция жилищ, продовольствия, земельных участков, зданий, транспортных средств и служб в Северной Африке для военных нужд вооруженных сил, подчиненных главнокомандующему войсками Соединенных Штатов, допускается в том случае, если все это не может быть приобретено путем договоренности в достаточном количестве и за справедливую плату. <...>

XI. Власти Французской Северной Африки представляют главнокомандующему войсками Соединенных Штатов список лиц всех национальностей, свобода которых была ограничена, которые были заключены в тюрьму или осуждены (включая лиц, осужденных заочно) за их связи и симпатии к Объединенным Нациям.

Те из них, которые все еще находятся в заключении или под наблюдением, освобождаются согласно указаниям главнокомандующего войсками Соединенных Штатов. <...>

XIV. В Северной Африке не облагается какими-либо прямыми или косвенными налогами имущество, принадлежащее Соединенным Штатам, союзным правительствам, их представителям или гражданским служащим, правительственным органам и разрешенным организациям по вопросам помощи. Равным образом не облагаются налогами закупки, продажа и различного рода торговые сделки, заключенные с правительством Соединенных Штатов, правительствами их союзников, их представителями, их гражданскими служащими, органами или организациями.

Главнокомандующий войсками Соединенных Штатов, силы, находящиеся под его командованием, союзные силы и их законные правительства, представители этих правительств и их гражданские служащие пользуются привилегиями экстерриториальности. Они не подпадают под юрисдикцию гражданских и уголовных судов.

XV. Те районы Северной Африки, которые, по мнению главнокомандующего силами Соединенных Штатов, являются важными или полезными для достижения целей, изложенных в преамбуле к настоящему соглашению, могут быть в надлежащем случае объявлены им военной зоной, подпадающей под его контроль. Следовательно, поддержание порядка и общественных служб в названных районах будет находиться под непосредственным контролем упомянутого главнокомандующего. Если такая мера станет необходимой, то французские власти будут незамедлительно уведомлены об этом.

Публикуется по: Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1959. С. 470–474.

№ 51

Из решения Объединенного комитета начальников штабов, принятого в Каире

5 декабря 1943 г.

Военные действия в Европе

1. Самыми важными операциями в 1944 году будут «Оверлорд» и «Энвил». Они должны быть начаты в мае 1944 года. Ни в каком другом районе мира не следует предпринимать никаких действий, которые могли бы помешать успеху этих двух операций.

2. В соответствии с имеющимися в настоящее время планами для операции «Оверлорд» выделены минимально необходимые силы. Должно быть сделано все возможное для увеличения этих сил.

3. Необходимо как можно скорее рассмотреть план операции «Энвил», исходя из того, что высадка должна быть проведена силами не менее двух дивизий.

Если в результате выяснится, что эту операцию следует провести более крупными силами, необходимо будет обеспечить выделение дополнительных сил и средств.

4. Желательно развернуть военные действия в Эгейском море, прежде всего захватить остров Родос, при том условии, однако, если это может быть сделано без ущерба для операций «Оверлорд» и «Энвил».

5. Должно быть сделано все возможное для ускорения строительства новых десантных судов и средств и переоборудования других судов для обеспечения Европейского театра войны дополнительным количеством десантных судов и средств.

Общие положения

6. Решения, принятые Объединенным комитетом начальников штабов на конференции «Квадрант» относительно бомбардировки с воздуха промышленных объектов в Германии, а также об уничтожении немецких военно-воздушных сил <...> подтверждаются.

Публикуется по: Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944 г. / Пер. с англ. М., 1958. С. 210.

№ 52

Из письма У. Черчилля Ф. Рузвельту (на конференции в Касабланке) с изложением записки Комитету начальников штабов о планах и операциях в районах Средиземноморья, Среднего и Ближнего Востока

19 января 1943 г.

<...> 2. Наша первостепенная задача состоит в том, чтобы овладеть побережьем Африки на Средиземном море и создать там военно-морские и военно-воздушные базы для осуществления в этом районе крупных военных перевозок. Используя базы на африканском побережье, мы должны значительными силами и в кратчайшие сроки нанести странам оси удар в «мягкое подбрюшье».

3. В связи с этим война для нас имеет две фазы — фазу консолидации сил и фазу действий. Если говорить о консолидации сил, то мы можем надеяться, что в течение нынешнего месяца генерал Александер овладеет всей Киренаикой и окажет нажим на противника, занимающего позиции в районе Эль-Агейлы, а может быть, и у Сирты. Мы можем также предполагать, что к этому времени или, может быть, несколько позднее американские и английские войска овладеют всей территорией Французской Северной Африки, включая Тунис. Конечно, на это можно рассчитывать, только если наши войска будут наступать с тем же упорством и энергией, как и ныне. <...>

7. Как только мы утвердимся на территории Французской Северной Африки, в первую очередь в Тунисе, и накопим там силы, появится возможность провести две операции. Первая операция — это удар на Триполи. Возможно, генерал Александер сумеет овладеть этим важным трофеем с востока, и я уже запрашивал его мнение по данному вопросу, а также относительно времени, которое на это потребуется. В то же время мы должны быть готовы к стремительному продвижению наших войск с запада. Будет ли достаточно для этого двух английских дивизий генерала Андерсона, если предположить, что сам Тунис можно будет удержать силами американских и французских войск? Мне бы хотелось как можно точнее знать время, которое потребуется для реализации такого плана.

8. Другим ближайшим объектом наших ударов должна, очевидно, стать либо Сардиния, либо Сицилия. Овладение одним из этих островов и аэродромами на юге Италии означало бы создание своеобразного треугольника, в пределах которого мы могли бы вести воздушные бои с целью завоевания и обеспечения нашего превосходства в воздухе. Кроме того, осуществление с одного из этих островов непрерывных, постоянно усиливающихся ударов с воздуха по Неаполю, Риму и базам итальянского военного флота означало бы максимальную интенсификацию военных действии против Италии.

Не теряя времени, следует сделать все необходимое для принятия решения по данному вопросу. Так или иначе, нужно начать борьбу в центральной части Средиземного моря с целью завоевания господства в воздухе путем развертывания гигантского воздушного сражения при максимальном использовании нашего численного превосходства над противником в авиации. <...>

Мы должны убедить русских в целесообразности развернуть свои главные силы на южном крыле, чтобы попытаться очистить от противника Кавказ, вернуть Новороссийск и, кроме того, как можно раньше осуще-

ствить намерение, о котором говорил мне премьер Сталин, — нанести удар в юго-западном направлении, к Ростову-на-Дону из района севернее Сталинграда. В случае успеха этих операций Дарданеллы будут открыты для нас, и станет возможным подвозить грузы к черноморским портам русских и оказывать любую помощь военно-морскими силами, которая может потребоваться русским на Черном море. <...>

Публикуется по: Говард М. Большая стратегия.
Август 1942 — сентябрь 1943 г. / Пер. с англ. М., 1980. С. 418–420.

№ 53

Из совместного послания Ф. Рузвельта и У. Черчилля И. В. Сталину

27 января 1943 г.

1. Мы совещались с нашими военными советниками и приняли решения об операциях, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Мы хотим немедленно сообщить Вам о наших намерениях. Мы полагаем, что эти операции вместе с Вашим мощным наступлением могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году. Нужно приложить все усилия, чтобы достигнуть этой цели.

2. Мы не сомневаемся, что правильная стратегия для нас состоит в том, чтобы сосредоточить свои силы на задаче поражения Германии с целью одержания скорой и решающей победы на Европейском театре. В то же самое время мы должны поддерживать достаточное давление на Японию, чтобы сохранить инициативу на Тихом океане и на Дальнем Востоке, поддержать Китай и воспрепятствовать японцам распространить свою агрессию на другие театры, как, например, на Ваши приморские провинции.

3. Наше основное желание состоит в том, чтобы отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и направить в Россию максимальный поток снабжения. Мы не пожалеем никаких усилий, чтобы отправлять Вам материальную помощь в любом случае, всеми возможными путями.

4. Наше ближайшее намерение состоит в том, чтобы очистить Северную Африку от сил держав оси и создать военно-морские и военно-воздушные базы, чтобы:

1) открыть надежный путь через Средиземное море для военного транспорта;

2) начать интенсивную бомбардировку важных объектов держав оси в Южной Европе.

5. Мы приняли решение предпринять широкие комбинированные операции сухопутных и военно-морских сил в Средиземном море по возможности в ближайшее время. Подготовка к этим операциям проводится в настоящее время, и она сопряжена со значительной концентрацией сил, включая десантные средства и суда, в Египте и в портах Северной Африки. Кроме того, мы намерены сконцентрировать в пределах Соединенного Королевства значительные американские сухопутные и военно-воздушные силы. Эти силы совместно с британскими вооруженными силами в Соединенном Королевстве подготовятся к тому, чтобы снова вступить на континент Европы, как только это будет осуществимо. Эти концентрации наверняка будут известны нашим противникам, но они не будут знать, где, когда и какими силами мы предполагаем нанести удар. Поэтому они будут вынуждены рассредоточить как сухопутные, так и военно-воздушные силы на всем протяжении побережья Франции, Голландии, Корсики, Сардинии, Сицилии, Леванта, Италии, Югославии, Греции, Крита и Додеканезских островов. <...>

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США
и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
Т. II. М., 1957. С. 50–51.

№ 54

Из послания И. В. Сталина Ф. Рузвельту и У. Черчиллю

30 января 1943 г.

Ваше дружеское совместное послание получил 27 января. Благодарю за информацию о принятых в Касабланке решениях насчет операций, которые должны быть предприняты американскими и британскими вооруженными силами в течение первых девяти месяцев 1943 года. Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления.

Что касается Советского Союза, то я могу Вас заверить, что Вооруженные силы СССР сделают все от них зависящее для продолжения наступления против Германии и ее союзников на советско-германском фронте. <...>

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 52.

№ 55

Из директивы Объединенного комитета начальников штабов главнокомандующему экспедиционными силами союзников Д. Эйзенхауэру

11 февраля 1944 г.

1. Настоящим Вы назначаетесь главнокомандующим союзными силами, поступающими в Ваше распоряжение для проведения операции по освобождению Европы от немцев. Вы будете называться главнокомандующим экспедиционными силами союзников.

2. Задача. Вы высаживаетесь на европейском континенте и вместе с другими Объединенными Нациями проводите военные действия, цель которых — нанести удар в сердце Германии и уничтожить ее вооруженные силы. Высадка на континент производится в мае месяце 1944 года. После овладения портами в проливе Ла-Манш предпринимаются действия по занятию района, который облегчит проведение наземного и воздушного наступления против войск противника.

3. Независимо от указанного выше срока высадки Вы должны всегда быть готовы немедленно воспользоваться такими благоприятными обстоятельствами, как, например, отступление противника, находящегося перед Вами, чтобы осуществить высадку на континент теми силами, которые будут в тот момент в Вашем распоряжении. <...>

Публикуется по: Эрман Дж. Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944 г. / Пер. с англ. М., 1958. С. 294.

№ 56

Из послания У. Черчилля И. В. Сталину

12 февраля 1943 г.

<...> Я совещался теперь с президентом, и вопрос был передан в штабы стран по ту и другую сторону океана. Я уполномочен дать следующий наш совместный ответ:

а) В Восточном Тунисе находится четверть миллиона немцев и итальянцев. Мы надеемся уничтожить или изгнать их оттуда в течение апреля, если не раньше.

в) Когда это будет сделано, мы намерены в июле или раньше, если окажется возможным, захватить Сицилию с целью очистить Средиземное море, способствовать краху Италии с вытекающими отсюда последствиями в отношении Греции и Югославии и измотать германские военно-воздушные силы. За этим непосредственно должна последовать операция в восточной части Средиземного моря, вероятно против Додеканезских островов.

c) Эта операция потребует использования всего тоннажа и всех десантных средств, которые мы сможем собрать на Средиземном море, а также всех войск, которые мы сможем подготовить для десантных операций к этому времени, и масштаб операции будет порядка трех или четырех сотен тысяч человек. Мы будем развивать до пределов любой успех, как только будут развернуты порты и базы высадки десантов.

d) Мы также энергично ведем приготовления до пределов наших ресурсов к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь. Сроки этого наступления должны, конечно, зависеть от состояния оборонительных возможностей, которыми будут располагать в это время немцы по ту сторону Канала.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 53–54.

№ 57

Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту

16 февраля 1943 г.

12 февраля я получил от г. Черчилля послание с дополнительной информацией о решениях, принятых Вами и г. Черчиллем в Касабланке. Ввиду того что, по сообщению г. Черчилля, его послание является общим ответом, выражающим также и Ваше мнение, не могу не высказать Вам некоторых соображений, о которых я сообщил одновременно и г. Черчиллю.

Из указанного послания видно, что раньше намечавшиеся на февраль сроки окончания военных операций в Тунисе теперь откладываются на апрель. Не надо много доказывать, как нежелательна эта оттяжка операций против немцев и итальянцев. Именно в данный момент, когда советским войскам еще удается поддерживать свое широкое наступление, активность англо-американских войск в Северной Африке настоятельно необходима. Одновременность нажима на Гитлера с нашего фронта и с Вашей стороны в Тунисе имела бы большое положительное значение для нашего общего дела и создала бы весьма серьезные затруднения для Гитлера и Муссолини. Тогда ускорились бы и намечаемые Вами операции в Сицилии и в восточной части Средиземного моря.

Что касается открытия второго фронта в Европе, в частности во Франции, то оно, как видно из Вашего сообщения, намечается только на август — сентябрь. Мне кажется, однако, что нынешняя ситуация требует того, чтобы эти сроки были максимально сокращены и чтобы второй фронт на Западе был открыт значительно раньше указанного срока. Для того чтобы не дать врагу оправиться, по-моему, весьма важно, чтобы удар с Запада не откладывался на вторую половину года, а был бы нанесен еще весной или в начале лета.

По имеющимся у нас достоверным сведениям, немцы за период времени с конца декабря, когда действия англо-американских сил в Тунисе почему-то приостановились, перебросили из Франции, Бельгии, Голландии и самой Германии на советско-германский фронт 27 дивизий, в том числе 5 танковых дивизий. Таким образом, вместо помощи Советскому Союзу путем отвлечения германских сил с советско-германского фронта получилось облегчение для Гитлера, который ввиду ослабления англо-американских операций в Тунисе получил возможность перебросить дополнительные свои войска против русских.

Все это говорит за то, что чем раньше мы совместно используем создавшиеся в гитлеровском стане затруднения на фронте, тем больше оснований рассчитывать на разгром Гитлера в скором времени. Если не учесть всего этого сейчас и не использовать нынешний момент в наших общих интересах, то может случиться так, что, получив передышку и собрав силы, немцы смогут оправиться. Для нас с Вами ясно, что не следовало бы допустить подобный нежелательный просчет.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 54–55.

№ 58

Послание Ф. Рузвельта И. В. Сталину

22 февраля 1943 г.

В ответ на Ваше послание от 16 февраля, в котором Вы изложили некоторые соображения, переданные Вами г-ну Черчиллю в ответ на его послание от 12 февраля на Ваше имя, я хочу сообщить, что я разделяю Ваше сожаление о том, что усилия союзников в Северной Африке не развивались в соответствии с планом. Они были прерваны неожиданными сильными дождями, которые весьма затруднили перевозку по дорогам как снабжения, так и войск, направлявшихся на линию фронта из наших портов выгрузки. Эти дожди сделали поля и горы непроходимыми.

Я вполне сознаю неблагоприятные последствия, которые эта задержка будет иметь для общих усилий союзников, и я принимаю все возможные меры для того, чтобы начать успешные наступательные действия против вооруженных сил держав оси в Африке в возможно ближайший момент с целью завершить их уничтожение.

Большая разбросанность транспортных средств Америки в настоящее время хорошо Вам известна, и я могу Вас заверить в том, что прилагаются все усилия к тому, чтобы увеличить наши транспортные ресурсы.

Я понимаю, насколько важно предпринять военные усилия на континенте Европы в ближайший подходящий момент времени в целях уменьшения сопротивления держав оси Вашей героической армии. Вы можете быть уверены в том, что после успеха в Северной Африке, как только наши максимальные усилия смогут обеспечить нам транспортные средства, американские военные усилия будут распространены на Европейский континент.

Мы желаем Вашей героической армии дальнейших успехов, которые вдохновляют нас всех.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 55–56.

№ 59

Из послания У. Черчилля И. В. Сталину по вопросу северных конвоев

30 марта 1943 г.

Немцы сконцентрировали в Нарвике мощный линейный флот в составе «Тирпица», «Шарнхорста», «Лютцова», одного крейсера с 6-дюймовыми орудиями и восьми эсминцев. Таким образом, опасность для конвоев в Россию, которую я описывал в моем послании Вам от 17 июля прошлого года, возрождена в еще более угрожающей форме. Я сообщал Вам тогда, что мы не считаем правильным рисковать нашим флотом метрополии в Баренцевом море, где он мог бы подвергнуться нападению германских самолетов, базирующихся на побережье, и подводных лодок, не имея достаточной защиты как против самолетов, так и против подводных лодок, и я пояснял, что если бы были потеряны или даже серьезно повреждены один или два из наших самых современных линейных кораблей, в то время как «Тирпиц» и другие крупные единицы германского линейного флота оставались бы в действии, то все господство в Атлантическом океане подверглось бы угрозе со страшными последствиями для нашего общего дела.

Поэтому президент Рузвельт и я с величайшей неохотой пришли к выводу о невозможности обеспечить соответствующую защиту следующего конвоя в Россию и о том, что без такой защиты не имеется ни малейших шансов на то, что какие-либо из кораблей достигнут Вашей страны ввиду известных германских приготовлений для их уничтожения. Поэтому были отданы распоряжения о том, чтобы отложить отправку мартовского конвоя.

Президент Рузвельт и я весьма разочарованы тем, что оказывается необходимым отложить мартовский конвой. Если бы не концентрация германских сил, то наше твердое намерение состояло бы в том, чтобы отправить Вам конвой в марте и еще один в начале мая в составе тридцати судов каждый. В то же самое время мы считаем совершенно правильным немедленно известить Вас, что после начала мая не будет возможным продолжать отправку конвоев северным маршрутом, поскольку, начиная с этого времени, каждое отдельное эскортное судно потребуется на Средиземном море для поддержки наших наступательных операций, вслед-

ствие чего останется лишь минимум для обеспечения наших жизненных путей на Атлантическом океане. На Атлантическом океане в течение прошлых трех недель мы понесли тяжелые и почти беспрецедентные потери. <...> Мы надеемся возобновить конвои в начале сентября при условии, если это позволит диспозиция основных германских кораблей и если обстановка в Северной Атлантике будет такой, что даст нам возможность обеспечить необходимые эскорты и силы прикрытия.

4. Мы делаем все возможное для увеличения потока снабжения южным путем. В течение последних шести месяцев, цифра ежемесячных поставок была более чем удвоена. Мы имеем основание надеяться, что увеличение будет прогрессировать и что цифры на август достигнут 240 тысяч тонн. Если это будет достигнуто, то размеры ежемесячных поставок увеличатся за 12 месяцев в восемь раз. Далее, Соединенные Штаты существенно увеличат поставки через Владивосток. Это в некоторой степени смягчит как Ваше, так и наше чувство досады по поводу перерыва в отправке северных конвоев.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 129–130.

№ 60

Письмо Ф. Рузвельта У. Черчиллю о военных планах западных союзников в 1943 г.

11 апреля 1943 г.

Наши штабы сейчас спешно работают над тем, чем мы займемся после операции «Хаски». Я думаю, что имеются две-три хорошие альтернативы, но пока наши соответствующие штабы не выскажут своих мнений, я не предвижу никакой пользы от срочных совещаний с Маршаллом и Гарри. Вполне возможно, и, я надеюсь, это будет реально, мы можем быстро прийти к соглашению об операциях, которые мы проведем после «Хаски». В настоящий момент нам нужно завершить тунисское дело, а на это может потребоваться больше времени, чем мы думаем. Если это дело затянется, это само по себе могло бы неприятно отразиться на операции «Хаски», а если бы какие-либо значительные силы армии Роммеля проскользнули на землю «Хаски», то это вдвойне затруднило бы операцию.

Я полагаю, что обстановка в Тунисе прояснится в течение недели, и мы сможем достаточно обоснованно предсказать сроки изгнания врага из Африки.

Как мне помнится, я говорил Вам в Касабланке, что нам следует продолжать подготовку к операции «Хаски», но что до 1 июня Вам и мне следует быть готовыми изучить одну или несколько альтернатив. Обстановка к тому времени может значительно измениться. Наша подготовка к «Хаски» не должна ослабевать ни на йоту, однако на 95% она может оказаться в равной мере полезной и для какого-либо другого мероприятия, если оно покажется лучше.

Мы приложили максимальные усилия, чтобы изыскать первые 20 транспортных судов для операции «Анаким», вся работа по использованию нашего торгового флота в интересах дела союзников нуждается в самом пристальном внимании, иначе у нас может не оказаться достаточного торгового тоннажа для проведения операций. Я познакомился с одним из разработанных здесь вариантов операции «Анаким» и позднее поделюсь с Вами своими соображениями о нем.

Я собираюсь в начале недели отправиться в двухнедельную поездку по армейским и военно-морским базам. Эта поездка не будет упоминаться в печати, поэтому я не хочу, чтобы о ней знали в Англии. Но у меня будет хорошая связь, и Вы сможете быстро со мной связаться. Гарри останется здесь.

Я очень доволен последними успешными бомбардировками Германии, и мы должны их все больше и больше усиливать. Мы предпринимаем здесь особые усилия, чтобы как можно скорее создать наши крупные бомбардировочные соединения в Англии. Я не думаю, чтобы немцам это нравилось, а итальянцам — еще меньше.

Передайте мои поздравления Порталу и Гаррису.

Визит Антони прояснил многие вопросы, и я полагаю, он был вполне успешным.

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 374–375.

№ 61

Разграбление немцами культурных ценностей оккупированных стран 1940–1944 гг.

Письмо А. Розенберга А. Гитлеру

16 апреля 1943 г.

Мой фюрер!

Желая сделать Вам, мой фюрер, приятный подарок, я позволю себе передать Вам папку с фотографиями ценнейших картин, которые во исполнение Вашего приказа отобрал мой штаб в западных областях из бесхозных еврейских собраний произведений искусства. Эта папка с фотографиями представляет собой дополнение к 53 ценнейшим произведениям искусства, включенным уже в свое время в Вашу коллекцию в ходе этой акции. И эта папка дает только слабое представление об экстраординарной ценности и огромном количестве обнаруженных во Франции и надежно укрытых в рейхе моим ведомством культурных богатств.

Я прошу Вас, мой фюрер, разрешить мне при ближайшем докладе устно сообщить Вам относительно общего размаха и хода выполнения этой акции по выявлению произведений искусства. Я прошу Вас как основу этого предстоящего устного доклада принять короткий промежуточный письменный отчет о ходе и размахе этой акции, а также три тома составленного на данный момент каталога картин, который охватывает лишь часть имеющегося в Вашем распоряжении собрания. Последующие каталоги, которые составляются, будут передаваться мною через определенные промежутки времени. Я позволю себе при испрашиваемом докладе передать Вам, мой фюрер, следующие 20 папок с фотографиями в надежде на то, что общение с прекрасными произведениями искусства, такими близкими Вашему сердцу, могло бы стать лучом прекрасного и радости в тяготах и величии Вашей жизни в настоящее время.

Из отчета о работе эйнзатцштаба «Изобразительное искусство» за период с октября 1940 по июнь 1944 г.

<...> Кроме учета значительных культурных ценностей во Франции штаб проводил такой учет в Бельгии и Голландии из владений переселившихся еврейских эмигрантов.

Работа в восточных областях:

В оккупированных восточных областях работа штаба «Изобразительное искусство» ограничивалась научным учетом и фотографированием общественных собраний, обеспечением их сохранности и уходом за ними во взаимодействии с военными и гражданскими властями. В ходе освобождения областей во взаимодействии с отдельными группами армий в хранилища рейха доставлены несколько сотен ценнейших русских икон, несколько сотен картин русских мастеров 18 и 19 веков, отдельные предметы мебели и оборудования дворцов. Были взяты на хранение для целей политических исследований одно собрание произведений абстрактного большевистского искусства, а также собрание абстрактного западного искусства.

Кроме того, штабом «Изобразительное искусство» собран обширный материал по уходу за произведениями искусства в Советском Союзе, музейной политике, искусствоведческой публицистике и фотоматериал по советской архитектуре.

25 папок с фотографиями ценнейших произведений, учтенных на Западе, переданы фюреру 20 апреля 1943 г. вместе с тремя томами предварительного каталога и промежуточным отчетом. К этому отчету прилагается еще 10 папок с фотографиями. Готовятся следующие папки с фотографиями.

Публикуется по: Нюрнбергский процесс.
Т. 4. М., 1990. С. 487–488.

№ 62

Из заключительного доклада Объединенного англо-американского штаба о результатах работы конференции «Трайдент»

25 мая 1943 г.

I. Общая цель

Совместно с Россией и другими союзниками в возможно короткий срок добиться безоговорочной капитуляции стран оси.

II. Общий стратегический замысел дальнейшего ведения войны

1. Во взаимодействии с Россией и другими союзниками в возможно короткий срок добиться безоговорочной капитуляции стран оси в Европе.

2. Одновременно во взаимодействии с другими заинтересованными странами Тихоокеанского бассейна оказывать и наращивать давление на Японию с целью постоянного ослабления ее военной мощи и овладения позициями, с которых будет возможно добиться ее окончательной капитуляции.

3. После разгрома стран оси в Европе направить все ресурсы Соединенных Штатов и Великобритании во взаимодействии с другими странами Тихоокеанского бассейна и, если это будет возможно, с Россией на достижение в возможно короткий срок безоговорочной капитуляции Японии.

III. Основные мероприятия по реализации общего стратегического замысла

При принятии решения на проведение операций, обеспечивающих осуществление общего стратегического замысла, необходимо придерживаться следующего установленного порядка использования наших ресурсов (за исключением случаев пересмотра его Объединенным англо-американским штабом) в соответствии с изменением обстановки:

1) поддержание безопасности и военного потенциала Западного полушария и Британских островов;

2) обеспечение боеспособности наших сил во всех районах;

3) обеспечение жизненно важных морских коммуникации; главная задача — ликвидировать угрозу со стороны подводных лодок;

4) наращивание авиационного наступления против стран оси в Европе;

5) сосредоточение максимума сил и средств в возможно короткий срок в избранных районах с целью осуществления решающего штурма цитадели стран оси;

6) осуществление всех возможных мер для оказания помощи военным усилиям России;

7) осуществление всех возможных мер для оказания помощи военным усилиям Китая как серьезному союзнику, располагающему базой для проведения операций против Японии;

8) подготовка почвы для активного или пассивного участия Турции в войне на стороне союзников;

9) подготовка французских сил в Африке для активного их участия в войне против стран оси.

IV. Конкретные операции, намеченные на 1943–1944 годы в целях осуществления общего стратегического замысла

<...> 2. Разгром стран оси в Европе.

а) Совместное авиационное наступление с территории Соединенного Королевства. Объединенный англо-американский штаб одобрил план совместного американо-английского авиационного наступления, постепенного разрушения и расстройства немецкой военной, промышленной и экономической системы и подрыва морального духа немецкого населения до такой степени, чтобы его воля к вооруженному сопротивлению существенно ослабла.

План охватывает период с настоящего времени по 1 апреля 1944 года и должен осуществляться в четыре этапа. С каждым последующим этапом наши растущие силы смогут глубже проникать на вражескую территорию. Попутно будет решаться важная задача ослабления немецкой истребительной авиации.

б) Операции по форсированию Ла-Манша. Объединенный англо-американский штаб убежден в необходимости накопления сил и средств на территории Соединенного Королевства, чтобы провести операцию,

предварительно назначенную на 1 мая 1944 года, с целью захвата на континенте плацдарма, с которого возможно будет развернуть дальнейшее наступление. Операция будет проводиться в таких масштабах, которые потребуют помимо уже находящихся здесь военно-воздушных сил иметь в готовности для использования с территории Соединенного Королевства к 1 мая 1944 года следующие силы:

Первая волна — 5 пехотных дивизий (с соответствующим количеством десантно-высадочных средств для их одновременной посадки и высадки), 2 пехотные дивизии второго эшелона, 2 воздушно-десантные дивизии. Итого: 9 дивизий первой волны.

20 дивизий второй волны для переброски на захваченный плацдарм. Всего 29 дивизий. <...>

в) Операции в Средиземноморском бассейне с целью вывода Италии из войны. Объединенный англо-американский штаб считает необходимым безотлагательно дать указание командующему союзными силами в Северной Африке разработать в развитии операции «Хаски» такую операцию, которая бы наилучшим образом способствовала выводу Италии из войны и сковыванию максимально возможного количества немецких войск. Какую из нескольких различных по своему характеру операций выбрать и в последующем провести, решит Объединенный англо-американский штаб. Командующий союзными войсками в Северной Африке может использовать для проведения указанных операций все имеющиеся силы Средиземноморского района, за исключением 4 американских и 3 английских дивизий, которые начиная с 1 ноября должны находиться в готовности к переброске для участия в операциях, намечаемых с территории Соединенного Королевства. <...>

3. Операции по разгрому Японии. Мы дали указания объединенному комитету по планированию подготовить оценки (включая оценку потребного количества сил), на основе которых должен быть разработан план разгрома Японии.

а) Операция на Бирмано-Китайском театре. Объединенный англо-американский штаб принял решения:

1) о сосредоточении (в качестве первоочередной задачи на Ассамско-Бирманском театре) всех наличных ресурсов для создания и развития воздушного пути в Китай к началу осени с возможностью переброски 10 тыс. т в месяц и строительства аэродромных сооружений в Ассаме с целью:

— активизации действий авиации против японцев в Бирме;

— сохранения крупных американских сил авиации в Китае;

— поддержания темпов переброски грузов в Китай по воздуху;

2) о проведении энергичных и дерзких наземных и воздушных операций в конце периода дождей 1943 года из Ассама на территории Бирмы через Ледо и Импхал в сочетании с наступлением китайских войск с территории провинции Юньнань с целью сковывания максимально возможного количества японских войск, обеспечения переброски грузов в Китай по воздуху и создания предпосылок к открытию Бирманской дороги;

3) о захвате порта Акьяб и острова Рамри путем проведения морской десантной операции;

4) о нарушении морских коммуникаций Японии, ведущих в Бирму;

5) о продолжении материально-технических мероприятий в Индии для последующего проведения десантной операции, по размаху примерно равной операции «Анаким».

б) Операции на Тихом океане. Объединенный англо-американский штаб рассмотрел различные варианты действий и пришел к общему мнению о том, что подготавливаемые операции должны преследовать следующие цели:

1) нанесение ударов с воздуха на территории Китая и с китайской территории по другим объектам;

2) изгнание японцев с Алеутских островов;

3) овладение Маршалловыми и Каролинскими островами;

4) овладение Соломоновыми островами, архипелагом Бисмарка и захваченной японцами частью Новой Гвинеи;

5) наращивание ударов по коммуникациям противника.

Публикуется по: Говард М. Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943 г. / Пер. с англ. М., 1980. С. 428–432.

№ 63

Послание И. В. Сталина Ф. Рузвельту по вопросу открытия второго фронта

11 июня 1943 г.

Ваше послание, в котором Вы сообщаете о принятых Вами и г. Черчиллем некоторых решениях по вопросам стратегии, получил 4 июня. Благодарю за сообщение.

Как видно из Вашего сообщения, эти решения находятся в противоречии с теми решениями, которые были приняты Вами и г. Черчиллем в начале этого года, о сроках открытия второго фронта в Западной Европе.

Вы, конечно, помните, что в Вашем совместном с г. Черчиллем послании от 26 января сего года сообщалось о принятом тогда решении отвлечь значительные германские сухопутные и военно-воздушные силы с русского фронта и заставить Германию встать на колени в 1943 году.

После этого г. Черчилль от своего и Вашего имени сообщил 12 февраля уточненные сроки англо-американской операции в Тунисе и Средиземном море, а также на западном берегу Европы. В этом сообщении говорилось, что Великобританией и Соединенными Штатами энергично ведутся приготовления к операции форсирования Канала в августе 1943 года и что если этому помешает погода или другие причины, то эта операция будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь 1943 года.

Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с г. Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается, на этот раз на весну 1944 года.

Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе — в народе и в армии — произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий. Что касается Советского правительства, то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 69–70.

№ 64

Из послания И. В. Сталина У. Черчиллю

24 июня 1943 г.

Мне вполне понятна сложность организации англо-американского вторжения в Западную Европу, в частности организации переброски войск через Канал. Эта сложность была также видна из Ваших сообщений.

Из Ваших сообщений прошлого и этого года я вынес уверенность, что Вы и президент отдавали себе полный отчет в трудностях организации такой операции и что соответствующая подготовка этого вторжения Вами совместно с президентом ведется с полным учетом этих трудностей и со всем необходимым напряжением сил и средств. Еще в прошлом году Вы сообщили, что вторжение в Европу английских и американских войск в большом масштабе будет произведено в 1943 году. <...>

В феврале, когда Вы писали об этих Ваших планах и сроках вторжения в Западную Европу, трудности этой операции были более значительными, чем теперь. С тех пор немцы потерпели не одно поражение: они были отброшены на юге нашими войсками и потерпели здесь немалый урон; они были разбиты и изгнаны из

Северной Африки англо-американскими войсками; в подводной войне немцы также попали в более трудное положение, чем когда-либо раньше, а превосходство англо-американских сил значительно возросло; известно также, что американцы и англичане достигли господства своей авиации в Европе, а военный и транспортный морской флот возросли в своей мощи.

Таким образом, условия для открытия второго фронта в Западной Европе на протяжении 1943 года не только не ухудшились, а, напротив, значительно улучшились.

После всего этого Советское правительство не могло предполагать, что британское и американское правительства изменят принятое в начале этого года решение о вторжении в Западную Европу в этом году. Напротив, Советское правительство имело все основания считать, что это англо-американское решение будет реализовано, что должная подготовка ведется, и второй фронт в Западней Европе будет, наконец, открыт в 1943 году. <...>

Я уже не распространяюсь о том, что это Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято Вами и президентом без участия Советского правительства и без какой-либо попытки пригласить его представителей на совещание в Вашингтоне, хотя Вы не можете не знать, что в войне с Германией роль Советского Союза и его заинтересованность в вопросах второго фронта достаточно велики.

Нечего и говорить, что Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага.

Вы пишете мне, что Вы полностью понимаете мое разочарование. Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв Советских Армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину. <...>

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. II. М., 1957. С. 73–75.

№ 65

Послание У. Черчилля Ф. Рузвельту о военной ситуации в районе Средиземноморья

7 октября 1943 г.

Я весьма озабочен ситуацией, складывающейся в восточной части Средиземного моря. После падения Италии мы направили небольшие подразделения из Египта на некоторые греческие острова, в частности Кос, на котором имеется взлетно-посадочная площадка, и Лерос, который является итальянской укрепленной военно-морской базой с мощными береговыми батареями. Мы пошли на этот риск в надежде, что итальянские гарнизоны, которые приветствовали нас, примут участие в обороне. Эти надежды оказались тщетными, и Кос уже пал, если не считать некоторые наши части, сражающиеся в горах. Лерос вполне может разделить его участь. Наши действия против Родоса еще не принесли успеха.

Я полагаю, что можно считать Апеннинский и Балканский полуострова единым целым в военном и политическом отношении и что фактически они относятся к одному театру военных действий, с которым нам приходится иметь дело.

Действительно, может оказаться невозможным успешно вести итальянскую кампанию, игнорируя события на Эгейском море. Немцы явно придают серьезнейшее значение тому восточному району и без колебаний направили туда значительную часть своих перегруженных военно-воздушных сил, чтобы удержаться там. Им приходится опасаться дезертирства Венгрии и Румынии и сильнейшего раскола Болгарии. В любой момент Турция может выступить против них. Мы видим, насколько неблагоприятные условия сложились для врага в Греции и Югославии. Если мы вспомним, какие блестящие результаты принесли политические события в Италии, вызванные нашими военными усилиями, неужели мы окажемся настолько близорукими, чтобы игнорировать подобные или даже еще большие сдвиги в некоторых или во всех странах, названных мною? Если бы могли вызвать такие события и использовать их, наша общая задача в Италии была бы значительно облегчена.

Я никогда не собирался посылать армию на Балканы, лишь хотел стимулировать там интенсивную деятельность партизан с помощью агентов, поставок и диверсионных групп. Это может принести результаты, несравнимые по своим последствиям с очень небольшими затратами на проведение этих операций. Я прошу лишь о захвате Родоса и других островов Додеканеса. Продвижение на север наших ближневосточных военно-воздушных сил и их закрепление на этих островах и, возможно, на турецком побережье, причем последнего легко достигнуть, заставит противника отвлечь значительно более мощные силы, чем те, которые потребуются от нас. Это также даст возможность связать слабеющие воздушные силы врага и изматывать их в новом районе. Его воздушная мощь не безгранична, и лучше не давать ей передышки.

Родос — ключ ко всем этим вопросам. Я полагаю, что нынешний план его захвата недостаточно хорош. Может потребоваться — и он по крайней мере стоит этого — одна первоклассная дивизия, которая, конечно, сможет быть заменена небоевыми частями, когда остров будет взят. Лерос, который сейчас мы столь неуверенно удерживаем, является важной военно-морской крепостью, и как только мы закрепимся в этом районе, воздушные и легкие военно-морские силы будут играть наиболее полезную роль. От такой установки, конечно, следует отказаться, если она не будет проводиться с энергией и быстротой, для которых требуются лучшие войска и достаточные средства. В этом случае отвлечение сил от основного театра действий будет лишь временным, а последствия могут оказаться серьезными и долговременными.

Я прошу Вас обдумать изложенное и не оставлять его без внимания, а также не допустить, чтобы все эти возможности были потеряны для нас в ближайшие критические месяцы. Стоило бы даже для обеспечения одной дивизии снять на несколько недель десантные средства и корабли штурмового эшелона десанта с операции «Оверлорд», не изменяя при том установленной даты операции. Я чувствую, мы можем легко упустить эту колоссальную, но ускользающую возможность. Если Вы относитесь благоприятно к этому, не будете ли Вы столь любезны показать эту телеграмму генералу Маршаллу до того, как союзный комитет начальников штабов примет какое-либо решение?

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 427–429.

№ 66

Переписка У. Черчилля и И. В. Сталина в период высадки сил союзников в Нормандии

6–9 июня 1944 г.

У. Черчилль И. В. Сталину, 6 июня 1945 г.

Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты развертывается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу.

Виды на погоду сносные, с тенденцией на улучшение.

И. В. Сталин У. Черчиллю, 6 июня 1944 г.

Ваше сообщение об успехе начала операций «Оверлорд» получил. Оно радует всех нас и обнадеживает относительно дальнейших успехов.

Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательные операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск.

Обязуюсь своевременно информировать Вас о ходе наступательных операций.

У. Черчилль И. В. Сталину, 7 июня 1944 г.

1. Благодарю Вас за Ваше послание и поздравление по поводу Рима. В отношении «Оверлорда» я вполне удовлетворен положением, как оно развивалось до полудня сегодня, 7 июня. Только в одном прибрежном

районе, где высаживались американцы, были серьезные трудности, причем теперь они ликвидированы. В тылу противника на его флангах благополучно приземлились двадцать тысяч авиадесантных войск, в каждом случае они установили контакт с американскими и британскими войсками, выраженными с моря. Мы переправились с небольшими потерями. Мы рассчитывали потерять около 10 тысяч человек. Мы надеемся иметь сегодня к вечеру на берегу большую часть четверти миллиона людей, включая значительное количество бронетанковых сил (танков), выгруженных на берег со специальных судов или дошедших до берега своим ходом, вплавь. В этом последнем типе танков были довольно значительные потери, особенно на американском фронте, вследствие того, что волны опрокидывали эти плавающие танки. Мы должны теперь ожидать сильных контратак, но мы рассчитываем на превосходство в бронетанковых силах и, конечно, на подавляющее превосходство в воздухе всякий раз, когда небо будет свободно от облаков.

2. Вчера поздно вечером в районе Кана имело место танковое сражение наших только что выгруженных на берег бронетанковых сил с пятьюдесятью танками противника из 21-й бронетанковой гренадерской дивизии, в результате которого противник оставил поле боя. Сейчас вступает в действие 7-я британская бронетанковая дивизия, и она должна нам дать превосходство в течение нескольких дней. Речь идет о том, какое количество сил они могут бросить против нас в ближайшую неделю. Погода в районе Канала, по-видимому, не будет как-либо препятствовать продолжению нашей высадки. В самом деле, погода кажется более обещающей, чем прежде. Все командующие удовлетворены тем, что в действительности в процессе высадки десанта дела шли лучше, чем мы ожидали.

3. Особо секретно. Мы предполагаем очень скоро устроить два больших сборных порта на берегах широкого залива в устье Сены. Ничего похожего на эти порты не было видано когда-либо раньше. Большие океанские лайнеры будут иметь возможность разгружаться и через многочисленные причалы доставлять снабжение сражающимся войскам. Это должно быть совершенно неожиданным для противника, и это позволит производить накопление в весьма значительной степени независимо от условий погоды. Мы надеемся в скором времени в ходе операций захватить Шербур.

4. С другой стороны, противник будет быстро и интенсивно концентрировать свои силы, и бои будут ожесточенными, и их масштабы увеличатся. Мы по-прежнему надеемся, что к дате D-30 мы развернем около 25 дивизий со всеми их вспомогательными войсками, причем оба фланга фронта будут упираться в море и фронт будет располагать по крайней мере тремя хорошими портами: Шербуром и двумя сборными портами. Этот фронт будет непрерывно снабжаться и расширяться, причем позднее мы надеемся включить Брестский полуостров. Но все это зависит от случайностей войны, которые Вам, Маршал Сталин, так хорошо известны.

5. Мы надеемся, что эта успешная высадка и победа под Римом, плоды которой еще нужно собрать с отрезанных дивизий гуннов, обрадуют Ваших доблестных солдат после всего бремени, которое им пришлось нести и которое никто за пределами Вашей страны не ощущал более остро, чем я.

6. После того как я продиктовал вышеизложенное, я получил Ваше послание, касающееся успешного начала «Оверлорда», в котором Вы говорите о летнем наступлении советских войск. Я сердечно благодарю Вас за это. Я надеюсь, что Вы обратите внимание на то, что мы никогда не задавали Вам ни одного вопроса ввиду нашего полного доверия к Вам, Вашему народу и Вашим войскам.

И. В. Сталин У. Черчиллю, 9 июня 1944 г.

Ваше послание от 7 июня с сообщением об успешном развертывании операции «Оверлорд» получил. Мы все приветствуем Вас и мужественные британские и американские войска и горячо желаем дальнейших успехов. Подготовка летнего наступления советских войск заканчивается. Завтра, 10 июня, открывается первый тур нашего летнего наступления на Ленинградском фронте.

У. Черчилль И. В. Сталину, 9 июня 1944 г.

Я был очень рад получить Ваше послание, которое я сообщил генералу Эйзенхауэру. Весь мир может видеть воплощение тегеранских планов в наших согласованных атаках против нашего общего врага. Пусть же всяческие удачи и счастье сопутствуют советским армиям.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. I. М., 1986. С. 260–263.

№ 67

Телеграмма командующего оккупационными войсками во Франции фельдмаршала Э. Роммеля А. Гитлеру о положении на фронте вторжения англо-американских войск

15 июля 1944 г.

Положение на фронте в Нормандии становится с каждым днем все труднее, оно приближается к тяжелому кризису.

Собственные потери при такой ожесточенности боев, чрезвычайно сильном использовании противником техники, особенно артиллерии и танков, а также при таком массированном воздействии господствующей над всем этим районом вражеской авиации настолько велики, что боеспособность дивизий быстро падает. Пополнение из тыла приходит очень скупо и при трудном положении с транспортом доходит до фронта только через несколько недель. Потеряно около 97 000 человек, из них 2160 офицеров, в том числе 28 генералов и 354 командира частей, т. е. в среднем в день от 2500 до 3000 человек, при полученном на сегодняшний день пополнении численностью всего 6000 человек. Чрезвычайно велики и потери техники, замена же ее происходит в малом объеме — например, из 225 танков пока всего 17.

Вновь подброшенные дивизии к боевым действиям непривычны и при незначительном оснащении артиллерией, противотанковым оружием и средствами борьбы против танков не в состоянии долгое время успешно отражать крупные вражеские атаки, осуществляемые после ураганного артогня и сильных налетов бомбардировщиков. Как показали бои, при таком применении противником техники «поштучно» разбивается даже самое храброе войско.

Со снабжением войск, ввиду разрушения железнодорожных путей большой угрозы шоссейным и грунтовым дорогам на глубину до 150 км от линии фронта со стороны вражеской авиации, дело обстоит настолько плохо, что подвозить удается только самое необходимое, в результате чего приходится крайне экономить артиллерийские и минометные боеприпасы.

Новые более или менее крупные силы фронту в Нормандии подброшены быть не могут. У вражеской стороны на фронт каждый день прибывают новые войска и масса военных материалов. Снабжению противника наша авиация помешать не в состоянии. Вражеский нажим становится день ото дня все сильнее.

При этих условиях следует считаться с возможностью того, что врагу в обозримый период времени — от 14 дней до 3 недель — удастся прорвать нашу тонкую линию фронта, прежде всего в полосе 7-й армии, и вырваться на оперативный простор Франции. Последствия — непредсказуемы.

Войска повсюду сражаются героически, однако неравная борьба идет к концу. Должен просить Вас сделать выводы из этого положения незамедлительно. Как командующий группой армий чувствую себя обязанным высказать это ясно.

Публикуется по: Вторая мировая война. Два взгляда. М., 1995. С. 222–223.

№ 68

Из приказа Верховного командования вермахта о подготовке обороны рейха

19 июля 1944 г.

<...> В своей деятельности, касающейся подготовительных мероприятий, инстанции вооруженных сил должны руководствоваться принципом, что в их компетенцию входят только чисто военные вопросы, в то время как задачи мобилизации всех сил на территории Германии, ставшей театром военных действий, а также обучение личного состава и особенно мероприятия, связанные с эвакуацией гражданского немецкого населения, являются исключительно задачами партийных инстанций. Мероприятия в области экономики должны осуществляться соответствующими высшими инстанциями государственного управления. Необ-

ходимая координация деятельности перечисленных инстанций должна, однако, существовать в интересах общего дела вне зависимости от сферы их компетенции. <...>

Оборона территории страны, оказавшейся театром военных действий, опирается на готовность всех слоев населения и возглавляется в областях гаулейтерами и государственными комиссарами обороны. Последним даны соответствующие указания в циркулярном письме начальника канцелярии партии относительно их специальных задач в рамках обороны рейха. <...>

Задачи

<...> Задачи подготовки к обороне охватывают в основном следующий круг вопросов.

1. Надзор за размещением, численностью, обеспечением средствами транспорта и вооружением сил, предназначенных для боевого использования.

2. Планирование сосредоточения этих сил, организации их управления, составление планов действий по тревоге, а также планов оснащения и перевозок указанных сил.

3. Планирование привлечения и подготовки резервов за счет гражданского населения, предоставляемых по указанию партийных руководителей соответствующих областей в распоряжение вермахта для задач обороны. Соответствующие распоряжения, имевшие до сих пор силу для прибрежных районов и оккупированных областей, распространяются отныне на территорию Германии, ставшую театром военных действий.

4. Освобождение руководящих кадров партии и работников госаппарата от военной службы по согласованию с гаулейтерами и государственными комиссарами обороны соответствующих областей.

5. Подготовка распределения сил по объектам для сооружения укреплений и выполнения других оборонительных и боевых задач. <...>

6. а) Подготовка к эвакуации военнопленных во взаимодействии с государственными комиссарами обороны.

б) Информирование о мероприятиях по эвакуации иностранных рабочих, осуществляемой рейхсфюрером войск СС.

в) Информирование о подготовительных мероприятиях по эвакуации немецкого гражданского населения, входящих в компетенцию только гаулейтеров.

7. а) Подготовка к рассредоточению, эвакуации и выведению из строя объектов, а также к подрывным работам в зоне военных действий.

б) По требованию государственных комиссаров обороны и во взаимодействии с ними участие в подготовке календарного плана мероприятий по рассредоточению, эвакуации и выведению из строя или уничтожению объектов в районах, не охваченных боевыми действиями, что входит в компетенцию государственных комиссаров обороны, действующих в соответствии с директивными указаниями высших государственных инстанций, а также оказание поддержки госкомиссарам обороны при осуществлении указанных мероприятий. <...>

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 515–518.

№ 69

Из Манифеста польского Комитета национального освобождения

22 июля 1944 г.

К польскому народу!

Поляки в стране и в эмиграции! Поляки в немецкой неволе!

Соотечественники! Пробил час освобождения. Польская Армия вместе с Красной Армией перешла Буг. Польский солдат сражается на нашей родной земле. Над измученной Польшей вновь реют бело-красные знамена. <...>

Соотечественники! Борющийся с немецкими оккупантами за свободу и независимость народ создал свое представительство, свой подпольный парламент — Крайову Раду Народову. В состав Крайовой Рады Народовой вошли представители демократических партий — людовцы, демократы, социалисты, члены ППР

и других организаций. Крайовой Раде Народовой подчинились польские организации за границей и в первую очередь Союз польских патриотов и созданная им армия.

Созданная борющимся народом Крайова Рада Народова является единственным законным источником власти в Польше.

Эмигрантское «правительство» в Лондоне и его делегатура в стране являются самозваной властью, незаконной властью. Оно основывается на незаконной фашистской конституции от апреля 1935 г. Это «правительство» тормозило борьбу с гитлеровскими оккупантами, своей авантюристической политикой толкало Польшу к новой катастрофе. <...>

Крайова Рада Народова, временный парламент польского народа, создала Польский Комитет Национального Освобождения как законную временную исполнительную власть, призванную руководить освободительной борьбой народа, завоевать независимость и восстановить польскую государственность.

Крайова Рада Народова и Польский Комитет Национального Освобождения действуют на основе конституции от 17 марта 1921 г., единственно действительной законной конституции, принятой законным образом. Основные положения конституции от 17 марта 1921 г. будут действовать вплоть до созыва Законодательного сейма, избранного путем всеобщих, прямых, равных, тайных и пропорциональных выборов, который в качестве выразителя воли народа примет новую конституцию.

Соотечественники!

Польский Комитет Национального Освобождения считает своей главной задачей усиление участия польского народа в борьбе за разгром гитлеровской Германии.

Пробил час возмездия Германии за муки и страдания, за сожженные деревни, за разрушенные города, уничтоженные церкви и школы, за облавы, лагеря и расстрелы, за Освенцим, Майданек, Треблинку, за истребления в гетто. <...>

Польский Комитет Национального Освобождения призывает население и все подчиненные ему власти к самому тесному сотрудничеству с Красной Армией, к оказанию ей возможно большей помощи. Как можно более активное участие поляков в войне сократит страдания народа и приблизит окончание войны. <...>

Поднимайтесь на борьбу за свободу Польши, за возвращение Матери-Родине старого польского Поморья и Опольской Силезии, за Восточную Пруссию, за широкий доступ к морю, за польские пограничные столбы над Одером! <...>

История и опыт нынешней войны доказывают, что от натиска германского империализма Польшу может защитить только создание мощного славянского защитного вала, основой которого будет польско-советско-чехословацкое соглашение.

400 лет длился период непрерывных конфликтов между поляками и украинцами, поляками и белорусами, поляками и русскими с ущербом для обеих сторон. Сейчас в этих отношениях произошел исторический поворот. Конфликты уступают место дружбе и сотрудничеству, продиктованным обоюдными жизненными интересами. Дружба и боевое сотрудничество, начало которым было положено братством по оружию Войска Польского с Красной Армией, должны превратиться в прочный союз и добрососедское сотрудничество после войны.

Крайова Рада Народова и созданный ею Польский Комитет Национального Освобождения считают, что урегулирование вопроса о польско-советской границе должно быть достигнуто путем взаимного соглашения. Восточная граница должна быть линией дружественного соседства, а не преградой между нами и нашими соседями, и вопрос о ней должен быть урегулирован в соответствии с принципом: польские земли — Польше, украинские, белорусские и литовские земли — Советской Украине, Советской Белоруссии и Советской Литве. Прочный союз с нашими непосредственными соседями — Советским Союзом и Чехословакией — будет основным принципом польской внешней политики, проводимой Польским Комитетом Национального Освобождения. <...>

Чтобы ускорить восстановление страны и удовлетворить вековое стремление польского крестьянства к земле, Польский Комитет Национального Освобождения немедленно приступит к осуществлению на освобожденных территориях широкой земельной реформы. <...>

Польский Комитет Национального Освобождения

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 506–508.

№ 70

Из меморандума главы военной миссии США в Советском Союзе генерал-майора Дж. Дина послу США в СССР А. Гарриману о значении и результатах челночных бомбардировок американской авиации (операция «Франтик»)

17 сентября 1944 г.

По Вашей просьбе я представляю на Ваше рассмотрение мои комментарии относительно операции «Франтик». Первое, что я хотел бы отметить, это то, что я рассматриваю эту операцию, как исключительно успешную. <...> С другой стороны, мы не сумели использовать все возможности, которые обещал этот проект.

Главным сдерживающим фактором достижения наиболее полного успеха операции, по моему мнению, стал фактор политический, который повлиял на характер поддержки этого начинания советским правительством и генеральным штабом Красной Армии. Что касается штаба ВВС Красной Армии, то здесь мы встретили полное взаимопонимание. Однако мы заранее предвидели все возможные трудности и были готовы действовать, несмотря на сложность поставленной задачи.

Я полностью разделяю мнение, что первым и главным достоинством «Франтика» являлось создание хорошего базиса для возможного проведения в будущем более масштабных совместных операций на Дальнем Востоке. Второе — это влияние операции на моральный фактор; возможность распространения дружественных отношений на послевоенную эру. И третье — значение операции в стратегическом и тактическом отношениях для ведения войны против Германии. <...>

Джон Р. Дин, генерал-майор армии США,
глава Военной миссии США в СССР

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 594–595.

№ 71

Из послания У. Черчилля Ф. Рузвельту о военно-стратегической ситуации на фронтах войны к концу 1944 г.

6 декабря 1944 г.

Поскольку мы не можем встретиться, я считаю, что для меня настало время обратить Ваше внимание на серьезную и разочаровывающую военную ситуацию, с которой мы сталкиваемся в конце этого года. Хотя на западном фронте было одержано много прекрасных тактических побед и захвачены такие «трофеи», как Мец и Страсбург, фактически нам не удалось выполнить стратегическую задачу, которую мы возложили на свои армии пять недель тому назад. Мы еще не достигли Рейна в северной части и на самом важном участке фронта и должны будем вести крупнейшую битву еще много недель, прежде чем сможем надеяться достичь Рейна и создать там свои плацдармы. Но и тогда нам придется продвигаться дальше к Германии.

В Италии немцы все еще держат на нашем фронте 26 дивизий, по численности равных, вероятно, полным 16 дивизиям, если не больше. Однако они могут в любое время отступить через Бреннер и Любляну и значительно сократить свою линию фронта, удерживая ее от озера Гарда, скажем, до устья реки Адидже. Таким путем они могут спасти половину войск, которые они держат в Италии, и использовать их для обороны самой Германии. Кроме того, есть еще Альпы, куда они могут отступить, чтобы сохранить еще больше своих солдат. Мне кажется, что причиной, по которой они так долго остаются в Италии, может быть стремление выручить свои 12 дивизий, находящихся на Балканах, которые теперь пробивают себе путь в Венгрию и Австрию. Если не считать операций с воздуха, действий партизан и небольших отрядов «коммандос», то других способов помешать им в этом нет, и, как я считаю, большей части этих войск удастся спастись. Около половины из

них немцы, вероятно, добавят к тем войскам, которые могут быть выведены из Италии. Это явится мощным подкреплением для самой Германии, которое можно будет использовать в зависимости от хода событий либо на востоке, либо на западе.

Мы получили значительные преимущества для битвы на главном фронте в результате операции «Драгун», но причина, по которой 15-я группа армий не смогла нанести решительное поражение Кессельрингу, состоит в том, что из-за задержки, вызванной ослаблением наших войск ради операции «Драгун», мы не смогли пройти Апеннины, пока не затопило долину реки По. Таким образом, мы не сумели использовать превосходство своих бронетанковых войск ни в горах, ни на равнине. <...>

Широкие операции, проведенные Вами на Тихом океане, являются в настоящее время единственным театром войны, где мы не пребываем временно в состоянии застоя.

К счастью, мы можем учитывать намерения русских. Сталин обещал нам провести зимнюю кампанию, которая, как я предполагаю, начнется в январе. На большей части своего колоссального фронта он, по-видимому, отдыхал и готовился, хотя против Эйзенхауэра были переброшены оттуда только примерно три-четыре немецкие дивизии. Я не имею возможности определить масштабы последних наступлений, развернутых им к югу-западу от Будапешта. Но мы можем, я думаю, ожидать больше помощи от этих и других действий русских, чем мы получали в последнее время, а положение у немцев настолько тяжелое, что любой крупный прорыв может привести их к частичному, если не к полному краху.

Я попытался сделать обзор обстановки в целом с точки зрения ее масштабов и пропорций, и мне стало ясно, что нам при той или иной степени вероятности приходится ожидать:

а) значительной затяжки достижения, а тем более форсирования Рейна на кратчайшем пути к Берлину;

б) некоторого застоя в Италии;

в) отхода на родину большой части немецких войск с Балканского полуострова;

г) срыва наших планов в Бирме;

д) выхода Китая из числа воюющих стран.

Когда мы сопоставляем эти реальные факты с радужными надеждами, которые питают наши народы, несмотря на наши общие усилия умерить их, отчетливо возникает вопрос: «Что же нам теперь делать?».

Мое беспокойство усиливается еще больше из-за крушения всех надежд на нашу скорейшую встречу втроем и отсрочки на неопределенное время нашей с Вами новой встречи вместе с нашими штабами. Наши, британские, планы зависят от Ваших, наши англо-американские проблемы по меньшей мере должны быть пересмотрены в целом, а телеграф и телефон слишком часто только вносят путаницу в наши консультации. Поэтому, если Вы сами не сможете приехать до февраля, я считаю необходимым спросить Вас, не сочтете ли Вы возможным прислать как можно скорее своих начальников штабов сюда, где они будут находиться поблизости от Ваших главных сил и от генерала Эйзенхауэра и где можно будет спокойно и терпеливо изучить всю бурную обстановку в целях принятия таких же согласованных мер, какими ознаменовались наши кампании в 1944 г.

Публикуется по: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 693–696.

№ 72

Переписка И. В. Сталина и У. Черчилля по вопросу советской помощи союзным экспедиционным силам в период сражений в Арденнах

У. Черчилль И. В. Сталину, 6 января 1945 г.

На Западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях. Согласно полученному сообщению, наш эмиссар главный маршал авиации Теддер вчера вечером находился в Каире, будучи связанным погодой. Его поездка сильно затянулась не по Вашей вине. Если он еще не прибыл к Вам, я буду благодарен, если Вы сможете

сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра, причем лишь при условии сохранения ее в строжайшей тайне. Я считаю дело срочным.

И. В. Сталин У. Черчиллю, 7 января 1945 г.

Получил вечером 7 января Ваше послание от 6 января 1945 года.

К сожалению, главный маршал авиации г-н Теддер еще не прибыл в Москву.

Очень важно использовать наше превосходство против немцев в артиллерии и авиации. В этих видах требуется ясная погода для авиации и отсутствие низких туманов, мешающих артиллерии вести прицельный огонь. Мы готовимся к наступлению, но погода сейчас не благоприятствует нашему наступлению. Однако, учитывая положение наших союзников на западном фронте, Ставка Верховного Главнокомандования решила усиленным темпом закончить подготовку и, не считаясь с погодой, открыть широкие наступательные действия против немцев по всему центральному фронту не позже второй половины января. Можете не сомневаться, что мы сделаем все, что только возможно сделать для того, чтобы оказать содействие нашим славным союзным войскам.

Публикуется по: Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. I. М., 1957. С. 298–299.

№ 73

Из меморандума Разведывательного управления главного командования стратегических воздушных сил США в Европе с обзором ситуации на западном фронте

17 января 1945 г.

Обзор ситуации на западном фронте

Ситуация на сухопутном фронте:

1. В течение прошедших двух недель немецкое наступление в Арденнах, начатое 16 декабря и имевшее своей целью достичь Мезьера и оттуда развивать удар в направлении Брюсселя и Антверпена, определенно приостановилось. К началу нового года германские войска истощили свои силы, и инициатива сражения стала переходить в руки союзников.

2. В первых числах января немцы еще удерживали позиции на занятом ими плацдарме, но их уже стали теснить части американских 1-й и 3-й армий. Под давлением наших сил германские войска были вынуждены оставить северную оконечность выступа. Погодные условия в течение всех этих дней были крайне неподходящими для быстрого продвижения наших соединений. <...> Сопротивление противника очень сильное. Он часто переходит в контратаки, которые призваны способствовать выводу с плацдарма на восток передовых ударных частей. Однако потери немцев чрезвычайно велики, и кажется сомнительным, что им удастся отвести прорвавшиеся далеко на запад соединения в полном боевом порядке. Необходимо также подчеркнуть, что несмотря на большие усилия союзников, им так и не удалось добиться стратегического успеха. Пока мы не восстановили даже той линии фронта по линии «Зигфрида», которая была перед началом германского наступления. <...>

3. В первых числах января 1945 г. противник произвел новую атаку в районе Саара. В процессе операции первоначальные силы немцев, состоящие из шести пехотных и двух танковых дивизий, были усилены еще одной танковой гренадерской дивизией и парашютной дивизией, переброшенными из восточной части Голландии. Противнику удалось добиться некоторого успеха, особенно на правом фланге 7-й армии в районе Рейна. Силы армии, ранее вторгшиеся уже на собственно германскую территорию, были вынуждены отступить и занять оборону по линии «Мажино». <...> В целях координации усилий с главным ударом, немцы захватили

небольшой плацдарм на западном берегу Рейна севернее Страсбурга. <...> Немцы добились некоторого успеха и южнее Страсбурга. И хотя германским силам не удалось перерезать основную магистраль снабжения от Страсбурга до Кольмара, они способны контролировать ее при помощи огня артиллерии. Первоначально в этой атаке участвовали силы одной пехотной дивизии и танковой бригады, к которым затем присоединилась еще одна дивизия с целью развития успеха.

Однако начало русского наступления, по-видимому, вынудило противника изменить свои планы. Есть данные, что дивизия, ранее предназначавшаяся для атаки на нашем фронте, перебрасывается сейчас на русский фронт. В дополнение к этому русское верховное командование сообщило нам, что отмечает прибытие под Будапешт одной дивизии, ранее находившейся на севере Голландии. <...>

Публикуется по: Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. 2-е изд. М., 2005. С. 544–545.

№ 74

Доклад принца Коноэ императору о неизбежности поражения Японии в войне

14 февраля 1945 г.

Мне кажется, наше поражение в войне, к сожалению, уже является неизбежным.

Исходя из этого, почтительнейше докладываю Вашему Величеству следующее:

Хотя поражение, безусловно, нанесет ущерб нашему национальному государственному строю, однако общественное мнение Англии и Америки еще не дошло до требований изменения нашего государственного строя. (Разумеется, в какой-то части и там наблюдаются крайние взгляды, и к тому же трудно определить, как изменится общественное мнение в будущем.) Следовательно, одно только военное поражение не вызывает особой тревоги за существование нашего национального государственного строя. С точки зрения сохранения национального государственного строя наибольшую тревогу должно вызывать не столько само поражение в войне, сколько коммунистическая революция, которая может возникнуть вслед за поражением.

Если же взять наше внутреннее положение, то также нельзя не видеть, что с каждым днем созревает все больше условий, способствующих возникновению коммунистической революции. Таковыми являются нищета населения, увеличение количества выступлений рабочих, просоветские настроения, развивающиеся вместе с ростом враждебности по отношению к Англии и Америке, движение в военных кругах сторонников обновления и связанное с ним так называемое движение «новой бюрократии», а также плетущиеся за их спиной тайные интриги левых элементов. Из вышеуказанных фактов особое беспокойство вызывает движение сторонников обновления, которое наблюдается в военных кругах.

В последнее время все более усиливаются голоса, бьющие тревогу по поводу положения на фронте и вместе с тем призывающие к почетной гибели всей нации.

Хотя подобные призывы исходят от так называемых «правых», я считаю, что поощряют их к этому коммунистические элементы, которые стремятся таким путем ввергнуть страну в хаос и достичь, в конце концов, своих революционных целей.

С другой стороны, в противовес решительным призывам уничтожать американцев и англичан постепенно усиливаются просоветские настроения. Часть военных обсуждает даже вопрос о том, что необходимо ценою любых жертв наладить дружеские отношения с Советским Союзом, и кое-кто помышляет об установлении контакта с Яньанью.

Если существовала хотя бы малейшая надежда на перелом в положении на фронтах, все обстояло бы иначе. Теперь же, исходя из неизбежности нашего поражения в войне, я позволю себе выразить твердое убеждение в том, что продолжать войну, в которой у нас нет перспектив на победу, значит полностью играть на руку коммунистической партии. Следовательно, с точки зрения сохранения нашего национального государственного строя необходимо как можно скорее закончить войну.

Публикуется по: История войны на Тихом океане. Т. 4. М., 1958. С. 252–258.

№ 75

Из приказа А. Гитлера о «выжженной земле»

19 марта 1945 г.

<...> Содержание: о разрушении объектов на территории Германии

Борьба за существование нашего народа заставляет также и на территории Германии использовать все средства, которые могут ослабить боеспособность противника и задержать его продвижение. Необходимо использовать все возможности, чтобы непосредственно или косвенно нанести максимальный урон боевой мощи противника. Ошибочно было бы полагать, что после возвращения потерянных территорий можно будет снова использовать неразрушенные перед отступлением или выведенные из строя на незначительный срок пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства. Противник оставит нам при своем отступлении лишь выжженную землю и не посчитается с нуждами местного населения. Поэтому я приказываю:

1. Все находящиеся на территории Германии пути сообщения, средства связи, промышленные предприятия и предприятия коммунального хозяйства, а также материальные запасы, которыми противник может в какой-либо мере воспользоваться, немедленно или по прошествии незначительного времени подлежат уничтожению.

2. Ответственность за уничтожение возлагается: на военные командные инстанции в отношении всех военных объектов (включая дорожные сооружения и средства связи), на гаулейтеров и государственных комиссаров обороны в отношении всех промышленных предприятий, предприятий коммунального хозяйства, а также всякого рода материальных запасов. Войска должны оказывать гаулейтерам и государственным комиссарам обороны необходимую помощь в выполнении стоящих перед ними задач.

3. Настоящий приказ немедленно довести до сведения всех командиров. Все распоряжения, противоречащие данному приказу, утрачивают свою силу.

Публикуется по: Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х т. М., 1973. Т. 2. С. 604.

№ 76

Из информации Генерального штаба Красной армии, переданной главе военной миссии США в СССР генералу Дж. Дину, об атаке американскими истребителями советских боевых самолетов

19 марта 1945 г.

<...> 18 марта днем над расположением советских войск на восточном берегу реки Одер севернее города Кюстрин прошли курсом на север восемь групп американских бомбардировщиков В-17 «Летающая крепость» в сопровождении истребителей типа «Мустанг». Их преследовали немецкие истребители Ме-109 и ФВ-190.

В воздухе над этим районом находились шесть советских истребителей Як-3. Советские летчики, заметив немцев, атаковали их, но в этот момент сами подверглись атаке со стороны американских истребителей.

Советские летчики, ясно различая американские самолеты, уклонились от воздушного боя с ними, но, несмотря на это, американские истребители продолжали преследовать советские самолеты.

В результате атаки американских истребителей шесть советских самолетов были сбиты, причем два советских летчика погибли и один получил тяжелое ранение.

Этот случай является уже вторым случаем нападения американских истребителей на советские самолеты над территорией, занятой советскими войсками. <...>

Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях, когда по обоюдному соглашению между советским, британским и американским штабами авиации была установлена разграничительная зона для боевых

действий союзной авиации, проходящая на этом участке по линии Пазевальк, Берлин, т. е. в 50 километрах к западу от района происшествия; причем никаких извещений о предполагаемом пролете здесь американскими самолетами линии советского фронта сделано не было.

Указанный случай вызывает справедливое возмущение советских войск, особенно тех, которые были свидетелями этого исключительного происшествия.

ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 292. Л. 5–6.

№77

Выдержки из дневника Й. Геббельса

О бомбардировках англо-американской авиации

27 марта 1945 г.

<...> Население западных областей в результате вражеских воздушных налетов, длившихся месяцами и годами, до такой степени измотано, что предпочитает ужасный конец ужасу без конца. Я полагаю, что это связано также и с тем, что население западных районов по своей природе не столь способно к сопротивлению, как население восточных. Оно ведь живет в соседстве с Францией, сверхцивилизованной страной Европы, в то время как восточное население находится ближе к Польше и России, более примитивным странам Европы. Как бы там ни было, нельзя не отметить, что развитие событий на западе носит гораздо более неблагоприятный характер, нежели на востоке. Теперь уж, конечно, никто не выдвинет мне наперекор — как это было еще несколько недель тому назад, — с позволения сказать, аргументы, согласно которым наш выход из Женевской конвенции вызвал бы крах морального духа наших войск на западе. Я считаю, что если бы мы действовали более радикально в вопросах обращения с военнопленными, то немецкие солдаты и офицеры не отправлялись бы в англо-американский плен в таких больших количествах, как это имеет место сейчас. В настоящий момент военные действия на западе являются для противника не более чем детской забавой. Ни войска, ни гражданское население не оказывают ему организованного и мужественного сопротивления, так что американцы — они особенно — имеют возможность разъезжать повсюду. <...>

В целом можно сказать, что поведение гражданского населения несколько лучше, чем поведение войск. Но ведь плохое моральное состояние армии всегда самым непосредственным образом влияет на гражданское население. Наши гаулейтеры, действующие на западе, тоже, конечно, не совсем на высоте. Некоторые из них слишком стары — как, например, Мурр или Шпренгер, — и они давно покорились судьбе. Здесь надо было еще несколько лет назад произвести персональные изменения, потому что люди в возрасте от 60 до 70 лет уже не в состоянии справляться с ужасающими требованиями, которые ставятся сейчас перед руководящим слоем национал-социалистского движения.

4 апреля 1945 г.

<...> Эйзенхауэр снова обращается с прокламацией к населению западных территорий — как тех, что уже заняты, так и тех, которые будут заняты. В этой прокламации нет ничего нового. Эйзенхауэр разыгрывает из себя нового кайзера Германии.

Вообще, совершенно неправильно считать, что все население на западе покоряется противнику. Напротив, западные державы сообщают, что тюрьмы полны непокорных элементов, с которыми оккупационные власти не могут справиться. Правда, население Франкфурта показало себя чрезвычайно трусливым и покорным. Противник публикует об этом сообщения, вызывающие краску стыда. Вступившие во Франкфурт американцы были встречены массовыми демонстрациями и лозунгами: «Давайте расцелуемся и будем добрыми друзьями!». Целоваться-то американцы наверняка согласятся — особенно с франкфуртскими женщинами, но что касается призыва стать добрыми друзьями, то время терпит. Во всяком случае, противник намерен только грабить, морить голодом и истреблять нас физически. И все-таки от таких сообщений просто тошнит. А чему удивляться, когда Шпренгер еще до того, как противник показался на горизонте, смылся из Франкфурта и

бросил город на произвол судьбы. Против таких фактов можно бороться, лишь имея убеждения вервольфа. Поэтому я намерен пропагандировать эти убеждения не только в передачах радиостанции «Вервольф», но и в намеченной к изданию немецкой газете для вервольфов. Таких убеждений придерживается примерно десятипроцентное меньшинство активистов в немецком народе. Однако эти активисты, когда они вновь заявят о себе, увлекут за собой большинство немецкого народа. <...>

4 апреля 1945 г.

<...> В воздушной войне приходится сокрушаться только по поводу серьезных налетов с юга. Из британской метрополии вследствие плохой погоды налетов не было. На этот раз ударам с воздуха подвергалась только австрийская территория.

Я теперь неутомимо работаю над тем, чтобы четко ориентировать немецкую прессу на цели нашей теперешней военной политики. После того как со сцены ушел доктор Дитрих, в руководство прессой пытается вмешиваться Зюндерман. Но этому я помешаю, добившись отмены военной брони на должность Зюндермана, чтобы предоставить его в распоряжение фронта. Немецкая пресса насквозь пронизана теперь военным духом. Она не скрывает серьезности нынешнего положения, но приводит читателю доводы, позволяющие ему мысленно справиться с этим положением. Я сам диктую текст директив, которыми должна руководствоваться немецкая пресса в ближайшее время. Вот этот текст.

1. Вся немецкая политика в области пропаганды и информации должна служить исключительно тому, чтобы укрепить сопротивление, увеличить военные усилия и поднять боевой дух родины и фронта. Для достижения этой цели следует пользоваться всеми средствами прямого и косвенного воздействия на читателей и слушателей. Все, что может вредить этой цели или хотя бы не содействовать ее достижению, в нынешние решающие дни нашей роковой борьбы не должно более проходить в нашей прессе или на радио. Всё, что идет на пользу достижению этой великой цели, следует всемерно поддерживать и поставить отныне в центр внимания нашей информационной политики.

2. Главная задача прессы и радио — разъяснять немецкому народу, что западный противник вынашивает те же гнусные цели и те же дьявольские планы уничтожения немецкого народа, что и восточный, и только для видимости пользуется более цивилизованными методами, чтобы обмануть немецкий народ и поймать его на удочку. Жестокая воздушная война, которую ведут англо-американцы, достаточно хорошо показывает звериное лицо западного противника и не оставляет сомнения в том, что все его мнимые примирительные фразы служат лишь тому, чтобы замаскировать свои действительные намерения и подорвать усилия немецкого народа, упорно отстаивающего свое право на жизнь. Наша задача — снова и снова указывать на то, что Черчилль и Рузвельт, равно как и Сталин, безжалостно, не считаясь ни с чем, осуществят свои смертоносные планы, стоит немецкому народу проявить слабость и подчиниться врагу. <...>

Публикуется по: Геббельс Й. Дневники 1945 года. Последние записи / Пер. с нем.
М., 1998. С. 101, 297–299, 381, 384.

№ 78

Директива Ставки ВГК № 11073 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов об установлении знаков и сигналов для взаимного опознавания советских и англо-американских войск

20 апреля 1945 г.

Копии: командующим военно-воздушными силами,
бронетанковыми и механизированными войсками Красной Армии

Ввиду возможной в ближайшее время встречи советских войск с англо-американскими войсками по соглашению с командованием союзных войск установлены следующие знаки и сигналы для опознавания советских и англо-американских войск:

1. Советские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией красных ракет.

Помимо ракет советские танки обозначаются одной белой полосой вокруг башни по ее середине и белым крестом на крыше башни. Полоса и крест должны быть шириной 25 см. Эти опознавательные знаки устанавливать не на всех танках, а только на головных, которые, вероятнее всего, первыми встретятся с английскими или американскими войсками.

2. Англо-американские войска (пехота, танки, авиация) обозначают себя серией зеленых ракет.

Помимо ракет англо-американские танки и бронемашины обозначаются желтыми или вишнево-красными флюоресцирующими (ночью) щитами и белой пятиконечной звездой, окруженной белым кругом, на горизонтальной поверхности танка.

3. Советские и англо-американские самолеты, помимо установленных для них сигналов ракетами, обозначаются своими национальными опознавательными знаками.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

а) установленные сигналы и опознавательные знаки довести до сведения войск, и прежде всего танковых, и обеспечить их практическое применение, когда этого потребует обстановка, т. е. за день до вероятной встречи с английскими или американскими войсками.

Кроме того, для облегчения опознавания снабдить войска силуэтами английских и американских танков и самолетов.

Для авиации установленные сигналы ввести немедленно;

б) при встрече с английскими или американскими войсками командующим танковыми или общевойсковыми армиями по договоренности со старшими начальниками союзных войск устанавливать временную тактическую разграничительную линию между советскими и английскими или американскими войсками с тем, чтобы избежать перемешивания войск. При установлении такой линии исходить из фактического положения наших войск и войск английских или американских ко времени их встречи.

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 212. Л. 14–15.

№ 79

Директива Ставки ВГК № 11075 командующим войсками 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов о порядке встречи с американскими и английскими войсками

23 апреля 1945 г.

При встрече наших войск с американскими или английскими войсками Ставка Верховного Главнокомандования приказывает руководствоваться следующим:

1. Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить совместно с ним разграничительную линию, согласно указаниям Ставки за № 11073 от 20.04.1945 г.

Никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать.

2. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать. При встречах с союзными войсками относиться к ним приветливо.

При желании американских или английских войск организовать торжественную или дружескую встречу с нашими войсками от этого не отказываться и высылать своих представителей.

После такой встречи нашим войскам приглашать к себе представителей американских или английских войск для ответной встречи.

3. Нашим войскам во всех случаях быть образцом дисциплинированности и порядка.

Обо всех случаях встреч с союзными войсками доносить в Генеральный штаб с указанием места, времени и нумерации встретившихся частей.

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Л. 213. Л. 87.

№ 80

Из директивы командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Г. К. Жукова с определением порядка встречи войск фронта с союзниками

23 апреля 1945 г.

<...> При встрече наших войск с американскими или английскими войсками руководствоваться следующим:

1. Старшему войсковому начальнику, на участке которого произошла встреча, в первую очередь связаться со старшим начальником американских или английских войск и установить повсеместно с ним разграничительную линию согласно указаниям Ставки. <...>

Никаких сведений о наших планах и боевых задачах наших войск никому не сообщать.

2. Инициативу в организации дружеских встреч на себя не брать.

При встречах с союзными войсками относиться к ним приветливо. При желании американских или английских войск организовать торжественную или дружескую встречу с нашими войсками, от этого не отказываться и высылать своих представителей. Обо всех такого рода приглашениях немедленно докладывать по команде и посылать своих представителей в каждом случае с разрешения старшего начальника не ниже командира корпуса. После такой встречи нашим войскам приглашать к себе представителей американских или английских войск для ответной встречи. Приглашения представителей американских или английских войск для ответной встречи осуществлять с разрешения старших начальников не ниже командира корпуса. Офицеров и генералов, выделенных в качестве представителей для участия в дружеских встречах с представителями американских или английских войск, а также выделенных для участия в ответных встречах, тщательно инструктировать о поведении и порядке взаимоотношений с представителями американских или английских войск в соответствии с требованиями настоящей директивы, обращая при этом особое внимание на сохранение военной тайны.

3. Нашим войскам во всех случаях быть образцом дисциплинированности и порядка. Всему генеральскому и офицерскому составу строго соблюдать форму одежды и иметь опрятный вид. Этого же потребовать от всех войск, которые могут иметь соприкосновение с частями американских или английских войск.

В случаях посещения наших частей представителями американских или английских войск обратить особое внимание на четкий порядок и организацию их встречи. Прием этих представителей в рабочих помещениях штаба не производить, а иметь для этой цели специально подготовленные помещения.

4. Обо всех случаях встреч с союзными войсками доносить в штаб фронта с указанием места, времени и нумерации встретившихся частей.

ЦАМО РФ. Ф. 233.Оп. 2307. Д. 193. Л. 131–133.

№ 81

Информация помощника начальника Генерального штаба Красной армии генерала Н. Славина, переданная исполняющим обязанности глав американской и английской военных миссий в СССР контр-адмиралам К. Олсену и И. Арчеру

25 апреля 1945 г.

Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов поручил мне через Ваше посредство информировать начальников Объединенного штаба, что в связи с возможными переговорами о капитуляции крупных сил немецких войск на любом из основных фронтов советскими представителями назначены:

1. При штабе экспедиционных союзных войск в Западной Европе — генерал Суслопаров.

2. При штабе средиземноморских союзных войск — генерал Кисленко.

ЦАМО РФ. Ф. 40. Оп. 11549. Д. 292. Л. 46.

№ 82

Донесение командира 34-го гвардейского стрелкового корпуса генерала Г. В. Бакланова командующему 5-й гвардейской армией 1-го Украинского фронта о встрече с американскими войсками

25 апреля 1945 г.

1. Части корпуса, продолжая наступление, с утра 25.04.45 г. передовыми частями форсировали р. Эльба и соединились с частями 1-й американской армии.

В 15.30 в районе г. Торгау 173-й гвардейский стрелковый полк 58-й гвардейской стрелковой дивизии (командир полка гвардии майор Рогов, командир 1-го батальона 173-го гвардейского полка гвардии капитан Неда, командир 3-й роты гвардии старший лейтенант Бабичев, командир 2-го взвода гвардии лейтенант Кузминский) встретился с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии (начальник разведгруппы лейтенант Робертсон).

В 13.30 (6 километров юго-западнее Мюльберг) передовые части 175-го гвардейского стрелкового полка 58-й стрелковой дивизии (командир полка гвардии подполковник Гордеев, командир 2-го батальона гвардии майор Глотов, командир 6-й роты гвардии старший лейтенант Белобородько, командир 3-го взвода гвардии лейтенант Смирнов) встретились с разведгруппой 69-й пехотной дивизии 5-го армейского корпуса 1-й американской армии (начальник разведгруппы лейтенант Котцебу).

При встрече с указанными подразделениями союзников никаких происшествий не было.

2. Противник разрозненными группами продолжал отход в западном направлении и оказывал незначительное огневое сопротивление. Его авиация не действовала.

ЦАМО РФ. Ф. 495. Оп. 1. Д. 275. Л. 391.

№ 83

Из политдонесения начальника политотдела 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта генерала Каткова о встрече советских и американских подразделений

25 апреля 1945 г.

<...> Выйдя 23 апреля на восточный берег реки Эльба, 2-й стрелковый батальон 173-го гвардейского стрелкового полка 58-й гвардейской стрелковой Красноградской Краснознаменной дивизии, которым командует гвардии капитан Неда, занял участок обороны в районе моста через реку Эльба, напротив города Торгау, расположенного на западном берегу реки.

Днем 25 апреля с каланчи церкви города Торгау американский солдат, махая флажками, выкрикивал что-то радостное для наших солдат. Не понимая языка, наши бойцы и офицеры полагали, что это немец, и поэтому наш лейтенант Сельвашин попытался договориться на немецком языке. Но ответа не последовало. Тогда наши солдаты сделали несколько выстрелов по каланче.

Находившийся там один нерусский солдат сошел с каланчи и на русском языке произнес два слова: «Москва — Америка». Тогда наши воины поняли, что это американский солдат, и потребовали, чтобы один из них подошел к нашим подразделениям. Пришедший американский солдат заявил, что он из группы американских разведчиков, которые имеют задачу установить местонахождение русских войск. Вскоре пришел туда офицер американской армии, который рассказал, что разведчики принадлежат 69-й пехотной дивизии 1-й американской армии, и попросил, чтобы наш офицер проехал вместе с ним в американский штаб, заявив при этом, что штаб их батальона находится в 15 километрах от места встречи.

По приглашению командования 69-й американской дивизии, в 23.30 15 апреля 1945 года наши в составе заместителя командира 173-го гвардейского стрелкового полка по строевой части гвардии майора Иларио-

нова, командира 2-го батальона этого полка гвардии капитана Неда, гвардии лейтенанта Вельвашина, гвардии сержанта Андреева прибыли в штаб 69-й пехотной дивизии, который находился в 40 километрах западнее реки. На протяжении всего этого пути от реки Эльба до расположения главных американских сил наши представители не встретили ни немцев, ни американцев. По дороге встречались лишь мелкие группы немцев, среди них были и вооруженные, которые спрашивали у американцев дорогу на сборный пункт военнопленных.

В штабе 69-й американской пехотной дивизии наши представители были встречены американским майором. Находившиеся там американские солдаты встретили наших представителей с озлоблением, приняв их за пленных. Но когда они узнали, что это советские офицеры, они устроили дружные аплодисменты и выкрикивали различные приветствия по адресу Красной Армии и советского народа, снимали с погон наших офицеров звездочки и цепляли их себе, отрезали пуговицы, стремясь приобрести что-нибудь себе на память о русских. Затем наших офицеров принял командир 69-й американской пехотной дивизии генерал-майор Рейнхардт.

Встреча была исключительно дружеской. Генерал и его офицеры фотографировались вместе с нашими представителями, договорились о последующей встрече, для чего генерал Рейнхардт, бригадный генерал Марест, офицеры штаба дивизии вместе с охраной на 13 «виллисах» направились в город Торгау. <...>

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 170. Л. 308–311.

№ 84

Из политдонесения начальника политотдела 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта генерала Каткова о встрече командиров советских и американских полков и дивизий

26 апреля 1945 г.

<...> 26 апреля в 11 часов дня состоялась встреча между командиром полка 69-й пехотной дивизии и командиром 173-го гвардейского стрелкового полка гвардии майором Роговым (по просьбе командира американского полка). Встреча состоялась на мосту через реку Эльба в районе Торгау. Как с нашей, так и с американской стороны кроме командиров полков присутствовали другие офицеры. При встрече товарищ Рогов и командир американского полка обменялись краткими приветственными речами. Оба подчеркнули в своих речах необходимость путем крепкой дружбы между обоими народами и армиями и общими усилиями ускорить полный разгром гитлеровской Германии. Командир американского полка задал вопрос тов. Рогову: «Какую вы имеете задачу?». На что товарищ Рогов ответил, что задача была выйти на р. Эльба и ждать дальнейших указаний. Затем тов. Рогов пригласил к себе американцев на завтрак. Американские офицеры вели себя свободно. Каждый из них стремился получить какую-либо память от русских воинов, с этой целью они снимали у наших офицеров звездочки с погон, дарили свои знаки различия, менялись часами, носовыми платками.

Во второй половине дня произошла встреча между командиром 58-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майором тов. Русаковым и командиром 69-й американской пехотной дивизии генерал-майором Рейнхардтом. При встрече присутствовали с нашей стороны: начальник штаба дивизии гвардии подполковник Пудник, командир 173-го гвардейского стрелкового полка гвардии майор Рогов и другие офицеры. С генералом Рейрхардтом были: его заместитель бригадный генерал Марест, начальник штаба дивизии полковник Пилинч. На встрече присутствовали около 70 журналистов американских, английских, французских и советских газет и несколько кинооператоров. Здесь же встретились представитель ТАСС при 1-й американской армии Жданов и писатель Константин Симонов. <...>

На приеме гвардии генерал-майор Русаков и генерал Рейнхардт обменялись приветственными речами. В своей речи американский генерал Рейнхардт заявил: «Я переживаю самые радостные дни в моей жизни. Я горд и счастлив, что моей дивизии посчастливилось первой встретиться с частями героической Красной

Армии. На территории Германии встретились две великие Союзные Армии. Эта встреча ускорит окончательный разгром военных сил Германии».

В своей ответной речи гвардии генерал-майор Русаков сказал: «Наступил долгожданный и радостный день. На территории Германии встретились две великие Армии. Героическая Красная Армия прошла большой путь напряженной борьбы и славных побед. Мы рады встретить союзные американские войска на территории вражеской Германии. Встреча двух союзных армий является большим историческим событием в борьбе с гитлеровской Германией. Пусть эта встреча послужит залогом быстрейшего и окончательного разгрома гитлеровской армии и установления прочного мира».

Генерал-майор Рейнхардт вручил генерал-майору Русакову национальный американский флаг. <...>

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 170. Л. 308–311.

№ 85

Из политдонесения 5-й гвардейской армии политуправлению 1-го Украинского фронта, составленного на основе донесений корреспондента ТАСС при 1-й американской армии майора Жданова, об отношении американских военнослужащих к немецкому населению

28 апреля 1945 г.

<...> Американские воинские части не занимаются гражданскими вопросами. Для этого существует отдел по гражданским делам, так называемый «Сивил афферз». Представители этого отдела находятся вместе с передовыми частями армии и при занятии немецких городов занимаются восстановлением местной администрации. На должности бургомистров часто остаются бургомистры, бывшие при фашистском режиме, или их заменяют другими лицами из местного самоуправления — судьями, прокурорами, избегая выдвижения новых людей. На замечания Жданова американцам, почему они так поступают, ведь судьи, прокуроры и другие должностные лица, бывшие при фашистском режиме, сами являются фашистами, — американцы ответили, что, если они плохо будут работать, они их уберут, а выдвигать новых людей, не сведущих в этом деле, нельзя.

Что касается взаимоотношений между американскими военнослужащими и местным немецким населением, то первые в полном смысле слова бойкотируют вторых. Американским офицерам и солдатам категорически запрещено разговаривать с немцами и немками. За нарушение этого приказа в первый раз военнослужащий штрафуется на 65 долларов, во второй раз — более строго наказывается. Однако, когда немцы или немки обращаются к американским военнослужащим, они отвечают им вежливо и корректно. <...>

В городе Торгау, находящемся на западном берегу Эльбы, наши офицеры наблюдали, как американские офицеры в чине майоров и капитанов заходили в немецкие дома и требовали вина, шарили по квартирам и в подвалах.

Один немецкий врач, который до революции работал в России, подошел к нашему капитану и сказал: «У меня имеется много медикаментов, заберите их себе. Я не хочу, чтобы они попали в руки американцев, и вообще я не понимаю, почему вы с ними связались». Когда наши офицеры вошли в его дом, а вслед за ними зашли американские майор и капитан, немец обратился к ним по-французски и сказал американцам: «У меня имеется много медикаментов, заберите их себе. Я не хочу, чтобы они попали в руки русским». Когда наши офицеры рассказали американцам, что этот немецкий врач за несколько минут до этого говорил им, то американский майор выгнал его и последовал за ним. Через несколько минут майор вернулся. И когда его спросили, где немец, он махнул рукой и свистнул. <...>

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 170. Л. 312–317.

№ 86

Приказ японского имперского Генштаба своим войскам сложить оружие

14 августа 1945 г.

1. Имперский генеральный штаб, по приказу императора и во исполнение сдачи императором всех японских вооруженных сил верховному главнокомандующему союзных держав, настоящим повелевает всем своим командующим в Японии и за ее пределами дать приказ находящимся под их командованием японским вооруженным силам и контролируемым японцами войскам прекратить военные действия немедленно, сложить свое оружие, остаться на своих настоящих позициях и безоговорочно капитулировать перед командующими, действующими от имени Соединенных Штатов, Китайской Республики, Соединенного Королевства и Британской Империи и Союза Советских Социалистических Республик, как указано ниже или как может быть дополнительно приказано верховным главнокомандующим союзных держав.

a) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Китая (исключая Маньчжурию), Формозы и Французского Индокитая севернее 16° северной широты должны сдаться Генералиссимусу Чан Кайши.

b) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы внутри Маньчжурии, Кореи севернее 38° северной широты, Карафуто и на Курильских островах должны сдаться Главнокомандующему советскими войсками на Дальнем Востоке.

c) Старшие японские командиры и все наземные, морские, воздушные и вспомогательные силы на Андаманских и Никобарских островах, в Бирме, Сиаме, Французском Индокитае южнее 16° северной широты, в Малайе, на Суматре, Яве, Малых Зондских (включая Бали, Бомбок и Тимор), Боеро, Серам, Амбон, Кай, Ароэ, Танимбар и на островах в море Арафура, на острове Целебес, Галмахера и в Голландской Новой Гвинее должны сдаться союзному главнокомандующему района Юго-Восточной Азии.

Публикуется по: Сб. документов (Каирская декларация, Крымское соглашение, Потсдамская декларация, решение Московского совещания и другие документы, связанные с капитуляцией Японии). 1943–1946 гг. М., 1947. С. 30–39.

№ 87

Послание И. В. Сталина Г. Трумэну о включении Курильских островов в район сдачи советским войскам

16 августа 1945 г.

Ваше послание с «Общим приказом № 1» получил. В основном не возражаю против содержания приказа. При этом имеется в виду, что Ляодунский полуостров является составной частью Маньчжурии. Однако предлагаю внести в «Общий приказ № 1» следующие поправки:

1. Включить в район сдачи японских вооруженных сил советским войскам все Курильские острова, которые согласно решению трех держав в Крыму должны перейти во владение Советского Союза.

2. Это последнее предложение имеет особое значение для русского общественного мнения. Как известно, японцы в 1919–1921 годах держали под оккупацией своих войск весь Советский Дальний Восток. Русское общественное мнение было бы серьезно обижено, если бы русские войска не имели района оккупации в какой-либо части собственно японской территории.

Я бы очень хотел, чтобы изложенные выше мои скромные пожелания не встретили возражений.

Публикуется по: Русские Курилы: история и современность. Сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002. С. 90.

№ 88

Донесение члена Военного совета главного командования советскими войсками на Дальнем Востоке И. Шикина наркому обороны о ходе капитуляции Квантунской армии

21 августа 1945 г.

Докладываю: В течение 20 августа продолжалось пленение капитулировавших японо-маньчжурских войск. Многие части и соединения Квантунской армии сдаются организованно во главе с командованием.

<Особоуполномоченных штаба Забайкальского фронта на аэродромах встречали: в Мукдене — представитель императора Манчжурии Пу И и начальник мукденского гарнизона, в Чанчуне — заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацамура>[*].

20.08 подвижные части Забайкальского фронта вступили в Мукден и Чанчунь, гарнизоны последних капитулировали и сложили оружие. В Мукдене пленено 40 000 личного состава 63, 136 пд и 66, 130 пбр противника. В числе пленных командующий 3-м фронтом полный генерал Усироку, начальник штаба фронта генерал-майор Оцубо, командующий 44-й армией генерал-лейтенант Хонго, начальник штаба этой армии генерал-майор Обаба, командующий первым военным округом Маньчжоу-Го полный генерал Китасу Ван и другие генералы. В Чанчуне сложили оружие 12 000 пленных 148 пд противника.

За истекшие сутки войска 2 ДВФ, продолжая продвижение в Маньчжурии и на южной части о. Сахалин, на ряде направлений принимали личный состав капитулировавших частей противника. <Штаб 15-й армии> организовал разоружение 134 пд противника. Бронекатера доставили в Харбин пехотный десант. Части АКФ совместно с пехотой разоружили и взяли под охрану Сунгарийскую речную флотилию. Разоружение Харбинского гарнизона продолжается. В депо Харбин захвачен подвижной состав и 114 паровозов, которые используются нами для перевоза войск 1-й армии в Харбин.

Войска 1 ДВФ за 19 и 20 августа пленили более 68 000 солдат и офицеров, среди которых 8 генералов. В течение 20.08 продолжалось разоружение 124, 126, 135-й пехотных дивизий и приданных частей 5-й армии противника. Захвачено 63 склада с боеприпасами, 80 автомашин и другие трофеи, количество которых подсчитывается.

Для объяснения причин столь быстрой капитуляции всей Квантунской армии, на которую противник возлагал большие надежды, заслуживают внимания показания плененного командующего 5-й японской армией генерал-лейтенанта Симидзу Норицунэ, который показал:

«5-я армия прикрывала главное операционное направление на Харбин и к началу войны 08.08 имела в своем составе 65 000 чел. Мы не думали, что русская армия пройдет через труднопроходимые районы тайги. Такое молниеносное наступление русских было для нас неожиданным. Строительство оборонительного рубежа на линии Линькоу — Мулин и далее на Муданьцзян армией не было закончено. Потери армии составили более 40 000 человек. Отстоять Муданьцзян не представлялось возможным. Оказывать дальнейшее сопротивление армия не могла».

С утра 20.08 приступлено к разоружению частей Гиринского гарнизона.

К 21.08 общее количество пленных на 1 и 2 ДВ и Забайкальском фронтах составляет свыше 200 000 человек.

Жители городов Мукден, Чанчунь, Харбин восторженно встречают наши части. Взаимоотношение личного состава наших войск с населением нормальные. Бойцы и офицеры, за исключением единичных случаев, ведут себя достойно и высоко держат честь воинов Красной Армии.

Шикин

Публикуется по: Русский архив: Великая Отечественная. Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 1930–1940-е годы. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 18 (7-2). М., 2000. С. 64.

* Здесь и далее текст в угловых скобках в оригинале зачеркнут рукой И. Шикина.

№ 89

Из Акта о капитуляции Японии

2 сентября 1945 г.

1. Мы, действуя по приказу и от имени императора, японского правительства и японского императорского генерального штаба, настоящим принимаем условия Декларации, опубликованной 26 июля в Потсдаме главами правительств Соединенных Штатов, Китая и Великобритании, к которой впоследствии присоединился Советский Союз, каковые четыре державы будут впоследствии именоваться союзными державами.

2. Настоящим мы заявляем о безоговорочной капитуляции союзным державам японского императорского генерального штаба, всех японских вооруженных сил и всех вооруженных сил под японским контролем вне зависимости от того, где они находятся.

3. Настоящим мы приказываем всем японским войскам, где бы они ни находились, и японскому народу немедленно прекратить военные действия, сохранять и не допускать повреждения всех судов, самолетов и другого военного и гражданского имущества, а также выполнять все требования, которые могут быть предъявлены верховным командующим союзных держав или органами японского правительства по его указаниям.

4. Настоящим мы приказываем японскому императорскому генеральному штабу немедленно издать приказы командующим всех японских войск и войск, находящихся под японским контролем, где бы они ни находились, безоговорочно капитулировать лично, а также обеспечить безоговорочную капитуляцию всех войск, находящихся под их командованием. <...>

6. Настоящим мы даем обязательство, что японское правительство и его преемники будут честно выполнять условия Потсдамской декларации, отдавать те распоряжения и предпринимать те действия, которых в целях осуществления этой декларации потребует верховный командующий союзных держав или любой другой назначенный союзными державами представитель. <...>

8. Власть императора и японского правительства управлять государством будет подчинена верховному командующему союзных держав, который будет предпринимать такие шаги, какие он сочтет необходимыми для осуществления этих условий капитуляции.

Публикуется по: Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. М., 1947. Т. 3. С. 480–481.

№ 90

Из доклада группы по изучению стратегических бомбардировок военно-воздушных сил США о результатах атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г.

<...> Первая сброшенная на цель атомная бомба взорвалась над городом Хиросима в 8 час. 15 мин. 6 августа 1945 года. К этому времени большинство промышленных рабочих города уже приступили к работе, но многие из них находились еще на пути к работе, и почти все школьники и часть рабочих были заняты на открытом воздухе разборкой зданий с целью создания противопожарных коридоров и вывозкой из города различных ценностей. Воздушная атака последовала через 45 минут после отбоя предыдущей тревоги. Ввиду того что тревога не была объявлена вовремя, а также ввиду того, что население города уже не обращало внимания на появление небольших групп самолетов, взрыв бомбы застал врасплох почти всех его жителей, и они не смогли укрыться в убежище. Многие из них были застигнуты на открытом воздухе, а большинство остальных — в домах весьма непрочной конструкции или в торговых заведениях.

Бомба взорвалась несколько северо-западнее от центра города. Благодаря точности попадания, а также благодаря тому, что город был построен на плоском месте и имел концентрическую планировку, он был весь в значительной степени разрушен. Практически говоря, все густо или слабо застроенные кварталы города были сравнены с землей силой взрыва и уничтожены огнем. Над Хиросимой пронесся «огненный вихрь», явление, наблюдавшееся иногда и при других больших пожарах. Пламя, охватившее почти одновременно

весь центр города, расположенный на ровной местности, втягивало в себя со всех сторон массы воздуха. Этот приток воздуха легко преодолел дувший над землей ветер, скорость которого достигала всего пять миль в час. В течение первых двух или трех часов после взрыва скорость «огненного вихря» колебалась от 30 до 40 миль в час, «огненный вихрь» и симметричная планировка центра города способствовала тому, что почти совершенно выгоревшие кварталы города образовали почти правильный круг площадью в 4,4 квадратные мили.

Неожиданность катастрофы, разрушение большого количества зданий и всепожирающий пожар привели к невиданному дотоле количеству жертв. От семидесяти до восьмидесяти тысяч человек были убиты или пропали без вести, причем в отношении последних можно было предположить, что они разделили судьбу первых. Приблизительно столько же насчитывалось и раненых. Для сравнения можно указать, что во время бомбежки Токио зажигательными бомбами, продолжавшейся с 9 до 10 марта 1945 года и приведшей к разрушению почти 16 квадратных миль площади города, число убитых не было большим, а раненых даже меньшим.

Нагасаки, когда над ними тремя днями позже была сброшена вторая атомная бомба, оказались едва ли более подготовленными к этому, хотя уже 8 августа в газетах появились туманные намеки на постигшую Хиросиму катастрофу. Если судить по докладу нагасакской префектуры, то можно представить себе следующую картину того потрясения, которое вызвал взрыв атомной бомбы.

Стоял обычный летний день. Небо было чисто, дул слабый ветер. Пережитое населением города напряжение бесконечных воздушных налетов и летний зной в значительной мере способствовали ослаблению мер предосторожности против воздушных налетов. Незадолго перед этим, в 7 час. 48 мин., была объявлена общая тревога, а в 7 час. 50 мин. — воздушная тревога. Отбой был дан в 8 час. 30 мин., и вызванное им чувство огромного облегчения притупило бдительность горожан.

Хотя в городе не был дан отбой предупредительной тревоги, воздушная тревога не была объявлена немедленно после того, как наблюдатели заметили приближение двух Б-29. Бомба была сброшена в 11 час. 02 мин., а сигнал воздушной тревоги был дан несколькими минутами позже, в 11 час. 09 мин. Таким образом, случилось, что только около четырехсот человек успели спуститься в городские укрытия туннельного типа, способные вместить в обычных условиях около 30% населения города.

Вслед за взрывом атомной бомбы последовала ослепительная вспышка, похожая на возгорание большого количества магния, и место взрыва заволокло белым дымом. Одновременно в центре взрыва, а несколько позднее и в других районах был слышен оглушительный рев и отмечены взрывная волна огромной силы и сильный жар. <...>

Район падения бомбы, пострадавший более других, был почти полностью стерт с лица земли, и в течение некоторого времени после взрыва оттуда не поступало никаких сообщений. Лица, проживавшие в сравнительно менее сильно пострадавших районах, сообщая о вызванных взрывом разрушениях, полагали, что именно их район подвергся бомбежке. Если, однако, учесть, что в действительности эти районы находились на весьма значительном расстоянии от центра взрыва, то по причиненным им разрушениям можно было заключить, что атомная бомба обладает разрушительной силой, превосходящей всякое воображение.

Нагасаки избежали «огненного вихря», а холмистый рельеф местности ограничил площадь максимального разрушения районами, располагавшимися в долине, над которой взорвалась атомная бомба. Таким образом, почти полному разрушению здесь подверглась значительно меньшая часть города, равная по своим размерам всего около 1,8 квадратной мили. Значительно более низким было также и число жертв. В Нагасаки погибло от 35 000 до 40 000 человек, и приблизительно столько же человек получили ранения. Жители, успевшие укрыться в туннелях, не пострадали, если не считать тех, кого взрыв застал в момент спуска в убежище. <...>

Взрыв атомной бомбы (над Хиросимой) нарушил нормальное течение жизни в городе и дезорганизовал работу по проведению спасательных операций. В городе, 30% жителей которого погибло, а еще 30% получило серьезные ранения, погибло и было ранено соответствующее число представителей гражданской власти и членов спасательных отрядов. Спасаясь от пожара и в поисках крова и пищи, жители массами покидали город. Однако по прошествии суток тысячи людей устремились обратно к городу, чтобы отыскать своих родственников и друзей и определить размеры понесенных ими убытков. На всех ведущих в город дорогах были выставлены заставы, чтобы помешать проникновению туда посторонних лиц и любопытных. Большая часть лишившихся крова жителей нашла прибежище в окрестных поселках. В самом городе не хватало продовольствия, и люди были практически лишены крова. <...>

Согласно официальным сведениям японских властей, из 90 000 городских зданий 62 000, или 69% от их общего числа, были разрушены взрывом бомбы. Еще 6000 зданий, или 63% от их общего числа, были серьезно повреждены, а у большинства остальных были выбиты оконные стекла или повреждены черепичные кровли.

Некоторые из лиц, переживших катастрофу, были преисполнены ненавистью к американцам за то, что те применили атомную бомбу. Выражая свое негодование, они заявляли, что это было «жестокое», «бесчеловечное» и «варварское» решение.

Вот некоторые типичные высказывания переживших катастрофу японцев:

<...> Они все искренне презирают американцев за это и спрашивают, «почему призраки, если они существуют, не преследуют последних»;

«Когда я увидел раненых и убитых, во мне поднялось чувство возмущения действиями врага»;

«После взрыва атомной бомбы я понял, что я должен идти работать на военный завод. <...> Мои сыновья сказали мне, что даже когда они вырастут, они не забудут атомную бомбу».

Нас не удивляет, что взрыв атомной бомбы вызвал волну ненависти и возмущения. Более того, весьма вероятно, что приводимые цифры не полностью отражают, насколько глубоко эти чувства охватили население Японии, так как совершенно очевидно, что многие из опрошенных лиц из страха или вежливости не были совершенно искренни в описании своих чувств. <...>

Если говорить о Японии в целом, то пережитые ею потери и военные неудачи, например на Сайпане, на Филиппинах и на Окинаве, в два раза превосходили по своей значимости атомную бомбу в смысле убеждения населения страны в неизбежности поражения. С этой точки зрения обычные воздушные налеты на Японию, взятые в своей совокупности, в три раза превосходили по своей значимости атомную бомбу. Ухудшение условий жизни, например нехватка продовольствия и недоедание, также сыграли более важную роль в осознании японским народом невозможности продолжать войну, чем атомная бомба. <...>

Нельзя, однако, сказать, что именно атомная бомба убедила заключивших мир членов правительства в необходимости капитуляции. <...>

Атомные бомбы не убедили военных руководителей в том, что оборона японских островов стала невозможной.

Стремление к миру достигло своего кульминационного пункта на императорском совещании, которое продолжалось с вечера 9 августа до утра 10 августа и происходило в специфической обстановке, создавшейся в результате атомных бомбежек и объявления войны Россией.

Публикуется по: The United States Strategic Bombing Survey. Washington, 1946. P. 3–5, 8–9, 22–23.

Приложение 2

СТАТИСТИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

№ 1

Производство основных видов промышленной продукции в СССР, США, Англии, Франции и Германии в 1940–1945 гг.*

Годы	СССР	США	Англия	Франция	Германия (в границах 1937 г.)
Железная руда, млн т					
1940 г.	29,9	74,9	18,0	18,2	(14,7)
1941 г.	24,7	93,9	19,3	20,9	(13,9)
1942 г.	9,8	108,7	20,2	25,0	(12,5)
1943 г.	9,3	102,9	18,8	31,8	(12,3)
1944 г.	11,7	95,6	15,8	18,9	(9,6)
1945 г.	15,9	89,8	14,4	7,7	–
Чугун, млн т					
1940 г.	14,9	42,6	8,3	3,7	14,0
1941 г.	13,8	50,9	7,5	3,4	15,4
1942 г.	4,8	54,5	7,8	3,8	15,3
1943 г.	5,6	56,2	7,3	4,9	16,0
1944 г.	7,3	56,3	6,8	2,9	13,4
1945 г.	8,8	49,1	7,2	1,2	(0,4)
Сталь, млн т					
1940 г.	18,3	60,8	13,2	4,4	19,1
1941 г.	17,9	75,1	12,5	4,3	20,8
1942 г.	8,1	78,0	13,1	4,5	20,5
1943 г.	8,5	80,6	13,2	5,1	20,7
1944 г.	10,9	81,3	12,3	3,1	18,3
1945 г.	12,3	72,3	12,0	1,7	(0,3)

* Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сб. М., 1990. С. 31–33.

Годы	СССР	США	Англия	Франция	Германия (в границах 1937 г.)
Уголь (в пересчете на каменный)[1], млн т					
1940 г.	153,7	463,6	227,9	42,0	251,9
1941 г.	138,2	516,5	209,6	44,9	257,4
1942 г.	62,9	582,2	208,2	44,9	261,7
1943 г.	74,5	589,4	202,1	43,5	266,5
1944 г.	99,4	618,9	195,8	27,2	234,8
1945 г.	125,3	572,8	185,7	34,3	–
Нефть (включая газовый конденсат), млн т					
1940 г.	31,1	182,9	В Англии, Франции и Германии добыча нефти незначительна		
1941 г.	33,0	189,5			
1942 г.	22,0	187,4			
1943 г.	18,0	203,5			
1944 г.	18,3	226,8			
1945 г.	19,4	231,6			
Электроэнергия[2], млрд кВт*ч					
1940 г.	48,3	179,9	39,9	22,0[3]	63,0
1941 г.	46,7	208,3	44,1	–	70,0
1942 г.	29,1	233,1	47,8	–	71,5
1943 г.	32,3	267,5	48,7	–	73,9
1944 г.	39,2	279,5	49,8	–	74,3
1945 г.	43,3	271,3	47,6	18,5	–
Магистральные локомотивы					
1940 г.	928	501	282	–	–
1941 г.	715	1104	244	–	–
1942 г.	9	947[4]	360	201	–
1943 г.	43	1070[4]	797	259	–
1944 г.	32	1249[4]	1070	136	–
1945 г.	8	2845	786	110	–
Грузовые магистральные вагоны, тыс. шт.					
1940 г.	30,9	64,1	–	–	–
1941 г.	33,1	83,0	–	–	–
1942 г.	0,1	71,4	–	4,2	–
1943 г.	0,1	75,0	–	4,4	–
1944 г.	0,01	81,8	21,3	2,0	–
1945 г.	0,8	54,5	27,8	0,9	–
Металлорежущие станки[5], тыс. шт.					
1940 г.	58,4	112,0	–	–	125,0
1941 г.	44,5	185,0	80,9	–	126,0
1942 г.	22,9	307,2	95,8	–	107,0
1943 г.	23,3	265,9	76,2	–	91,0
1944 г.	34,0	135,8	59,1	–	71,0
1945 г.	38,4	–	47,5	–	–
Цемент, млн т					
1940 г.	5,7	22,6	7,3	–	10,9
1941 г.	5,5	28,4	7,2	3,4[6]	13,4

Годы	СССР	США	Англия	Франция	Германия (в границах 1937 г.)
1942 г.	1,1	31,5	7,6	2,5[6]	9,0
1943 г.	1,0	22,9	7,2	2,9[6]	10,6
1944 г.	1,5	15,5	4,6	1,5	10,1
1945 г.	1,8	17,6	4,1	1,8	–

[1] По СССР показан весь рядовой уголь по установленному стандарту зольности (не исключая отходов при обогащении). По другим странам показана товарная добыча угля (исключая отходы при обогащении).

[2] По СССР, Англии и Германии приведена валовая выработка электроэнергии, по США и Франции — отпуск с шин (без расхода на собственные нужды электростанций).

[3] За 1939 г.

[4] Не включено производство по заказам государственных органов по закону «О передаче в займы или в аренду вооружения».

[5] По Англии данные относятся к металлообрабатывающему оборудованию. По Германии данные рассчитаны.

[6] Без Эльзас-Лотарингии.

№ 2

Производство важнейших видов военной техники в СССР и США*

Военная техника	1941 г., декабрь[1]	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г., январь — август	Всего
СССР						
Винтовки и карабины, тыс. шт.	1567,1	4049,0	3436,2	2450,0	637,0	12 139,3
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	89,7	1506,4	2023,6	1970,8	583,4	6173,9
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	106,2	356,1	458,5	439,1	156,0	1515,9
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	30,2	127,1	130,3	122,4	72,2	482,2
Минометы, тыс. шт.	42,3	230,0	69,4	7,1	3,0	351,8
Танки и САУ, тыс. шт.	4,8	24,4	24,1	29,0	20,5	102,8
Боевые самолеты, тыс. шт.	8,2	21,7	29,9	33,2	19,1	112,1
Боевые корабли основных классов, ед.	35	15	14	4	2	70
США						
Винтовки и карабины, тыс. шт.	37,9	1541,7	5863,0	3489,3	1578,1	12 510,0
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	41,6	651,1	686,4	347,5	206,7	1933,3
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	20,4	662,3	830,0	798,8	302,8	2614,3
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	3,4	187,6	220,9	103,0	34,0	548,9[2]
Минометы, тыс. шт.	0,4	11,0	25,8	24,8	40,1	102,1
Танки и САУ, тыс. шт.	0,9	27,0	38,5	20,5	12,6	99,5
Боевые самолеты, тыс. шт.	1,4	24,9	54,1	74,1	37,5	192,0
Боевые корабли основных классов, ед.	5	141	262	217	113	738

[1] Для СССР июль — декабрь 1941 г.

[2] Из общего числа орудий около половины составляли морские и авиационные пушки малых калибров.

---

* История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12-ти т. М., 1982. Т. 12. С. 168, 181.

№ 3

Производство важнейших видов военной техники в Великобритании, Германии, Японии и Италии*

Военная техника	1939 г., сентябрь — декабрь	1940 г.	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г., январь — август	Всего
Великобритания								
Винтовки и карабины, тыс. шт.	18,3	80,8	78,5	594,9	909,8	547,4	227,4	2457,1
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	–	–	6,4	1438,3	1572,4	671,5	231,3	3919,9
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	19,0	101,9	193,4	283,8	200,5	125,3	14,7	938,6
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	1,4	10,2	33,1	106,1	118,2	92,8	27,9	389,7
Минометы, тыс. шт.	1,3	7,6	21,7	29,2	17,1	19,0	5,0	100,9
Танки и САУ, тыс. шт.	0,3	1,4	4,8	8,6	7,5	4,6	2,1	29,3
Боевые самолеты, тыс. шт.	1,3	8,6	13,2	17,7	21,2	22,7	9,9	94,6
Боевые корабли основных классов, ед.	13	52	69	114	85	76	32[1]	441
Германия								
Винтовки и карабины, тыс. шт.	450,6	1352,0	1359,0	1370,2	2275,3	2855,7	665,0	10 327,8
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	39,9	119,0	325,0	232,0	234,3	228,6	78,0	1256,8
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	19,7	59,2	96,2	117,0	263,0	509,4	111,0	1175,5
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	2,1	6,3	22,1	40,5	73,7	148,2	27,0	319,9
Минометы, тыс. шт.	1,4	4,4	4,2	9,8	23,0	33,2	2,8	78,8
Танки и САУ, тыс. шт.	0,7	2,2[2]	3,8	6,2	10,7	18,3	4,4	46,3
Боевые самолеты, тыс. шт.	2,3	6,6	8,4	11,6	19,3	34,1	7,2	89,5
Боевые корабли основных классов, ед.	10	60	207	241	290	250	93	1151
Япония								
Винтовки и карабины, тыс. шт.	83,2	448,9	729,4	440,0	634,0	885,0	349,0	3569,5
Пистолеты-пулеметы, тыс. шт.	–	–	–	–	–	3,0	5,0	8,0
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	5,5	20,6	42,5	71,0	113,5	156,1	40,3	449,5
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	0,8	3,3	7,3	13,4	27,7	84,4	23,2	160,1
Минометы, тыс. шт.	0,5	1,6	1,1	1,5	1,7	1,1	0,3	7,8
Танки и САУ, тыс. шт.	0,2	1,0	1,0	1,2	0,8	0,4	0,2	4,8
Боевые самолеты, тыс. шт.	0,7	2,2	3,2	6,3	13,4	21,0	8,3	55,1
Боевые корабли основных классов, ед.	2	14	23	39	55	68	43	244

Военная техника	1940 г., июнь — декабрь	1941 г.	1942 г.	1943 г., январь — август	Всего
Италия					
Винтовки и карабины, тыс. шт.	700	1100	1000	400	3200
Пулеметы всех типов, тыс. шт.	7,4	46,0	38,4	16,0	107,8
Орудия всех видов и калибров, тыс. шт.	2,8	5,8	6,4	3,2	18,2
Минометы, тыс. шт.	3,5	4,2	3,9	2,3	13,9
Танки и САУ, тыс. шт.	0,1	0,8	0,7	0,3	1,9
Боевые самолеты, тыс. шт.	1,5	2,4	2,3	1,4	7,6
Боевые корабли основных классов, ед.	5	24	18	9	56

[1] Включая сентябрь 1945 г.
[2] Вместе с бронеавтомобилями.

* История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 12. С. 183, 200–202.

№ 4

Характеристика стратегических операций англо-американских войск в Европе 1944–1945 гг.*

Операции	Силы сторон (наступающей/ обороняющейся)			Размах операции		
	Фронты (группы армий)	Армии	Расчетные дивизии	Продолжи-тельность, сут.	По фронту, км	В глубину, км
Нормандская десантная 1944 г.	1/1	3/1	32/24	49	110	40
Фалезская 1944 г.	2/1	4/1	28/20	16	220	260
Южно-Французская десантная 1944 г.	–	1–2/1	10/1	19	90	60
Голландская 1944 г.	1/1	3/2	16/11	55	220	100
Арденнская контрнаступательная 1944–1945 гг.	1/1	3/1	20/21	44	115	90
Маас-Рейнская 1945 г.	1/2	3/2	36/18	39	150	45
Рурская 1945 г.	2/2	6/4	57/29,5	27	400	400

№ 5

Обеспечение стратегических наступательных операций англо-американских войск в Европе 1944–1945 гг. боевыми средствами**

Операции		Расчетные дивизии	Орудий, минометов, тыс. шт.[1]	Танков, тыс.[1]	Боевых самолетов, тыс.
Нормандская десантная 1944 г.[2]	союзники	38	15,0/385	6,6/174	10,85
	противник	24	6,7/279	2,0/83	0,16
Фалезская 1944 г.	союзники	28	–	2,5/89	11,0
	противник	20	–	0,73/37	–
Маас-Рейнская 1944 г.	союзники	36	6,0/167	6,45/179	3,6
	противник	18	9,0/500	0,6/33	1,0
Рурская 1944 г.	союзники	57	33,5/587	1	
	противник	29,5	12,8/428	0,8/28	1,0

[1] В знаменателе всего единиц на одну расчетную дивизию.
[2] Высадку десанта обеспечивали 114 боевых кораблей основных классов.

* Составлено по: Советская военная энциклопедия. Т. 1–8. М., 1976–1980; Военная энциклопедия. Т. 1–4. М., 1994–1999.

** Составлено по: Советская военная энциклопедия. Т. 1–8; Военная энциклопедия. Т. 1–4.

№ 6

Состав и дислокация сухопутных войск Великобритании в 1942 г. (кроме колониальных соединений)*

Месяцы	Всего в сухопутных войсках		В т. ч. в Англии		На заморских ТВД		
	Дивизий	Отд. бригад	Дивизий	Отд. бригад	Дивизий	Отд. бригад	%
Январь	36	33	30	24	6	9	19
Май	37	38	30	25	7	13	22
Август	38	33	28	20	10	13	28
Декабрь	38	25	25	13	13	12	36

№ 7

Состав и дислокация сухопутных войск США (включая армейскую авиацию) в 1942 г.**

Месяцы	Всего в сухопутных войсках		В т. ч. в США		На заморских ТВД и на переходе		
	Дивизий	Численность войск, тыс. чел.	Дивизий	Численность войск, тыс. чел.	Дивизий	Численность войск, тыс. чел.	%
Январь	36	1890	32	1670	4	217	11,5
Июль	47	3270	37	2650	10	617	18,9
Август	–	3590	–	2850	11	737	20,6
Сентябрь	–	3970	–	3150	12	823	20,7
Октябрь	–	4410	–	3510	14	901	19,8
Декабрь	73,5	5400	56,5	4330	17	1065	19,7

№ 8

Переброска канадских войск в Великобританию в 1939–1942 г.***

Время	Количество дивизий	Численность войск, тыс. чел.	Количество личного состава, находившегося в Великобритании, тыс. чел.
1939–1940 гг.	2	62,9	к 31.12.1940 г. — 56,7
1941 г.	2,5	70,4	к 31.12.1941 г. — 124,5
1942 г.	1	63,5	к 31.12.1942 г. — 147,5

* Составлено по: *Goslen H. F.* Orders of Battle World War 1939–1945. Vol. I. L., 1960.

** Составлено по: *Мэтлофф М., Снелл Э.* Стратегическое планирование в коалиционной войне. М., 1955. С. 447–451. *Greenfield K. R., Palmer R. R., Wiley B. I.* The Organization of Ground Combat Troops. Washington, 1947. P. 161.

*** *Михалев С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 218.

№ 9

Переброска американских войск в Великобританию в 1942 г.*

Месяцы	Количество дивизий	Численность войск, тыс. чел.	Количество личного состава, находившегося в Великобритании, тыс. чел.
Январь	1	4	–
Май	0,5, части ВВС	2,64	–
Июнь	подразделения рейнджерс	19,5	–
Июль	инж. бр.	26,2	81,3
Август	1	73,9	–
Сентябрь	части ВВС	28,8	–
Октябрь	1, части ВВС	39,8	223,8

№ 10

Состав сил в крупнейших морских сражениях на Тихом океане**

Сражение	Авианосцы		Линкоры		Крейсеры		Эсминцы		Подводные лодки		Боевые самолеты	
	США	Япония	США	Япония	США	Япония	США	Япония	США	Япония	США	Япония
Сражение в Коралловом море (май 1942 г.)	2	3	–	–	8	9	11	15	–	6	450	315
Сражение у о. Мидуэй (июнь 1942 г.)	3	8	–	11	8	22	14	66	19	22	353	620
Сражение у Марианских о-вов (июнь 1944 г.)	15	9	7	5	21	13	69	34	28	–	901	440
Филиппинское морское сражение (октябрь 1944 г.)	35	4	12	9	25	21	144	35	29	17	1532	516

* *Михалев С. Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. С. 219.

** История второй мировой войны 1939–1945. Т. 12. С. 236.

Именной указатель

Абец О. — 469
Абриаль — 746
Айронсайд Э. — 47, 63
Александер Г. — 253, 254, 491, 666, 671, 791
Альтмайер-младший — 70
Амброз С. — 659
Анами К. — 408
Андерс В. — 610, 661, 722
Андерсон К. — 791
Андерсон Ф. — 661
Андреев — 817
Антонов А. И. — 188, 608, 663, 664, 702, 815
Арас Р. — 543
Аресе Х. Л. — 536
Арнольд Г. — 699
Арчер И. — 726, 815
Асквит Г. Г. — 645
Атертон Р. — 109
Афиногенов А. Н. — 549

Бабичев — 816
Бадольо П. — 249, 263, 264, 273, 274, 477, 478
Байков А. А. — 561
Бак П. — 227
Бакарич В. — 489
Бакланов Г. В. — 726, 816
Бакнер С. — 394
Балл Г. — 184
Бальбо И. — 288
Банзай, генерал — 774
Баркер М. Дж. — 666
Баррес М. — 675
Барроуз М. — 140
Барух Б. — 708
Бассо Л. — 476
Батлер Дж. — 758
Бах А. Н. — 560, 563
Бевин Э. — 512
Бек Л. — 482
Бек Ю. — 31
Беккер К. — 91
Белобородько — 816
Бенеш Э. — 430, 431, 435
Бенэ С. — 549
Берг П. О. — 449, 450
Бергамини К. — 249
Бергграв Э. — 449
Бергсон А. — 675
Бержери Г. — 425
Берл А. — 686
Бернадот Ф. — 541
Бернал Дж. — 560
Бернстайн Л. — 552
Бернштейн Э. — 708
Бессон А. — 46
Бетарт М. — 54
Беттс Т. — 184
Бивербрук У. — 126, 768, 773
Бийот Г. — 46
Бирнс Дж. — 405, 406, 409, 410, 580, 703
Бланшар — 745
Блицстайн М. — 552

Блокзийл М. — 457
Блэгроу Г. — 210
Блэкетт П. — 706
Богомолов А. Е. — 107, 595, 675, 680, 681
Бок Ф. фон — 30, 58
Болдуин С. — 648
Болен Ч. — 690
Бономи И. — 480
Бор Н. — 406
Боргезе Дж. — 233
Борисов А. Ю. — 16
Борисовский В. В. — 556
Борк-Уайт Маргарет — 548
Братиану И. — 426
Брейер К. — 447
Брук А. — 22, 108, 128, 169, 228, 339, 370, 659, 674, 699
Брэдли О. –151, 161, 169, 178, 179, 182, 188, 196, 468, 661, 671, 674
Брэкен Б. — 556, 776
Буллит У. — 531, 578, 701
Буль В. — 444, 447
Бурденко Н. Н. — 563
Бутру Э. — 675
Буш Э. — 198
Бэрнс — 791
Бюркель Й. — 471
Бюрнель Э. — 460

Вавилов Н. И. — 563
Вавилов С. И. — 562
Вайнерт Э. — 482
Валера И. де — 538, 539
Валленберг Р. — 541
Вальтер Г. — 236
Ван Дейк — 455
Вандерберг А. — 700
Ван Цзинвэй — 318, 779
Варламов Л. В. — 550
Варлимонт В. — 151, 261
Варсонофьев В. А. — 562
Вартенбург П. Йорк фон — 482
Василевский А. М. — 411
Ваульз Х. — 560
Вебб-Джонсон А. — 561
Веезенмайер Э. — 426
Вейган М. — 70, 745
Вельвашин — 817
Вермер — 470
Верт А. — 554, 555
Вестфаль З. — 150
Вийон П. — 469
Виктор Эммануил III, король Италии, император Эфиопии — 477, 480
Вильгельмина, королева Нидерландов — 453, 455
Вильер Ж. — 465
Вильсон Г. М. — 607
Вильямс В. — 556
Винкельман Х. — 60
Виноградов И. М. — 560, 563
Витрук А. Н. — 490
Вознесенский Н. А. — 18
Вольф К. — 450, 701
Ворошилов К. Е. — 14, 19, 781
Вуд Т. — 579
Вышинский А. Я. — 561, 564

Габчик Й. — 433, 435
Гаврилович Д. — 483
Гайда Р. — 430
Галарса В. — 536
Галифакс Э. — 110, 506,
Гальдер Ф. — 30, 76
Гамелен М. — 38, 46, 52, 58, 63, 70, 732, 744
Гамсун К. — 447, 453
Гарриман А. — 19, 109, 125, 225, 399, 644, 661, 691, 694, 701, 703, 725, 726, 767, 768, 773, 776, 781, 782, 807
Гаррис А. — 796
Гарро Р. — 680
Геббельс Й. — 84, 90, 448, 474, 704, 726, 812, 813
Гейдрих Р. — 432–435, 437, 450
Гейдте Ф. фон дер — 178
Гейслер Г. — 54
Гемпель Э. — 539
Гендерсон Л. — 526, 690
Генлейн К. — 426, 437
Генри Н. — 560

Генри О. — 552
Генри Э. (С. Н. Ростовский) — 553, 554, 557
Георг VI, король Великобритании и Северной Ирландии — 510, 669
Герделер К. — 161
Геринг Г. — 77, 85, 90, 439, 470
Гёпнер Э. — 58, 60, 63
Гёрделер К. — 482
Гилберт М. — 21, 22
Гилмор Э. — 526
Гиммлер Г. — 157, 161, 189, 198, 439, 450
Гитлер А. — 10, 30, 39, 46, 52, 55, 64, 70, 76, 77, 82, 97, 113, 114, 116, 125, 128, 155, 161, 164, 166, 170, 175, 184, 188, 197, 198, 226, 228, 230, 231, 233, 235, 242, 246, 250, 254, 264, 275, 295, 312, 397, 426, 430, 432, 433, 451, 452, 459, 461, 470–473, 482, 483, 510, 525, 526, 529, 533, 534, 536, 542, 543, 545, 547, 553, 575, 579, 584, 600, 608, 648, 650, 651, 671, 678, 686, 695, 698, 700, 704, 718, 719, 724–726, 734, 749, 753, 757, 758, 761, 762, 765, 768, 769, 773, 788, 794, 797, 804, 811
Глезос М. — 491
Глиэр Р. М. — 551, 556
Глотов — 816
Глэсс — 526
Говард М. — 792, 799
Голль А. де — 675
Голль Ш. де — 9, 17, 164, 187, 218, 465, 469, 470, 605, 628, 675–678, 680–683, 687, 724, 747, 751, 752, 782, 789
Гольвин А. — 198
Гопкинс Г. — 113, 125, 127, 128, 131, 399, 580, 584, 590, 594, 600, 640, 650, 658, 664, 689, 694, 695, 705, 725, 763, 773, 786, 787, 796
Гордеев — 816
Горт Дж. — 63, 666, 745
Горький А. М. — 549, 550, 553
Гот Г. — 63, 70
Гоулд М. — 552
Грант Р. — 526
Гращенков Н. И. — 561
Григг Дж. — 669
Гринвуд А. — 506, 514
Громыко А. А. — 19, 127, 227, 691
Грю Дж. — 405, 703
Губерт Д. — 555
Гудериан Г. — 38, 39, 63, 70, 676
Гудмен Б. — 552
Гусев Ф. Т. — 19, 654
Густав V, король Швеции — 541
Гуццони А. — 253
Гэй Э. — 405

Даладье Э. — 52, 724, 728, 731, 732
Даллес А. — 404, 701
Даллес Дж. — 700
Дани Р. Г. — 481
Данн Л. — 559
Дарвин Ч. — 561
Дарлан Ф. — 658, 659, 680, 725, 742, 789
Даунинг Х. — 77
Дашичев В. И. — 734, 748, 750, 755, 757, 805, 811
Деверс Дж. — 187, 198
Дегрелль Л. — 459
Дежас Т. — 460
Дейл Г. — 558
Деканозов В. Г. — 725, 769, 770
Дельфос А. — 460
Деревянко К. Н. — 411
Державин Н. С. — 558
Дёниц К. — 197–199, 210, 228, 233, 235, 236, 238, 242, 704
Дёссинг Т. — 447
Джером Дженни — см. Черчилль Дженни Р.
Джонсон Х. — 557, 776
Джордж — 526
Дикин Ф. У. — 487
Дин Дж. — 20, 140, 703, 726, 806, 807, 811
Дирксен Э. — 580
Дитерс Я. — 458
Дитрих Й. — 170, 813
Добби У. — 246
Долгов Л. Н. — 489
Дорман К. — 344
Драйзер Т. — 547–549, 552
Дружинин Н. С. — 558
Дубинин Н. П. — 559

Дулиттл Дж. — 516
Дьюи Д.– 531, 551
Дэвис Дж. — 112, 113, 125, 225, 549, 551, 655, 703
Дювинг П. Х. — 447
Дюкло Ж. — 465

Ермольева З. В. — 563
Е Тин — 320

Жансуль М. — 218
Жданов, сотрудник ТАСС — 726, 817, 818
Жебрак А. Р. — 559
Жиро А. О. — 469, 605, 658, 681, 682, 789
Жозе К. — 460
Жорж Ж. — 46
Жуков Г. К. — 199, 663, 664, 673, 726, 815

Зервас Н. — 489, 492
Зейдлиц В. — 482
Зейсс-Инкварт А. — 453, 454, 458, 471
Зелинский Н. Д. — 563
Земсков И. В. — 14, 15
Зефков А. — 482
Зогу, король Албании — 494
Зонов В. В. — 555
Зюндерман — 813

Иваненко Д. Д. — 561
Иванов В. В. — 549
Иванов К. П. — 494
Иден А. — 109, 114, 126, 134, 502, 556, 650, 651, 654, 685, 687–690, 693, 695, 704, 725, 775, 788, 796
Икес Г. — 577
Иларионов — 816
Инёню И. — 543–545
Ионаи М. — 407
Иноуэ С. — 351
Иоффе А. Ф. — 563
Исмей Г. — 128, 228, 651, 654, 732, 736
Исраэлян В. Л. — 13

Йованович А. — 490
Йодль А. — 76, 196, 198, 489, 704

Кадорни Р. — 480
Калоджеро Г. — 476
Кальтенбруннер Э. — 473
Кампиони И. — 219
Каннингхэм Э. — 218, 253, 258
Капица П. Л. — 558, 560–562
Капра Ф. — 551
Кардель Э. — 490
Карлтон Д. — 18
Кастеллано Д. — 264
Катаев В. П. — 549
Катков Ф. А. — 726, 816, 817
Кашкин И. А. — 560
Квислинг В. — 7, 447–450, 452, 453
Кейнс Дж. М. — 695
Кейтель В. — 76, 196, 273, 308, 465, 759, 774
Кемаль М. — 543
Кеменов В. С. — 546, 555
Кеннан Дж. Ф. — 20
Кеннеди Дж. — 579
Кеннон У. — 558, 559
Кент Р. — 547
Керр А. — 19
Кессельринг А. — 198, 242, 247, 253, 254, 261, 267, 268, 272, 273, 808
Кидо К. — 407
Кимболл У. — 21
Киммель Х. — 321
Кинг М. — 688
Кинг Э. — 375, 658, 699
Кисленко А. П. — 815
Китасу Ван — 820
Кларк М. — 272, 311, 725, 789
Клаузевиц К. — 106
Клаусен Ф. — 443
Клейст Э. фон — 55, 70
Клеман (Фрид) — 460
Клюге Г. фон — 157, 164
Кляссе Ш. — 460
Кокс О. — 225, 580
Колвилл Дж. — 650, 698
Колдуэлл Э. — 547, 548, 552
Коллинз Л. — 179
Комаров В. Л. — 557, 562

Кондо Н. — 333
Конев И. С. — 654, 663
Коноэ Ф. — 394, 408, 726, 810
Конроу Р. — 105
Копалин И. П. — 550
Копленд А. — 552
Копллениг И. — 472
Корда А. — 556
Корк У. — 54, 55, 745
Корнеев Н. В. — 489, 490
Корнейчук А. Е. — 550
Косминский Е. А. — 563
Костеланец А. — 552
Костюшко Т. — 439
Котов А. П. — 562
Котс А. Ф. — 561
Котцебу — 816
Крейвен Ч. — 78
Крейс Д. — 351
Крейчи Й. — 433
Криппс С. — 553, 561, 650, 779
Кристиан X, король Дании — 442, 447
Крупп — 85, 90
Крылов А. Н. — 563
Кубиш Я. — 433, 435
Кузминский — 816
Кузнецов А. А. — 564
Кузнецов Ф. Ф. — 141
Кулиш В. М. — 14
Купи А. — 494
Курита Т. — 333
Кусевицкий С. — 551, 552
Кэмпбелл-Баннерман Г. — 645
Кэрролл У. — 526
Кэссиди Г. — 526, 548
Кюхлер Г. — 58

Лаваль П. — 471
Лавровский В. М. — 563
Ла Пира Дж. — 476
Ларсен Н. — 447
Латтр де Тассиньи Ж.-М. Г. де — 199, 465, 673
Лаутербах Р. — 549
Леги У. — 696, 699
Легли — 782
Лееб В. — 46
Леклерк Ф. — 468
Ленин В. И. — 555, 693
Лентц — 460
Леонов Л. М. — 549, 550, 555
Леопольд III, король Бельгии — 64, 459
Лефрой — 665
Ли Дж. — 128, 228
Ли Й. — 451
Ли Р. — 111
Лиддел Гарт Б. Х. — 632, 671, 676
Лидин В. Г. — 549
Ли-Мэллори Т. — 142
Линдберг Ч. — 579
Липпман У. — 708
Литвинов М. М. — 14, 18, 19, 112, 642, 768, 778
Ллойд Джордж Д. — 728
Логофетопулос К. — 491
Лозовский С. А. — 565
Лонго Л. — 474, 480
Лондон Дж. — 552
Лондондери, маркиза — 645
Лотиан — 577, 724, 755
Лоуренс Дж. — 558
Лоуренс Э. — 558
Лукас Дж. П. — 272, 273
Лысенко Т. Д. — 559
Льотич Д. — 485, 487
Льюис Г. — 558
Люк Х. фон — 671
Лютьенс Г. — 219, 222, 226

Майкл Л. — 560
Майлстоун Льюис (Мильштейн Лев) — 550
Майнер С. — 22
Майо Жанна — 675
Майский И. М. — 19, 107, 553, 554, 556, 557, 562, 678, 681, 687
Макартур Д. — 127, 373, 397, 398, 411, 412, 414, 607, 656
Макдауэлл Р. — 487
Макдональд М. — 538
Макензи Д. В. — 128, 228

Маккарти Дж. — 699
Макклой Дж. — 580
Маккормик Р. — 112
Маклауд Дж. — 555
Макмюллен — 582
Макнил У. — 21
Мальборо, род герцогов — 645
Мальков В. Л. — 16, 17
Ман А. де — 460
Манн Т. — 550
Марест — 817
Маррас Э. — 774
Маршалл Дж. — 108, 115, 127, 128, 133, 227, 228, 604, 657–659, 661–663, 699, 705, 706, 763, 796, 799, 802
Масталеж К. — 38
Матвеев Б. С. — 562
Маунтбеттен Л. — 607
Мах А. — 433
Мацамура — 820
Мензис Р. — 539
Меншиков А. — 562
Мёллер К. — 447
Миддлебрук М. — 105
Миколайчик С. — 442
Микоян А. И. — 594
Милутинович И. — 490
Минорски В. — 563
Митропулос Д. — 552
Михайлович Д. — 426, 485–487, 489, 492
Михалев С. Н. — 830
Мицкевич А. — 439
Мичел Дж. А. — 109
Мишель А. — 465
Модель В. — 164, 182, 197
Молотов В. М. — 18, 42, 114, 115, 127, 134, 227, 525, 530, 544, 553, 564, 640, 642, 659, 680, 688, 695, 703, 705, 725, 732, 733, 768, 780, 781, 782
Мольтке Г. фон — 482
Монро Рози У. — 518
Монтгомери Б. Л. — 63, 139, 142, 147, 166, 169, 170, 175, 179, 182, 183, 186, 187, 196, 247, 253, 267, 272, 308, 446, 629, 648, 653, 654, 661, 662, 664–675
Монтегью А. — 555
Монти — см. Монтгомери Б. Л.
Монюшко С. — 439
Морган Ф. — 135
Моргентау Г. — 363, 577–579
Мосьцицкий И. — 39, 42
Мулен Ж. — 469, 680, 681
Мур Дж. — 751
Мурр — 812
Мурхед А. — 674
Муссолини Б. — 106, 218, 219, 249, 250, 253, 263, 264, 294, 312, 435, 443, 473, 476–478, 480, 481, 533, 553, 608, 686, 718, 724, 749, 794
Муто Н. — 312
Мэдд С. — 559
Мэкези П. — 54
Мэтлофф М. — 758
Мюллер Г. — 321
Мюрвиль М. Кув де — 465
Мюссерт А. А. — 453, 454, 458
Мясковский Н. Я. — 551

Нагано О. — 330, 725, 770
Нагумо Т. — 330, 333, 347, 349
Наполеон — 675
Небольсин В. В. — 556
Неда — 816, 817
Недич М. — 485
Нейбауэр Т. — 481
Нельсон Д. — 692
Ненни П. — 474
Нидхем Дж. — 560
Никольсон К. — 64
Нимиц Ч. У. — 358, 373, 376, 394, 405, 607
Нисина Ё. — 406
Нокс Ф. — 579
Номура К. — 321, 774
Ноттер Г. — 687
Нурдал К. — 451
Нюгордсволд Й. — 452
Ньютон И. — 562

Обаба — 820
Одетс К. — 549

Одзава Дз. — 347
Окамото С. — 409
Оливер Дж. — 673
Олсен К. — 726, 815
Ониси Т. — 406
Островский Н. А. — 549
Оцубо — 820

Павел, регент Петра II Карагеоргиевича — 483
Павлов И. П. — 559
Папа (Римский) — 474, 477, 749
Папен Ф. фон — 544
Парнас Я. О. — 563
Парри Ф. — 480
Паттерсон Р. — 112
Паттон Дж. — 147, 179, 183, 186, 188, 197, 253, 261, 667, 701
Паунд Д. — 742
Паустовский К. Г. — 549
Пеги Ш. — 675
Пейджет — 669
Пенлеве — 728
Пеппер К. — 776
Перри Ф. — 476
Персиваль А. — 339
Петен А. Ф. — 9, 70, 76, 461, 463, 465, 466, 471, 658, 675, 676, 680
Петр II Карагеоргиевич, король Югославии — 483
Петров Е. П. — 549
Печатнов В. О. — 16, 18
Пий XII — 476
Пилинч — 817
Питтмэн К. — 576, 578
Пишари Э. — 675
Позер М. — 481
Полевой Б. Н. — 549
Понс Лили — 552
Портал Ч. — 86, 103, 651, 743, 796
Поссе Г. — 472
Потёмкин В. П. — 544
Претелаа А. — 46
Приоров Н. Н. — 562
Пристли Дж. — 553
Прокаччи Дж. — 477
Прокофьев С. С. — 551
Псаррос Д. — 492, 493
Пти Э. — 680
Пудник — 817
Пу И, император Маньчжоу-Го — 312, 820
Пфеффер К. — 427
Пырьев И. А. — 551
Пэтч А. — 165

Рагинис В. — 39
Раднесс В. — 451
Райан — 582
Райнер Ф. — 552
Райс Э. — 549
Раллис И. — 491
Рамсей Б. — 142, 214
Ранкович А. — 490
Рассел Дж. — 560
Ратофф Грегори (Ратов Григорий) — 550
Раутер Г. — 458
Рауторн А. — 556
Рафаэль — 455
Рахманинов С. В. — 551
Редер Э. — 52, 220
Рейно П. — 52, 58, 70, 650, 676, 677
Рейнольдс Р. — 580
Рейнхардт, г.-м. США — 817, 818
Рейнхардт Г. — 63
Рейхенау В. фон — 58, 60
Рембрандт — 455, 470
Ржешевский О. А. — 17
Риббентроп И. фон — 42, 273, 447, 525, 533, 536, 543, 724, 732, 733
Рист-Гваткин — 739
Робертс Дж. — 23
Робертсон — 816
Робертсон У. — 665
Робсон П. — 552
Рогов — 816, 817
Розенберг А. — 470, 797
Рокоссовский К. К. — 663
Роммель Э. — 150, 155, 230, 231, 233, 246, 247, 267, 268, 272, 291, 295, 300, 305, 311, 726, 782, 796, 804

Ростоу У. — 699
Рубенс — 455, 470
Руеманн М. — 560
Рузвельт Ф. Д. — 7–10, 15–21, 23, 70, 84, 106, 109–118, 125, 127, 131, 133, 134, 140, 184, 187, 189, 192, 225, 227, 228, 231, 246, 250, 264, 272, 321, 324, 358, 363, 365, 370, 389, 398, 399, 442, 515, 518, 530, 531, 536, 545, 564, 565, 575–581, 583, 584, 586, 590, 596, 600, 604–606, 628, 629, 638–644, 649–651, 653, 654, 657–659, 661, 669, 680, 681, 684–692, 694–701, 703, 705, 706, 719, 721, 724–726, 757, 758, 763, 765, 772, 777, 778, 780–783, 787–789, 791–796, 800–802, 807, 808, 813
Рундштедт Г. фон — 30, 63, 70, 147, 150, 155, 157, 166, 182, 184, 186, 187
Русаков — 817, 818
Рыдз-Смиглы Э. — 35, 38, 39

Салазар А. ди — 573
Сандерс Д. — 563
Сантас А. — 491
Сараджоглу Ш. — 544
Саркисов С. А. — 562
Сато Н. — 403
Севез Ф. — 704
Севостьянов Г. Н. — 15
Сект Г. фон — 676
Сельвашин — 816
Семенов Н. Н. — 561
Сиантос Г. — 492
Сигмейтер Э. — 552
Сикорский В. — 42, 440, 725, 735, 775
Симидзу Норицунэ — 820
Симович Д. — 483
Симонов К. М. — 549, 550, 555, 560, 817
Синклер Э. — 547, 552
Скавениус Э. — 443, 444
Складовская-Кюри М. — 439
Скоби Р. — 494
Скорцени О. — 175, 178, 264
Скотт С. — 556
Скриппс — 112
Славин Н. В. — 140, 726, 815
Слоан П. — 555
Смирнов — 816
Смит Джессика — 549
Смит У. — 198, 264, 663, 667, 704
Снелл Э. — 758
Солсбери Г. — 549
Сомервилл Д. — 218, 347–349
Спаатс К. — 90, 101, 142, 199, 404, 706
Спектор Р. — 333
Спеллман, кардинал — 691
Спрюэнс Р. — 394
Сталин И. В. — 8, 14, 16–19, 23, 109–118, 125, 126, 131, 133, 134, 140–142, 157, 184, 188, 189, 192, 358, 389, 397, 399, 442, 489, 490, 510, 525, 526, 530, 545, 551, 555, 564, 581, 590, 594, 596, 599, 604–607, 640, 642–644, 650, 651, 654, 655, 657, 659, 661–664, 668, 680–683, 685, 687, 688, 690–698, 701, 703, 705, 706, 720, 721, 725–727, 765, 766, 768, 769, 775, 778, 780–783, 792–795, 800, 802, 803, 808, 809, 813, 819
Стаунинг Т. — 442–444
Стейнбек Дж. — 551, 776
Стеттиниус Э. — 20, 584, 589, 600
Стилуэлл Дж. — 588, 607, 608
Стимсон Г. — 133, 135, 397, 398, 404, 579, 706, 725, 763
Стоковский Л. — 551
Столер М. — 23, 134
Стоунмен У. — 510, 525
Стрит В. — 490
Стэндли У. — 20
Судзуки К. — 404
Сульцбергер А. — 530
Суньер С. — 533, 536
Суоколл К. — 471
Суслопаров И. А. — 198, 663, 704, 815
Сэндберг К. — 547

Такахаси К. — 343
Такидзиро О. — 376
Тарле Е. В. — 554, 563
Тафт Р. — 225
Твен М. — 552

Теддер А. — 147, 169, 184, 188, 189, 199, 253, 610, 662, 671, 808, 809
Тельман Э. — 482
Темкин Д. — 550
Темпл У. — 557
Тербовен Й. — 447, 448, 450, 451, 453
Тертис Л. — 556
Тиббетс П. — 405
Типпельскирх К. — 30, 64
Тирпиц А. фон — 482
Тисо Й. — 432, 433
Тито И. Б. — 426, 487, 489, 490, 494
Тихвинский С. Л. — 134
Того С. — 395, 403, 404, 407, 408
Тодзио Х. — 725, 779
Толбухин Ф. И. — 490
Толстой А. Н. — 549, 553, 555
Толстой Л. Н. — 554, 556
Тольятти П. — 474, 478, 480
Томас Н. — 531, 579
Томсон У. — 562
Торез М. — 465
Тосканини А. — 551
Трояновский А. А. — 638
Трумэн Г. — 16, 397–399, 403–406, 411, 412, 594, 607, 654, 663, 703, 704, 706, 727, 819
Тука В. — 433
Тухачевский М. — 675
Тэггард Ж. — 549
Тюлян Ж. — 679

Уайнант Дж. — 650
Уилбур У. — 641
Уилки У. — 579, 776
Уиллис — 347
Уилмот Ч. — 672
Уилсон Г. — 288
Уильямс Т. — 547
Уинтер Элла — 549
Уитмен У. — 552
Уманский К. А. — 6
Умов Н. А. — 562
Умэдзу Ё. — 394 , 408
Уоллес Г. — 530, 686
Уолш Дж. — 539
Урих Р. — 481
Усидзима М. — 394, 396
Усироку — 820
Уэйвелл А. — 340, 607
Уэллс Г. — 556
Уэллес С. — 110, 531, 590, 724, 725, 748–751, 762, 769

Фадеев А. А. — 553
Файф Дж. — 560
Фалалеев Ф. Я. — 681
Фалькенхорст Н. фон — 39, 52
Федин К. А. — 549
Федюшин В. А. — 551
Фейс Г. — 21, 644
Фенби Дж. — 23
Ферсман А. Е. — 558
Филитов А. М. — 13
Филлипс Т. — 576
Фитингоф Г. фон — 197, 198
Флетчер Ф. — 351
Флори Г. — 563
Фог М. — 447
Форд Г. — 522
Форд Дж. — 551
Форрестол Дж. — 703
Франк К. Г. — 437, 439
Франко Ф. — 532–534, 536, 537
Фрашери М. — 494
Фридебург Г. — 198, 199
Фридрих О. — 522
Фрумкин А. Н. — 563
Фуллер Дж. — 42, 676
Фюрнберг — 472
Фюрюботн П. — 449

Ханссон П. А. — 539
Харнак А. — 482
Харрис А. — 84
Харрис Р. — 552
Харт Т. — 340
Хасель У. — 482
Хастингс М. — 669, 674

Хата Х. — 411
Хаукелид К. — 451, 452
Хачатурян А. И. — 551
Хейс К. — 536
Хект Б. — 550
Хелман Лиллиан — 553
Хелфрич К. — 340
Хемингуэй Э. — 547, 560
Херринг Дж. — 600
Херст — 112
Хирохито, император Японии — 330, 394, 410, 414
Ходжа Э. — 494
Ходжес К. — 183, 672
Хозье Г. М. — 645
Хозье (дев. Бланш) Клементина — 645
Хокон VII, король Норвегии — 447
Холдейн Дж. — 558
Холл Г. — 579
Хонго — 820
Хоннер — 472
Хордана Г. — 536
Хорн А. — 650
Хорнбек — 751
Хренников Т. Н. — 551, 556
Хьюз Л. — 549
Хьюитт К. — 267
Хэлл К. — 20, 125, 134, 409, 579, 686, 687, 692, 694, 700, 724, 755, 756, 769

Цветкович Д. — 483
Ценер В. — 471
Циммерман Б. — 165
Цинцар-Маркович А. — 485
Цолакоглу Г. — 491

Чакмак Ф. — 544
Чан Кайши — 11, 134, 318, 365, 370, 399, 415, 587, 588, 604, 605, 608, 687, 690, 725, 763, 767, 819
Чаплин Ч. — 530, 547, 550
Чейни Дж. — 657
Чемберлен Н. — 58, 502, 506, 649, 695, 718, 724, 728, 731, 732, 749
Черчилль Дженни Р. (дев. Дженни Джером) — 645
Черчилль Д. У. С. — 645
Черчилль Р. — 645
Черчилль У. — 6–8, 10, 15, 17–21, 42, 47, 52, 54, 63, 64, 76–78, 84, 106, 108, 110, 112–118, 125–128, 131, 133–135, 138, 140, 157, 164, 169, 187–189, 192, 214, 218, 219, 225–228, 230, 231, 235, 246, 250, 264, 272, 295, 304, 305, 321, 365, 370, 389, 397, 399, 430, 442, 472, 487, 494, 506, 510, 512, 526, 536, 538, 539, 545, 556, 563–565, 577, 581, 583, 587, 590, 594, 596, 604–607, 620, 623, 628–630, 640–642, 644–655, 658, 659, 661, 663, 664, 669, 672, 674, 677, 678, 680, 681, 684, 685, 687, 689–691, 694–696, 698, 699, 702–707, 718, 721, 724–726, 746, 761, 762, 765, 766, 777, 780–783, 788, 789, 791–796, 801–803, 807–809, 813
Черчилль Френсис — 645
Чиано Г. — 735

Шапиро Г. — 526
Шахт Я. — 686
Швеппенбург Г. фон — 157
Шекспир У. — 550
Шелиа Р. фон — 482
Шервуд Р. — 20, 112, 133, 725, 763, 776, 787
Шерман Ф. — 358
Шикин И. В. — 727, 820
Шипстид — 526
Ширах Б. — 471
Шмиттлен Р. — 680
Шморель А. — 481
Шолохов М. А. — 549, 555
Шоль Г. — 481
Шопен Ф. — 439
Шорников А. С. — 490
Шорт У. — 328
Шостакович Д. Д. — 551, 552
Шоу Б. — 553
Шпейдель Г. — 157
Шпонек Х. — 58
Шпренгер — 812

Штауффенберг фон — 482
Штебе Ильзе — 482
Штейнгардт Л. — 128, 228, 725, 769, 770
Шторер Э. фон — 533, 536
Штудент К. — 184
Штумпф Г. — 199
Шуленбург Ф. фон — 42, 724, 732
Шульце-Бойзен Х. — 482
Шуман Г. — 482
Шушниг К. — 471

Щербаков А. С. — 563

Эбербах Г. — 157
Эванс — 747
Эдельман М. — 555
Эйзенхауэр Д. — 108, 133, 139, 142, 147, 160, 169, 170, 175, 178, 179, 182–184, 186–189, 192, 196, 198, 249, 253, 258, 264, 267, 272, 311, 312, 458, 468, 607, 629, 630, 654–664, 668–674, 688, 702, 704, 707, 726, 789, 793, 803, 808, 809, 812
Эйзенштейн С. М. — 556
Эйзердраат Б. — 455
Эйкер А. — 85, 90, 91
Эллендер А. — 580
Элиаш Д. — 433
Элиот Дж. — 526
Эндрюс, адмирал — 778
Эндрюс Дж. М. — 539
Эренбург И. Г. — 549, 550, 553
Эриксон Дж. — 22
Эрман Дж. — 791, 793
Эттли К. — 506, 651
Этьен Ж. — 676

Юдин С. С. — 563

Якобсен Г.-А. — 754
Ямада О. — 411, 414
Ямамото И. — 324, 325, 328, 330, 354, 356, 770, 771
Янза А. — 471
Янкович Р. — 485
Янсен Л. — 458
Ярославский Е. М. — 558

Географический указатель

Абадан — 651
Абвиль — 70, 677
Абилин — 655
Абиссиния — 294
Авалонский полуостров — 755
Авранш — 147, 161, 164
Австралийский континент — 11
Австралия — 11, 128, 210, 228, 325, 343, 346, 351, 355, 364, 365, 412, 414, 539, 558, 607, 609, 630, 751, 759, 773, 775, 777, 780
Австрия — 101, 426, 428, 471–473, 606, 629, 651, 654, 693, 807
Австро-Венгрия — 472
Агридженто — 261
Адду, ат. — 347–349
Аджедабия — 300
Адидже, р. — 807
Адриатика — 278
Адриатическое море — 489
Адриатическое побережье — 489
Азербайджан — 682
Азиатский континент — 11, 321, 375, 397, 773
Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) — 288, 312, 340, 351, 371, 388, 415, 565, 719
Азия — 5, 8, 9, 11, 117, 133, 184, 210, 340, 365, 374, 414, 415, 495, 588, 589, 610, 629, 630, 682, 687, 690, 709, 721, 722, 764, 772, 785
Азорские острова — 228, 238, 538, 589
Акрома — 308
Акрополь — 491
Акьяб, порт — 799
Алабама, штат США — 518
Аламогордо — 405
Алам-Хальфа — 247, 308, 668
Аландские острова — 742
Албания — 428, 485, 490, 494, 757
Александрия — 217, 218, 232, 233, 242, 247, 308
Алеутские острова (Алеутская гряда) — 325, 354, 414, 799
Алжир — 115, 218, 247, 255, 308, 311, 469, 533, 610, 632, 658, 669, 680–683, 789
Альберта, канал — 58, 60
Альпийская крепость — 196
Альпы — 64, 709, 750, 807
Аляска — 364, 414, 598, 599
Амамиодзима, о. — 339
Амблев, р. — 178
Амбон, о. — 819
Америка, государство — см. Соединенные Штаты Америки
Америка, континент — 5, 8, 9, 11, 210, 339, 515, 545, 764
Амстердам — 60, 458
Амьен — 70, 745
Англия — см. Великобритания
Ангулем — 752
Андай — 534
Андалснес — 747
Андаманские острова — 346, 347, 370, 819
Андернах — 196
Анкара — 544, 735
Антарктида — 226

Антверпен, порт — 55, 59, 60, 135, 169, 170, 175, 179, 184, 460, 671, 672, 734, 809
Антигуа, о. — 581, 755
Анфидавиль — 312
Анцио — 269, 270, 272, 273, 277
Аньхой, провинция Китая — 320
Апарри, о. — 339
Апатин — 490
Апеннинские горы — 267
Апеннинский полуостров — 101, 253, 267, 478, 801
Апеннины — 264, 808
Аравийское море — 349
Арафура, море — 819
Аргентина — 750
Арденны, плато — 55, 60, 63, 166, 170–173, 178, 179, 181–184, 186–189, 192, 196, 530, 630–632, 662, 672, 726, 808, 809
Арджентия, зал. — 606, 684
Арендал — 747
Арзев, зал. — 311
Ариакэ, зал. — 403
Арктика — 125, 226, 235, 238, 599, 765
Арлон — 182
Арнем — 166
Ароэ, о. — 819
Аррас — 675
Арсхот — 460
Архангельск — 588, 780
Ассам, штат Индии — 799
Атлантика — 21, 108, 207, 210, 212, 214, 216, 217, 219, 221, 222, 226–228, 230, 231, 233, 235, 236, 238, 240, 241, 248, 274–277, 537, 565, 576, 584, 588, 589, 605, 607, 623, 628, 720, 763, 764, 774
Атлантический вал — 150
Атлантический океан — 109, 210, 255, 610, 763, 795, 796
Атлантическое побережье — 55, 231, 233, 235, 737, 747
Атту, о. — 354, 358, 364
Аугсбург — 101
Аугуста — 254, 261
Афины — 491, 493, 494
Африка — 5, 8, 9, 11, 106, 133, 210, 231, 238, 242, 246–248, 250, 277, 288, 339, 349, 415, 533, 556, 588, 589, 610, 655, 677, 682, 731, 773, 789, 791, 795, 796, 798
Африканский континент — 11, 115
Ахен — 166–168, 171, 175
Ацуги — 411
Аяччо — 268

Бавария — 134, 482, 675
Баварская советская республика — 427
Бавеан, о. — 344
Багамские острова — 581, 755
Баден — 134
Базель — 46, 171
Баку — 682
Бали, о. — 343, 346, 819
Бали, пролив — 346
Балканские страны (государства) — 101, 735
Балканский полуостров — 263, 494, 715, 801, 808
Балканы — 46, 126, 141, 250, 253, 254, 264, 295, 483, 487, 489, 492, 495, 607, 608, 629, 704, 735, 788, 802, 807
Балтийское море — 610, 674, 748
Балтика — 97, 235
Балтимор — 523
Балтия — 526
Банат — 426
Банка, о. — 343
Бапом — 745
Барбия — 288, 294
Бардия — 294, 300
Баренцево море — 795
Бари, порт — 249, 480, 489, 490
Басра — 780
Бастия — 268
Бастонь — 178, 179, 182, 183, 186, 188
Батаан, п-ов — 335, 386
Батавия — 343, 344, 346
Батин — 490
Безансон — 70
Белград — 483–485, 490
Белем — 588
Белжец — 549

Белоруссия — 47, 135, 157, 464
Белосток — 733, 765
Белфаст — 539
Белый дом — 127, 128, 227, 228, 411, 579, 581, 638, 655, 686, 690, 691, 697, 776
Бельгийская равнина (низменность) — 55
Бельгия — 7, 46, 55, 58, 60, 64, 86, 98, 134, 139, 140, 147, 161, 169, 178, 186, 427–429, 453, 459–461, 470, 538, 631, 661, 677, 703, 719, 734, 738, 741, 742, 794, 797
Бельфор — 166
Бельхамед — 305
Бенгази — 294, 295, 300, 305
Бенгальский залив — 346, 347, 349
Бергебю — 671
Берген — 52, 747
Берген-Бельзен — 446
Берлин — 70, 82, 86, 90, 97, 101, 102, 104, 108, 134, 161, 166, 169, 192, 196–199, 263, 320, 399, 433, 444, 448, 449, 481, 483, 485, 532, 540, 544, 589, 629–631, 653, 654, 663, 664, 672–674, 701, 702, 704, 718, 719, 732, 774, 808, 812
Бермудские острова — 236, 581
Берн — 543
Берьер-Сюр-Мер — 148
Бессарабия — 109, 134
Бзура, р. — 39
Бизерта — 252, 255, 267, 312
Бирма (совр. Мьянма) — 11, 325, 346, 347, 351, 364, 365, 370–374, 387, 415, 587, 588, 605, 607, 610, 630, 634, 739, 751, 767, 777, 779, 799, 808, 819
Бирманская дорога — 587, 588, 799
Бирмингем — 510
Бир-Хакейм — 632
Бир-Хашейм, оазис — 305
Бир-эль-Гоби — 300
Бискайский залив — 139, 229, 236, 241, 242, 275
Бискари — 255
Бисмарка, арх. — 328, 799
Битбург — 175
Битш — 188
Ближний Восток — 288, 588, 619, 629, 657, 668, 725, 738, 774, 777, 791
Блитар — 386
Бове — 70
Богемия и Моравия, протекторат — 433
Богемский лес — 197
Боеро, о. — 819
Болгария — 140, 141, 169, 427, 483, 485, 490, 491, 493–495, 706, 757, 801
Болд, холм — 312
Болонья — 480, 481
Большой Бельт, пролив — 748
Большой Бермудский залив — 755
Бомба — 294
Бомбок, о. — 818
Бонинские острова (Огасавара) — 364
Бон, п-ов — 312
Бонн — 193
Бордо — 228, 230, 677
Борнео (Калимантан) — 343, 382
Борнхольм, о. — 447
Босния — 485, 487, 489
Ботнический залив — 52
Бразилия — 238, 588, 589, 609, 763
Братислава — 433
Брауншвейг — 101
Бреда — 58
Бремен — 85, 90, 134, 196
Бреннер — 197, 807
Брест (фр.), порт — 139, 150, 207, 219, 221, 222, 226, 589
Брест (Брест-над-Бугом, с сентября 1939 г. Брест-Литовск) — 39, 765
Брестская крепость — 464
Брестский полуостров — 803
Бретань, п-ов — 135, 147, 150, 161, 166, 217, 469, 747
Бреттон-Вудс — 695
Бриар — 747
Бриндизи — 264
Бристоль — 147, 510, 514
Британия — см. Великобритания
Британская Гвиана (совр. Гайана) — 581, 755
Британская империя — 108, 231, 577, 579, 584, 608, 619, 629, 650, 654, 655, 700, 702, 720, 725, 751, 752, 762, 769, 771, 819

Британская Малайя — 126
Британские острова — 76, 85, 91, 131, 147, 210, 214, 228, 276, 343, 514, 553–555, 561, 565, 576, 579, 586, 588, 607, 619, 633, 636, 657, 661, 720, 763, 798
Британский Борнео — 325
Британское Содружество Наций (Содружество) — 758
Британское Сомали — 610
Брно — 430, 433, 435
Бромм — 540
Бронховен — 60
Брунсвик — 101
Брюгге — 460
Брюн — 192
Брюссель — 60, 63, 170, 460, 809
Буг, р. — 39, 134, 805
Буг-Буг — 294
Бугенвиль, о. — 364, 386
Букингемский дворец — 510
Буковина — 426
Булонь — 63, 64, 150, 766
Булонь-Бийанкур — 464
Бургенланд — 473
Бурж — 752
Бухенвальд — 446, 482
Буэрат — 311
Бэйпин (с 1949 г. — Пекин) — 313, 314, 373
Бэйпин-Тяньцзиньский экономический район — 315

Ваальхавен — 58
Валахия — 426
Валлония — 459
Варндтский лес — 46
Варшава — 30, 31, 35, 38, 39, 43–45, 439–442, 732
Ватикан — 474, 476, 749
Вашингтон — 7, 15, 16, 21, 108–110, 113–115, 127, 133, 134, 184, 188, 227, 263, 324, 398, 404, 405, 409, 414, 529, 536, 546, 547, 550, 557–559, 575, 576, 578, 604, 607–609, 628–630, 638, 643, 651, 657, 659, 663, 664, 680, 683, 684, 686–691, 695, 697, 720, 725, 739, 749, 755, 756, 780, 801
Везель — 46, 100, 196
Великая Восточная Азия (Великая Азия) — 764, 774
Великая Германия — 443
Великая Китайская стена — 315
Великие Нидерланды (Вердинасо) — 459
Великобритания — 5–24, 35, 38, 42, 46, 50, 52, 55, 58, 60, 63, 64, 71, 76–78, 84–86, 90, 91, 102–117, 124–128, 134, 139–142, 147, 155, 170, 171, 179, 184, 192, 197, 199, 207, 210, 212, 214, 217–219, 221, 222, 224–228, 230, 231, 235, 238, 241, 246, 250, 253–255, 264, 267, 268, 272–277, 288, 312, 321, 324, 340, 346, 358, 365, 370, 374, 375, 389, 427–429, 436, 438, 444, 447, 449, 451, 453, 458, 459, 465, 472, 474, 489, 494, 495, 502, 506, 507, 510, 512–514, 526, 530, 532, 533, 537–540, 543–547, 553–558, 561–565, 575–578, 581–584, 586–590, 594–596, 599, 600, 601, 604, 607–609, 614, 618, 619, 623, 624, 627–631, 633, 635–637, 640, 642, 645, 648–651, 653, 655, 657, 658, 665, 666, 668, 669, 671, 674, 675, 677, 678, 680, 682–685, 687, 688, 691, 692, 694, 696–710, 718–722, 724, 725, 727, 729–734, 736, 742, 743, 745, 748–756, 758, 759, 761, 763–776, 778, 780, 783–787, 792–796, 798–801, 803, 809, 810, 819, 821, 824–827, 829, 830
Велла-Лавелла, о. — 363
Вельдзельт — 60
Вена — 192, 473, 483, 653, 663, 671, 704
Венгрия — 39, 101, 117, 169, 184, 426, 427, 483, 485, 522, 606, 706, 801, 807
Венеция — 481
Венсенн — 745
Верден — 179, 675
Вернберг — 194
Версаль — 661
Верхний Рейн, р. — 55, 166, 171, 197
Верхняя Силезия — 439
Вестерплатте, крепость — 33
Вестинг-Холланд — 60
Вест-Индия — 581, 588
Вестланн — 452
Вест-Пойнт — 655
Виган, о. — 339

Визна — 39
Виллер-Бокаж — 156
Вильгельмсхафен — 86
Вильц — 178, 179
Вир, р. — 155
Вирджиния (Виргиния), штат США — 526, 576, 758
Вис, о. — 490
Висконсин, штат США — 525
Висла, р. — 38, 39, 42
Висмар — 674
Виссамбург — 188
Виши — 7, 9, 76, 308, 311, 461, 464, 466, 471, 678, 680, 719
Владивосток — 796
Влтава, р. — 702
Внутреннее Японское море — 354
Вогезы — 187, 188
Воеводина — 485
Вознесения, о. — 588
Волга, р. — 115, 117, 482, 561, 720
Волхов — 455
Вольтурно, р. — 268, 272
Восток — 321, 433, 525, 526, 531, 709, 765, 771, 775
Восточная Азия — 398, 399, 412, 414, 415, 587, 771, 785
Восточная Европа — 5, 7, 12, 429, 436, 480, 606, 642–644, 694, 695, 697, 701, 705, 710
Восточная Македония — 491
Восточная Польша — 42, 733
Восточная Пруссия — 30, 35, 161, 169, 171, 186, 607, 643, 806
Восточная Сербия — 490
Восточная Ява — 386
Восточное Средиземноморье (Средиземное море) — 217, 249, 607, 697, 743
Восточный Тунис — 793
Врбоска — 488
Выборг — 764
Вьерзон — 752
Вьетнам — 11, 387, 414, 415
Вьюгт — 458
Вюртемберг — 134
Вюрцбург — 105
Гаага — 58, 60
Габон — 678
Гавайи — см. Гавайские острова
Гавайские острова — 112, 325, 332, 758
Гавр, порт — 135, 150, 207
Галифакс — 217, 241
Галлахер, о. — 819
Гамбург — 86, 90, 91, 97, 98, 102, 105, 134, 198, 482
Гана — 589
Ганновер — 105
Ганьсу, провинция Китая — 315
Гарда, оз. — 807
Гарц — 197
Гафса — 311
Гейленкирхен — 171
Гела — 255, 256
Гела, р. — 261
Гельголанд, о. — 198, 446
Гельдерн — 196
Генуэзский залив — 86
Генуя — 481
Герлиц — 483
Германия — 5–11, 14, 15, 18, 20, 30, 31, 35, 38, 40, 42, 46, 48, 52, 55, 58, 64, 76, 78, 82, 84–86, 90, 91, 95–99, 101–113, 115–118, 124–128, 134, 140, 142, 160, 161, 165, 166, 169, 170, 186, 192, 196, 197, 199, 207, 210, 212, 214, 217, 218, 226–228, 230–233, 235, 236, 241, 246–248, 250, 254, 263, 264, 268, 273–275, 277, 278, 294, 295, 308, 312, 321, 333, 351, 363, 370, 374, 397, 398, 403, 407, 409, 411, 425–430, 433, 436, 437, 439, 440, 442–444, 446–452, 454, 455, 458, 459, 461, 464, 465, 469–474, 476–478, 481–483, 485, 491, 494, 495, 506, 510, 518, 522, 525, 526, 529, 531–533, 536–546, 549, 551, 553, 556, 562, 564, 580, 581, 586, 589, 590, 600, 605–607, 611, 624, 627–632, 634, 635, 637, 638, 640, 642, 644, 648, 650, 651, 653, 654, 657, 658, 661–666, 668, 672, 674, 677, 678, 680, 686, 688–696, 698–700, 702–705, 707, 709, 718–722, 724, 725, 727, 733, 735, 737, 738, 740, 741, 748–754, 756, 758, 759, 761–764, 770, 772–775, 778, 779, 781, 783–788, 791–794, 796, 800, 801, 804–808, 811, 812, 817, 818, 824–827

Германская империя — 433, 748
Герцеговина — 485
Гибралтар — 217, 218, 228, 230, 231, 233, 247, 248, 255, 311, 533, 537
Гибралтарский пролив — 782
Гилберта, о-ва — 340, 364
Гималайские горы (Гималаи, горы) — 365, 588
Главный Кавказский хребет — 116
Гляйвиц — 35
Голландия — см. Нидерланды
Голландская Новая Гвинея — 819
Голландская Индия — см. Голландская Ост-Индия
Голландская Ост-Индия (совр. Республика Индонезия) — 324, 325, 340, 343, 346, 351, 386, 387, 610, 739, 751, 777
Голливуд — 550
Гонконг — 126, 325, 340, 351, 719
Гонолулу — 332
Гота — 101
Градец-Кралове — 433
Граце — 473
Гре — 70
Гренландия, о. — 228, 231, 238, 588, 751
Гренобль — 165
Греция — 219, 231, 232, 253, 254, 294, 295, 428, 489–494, 578, 583, 606, 610, 703, 704, 722, 724, 735, 742, 746, 757, 788, 792, 794, 801
Греческое государство — см. Греция
Грин, холм — 312
Гринвич — 325
Гродно — 535
Грюнвальд — 439
Гуадалканал, о. — 358–362
Гуам, о — 126, 325, 328, 340, 354, 375, 405
Гуанси (Гуйлинь), провинция Китая — 373

Даба — 308
Давао — 325, 339
Дакар, порт — 247, 763
Дальневосточный регион — 6
Дальний Восток — 6, 9, 11, 106, 110, 127, 227, 228, 321, 328, 333, 346, 358, 363, 365, 373, 388, 397–399, 405, 411, 588, 589, 595, 605, 606, 628, 630, 642–644, 690, 695, 696, 699, 721, 727, 739, 751, 759, 764, 767, 768, 770, 775, 792, 807, 820
Данди — 645
Дания — 7, 52, 134, 161, 189, 198, 425, 428, 429, 442–444, 446, 447, 453, 460, 470, 540, 541, 588, 610, 674, 719, 724, 747, 748
Данциг (Гданьск) — 30, 38, 439
Данцигский коридор — 426
Дарвин, порт — 343
Дарданеллы — 792
Дармштадт — 197
Датский пролив — 219, 225
Дахау — 446, 471
Девоншир, графство Англии — 141
Делфт — 455
Демократическая Республика Вьетнам (ДРВ) — 415
Дерна — 294
Детройт — 518, 520, 529, 776
Джебель, укрепрайон — 294
Джела — 258, 261
Джорджия, штат США — 526
Джорджтаун — 755
Джохор-Бару — 334
Дижон — 70, 165
Диль, р. — 55, 58, 63
Динан — 179, 182
Динджан (Ассам, штат Индии) — 588
Днепр, р. — 596, 720
Додеканесские острова — 792, 794, 802
Додрехт — 58
Дойчландсберг — 472
Доль — 752
Дон, р. — 117
Дондра-Хед, м. — 347
Дортмунд — 105
Драма — 492
Дрвар — 489
Дрвенц — 38
Дрезден — 104, 192, 483, 663, 701
Дублин — 539
Дувр — 668
Дуйсбург — 197
Думбартон-Окс — 651

Дунай, р. — 490
Дунайская католическая империя — 472
Дунайская федерация — 472
Дьепп, порт — 129–132, 632
Дюнкерк, порт — 63, 64, 68, 70, 108, 150, 213, 214, 232, 576, 666, 668, 719, 745–747, 766, 775
Дюссельдорф — 196

Евразия — 340
Европа — 5–12, 14, 16, 60, 101, 105, 108–118, 124, 125, 127, 128, 131, 133–135, 139, 147, 166, 171, 184, 192, 197–199, 210, 217, 238, 250, 253, 273, 275, 277, 363, 365, 370, 371, 425–430, 435, 447, 454, 464, 469, 470, 473, 481, 495, 513, 529, 530, 532, 537, 538, 540, 541, 543, 545, 549, 558, 565, 588, 589, 599, 605–610, 614, 619, 629, 632, 633, 635, 642, 644, 648, 649, 655, 657, 660, 661, 664, 669, 672, 674, 682–684, 688, 689, 692–697, 699, 700, 702–704, 706, 707, 709, 710, 718–722, 724–727, 729, 748–751, 756, 764, 766, 767, 774, 775, 778, 779, 783–787, 790, 792–795, 798, 800, 801, 809, 812, 828
Европейская федерация демократических государств — 476
Европейская часть СССР — 525
Европейский континент — 9, 110, 135, 610, 657, 658, 777, 784, 795
Египет — 218, 231, 232, 246, 288, 294, 295, 308, 610, 665, 668, 669
Елливар — 736

Ёнэбару — 396

Жамблу — 63
Женева — 752
Живе — 179, 182
Жэхэ, провинция Китая — 315

Загреб — 489
Заксенхаузен — 446
Зальцбург — 482
Зальцхаммер — 471
Запад — 12, 106, 161, 321, 427, 436, 526, 546, 557, 600, 631, 633, 635, 642, 650, 651, 655, 690, 691, 693, 697–701, 704, 705, 707, 709, 710, 765, 766, 775, 794, 797, 808
Западная Африка — 228, 588, 589, 763, 789
Западная Белоруссия — 42
Западная Европа — 7, 64, 97, 108, 117, 118, 124, 126, 139, 178, 196, 264, 427–429, 440, 565, 596, 611, 629, 637, 653, 699, 720, 775, 785, 800, 801, 815
Западная Индия — 778
Западная Нейсе, р. — 442
Западная Польша — 30
Западная Сербия — 485
Западная Украина — 42, 439
Западная Фракия — 491
Западный Кенсингтон — 669
Западный Тунис — 311
Заполярье — 52
Зигфрида, линия (Западный вал) — 165, 166, 170, 175, 631, 638, 809
Зондские острова — 364
Зондский (Санда) пролив — 343, 346
Зорп, р. — 91
Зунд, пролив — 748

Иводзима, о. — 373, 376–382, 394, 635, 721
Изер, р. — 745
Импхал — 799
Импхальская долина — 371
Ингольштадт, крепость — 675
Индиана, штат США — 526
Индийский океан — 128, 219, 226, 227, 242, 324, 325, 333, 339, 340, 346, 347, 349, 351, 375, 415, 587, 598, 607, 608, 610, 774, 780
Индийский Союз — 415
Индия — 11, 128, 228, 340, 346, 351, 365, 370, 371, 399, 412, 415, 558, 581, 587, 588, 609, 610, 619, 630, 645, 665, 684, 691, 702, 739, 751, 775, 777, 779, 780, 799
Индокитай — 126, 387, 388, 739, 751, 768
Индонезия — 325, 340, 386, 415, 719, 751, 768
Индостан — 349
Ипр, р. — 665
Ирак — 702, 763
Иран — 440, 588, 596, 702, 743, 763, 777

Ирландия — 217, 538, 539, 665
Ирландское Свободное Государство (ИСГ) — 538
Исландия, о. — 222, 228, 230, 231, 238, 276, 588, 607, 740, 751, 763, 773
Испания — 254, 427, 428, 460, 532, 533, 536, 537, 736, 746, 782
Италия — 11, 12, 19, 46, 60, 64, 101, 117, 118, 124, 139, 147, 150, 165, 197, 198, 214, 217–219, 224, 230–232, 242, 246, 248–250, 253, 254, 258, 263, 264, 267, 268, 272–274, 277, 288, 295, 312, 363, 427–429, 443, 446, 454, 469, 473, 474, 476–478, 480, 481, 483, 485, 489, 491, 493, 494, 518, 529, 532, 533, 539, 542–545, 564, 587, 605, 607, 628, 629, 637, 651, 659, 665, 669, 671, 689, 693, 718–720, 725, 727, 729, 733, 735, 736, 741–744, 746, 749, 752, 753, 756, 757, 764, 772–774, 779, 782, 785, 786, 788, 791, 792, 794, 799, 801, 807, 808, 827
Итальянская социальная республика (Республика Сало) — 478
Итальянское Сомали — 610
Итуруп, о. — 332

Кабур — 150
Кавказ — 115, 116, 340, 561, 651, 720, 738, 740,742, 743, 775, 777, 791
Кавказские горы — 782
Кагосима — 403
Каир — 134, 254, 365, 370, 374, 487, 493, 545, 588, 651, 668, 682, 694, 725, 790, 808
Кай, о. — 819
Калабрия — 219, 253, 267, 268
Кале, порт — 63, 64, 150, 160, 750
Калифорния, штат США — 656
Кальтагироне — 261
Кальяри — 268
Камбоджа — 387, 415
Камбре — 63, 745
Каменец-Подольский — 765
Камерун — 678
Кан — 135, 139, 147, 150, 156, 157, 165, 671
Канада — 11, 210, 219, 230, 255, 412, 558, 576, 586, 588, 590, 594, 599, 609, 630, 688, 768
Канал — см. Ла-Манш, пр.
Канарские острова — 533
Кантон — 373
Капуццо — 295
Коралловое море — 351, 355, 358, 634, 780, 830
Карафуто (ныне Сахалин) — 819
Карачи, порт — 340
Кардиф — 510
Карибское море — 238, 680, 755
Каринтия — 471, 472
Карлсруэ — 46, 171
Карлсхорст — 199
Каролинские острова — 799
Карпаты — 436
Карфаген — 708
Касабланка — 86, 91, 103, 106, 118, 133, 311, 596, 605, 641, 681, 688, 725, 791, 793, 794, 796
Каспий — см. Каспийское море
Каспийское море — 558, 782
Кассель — 102, 192
Кассибле — 264
Каструп — 447
Катания — 254, 260, 261
Катовицы — 35
Катынь — 440
Каунас — 764
Кваджелейн, атолл — 354
Квебек — 134, 135, 264, 564, 651
Кейптаун — 583
Кембридж — 561
Кения — 288, 610
Кент, графство Англии — 667
Керама, о-ва — 395
Керзона, линия — 442, 606, 699
Кессерин — 659
Кёльн — 84, 85, 100, 105, 196, 665
Кёнигсберг — 643
Килиндинн (Момбаса) — 349
Киль — 98
Киневиль — 142
Киото — 405
Киренаика — 288, 295, 300, 791
Китай — 6, 11, 112, 134, 312, 315–318, 320, 340, 351, 365, 370, 371, 373–375, 387–389, 397–399,

407, 409, 410, 412, 414, 415, 578, 583, 584, 587–589, 604, 607, 608, 630, 642, 643, 683, 687, 689, 690, 693, 719, 725, 739, 763–765, 767, 768, 772, 785, 792, 798, 799, 808, 819, 821
Китайская Народная Республика (КНР) — 414, 415
Китайская Республика — 819
Кифисия — 494
Кишинев — 765
Кладно — 433
Кларк-Филд — 339
Клерво, р. — 178
Ковентри — 77, 84, 555
Кокура — 404, 405, 407
Коломбо — 347–349
Коломбэ-ле-дёз-Эглиз — 683
Кольмар — 187, 810
Кольский залив — 141
Комизо — 255, 261
Комон — 160
Компьен — 76
Компьенский лес — 724 , 752
Конго — 678
Конгсберг — 453
Коннектикут, штат США — 526
Копенгаген — 444, 446
Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) — 414, 415
Корея — 374, 375, 388, 398, 407, 409–412, 414, 415, 610, 819
Корк, графство Ирландии — 539
Корнуэлл — 77, 754
Королевство Югославия — 426
Коррехидор, о. — 336, 337, 386
Корсика, о. — 165, 249, 253, 268, 786, 792
Кос, о. — 249, 278
Косово — 494
Кота-Бару — 325, 333
Котантен, п-ов — 135, 139, 150, 155
Котенице — 39
Кохима — 371
Кочевье — 472
Крагуевац — 485
Крайова (Румыния) — 490
Краков — 35
Краснодарский край — 775
Кремль — 651, 681, 693, 706, 768, 781
Крефельд — 171, 196
Кристиансанн — 747
Крит, о. — 219, 232, 248, 277, 278, 478, 491, 544, 746, 792
Кроянты — 38
Крым — 399, 653, 818
Куба — 405, 645
Куйбышев — 556
Куньмин — 587, 588
Купрешко Поле — 489, 490
Курильские острова — 332, 364, 388, 398, 407, 410–412, 606, 696, 727, 819
Курск — 12, 118, 254, 258, 363, 364, 429, 435, 451, 536, 596, 699
Кутно — 39
Кыска, о. — 354, 358, 364
Кэмберли — 665
Кюстрин — 811
Кюсю, о. — 332, 388, 389, 394–396, 403, 407

Лабрадор, п-ов — 588
Ла-Валетта — 245
Лакенбах — 473
Ла-Манш, пр. — 55, 63, 64, 76, 98, 131, 133, 135, 139, 140, 151, 207, 264, 564, 605, 632, 633, 657, 659, 661, 669, 754, 780, 786, 788, 793, 794, 798, 800, 803
Ламон, зал. — 339
Лампедуза, о. — 250
Лампионе, о. — 250
Лангенхорн — 445
Лангр, кпепость — 70
Лаос — 11, 387, 415
Ларош — 183
Латвия — 109
Латинская Америка — 415, 551, 564, 576, 578
Лашо — 587
Левант — 792
Левобережная Украина — 363
Легаспи, о. — 339
Ледо — 588, 799

Лежаки — 435
Лез-Андалуза — 311
Лейден — 455
Лейпциг — 101, 104, 192, 197, 482, 663
Лейстер — 510
Лейте, о. — 382
Ленинград — 126, 448, 459, 536, 549, 765, 769
Лентини — 261
Ле-Панне — 60
Лерос, о. — 249, 278
Лёвен — 63
Ливан — 678
Ливерпуль — 510
Ливия — 217, 219, 232, 288, 294, 295, 311, 610
Ливно — 488
Ливорно — 258, 268
Лигурия — 480
Лидице — 435
Ликата — 254, 255, 261
Лиллехаммер — 54, 748
Лилль — 666, 675
Лингаен, зал. — 339
Линоза, о. — 250
Линц — 435, 472, 663
Линькоу — 820
Лион — 70, 164, 165, 465
Липпе, р. — 196
Липштадт — 196
Лиссабон — 273
Литва — 109
Лодзь — 39, 433
Лонгстоп — 312
Лондон — 6, 7, 9, 10, 15, 21, 42, 47, 52, 72, 73, 76, 77, 98, 103, 106–110, 112, 114–116, 127, 131, 134, 140, 142, 155, 169, 170, 227, 246, 324, 370, 398, 440, 442, 444, 452, 460, 504, 506, 507, 510, 514, 529, 537, 546, 547, 553–557, 560–562, 575, 576, 579, 607, 628, 630, 631, 648, 654, 657–659, 665, 668, 669, 671, 675, 677, 678, 680, 682, 684, 685, 687, 688, 690, 720, 730, 731, 734, 735, 737, 740, 744, 752, 788, 806
Лосгейм — 175
Лотарингия — 70, 166, 183, 186, 469
Лотербург — 46
Лох-Ю, зал. — 210
Луара, р. — 150, 161, 166, 470
Лувен — 179, 460
Луизиана, штат США — 518, 657
Лулеа, порт — 748
Лусон, о. — 325, 339, 382–386
Львов — 39, 765
Льеж — 63, 170, 171, 175, 179, 460
Любек — 84, 196, 674
Люблин — 39, 439, 442
Любляна — 472, 807
Люксембург — 46, 134, 170, 429, 453, 631
Люнебург — 446, 674
Люсакер — 453
Ляодунский полуостров — 819
Лясково — 492

Маас, р. — 58, 60, 63, 170, 171, 175, 178, 179, 182, 183, 186, 631, 772
Маастрихт — 60, 169
Маастрихтский выступ — 58
Магдебург — 197
Мадагаскар, о. — 680, 681
Мадейра, арх. — 537
Мадрид — 536
Мажино, линия — 46, 47, 55, 59, 64, 70, 187, 631, 666, 676, 677, 750, 809
Майданек — 439, 806
Майнц — 197
Макассарский пролив — 343
Македония — 490, 492
Макин, ат. — 340
Мако, о. — 339
Малайзия — 589
Малайя — 325, 333, 339, 340, 346, 351, 387, 415, 610, 719, 819
Малакка, п-ов (Малаккский полуостров) — 325, 333, 339, 387
Малаккский пролив — 349
Малые Зондские острова — 819
Малый Бельт, пролив — 748
Мальдивские острова — 347
Мальмеди — 178
Мальта, о. — 192, 217, 231–233, 242, 244, 246–250, 254, 261, 305, 651

Мандалай — 587
Манила — 325, 338, 339, 382, 386
Манильская бухта — 386
Маннгейм — 197
Манчестер — 510, 514, 645
Маньчжоу-Го — 312, 315, 375, 407, 767, 779, 820
Маньчжурия — 312, 315, 320, 374, 397–399, 407, 410, 412, 415, 819, 820
Марианские острова (Марианская гряда) — 340, 375, 376, 400, 405, 635, 830
Марибор — 192
Марица (Эврос), р. — 491
Марна, р. — 70
Марокко — 115, 250, 308, 311, 610, 632, 680, 681
Марсель, порт — 165, 253, 264
Мартиника, о. — 218, 680
Марш — 179, 182, 183
Маршалловы острова — 355, 799
Матаникау, р. — 358
Матапан, м. — 232
Маутхаузен — 473
Махачкала — 116
Мацусиро — 406
Меджез-эль-Баб — 312
Меджерд — 312
Мезьер — 809
Мексика — 518, 609
Мальмеди — 178
Менен — 64
Мериньяк — 465
Мерса-Бу-Зеджар — 311
Мерса-Матрух — 288
Мерс-эль-Кебир — 218
Мессина — 258, 260, 261, 263, 667
Мессинский пролив — 253, 258
Метерен — 665
Метохия — 494
Мехели — 294
Мехельн — 63
Мец — 166, 676, 807
Мечили — 300
Мёне, р. — 90
Мидделбург — 454
Мидуэй, о. — 352–356, 358, 420, 634, 830
Микелон, о. — 678
Милан — 476–478, 481
Минданао, о. — 325, 339, 386
Минден — 195
Миндоро — 382
Миннесота, штат США — 526
Минск — 765
Миньцзян, р. — 318
Мичиган, штат США — 518
Млава — 38, 39
Модлин — 39
Мозель, р. — 46, 192, 196
Монголия — 315
Монгольская Народная Республика (МНР) — 312, 320, 414
Мон-де-Марсан — 752
Монмирай — 70
Монте-Кассино — 271–273
Монте-Корвино — 266, 268
Монтелимар — 165
Монтруа, ж.-д. ст. — 461
Моншау — 171, 175, 184
Моравия — 430, 433, 436
Моравская Острава — 433
Мортен — 164
Москва — 6, 8, 12, 16, 19, 21, 42, 106, 108–110, 112, 113, 115–117, 126–128, 133, 134, 140, 169, 184, 188, 340, 364, 398, 399, 403, 404, 412, 435, 437, 442, 447, 483, 485, 487, 489, 490, 526, 529, 531, 544, 548–551, 554–557, 560, 562, 590, 594, 596, 599, 601, 605, 606, 640, 650, 651, 657, 662–664, 675, 680–683, 685, 687–695, 697, 701, 703, 705, 710, 718, 720, 724, 725, 732, 733, 766–769, 779, 781, 782, 785, 809, 816
Московский промышленный район — 106
Моупинь — 320
Мсус — 305
Муданьцзян — 820
Мукден — 820
Мулен — 752
Мулин — 820
Мурманск, порт — 52, 141, 588, 780
Мыиткьина — 371
Мэн, штат США — 758

Мюльберг — 816
Мюнхен — 454, 456, 470, 472, 481, 482, 719

Нагано, префектур — 406, 408,
Нагасаки — 402, 404, 405, 407, 412, 721, 727, 821, 822
Нагоя — 376
Накадзё, б. — 330
Нампо, арх. — 376, 382
Намсус — 54, 744
Намюр — 55, 60, 63, 170, 175, 179, 734
Нанкин — 318, 320, 772, 779
Нант, порт — 207
Нарвик, порт — 49, 52, 54, 55, 539, 719, 736, 737, 740, 741, 744, 745, 747, 748, 795
Нарев, р. — 39, 42
Натал — 588
Наха, порт — 395, 396
Неаполь — 258, 267, 268, 272, 477, 480, 791
Независимое государство Хорватия — 485, 489
Нейсе, р. — 662
Неман, р. — 535
Неттуно — 272, 277
Нибейва — 294
Нивель — 63
Нидерландская Индия — 773
Нидерландское королевство — 455
Нидерланды — 7, 11, 46, 55, 56, 58, 60, 86, 98, 102, 147, 161, 166, 170, 186, 196, 198, 324, 340, 412, 428, 429, 446, 453–455, 458, 459, 460, 470, 538, 610, 630, 631, 672, 677, 719, 725, 734, 738, 742, 765, 767, 774, 792, 794, 795, 809, 810
Нижние Вогезы — 188
Нижний Маас, р. — 184
Ниигата — 404, 405
Ниитака, гора — 332
Никобарские острова — 819
Нимвеген — 196
Нинся — 315
Новая Британия — 364, 386
Новая Гвинея — 351, 364, 373, 386, 799
Новая Зеландия — 11, 325, 351, 412, 558, 607, 609, 630, 751
Новгород — 536
Новороссийск — 791
Новый Орлеан, штат США — 587
Новый Свет — 241, 650
Ноенгамме — 446
Нор, департамент Франции — 465
Норвегия — 7, 11, 47, 48, 50–55, 108, 134, 140, 141, 161, 212, 214, 222, 228, 233, 235, 274–276, 425, 427–429, 446–453, 465, 470, 506, 540, 541, 607, 610, 619, 649, 719, 724, 735–738, 740–742, 744, 745, 747, 748
Нормандия — 11, 115, 125, 134–136, 138–140, 142, 143, 145–147, 150, 152–155, 157, 160, 161, 164, 166, 169, 217, 225, 254, 272, 273, 275, 470, 538, 634, 635, 638, 651, 658, 662, 726, 802, 804
Нью-Джорджия, о-ва — 363
Ньёпор — 666
Нью-Йорк — 117, 515, 530, 548, 551, 559
Ньюфаундленд, о. — 581, 588, 605, 684, 755, 778
Ньюхейвен — 132
Нэшвилл — 516
Нюрнберг — 437

Оаху, о — 325, 328, 332, 355
Объединенные Нидерланды — 454
Огайо, штат США — 525
Одер, р. — 196, 442, 606, 662, 806, 811
Одесса — 765
Океания — 415, 764
Окинава, о. — 373, 388, 390–397, 414, 721, 823
Олдерней — 754
Олдхем — 645
Оломоуц — 433
Ольстер — 538
Омаха — 146
Оминато — 354
Омск — 340
Ондальснес — 54, 744
Опольская Силезия — 806
Орадур-сюр-Глан — 470
Оран — 218, 247, 254, 267, 311
Ораниенбург — 701
Оркнейские острова — 210
Орлеан — 164

Орн, р. — 142, 150, 155
Осака — 376
Освенцим — 806
Осло — 52, 447, 448, 451, 453, 747, 748
Оттоманская империя — 543
Оттон — 179
Ошенслебен — 98

Па-де-Кале, департамент Франции — 465
Па-де-Кале, пр. (Дуврский пролив) — 135, 140, 142, 147, 150, 155, 157, 750, 754, 782
Пазевальк — 812
Пакистан — 415
Палермо — 261, 267
Палестина — 288, 308, 655
Пантеллерия, о. — 250
Папполо — 254
Париж — 42, 69, 70, 155, 162—164, 462, 463, 465, 470, 474, 629, 661, 663, 664, 671, 676, 677, 682, 730, 731, 735, 736, 741, 742, 745, 752
Парэ-ле-Моньял — 752
Пассеро, м. — 254
Патана — 333
Пелагские острова — 250
Пенанг — 589
Пенемюнде — 97—99
Пенсильвания, штат США — 518
Перемышльский укрепрайон — 464
Перонн — 70
Персидский залив — 128, 228, 588, 599
Персия — 651
Петсамо — 736, 737
Пёлиц — 98
Пёрл-Харбор — 110, 126, 231, 321—333, 347, 349, 352, 355, 358, 409, 515, 525, 539, 657, 719, 725, 770
Пиренеи — 166
Писаровина — 489
Писса, р. — 42
Плимут — 510
По, р. — 808
Подбродские леса — 435
Польская Республика — см. Польша
Польские Фермопилы — 39
Польша — 6, 7, 10, 11, 30—32, 35, 39, 42, 43, 45—47, 76, 126, 161, 169, 171, 184, 186, 202, 414, 426, 428, 433, 437—440, 442, 469, 470, 474, 476, 526, 537, 538, 583, 606—608, 631, 654, 666, 676, 689, 696, 697, 701—704, 718, 719, 724, 729, 730, 733, 735, 748, 805, 806, 812
Померания — 30
Поморский коридор — 35
Поморье — 38, 439, 806
Пон-дю-Факс — 312
Понтарлье — 70
Понте-Оливо — 255
Портленд — 518, 754
Порт-Морсби — 351
Порт-Саид — 246, 247
Портсмут — 510
Португалия — 537, 538, 589
Потсдам — 197, 399, 664, 705, 709, 820
Прага — 104, 431, 433, 435, 437, 654, 663
Прасныш — 39
Прибалтика — 110, 643, 688
Прибалтийские страны (Прибалтийские республики) — 6
Пруссия — 606
Пултуск — 35
Пьемонт — 477, 480
Пятая республика — 683

Рабаул — 364, 373
Радом — 39
Рамри, о. — 799
Рамсгейт — 754
Рангун (совр. Янгон) — 346, 371, 372, 387, 587
Рассела, о. — 363
Ратмалан — 349
Регенсбург — 98, 101, 663
Реджо-ди-Калабрия — 267
Реймс — 171, 179, 198, 663, 704
Рейн, р. — 46, 78, 166, 169, 170, 182, 187, 189, 190, 192, 196, 553, 629, 634, 662, 671—674, 807—810
Рейнская область — 676
Ремаген — 196
Ремшайд — 102
Республика Вьетнам — 415

Республика Корея — 415
Речь Посполитая — 426
Ржев — 530, 782
Рига — 433
Риксгрэнзен — 748
Рим — 253, 264, 267, 272, 273, 476–478, 480, 589, 708, 735, 791, 803
Риттерсхоффен — 188
Родос, о. — 249, 278, 790, 801, 802
Российская империя — 550
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика (РСФСР) — 412
Российская Федерация — 12
Россия — 6, 7, 9, 12, 17, 19, 24, 39, 109–112, 116, 125, 128, 133, 225, 228, 250, 308, 312, 397, 398, 409, 426, 447, 469, 477, 510, 525, 526, 529, 530, 536, 547, 549–551, 553–555, 558, 562, 563, 565, 589, 596, 599, 606, 642, 643, 648, 650, 651, 653, 664, 682, 690, 691, 694, 696, 699–704, 706, 707, 720, 725, 729, 735, 736, 739, 740, 751, 761–763, 765, 768, 770, 773, 775, 780, 783–787, 792, 795, 798, 801, 812, 818, 823
Ростов (Ростов-на-Дону) — 775, 792
Росток — 84, 105
Роттердам — 58–60, 81, 458
Рошфор — 182, 183
Руан — 70, 86, 463, 747
Руланд — 192
Румыния — 39, 42, 104, 117, 134, 141, 169, 426, 427, 469, 483, 485, 490, 493, 494, 522, 689, 705, 709, 729, 735, 738, 757, 801
Рур — 82, 90, 91, 192, 482, 629, 634, 663, 671, 742
Рур, р. — 166, 170, 196
Рурская область — 196, 734
Рурский бассейн — 671
Рурский район (Рурский экономический район) — 91, 171
Рьюкан — 451
Рюкю, арх. — 394, 396, 414

Саар — 38, 55, 166, 169, 170, 179, 809
Саар, р. — 166, 171
Саарлаутерн — 166
Саарская область — 46
Савернский проход — 187
Сайпан, о. — 354–376, 823
Саки — 653
Саксония — 482
Салерно, залив (Салернский залив) — 267, 268, 272
Салерно, порт — 249, 254, 265–268, 480
Сало — 478
Салоники — 743, 744
Самоа, о. — 325
Самос, о. — 249
Сан, р. — 39, 42
Сандхерст — 645, 665
Санлис — 70
Санок — 438
Сан-Пьер, о. — 687
Санта-Мария, о. — 538
Сан-Франциско — 414, 447, 495, 518, 537, 703, 722
Сардиния, о. — 231, 249, 253, 254, 268, 786, 788, 791, 792
Саутгемптон — 231, 510
Сахалин, о. — 820
Саэки, зал. — 332
Сбейтла — 311
Свердловск — 564
Свободная Франция — 273, 465, 467, 468, 544, 610, 627, 678, 680, 722, 765
Св. Лючия, о. — 755
Севастополь — 84
Север — 765
Северная Америка — 238
Северная Атлантика — 221, 222, 228, 230, 238, 241, 242, 588, 763, 796
Северная Африка — 70, 86, 106, 109, 115, 117, 131, 139, 165, 217, 230, 238, 242, 247, 248, 250, 254, 255, 261, 288–290, 292, 295, 300, 305, 308, 309, 311, 312, 429, 469, 476, 564, 565, 587, 589, 605, 628, 637, 640, 642, 658, 659, 665, 667–669, 671, 680, 725, 743, 788–792, 794, 795, 799, 801
Северная Бирма — 371
Северная Буковина — 109
Северная Голландия — 458
Северная Европа — 7, 10, 429, 735

Северная Ирландия — 238, 502, 538, 539
Северная Италия — 106, 198, 264, 267, 272, 273, 476, 480, 786
Северная Малайя — 325
Северная Норвегия — 140, 765
Северная Россия — 599
Северная Словения — 491
Северная Франция — 85, 102, 125, 127, 133–135, 150, 186, 225, 227, 250, 264, 557, 596, 629, 633, 658, 765
Северное море — 155, 166, 748, 754
Северный Кавказ — 116
Северный Китай — 315, 318, 320, 373, 398
Северный Ледовитый океан — 608
Северный морской путь — 226, 783
Северо-Восточная Африка — 288
Северо-Восточная Германия — 198
Северо-Восточный Китай — 398, 399, 407, 411, 415
Северо-Западная Африка — 106, 133, 283
Северо-Западная Германия — 134, 198, 446, 447
Северо-Западная Европа — 126, 133, 614, 674
Северо-Западная Италия — 744, 745
Северо-западная Македония — 494
Северо-Западная Франция — 135, 161, 747
Седан — 58, 63, 677
Седженан — 312
Сейшельские острова — 227
Сель — 183
Сена, р. — 70, 147, 164, 470, 803
Сен-Вит — 178, 179, 182, 183, 186
Сен-Жан-Пье-де-Пор — 752
Сен-Кантен, канал — 63
Сен-Ло — 142, 157, 160, 161
Сен-Назер — 222
Сен-Сир — 675
Сенская бухта (Сены, залив) — 139, 142, 155
Сент-Люсия, о. — 581
Сент-Мер-Эглис — 150
Сен-Трон — 179
Серадз — 39
Серам, о. — 819
Сербия — 485, 487, 489, 490
Сиам — 819
Сиамский залив — 347
Сиань — 318
Сибирь — 510, 532, 590
Сиди-Баррани — 294
Сиди-Муфта — 305
Сиди-Резег– 300
Сикоку, о. — 330, 388, 389, 395
Сингапур — 126, 325, 333, 334, 339, 343, 589, 719, 751, 758, 759, 777
Сингора — 333
Синьцзян — 315
Сиракузы — 254, 261
Сирия — 63, 678, 763, 777
Сирт — 294, 791
Сицзян, р. — 318
Сицилийский пролив — 218, 250
Сицилия, о. — 91, 231, 242, 248–258, 260–264, 267, 268, 312, 477, 605, 633, 669, 788, 791, 792, 794
Сиэтл — 518
Скаген — 748
Скагеррак, пролив — 748
Скандинавия — 46, 47, 52, 54, 736, 737, 740–744, 748
Скандинавские страны — 735
Скандинавский полуостров — 47, 52, 719
Скапа-Флоу, гавань — 210, 219, 740
Сколитти — 255
Словакия — 427, 433, 435, 436, 483
Словацкая Республика — 433
Смедерево — 485, 487
Смоленск — 548
Советская Россия — см. Союз Советских Социалистических Республик
Советская Белоруссия — 806
Советская Литва — 806
Советская Россия — см. Союз Советских Социалистических Республик
Советская Украина — 806
Советский Дальний Восток — 819
Советский Союз — см. Союз Советских Социалистических Республик
Советское государство — см. Союз Советских Социалистических Республик

Советы — см. Союз Советских Социалистических Республик
Соединенное Королевство — см. Великобритания
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии — см. Великобритания
Соединенные Штаты — см. Соединенные Штаты Америки
Соединенные Штаты Америки — 5–10, 12–24, 70, 78, 91, 98, 101, 105, 106, 108–117, 124–128, 131, 134, 139, 140, 142, 147, 166, 169–171, 178, 179, 184, 186, 189, 192, 197, 199, 210, 222, 224–228, 231, 233, 235, 238, 246, 250, 251, 253–255, 261, 264, 267, 268, 273–277, 306, 309, 312, 315, 321, 324, 333, 340, 351, 358, 362–365, 370, 371, 373–375, 379, 382, 383, 387–389, 394, 395, 397–399, 403–406, 408–412, 414, 415, 428, 429, 435, 436, 439, 440, 442, 444, 447, 449–451, 455, 472, 474, 481, 482, 489, 490, 495, 511, 515, 518, 522, 525, 526, 529–532, 536–540, 543–553, 555–565, 575–584, 586–590, 594, 596, 599–601, 604, 607–611, 614, 618, 619, 623, 624, 628–630, 633, 635–638, 640–644, 648–651, 653–659, 662–664, 668, 669, 680–710, 719–722, 724–727, 735, 736, 739, 748–752, 755–762, 767–769, 771–776, 778, 779, 781, 783–785, 787, 789, 790, 792–796, 798, 800, 801, 803, 807, 809–811, 816, 819, 821, 824–826, 829, 830
Сокобань — 486
Соломоновы острова — 358, 364, 373, 799
Сомали — 288, 295
Сомма, р. — 63, 64, 70, 745, 746
Сона, р. — 752
Софафи — 294
София — 104, 483, 495, 735
Союз Советских Социалистических Республик (СССР) — 5–24, 42, 52, 64, 77, 78, 105–118, 124–128, 133, 134, 139–142, 157, 170, 192, 197, 199, 224–228, 233, 250, 254, 274, 315, 320, 321, 324, 340, 358, 363, 365, 370, 371, 374, 388, 389, 395, 397–399, 403, 404, 407–412, 414, 415, 426, 427, 429, 437, 440, 442, 444, 447, 449, 455, 464, 469, 474, 477, 483, 485, 487, 489, 490, 495, 510, 525, 526, 529–532, 536, 540, 542–549, 551–565, 579–581, 588–591, 593–601, 605–607, 609, 614, 618, 630, 635, 638, 640, 642–644, 648, 650, 654, 664, 673, 675, 678, 680–689, 691–710, 718–722, 724, 725, 727, 733, 737, 739, 743, 749, 756, 761, 762, 764–767, 770, 775, 778, 779, 783–785, 787, 793, 794, 797, 800, 801, 806, 807, 810, 819, 821, 824–826
Специя — 258
Средиземное море — 115, 131, 147, 165, 207, 214, 217, 218, 230, 231, 233, 235, 238, 242, 243, 246–249, 263, 267, 272, 274, 277, 278, 300, 312, 536, 537, 610, 629, 741–743, 754, 763, 774, 782, 787, 788, 791, 792, 794, 795, 800, 801
Средиземноморский бассейн — 799
Средиземноморский район — 799
Средиземноморье — 84, 97, 106, 108, 231, 247, 250, 267, 274, 493, 544, 588, 655, 669, 720, 725, 729, 786, 791, 801
Средний Восток — 128, 131, 228, 607, 619, 725, 773, 774, 791
Средняя Азия — 559
Ставангер — 52, 451, 740, 747
Ставело — 178
Сталинград — 12, 20, 90, 115–117, 128, 133, 228, 340, 363, 364, 429, 451, 476, 477, 530, 536, 556, 596, 642, 682, 688, 699, 720
Стамбул — 483
Старый город — 437
Старый Свет — 241, 650, 697
Стаумонд — 178
Стокгольм — 141, 540
Страна восходящего солнца — см. Япония
Страна Советов — см. Союз Советских Социалистических Республик (СССР)
Страсбург — 166, 187, 188, 196, 807, 810
Струма (Стримон), р. — 491
Судан — 288, 610, 645
Судетская область (Чехословакии) — 426
Судеты — 430
Суйюань — 315
Сукумо, зал. — 330
Суматра, о. — 343, 819
Сурабая — 343–346

Сури, замок — 376
Сурибати, гора — 376
Сус, порт — 250, 254
Суссекс, графство Англии — 667
Суэцкий канал — 106, 232, 308, 775, 777
Сфакс, порт — 250
США — см. Соединенные Штаты Америки
Сьерра, горная гряда — 518
Сюр, р. — 178
Сюри — 396
Сюррей, графство Англии — 667

Таиланд (Сиам) — 325, 333, 351, 610, 768, 779
Тайвань, о. — 339, 375, 394, 395, 412, 819
Такао, о. — 339
Такоради — 589
Танглвуд — 552
Танжер — 533, 746
Танимбар — 819
Тарава, ат. — 340, 366–369
Тарава, о. — 364
Таранто, порт — 219, 249
Тафараци — 311
Тегеран — 19, 133–135, 363, 365, 374, 642, 682, 694, 709
Тексел, о. — 458
Телепта — 311
Терзенштадт — 446
Тильбург — 58
Тимор, о. — 343, 819
Тиниан, о. — 375, 400, 405
Тирренское море — 268
Тихий океан — 109, 115, 126, 127, 131, 184, 226, 249, 274, 321, 324, 325, 330, 333, 339, 340, 351, 363–365, 370, 373–376, 386, 387, 394, 398, 399, 409, 410, 414, 587–589, 605, 607, 608, 610, 611, 628–630, 634, 657, 678, 686, 687, 720, 727, 751, 758, 759, 768, 770–772, 774, 780, 783, 787, 792, 799, 808, 810, 830
Тихоокеанский бассейн — 798
Тихоокеанский регион — 6, 108, 634, 780
Тобрук — 232, 247, 294–298, 312
Токийский залив — 411
Токио — 321, 370, 374–376, 388, 389, 394, 398, 403, 404, 408–411, 413, 414, 589, 787, 822
Тонгерен — 60
Торгау — 197, 816–818
Тоскано-Эмилианские Апеннины — 479
Трансильвания — 426
Треблинка — 433, 439, 806
Третий рейх — см. Германия
Третья республика — 70, 76
Триест — 474, 476, 606
Тринидад, о. — 581, 755
Тринкомали — 347–349
Триполи — 131, 231, 233, 267, 288, 294, 669, 739, 791
Триполитания — 294
Трир — 171, 196
Тронхейм — 52, 54, 741, 744, 747, 748
Трофайях — 472
Труа — 70
Тулон, порт — 165, 217, 264, 469
Тунис — 131, 218, 249, 253, 254, 272, 288, 306, 307, 311, 312, 610, 659, 660, 680, 791, 793, 794, 796, 800
Тур — 677, 752
Турецкая Республика — см. Турция
Турин — 477, 481
Турция — 117, 127, 228, 250, 483, 491, 529, 543–545, 606, 729, 730, 735, 738, 743, 788, 798, 801
Тчев (Диршау) — 35
Тюрингия — 481, 482

Уайт, о. — 754
Убанги-Шари (совр. Центрально-Африканская Республика) — 678
Украина — 47, 126, 510, 525, 550
Урал — 510, 555
Урт, р. — 178
Утрехт — 60, 458
Уфут-фьорд, зал. — 54
Уффализ — 178, 179, 186, 188, 189
Ухань — 320
Уэйк, о. — 325, 328, 340
Уэльс — 77

Фалез — 158, 159, 661, 671
Фарерские острова — 740
Ферт-оф-Клайд — 210
Ферт-оф-Форт — 210
Фессалоники, порт — 491, 494
Фиджи, о. — 325
Филадельфия — 531, 585
Филиппинские острова — 127, 227, 339, 375, 382, 386, 414, 721
Филиппинский архипелаг — см. Филиппинские острова
Филиппинское море — 830
Филиппины — 11, 126, 324, 325, 335, 339, 340, 351, 373, 376, 382, 386, 387, 412, 414, 415, 610, 630, 656, 657, 739, 758, 768, 823
Финляндия — 52, 117, 169, 427, 526, 529, 540, 575, 607, 609, 689, 705, 735–737
Фландрия — 101, 459
Фленсбург — 196
Флоренция — 479, 480
Флорида, штат США — 778
Фоджа — 101, 264, 268
Фонтенбло — 164
Форд, авиабаза — 330
Формоза, о. — см. Тайвань, о.
Фракия — 491
Франкфурт-на-Майне (Франкфурт) — 105, 192, 482, 664, 812
Франция — 5–7, 9–12, 16, 17, 35, 38, 42, 46, 52, 54, 55, 58, 60, 63–65, 67, 70, 76, 86, 98, 102, 103, 108, 112, 114, 115, 117, 118, 124, 125, 127, 131, 134, 135, 139–142, 147, 150, 155, 161, 166, 170, 171, 179, 183, 186, 187, 198, 207, 210, 214, 217, 218, 224–227, 241, 242, 247, 248, 253, 254, 264, 272, 275, 277, 288, 333, 412, 414, 425, 427–429, 461, 464–466, 469, 470, 472, 474, 510, 518, 522, 533, 538, 539, 542–544, 575, 576, 584, 587, 595, 596, 607, 608, 610, 624, 627–631, 638, 640, 648–650, 657–659, 661, 665, 666, 670, 675–678, 680–683, 687, 688, 693, 696, 701, 718, 719, 721, 724, 726–731, 733, 734, 736, 739, 740, 743, 745–747, 749–753, 765, 767, 782, 786, 788, 789, 792, 794, 797, 804, 812, 824–826
Французская Африка — 725, 789
Французская империя — 789
Французская Республика — 164, 187, 461, 682, 724, 728
Французская Северная Африка — 131, 790, 791
Французская Экваториальная Африка — 678
Французский Индокитай — 587, 610, 819
Французское Марокко — 533
ФРГ (Федеративная Республика Германия) — 683
Фредериксхавн — 443, 748
Фризские острова — 198, 446
Фритаун — 228, 231, 238
Фука — 308
Фултон — 655
Фюн, о. — 444
Фюрне — 666

Хабаровск — 414
Хабаровский край — 412
Хагенау — 187, 188
Хайнань, о. — 318, 333
Хайфа — 254, 666
Хайфон, порт — 587
Халфайский проход — 300
Халхин-Гол, р. — 315, 321
Хальместранд — 453
Хальфайя — 294, 295
Ханькоу — 373
Харбин — 820
Хартум — 588
Харьков — 114
Хасан, оз. — 321
Хаттен — 188
Хваль-фьорд, зал. — 238
Хелм — 39
Хельсинки — 526
Хемниц — 197
Хёхст — 98
Хикам, авиабаза — 329–331
Хиросима — 401, 404–406, 412, 721, 727, 821, 822
Хитокаппу, зал. (ныне залив Касатка) — 332
Хойнице (Конитц), ж.-д. ст. — 35

Хоккайдо, о. — 388, 389, 397
Хомс — 294
Хонсю, о. — 354, 388, 389, 394, 395
Хорватия — 427, 485, 487, 489
Хорсерёд — 444
Хунань, провинция Китая — 373

Цейлон, о. — 344, 346–349
Целебес, о. — 343, 819
Центральная Азия — 6
Центральная Америка — 719
Центральная Атлантика — 228
Центральная Бельгия — 58
Центральная Бирма — 371
Центральная Голландия — 186
Центральная Греция — 492
Центральная Европа — 5, 7, 134, 430, 483, 702
Центральная Италия — 267, 272, 273, 476, 480
Центральная Македония — 491
Центральная Норвегия — 54
Центральная Сербия — 485
Центральный Китай — 318, 373, 387
Цзилун, о. — 339
Циндао — 315
Циттау — 483

Чад — 678
Чайна-Бей — 349
Чанчунь — 820
Чахар — 315
Чекерс — 650
Ченстохов — 38
Черкассы — 459
Черногория — 485, 487, 494
Черное море — 128, 141, 228, 599, 608, 610
Четвертая республика — 682
Чехия — 430, 433, 435, 436
Чехия и Моравия, протекторат — 430
Чехословакия — 6, 10, 16, 169, 197, 414, 426, 428, 430, 433, 435–437, 471, 575, 629, 654, 706, 719, 806
Чешская республика — 430
Чиахима — 771
Чилачап — 346

Шалон — 752
Шамбуа — 160, 164
Шампань — 70
Шанхай — 312, 313
Шаньдун, провинция Китая — 315, 365
Шаньхайгуань — 315
Шарлоттенбург — 82
Шванберг — 472
Швейнфурт — 98
Швейцария — 46, 166, 170, 408, 481, 541–543, 631, 701
Швеция — 47, 52, 54, 141, 408, 409, 449, 451, 453, 491, 539–541, 607, 724, 735–738, 740, 742, 747, 748
Швече — 38
Шербур, порт — 135, 150, 155, 207, 803
Шетландские острова — 451
Шеффилд — 510
Шлезвиг — 748
Шотландия — 77, 140, 510, 645
Шпрее, р. — 483
Штейр — 101
Штеттин — 192
Штирия — 471, 472
Штутгарт — 446
Шэньси — 315

Эбен-Эмель, форт — 57, 60
Эгейские острова — 278
Эгейское море — 249, 263, 272, 491, 757, 790, 801
Эгерсунд — 451
Эдер, р. — 90
Эйпен — 171
Эль-Агейла — 294, 300, 791
Эль-Аламейн, ж.-д. ст. — 117, 247, 300–304, 308, 476, 556, 669
Эльба, о. — 268, 277, 483
Эльба, р. — 196, 197, 629, 663, 674, 684, 701, 702, 709, 816–818
Эль-Газаль — 294, 305, 308
Эльзас — 70, 166, 183, 186–189, 469, 676
Эльзас-Лотарингия — 198, 826
Эльзенборнские высоты — 182
Эль-Саллум — 295

Эмден — 86
Эна, р. — 746
Эндай — 533
Эпир — 492
Эритрея — 610
Эрфурт — 197, 663
Эссен — 84, 85, 90
Эс-Соллум, порт — 288, 294
Эстония — 109
Этна, вулкан — 261
Эфиопия — 609, 610
Эхтернах — 184

Юго-Восточная Азия — 11, 109, 127, 370, 375, 387, 399, 410, 415, 424, 559, 587, 607, 630, 722, 819
Юго-Восточная Англия — 147
Юго-Восточная Европа — 7, 11, 134, 141, 429, 483, 629, 734, 735
Юго-Западная часть Тихого океана — 607, 611
Югославия — 10, 16, 169, 426, 428, 483–485, 487, 489–492, 494, 495, 610, 654, 706, 722, 735, 742–744, 792, 794, 801
Южная Азия — 785
Южная Америка — 228, 276, 763
Южная Англия — 77, 135, 618, 765
Южная Атлантика — 588, 589, 763
Южная Африка — 242, 558, 577, 688
Южная Германия — 196, 197, 472, 542
Южная Добруджа — 426
Южная Европа — 565, 792
Южная Ирландия — 539
Южная Италия — 263–265, 267
Южная Каринтия — 471
Южная Каролина, штат США — 725, 776
Южная Румыния — 757
Южная Франция — 101, 164, 165, 248, 254, 264, 671, 786, 788
Южно-Африканский Союз — 609
Южно-Сахалинская область — 412
Южные Альпы — 786
Южные моря — 364, 767, 774
Южный Кавказ — 116
Южный Китай — 373, 387
Южный Сахалин — 393, 398, 412
Юи — 178
Юннань (Юньнань), провинция Китая — 587
Ютландия, п-ов — 444, 748

Ява, о. — 340, 342–347, 382, 386, 819
Яванское море — 343, 344, 346
Ялта — 192, 397, 644, 651, 701, 705, 709
Ямайка, о. — 581, 755
Ямато, империя — 394
Яньань — 810
Япония — 5, 9, 11, 19, 86, 105, 108, 110, 111, 113, 115, 117, 126, 128, 133–135, 192, 231, 233, 274, 312, 315, 318, 320, 321, 324, 325, 328, 333, 339, 340, 346–348, 351, 354, 358, 363–365, 370, 371, 373–376, 382, 386–389, 394, 395, 397–399, 403–407, 409–412, 414, 415, 518, 594, 600, 605–607, 610, 611, 628, 635, 636, 639, 642, 657, 658, 686, 689, 691, 696, 699, 700, 702, 704, 706, 707, 709, 719–722, 724–727, 739, 751, 756, 759, 763–765, 767, 768, 770–776, 779, 784–787, 792, 798, 799, 810, 819, 821, 823, 827, 830
Японская империя — 410, 787
Японские острова (Японский архипелаг) — 373–376, 388, 389, 394, 396–398, 403, 405, 407, 408, 412, 635, 721

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ 13

Российская историография антигитлеровской коалиции 13
Зарубежная историография антигитлеровской коалиции 20

ВООРУЖЕННАЯ БОРЬБА НА ЕВРОПЕЙСКОМ ТВД 30

Начало Второй мировой войны 30
Падение Франции и оборона Великобритании 55
Действия стратегической авиации союзников 78
Взаимодействие союзников по антигитлеровской коалиции в первый период Великой Отечественной войны 105

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ 124

Политическое и военное решение проблемы второго фронта 124
Высадка в Нормандии и наступление во Франции 142
Завершающие операции союзников в Европе 166

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В АТЛАНТИКЕ И НА СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ 207

Борьба в Атлантике и на Средиземном море в первом периоде войны 207
Действия флотов в Атлантике и на Средиземном море в 1942–1943 гг. 233
Высадка союзников на Сицилии и вывод Италии из войны 250
Окончание битвы за Атлантику и войны на Средиземном море 274

БОРЬБА В АФРИКЕ И АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ 288

Боевые действия в Северной Африке 288
Начало вооруженной борьбы в Азиатско-Тихоокеанском регионе 312

Боевые действия на Тихом океане и в Азии 340
Итоги войны на Азиатском континенте и окончание Второй мировой войны 375

АНТИФАШИСТСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ В ЕВРОПЕ 425

Коллаборационизм и движение Сопротивления в европейских странах 425
Сопротивление в странах оси 473
Балканский фронт 483

ОБЩЕСТВО И ЭКОНОМИКА СОЮЗНЫХ И НЕЙТРАЛЬНЫХ СТРАН В ГОДЫ ВОЙНЫ 502

Британское общество в годы войны 502
Американское общество в годы войны 515
Положение в нейтральных странах в период Второй мировой войны 532
Наука и культура стран большой тройки 545

ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО СОЮЗНИКОВ ПО АНТИГИТЛЕРОВСКОЙ КОАЛИЦИИ 575

Решение США проблемы оказания экономической помощи своим союзникам 575
Экономическая помощь США Великобритании и другим странам 581
Военно-экономическое сотрудничество с СССР 589

ПОЛИТИЧЕСКОЕ И СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЮЗНИКОВ 604

Создание коалиционных органов военно-политического руководства 604
Коалиционное руководство вооруженной борьбой и особенности военного искусства 609
Государственные и военные деятели союзных стран 638
Послевоенное устройство на повестке дня 683
От союзнических отношений к конфронтации 697

Заключение 718

Перечень документов 724
Приложение 1 728
Приложение 2 824

Именной указатель 831

Географический указатель 842

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ДЕВЯТЫЙ

Союзники СССР по антигитлеровской коалиции

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Э. А. Суровый*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 18.08.14. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 10 000 экз. Заказ № .

Отпечатано в соответствии
с предоставленными материалами
ООО «ПОЛИГРАФ-СЕРВИС»
105005, г. Москва, ул. Фридриха Энгельса, д. 28-30, корпус 1, помещение 014П

